"Вельяминовы – Дорога на восток. Книга первая"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Нелли Шульман

Вельяминовы — Дорога на восток

Книга первая

Пролог

Бостон, декабрь 1773 года

Золоченый кузнечик на башне Фанейл-холла вертелся под сильным ветром с моря. Небо было темным, по нему чередой шли мрачные, рваные тучи. Корабли в гавани, поскрипывали, качаясь на легкой волне. Сыпал острый, мелкий снег, таявший на булыжниках площади.

Меир Горовиц поежился. Замотав вокруг шеи шерстяной, грубой вязки шарф, засунув руки в карманы редингота, юноша стал взбираться по узкой улице, что вела в сторону Бикон-Хилла.

В городе, — он на мгновение остановился и прислушался, — было тихо, только внизу, у порта, гомонили в тавернах моряки.

— Слишком тихо, — подумал юноша. Нащупав зашитые в подкладку редингота письма, он усмехнулся: «Впрочем, так и надо. Нечего привлекать внимание раньше времени».

Он поднял голову — маленький, двухэтажный, под черепичной крышей домик, — красного кирпича, стоял на углу Бикон-стрит. Меир увидел медную табличку: «Доктор Элайджа Горовиц. Прием без записи».

— Хаим не поменял еще, — Меир стянул зубами перчатку и нежно погладил табличку. «Папа, папа, вот и похоронили тебя. В Ньюпорте, как и маму, рядом с ней». Он вздохнул, вспомнив золотые, алые кроны деревьев, зеленую траву вокруг серых надгробий и стройный силуэт белокаменной синагоги за воротами кладбища.

Дверь внезапно распахнулась. Он услышал восторженный визг: «Братик! Приехал!»

— Ханука же, — ворчливо сказал Меир, целуя младшую сестру, что повисла у него на шее. «И я обещал».

Мирьям встряхнула каштаново-рыжими косами и стала считать на пальцах: «На обед будет рыба жареная, курица, — я к мистеру Лопесу ходила, он сразу десяток зарезал, холодно же, долго пролежат, тыквенный суп и пирог миндальный. Я кое-что тебе с собой дам, как в Нью-Йорк поедешь, ты же кое-как там обедаешь, наверное?»

Меир посмотрел в синие, серьезные глаза: «У меня же патрон, дорогая сестра, а у патрона — семья. Миссис Леви отлично готовит, так что я не похудел».

— Не похудел, — раздался с порога голос старшего брата. Хаим Горовиц, — высокий, светловолосый, с темно-серыми, как грозовая туча, глазами, стоял, прислонившись к косяку двери. Он наклонился и поцеловал каштановые кудри Меира. «Как там наш будущий таможенный брокер — справляешься?»

— Мистер Леви меня хвалит, — Меир подышал на руки. В тепле передней они стали немного согреваться: «Так что не ругай меня, что я не пошел в университет. Как твои занятия?»

— Может, еще и решишь учиться, — Хаим подтолкнул младшую сестру к гостиной. «Иди,

приготовь там все, Мирьям, мы сейчас».

Девочка закатила глаза, и, выпятив губу, закрыла за собой дверь.

— Четырнадцать лет, что ты хочешь, — пожал плечами Хаим и вдруг подумал: «А мне самому — восемнадцать. Ну что делать, папы больше нет, значит теперь и Меир и Мирьям — на моих плечах».

— Занятия хорошо, — Хаим посмотрел в окно, за которым не было ничего, кроме темноты и бьющегося в мелкие переплеты стекла снега. «В следующем году сдаю экзамены и смогу уже сам принимать пациентов. Пока-то я доктору Абрахамсу ассистирую, ты помнишь его, друг отца».

— А что, — Меир устроился на каменном подоконнике, и взглянул на брата сине-серыми, большими, красивыми глазами, — как у вас там, в Гарварде, заставляют евреев ходить в субботу на занятия? В университете Род-Айленда этого не требуют, мне патрон рассказывал, он ведь его заканчивал.

— Не заставляют, — рассеянно ответил Хаим. Он тут же, сварливо, добавил: «Вот видишь, мистер Леви учился в университете, а ты не хочешь».

— Я лучше буду деньги зарабатывать. Вот этим, — Меир постучал по голове, накрытой черной, бархатной кипой. «Еще же Мирьям приданое надо дать, не забывай. Так что ты спросить собирался?»

— Где же этот курьер из Нью-Йорка? — подумал Хаим. «Мистер Адамс сказал — не сегодня-завтра должен появиться».

— Скажи мне, — небрежно спросил старший брат, — а кто с тобой ехал, в почтовой карете?

— Вдова священника из Пенсильвании с тремя детьми, спившийся стряпчий, и торговец галантереей, — отчеканил младший брат. «Евреев не было, если тебя это интересует».

— Хорошо, — вздохнул Хаим. Мирьям, высунувшись из гостиной, позвала их: «Все готово!»

Меир вспомнил, как отец зажигал свечи, — сдвинув очки на кончик носа, шепча молитвы. Найдя руку младшей сестры, юноша пожал ее. Мирьям чуть слышно всхлипнула: «Первая Ханука без папы, братик».

— Она же мать почти не помнит, — понял Меир. «Четыре года ей было, как мама умерла. А мне — шесть. И опять, — он услышал красивый, низкий голос старшего брата, что произносил благословение, — опять сироты. Господи, ну только бы все хорошо было».

— Амен! — звонко сказала Мирьям и запела: «Ма оз цур иешуати, леха ноэ лешабеах…»

— Тикон бейт тфилати, вешам тода незабеах, — присоединился к ней Меир. Старший брат поправил свечи. Глядя на два огонька, что трепетали, бились в подсвечнике, обняв их за плечи, он тоже запел.

Мирьям сидела с ногами в кресле, орудуя иголкой. «Чулки я тебе все перештопаю, — сердито сказала она, — сразу видно, сам зашивал. И рединготв пятнах, завтра их с утра сведу, а ты спи».

Меир облизал пальцы и взял еще одно пирожное: «Очень вкусный был обед, сестренка. Гораздо лучше, чем у миссис Леви, — он улыбнулся. Мирьям, покраснела: „Хотелось, чтобы вы поели, как следует, Хаим ведь тоже — он три дня в университете, а два — доктору Абрахамсу помогает, там и обедает, у него. Он тоже — вдовец, Абрахамс, так что я и ему готовлю“.

— А учишься ты когда? — Меир скосил глаза на тетради и книги, что лежали на столе.

— С утра, к миссис Хэнкок хожу, с другими девочками, — Мирьям улыбнулась. „Ты навести ее, она всегда рада своих бывших питомцев увидеть. А после обеда — с миссис Франклин занимаюсь, акушеркой“.

— Надо будет ночью встать, письма из редингота вынуть, — подумал Меир, глядя на сосредоточенное, хорошенькое лицо сестры. „Мирьям, если спросит, скажу, что подкладка распоролась. Этот мистер Адамс меня будет ждать завтра, в Фанейл-холле, у третьей лавки по левую руку. В десять утра. Не проспать бы, вот что“.

Он зевнул и попросил сестру: „Ты меня в девять разбуди, Мирьям, хорошо?“

— Это еще зачем? — удивилась она, складывая заштопанные чулки. „Спи себе, сколько хочешь“.

— Соскучился по Бостону, — зевнул Меир, — прогуляться хочу, а то сейчас зима, темнеет рано.

— Ну, хорошо, — Мирьям пожала плечами: „Дай мне мешочек для рукоделия, там, рядом с кроватью лежит“.

Брат потянулся за тонким, вышитым мешочком. Неловко повернувшись, юноша выпустил его из рук. Мотки ниток упали на пол, за ними последовал кусочек шелка. Меир спросил, глядя на аккуратно нашитые рядом, белые и красные полосы: „Это что еще такое?“

— Так, — сестра отчаянно зарделась и стала собирать рукоделие, — просто, практиковалась.

— Ну-ну, — только и ответил Меир. Он встал и подошел к окну. Отсюда, с Бикон-Хилла, вся гавань была, как на ладони. Юноша посмотрел на тусклую, маленькую луну, что висела над океаном, на темные силуэты британских кораблей, и подумал: „Скоро“.

Меир оглянулся, и, постучав медным молотком в крепкую, деревянную дверь, сказал, услышав какой-то шорох: „Я к мистеру Эдесу, насчет печати визитных карточек“.

Крепкий, невысокий мужчина, что открыл ему, поежился от вечернего, острого холодка. Он кивнул на узкую лестницу, что вела вверх: „Проходите“.

Меир снял черную шляпу. Поправив кипу, он оглядел кассы со свинцовыми литерами, и печатные машины: „А что, это правда — типография?“.

— Нет, — сочно ответил Бенждамин Эдес, — я просто так тут все поставил, чтобы ввести в заблуждение британцев». Он подтолкнул Меира: «Идите, Ягненок, вас там уже ждут. Я сейчас закрою и тоже поднимусь».

В длинной, узкой комнате был зажжен камин, но мужчины, что сидели вокруг деревянного стола, не снимали перчаток. «Очень холодно, да, — подумал Меир и вдруг усмехнулся: „Как это мне Мак-Дугал и Сирс сказали: „Будешь Ягненком, уж больно лицо у тебя невинное. Там, в

Бостоне, люди опытные, больше, чем нужно, спрашивать не будут“.

Сэмуэль Адамс поднялся. Подав ему руку, мужчина обернулся: „Вот, господа, мистер Ягненок, наш доверенный курьер. Письма, которые он привез, вы уже читали, но ему велели еще кое-что передать на словах. Хотите пунша, Ягненок? — он кивнул на серебряную чашу, откуда поднимался легкий пар.

— Мне нельзя, — извиняющимся голосом сказал Меир, указав на свою кипу. — Вам сколько лет? — вдруг поинтересовался кто-то из мужчин.

Меир покраснел, и присел к столу: "Шестнадцать. Я просто маленького роста, господа, но вы не думайте — он поднял серо-синие глаза, — я уже взрослый".

— Да, — усмехнулся еще один мужчина, — изысканно одетый, с напудренными волосами, — у вас же взрослыми в тринадцать становятся, мы знаем. Меня зовут доктор Бенджамин Раш, я здешний, — мужчина обвел рукой комнату, — врач, так сказать. Ну, так что за новости вы нам привезли?

— Может быть, подождем, — осторожно предложил еще один мужчина, — тоже невысокий, с острыми, серыми глазами. "Должен прийти мой клерк и еще кое-кто. Они несут то, что нам понадобится в гавани".

— Ничего, Джон, — улыбнулся Сэмуэль Адамс, — я потом им сам расскажу. Они, наверняка, еще заниматься не закончили, все-таки студенты. Давайте, Ягненок, — он похлопал Меира по плечу.

Юноша закрыл глаза, вспоминая, и начал говорить — четким, звонким, голосом: "Мы, Ассоциация Сынов Свободы в Нью-Йорке, этим воззванием подтверждаем свое неприятие "Чайного Закона". Любой, кто помогает в проведении этого закона в жизнь, является врагом американских свобод, и мы призываем не вести никаких дел с такими людьми, не нанимать их на работу, и порвать с ними всякие связи".

Меир замолчал и добавил: "Это из листовки, которую мы выпустили в Нью-Йорке. Пять сотен экземпляров разбросали и расклеили по городу. Я хотел взять образец, но капитан Сирс сказал — слишком рискованно".

— И правильно сказал, — пробурчал Сэмуэль Адамс. "Письма-то шифрованные, а если бы вас, Ягненок, поймали с листовкой…, Ну ничего, — он подмигнул, — мы здесь свою напишем и напечатаем".

— У вас хорошая память, — заметил сероглазый мужчина, подавая руку Меиру. "Меня зовут Джон Адамс, мы с Сэмуэлем троюродные братья. Я юрист, судья, тут в Массачусетсе".

— Я о вас слышал, мистер Адамс, — восторженно отозвался Меир. "Это вы написали статью, в которой доказали, что колонии не должны подчиняться решениям Парламента, а только лишь воле короля. В прошлом году, я ее читал".

— Слава Джона уже и до Нью-Йорка дошла, — развел руками Сэмуэль Адамс. "Так, значит, вы и шифры можете запоминать, Ягненок?"

— Я ведь с цифрами имею дело, — Меир подышал на замерзшие руки. "Смогу, конечно. Господа, — он поднял большие глаза, — вы только не отправляйте меня сразу в Нью-Йорк, дайте поучаствовать в том, что вы тут готовите, в гавани".

— Даже и не думайте, — прервал его доктор Раш. "У нас много горячей молодежи, и мало — тех, кто может тихо и незаметно работать на благо революции. Так что даже и не думайте, в порт мы вас не пустим, Ягненок".

В комнате вдруг повисло молчание. Сэмуэль Адамс осторожно повторил: "Революция. Вот, господа, мы все и сказали. Давайте, Ягненок, поможете нам составить листовку, — он потянул к себе бумагу и перо.

Хаим Горовиц остановился у таверны. Вглядевшись в метель, он рассмеялся: "Наконец-то!" Высокий, русоволосый юноша, стряхнул снег со шляпы. Сняв перчатку, подав ему руку, он, нехотя сказал: "Отец мой приехал, с младшим братом. Пришлось высидеть весь обед, включая десерт и пунш".

Хаим оглядел друга: "Они же вроде не собирались сюда, до весны, ты говорил".

Дэниел Бенджамин-Вулф вздохнул: "Не собирались. Только у отца тут какая-то деловая встреча, ну, он и Мэтью заодно с собой взял, показать ему Бостон. Не все же на плантациях сидеть".

— Одни они здесь? — осторожно спросил Хаим, когда юноши уже шли к типографии Эдеса.

— Мой отец, — мрачно отозвался Дэниел, — никогда не ездит один, ты же знаешь. Пять человек привез, прислуживать им с Мэтью. Глаза бы мои на это не смотрели, Хаим. Я же с двенадцати, как уехал учиться, дома не живу. И на каникулы туда, в Виргинию, не возвращаюсь. Уже шесть лет как. Не могу это видеть, — он в сердцах стукнул молотком по двери типографии и вдруг улыбнулся: "Флаг-то сшила твоя сестра?"

— А как же, — Хаим похлопал по карману редингота: "Интересно, что там за курьер из Нью-Йорка?"

Эдес распахнул дверь и ворчливо сказал: "Еще бы в полночь явились, мы вас заждались уже. Все здесь, проходите".

— Занятия, — виновато пожал плечами Хаим. Дэниел добавил: "Я с отцом обедал, мистер Эдес, он ненадолго в Бостон приехал. А у вас холодно, — юноша скинул редингот.

— Ничего, скоро во всем Бостоне жарко будет, — усмехнулся печатник и подогнал их: "Быстрее, мы закончили листовку составлять, сейчас будем обсуждать то дело, в гавани, так что вы как раз вовремя".

Хаим обвел глазами сидевших вокруг стола мужчин и недоуменно подумал: "А где же курьер? Я тут всех знаю".

— Позвольте вам представить, — раздался сзади голос Сэмуэля Адамса, — доверенный курьер "Сынов Свободы", мистер Ягненок. А это наши люди в Гарварде, — мистер Бенджамин-Вулф, он будущий юрист, и мистер Горовиц, — он станет медиком. Как там у нас флаг, мистер Горовиц, готов?

— Да, — застывшими губами сказал Хаим, глядя сверху вниз в сине-серые, невинные глаза младшего брата. Юноша достал из кармана редингота шелковое полотнище. Адамс благоговейно принял его, и погладил большой ладонью красно-белые полосы: "Вот его мы и поднимем в гавани, господа. Знамя нашей свободы. А что же вы не здороваетесь, мистер

Горовиц? — удивился мужчина.

Хаим подал руку младшему брату, и с удовольствием увидел, как тот густо покраснел.

— Дома я с тобой еще поговорю, — одними губами пообещал юноша. Он сел за стол рядом с Дэниелом: "Мы с мистером Бенджамин-Вулфом готовы действовать, господа. И еще три десятка человек студентов, по меньшей мере".

— Давайте обсуждать, — велел Сэмуэль Адамс. Хаим, искоса взглянув на Меира, что сидел напротив, опустив голову, услышал шепот друга: "А этот Ягненок на тебя похож".

— Это мой младший брат, — зло ответил Хаим, — он с четырнадцати лет в Нью-Йорке живет. Пороть его просто некому, вот Мэтью твоему — тоже шестнадцать, однако он никуда не лезет.

— Лучше бы лез, — заметил Дэниел. Вздохнув, услышав голос Адамса, он спохватился: "Мы можем переодеться индейцами, мистер Адамс, для того, чтобы нас не узнали".

— И для того, — помолчав, добавил Хаим, — чтобы все видели — это дело рук американцев. Свободных граждан свободной страны, господа.

Чуть потрескивали дрова в камине. Сэмуэль Адамс, поворошив их кочергой, усмехнулся: "Через шесть дней "Дартмут" должен либо разгрузить чай, на который мы будем платить пошлины…"

— Этого не будет, — коротко сказал Джон Адамс. "Иначе все, что мы делаем, — он обвел рукой комнату, — не имеет смысла. Сказано же: "Нет налогов без представительства", а кто и когда видел наших депутатов в британском парламенте?"

— Либо, — Сэмуэль выпил пунша, — губернатор Хатчинсон и его правая рука, небезызвестный лорд Кинтейл, должны будут отправить "Дартмут" обратно в Англию. Чего они, конечно, не сделают.

— Тогда чай будет лежать на дне бостонской гавани, — спокойно сказал Дэниел. "Это мы с мистером Горовицем вам обещаем, господа".

Они шли, молча. Только у поворота на Бикон-Хилл Дэниел сказал: "Завтра увидеться не удастся. Отец меня, и Мэтью на целый день в деревню увозит, знакомиться с этим его деловым партнером".

Он вздохнул, и, пожав руку Хаиму, шепнул ему на ухо: "Не ругай ты его так, а то уже чуть не плачет". Юноша обернулся. Посмотрев на брата, что, засунув руки в карманы, разглядывал гавань, Хаим подумал: "Чуть не плачет! Мальчишка, а туда же".

— Он нас всего на два года младше, — мягко сказал Дэниел. "Мирьям ведь тоже — флаг шила".

Хаим посмотрел в сине-зеленые, красивые глаза друга и сердито заметил: "Ты не сравнивай, если бы британцы его поймали…"

— Но ведь не поймали же, — раздался дерзкий, юношеский голос. "И не поймают".

— Язык прикуси, — посоветовал Хаим младшему брату. Вскинув голову, он прислушался: "Всадники какие-то".

mir-knigi.org

Мужчина на красивой, вороной лошади, в военной форме, появился из-за поворота. Не глядя вокруг, вскинув черноволосую, чуть припорошенную снегом голову, он проехал мимо, в сопровождении наряда солдат — в алых мундирах. Дэниел проводил глазами тусклый блеск золоченого эфеса шпаги и шепнул другу: "Лорд Кинтейл. Двадцать три ему, а смотри — уже правая рука губернатора".

— Скоро, — ехидно заметил Меир, так и не поворачиваясь, — мы его скинем в море. Вместе с губернатором Хатчинсоном, и другими британцами. Тут им не Ольстер, мы не позволим себя ногами топтать.

— До свидания, мистер Ягненок, — усмехнулся Дэниел, подавая ему руку. "Мы с вами еще увидимся".

— Непременно, — юноша лукаво улыбнулся. Дэниел подумал: "И, правда, мальчик еще совсем. Хорошо, что он в гавань не пойдет. Вряд ли британские капитаны будут стрелять, но все равно — не стоит".

Посмотрев вслед высокой, стройной фигуре друга, что уже скрылась в морозном тумане, Хаим вздохнул и обнял младшего брата: "Ты взрослый человек, Ягненок, по нашим законам. Я тебе ничего запретить не могу. Только, пожалуйста, будь осторожней".

Меир кивнул: "Если бы у меня был, кинжал…Мирьям мне его отдаст, если ты ее попросишь".

— Вот этого, — резко ответил Хаим, идя вверх, по крутой улице, — я точно делать не буду. Вози письма, и не лезь на рожон, Ягненок.

Меир грустно поддел носком потрепанного сапога какой-то камушек и поспешил вслед за братом.

Дэниел остановился у постоялого двора. Вскинув голову вверх, юноша посмотрел на ярко освещенные окна второго этажа. "Это отец, — напомнил он себе, — все равно, каким бы он ни был. Я могу его не любить, но Писание говорит, что его надо уважать. И Мэтью, — он тем более ни в чем не виноват".

Нижний зал был пуст. Он услышал голос из-за стойки: "Ваш батюшка, мистер Дэниел, изволит слушать музыку, вместе с мистером Мэтью. Они в карты играют. Желаете, я еще бутылку вина наверх пошлю, раз вы пришли?"

Дэниел снял заснеженный редингот. Скинув шляпу, встряхнув русыми, не напудренными волосами, он оправил изящный, серый сюртук.

— Нет, спасибо, мистер Брэдли, — улыбнулся юноша. Тяжело вздохнув, Дэниел стал подниматься по лестнице.

— Руки чистые, — остановился он под свечой, что была вставлена в фонарь, — ну, пятна от чернил, но я, же клерк у судьи, в конце концов. И студент. Ничего подозрительного.

Он постучал. Услышав, как чьи-то нежные пальцы заканчивают сонату, Дэниел сказал негру в ливрее: "Ничего, мистер Томас, я сам пройду".

В гостиной было жарко натоплено. Дэниел, остановившись на пороге, увидел открытую бутылку бордо, что стояла на круглом столике черного дерева перед отцом. Дэвид Бенджамин-

mir-knigi.org

Вулф поднял красивые, карие, чуть покрасневшие глаза: "Явился, я же напоминал тебе — не опаздывать, нам завтра рано выезжать".

— Я не опоздал, — примирительно заметил Дэниел. Наклонившись, поцеловав золотистую голову младшего брата, заглянув в его карты, он что-то шепнул.

— И не подсказывай Мэтью, — усмехнулся отец, подвигая старшему сыну серебряный бокал. "Играй еще, Тео, — велел он девушке, что сидела у клавесина. Та склонила кудрявую, черноволосую голову. Дэниел недоуменно посмотрел на отца.

— Это, кстати, не клавесин, — отец чуть зевнул. "Сегодня ездил на таможню, забрал. Называется — фортепиано, работы мастера Штейна, из Аугсбурга. В подарок кое-кому приготовил". Дэвид поднялся и ласково погладил темно-зеленую, с бронзовой отделкой, крышку: "Таких инструментов в колониях — по пальцам пересчитать можно".

Девушка привстала, и, поклонившись, шепнула: "Здравствуйте, мистер Дэниел".

Юноша взглянул на смуглые, зарумянившиеся щеки, на черные, большие глаза. Дэвид Бенджамин-Вулф рассмеялся:

— Да, ты же не помнишь ее, наверное. Как ты учиться отправился, ей восемь лет было, а сейчас видишь — выросла. С обозом приехала вчера, что за нами шел. Надо же, чтобы в комнатах кто-то прислуживал, и причесывает она хорошо. Ну, — он потрепал девушку по голове, — и музыкантша отменная. Теперь, Тео, — приказал он, опускаясь в кресло, — Генделя. А потом приготовишь постель мистеру Дэниелу.

Юноша посмотрел на длинные пальцы, что бегали по клавишам, на стройную, в простом, шерстяном платье спину девушки. Отпив вина, Дэниел зло подумал: "Господи, сколько же их у отца? Пять тысяч, он же хвалился. Самый богатый рабовладелец Виргинии".

Он незаметно посмотрел на младшего брата, — Мэтью сидел, закинув ногу за ногу, шлифуя отполированные, розовые ногти кусочком замши. Он поймал взгляд Дэниела. Усмехнувшись, прикрыв карие глаза длинными, темными ресницами, подросток приложил тонкий палец к губам.

Двое всадников ехало по заснеженной, освещенной лучами утреннего солнца, равнине. Вдали, у излучины реки, виднелся дом — красного кирпича, с обрамленным белыми колоннами входом. Стекло в мелких переплетах окон играло, переливалось золотистыми искорками.

Девочка, — в бархатной, темно-зеленой, отороченной мехом амазонке, в беличьей шапочке на бронзовых косах, уверенной рукой остановила свою рыжую кобылку: "Папа, не отставай!"

— Извини, счастье мое, задумался, — Теодор де Лу нагнал дочь. Посмотрев на нежный румянец на ее щеке, он вздохнул: "Надо с ней поговорить. Акадия — это одно, а тут — совсем другое. Еще этот Бенджамин-Вулф приедет сегодня, наверняка — с рабами".

Мужчина погладил аккуратную, с легкой проседью, каштановую бороду: "Марта…, Помнишь, когда мы приезжали за покупками в Монреаль, ты видела там чернокожих людей?"

— Ну да, — недоуменно ответила девочка, поигрывая красивым хлыстиком с резной ручкой, — ты же мне сказал, папа, что они из Африки. И на карте я его нашла, этот континент. Оттуда возят золото, драгоценные камни и слоновую кость. В Бостоне я тоже их видела, чернокожих.

Это африканские купцы, да? — Марта подняла прозрачные, зеленые глаза и встретилась с взглядом отца — мягким, понимающим.

— У папы глаза — как будто лазурь небесная, — смешливо подумала девочка. "А у мамы зеленые были, как изумруд, я помню. И волосы у меня такие же, как у нее".

— А все моя вина, — зло подумал Теодор де Лу, наклонившись, поправив на дочери воротник короткой шубки. "До двенадцати лет держал ребенка на фактории. В глуши, где, кроме индейцев и охотников, никого не было. Конечно, после того, как Мари умерла, от чахотки, я боялся за Марту. Пять лет ей было, как мать потеряла. Вот и увез девочку в леса. Так теперь отвечай".

Он стиснул зубы: "Марта, милая, ты должна кое-что знать…"

Дочь слушала, а потом изумленно прошептала: "Папа, ну как же так? Ведь в Писании сказано: "Провозгласите свободу по всей земле". И еще сказано: "По образу и подобию создал Он их". Эти люди, из Африки, они ведь такие же, как мы, просто цветом отличаются. Как индейцы дома, в Акадии".

— Правильно, — согласился Теодор. "И у меня никогда не было рабов. Ни у кого в нашей семье не было, и не будет. Но тут, — он пожал плечами, — тут они есть, милая. Я просто хотел тебя предупредить".

Марта хмыкнула. Поджав тонкие губы, вынув из расшитой серебром кобуры изящный пистолет, девочка попросила: "Папа, поедем к мишеням, пожалуйста".

— Что, — усмехнулся мужчина, — после моего рассказа будешь стрелять и представлять, что перед тобой — рабовладельцы?

— Буду, — холодно сказала Марта. Пришпорив свою лошадь, она унеслась вперед.

Уже когда они ехали к дому, дочь спросила: "А что у нас за гости, папа? Ты говорил — какой-то твой партнер, деловой?"

— Мистер Дэвид Бенджамин-Вулф, — ответил отец, — из Виргинии. Он плантатор, выращивает табак. Раз уж мы теперь в Бостоне, дочка, то надо торговать американскими товарами. Хотя, честно говоря, — Теодор улыбнулся, — я больше привык к мехам. И его сыновья, Дэниел и Мэтью. А еще лорд Кинтейл, помощник губернатора Хатчинсона. Ты же помнишь, губернатор приглашал меня обедать. Простая вежливость требует, чтобы я тоже — позвал кого-то из администрации.

— Ну да, — пробурчала девочка. Спрыгнув на землю, она улыбнулась слуге: "Я сама расседлаю лошадей, мистер Блэк, спасибо".

Марта зашла на конюшню. Скинув шубку, засучив рукава платья, она взяла скребок: "Сейчас как следует, почистимся, милая!"

Она вдохнула запах опилок и конского пота. На мгновение, закрыв глаза, девочка вспомнила большой, низкий обеденный зал фактории.

— Мадемуазель Марта! — услышала она голос кого-то из старых охотников. " Un excellent diner, tout comme a Paris!". За деревянными ставнями лаяли собаки, пахло жареным мясом. Марта, высунув голову на заваленный сугробами двор, увидев микмаков, что въезжали в ворота,

крикнула: " Mewliagowei gissgatteg!"

— Это очень хорошо, что обед готов, — отец спешился и поцеловал ее в лоб. "А то мы с вождем очень проголодались!"

Девочка вздрогнула. Обведя глазами конюшню, она прижалась щекой к гриве своей лошадки. "Хочу домой, — тихо сказала Марта. "Домой, на север".

Дэвид Бенджамин-Вулф оглянулся на карету, что медленно ехала по узкой дороге: "Надеюсь, фортепиано не расстроится. Этот де Лу говорил, что дочь его хорошая музыкантша — им должен понравиться подарок. И Тео может нам поиграть — правильно я сделал, что велел управляющему ее сюда послать".

— Долго еще? — услышал он недовольный голос старшего сына.

— Нет, — коротко ответил мужчина. Он осадил коня у окошка кареты: "Мэтью, ты как?"

— С Тео в карты играем, батюшка, — рассмеялся младший сын. Дэвид взглянул на медную жаровню, что стояла между сиденьями. Вдохнув запах кедра, он озабоченно спросил: "Не холодно тебе?"

Юноша похлопал рукой по меховой полости: "Ну что вы, батюшка!"

— А Мэтью, я смотрю, на коня и не садится, — ядовито заметил Дэниел, когда отец поехал рядом с ним.

— Тут не Виргиния, — заметил Дэвид, — ему холодно. Ты тут шесть лет прожил, а Мэтью — в первый раз приехал. Так вот, об этих де Лу…

Дэниел поднял ладонь: "Папа, я не буду ухаживать за девочкой тринадцати лет. Тем более, что я ни разу ее еще не видел. Хватит об этом, я хочу нарушить семейную традицию, и жениться не на земле, и не на деньгах, а по любви".

— Мальчишка! — прошипел отец. Схватив поводья лошади Дэниела, отец резко остановил ее. "У этого Теодора де Лу золота столько, что он может купить весь Бостон, а на сдачу — Нью-Йорк. И губернатор его привечает. Его семья там, в Акадии, оказала много услуг англичанам. Так что, будь любезен, заткнись, делай, что я говорю, и через три года надень кольцо на палец этой Марте. Обсуждать тут нечего".

Дэниел посмотрел на красивый, высокий дом, что поднимался впереди них, на холме. Ничего не ответив, вырвав у отца поводья, юноша рысью поехал вперед, к изящным, кованым воротам поместья де Лу.

В просторной, отделанной белым мрамором гостиной горел камин. Языки пламени отражались в натертом, блестящем паркете палисандрового дерева. Теодор де Лу разлил вино по бокалам: "Моя дочь переодевается, сейчас придет. Большое вам спасибо за подарок, мистер Бенджамин-Вулф, я видел такие инструменты в Европе, но не думал, что они есть в колониях".

— Ну что вы, — отозвался мужчина, — это простая любезность, дорогой Теодор. И называйте меня Дэвидом, раз мы теперь с вами партнеры. Может быть, — он кивнул на дверь, — мисс Марте требуется помощь? Я как раз привез с собой рабыню для домашних услуг. Тео отлично

причесывает и вообще — прекрасная горничная.

Теодор де Лу посмотрел на высокую, стройную девушку. Она стояла на пороге, опустив изящную, черноволосую, голову, спрятав руки под аккуратным холщовым передником.

— Нет, спасибо, Дэвид, — он улыбнулся, — моя дочь выросла на фактории, в лесной глуши, без слуг, и привыкла справляться со всем сама.

— Тогда иди, Тео, — махнул рукой Дэвид, — настрой фортепиано и разбери ноты. После обеда поиграешь нам.

Девушка присела и выскользнула за дверь. "Ну вот, — сказал Теодор, — сейчас дождемся лорда Кинтейла и сядем за стол. Потом я покажу вам наши конюшни, молодежь сможет прокатиться, а мы с вами, Дэвид, поговорим о делах".

Дэниел, что рассматривал картину над камином, — бревенчатая крепость над широкой, величественной рекой, — повернулся: "Это ведь Квебек, мистер де Лу?"

— Старый, — мужчина погладил бороду. "Сейчас-то у нас все каменное, мистер Дэниел, а так, — Теодор нежно посмотрел на картину, — он выглядел во времена моего предка, того, что первым из де Лу приехал в Акадию. Это было еще в царствование короля Людовика, деда нынешнего французского монарха".

— Я бы очень хотел поехать во Францию, — мечтательно сказал Мэтью. "Вы были в Париже, мистер де Лу?".

— Несколько раз, — ответил тот. "А ваши сыновья ездили в Европу, Дэвид?"

Мужчина усмехнулся. "Нет, Теодор, пока вот, не собрался их вывезти. Я-то, — он осушил бокал, — навещаю Старый Свет, у меня там деловые интересы, связанные с Британской Ост-Индской компанией. Да и завещание мое там, — он махнул рукой, — в Лондоне лежит".

— Это, должно быть, неудобно, — удивился де Лу, — мое завещание тут, в Бостоне, у мистера Джона Адамса, вашего патрона, Дэниел.

— Я не доверяю юристам в колониях, — резко сказал Дэвид, — а сообщение между Лондоном и Бостоном хорошее, письма доходят за три недели.

— Сэр Джеймс Маккензи, лорд Кинтейл, — доложил слуга. Дэниел подумал: "Хоть поблизости его увижу. Может быть, удастся узнать что-то о планах британцев".

— Простите за опоздание, — надменно сказал мужчина в алой военной форме, — сами понимаете, дела службы. У вас очень изящный дом, мистер де Лу, а где же главное его украшение? — тонкие губы чуть дернулись.

— И этот туда же, — зло подумал Дэвид Бенджамин-Вулф, разглядывая красивое, холеное лицо лорда Кинтейла. Черные волосы, — чуть длиннее, чем положено для офицера, были убраны в косичку и припудрены, голубые глаза холодно блестели. "За душой одна шпага и титул, — усмехнулся про себя плантатор, — говорят, его отец так гулял, что пропил оба замка, золото и земли. Ну, нет, этому хлыщу мы мисс Марту не отдадим".

— Моя дочь сейчас спустится, — улыбнулся Теодор де Лу. "Вина, лорд Кинтейл? Отличное бордо, прямо из Парижа, хотя, конечно, — мужчина поднял бровь, — те пошлины, которые на

него установлены…"

— Надо же кормить дармоедов в колониях, — резко сказал лорд Кинтейл, принимая бокал. "Что здесь, что в Ольстере, — я там служил, — одно и то же. Никто не хочет работать, все только жалуются на гнет метрополии. Если бы не черные, такие, как ваши, дорогой Дэвид, тут бы, — он обвел рукой комнату, — все бы лежало в запустении.

— Я не держу рабов, — примирительно заметил Теодор, — а просто нанял слуг в Бостоне. Смею заверить, они работают отлично.

— Ирландцы, наверняка, — лорд Кинтейл приподнял верхнюю губу, показывая острые клыки. "Погодите, мистер де Лу, они еще успеют обворовать вас до нитки, и вообще, — мужчина рассмеялся, — хороший ирландец — мертвый ирландец".

— Вы можете идти, мистер О'Доннелл, — мягко сказал Теодор слуге, что все еще стоял в дверях, опустив пылающее лицо. "Пусть накрывают на стол".

Марта сбежала по лестнице и прислушалась — из кабинета отца доносились какие-то звуки. "Клавесин! — обрадовано подумала девочка, и, открыла дверь: "Здравствуйте! Вы, должно быть, дочка мистера Бенджамин-Вулфа. Папа мне не говорил, что вы приедете. Меня зовут Марта де Лу".

Черноволосая, высокая девушка, что, подняв крышку инструмента, настраивала его, жарко покраснела: "Простите, мисс, я проверяю, как он звучит, все-таки его везли из Бостона. Это фортепиано, из Старого Света".

Марта все стояла с протянутой рукой. Девушка, испуганно оглянувшись, присела: "Меня зовут Тео, госпожа".

Бронзовые брови нахмурились. Марта, взяла смуглые, тонкие пальцы: "Никакая я не госпожа. Называй меня просто — "Марта". Тебе сколько лет?"

— Четырнадцать, — девушка перебирала в руках оборку передника. "Мы и ноты тоже привезли, — она указала на бархатное сиденье, — тут Гендель, Вивальди…"

— Обожаю Вивальди, — вздохнула Марта. "Мы с папой его в четыре руки играем. А ты умеешь, — она склонила бронзовую голову, — в четыре руки?"

Тео кивнула, зардевшись: "Простите, я вас задержала, вам надо идти в гостиную, скоро обед".

— Но ты ведь будешь с нами обедать? — недоуменно спросила Марта, разглядывая простое, шерстяное, темно-синее платье девушки. "Какая красивая, — восхищенно подумала Марта, смотря в чудные, черные, с золотистыми искорками глаза. "И она высокая, выше меня на голову, а то и больше".

— Я буду обедать с нашими слугами, — Тео посмотрела в окно, за которым лежал заснеженный сад. "Простите".

— Почему? — недоуменно спросила Марта, коснувшись ее плеча. "Почему не с нами? Пойдем! — она потянула девушку за руку.

Тео внезапно вырвалась и, подойдя к двери кабинета, выпрямила спин: "Потому, что я цветная,

госпожа. Рабыня мистера Дэвида Бенджамин-Вулфа. Мне нельзя сидеть за одним столом с белыми. Идите, — она кивнула головой на устланный персидским ковром коридор, — вас ждут".

Марта, было, хотела что-то сказать. Вздохнув, проводив глазами, стройные плечи Тео, она открыла высокие двери гостиной.

— А вот и Марта! — услышала она веселый голос отца. Прикусив губу, быстро коснувшись своего крестика, — крохотного, играющего изумрудами, — девочка присела.

— Позволь представить тебе, милая, мистера Дэвида Бенджамин-Вулфа, — сказал отец. Марта посмотрела на высокого, мощного мужчину — черные волосы были чуть тронуты сединой, в карих глазах играли золотистые искорки. Сжав зубы, она заставила себя протянуть руку для поцелуя.

— А она хороша, — подумал Дэвид, вдыхая запах жасмина, исподтишка разглядывая белую, нежную, чуть тронутую веснушками кожу, бронзовые, уложенные в высокую прическу, напудренные волосы. Над тонкой губой была прилеплена черная мушка.

— Рада встрече, мистер Бенджамин-Вулф, — услышал он звонкий, холодный голос. Изумрудные глаза оглядели его — с ног до головы. Мужчина, услышал шуршание шелка, — девочка подхватила отделанные кружевами юбки цвета свежей травы. Выставив вперед ножку в изящной, атласной туфле, она поклонилась.

— Мои сыновья, мисс Марта, — Дэвид посмотрел на мальчиков: "Ничего, за три года она к нам приучится. Надо будет их в Виргинию весной пригласить, в горы, на охоту. В конце концов, если они с Дэниелом друг другу не понравятся, всегда остается Мэтью. Он хороший сын, покорный, сделает все, что я скажу. Так что деньги будут наши".

— Обедать, обедать, — велел хозяин дома. Дэвид, подав руку Марте, рассмеялся: "Я очень, давно не водил никого к столу, мисс Марта. Надеюсь, ваш батюшка не будет в обиде. Мы с ним почти одногодки, так что я вам — тоже, как отец".

— Упаси Господь, — подумала девочка, рассматривая жесткий очерк подбородка, короткую, черную, ухоженную бороду. От мужчины пахло табаком — сильно. Теодор де Лу, что шел сзади с остальными гостями, рассмеялся: "Вот только у нас дома не курят, дорогой Дэвид".

— Ничего, — плантатор обернулся, — я могу и в сад выйти, дорогой Теодор.

Слуги неслышно разносили блюда, серебро блестело на белоснежной, льняной, отделанной брюссельским кружевом скатерти. Дэвид, наклонил над бокалом Марты хрустальный кувшин с водой: "Вам я бордо пока не предлагаю".

— Спасибо, — сухо ответила девочка, вскинув голову. Дэвид чуть не добавил: "Пожалуйста, дорогая невестка".

Марта встала из-за фортепиано, и, поклонилась, подождав, пока стихнут аплодисменты: "А теперь мы с Тео сыграем вам в четыре руки!"

Лорд Кинтейл вздернул бровь, и шепнул: "Так разве принято, мистер Бенджамин-Вулф? Она же, — мужчина указал на черноволосую девушку, — рабыня…"

— Древние римляне, дорогой Джеймс, — усмехнулся Дэвид, — позволяли рабам-грекам учить своих детей. У моих сыновей тоже был цветной наставник, в детств. Ведь в нашей горной глуши, кроме меня и священника — никто не умеет ни читать, ни писать. Так что я купил в Новом Орлеане отлично образованного мулата — он знал греческий, латынь и французский. Пусть играют, — он махнул рукой и блаженно закрыл глаза. "Прекрасная техника, — подумал Дэвид, следя за пальцами девушек. "Им бы в концертах выступать".

Он вытер заблестевшие глаза: "Вот эта часть сонаты, дорогой Теодор, воистину — пером мистера Вивальди водил сам Господь. Я всегда вспоминаю весну у нас, в горах, когда склоны покрываются свежей травой, поют птицы, и журчащие ручьи срываются с серых скал. Вы должны обязательно приехать погостить с мисс Мартой. У нас отличная охота, не хуже, чем в Акадии".

— И медведи есть? — внезапно усмехнувшись, складывая ноты, спросила девочка.

— Есть, — кивнул Дэвид: "А вы охотились на медведей, мисс Марта?"

— Двоих убила, — тонкие ноздри чуть раздулись. "С отцом, конечно, мистер Бенджамин-Вулф".

Лорд Кинтейл посмотрел на черноволосую девушку, что закрывала крышку фортепиано:

— Хороша, конечно, и грудь, и зад — все при ней. Это будет дешевле, чем тратить деньги на шлюх, и безопасней — она, наверняка, девственница. Вот и прекрасно. А потом, когда буду жениться, я ее продам. Или оставлю, — он погладил чисто выбритый подбородок, — в конце концов, какая разница, что скажет жена? Хорошая трепка ее быстро образумит.

— Мистер Бенджамин-Вулф, — громко спросил офицер, — а сколько стоит эта рабыня? — он лениво указал на стройную спину Тео. Теодор де Лу увидел, как вздрогнули плечи девушки, и подмигнул дочери.

— Пойдемте, господа, — велела Марта мальчикам, — я покажу вам наши конюшни. А ты, — высокомерно сказала она рабыне, — отнеси ноты в мой кабинет, слуги тебе покажут, — куда.

Дверь захлопнулась. Плантатор сухо сказал: "Тео не продается, лорд Кинтейл".

— Как это? — голубые глаза недоуменно посмотрели на Дэвида. "Любой раб продается. Назовите цену, и я ее заплачу".

Теодор поднялся. Подойдя к окну, что выходило во двор, он увидел, как Марта, смеясь, что-то говорит мальчикам. Он прислушался: "Будут в снежки играть, как на фактории. Только там она с индейскими детьми росла. Господи, может быть, зря я ее сюда привез? Может быть, стоило в Париж поехать, или в Лондон".

— Лорд Кинтейл, — терпеливо сказал Дэвид, — через три года я отправлю Тео на размножение. Она здоровая, крепкая, красивая девушка. Я совершенно не заинтересован в том, чтобы до этого времени она с кем-то жила. Вы же, — мужчина усмехнулся, — хотите ее купить не для того, чтобы она вам играла на клавесине, и штопала одежду? Даже если вы мне ее потом вернете, через несколько лет, она будет уже не та, — плантатор пожал плечами, — тем более, если она родит ребенка.

Шотландец помолчал: "Ну что ж, я понимаю, она ваша собственность. Вам, конечно, хочется получить высокий доход".

mir-knigi.org

— Именно, — поднял палец Дэвид. "Тем более, у Тео только одна черная прабабка. Я случу ее с мужчиной, у которого тоже — много белой крови. Их дети будут хорошо продаваться".

— Заткнуть бы уши, — вздохнул Теодор, все еще глядя на дочь. Марта крикнула: "Мэтью, мы с тобой против Дэниела. Сейчас мы разгромим этого студента!"

— Это мы еще посмотрим, — рассмеялся юноша. Скинув треуголку, он скатал снежок: "Защищайтесь!".

— Красивый мальчик, — подумал Теодор. "Даже обидно, что у этого мерзавца такие хорошие сыновья".

— Так вот, — услышал он вкрадчивый голос плантатора, — я понимаю ваши нужды, лорд Кинтейл. Хотите, за небольшой процент, я вас представлю человеку, который организовывает закрытые аукционы, ну, — Дэвид повел рукой, — для своих людей. Товар там отборный.

— Я был бы очень вам обязан, — кивнул офицер, — я тут надолго, сами понимаете, лет на пять. Не хотелось бы, — он помолчал, — впустую тратить деньги.

— Договорились, — Дэвид похлопал его по плечу: "Очень хорошо. Эта девчонка, судя по всему, брезглива, не колониального воспитания. Она вряд ли порадуется, узнав, что один из ее поклонников держит при себе рабыню для постели. Вот и славно".

Он потер руки: "А вы что-то задумались, дорогой Теодор! Сейчас лорд Джеймс расскажет нам о том, что власти намерены делать с чаем, а потом мы поговорим о табаке".

— И о мехах, — устало добавил мистер де Лу, все еще глядя на дочь, — прическа девочки растрепалась. Она, тяжело дыша, встряхнув головой, велела: "Выводите лошадей, господа. Я сейчас переоденусь и вернусь".

— А какая ваша, мисс Марта? — крикнул ей вслед Дэниел.

— Та, что мне в масть, мистер Бенджамин-Вулф, — рассмеялась девочка, исчезая в парадных дверях усадьбы.

Теодор поворошил кочергой дрова в камине, пламя взметнулось ввер. Он искоса посмотрел на дочь. Марта сидела с ногами в большом, бархатном кресле, закутавшись в кашемировую шаль. Грызя перо, девочка что-то писала в маленькой, в красивом кожаном переплете тетради.

— Смотри, — она показала отцу. "Тео мне позировала, за фортепиано. Мы с ней разговорились все-таки, пока вы все там, в библиотеке за портвейном сидели, после ужина".

Мужчина посмотрел на тонкий рисунок пером: "Она очень красивая девушка, эта мисс Тео".

Марта почесала в сколотых на затылке, бронзовых косах: "Она совсем не помнит свою мать, Тео, и отца тоже — не знает. Он был белый. Мать ее продали, ей одна старуха рабыня говорила, в имении, — девочка сморщила нос: "Папа, а нам обязательно тут жить?"

Теодор вздохнул. Встав, он поцеловал дочь в затылок: "Акадия ведь тоже — британская колония, милая. Здесь просто можно заработать больше денег торговлей, вот и все".

Марта захлопнула тетрадь, и отец вдруг подумал: "Каждый день она этот дневник пишет, не пропускает". Теодор помолчал, и потянулся за бокалом: "Я тебе обещаю, через три года мы

уедем обратно в Квебек. Или в Старый Свет, — куда тебе больше захочется".

— Мэтью, — Марта вдруг расхохоталась, — такой смешной. Думает, что города в Акадии все похожи на Париж. Дэниел мне понравился, он очень серьезный и много знает, с ним интересно. Папа, — девочка помялась, — а можно нам будет как-нибудь в Гарвард съездить? Дэниел приглашал посмотреть на его университет.

— Можно, конечно, — отец погладил ее по голове, — когда отправлюсь в Бостон по делам, возьму тебя с собой. А как тебе лорд Кинтейл? — он попытался скрыть улыбку.

— Он напыщенный, чванный болван, — сочно ответила дочь. "Думает, что военная форма извиняет глупость".

Марта сладко зевнула, показав мелкие, жемчужные зубы и Теодор сказал себе: "А ведь она когда-нибудь полюбит. И захочет выйти замуж. Придется ее отпустить, — он не смог сдержать вздоха. Дочь весело рассмеялась: "Папа, мне тринадцать лет всего лишь. Не пугайся, когда мне кто-то понравится, я тебе скажу".

Девочка помолчала. Сцепив тонкие пальцы на остром колене, она попросила: "Покажи кольцо, папа, пожалуйста".

Теодор посмотрел на играющий изумрудами крестик и закрыл глаза: "Как исполнится ей шестнадцать, отдам кольцо. Так искони заведено, не мне это нарушать. Я от отца его тоже — в шестнадцать получил".

Он вытащил из кармана сюртука связку ключей. Нажав на завитушку деревянной колонны, что украшала угол комнаты, Теодор подождал, пока откроется незаметная дверь тайника. Щелкнул замок, и Теодор благоговейно взял шкатулку.

— Какой он красивый, — зачарованно сказала Марта, рассматривая синий, как летнее небо, алмаз. "И я его получу, папа?"

— Через три года — Теодор улыбнулся. "А потом отдашь своему избраннику, как я — отдал твоей маме, да хранит Господь ее душу, — мужчина перекрестился: "Надо будет кольцо в Бостон отвезти, в банк. Адамс посоветует — куда. Все же тут деревня, мало ли что случится".

— И тот, первый де Лу, — Марта все смотрела на камень, — подарил его своей жене. "Мадам Мари, — кивнул Теодор. "А его звали месье Мишель, он был барон".

— А, — Марта коснулась нежным пальчиком кольца, — поэтому у нас в гербе волк в баронской короне. У тебя на печати".

— Да, — отец захлопнул шкатулку и запер сейф, — только в Акадии на титулы никто внимания не обращает, сама же знаешь. Да и здесь, — он указал на окно, — тоже.

Марта потянулась и, спрыгнула с кресла: "Я обещала Тео приехать весной в Виргинию. Этот, — она презрительно усмехнулась, — говорил же, что там хорошая охота? Вот и поохотимся".

— Раз обещала, — серьезно ответил отец, обнимая ее за плечи, — значит, надо выполнять, милая. Поедем, конечно. Ну, пора уже и спать.

Он перекрестил дочь на пороге ее опочивальни и сказал лакею, что неслышно отделился от стены: "Я завтра утром поеду в Бостон, Блэк, пусть оседлают лошадь, и приготовьте мне ванну

— на рассвете".

Тот кивнул. Теодор, зайдя к себе в спальню, расстегивая сюртук, принял из рук Блэка халат на соболях: "Я еще поработаю, ложитесь, не ждите меня".

Теодор достал из ящика большого, крепкого, выстланного сукном стола черновики контрактов и пробормотал: "Посмотрим, сколько удастся выручить на этом табаке".

В уютной карете приятно пахло сандалом. Лорд Кинтейл выглянул в окошко. Усмехнувшись, он взглянул на плантатора, что сидел напротив него: "Спасибо, что подвезли меня, мистер Бенджамин-Вулф. Я даже не знал, что бывают такие кареты — с потайным отделением".

Дэвид поиграл алмазным перстнем на пальце: "Не всегда удобно показывать покупки всем и каждому, дорогой Джеймс. В общем, конечно, все равно — в ваших гарнизонных казармах, у офицеров, тоже есть рабы, но, раз уж подвернулся такой возок — можно его использовать".

Кинтейл откинулся на бархатное сиденье и, закрыл глаз: "Удивительное удачное приобретение, еще и скидку сделали. Конечно, если бы не этот Бенджамин-Вулф, я бы ее так дешево не купил. Да что там — не купил бы вообще. Такой товар на открытых аукционах не выставляют".

— Скажите, — Кинтейл наклонился к собеседнику, — а все эти разговоры аукциониста, что, мол, отец у нее англичанин, что он хотел вернуться за ее матерью, выкупить ее, — это правда?

Плантатор фыркнул, обнажив крепкие, красивые зубы. "Да вы же слышали, Джеймс — там у каждой девки своя слезливая история. Цену набивают, больше ничего. Эта, — он кивнул на стенку возка, — хорошо, что она была в одних руках. О такой собственности — больше заботятся. И у нее всего четверть черной крови, мать ее мулаткой была, это сразу видно".

Кинтейл нарочито небрежно спросил: "Скажите, а потом, когда я захочу ее продать, можно будет к вам обратиться?"

Дэвид погладил бороду: "Разумеется, товар хороший, не думаю, что вы его испортите. И детей я тоже куплю, буде таковые появятся. Ей пятнадцать лет, она совсем молодая, здоровая — поздравляю с отличным приобретением, — он пожал Кинтейлу руку.

Карета миновала размалеванный бело-красными полосами шлагбаум, Кинтейл, высунув прикрытую треуголкой голову, сказал: "Это со мной". Он повернулся к Дэвиду: "Вы не выпьете по стаканчику портвейна?"

Тот рассмеялся. "Поздно уже, дорогой Джеймс, мне надо кое-что обсудить со старшим сыном, не так уж часто мы встречаемся. Да и мы с вами завтра увидимся — у губернатора Хатчинсона. А вы — он похлопал офицера по плечу, — наслаждайтесь своей покупкой".

Возок остановился у небольшого, каменного, под черепичной крышей, дома. Кинтейл, пожав руку плантатору, выскочил наружу. Легкий снег завивался поземкой на гарнизонной площади. Он, открыв незаметную дверцу сзади кареты, велел: "Выходи".

Часовые вытянулись. Кинтейл, посмотрев на невысокую, закутанную в плащ фигурку девушки, подтолкнул ее вперед. Денщик бережно принял у него шинель. Кинтейл, указав на девушку, что стояла в углу передней, высокомерно сказал: "Будет у меня горничной. Камин в гостиной горит?"

— Конечно, ваша светлость, — поклонился солдат. "Почта на столе, прикажете вас не беспокоить сегодня?"

— Прикажу, — хохотнул Кинтейл. Подождав, пока солдат исчезнет за парадной дверью, он резко проговорил: "Ну, что встала, иди в комнаты".

Он просмотрел почту. Налив себе вина, Кинтейл приказал девушке, что прижалась к стене: "Плащ сними".

Та покорно отодвинула капюшон. Кинтейл, подойдя к ней, накрутив на палец прядь волос — темного каштана, прикоснулся к смуглой щеке. Длинные ресницы скрывали большие, зеленовато-карие глаза. "Юджиния, — задумчиво сказал Кинтейл, разглядывая девушку. "Ну, здравствуй, Юджиния".

Капитан Стивен Кроу проснулся. Потянувшись, опустив руку к полу каюты, он посмотрел на карманные часы, — тонкой, немецкой работы.

— Можно еще полежать, — решил мужчина, и, взглянул на золотую крышку.

— Мартину от Майкла, — пробормотал он и вдруг улыбнулся: "У дяди Майкла такие же были, только там было выгравировано: "Майклу от Мартина". Двадцать один год им исполнился, когда они часы друг другу подарили, папа же рассказывал. И часы тоже — одинаковые. Я потом у тети Элизабет спрашивал — папу с дядей Майклом вообще, кто-нибудь различал? А она усмехнулась и погладила меня по голове: "Мы с твоей матушкой покойницей, — да, и родители их тоже, а так — нет".

В каюте было тепло, "Дартмут" чуть покачивался на легкой волне бостонской гавани. Капитан Кроу зевнул: "Хватит тут торчать. Через два дня надо либо разгружать трюмы, либо идти обратно в Англию. Питер меня не похвалит, за этот простой".

Он вспомнил наставительный голос кузена: "Только ради всего святого, Стивен, не вмешивайся в свары между колонистами и Британией. Не хотят они наш чай — не надо, я его продам на континент, в мгновение ока. Не сиди в Бостоне дольше положенного, компания из-за этого теряет прибыль".

Стивен поднялся. Натянув бриджи с рубашкой, плеснув в лицо холодной водой, он провел рукой по каштановым, коротко стриженым волосам. Кончики выгорели на солнце до темного золота, лазоревые глаза смотрели весело и прямо. Он улыбнулся, глядя на себя в маленькое, тусклое зеркало, что висело в умывальной: "Триста сорок два тюка чая. За день опустошим трюмы, возьмем меха с табаком, — и домой. Соскучился я по Лондону. Да и Констанца — должна была уже из Амстердама вернуться".

Он накинул холщовую матросскую куртку. Замотав вокруг шеи шарф, поежившись, — за дверью каюты было зябко, — стуча сапогами, капитан поднялся на палубу.

— Все тихо, капитан, — услышал он голос первого помощника. Стивен посмотрел на морозный туман, в котором тонула набережная, — золотой кузнечик на башне Фанейл-холла чуть блестел в лучах рассвета.

— Не шумят они больше? — усмехнулся Стивен, чиркая кресалом, выпуская клуб ароматного дыма. "Я смотрю, — он прищурился, — охрана, которую установил мистер Адамс, все еще здесь". По набережной расхаживало двое мужчин с угрюмыми лицами.

— Каждые три часа сменяются, — зевнул помощник. "Боятся, что мы начнем тайно чай разгружать. А вы, — он окинул взглядом Стивена, — разве к губернатору не собираетесь?"

— Черт! — капитан хлопнул себя по лбу, — совсем забыл. Спасибо, что напомнили, мистер Уитмор. Только, наверное, переодеться надо, — вздохнул Стивен.

— И шпагу возьмите! — крикнул ему вслед помощник.

Он открыл дверь встроенного в стену гардероба и, склонив голову, посмотрел на золоченых наяд и кентавров, что украшали эфес клинка.

— Шпага Ворона, — шепнул капитан Кроу. "Папа ее в свое последнее плавание не взял, как будто предчувствовал что-то. Тут он и погиб, неподалеку, пятнадцать лет назад, у этих берегов. Я еще просил тогда, чтобы он разрешил мне юнгой с ним пойти, а он погладил меня по голове, и улыбнулся: "Это мой последний рейс, сыночек, вернусь из Бостона, и…". Он тогда не закончил, а теперь, — Стивен надел сюртук и пристегнул шпагу, — я уже никогда и не узнаю, что он хотел сказать. Восемь лет мне было, — мужчина вздохнул. Перекрестившись, надев плащ, он поднялся на палубу.

— Шлюпка ваша готова, — чуть поклонился Уитмор. Стивен спустился по трапу — ветер усилился, в лицо бил мокрый снег, и велел матросам: "Вы меня в таверне подождите, незачем на морозе торчать".

Лодка оторвалась от "Дартмута" и быстро пошла к берегу.

— Мистер Бенджамин-Вулф, мистер де Лу, — губернатор Хатчинсон радушно развел руками. "Я велел накрыть нам небольшой завтрак, — мужчина указал на круглый стол у большого, залепленного снегом окна. Губернаторская резиденция стояла на склоне Бикон-хилла, откуда весь Бостон был, как на ладони.

— Да, — сказал плантатор, садясь, — горячий кофе сейчас как раз будет кстати. Или вы предпочитаете чай, губернатор? — он улыбнулся.

Хатчинсон рассмеялся, и, грузно опустился в кресло: "Вы слышали, господа? Эти патриоты дали зарок не пить чая до тех пор, пока пошлины не будут отменены. Заваривают настой из листьев малины".

— Я тут человек новый, — Теодор аккуратно добавил молока в серебряную чашку с кофе, — но что мешает выбрать депутатов парламента от колоний? Установили бы имущественный ценз, проголосовали бы…, Тогда все вопросы с налогами были бы сняты.

— На то и колонии, — Хатчинсон наставительно поднял пухлый палец, — чтобы подчиняться решениям метрополии, мистер де Лу. Ешьте лобстера, я купил нового повара, готовит просто божественно. А что с теми товарами, которые должен взять на борт "Дартмут"? — поинтересовался губернатор.

— Мои меха готовы и упакованы, — Теодор намазал масло на корочку хлеба: "Совсем забыл, господа. Я вам приготовил маленькие подарки, с такой зимой, как здесь — они пригодятся". Мужчина щелкнул пальцами. Хатчинсон улыбнулся, рассматривая шелковый, подбитый соболями халат.

— И вам тоже, Дэвид, — кивнул де Лу. "Не хотелось бы, чтобы вы тут, в Бостоне,

простудились".

Плантатор погладил роскошный, блестящий, коричневый мех и услышал голос губернатора: "Скажите, мистер Бенджамин-Вулф, ваш сын ведь в Гарварде? Работает клерком у этого, — губернатор поморщился, — Джона Адамса? Жаль, что он судья — а то бы я его повесил за длинный язык и бойкое перо. В Гарварде, — Хатчинсон отпил кофе, — много горячих голов. Сколько лет вашему сыну?

— Восемнадцать, — Дэвид глазами указал на трубку. Губернатор разрешил: "Курите, курите".

— Моя семья, — плантатор затянулся, — всегда была верна британской короне, губернатор. Мой сын — разумный юноша, он никогда не даст втянуть себя в какие-то, — мрачно закончил Дэвид, — авантюры.

— И очень хорошо, — раздался громкий голос с порога. Лорд Кинтейл поклонился губернатору: "Потому что этих мерзавцев надо безжалостно наказывать. Вот, — он бросил на стол мокрую от снега листовку, — сорвал здесь, на Бикон-Хилле. "Подписано: "Сыны Свободы".

— Мы призываем бойкотировать британские товары, и разорвать всякие связи с теми, кто ими торгует, их покупает, или получает от них какой-то доход, — прочитал Хатчинсон и рассмеялся: "Если население колоний хочет сдохнуть, Джеймс — пусть сдохнет. Пусть сидят на картошке и листьях малины, этого я им запретить не могу. А "Сынов Свободы" мы найдем и арестуем".

— Если бы мой сын — большая рука плантатора опустилась на листовку, — был бы замешан в это, я бы его лично отправил на виселицу, губернатор.

— Такие люди, как вы, мистер Бенджамин-Вулф, мистер де Лу — просто-таки опора британской власти в колониях, — вздохнул Хатчинсон. "Ешьте, Джеймс, хлеб с утра пекли, масло тоже — свежее".

Кинтейл дернул свежевыбритой щекой: "Если позволите, губернатор, я перемолвлюсь парой слов с мистером Бенджамин-Вулфом".

Плантатор отошел к окну и, выслушав Кинтейла, тихо усмехнулся: "Врач ей совершенно не нужен, только деньги тратить. Вызовите акушерку. Я тут видел, есть какая-то на Бикон-стрит, вроде зовут — миссис Франклин. Все у нее в порядке, уж поверьте мне — полежит, и станет, — мужчина не смог сдержать улыбки, — как новенькая она уже никогда не станет, конечно. В общем, — он похлопал шотландца по плечу, — не волнуйтесь, дорогой Джеймс, через пару дней она сможет выполнять свои обязанности".

— Капитан Стивен Кроу! — раздался голос слуги. Хатчинсон поднялся: "Ну, все в сборе. Выпейте кофе, капитан, и начнем обсуждать — как нам быстрее отправить вас в Англию".

— С мехами и табаком в трюмах, — заметил де Лу, подавая руку капитану, и мужчины — рассмеялись.

В каморке на чердаке было холодно. Миссис Франклин, — высокая, сухая, в черном платье, — обернувшись, велела: "Мирьям, спустись на кухню, налей в грелку горячей воды. И таз сюда принеси".

Женщина подождала, пока дверь закроется. Присев на старую, узкую кровать, она ласково

сказала: "Не бойся, милая. Я тут для того, чтобы тебе было легче".

Тонкое шерстяное одеяло задрожало. Миссис Франклин, погладив сбившиеся каштановые кудри, услышала слабый голос: "Простите, пожалуйста, я сейчас, сейчас встану…"

— Даже и не думай, — отрезала акушерка. "Тебя как зовут-то, милая?"

— Юджиния, — девушка всхлипнула. Попытавшись сесть, притянув колени к животу, она заплакала: "Очень больно!"

— А лет тебе сколько? — миссис Франклин погладила ее по мокрой, смуглой щеке.

— Пятнадцать, — Юджиния подняла на нее испуганные, большие глаза. "Хозяин разозлился сегодня утром, когда я сказала, ну, что мне больно…велел терпеть".

Миссис Франклин стиснула зубы и нарочито спокойно сказала: "Сейчас я тебя осмотрю, немножко полечу, и все будет в порядке". Она открыла дверь, и приняла из рук Мирьям таз с горячей водой: "Может, не стоит девочке это видеть? Она всего на год младше этой бедняжки. Нет, — миссис Франклин разозлилась, — зачем скрывать? Пусть знает, на что способны люди, у которых нет веры в Господа, и нет сердца".

— Достань из сумки тампоны, — велела акушерка ученице, — и мази — с подорожником и арникой. Юджиния, — она погладила девушку по голове, — смотри, мы тебе грелку принесли, сейчас будет теплее. Ты ложись вот так, — она аккуратно устроила ее на подушках, — обещаю, что больно не будет. Мирьям, дай мне зеркало и зажги свечу, — миссис Франклин взглянула на маленькое, залепленное снегом окно под крышей каморки, — тут совсем темно.

— Трав ей надо оставить, — вздохнула акушерка, осматривая девушку. "Хотя бы на первое время. Жалко малышку, совсем еще ребенок".

— Ты возьми мою руку, — тихо сказала Мирьям девушке. "Меня Мирьям зовут, я учусь у миссис Франклин. Возьми и сожми, не бойся, — она погладила высокий, смуглый лоб.

Юджиния посмотрела в добрые, синие глаза девушки: "Господи, умереть бы. Потом я ему надоем, и он меня продаст — дальше. И так всю жизнь. Если бы мама была рядом…, — девушка вспомнила ласковый, нежный женский голос:

— Hush-a-bye, don't you cry,
Go to sleepy little baby,
When you wake, you shall have,
All the pretty, little ponies.

Она внезапно, горько разрыдалась. Мирьям положила ее голову к себе на плечо, и чуть покачала: "Все, все, миссис Франклин уже закончила".

— Вот настойка, — акушерка поставила на деревянный подоконник темную склянку, — пей по ложке в день. А хозяину твоему я скажу, чтобы не трогал тебя пока. Все будет хорошо, милая, — она наклонилась и поцеловала каштановые кудри. "Лежи, отдыхай".

— Мне надо работать, — помотала головой Юджиния. "Убирать, стирать, готовить".

— Успеешь еще наработаться, — вздохнула миссис Франклин. "Мирьям, собери сумку и жди меня во дворе".

Девушка спустилась вниз и услышала ленивый голос из гостиной: "Закончили вы?"

— Да, лорд Кинтейл, — сказала она присев, опустив голову с заплетенными в косы, рыже-каштановыми волосами. "Миссис Франклин сейчас придет".

Запахло сандалом. Мирьям, так и не поднимая глаз, пробормотала: "Позвольте, ваша светлость..."

— Не позволю, — расхохотался шотландец, оглядывая ее. Бледные, тонкие губы чуть улыбнулись. Он протянул: "А ты хорошенькая девочка, совсем взрослая уже".

— Мне четырнадцать лет, — сухо сказала Мирьям. Услышав шорох платья по ступенькам, девочка прошмыгнула в открытую парадную дверь.

Кинтейл посмотрел на пожилую женщину в черном, простом чепце и встретился с холодным блеском серых глаз. "Вот что, ваша светлость, — акушерка заправила за ухо седую прядь, — пусть ваша, — она поморщилась, — рабыня, пока отдохнет. Она еще совсем ребенок, ей это тяжело".

— Ладно, — усмехнулся Кинтейл, — будь, по-вашему. Мне тоже не хочется, — он опустился в кресло и потянулся за кошельком, — чтобы она болела. Возьмите деньги, — он протянул женщине серебро.

— Рабов я лечу бесплатно, — миссис Фрэнклин надела грубый, черный, шерстяной плащ и вдруг, вздернула голову: "Провозгласите свободу по всей земле, лорд Кинтейл, разве не этому учит нас Писание?"

— Вы акушерка или проповедник? — мужчина рассмеялся, и налил себе вина, протянув ноги к камину.

Она все стояла, презрительно оглядывая его с высоты своего роста: "Мой покойный муж был пуританским священником, лорд Кинтейл. Господь, — акушерка помолчала, — вас накажет".

Наверху, в каморке, Юджиния услышала, как хлопнула парадная дверь. Оглянувшись, порывшись в своем маленьком сундучке, девушка надорвала кожаную подкладку. Она достала свернутый, пожелтевший листочек. Развернув его, пристроив на коленях, Юджиния стала водить пальцем по выцветшим строкам. "Милая моя Мэри, — шевелила губами девушка, — пишу тебе уже с корабля. Пожалуйста, ни о чем не волнуйся, мистер Дайер взял у меня задаток, и выдал расписку. Как только я вернусь, я отдам ему оставшиеся деньги и увезу тебя в Лондон. Если родится мальчик, можно назвать его Питером, а девочку — Юджинией. Я совсем скоро приеду, и тогда мы будем вместе — навсегда. Вечно любящий тебя капитан Мартин Кроу".

Девушка свернула письмо. Прижавшись к нему щекой, глядя в медленно темнеющее небо за окном, она застыла, чуть покачиваясь.

В гостиной дома Горовицей горел камин. "Я сегодня видела этого лорда Кинтейла, — Мирьям подняла серебряный кофейник и велела: "Давайте чашки". Разлив кофе, девушка добавила: "Очень неприятный человек. Миссис Франклин взяла меня на вызов к его рабыне".

Дэниел принял чашку и усмехнулся: "Я его тоже встречал, у этого Теодора де Лу, в имении. Кинтейл хвалился, что тут пять тысяч человек в гарнизоне. Мол, они, если надо, весь Бостон

виселицами уставят".

Меир отложил перо, и устало потер глаза: "Ну, все готово. Мирьям, ты мне их в редингот зашей, как те, что я привез".

— Подкладка распоролась, — лукаво напомнила ему девушка. Разрезая миндальный пирог, она страстно проговорила: "Дэниел, ну почему мне нельзя в гавань!"

— Потому что, — раздался с лестницы голос старшего брата, — девчонкам там не место. На митинг можешь пойти, — мы все идем, кроме Ягненка, — он потрепал Меира по каштановой голове, а потом отправляйся домой. Мы же, — он взял кусок пирога, и подмигнул Дэниелу, — навестим "Дартмут".

— Маски и костюмы готовы, — Дэниел посмотрел на сгущающуюся тьму за окном, — на сто человек. Лежат в типографии у Эдеса, пока будет идти митинг, — мы переоденемся. Когда твоя почтовая карета отходит, Ягненок?

— Через час, от Фанейл-холла, — тот прошел в переднюю и принес свой редингот. "Надо уже и складываться".

— Ты там осторожней, — велел Хаим, глядя на то, как младшая сестра зашивает письма в подкладку. "Кинжал я тебе все равно не дам, — перекусив нитку острыми зубами, сказала Мирьям.

— Что за кинжал? — недоуменно спросил Дэниел.

Хаим поднялся. Открыв маленьким ключом, что висел у него на цепочке, шкатулку, он протянул другу клинок. "Наш, семейный, — сказал юноша, — с незапамятных времен".

Дэниел погладил золотую, с изумрудными глазами рысь, на рукоятке: "На Мирьям похожа, та же стать. Она тоже так голову поднимает". Девушка протянула руку: "Давайте сюда, папа же говорил — он по женской линии передается. Значит, — она полюбовалась искусно сделанными ножнами, — он мой. Маленький, видите, как раз под мою руку".

— Вот и положи его обратно, — ворчливо велел ей старший брат.

На пороге дома Меир обернулся, и, потянувшись, обнял Хаима: "Вы тоже тут — не лезьте на рожон".

— Все будет хорошо, Ягненок, — юноша пожал руку Дэниелу, поцеловал младшую сестру. Вскинув на плечо потрепанную, кожаную суму, он вдруг, озорно попросил: "Покажите мне его, на прощание".

Мирьям вытащила из кармана передника шелковое полотнище. Флаг забился на ветру. Меир, спускаясь с Бикон-хилла, оглядываясь, следя глазами за белыми и красными полосами, подумал: "Дожить бы до того времени, как он над всей нашей страной развеваться будет".

Он кивнул головой. Помахав рукой, крикнув: "До встречи!", юноша пообещал себе: "Доживу".

Мирьям встала на цыпочки: "Господи, тут же тысячи человек. В Фанейл-холле не поместились, пришлось сюда перейти".

Она оглядела возбужденную толпу — церковь была освещена факелами, — и услышала

громкий, отзывающийся эхом под каменными сводами, голос Сэмуэля Адамса.

— Губернатор Хатчинсон отказывается посылать "Дартмут" и другие корабли обратно в Англию, и настаивает на разгрузке чая.

— Никогда! — заревели люди. Адамс, замолчал, пережидая крики. В молитвенном зале воцарилась тишина, и Мирьям вдруг подумала: "Как у меня сердце стучит. Вот так, так все и начинается".

Она подняла голову и увидела голубей, что порхали над головами людей. Птицы забили крыльями. Адамс, неожиданно тихо, вздохнув, закончил: "Это собрание не может сделать больше, чем спасти эту страну".

— Давай флаг, и отправляйся домой, — шепнул ей Хаим. "Это наш сигнал". Мирьям почувствовала холод шелка в ладони, а потом толпа разразилась криками, и она, как ни старалась, не могла уже найти глазами светлые волосы старшего брата.

— В порт! В порт! — раздалось вокруг. Мирьям, выскользнув из церкви, покатившись по ледяной дорожке, огляделась — люди валили из высоких дверей, трещали факелы, а из гавани уже раздавались крики.

Она прикусила губу. Надвинув пониже меховую шапочку, нырнув в темный проулок, девушка побежала проходными дворами к гавани.

"Дартмут" покачивался на легкой волне. Капитан Стивен Кроу обернулся к первому помощнику: "Вот что, мистер Уитмор, сегодня ночью сюда придут шлюпки, со стороны моря. Сами понимаете, — он рассмеялся, — надо будет быстро и тихо все разгрузить. Они же и привезут товары. Все сделаем, и завтра на рассвете поднимем якоря".

— Очень хорошо, — пробурчал Уитмор, — и так, — слишком долго тут проторчали, капитан. Мужчина внезапно склонил голову: "Слышите? Колокол бьет. Опять что ли, они на свой митинг собрались? Лучше бы работали".

— Нас-то это не касается, — зевнул капитан Кроу и насторожился — внизу, у борта корабля, в пелене мокрого снега, появились какие-то тени.

Он услышал треск обшивки. Вынув пистолет, перегнувшись через борт, Стивен крикнул: "Первый, кто ступит на палубу "Дартмута" без моего разрешения, получит пулю в лицо!"

— Капитан — раздался сзади растерянный голос Уитмора. "Индейцы..."

Толпа — с раскрашенными лицами, в головных уборах с орлиными перьями, вооруженная топорами и дубинами, стала забираться по веревкам на корабль. Капитан Кроу, подняв вверх руку, выстрелил.

— Их тут сотня, не меньше, — подумал он. Почувствовав, как в спину ему упирается острие клинка, капитан услышал холодный, совсем еще молодой голос: "Не надо стрелять, капитан, советую вам".

— Я тебе лично голову продырявлю, мерзавец, — сочно пообещал Стивен Кроу, убирая пистолет. "Как только у тебя хватит смелости показать мне свое лицо".

— В трюмы! — пронеслось над толпой индейцев, ступени трапов затрещали. Капитан увидел,

mir-knigi.org

как нападающие тащат наверх тюки с чаем.

— В воду! В воду! — потребовала освещенная факелами толпа, что скопилась на берегу. Капитан прищурился — над головами людей реял бьющийся на шесте флаг — полосатый, красно-белый.

Стивен проводил глазами летящие в темные воды гавани тюки: "Два шиллинга за фунт. Девять тысяч фунтов стерлингов убытка. Ничего, они нам заплатят, не будь я Стивен Кроу. С лихвой заплатят, кровью".

Он, было, потянулся за оружием. Тот, же юношеский голос усмехнулся, нажав на клинок: "Еще немного, капитан, мы уже уходим".

— Чай уже не спасти, — капитан сжал зубы. "Это соленая вода, товар безвозвратно испорчен. Ну и мерзавцы".

— Триста сорок два тюка, — весело крикнул кто-то из индейцев. "Все в море, как и положено!"

Толпа на берегу заволновалась, издалека донесся сухой треск мушкетных выстрелов. Юноша, что стоял сзади капитана, велел: "Все в лодки, и быстро!"

— Ну, нет, — подумал Стивен Кроу, — этот — так просто не отделается". Кинжал убрали. Он, мгновенно повернувшись, крикнул: "Эй!"

Высокий, молодой человек, в индейском головном уборе, на мгновение остановился. Усмехнувшись раскрашенным до неузнаваемости лицом, он спросил: "Ну что еще, капитан? Никакого ущерба кораблю мы не причинили. Что вам надо?"

— Я, — ответил Стивен, незаметно вытаскивая пистолет, — не стреляю людям в спину, вот и все.

Ноги скользили на раскачивающейся, мокрой от снега палубе. Капитан еще успел подумать: "Какие светлые у него глаза. Да понятно, что это никакие не индейцы".

Он выстрелил. Юноша, взмахнув руками, закачавшись, отступив на шаг, — полетел через борт в непроницаемую, черную, холодную воду гавани.

— Туда ему и дорога, — сплюнул Уитмор. "Вот же подонки, капитан".

Стивен убрал пистолет, и устало сказал: "Давайте все тут приберем, примем на борт меха с табаком, и, — он обернулся в сторону берега, где толпа уже рассеялась, и в свете факелов были видны алые мундиры солдат, — будем отплывать".

— Я сюда больше не вернусь, — зло пробормотал Уитмор, опускаясь на колени, собирая в горсть растоптанный, склизкий чай. "Сколько денег на ветер, сколько денег…"

— А я, — холодно улыбнулся капитан Кроу, — вернусь. Чтобы показать этой мрази, где их место. Зовите людей, мистер Уитмор, будем мыть палубу.

Слуга неслышно налил в бокал темно-красное бордо. Дэвид Бенджамин-Вулф, откинувшись на спинку кресла, озабоченно сказал: "Мэтью, да у тебя жар, посмотри, как глаза блестят. Говорил же я тебе — не стоит гулять так долго. Все же ты не привык к местным зимам. Тео, — он щелкнул пальцами, — пойди, пусть мистер Брэдли сделает охлаждающее питье, он умеет".

— Да я просто озяб немного, батюшка, — юноша чихнул. Накинув на ноги меховую полость, он стал тасовать карты. "Ничего страшного, голова болит, но перестанет".

Девушка, поклонившись, вышла из гостиной и Дэвид, поглядел ей вслед: "Надо будет, когда вернемся, подобрать ей пару. Посмотрю по записям — у кого из мужчин больше белой крови. Можно, конечно, и самому, — он почувствовал, что улыбается, — но не след, все-таки я ее отец, зачем плодить уродов? И так, — он, на мгновение, закрыл глаза, — ее мать моей сестрой была, единокровной. Просто повезло, что с Тео все в порядке, больше так рисковать не стоит. Будет рожать, лет десять, а потом я ее на плантации отправлю, подальше куда-нибудь".

Он потянулся за пером, и, покусав его, написал столбик цифр. "Да, — он полюбовался итогом, — отличный доход. Никакие деньги лорда Кинтейла с этим не сравнятся".

Тео вернулась с серебряным кувшином, и, налив питье, ласково протянула его юноше: "Вот, мистер Мэтью, вам сразу станет легче".

Юноша поднес бокал к губам и поморщился: "Глотать больно".

— А ну, дай-ка, — отец поднялся и велел: "Рот открой".

Дэвид посмотрел на распухшую шею сына и резко сказал Тео: "Приведи сюда Брэдли!"

Хозяин постоялого двора бросил один взгляд на пылающее жаром лицо юноши: "Я сейчас побегу, доктора Абрахамса позову, мистер Бенджамин-Вулф, а мистер Мэтью пусть ложится".

— Абрахамса? — плантатор поморщился. Сняв с себя халат на соболях, он, нежно, укутал им сына. Зубы Мэтью стучали. Юноша, свернувшись в клубочек, сказал: "Очень холодно".

— Дров в камин подкинь, — приказал Дэвид. Он посмотрел на Брэдли. "А что, других докторов, — плантатор нехорошо усмехнулся, — кроме сынов израилевых, в Бостоне нет?"

— Есть доктор Раш, — неуверенно сказал Брэдли, — однако он хирург, учился в Лондоне, очень дорого берет…

— Ну, вот и приведите его сюда, — велел Дэвид. Наклонившись, он взял сына на руки: "Ничего, ничего, мой милый, сейчас придет врач, и все будет хорошо. Тео, приготовь постель, — велел он, и понес Мэтью в спальню.

Изысканно одетый, с напудренными волосами мужчина разогнулся. Вымыв руки в тазу, он взял шелковую салфетку: "Ничего страшного, мистер Бенджамин-Вулф. Это просто свинка, она сейчас гуляет по Бостону. Ваш сын, видимо, ей не переболел в детстве".

— Нет, Мэтью вообще рос здоровым мальчиком, — Дэвид осторожно коснулся пылающего лба. "Мы ведь живем в деревне, доктор Раш. Негры, конечно, болеют, но своих сыновей я всегда ограждал от них, — он кивнул на Тео, что, сидя рядом с постелью больного, держала его за руку.

— Я болела свинкой, доктор Раш, — тихо сказала девушка. "Четыре года назад. Это ведь значит, что я могу ухаживать за мистером Мэтью, да?"

— Конечно, — врач стал собирать свою сумку.

— Даже если бы и не болела, все равно бы ухаживала, — резко заметил плантатор. "Значит,

покой, охлаждающее питье, и Мэтью выздоровеет?"

— Неделя, не больше, — Раш указал глазами на дверь. "На пару слов, мистер Бенджамин-Вулф, если вас не затруднит".

В гостиной негр убирал со стола бокалы.

— Оставь и выйди, — велел Дэвид. Разлив вино, он опустился в кресло. "Что такое, доктор Раш? — озабоченно спросил плантатор.

— Я дал Мэтью опиума, — врач чуть вздохнул. "И приду завтра, осмотрю его. Видите ли, мистер Бенджамин-Вулф, этой болезнью лучше заразиться в детстве. У подростков она протекает тяжелее, и…, - Раш на мгновение замялся.

— Говорите, — потребовал Дэвид, залпом допивая вино.

— И может повлиять на его развитие, — врач помолчал, — как мужчины. Может быть, этого и не будет, но я обязан вас предупредить. Я видел таких пациентов.

Дэвид налил себе еще вина. Посмотрев на метель за окном, помедлив, он ответил: "У меня двое сыновей, доктор Раш. Конечно, не хотелось бы, чтобы с Мэтью случилось такое, но если лечения нет…"

— Нет, — врач поднялся. "Он сможет жениться, но вряд ли у него будут дети. Конечно, этого может и не произойти, — Раш взглянул в карие, с золотистыми искорками глаза мужчины.

— На все воля Божья, — плантатор пожал плечами: "Я провожу вас, доктор, большое спасибо".

Уже в передней, застегивая плащ, Раш спросил: "Я так понимаю, вы уже навещали Дэниела?"

— Я видел его с утра, — нахмурился Дэвид, — он пошел на занятия, в университет. Что с ним такое?

— Вы только не волнуйтесь, — врач взял сумку. "Я сам его осмотрел, это просто царапина. Останется шрам, но ничего страшного".

— Он что, — Дэвид усмехнулся, — дрался с кем-то? Не похоже на Дэниела, он разумный юноша. Я, конечно, в молодые годы тоже — убил пару человек на дуэли. А его противник? — поинтересовался мужчина.

— Не было противника, — Раш открыл дверь. "Дэниел был ранен во время нападения "Сынов Свободы" на британские корабли. Сегодня вечером, в порту. Как вы понимаете, дело это тайное. Он сейчас у себя в комнатах, не стоит ему по улице разгуливать.

Но, как я уже сказал, — с вашим сыном все в порядке. Пуля прошла по касательной. Я сам зашивал рану. Он немного искупался в холодной воде, но, — Раш улыбнулся, — уже согрелся. До завтра, мистер Бенджамин-Вулф, — врач стал спускаться по лестнице. Дэвид, посмотрев ему в спину, сжав зубы, ответил: "До завтра".

Подойдя к спальне, Дэвид прислушался — нежный голос Тео читал Шекспира.

— Вот почему и волосы и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, —
Как будто носят траурный убор

По тем, кто краской красоту порочит, — Дэвид вздохнул, и пробормотав:
— Но так идет им черная фата,
Что красотою стала чернота, — толкнул дверь опочивальни.

— Это о тебе он писал, — сказал Мэтью, что лежал на подушках, закрыв глаза. "О тебе, Тео, ты ведь у нас тоже — смуглая леди".

— Я не леди, мистер Мэтью, — ласково рассмеялась девушка и тут же покраснела: "Мистер Мэтью попросил почитать ему стихи, мистер Дэвид. Простите, пожалуйста..."

— Ничего, — Дэвид наклонился над кроватью. Поцеловав сына в лоб, перекрестив его, он погладил золотые, мягкие кудри: "Вроде уже не такой горячий".

— Я выйду по делам, ненадолго, — сказал плантатор. Не оборачиваясь, он достал из шкатулки, что стояла на каминной доске — пистолет. Положив его в карман сюртука, Дэвид осторожно, чтобы не потревожить больного, притворил дверь. Мэтью улыбнулся девушке: "Читай еще, ты всегда хорошо читала стихи. Помнишь, как ты была Аталией, ну, когда Энтони с нами учил Расина?"

— Помню, — Тео опустила глаза. "А еще я помню, как Энтони продали, — подумала она, — потому что Дэниел уехал в школу, а тебе отец привез белого учителя. И в первый же день этот мистер Тауэр выгнал меня из классной комнаты, сказав, что Господь запретил неграм читать и писать".

Она полистала томик сонетов и вздохнула: "Ваш любимый, мистер Мэтью".

Дэниел посмотрелся в зеркало, что держал перед ним друг и поморщился: "Теперь шрам будет".

Хаим усмехнулся, и похлопал его по плечу: "Небольшой, и он тебя совершенно не портит. А вообще скажи спасибо Мирьям, — если бы не она, ты бы так и плавал сейчас в гавани".

— Как она вообще оказалась на лодке? — Дэниел поднялся и, взял бутылку виски: "Это тебе можно, я знаю, Мирьям мне говорила".

— Ну как, — Хаим принял серебряный бокал, — ты же знаешь мою сестру, — если она себе что-то вбила в голову, ее не остановить.

Дэниел оглядел изящную, уютную комнату и, устало выпив, заметил: "Ну что, друг мой, как мне кажется — недолго нам осталось быть студентами".

Хаим нагнулся и, подбросив дров в камин, обвел рукой большие, обитые кожей кресла, покрытые меховыми полостями, ряды книг на дубовых полках, персидский ковер, что лежал на паркете: "Бросишь все это и пойдешь воевать с британцами?".

— Доучиться я смогу и потом, — Дэниел посмотрел на открытый том, что лежал на рабочем столе: "Даже странно. В январе экзамены, а я думаю совсем о других вещах".

Он вспомнил сильные, маленькие руки, что затаскивали его в лодку, и сердитый шепот: "Вот так, я тебя сейчас обниму, и согрею. Доплывем до берега, и быстро в твои комнаты — там мы тебя разотрем и зашьем рану".

mir-knigi.org

— Нельзя, — сказал себе Дэниел. "Она ребенок, не твоей веры, — нельзя, вам с ней не по пути. Разве только, — он невольно улыбнулся, — еще повоюем вместе. Ее и точно — не остановишь".

— Стране будут нужны хорошие юристы, — внезапно заметил Хаим. "Надо будет писать конституцию, создавать законы, заключать мирные договора…"

— Сначала, — Дэниел выпил еще, — надо добиться независимости от британцев, а потом уже — все остальное. И хорошие врачи тоже, — он рассмеялся, — будут нужны. Переночуешь у меня?

— Да, — Хаим зевнул, — нет никакого желания тащиться обратно на Бикон-хилл. Мирьям уже, который сон видит, наверное. Поесть она мне принесла, так что завтра голодать не буду, — он вдруг наклонил голову: "Стучит кто-то. Неужели Раш решил тебя еще раз осмотреть — на сон грядущий, так сказать?"

Дэниел прошел в переднюю и Хаим услышал удивленный голос: "Папа!"

Высокий, крепкий мужчина по-хозяйски прошел в гостиную. Стряхнув снег с плаща, он грубо спросил: "А вы еще кто такой?"

— Хаим Горовиц, — сказал, поднимаясь, протягивая руку, юноша. "Я друг вашего сына, мистер Бенджамин-Вулф. Мы с ним вместе учимся".

Мужчина хмыкнул, увидев черную, бархатную кипу: "Еще один. Я смотрю, на севере вы так и кишите. Да и вообще — нет страны, которую бы вы не наводнили. Крысы, одно слово".

— Папа! — возмущенно сказал Дэниел, что стоял в дверях. "Как ты можешь!"

Дэвид, не говоря ни слова, повернулся к нему и ударил по щеке — со всей силы. Шов на ране разошелся. Хаим, увидев кровь, велел: "А ну прекратите! Ваш сын ранен, не смейте его трогать".

Дэниел вытер лицо рукавом рубашки, и замер — на него смотрело дуло пистолета. "Так, — сказал отец, дернув углом рта, — я вообще-то, должен бы был отвести тебя, подонка, к губернатору Хатчинсону. Вместе с твоим дружком, который тоже, наверняка, был сегодня в гавани…"

— Мистер Бенджамин-Вулф…, - попытался вмешаться Хаим.

— Заткнись, я, в отличие от британцев, — плантатор кивнул на кровоточащую щеку Дэниела, — стреляю без промаха. Так вот, — Дэвид невесело рассмеялся, — ты все же мой сын. А так, конечно — болтаться бы вам обоим на виселице. Собирайся, — он распахнул дубовую дверь шкапа и бросил к ногам Дэниела кожаную суму.

— Я не поеду в Виргинию, — юноша вскинул светловолосую голову. "Я же учусь…".

— Он учится, — задумчиво ответил Дэвид, разглядывая книги на столе. "Так вот — я прекращаю платить за твой Гарвард, лишаю тебя содержания, и вселю кого-то другого в эти комнаты, которые, если ты помнишь, я купил для тебя. Из завещания я тебя тоже вычеркну, завтра же. Всего хорошего, — он щелкнул курком пистолета. "Чтобы через пять минут и духу твоего тут не было".

— Это же ваш сын, — услышал Дэниел голос друга, и сквозь зубы попросил: "Хаим, подожди меня на улице, пожалуйста".

Он быстро собрал книги. Выдвинув ящик стола, достав кожаную папку с документами, Дэниел посмотрел отцу в глаза.

— Он на мать похож, — внезапно подумал Дэвид. "Может и повесится, как она. Хотя нет — он сильнее, это у него от меня. Спину-то как выпрямил".

— Я завтра пойду и поменяю фамилию, — холодно сказал Дэниел, накидывая плащ. "Вряд ли тебе захочется позорить себя сыном-патриотом, ты же у нас верный пес британцев, дорогой папа. Прощай".

Он вышел в морозную метель и обернулся: "Перчатки забыл. Да и черт с ними".

— Пойдем, — Хаим коснулся его плеча. Нагнувшись, собрав снег в горсть, юноша протянул его другу: "Приложи. Дома я тебе перешью, хотя, конечно, так как у Раша — не получится".

— Я всего на одну ночь, — Дэниел поморщился, и посмотрел на окровавленный снег. "Завтра найду себе какую-нибудь каморку, немного денег у меня есть".

— Адамс тебе устроит стипендию, — сказал Хаим, когда они уже взбирались по крутой улице на Бикон-Хилл. "Не то, чтобы нам долго оставалось учиться…"

Дэниел, взглянув на огоньки кораблей, что стояли в гавани, ответил: "Нет. Недолго".

Мирьям подышала себе на руки, и зажала в зубах кисточку: "Сейчас закончу". Дэниел раздвинул ширму и пробормотал: "Вот тут будет спальня, — он усмехнулся, — а тут кабинет, так сказать. Хорошо, что вход отдельный".

Он выглянул из маленького, под самой крышей окна — бревенчатый дом стоял прямо на набережной, зажатый между двумя тавернами.

— По вечерам тут будет шумно, — Дэниел оглядел чистый, сбитый из старых досок пол, книги, что лежали стопками на хлипком столе и два грубых табурета.

— Так, — сказала девушка. "Постельное белье я тебе все заштопала, ты ведь какие-то лохмотья купил — дырка на дырке".

— За мои деньги, — Дэниел рассмеялся, — и такое — дорого было. Надо, наверное, отучаться спать на простынях.

— Да, — девушка, распрямившись, одернула подол простого, коричневого платья, — как бы нам скоро не пришлось на земле ночевать, в палатках. Миссис Франклин учит меня обрабатывать раны, так, — Мирьям перекинула на грудь толстые, каштаново-рыжие косы, — на всякий случай.

Юноша повернулся и посмотрел на белую, нежную, приоткрытую скромным воротником шею. "Я тебе подарок принесла, — она чуть покраснела, и достала из кармана передника кусочек шелка. "Можно прибить за ширмой, никто не увидит".

Дэниел взглянул на гавань — снег прекратился, тучи разошлись, и вода блестела под лучами солнца — нездешним, сияющим, синим цветом.

— Как ее глаза, — подумал юноша.

mir-knigi.org

Он взял из рук Мирьям красно-белый, полосатый флажок. Подняв его, любуясь, Дэниел ответил: "А я хочу, чтобы видели. Давай сюда молоток и гвозди".

Мирьям держала флаг, встав коленями на табурет: "Хаим хорошо ему зашил рану, не хуже Раша. Он станет отличным хирургом. Ну что ж, — она незаметно вздохнула, — хирурги будут нужны. А я попрошу доктора Абрахамса устроить меня в госпиталь тут, в Бостоне. Миссис Франклин сказала, что она — тоже пойдет работать с ранеными".

— Вот так, — сказал Дэниел, отступив на шаг. "Очень красиво".

Мирьям взглянула на флаг, что красовался над рассохшейся, в облезлой краске, каминной доской и улыбнулась: "Очень. А что у тебя с работой, кроме Адамса?"

Дэниел кивнул на стол: "Адамс мне устроил еще одну ставку клерка, бумаги переписываю, ну и это — он указал на табличку, — что-то ведь принесет, наверное. Не пропаду, в общем. Тем более, что стипендию мне одобрили, хоть и половинную. Пошли, — он подхватил молоток, — прибьем это у входа, тебе ведь уже на занятия надо".

— Погоди, — девушка порылась в своей холщовой сумке. "Я тебе перчатки связала, с обрезанными пальцами, чтобы удобней писать было. Ты ведь на дровах будешь экономить".

— Буду, — согласился Дэниел, натягивая перчатки. "Они очень теплые, спасибо тебе большое. Погоди, я тебе плащ подам".

Он чуть вздрогнул, коснувшись ее стройных плеч, вдохнув запах трав, и, распахнул дверь: "Давай мне руку, тут не самая надежная лестница".

На улице было почти тепло, гомонили чайки, в лужах растаявшего снега купались воробьи. "Скоро весна, — вдруг сказала Мирьям, придерживая деревянную табличку. Дэниел посмотрел на аккуратно выписанные, черные буквы: "Дэниел Вулф. Юридическая помощь", и весело ответил, зажав в зубах гвозди: "Да, скоро весна!"

Дэниел отложил перо. Потерев глаза, потянувшись за куском черного хлеба и ложкой, он стал жевать остывшие потроха, что стояли на краю стола в оловянной тарелке. "Это тебе не лобстер у губернатора, — усмехнулся он, и услышал на лестнице чьи-то тяжелые шаги.

Спрятав тарелку за ширмой, Дэниел быстро оправил сюртук и стянул перчатки.

— Я к мистеру Вулфу, — пожилой, заросший сивой бородой до глаз мужчина в холщовой куртке рыбака недоверчиво оглядел комнату.

— Прошу вас, — Дэниел поклонился и указал на табурет.

Мужчина опустился на него. Осмотрев юношу с ног до головы, он сплюнул на пол коричневую, табачную слюну: "Молод ты больно".

— Я учусь в Гарварде, — Дэниел сел напротив и взял перо. "Мистер..., - он склонил голову.

— Томас, — сказал рыбак. Маленькие, в морщинах глаза, остановились на флаге и он рассмеялся: "Из окна, значит, пока не вывешиваешь. Ну, ничего, придет и то время. Задаток у тебя, какой?"

— Никакого, — улыбнулся Дэниел. "Если я выиграю ваше дело — тогда и заплатите".

Мужчина погонял табак во рту: "Я там с одним поспорил, насчет лодки, что он чинить брался, да и не починил. Ну, врать не буду, руку на него поднял. Однако ж потом помирились, за одним столом в таверне сидели, а теперь жена его все пилит — мол, он тебе руку сломал, сети теперь тяжело таскать. А я руку ему не ломал, это он потом, после драки нашей, пьяным домой возвращался и на нее упал".

— Так, — сказал Дэниел, окуная перо в чернильницу, — давайте, мистер Томас, поподробнее, с именами, датами и свидетелями.

— Что за свидетели? — нахмурил лоб рыбак.

— С кем вы пили, — помог Дэниел.

— Их с десяток, было, — усмехнулся клиент: "Что задатка ты не берешь — это молодец, а лобстера я тебе все равно принесу, хоть поешь вволю, — он кивнул на тарелку, что стояла под ширмой.

Дэниел покраснел. Написав сверху листа: "26 декабря 1773 года", он велел: "Начнем".

Интерлюдия

Амстердам, декабрь 1773 года

Колокола Вестеркерк пробили пять вечера. Солнце уже садилось, освещая темную воду канала Принсенграхт. Невысокий, светловолосый мужчина, что остановился на мосту, разглядывая дом напротив, хмыкнул: "Свечи уже зажгли, ну конечно, зима ведь".

Он вскинул голову и посмотрел на чаек, кто кружились над черепичными крышами квартала. Сунув руку в карман темного, скромного редингота, он вытащил на свет половину булочки и улыбнулся: "В Дувре была еще теплой". Он раскрошил хлеб, и, опираясь на кованые перила, бросил его чайкам. Птицы стали толкаться у его ног. Мужчина, встряхнув аккуратно перевязанной черной лентой косичкой, строго сказал толстому голубю: "А ты не лезь, не лезь впереди всех".

Он поднял голову и, прищурившись, пробормотал: "Наконец". Птицы с шумом взлетели вверх. Мужчина, выйдя на набережную, рассмеялся: "Так и знал, что ты за едой ходил".

Легкий, изящный, в безукоризненном черном сюртуке, юноша взглянул на него лазоревыми глазами. Пристроив удобнее корзинку, он пожал протянутую руку:

— Эти двое, — он махнул на дом, — если их не покормить, так с голоду и умрут за своими математическими вычислениями. С Эстер на рынке был, рыба совсем свежая. А ты рано что-то, Джон, — он взглянул на мужчину.

Тот потер чисто выбритый подбородок: "И так — еле вырвался, парламент все обсуждает — что нам делать с колониями. Стивен, кстати, не вернулся еще из Бостона".

— А что нам делать с колониями? — Питер Кроу порылся в корзинке. Отломив горбушку от румяной буханки хлеба, он с удовольствием откусил кусок.

— И мне тоже дай, — велел Джон Холланд, герцог Экзетер. Прожевав хлеб, он сказал:

— А колонии, дорогой мой глава торгового дома "Клюге и Кроу", — нам надо отпустить. Без

кровопролития. Но ведь они, — Джон махнул рукой куда-то на север, — предпочитают послать туда войска. Да и его величество…, - он усмехнулся и не закончил. "В общем, благо страны, конечно, предписывает дать им независимость, а вот личные интересы наших торговцев…"

— У меня там нет личных интересов, — холодно заметил Питер.

— Я, в общем, готов к тому, что они этот чай, на кораблях Стивена — сбросят в море, или сожгут. Или, я не знаю, птицам скормят. Этот убыток я предусмотрел. Меха и табак мне более интересны, и вообще, — он похлопал Джона по плечу, — мне вполне хватает Индии с Африкой. Если бы ты еще не забрал у меня Констанцу, — он вздохнул, — придется теперь нанимать троих для того, что она делала одна.

— Констанцу у тебя забрал Джованни, а не я, — усмехнулся Джон. "Впрочем, нет, сначала я, конечно. Написала она Стивену-то?"

— Написала, — Питер отломил еще хлеба. "Да то у них детское было, он шесть лет плавает. Констанца почти не видела его все это время. Ничего, — юноша улыбнулся, — мой кузен, как мне кажется, больше любит море".

— Море, да, — задумчиво сказал Джон. "Ты-то когда женишься? Я как раз в твои годы под венец пошел, и вот смотри — детям уже одиннадцать лет. Не затягивай".

— Когда встречу женщину, которая будет любить меня так, как моя сестра — любит своего мужа, — рассмеялся Питер: "Пошли, а то сейчас хлеба наедимся, и не сможем оценить этого карпа, что я купил".

— Слушай, — сказал Джон, когда они уже шли к дому, — а ведь у вас какие-то родственники в России были, ты говорил, я помню.

— У нас, где только родственников не было, — вздохнул Питер. "Что ты хочешь — в том лондонском пожаре, сто лет назад, весь город сгорел, не только архивы "Клюге и Кроу". Так что про тебя, — он широко улыбнулся, — я знаю, про всех остальных тоже, а кто там в других местах живет, — юноша пожал плечами, — они мне неизвестны.

— Жалко, — развел руками Джон, — если уж я посылаю агентов в Санкт-Петербург, было бы лучше, если бы не просто так — а к кому-то.

— Они и так едут к кому-то, — заметил Питер, стуча медным молотком в дверь, — к императрице Екатерине, любительнице образования, изящной словесности и, — он поднял палец, — математики.

Рыжеволосая девушка в чепце, на сносях, что стояла на пороге, оглядела их аквамариновыми, большими глазами и непонимающе спросила: "Что — математики?"

Джон помог затащить корзинку в переднюю и, ласково поцеловал Констанцу в щеку: "Ничего. Говорим, что Джованни будет преподавать наследным принцам математику".

— Их еще нет, наследных принцев, — заметила Констанца, разбирая припасы. "Сын Екатерины только этой осенью женился. Карпа я зажарю, с картошкой".

— А ты как себя чувствуешь? — вдруг спросил Питер. "Иосиф был?"

— Был, и сказал, что у меня все хорошо, осталось несколько дней, — Констанца погладила

большого полосатого кота, что вышел из кухни и недоверчиво поглядел на мужчин. Девушка велела: "Мойте руки, Джованни сейчас закончит наше письмо мистеру Эйлеру, о доказательстве теоремы месье Ферма, и сядем за стол".

Питер подхватил кота: "А ты тоже, старина — поедешь в Россию, будешь и там мышей ловить".

Джон посмотрел в зоркие, желтые глаза. Почесав кота за ушами, чуть вздохнув, герцог согласился: "Будет".

Иосиф Мендес де Кардозо стер пот со лба пациента и улыбнулся: "Вот и все, ваша светлость. Эстер, амальгаму, пожалуйста".

Сестра оторвалась от рабочего стола. Аккуратно взяв стеклышко с блестящей пастой, она заглянула в рот человеку, что сидел в кресле. "Пятая дырка за год, — вздохнула про себя девушка. "Его светлость штатгальтер Вильгельм Оранский никак не приучится чистить зубы".

— Сейчас доктор положит пломбу, — ласково сказала Эстер, поправив чепец, что закрывал ее вороные, тяжелые волосы, — и я поухаживаю за вашими зубами, ваша светлость.

Штатгальтер что-то промычал, кивнув. Он тяжело дышал: "Я слышал, вы собираетесь в Новый Свет, Кардозо? А кто же меня будет лечить?"

— В Голландии, ваша светлость, — Иосиф достал из шкапа серебряную зубную щетку и вощеную нить, — много отличных врачей.

— Ваша семья лечит мою семью уже полтора века, — капризно выпятил губу штатгальтер, — я к вам привык. И потом, Кардозо, — он взглянул в смуглое, красивое, обрамленное короткой черной бородой лицо врача, — я же вас не обижаю, для чего вам уезжать? Вот ваш отец — уехал и умер.

— Наш отец, ваша светлость, — Иосиф стал мыть руки в фаянсовом тазу, — уехал в Италию, потому что в Ливорно была эпидемия чумы. Он исполнял свой долг врача. В Северной Америке мало хороших докторов, так что, — мужчина вытер руки и посмотрел на сестру, что аккуратно чистила зубы пациенту, — мой долг, наш долг, — он указал на Эстер, — работать там, где мы нужны более всего.

Вильгельм Оранский сплюнул в серебряную миску: "Но вы должны принять роды у моей жены, иначе я вас не отпущу. Осталось недолго, вы же говорили — в феврале".

— Разумеется, — Иосиф взял шелковую салфетку и вытер рот штатгальтеру, — мы сделаем все для того, чтобы ее светлость удачно принесла дитя.

— Если будет мальчик, — рассмеялся штатгальтер, вставая, — получите тысячу гульденов золотом, как в прошлый раз. Ну, до встречи, — он потрепал Иосифа по плечу и вышел в переднюю. Врач проводил глазами вскочивших перед штатгальтером придворных и услышал ехидный голос сестры: "Предполагаю, что если будет девочка, то мы ничего не получим. Одна девочка у него уже есть".

Иосиф улыбнулся, и, наклонившись, — Эстер была много ниже, — поцеловал ее в лоб. "Я тут все приберу и вымою пол, — сестра посмотрела на грязные следы от сапог на дельфтской плитке. "Хоть сменную обувь им давай. Хотя, конечно, никто ее не будет носить — девушка пожала плечами, — уж больно они брезгливы".

— Брезгливы они, — пробормотал Иосиф. "Было бы так — не мылись бы в тазу раз в неделю, а принимали ванну, каждый день. Я пойду в кабинет, — Эстер посмотрела на складку между бровей брата: "Я тебе нужна?"

— Да, — он потер бороду, — конечно. Это будут не простые роды, надо все обсудить.

Она внезапно застыла, держа в руках хрустальный флакон с полосканием для рта: "Почему ты ей не говоришь?"

— Потому что, — вздохнул Иосиф, — я сам еще толком не знаю — что там у нее происходит, незачем зря пугать пациентку. С ребенком все хорошо, лежит правильно, может, и обойдется.

— Констанца же не просто пациентка, — Эстер все смотрела на него — большими, черносмородиновыми, красивыми глазами. "Она…"

— Друг, родственница, да…, - согласился Иосиф. "Это-то и хуже всего, сама знаешь. Приходи, — он аккуратно закрыл за собой дубовую дверь кабинета.

Развернув большой лист со схемой кровообращения, он хмыкнул: "Подумать только, еще век назад Гарвея за это смешали с грязью. Господи, ну как преодолеть человеческую косность? Да и не только в медицине". Иосиф поднялся. Сняв с полки том Спинозы, присев на каменный подоконник, он отыскал нужную страницу:

— Под Богом я понимаю существо абсолютно бесконечное, то есть субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность, — тихо прочел Иосиф. Глядя на силуэт Эсноги на противоположном берегу канала, мужчина усмехнулся: "А ведь Авраам Мендес де Кардозо подписал эдикт об исключении Спинозы из еврейской общины. Мой прапрадед, он тогда сидел в совете синагоги. Наверное, он бы и меня — врач вздохнул, — проклял".

Иосиф отложил книгу. Достав папку с ярлычком: "Констанца ди Амальфи, 19 лет", мужчина стал ее листать.

Он и не услышал, как Эстер наклонилась над его плечом. Сестра сняла чепец и заколола пышные, черные косы на затылке.

— Если бы мы могли заглянуть внутрь человеческого тела…, - пробормотала девушка, глядя на изящный рисунок пером, что сделал Иосиф. "Но ведь она, ни на что не жалуется, Констанца…"

Брат помолчал и хмуро ответил: "Когда-нибудь заглянем, я уверен. А что она не жалуется, — так их отец почти до пятидесяти с этим дотянул, — он указал на аккуратно начерченное сердце. "Однако мистер Майкл вел спокойный образ жизни, размеренный. А тут, — Иосиф помрачнел, — роды".

— А как ты узнал? — спросила Эстер.

Брат развел руками: "Все пациенты лгут, как известно. Констанца — не исключение. Это Питер мне сказал, что у нее в детстве, когда они много бегали, или баловались, — синели кончики пальцев и губы. То есть она не лгала, конечно, она просто забыла. Я заставил ее немного побегать по лестницам, и послушал сердце. Все, как в учебнике — сначала бешено стучит, а потом — замирает. И она начинает задыхаться, после нагрузки".

— И что делать? — Эстер, присев на ручку кресла, погладила брата по черноволосой,

прикрытой бархатной кипой голове.

— Взять с собой камфару, и надеяться на лучшее — отозвался Иосиф. Он потер лицо руками, и, посмотрел на часы: "Мне надо идти к этому, с обострением подагры. Ты почитай ее папку, подумай — какие еще средства нам понадобятся. Вечером обсудим".

— Но ты ей скажешь? — спросила Эстер, подавая ему уличный плащ.

— Скажем, — поправил ее Иосиф. "И ей, и Джованни. Но мягко, конечно". Он улыбнулся, и, подхватив свою сумку — вышел.

Эстер присела за большой, крытый зеленым сукном стол. Повертев в тонкой руке серебряную чернильницу, очинив перо, она стала просматривать записи брата.

В большом, жарко натопленном кабинете, перед мраморным камином, на ковре лежал кот. Констанца поставила узкие, изящные ступни в шелковых чулках на полосатую спину и смешливо сказала: "Он стал такой ленивый, что даже не шевелится. Прямо как я. Ты не волнуйся, — она подняла на Джона прозрачные глаза и поморгала рыжими ресницами, — сообщение с Санкт-Петербургом хорошее, корабли идут каждую неделю, сам же знаешь. Все донесения будут доставляться вовремя".

— Да, — Джон налил себе кофе и велел: "Ты пей молоко, Питер целый бидон с утра принес. Козье, свежее. И свою настойку боярышника, — он кивнул на стеклянный, отделанный серебром флакон.

— Придумали тоже, — сердито пробормотала Констанца, принимая из его рук фаянсовую чашку. "Все у меня в порядке, я его и не чувствую — сердца. Шифры все готовы, — она указала на тетрадь в кожаном переплете, что лежала на столе, — а перед отъездом я тебе новые пошлю".

— Ваш отец умер от сердечного приступа, — вздохнул Джон, — так что лучше — быть осторожнее. А с Санкт-Петербургом, — он усмехнулся и закинул руки за голову, — мой дед рассказывал. Он же сопровождал царя Петра, когда тот приехал в Англию. Петр ему предлагал бросить все и отправиться к нему на службу, говорил, что в новой России ему нужны умные люди.

— Императрица Екатерина говорит то же самое, — раздался с порога мягкий голос Джованни. Он прошел к креслу, и, ласково поцеловал жену в высокий лоб: "Ну вот, все отнес в типографию, через две недели увидим".

— Маленького раньше, — нежно улыбнулась Констанца. "Или маленькую".

— Кого хотите-то? — внезапно спросил Джон.

Джованни подвинул даже не открывшего глаз кота. Взяв бархатную скамеечку, он присел у ног жены: "Я девочку, а она — мальчика. Не всем же так везет, как тебе — чтобы и девочка, и мальчик сразу. Прости, — он спохватился, увидев укоризненные глаза Констанцы, — не подумал.

— Одиннадцать лет прошло, — вздохнул Джон, — с тех пор, как Элизабет умерла. Ничего, — он махнул рукой, — я привык.

— Тебе жениться надо, — сказала Констанца, потянувшись, положив руку на темные, волнистые волосы мужа, гладя его по голове. "Вот мы женились, а кто, — она лукаво усмехнулась, — мог бы подумать?".

— Мне бы детей вырастить, — Джон налил себе еще кофе, — какая женитьба. Он посмотрел на Джованни, который, взяв руку жены, ласково перебирал ее пальцы: "Ничего. Они, конечно, еще дети — ему двадцать один всего лишь, но на рожон лезть не будут. Этот мистер Эйлер, в тамошней Академии Наук, очень ценит их работу. Будут спокойно преподавать, растить детей, ну и посылать донесения. Все будет хорошо".

— А книга-то как называется, это ведь ваша вторая уже? — спросил он.

— Использование уравнений Эйлера-Лагранжа в поисках экстремума, с некоторыми размышлениями о развитии вариационного исчисления, — отчеканила Констанца: "В Санкт-Петербурге я вплотную займусь теоретической механикой, и практической — тоже. Просто стыд, что никто не подхватил идею месье Бернулли о гребном винте. Ты ведь читал его "Гидродинамику", Джон?

Тот усмехнулся и передал Джованни чашку с кофе: "Разумеется. Более того, я перед отъездом сюда встречался с мистером Уаттом. Он сейчас работает над паровой машиной двойного действия, и говорил мне о винтовой тяге для кораблей".

— Сила пара и сила винта покорят океаны, — мечтательно заметила Констанца. "Джованни занимается проектом воздушного шара, он тебе покажет".

— А если Уатт тебя опередит? — вдруг спросил Джон. "Ну, с винтом".

Джованни отпил кофе и поцеловал руку жены: "Это же не состязания на арене во времена древнего Рима, Джон. Это наука, какая разница, кто будет первым? Важно, чтобы наша работа приносила пользу людям".

— Ну, в России, — подумал Джон, откинувшись на спинку кресла, — вашу работу точно не оценят. Оно и славно. Царь Петр, конечно, оценил бы, да он такой был один. Екатерина больше интересуется литературой, хотя деньги ученым платит исправно, конечно. Умная женщина, дальновидная, как это мне отец говорил — чем беднее семья немецкого герцога, тем лучшие из нее выходят правители. Как раз из такой семьи мы невесту нашему королю и подобрали — и вот, девятый ребенок уже родился, — Джон почувствовал, что улыбается: "Ну, давайте займемся нашими петербургскими знакомцами, я тут целое досье для вас привез".

Констанца скинула чепец. Взяв гребень слоновой кости, девушка открыла рот. "Это третья, — сказал Джованни, дав ей проглотить ложку темной настойки, — Иосиф велел — три раза в день, после еды. И не ходи больше никуда, пожалуйста, я с тобой буду гулять в саду. Все же зима, скользко на улице".

Он подвинул кота. Устроившись рядом с женой на кровати, положив ее голову к себе на плечо, Джованни рассмеялся: "Питер с Джоном пошли в какую-то рыбацкую таверну. Его светлость говорит, что там — лучшее пиво в Голландии".

Кот мяукнул, и, перекатившись по меховому одеялу — устроился поближе к большому животу женщины. "Уже не толкается, — тихо сказала Констанца, — значит, скоро. А Питер отсюда — прямо в Индию, когда теперь увидимся?"

— Сейчас новый век, — Джованни все гладил рыжие, распущенные волосы, — уверяю тебя, он

и до Санкт-Петербурга доедет, твой брат. Он же говорил, что хочет заняться тамошним рынком, особенно мехами.

Констанца посмотрела в темные глаза мужа и вздохнула.

— Болит что-то? — озабоченно спросил Джованни.

— Нет, — девушка потянулась и рассмеялась, — и правда ведь, кто бы мог подумать, что мы поженимся?

— Уж точно не я, — усмехнулся муж. Задув свечу в серебряном канделябре, он поцеловал ее в губы: "Спи, пожалуйста. Завтрак я сам сделаю, и тебе принесу, в постель".

Он лежал, слушая ее спокойное дыхание, сопение кота, что устроился у них в ногах, и, улыбнувшись, сказал себе: "И, правда, никто".

Летнее солнце заливало простые, не прикрытые ковром, деревянные половицы. Джованни присел на подоконник и посмотрел на собор Святого Павла — серый мрамор сиял в голубом, жарком свете июльского дня.

— Красиво, — подумал Джованни. "Соскучился я по Лондону, все-таки. Как это папа говорил, когда меня в Италию послали: "Побудешь там год, и поверь — захочется обратно. Хоть мы когда-то и были итальянцами, но вот уже какое поколение рождаемся на английской земле".

— Мне очень жаль, — услышал он голос Джона и вздохнул: "Я хотя бы застал папу в живых. Ты же знаешь, у него эта опухоль давно была, еще, когда я уезжал. Он не страдал, просто угас, и все".

— Там, в Мейденхеде, его похоронил, рядом с матерью твоей? — Джон поднялся и положил ему руку на плечо.

— Да, там же все наши лежат, — юноша пригладил чуть растрепанные, темные волосы. "Наши и Кроу, ваши-то в Оксфордшире. Ну, так что сведения? — он указал на бумаги, что были аккуратно разложены стопками по столу.

— Отличные, просто отличные, уважаемый магистр математики, — Джон поднял бровь. "Как я понимаю, тебя склоняли принять постриг, у иезуитов?"

— Семейная традиция, — Джованни расхохотался, показав крепкие, белые зубы. "Меня к чему только не склоняли, дорогой мистер Джон. Вот, — он отстегнул от лацкана серого сюртука золотую булавку с циркулем и наугольником, — я теперь полноправный член Великой Ложи Франции, как ты и просил. В Париже прошел обряд посвящения".

— Это очень, очень кстати, — пробормотал Джон, рассматривая булавку. "Меня тоже — приглашали. Тут у нас, в Лондоне, но, как ты понимаешь, официально я туда вступить не могу. Тем более — неофициально, там много знакомых подвизается, узнают".

— А с чего ты вдруг заинтересовался вольными каменщиками? — рассмеялся Джованни. "Они уже триста лет, как существуют, тихие, мирные люди".

— Это пока, — загадочно сказал Джон. Вчитываясь в какую-то бумагу, герцог добавил: "Я смотрю, римский резидент остался тобой, очень доволен. Пишет, что для ученого ты

mir-knigi.org

удивительно аккуратен, в работе, он имеет в виду".

— Я не знаю, с какими учеными он имел дело до меня, — обиженно сказал Джованни, соскакивая с подоконника, — но в науке важна аккуратность и внимание к деталям. А что те папские шифры? — озорно спросил юноша. "Можно мне ими заняться? Я уверен, что они не такие уж сложные, как кажется".

Джон, было, хотел что-то сказать, но дверь открылась. Легкая, изящная девушка с высокой, украшенной перьями прической, в шелковом, светлом утреннем платье, подняла подбородок: "Готовы эти итальянские шифры. Я их за чашкой кофе сделала, с утра".

Джованни взглянул в аквамариновые, большие глаза: "Мисс Кроу! Констанца! Вот уж не думал тебя тут встретить".

Девушка смерила его холодным взглядом: "Лагранж доказал теорему Вильсона, впрочем, — она презрительно посмотрела на пистолет, что лежал на столе, — ты, кажется, превратился из ученого в авантюриста, Джованни. Не думаю, чтобы тебя это интересовало".

— Джон, — она подошла ближе, — мне надо попасть на заседание общества гражданских инженеров, — проведи меня.

— Я могу, — небрежно заметил Джованни, засунув руки в карманы сюртука, — могу тебя провести. Ну, — он поднял бровь, — если хочешь, конечно.

Констанца вздохнула. Повернувшись на каблуке атласной туфли, девушка вышла в узкий коридор. "Я ни разу из него не стрелял, — сказал юноша, догнав ее, — из пистолета. И я встречался с Лагранжем, в Париже, мы с ним занимались".

Розовые губы задрожали в легкой улыбке. Джованни увидел над ними чернильное пятнышко: "Ах, как жаль, — вздохнула Констанца. "Я только намеревалась научиться стрельбе, а теперь и не у кого".

— Я могу, — торопливо проговорил юноша, — могу. Мы охотились, в Риме. То есть там, конечно, были мушкеты, но принцип один и тот же, — он встряхнул головой и обреченно добавил: "Вот".

Констанца остановилась и, поиграла жемчужным браслетом на тонком, белом запястье: "Заседание после обеда. Пойдем, — она кивнула в сторону Стрэнда, — у нас появилась кофейня, куда женщин пускают с черного хода. Там закрытые кабинки, очень удобно".

Джованни посмотрел на белые, сахарные облака, что плыли над площадью: "Я очень, очень, рад тебя видеть, Констанца".

Девушка все еще улыбалась — легко, мимолетно. Джованни, вдохнув запах лаванды, добавил: "И я тебя приглашаю, конечно".

На льняной, накрахмаленной скатерти, в серебряных, тяжелых подсвечниках горели свечи. Питер оглядел большой, крепкий, дубовый стол и услышал голос Эстер: "Курицу мы вам с собой дадим, даже и не спорьте".

— Я сразу отсюда — на корабль, — попытался отказаться Джон.

— Ну и что, — девушка пожала плечами, — упакую в корзинку, сейчас холодно, как раз в каюте и поешь, — она стала разрезать румяную, фаршированную птицу.

— Если начнется, Джованни быстро сюда добежит, тут близко, — подумал Питер, и попросил: "Можно я сюртук сниму? Все-таки родственники…"

— И я тоже, — обрадовался Джон, засучив рукава рубашки, и, отпил вина: "Я смотрю, его из Святой Земли стали привозить, берберских пиратов не боятся".

— Берберские пираты, — рассеянно сказал Иосиф, листая какие-то бумаги, что лежали рядом с его тарелкой, — не нападают на корабли, что везут вино. Они же последователи пророка Мухаммада, им запрещен алкоголь. Кстати, — он усмехнулся, — вы же меня спрашивали, что у нас за родственники в Новом Свете?

— Угу, — Питер намазал толстый слой паштета на кусок халы. Эстер, улыбаясь, подвинула к нему серебряную миску. "Ешь, — ласково сказала девушка, — твоя мистрис Джонсон такого не готовит, наверное".

— Не готовит, — согласился он, и спросил: "Так кто у вас там живет?"

— Да я и сам толком не знаю, — пожал плечами Иосиф, — три дня подряд дышал пылью в архивах Эсноги, и вот, — он указал на документы, — переписал кое-что. У нас ведь тоже, — мужчина вздохнул, — то пожар, то наводнение. Слушайте, — он отложил вилку, — это протокол заседания совета общины, от 9 ияра 5410 года, это 1650 — объяснил Иосиф. "Наш прапрадед, Авраам Мендес де Кардозо, там указан, в числе других".

— Также совет рассмотрел вопрос, — начал читать мужчина, — об изгнании из общины последователей ложного мессии Шабтая, объявившего себя таковым в Измире, что находится под властью оттоманского султана. Тут довольно длинный список, — он пробежал его глазами и поднял палец, — вот, Элияху Горовиц, и еще какие-то люди, с той же фамилией. Видимо, его сыновья, и еще Давид Мендес де Кардозо, это младший брат Авраама, с женой, урожденной Горовиц и детьми.

— Ну, так они в Святую Землю поехали, — недоуменно сказала Эстер, внося блюдо с печеньем и кофейник, — этот Шабтай потом стал исповедовать магометанство и они — тоже. Причем тут Новый Свет?

— Ага, — победно улыбнулся Иосиф, — а я порылся в бумагах, помеченных более ранними датами. Нашел, — он помахал листом, — решение о разводе. По прошению Сары-Мирьям Горовиц. В связи с тем, что ее муж, Элияху бен Хаим Горовиц, как тут написано, "покинул веру своих отцов и стал еретиком". Вообще женщинам только в редких случаях разрешено подавать на развод, но это — один из них, — хмыкнул мужчина.

— И тут же, тем же месяцем — он вчитался в аккуратные строки, — получено от Сары-Мирьям Горовиц, в связи с ее отъездом в поселение Йоденсаванна, в Суринаме, с детьми — две тысячи серебряных гульденов для ремонта миквы и основания благотворительного фонда для бедных невест. Вот так, — он хлопнул рукой по бумагам и добавил: "У этих Горовицей была дюжина детей, между прочим. Самый младший за два года до этого родился. Вот так и получается — Новый Свет".

— А что это за Йоденсаванна? — заинтересовался Питер.

— Британские и голландские власти в то время привечали там евреев, на севере Бразилии, —

ответил Джон. "Сам понимаешь, нам надо было закрепиться на континенте, а не только на островах. У них там были плантации сахарного тростника, и до сих пор есть. Но вы-то — не в Суринам плывете, а в Нью-Йорк, — удивился Джон.

— Думаю, — Иосиф стал разливать кофе, — не остались они в этом Суринаме, на север перебрались. Так что мы их найдем, — он рассмеялся: "Ешьте печенье, это по нашему семейному рецепту, имбирное".

— Стучит кто-то, — Эстер поднялась, — уж не Джованни ли?

Она прошла в переднюю, и вернулась со стопкой писем: "Гонец из порта, Джованни его сюда послал. Тут все тебе, Питер, — она перебросила юноше конверты.

Питер посмотрел на них. Взяв один в руки, он сломал печать с рисунком ворона, и надписью: "Anno Domini 1230".

Пробежав ровные строки глазами, он наклонился к Джону: "Тебе обязательно сегодня отплывать?"

— Нет, — тот покачал головой, — я могу задержаться на пару дней, если надо.

— Надо, — шепнул Питер. Потянувшись, он взял горсть печенья: "Очень вкусное".

На улице пахло мокрым, растаявшим снегом, дул слабый, соленый ветер с моря. Питер натянул перчатки. Замотав вокруг шеи шарф, оскальзываясь, он подошел к фонарю, в котором, за мутным стеклом горело несколько свечей.

— Да что случилось? — Джон порылся в карманах редингота. Набив трубку, она затянулся: "У них Шабат, а у нас — нет, можно и покурить".

Лазоревые глаза юноши блеснули холодом. "От Стивена, — он помахал листком. "Триста сорок два тюка чая сбросили в Бостонскую гавань, как я и говорил".

— Ты же сказал, что предусмотрел этот убыток, — удивился Джон и помрачнел: "Теперь точно — будем воевать".

Юноша коротко усмехнулся. "Передай Констанце, что я получил ее письмо, и желаю ей всяческого счастья. Хотя, конечно, она поступила недостойно, разорвав нашу помолвку, — прочитал Питер и сочно сказал: "Да какая помолвка, ей тринадцать лет было! Ох, Стивен, Стивен! — он покачал головой и продолжил: "Груз я сдал в твоей конторе в порту, и уезжаю в Портсмут — первым помощником капитана на линейный корабль "Престон". Завещание мое лежит у тебя, никаких изменений туда вносить не надо. Пожелай мне удачи, твой Стивен".

Джон тяжело вздохнул: "Кровь Ворона, что тут еще говорить…"

— У меня тоже, — заметил Питер, — кровь Ворона, однако же, я не бросаю дело, и не отправляюсь воевать с колонистами, будь они неладны". Он спрятал письмо: "Ладно, пора домой, хотя погоди, — юноша прищурился, — бежит кто-то.

— Хорошо, что я остался, — подумал Джон. Он спокойно велел тяжело дышащему Джованни: "Пусть Иосиф и Эстер собирают все, что нужно, а мы пойдем к Констанце. Ты только не волнуйся".

mir-knigi.org

— Не буду, — юноша прикусил губу. Посмотрев им вслед, он постучал в дверь дома Кардозо.

Джон налил себе кофе. За окном была непроницаемая, ночная тьма. Он повертел в руках чашку. Повернувшись к Питеру, Джон увидел, как тот запечатал очередное письмо, бросив его поверх остальных. Юноша, подняв голову, указал рукой на стопку конвертов: "Кейп, Бомбей, Кантон — пусть готовятся к моему приезду. Я ведь надолго, года на два. Кстати, у нас в этом году рекордный экспорт в Кантон — тысяча тюков опиума".

Джон присел на край стола и тихонько свистнул: "Весь Китай потребляет две тысячи тюков в год, я помню, ты мне говорил. Будешь увеличивать оборот?"

— Разумеется, опиум — это золотое дно, — Питер захлопнул крышку чернильницы и зорко взглянул на Джона: "Кейп должен быть нашим, Ост-Индская компания и так тратит слишком много денег на стоянках там. Голландцы дерут втридорога за пресную воду и припасы".

— Дай с одними колониями разобраться, — ответил мужчина и прислушался: "О, кажется, это Джованни".

Юноша зашел в гостиную и привалился к косяку двери, тряхнув темными кудрями. "Все хорошо, — наконец, сказал он, — Иосиф говорит, еще не скоро. Велели, чтобы я поспал, но я не могу, не могу, — он обернулся к лестнице.

— Ты сядь, — ласково велел Джон. "Или лучше иди в кабинет. Там же, наверняка, у вас работа какая-нибудь лежит. Проект воздушного шара, например. А я тебе вина налью, — он открыл бутылку и передал Джованни бокал.

Тот, пробормотав: "Спасибо", — вышел. Джон посмотрел ему вслед, и увидел, как юноша устало садится на ступеньки лестницы.

— А я ведь на год его старше был, — подумал мужчина. "Господи, да простишь ли ты меня когда-нибудь?"

Он дернул углом рта и подошел к большому, в мелких переплетах рам окну. Луна, на мгновение, вышла из облаков. Темная вода Принсенграхта заблестела, заиграла бледным, серебристым сиянием.

В огромном, уходящем ввысь, каменном зале гудело пламя камина. Джон обернулся и встал — хирург подошел к его креслу, держа на весу забрызганные кровью руки.

— С первым ребенком все хорошо, — устало сказал мужчина. "Вы видели. Девочка, крепкая и здоровая. А вот второй, — он пожал плечами, — ее светлость почти без сознания, схваток нет. Еще и ребенок лежит неправильно. Надо что-то делать, иначе мать умрет, она и так едва дышит.

— А что..., - Джон откашлялся, — что можно сделать?

— Операцию, — спокойно сказал хирург и поднял ладонь. "Вы не волнуйтесь, ее полвека, как успешно проводят. Мы дадим ее светлости опиума, и все будет хорошо".

— А если не делать? — Джон потер руками лицо. "Операцию? Если просто подождать?"

— Подождать чего? — резко спросил врач. "Пока у ребенка остановится сердце, и мы его будем

вытаскивать по кускам? Или пока ваша жена не умрет? Решайте уже, наконец".

— Ей двадцать лет, — отчего-то подумал Джон. "Господи, за что, за что?"

— Хорошо, — он выплеснул остатки вина в камин, и пламя зашипело. "Оперируйте".

— Элизабет еще успела посмотреть на детей, — он прижался лбом к холодному стеклу. "Даже к груди их приложила. Джозефина и Джон. А потом началась горячка, и все..., - он сжал зубы. "Через два дня ее не стало. Так в сознание и не пришла. Только все время держала меня за ладонь, не отпускала".

Он почувствовал руку Питера на своем плече. Не оборачиваясь, герцог сказал: "Ничего. Спасибо тебе, я сейчас".

— Джованни! — дверь спальни открылась, и они услышали радостный голос Эстер. "Быстро сюда, а то все пропустишь!".

— Ну, — перекрестился Питер, — сейчас и узнаем, кто это. Они постояли, молча, и Питер вспомнил: "Если мальчик, они хотели Майклом назвать, в честь нашего отца, а если девочка — то Софи, как мать Джованни звали". Он положил руку на свой крохотный, золотой, с бриллиантами крестик: "Надо будет маленькому отдать. Я неизвестно, когда женюсь, а это все-таки будет мой племянник. Или племянница".

— Смотри, — сказал Джон, подняв голову вверх. "Иосиф спускается".

— Девочка, — улыбнулся врач, остановившись на пороге. "Красавица — глаз не отвести. Завтра посмотрите. С Констанцей все в порядке, она большая молодец. Идите-ка вы спать, — он зевнул. Питер ласково ответил: "Я тебе сейчас кофе сварю, тут же есть ваш кофейник и чашки, в сундуке лежат. А потом пойдем отдыхать, вон, — он взглянул на нюрнбергские часы, — уже давно за полночь".

— Ну и славно, — подумал Джон. "Джованни тут побудет немного, и отплывет в Петербург. Эйлер его ждет в феврале. Он же писал о какой-то экспедиции весной на эти их горы, Урал. Заодно узнаем, как у русских обстоит дело с рудой и заводами. А осенью Джованни вернется и заберет Констанцу с дочкой".

— Да, — сказал он вслух, — родителей мы тогда уже завтра поздравим. Часы пробили три. Джон, взглянув на канал, вдруг поежился — луна ушла. Он, подняв голову, посмотрев на тяжелые тучи, — вздохнул.

Констанца пошевелилась. Коснувшись щеки мужа, что лежал рядом, обнимая ее, она смешливо сказала: "Принеси-ка маленькую, слышишь — она проснулась".

Джованни накинул на ее плечи меховое одеяло. Посмотрев за окно — утро было серым, шел мелкий, надоедливый дождь, голые деревья на набережной канала мотались под ветром, он осторожно взял дочь из колыбели.

Девочка открыла темные, большие, отцовские глаза и покрутила небольшой, изящной головой в кружевном чепчике. Констанца устроила ее у себя в руках и, дала грудь: "Эстер говорит, что молоко через пару дней придет, но все равно — пусть сосет. Видишь, рыжая получилась, как я и думала, — девушка ласково улыбнулась.

— Кто бы сомневался, — Джованни устроился удобнее и посмотрел на девочку: "Рыжая Софи.

А глаза все равно — мои, у нас у всех они темные".

— Итальянец, — протянула Констанца. "Это же твой, — она наморщила лоб, — предок, уже не помню кто, был священником и сложил с себя сан, потому что влюбился в женщину?"

— Угу, — сказал Джованни, любуясь девочкой. "А она была то ли из Японии, то ли из Китая. Но это легенда, наверное. Еще у нас какие-то родственники знатные были, тоже, скорее всего — предание. А теперь у нас есть Софи. И еще дети будут, — он лукаво посмотрел на жену.

— Будут, — зевая, согласилась, Констанца. "Давай поспим, маленькая дремлет уже, и у тебя глаза смыкаются. Только накрой нас, а то что-то зябко".

— Хорошо, — он плотнее подоткнул вокруг них меховую полость, и заснул — как только его голова коснулась подушки.

— Все равно знобит, — подумала Констанца, прижимая к себе девочку. "Надо просто отдохнуть, вот и все". Она закрыла глаза. Дочь, лежавшая у ее груди, спокойно, ровно задышала. Ребенок слушал, как бьется сердце матери — все медленнее, и медленнее. Потом рядом с ней не осталось ничего, кроме тишины. Девочка, поерзав, почувствовав холод и одиночество — громко, настойчиво заплакала.

Питер поправил траурную повязку на рукаве сюртука и, осторожно приоткрыл дверь спальни. Джованни стоял у окна, держа на руках дочь, что-то ей, говоря — тихо, ласково. Юноша посмотрел на темные волосы зятя: "Господи, как он справляется? Год они вместе прожили, всего год".

Он неслышно подошел. Встав рядом, Питер увидел золотой крестик с бриллиантами, что блестел на шее у девочки: "Священник ждет, внизу. И на корабле тоже, — Питер на мгновение прервался, и, помолчав, продолжил, — тоже все готово. Она..., уже там".

— Констанца бы поступила так же, — вдруг сказал Джованни, глядя на дождь за окном, покачивая засыпающую девочку. "Она бы настояла на вскрытии, Питер. Она ведь была ученый, это, — он тяжело вздохнул и вытер свободной рукой глаза, — важно. Спасибо, что ты пошел, я бы, — мужчина помолчал, — не смог".

— Да Иосиф тебя бы и не пустил, — подумал Питер, вспомнив холодный, выложенный плиткой зал и старческий голос: "Конечно, Иосиф, это был просто вопрос времени. Сердце бы все равно остановилось — если не при первых родах, так во время следующих. Или не выдержало бы любой нагрузки, больше обычной".

Старик поднял серые, пронзительные глаза: "Вы ее брат?"

— Да, — ответил Питер, что стоял поодаль, глядя на рыжие косы, что спускались почти до самого пола — тело, прикрытое льняной простыней, лежало на мраморном столе.

Старик щелкнул пальцами и вымыл руки в тазу: "Снимите сюртук и расстегните рубашку". Он взял поднесенную слуховую трубку, и, нагнувшись, застыл.

— У вас все в порядке, — наконец, сказал врач, и, помедлив, добавил: "Мне очень жаль. Но ваша сестра могла умереть в любое мгновение, просто поднимаясь по лестнице. К сожалению, этого, — он кивнул на тело, — мы пока лечить не умеем".

mir-knigi.org

— Спасибо, — Джованни пожал ему руку и попытался улыбнуться. "Пойдем, милая, — он покачал дочь, — дядя твой здесь, сейчас и окрестим тебя, Констанца-Софи".

Когда они уже спускались по лестнице, Питер приостановился и взял зятя за локоть: "Ты только не волнуйся, кормилица хорошая, Эстер с Иосифом присмотрят за девочкой. Ты следующим годом вернешься и заберешь ее".

— Мог бы никуда не ездить, — буркнул Джон, что стоял в передней, прислонившись к перилам лестницы. "Я же тебе сказал — хочешь, я найду другого человека".

— Хотя кого другого? — вдруг подумал мужчина. "Где я еще возьму такого? Один из лучших молодых ученых в Европе, в переписке с Эйлером и Лагранжем. Отличный инженер, да еще и русский за этот год довольно прилично выучил, сидя в Амстердаме. Хотя в Санкт-Петербурге все по-французски говорят, конечно".

Джованни обернулся и, взглянул на него темными, блестящими глазами: "Я же обещал, Джон. Не было такого, чтобы я отказался от своего слова".

— Да, — вздохнул мужчина. Поправив шелковый галстук, он зашел в гостиную, где на ореховом столе уже стоял серебряный таз. Священник, поднявшись им навстречу, улыбнулся: "Крестный отец здесь, так что можно и начинать".

— Как зовут вашего ребенка? — услышал Джованни, и ласково погладил голову дочери:

— Констанца-Софи.

— Хотите ли вы окрестить ваше дитя? — продолжал священник.

— Хочу, — Джованни улыбнулся — девочка проснулась и оглядывала мужчин еще сонными, туманными глазами.

— Обещаете ли вы жить в христианской вере, по милости Господней, и воспитывать в этой вере свою дочь? — священник посмотрел на Джованни.

Тот помолчал и твердо сказал: "Обещаю".

— Обещаете ли вы, — обратился священник к Питеру, — через молитву и выполнение заповедей Господних, поддерживать и направлять это дитя, как его крестный отец?

Юноша взглянул на ребенка. Осторожно снимая кружевной чепчик, он кивнул: "Да".

Вода полилась на круглый, покрытый рыжими, мягкими волосами затылок. Маленькая Констанца недоуменно помолчала, а потом заплакала — сильно, недовольно.

— Правильно, что кормилица в соседней комнате ждет, — подумал Питер, глядя на то, как Джованни берет на руки дочь. "Господи, только бы все хорошо было — и с ним, и с девочкой".

Очертания корабля пропали в сером, влажном тумане, что затягивал Эй. Эстер закуталась в соболью шубку и подошла к брату — Иосиф стоял, засунув руки в карманы плаща, на черных волосах блестели капельки мороси.

— Если бы мы могли это оперировать, — тихо, глядя на воду, сказал брат. "Мы уже многое умеем, очень многое, но все равно — пока, как слепые. Это ведь совсем простая вещь, Эстер, я

же рисовал, ты видела".

— Боталлов проток не зарос, — девушка покачала укрытой суконным беретом головой: "Ничего нельзя было сделать. Таким женщинам, конечно, нельзя рожать, но кто, же знал?"

— Никто, — Иосиф подал ей руку. Они спустились в лодку, привязанную на канале. "Малышка здоровая, крепкая, но я, конечно, буду за ней наблюдать. Джованни, следующим годом, вернется из Санкт-Петербурга, увезет ее туда".

— Да, — Эстер повернулась и посмотрела на залив — тучи сгущались на востоке, громоздились тяжелой, темной башней, дул сильный, холодный ветер. Она, подняла на брата глаза "Давай, я помогу тебе грести. Хочется быстрее попасть домой".

Часть первая

Урал, весна 1774 года

Мальчишка, — белобрысый, голубоглазый, в потрепанном кафтанчике, забежал вперед: "Иван Петрович, а можно я взорву?"

— Еще чего не хватало, — строго сказал Джованни и улыбнулся про себя: "Иван Петрович. Ну да, а как еще меня называть?"

— Иван Петрович, — умоляюще протянул мальчишка, — я ведь тоже хочу инженером стать. Пожалуйста…

Джованни подхватил сумку с порохом и потрепал его по голове: "Вот когда станешь, Миша, тогда и взрывай, а пока мы с твоим зятем все сами сделаем, а ты будешь стоять поодаль".

— Иван Петрович, — не отставал Миша, — а можно в телескоп посмотреть, ночью?

— Это можно, — согласился Джованни. Взглянув на гору, он помахал рукой. Высокий, мощный, рыжеволосый человек, что ждал их у деревянной, хлипкой лестницы, ведущей в темноту рудника, приставил ладони ко рту: "Все готово, только тебя и ждем, Иван Петрович!"

— Иван Петрович, — Миша крутился под ногами, — а вы где учились?

— В Болонье и Марбурге, — ответил Джованни. "В Болонье — математике, а в Марбурге — инженерному делу. Еще в Праге лекции слушал, и в Париже".

— Федор в Санкт-Петербурге учился, — открыв рот, сказал Миша. "Еще в Гейдельберге. Я тоже в столицу поеду, с рудным обозом. Осенью, как Емельку разобьют. Меня на казенный счет в пансион при университете берут, раз батюшка наш в шахте погиб".

Джованни улыбнулся, и посмотрел вокруг — гора, поросшая молодым, зеленеющим, лесом уходила вверх. В голубом, прозрачном небе метались птицы, крепость Магнитная — окруженная деревянным, мощным частоколом, стояла в распадке между высоких холмов. Разъезженная, широкая дорога уходила на восток, к Яику. "Восемь верст тут до реки, — вспомнил Джованни. "Говорят, Пугачев уже близко. Впрочем, тут гарнизон хороший, пушки, солдат сотня человек, снарядов чуть ли не тысяча. Надо будет с Федором еще поработать в оружейной. Ядра нам всегда пригодятся".

— Так, Мишка, — услышал он смешливый голос Федора, — а ну дуй отсюда, пока цел. Марье

mir-knigi.org

Михайловне скажи, чтобы щи грела. Мы сейчас эти камни снесем, и придем обедать.

Мальчик, было, выпятил губу, но Федор ласково добавил: "После обеда в кузнице нам поможешь".

— Конечно! — восторженно кивнул Миша. Он, быстро, оскальзываясь на кусках руды, что усеивали узкую тропинку, побежал к входу в крепость.

— Нечего ему тут делать, — сказал Федор по-немецки и тут же спохватился: "Прости, Иван Петрович, с тобой и, правда — немецкий забудешь".

— Ничего, — Джованни стал аккуратно раскладывать обмотанный тряпками и перевязанный порох, — я уж летом и уеду, Федор, буду в столице свой русский практиковать.

— Жалко, — Федор Воронцов-Вельяминов почесал рыжие, короткие волосы: "Вот чаще бы таких Академия Наук присылала, не боится человек руками работать, сразу видно — знает, что такое рудник".

— Я, когда в Марбурге учился, — будто услышав его, сказал Джованни, — сам в забои спускался. Там же они не такие, Федор, — мужчина обвел рукой гору, — это у вас — по богатейшей руде чуть ли ни ногами ходят. А в Германии, ты сам знаешь, — надо на, — Джованни щелкнул пальцами, и Федор помог: "На брюхе".

— На нем, — улыбнулся Джованни, — с киркой лежать. Все, — он выпрямился, — на толщину камня, которую ты рассчитал, — должно хватить. Отойдем подальше.

Федор чиркнул кресалом, огонек пополз по веревке к связкам пороха. Они, отбежав за дальнюю скалу, бросились на землю.

Джованни услышал грохот камней и невольно улыбнулся: "Так бы всегда. Впрочем, что это я — Эйлер мне настрого запретил на Урале задерживаться, велел к сентябрю уже быть в столице. Занятия в университете начинаются, я же буду математику преподавать. А той весной съезжу в Амстердам, заберу Констанцу".

— Отлично, — сказал Федор, поднимаясь, отряхивая кафтан. Открывшаяся стена чуть поблескивала, уходя вверх. Джованни, подойдя к ней, погладил камень рукой: "Высшего качества руда. Вообще чего только на этом Урале нет, богатейшие горы".

— Ну, — присвистнул Федор, — завтра и начнем тогда. До осени надо как можно больше обозов снарядить. Этого Пугачева не сегодня-завтра разобьют, конечно, но не хотелось бы из-за него деньги терять.

— А где он сейчас, Пугачев? — спросил Джованни, когда они уже шли к воротам Магнитной.

Федор помахал рукой часовым, и пожал мощными плечами: "Господь один ведает, Иван Петрович. Говорят, на Яике где-то бродит, у него под рукой какой только швали нет. Башкиры и татары тоже к нему подались. Землю и волю обещает, мерзавец, — мужчина нехорошо усмехнулся. Перекрестившись на деревянные купола храма Живоначальной Троицы, он добавил: "Ничего, сюда Емелька и не сунется".

Уже в чистых, выскобленных сенях пахло щами и жареным мясом. Марья Михайловна высунула белокурую голову в синем платочке наружу: "Сапоги-то вытирайте, и так все вокруг

— пылью покрыто".

— Взорвали? — спросила девушка, вытаскивая из печи большой горшок. "Миша и поел уже, с мальчишками на реке рыбу удит".

— А как же, — Федор стал нарезать свежий, ржаной хлеб. "Все готово, Марья Михайловна. Завтра уже и руду будем насыпать оттуда. Если б не Иван Петрович, — он похлопал Джованни по плечу, — мы бы в жизнь не догадались, что там такая жила богатая".

— Наш батюшка покойный такой был, — Марья стала разливать щи, — мне, хоть и пять лет было, как погиб он, а я помню — только посмотрит на скалу, и говорит — здесь рубить будем. Никогда не ошибался.

— Чуял, — вспомнил Джованни русское слово. "Федор же говорил — они тоже на прииске поженились, на Исети, в Екатеринбурге. Мария там и выросла, отец ее горным инженером был. А Федор туда после Гейдельберга приехал, на завод".

— Иван Петрович, ешьте, — услышал он ласковый голос. Мария присела за стол: "Как жалко, такой молодой, и уже вдовец. Хороший человек, сразу видно. И дочка у него маленькая, Софьюшка".

— Марья Михайловна, — вдруг, усмехаясь, спросил Джованни, — а что это — у вас в девичестве такая же фамилия, как у Федора Петровича была?

— Ну что вы, — девушка махнула рукой и налила им еще щей, — я Воронова, а он — Воронцов-Вельяминов. Разные совсем. Батюшка говорил, что предок наш еще до царя Петра в Россию перебрался, при Алексее Михайловиче государе. Он в Туле работал, на заводе, тоже инженером. Немец был, наверное. А откуда Вороновы мы, — девушка пожала стройными плечами, — сие неведомо.

— Так, — Федор вытер куском хлеба тарелку, — а ведь у нас еще гусь жареный?

— Я больше не съем, — запротестовал Джованни. Федор, оглянувшись на жену, что наклонилась к печи, подмигнув Джованни, вытащил из сундука бутылку зеленого стекла.

— Разве что немного, — вздохнул мужчина. Федор, разливая по стаканам водку, хохотнул: "Как раз столько, чтобы и на гуся хватило, и ядра мы бы с тобой отлили".

Джованни вдохнул запах пороха, свежей зелени, ветра с реки, что дул в открытые ставни: "Надо будет Констанцу сюда, потом привезти. Уж больно тут хорошо".

Федор поднял стакан, и рассмеялся: "Как говорили у нас в Гейдельберге — Zum Wohl, Иван Петрович!

— Zum Wohl, — согласился Джованни и, выпив, покрутил головой: "Уже и отвык тут от вина, Федор".

— Все равно, — мужчина стал разрезать гуся, — в Петербурге тебя так не покормят. Я хоть там и родился, а все равно — Федор широко улыбнулся, — лучше здешних гор ничего нет. Да, Марья Михайловна? — он смешливо поднес белую, маленькую руку жены к губам.

— Нет, — согласился Джованни. Марья вздохнула: "Хорошо, что Иван Петрович здесь до конца лета. Можно Мишу не с обозом отправить, а с ним — все же свой человек уже нам стал,

присмотрит".

— Еще по одной, — сказал Федор. Поймав укоризненный взгляд жены, он покраснел: "Ей-богу, Марьюшка, нам двоим сия бутылка — только горло промочить".

— Ешьте лучше, — велела девушка. Забрав бутылку, Марья спрятала ее обратно в сундук.

Федор улыбнулся и, подтолкнул Джованни: "Ничего, мы вот следующим летом в гости к Ивану Петровичу наведаемся. Там уже, Марьюшка, ты так не похозяйничаешь".

— Обязательно приезжайте, — ответил Джованни: "Хорошо, что комнаты у меня совсем рядом с Летним садом. Будем там с Констанцей гулять, как привезу ее".

— Ну, все, — он улыбнулся и отодвинул тарелку, — пойдем, Федор, посмотрим — что там у нас в оружейной. Спасибо вам, Марья Михайловна, — Джованни чуть поклонился.

— Вы там осторожней, — сказала девушка, когда они уже выходили из сеней. Марья стала убирать со стола и вдруг застыла, опустив ручник. Она повернулась к красному углу. Перекрестившись на маленькую, в серебряном окладе икону Богородицы — с прозрачными, большими зелеными глазами, девушка тихо сказала: "Заступница, Владычица, отведи ты от нас эту смуту, прошу Тебя".

Изба вздрогнула, и Марья успокоила сбя: "Пушки пробуют, каждый день комендант велел это делать. Ничего страшного".

Она сложила грязные тарелки в деревянное ведро. Взяв гусиное крыло, девушка стала сметать крошки со стола.

В комендантской избе было накурено и крепко пахло потом. Поручик Тихановский бросил на стол бумаги, и устало потер небритый подбородок: "Башкиры говорят, Пугачев уже в тридцати верстах отсюда. Веры им нет, конечно, у страха глаза велики, но дозорных, господа, мы теперь и на ночь оставлять будем".

— Ночи теперь теплые, — зевнул кто-то из офицеров, — все же май месяц на дворе, не простудятся.

— Федор Петрович, — Тихановский взял перо, — а что у нас сейчас с вооружением?

— Сто сорок семь снарядов с картечью и почти семь сотен ядер, Сергей Сергеевич, — Федор отхлебнул чаю. Тихановский подумал: "Ну и вымахал наш инженер, кружка вроде большая, а в его ладони — ровно игрушка детская".

— Мы с Иваном Петровичем до конца недели еще три сотни отольем, — добавил Федор. "Ружья, пули — это все в полном порядке. Пушек, жаль, маловато".

— Пушки взять уже неоткуда, — вздохнул Тихановский. Помолчав, он сказал: "Ей-богу, Федор Петрович, отправил бы ты этого немца куда подальше, я же за него перед столицей отвечаю".

— Да куда я его отправлю? — горько отозвался мужчина. "Ежели одного его из крепости отпустить — так это все равно, что убить средь бела дня, сами знаете, что у нас тут вокруг делается. И он не немец, англичанин".

— А то Пугачев будет в сем разбираться, — сочно заметил Тихановский.

— Вот еще что, господа, — Федор, оглядевшись, захлопнул дверь в сени, где сидел наряд солдат, — надо нам часть пороха и оружия в шахтах спрятать. В тайности, понятное дело.

— Это еще зачем? — недовольно спросил один из офицеров.

— Затем, — комендант набил трубку, — что ежели Пугачев все же тут появится, лучше, чтобы у нас запасной арсенал был. Федор Петрович, только это с надежными людьми делать следует, — Тихановский поднял на него голубые, чуть покрасневшие глаза.

— Рабочих возьму, и, — Федор улыбнулся, — Ивана Петровича, мы с ним все под землей излазили. Ходы там, как свои пять пальцев знаем. Сегодня на рассвете и займемся.

— Ладно, — комендант широко, отчаянно зевнул, — пора и на покой, господа. Будем надеяться, что Емелька нас стороной обойдет, а ежели нет — так зубы об нас обломает.

Федор вышел на крыльцо избы и вскинул голову — звезды были крупными, чистыми, сиял, переливался Млечный Путь. Он услышал умоляющий, мальчишеский голос: "Теперь я смотрю! Иван Петрович, скажите ему, чтобы вперед всех не лез. А что это за звезда?"

— Сириус, — раздался мягкий голос Джованни. "Древние называли его Песьей звездой, псицей, а китайцы — "Небесным Волком".

Федор, даже не думая, нашел глазами блестящую точку, и вздохнул: "Сенека и Птолемей писали, что Сириус — красный. Правильно: "Когда пучки лучей этой звезды меняют цвет, на земле появляется множество воров и разбойников".

Он перекрестился и, пройдя по чистому, выметенному двору крепости, толкнул дверь своей избы.

Марьюшка сидела при свече, чиня одежду. Федор сдвинул синий платочек, и поцеловал белокурые, пахнущие свежестью волосы: "В баню ходила, я видел, солдаты топили. А я — Федор посмотрел на свои большие руки, покрытые царапинами с въевшейся в них темной, рудничной пылью, — я грязный".

— Это ничего, — жена взяла его руку и, приложив к щеке, на мгновение застыла. "Ничего, Федя. Почты не было?"

— Да какая почта, — он махнул рукой, — сама же помнишь, как повенчались мы с тобой, на Покров, так последнее письмо от Степана и пришло. Он же на корабле, не с руки ему писать.

Марьюшка легко поднялась. Пробежав по горнице, девушка принесла малахитовую шкатулку. "Я почитаю, — сказала она, улыбаясь. "Уж больно красиво, Федя, а ты там никогда не был?"

— В Венеции, — он посадил жену к себе на колени, — нет. Я же учился, не было времени у меня туда-сюда разъезжать. Читай, — он сбросил с ее головы платок и распустил косы — белокурые волосы упали тяжелой волной ему на плечо.

— Город сей весь стоит на воде, — начала Марья, — на лошадях тут не ездят, а только пешком ходят, или на лодках — длинных, черных, они называются — "гондолы". Церковь святого Марка Евангелиста вся выстроена из белого мрамора. Утром, когда выходишь на площадь, и слышишь, как щебечут, перекликаются птицы — чувствуешь себя, как в раю. Здесь я бы и хотел жить, но, конечно, — она остановилась и улыбнулась, — до этого мне надо стать адмиралом и выйти в отставку.

— Федя, — она сложила письмо и поцеловала мужа в щеку, — это что же получается, мы с братом твоим и не увидимся, долго?

— Это еще отчего, — удивился муж, — придет же когда-нибудь Степана эскадра обратно. Мы с тобой, Марья, тоже не век на Урале сидеть будем, я еще поучиться хочу. Так что увидишь ты свою Венецию, обещаю.

В избе было тихо, у ворот крепости сменялся караул, и Федор подумал: "Господи, на Покров повенчались только — а как будто я ее всю жизнь знал, Марью. Как же мне повезло".

В полутьме ее глаза горели, переливались, как звезды за распахнутыми ставнями. "Словно Сириус, — вдруг сказал Федор. "Твои глаза — такие же яркие". Он поцеловал сначала один, потом второй. Марья вдруг рассмеялась: "Ты, как на завод приехал, я на тебя сразу глаз положила. И матушка покойница, помню, все меня наставляла — у сего мужика будешь, как за стеной каменной".

— Наставляла, значит, Катерина Ивановна, — усмехнулся Федор. "А что еще она говорила?"

— Разные вещи, — томно выдохнула жена. Повернувшись к иконам, она спросила: "А эту Богородицу твой прадед из Италии привез, как царь Петр его туда отправил?"

— Угу, — Федор провел губами по белой шее и стал медленно расстегивать ей платье. "Как деда моего Бирон лишил поместий, чинов и дворянства, и в Пелым сослал — оставили только икону эту и саблю, что у Степана. Потом, правда, дворянство вернули, а остальное нет. Ну и батюшка наш — он же военным инженером был. Там и погиб, на поле боя, так что тоже — не до поместий ему было".

Марья закинула нежную, белую руку ему на шею и что-то прошептала. Федор тихо рассмеялся, и поднял ее на руки: "А вот сейчас и увидишь — как я устал. Мне, правда, еще до рассвета вставать, однако ночи сейчас короткие, можно — он открыл дверь в спальню, — и не ложиться".

Она внезапно оказалась в одной простой, льняной рубашке, — горячая, обжигающая, вся его, до последнего дыхания. Федор, усаживая ее на кровать, встав на колени, еще успел подумать: "Нет, не допустим мы сюда Пугачева, не бывать этому".

Марья прижала к себе его голову и потребовала: "Еще! Еще, пожалуйста!"

— Будет, — пообещал он, укладывая ее на спину, целуя нежные, круглые колени. За полуоткрытыми ставнями мерцал свет звезд — неверный, призрачный, шелестела листва деревьев. Где-то наверху, в темном, бескрайнем небе — вились, хлопали крыльями прилетевшие с Яика чайки.

— Вот так и сидите, Иван Петрович, — велел Миша. Покусав карандаш, мальчик стал быстрыми, уверенными движениями набрасывать портрет.

— А вам, сколько лет? — спросил Миша.

В степи было жарко, и Джованни подумал: "Какая весна в этом году хорошая, как здесь говорят — дружная. Вон, и просохло все уже".

Он почувствовал спиной тепло камня. Протянув руку, сорвав какую-то травинку, Джованни

прикусил ее зубами. С речки доносились крики купающихся мальчишек. "Надо будет вечером тоже сходить, окунуться, — решил Джованни. "Все утро под землей ползали, но порох и боеприпасы — теперь там. На всякий случай, хоть Федор и говорит, что Пугачев к нам и не сунется".

— Двадцать два летом будет, — улыбнулся он. "На два года младше зятя твоего".

— И вы такой умный, — восторженно сказал мальчишка. "Так много знаете, как Федор. Я тоже — ученым буду".

— Не художником? — лукаво спросил Джованни, глядя на маленькие, ловкие, с обгрызенными ногтями руки.

— Сие баловство, — Миша рассмеялся. "Федор тоже рисует. У него глаз хороший, он и меня учит. Матушка наша говорила — отец мой тоже рисовал".

— А ты его помнишь, отца? — осторожно спросил Джованни.

Мальчик подпер кулаком подбородок и вздохнул: "Как он погиб, я не родился еще, поэтому меня Михаилом и крестили. А Марье пять лет о сию пору было. Вот, — он повернул к Джованни страницу альбома, — смотрите, Иван Петрович.

— Глаз хороший, — вспомнил Джованни. "Тебе учиться надо, Миша, — он полюбовался четкими, изящными линиями. "Поступишь в Академию Художеств, сможешь в Италию поехать".

— Нет, — мальчишка встряхнул белокурой головой, — я, Иван Петрович, инженером буду. А рисунки, — Миша сунул альбом в карман кафтанчика, — это же для себя, баловство. Пойдемте, — он махнул рукой в сторону крепости, — Марья сегодня пироги с рыбой печет, вы оных и не пробовали никогда.

Джованни обернулся — в степи была видная темная, быстро приближавшаяся к ним точка. Всадник на гнедом, низеньком коне пронесся мимо, даже не остановившись. Миша озабоченно сказал: "Башкир, должно. Вести о Пугачеве принес. Только все равно — не пустим мы его сюда".

Мужчина посмотрел на вышки крепости: "Восемь пушек всего лишь. Мы с Федором больше бы и не отлили — тут же не завод, тут рудник, оружейная маленькая. Еще хорошо, что ядра успели сделать".

— Давай-ка, Миша, — подогнал он мальчика и спросил: "Ты стрелять умеешь?"

— Я на прииске рос, — ребенок широко улыбнулся, — с пяти лет ружье в руки взял. И Марья тоже умеет. У нас иначе нельзя, места-то дикие. А вы, Иван Петрович? — голубые глаза мальчика озабоченно взглянули на него.

— Умею, — вздохнул Джованни, вспомнив свой небольшой, отделанный слоновой костью пистолет. "Надо будет у Федора ружье взять, — напомнил он себе, заходя на двор крепости, где уже строились солдаты.

Федор стоял у вышки, и, взглянув на них, дернул щекой: "Мишка, быстро домой. Носа с Марьей на улицу не высовывайте".

Мальчишка, было, открыл рот. Увидев холод в голубых глазах зятя, Миша только кивнул: "Ладно".

— Нечего ему в двенадцать лет тут отираться, — Федор указал рукой на стоявшие вдоль бревенчатого частокола ружья. "Бери любое. Ты уж прости, твой пистолет здесь не сгодится".

— Да я знаю, — усмехнулся Джованни, и, взвесил на руке ружье: "Хорошо, что я в русском платье, оно удобней". Федор оглянулся и сказал по-немецки: "Он уже в трех верстах отсюда. Сейчас сам увидишь".

Офицеры столпились на вышке. Комендант, завидев Джованни, покраснел: "Иван Петрович, вы простите, что мы ваш телескоп забрали, все же научный инструмент…"

— Ну что вы, — Джованни с высоты своего роста посмотрел на побледневшее, усталое лицо поручика Тихановского. "Конечно, Сергей Сергеевич, он лучше, чем ваши подзорные трубы".

— Немецкой работы, — восторженно сказал кто-то из мужчин, гладя блистающую под лучами полуденного солнца бронзу.

— Его в Англии построили, — поправил его Джованни: "Это моя покойная жена сделала, подарок мне на свадьбу". На вышке повисло молчание. Тихановский, наконец, сказал: "Да. Вы посмотрите, Иван Петрович, посмотрите".

Он наклонился. Степь на востоке была темной, и Джованни сразу не понял, — что перед ним. "Тот башкир говорил, — услышал он голос сзади, — их там тысяч пять".

— Врет, наверное, — ответил ему испуганный голос. Джованни, вгляделся в темные очертания всадников, обозов, и телег: "Не врет".

— А пушки с ядрами у них, откуда? — не отрываясь от телескопа, спросил он.

Федор сочно выматерился: "Тут же не одна наша крепость, Иван Петрович, должно — уже на заводе каком-то побывали".

Джованни распрямился: "А сколько у нас солдат, Сергей Сергеевич?"

— Двести, — вздохнул комендант. "Еще рабочие, конечно…"

— Из них никто стрелять не умеет, — зло сказал Федор. "Они же крестьяне, землепашцы, их сюда помещики продают. Они отродясь в руках ружья не держали".

— Как бы ни отдали они нас Емельке с потрохами, — заметил Тихановский. "Он же землю и волю обещает. Позвольте, Иван Петрович, — он взглянул в телескоп: "В боевой порядок развертываются. Федор Петрович, готовьте пушки, от них какой-то всадник скачет".

— Сейчас мы его снимем, — один из офицеров вскинул ружье.

— Погодите, — велел Тихановский. "Он кричит что-то".

Вороная лошадь заплясала у ворот крепости. Мужчина — чернобородый, в старом армяке, крикнул: "Его императорское величество Петр Федорович приказывает вам сдаться и своей царской милостью сохранит вам жизнь! Откройте ворота!"

Вышка задрожала — одновременно ударили все восемь пушек Магнитной. Джованни подумал:

"Федор отлично стреляет, метко".

— Ага, — воскликнул Тихановский, — уже и телескопа не надо. Хорошо мы их картечью посекли. Комендант поднял ружье и спокойно прицелившись — снес всаднику половину головы. Испугавшаяся лошадь поднялась на дыбы. Развернувшись, пытаясь сбросить труп, она поскакала в сторону лагеря Пугачева.

Джованни посмотрел на зацепившееся сапогом в стремени тело — из расколотого черепа лилась кровь, окрашивая траву в жирный, темный цвет. Он почувствовал на плече руку коменданта: "Идемте, Иван Петрович, — мягко сказал Тихановский, — сейчас нам любой сгодится, кто стрелять умеет".

Джованни, молча, взял свое ружье и стал спускаться по деревянной лестнице на двор крепости.

На стенах избы горели факелы, пахло смолой и порохом. Марья, встав на колени, наклонившись над раненым солдатом, велела: "Миша, чистых тряпок подай".

— Хорошо, что у нас колодец в крепости, — подумала девушка, осторожно смывая запекшуюся кровь с руки. "Ничего, голубчик, — сказала Марья ласково, перевязывая рану, — пуля навылет прошла, скоро в строй вернешься".

— Марья Михайловна, — раздался шепот сзади. Девушка обернулась — жена поручика Тихановского стояла со свечой в руках на пороге казармы, где лежали раненые. В темных, красивых глазах женщины играли искорки огня. Изба затряслась, с потолка посыпалась какая-то труха. Марья услышала крик со двора: "Еще ядер подносите".

— Миша, присмотри тут, — попросила она, и вышла на крыльцо: "Как детки ваши, Настасья Семеновна?"

— Плачут, — вздохнула комендантша, — матушка Прасковья за ними присматривает, ее-то чада — тоже не спят. Да и как тут заснешь, — она обернулась, и проводила глазами батюшку: "Почти два десятка человек убито уже, Марья Михайловна, и вон — соборуют еще. Сергей Сергеевич говорит — не выйти нам из крепости более, бунтовщики ее окружили.

— Пятеро деток, — вспомнила Марьюшка. "У нее двое, и у матушки Прасковьи трое, младшая-то девочка еще грудная. И Миша мой. И еще рабочих дети. Господи, — она невольно перекрестилась, — помоги нам".

— Значит, — она потянулась и взяла руку женщины, — держаться надо, Настасья Семеновна. Один штурм отбили, и еще отобьем. Федор Петрович же не зря порох и оружие в шахтах спрятал — выстоим, ничего страшного. А там и помощь придет.

Женщина горько сказала: "Да откуда, Марья Михайловна? Мы же тут одни, на сотни верст вокруг нет никого". Она стерла слезы с глаз и Марьюшка шепнула: "Вы идите к деткам, Настасья Семеновна, побудьте с ними. Все же маленькие, страшно им. А мы с Мишей за ранеными поухаживаем".

Она посмотрела вслед прямой, в темном, скромном платье спине. Марья сжала тонкие пальцы: "Ничего. Все обойдется".

— Марья! — брат высунул голову из двери. "Воды принеси, тут просят еще". Девушка приняла

ведро, и пошла через двор к колодцу. Сверху раздался свист, ядро пронеслось над ее головой. Марья, бросившись на землю, прикрыв голову руками, увидела, как запылали купола церкви.

Комендант стер пот с грязного, испачканного порохом лица и обернулся к Федору. Мужчина стоял, придерживая правой рукой левую руку — перевязанную.

— Пулей по локтю чиркнуло, — отмахнулся он. "Как они там, Сергей Сергеевич? — Федор кивнул на зарево костров в степи.

— Отошли, — Тихановский вздохнул. "Боюсь я, что сейчас они на отряды разделятся и начнут наши заплоты разбирать. Частокол-то ядрами ихними основательно порушило. Сколько пороха у нас осталось?"

— Не так, чтобы много, — помолчав, ответил Федор, глядя на вершину Магнитной горы. "Пока тихо, Сергей Сергеевич, я бы людей взял, и сходил в шахту, принес бы еще. Днем они наверняка атаковать будут".

— Опасно сие, — коротко сказал комендант. "Впрочем, другого ничего не остается. Ты только осторожней, Федор Петрович". Он помялся и подумал: "Может, женщин с детьми заодно вывести? Да куда там — их много, ежели заметят, сразу стрелять начнут. Пусть пока в крепости сидят, а там посмотрим".

— Федор Петрович, — наконец, сказал поручик, — ты, ежели опоздаешь, так знаешь — что с порохом делать надо.

— Знаю, конечно, — спокойно ответил мужчина. Чуть поклонившись, он быстро спустился во двор.

— Федор, — подбежал к нему Миша, — возьми меня в шахту!

— В тайности, — зло подумал Воронцов-Вельяминов. "Уже всем разболтать успели".

— Еще чего не хватало, — отрезал он. "Сиди тут, за сестрой присматривай, раненых вон полная изба. Где Иван Петрович?"

— Тут я, — раздался усталый голос сзади. Федор посмотрел на изорванный, в пятнах крови кафтан: "Ранили тебя, что ли?"

— Пушкаря на нашей вышке убило, — тот махнул рукой. "Мы все — в крови по уши. А меня, — Джованни помолчал, — нет, не ранило".

— Пойдем, — Федор кивнул на угол избы. "Вот что, — сказал он, подняв голову, смотря на горящие купола церкви, — я сейчас беру пару человек, и в шахты иду. Через ту калитку в частоколе, что я тебе показывал. Если я не вернусь…"

— Федор! — возмутился Джованни.

— Если я не вернусь, — Воронцов-Вельяминов поиграл пистолетом в руках, — выведи Марью, Мишку и сколь сможешь женщин с детьми. Идите на Яик, на восток. Там вроде корпус генерала Деколонга был, месяц назад, — Федор горько усмехнулся: "Долго запрягали".

— Что? — не понял Джованни.

— Промедлили, — объяснил Федор и пожал ему руку: "Все, Иван Петрович, на тебя надеюсь". Он вздохнул, и, потерев руками лицо, быстро ушел к рабочим баракам.

— Иван Петрович! — Миша потянулся и потряс его за плечо. "Можно, я ваш пистолет возьму? У вас ведь ружье. Так, — мальчик вскинул подбородок, — на всякий случай".

— Бери, что с тобой делать, — Джованни обвел глазами двор. Он увидел Марью — та стояла, держа за руку мужа, смотря на него снизу вверх.

Когда он подошел к девушке, Марья всхлипнула и сказала, нарочито весело: "Вы не волнуйтесь, Иван Петрович, Федор все сделает, как надо".

— Да, И я тоже — все сделаю, как надо, — ответил Джованни. Взяв ее за плечи, он подтолкнул девушку в сторону казармы: "Все будет хорошо, Марья Михайловна, — крикнул он ей вслед, и пошел к своей вышке.

Из степи загрохотали пушки. Джованни вздохнул: "Это они свои отряды прикрывают. Сейчас начнут частокол разбирать".

Поднявшись наверх, он посмотрел на ядра: "Еще десять выстрелов. А потом — все". Земля под вышкой задрожала. Джованни, обернувшись, увидел, как вспучивается и оседает крыша оружейной.

— Кто-то порох взорвал, — успел подумать он. Потом вышка накренилась, на месте арсенала поднялся к небу столб огня, и он полетел вниз — в обломках дерева, ружей, и раненых, стонущих людей.

— Ворота! — услышал он отчаянный крик коменданта. "Всем к воротам, драться до последнего!" Джованни, было, хотел подняться, поискав на земле ружье, — но голова загудела, в глазах стало темно, и он уже больше ничего не помнил.

— Кресло, кресло сюда принесите! — закричал кто-то, и казаки расступились. Высокий, с темной, чуть седоватой бородой, смуглый мужчина, в порванном, покрытом пятнами бархатном кафтане с позументами, прошел в центр двора. Он усмехнулся, потерев правую, перевязанную руку: "Что, во всей крепости для императора кресла не найдется?"

Пугачев опустился в поспешно подставленное старое, продавленное кресло и махнул рукой: "Начинайте! Кто сие, кстати?"

— Комендант крепости, бывший поручик Тихановский и священник местный, батюшка Никифор, — шелестящим голосом сказал кто-то из казаков, наклонившись к уху Пугачева, указывая на вбитые в частокол крюки. Двое, с холщовыми, окровавленными мешками на головах, стояли на деревянной скамье. Пугачев посмотрел на веревку и улыбнулся, показав крупные, хищные зубы: "Смотрите, чтобы не оборвалась, а то сами там окажетесь".

Скамью выбили, и люди закачались, дергаясь в петлях. Над горящей крепостью пронесся женский крик. Пугачев ухмыльнулся: "С бабами, как все закончат — тако же повесить. Денька через два, мы ведь подождем тут других атаманов, и далее двинемся".

— На Москву! — раздался крик из толпы и казаки зашумели: "На Москву, ваше императорское величество".

— А как же, — смешливо согласился Пугачев, и поднялся: "Катьку узурпаторшу мы на Лобном месте колесуем. Что солдаты здешние? — спросил он, нахмурив брови, глядя на тела, что были навалены во дворе крепости.

— Раненых всех перебили, так же и тех, кто на нашу сторону отказался перейти. А офицеры все погибли, — казак указал на уже замершее тело в петле, и добавил: "Ну, кроме этого".

— Трупы не снимать, — распорядился Пугачев и щелкнул пальцами: "Кто говорил, что оные бунтовщики еще и в руднике оружие спрятали?"

В центр круга вытолкали невидного мужичка. Тот зачастил: "Инженер местный, Федор Петрович, снес туда порох, ружья тако же".

— На колени, когда с государем говоришь, — зло крикнули из толпы.

Мужик покорно опустился на горелую траву: "Ваше императорское величество". Пугачев посмотрел в сторону виднеющейся в утренней, розовой дымке горы: "Так мы туда наведаемся, навестим инженера. Порох нам всегда нужен".

Он прошел мимо разрушенных вышек, — в груде обломков виднелись тела мертвых. Завернув за угол избы, Пугачев поморщился: "Я же сказал, в любое пепелище сих детей киньте. Зачем они у вас напоказ выставлены?"

— Сейчас, сейчас, государь, — засуетились казаки. Пугачев, отбросив сапогом исколотый штыками труп младенца, вошел в избу.

— Чисто, — усмехнулся он, оглядывая накрытый стол. "Тут этот инженер жил? Вот и позавтракаем, — он разлил по стаканам водку, и махнул рукой атаманам: "Садитесь!"

— Так, — сказал Пугачев, разламывая пирог с рыбой. "Долго болтаться нам тут не след. Белобородов придет, башкиры с лошадьми появятся, и двинемся на запад. На рудник народ отправили?"

— Полсотни человек пошли, с провожатыми из рабочих местных, — ответил сидящий по правую руку от Пугачева казак. "Сейчас принесут все".

— А баб тут только двое и было, — задумчиво протянул Пугачев, глядя на зеленые глаза Богородицы, что висела прямо напротив него.

— Как смотрит-то, прямо в душу, — вдруг подумал он. "Хороший богомаз, даже слеза наворачивается".

— Ну, еще жены рабочих, — неуверенно сказал кто-то.

— Сих не трогать, — велел Пугачев, — сие женки честные, нам это не позволено. Жаль — он прожевал пирог и откинулся к бревенчатой стене, потянувшись большим, крепким телом, — что баб более нет. Ладно, потерплю, — он расхохотался и, прислушался: "Это еще что такое?"

— В подполе нашли, государь, — зло сказал казак, стоявший на пороге. "Говорят, это инженерова женка и брат ее. Мальчишка, сука, мне руку прокусил, а она — чуть глаза не выцарапала. Вот, у них взяли, — мужчина протянул Пугачеву изящный пистолет, отделанный слоновой костью.

mir-knigi.org

— Федор должен вернуться, — Марья, опустив голову вниз, рассматривала знакомые до последней щели половицы. "А Иван Петрович там, бедный, мертвый лежит, под обломками вышки. Миша его видел, как ворота трещать стали. Сейчас Федор вернется и все будет хорошо".

— Женка, — протянул Пугачев. Подойдя к Марье, он поднял ее подбородок рукоятью пистолета. Атаман посмотрел в большие, лазоревые глаза: "Вот и славно. Как раз до Казани ее хватит, а в Казани — войску отдам. И молодая, свежая".

— Семнадцать лет ей, — раздался сзади шелестящий, неслышный голос. "А мальчишка-то как смотрит, — подумал Пугачев, — будто волчонок".

— Не тронь мою сестру, — услышал он резкий, ломающийся голос. Удивленно улыбнувшись, Пугачев приставил пистолет к белокурому виску мальчика.

Марья вырвалась из рук казаков и бросилась на колени: "Я прошу вас! — закричала девушка. "Не надо, ему двенадцать лет! Не надо!"

Пугачев нажал курок. Кровь брызнула сильным фонтаном. Мальчик, покачнувшись, упал. Атаман наступил на выпавшую из кармана кафтанчика тетрадь в кожаной обложке и услышал шепот: "Миша! Миша, родной мой, братик мой..."

Девушка поползла к телу ребенка. Пугачев, полюбовавшись пистолетом, заметил: "Себе заберу, уж больно он хорош. И стреляет — лучше некуда".

Марья подняла окровавленное, заплаканное лицо. Прижав к себе изуродованную голову ребенка, она, одними губами спросила: "Зачем?".

— Уберите отсюда, — указал Пугачев на тело, — а ее заприте. Ставни избы вздрогнули, из сеней раздался чей-то возбужденный голос: "А ну пустите!"

Казак ворвался в горницу, и, даже не посмотрев на труп, зачастил: "Взорвал! Инженер этот шахты взорвал, государь. Как наши туда стали спускаться — и взорвал! Теперь и не пройти туда — все завалено!"

Пугачев наклонился к Марье и зловеще сказал: "Слышала? Муж твой полсотни моих людей положил, сука, и сам погиб. Ты мне за это заплатишь, инженерша, — он издевательски рассмеялся, и, легко, одной рукой, оторвав девушку от трупа брата, — потащил ее в горницу.

— Все неправда, — безучастно подумала Марья, услышав, как захлопнулась дверь. За окнами избы поднималось уже жаркое, весеннее, огромное солнце, в раскрытые окна тянуло гарью и пеплом.

— Вот здесь, — сквозь зубы сказал Пугачев, толкнув ее к подоконнику, разрывая подол платья. Магнитная гора дымилась, верхушка ее была снесена взрывом и Марья сказала себе: "Сейчас я закрою глаза, и все станет по-прежнему. Господи, прошу тебя".

Он грубо раздвинул ей ноги. Пригнув голову девушки вниз, запустив пальцы в белокурые волосы, Пугачев, раздув ноздри, прошептал: "Вон она — мужа твоего могила, смотри на нее, смотри!"

Марьюшка лежала, прижимая к щеке иконку, глядя в зеленые глаза Борогодицы.

— Владычица, — сказала девушка, — ну хоть бы Федя не страдал. Миша ведь — и не понял, что случилось, бедный мой, — она нашла пальцами край шали, и, засунув себе в рот, тихо заплакала. "Можешь же ты, Владычица, попроси сына своего, Иисуса, пусть Федя не страдает. Это же шахта..., - она почувствовала комок в горле, и вспомнила себя, пятилетнюю, что, закинув голову вверх, теребила подол платья матери.

— Так и получается, Катерина Ивановна, — вздохнул кто-то из инженеров. "Стучали они, а сейчас уже — третий день замолкли. Мы, конечно, завал разберем, но, сами понимаете..."

— Понимаю, — мать стояла, глядя в темный провал рудника, сложив руки на чуть выступающем животе. Северный ветер шевелил белокурые волосы, что выступали из-под платка. Марья, посмотрев на тучи, что лежали над Исетью, прижалась к матери: "А где батюшка?"

— Там, — Катерина Ивановна показала рукой на деревянную лестницу, что уходила вниз.

Марья подумала: "Он вернется. Батюшка всегда — спускается вниз, под землю, а потом возвращается".

Ночью она услышала, как мать поет по-немецки:

Schlaf, Kindlein, schlaf,
Der Vater hut die Schaf,
Die Mutter schuttelts Baumelein,
Da fallt herab ein Traumelein.
Schlaf, Kindlein, schlaf...

Марья нырнула в большую, холодную постель, и подышала куда-то в ухо матери: "Ты ребеночку поешь?"

— Да, — тихо сказала Катерина Ивановна. Девочка почувствовала горячие, быстрые слезы, что текли из ее глаз. "Ребеночку, милая. Твой дедушка, мой отец, он ведь тоже — в забое погиб. Он мне всегда эту песню пел".

— Еще в Германии, да? — спросила Марья, перебирая сильные, жесткие пальцы матери. "Вы там с батюшкой познакомились?"

— В Раммельсберге, — Марья услышала, как мать улыбается. "Он туда на практику приехал, из университета, на наши шахты".

— Батюшка вернется, — уверенно сказала девочка. Поерзав, она попросила: "Спой еще, мамочка". Катерина Ивановна пела, гладя дочь по голове, не стирая с лица слез, а за окном, в дальнем свете факелов текла темная, широкая Исеть.

Дверь открылась. Марья услышала грубый голос: "Чего разлеглась, вставай, избу мыть надо, готовить надо — его величество сейчас трапезовать будет с атаманом Белобородовым и другими соратниками".

Она вдохнула запах бараньего сала, жарящегося мяса, и безучастно подумала: "Башкиры приехали. Вся степь шатрами уставлена, как бы ни десять тысяч их здесь. Он им земли вернуть обещал. Я же слышала, в окно, кричали казаки: "Землю и волю". А Настасью Семеновну и матушку Прасковью повесили, Господи, упокой души их, — она перекрестилась. Подняв глаза, Марья встретилась с темным, тяжелым взглядом Пугачева.

Атаман осмотрел ее с ног до головы: "Завтра с места снимаемся, в Казань идем, инженерша".

Марья отвернулась. Спрятав икону на груди, она сжала зубы: "Похоронили брата моего?"

Пугачев подошел совсем близко, с треском захлопнув за собой дверь. Наклонившись над белокурым затылком, он коротко ответил: "Воронье тут все трупы исклюет, поняла?"

Ненавидящие, холодные, лазоревые глаза посмотрели на него. Она, не говоря ни слова, пройдя мимо — стала накрывать на стол.

Жаркое, полуденное солнце припекало, жужжали мухи. Джованни подумал: "Господи, какой запах отвратительный. Где это я?"

Он пошевелился. Вытянув руку из-под чего-то тяжелого, Джованни поднял веки — он лежал в груде трупов у сожженной избы. Мужчина прищурился и отвел глаза — на остатках частокола покачивались трупы. Он услышал ржание лошадей, скрип колес и крики из степи: "Давай, поворачивайся быстрее! Его величество приказал — чтобы до заката весь лагерь с места снялся".

— Федор, — вспомнил Джованни, посмотрев на горы. Над изуродованной вершиной Магнитной поднимался легкий дымок. Джованни, морщась от боли, поднимаясь, перекрестился. "Взорвал шахты, — мужчина тяжело вздохнул. Засунув руку в карман кафтана, он вытащил оттуда что-то блестящее. "Булавка масонская, — понял Джованни. "Я же ее Мише с утра показывал, перед тем, как все началось".

Он повертел в длинных пальцах булавку и огляделся — в еще дымящихся развалинах крепости было тихо. Только две избы — коменданта и Федора, остались нетронутыми.

— На восток, — услышал он слова Федора, и сказал себе: "Сейчас найду Марью Михайловну с Мишей и детей — ну не могли же они детей тронуть, — и пойдем. Доберемся до Яика, встретим там эти войска, о которых Федор говорил…Господи, упокой душу его, хороший человек был. И Марью Михайловну жалко — вдовой осталась, она такая, молодая".

— Эй, ты! — раздался чей-то голос. Невысокий, с побитым оспой лицом, казак, стоя в разрушенных воротах крепости, пристально его рассматривал.

— А ну пошли, — казак вытащил саблю "Пошли, пошли, — злобно сказал он, — сейчас поговоришь с его императорским величеством".

В степи, у большого, грязного шатра стоял закрытый, черный возок. Джованни бросил взгляд в его сторону и вздрогнул от раздавшегося смеха.

Высокий, смуглый мужчина, что сидел, развалившись, в кресле, у входа в шатер, обернулся к толпе: "А говорили, немец убитый. Вона, видите — живой, воскрес из мертвых. Ну-ка, — он щелкнул пальцами, — трубу эту принесите, что нашли".

Джованни увидел, как мужчине подают телескоп: "Это Пугачев, должно быть. Как его там звали, Федор же говорил мне. Емельян Иванович".

— Емельян Иванович, — вежливо сказал он, и почувствовал, как ему в лопатки упирается сабля. "Ваше императорское величество, — зло сказал ему на ухо давешний казак. "И на колени, когда с государем разговариваешь!"

— Что сие есть? — Пугачев лениво рассматривал телескоп.

— Прибор для исчисления звезд, — спокойно ответил Джованни.

Марья скорчилась в углу возка — через зарешеченное, высокое окошко был слышен возбужденный голос из толпы: "У немца на все струмент есть!"

— Господи, — девушка перекрестилась, — живой Иван Петрович. Господи, ну хоть бы его отпустили, юноша ведь еще совсем.

— А ты умеешь? — спросил Пугачев, прикладывая телескоп к глазу. "Ну, звезды исчислять".

— Умею, — невольно улыбнулся Джованни.

— Вот и повесьте его, чтобы был поближе к звездам, — распорядился Пугачев. Поднявшись, наступив ногой на отброшенный телескоп, он широко зевнул.

— Пошли, немец, — давешний казак связал ему руки за спиной. "Пошли, сейчас в петле подергаешься!"

— Нет! — едва слышно прошептала Марьюшка. Прижав к щеке икону, она тихо заплакала: "Владычица, ну сделай что-нибудь, ведь можешь ты!"

— Как все просто, — подумал Джованни, почувствовав грубую петлю на шее. Он посмотрел вниз — тело священника валялось на земле, над разоренной крепостью кружились, каркая вороны.

— Девочка моя, — одними губами сказал он. "Констанца, доченька".

— Молится, должно, — казак сплюнул на землю, и выбил скамью из-под его ног. Он услышал, как хрипит мужчина. Пугачев, уже на коне, въехав на двор крепости, поморщился: "Еще ждать, пока он тут сдохнет. Езжай — он кинул поводья второй лошади казаку, — я тут присмотрю".

Атаман достал из-за пояса пистолет и выстрелил в сторону виселицы — почти не целясь. Лошадь прянула, Пугачев усмехнулся, и развернул коня, — прах и пепел взвились в томный, вечерний воздух. Атаман поскакал в сторону уходившего на запад, в огненный закат, лагеря.

— Какая она сладкая, — подумал Джованни, ловя губами холодную воду, что лилась ему на лицо. Он дрогнул ресницами. Застонав, мужчина поднес руку к голове, нащупав влажные от крови тряпки.

— Слава Богу! — услышал он испуганный, взволнованный голос и с трудом открыл глаза. Невысокий, невидный, заросший бородой мужичок улыбнулся, показав редкие зубы: "Ох, и молится за тебя кто-то, милок, ох и молится! Емелька-то не смотрел, куда стрелял — а пуля в веревку твою попала, она и порвалась. Ты, головой, конечно, ударился, как падал, однако живой! Тебя как зовут-то? — озабоченно спросил мужик.

Джованни помолчал, прислушиваясь к своим мыслям. В голове было пусто. Наконец, он подумал: "Это я помню. Точно. Иван Петрович".

— Иван П-петрович, — сказал он, заикаясь.

— А меня — Василий. Василий Игнатьевич, — обрадовался мужичок. У него была светлая,

свалявшаяся борода и узкие, серые, в морщинках глаза. "Ты вот что, Иван Петрович, — он потормошил Джованни, — ты у частокола посиди, а я пошарю вокруг. Не все же тут сгорело, припасы должны быть, какие-нибудь".

Джованни, опираясь на его руку, поднялся. Вдохнув свежий, вечерний ветер с Яика, он огляделся: "Пожар, что, ли был? — недоуменно спросил он Василия, увидев свежее пепелище.

— Э, — тот приостановился, — да ты не помнишь ничего, что ли?

Джованни вздохнул: "Не помню".

Василий пристроил его на земле, и присел на корточки: "Тут Пугачев стоял, Емелька. Крепость сию взял, она Магнитная называется. А я, — мужчина постучал себя пальцем в грудь, — у него в обозе был. Пошел на реку рыбу ловить, возвращаюсь, — а лагерь с места снялся, и ты на земле лежишь, стонешь. Голова у тебя разбита была, так я ее перевязал".

— Спасибо, — Джованни вскинул на него темные глаза. Василий подумал: "Господи, бедный мужик. За тридцать ему, наверное, виски седые. Рабочим, должно был, руки-то какие, все исцарапанные, в пыли рудничной".

Джованни посмотрел на труп священника, что лежал поодаль и попытался подняться: "Надо людей похоронить, Василий".

Мужчина перекрестился и горько ответил: "Мы с тобой всех тут не похороним, хоша детей соберем, их вместе зароем".

— Зачем, — Джованни опустил голову в руки, — зачем, детей убивать?

— Э, милый, — Василий махнул рукой, — это ты ничего не помнишь, а я — помню. Я сам истинной веры христианской, — он двуперстно перекрестился, — думал, сие царь законный, взойдет на престол, и нам послабление выйдет. Катька-то, чтоб ей пусто было, сюда, в Сибирь нас переселила. Так-то мы с Ветковской слободы, однако же, под выгонку попали. Ну, я и решил — Пугачев землю и волю обещает, надо за ним пойти.

— А как пришел к войску, увидел, что они делают, так, Ванюша — серые глаза мужичка заблестели, — положил саблю на землю: "Сие грех великий, так свободу не берут — чрез кровь и слезы детские". Плетьми избили, и в обоз отправили. Я давно сбежать хотел, вот сейчас — Василий вдруг улыбнулся, — и сбежим. А ты откуда? — он склонил голову набок.

— Не помню, — устало ответил Джованни. Пошарив в кармане, он вытащил оттуда что-то острое.

— Это циркуль, — подумал он. "Циркуль и наугольник. Зачем они мне?"

— Золото, — Василий усмехнулся. "У нас на Алтае сего добра — хоша лопатой греби. Ты спрячь, — он ласково коснулся темных волос Джованни, — пригодится когда-нибудь". Василий взглянул на булавку: "А что сие-то?"

— Инструменты, — Джованни посмотрел куда-то в сторону. "Этим углы измеряют, а этим — окружности чертят".

— Так ты инженер, — всплеснул руками Василий. "Здешний инженер, Федор Петрович его звали, говорят, шахты взорвал — и себя, и всех кто там был, — он указал на вершину горы, что

купалась в расплавленном золоте заходящего солнца.

— Федор, — пробормотал Джованни. "Я его помню, мы с ним вместе работали".

— Точно инженер, — порадовался Василий и велел: "Ты сиди, я сейчас костер разожгу, и поедим что-нибудь".

Джованни пошевелил губами. Обессилено откинувшись назад, почувствовав спиной бревна частокола, он вдруг заплакал.

— Не надо, — тихо попросил Василий. "Сие пройдет, милый мой. Все вспомнишь, и будет по-прежнему".

Мужчина вытер лицо рукой: "По-прежнему уже не будет, никогда". Над их головами кружились птицы, потрескивали дрова в костре. Василий, счищая кинжалом обгоревшую корку на хлебе, испытующе взглянул на Джованни. Тот сидел, закрыв глаза: "На восток надо идти, я помню".

— Правильно, — обрадовался Василий и зашептал: "Тут, Ванюша, истинной веры нет, везде развращено, пестро, даже у нас в скитах и то — не такие старцы, как ранее были. Надо в Беловодье пробираться, иже сказано: "Сие место, в коем несть болезнь, *ни печаль, ни воздыхание*, но жизнь бесконечная". А оно как раз — на востоке.

— А что это — Беловодье? — спросил Джованни.

— Вертоград веры истинной, — Василий стал резать хлеб. Передав Джованни кусок, он добавил: "Там злата и серебра несть числа, живут люди в покое и блаженстве". Он внезапно остановился: "А ты ведь никонианин, должно, Иван Петрович, бороду бреешь и табак куришь? Нельзя мне с тобой за трапезой сидеть, да что уж тут…, - он тяжело вздохнул.

— Не курю, — ответил Джованни. "И не курил никогда. Это я помню".

— Ну и сие хорошо, — Василий улыбнулся: "Переночуем, кого найдем, похороним, и пойдем, Ванюша".

— Пойдем, — согласился Джованни, пережевывая хлеб, принимая от Василия оловянную флягу с водой.

На дворе крепости, над грубым восьмиконечным крестом, стояли двое мужчин.

— Господи, — громко сказал Василий, — призри сих младенцев, отроков и отроковиц, от рук Антихриста невинно убиенных, дай им покой в обители Твоей, и жизнь вечную.

— Аминь, — Джованни прикоснулся к наскоро сколоченным доскам. "Совсем маленькие, — подумал он, — Господи, за что ты так?"

— Вот видишь, — вздохнул Василий, когда они уже выходили из ворот крепости, поворачивая на восток, к Яику, и вправду — тебя Иваном Петровичем зовут.

Джованни достал из кармана кафтана потрепанную, затоптанную сапогами тетрадь, и на ходу раскрыл ее. "Иван Петрович", — прошептал он, глядя на подпись внизу рисунка.

— И читать умеешь, — восхищенно заметил Василий.

— Федор, — пошевелил губами Джованни, листая страницы. "Марья". Он смотрел на лица, узнавая, и не узнавая их: "Этот мальчик, беленький, которому в голову выстрелили, — я помню, это он рисовал. Миша его звали".

— Упокой господи душу раба твоего, отрока Михаила, — перекрестился Василий, и горько добавил: "Искра Божья в нем была, богомазом мог бы стать. Ну, — он взглянул вперед, — с Богом, Ванюша, путь у нас долгий впереди.

— Долгий, — согласился Джованни, посмотрев вдаль, на блестящую ленту Яика.

Две темные точки пропали в бесконечной, залитой солнцем, весенней степи.

Шатры были раскинуты на невысоких, покрытых уже вытоптанной травой холмах. Вдали текла Волга — мощная, широкая, над лагерем, клекоча, вились чайки.

Всадник на вороном коне остановился, взглянув вверх, на реющие над шатрами стяги, и, улыбнувшись, повернулся к тем, кто следовал за ним: "Вот и добрались до места пребывания его величества государя. Давайте, — он поторопил конницу, — спешивайтесь, хотя мы тут ненадолго, скоро на Москву пойдем".

Он посмотрел на розовое сияние рассвета над Волгой. Легко спрыгнув на землю, поправив лук за спиной, юноша пошел по широкой тропинке наверх, к большому шатру, что стоял в центре лагеря.

— Салават! — обрадовались казаки, сидевшие у входа. "Как там, на том берегу?"

Юноша, — лет двадцати, — невысокий, легкий, смуглый, с падающими на плечи густыми, черными волосами, обнажил в улыбке белые зубы. "Михельсона не поймал, — грустно сказал он, растягивая русские слова, — ушел, собака. Но пять сотен ихних на поле боя осталось. А тут что? — он обвел рукой лагерь.

— Десять тысяч человек и еще идут, — гордо сказал один из казаков. "Государь манифест будет читать сегодня, крестьян освобождать, так что приводи своих".

— Спит еще? — кивнул юноша на шатер.

— Он тебе порадуется, — улыбнулся казак, — все же с весны не виделись, ты у себя в горах воевал. Мы заводы на Урале брали, теперь у нас и пушки есть, и ядра.

— Это хорошо, — Салават опустился на землю, и, открыв свой заплечный мешок, достал оттуда тонкую флейту. "Только лук, — он мечтательно улыбнулся, — все равно лучше. Лук и верный конь".

— А что сие? — спросил один из казаков.

— Курай, — нежно ответил юноша, погладив его. "Я тихо, государя не разбужу".

Он поднес к губам флейту. Закрыв глаза, пробежав тонкими пальцами по отверстиям, немного подождав, юноша заиграл.

Мелодия — медленная, протяжная, пронеслась над лагерем. Салават положил флейту на колени: "Это песня. Ехал с наших гор сюда и сочинял. Про Урал. Знаете, как у нас говорят, — был великан, что носил пояс с глубокими карманами, и прятал в них все свои богатства.

Однажды великан растянул его, и пояс лег через всю землю — так и получился Урал".

— Так спой, Салават, — попросили казаки.

Юноша помолчал. Склонив голову набок, глядя на восток, он запел — ласково, чуть улыбаясь.

— Ай Уралым, Уралым
К?гереп йат?ан Уралым!
Нурга сумган тубхе
К?кке ашкан Уралым!
Ай, Урал, ты, мой Урал,
Великан седой, Урал!
Головой под облака,
Поднялся ты, мой Урал!

— подбирая слова, медленно, перевел Салават: "Еще поиграю. Когда играю — песня сама в голову приходит".

Марья повернула голову и прислушалась — за пологом шатра раздавалась какая-то мелодия — тонкая, чуть уловимая.

— На меня смотри, — приказал ей сверху Пугачев, и грубо повернул ее голову. Он усмехнулся, глядя в лазоревые глаза, и, запустив руки в распущенные, белокурые волосы, опрокинул ее на кошму. Она лежала, молча, стиснув зубы, чувствуя резкие толчки. Потом он, тяжело дыша, поднялся. Марья, сдвинув ноги, перевернулась на бок. Атаман оделся. Наклонившись, он взял ее сильными пальцами за подбородок.

— Скоро на Москву отправимся, инженерша, — сказал Пугачев, оскалив зубы. "Ты помни — коли ласковей будешь, так я тебя при себе оставлю, как на престол взойду, а нет — под всеми казаками моими поваляешься. Видела, что они содеять могут".

— Видела, — глухо сказала девушка. Незаметно вонзив ногти в ладони, она подставила ему губы для поцелуя.

— Вот так, — сказал Пугачев, оторвавшись от нее, беря в большую ладонь нежную, белую грудь девушки. "Вставай, прибери тут все, сегодня трапезовать с атаманами буду. Салават мой приехал, — он внезапно рассмеялся, и кивнул в сторону выхода из шатра, — на курае играет".

Он провел рукой между ног Марьи: "Если сына принесешь — при мне будет расти". Он вышел, а девушка, сжав руки в кулаки, шепнула: "Не принесу". Она медленно встала, и, взяв медный кувшин с водой, подмываясь, горько подумала: "Господи, ну почему ты мне от Феди дитя не дал? Мы ведь так любили друг друга, так любили. Даже года вместе не прожили. Хотя, — она застыла, — если б дал — болтаться бы мне на виселице сейчас, как другим".

Марья вытерлась. Взяв свой простой, серый сарафан, она вспомнила холодный голос Пугачева: "Держи, тут вашей бабьей одежи — девать некуда. Что порвано — то зашьешь".

Он кинул ей ворох шелковых платьев. Марья, увидев пятна крови на подоле, вскинула глаза: "Сие с невинно убиенных снято, я лучше умру, чем оное носить буду".

Пугачев с размаха хлестнул ее по лицу. Вырвав платья, бросив ее на живот, навалившись сверху, он шепнул: "Сука, гордячка, мало я тебя плетью полосовал?"

Он вцепился зубами в белое плечо, и, слыша сдавленный крик боли, увидев, как она царапает пальцами кошму, подумал: "Оной бабе всегда мало будет, она сдохнет — а не покорится. Вот и хорошо, сим мы похожи".

Потом он поставил ее на колени, и, увидев заплаканное лицо, рассмеялся: "Получила? На, попробуй свою кровь, может, о чужой меньше печься будешь!"

Девушка открыла рот. Пугачев сомкнул пальцы на ее горле: "Хорошо, что я к ней без оружия прихожу. Такая зарежет и не сморгнет даже".

Пугачев оглядел войско. Стоя на деревянном помосте, он громким, сильным голосом крикнул: "Друг мой, Салават Юлаев, привел под мою руку башкирскую конницу. Сие люди смелые, богатыри, с ними пойдем на Москву!"

Толпа зашумела, подбрасывая вверх шапки. Атаман, положив руку на плечо юноши, наклонился к нему: "И, правда, спасибо тебе, друг, хоша идут люди, а все равно — опытных воинов мало".

Длинные ресницы юноши чуть задрожали. Он, положив пальцы на рукоять своей сабли — черненого серебра, с вьющимися по ней арабскими буквами, ответил: "Ты же знаешь, государь, башкиры тебе всегда верны будут, до последней капли крови. Так же и я".

— Читайте, — велел Пугачев. Казаки вытолкнули вперед какого-то, испуганного монашка. Тот развернул лист бумаги, и, откашлявшись, начал:

— А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, повелеваем сим нашим именным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать, — монашек сглотнул и отпрянул — казаки начали стрелять в воздух.

Салават оглядел толпу: "Крестьян тоже государь освободил, слава Аллаху. Больше не будут нас на заводы забирать, землю вернут, заживем, как старые времена".

— А ты не хочешь, как в Москву зайдем, моей правой рукой быть, а, Салават? — вдруг спросил Пугачев.

— Я в горы хочу, — легко улыбнулся юноша. Соскочив с помоста, он, лукаво, добавил: "А что, государь, как и прежде — хлебом да водой обедать будем?"

— Вино ты не пьешь..., - усмехнулся Пугачев, когда они уже шли к шатру атамана.

— Не пью, — смешливо согласился Юлаев. "Однако ж башкиры мои барана зажарили, сейчас принесут. А то без женской руки, кто нас покормит, как следует?"

— У меня как раз женская рука есть, — хохотнул Пугачев. Зайдя в шатер, атаман резко сказал: "Ты что тут делаешь? Накрыла на стол, и вон отсюда!"

Салават увидел маленькую, стройную белокурую девушку. Она, стоя на коленях, раскладывала по кошме серебряные, в царапинах тарелки.

Лазоревые глаза ненавидяще взглянули на них. Девушка, поднявшись, метнув косами, исчезла за внутренним пологом шатра.

mir-knigi.org

— У помещика одного забрали здешнего, — Пугачев указал на тарелки, и, привольно раскинувшись на кошме, зевнул.

— А кто это? — спросил Салават, все еще глядя на чуть колыхающийся холст полога.

— В Магнитной крепости взял, — Пугачев стал резать мясо, — вдова инженера тамошнего. Он себя в шахтах взорвал, мерзавец, вместе с порохом. Да скоро я ее войску отдам, — мужчина рассмеялся, — как на Москву зайдем, там сего добра, — и девок, и женок, — много. Ты себе тоже девку пригляди, — Пугачев поковырялся ножом в зубах, — она мне и стирает, и готовит, и кое-чем другим угождает.

— А как зовут ее? — юноша внезапно, жарко покраснел.

Атаман нахмурил смуглый лоб: "Марья вроде. Да, Марья".

— Я сейчас, — юноша поднялся. "За бараном схожу, готов должен быть".

Он вышел из шатра. Оглянувшись, приложив руку к пылающей щеке, юноша пробормотал: "Мариам". Салават достал из кармана курай. Взглянув на тростник, проведя пальцами по флейте, он еще раз, одними губами, повторил: "Мариам".

Марья встала на колени. Наклонившись к Волге, набрав в деревянное ведро воды, она стала разбирать одежду. Река текла мимо — прохладная, широкая, восточный, низкий берег едва виднелся в полуденном, жарком, дрожащем воздухе.

Девушка взяла кусок грубого, казанского мыла. Обернувшись к казаку, что стоял на мостках, наблюдая за ней, она горько подумала: "Даже если брошусь в Волгу, все равно ее не переплыву. Тут течение сильное, под воду затянет, сразу, это же не Исеть".

Рядом, на поросшем травой берегу, росли ромашки. Марья внезапно нагнулась. Сорвав цветок, девушка приложила его к щеке.

— Любит, не любит, — прошептала она, и почувствовала, как на глаза наворачиваются быстрые слезы. "Забудь, — приказала себе девушка, всхлипнув. "Нет у тебя более мужа, и брата нет. Теперь одна, всегда одна, да и сколько той жизни мне осталось? Как пойдет он на Москву, так на виселицу меня отправит, как всех других".

Она тяжело, болезненно вздохнула. Посмотрев на ромашку, девушка оторвала один лепесток. Он полетел куда-то вдаль, к темной воде реки, и Марья услышала его голос.

— Вот видите, Марья Михайловна, — улыбнулся Федор, показывая ей ромашку, — я гадал, и получилось, что любят меня.

Они стояли на деревянном мосту над Исетью, летним, белым, призрачным вечером. На заводе, гасили огни, в окнах изб уже были видны свечи. Где-то вдалеке, на пригорке, был слышны женские голоса.

Марья взглянула на него, — снизу вверх, — и независимо сказала: "Сие мне неведомо, Федор Петрович, — кто там вас любит, однако же, поздно, мне и домой вернуться надо".

— А на реку не пойдете? — он все смотрел на нее, — ласково, нежно. "Там сейчас костры жечь будут, все же Иван Купала сегодня. Я видел, как вы вчера венки с девушками пускали. Ваш

венок дольше всех проплыл, значит, — вас большое счастье ждет, Марья Михайловна".

— Зато у меня лучинка первой сгорела, — вздохнула девушка, тряхнув белокурыми, толстыми косами. "Проживу недолго".

— Это неправда, — уверенно отозвался Федор. "Дольше всех проживете, Марья Михайловна. А вы травы под подушку класть будете, чтобы в этом году замуж выйти?"

— А вам-то что? — Марья сдерживала улыбку. "Коли я замуж выйду?"

Он покраснел, — мгновенно, ярко, и тут же отвернулся. Над Исетью медленно парили две чайки. Марья, помолчав, вдруг сказала: "Я смотрю, вы в Гейдельберге не забыли, как у нас Купалу празднуют".

Он усмехнулся и засунул руки в карманы простого, рабочего, истрепанного кафтана. "Пахнет, как от батюшки, — подумала Марья. "Гарью, смолой, углем — забоем пахнет".

Девушка почувствовала, как закружилась у нее голова, и схватилась рукой за перила моста: "Хотя матушка мне говорила — в Германии тоже Купалу отмечают".

— Вы же у нас немка, — он все улыбался. "Хоша наполовину — а все равно. Я был в тех горах, откуда Катерина Ивановна родом — там самые старые шахты в Европе".

— Да, — Марья глубоко вздохнула, и посмотрела на его большую, темную от рудничной пыли руку, что лежала совсем рядом, — матушка мне говорила, — в их семье все в шахтах работали, со времен незапамятных.

— А в Германии Купала называется Sommersonnenwende — тихо сказал Федор. "Тоже костры жгут, и прыгают через них, танцуют, вино пьют. Ну и девушки, конечно, приходят".

— Красивые девушки, — лукаво заметила Марья, глядя на пригорок, где уже разгорался купальский костер.

Он помолчал: "Такой красивой, как вы, Марья Михайловна, — нигде более не найдешь, хоть весь мир обойди".

Девушка оторвалась от перил и вскинула голову: "Пойдемте и, правда, Федор Петрович — на костер посмотрим".

Марья увидела, как он улыбается и сердито добавила: "Домой меня потом не провожайте, Миша уже там, наверняка, — она указала на берег Исети, — мы с ним сами дойдем".

Он хмыкнул: "Вы только травы в полночь собрать не забудьте, Марья Михайловна. Мне сие интересно — пойдете вы под венец, али все же нет".

— Даже ежели соберу, — так вам не скажу, — услышал он смешливый голос. Марья, вздернув голову, не оборачиваясь, — пошла вперед.

Девушка вытерла слезы мокрой рукой. Выжимая одежду, встряхивая ее, она услышала чей-то голос от мостков: "Его величество меня сюда послал. Ты, друг, иди, я послежу".

Марья подняла голову — давешний юноша, присев на берег Волги, держал в руках отброшенную ей ромашку.

mir-knigi.org

— У нас этот цветок, — медленно, чуть запинаясь, сказал он, — "акбаш" называется. А у вас?

— Ромашка, — Марья, сложив одежду, выпрямившись, посмотрела на волжскую воду.

— А это, — юноша указал на реку, — Итиль. Волга, по-вашему. У нас они тоже растут, ромашки, — неуверенно повторил он слово. "А я — Салават. Это значит — песня. Или молитва. Но песня — мне больше нравится".

— Я знаю, — хмуро, выливая грязную воду из ведра, ответила Марья, — слышала. Башкирская конница с вами пришла. На Москву, — она усмехнулась, — двинетесь.

Юноша тоскливо взглянул на противоположный берег реки. "А вы тоже, — он покраснел, — с гор. С нашего Урала".

— На Исети родилась, — она прикусила губу и подняла тяжелую стопку белья. "Раз уж вызвались присматривать за мной, атаман, так давайте — мне сейчас подштанники государевы, — Марья жестко усмехнулась, — в лагерь нести надо, вдруг брошу их, и убегу по дороге?"

Юноша легко поднялся, и передал ей ромашки: "Я сам отнесу, — он опять покраснел, — до входа. А дальше вы".

Марья вдруг, даже не понимая, что делает, стала плести венок. "Как тогда, — подумала она, опустив голову, наблюдая за своими ловкими пальцами, — на Исети".

— Я видел, — тихо сказал Салават, — как русские это делают. А потом по реке пускают. Зачем?

— Какой дальше уплывет, — Марья наклонилась к воде, — та девушка счастливей всех будет.

Венок покачался на легкой волне, и, подхваченный течением, исчез из виду. "Там — Салават кивнул на юг, — Итиль в море впадает. Оно огромное, без конца и края. Я видел, еще подростком, мы с отцом туда ездили. Вы будете очень счастливой, Мариам".

— Кто? — вздрогнула девушка.

— Мариам, — повторил Салават. "Это мать пророка Иссы, самая чистая, самая благочестивая женщина. В нашем Коране целая сура в честь ее названа. А еще одну из наложниц пророка Мухаммада так звали, — он внезапно зарделся. Марья, выхватив из его рук мокрую одежду, сжала зубы:

— Вот именно. А коли я наложница, так ничего чистого во мне нет. Идите, — она опустила голову, — охраняйте меня, раз уж вы здесь.

Салават шел вслед за ней по узкой тропинке, вдыхая запах цветущего луга. Где-то рядом жужжали пчелы, чуть шуршал подол ее простого сарафана, на белокуром затылке играли лучи солнца.

Поднявшись на холм, она остановилась и обернулась: "Акбаш, — на алых губах заиграла чуть заметная улыбка. "Я запомню".

Девушка пропала за пологом шатра. Салават все стоял, глядя ей вслед, вертя в руках ромашку — без одного лепестка, белую, как ее косы, ромашку.

mir-knigi.org

Он поднялся еще до рассвета. Умывшись, выйдя из шатра, юноша расстелил на траве маленький, потрепанный коврик. Салават постоял, глядя на восток, туда, где над Волгой, еле заметно, золотилась тонкая полоска солнца.

Юноша поднял руки вверх и прошептал: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!". Он читал с детства знакомые слова, чуть шевеля губами. Потом, проведя ладонями по лицу, стоя на коленях, он сказал: "Боже, неустанно я поминаю тебя".

— Уйду, — подумал Салават, сворачивая коврик. "Кинзя тут останется, будет башкирами нашими командовать. Он смелый воин, хороший. А я в горы отправлюсь, буду там воевать. Но как же, — Салават поморщился, — как, же без нее? Нельзя Мариам тут оставлять, опасно это. Как на Москву государь пойдет — не пощадит ее".

Он присел, и, достав курай, вздохнул: "Да ты ей и не по душе, конечно, нечего тут и думать. Мариам, Мариам, — он подпер подбородок кулаком и вдруг улыбнулся, запев что-то по-башкирски.

— Очень красиво, — раздался женский голос сзади. "А что это, атаман?"

Салават вскочил. Покраснев, не глядя в нежные, лазоревые глаза, он ответил: "Так, Мариам-хатын, песню пел".

— А что такое "хатын"? — она все улыбалась, стоя с ведром в руках.

— Госпожа, — юноша склонил голову. "Так положено к женщине обращаться, госпожа".

— А песня про что? — белокурые косы были переброшены на грудь. Салават, тяжело вздохнул: "Про вас, Мариам-хатын".

Она внезапно зарделась. Салават подумал: "Как будто рассвет у нее на щеках играет, а глаза — как вода в горном озере".

Юноша сглотнул и стал медленно говорить, подбирая слова:

Воплощение рая — твоя красота,
Ты, как гурия рая, светла и чиста.
Мариам, несказанно люблю я тебя,
Растерял все слова, погибаю, любя,
Мой бессилен язык, чтобы песни слагать —
Ни словами сказать, ни пером описать! —

Салават замолчал, и, сцепив смуглые пальцы, не смотря на нее, добавил: "Это плохо, я знаю. Я еще никогда никого…, У меня языка не хватает, чтобы сказать, Мариам-хатын".

Марья вдруг опустила ведро, и пробормотала: "Спасибо вам". Она пошла к колодцу, что был выкопан на краю лагеря. Салават, смотря ей вслед, зло подумал: "Ну как, как ей это сказать? Я не ее веры, зачем я ей? Но если я ее не заберу — она погибнет, и я потом всю жизнь буду мучиться, я знаю".

Он взял из ее рук веревку, и твердо сказал: "Мариам-хатын, я хочу вас увезти отсюда. Прямо сегодня, ночью. И никогда больше не возвращаться".

Девушка стояла, выпрямившись, откинув непокрытую голову: "Зачем я вам? У вас женщины

mir-knigi.org

вашей веры есть, нам с вами не по пути. Да и, — алые губы искривились, и она указала на шатер Пугачева, — сами знаете, кто я есть такая, атаман".

— Вы — самая чистая, самая лучшая, — серьезно проговорил юноша. "Иначе бы я вас не полюбил, Мариам-хатын. А что вы христианка — так нам можно на вас жениться. Пророк Мухаммад сказал: "Вам разрешено брать в жены из целомудренных, верующих в Аллаха. И также из тех целомудренных, которым до вас было ниспослано Писание". Мы же, — он ласково улыбнулся, — младше вас. Сначала были пророки Ибрахим, Муса, Сулейман, Иса ибн Мариам, другие тоже — а уж потом — Мухаммад".

— Как — жениться? — Марья вдруг зарделась. "Разве на таких женщинах, как я — женятся?".

— А как же — не жениться? — Салават тоже покраснел. "Иначе нельзя. Пророк нам заповедовал жить в браке. Я понимаю, — он отвел глаза, — я вам не нравлюсь..., Но все равно, нельзя вам тут оставаться, Мариам-хатын".

— Он вас убьет, — испуганно сказала Марья, прикусив губу. "Не то, чтобы я ему нужна была, — девушка усмехнулась, — но все равно, вы у него, получится, игрушку забрали".

— Вы не игрушка, — Салават поднял ведро. "Мы все — создания Аллаха, Мариам-хатын, и не волнуйтесь, он сейчас другим занят, дня через три лагерь с места снимется, он о вас и не вспомнит. Да и не погонится он за мной, туда, — Салават махнул на восток, — в горы".

— А что потом? — спросила она, когда Салават уже подошел к шатру.

— Вернетесь к своему народу, — просто ответил он. "Если захотите. Нельзя вам сейчас одной быть, Мариам-хатын, сами знаете — пылает Итиль, казаки гуляют, и наши, башкиры — тоже. До Москвы вам не добраться, да вы и не московская".

— Нет, — тихо ответила Марья и откинула полог: "А что вы говорили, — мол, не нравитесь вы мне, сие неправда, Салават. Я поеду, — она повернулась, и встретилась с блестящими, черными глазами, — поеду с вами, Салават".

— На закате, там, — он указал на реку, — буду ждать вас. Вы на коне умеете ездить, Мариам-хатын?

— Конечно, — удивилась девушка. "Я тоже в горах росла, у нас на заводах иначе нельзя".

— Я вам свою одежду принесу, — краснея, добавил юноша, — я ведь вас совсем немного выше.

— Да, — Марья внезапно улыбнулась, — совсем немного". Она нырнула в шатер. Салават услышал пьяный, сонный голос Пугачева: "За смертью тебя посылать! Голова болит, и даже воды испить — ждать приходится!"

Юноша скривился, как от боли, и прошептал: "Потерпи, пожалуйста, скоро все закончится".

Пугачев облизал жирные пальцы, и, оторвав еще кусок баранины, рыгнул: "Конечно, жаль, что ты со мной на Москву не отправишься, Салават. Но ты прав — незачем мне за спиной врагов оставлять, а ты быстро Урал к подчинению приведешь".

За грязным холстом шатра сияло закатное солнце, были слышны голоса казаков — лагерь собирался. Салават, выпил колодезной воды: "Тысячу всадников тебе оставляю, государь.

Кинзя Арсланов — воин доблестный, и верен тебе. Как на Москву зайдешь, на престол сядешь — так встретимся".

— Может быть, — чуть не добавил юноша, глядя на смуглое, опаленное солнцем лицо Пугачева. Карие глаза атамана сощурились. Он, раздув ноздри, усмехнулся: "Наместником тебя назначу, Салават. Над всем Уралом. Землями оделю, будешь богатым, как раньше, пока узурпаторша вас не ограбила".

Салават поднялся, и, склонив черноволосую голову, приложил руки к груди: "Спасибо, ваше величество, не ради почестей я к вам пришел, сами знаете, а рады свободы".

— А то бы подождал, — сказал Пугачев, откинувшись на засаленные подушки. "Завтра я велел всех баб, кои в лагере еще остались — повесить. Незачем нам их за собой тащить, в Москве новых найдем. Хоша посмотрел бы".

— Нет, — Салават поклонился еще ниже, — Урал ждет, ваше величество, так, что позвольте уехать, сегодня же вечером.

— Ну, уезжай, — вздохнул Пугачев. Встав, он троекратно расцеловал юношу. "С Богом, милый мой, на тебя надеюсь".

— Не подведу, — коротко ответил тот. Застыв, к чему-то прислушавшись, Салават вышел из шатра.

Темная, почти черная речная вода мягко качала лодку. Марья на мгновение остановилась, и нащупала под платьем икону: "Господи, что же я делаю? Сие грех, не христианин он, а как иначе? После обеда виселицу стали сколачивать. Бедные, бедные женщины, и ведь никого с собой не увести, Господи, прости меня".

Она перекрестилась, и услышала мягкий голос: "Мариам-хатын…, Не заметили вас?".

— Они там напились все, — горько ответила Марья, — я и выскользнула. Хоть бы другие тоже — сбежали.

Салават посмотрел на повязанную простым платком, изящную голову, и, сглотнул: "Вы садитесь, Мариам-хатын. Я вам помочь не могу, мне нельзя вас трогать, до тех пор, пока… — даже в темноте было видно, как покраснел юноша. "А одежду я принес, как обещал".

Девушка устроилась на скамье. Салават оттолкнул лодку от берега, и, взялся за весла: "Мариам-хатын, так вы подумали?"

— Подумала, — тихо проговорила она, опустив руку в теплую воду. "Я выйду за вас замуж, Салават".

Лодка вышла на середину Волги, и, подхваченная сильным течением — пропала в ночной, беззвездной мгле.

В избе было тепло. Марья, зевнув, подперев голову рукой, рассмеялась — маленькая, лет двух девочка, стояла перед лавкой, наклонив темноволосую голову, засунув пальчик в рот.

Женщина — маленькая, худенькая, в платке, подхватила дочь и строго сказала ей что-то по-татарски. "Хорошие люди, какие, — Марья, сев, стала заплетать косы. "Неделю уже у них живу,

и поят, и кормят, а что языки у нас разные — так все равно понимаем, друг друга. Да и Зульфия-хатын немножко по-русски говорит".

Татарка присела и ласково взяла руку Марьи: "Салават тут. Махр тебе привез. Подарок, — она улыбнулась и добавила: "В мечеть пойдете".

Женщина указала на длинное, светлое платье, что лежало в ногах лавки, и растянула на руках шелковый, вышитый серебряными узорами платок. "От меня, — Зульфия указала пальцем себе на грудь, — тебе". Она наклонилась, и поцеловала Марью в щеку. Девочка захлопала в ладоши, и обняла Марью — за шею, крепко.

— Как же это будет? — подумала девушка, одеваясь. "Салават сказал — в горы меня увезет, далеко, там жить станем". Она приложила ладони к пылающим щекам. Татарка, заглянула в горницу: "Ждет во дворе".

Марья вышла на крыльцо. Юноша, подняв глаза, шепнул: "Вы очень красивая, Мариам-хатын. Как будто во сне".

Она стояла, с убранными под платок волосами, легко, мимолетно улыбаясь, лазоревые глаза были прикрыты темными ресницами. Салават, вздохнув, протянул ей кожаный мешочек. "Так принято, — тихо проговорил юноша, — перед свадьбой. Жених дарит невесте подарок. Возьмите, Мариам-хатын, я за ним ездил, в горы".

Марья вынула золотой, тонкой работы медальон, украшенный изумрудами, и вгляделась в арабскую вязь. "А что тут написано, Салават? — спросила девушка.

— Ты любовь моего сердца и моей жизни, — он посмотрел на нее, снизу вверх, — да хранит тебя Аллах, Мариам".

Марья застегнула на шее цепочку и посмотрела в темные, красивые глаза юноши: "Я готова, да".

— У нас все просто, — застенчиво сказал Салават, когда они уже шли к мечети. "Имам прочитает суру из Корана, и все. А завтра, — он отчаянно покраснел, — надо людей пригласить, стол накрыть. Так положено, чтобы все на свадьбу пришли, даже незнакомые".

— Так готовить надо! — ахнула Марья.

— Мариам-хатын, — юноша даже остановился, — как можно невесте готовить? Женщины все сделают, вы не волнуйтесь. А потом уедем. И вот еще что, — его смуглая рука легла на рукоять сабли, — вы мне скажите, Мариам-хатын, если я вам, хоть немного не по душе…, нельзя замуж выходить, если не хочешь.

— Ну что вы, — Марья вскинула голову и посмотрела на мечеть. "И действительно, такая же изба, — подумала она. "Только вышка пристроена, оттуда на молитву зовут".

— Свидетели уже там, — Салават кивнул на крыльцо. "Тут же родня моя, в этой деревне. Бабушка моя по отцу отсюда, она татарка была".

Марья скинула сафьяновые туфли. Они зашли в устланную старыми коврами горницу, где уже стояла простая, деревянная лавка.

— На нашего батюшку Никифора похож, упокой Господи его душу, — подумала девушка,

mir-knigi.org

искоса смотря на деревенского имама — средних лет мужчину с большими, крестьянскими руками.

— Сейчас он просит у Аллаха помощи нам, и чтобы он всегда вел нас по пути праведности, — шепнул ей Салават. "А потом прочитает суру из Корана, которая так и называется: "Женщины". И все, — он внезапно улыбнулся. "Я же говорил, у нас все просто".

— Даже икон нет, — Марья оглядела бревенчатые стены мечети. "Да, я же показывала Салавату образ Богородицы — он сказал, что у них запрещено человека рисовать".

Они поднялись, и Салават сказал: "А сейчас он говорит хадис пророка Мухаммада. "Пусть Аллах ниспошлет вам во всем Божью благодать, и объединит вас в благом".

Марья внезапно почувствовала прикосновение его пальцев. "Теперь можно, — нежно сказал юноша, — теперь мы вместе, Мариам, навсегда".

Девушка погладила его по руке и улыбнулась: "Да, Салават".

На деревянных половицах горницы лежал тонкий, золотой луч лунного света. Марья подперла щеку рукой: "А ведь у вас можно много жен брать, я слышала, казаки говорили".

— Да, — Салават сидел рядом с ней, — только мне никого другого кроме тебя не надо, Мариам.

— А Зульфия с дочкой к матери своей ушла, — вспомнила девушка. "Так жалко ее — молодая, и уже вдова. Салават мне сказал, что мужа ее на заводы забрали, и умер он там".

— Мне тоже, — она положила белокурую голову ему на плечо, — не надо, милый.

Юноша взял ее нежные пальцы и поцеловал — один за другим, медленно. "Помнишь, — тихо сказал он, — я тебе говорил, что еще никогда…, Я не знаю, вдруг тебе не понравится, Мариам…"

— Ну как мне может не понравиться, — Марья подняла руку и, отведя назад его густые, мягкие волосы, прижалась щекой к его щеке. "Все будет хорошо, милый, мой, теперь все будет хорошо".

— Федя, — на мгновение подумала она, нежась под его поцелуями. "Ведь тогда, как мы повенчались, так же было — только я боялась, хоть матушка мне и рассказала, но все равно — страшно было. Господи, какое счастье. И Федя тоже — такой ласковый был, не торопил меня, говорил, как он меня любит…"

— Ты — как луна, — сказал Салават, взяв ее лицо в ладони. "Прекрасней тебя никого на свете нет, моя Мариам, любовь моя".

Она обняла его — сильно, всем телом, — и тихо проговорила на ухо: "Вот так, да, мой милый, иди сюда, иди ко мне…"

— За что мне такое счастье? — подумал юноша. "Никогда, никогда я ее не оставлю, буду рядом, — сколь долго я жив. Как я ее люблю, и слов таких нет, чтобы это сказать…"

— Я нашел, — шепнул он, потом, целуя ее, устраивая у себя на плече, — нашел слова, Мариам. Потому что мы вместе, моя радость. Вот, — он коснулся губами высокого, белого лба, — послушай…

mir-knigi.org

— Мариам, ты — как ясного неба привет, в твоих синих очах звезд немеркнущих свет, — медленно, неуверенно сказал он, и, покраснев, попросил: "Можно?"

Он поцеловал трепещущие веки: "Знаешь, когда гаснет закат, и на небо восходят звезды — вот такого цвета твои глаза".

— Это взгляд бездонный твой, напоенный синевой, — вдруг подумал юноша. Улыбнувшись, он покачал головой: "Пусть летит, Аллах запомнит эти слова, и даст кому-нибудь другому, мне не жалко".

— Я люблю тебя, — он прижал ее к себе поближе и, увидев, как лукаво изогнулись алые губы, жалобно спросил: "Ты, наверное, спать хочешь?"

— Ну отчего же, — Марья приподнялась на локте и он, почти не веря, что может сделать это, провел губами по белоснежной, горячей груди.

— Вот так, — сказала девушка, устроившись сверху, накрыв их обоих теплым потоком волос. "И так будет всегда, Салават".

— Да, — сказал он, любуясь ее прекрасным, улыбающимся лицом, — да, Мариам.

Интерлюдия

15 сентября 1774 года, Яицкий городок

В лазоревом, ярком небе плыли, перекликаясь, журавли. У входа в атаманскую избу было шумно, скрипели колеса телег. Невысокий, легкий мужчина, спешившись, кинув поводья солдату, недовольно сказал: "Развели тут гвалт, аки на базаре. Кто по службе тут не должен находиться — так к своим постам и возвращайтесь. Когда Емельку доставили?"

— На рассвете еще, ваше превосходительство! — вытянулся перед ним офицер. "Его же полковники, они сейчас там, — поручик указал в сторону зарешеченных окон острога, — сидят, на милость надеются".

— На милость, — генерал стянул тонкие кожаные перчатки. Встряхнув светлыми, запыленными волосами, он ядовито повторил: "На милость. В оковах они?"

— А как же, — заторопился офицер, — Емелька тоже — в кандалах. Только ваше превосходительство, — офицер замялся, — может, поедите сначала, все же в седле долго были. Там уже бочонок с икрой привезли, стерлядей…

— Да хоша бы они своими стерлядями дорогу до Москвы вымостили, — резко заметил мужчина, — сие не Яику, ни казакам — не поможет более. Ладно, — он вздохнул и провел ладонью по лицу, — допрашивать мерзавца сего — дело долгое. Пойдем, Павлуша, — он ласково улыбнулся, глядя в юное лицо поручика, — поедим. Охраняют хорошо его? — он кивнул на избу.

— Мышь не проскочит, — гордо ответил поручик. Они направились к соседней избе, на пороге которой стоял караул солдат.

Вымыв в сенях руки, генерал взглянул на стол и усмехнулся: "И, правда, богато. Ты там, в окно все же посматривай, Павлуша, мало ли что".

— Есть! — вытянулся офицер. Мужчина нежно велел: "Да ты сядь, сядь. Вот так, бочком, — и поешь, — он стал разливать дымящуюся уху по глиняным тарелкам, — и не пропустишь, ежели кого увидишь".

— Хлеб совсем свежий, — подумал генерал, берясь за ложку. "Господи, теперь еще Емельку этого в Симбирск везти, а оттуда — в Москву. И башкиры гуляют, все никак не успокоятся, ни Салавата пока не поймали, ни этого Кинзю Арсланова. Емельку его атаманы и предали, ну да о сем нам еще римская история говорит, греческая — тако же".

Он покосился на поручика и ворчливо спросил: "Что нынче читаешь, Павлуша?"

Юноша застыл, не донеся до раскрытого рта ломоть хлеба с икрой: "Так ваше превосходительство, разве ж до чтения сейчас…"

— Ну и дурак, — ласково заметил генерал. "Да это оттого, что молод ты. Я вот Юлия Цезаря перечитываю, записки его, о войне галльской. Вот смотри, Павлуша, большого ума был человек — а все равно — не разглядел заговора. Что нам сие говорит?"

— Вот же привязался, — нежно подумал поручик. Прожевав икру, он ответил: "Что наш долг, как армии — охранять покой и благоденствие ее императорского величества Екатерины Алексеевны и цесаревича Павла Петровича!"

— В общем, — улыбнулся генерал, — верно. Ты ешь, голубчик, — а то тебе потом еще допрос записывать, как бы ни до ночи он растянулся, — генерал вздохнул и положил себе розовых, теплых, вареных стерлядей.

— Не велено! — сердито сказал солдат, преграждая путь мощному, высокому, рыжеволосому мужику. "Никого не велено допускать! Сие есть бунтовщик и разбойник, государственный преступник, к нему доступ только для офицеров разрешен".

— А не для всякой швали, — добавил второй солдат, разглядывая изорванный кафтан и потрепанные сапоги мужика.

Мужик порылся в кармане и раскрыл руку — на исцарапанной, темной от въевшейся пыли, ладони, блистал, переливался золотой самородок — размером с волошский орех.

— Пожалуйста, — сказал он, — мне хоша бы на одно мгновение, жена у меня….

Солдат взглянул в измученное, обросшее рыжей бородой лицо, и сердито велел: "Сие убери, на службе мы. Ладно, — он махнул рукой, — проходи, мы в сенях постоим. Только быстро".

Мужик шагнул в горницу и второй солдат вздохнул: "Господи, первый такой…, А сколько их еще будет. Колесовать бы этого Емельку, безжалостно. Пошли, Григорий, присмотреть все же стоит за ними".

Федор встал на пороге и увидел черные, чуть с сединой волосы мужчины, что сидел, сгорбившись, повернувшись к нему спиной, на лавке.

— Может, не надо? — горько подумал он. "Я уже в Оренбурге сие слышал, от того капитана, что приютил меня. У него тоже — на его глазах дитя убили, и жену увели, а он раненый лежал. Как это он мне сказал: "Не хочу ничего знать, померла моя Наталья Васильевна, и все. Дай ей Господь вечный покой". И бутылку водки выставил. Хороший мужик. Нет, я так не могу — там

же Миша оставался, Иван Петрович..., Надо знать".

Федор откашлялся и сжал кулаки: "Магнитную крепость помнишь?"

— А кто спрашивает? — усмехнулся Пугачев. Он тяжело, бряцая кандалами, повернулся на лавке.

Федор взглянул в смуглое, с подбитым, заплывшим глазом, лицо: "Инженер тамошний, с рудника, Федор Петрович Воронцов-Вельяминов".

— Живой, значит, — Пугачев осмотрел его с головы до ног. "Выполз из-под земли, да только опоздал, как я посмотрю".

Федор вспомнил влажную, тесную тьму шахты, острые края камней, и свет — невыносимо яркий, режущий глаза свет божьего дня. "А ведь я до сих пор не знаю, сколько я там пробыл, — подумал он, — четыре дня, али пять. Еще хорошо, что флягу воды с собой взял, как уходил. А как вернулся — от крепости одно пепелище осталось, и трупы, птицами исклеванные. И крест во дворе, похоронили все же кого-то".

Он молчал. Пугачев, усмехнувшись, спросил: "А что тебе надо-то, инженер?"

— Где? — он поднял запавшие, обведенные темными кругами, голубые глаза. "Где все? Жена моя, брат ее, мальчик, Мишей его звали, Иван Петрович где, он тоже инженер был?"

Пугачев растянул в улыбке губы. "Мальчика пристрелил, инженера твоего повесил, а жену — он внезапно облизнулся, — сие рассказ занятный, Федор Петрович, послушать хочешь?"

— Где она? — чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы, повторил Федор.

— В блядях при себе держал, — небрежно ответил атаман, — а как понесла она, — войску отдал. Ну да казаки ей натешились, и горло перерезали. Как мы из-под Казани на юг повернули, — он помолчал, — в пыли у дороги валялась. Овдовел ты, Федор Петрович, какая жалость, — издевательски рассмеялся Пугачев и тут же, схватившись за лицо, крикнул: "Сука!"

— Да я тебя сейчас этими руками и убью, — Федор встряхнул его за плечи. Брызги крови из разбитого рта полетели во все стороны. Он услышал у себя за спиной резкий, злой голос: "Это что тут еще такое! А ну вон отсюда! Кто сие?"

Федор повернулся, и посмотрел с высоты своего роста на тонкого мужчину в военной форме: "Инженер бывшего рудника Магнитного, Федор Петрович Воронцов-Вельяминов".

— Господи Иисусе! — мужчина перекрестился. "Феденька!"

Федор внезапно вспомнил что-то детское, давнее, — веселый голос отца в гостиной их петербургских комнат. "А вот я кого вам привел, ребятушки, вашего любимого майора!"

— Александр Васильевич! — прошептал он и, вытерев глаза, повторил: "Александр Васильевич!"

Суворов разлил по стаканчикам водку: "Ты выпей, Феденька. Сие не поможет, конечно, но хоть так..., - генерал махнул рукой и подумал: "Выплакался вроде. Господи, бедный мальчик, глаза-то у него — будто старик передо мной сидит".

— А я тебя с тех пор и не видел, как мы с твоим батюшкой покойным на войну уходили, —

вздохнул Суворов. "Семь лет тебе тогда было, а Степушке — пять. А через два года Петр Федорович при Кунерсдорфе погиб. Знаешь, как сие было-то?"

— Знаю, — кивнул Федор. "Матушке тот поручик написал, коего отец с поля боя вытащил, раненого. Донес до наших позиций, а там его и убило осколком. А поручик жив остался".

— А Елена Ивановна? — осторожно спросил Суворов. "Жива матушка ваша, Федя?"

— Умерла, когда я в Гейдельберге учился, — Федор посмотрел на бутылку: "Да ну ее. Лучше все равно — не становится".

— Ты поешь, — поймав его взгляд, сказал Суворов. "Поешь, я потом тебя в своей избе устрою, и спи, Феденька. А Степан где?"

— Капитан-поручик в эскадре графа Орлова, — Федор усмехнулся, — в Средиземном море плавает.

— Так он у тебя до адмирала дослужится, — ласково сказал Суворов, — раз в двадцать два года уже такой чин имеет. Ты вот что, Феденька, — он взглянул на мужчину, — ежели хочешь, так потом с нами на Москву отправляйся. Мне этого, — генерал мотнул головой в сторону двора, — туда довезти надо…

— Александр Васильевич, — мрачно ответил Федор, — я если его хоть один раз еще увижу, то сразу и убью, на месте. Нет, — он потер лицо руками, — теперь Урал восстанавливать надо, после этой смуты, — мужчина выматерился, — все заводы с рудниками в руинах лежат. Мне тут надо быть, Александр Васильевич.

— И потом, — он достал из кармана золотой самородок и потрепанную тетрадь, — я тут на хорошее месторождение наткнулся, пока к Оренбургу шел. Там прииск ставить надо, я карту сделал, грубую, — Федор полистал тетрадь, — как до Екатеринбурга доберусь, до горной экспедиции, так займемся этим. Спасибо вам, — он поднял голову от чертежа.

— Восемь месяцев с женой прожил, — горько подумал Суворов. "Господи, да за что это ему?".

— А ты, Феденька, знай, — Суворов налил ему еще водки, — коли ты захочешь по стопам отца своего пойти, у меня место такому инженеру, как ты, всегда найдется. Я после Москвы в Крым поеду, дивизией командовать, так что, — он улыбнулся, — если надумаешь по военному ведомству служить — милости прошу.

— Посмотрим, — тяжело вздохнул Федор. Он бросил взгляд на изящный, отделанный слоновой костью пистолет, что лежал на краю стола.

— Бери его себе, — сказал Суворов. "Хоша память о твоем Иване Петровиче будет, на Волге, — генерал дернул щекой, — сей Емелька тоже ученого повесил, Георга Ловица, из Академии Наук. Ты не волнуйся, Феденька, я обо всем этом в Санкт-Петербург напишу, чтобы знали они".

— Я сам, Александр Васильевич, — Федор потянул к себе чернильницу. "Мы же с Иваном Петровичем друзья были. Лучше, чтобы я это сделал".

— Ну, хорошо, — Суворов поднялся и погладил рыжие, запыленные волосы. "А ты Феденька, выспись, в баню сходи и езжай в Екатеринбург. У нас как раз туда отряд отправляется, доберешься спокойно".

mir-knigi.org

— Мы там венчались, — вдруг сказал Федор. "В Екатеринбурге. Покровом прошлого года. Хорошо, — Александр Васильевич, — он повернулся, и Суворов увидел его глаза, — только я сначала в собор схожу, надо панихиду отслужить. По ним, — добавил Федор и окунул перо в чернильницу.

Суворов перекрестил его на пороге и тихо закрыл дверь горницы.

Федор вытер рукавом рубашки слезы и написал по-немецки: "Дорогой герр Эйлер, считаю своим долгом, как друг мистера ди Амальфи, сообщить вам печальные известия…"

На паперти Михайло-Архангельского собора было людно. Федор спросил какого-то казака: "Что это тут толпа такая? Вроде не престольный праздник".

— За панихидами стоят, — мрачно сказал казак, придерживая перевязанную тряпками руку. "И служат, и служат, и конца-края этому не видно, мил человек. Хорошо этот, — казак хотел выматериться, но сдержался, глядя на образ Спаса над входом, — погулял, теперича долго будем за упокой невинно убиенных молиться".

Священник вскинул на Федора усталые, покрасневшие глаза и мужчина понял: "А ведь он тоже кого-то потерял, я этот взгляд знаю".

— Рабу божью Марию, раба божьего отрока Михаила, — перо священника на мгновение запнулось, однако он продолжил писать, — и раба божьего Иоанна, — попросил Федор.

— Иван Петрович же англиканином был, — подумал мужчина. "Да все равно".

— И за здравие, — вдруг добавил Федор. "Младенца Софии. Пожалуйста".

Он стоял, слушая знакомые слова, вдыхая запах ладана: "Приведу тут все в порядок и поеду к Александру Васильевичу. Не могу я на Урале оставаться, иначе сердце разорвется. Все равно, — Федор перекрестился, — не сегодня, так завтра воевать будем, не с турками, так с кем-то другим, люди занадобятся.

Господи, дай им вечный покой и приют в обители своей, и сохрани Ивана Петровича дочку — все же круглой сиротой осталась, бедная".

Федор вышел из темного собора и зажмурился — осеннее солнце било в глаза, вдалеке поблескивал Яик, и все летели, летели на юг птицы.

— К октябрю уже и на севере будем, — подумал он, и, в последний раз посмотрев на купола собора, вздохнул: "Вот и все".

Эпилог

25 ноября 1774 года, горы Каратау

Сыпал мелкий, острый снежок. Салават, сняв шапку, подставил разгоряченное лицо северному ветру: "С того конца ущелья татарские отряды стоят, тоже не пройти. Хорошо еще, меня не заметили".

Кинзя Арсланов погладил короткую, с проседью бороду. Он указал глазами на едва заметную тропинку, что виделась среди поросших мхом скал.

— Вот по ней вы и будете уходить, — мрачно сказал юноша, посмотрев на горное, тихое, едва колыхающееся озеро. Вода была совсем темной. Он, увидев вытащенную на берег лодку, сжал зубы: "Как махну рукой, — подъезжайте к избе".

— Может, пробьемся, атаман…, - неуверенно проговорил кто-то из башкир.

— Пробьемся, конечно, — спокойно ответил юноша, удерживая на месте коня. "Однако жену свою я на смерть не отправлю. Хватит и того, что отец мой у них в заложниках. Все, — он коротко кивнул, — скоро увидимся".

Кинзя проводил его глазами и угрюмо заметил: "У них пять сотен с той стороны, и две — там, где татары стоят, а у нас, — он обвел глазами отряд — два десятка человек".

— Ну и ляжем костьми, — зло выкрикнул кто-то из всадников, — а все одно — не покоримся им.

Кинзя посмотрел на густой, еловый лес, что покрывал склоны гор, на серые, острые скалы: "Это уже как Аллах решит, все в его воле. Подождем".

Салават спешился и, потрепав коня по холке, остановился перед входом в избу. "Как тут хорошо было, — вспомнил юноша, — все же цвело вокруг, летом. Пчелы летали, я за медом сходил, мы разламывали руками соты, и смеялись. В озере была вода совсем теплая, светила луна, тут, на песке мы и лежали. Помоги мне Аллах".

Он снял с седла кожаный мешок и толкнул дверь. Она сидела за столом, наклонив изящную, непокрытую, белокурую голову, что-то шепча, вглядываясь в страницы потрепанной тетрадки.

— Милый! — Марья вскочила, и, улыбнувшись, закинула ему руки на шею: "Надолго? Что такое? — она разгладила пальцем складку меж его бровей. "Случилось что-то? Ты садись, — девушка покраснела и убрала тетрадь, — я тут читать учусь, ты же мне буквы арабские написал. Чай сделаю, а потом накормлю тебя, как следует, мясо варить поставлю".

— Мариам, — он прижался щекой к ее щеке. "Мариам, любовь моя, послушай…"

Она стояла, опустив руки. Потом, обернувшись к сундуку, Марья открыла крышку: "Там русские отряды. Вот я сейчас переоденусь, поеду и с ними поговорю. Чтобы нас выпустили".

— Нет! — крикнул юноша и тут же помотал головой: "Прости…, Я не хотел кричать. Никуда ты не поедешь, Мариам, они тебя убьют на месте, или возьмут в плен, а потом…, - он махнул рукой. "Я не позволю".

— Но я же русская, — она упрямо достала из сундука шаровары, рубашку и короткий полушубок. "Русская, Салават. Они меня послушают…, Я им скажу…"

— Что ты им скажешь? — он подошел и взял из ее рук одежду. "Тебя не пощадят, Мариам, я же бунтовщик, изгой, а ты — моя жена. Ради него, — он все стоял рядом. Потом, крепко обняв ее, Салават добавил, положив руку на живот: "Ради него, я прошу тебя, любовь моя. Пусть он живет".

— Я не хочу, чтобы ты умирал, — зло сказала девушка. "Не позволю этого".

Салават поцеловал светлые, пахнущие печным дымом и травами волосы: "Это только Аллах решает, любовь моя. Кинзя здесь, он тебя уведет на юг, там побудешь до родов, а потом, — он вдруг, мимолетно улыбнулся, — возвращайся к своему народу".

Юноша увидел слезы в лазоревых глазах: "Не надо, счастье мое. Я не могу с тобой уйти — мой отец у них в заложниках, да и, — он все прижимал ее к себе, — не могу я своих людей бросить".

— А свое дитя — можешь? — Марья вырвала у него одежду и ушла за пестрядинную занавеску. "Как я без отца его растить буду? — донесся до Салавата ее голос.

Он опустился на лавку, и, положив руки на стол, бросил на них голову: "И, правда, как я могу? Но что, же я за человек, если башкиров оставлю?"

Он внезапно почувствовал, как Марья обняла его сзади, и услышал ее тихий голос: "Прости. Ты делай то, что должно тебе, любимый мой".

Салават, не поворачиваясь, нащупал медальон у нее на шее: "Маленькому потом отдай. Или маленькой. Она будет такая же красивая, как ты".

— А он — смелый, как ты, — Марья все обнимала его. Салават, взяв ее руку, поцеловав, заставил себя сказать: "Милая…, Мне с тобой надо развестись".

— Зачем? — непонимающе спросила девушка.

Салават усадил ее к себе на колени — маленькую, легкую, в шароварах и полушубке, и улыбнулся, заправляя ее косы под баранью шапку: "Чтобы ты потом могла выйти замуж, и быть счастлива, любовь моя. Я тебе напишу, — он вырвал лист из тетради, — напишу все по-арабски — что ты была моей женой, что я с тобой развелся, что у тебя — мое дитя. Положи в медальон, если потом будешь выходить замуж за правоверного — покажешь имаму, и все будет хорошо".

— Не будет, — Марья следила за его быстрой рукой. "У тебя шрам новый, — заметила девушка.

— Ничего, — Салават отмахнулся, — клинком зацепило, заживет. "Если не убьют, — мрачно подумал он. "Хоть бы отца отпустили, старый же человек. Я-то ладно, пусть что хотят, то и делают, выдержу, а вот он…"

Марья положила свернутый лист бумаги в медальон: "Почему я не могу тут остаться?"

— Потому, — Салават опять поцеловал ее, — что тут скоро все будет кишеть войсками, и тебя найдут. Ты не можешь одна рожать, тебе будет нужна помощь. Кинзя тебя довезет до устья Яика, там ваши казаки живут, там безопасно. Держи, — он передал Марье кожаный мешок.

Девушка развязала горловину и застыла — золотые самородки тускло блестели в свете пасмурного, зимнего дня.

— Тебе и маленькому, — улыбнулся Салават, поднимаясь, — там много, на всю жизнь хватит. Не плачь, я прошу тебя, — он коснулся ее щеки, — не плачь, моя Мариам. Что бы со мной ни было — я всегда буду любить тебя. Пойдем, — он кивнул на крыльцо, — свидетели нужны.

— Как при свадьбе, — горько подумала Марья, почувствовав на лице холодный ветер. "Господи, — она коснулась иконы в тайном кармане полушубка, — помоги ты ему, пожалуйста. Пусть не погибнет, Господи, двадцать же лет ему всего. И дитя наше сохрани, молю".

Двое мужчин спешились поодаль. Салават, не глядя на жену, незаметно вытерев глаза, громко сказал: "Жена моя Мариам свободна".

— Три раза надо повторить, — Марья сглотнула и украдкой перекрестилась. "Господи, он же

плачет. Бедный мой, любовь моя…"

— Все, — Салават посмотрел в лазоревые глаза. "Там тропинка, Кинзя ее знает, выберетесь отсюда. Храни вас Аллах, счастье мое, Мариам…"

Юноша отвернулся. Марья, ловко села в седло низенького, буланого конька: "А у меня даже кинжала нет. Ничего, Кинзя со мной, он меня защитит".

— Я прошу тебя, — Салават наклонился к уху друга, — прошу тебя, Кинзя, ради Аллаха — чтобы с ними все хорошо было".

— Обещаю, атаман — башкир склонил голову. Всадники, тронув коней, поехали шагом к незаметному проходу в скалах.

— Вы впереди меня езжайте, Мариам-хатын, — попросил Арсланов, — так безопасней будет, там нет по дороге никого.

Марья обернулась и посмотрела на Салавата. Легкий снег покрывал его темные волосы. Девушка подумала: "Как будто поседел, сразу, за одно мгновение".

— Я люблю тебя, — одними губами сказал юноша.

— Я тоже, — она закрыла глаза, и, тяжело вздохнув — проскользнула на узкую, вьющуюся среди камней тропинку.

Салават подождал, пока стихнет стук копыт. Достав саблю, полюбовавшись тяжелым блеском стали, он приказал: "А теперь — в бой".

Часть вторая

Италия, февраль 1775 года

Окна большой, светлой студии выходили прямо на канал. "Какой свет хороший, — подумала Изабелла Корвино, прописывая большой, окруженный алмазами, сапфир на кольце женщины, что сидела перед ней. Бархатное кресло было установлено на возвышении, и девушка, — в простом холщовом платье, в испачканном красками длинном переднике, с волосами, прикрытыми беретом, — отошла на мгновение от мольберта.

— Еще два сеанса и все, — поняла Изабелла. "Отлично, что я сняла эту студию, почти как моя в Венеции".

— Чуть-чуть повыше голову, ваше сиятельство, — попросила девушка.

— Это прелестное место, — женщина в кресле чуть пошевелилась. Тяжелые, угольно-черные, роскошные волосы падали на отделанное серебристым кружевом, шелковое, серое платье. "Какая у нее кожа, — восхищенно сказала себе Изабелла. "Добиться бы этого лунного сияния, она же вся — светится. И глаза — как дым, неуловимые, как будто тучи над морем".

— Вам, оно, наверное, напоминает о родном городе, синьора Изабелла? — алые губы чуть раздвинулись в улыбке.

— Этот район Ливорно так и называется: "Маленькая Венеция", — вздохнула девушка.

— А почему вы уехали? — поинтересовалась графиня Селинская. "Ну, из дома?"

— Мой покойный отец строил во Флоренции и взял меня с собой, — сердито ответила Изабелла. "Он был архитектор, я у него училась. Два года назад он умер, и с тех пор я в мастерской синьора Грисони, он преподает в Академии Изящных Искусств, он меня и порекомендовал графу Орлову, для вашего портрета".

— А вы? — женщина подперла длинными, сухими, красивыми пальцами решительный подбородок. "Не можете учиться в Академии? Ведь Артемизия Джентиллески была туда избрана, я помню".

— А синьора Лавиния Фонтана — была избрана в римскую академию, — Изабелла почесала нос кончиком кисти. "Нет, ваше сиятельство, женщины могут учиться только частным образом, что я и делаю. Потом, — она пожала стройными плечами, — когда мне будет за сорок, и я напишу две сотни портретов — может быть, и меня изберут. Но вообще, — она стала прорисовывать складки платья, — я хочу стать архитектором. Что, — смешливо добавила Изабелла, блеснув зеленовато-серыми глазами, — для женщины невозможно.

— Дикость, — сочно заметила графиня Селинская. "Когда я взойду на российский престол, я открою женщинам путь к образованию".

— Было бы очень хорошо, — пробормотала Изабелла.

— А вы ведь тоже, — усмехнулась графиня, — хороших кровей, синьора. Не вы ли мне говорили, что ваша мать — дочь графа?

Девушка рассмеялась. "Это предание, ваше сиятельство. Какой-то мой предок, англичанин, его звали Ноттингем, был на стороне короля Чарльза в гражданской войне, того, которого казнили. Когда всю его семью — жену и детей, — вырезали, он бежал во Францию, принял там католичество и потом уехал в Рим. Мой дедушка зарабатывал на жизнь тем, что писал прошения, сидя в трактире напротив входа в курию. Не думаю, — Изабелла стала чистить кисти, — что он был граф.

— А ваш старший брат, — графиня Селинская сладко потянулась, — он ведь священник.

— Иезуит, — сухо ответила Изабелла. "Он меня на восемь лет старше, мы давно не виделись. Пьетро, кажется, сейчас в Польше. Где-то там, во всяком случае".

Он обернулась к двери и, жарко покраснев, сказала: "Капитан Стефано!"

Высокий, изящный молодой человек в форме моряка коротко поклонился, и тоскливо поглядел на графиню Селинскую: "Я позволил себе смелость, ваше сиятельство, явиться без предупреждения. Может быть, вы хотите пройтись пешком, такой прекрасный день…"

Селинская лениво протянула ему унизанную перстнями руку и юноша, наклонившись, благоговейно припал к ней губами.

— Мы, — графиня сошла с подиума, — сможем выпить кофе у меня на балконе, капитан. Вы же знаете, я не могу ходить пешком, добрые жители Ливорно осаждают даже мою карету. А где ваш адмирал? — от черных волос пахло розами, — тонко, едва уловимо.

— Уехал в Пизу, — весело ответил капитан-поручик. "Там у него какие-то встречи. Политика, — он отмахнулся, и, мельком посмотрев на Изабеллу, — серыми, прозрачными глазами, — добавил: "Конечно, никакой живописец не может передать вашей красоты, графиня. Кисть просто бессильна".

— Синьора Изабелла удивительно талантлива для своего возраста, — покровительственно сказала Селинская. "Ей ведь всего семнадцать, капитан. До завтра, синьора, — графиня лениво прошла к большому, в резной оправе зеркалу. Взяв с комода небрежно брошенную соболью шубку, она подняла тонкую, черную бровь.

— Позвольте, ваше сиятельство, — юноша склонил золотисто-рыжую, непокрытую голову. На мгновение, задержав руки на плечах Селинской, он окутал женщину мехом.

Зашуршал шелк, Изабелла увидела тонкую, в кружевном чулке, щиколотку, и высокая дверь мастерской захлопнулась. Девушка присела на каменный подоконник у открытого окна. Сняв, берет, она встряхнула каштаново-рыжими, волосами.

Они шли к карете, оба высокие, вровень друг другу. Изабелла заметила, как Селинская, улыбаясь, что-то говорит на ухо капитану. Тот кивнул головой, и, устроив ее в позолоченной карете, вскочив на красивого, серого коня, велел кучеру: "Трогай!"

— Даже не попрощался, — Изабелла почувствовала, как в ее глазах закипают слезы. "А скоро я закончу портрет, и тогда вообще — его не увижу".

Она шмыгнула носом. Вытерев лицо, рукавом платья Изабелла прошла в соседнюю комнату. Узкая, простая кровать стояла у стены, кувшин с медным тазом для умывания красовались на деревянном табурете. На огромном столе были разложены чертежи, и расставлены аккуратные модели домов. Изабелла потянула к себе перо. Открыв большую тетрадь с математическими вычислениями, она, нарочито весело сказала: "А сейчас я займусь этой виллой, что мне сосватал синьор Грисони".

Девушка бросила взгляд на доску с приколотым к ней чертежом и вспомнила сухой смешок отца: "Ты хоть из кожи вон лезь, дорогая моя — все равно, всю черновую работу будешь делать ты, а таблички — получать другие люди, — он потрепал ее по голове. "Жалко, конечно, что ты не родилась мальчиком".

— И мне жалко, — злобно сказала Изабелла, разводя тушь. "Если бы я была мальчиком — плевать бы я хотела на этого капитана Стефано".

Она сняла передник, засучила рукава платья, и стала чертить — медленными, точными, аккуратными движениями.

Священник посмотрел на Пьяцца деи Мираколи, — площадь освещало нежное солнце. Обернувшись, он потрещал пальцами: "Значит, Пьетро пишет, что этого Пугачева и казнили уже?"

— Больше месяца назад, — кивнул головой второй, раскинувшийся в уютном кресле, укрывший ноги меховой полостью. "Обезглавили и колесовали, в Москве".

— Ну-ну, — вздохнул аббат. Налив себе вина, он бросил взгляд на изящную подпись внизу листа: "К вящей славе Господней, ваш брат во Христе Пьетро Корвино. 20 января 1775 года, Санкт-Петербург".

— Как ты понимаешь, — священник выпил, — его Святейшество более не заинтересован в этом, — он повел рукой, — проекте. Надо его закончить, быстро и без лишнего шума. Незачем ссориться с императрицей Екатериной, раз она привечает орден в России.

— Сколько денег потрачено, — криво усмехнулся первый аббат, — и все впустую. Совсем как та авантюра с якобы сыном царя Ивана.

— Тогда мы тратили свои деньги, — поправил его гость из Рима, — а сейчас — золото его светлости Кароля Радзивилла, пусть даруют ему Иисус и дева Мария, долгие годы жизни. Он так и не вспомнил, где ее купил, кстати?

— Он не покупал, — зевнул священник, — его управляющий купил, где-то в Галиции, у бедняков, в горах. Ей тогда два года было.

— И она ничего не помнит, — аббат погладил чисто выбритый подбородок. "Я же ее исповедовал, и не один раз. Да и что упомнишь, в два года? А ты убери это письмо, убери, — он кивнул на конверт, — незачем нашим гостям знать о том, что у Ордена есть доверенный человек в Петербурге. Ты его скопировал, для архива?"

— Сейчас, сейчас, — аббат взял чистый лист бумаги, и, сильно нажимая на перо, стал писать.

— Вообще-то, — обиженно заметил он, — Пьетро и не прячется, как ты сам знаешь, служит в этой их временной церкви, собор-то еще не достроили.

— Я не об этом, — римлянин со значением поднял бровь. Его собеседник, закончив, тяжело поднявшись, открыв тайник в каменной стене, вздохнул:

— Где наши с тобой двадцать пять лет, дорогой мой Франческо? Подагра, несварение желудка, не говоря уже обо всем остальном, — он похлопал себя по лысой голове. "Пусть наш молодой лев, — он спрятал письмо, — берет от жизни все, пока у него есть силы. Ну, — аббат взглянул в окно, — а вот и первый гость, на своих двоих, как ни странно.

— Он скромный человек, — улыбнулся римлянин, — в отличие от этого графа Орлова. Кстати, — он откинулся на спинку кресла, — я же тебе не говорил, я прямо отсюда — в Китай.

— Где мои сорок пять, — пробормотал лысый аббат. "Впрочем, Франческо, что нам еще остается, — священник пожал плечами, — после того, как нас изгнали почти из всей Европы? Россия, Пруссия, и Новый Свет. И Азия, разумеется".

— Это ненадолго, дорогой Джузеппе, — его собеседник сцепил пальцы. "Уверяю тебя, рано или поздно мы вернемся. К вящей славе Господней".

— К вящей славе Господней, — отозвался второй. Позвонив в колокольчик, он велел появившемуся на пороге монаху: "Накрывайте на стол в галерее, уж больно погода хороша, настоящая тосканская весна. Форель доставили?"

— Прямо из Лугано, — прошелестел монашек. "Везли в бочке с озерной водой. Повар томит ее в белом вине".

— Прекрасно, прекрасно, — отец Франческо поднялся, рассмеявшись: "Наш гость любуется башней, впрочем, они все так делают".

Джон вдохнул сладкий, напоенный ласковым солнцем воздух, и, задрал голову: "Интересно, она когда-нибудь упадет? Красиво тут, почти как во Флоренции, и народу меньше. Жалко, что Джона и Джо с собой никак не взять. Будет им шестнадцать — освобожу лето и поедем во Францию, а потом сюда. Им понравится".

Он засунул руки в карманы и проводил взглядом красивого, в отлично сшитом сюртуке мужчину. Тот, обернувшись к свите, приказал: "Ждать меня здесь!"

— По сравнению с графом Орловым я просто оборванец, — смешливо подумал Джон, рассматривая напудренные волосы мужчины и шпагу с золотым эфесом. "Я даже без оружия. Думаю, его сиятельство мне и руки не подаст, посчитает ниже своего достоинства".

Он провел рукой по коротко стриженым, светлым волосам. Оправив простой, темный суконный сюртук, перекрестившись, герцог зашел в собор.

На крахмальной скатерти переливались, блестели хрустальные бокалы с белым вином.

— Лично от его святейшества, — наклонился к уху Джона отец Джузеппе. "Это из Орвието, прошлогоднего урожая, прекрасный букет".

— Отменный, — похвалил Джон, попробовав. Обрезая серебряным ножом устрицы, он сказал: "Господа, спасибо за чудесный завтрак, я всегда любил тосканскую кухню. Ваше сиятельство, — он посмотрел в карие глаза Орлова, — в Ливорно все готово. Консул его королевского величества, мистер Дик — всецело к вашим услугам".

— Ну и взгляд, — подумал Орлов. "Будто удар клинка".

— С кем имею честь? — резко спросил он. "Мы с вами сидим за одним столом, но вас мне не представляли".

— Ну и акцент у него, — Джон заставил себя не морщиться. "Будто тупой пилой слова распиливает. Но хоть говорит, и на том спасибо".

— Меня зовут мистер Джон, — спокойно ответил он. "Я представляю интересы британской короны. Извольте, — он вытащил из внутреннего кармана сюртука письмо и протянул его Орлову.

Тот пробежал глазами текст. Увидев подпись, Орлов покраснел: "Простите, я никак не думал…"

— Ничего, — Джон поднял ладонь, — мы тут все занимаемся одним делом, ваше сиятельство, только почему-то — он повернулся к иезуитам, — некоторые вынуждены исправлять ошибки других.

— Это была идея покойного папы Бенедикта, — вздохнул отец Франческо. "Папа Пий ее не поддерживает, как вы сами понимаете. Вот и пришлось, — он покрутил пальцами и не закончил.

— Разумеется, — кисло подумал Джон, принимаясь за форель, — не поддерживает. Иначе императрица Екатерина вышвырнет иезуитов из России. И этот их бунтовщик потерпел поражение. Ах, Джованни, Джованни, ну что ж ты в самую смуту попал? Как жалко его. Питер, конечно, заберет Констанцу, когда вернется из Индии, но все равно, — девочка сиротой осталась. И у меня — никого нет в Санкт-Петербурге, хоть сам туда езжай".

— Мы с адмиралом Грейгом пока колеблемся, — заметил Орлов, — как ее заманить на корабль? Я думал разыграть венчание. У меня есть при эскадре священник, и Селинская, кажется, питает ко мне благосклонность.

— А вы с ней уже переспали? — невинно спросил Джон, наклонив голову набок.

Отец Джузеппе закашлялся и жалобно взглянул на мужчину: "Мы же в соборе…"

— Я не католик, — сухо ответил Джон. Усмехнувшись, он добавил: "Не в соборе, а на галерее, святые отцы. Так переспали?"

— Не понимаю, какое это имеет отношение…, - покраснев, пробормотал Орлов.

— Такое, — вздохнул Джон, — что до вас эта дама принимала подарки еще от десятка мужчин, и никого, — он поднял вилку, — никого не удостоила своей благосклонностью. Так что не обольщайтесь, ваше сиятельство, она не побежит с вами под венец.

Орлов вспомнил дымно-серые глаза и капризный, требовательный голос: "Когда я захочу вас видеть, граф, я об этом вас извещу. А пока, — женщина поднялась во весь свой рост, — я намереваюсь заняться музыкой. Всего хорошего".

— И потом, — осторожно заметил отец Франческо, — если вы с ней обвенчаетесь, это может создать ненужные осложнения, вы понимаете, о чем я. Вряд ли императрица будет рада.

Орлов стиснул зубы и нарочито вежливо спросил: "Хорошо, и как вы предлагаете заманить ее на корабль?"

— Очень просто, — Джон промокнул губы салфеткой: "Удивительно нежная форель, как я понимаю, ее еще живой сюда привезли, с гор?"

— Разумеется, — ответил отец Джузеппе, — у меня отменный повар.

— Так вот, — Джон усмехнулся, — консул Дик пригласит ее на обед. Там зайдет речь о морском параде, что ваша эскадра устраивает для жителей Ливорно…

— Какой еще парад? — недоуменно спросил Орлов.

— Тот, который вы устраиваете для жителей Ливорно, — терпеливо повторил мужчина, — так вот, жена консула пригласит нашу подопечную на морскую прогулку. Она скажет, что парадом лучше любоваться с борта корабля. Вашего, флагманского, "Три иерарха". Адмирал Грейг, — Джон тонко улыбнулся, — мы, на него право, не в обиде, что он предпочел британскому флоту — ваш, — поднимется с ней на борт, а там уже все просто.

— Может быть, Грейг? — подумал Джон. "Хотя нет, он усерден, но до невероятия туп. Пусть плавает под российским флагом, такого не жалко. Я бы, конечно, капитана Стивена Кроу отправил в Санкт-Петербург, но ведь он предпочитает перехватывать корабли колонистов у берегов Новой Англии. Жаль".

— Мне тоже надо быть на корабле? — спросил Орлов.

— Вам бы я советовал покинуть Тоскану по суше, — коротко ответил Джон, отпив кофе. "Как можно быстрее. Герцог Леопольд посчитает это, — он помолчал, — мероприятие грубым нарушением международного права, в конце концов, вы арестовываете его подданную в его территориальных водах".

Орлов нахмурил лоб.

— Почитайте труд голландского юриста де Гроота, — вздохнул Джон, — там все очень подробно разъяснено, о водах, я имею в виду. Называется "Свободное море". И не волнуйтесь,

адмирал Грейг доставит нашу даму в Санкт-Петербург. Порт Плимута уже предупрежден о том, что там будет стоять ваша эскадра.

— Если она выпрыгнет в море…, - Орлов поиграл салфеткой.

— Мы ее выловим, — успокоил его Джон. "Так что собирайтесь, ваше сиятельство. Я вам рекомендую ехать через Венецию и Вену — эрцгерцогиня Мария Терезия следит за дорогами в своем государстве, чего нельзя сказать о короле Людовике, — мужчина тонко улыбнулся.

— Это не я ее арестовываю, — вдруг сказал Орлов, наливая себе еще кофе, — это вы…

— Я? — удивился Джон. "Я просто поговорил с британским консулом, вот и все. У него масса визитеров, он меня и не вспомнит. Господа, — он поднялся, — вы мне разрешите воспользоваться кабинетом? Я привез письма для его святейшества Папы, от моего монарха, хотелось бы их разобрать, в тишине. Спасибо за приятную беседу".

— Разумеется, — аббат Франческо тоже встал. "Значит, мы обо всем договорились".

— Мы просто завтракали, — усмехнулся Джон, ныряя вслед за аббатом в незаметную дверь.

— Не попросишь же его уйти, — зло подумал мужчина, устраиваясь за столом, краем глаза следя за священником, что углубился в Библию. "Я бы с удовольствием тут пошарил, не зря этот отец Джузеппе, даром что толстый и лысый — был доверенным исповедником покойного генерала Ордена. И новый генерал уже действует, только в Польше. Так что наверняка тут, — Джон незаметно обвел глазами кабинет, — есть много интересного".

Он посмотрел на зеленое сукно стола. Разложив письма по стопкам, аккуратно перевязав их лентами, Джон вздохнул про себя: "Нет, все-таки отец Джузеппе зря жалуется на подагру. На перо он нажимает отменно, даже слепой разберет. Вот и славно".

— Закончили? — спросил отец Франческо.

— Да, — Джон поднялся, широко улыбаясь, и протянул письма священнику, — я знаю, что вы без труда доставите их в Рим. Всего хорошего, святой отец.

На Пьяцца деи Мираколи было тихо. Джон, обернувшись, услышал голос Орлова: "Может быть, вас как-то вознаградить…"

— Ставь благо государства превыше собственного, — на тонких губах мужчины заиграла улыбка. "Британия заинтересована в сильной России, ваше сиятельство, век раздоров давно прошел. А вознаграждает меня мой монарх, — он поднял бровь, — если посчитает меня достойным".

— Или подвезти… — Орлов покраснел. "У меня карета…"

— Спасибо, — легко отозвался Джон, — я намерен полюбоваться красотами Пизы. Желаю вам приятной дороги.

Он посмотрел вслед всадникам. Засунув руки в карманы, глядя на кренящуюся в сторону башню белого мрамора, Джон пробормотал: "Ваш брат во Христе Пьетро Корвино. Приятно познакомиться".

Гавань Ливорно сверкала под вечерним, низким солнцем. Корабли, стоявшие на рейде,

казались отсюда, с большого, беломраморного балкона — детскими игрушками.

Графиня Селинская посмотрела в подзорную трубу: "Вижу, капитан. Вон флагман эскадры — "Три иерарха", а неподалеку и ваш — "Святой Андрей".

Белые, с косыми синими крестами полотнища флагов чуть колыхались под легким, западным ветром. Женщина закуталась в шубку и спросила, разливая кофе: "А почему вы решили стать моряком, Стефан? У вас, кстати, уже неплохой итальянский — вы схватываете языки".

Юноша покраснел, и принял от нее серебряную чашку: "Я люблю корабли, ваше сиятельство. С детства любил, я же вырос на море, в Санкт-Петербурге. Даже странно — мой старший брат горный инженер, он очень далек от всего этого, — Степан указал на гавань, — а я всегда хотел плавать. И вот, — он мимолетно улыбнулся, — сбылась моя мечта".

— Вы так молоды, — задумчиво сказала Селинская, — и уже капитан. Я знаю, — она рассмеялась, — мы с вами ровесники, мне тоже — двадцать два, однако я чувствую себя гораздо старше.

Степан посмотрел на распущенные по плечам, тяжелые волосы, на белоснежную кожу шеи — золотой крестик чуть поднимался в такт ее дыханию, и горько подумал: "Да оставь ты все это. Федя бы сказал — не по себе дерево клонишь, и был бы прав. За ней граф Орлов ухаживает, и вообще..., - он тяжело вздохнул. Селинская вдруг, пристально посмотрев на него, протянув руку — коснулась его пальцев.

Степан вздрогнул и она попросила: "Расскажите мне о своей шпаге, капитан. Очень красивый эфес".

— Она семейная, — юноша осторожно вытащил клинок. Тяжелая, дамасская сталь заиграла серыми искрами. Степан сказал себе: "Вот так же — и ее глаза. Господи, ну почему я так хочу ее видеть, как будто яд какой-то. Я и не нравлюсь ей вовсе, ей никто не нравится".

Женщина погладила холодные, острые сапфиры на рукояти и услышала его голос: "Это не шпага, конечно. Сабля. Она очень старая, ей, наверное, — Степан вздохнул, — лет триста, а то и больше. Она всегда была в нашем роду, ваше сиятельство, даже когда моего деда лишили чинов и дворянства, и отправили в ссылку".

— За что? — тихо спросила она, любуясь блеском драгоценных камней.

— Он пошел против Бирона, был у нас такой, — Степан поморщился, — временщик. А потом императрица Елизавета, — он внезапно покраснел, — восстановила наше доброе имя. Ваша...

— Моя мать, — дымно-серые глаза смотрели куда-то вдаль. "Меня тоже зовут Елизавета, капитан".

— Я знаю, — он помолчал. "Простите, ваше сиятельство..."

— Елизавета, — повторила она и поднялась: "Пойдемте, капитан, уже прохладно. Я вам сыграю Корелли, нет ничего лучше итальянской музыки".

Селинская присела за изящное, палисандрового дерева, маленькое пианино. Положив длинные пальцы на клавиши слоновой кости, она задумалась. "Вот это, — наконец, встряхнула она черноволосой головой: "Сарабанда".

Он слушал, стоя у большого, выходящего на гавань окна. Музыка была, — подумал Степан, — как море, вечная, неизменная. Как шуршание волн, набегающих на берег, она плыла куда-то вдаль, умещаясь в кончиках ее нежных пальцев.

Селинская закончила мелодию. Повернувшись к нему, женщина вскинула серые, огромные глаза: "В Библии Господь говорит сынам Израиля: "Постройте мне Храм, и я буду обитать среди вас". Когда я была ребенком, я спросила своего наставника, прелата: "Зачем Богу Храм, если он, — Селинская обвела рукой комнату, — везде, в самом малом дыхании, в самом незаметном камне, в каждой травинке? И он ответил, — женщина вздохнула, — Господь жалеет человека, дитя мое, и становится близким к нему. Храм нужен людям, не Богу".

— Пожалейте меня, — вдруг, едва дыша, попросил Степан. "Пожалуйста, Елизавета. Я не могу, совсем не могу жить без вас. С того, самого первого раза, как я вас увидел, я не могу думать ни о чем другом. Я знаю, что..."

Она пересекла комнату и, потянувшись, — как она ни была высока, Степан был выше, — приложила палец к его губам.

— Вы ничего не знаете, капитан, — сказала Селинская. Взяв его руку, она приложила ладонь к своей щеке — нежной, прохладной, — будто ветер с моря.

— Один раз, — сказала себе женщина, целуя пахнущие солью губы, — один раз. А потом я взойду на престол и забуду его. И он меня тоже.

Она вспомнила тихий, вкрадчивый голос Кароля Радзивилла: "Лучше это буду я, чем какой-то проходимец, дитя мое. Все будет быстро, и без последствий, обещаю тебе. Ты ничего не почувствуешь".

— И потом тоже — Селинская вздохнула про себя, — я ничего не чувствовала. Господи, ну дай ты мне узнать, что это такое. Один раз, один только раз.

Тяжелые, черные волосы упали шелестящей волной, — почти до пола. Он шепнул, подняв ее на руки, прижав к себе, вдыхая запах роз: "Любовь моя...Господи, я не верю".

— Поверь, — попросила женщина, прижавшись головой к его груди. "Поверь, пожалуйста".

В опочивальне было темно. Она, чуть пошевелившись, почувствовав его руку, что обнимала ее за плечи, приподнявшись, — зажгла свечу.

— Ты вся светишься, — сказал Степан, тихо, осторожно касаясь отливающей перламутром груди. "Как будто ты вся — сделана из звезд, любовь моя. Из луны".

Ее глаза заблестели серебром. Селинская вдруг улыбнулась: "Ты и вправду — очень меня любишь".

— Тебя нельзя не любить, — Степан прижал ее к себе. "Невозможно. Это как не любить Бога, такого не бывает".

— Да, — тихо, закусив губу, сказала она. "Да, еще, пожалуйста!". Женщина потянулась. Поймав губами маленький, серебряный медальон, она спросила: "Что это у тебя?"

Степан внезапно покраснел: "Тоже семейное. Мы это всегда носим, так принято. Смотри, — он

открыл крышку и достал свернутый, пожелтевший кусочек пергамента. "Это какой-то мой предок привез из Польши. Еще во времена государя Михаила Федоровича, давным-давно. Отец мне сказал, что это — амулет на долгую жизнь, только выглядит он, конечно, — Степан хмыкнул, — как детский рисунок".

Селинская долго смотрела на испещренную странными знаками записку, а потом, взяв ее в руки, повертела: "На обороте линия. Для того, чтобы разделить его на две части".

— Возьми половину себе, — Степан улыбнулся. "Пусть, — он поцеловал белый, гладкий, высокий лоб, — он и тебя хранит, любовь моя".

Она аккуратно разрезала пергамент серебряными ножницами. Спрятав свою часть в золотой, изящной работы медальон, что лежал на персидском ковре, женщина тихо сказала: "Спасибо. Иди ко мне, милый".

Степан обнял ее, целуя, устраивая рядом. Он почувствовал сладкую, обволакивающую губы влагу: "Она вся — как море. Рядом, руку протяни, и в то же время — далеко, так, что и края его не увидишь. Господи, ну хоть так, мне ничего больше и не надо".

Селинская откинула черноволосую, растрепанную голову. Застонав, крикнув: "Еще!", она привлекла его к себе.

— Как огонь, — сказала себе Селинская. Закрыв глаза, тяжело дыша, она шепнула: "Я вся, вся твоя!".

— Огонь, — вспомнила она. "Костер. Пахнет смолой. Дети, много детей, больше десятка. Всегда голодно, всегда хочется есть. Всегда новое дитя, каждый год. Изба, где все спят на полу. Горы вокруг, — огромные, со снежными вершинами. И люди — приходят каждый день, просят чего-то у отца, приносят то курицу, то мешочек картошки".

Мать ворчит: "В городе за такое золотом платят, уже бы давно дом выстроили".

Отец смущенно улыбается и гладит черную, с проседью бороду: "Я же дровосек, Ривкеле. Дровосек и смолокур, ну что мне делать в городе?"

Мать только улыбается, — нежно. Качая ногой колыбель, она поет песню — протяжную, ласковую. Вечером, при свече, отец учит мальчиков, доставая растрепанные, пожелтевшие книги. Они читают вслух, и маленькая девочка дремлет — еще не зная, что значат эти слова, но уже помня их.

Утром она просыпается раньше все. Выйдя из избы, девочка смотрит на отца, — он молится, повернувшись, лицом на восток. Она слышит, как робко, неуверенно начинают петь первые птицы. Отец замечает ее, и, подхватив на руки, целуя, серьезно говорит: "Всякое дыхание да славит Господа, Ханеле".

Люди все идут, отец рисует на маленьких клочках бумаги какие-то знаки, шепчет. Иногда он вытирает глаза, и говорит матери: "Сколько горя, сколько горя вокруг!"

— Не бери на себя все, — вздыхает она, — не надо, Шмуэль.

— А как иначе? — он ласково улыбается и добавляет: "Зачем тогда жить, милая?".

Потом приходит вечная тьма. Откуда-то издалека девочка слышит слабый, отчаянный крик: "Хана! Ханеле!".

Селинская вздрогнула и услышала ласковый голос: "Плохой сон, счастье мое? Ты шептала что-то, металась. Иди, иди сюда, пожалуйста".

Она ощутила рядом сильную, теплую руку и попросила: "Ты только побудь со мной, хорошо?"

— Я всегда буду с тобой, — спокойно ответил Степан. Гладя ее по голове, покачивая, он добавил: "Всегда, пока я жив, счастье мое".

Изабелла склонила голову набок, и улыбнулась: "Вот и все. Можете взглянуть".

Селинская сошла с возвышения и девушка подумала: "Все-таки удалось поймать это сияние. Жемчуг, чистый жемчуг. Два последних сеанса она вся светилась, даже глаза хотелось зажмурить".

— Вы — прекрасный мастер, — женщина все смотрела в серые, большие глаза на портрете. "Я надеюсь, синьора Изабелла, — вас когда-нибудь изберут в Академию Изящных Искусств. Нет, — Селинская усмехнулась, — я не надеюсь, — я уверена. Куда вы теперь? Обратно во Флоренцию? — она подала девушке прохладную руку.

Изабелла пожала ее: "Я делаю чертежи для одной виллы, под Ливорно, да и благодаря вашему портрету, — она кивнула на холст, — у меня теперь появилось еще два заказа. Людям лестно позировать художнику, который писал будущую российскую императрицу. Так что, — она вытерла кисти, — спасибо вам".

— Императрицу, да, — рассеянно сказала Селинская, натягивая тонкие, вышитые перчатки. "А благодарить надо графа Орлова. Надеюсь, он с вами расплатился?"

— Разумеется, — Изабелла подняла каштановую бровь. "Еще в начале сеансов. Портрет доставят к вам в комнаты, ваше сиятельство".

— Спасибо, — Селинская подошла к зеркалу. Выпрямившись, она откинула голову с высокой, чуть напудренной прической: "Желаю вам удачи, синьора Изабелла, всего хорошего. Вы идете смотреть на парад русской эскадры?"

— С альбомом, — рассмеялась девушка. "Я хочу попробовать себя в батальной живописи. За нее хорошо платят, ваше сиятельство, монархам нравится любоваться своим флотом. Или армией, — она улыбнулась. Выйдя на площадку, услышав стук каблуков по каменным ступеням, девушка вздохнула.

— Так и не пришел, — горько подумала Изабелла, поливая себе на руки из кувшина. "А когда приходил — на прошлый сеанс, — смотрел только на нее, не отводя глаз. Ну и хватит, — она взяла холщовое полотенце и вдруг расплакалась — горько, отчаянно.

— И я больше его не увижу, — девушка высморкалась. "Даже на параде — он ведь там будет, в гавани, на своем "Святом Андрее".

Изабелла вытерла лицо. Покусав губы, сняв простое платье, она подошла к зеркалу. "Конечно, — пробормотала она, — я же коротышка, не то, что Пьетро, или отец. Пьетро говорил, что мама была небольшого роста. А я маму и не помню совсем. И груди нет, вся

mir-knigi.org

плоская, как мальчишка. Эх, — она стала одеваться.

Селинская спустилась вниз и сразу оказалась в его объятьях.

— Все, — сказал Степан, целуя ее глаза, — Грейг подписал мое прошение об отставке. Ворчал, конечно, мол, командир эскадры это должен делать, но Орлова вызвали в Петербург, срочно. Так что нашему шотландцу — мужчина усмехнулся, — больше ничего не оставалось.

Она потянулась и, подставила ему губы: "Ты не жалеешь? Ты мог бы стать адмиралом".

Степан расхохотался, и притянул ее к себе поближе: "Нет. Я хочу быть с тобой, всегда, как я и обещал. Так что собирайся, после этого парада мы сразу уедем. Я и брату уже письмо отправил, — он, на мгновение, помрачнел. Селинская мягко сказала: "Я помню, милый. Он ведь жену в этой смуте потерял. Хочешь, — женщина подала ему руку, — мы поедем в Россию, встретимся с ним?"

— Тебе нельзя в Россию, — они вышли на залитую солнцем набережную канала, и Степан подумал: "А она? Она ведь могла стать императрицей".

— Я тоже, — будто услышав его, улыбнулась женщина, — хочу быть с тобой, милый. А это все, — Селинская махнула рукой, — уже неважно, чья я там дочь, и все остальное. А куда мы поедем? — она, на мгновение, приостановилась.

— Хотелось бы, конечно, в Венецию, — Степан ласково коснулся ее руки, — но это опасно, конечно, слишком тут все на виду. Так что, — он помолчал, — в Новый Свет.

Алые губы чуть приоткрылись. Селинская восхищенно сказала: "Но это так далеко!"

— Зато надежно, — пробурчал Степан. "Хорошие моряки везде нужны, а особенно — там. А ты, любовь моя, — он поцеловал ее пальцы, — ты обещай, что будешь мне играть, — каждый день".

— Буду, — она наклонилась и прижалась щекой к пахнущим солью, золотисто-рыжим волосам. "Мы ведь сможем встретиться с твоим братом, да? Потом. Ты ему писал о нас?"

— Нет, конечно, — он вдыхал запах роз. "Просто написал, что вышел в отставку, потому, что хочу жениться. Не стоит такие вещи, — Степан вздохнул, — доверять почте. Пока, по крайней мере. А так, — он улыбнулся, — конечно, встретимся.

— Я не могу не идти на этот обед, — сказала Селинская, когда они уже стояли на набережной, перед гранитными колоннами у подъезда английского консульства. "Я уже приняла приглашение, иначе будет невежливо. Но мы с тобой увидимся сразу же, после парада. Я люблю тебя".

С моря тянуло легким, теплым ветерком, и Степан подумал: "С юга. Из Африки. Ничего, когда приедем в Бордо — сразу наймусь помощником капитана, не пассажиром же мне плыть в Новый Свет. Обвенчаться можно и тут, в деревне какой-нибудь, где ее никто не знает. У католиков, конечно, ну да все равно".

— Я люблю тебя, — он незаметно взял женщину за руку. "Подзорная труба у меня с собой, — Степан похлопал по карману изящного, серого сюртука, — так что я все увижу, и ваши шлюпки — тоже. Море тихое, так что не волнуйся, вас не укачает".

— А ты и шпагу взял, — Селинская увидела блеск сапфиров.

— Я, хоть и капитан-поручик в отставке, — усмехнулся Степан, — но все-таки дворянин, милая моя невеста. Медальон у тебя?

— Всегда, — просто сказала женщина, и, перекрестив его, сжала руку — крепко. Степан вздрогнул: "Как будто огонь".

Он тоже перекрестил ее и Селинская рассмеялась: "Все никак привыкнуть не могу, что ты — левша".

Степан тихо сказал ей что-то на ух. Она, качнув головой, — алмазные серьги засверкали на полуденном солнце, — едва слышно ответила: "Я уже в этом убедилась, милый".

— Ну, вот и еще раз убедишься, уже сегодня — проворчал Степан и велел: "Иди, они там, наверное, уже в гостиной сидят, и ждут, пока ты им поиграешь. Корелли?"

— Он только для тебя, — шепнула Селинская и взбежала вверх по серым, широким ступеням консульства.

Степан посмотрел ей вслед: "Сейчас увижу, как они там, на "Святом Андрее" будут управляться с парусами, без меня".

На набережной уже было шумно. Мужчина, найдя место у гранитных перил, взглянув в подзорную трубу на разворачивающиеся, украшенные знаменами и штандартами корабли, смешливо подумал: "Ну и что? Там, в Новом Свете, тоже будет свой военный флот. Не зря колонисты с англичанами начали сражаться. Грейг под нашим флагом плавает, да и много других моряков из Европы — тоже, а я буду — под тамошним. Интересно, какой он? Свой бот заведем, — Степан почувствовал, что улыбается, — "Елизавета". И детей, конечно".

Он вспомнил разметавшиеся по его груди вороные волосы и ее тихий, ласковый голос: "Конечно, будут, милый мой. Столько, сколько Господь даст, — Селинская приподняла голову и лукаво посмотрела на него.

— Много, — уверенно сказал Степан, чувствуя под руками нежную, как шелк кожу, гладя ее по спине, наклоняя к себе. "Много, любовь моя".

Издалека донеслись пушечные залпы, — корабли стреляли слаженно, — толпа на набережной приветственно зашумела. Корабли, выстроившись в кильватер, стали искусно маневрировать по гавани.

— Красиво все-таки, — вздохнул Степан. "И на "Святом Андрее" молодцы ребята, справляются. Вот и Грейг в шлюпке, с адмиральским штандартом. А за ним — консул. И она, — Степан посмотрел на развевающиеся по ветру черные волосы.

Елизавета наклонилась и что-то сказала британскому консулу. Тот кивнул и указал рукой на возвышающийся над ними борт флагманского корабля. "Сто двадцать пушек на трех палубах, — подумал Степан, — один из самых сильных в здешних водах. И скорость у него отличная, вряд ли кто угонится. Уже и кресла для них спускают".

Он, было, подумал помахать рукой, но вздохнул: "Все равно не увидит, даже в подзорную трубу, тут такая толпа и все машут. А я ее вижу. Лица, конечно, не разберешь, но она там всех выше, Грейгу вровень. Любовь моя".

"Три иерарха" стал разворачиваться и Степан насторожился: "Куда это они?". Флагман на всех

парусах шел к выходу из гавани, эскадра следовала за ним. Мужчина, сжав зубы, выругавшись, сбежал по каменной лестнице вниз, к причалу.

— Любой бот, — подумал он, нашарив свой пистолет. "Я их нагоню, "Три иерарха" тяжелый корабль, быстро скорость не наберет. Нагоню, и потребую ее вернуть. Она же не совершала ничего дурного, Господи, любовь моя…". Степан взглянул в подзорную трубу — черных волос уже не было видно. Он, размотав канат какой-то лодки, прыгнул на палубу.

— Капитан! — раздался отчаянный, знакомый голос. Маленькая, изящная девушка бежала вниз, и, — не успел Степан что-то сказать, — ловко оказалась совсем рядом с ним.

— Я, — запыхавшись, тяжело дыша, сказала Изабелла, — из Венеции. Я умею ходить под парусом. Где ее сиятельство?

— Похитили, — Степан, выругавшись, встал к штурвалу и велел: "В галфвинд, быстро! Простите, не сдержался".

— Я выросла на стройке, — сквозь зубы сказала девушка, поднимая парус, — там и похуже услышишь. Не стесняйтесь, капитан Стефано.

— Не буду, — он тряхнул головой. Бот, накренившись, поймав ветер, заскользил по невысоким, с белыми барашками волнам, вслед за флагманом русской эскадры.

Вечернее солнце заливало палубу бота. Степан отступил от штурвала, и устало потер лицо руками: "Бесполезно, синьора Изабелла, эскадра уже в десяти милях от нас, а то и больше — их даже в подзорную трубу не разглядишь".

— И берега тоже, — девушка посмотрела на бесконечную гладь темно-синей воды вокруг них. Дул слабый, теплый ветер с юга.

— Ну, — мужчина невесело усмехнулся, — я как-нибудь доведу шлюпку до гавани, тут недалеко. Не волнуйтесь, — добавил он, увидев, как Изабелла прикусила губу.

— Я не из-за этого, капитан Стефано, — она стояла, взявшись за какой-то канат. "Что вы теперь будете делать?"

— Поеду в Санкт-Петербург, что еще? — он покрутил штурвал и стал разворачивать лодку. "Буду добиваться приема, приду к ее императорскому величеству, попрошу помиловать Елизавету".

Он сказал ее имя так, что Изабелла, вздрогнула: "Господи, как я могла? Он ведь ее любит, больше жизни, он за эти несколько часов на десять лет постарел".

— Простите меня, капитан, — девушка покраснела и стала перевязывать канат. "Я…я хотела вам помочь".

— И помогли, — он все смотрел в пустую, сияющую полосу горизонта. "Я вам очень благодарен. Только все равно, — он горько усмехнулся, — у флагманского корабля — сто двадцать пушек, а у меня — сабля и пистолет. Так что я должен был вас высадить, это слишком опасно".

— Неужели бы они стали по нам стрелять? — удивилась Изабелла. "Если бы мы их нагнали".

mir-knigi.org

— Стали бы, — мрачно ответил капитан, и взял подзорную трубу: "Какие-то паруса на горизонте. Бригантина, двухмачтовая. Надо нам уйти отсюда, и быстрее, синьора Изабелла".

Она застыла на месте: "Но тут рукой подать до берега, капитан. Разве они подходят так близко?"

— Отчего бы и нет? — Степан проверил свой пистолет: "Ну, может, не заметят".

— Я умею стрелять, — сказала девушка, откинув на спину каштановые косы. "Отец меня научил, он любил охотиться".

— Держите, — Степан передал ей пистолет и холодно сказал себе: "Флага на той бригантине я не увидел. И на ней двадцать пушек. Господи, зачем я ее не вытолкнул на причал? Семнадцать лет, ей же всего семнадцать…"

Над их головами засвистело ядро. Изабелла, испуганно пригнувшись, перекрестилась: "Зачем они это делают, капитан?"

— Чтобы разбить нашу шлюпку и потом выловить нас из воды, — жестко сказал он. Бригантина подходила все ближе. Девушка, вскинув пистолет, прицелившись, — выстрелила.

— Хороший глаз, — одобрительно сказал Салих-рейс, разглядывая пулю, что вонзилась в мачту. "Очень метко. Мустафа, сколько их там?"

— Первый помощник пригляделся: "Мужчина и девушка. Увеселительная прогулка, должно быть. Капитан, тут совсем недалеко от Ливорно, может, не стоит…"

Салих-рейс широко улыбнулся в светлую бороду. "Дорогой мой, эти двое окажутся у нас на борту, прежде чем мы успеем сказать "Иншалла". Выпустим еще одно ядро — по их мачте, и тогда они уже никуда не уйдут. У нас хоть и полон трюм — но место для двоих всегда найдется".

— Эту, — медленно сказал Мустафа, глядя на то, как заряжают пушку, — ты вряд ли захочешь отправить в трюм, Салих. Посмотри сам.

Капитан принял подзорную трубу и чуть свистнул: "В наши руки плывет звонкое, звонкое золото. Мужчина тоже — молод, и силен, такого можно дорого продать. Огонь!"

Изабелла взвизгнула. Оглянувшись на разбитую мачту, чуть не плача, она спросила: "Что же теперь будет, капитан?"

— Она не доберется до берега, — подумал Степан, снимая сюртук, закатывая рукава белоснежной рубашки. "Тут больше десяти миль, и все-таки еще зима, — вода холодная. Какой дурак, какой я был дурак. Ладно, может быть, ее не тронут. Хотя, что это я — он едва не выругался и услышал громкий голос, что велел им, по-итальянски: "Прекратить сопротивление!"

С бригантины уже протянулись абордажные крюки. Затрещавший бот стали подтаскивать к борту корабля.

— Нет! — крикнула Изабелла. Салих услышал стон — один из матросов катался по палубе, зажимая рукой окровавленное плечо.

— Царапина, — капитан поднял его на ноги и встряхнул. "Быстро вниз, и не трогать девчонку даже пальцем, хоть пусть она вас всех перекусает".

Помощник капитана, с обнаженной саблей в одной руке, спустился по сброшенному трапу. Он велел, тоже по-итальянски: "Хватит, иначе мы сейчас все тут в клочки разнесем".

Изабелла даже не поняла, как это случилось — только увидела серый блеск клинка. Потом раздался крик боли, и бербер, схватившись за рассеченную кисть — выпустил саблю.

Пират перехватил ее левой рукой и обернулся: "Все сюда!"

— Нет! — крикнула Изабелла, отбиваясь от рук матросов. "Нет!". Вырвавшись, она подбежала к борту лодки. Прыгнув в воду, девушка еще успела увидеть, как Степан, подняв саблю — отступает к обломкам мачты.

Бригантина чуть поскрипывала под легким ветром. В капитанской каюте пахло кофе и хорошим табаком. Мустафа затянулся кальяном. Разглядывая перевязанную руку, он, смешливо, сказал: "До Рабата заживет, ничего страшного. Сильный парень, ничего, новый хозяин его быстро обломает".

Салих погладил сапфиры на эфесе сабли: "Ее и султану носить не стыдно, отличный улов, просто отличный. Жаль, что на девчонке не было никаких драгоценностей, кроме крестика. Впрочем, она сама — жемчужина, каких поискать. А это, — он повертел в руках серебряный медальон, — я выкину за борт, дешевка".

Помощник капитана поднял карие глаза: "Не надо, Салих. Ты видел, что в нем. Верни его этому парню".

— Ты правоверный мусульманин, — усмехнулся капитан, — не след верить во все эти, — губы Салиха искривились, — предрассудки.

— Ты тоже — правоверный мусульманин, — Мустафа отпил кофе. "Тебе напомнить, кому ты молился еще десять лет назад? Святой Мадонне у себя в Неаполе. А мне делали обрезание в измирской синагоге. Мой дед писал такое, Салих, — Мустафа положил ладонь на медальон и вздрогнул — корабль замедлил ход, будто на что-то натолкнувшись.

— Верни его хозяину, — повторил помощник капитана.

— У него все равно его заберут, рано или поздно, — упрямо сказал Салих. "Какая разница?"

— О нет, — Мустафа поднялся и забрал медальон, — никто его не заберет, капитан. А кто заберет — тот сам прибежит к этому парню, возвращать. Я-то знаю, — он вздохнул и вдруг увидел перед собой далекое, почти забытое — сгорбленную спину деда, рисующего что-то на кусочке пергамента.

— Что это, дедушка? — спросил черноволосый, кареглазый мальчик, заглядывая через плечо. "Какие смешные. На буквы вроде не похожи".

— Это не буквы, Михаэль, — вздохнул старик, — впрочем, ты мал еще, — знать такое. Потом научишься, если Господь так решит.

— Пойду, отдам, — твердо сказал Мустафа: "Девчонку успокой, ты же умеешь с ними

обращаться".

Салих улыбнулся: "Сейчас выплачется и можно будет с ней разговаривать".

Мустафа спустился в темную, непроницаемую, дурно пахнущую пропасть трюма. Приняв от матроса свечу, моряк наклонился над избитым лицом мужчины.

— Я принес вам амулет, — едва слышно сказал он на ладино, наклонившись к его уху. Мужчина молчал. Мустафа, одной рукой застегнув на его шее цепочку, так же тихо спросил: "Кому мне написать в Ливорно? Ваши родственники соберут денег на выкуп?".

— Изабелла, — губы разомкнулись, — что с ней?

Мустафа вспомнил золотой крестик на шее девушки. Сухо ответив: "Забудьте о ней", он поднялся вверх, на палубу.

Изабелла проснулась от мужского, спокойного голоса: "Выпей. Это кофе, сразу взбодришься".

Девушка села на высокой, узкой койке. Яростно блеснув серо-зелеными глазами, выбив из руки Салиха серебряную чашку, она потребовала: "Немедленно отпустите нас! Где капитан Стефано?"

— Вот что, — задумчиво сказал бербер, разглядывая пятно на выцветшем ковре, — у тебя есть выбор, милочка.

— А у него неаполитанский акцент, — поняла Изабелла.

— Вы итальянец, — гневно проговорила она. "Да как вы смеете, я подданная венецианского дожа…"

— Я слышу, — лениво отозвался Салих. "Так вот, милочка, ты венецианка, у тебя хорошая голова на плечах. Предлагаю подумать — либо я тебя прямо сейчас отправляю в трюм, где тебя насилуют всю дорогу до Рабата, а там — продают в бордель, либо, — он погладил короткую бороду, — ты плывешь, как аристократка, в холе и неге, и в Рабате тебя выставляют на закрытый аукцион. Сколько тебе лет?"

— Семнадцать, — шепнула Изабелла. Оглядевшись, собрав на груди шелковую рубашку, она спросила: "Где мое платье?"

— Тебе оно больше не понадобится, — небрежно ответил Салих. "Ты девственница?"

Девушка ярко, мгновенно покраснела.

— Еще лучше, — подумал капитан и спросил: "Ну, так что, решила?".

Девушка свернулась в клубочек, подтянув колени к животу и тихо, горестно заплакала.

— Ну, ну, — Салих погладил ее по голове и добавил: "Это все не так уж и страшно, поверь, я тоже — начинал с раба на галерах. Немного ума, добавь к нему хитрости — и с тобой все будет хорошо. Я тебя запру, отдыхай вволю".

Он полистал брошенный в ногах койки альбом: "Я велю принести тебе карандаш, можешь и дальше рисовать, у тебя отлично выходит".

mir-knigi.org

— Где капитан Стефано? — она подняла каштановую голову.

— Он твой жених? — усмехнулся пират. Изабелла молчала.

— Брат? — Салих поднялся.

Она все молчала. Капитан, коротко бросив: "Забудь о нем", — вышел из каюты. Изабелла закусила зубами край холщовой подушки и, горько застонав — разрыдалась.

Бригантина шла на юго-запад, в кромешной тьме зимней ночи.

Интерлюдия

Марокко, март 1775 года

Ему снилась Елизавета. Женщина положила прохладную ладонь ему на лоб. Наклонившись, она прошептала: "Я здесь милый, я с тобой, не надо, не надо..."

— Плачешь, — раздался рядом хриплый голос. "Ну, скоро прекратишь".

Степан открыл глаза. Сосед по тюрьме — провансальский крестьянин, говоривший с таким акцентом, что Степан его едва понимал, — вздохнул: "Жену звал".

— Жену, — Степан обвел глазами низкий, грязный каменный зал. В маленькое, забранное решеткой оконце под самой крышей было виден кусочек заходящего солнца. "Нашего консульства тут нет, — вспомнил Степан. "Только в Стамбуле. Да и какое консульство. Тут даже султан Марокко бессилен, в Рабате и окрестностях правят пираты. Пока до Феди письмо дойдет, меня и продадут уже. Я убегу, конечно, вот только клинок..., - он поморщился, как от боли.

Пахло потом, специями, из окошка доносился постепенно стихающий шум базара. Степан поднял руку и посмотрел на свои кандалы. "Их не разобьешь, даже камнем, — он вспомнил холодный голос Салих-рейса: "О сабле своей можешь забыть, такое оружие — не для раба, что будет таскать тяжести и мостить улицы".

Когда их выводили из трюма бригантины, в Рабате, Степан все оглядывался, ища глазами Изабеллу. Палуба была пуста, только помощник капитана, Мустафа, стоял, прислонившись к мачте, засунув руки в карманы холщовой, матросской куртки, провожая взглядом вереницу рабов. Он увидел глаза Степана, и, разведя руками, — отвернулся.

— Надо ее спасти, — спокойно подумал мужчина. "Только для этого надо самому быть свободным. Решено".

Он откинул голову к стене и прикрыл веки.

Селинская ласково запустила пальцы в его волосы: "Рыжий".

— Вот мой старший брат, — Степан лежал, устроив ее на себе, — он рыжий, ты увидишь". Он поцеловал вороную прядь, и спросил: "А как ты узнала? О том, что ты дочь императрицы".

— Кароль Радзивилл сказал, — она взяла его руку. Степан, почувствовав горячую, обжигающую влагу, сквозь зубы сказал: "Правильно, левой у меня лучше получается".

— И правой рукой тоже хорошо, — протянула женщина и добавила: "Только я в это не верю,

конечно — что я ее дочь. Я думаю…, - она внезапно оказалась на боку. Степан, прижимая ее к себе, раздвигая длинные ноги, спросил: "Что думаешь?"

— Думаю, — задыхаясь, ответила Елизавета, — что я тебя люблю, капитан.

— Я тоже, — он застонал, целуя белое плечо. Услышав ее крик, он шепнул: "И так будет всегда, всегда, пока мы живы!".

— Говорят, если ислам принять, сразу на свободу отпускают, — провансалец шмыгнул смуглым, перебитым носом. "Врут, я тут у одного спрашивал, он давно в плену. Так он сказал, что хозяин его потрепал по плечу и рассмеялся: "Молодец, мол, что стал правоверным, а теперь иди, чисть отхожее место". Суки, одним словом, — мрачно добавил крестьянин и спросил: "А ты откуда, акцент у тебя незнакомый".

— Из России, — вздохнул Степан.

— Далеко тебя занесло, — присвистнул провансалец. Степан согласился: "Далеко". Дверь загремела, на пол поставили корзину с лепешками и двое дюжих мужиков внесли ведра с водой.

— Может быть, сейчас? — сказал себе Степан. "Нет, там, наверху, их еще несколько. Я же видел, когда нас сюда привели. Да и города я не знаю, сразу поймают. Нет, надо дождаться аукциона, и потом бежать — уже по дороге".

Он вспомнил карту. "Тут же пустыня везде, — вздохнул мужчина. "А ближе всего — Испания, туда и надо пробираться, через пролив. Тут недалеко, со шлюпкой я управлюсь. Только сначала узнать, где синьора Изабелла. Только вот как?"

Степан разломил лепешку: "А женщин где держат?"

— А кто ж их знает, — горько сказал крестьянин, пережевывая сухой хлеб. "Ты поменьше жену вспоминай, все равно, — он махнул рукой, — не увидитесь больше, зачем себе сердце рвать".

Закатное солнце в окошке сменилось черной полосой ночи. "Сириус, — подумал Степан, глядя на белую, яркую звезду. Он поднял руку, загремев кандалами, и положил ее на серебряный медальон — прохладный, как ее ладонь.

— Вода, — увидел Степан. "Кто-то бежит к борту корабля, прыгает. Серая вода, северная. И порт незнакомый, — черепичные крыши домов, много судов на рейде. Английские флаги. Пытается плыть, но холодно, слишком холодно. Шлюпка подходит, человека вытаскивают, он кашляет, вырывается, опять пытается прыгнуть. Господи, да кто же это?"

Серебро стало ледяным, как зимний ветер. Степан, отдернув пальцы, шепнул: "Елизавета".

Железная дверь подвала открылась, и он услышал два голоса, что говорили по-арабски. Высокий, мощный мужчина с короткой, черной бородой, с фонарем в руках, наклонился к Степану и велел, на ломаном, французском языке: "Пойдем".

Тюремщик разомкнул кандалы. Степан, поднявшись, сдержал стон. "Конечно, — угрюмо подумал он, поднимаясь по узкой, скользкой лестнице, — почти неделю тут сижу, без движения". Мужчина велел что-то тюремщику. Тот, поклонившись, подобострастно распахнул перед ними низкую дверцу.

Над очагом висел котелок с чуть побулькивающей смолой, на деревянном столе были разложены ножи, и, посреди них Степан увидел, в свете очага — блеск драгоценных камней. Он сдержался, чтобы не протянуть руку к сабле, и посмотрел на мужчину. В глазах того промелькнул смех. Он махнул головой — тюремщик закрыл дверь.

В открытое окно веяло томным, жарким ветром пустыни, переливался Млечный Путь. Степан услышал ленивый голос: "Где ты украл этот клинок?"

— Я не воровал, — он потер освобожденные от оков руки. "Он был в моей семье с незапамятных времен, передавался от отца к сыну".

— С незапамятных времен, — повторил мужчина, и, провел ладонью по седеющим волосам: "Я купил его, — он указал на саблю, — я торгую старинным оружием. Откуда твоя семья взяла этот меч?"

— Не знаю, — Степан пожал плечами: "Верните его мне".

Араб расхохотался — весело, звонко, и вынул саблю из ножен. "Этот клинок, — сказал торговец, — любуясь серой, узорной сталью, — стоит больше чем все вы, — он топнул ногой по полу, — там, внизу. Такое в жизни можно увидеть только раз, и вот, — он улыбнулся и поцеловал меч, — я увидел, Аллах наградил меня. Это дамасская сталь. Такой мои предки разрубали доспехи христианских собак, воюя в Святой Земле. Этому мечу пять сотен лет, а то и больше. А вот эфес…, - он погладил сапфиры, — это другая история, раб, совсем другая".

— Я не раб, — упрямо сказал Степан. Темные глаза араба презрительно оглядели его с головы до ног. "Ты смердишь, и на тебе отрепья, — коротко сказал он. "Завтра тебя продадут, и ты до конца дней своих будешь мостить дороги, под палящим солнцем и ударами плети. Но я хочу, чтобы ты знал — в конце концов, кто тебе еще расскажет об этом чуде из чудес? — он нежно прикоснулся к эфесу.

В фонарях на стене потрескивали свечи. Степан услышал, как во дворе тюрьмы перекликаются стражи.

— Смотри, — сказал араб, поднося свечу к рукояти сабли. "Ты видишь эти значки?"

— Это рисунок, — сказал Степан, глядя на символы, что вились между драгоценных камней.

— О нет, — почти ласково улыбнулся торговец. "Я уже встречал такое. Это руны, такими писали люди с севера, в незапамятные, как ты говоришь, времена. "Меч Сигмундра, сына Алфа, из рода Эйрика. И да поможет нам Бог, — прочел он: "И вправду, — клинок, достойный руки монарха. Эфес старше, чем сама сабля. На севере были прямые мечи, а не изогнутые".

— Это наш меч, — сжав зубы, сказал Степан. "Нашей семьи. Верни его мне". Он вспомнил себя, пятилетнего, на коленях у отца, и его благоговейный голос: "Наш предок, варяг, служил великому князю Ярославу Мудрому, в Киеве, он и похоронен там, в Лавре".

— За такой меч не жаль отдать правую руку, — задумчиво сказал араб.

Степан посмотрел ему в глаза и спокойно положил на стол правую кисть. Торговец рассмеялся: "И вправду, видна хорошая кровь. Вот только ты, — он почесал в бороде, — без руки сдохнешь еще быстрее, да и зачем мне она? Мне нужны деньги. Но раз ты настаиваешь, раб… — он одним, неуловимым движением рубанул своей саблей по столу.

Темная, быстрая кровь брызнула из раны. Степан, схватив левой рукой клинок — вонзил его в смуглую шею торговца. Тот захрипел, сползая по стене. Мужчина, не обращая внимания на резкую боль в правой руке, — вылил котелок кипящей смолы прямо в лицо арабу.

— Я левша, — спокойно сказал Степан, наклонившись над выжженными глазами араба, отрубая ему голову. В глазах на мгновение потемнело от боли. Степан, не глядя, выплеснул остатки смолы на свою руку. Запахло паленым мясом, и он подумал: "Плохо дело, пальцы и не двигаются вовсе. Потом, все потом".

За дверью раздались голоса стражи. Степан, даже не думая, придерживая левой рукой клинок, — спрыгнул из окна на спину лошади, что была привязана во дворе. Он рванул поводья правой рукой, и чуть не упал — боль заполнила все вокруг. "Надо, — сказал себе мужчина. Пришпорив коня, перескочив низкую, глинобитную стену, слыша сзади крики охранников, он скрылся в путанице узких, извилистых переулков медины.

Во дворе, вымощенном мрамором, было прохладно и тихо, чуть журчала вода фонтана. Изабелла подумала: "Очень разумная архитектура. Защищает от солнца и обеспечивает свободный поток воздуха. Жаль, что никак не зарисовать, — она посмотрела на свои руки, над которыми трудились две смуглые, молчаливые девушки.

Третья вынула ее узкие ступни из серебряного таза. Вытерев их шелковой салфеткой, она спросила по-французски, с резким акцентом: "Почему у тебя все пальцы на руках в пятнах?"

— Потому что я — художник, — коротко ответила Изабелла, и, закрыв глаза, раздула ноздри: "Все равно я убегу, рано или поздно. Доберусь до Европы, нельзя тут жить".

В медной, большой клетке щебетали яркие птицы. Девушка стала аккуратно массировать ей ноги — запахло чем-то горьким, тревожным. Она подняла глаза: "Апельсин. Фатима сказала, что это твой запах, ты такая же резкая, как он. Ты понравишься мужчине, который любит объезжать диких лошадей и усмирять непокорных женщин".

— Очень надеюсь, что я никому не понравлюсь, — пробурчала Изабелла. Она услышала ядовитый голос сзади: "Ты родилась не для того, чтобы прозябать в гареме какого-то торговца".

— Я вообще — родилась не для гарема, — Изабелла поджала губы.

— Я тоже, — вздохнула седоволосая, худая пожилая женщина, и взяла гребень слоновой кости, — в пятнадцать лет, дорогая моя, попав сюда из Генуи, думала так же. А потом, — темные глаза усмехнулись, — привыкла. Полвека здесь. И ты привыкнешь. За тебя, — она медленными, ласкающими движениями расчесывала каштаново-рыжие волосы, — будут отчаянно торговаться. Тут есть евнухи из Стамбула, Дамаска, Каира, Багдада. Купцы с юга, из тех стран, что лежат за пустыней, там живут чернокожие короли…

— У нее маленькая грудь и узкие бедра, — презрительно заметила девушка. "Она умрет первыми же родами".

Фатима усмехнулась. "Все еще вырастет, дорогая моя. Тебя-то, — она посмотрела на девушку, — гложет зависть, ты до конца жизни будешь подстригать ногти тем, кто будет приносить наследников престола".

Девушка покраснела, и, пробурчав что-то, — замолкла.

— А как вас звали раньше? — спросила Изабелла, разглядывая мраморный фонтан. "Надо зарисовать, — сказала себе она. "Очень изящная форма, я такого не видела в Италии".

— Не все ли равно? — пожала плечами Фатима. "Тебя тоже будут звать по-другому". Она обернулась к высокому, полному мужчине с лысой головой, что зашел во двор, и сказала по-арабски: "Она готова".

— Встань, — шепнула Фатима Изабелле, — и дай сюда покрывало.

— Это же мужчина, — девушка покраснела.

— Это евнух, — вздохнула Фатима. "Как наши кастраты, в папской капелле".

Мужчина оглядел белое, отливающее перламутром тело. Евнух спросил у Фатимы по-арабски: "Что она знает?"

— Что мужчины и женщины устроены по-разному, — лукаво усмехнулась та. "А больше ничего".

— Вот и славно, — пробормотал евнух. "Она созрела для деторождения?"

Старуха кивнула и евнух велел: "Скажи ей, чтобы шла за мной. С бросовым товаром мы закончили, сейчас будут три жемчужины — две белых, и одна черная".

Фатима закутала Изабеллу в покрывало и шепнула: "Ты их и не увидишь, они сидят на галерее. Так что ничего страшного". Она улыбнулась и добавила: "Bona fortuna!"

— Вы тоже венецианка, — изумленно обернулась девушка. Увидев непроницаемые, темные, большие глаза, она, молча, опустила голову.

Большой, круглый зал опоясывала деревянная галерея. Изабелла стояла на возвышении, обнаженная, подняв глаза, рассматривая каменную кладку. "Ложный свод, — подумала девушка, — его еще египтяне ввели в обиход. Отличная обработка камня, арабы всегда славились своей тщательностью. И окна красивые, арочные. Интересный, какой аукцион — тишина, будто в церкви".

Она вспомнила двух девушек, что сидели с ней в маленькой, убранной коврами комнате, и едва слышно вздохнула: "Написать бы эту негритянку, фигура у нее отменная была, конечно. Не то, что у меня".

Еще один евнух, что стоял внизу, щелкнув пальцами, широко открыл рот. "Точно, как на базаре, — зло подумала девушка, оскалив красивые, ровные зубы, встряхнув распущенными волосами.

Давешний полный, лысый мужчина, внезапно оказавшись внизу, кивнул. "Все, — поняла Изабелла, — вот и все, Ничего, я убегу, дайте мне только понять — куда меня везут". Она сошла с возвышения. Евнух, окутав ее покрывалом, тихо усмехнулся: "Много денег, ma petite poulet, очень много денег. Покупатель с большим вкусом".

— Вы говорите по-французски! — возмутилась девушка, идя за ним по выложенному мозаичной плиткой, широкому коридору.

— И еще на четырех языках, птичка, — евнух распахнул перед ней низкую, резную дверь.

"Сейчас за тобой пришлют паланкин".

— А кто? Кто меня купил? — Изабелла отбросила покрывало и взглянула на него серо-зелеными, требовательными глазами.

Евнух аккуратно закрыл ее лицо. Наклонившись, он шепнул: "Я видел девушек, которым отрезали язык за один такой вопрос. Ты все узнаешь".

— Когда? — было, поинтересовалась, Изабелла, но дверь уже захлопнулась, и она услышала поворот ключа в замке.

Девушка грустно опустилась на ковер и увидела свой альбом, с заложенным в него карандашом. "Слава Богу! — обрадовалась она и стала по памяти набрасывать очертания фонтана.

— Еще этот двор, — пробормотала Изабелла, — арочные окна, башню, которую я видела, когда меня везли из порта. Кто бы меня ни купил, надеюсь, у него осталась сдача на бумагу, а то здесь уже страницы заканчиваются".

Она погрызла карандаш и погрузилась в работу.

— Да, — подумал мужчина, что разглядывал ее в потайной глазок, — я все правильно сделал. Он останется доволен. Пора и домой, — мужчина потянулся. Бросив в рот истекающий соком инжир, он сказал евнуху: "До следующего года, дорогой мой, увидимся".

— Обычно вы покупаете больше, — умильно отозвался тот, распахивая дверь. "Паланкин уже готов, ее проводят".

— Я купил все, что хотел купить, — усмехнулся мужчина, — высокий, в драгоценном шелковом тюрбане, с глубоко посаженными, горящими черными глазами. Он спустился вниз и, заглянув в паланкин, пробормотал: "Лимонад, фрукты, орехи — все, как надо. И все остальное, конечно, — он вскочил на белого, красивого жеребца, и увидел, как евнухи выводят во двор закутанную с ног до головы девушку.

Оказавшись в закрытом со всех сторон паланкине, устланном шелками, Изабелла почувствовала, как его поднимают вверх. Она откинула покрывало и ахнула: "Книги! Чистая бумага!"

Девушка повертела в руках *GrammaticaArabica. П*робормотав: "Ну, это потом", раскрыв французский перевод Корана, она погрузилась в чтение. Высокие ворота распахнулись. Маленький караван двинулся к дороге, что вела из Рабата на юг.

Степан поднял веки. Едва слышно застонав, он спросил по-французски: "Где я?". В низкой, подвальной комнате, без окон, — горел очаг, и было невыносимо жарко. Он стер левой рукой пот со лба и попытался поднять правую руку — она сразу же упала. "Я свалился с лошади и полз…, - вспомнил мужчина. "Господи, тут столько улиц, тупиков и закоулков, что я и не помню — куда. Да и темно было, самая ночь. А тут почти как в бане, только жар сухой".

Незаметная дверь отворилась. Седобородый, легкий старик в тюрбане, со свечой в руках, проскользнул в комнату и спросил что-то у Степана.

— Тот же язык, на котором этот Мустафа говорил, на корабле, — вспомнил мужчина. "И как

теперь с ними объясняться? Арабского-то я не знаю, и этого — тоже".

Он помотал головой. Старик, вздохнув, присев рядом, с трудом подбирая французские слова, сказал: "Плохая рука. Очень плохая".

Степан взял у него свечу и заставил себя посмотреть на рану. Края воспалились, и он поморщился: "Кисть совсем не двигается".

— Кость, — старик рубанул рукой по воздуху. "Не спасти". Черные, быстрые глаза взглянули на Степана. Мужчина вздохнул: "Жарко-то жарко, только это еще и я — весь горю. Ну, так тому и быть".

Он нащупал левой рукой эфес клинка, что лежал рядом с ним, и спросил: "Как?".

Старик подпер подбородок худой, сильной рукой и ласково улыбнулся: "Будешь спать. Долго. Я тебя вылечу".

— А что тут? — спросил Степан, указывая на потолок.

— Печь, — старик, наклонившись, взяв пальцы Степана — положил их на медальон. "Какой он прохладный, — пронеслось в голове у мужчины.

— Вот так, — сказал врач, поднимаясь. Помявшись на пороге, он добавил: "Потом человек расскажет, — старик кивнул на медальон, — об этом. Когда ты отдохнешь. Я все принесу". Он вышел. Степан, перекрестившись, взглянул на распухшие, пылающие жаром пальцы на правой руке. "Чертов араб, — подумал мужчина бессильно, — еще и лежать тут придется, куда я пойду, после ампутации?"

— Слоновая кость, — старик поднес к его губам медную чашку с темным, пахнущим травами настоем. "Будет новая рука. У нас хорошие мастера".

— У кого — у нас? — еще успел спросить Степан, проваливаясь в мгновенный, сладкий, тягучий сон.

— У евреев, — вздохнул старик. Погладив мужчину по небритой, поросшей золотисто-рыжей щетиной, щеке, он положил его левую руку на медальон. Длинные, сильные пальцы внезапно сомкнулись, сжав руку врача. Тот подумал: "Здоровый мальчик. И молодой совсем. Он справится, все будет хорошо".

Старик проверил пульс на левой руке. Разложив на земляном полу, чистый холст с инструментами, он стал промывать рану.

— Холодно, как холодно, — Степан вздрогнул. Он увидел низкое, туманное небо, серое море, плоские льдины, что медленно плыли по проливу. "Зунд", — вспомнил он. На датском берегу, вдали, поднимались вверх крепостные стены. Раздался пушечный залп. Женщина, что лежала ничком, уткнувшись в подушку, подняла черноволосую голову, вытирая слезы, что текли по лицу. "Еще немного, — попросил ее Степан. "Пожалуйста, любовь моя. Я вернусь, я обязательно вернусь". Красивая рука накрыла золотой медальон на шее. Она, что-то зашептав, подалась вперед.

— Не вижу, — он помотал головой. "Не вижу. Что она говорит, что?".

— Тихо, тихо, — услышал он успокаивающий голос врача. "Все. Теперь выпей это и опять спи".

Степан с трудом поднял веки и посмотрел на аккуратно перевязанную руку — то, что от нее осталось. Он выпил теплого вина, — опять запахло травами, и старик вздохнул: "Смерть хуже".

— Хуже, — он попытался усмехнуться. Уже засыпая, Степан подумал: "Я должен жить. Ради Елизаветы. Пока она жива — я должен жить и спасти ее".

Степан потерял счет дням. Старик приходил, бережно ухаживая за ним, промывая обрубок какими-то настоями, меняя повязки. Как-то раз, он улыбнулся: "Теперь ешь сам, уже есть силы".

Степан поставил миску на колени, и, попробовал ароматное, нежное мясо: "Есть. Спасибо вам".

Врач все смотрел на него. Поднявшись, забрав пустую миску и флягу с вином, он коротко проговорил: "Человек".

Невысокий, плотный, бородатый молодой мужчина шагнул в комнату, обменявшись со стариком поклоном. Он опустился на ковер рядом со Степаном, и, сказал по-французски: "Меня зовут Рафаэль. Раввин Рафаэль Бердуго. Я приехал из Мекнеса, это наша бывшая столица — поговорить с вами".

— Придет человек, — вспомнил Степан слова старика, — расскажет об этом.

Раввин посмотрел на него темными, красивыми глазами: "Этим должен заниматься мой отец, однако он болеет. Мне еще нет сорока, господин, — он вопросительно посмотрел на Степана.

— Стефан, — улыбнулся тот.

— Так вот, — продолжил раввин, — до сорока лет нельзя и учить такое, но что уж теперь делать, — он пожал плечами и утвердительно добавил: "Вы не еврей".

Степан помотал головой. Рафаэль почти жалобно попросил: "Можно посмотреть? Я видел в книгах, но никогда еще…, - он не закончил и благоговейно принял серебряный медальон.

— А где вторая часть? — поднял он голову.

— У моей жены, ее похитили, — Степан закрыл глаза и увидел перед собой только непроницаемую черноту. "Правильно, — подумал он, — амулета же у меня нет. Когда он со мной — я ее вижу. И она меня, наверное, — тоже. Бедная девочка, пусть только не волнуется".

Раввин, едва дыша, коснулся кончиком мизинца пустого места на пергаменте. "Это единственное, что можно трогать, — сказал он задумчиво, наклоняясь над Степаном, застегивая цепочку на его шее. "А вам надо в Иерусалим. Не сейчас, а когда окончательно оправитесь".

— Мне надо найти мою жену, — зло ответил мужчина. "И еще одного человека, нас вместе с ней взяли в плен".

— Расскажите, — попросил Рафаэль. Наверху, над ними, гудела печь, раввин слушал, подперев подбородок кулаком, а потом вздохнул: "Девушку искать бесполезно, ее могли увезти куда угодно — на юг, в те страны, что лежат за пустыней, в Стамбул, в Индию. Мне очень жаль. Наши посланники ездят выкупать евреев из рабства. Я, конечно, передам им сведения, но надежды мало".

mir-knigi.org

— Почему? — вдруг спросил Степан. "Почему они выкупают людей из рабства?"

— Это заповедь, — удивился Рафаэль. "Называется "пидьон швуим". Сказано, — он чуть улыбнулся, — "Тот, кто может освободить пленного, и не делает этого, нарушает запрет Торы: "Не стой на крови брата твоего". Тот, кто выкупает пленного, — как будто спасает осужденного на казнь, и нет другой заповеди, подобной этой". Это писал Рамбам, наш великий законоучитель, — добавил раввин, — давно, пять сотен лет назад".

— Но ведь они — не семья, — удивился мужчина. "Зачем им заботиться о других?".

Раввин усмехнулся и повторил: "Не семья. Это как посмотреть, господин. А в Иерусалим вам надо потому, что там — ваша родня".

— Откуда? — спросил Степан. "Нет, нет, вы ошибаетесь, не может быть!"

Раввин вздохнул и посмотрел на тусклый блеск серебра. "Я видел много амулетов — но такой впервые. Слышал, конечно, что они есть, но думал, — это предание, легенда. У нас тоже, — он вдруг улыбнулся, — их много, преданий. Так вот, — Рафаэль помолчал, — этот амулет — он только для близких людей. Самых близких. Вы правильно сделали, что отдали вторую половину своей жене — так и надо".

— А ведь это Елизавета указала мне на линию, — вспомнил Степан. "Я и не смотрел на него, не обращал внимания. Так, суеверие какое-то".

— В Иерусалиме живет человек, — тихо сказал раввин, — который всю жизнь занимается этим, — он взглянул на амулет. "Очень мало осталось людей, которые умеют их писать, по пальцам пересчитать можно. Он — один из них. Может быть, — он ваш родственник, может быть — и нет, я не знаю. Поезжайте, поговорите с ним".

— Но как? — устало спросил Степан.

— Когда вы окрепнете, мы отправим вас в Каир, с нашими торговцами, а оттуда — в Иерусалим, — ответил Рафаэль. "Это безопасно. Магометане не обращают на нас внимания, мы тут, — он обвел рукой комнату, — живем уже сотни лет".

— Но зачем? — Степан все смотрел в темные, обрамленные длинными ресницами глаза. "Зачем вы со мной возитесь?"

— Это заповедь, — повторил раввин и, легко поднялся: "А еще сказано: "И соберу остаток стада Моего из всех стран, куда Я изгнал их, и возвращу их во дворы их; и будут плодиться, и размножаться, — вспомнил он. "Может, я и неправ, может, он и не еврей вовсе, однако отец сказал — нас слишком мало, чтобы бросать брата нашего в беде".

— Отдыхайте, — сказал Рафаэль вслух. "Отдыхайте и поправляйтесь. Мы с вами еще увидимся, Стефан".

— А как его зовут? — спросил Степан, когда раввин уже открывал дверь. "Того человека, в Иерусалиме? Кто он?"

Раввин погладил бороду: "Исаак Судаков. Он — Рафаэль помолчал, — он учитель. Вы скоро с ним встретитесь".

Степан закрыл глаза, и, устало, кивнул: "Спасибо вам". Он услышал, как мягко захлопывается

дверь. Опустив голову на левую руку, он задремал — без снов, как будто погрузившись в теплую, темную, убаюкивающую его воду.

В огромной, светлой комнате приятно пахло апельсином. Изабелла откинула шелковое покрывало и огляделась — широкие, каменные ступени спускались прямо в сад. Она робко вышла наружу и ахнула — бирюзовое, маленькое озеро было окружено цветущими, высокими деревьями. Пели птицы, изящные арки были увиты розами. Девушка скинула сафьяновые туфли. Встав на траву, она пробормотала: "Роса". Откуда-то издалека, — она вскинула голову, — доносился крик муэдзина. Черный котенок, с золотым бубенчиком на шее, выпрыгнул из-за кустов, и, мяукнув, стал тереться об ее ноги.

— А тебя, — Изабелла подняла котенка на руки и поцеловала его между ушами, — я назову "Гато", дорогой мой. Да кто же тут живет?

Она оглянулась на комнату: "Так много книг, и хорошие. Данте, Петрарка, Мольер, Расин, рассказы о путешествиях, атлас. Даже Витрувий с Палладием есть. Альбомы, карандаши, краски…, - она выпустила котенка. Тот, нежась на солнце, зевнул. Девушка услышала ласковый голос: "Вот, мы и встретились".

Мужчина стоял, прислонившись к увитой цветами колонне, разглядывая ее. Он чуть вздрогнул. Изабелла поспешно опустила покрывало: "Простите".

— Нет, нет, — он вышел в сад и опустился на ступени, — можешь открыть лицо. Это я тебя купил, — добавил мужчина.

— Он старик, — испуганно подумала Изабелла, рассматривая смуглое, в резких морщинах, решительное лицо, бороду темного каштана — побитую сединой, пристальные, внимательные глаза. "Ему не меньше шестидесяти. Господи, нет, никогда, я не смогу, не смогу…Я ведь ничего не знаю".

Мужчина увидел, как блестят зеленовато-серые глаза и тихо попросил: "Не бойся, пожалуйста. Я пришел, — он помолчал, и наклонил голову, — будто разглядывая ее, — поговорить".

— Откуда вы знаете итальянский? — спросила Изабелла.

— Была возможность выучить, — сильные губы усмехнулись, — а я никогда не отказываюсь от таких возможностей. Я видел, — он указал рукой на комнату, — твои пометки в арабской грамматике. Очень хорошо, что ты начала заниматься языком. Надеюсь, мы скоро сможем объясняться. Я еще знаю французский, — добавил мужчина.

Изабелла посмотрела на его непокрытую, почти седую голову, на золотой эфес кинжала за поясом: "Где мы? Я знаю, что на юге от Рабата, — она задумалась, — примерно в двух сотнях миль, но где?"

— А как ты высчитала? — заинтересовался мужчина. "Расстояние".

— Меня отец научил, — оживилась Изабелла. "Покойный. Он был архитектором, мы с ним всю Италию изъездили. Средняя скорость лошади умножается на время, проведенное в пути, вот и все. Или средняя скорость верблюда, — девушка широко улыбнулась и спохватилась: "Простите…"

— Ничего страшного, — мужчина тоже улыбнулся, — а это, — он указал рукой куда-то вдаль, —

Марракеш, столица моего султаната.

Изабелла открыла рот. Зардевшись, девушка пробормотала: "Простите, я никак…". Она мгновенно поднялась и мужчина усмехнулся: "Нет никаких причин вскакивать. Садись, пожалуйста, мы просто разговариваем. Меня зовут Мохаммед".

— Изабелла, — она опустилась поодаль.

— Я знаю, — он смотрел на бирюзовую воду озера. "Тут есть золотые рыбки, — рассмеялся он, — тебе будут приносить для них корм. Ты знаешь, откуда они, эти рыбы?"

— Из Китая, — кивнула Изабелла. "В прошлом году я планировала сад для частной виллы, под Флоренцией, там был целый каскад прудов. Очень хорошо получилось, — гордо добавила она.

— Мир очень велик, — задумчиво сказал Мохаммед. "Кто бы мог подумать, еще две, три сотни лет назад, что рыбы из Китая будут резвиться в озере, в центре Марокко. Ты охотишься? — спросил он.

Изабелла кивнула и султан улыбнулся: "У нас в горах отличная охота, даже есть львы. А в пустыню мы выезжаем с прирученными гепардами и ловчими соколами. Я знаю, у вас в Европе, так уже давно не охотятся. Но я тебя научу".

Изабелла помолчала и робко спросила: "Скажите, а как узнать, — что случилось с человеком, вместе с которым мы попали в плен? Его звали капитан Стефано".

— Ты любила его? — темные глаза султана испытующе оглядели Изабеллу.

— Как отец, — вдруг подумала девушка. "Мы с ним тоже — обо всем разговаривали. И совсем не стыдно".

Она поиграла бирюзовым кольцом на тонком пальце, и вздохнула: "Да, но это было детское. Он любит другую женщину, очень любит. Я просто, как друг, спрашиваю…"

Мохаммед вздохнул и погладил ее по каштановым волосам: "Его убили, когда он хотел бежать из тюрьмы. Мне очень жаль, девочка, но так бывает".

Он услышал сдавленные рыдания, и, пристроив ее голову у себя на плече, шепнул: "Ты поплачь, конечно, поплачь, милая. Пусть это будет последним горем у тебя".

Изабелла вдохнула запах его одежды — сосна и какие-то травы, — свежие, чистые, — и разрыдалась еще сильнее.

Наконец, она шмыгнула носом. Вспомнив большое, низкое, устланное шелками и шкурами ложе, Изабелла мрачно подумала: "Чем быстрее это случится, тем лучше. Незачем тянуть".

— Простите, ваше величество, — сказала она вслух. "Вы не за тем сюда пришли, конечно".

Мохаммед посмотрел на еще влажные, белые щеки и поинтересовался: "А зачем я сюда пришел?"

Изабелла зарделась и опустила голову: "Вы же меня купили, значит, надо…"

Мужчина улыбнулся: "Милая моя, мне шестьдесят пять лет, у меня пятеро сыновей, и, — он задумался, — шестнадцать внуков. Я тебя купил, не как наложницу".

В кронах деревьев шелестел ветер, звонко пела какая-то птица. Девушка, помолчав, спросила: "Тогда зачем я вам?".

— Я видел твой альбом, — Мохаммед поднялся. "Я тебя купил, — он улыбнулся, — потому что мне нужен архитектор. Пойдем, — он кивнул на комнату, — я кое-что принес, посмотришь".

Изабелла взглянула на планы и карты, что были разложены на большом, мозаичном столе: "Но я еще только учусь. В Европе женщины не могут строить, открыто".

— Тут, — султан подмигнул ей, — не Европа, дорогая моя. Вот, — он положил сильную, сухую ладонь на карту, — называется Эс-Сувейра. Я начал его строить десять лет назад. У меня был архитектор, француз, однако он уехал, — Мохаммед хмыкнул, — мы ему не по душе пришлись, наверное.

Девушка задумчиво сказала: "Вам нужен порт на атлантическом побережье. Для прямой торговли. Я понимаю. Товары с юга туда возить удобнее, не надо пересекать пустыню. Отличные фортификации, — она подняла голову от планов, — но я не вижу торгового квартала.

— Его еще нет, — усмехнулся Мохаммед: "Тебе надо будет, конечно, жить там, так удобнее. Заодно возведи себе виллу, и распланируй сады при ней".

Девушка повертела в руке очиненный карандаш: "Но как, же это? Мне надо будет наблюдать за стройкой, говорить с десятниками. У вас так не принято, — она указала на свое покрывало.

— Приезжай в паланкине и наблюдай, сколько угодно, — развел руками султан. "Говорить можно через евнухов, у тебя их будет столько, сколько надо".

Изабелла, было, потянулась засучить рукава, но, посмотрев на окутывающий фигуру шелк, расхохоталась. "Я прямо сейчас и начну, — она взяла альбом. "Скажите, а тут есть учителя? Я хорошо знаю математику и геометрию, но хотелось бы заниматься дальше".

— У тебя будет все, что ты захочешь, — мягко ответил султан. "Летом мы поедем в Эс-Сувейру, к тому времени твою виллу уже возведут, и ты сможешь заняться городом. А завтра, — он широко улыбнулся, — нас ждет охота в горах".

— Очень хорошо, — пробормотала Изабелла, быстро, аккуратно, рисуя. "Океан, — подумала она, — вилла должна выходить к нему фасадом. Тут не годится палладианская архитектура, тут все другое. Вот и хорошо, — она погрызла карандаш и наклонилась над альбомом.

— Я могу называть тебя Зейнаб? — услышала она мягкий голос султана. "Это имя напоминает твое".

— Так звали двух жен пророка Мохаммеда, — рассеянно ответила Изабелла. "Конечно, если вам так удобнее".

— Спасибо, — дверь тихо затворилась.

Он спустился по широким ступеням и обернулся — высокие, в три человеческих роста, кованые, железные двери надежно защищали вход в дом. Сад был обнесен огромной, каменной стеной.

— Ваше величество, — раздался шелестящий голос. "Охрана ждет за внешними воротами".

— И очень правильно, — сварливо сказал султан Марокко, Сиди Мохаммед, обернувшись, разглядывая высокого, с глубоко посаженными, черными глазами, мужчину. "Ты молодец, Малик, — он стянул с руки алмазный перстень. "Все, как надо. Служанки все немые, я надеюсь?"

Малик только поднял бровь и чуть улыбнулся. "Далее, — велел Сиди Мохаммед, принимая поводья белого, изящного жеребца. "Нам нужен евнух — учитель арабского языка, и евнух — учитель математики. Не болтливые, разумеется. К завтрашнему дню подготовь горную резиденцию, — мы едем охотиться, а летом она отправится в Эс-Сувейру. Я, разумеется, буду ее навещать — часто".

Когда они уже шли к внешним воротам, Малик осторожно сказал: "Ваше величество. Все же молодая, красивая девушка. А если с ней случится то же, что и с принцессой Зейнаб, да упокоит Аллах ее душу в садах райских?"

Султан остановился и холодно взглянул на мужчину. "Если с ней случится то же, что с принцессой Зейнаб, — процедил Мохаммед, — ты будешь молить о смерти, как об избавлении, Малик. Ты, и вся твоя семья. Сделай так, чтобы она не увидела ни одного мужчины рядом с собой — никогда. Кроме меня, разумеется. Поехали, совет уже ждет, нам надо обсудить эти новые торговые соглашения с Францией".

Внешние, тяжелые ворота виллы захлопнулись. Мохаммед, выезжая на дорогу, что вела к Марракешу, обернулся: "Тут сотня человек охраны, круглые сутки они на страже. Да и не сбежит Зейнаб, я дал ей возможность заниматься любимым делом, она будет счастлива. И я, — он вздохнул, — тоже".

Вечером он вышел в сады своего дворца, и, вскинув голову, посмотрел на Млечный Путь. Звезды играли, переливались, на воде пруда лежала лунная дорожка. Мохаммед, пройдя по изящному каменному мостику, остановился у мавзолея белого мрамора, что стоял на маленьком острове.

Он открыл дверь и прошел внутрь. В лунном сиянии стояли два саркофага. Он коснулся ладонью левого и шепнул: "Спи спокойно, любовь моя, ты мне оставила Зейнаб, спасибо, спасибо тебе".

Мохаммед помолчал и взглянул на правый саркофаг. "Два года назад, — прошептал он. "Зачем ты мне не сказала, доченька, зачем, милая моя? Я бы понял, я бы все понял. Пятнадцать лет тебе было, всего пятнадцать…"

Он вспомнил мертвенно-бледное лицо дочери, посиневшие губы, и быстрые, летящие буквы на развороте Корана: "Прости меня, папа".

— А его так и не нашли, — зло подумал Мохаммед, — этого мерзавца. Зейнаб, Зейнаб, доченька, счастье мое…, - он приник щекой к саркофагу: "Одна дочь у меня была, одна только дочь, одна женщина, которую я любил — и обеих забрал Аллах. Теперь хоть эту, — он тяжело, болезненно вздохнул, — хоть эту ты мне оставь, прошу тебя".

Он услышал призыв к молитве, который несся над крышами Марракеша, и застыл, чувствуя слезы, что текли из глаз на прохладный, резной мрамор саркофага дочери.

Эпилог

Санкт-Петербург, декабрь 1775 года

Сырой, пронзительный западный ветер топорщил серую воду Невы. "Какая зима мягкая, — подумал Федор, сворачивая на набережную Зимней канавки. Императорский дворец возвышался темной громадой по его левую руку. Федор поежился:

— Тут Петр и умер. Говорят, скоро его перестраивать будут, в современном вкусе. Не то, что — он невольно усмехнулся, — этот торт на площади, что Растрелли возвел. Золото так глаза и режет. Господи, да о чем это я? — он нащупал в кармане сюртука письмо брата: "Ах, Степан, Степан, ну где же ты? В феврале письмо написал, в июне эскадра в Санкт-Петербург вернулась, а тебя все нет".

Он прошел вдоль особняков, что выстроились на Мойке, и постучал изящным медным молотком в тяжелую, дубовую дверь: "Федор Петрович Воронцов-Вельяминов, к его сиятельству графу Орлову, мне назначено".

В кабинете жарко горел камин. Федор, оглянувшись, хмыкнул: "А вот тут — все уже как надо, мебель с венками, гирляндами, как нынче говорят: "в греческом вкусе". И все бронзовое, ничего золоченого".

Он полюбовался красивыми часами с фигурой нимфы Урании, державшей в руках глобус и циркуль, и услышал сзади надменный голос: "Это немецкой работы".

— Я вижу, ваше сиятельство, — Федор обернулся. "Мебель отлично подобрана".

— Отделкой особняка занимался синьор Ринальди, — Орлов оглядел Федора: "Господи, хороших кровей человек, хоть и обеднели они, конечно. Но ведь мужик мужиком. Даже волосы не напудрены".

— Я прямо из Екатеринбурга, — будто услышав его, сказал Федор. "До конца осени на новых приисках был, на Урале, а потом — сразу сюда. Большое спасибо, что согласились принять меня, ваше сиятельство".

Орлов вздохнул: "Он все-таки дворянин, да и, честно говоря, кто я по сравнению с ним? Шваль, мелкота, их роду как бы ни шесть веков уже. Надо подать руку, иначе нельзя".

Федор пожал красивую, с отшлифованными ногтями руку. Орлов, указав ему на кресло, опустился в свое — большое, просторное, орехового дерева.

— Я, право, не знаю, чем я могу вам помочь, Федор Петрович, — граф поглядел на темную воду Мойки за высоким окном. "Господи, едва два часа дня, а уже смеркается, — подумал Орлов. "Угораздило же покойного императора построить город в таком месте".

Он пошевелил бронзовой кочергой, дрова в камине: "Ваш брат отлично служил, нареканий к нему никаких не было, почему он внезапно решил подать в отставку — я не знаю. Я в то время уже уехал из Ливорно, ее императорское величество вызвала меня сюда, в столицу. Поэтому прошение об отставке подписывал адмирал Грейг, а он сейчас..."

— В плавании, я знаю, — Федор посмотрел куда-то в сторону. "Я был в Адмиралтействе, ваше сиятельство. Брат мне написал из Ливорно, — мужчина достал конверт, — что выходит в отставку потому, что хочет жениться. Письмо только к началу осени до Екатеринбурга дошло, а потом еще лежало там, в горной экспедиции, ждало меня".

Орлов принял листок. Пробежав глазами изящные строки, граф холодно сказал себе: "Может быть, ничего там и не было, мне показалось. Но уж очень часто этот капитан-поручик отирался

вокруг той мерзавки. Во всяком случае, я должен доложить императрице".

Граф посмотрел в голубые, усталые глаза гостя: "Вы вот что, Федор Петрович. Вы надолго в столицу?"

— Дня на три, — ответил мужчина. "Я же теперь по военному ведомству буду служить. Еду в Крым, в дивизию, что под началом генерала Суворова".

— Там теплее, — Орлов широко улыбнулся и поднялся. "Вы приходите ко мне завтра, Федор Петрович, ну, скажем, — граф задумался, — после ужина. Я постараюсь узнать что-нибудь о вашем брате. Часов в девять вечера жду вас".

— Обязательно, — Федор пожал руку Орлова: "Вы поймите, у меня никого нет, кроме Степана. Я вдовец, — он, на мгновение, как от боли, прикрыл глаза, — он же мой единственный брат, ваше сиятельство".

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — Орлов потрепал его по плечу. "Ну и вымахал, таких на ярмарках показывают, — подумал граф, — если его арестовывать, то два наряда солдат понадобится".

Он подождал, пока захлопнется парадная дверь. Позвонив в серебряный колокольчик, Орлов велел слуге: "Карету мне, и быстрее".

Мокрый снег летел над черепичными крышами города и таял, едва коснувшись гранитных спусков к воде. Лодка прошла под деревянным Вознесенским мостом. Мужчина, привстав, ловко руля, подвел ее ближе к набережной. Пришвартовавшись, он достал плетеную корзину со свежей рыбой. Пристроив ее на плече заношенного, грязного армяка, он пошагал вниз по Екатерининскому каналу.

Оказавшись рядом с уютным, двухэтажным домом, рыбак поднял прикрытую заячьим треухом голову и перекрестился на католическое распятие, что висело над входом. Завернув за угол, он постучал в дверь черного хода. Стащив шапку, дождавшись, пока ему откроют, рыбак широко улыбнулся.

— Кто там, Антонио? — раздался голос из комнат.

— Опять этот финн пришел, немой, с рыбой, святой отец, — сказал по-итальянски послушник.

Мужичок закивал немытой, белобрысой головой, и его светло-голубые глаза просительно посмотрели на монаха.

— Тут лосось хороший, святой отец, — сказал итальянец, осматривая улов. "Отец Пьетро его любит, давайте возьмем".

Полный священник вышел из гостиной, и, покрутил носом: "Ну, вот как раз ему на завтрак и подашь. Он, наверное, всю ночь во дворце проведет. Нам повезло, что ее императорское величество так интересуется догматами католицизма".

Мужичок подставил ладонь. Ссыпав в карман медные монеты, он благодарственно закивал головой. "В пятницу приноси, — велел ему слуга на ломаном русском. "В пятницу!".

Оказавшись на улице, рыбак подхватил корзину, и замотал на шее грубошерстный шарф.

mir-knigi.org

Гуляющей походкой мужичок направился вниз, к Апраксину двору.

В изящном кабинете, устланном персидскими коврами, горел камин. Большое, выходящее на Неву окно, было залеплено мокрым снегом. Женщина, что сидела за большим столом орехового дерева — красивая, свежая женщина, уже за сорок, поиграла пером. Она вздохнула: "Ну, молодец, Алексей Григорьевич, что его просто так не отпустил. Ума хватило".

Граф Орлов склонил напудренную голову: "Думаете, знает он, где этот Воронцов-Вельяминов?"

— То брат его, — кисло заметила императрица. Она поднялась, подойдя к окну, и взглянула на еле видный в темноте силуэт Петропавловской крепости. Завывал ветер, и Екатерина подумала: "Еще только наводнения нам не хватало. И так уже — чуть ли, не десяток осенью было".

— Так вот, — Екатерина потерла твердый подбородок и повернулась к Орлову, — даже ежели сей Федор Петрович и правду говорит, то все равно — Степан Петрович рано или поздно сюда приедет — не просто же так он вокруг сей дамы увивался, а явно по поручению кого-то. Вот и узнаем — кого.

— Не англичан, — протянул Орлов и осекся — Екатерина, встряхнув темноволосой головой, с сожалением взглянула на него.

— Что англичане нам в сем деле помогли, — она усмехнулась, — так они, друг мой, одной рукой помогают, а другой — как отвернешься ты, кинжал тебе в спину всадят. А не они, — императрица приняла от Орлова серебряный бокал с вином, — так кто-то другой. Ну что ж, — женщина открыла кожаную папку, что лежала на столе, — а я ведь помню. Я сегодня указ подписывала, по представлению Горной коллегии, — женщина нашла нужную бумагу и хмыкнула, подняв бровь.

— Этот Воронцов-Вельяминов на Урале отличные золотые прииски нашел, — императрица вздохнула, — вотчинами его наделяю. Наделяла, — она улыбнулась. Разорвав документ, Екатерина бросила его в огонь.

В дверь чуть поскреблись. На пороге появился слуга — в ливрее, с чуть побитой сединой, непокрытой головой, с золотым подносом в руках.

— Записка, ваше императорское величество, — едва слышно сказал он.

— Спасибо, Василий Григорьевич — глаза императрицы и доверенного камердинера Шкурина, на мгновение, встретились. Она, забрав сложенную бумагу, почти незаметно дрогнула ресницами: "Как здоровье ее императорского высочества, супруги цесаревича?"

— Наталья Алексеевна себя хорошо чувствует, слушали музыку, и уже почивать легли, — громко ответил Шкурин.

— Так мы с тобой обо всем договорились, Алексей Григорьевич, — рассеянно сказала Екатерина, глядя на реку. "Как дело это завтра закончишь, езжай в Москву, а еще лучше — в имения свои. Ты же говорил, мол, надо за ними присмотреть. Вот и присмотри".

Орлов, было, открыл рот. Увидев холодный блеск в синих глазах императрицы, он только низко поклонился.

Шкурин закрыл за ним золоченую дверь, и, усмехнувшись, вытащил из кармана ливреи связку писем: "Сие копии, матушка-государыня, от Натальи Алексеевны — графу Разумовскому, и ответы его".

Екатерина приняла конверты. Повертев их в руке, бросив на стол, она развернула давешнюю записку. Пробежав ее глазами, она тихо сказала: "Готовь лодку, Василий Григорьевич, прямо сейчас. С Зимней канавки, в тайности, как обычно. И пусть утром меня никто не беспокоит".

Камердинер только склонил голову и выскользнул прочь из дверей кабинета. Екатерина заперла их на ключ. Бросив записку в камин, женщина нажала на какую-то завитушку, украшавшую стол. Тайник распахнулся. Екатерина, укладывая туда письма невестки, пробормотала: "Ублюдка, значит, нам принесет Наталья Алексеевна. Ну, — Екатерина легко улыбнулась, — не она первая, не она последняя".

В опочивальне было тепло и пахло сандалом. Мужчина, что лежал в кровати, — рыжий, коротко стриженый, с большими, почти прозрачными, — как морская вода на солнце, глазами, поднял голову от книги: "Бомарше превзошел себя, ты обязательно должна это почитать, милая. Мне написали, что в Comedie Francais не было ни одного свободного места, люди падали в обморок от давки".

Екатерина посмотрела на обложку "Севильского цирюльника" и хмыкнула, присев на постель: "Твой Бомарше, говорят, помогает колонистам, что борются против британцев. Мне, дорогой, сначала надо прочитать все эти памфлеты о налогообложении в колониях, что они выпускают каждую неделю, — она указала на туалетный столик, где лежала стопка брошюр.

— А доктора Джонсона не читай, очень скучно, — зевнул мужчина. "Право, чего еще ожидать от описания путешествия на шотландские острова? Там и не живет никто, — он отложил пьесу. Потянув Екатерину к себе, он шепнул: "Все, больше не будет непрошеных гостей?"

— Это было срочное дело, — спокойно ответила императрица, глядя в его глаза. Пьетро Корвино бессильно подумал: "Вот же сучка. И ничего у нее не спросишь, зачем это я вдруг интересуюсь — кто к ней приходил? Ничего, все равно — выведаю".

— Тебе придется навестить свою подопечную, Пьетро, — улыбнулась Екатерина. "Из крепости прислали записку — она при смерти. Так что исполни свой долг священника — исповедуй ее. И возвращайся ко мне, — она приложила красивую руку аббата к своей щеке.

— Ну конечно, Катарина, — он стал одеваться. Женщина помолчала: "Ты прости, что выгоняю тебя в такую метель. Но, может быть, она хоть сейчас что-то скажет, все-таки умирает".

— Ну что ты, — Пьетро наклонился, — он был гораздо выше императрицы, и поцеловал темный, душистый затылок, — ты же знаешь, я все сделаю для тебя, милая.

Екатерина только улыбнулась тонкими губами. Когда он уже стоял на пороге, императрица сказала: "Пьетро, с тех пор, как вы виделись в последний раз, она очень изменилась. Ты же знаешь, у нее были неудачные роды".

Он только кивнул головой. Екатерина, услышав его шаги на потайной лестнице, подошла к окну: "Господь меня простит. Я не велела ее лечить, вот и все. И ребенок жив, и будет, — ее губы чуть искривились, — жить. Бог один ведает, — женщина отпила вина, — может, она и вправду — внучка Петра Алексеевича. Я тоже — ублюдка принесла, и Елизавета могла".

Она посмотрела на реку и пробормотала: "В такую погоду — еще и рыбачит кто-то". Напротив

Петропавловской крепости виднелись очертания лодки.

Императрица присела за стол. Потянувшись за пером, открыв "Речь о налогах в Америке" Эдмунда Бёрка, она стала делать пометки на полях. Внезапно улыбнувшись, Екатерина написала по-русски "Граф Орлов". Перечеркнув запись, подперев щеку ладонью, она рассмеялась: "Более не нужен".

Пьетро выпрыгнул из лодки. Он вспомнил далекое, детское — зимний ветер над лагуной, высокую воду, что заливала площадь Святого Марка и звон колокола в монастыре — тихий, протяжный. Нева — он обернулся, — лежала, ворочаясь, в своем гранитном ложе, на том берегу темной громадой возвышался Зимний дворец. Аббат подумал: "Надо же, этот рыбак до сих пор на середине реки. И не боится он, ветер, какой сильный поднялся".

— Святой отец, — услышал он тихий голос коменданта крепости Чернышева. Тот стоял, с непокрытой головой, засунув руки в карманы тонкого сюртука. "С постели подняли, — понял Пьетро, глядя на усталое лицо генерала. "А ведь уже за полночь".

— Андрей Гаврилович, — радушно сказал аббат, — да я бы сам, дорога до Алексеевского равелина известная.

Чернышев вытащил руку из кармана и раскрыл ладонь.

— Ей отдайте, — коротко сказал комендант, и поднял голову вверх: "У меня голландцы куранты ставят на соборе, так мастер вчера зазевался и вниз упал. Сами понимаете, — Чернышев помолчал, — насмерть".

— Случайность, — развел руками Пьетро. "На все воля Божья, Андрей Гаврилович".

— Да, — медленно сказал комендант, — особливо на то, что этим летом каждый раз, как гроза была, так молния куда-нибудь к нам ударяла. А еще на то, что я за эти полгода разом жену и ребенка потерял, а еще из гарнизона солдат полсотни. Случайность, да, — темные глаза коменданта все смотрели на Пьетро. "Доктор сказал, что она до конца ночи не дотянет. Так отдайте, — настойчиво попросил Чернышев. Развернувшись, вздохнув, он пошел через площадь в Комендантский дом.

Пьетро посмотрел на медальон. Сжав его в руке, священник вздрогнул — золото было горячим, почти раскаленным. "Это у Чернышева в кармане нагрелось, — сказал он себе, — глупости, суеверия. Я же видел эту бумажку, как его у Селинской забрали. Детский рисунок какой-то и все, Господь один ведает, где она его взяла".

Ветер дул все сильнее. Пьетро, приняв у солдата фонарь, поспешил к входу в Алексеевский равелин.

Железная дверь камеры открылась. Он, шагнув в темноту, подняв светильник, услышал писк крыс. Пахло сыростью, кровью, и чем-то еще, — он повел носом, вспоминая Венецию, и себя, молоденького послушника, ходившего со священником к умирающим людям.

— Смертью, — вспомнил Пьетро. Пристроив фонарь на полу, он тихо позвал: "Синьора Селинская, я принес вам медальон".

Она лежала на койке, накрытая с головой тонким, заштопанным одеялом. Женщина закашлялась. Не, не поворачиваясь, едва слышно, она попросила: "Помогите мне, святой отец".

Пьетро наклонился и увидел пятна крови на одеяле. Вздохнув, он приподнял ее повыше. Аббат посмотрел на седину в черных волосах, и, избегая ее взгляда, спросил: "Как вы себя чувствуете?"

Длинные, исхудавшие пальцы, скомкали одеяло. Она полусидела на койке, уставившись в едва пронизанную светом фонаря тьму.

Селинская все молчала: "Как Анна, святой отец? Как моя дочь?"

Пьетро решил: "Ну, может хоть сейчас…"

— Синьора Селинская, с вашей дочерью все хорошо, — мягко сказал он. Женщина опять стала кашлять, и Пьетро увидел, как из сухого, искусанного рта полилась струйка крови. "Полгода, — вспомнил он. "Я же помню, в июне, когда эскадра пришла сюда, она была совершенно здорова. Пыталась бежать, конечно, но разве отсюда, — он обвел глазами каменный свод камеры, — убежишь?"

За стеной был слышен плеск волн. "Мы же ниже уровня реки, — понял Пьетро.

— Синьора Селинская, — начал он, — может быть хоть сейчас, перед лицом Создателя, вы все-таки скажете — кто отец Анны? Хотя бы для того, чтобы известить его, синьора Селинская, все-таки дитя…

— У меня отнялись ноги после родов, — она все смотрела вдаль. Она тяжело вздохнула: "Ее императорское величество решила, наверное, что от гангрены я умру быстрее, чем от чахотки. Господь ей судья, — Селинская, наконец, взглянула на него огромными серыми глазами. Аббат подумал: "Господи, ну и морщины, а ей ведь двадцать три всего".

— У нее были неудачные роды, — вспомнил Пьетро холодный голос императрицы. Он услышал шепот Селинской: "Нет. Дайте мне медальон, святой отец, и делайте то, что должно вам".

Женщина приняла украшение, и, закрыв глаза, кашляя, сползла вниз по койке. Пьетро увидел, как синеватые губы улыбаются. Раскрыв молитвенник, он тихо начал: "Introeat, Domine Jesu Christe, domum hanc sub nostr? humilitatis ingressu, ?terna felicitas, divina prosperitas, serena l?titia, caritas fructuosa, sanitas sempiterna…"

Из-под опущенных, бледных век женщины поползли слезы. Пьетро увидел, что она улыбается.

— Жив, — подумала Елизавета, сжимая в руке медальон, — теплый, как его дыхание. "Господи, спасибо, спасибо тебе, он жив". Женщина вспомнила ту страшную ночь в Зунде, когда она проснулась от боли в правой руке — внезапной, обжигающей. Потом она видела пустыню, — бесконечную, плоскую, каменистую, горы со снежными вершинами на горизонте, слышала завывание ветра, и шум песка. "Жив, любовь моя, — она тихо вздохнула. "Господи, полгода я его не видела, но все хорошо, все хорошо".

В низкой, темной комнате горел очаг. Он спал, измученно раскинувшись на ковре, накрывшись каким-то плащом. "Как ему идет борода, — женщина даже рассмеялась, — я и не думала". Степан внезапно приподнял голову и посмотрел на огонь.

— Я ухожу, — неслышно шепнула Селинская, — а ты, ты — будь счастлив, любимый. Нашу девочку зовут так, как меня, найди ее. Или она тебя найдет".

Она увидела, как его губы шепчут: "Ханеле", и кивнула: "Да, так. Вот и все, милый мой, вот и

все. Спасибо тебе".

Медальон обжигал ее руку. Она медленно, не открывая глаз, проговорила: "Святой отец, передайте это…моей дочери. Пожалуйста".

Селинская почувствовала, как аббат наклоняется над ее лицом, и услышала его шепот: "Синьора, сейчас, в ваш смертный час — скажите, кто вы?".

— Костер, — вспомнила Селинская, — огромный, поднимающийся к небу. Испуганно ржут лошади. "Хана! Ханеле! — кричит женщина, протягивая руки, падая на траву. Ее волосы горят, горит все вокруг. Маленькая девочка, вырываясь из чьих-то сильных рук, плачет: "Мама! Мамочка!"

— Все, — слышит она холодный голос, — подумают, что был пожар. Трогаем, до рассвета мы должны миновать перевал.

Пахнет дымом, и горелым мясом. Девочка, обернувшись, застыв, видит, как ползет вслед за всадниками умирающая женщина.

— Нет! — она пытается спрыгнуть, кусает чью-то руку, рыдая, а потом приходит тьма.

— Надо сказать, — подумала женщина. "Иначе нельзя, там они все, ждут меня. Отец, мать, братья и сестры. Там лес, там поют птицы, и над горами восходит солнце. Надо сказать".

— Шма Исраэль, — разомкнулись ее губы, — и священник, отпрянув, пробормотал: "Pater noster, qui es in caelis: sanctificetur Nomen Tuum…"

— Адонай Элохейну, — упрямо шепнула Селинская и Пьетро, увидев резкие складки по углам ее рта, — замолчал.

— Адонай Эхад, — выдохнула женщина и затихла, выпрямившись, наконец, подняв веки. Мертвые, серые глаза смотрели на влажный потолок камеры. Пьетро, взглянув на зажатый в руке медальон, перекрестился.

Он вышел из лодки и прислонился к холодному граниту набережной. "Тут я ее хоронить не буду, еще чего не хватало, — вспомнил Пьетро злой голос коменданта крепости, — отвезем на свалку и там зароем. Всего хорошего, святой отец".

Аббат вздохнул. Поднявшись по ступеням, он разжал ладонь. Медальон поблескивал в лунном свете. "Выбросить в реку и все, — сжал он зубы. "Одно движение, — и никто ничего не узнает".

Пьетро занес руку над перилами, и почувствовал сильный порыв западного ветра. Сутана заполоскалась. Он, поскользнувшись, выпустив медальон, упал.

— Позвольте, святой отец, — услышал он голос сзади. Высокий, мощный рыжеволосый мужчина, помог ему подняться. Улыбнувшись, он добавил по-французски: "Ужасная погода. Вы что-то обронили".

Мужчина — в потрепанном, старом сюртуке, — наклонился, и, подняв медальон, застыл.

— Не может быть, — подумал Федор. "Да где это он? Ну, хоть жив, жив, слава Богу. Господи, а повзрослел-то как — лет на десять. Нет, не повзрослел, а постарел. Степа, Степушка, ну что ты, — он увидел усталые, серые глаза брата. "Плакал, — понял Федор. "Мальчик мой, я тебя

найду — обещаю".

— Это ваше, — наконец, сказал мужчина. Пьетро, приняв медальон, кивнул: "Спасибо".

— Не стоит благодарности, — коротко, рассеянно ответил тот. Аббат подумал: "А он на меня похож, только глаза голубые. Ну и повыше, конечно".

Мужчина прошел под аркой дворца, и, свернув на набережную Невы, исчез. Пьетро повертел в руках медальон. Вздохнув, он постучал в незаметную дверь.

Императрица лежала, подперев рукой кудрявую, с еще уложенными в прическу волосами, голову. Пьетро разделся. Устроившись рядом, он заглянул ей через плечо. "Бомарше, — улыбнулся Пьетро, и провел губами по нежной коже.

Екатерина отложила брошюру и, повернувшись, пристально поглядела на него: "Ну что?"

— Ее зароют на окраине, на свалке, — Пьетро потянулся и поцеловал выступающую косточку на ключице. "Она ничего не сказала, Катарина".

Женщина сочно выругалась по-немецки: "Проклятая упрямица! Пьетро, — она посмотрела в прозрачные, зеленоватые глаза, — окажи мне услугу".

— Все, что угодно, — он опустил руку. Екатерина, закусив губу, рассмеялась: "И это тоже, но сначала, — она помедлила, — следующим летом — увези ее отродье куда-нибудь подальше. В строгий католический монастырь, например. Я не хочу, чтобы эта девчонка болталась в России, даже в дальней обители".

— Ты могла бы просто задушить ее, — усмехнулся аббат и осекся — Екатерина отстранилась. Императрица едяным голосом ответила: "Обо мне можно услышать все, что угодно, Пьетро, но я не убиваю невинных детей. Даже ее, — она махнула головой в сторону Невы, — убила не я, а чахотка, и паралич".

— Ну конечно, — усмехнулся про себя аббат и притянул к себе женщину: "Прости меня, я не подумал. Я же тебе говорил — я сделаю все для тебя. У меня есть друг, — мужчина поцеловал ее, — во Франции, очень благочестивый человек, аристократ, он содержит пансион для сирот, практически монастырь".

— А как его зовут? — заинтересовалась императрица.

— Маркиз де Сад, — Пьетро перевернул ее на спину. "Старинная семья, прекрасные люди. Так что я все сделаю, не волнуйся".

Императрица томно рассмеялась. Запустив пальцы в его короткие, рыжие волосы, она застыла: "Что это, Пьетро?"

Он поднял голову от ее раздвинутых ног и посмотрел в предутренний сумрак за окном. Холодный, белый огонь осветил воды Невы, и ранние рыбацкие лодки на реке. Пьетро сказал, вспоминая тяжесть медальона в кармане сутаны: "Просто гроза. Ничего особенного, просто гроза. В декабре".

Императрица, устроившись на шелковых подушках, заметила: "Ну, она нас не обеспокоит, милый".

— Нет, — сказал аббат, чувствуя на губах ее сладость, — нет, конечно, Катарина.

Младенец проснулся и, открыв большие глаза — оглядел бедную комнату. Девочка лежала, слушая раскаты грозы, смотря куда-то вверх — на дощатый потолок избы, что стояла рядом с Мытным двором, на Песках.

Она не шевелилась — только крупные, большие слезы текли по нежному личику. Гроза уходила куда-то на запад, к морю. Девочка все лежала, не двигаясь, замерев, — красивая, черноволосая, с дымно-серыми глазами.

Федор посмотрел на обеспокоенное лицо графа Орлова: "Ну как, ваше сиятельство, удалось вам что-то узнать? О моем брате?".

За окном была сырая, вечерняя мгла, слышно было, как совсем рядом свистит ветер. Федор подумал: "Нет, не буду ему говорить, что я Степу видел. Да это ерунда, помстилось что-то, вот и все. Конечно, я же думаю о нем — каждый день. Даже о Марье, упокой Господь ее душу, и то, — он подавил вздох, — меньше вспоминаю. Оно и хорошо".

Жена приходила по ночам, — маленькая, она умещалась вся в его руках, шептала что-то нежное на ухо. Федор, просыпаясь, одевался и выходил на рудничный двор. Над его головой горели, переливались крупные звезды. Он находил глазами Сириус и шептал: "Господи, ну не надо, прошу тебя, не надо. Ведь сил же никаких нет, Господи".

— Нет, к сожалению, — услышал он небрежный голос Орлова. Поднявшись, Федор вздохнул: "Понятно. Ну что ж, спасибо и на том, ваше сиятельство".

— Федор Петрович, — граф тоже встал, — у нас к вам есть еще несколько вопросов, вас не затруднит пройти вот, — Федор увидел, как распахивается дверь, — с господином поручиком.

— Куда? — угрюмо поинтересовался мужчина, разглядывая с десяток солдат, что стояли в передней.

— Тут, по соседству, — промямлил Орлов. Он застыл, почувствовав мощную руку у себя на плече.

— Голову разнесу, ваше сиятельство, — холодно сказал Федор, приставив к напудренному, аккуратно подстриженному виску, — изящный пистолет, украшенный слоновой костью.

Бронзовые часы с музой Уранией размеренно пробили четверть десятого.

— Еще чего не хватало, — зло сказал себе Федор, глядя на шпагу поручика, что растерянно озирался вокруг. "Знаю я эти вопросы, они в Петропавловской крепости их задают. Господи, да что там Степа натворить мог? Или они меня подозревают, да вот только в чем?".

— Господин инженер, — робко начал поручик, оглядывая огромного мужчину, — право, я не понимаю…, у нас приказ его превосходительства генерала Чернышева…

— Ну нет, — разъярился Федор. Легко, одной рукой подхватив испуганно дернувшегося графа Орлова, он вышвырнул его в огромное, выходящее на Мойку окно.

Раздался звон стекла. Федор, еще успев услышать: "Огонь!", перескочив через сочно матерящегося Орлова, что поднимался с мостовой, вытирая окровавленное лицо — шагнул

прямо в темную, обжигающе холодную воду Мойки.

— Прямо и потом сразу направо, — вспомнил он, ныряя. "Мягкая зима, а вода все равно — ровно лед. Долго я в ней не продержусь, конечно. Ничего, до какого-нибудь пустыря бы доплыть, а там разберусь. Исчезну, пока все уляжется, напишу Александру Васильевичу, он поможет".

Он высунул голову из воды и увидел над собой стены Зимнего дворца. "Сейчас прямо в крепость приплыву, — попытался усмехнуться Федор, стягивая тяжелый, пропитанный водой сюртук, чувствуя, как стучат зубы, — в руки коменданту Чернышеву, так сказать".

Федор увидел вдалеке очертания рыбацкой лодки, и разозлился: "Будь, что будет. Ну, не подыхать же мне здесь, мне Степана найти надо".

Он добрался до борта. Задыхаясь, схватившись за него обледеневшими пальцами, мотая мокрой головой, он крикнул сорванным голосом: "Помогите!"

Мужик, — по виду чухонец, белобрысый, в грязном армяке и заячьем треухе, — протянул неожиданно сильную руку. Федор, перевалившись на дно лодки, измучено, тяжело задышал.

Чухонец, не говоря ни слова, накрыл его своим армяком. Порывшись в мешке, он достал оловянную флягу, щелкнув себя по горлу.

Федор выпил залпом водки, даже не почувствовав ее вкуса. Пытаясь согреться под свистящим, злым ветром, он заметил, как рыбак ловко ставит парус.

Лодка полным ходом пошла вниз по Неве, к плоскому, чуть волнующемуся горлу Финского залива.

— Как тепло, — подумал Федор, не открывая глаз. "Господи, как тепло". Он поднял ресницы и вздрогнул, оглядевшись. Он лежал на высокой, узкой койке, прикрытый меховой полостью, в переносной, медной жаровне на полу тлели поленья.

Давешний чухонец повернулся. Взглянув на Федора, коротко улыбнувшись, он сказал по-французски: "А, проснулись. Откуда у вас этот пистолет? — он кивнул на стол.

Федор посмотрел на разобранное оружие: "Он будет стрелять?"

— А отчего бы нет? — удивился чухонец. "Хорошая немецкая работа. Просохнет, и получите обратно. Так откуда? — он присел на деревянный табурет и подпер рукой небритый, в светлой щетине подбородок.

— А вы кто такой? — хмуро поинтересовался мужчина.

— Раз мы говорим на французском, — чухонец поднялся и достал из рундука бутылку рома, — можете называть меня — месье Жан.

— Это пистолет моего друга, ученого, — Федор устроился удобнее и взял серебряный стаканчик, — он погиб в пугачевской смуте. В крепости Магнитной, я там служил горным инженером. Когда Пугачева поймали, я с ним, — Федор поморщился, — перемолвился парой слов, и генерал Суворов мне этот пистолет отдал, он у Пугачева был. Как память, — неизвестно зачем, добавил он: "Господи, да отчего я все это рассказываю?".

— Вот и все, — вздохнул про себя Джон, выпив. "Можно подумать, что ты не верил? Не верил, до конца не верил. А это тот инженер, о котором Эйлер написал, я же помню. Вот оно как бывает".

— Мне очень жаль, — мягко сказал он вслух. "А что это вы вдруг решили зимним вечером по Неве плавать, господин инженер? Как вас зовут, кстати?"

— Месье Теодор, — Федор подавил желание закрыть глаза. Он добавил, по-русски: "Федор Петрович Воронцов-Вельяминов. Меня хотели арестовать".

— Рассказывайте все, — велел мужчина, что сидел напротив него. Федор, глядя в пристальные, светло-голубые глаза, подчинился.

Выслушав, Джон помолчал: "Вот что, месье Теодор, уезжайте-ка вы отсюда — и подальше". Увидев, как Федор открыл рот, герцог поднял руку: "Знаю, все знаю. Вам надо найти вашего брата. Сидя в крепости, а тем более — на каторге, вы этого все равно не сделаете".

— Мой брат может приехать в Санкт-Петербург, — неуверенно начал Федор, — искать меня…

— Ваш брат, — отчеканил Джон, — по молодости и незнанию влез в интригу, которая не вчера началась. Теперь вы меня послушайте, месье Теодор.

Федор молчал, отхлебывая ром. Потом, он, растерянно, сказал: "Мой брат хотел на ней жениться…"

— Видимо, да, — пожал плечами Джон: "А ведь там еще что-то было, в октябре, в крепости. Врач туда ездил, несколько раз. Наверное, болела она. Сейчас уже не узнать, конечно. Пусть упокоится с миром, бедная женщина".

— Так вот, — продолжил он, вслух, — императрица Екатерина, наверняка, подозревает вашего брата в шпионаже. И вас, заодно, тоже. Уж больно профессия у вас подходящая.

— Какая ерунда! — резко сказал Федор, — я докажу…

— В Пелыме доказывать будете? — ядовито поинтересовался Джон. "Послушайте, вам сколько лет?"

— Двадцать пять, — неохотно ответил Федор.

— Тем более, — Джон подошел к столу. Взяв листок чистой бумаги, мужчина стал что-то писать. "Бесполезно, — смешливо, подумал он. "Я же вижу — предложи я ему работать на меня, он мне голову разобьет, а то и похуже. И брат у него, наверняка, такой же. Ничего, посмотрим, что через пять лет будет".

— Я хотел обратиться к Суворову, он друг моего отца, покойного, — вдруг сказал Федор.

— Суворов сам в опале, — Джон убрал письмо в конверт и запечатал его: "Запомните. Я вам ссужу денег. Доберетесь до Або, оттуда ходят корабли в Гамбург. А уж в Германии, с ее шахтами — не пропадете".

— Я там учился, в Гейдельберге, — Федор все смотрел в непроницаемую черноту за бортом корабля. "Я не хочу бежать из своей страны".

— Никто не хочет, — хмыкнул Джон. "Но иногда приходится. Вы еще вернетесь, не волнуйтесь.

Так вот, — он засунул руки в карманы матросской куртки, — захотите отдать долг, или просто выпить кофе, приедете в Лондон, и придете к собору Святого Павла. Там улица — Ладгейт Хилл. Трехэтажный дом по правой стороне, синяя дверь. Отдадите привратнику".

Федор повертел в руках конверт и покраснел: "Я не знаю английского".

— Может, еще выучите, — рассмеялся Джон, — у нас тоже хорошие шахты. Тут написано просто: "Мистеру Джону, в собственные руки".

Федор посмотрел на печать со львом и единорогом: "Хорошо, я запомню".

— Вот и славно, — Джон поднялся и велел: "Спите. Сейчас мы снимемся с якоря и пойдем в Або, ветер хороший, дня через два будем там. Я вас ссажу на берег, и распрощаемся, месье Теодор. Уж не знаю, на сколько, — он развел руками.

Федор зевнул: "А что вы делали на реке?"

— Рыбу ловил, — развел руками Джон. Он вышел, закрыв за собой дверь каюты. Уже на палубе герцог велел капитану: "Как будем подходить к шведским берегам, поднимите флаг. Все-таки суверенная страна, у нас с ними мирный договор. Неудобно, еще за контрабандистов примут. А потом вернемся сюда, — он взглянул на плоский, едва заметный в сумерках, поросший соснами берег залива и задумчиво добавил: "Вернемся, и закончим дела".

Матросы почти неслышно подняли якорную цепь. Бот, накренившись, поймав ветер, пошел на север.

Интерлюдия

Иерусалим, декабрь 1775 года

Мужчина проснулся еще до рассвета. Открыв глаза, он лежал, глядя в каменный потолок комнаты. За деревянными ставнями падал легкий, горный, сухой снег. Горел очаг, было тихо. Он, вымыв руки, пробормотав молитву — стал одеваться.

— Тридцать пять, — подумал он, выходя из своей спальни. Он прислушался — в комнате дочери раздавалось какое-то шуршание.

— Я сейчас, папа, — раздался веселый, девичий голос. "Сейчас спущусь и сварю тебе кофе. Возьми, пожалуйста, завтрак, он на столе лежит".

— Спала бы еще, — усмехнулся Исаак Судаков. Подняв свечу, он пошел вниз, по узкой, каменной лестнице. На кухне было почти тепло. Он, подбросив дров в очаг, посмотрев на огонь, вздохнув, пробормотал: "Что-то не так".

Лея просунула черноволосую голову в дверь: "Доброе утро, папа, я за водой".

— Хорошо, деточка, — Исаак все смотрел в окно, на тонкий слой снега, что лежал на булыжниках двора. "Днем растает, — сказал себе он. "Какая зима холодная. Господи, ну почему я — все чувствую, зачем ты меня избрал для этого?".

Запахло кофе. Дочь, наполнив медную кружку, строго велела: "Садись".

— Я сегодня пойду к госпоже Альфази, — сказала девушка, подперев ладонью щеку, — отнесу цдаку, что мы ей собрали, с детьми помогу, и вообще, — она помолчала, — пусть хоть на улицу

выйдет, а то она целыми днями плачет, бедная.

— Может, и вернется еще ее муж, — Исаак пригладил ладонью темные, побитые сединой пряди волос, — все же с осени не так много времени прошло. Караван мог заблудиться.

— Он каждый год в Каир ездит, — черносмородиновые глаза дочери погрустнели, — наизусть дорогу знает, папа. Он же торговец. Госпожа Альфази говорит — наверное, бедуины на них напали.

— Упаси Господь, — Исаак поднялся, и взял холщовую салфетку: "Я в ешиве пообедаю, деточка. Ты заниматься сегодня будешь?"

— Да, — Лея вылила остатки кофе в свою чашку, — мы сейчас Псалмы читаем, с комментариями. Папа, — она подняла глаза, — что-то случилось, да? Я же вижу.

Исаак только тяжело вздохнул, надевая плащ: "Ты будь осторожнее, деточка, скользко на улице".

Выходя на улицу, он обернулся — дочь стояла, прислонившись к воротам, улыбаясь, глядя ему вслед.

— Господи, — подумал Исаак, спускаясь по еще темной, тихой улице Ор-а-Хаим вниз, к ешиве, — двадцать три года. У подруг ее уже дети. Единственная дочь, единственная дочь, Господи. Но нельзя, же неволить девочку, а пока ей никто по душе не пришелся. Уже и сваты не ходят, слышал я, что говорят — мол, разборчивая очень, отец- глава ешивы, слишком много о себе возомнила. Ерунда! — он поцеловал мезузу и толкнул тяжелую, деревянную дверь. "Просто девочка хочет любви. А кто же ее не хочет? — Исаак вошел в еще пустой, маленький, прохладный зал синагоги.

— Тридцать пять, — повторил он, беря молитвенник. "Так не может долго продолжаться, сказано же: "В каждом поколении есть тридцать шесть праведников, ради которых Божественное Присутствие осеняет мир. Если умирает кто-то из них, то его место сразу же занимает другой".

— Сразу же, — подумал Исаак, шепча молитвы. "Как тем годом, двадцать пять лет назад. А с тех пор никто из них не умирал, и вот теперь… — он прервался и посмотрел на Ковчег Завета. Бархатная, расшитая серебром завеса, что покрывала его — чуть колебалась.

— Ветер, — сказал себе Исаак. "Кто-то пришел, дверь приоткрылась. Просто сквозняк".

— Господи, — внезапно прошептал он, — не оставь нас милостью своей. Говорят же: "Славьте Бога, ибо он вечен, бесконечна доброта его". Пожалуйста, — попросил Исаак. Подышав на руки, он опустил глаза к пожелтевшей странице молитвенника.

Лея Судакова втащила плетеную корзинку с едой в кухню, и, разогнулась: "Госпожа Альфази, милая, вы вот что — оденьтесь, и пойдите, прогуляйтесь. Уже не так холодно. А за маленькой я погляжу, пока готовить буду, она мне и поможет. Да, Двора? — девушка подмигнула.

— А где папа? — раздался тихий голос ребенка, что сидел на коленях у женщины. "Он скоро приедет?"

Госпожа Альфази незаметно стерла слезу со щеки, и, вздохнула: "Конечно, Двора. Скоро, очень

скоро".

Дочь слезла с ее колен и помялась: "А можно, тетя Лея, я хлеба кусочек возьму?"

Лея, наклонившись, потрепала девочку по косам: "Сколько угодно, милая. Беги, поиграй пока".

Женщина подождала, пока дверь захлопнется и горько, отчаянно разрыдалась. Лея села рядом, и, пристроила ее голову у себя на плече: "Не надо, госпожа Альфази. У вас четверо детей, не надо, я прошу вас".

— Я не смогу, — женщина смотрела куда-то в беленую стену кухни. "Я не смогу, без него, без Давида. И так уже — она скомкала глухой ворот домашнего, темного платья, — кредиторы приходили, с расписками. Мне же надо будет дом продать, Лея, чтобы расплатиться. А мальчики? — она всхлипнула. Лея, взяв покрасневшую, сухую руку, шепнула:

— Папа сказал, госпожа Альфази, что об этом — вам уж совсем не надо беспокоиться. И платить за них не надо будет, и обедами мы их будем кормить. А расписки, — девушка помолчала и бодро закончила, — придумаем что-нибудь. Рав Азулай в следующем году вернется из Европы, привезет денег на общину. Вы только не плачьте, пожалуйста.

— Я молюсь, — женщина вытерла лицо. "Каждую ночь встаю и молюсь, Лея. Хожу к стене, читаю Псалмы, соседке помогаю, вы знаете, она почти не видит. Господи, — внезапно, страстно сказала госпожа Альфази, — только бы он вернулся! Пусть хоть раненый, хоть больной — я его выхожу, Лея. Двадцать лет в этом году, двадцать лет, как мы с ним под хупой стояли, — она покачала головой. Девушка вспомнила тихий голос отца: "Сейчас все будет не так, Лея, все не так. Пока не родится один из них".

Она тогда посмотрела на горящие субботние свечи: "Но, папа, ты, же говорил — не бывает так, чтобы их было меньше тридцати шести".

Отец закрыл глаза, и будто к чему-то прислушался: "Не бывает. Просто, — он помедлил, — люди рождаются по-разному".

— Все будет хорошо, — Лея, поцеловав мокрую щеку женщины, встала: "Стучит кто-то. Я открою, вы не волнуйтесь".

Она распахнула дверь в капель и тающий снег, в яркое, голубое небо, в пронзительный свет низкого, зимнего солнца, и ахнула: "Госпожа Альфази! Сюда, быстро сюда!"

— Давид! — женщина уже бежала во двор. "Давид, Господи, мы и не чаяли!"

Лея посмотрела на высокого, с утомленным, усталым лицом мужчину, что поддерживал торговца. Тот поднял голову и попытался улыбнуться: "Ты не волнуйся, милая, просто заболел. На караван напали бедуины. Только мы со Стефаном, — он кивнул на своего рыжебородого спутника, — и спаслись. Он меня спас, — добавил Давид.

— Пойдем, пойдем, — захлопотала вокруг него жена, — пойдем, сейчас согрею воды, и отдохнешь.

— Стефан, — обернулся торговец, — ты тоже останься, поешь у нас. Пожалуйста.

— Мне надо идти, — сказал мужчина на неуверенном, с ошибками ладино. "Я тебя довел до дома, как обещал, а теперь — мне надо идти".

Он чуть склонил непокрытую голову, и вышел на улицу. Лея проводила глазами блеск драгоценных камней на эфесе сабли, темную, арабского покроя одежду: "Он из Каира, господин Альфази?"

— Из Марокко, — тот подставил лицо солнцу: "Христианин. Но очень хороший человек, очень".

— Христианин, — шепнула Лея, вглядываясь в толчею на улице. Рыже-золотистой головы уже не было видно. Она, чуть помолчав, весело сказала: "Давайте-ка, госпожа Альфази, я займусь обедом, как и обещала".

Муж и жена зашли в дом. Лея все стояла, слушая щебет воробьев на крыше, смотря вверх, в бесконечное, просторное небо Иерусалима.

— Храм Гроба Господня, — вспомнил Степан, пробираясь через полуденную толчею на улицах. Город был окружен мощной стеной. Он вспомнил, как, остановившись на склоне горы, его спутник показал рукой вниз: "Иерусалим".

Он лежал в низине, весь белый, покрытый снегом, чуть сверкающий под слабым, предрассветным солнцем. Степан услышал, как торговец шепчет: "Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука. Я дома, Стефан, я дома…"

— Я же обещал тебе, — мягко сказал Степан. Опустив глаза, он посмотрел на свою правую руку — на то, что от нее осталось. "А все равно, — внезапно, весело подумал мужчина, когда они с Альфази уже шли по вьющейся по холмам дороге, — все равно, я и с одной рукой хорошо сражаюсь. И сабля при мне. Вот только жаль, что к штурвалу мне уже не встать".

Он оглянулся и понял, что зашел в самую глубину города. "Как медина в Рабате, — хмыкнул Степан. "Или те кварталы, в Каире, у рынка, где мы ждали каравана. Одни закоулки, ничего не разберешь". Людской поток подхватил его и понес по каменным ступеням вниз.

Степан прошел под какой-то аркой и увидел маленькую, запруженную людьми площадь. "Альфази же рассказывал, — вспомнил он, — это она. Стена".

Она уходила вверх, — высокая, мощная, сияющая под солнцем. Степан, сделав шаг вперед, вдруг почувствовал слезы у себя на лице.

— Я не могу больше, — шепнул он, прижимаясь щекой к камню, положив левую руку на молчащий, холодный медальон. "Не могу, Господи, за что, за что?"

Он проснулся в середине ночи, глядя на еле теплящийся огонь в очаге. Альфази спал, измучено что-то бормоча, и Степан подумал: "Еще три дня пути до Иерусалима. Доберемся. Господи, где же ты, любовь моя, что с тобой, полгода я тебя не видел…"

Мужчина вздрогнул — медальон нагрелся. Степан услышал тихий голос: "Я ухожу, милый, а ты — ты будь счастлив. Спасибо, спасибо тебе за все…"

— Нет, — пошевелил он губами, увидев каменные, сырые своды, изможденное, больное лицо женщины. "Нет, нет, не надо, Господи, зачем ты так!"

— Прощай, — она все улыбалась. Степан, протянув руку, было, хотел прикоснуться к ее щеке. "Нашу девочку зовут так, как меня, — Елизавета смотрела на него огромными, серыми

глазами.

— Ханеле, — повторил он, — Ханеле.

— Да, милый, — она пошевелила пальцами. Степан увидел, как ее рука тянется куда-то. "Пожалуйста, — взмолился он, — пожалуйста. Один раз, один только раз — дай мне к ней прикоснуться. Прошу тебя".

Ее рука упала в бесконечную, вязкую, черную тьму.

Тогда он тихо плакал, отвернувшись к стене, а потом, на одно, мимолетное мгновение, увидел брата. "Жив, — подумал Степан, — все хорошо, Господи, он жив. Он в Санкт-Петербурге. Как только доберусь до Иерусалима — напишу ему. Ханеле, доченька моя, где же мне тебя искать?"

После этого была только ночь — он закрывал глаза, и, кладя руку на медальон, просил: "Господи, ну где же она, где наша девочка?". Он не видел перед собой ничего — только непроницаемую темноту.

Он очнулся от мягкого прикосновения руки к своему плечу. Высокий, изящный, мужчина лет пятидесяти, в скромной, темной одежде, взглянул на него прозрачными, серыми глазами. Улыбнувшись, он протянул Степану бархатную кипу.

— Я не еврей, — сказал Степан на своем несмелом, выученном от Альфази ладино.

— Спасибо, — он вытер лицо, и мужчина утвердительно сказал: "Вам надо поесть, отдохнуть и найти место для ночлега. Пойдемте".

— Я не еврей, — повторил Степан. Он увидел, как улыбаются глаза незнакомца. "Все равно пойдемте, — коротко велел тот.

— Мне надо найти одного человека, — сказал Степан, когда они, молча, поднимались по каменным ступеням в Еврейском квартале. "Его зовут Исаак Судаков".

— Это я, — ничуть не удивившись, сказал мужчина. Он распахнул деревянную дверь, что вела в чистый, прибранный двор маленького дома. "Сейчас я вас накормлю, и вы мне все расскажете. Вас как зовут?"

— Стефан, — вздохнул мужчина, и, неизвестно зачем, добавил, по-русски: "Степан".

— Ну и хорошо, — Судаков повернулся к нему, и Степан застыл на пороге дома: "Откуда вы…"

— В моей семье всегда говорили по-русски, — усмехнулся Судаков. Обведя глазами кухню, он добавил: "Уже двести лет".

— Вот, — он отодвинул скамью, — садитесь, сейчас я накрою на стол, а вы отдыхайте.

Над очагом побулькивал котелок. Судаков улыбнулся: "Вот, и суп у нас есть, и мясо. Хлеб свежий. Вина хотите? Я вам согрею".

— Я ему никто, — подумал Степан. "Он меня сегодня в первый раз увидел".

Судаков вымыл руки над медным тазом, и, пробормотав что-то себе под нос, стал разливать суп. "Я тоже поем, — сказал он смешливо, — не один вы проголодались. Хлеб берите, у нас хороший пекарь, к нему весь квартал ходит".

— У него горе, — сказал себе Судаков, глядя в запавшие, усталые глаза. "Господи, бедный, это он так выглядит — на тридцать, а то и больше. Он ведь еще юноша совсем. Мальчик. Большое горе, — он прислушался и вздохнул: "И совсем недавно случилось".

— Вы вот что, — Судаков, убрал со стола грязную посуду, — мы с вами завтра поговорим, Степан. Я вас отведу в ешиву, где преподаю. У нас там есть место для ночлега. Ложитесь и спите, прямо сейчас, а то на вас лица нет.

Мужчина посмотрел на него: "Я же не еврей, наверное, нельзя…"

Судаков пожал плечами и, рассмеявшись, чуть прикрыл веки: "Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер поклонился до земли, и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего; и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши".

— Это об Аврааме и ангелах, — Степан посмотрел в серые глаза мужчины. "Я помню".

— Ну вот, — Судаков поднялся, — праотец не спрашивал — кто к нему пришел. А вы помните, — он внезапно остановился, с плащом в руках, — куда потом направились ангелы?

— Разрушать Сдом, — Степан тоже встал: "Авраам просил у Бога за жителей города, и Господь сказал: "Ради десяти не истреблю. Десяти праведников".

— Ну вот, — Судаков стал одеваться. Взглянув на блеск сапфиров, он, весело, заметил: "Я же не знаю, куда вы потом собираетесь, Степан. А привечать незнакомца — это наша заповедь. Саблю свою можете оставить тут. У меня в кабинете, ее никто не тронет. Наверх и направо, первая дверь. Я вас во дворе подожду".

Степан проводил его глазами и поднялся наверх — в маленькой, простой комнате стоял деревянный стол с раскрытой на нем огромной, в старом переплете книгой. Рядом лежала рукопись, и десятки, сотни таких же книг были расставлены на полках, вдоль беленых стен.

Он осторожно положил саблю на старую, придвинутую к столу скамью и, заглянув в книгу, вздрогнул — со страницы на него смотрели те же странные, будто детский рисунок, значки, что были нарисованы на его амулете. "Я ничего не знаю, — понял Степан. "Ничего, ничего не знаю. А мне надо найти дочь, у нее никого нет, кроме меня. Ханеле, — он вздохнул и повторил: "Ничего не знаю".

Судаков стоял во дворе, разговаривая с высокой, стройной девушкой. Степан посмотрел на ее кудрявые, черные, спускающиеся на спину волосы, на чуть влажный от растаявшего снега подол скромного платья и сказал: "Я готов".

— Это моя дочь, Лея, она тоже говорит по-русски, — улыбнулся Судаков.

Девушка повернулась. Чуть покраснев, опустив черносмородиновые глаза, она взяла отца за руку: "Папа, этот человек спас господина Альфази, в пустыне, когда на их караван напали бедуины. С господином Альфази все хорошо, приходил врач, сказал, что это — простуда, ему надо отлежаться. Спасибо вам, — она взглянула на Степана. "Вы, идите, отдыхайте, устали ведь".

Когда они уже вышли на узкую улицу, Степан, было, хотел что-то сказать, но Судаков положил ему руку на плечо: "Завтра, все завтра. Вот, — он толкнул низкую дверь, — это наше

общежитие, но сегодня Шабат. Ученики ушли по домам. Тут сироты живут, — добавил он, указывая на широкие лавки, что стояли вдоль стен. "Колодец во дворе, там же все остальное, вот свободная лавка. Ложитесь и спите. Завтра вечером встретимся".

— Куда же они ушли, если они сироты? — спросил Степан, оглядывая большой стол, с разложенными по нему книгами.

— По домам, — Судаков улыбнулся: "Каждый человек должен встречать субботу дома, Степан. Ну, я пойду. Мне еще надо дочке помочь, с уборкой".

— Дома, — повторил мужчина, услышав скрип двери. Он подошел к окну и посмотрел на золотое, медное, сияние закатного солнца. "Ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет, как свет, правда его и спасение его — как горящий светильник, — тихо сказал Степан, вглядываясь в пустеющие улицы города.

Легкий снег завивался над Масличной горой, серое, утреннее небо, едва освещалось полосой рассвета на востоке.

— Вот, — сказал Исаак Судаков, наклоняясь, кладя камешек на серую, плоскую плиту, — это Авраам Судаков, мой предок. Ты видел, на родословном древе. Он — первый из нас, кто здесь похоронен. Ну, и все остальные, — мужчина обвел рукой могилы, — тоже. И я, — он чуть улыбнулся, — когда придет время, лягу в эту землю.

Степан тоже поднял камешек, и, повертел его в руках: "Я понял, да. Внучка Авраама Судакова, Марфа, вышла замуж, и у нее были дети. Сын Федор, — он помолчал, — у нас всегда в семье было это имя. Значит, мы ее потомки. Но ведь она не была еврейкой, — Степан посмотрел в серые глаза Исаака: "Мы с ним родственники. Только очень дальние".

— Откуда тогда это? — Степан коснулся рукой серебряного медальона у себя на шее. "У нас в семье есть предание — его привезли из Польши".

— Из Польши, — задумчиво повторил Судаков и подтолкнул Степана: "Пошли, не след о таком на кладбище говорить, пусть мертвые спокойно ждут прихода Мессии".

Когда они уже оказались на улице Ор-а-Хаим, Исаак повернулся к мужчине: "Не думал я, что хоть раз в жизни увижу такое, — он показал на медальон. "Сейчас выпьем кофе, и я тебе все расскажу".

На кухне было тепло, пахло какими-то сладостями. Судаков улыбнулся, глядя на медное блюдо: "Дочка печенья напекла. Бери, оно с медом, с орехами…"

— А где она? — вдруг спросил Степан, присаживаясь.

— Либо на занятиях, с другими женщинами, они сейчас Псалмы учат, либо, — Исаак задумался, — полы моет у стариков. У нее есть подопечные, Лея ходит им готовить, убирает у них. Одинокие люди, мы им помогаем, общиной.

— Так вот, — он разлил кофе по медным кружкам, — это очень старый амулет. Больше сотни лет. Раньше, — Исаак вздохнул, — когда больше людей знало, как их делать, они чаще встречались. Раввин в Марокко тебе, верно, сказал — он для близких людей. Сына, жены, брата. Их сейчас больше не пишут, да и не умеет никто. Да и…, - Исаак замялся: "Может, не надо? Мальчик не еврей, для чего ему это?"

Степан послушал тиканье простых, некрашеных часов на стене и просительно посмотрел на мужчину.

— А почему не делают…, - Исаак поднялся и, сняв с очага котелок с кипящей водой, — наклонил его над кофейником, — потому что сотню лет назад появился у нас человек по имени Шабтай Цви, называвший себя Мессией. Народ раскололся на две части, люди в Европе бросали все, и шли за ним, рушились семьи, дети отрекались от родителей и родители — от детей.

— И вот тогда, — мужчина стал размешивать кофе, — люди начали использовать свои знания не на благое дело, — он кивнул на медальон, — а совсем наоборот. Если этот амулет написан правильно — он помогает людям, если нет, — Исаак помолчал, — убивает. Вот и запретили их делать, навсегда. Но ты не волнуйся, — он улыбнулся, — с твоим амулетом — все хорошо.

— Почему я ничего не вижу? — вдруг спросил Степан. "Елизавета…Хана — поправился он, — я уверен, она отдала медальон нашей дочери. Почему вокруг — только темнота?"

Исаак подпер ладонью щеку и ласково посмотрел на него. "Сколько сейчас маленькой? — спросил он. Степан ярко покраснел и пробормотал, глядя куда-то в сторону: "Я считал, если все хорошо было, то в октябре она родилась".

— Ну, вот видишь, — вздохнул Исаак, — совсем дитя. Пройдет два, или три года, Ханеле начнет что-то понимать, и увидит тебя. И ты ее тоже.

— А если, — Степан помолчал, — если амулет ей не отдали? Что тогда?

— Тогда тот, кто забрал его — испытает всю силу гнева Господня, — Исаак посмотрел в серые, прозрачные глаза мужчины. "Я же тебе говорил — он один такой на свете остался, этот амулет. Польша, Польша…, - Судаков покачал головой.

— Уж откуда твой предок взял этот амулет — не знаю. Был один человек, он умер недавно, четверть века назад, Шмуэль Горовиц. Праведник, хасид, как у нас говорят. Жил в горах, в Галиции, работал дровосеком. Был пожар в его избе, и вся семья сгорела. Вот он умел писать такие амулеты. И еще один старик, раввин, в Измире, это в Турции, но его потомки перешли в магометанство. А Горовицы, — Исаак задумался, — этот Шмуэль был последним. Когда-то была большая семья, знаменитая. Но сначала — старший сын стал отступником, был врачом у этого Шабтая Цви, потом другие, а потом…, - он не закончил и махнул рукой.

— Что? — тихо спросил Степан.

— Есть у нас еще один отступник, Яков Франк, да сотрется имя его из памяти людской, — неожиданно зло сказал Судаков. "Тоже Мессией себя объявил, в Польше. Недавно его из тюрьмы выпустили, при нем какой-то Горовиц подвизается. Наверняка, из потомков тех. Даже и говорить о них не хочу, — Судаков нехорошо усмехнулся, — чем они там занимаются. За такой амулет, а лучше за обе его части, — Франк бы правую руку отдал, — задумчиво сказал Судаков и спохватился: "Прости".

— Ничего, — Степан вдруг улыбнулся. Посерьезнев, он спросил: "Зачем им амулет, этим людям?"

— Я же тебе говорил, — Исаак допил свой кофе, — вот уже полтора века никто такого амулета и в глаза не видел. А если этот Горовиц — из тех Горовицей, то, получив твой, он сможет сделать новый. У них это знание из поколения в поколение передается, хотя непонятно — от

кого. Их прародитель, рав Хаим был против всего этого, — Судаков помолчал, — амулетов, и так далее. Если только…, - он не закончил и, наконец, сказал: "Нет, ерунда, такого и быть не может. Ты письмо-то брату написал?"

— Да, — Степан кивнул. Не глядя на собеседника, он добавил: "Я хочу остаться. Тут, в Иерусалиме, рав Судаков. Когда я найду Ханеле, она должна жить со своим народом. И потом, — он указал глазами на свою искалеченную руку, — в море я уже никогда не вернусь. Наймусь каменщиком, — Степан улыбнулся, — я хоть и медленно пока работаю, но аккуратно".

Дверь распахнулась. Лея, стоя на пороге кухни, озабоченно проговорила: "Что же вы печенья не едите, папа, я для вас пекла".

Исаак посмотрел на покрасневшие щеки дочери и рассмеялся: "Отчего же не едим? Очень вкусное. Холодно на улице?"

— Хорошо, — тихо сказала Лея, опустив глаза. "Очень хорошо, папа".

Когда ее шаги затихли наверху, Степан, помолчал: "Рав Судаков, если можно…я бы хотел учиться. Только я совсем ничего не знаю, ничего".

— Все мы когда-то, — Исаак поднялся и потрепал его по плечу, — ничего не знали. Как обустроишься — приходи, посмотрим — что у нас получится.

— Тридцать пять, — сказал себе Исаак, закрывая калитку, глядя на следы в тающем снегу. "И еще долго так будет. Но когда-нибудь, — он поднял голову и посмотрел на зимнее солнце, — изменится".

Степан оглядел свою маленькую, подвальную комнату, и улыбнулся: "Для каменщика и такое, конечно, роскошь. Федя поймет, не может не понять. А потом, когда я найду девочку — мы с ним встретимся. Саблю ему отдам, мне-то — он погладил рукой эфес, — она уже не понадобится".

Он присел на лавку и, поморщившись, подвигал левым плечом. "Ничего, — Степан откинулся к стене, — это поначалу непривычно, потом — пройдет. Однако надо и собираться". Он задул свечу и вышел на темнеющую, вечернюю улицу.

В большом зале ешивы было шумно, в фонарях, развешанных по стенам, трещали свечи, пахло табачным дымом. Исаак поднял глаза от большого тома, и выбил трубку: "Тут не курить не получается, к тому же говорят, табак помогает думать. Держи, — он подал Степану какой-то лист.

— Что это? — спросил тот, присаживаясь напротив.

— Алфавит, — рав Судаков затянулся. "Сначала это, а потом — все остальное. С Божьей помощью, — добавил он и вернулся к своей книге.

— С Божьей помощью, — шепнул Степан, и, шевеля губами, стал медленно повторять буквы.

Пролог

Англия, весна 1776

— Mademoiselle Josephine, quel est le temps qu'il fait aujourd'hui? — раздался монотонный голос

гувернантки.

Джо Холланд посмотрела на залитое дождем окно классной комнаты. Почесав карандашом голову, она вздохнула: "Aujourd'hui, le mauvais temps". Девушка сладко улыбнулась: "?ais, ca me fait chier!"

Гувернантка побагровела. Джо, спохватившись, пробормотала: "Je m'excuse".

— La lecon est terminee, — сухо сказала женщина. Обернувшись к закрывшейся двери, Джо высунула язык. Поднявшись, — она была высокая, тонкая, с уложенными надо лбом, темными косами, — девушка подошла к выходящему во двор особняка окну.

Ливень барабанил по стеклу, бот мотался у пристани на Темзе. Джо прижалась лбом к холодному окну: "Господи, сбежать бы отсюда — куда угодно. Только бы в море".

Она осторожно открыла дверь классной комнаты и прислушалась. Было тихо, по соседству раздавалось только скрипение пера.

Джо взбежала наверх и прошмыгнула в свою спальню. Высокая, узкая кровать была покрыта простым тонким, одеялом. У окна, на треноге, красовалась бронзовая подзорная труба. На полках, вперемешку с книгами по навигации, были расставлены модели кораблей.

Девушка опустилась на голые доски пола. Расправив серое, шерстяное платье, она потянулась за "Лондонской Хроникой".

— Вести с полей сражений, — прочитала она. "Наши победоносные войска отразили атаку повстанцев на Квебек. Генерал Карлтон сообщает, что в сражении погибло более ста солдат-колонистов, включая командующего армией, Монтгомери. С реки действия армии поддерживали наши военные корабли, под командованием капитана Стивена Кроу.

Наши войска покинули Бостон, под угрозой обстрела артиллерии повстанцев, но продолжают успешно сражаться в колонии Массачусетс. Полк его светлости лорда Кинтейла разгромил несколько отрядов колонистов. Было поймано и расстреляно более двух десятков шпионов. Ваш корреспондент".

Джо с тоской отложила газету: "Вот это жизнь! Вот это герои! А мне до конца дней своих придется спрягать французские глаголы".

Дверь заскрипела. Брат сказал с порога: "Обедать зовут, пошли".

Он наклонился, и поднял газету: "Охота тебе читать про этих дураков. "Полк его светлости лорда Кинтейла…, - издевательски начал Джон. Джо, выпрямившись, — она была выше брата на голову, — посмотрела на него сверху вниз: "Не тебе их судить, мальчишка, окажись ты там — девушка кивнула на карту Северной Америки, что висела на стене, — со страху в штаны наложишь".

Джон взглянул на усеивавшие карту флажки, на стрелы и линии. Засунув руки в карманы хорошо скроенного сюртука, встряхнув светлыми волосами, он примирительно заметил: "Стреляю я не хуже тебя, а в остальном — надо говорить, а не палить из пушек, Джо. Сейчас другой век. Вон, — он кивнул в сторону лестницы, — мистер Рональд дал мне задание — написать речь, защищающую политику Британии в колониях. Хочешь послушать?".

— Готовишься занять наследственную скамью в Палате лордов? — невинно поинтересовалась

Джо.

— Ну да, — недоуменно ответил брат, — а что?

— Ходули купи, — ядовито посоветовала девушка, — а то тебя и не увидят, только голос будет слышен.

Джон мгновенно вытащил из рукава сюртука трубочку и плюнул в сестру жеваной бумагой.

— И почему только папе пришла в голову мысль забрать тебя из Итона? — вздохнула Джо, спускаясь в столовую.

Джон, было, хотел подать ей руку. Джо, вскинув подбородок, прошествовала мимо. "Потому, — пробормотал он вслед стройной спине, — что я уже летом поступаю в Кембридж, дорогая сестра. Впрочем, ты же все равно скажешь, что я задаюсь".

В большой столовой было пустынно, — брат с сестрой и гувернантка с наставником сидели за разными концами овального стола палисандрового дерева.

— Папа пишет, — сказал Джон, не разжимая губ, делая вид, что занят куропаткой, — что к лету вернется, заберет нас, и мы поедем путешествовать по Европе. Перед тем, как я отправлюсь в университет.

— Он второй год подряд это обещает, — Джо мрачно ковырялась в запеченной картошке.

— На этот раз точно, — уверил ее брат.

Джо, на мгновение, коснулась оправленного в золото медвежьего клыка, что висел у нее на шее. Девушка посмотрела на картину, что висела над камином. Разбитый пушками корабль, с изорванным, горящим британским флагом, погружался в море. Над ним, на скале, возвышался форт, в темно-синем небе веяли птицы. Капитан стоял у румпеля, — высокий, в белоснежной, покрытой пятнами крови рубашке, с прикрытым повязкой глазом. У его ног дымились мешки с порохом.

— Подвиг сэра Стивена Кроу в порту Картахены, — прочитала Джо надпись на медной табличке. Сглотнув, она посмотрела на серые, мотающиеся под дождем деревья сада.

— В Портсмут нельзя, — холодно подумала она, поднося к губам серебряную чашку с кофе, — это военная база. Даже и думать нечего, чтобы меня там взяли на корабль. Значит, в Плимут, оттуда уходят каперы, можно наняться юнгой. Навигацию я знаю отменно, с парусами управляюсь, — лучше многих мужчин, стреляю метко, — не пропаду. Так тому и быть.

Джо шепнула брату: "Пойду, полежу, такая погода, что сразу в сон клонит".

Оказавшись у себя в комнате, она заперла дверь на ключ, и прошла в гардеробную. Старая, потрепанная кожаная сума лежала в самом дальнем углу шкапа кедрового дерева. Джо вытащила ее наружу и стала собирать вещи.

Сильный дождь поливал разъезженную, широкую дорогу. Мальчишка на вороной лошади отбросил с мокрого лба прядь коротко стриженых, темных волос и посмотрел на серую воду плимутской гавани. Корабли, со свернутыми парусами, покачивались на легкой волне.

— Пистолет и кинжал, — подумала Джо, пришпоривая коня. "Жаль, что шпагу не удалось

украсть, Джон взял свою в Итон. Вот же задавака, подумаешь, поехал выступать со своей речью на выпускной церемонии. Но все удачно сложилось, он с наставником только через неделю вернется, а мадемуазель отправилась на свадьбу своей сестры, в Лондон. Это тоже — дней на пять. Записку я оставила, — она усмехнулась, вспомнив короткие строки: "Уехала на войну, не ищите".

— Стану героем, — Джо направила коня в открытые ворота таверны, что стояла на набережной, — и вернусь. Наверное.

Она спешилась и увидела красивую вывеску — большой, черный ворон на золотом поле. "Золотой Ворон, — задрав голову, прочитала девушка. Оправив промокшую, холщовую куртку, она шагнула внутрь, вдохнув запах табачного дыма.

У дальней стены собралась какая-то толпа. Она услышала сердитый голос: "Руками не лапай, этому письму полтора века, а то и больше".

— А что тут написано? — зачарованно спросил какой-то матрос.

— Грамоту учить надо, — отрезал низенький, плотный, седоватый человек в холщовом фартуке. "Это письмо сэра Стивена Кроу моему предку. Тому, кто основал эту таверну, Сэмуэлю Берри. Берри служил под началом сэра Стивена на "Святой Марии".

— Той, что погибла в Картахене, — протянул кто-то.

— Именно, — кабатчик поднял пухлый палец. "Дорогой Берри, уплатите подателю сего десять шиллингов, и пусть катится….- услышав дальнейшее, Джо почувствовала, что краснеет. "Выйду из тюрьмы — отдам. Ваш капитан".

— А это кровь? Пятно тут, на бумаге, — поинтересовался давешний матрос.

— Бургундское вино, — гордо сказал мужчина. "Далее, вот кусок обшивки "Святой Марии", можете потрогать, только по очереди…"

Джо дождалась, пока кабатчик вернется за стойку. Небрежно бросив медную монету, она велела: "Стакан эля".

— Рановато начинаешь, — хмыкнул кабатчик, оглядев высокого, тонкого, темноволосого мальчишку с прозрачными, светло-голубыми глазами. На белой шее, рядом с крестом, болтался медвежий клык.

— Во рту пересохло, — сообщил мальчишка, выцедив эль. "Меня зовут Джо, Джозеф". Он протянул маленькую, но сильную руку.

— Фрэнсис Берри, — кабатчик прислушался: "Из благородных. На войну, наверное, собрался, ну да они тут десятками вокруг каперов околачиваются".

— Мистер Берри, — мальчишка шмыгнул носом и вытер его о рукав куртки, а вы не знаете — какие корабли скоро отправляются в Новый Свет? Вы не думайте, — вздохнул мальчишка, — у меня деньги есть, немного.

— Твоя лошадь? — Берри выглянул на залитый дождем двор.

— С почтового двора, ее вернуть надо, — парень поджал пухлые, еще детские губы. "Я в море

хочу, мистер Берри".

— Все вы хотите, — пробормотал кабатчик. "Ты хоть раз в море выходил?"

— Я из Саутенда, — оскорблено заметил парень, закидывая ногу на ногу, рассматривая свои потрепанные, грязные сапоги. "Меня отец в море взял, как я только стоять научился".

— Пальцы-то у тебя ловкие, — заметил Берри, — видно, что не белоручка. Он вспомнил жесткую ладонь парня: "Ладно, сейчас капитан "Черной стрелы" сюда обедать придет. Они сегодня на закате отправляются. Хороший капер, быстроходный. Скажешь, что от меня, он вон там — Берри указал на угол таверны, — будет сидеть, за своим обычным столом".

— Спасибо, спасибо вам! — горячо сказал парень. Берри подумал: "Господи, скорей бы уже эта война закончилась, жалко мальчишек-то, совсем молодые. А что делать, — он вздохнул и, проводив глазами парня, стал протирать стаканы, — колонисты эти совсем зарвались, независимости хотят. Хотя, — он хмыкнул и закрыл ставни, — право слово, беспокойства от них больше, чем доходов. То ли дело Индия".

— Куришь? — спросил капитан Фэрфакс, осмотрев с ног до головы мальчишку, что сидел перед ним.

— Нет пока, — зарделся тот.

— И не начинай, — посоветовал капитан — высокий, мощный пожилой человек лет шестидесяти, с почти седой головой. Он затянулся ароматным дымом. Развернув морской атлас, капитан подвинул его к Джо. "Проложи курс отсюда до Джерси".

— А мы пойдем на Джерси? — парень поднял на него светло-голубые глаза.

— Мы, — со значением сказал Фэрфакс, — пойдем туда, куда велит капитан. То есть я". Он усмехнулся: "Если ты не прикусишь язык, то отправишься обратно, в Саутенд. Макрель ловить".

— Простите, — пробормотала Джо. Взяв тетрадь, она стала быстро писать, двигая губами.

— Неплохо, — заметил Фэрфакс, прочитав. "Вот тут отмель, но ты ее знать не обязан, все-таки не Саутенд. Завяжи мне шлюпочный узел, и расскажи, когда он применяется, — капитан кинул Джо разлохмаченную веревочку.

— При буксировке шлюпок и во время их стоянки под выстрелом у борта корабля только в тех случаях, когда в них находятся люди, — отчеканила Джо. Фэрфакс, разглядывая узел, сказал: "Так. Первые три месяца плаваешь без оклада, испытательный срок. Потом, если не убьют тебя, — он выбил трубку, — переходишь на процент от добычи, как все. Жить будешь отдельно, рядом с камбузом, там каморка есть".

— Я не хочу на камбуз, — страстно сказала Джо. "Я хочу на мачты, на марс…"

— А я, — Фэрфакс поднялся, — не хочу, чтобы экипаж любовался твоими достоинствами. Впрочем, их и нет еще пока. Но вырастут, наверное. Тебе сколько лет? — смешливо поинтересовался он.

Джо почувствовала, как в глазах закипают слезы. Опустив голову, она соврала: "Семнадцать. Мне не приходить, да?"

— Ты же хочешь на марс, — удивился капитан. "Тут, — он обвел рукой таверну, — их пока не заведено. На закате отправляемся, опоздаешь, — пеняй на себя".

Он внезапно наклонился к девушке, и погладил ее коротко стриженые волосы: "Я сам, дорогая моя — в середине Атлантического океана родился. Матушка моя покойная, как ты — отсюда, из Плимута, в море сбежала. Ничего, плавала, а потом, как отца моего встретила — поселились они на берегу, рыбацкое дело завели. Давай, Джо, не ты первый, не ты последний".

— Я прямо сейчас могу, капитан, — девушка подхватила свою суму. "Я лошадь отдала на почтовый двор, меня больше ничего на суше не держит".

— А папе я написала, — подумала Джо, садясь на весла капитанской шлюпки. "Как он вернется, ему на Ладгейт Хилл все передадут. Да и не рассердится он. Я же все разъяснила — куда уезжаю и зачем. Повоюю и вернусь".

— "Черная Стрела", — Фэрфакс указал на изящный бриг. "Она у меня красавица. Ходит так, что за ней мало кто угонится. Сорок пушек. Ты, кстати, давай, учись, как стрелять. Экипаж маленький, каждые руки на счету".

— Море, — Джо ловко карабкалась вслед за капитаном по трапу, вдыхая резкий, соленый ветер. "Господи, неужели и, правда — море".

— Твоя собачья вахта, — коротко сказал Фэрфакс. "Иди, устраивайся, скоро снимаемся с якоря".

Вечером "Черная стрела", подняв паруса, стала выходить из гавани. Джо обернулась — с марса было видно весь Плимут. Она, чуть помахав рукой, шепнув: "До свидания!", — посмотрела вперед, туда, где море играло под золотистым, нежным, исчезающим вдали светом заката.

Фрэнсис Берри, пыхтя, поднял один конец дубового, тяжелого стола. Он велел мужчине, что стоял напротив: "Ты тоже помоги, лучше на дворе это делать, а то все полы своими сапожищами затопчут".

Над Плимутом сияло яркое, весеннее солнце. Берри, вытаскивая стол, спускаясь по ступенькам, подумал: "Как все-таки у нас погода быстро меняется, неделю назад все дождем залито было, а сегодня — вон, уже все в рубашках ходят".

Над входом в таверну развевался большой британский флаг. Берри полюбовался деревянным щитом на двери: "По случаю записи добровольцев выпивка бесплатно".

— Долг патриота, — гордо сказал он мужчине, что раскладывал на столе бумаги и перо с чернильницей.

Тот поднял бесцветные глаза: "Это они себя там, — мужчина махнул головой на запад, — патриотами называют. На твоем месте, Берри, я бы так выразился, — человек прервался и потер бритый подбородок, тряхнув напудренной косичкой, — долг верного слуги его Величества".

— Тоже хорошо, — согласился кабатчик. Махнув рукой, он велел: "Бочки сюда тащите!"

Он зашел за угол дома, и наклонился к темному провалу подпола: "Не перепутайте, справа берите бочки, те, над которыми, — Берри тонко усмехнулся, — мы вчера поработали".

— А как же, хозяин, — расхохотались внизу. Берри, разогнувшись, потер поясницу: "Попробуй им откажи, сразу какие-нибудь подати невыплаченные найдут. Пусть хлещут разбавленный эль, все равно — кто сейчас добровольцами записывается, только совсем никчемные люди".

Во дворе забили в барабан, Берри распахнул ворота. Вереница мужчин потянулась к столу.

Кабатчик вскинул голову и услышал стук копыт. Белый, взмыленный жеребец остановился на дороге. Какой-то невысокий, светловолосый паренек, ловко спрыгнув с него, крикнул: "Скажите, как проехать в контору порта?"

— Суббота, — Берри затянулся трубкой и сплюнул. "Закрыто, никого сейчас не найдешь. В понедельник приходи. А что тебе надо-то? — он оглядел парня — изящного, с запыленным, взволнованным лицом.

Прозрачные, светло-голубые глаза взглянули на него. Кабатчик хмыкнул: "О, а вот их — я уже видел где-то".

— Мне надо узнать, какие каперы отправились в Новый Свет на той неделе, — торопливо ответил паренек. "Срочно".

— Правильно, — зло подумал Джон, — в Портсмуте она бы получила от ворот поворот. На военный корабль ее бы никто не взял, а тут наверняка уговорила кого-то, у нее же язык без костей. На Ладгейт Хилл сказали, что папа в Европе и вернется только к началу лета. Наверное. Нельзя его ждать, нельзя терять время. Догоню эту дуру и привезу обратно. Пусть папа ее запрет, что ли. Хотя такую запрешь, конечно.

— И "Черная Стрела", — закончил кабатчик. Джон понял, что все прослушал, и жалобно посмотрел на мужчину: "Мистер…"

— Берри, Фрэнсис Берри, — тот подал руку.

— Джон Холланд, — паренек тряхнул головой. "Мистер Берри, может быть, вы знаете — тут на прошлой неделе мальчик околачивался, мой, — он замялся, — брат, Джо. Хотел в Новый Свет уехать".

— И уехал, — пожал плечами Берри. "Как раз на "Черной Стреле", юнгой. Вы с ним похожи, глазами, только ты пониже будешь. В пятницу они отплыли".

— Больше недели, — посчитал про себя Джон. "Как раз подходят к колониям. Я успею. Только вот на корабль меня никто не возьмет — я же не моряк. Это Джо, как начала ходить, сразу на бот побежала. Пассажиром? Каперы не берут штатских на борт, а торговые корабли в колонии сейчас не отправляют — война".

— Что, братишка твой без позволения родителей из дому смылся? — поинтересовался Берри.

— У нас один отец, — мрачно сказал Джон, держа лошадь за поводья. "Он…"

— Рыбак, я знаю, брат твой говорил, — прервал его Берри. "Так иди, — он махнул рукой в сторону двора, — вон, добровольцев записывают. Чем плохо? Мундир, кормежка, еще и платить будут. Найдешь ты своего Джозефа, не волнуйся".

Джон взглянул в сторону британского флага, и решительно встал в конец очереди.

mir-knigi.org

— Имя? — не поднимая глаз, спросил его мужчина, что сидел за столом. "Возраст? Занятие?"

— Джон Холланд, семнадцать лет, школу закончил, — покраснел юноша: "В жизни не поверят, что мне семнадцать".

— Низкий ты больно, — мужчина окинул его бесцветными глазами, — ну да ничего, сколько в тебе роста?

— Пять футов два дюйма — честно признался Джон.

— Вытянешься, — подытожил мужчина. Перевернув большую книгу, он велел: "Раз грамотный — распишись".

Юноша красиво, с росчерком расписался, и мужчина почесал косичку: "Так. Сегодня отправляетесь, на капере "Элизабет", форму уже там выдадут, — он указал рукой на море, и ружья — тоже. Там же и обучаться будете, две недели, а после этого — в бой. Вот аванс, — он выложил на стол несколько серебряных монет.

— Стрелять я умею, — гордо заметил юноша.

— Из дробовика по уткам? — поинтересовался вербовщик и крикнул: "Следующий!"

— "Элизабет", — подумал Джон, подходя к воротам. "Это хорошо, так же, как маму звали". Он, было, хотел шагнуть на улицу, но увидел скрещенные мушкеты.

— Что такое? — нахмурился юноша.

— Все, — хохотнул один из солдат, что охраняли ворота. "Ты аванс взял и сейчас сбежишь с ним, мы уже такое видели. Прямо отсюда в порт пойдете, строем".

— Но мне надо…, - растерянно сказал Джон. "Лошадь вернуть, написать…".

— Лошадь твою на почтовый двор я отведу, — услышал он сзади тихий голос Берри. "А ты пиши, не волнуйся. Все что надо, я отправлю. И пойди, — кабатчик усмехнулся, — эля выпей, сегодня все кружки за мой счет".

Джон пристроился в углу двора, и положил бумагу на колено: "Дорогой папа, пожалуйста, не волнуйся. Джо сбежала в Новый Свет, но я за ней поехал и привезу ее обратно. Она на капере "Черная Стрела", под командованием капитана Фэрфакса, а я записался добровольцем в армию. Я уверен, что это ненадолго, и к осени мы уже будем с ней дома. В Кембридж я успею как раз к началу учебного года. Обнимаю тебя, твой любящий сын Джон".

Берри посмотрел на адрес: "А брат твой говорил, что вы — из Саутенда, причем тут Ладгейт Хилл?"

— Там наши стряпчие, — нашелся Джон, — отцу так быстрее передадут.

— Ну, точно, — сказал себе Берри, — из благородных. Хоть бы выжили пареньки, жалко их обоих.

— Все отправлю, — он спрятал письмо в карман и подтолкнул Джона к бочке: "Иди, промочи горло".

— О, вот и новый солдат, — рассмеялся один из парней, что сидели на земле. "Ты откуда,

коротышка?"

Джон принял кружку эля и усмехнулся: "Из Саутенда. А ты?"

— Линкольнширский, — гордо ответил высокий, нескладный юноша.

— А ну подыми рубашку, — велел Джон. Нагнувшись, он озабоченно сказал: "Господа, нам не врали. И вправду — желтопузик".

Юноша покраснел. Джон, сквозь дружный смех, весело заквакал лягушкой.

— А ну садись, — мужчина постарше подвинулся: "Все равно — мы тебя будем звать "Маленький Джон", дружище".

— Угу, — Джон осушил свою кружку. Подставив лицо жаркому солнцу, юноша кивнул: "Я не в обиде, господа".

Часть третья

Пекин, весна 1776 года

Лодка медленно скользила по каналу, окружавшему Запретный город. На тихой воде плавали лепестки цветов.

Отец Франческо посмотрел на мощные, темно-красные, крепостные стены. Он повернулся к своему спутнику: "Хорошо, что вы успели меня представить до того, как его Величество уехал в Летний дворец".

Второй иезуит, что сидел на веслах — высокий, со смуглым, покрытым морщинами лицом, с побитыми сединой волосами, рассмеялся:

— Он бы вас и там принял, император Цяньлун, благодарение Богу, питает к нам склонность. Все-таки мы ему Летний дворец построили. Отец Кастильоне был его придворным художником, да и сами знаете — мы и переводчиками трудимся и учеными при дворе, и вообще, — священник пожал плечами, — богдыхан нас любит, — остановив лодку перед огромными, пересекающими ров, золочеными воротами, он вежливо сказал по-китайски двум стражникам, что расхаживали по берегу канала:

— От его императорского величества богдыхана Цяньлуна, по его личному разрешению.

Ворота, расписанные львами, медленно распахнулись. Отец Франческо, обернувшись, провожая глазами Запретный город, вздохнул. "Да, это только начало пути. Но какая закрытая страна, одна эта их стена чего стоит, отец Альфонсо же возил меня, показывал ее".

Иезуит усмехнулся. Отец Альфонсо поинтересовался: "Что такое?"

— Представил себе, — отец Франческо стал подводить лодку к берегу, — что, например, тосканский герцог Леопольд построил бы стену, что отделяла бы его государство от всей остальной Италии.

Они выбрались из лодки, и пошли на юг, под шелестящими кронами софор, вдыхая свежий, напоенный ароматами цветущих роз, воздух столицы.

— Да, — наконец, сказал отец Альфонсо, — это их путь. Отгораживаться, отделяться от мира.

Раньше было совсем по-другому, и здесь, и в Японии. Я же вам показывал архивы. Много людей крестилось, уважаемых людей, чиновников, военных. А теперь, после воцарения маньчжуров — он пожал плечами, — нам запретили открытые проповеди. Сами понимаете, рисковать мы не можем, так что остаются только потомки старых христианских семей. В Японии — то же самое.

— Да, — отец Франческо наклонился, и полюбовался розой: "Не могу рвать, рука не поднимается. И хризантемы тут роскошные, конечно. Кстати о хризантемах, я видел, эту брошюру: "Мученичество бронзового креста", ее и на китайский язык перевели?"

— Отец Жан-Жозеф это сделал, — улыбнулся иезуит. "Я ведь ездил в Японию, тайно, конечно, отец Франческо — поддержать наших братьев по вере. Добрался туда, на север, в Сендай. Не поверите, — там, на мессу, я ее в сарае служил, — чуть ли ни сотня человек собралась. Конечно, помолился у могилы отца Джованни, да упокоит его Господь в сонме праведников, — иезуит перекрестился: "Хризантемы там так и не увядают, а ведь полтора века прошло".

Они подошли к озеру Чжуннаньхай. Отец Франческо вскинул голову, глядя на шпиль церкви, что стояла посреди большого, ухоженного сада: "Знаете, отец Альфонсо, пока англичан не пускают дальше Кантона — мы с вами можем не беспокоиться".

Второй иезуит остановился. Засунув руки в карманы сутаны, священник, горько, заметил: "Они торгуют опиумом, это золото, отец Франческо".

— Золото, — задумчиво повторил итальянец и вдруг улыбнулся: "Нет, отец Альфонсо, золото — это наши архивы тут, в Пекине, наши переводы, Летний дворец богдыхана, что построили наши инженеры. Все остальное, — он махнул рукой, — так, преходящее. Эту страну можно завоевать только умом, — иезуит постучал себя пальцем по седоватому виску, — а не деньгами, или оружием".

— Дай-то Бог, — вздохнул отец Альфонсо. Они, перекрестившись, зашли в прохладный, темноватый, пахнущий благовониями зал.

Бронзовая черепаха, нагретая весенним солнцем, поднимала голову к бледно-голубому небу. В траве у озера трещали кузнечики. Маленькая кавалькада всадников проехала через высокие ворота. Спешившись у входа в павильон, командир сказал, оглядывая шелковый паланкин: "Сейчас вы окажетесь во дворце, госпожа".

Расшитое цветами полотнище заколыхалось, деревянные, резные двери павильона распахнулись. Четверо евнухов, в темных халатах, подняв его на плечи, понесли закрытые носилки внутрь.

— И очень хорошо, — тихо пробормотал начальник отряда и отер пот со лба. "Лучше уж воевать против варваров на западе, чем сопровождать такие грузы. Случится с ней, что по дороге — головы лишишься. Все, ребята, — оглянулся он на солдат, — по казармам, сегодня день отдыха".

Устланный шелковыми коврами павильон был наполнен запахом роз.

— Госпожа, — наклонился один из евнухов к паланкину, — мы на месте.

Белая, холеная, маленькая рука раздвинула занавеси. Девушка — небольшого роста, тоненькая, черными, мягкими волосами, убранными в высокую прическу, в розовом халате, —

ступила на ковер.

Сидевший на возвышении старший евнух поднялся, коротко поклонившись: "Госпожа, добро пожаловать. Указом его императорского величества вам дается новое имя, Бэйфан Мэйгуй..."

— Роза Севера, — подумала девушка, опустив огромные, чуть раскосые черные глаза.

— Также из уважения к заслугам вашего покойного отца, — евнух откашлялся, — вы возведены в разряд "драгоценных наложниц". Это, — он поднял длинный палец, — только рангом ниже императрицы.

— Я буду, рада услужить его величеству, — тихо, так и не подняв головы, отозвалась девушка. "Наша семья всегда была верна Империи. Я надеюсь, господин, что не уроню достоинства предков".

— Очень верно, госпожа Мэйгуй, — согласился евнух. "Прежде чем препроводить вас в покои, я должен обыскать ваши вещи и провести личный досмотр".

Девушка стояла, обнаженная, низко склонив шею, чувствуя пальцы евнуха, что медленно проверяли все ее тело. Наконец, он отступил: "Можете одеться, госпожа Мэйгуй. Что это? — он показал на простую деревянную шкатулку, что стояла поверх расписанного цветами и птицами сундука.

Мэйгуй надела халат, и сунула узкие, нежные ступни в шелковые туфли: "Это письменные принадлежности моего покойного отца, господин. Традиция дочерней почтительности велит мне относиться к ним с уважением".

Евнух повертел в руках нефритовую чернильницу, с пером. Он хмыкнул, открывая крышку сундука: "Я вижу, ты привезла книги своего отца. Если тут есть что-то запрещенное..."

— Мой отец искренне раскаялся в своих грехах перед лицом его Величества и сам, своими руками, сжег крамольные труды, — едва слышно ответила девушка. "Я бы не посмела, господин..."

Евнух щелкнул пальцами. Мэйгуй, прижимая к груди деревянную шкатулку, поспешила вслед за ним по раззолоченному, пышному коридору.

— Раскаялся, — думала она, сворачивая, спускаясь и поднимаясь по ступенькам, — раскаялся, стоя на коленях перед императором. Смотрел, как горят его книги, и вернулся домой с руками, что пахли дымом. Позвал меня, мы пили чай, и читали "Веселое путешествие монаха и наложницы", — Мэйгуй почувствовала, что улыбается. "Папа тогда сказал: "Я рад, что люди смеялись, читая мои повести, милая". А утром я пришла с завтраком, и он был уже мертв. И даже "Веселое путешествие" сжег, перед тем, как принять яд".

Она тихонько вздохнула. Евнух, открывая низенькую дверь, повел рукой: "Тут".

Маленькая собачка, что лежала на шелковой подушке, вскинула круглые, черные, навыкате глаза. Грустно положив нос на лапы, пес опустил уши.

— Ты можешь дать ему новое имя, — коротко сказал евнух, опуская на деревянный, полированный пол сундук Мэйгуй.

— Он тоскует, — девушка присела рядом и погладила нежными пальцами черно-рыжую

шерсть. "По своей хозяйке, да? — спросила она песика и услышала холодный голос евнуха: "У него теперь новая хозяйка. Устраивайся, за тобой пришлют, когда настанет время".

Мэйгуй вздрогнула — дверь заперли. Она, поднявшись, заглянула в маленькую умывальную. Крохотный садик с кустами цветущего шиповника был обнесен стеной. Собачка тяжело вздохнула и вопросительно посмотрела на девушку.

— Ши-ца? — неуверенно спросила Мэйгуй. "Нет, — она помотала головой, — ты же не лев, ты маленький львенок. Наньсин, — девушка рассмеялась. Собачка чуть слышно гавкнула.

— Ну, ты меня не выдашь, — Мэйгуй устроилась у стены. Взяв шкатулку, она осторожно нажала на выступ в медном замке. Дно поднялось. Девушка, прикоснувшись пальцами к маленькому, искусной работы, крестику, что лежал в тайнике, шепнула: "Я все помню, папа".

Ужин принесли, когда над стеной Запретного города уже висело медное, огромное, закатное солнце. Мэйгуй приняла от служанки поднос с чаем и рисом. Выйдя на ступеньки, усадив рядом с собой Наньсина, она стала есть.

На дне простой фарфоровой пиалы, под зернами риса, лежал кусочек бумаги. Мэйгуй взглянула на алый полукруг с лучами, и бросила бумагу в глиняный фонарь, что стоял на террасе. Девушка проводила глазами легкий дымок, развеявшийся в вечернем небе. Она погладила Наньсина по мягким ушам: "Красное солнце взошло, милый. Братья здесь и готовы бороться".

Наньсин посмотрел на нее глубокими, непроницаемыми глазами. Пес внезапно, нежно лизнул ей руку.

В хлипком, с земляными нарами бараке было темно, пахло потом, и мочой. Стражник, что прикорнул на пороге, зевнув, посмотрев на едва восходящее солнце, крикнул: "Хватит спать!"

Рабочие вставали медленно, потягиваясь. Взяв деревянные миски, люди подходили за своей порцией сухого, жесткого риса.

— Строиться! — велел начальник отряда, морщась, закрывая нос шелковым платком. "Эти и до конца лета не протянут, — вздохнул он, глядя на людей, что строились в колонну. "С другой стороны, пленников сейчас достаточно, и на западе воюем, и на юге. Но все равно, — он пересчитал людей по головам, — столица строится, за садами надо ухаживать, работы много..."

Чиновник нахмурился: "Одного не хватает".

Солдат окинул зорким взглядом колонну: "Этого идиота, варвара. Он сдох, наверное, вчера уже был при смерти".

— Есть порядок, — поджал губы чиновник, — о трупах надо докладывать. Пойдите, посмотрите, если умер, — уберите его, нечего ему среди живых валяться.

— Пока живых, — добавил про себя чиновник, осматривая истощенных, равнодушно опустивших наголо бритые головы, рабочих.

— Иди, иди! — раздался злой голос стражника. "Разлегся тут!"

Чиновник вскинул голову, и посмотрев в темные глаза высокого, худого варвара, кивнул

стражнику. Тот достал из-за пояса короткую бамбуковую палку. Толкнув рабочего на колени, охранник стал бить его по обнаженной, покрытой воспаленными следами от порки, спине.

Рабочий только трясся, опустив голову, укрыв ее большими, грязными, в порезах и язвах, руками. Чиновник зло поднял его сапогом за подбородок: "Здоров, как бык, просто не хочет работать".

— Из него хлещет, как из ведра, — почтительно заметил стражник, убирая палку, указывая на испачканные, рваные штаны рабочего.

— У них у всех понос, — высокомерно ответил чиновник. Хлопнув в ладоши, он велел: "Все, и так слишком много времени потеряли. Пусть идет в строй, если сдохнет днем, — оттащите куда-нибудь".

Стражники вскочили на лошадей. Длинная колонна, растянувшись, поплелась мимо земляных домиков окраины, в предрассветном, сером сумраке, — на восток, в сторону Запретного города.

Высокий варвар шел в середине, опустив глаза, уставившись на каменистую дорогу, и что-то безостановочно шептал.

— Беловодье, — думал он, схватившись за это слово, помня только о нем. "Беловодье". Каждую ночь он ощупывал шов в одежде. Чувствуя под пальцами что-то острое, он улыбался. Если бы ее нашли — его бы засекли до смерти. У него оставалась только она, и слово: "Беловодье". Вокруг разговаривали на незнакомом, лающем языке. Его гнали, вместе с другими пленниками, по дороге на юг. Кто-то, — он не помнил, кто, — умирал, ища его пальцы рукой, невысокий, изможденный человек. Искусанные губы разомкнулись и он прошептал: "Нет на свете Беловодья, Ванюша, обманули нас. Помолись за меня, милый".

— Было, — тихо сказал тогда мужчина, оглянувшись, перекрестив пылающий в горячке лоб. "Было Беловодье, Василий".

Они стояли на берегу залива. Слабые, нежные волны набегали на берег. Казак, что привел их туда, усмехнулся:

— Сказка тут есть, уж не знаю, правда, сие, или нет, — но болтают. Наши-то, когда с Амура сюда пришли, их хлебом-солью встретили. Деревня тут стояла — большая, богатая, с пашнями, с кузницей. Церковь была, и рядом — кумирня языческая, с идолами. Вышли навстречу нашим казакам князь, кузнец, и священники, поклонились, и говорят по-русски: "Жили мы тут в мире и согласии, детей растили, строили, торговали, и так же — далее хотим. Земли в этом краю много, селитесь рядом, будем соседями".

— И что ж казаки сделали? — тихо спросил Василий.

— Собрали всех в церковь и кумирню, двери заколотили и сожгли, — усмехнулся их спутник. "Бежал кое-кто туда, на юг, — он указал рукой в сторону тайги, — и с тех пор тут глушь, запустение. Идите далее, мужички, ищите. Может и есть сие Беловодье, да только врут, наверное".

— Было, — повторил тогда мужчина и закрыл другу глаза. "Нет его более, Василий. Господи, упокой душу раба твоего".

Он очнулся от удара палкой по голове и поднял руки. Стражник прокричал что-то, указывая на камни, сложенные на обочине дороги.

Мужчина вскинул глаза. Равнодушно посмотрев на здание со шпилем, нагнувшись, он стал укладывать камни на деревянные носилки.

Отец Франческо взял серебряные ножницы: "Когда я жил в Ассизи, послушником, я ухаживал за садом в Сакро Конвенто. С тех пор, отец Альфонсо, — иезуит вздохнул и погладил лепестки розы, — я все никак не могу налюбоваться цветами".

Отец Альфонсо поднял голову и указал на птиц, что расселись на ветвях софоры.

— Да-да, — отец Франческо вытер глаза: "Выйдя на поле, он начал проповедовать птицам, а те сидели на земле. И все птицы, бывшие на деревьях, расселись вокруг него и слушали, пока Святой Франциск проповедовал им. И не улетели, пока он не дал им своего благословения".

— Прекрасно, прекрасно, — вздохнул отец Альфонсо и поморщился: "Как они кричат все-таки, эти маньчжурские стражники. Китайские чиновники значительно тише".

— А что там вообще делают? — отец Франческо распрямился и посмотрел на ухоженную клумбу. Через крохотный ручей был перекинут изящный, каменный мостик с фонарями.

— Чинят дороги, — махнул рукой отец Альфонсо. "Его императорское величество постоянно благоустраивает столицу, да и с этими войнами рабочих рук стало много. Пленники, — объяснил священник.

Иезуиты медленно пошли по усыпанной гравием дорожке к воротам миссии.

— Ужасно все-таки, — вздохнул отец Франческо, посмотрев на рабов. "Бедные люди, они так долго не протянут".

— Чашка риса в день и бесконечные удары палкой, — отец Альфонсо взглянул на высокого, наголо бритого рабочего: "Смотрите, на азиата он не похож. С севера, наверное, оттуда иногда приводят таких пленников".

— Слова, — подумал мужчина. "Я помню, я знаю эти слова. Они здесь, в голове, надо только потянуться за ними. Я знаю, как меня зовут".

Высокий, истощенный мужчина поднял на них запавшие глаза и сказал, по-итальянски: "Меня зовут Джованни, помогите мне, пожалуйста".

Отец Франческо вздрогнул. Отступив на шаг, он увидел, как стражник, вытаскивая палку, подбегает к рабочим.

— Оставьте! — властно велел глава миссии, громко выговаривая китайские слова. "Этот человек — под нашим попечением!"

Отец Альфонсо поправил шелковое одеяло, что укрывало мужчину, и вопросительно посмотрел на священника, что сидел по ту сторону кровати.

— Все будет хорошо, — мягко сказал тот. "Это просто истощение и дурная пища. Через неделю вы его не узнаете".

— Спасибо, отец Лоран, — глава миссии поднялся. "Я буду в библиотеке, если понадоблюсь". Он посмотрел на уставленный снадобьями стол, и, чуть покачав головой, — вышел.

Отец Франческо так и сидел в большом кресле, глядя на алый закат в окне, над тихим озером. Он вертел в длинных пальцах золотую булавку с циркулем и наугольником.

— Спит, — глава миссии потянулся за глиняной бутылкой с вином. Разлив его по бокалам, вдохнув запах, священник одобрительно заметил: "Сливовое".

— Он отлично знает итальянский и французский, — отец Франческо отпил вина, — вы сами слышали. Знает Рим, Флоренцию, Венецию, Болонью, Париж. Знает латынь. Помнит молитвы. И еще вот это, — он указал на булавку.

Отец Альфонсо нахмурился. "Думаете, вольные каменщики послали его сюда шпионить? Если так, он отлично притворяется".

— Нет, нет, — иезуит отложил булавку. "Бедный человек действительно — не помнит, кто он такой. Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем. Но в остальном, — он хмыкнул, — юноша говорит весьма разумно".

— Ему за тридцать, — возразил отец Альфонсо, — у него седина в бороде.

Отец Франческо поднялся: "Ему не больше двадцати пяти, отлежится, придет в себя — и увидите. Пойдемте, я хочу помолиться о его здоровье".

— И о том, чтобы он обрел память? — спросил его глава миссии, когда они подходили к церкви.

Отец Франческо остановился и взглянул в лиловое, с бледными звездами, вечернее небо. Дул теплый ветер с юга, шелестели листья софор. Иезуит протянул руку и коснулся лепестков пышной, темно-красной розы.

— Посмотрим, — только и ответил он. Священники, перекрестившись, поднялись по каменным ступеням.

Мэйгуй, опустив голову, стояла, исподтишка разглядывая широкую, в синем халате, спину евнуха. Тот отступил: "Прошу вас, уважаемая госпожа".

В покоях дворцовых врачей было светло, окна выходили на тихое озеро, с разбросанными по нему лодками. Мэйгуй взглянула на мраморный павильон, что стоял на берегу. Оттуда доносились звуки арфы, и чей-то веселый смех.

Старик с редкой бородой, что сидел напротив нее, потянулся морщинистыми пальцами к чернильнице, и раскрыл папку с ее именем на обложке.

— Семнадцать лет, — пробормотал он, — рост пять чи, вес — чуть меньше одного дана, болезни… — он пошевелил седыми бровями, и закончил — детские, обычные. Раздевайтесь, уважаемая госпожа.

Мэйгуй смотрела в низкий, расписанный драконами и львами потолок, и вспоминала тихий голос главы братства: "Не торопись. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Ты должна быть очень осторожной и разумной, девочка".

— А потом он вздохнул и поцеловал меня в лоб: "Жаль, что твой отец не дожил до этого дня, милая", — Мэйгуй почувствовала прикосновения врача и закрыла глаза.

— Наложниц вызывают к императору и обыскивают, — подумала девушка. "Даже если я рожу

ребенка, он может не возвести меня в ранг императрицы, и сам приходить ко мне в покои. У него, то ли восемнадцать, то ли двадцать детей. В общем, нет недостатка. Жаль, у меня в комнатах это было бы удобнее сделать. Значит, придется думать".

— Можете одеться, — врач опять подвигал бровями: "Я изучу сведения о вашем цикле и поработаю с астрологом. Я вижу, вы родились в сезон Огненного Феникса, — он усмехнулся и пробежал глазами записи. "Остерегайтесь воды, госпожа".

Мэйгуй бросила взгляд на чуть волнующееся под ветром озеро и позволила себе улыбнуться. "Вам будет сообщено о времени вашей первой встречи с императором, — сухо сказал старик и хлопнул в ладоши. "Мы закончили".

Врач посмотрел вслед изящной голове, увенчанной нефритовыми заколками. Вдыхая запах роз, опустив глаза к записям, он пробормотал: "Я, конечно, не астролог, но такой Марс, как у нее — даже у его Величества такого нет. Ее сын станет великим правителем. Если его не задушат в младенчестве, конечно, — он вздохнул и углубился в работу.

Перед входом в свою комнату Мэйгуй помялась: "Господин, если это возможно, я бы хотела практиковаться в музыке. Его Величество, как я слышала, любит изящные развлечения, а мой долг — угождать моему господину".

— На ложе, — коротко сказал евнух, открывая дверь. "На чем ты играешь?"

— На цисяньцине и эрху, — поклонилась девушка.

— Ну, — он обвел глазами скромные покои, — цисяньцинь сюда просто не поместится, а эрху тебе пришлют, вместе с ужином. Императору доложат выводы ученых, и он назначит время вашего свидания.

Мэйгуй подхватила песика на руки и шепнула ему: "Сегодня поиграю тебе, милый". Наньсин лизнул ее в щеку. Тявкнув, вывернувшись, он потянул девушку зубами за край халата.

— Остерегайтесь воды, — вспомнила Мэйгуй, заходя в умывальную. Каменная, резная ванна была уже наполнена. Она, раздевшись, опустившись в теплую воду, взяла нежными пальцами лепесток, что плавал рядом с ней.

Взяв нефритовый флакон с ароматической эссенцией, девушка вдохнула запах розы. Вынув шпильки, Мэйгуй распустила волосы, — они упали шуршащей, черной волной, почти коснувшись мраморного пола, — и блаженно закрыла глаза.

Она сидела, завернув на волосах шелковое полотенце, подперев подбородок кулачком, глядя на то, как Наньсин, урча, грызет косточку.

Мэйгуй отставила в сторону поднос с ужином. Допив чай, она взяла эрху, что лежал рядом с ней на ступенях террасы.

Быстро оглядевшись, девушка ощупала пальцами резонатор и улыбнулась — кожа питона, натянутая на дерево, в одном месте чуть приподнималась — совсем незаметно.

Мэйгуй вытащила крохотную записку. Она гляделась в иероглифы, искусно вычерченные между лучей красного солнца.

— Один брат на кухне, один на складах, еще двое — рабочие и сестра занимается уборкой, —

девушка сожгла бумагу в фонаре и сказала Наньсину: "Ничего. Справимся. Я что-нибудь придумаю. В конце концов, — она потрепала собачку за ушами, — мы никуда не торопимся, песик. Братья на юге пока собирают силы, и ударят, как только тут, — красивые губы улыбнулись, — все будет закончено. Это я тебе обещаю".

Девушка рассмеялась и взяла эрху. Проведя смычком по шелковым струнам, она сказала Наньсину: "Называется "Цветок жасмина". Думаю, его Величеству понравится".

Мэйгуй заиграла и запела, — нежным, высоким голосом. Наньсин, улегшись рядом, положив мордочку на лапы — следил глазами за движениями смычка.

— Джованни, — вспомнил он. "Меня зовут Джованни".

— Правильно, — раздался ласковый голос сверху. "Только не надо вскакивать, вы еще болеете, но я вас вылечу".

Мужчина открыл глаза и встретился с веселым взглядом. Маленький, худенький священник покачал лысоватой головой: "Меня зовут отец Лоран. Раз вы говорите по-французски, я вас буду называть Жан".

— Говорю, — понял Джованни. Слова лежали рядом, он их узнавал, но вдруг поморщился — вдалеке, в сумраке, были еще какие-то. "Не вижу их, — вздохнул про себя мужчина и вслух спросил: "Где я?"

— В Пекине, — голубые глаза отца Лорана усмехнулись. "В самом его центре, вон там, — иезуит показал рукой за окно, — Запретный город. Помните, что это такое?"

— Помню, — обиженно ответил Джованни. "Там живет император. Сейчас, — он нахмурился, — Цяньлун, из маньчжурской династии Цин. Шестой император этой династии, кажется".

— Правильно, — отец Лоран всплеснул худенькими ручками. "Вы хорошо знаете историю, месье Жан".

— Недурно, — согласился Джованни и провел рукой по голове: "А почему меня обрили? Из-за болезни? И, — он завел руку за плечо, — шрамы какие-то. Что это?"

Отец Лоран вздохнул. Налив в стакан вина, он поднес его губам больного. "Вы были дорожным рабочим, пленником. Вас били, оттого и шрамы. Вы не помните, где попали в плен?"

Джованни выпил сладкого, теплого вина, и вздохнул: "Нет".

— Ну, ничего, — отец Лоран проверил его пульс, — ничего. Вы молодой, здоровый юноша, вам около двадцати пяти лет. Полежите, оправитесь, и все будет хорошо".

Джованни обвел взглядом полки с книгами: "Эту я знаю. Можно? — он указал на "Solution de diffrerens problemes de calcul integral".

— Это Лагранжа, — отец Лоран передал ему книгу. "Вы помните, кто такой Лагранж?".

— Нет, — рассеянно сказал Джованни, смотря куда-то перед собой.

— Как библиотека, — понял он. "Только очень большая, огромная. Тысячи полок, десятки тысяч. И все в тумане, только некоторые шкафы освещены. Вот этот, например".

mir-knigi.org

Он увидел то, что ему было нужно. Устроившись удобнее, морщась от боли в спине, он попросил: "Отец Лоран, можно мне бумагу и перо?".

Обед для императора Цяньлуна, Айсиньгёро Хунли, был накрыт во дворце Цзяотайдянь. Огромные, распахнутые окна выходили прямо в сад, наполненный запахом роз. С озера дул легкий ветер, чуть колыхавший шелковые, расшитые шпалеры на стенах.

В углу зала, за ширмами, раздавалась тихая мелодия цисяньциня.

Император отложил нефритовые палочки. Откинувшись на подушках, закрыв глаза, он погладил седоватую, короткую бородку.

— Как это называется, Хэшень? — вдруг спросил он чиновника, что стоял на коленях у резного, низкого столика, уставленного драгоценным фарфором.

— Цветок Жасмина, ваше величество, — прошелестел тот.

— Приятная музыка, — Хунли открыл один темный, зоркий глаз и спросил: "Что там на юге?"

— Секта "Белого Лотоса" окончательно разгромлена, — торопливо сказал Хэшень, — казнено более трех тысяч человек. Остатки, повстанцев сейчас выкуривают из горных убежищ.

— Выкуривают, — язвительно повторил император. Он поднялся, шурша простым, синим халатом. Чиновник тут же вскочил.

Хунли прошелся по залу, пошевелив широкими плечами, — он был высоким, сухощавым, со смуглым, жестким лицом. Посмотрев на сад, император поинтересовался: "А что "Красное Солнце?"

— Ищут, — Хэшень опустил голову. "Они очень тщательно скрываются, ваше Величество, никто не знает — где глава братства, и вообще, — он позволил себе чуть развести руками, — есть ли оно на самом деле, это "Красное Солнце". Скорее всего, выдумки, слухи…, - голос чиновника увял.

Император повернулся и зловеще проговорил: "Те слухи, которые вооружены кинжалами, и те выдумки, которые носят с собой мечи. Тщательно, — он поднял длинный палец, — тщательно проверьте все, что о них говорят. На рынках, в харчевнях, где угодно".

Хэшень торопливо кивнул. Хунли злобно подумал: "Никому из них нельзя верить, каждый китаец до сих пор ненавидит маньчжуров. Сто тридцать лет прошло, я — шестой император династии, а они терпеливо ждут, пока мы повернемся к ним спиной, чтобы вонзить в нее клинок. И будущий наследник тоже рожден от китаянки. А что делать, если Юнъянь — единственный из всех моих сыновей, кто, хоть как-то сможет править. Наверное".

— Хэшень, — неожиданно мягко сказал император, — ты же знаешь, я тебе доверяю. Как маньчжуру, как умному человеку. Сделай так, чтобы это "Красное солнце" быстрее закатилось, и ты, — Хунли тонко улыбнулся, — не будешь обижен.

Чиновник посмотрел на орлиный нос императора, на твердый, решительный подбородок, и низко поклонился: "Можете на меня положиться, ваше Величество".

— А на кого мне еще полагаться? — сварливо осведомился Хунли и потянулся за чайником.

— Не хлопочи вокруг меня, как баба, — усмехнулся он, заметив движение Хэшеня, — мне хоть и седьмой десяток, но в седло я могу сесть сам, а уж тем более — чаю налить. Так вот, — Хунли полюбовался расписной чашкой, — не могу же я полагаться на этих китайских шептунов. Половина из них евнухи, а оставшиеся… — Хунли махнул рукой: "На следующей неделе я переезжаю в Летний Дворец, пусть там все приготовят. Что еще? — он посмотрел на Хэшеня.

— Новая наложница, — осторожно сказал тот, кладя на стол папку. "Вот рекомендации врача и астролога".

— А, — Хунли щелкнул пальцами, — дочь того сочинителя. Тоже китаянка, хотя, — он погладил бороду, — я видел ее родословную. Мать ее наша, с севера, из клана Истинно Красного Знамени. Конечно, плохо, что она вышла замуж за китайца, но что делать, — Хунли пожал плечами и углубился в чтение гороскопа.

— Какой Марс, — изумился он. "И это у женщины, такое редко встретишь. У нашего сына будет всего четверть китайской крови. Отлично, просто отлично. Что там они пишут? — он пробежал глазами заключение: "Позови мне сюда главу императорских евнухов".

— Ваше величество, — поинтересовался Хэшень, — кого из благородных дам, вы берете с собой в Летний Дворец? Я должен приготовить их покои.

— Госпожу Мэйгуй, — император накрыл большой, сильной ладонью папку, — и более никого. Все, — он махнул рукой, — и не забудь, Хэшень — костры с крамольными книгами не должны потухнуть. По всей империи.

— Разумеется, ваше величество, — поклонился тот и выскользнул из зала.

— Мы перепишем историю, — решил Хунли, закрыв глаза, слушая нежную музыку. "Так, что и следа ни останется от бывших китайских императоров. И вообще — уберем всю эту непристойность из литературы, все книги, где высмеиваются маньчжуры. Все будет гореть, точно так же, — он, не открывая глаз, улыбнулся, — как горели книги этого писателя, отца новой наложницы. Как там его звали? Ли Фэньюй. Смешные сочинения, конечно, я сам хохотал, но народу это не нужно. Пусть бы и дальше писал "Цинский исторический свод". Жаль, что он умер, талантливый человек был, конечно".

Император посмотрел на евнуха, что вполз на коленях в зал, и остановился, встав на четвереньки, склонив голову к ковру: "Завтра я хочу видеть госпожу Мэйгуй у себя в покоях, после чего мы уедем в Летний Дворец. Пусть там проверят фонтаны. У этих священников наверняка есть какой-то инженер".

— Конечно, ваше величество, — император, оставшись один, вдыхая теплый ветер, раздвинул занавеси и шагнул в свой кабинет. Повернув ключ в замке золоченой двери, он нажал на шелковую панель, что закрывала стену. Тайник открылся. Хунли, достав книгу, устроился на подушках: "Последний экземпляр в империи, хотя и его — тоже придется сжечь. Но не сейчас, потом".

— Как-то раз военачальник Хунли, из клана Истинно Розового Знамени с Цветком…, Впрочем, нет, ни один маньчжур не позволит себе воевать под таким знаменем. Наверняка, я ошибаюсь, и это было Фиолетовое Знамя с Драконом, или другое, такое же грозное, — начал читать Хунли, посмеиваясь, — решил завести себе наложницу….

Над озером уже играл алый закат, когда Хунли, дойдя до последнего абзаца, ухмыльнулся: "Монах низко поклонился полководцу: "О, ваша милость! Девушка велела передать, что ее

устройство слишком нежно для жизни в шатрах, и поэтому она просит извинения, и остается на юге!"

— А деньги! Деньги, ты, проклятый обманщик! — вскричал маньчжур. "Ты же монах, ты должен быть праведником".

— Я он и есть, — приосанился монах. "Деньги мы с госпожой Вечерним Цветком пожертвовали в храм Конфуция, в честь ваших умерших предков, ваша милость. Вот и расписка, — монах вытащил из кармана захватанную, грязную бумажку.

Военачальник посмотрел на нее и важно сказал: "Ты совершил благое дело, монах, хоть и не доставил мне наложницу. Иди же, и расстанемся друзьями".

Вот что было написано в той расписке: "Дорогой Хунли, спасибо за серебро, оно нам очень пригодилось. Тысяча поцелуев, жаль, что мы с тобой никогда не встретимся. Вечерний Цветок".

Император захлопнул книгу и смешливо пробормотал: "Вот же мерзавец этот покойный Ли Фэньюй. Умею я читать, не хуже него".

В библиотеке иезуитской миссии было тихо. Джованни, подняв голову, встретился глазами с высоким, седобородым мужчиной, в китайском халате, что пристально его рассматривал.

Он отложил перо и встал, но старик улыбнулся: "Сидите, сидите. Меня зовут отец Жан-Жозеф, вы меня еще не видели. Как ваше здоровье?"

— Спина еще болит, — ответил Джованни, — но отец Лоран говорит, что шрамы заживают хорошо. А так, — он обвел рукой заваленный рукописями стол, — у вас потрясающие архивы, отец Жан-Жозеф.

— Сто пятьдесят лет работы, — улыбнулся тот, устраиваясь напротив, разливая чай. "Даже больше, отец Маттео Риччи, благословенной памяти, приплыл в Макао почти два века назад. Вы, я смотрю, больше интересуетесь математикой, астрономией? — он взглянул на рукописи.

— Да, — горячо ответил Джованни, — какое счастье, что вы так много перевели из местных ученых, отец Жан-Жозеф. Он положил руку на кипу бумаги: "Я сейчас как раз изучаю заметки отца Мишеля Бенуа, очень, очень талантливый человек был.

— Да, — Жан-Жозеф Амио отпил чая, — они, вместе с отцом Кастильоне строили Летний дворец для его величества императора. Я поэтому и пришел, собственно говоря.

Джованни непонимающе взглянул на него.

— Я состою при дворе его величества, в качестве переводчика, — объяснил отец Амио. "Ну и, — он развел руками, — в общем, представляю интересы миссии. Император на следующей неделе переезжает в Летний дворец. Он просил проверить, как там работают фонтаны. У нас, после смерти отца Бенуа, нет ни одного инженера, к сожалению".

Джованни порылся в бумагах и вытащил большую, аккуратно сложенную схему. "Я смогу, — сказал он, разглядывая ее. "Тут, в общем, ничего сложного нет, святой отец. Смогу, конечно".

— Вот и отлично, тогда я вас на днях туда отвезу, это недалеко, — отец Амио посмотрел на

мужчину: "Да, отец Лоран, конечно, волшебник. За неделю он совсем по-другому стал выглядеть. И волосы отрастают, только виски седые".

— Я молюсь, — вдруг, глухо сказал Джованни, глядя куда-то в сторону. "Каждый день, святой отец. Я знаю, — он пошарил пальцами в воздухе, — у меня были друзья, близкие люди, но я ничего, ничего не помню, даже их имен. Я знаю, что кто-то умер, мой друг, даже несколько, — он помрачнел, — но не помню, кто".

Отец Жан-Жозеф достал из кармана халата шелковый платок и протянул его Джованни. "Вы вспомните, — тихо сказал он. "Вспомните, милый. Просто надо подождать".

— Спасибо, — Джованни вытер глаза: "Отец Жан-Жозеф, вот этот чертеж…, - он достал из какой-то папки запыленную бумагу, — это существовало на самом деле? Или просто — фантазия?"

Отец Амио посмотрел на рисунок и усмехнулся: "Это строил отец Фердинанд Вербист для императора Канси, сто лет назад. Как вы понимаете, никто не знает — ездило оно на самом деле, или нет. А что, — он зорко взглянул на мужчину, — вы могли бы такое повторить?"

— Думаю, что да, — Джованни все разглядывал чертеж. "Умно, очень умно, — подумал он. "Конечно, почти не отличается от устройства, что описывал Герон Александрийский, но кое-что новое тут есть. Трансмиссия, например".

— Если мне выделят какой-нибудь сарай, — Джованни рассмеялся, — я попробую воссоздать работу отца Вербиста.

— Очень хорошо, что к нему не вернулась память, — незаметно улыбнулся отец Амио, исподволь оглядывая красивое, тонкое, сосредоточенное лицо мужчины. "И надеюсь, никогда не вернется. Инженера нам как раз и не хватало".

— А вы знаете китайский? — спросил Джованни.

— Разумеется, — удивился отец Амио, — хорош бы я был переводчик. И маньчжурский тоже знаю, как раз сейчас работаю над его словарем. У меня был друг, — он погрустнел, — писатель, Ли Фэньюй, он умер, два года назад. Он меня учил китайскому языку, а я его — французскому.

Иезуит вдруг усмехнулся: "Вы как, кроме трудов по математике — читаете что-нибудь?".

— Библию, — удивился Джованни.

— Библию, — пробормотал отец Амио. Поднявшись, он отпер дубовый шкаф. "Держите, — священник протянул Джованни рукопись, — это мой перевод. Вам полезно будет посмеяться".

— Un joyeux voyage de moine et de concubine, — прочел Джованни. Он услышал веселый голос иезуита: "Это не хуже синьора Бокаччо, помните такого?"

— Нет, — Джованни помотал головой: "Я все вспомню, когда-нибудь, обязательно вспомню".

Иезуиты пили чай. Отец Альфонсо прислушался: "Хохочет. Впрочем, читая Ли Фэньюя — и мертвый рассмеется. Только ведь там есть, как бы это сказать, отец Амио, сомнительные отрывки…"

— Вы прямо как император Цяньлун, отец Альфонсо, — иезуит сомкнул тонкие, сухие пальцы.

"Ничего, пусть почитает, он же мужчина, все-таки".

Отец Франческо вдохнул аромат жасмина, что поднимался от его чашки: "Ничего страшного, отец Альфонсо. Все равно у него — никого кроме нас, нет в жизни".

— А если появится? — буркнул глава миссии. "Откуда нам взять еще одного инженера, сами знаете, из Европы сюда никто не едет. Молодежь предпочитает, — он скривился, — Польшу или Россию".

— Не появится, — уверенно отрезал отец Амио. Расправив полы халата, приняв фарфоровую, невесомую чашку, он опустил бледные, старческие веки.

Мэйгуй остановилась, повинуясь движению руки евнуха. В передней императорских покоев было полутемно, в фарфоровых, высоких канделябрах, горели красные свечи.

— Халат, — велел евнух.

Развязав вышитый пояс, сняв туфли, девушка осталась обнаженной. "Нагнись, — услышала она холодный голос. "Все проверяют, — поняла Мэйгуй. "И будут проверять, внутри тела ничего не пронести".

— Проходи, — перед ней распахнулась высокая дверь. Девушка, встряхнув распущенными волосами, — шмыгнула внутрь.

Он сидел спиной к ней, глядя на золотистую, закатную гладь озера. Резные окна были распахнуты. Мэйгуй, поклонившись, застыла, глядя на широкую, сильную спину императора.

— Мне жаль, что твой отец умер, — Хунли так и смотрел на озеро. "Он был прекрасный историк, мне нравилось читать его сочинения".

— Благодарю вас, ваше величество, — спокойно ответила девушка. "Ты к этому готовилась два года, — резко напомнила себе Мэйгуй, — и все знаешь. Что бы он от тебя ни захотел — ты сделаешь все, что надо. Ради того, чтобы освободить Китай от их тирании".

Император поднялся и приказал: "Распрямись".

Он осмотрел нежное, отливающее жемчугом тело. Подняв прядь волос, Хунли рассмеялся: "Северная Роза. Я видел твое родословное древо. Твой предок по материнской линии пришел из-за Хинкгая и встал под знамена маньчжуров. Как его звали?"

— Ван-цзы, — тихо ответила девушка. "Его все называли "князем", ваше величество".

Хунли взял в большую ладонь белую, высокую грудь. Полюбовавшись алым соском, он приказал: "А теперь раздвинь ноги и ответь мне еще раз — как звали твоего предка? Правильно ответь, Мэйгуй".

Девушка ощутила его сильные, длинные пальцы. Закусив губу, она прошептала: "Бойгоджи".

— Молодец, — император рассмеялся, и поднес руку к ее лицу. Мэйгуй припала к ней губами. Мужчина, устроившись на подушках, потянул ее к себе: "Я вижу, ты не забыла, кто была твоя мать. Кто она была?". Хунли наклонился. Укусив девушку за шею, придерживая ее зубами, он шепнул: "Ноги шире!"

Мэйгуй почувствовала боль, и, задыхаясь, услышала: "Кто была твоя мать?"

— Мини эме оси маньчжу ниалма! — крикнула она, опустив голову в подушки.

— Маньчжурка, — протянул император, придерживая ее за бедра, любуясь кровью, что текла вниз, по белому бедру.

— И наш сын, Мэйгуй, — будет маньчжуром. Да? — он взял ее за черные, мягкие волосы и, не останавливаясь, поставил на колени, обнимая, чувствуя под пальцами острые соски.

Хунли взял ее за подбородок, и, глубоко целуя, улыбнулся. Она шептала: "Да, мой господин".

— Маньчжуром, — повторил мужчина, тяжело дыша, чувствуя, как раскрывается ее тело. "Нет, эту я от себя долго не отпущу, она нашей крови, она принесет хороших сыновей. Смелых сыновей, как тигры, — он вцепился пальцами в стройные плечи. Мэйгуй, сладко застонав, уронила голову в шелковые простыни.

— Еще, — велел он, едва оторвавшись от девушки, наклонив ее вниз, глядя на окрашенные перламутром и кровью бедра. "Мое семя, — усмехнулся Хунли. "Ну, так она его получит, прямо сейчас".

— Мне надо…, - он закрыл ей рот поцелуем, и уложил на спину: "Не надо. Потому что сейчас будет еще".

— Мне шестьдесят пять, — вдруг, смешливо, устраивая ее ноги у себя на плечах, подумал император. "Как раз — старшему сыну от нее будет двадцать пять, и можно отречься от престола в его пользу".

Он прижал ее к полу и запустил руки в волосы: "Завтра ты останешься тут на весь день. Узнаешь, как в старые времена мы насиловали китайских женщин".

— Вот так? — девушка приподнялась и припала к его губам. Хунли, потянув ее за руку, поставив у стены, наклонил растрепанную голову. "Вот так, — сказал он, глядя на нежные пальцы, что царапали деревянную резьбу, накрывая ее руку своей жесткой ладонью. Он еще раз повторил, двигаясь в ее жарком, покорном теле: "Вот так".

— Пошли, — он погладил ее по потной, стройной спине, и, проведя рукой между ног, вдохнув запах крови и семени, рассмеялся: "Покажу тебе кое-что".

Хунли накинул на нее невесомую простыню и толкнул незаметную дверь. Мэйгуй ахнула — посреди закрытого двора, на лужайке, стоял шатер. Рядом, мраморные ступеньки вели в бассейн — с бурлящей, теплой водой.

— Подними голову, — велел император, устраиваясь в бассейне, усаживая Мэйгуй перед собой. "Небо, — зачарованно сказала девушка, глядя на раздвинутые деревянные панели крыши. Над Запретным городом переливался Млечный Путь.

— Будем спать, как в степи, — Хунли обнял ее: "Надо же, горячее, чем вода". "Под звездами, — добавил он, вдыхая запах цветов, целуя ее — нежно, ласково, — куда-то за белое, маленькое ухо.

В Садах Совершенной Ясности было тихо. Отец Амио, осторожно пройдя по мраморным

ступеням, увидел Джованни.

Тот, стоя к нему спиной, объяснял что-то китайским рабочим. Иезуит посмотрел на темные, отрастающие волосы мужчины, на его простой, черный халат и вдруг улыбнулся: "Как это он сказал? Мы все говорим на одном языке, языке техники. Тут очень хорошие рабочие, добросовестные".

Джованни похлопал китайца по плечу и помахал кому-то рукой.

Медные заслонки открылись, искристые, переливающиеся на солнце струи воды ударили вверх, в синее, высокое небо, каменные, с бронзовыми головами фигуры животных завертелись. Джованни, подошел к отцу Амио: "Все в порядке. Это ведь местные знаки зодиака?"

Иезуит кивнул. Джованни добавил: "Отличные водные часы, отец Бенуа постарался на славу. Все работает. Второй фонтан, с хризантемами, мы тоже проверили. Император тут останавливается? — он указал на изящное, в европейском стиле, двухэтажное здание с деревянными колоннами, что стояло за фонтаном.

— Иногда тут, — отец Амио взглянул на искусно подстриженные кроны деревьев, а иногда — в тех павильонах, что в китайском стиле, вы их видели. А в этом дворце, — он присел на теплые, нагретые солнцем ступени лестницы, — там целая коллекция картин, что писали наши художники, отец Кастильоне и отец Аттре, он тоже умер. Император ценит искусство.

— Очень красивые сады, — Джованни опустился рядом с иезуитом. "Рабочие мне дали заглянуть в один из китайских павильонов, там тоже — все увешано картинами".

Отец Амио погладил бороду: "А как ваша машина?".

Джованни усмехнулся: "Продвигается. Мне надо провести испытания, а потом — он взглянул на иезуита, — можно будет ее показать императору. Если он интересуется такими вещами".

Красивая, золотистая птичка слетела на ступени. Джованни, порывшись в кармане халата, кинул ей семян.

— Они тут совсем ручные, и рыбки в прудах — тоже, — улыбнулся мужчина.

— Все-таки он никогда не оправится, — вздохнул иезуит. "Блестящий инженер, ученый, а словно ребенок. Ну, может, так и лучше".

— Конечно, заинтересуется, — вслух сказал священник, — его величество во все вникает сам, ему очень понравится такой механизм.

Птичка вспорхнула в крону софоры. Джованни, помолчав, проговорил: "Та книга, которую вы мне дали, отец Амио, она очень, очень смешная. Спасибо вам. Скажите, этот Ли Фэньюй — он ведь был христианином?"

Иезуит рассмеялся: "Я смотрю, вы внимательно читали. Да, та сцена, где монах с наложницей приходят в Пекин, и встречают там ученого с длинной, седой бородой — его Ли писал с меня. Я, конечно, был очень польщен, хотя в жизни, — иезуит поднял бровь, — я себя так, понятное дело не веду. Обеты, знаете ли, — священник тонко, почти незаметно улыбнулся.

— Обеты, да, — пробормотал Джованни: "Какая красивая была эта женщина из книги,

Вечерний Цветок. Она мне даже снилась, — мужчина внезапно покраснел и отвернулся.

— А мой друг Ли, — отец Амио поднялся, — он был из старой христианской семьи. Они крестились еще при отце Маттео Риччи. И жена его покойная, она давно умерла, хоть и была маньчжуркой — тоже верила в Спасителя. Но дома, за закрытыми дверьми. Вы, же сами видели — в церкви, на мессе у нас только священники и послушники.

Джованни послушал пение птиц: "Но почему? Император, по вашим рассказам, разумный человек — почему он запрещает христианство?"

— Потому, — ответил отец Амио, идя к выходу из сада, — почему эта страна и называет себя "поднебесной империей". Нет другого неба, кроме этого, — он показал рукой вверх, — нет другого мира, Джованни, нет других богов.

— Это не сила, отец Амио, — коротко сказал мужчина, — это страх. Тот же страх, что..., - он не закончил и поморщился. "Беловодье, — вспомнил Джованни странное, певучее слово. "Нет, нет, — подумал мужчина, — я не знаю, что это такое. Я забыл".

— Вы только, пожалуйста, не вздумайте проповедовать, — сердито велел отец Амио, когда они уже подходили к лошадям. "Даже мы этого не делаем. Вы же не хотите, чтобы ваша голова полетела с плахи, а вслед за ней — и наши головы?"

— Ну как я могу? — Джованни вскочил в седло и широко, чарующе, — как ребенок, — улыбнулся. "Я же не священник, отец Амио, я едва помню, как меня зовут, как я могу проповедовать?"

— Ну, — иезуит тронул лошадь, и они поехали по обсаженной кустами шиповника, широкой дороге, на юго-восток, к городу, — молитвы-то вы помните, Джованни.

— Помню, — тихо ответил мужчина. "Обещаете ли вы жить в христианской вере, по милости Господней, — увидел он, на мгновение освещенные солнцем слова. "Обещаю, — пронеслось у него в голове, а потом все затянул белесый, непроницаемый туман. Джованни, приостановив лошадь, подумал: "Кто-то плачет. Не вижу, ничего не вижу".

— Что случилось? — озабоченно наклонился к нему отец Амио.

— Нет, нет, все в порядке, — улыбнулся Джованни и, на мгновение, закрыл глаза.

Император Хунли взглянул на медленно двигающиеся зодиакальные фигуры. Устроившись под шелковым балдахином, он сказал доверенному чиновнику: "Пусть начинают, Хушэнь".

Художники шли чередой перед императором, держа в руках развернутые свитки. "Жаль, что отец Кастильоне умер", — вздохнул про себя Хунли. "Вот он бы, — отлично написал Мэйгуй, он умел совместить китайскую живопись и то, что они умеют делать там, на западе".

Император щелкнул пальцами: "Вот этот". Он поманил к себе Хушэня и, не глядя на упавшего ниц художника, шепнул: "Передай ему словесное описание. Я хочу, чтобы ее изобразили здесь, в этих садах, на берегу озера, с эрху в руках. Картина должна петь".

Хунли прислушался и улыбнулся — откуда-то издалека доносилась нежная, едва слышная мелодия. Он махнул рукой, и, когда дорожка очистилась, спросил: "Работа над "Цинским историческим сводом" продолжается, я надеюсь?"

— Тридцать ученых сейчас заняты именно этим, — ответил Хушэнь.

— Когда я вернусь с юга, я все прочту, — император поднялся: "И внесу свои коррективы, разумеется. Подготовь указ о награждении тех военных, что поймали остатки этого братства "Белого Лотоса". Что у нас еще? — он нетерпеливо взглянул на чиновника: "Завтра утром надо уже ехать на юг. Казни все-таки должны проходить в присутствии императора, так правильней. Надо вселять уважение в подданных. Уважение и страх".

— Тот священник, что проверял здешние фонтаны, — почтительно сказал Хэшень, — просит вашего разрешения представить один интересный механизм, который он построил.

Хунли вздохнул: "Конечно, я бы с большим удовольствием сейчас поставил Мэйгуй на четвереньки. Ладно, у нас еще вся ночь впереди. Она непременно забеременеет, здоровая, юная девушка, я ее от себя две недели не отпускал, — он улыбнулся и кивнул: "Зови".

— Обязательно поклонитесь, — наставлял отец Амио Джованни, когда они спускались по мраморной лестнице к озеру. "Падать ниц — это только для китайцев, но кланяться надо, и глубоко. И не обращайтесь к нему, пока он первый с вами не заговорит".

— Музыка, — Джованни остановился. "Слышите, святой отец? Очень красивая, как будто птица поет".

— Пойдемте, — сердито сказал иезуит, подталкивая Джованни. "Не след заставлять его величество ждать".

Хунли посмотрел на высокого, темноволосого, худощавого человека в черном халате и про себя улыбнулся: "Все ученые выглядят одинаково, что наши, что эти, с запада. Глаза у них, — император задумался, — наивные глаза, детские".

Двое слуг осторожно опустили на дорожку небольшой деревянный сундук.

— Ваше величество, — отец Амио так и стоял со склоненной головой, — один из наших священников делал этот механизм для вашего уважаемого предка, императора Канси, и вот, — он повел рукой в сторону Джованни, — наш инженер смиренно просит мгновения вашего внимания, чтобы представить вам такую же модель.

Джованни рассеянно слушал музыкальный, незнакомый язык, выхватывая те несколько слов, что он знал. Император был чуть выше его, сильный, широкоплечий мужчина, с седоватой, ухоженной бородой и темными, пристальными глазами. "Он, конечно, выглядит моложе шестидесяти пяти, а я, — Джованни вдруг вспомнил свое отражение в зеркале, — я постарел. Я бы себе двадцати пяти не дал. Господи, я ведь даже не помню, когда я родился. И где — тоже не помню".

— И оно будет ездить? — скептически спросил Хунли, рассматривая тележку на четырех колесах, с установленной посередине жаровней. Над ней помещался бронзовый шар с отверстием.

Джованни разжег угли: "Переведите его величеству, отец Амио. Оно будет прекрасно ездить. Огонь нагревает воду в шаре, она превращается в пар, вырывается из отверстия, попадает на трансмиссию и вращает колеса. Все просто".

— Если бы можно было построить большой механизм, — подумал Джованни, глядя на то, как тележка начинает медленно катиться по дорожке, — такой, который мог бы перевозить

людей…

— Надо поставить на него пушку, — Хунли погладил бороду и улыбнулся. "А еще лучше — сделать сотню таких тележек, с пушками. Никакая пехота и конница против этого не устоят".

Из бронзового шара повалил пар, колеса закрутились быстрее. Джованни услышал, как император смеется.

— Отлично, отлично, — Хунли похлопал отца Амио по плечу. "Пусть работает дальше, и пусть учит китайский — я хочу, чтобы он встретился с нашими инженерами".

— Конечно, конечно, — закивал иезуит. С дорожки донесся звонкий лай собаки и девичий голос: "Нет, нет, Наньсин, нельзя! Нельзя, милый!"

Джованни застыл — маленькая, черно-рыжая, похожая на льва собака, оскалившись, рычала на тележку. Невысокая, стройная девушка в расшитом птицами и цветами розовом халате подхватила песика на руки. Она сказала что-то по-китайски, качнув изящной, убранной драгоценными заколками, головой.

— Какие глаза, — Джованни восхищенно проводил ее взглядом. "Как самая черная, самая жаркая ночь. А сама — белее снега, и этот румянец на щеках…".

— Нижайше прошу прощения, ваше величество, — Мэйгуй встала на колени перед императором, опустив голову на дорожку. "Я бежала, но за Наньсином было не угнаться…, Я готова понести наказание".

Хунли внезапно улыбнулся и похлопал рукой по подушкам. "Благородная госпожа Мэйгуй с удовольствием посмотрит на этот механизм. У вас ведь есть еще угли, отец Амио?"

— Конечно, — возясь с тележкой, ответил Джованни, когда иезуит перевел ему. "Только не смотри на нее, — приказал себе мужчина. "Пожалуйста, не смотри. А что я покраснел — это от огня, он тут совсем рядом". К запаху гари примешивался тонкий, неуловимый аромат розы.

Тележка стала разгоняться. Мэйгуй захлопала в ладоши, удерживая собачку за вышитый жемчугом поводок. Хунли, незаметно погладив ее по спине, наклонившись, шепнул: "Я велю ему сделать еще какие-нибудь игрушки, развлечь тебя, пока я в отъезде. Я бы взял тебя с собой, но не стоит будущей матери наследника смотреть на казни. Да и врачи говорят, что если ты беременна, то лучше никуда не ездить".

— Я надеюсь к вашему возвращению обрадовать вас хорошими новостями, мой господин, — едва слышно сказала Мэйгуй, опустив длинные, черные ресницы. "Благодарю вас за заботу, мне будет очень одиноко без вас".

— Я скоро вернусь, — Хунли щелкнул пальцами и велел Хушэню: "Пусть накрывают стол, я хочу пригласить священников к обеду. Иди, — он велел Мэйгуй, — тебе сейчас принесут что-нибудь, в павильон".

Джованни проводил глазами чуть колыхающийся подол халата, маленькие ноги, что переступали по дорожке: "Мэйгуй. Это же значит "роза". Она и вправду — как цветок".

Мэйгуй стояла на четвереньках, постанывая, вытянув руки, комкая драгоценный шелк на ложе. Император накрыл ее своим телом. Рассмеявшись, прижав ее к подушкам, он спросил:

"Чувствуешь?"

— Да! — крикнула девушка, найдя его ладонь, вцепившись в нее, прижав к своим губам. "Да, мой господин, да!"

— Инженер, — спокойно, холодно подумала Мэйгуй, оказавшись на коленях у императора, опускаясь на него. Она посмотрела в темные глаза Хунли и вспомнила ласковый, смущенный взгляд европейца. "Это очень хорошо, что он инженер. Все будет сделано так, как надо".

— О чем ты думаешь? — спросил император, обнимая ее, прижимая к себе поближе.

— О том, как принесу вам сына, — выдохнула Мэйгуй. Она уронила растрепанную, пахнущую розами голову ему на плечо.

Ему снилась женщина. Она лежала рядом, едва слышно, размеренно дыша. Джованни, спрятав лицо в ее распущенных волосах, поцеловал ее шею: "Спи спокойно. Я люблю тебя". Она чуть пошевелилась, и, зевнув, пробормотав что-то — устроилась в его руках. "Сердце бьется, — ласково подумал он. "Как хорошо, Господи". Он и сам задремал, а потом проснулся, слыша чей-то плач. "Как холодно, — подумал Джованни. "Почему она такая холодная? И кто это плачет?"

Он открыл глаза и посмотрел на простое, деревянное распятие на беленой стене. Окно было открыто — во сне он отбросил шелковое одеяло. Сейчас, дрожа, потянувшись за халатом, Джованни взглянул на темные тучи, что нависли над городом.

— Дождь будет, — понял Джованни и зажег свечу. Булавка лежала на столе, поблескивая тусклым золотом. Он прикоснулся к ней пальцем: "Отец Франческо говорил. Вольные каменщики. Где же я ее взял? Не помню, ничего не помню. Хотя нет, — из белесого тумана показалось лицо мужчины и тут же, — Джованни помотал головой, — пропало.

— Еще лица, — подумал он. "Они были нарисованы на бумаге, я видел. А потом исчезли, и я даже имен их не помню. Да что там, — он тяжело вздохнул и потянулся за своими заметками, — я ведь не знаю, кто я такой.

На полях тетради, рядом с искусным рисунком маленького воздушного шара была набросана роза — едва распустившаяся.

— Но как я могу? — Джованни взял перо и повертел его в руках. "Нет, нет, она принадлежит императору…, Что за чушь! — он внезапно разозлился. "Она человек, такой же, как и я. Я видел, она на меня смотрела, — Джованни приложил ладонь к внезапно покрасневшей щеке. "Но мы даже объясниться не сможем, я ведь не знаю китайского языка…, Все равно, — он еще раз взглянул на розу и прошептал: "Мэйгуй…, Я знаю, я знаю — я все вспомню, обязательно".

Джованни закрыл глаза и вгляделся в серый, тяжелый сумрак. "Дождь, — пробормотал он. "Холодно, лужи стоят на дороге. Кто-то умер, я знаю, я чувствую это. Надгробие белого мрамора. Крест. Только ничего не разобрать, туман вокруг". Взяв перо, внезапно улыбнувшись, Джованни стал чертить. "Ей понравится, — решил Джованни, разглядывая рисунок. "Я видел тут воздушных змеев, но это совсем другое".

Мэйгуй приняла из рук служанки халат и спросила, не разжимая губ: "Как братья в столице?" Девушка, — невзрачная, смуглая, с убранными в суровый пучок волосами, так же тихо ответила: "Все готово, сестра. Как только взойдет красное солнце — мы ударим по всему Пекину. Братья на юге ждут нашего сигнала. Возьмите, — она незаметно сунула в руку

девушки крохотную записку. "Это от него".

— Будь твердой, — прочитала Мэйгуй еле заметные иероглифы. Присев на обтянутую раззолоченным шелком скамью, чувствуя, как умелые руки служанки расчесывают ей волосы, она пообещала себе: "Буду. Иначе нельзя".

Она вспомнила, как еще в Запретном Дворце, нашла в шариках своей рисовой пудры незаметный, сложенный листок. Между лучей красного солнца было написано: "Сестра едет с вами в Летний Дворец, убирать и прислуживать".

Мэйгуй полюбовалась сложной прической. Поиграв нефритовой заколкой, она велела: "Туфли".

Когда девушка встала на колени, Мэйгуй уронила заколку, и наклонилась: "Мне нужны будут братья- рабочие в Запретном Дворце. И схема отопления".

Служанка только опустила ресницы. Подав ей заколку, девушка потянулась за ароматической эссенцией. "Евнухи, — шепнула она, прикасаясь фарфоровой пробкой к белой шее Мэйгуй, — будут спать. Сегодня ночью, и во все остальные ночи — тоже".

Мэйгуй приняла от нее шелковый поводок: "Ну, Наньсин, сейчас ты увидишь что-то необыкновенное!"

Собачка бежала впереди нее. Девушка, осторожно ступая по мраморной крошке, подняла голову к пронзительно-синему небу. Ночью шел дождь, и на листьях софор до сих пор висели капли воды.

Братство было огромным. На юге они звались "Белый Лотос", в столице и на севере — "Красное Солнце", на западе — "Восемь Триграмм". В братстве были ученые, воины, матери семейств, слуги, евнухи и рабочие. Братство знало все, и видело все — человек, предавший его, не жил и дня. Мэйгуй вздохнула и вспомнила тихий голос отца: "Я не считаю, что его надо убивать, милая. Но тебе четырнадцать. Ты уже не ребенок, и можешь действовать так, как считаешь нужным".

— Это пока ты так говоришь, папа, — девочка гордо вздернула красивую голову. "Пока ты пишешь исторические трактаты, где превозносятся маньчжуры, тиран балует тебя и приглашает во дворец. Посмотрим, что случится, когда он прикажет сжечь твои книги. Другие книги, — со значением добавила Мэйгуй, подняв тонкую бровь.

— Хунли просвещенный человек, хоть и маньчжур, милая, — отец полюбовался танцующими журавлями на бумажном свитке. "Он никогда не будет бросать в костер мои повести. Или стихи. Зачем ему это? — отец пожал плечами. "А в тебе, — он оглядел невысокую, изящную фигурку дочери, — в тебе кровь твоей матери. Не забывай, она была с севера".

— Какая она была? — девушка прислонилась к раскрытому в маленький, ухоженный сад окну. "Я ведь ее совсем не помню, папа".

— Она была бесстрашная, — Ли Фэньюй погладил почти лысую голову. "Красивая. Лучшая женщина, что когда-то ступала по земле. И она была безрассудной, — добавил он, про себя, тяжело вздохнув. "Маньчжурка, — он пристально посмотрел на дочь.

— Я китаянка, и ей умру, — холодно заметила девушка.

— Очень надеюсь, что это случится не скоро, — кисло ответил отец и велел: "Все, милая. Мы с

тобой славно поболтали, но работа ждет, — он усмехнулся и похлопал рукой по кипе бумаг. "Цинский исторический свод" еще далек от завершения".

— Госпожа Мэйгуй, — она очнулась и услышала неуверенный, робкий голос. "Простите, я не говорю..."

Девушка махнула рукой. Усевшись под балдахином, приняв из рук евнуха чашку чая, она капризно велела: "Пусть показывает".

Воздушный шар летал, крохотный дракон шевелил крыльями, изрыгая пар, маленькая пушка стреляла, собачка лаяла. Джованни горько подумал: "Она даже не меня не смотрит. Смеется, хлопает в ладоши, но не смотрит".

Евнух коснулся его плеча и медленно, громко, как глухому, шевеля губами, сказал: "Спасибо".

— Лу-и сяотлао, рад услужить, — ответил Джованни и замер — Мэйгуй, удерживая на поводке собачку, поднявшись, взглянула на него поверх голов застывших в глубоком поклоне евнухов.

Она чуть качнула ресницами. Повернувшись, резко проговорив что-то по-китайски, девушка пошла в сторону видневшегося на лужайке мраморного лабиринта.

Джованни огляделся — евнухи, собрав подушки, свернув балдахин, поднимались на террасу европейского дворца.

В лабиринте было тихо, и пахло розами. Джованни поднял голову — стены были выше человеческого роста. Он, прислушавшись, услышал какой-то шорох. Зашуршал шелк, Мэйгуй высунулась из-за какого-то угла. Она, лукаво, улыбнулась: "Я знаю, вы говорите по-французски. Я тоже".

— Как? — едва успел удивиться Джованни, но девушка, пробормотав: "Потом, все потом!" — потянулась к нему. "Господи, — еще успел подумать он, — что же я делаю?". Ее губы были совсем рядом. Мэйгуй, закинув ему руки на шею, прижавшись всем тонким, теплым телом к нему, серьезно сказала: "Я тебя поцелую. Я еще тогда хотела, когда увидела тележку. Поцелую много раз".

— Я тебя люблю, — шепнул Джованни, нежась в ее объятьях, чувствуя губами ее сладость — бесконечную, словно сон, словно забытье.

Мэйгуй сорвала розу, что росла рядом с ними. Проведя лепестками по щеке Джованни, она велела: "Наклонись".

Он послушался и ощутил ее горячий шепот: "Сегодня вечером, как взойдет луна, будь у ворот. Тебя проведут".

— Прямо здесь, — вдруг сказал он, прижимая девушку к стене. "Я не хочу ждать".

Мэйгуй подвигалась под его руками, — Джованни сдержал стон, и помотала головой: "Опасно. Ночью я стану твоей — навсегда. Люблю".

Она убежала. Джованни, слыша откуда-то издалека лай собаки — изнеможенно опустился вниз, так и держа в руках розу — распустившуюся, белую, с едва заметным румянцем на скромных лепестках.

Незаметная калитка в стене, что окружала сады, отворилась. Смуглая девушка, в простом, темном халате, со строгим пучком волос — приложила палец к губам.

— Я сказал, что буду ночевать здесь, — вспомнил Джованни, быстро идя вслед за ней по безлюдным дорожкам. Софоры над головой шелестели листьями — дул холодный ветер с севера. "Сказал, что в одном из фонтанов неисправность — надо починить до приезда его величества. Бежать, вот что. Забирать Мэйгуй и бежать. В Кантон, там можно сесть на корабль до Европы. Вот только деньги…, - он тихо вздохнул, — ничего, придумаю что-нибудь".

В маленьком павильоне, что стоял на берегу озера, пахло розами. Служанка прошептала что-то по-китайски, исчезнув за шелковыми занавесями. Джованни посмотрел на лунную дорожку, протянувшуюся по воде — колеблющуюся под ветром, серебристую. Он почувствовал прикосновение мягкой руки.

Мэйгуй стояла совсем рядом — маленькая, не доходившая головой ему и до плеча, легко, незаметно дышащая. "Вот и все, — услышал он ее шепот. "Ты здесь, ты рядом".

— Да, — сказал он, опускаясь на колени, привлекая ее к себе. "И никуда не уйду, любовь моя". Под шелком халата она была горячей и сладкой. Джованни, ощутив ее ласковые пальцы, что гладили его волосы, — вдруг улыбнулся.

— Я все знаю, — подумал он. "Зачем я боялся? Такое не забывают, никогда".

— Иди ко мне, — он потянул ее на подушки, и склонился над ее телом, вдыхая аромат цветов: "Ты вся — будто роза. А теперь, — он медленно повел губами вниз, от стройной шеи к маленькой груди, к мягкому животу, — теперь я сделаю так, что роза — распустится".

— Я уже…, - Мэйгуй приподнялась на локте и увидела в полутьме его играющие смехом, большие глаза. — Тише, — сказал Джованни, приложив палец к ее губам, — я здесь для того, чтобы ты узнала, что бывает иначе.

Она еще успела подумать: "Инь и Ян. Так учили даосы, в старые времена. Вот так и должно быть. Я ведь читала их трактаты, и думала — это сказки. Не бывает такого, чтобы мужчина и женщина поняли друг друга. Долг женщины — подчиняться, тому, кто ей повелевает, вот и все". Мэйгуй откинула голову на подушки. Потянув его к себе, задыхаясь, она шепнула: "Я тоже…".

— Потом, — он вернулся обратно. "Все потом, любовь моя. Я еще не утолил жажду".

Она чувствовала под пальцами шрамы на его плечах: "Я потом поцелую, каждый, много раз. Я не хочу, не хочу думать о том, что будет дальше". Джованни оторвался от нее и смешливо сказал: "Я бы усадил тебя наверх, и продолжал бы до утра, но у меня еще спина болит, поэтому… — Мэйгуй нежно, глубоко поцеловала его, и велела: "Ложись на бок. Теперь я".

— Все это уже было, — Джованни закрыл глаза и погладил ее мягкие, распущенные волосы. "Господи, я совсем не помню ее. Помню, что она была жаркой и близкой, совсем близкой. И ласковой. Только я не помню, — что с ней случилось? Кто она была?"

Девушка лежала на спине, раскинув руки, мотая головой, шепча что-то неразборчивое, быстрое.

— Было, — подумал Джованни, целуя белую щиколотку, что лежала у него на плече, слыша ее сдавленный крик, переворачивая ее на бок, зарываясь лицом в волосы. "Да! — Мэйгуй

выгнулась, и он, прижимая ее к себе, наполняя собой, — вспомнил все.

Она лежала, медленно, нежно касаясь губами его шрамов, и слушала тихий голос мужчины. "Я и не знала, что такое бывает, — Мэйгуй нашла его руку и поцеловала ее. "А что ты помнишь?"

— Помню, как меня зовут, помню математику, инженерное дело, языки, а теперь… — Джованни помедлил. "Вспомнил, что у меня была жена. Она умерла, — он увидел белый, мраморный крест и прищурился — могила терялась в белесом тумане. "Только я не помню, как ее звали, и где это было. Но я ее очень любил, очень. Она умерла у меня на руках. И что-то еще…, - он опять услышал детский плач: "Нет, нет, не верю, не может быть такого!"

Мэйгуй положила его голову себе на плечо. Гладя мягкие, отрастающие, вьющиеся волосы, она прошептала: "Не надо, не надо, милый. Я здесь, я рядом".

Он вспомнил деревянный крест над могилой, тело белокурого мальчика — с разнесенной пулей головой, мертвые, синеватые лица детей, и рыженький затылок девочки — совсем младенца. На холщовых пеленках расплылось кровавое пятно.

— У меня была дочь, — Джованни все смотрел в шелковые панели на потолке. "Я вспомнил. Ее убили".

Мэйгуй обняла его, — вся, всем телом, и тихо проговорила: "Поспи. У нас еще много времени. Поспи, пожалуйста, милый. Я просто полежу рядом".

Он приподнялся на локте, и, целуя ее, ответил: "Нет, пока я жив — ты не будешь просто лежать рядом".

— Сладкая, какая она сладкая, — он посадил ее себе на колени, и сказал, чувствуя влажное, нежное тепло ее тела: "Я люблю тебя, Мэйгуй".

— Тоже, — сказала она, сквозь зубы, осторожно обнимая его, поднимая голову, утонув в его поцелуе. "Я тоже, милый".

В углу комнаты было слышно сопение собаки. Мэйгуй, положив голову ему на плечо, позевывая, улыбнулась: "Французскому языку, меня научил отец. Тот священник, с которым ты был здесь, в первый раз, я его видела, еще маленькой девочкой. Они с отцом были друзья".

— Ли Фэньюй, — удивленно проговорил Джованни. "Я читал книгу твоего отца, в переводе. "Веселое путешествие монаха и наложницы". Очень, очень смешная".

— Ее сожгли, — после долго молчания сказала Мэйгуй. "Два года назад. Ее, и все другие книги папы. Те, что император посчитал ересью. Папа сам их жег, там, — она махнула рукой, — в Запретном Дворце. А потом отравился".

— Не надо, — Джованни обнял ее: "Я здесь, любовь моя, я теперь всегда — буду здесь". Он поднял голову и внезапно улыбнулся: "Смотри, кто к нам пришел".

Наньсин забрался на ложе, и, пыхтя, полез устраиваться между ними. "Нет, милый, — ласково сказала Мэйгуй, — ты вот, тут полежи, в ногах".

Джованни взял собаку и застыл: "Я это уже когда-то делал, — медленно сказал он. "Только у нас был кот. Он тоже — все норовил между нами забраться. Я все вспомню, Мэйгуй".

mir-knigi.org

— Вспомнишь, конечно, — в лунном свете ее плечо отливало жемчугом. Джованни, устроив ее у себя в руках, попросил: "Ты тоже — поспи, я буду тебя целовать, а ты — отдыхай".

— Послушай, — Мэйгуй повернулась и посмотрела прямо на него. Черные ресницы дрогнули: "Мне нужна твоя помощь, любимый. Я должна убить императора".

Озеро было серым, предрассветным. Джованни, накрыл ее плечи шелковым одеялом: "Хорошо. Я все сделаю. Но это опасно, для тебя".

В сумраке он увидел темные тени усталости под ее глазами. Поцеловав их, Джованни добавил: "А что потом?"

— Он не назначил наследника, — Мэйгуй помолчала. Сев, прижавшись к нему, она обхватила свои девичьи, острые колени руками. "Начнется неразбериха, драка за власть, и мы сразу же ударим, — тут, в Пекине, на юге — братья отрежут каналы и в столицу не смогут доставлять продовольствие, на севере — везде.

— А потом, — девушка мечтательно посмотрела куда-то вдаль, — мы сможем жить в другой стране. Есть предание, — она быстро поднялась, шелк упал на ложе и Джованни на мгновение закрыл глаза: "Господи, какая она красавица".

Мэйгуй вернулась к нему с простой, деревянной шкатулкой в руках: "Смотри. Мои родители были христиане, это, — девушка нажала на выступ в медном замке, — крест моей матери. Вернее, ее предка. Он пришел с севера, из-за Хингкая, это большое озеро. Его все звали "князем". Отец рассказывал, что князь вырос в деревне, где все — и христиане, и буддисты, жили в мире. А потом явились люди с запада, и сожгли ее. Наверное, это легенда".

— Я там был, — Джованни осторожно коснулся креста. "Я помню. Она стояла на берегу залива. Только не помню — с кем. "Беловодье, — вспомнил он странное слово и твердо проговорил: "Не легенда".

— Иди сюда, — Мэйгуй потянулась и надела крест на его шею. "Пусть будет с тобой, милый. А это, — она махнула рукой в сторону озера, — не опасно. Я исчезну, вот и все. Искать меня не начнут, им будет не до этого".

— И что ты будешь делать? — он все смотрел на утомленное, милое лицо. Мэйгуй собрала волосы в узел и положила голову ему на колени: "Бороться дальше, что же еще? С братьями и сестрами, плечом к плечу".

— Нет, — он провел губами по белой, с выступающими косточками шее. "Ты уедешь со мной, любовь моя. Далеко-далеко. Ты ведь…, - он не закончил. Мэйгуй, услышав его шепот, холодно проговорила: "Я выпью травы, это просто".

— Нет, — Джованни поцеловал теплые волосы на виске. "Это же дитя, не надо. Мы будем вместе, и у нас будет ребенок. Дети, — улыбнулся он. "Не надо, счастье мое. Только будь со мной".

— Как хорошо, — подумала девушка, оказавшись в его объятьях. "Как спокойно. Мы сделаем с ним все, что надо, а потом — уедем. И никогда больше сюда не вернемся. Свой долг я выполню, а остальное…, - она почувствовала его большую, ласковую ладонь у себя на животе. Приникнув к нему всем телом, девушка закрыла глаза: "Я не хочу больше смертей, — сказала она себе. "Хочу жить. И он тоже, если он есть, — Мэйгуй положила свою руку поверх его, — пусть живет.

Маленький".

— И получится у нас, — тихо сказал Джованни, ведя ее руку вниз: "Веселое путешествие наложницы и монаха".

Мэйгуй открыла один большой, черный глаз и откинула одеяло. "Ты не монах, — задумчиво сказала девушка. "Нет, далеко не монах".

— И никогда им не буду, — рассмеялся Джованни, взяв ее лицо в руки, целуя чуть опухшие губы, нежные, сонные веки. "Сейчас убедишься".

Потом она встала на колени, и помогла ему одеться: "Тебя найдут, очень скоро. В Запретном Городе отопление проложено под полами, тебе принесут схему. Я отмечу на ней, в каких залах он будет, и в какое время — я уже выучила его привычки, — Мэйгуй чуть дернула губами. Джованни зло подумал: "Забрать бы ее прямо сейчас. Нет, нельзя, святые отцы могут пострадать, они мне ничего плохого не сделали".

Он наклонился и поцеловал ее в лоб: "Держи. Я, правда, не помню, что это, — Джованни посмотрел на булавку: "Но, раз я ее носил с собой все это время — значит, что-то важное. Пусть будет у тебя".

— Твои инструменты, — Мэйгуй улыбнулась. Приняв от него шкатулку, она спрятала булавку в тайник. "Я тебя люблю, милый. Иди, — она посмотрела за окно, — уже солнце встает. Тебя проведут".

Он почувствовал, как девушка прижалась к нему жарким, стройным телом. Джованни, провел ладонью по ее щеке: "Люблю тебя".

Мэйгуй заснула сразу, мгновенно, уткнувшись лицом в шелковую подушку, придвинув к себе шкатулку. Наньсин покрутился у нее под боком, лизнув руку девушки, и тоже засопел, свернувшись в клубочек.

Джованни обернулся на захлопнувшуюся калитку. Перейдя дорогу, скрывшись в роще софор, он нашел свою лошадь. Мужчина поднял голову — на востоке вставало огненное, алое солнце. Какая-то птица вспорхнула с ветки, с листьев упали капли росы. Он, наклонившись, окунув руки во влажную траву, провел ими по лицу. "Господи, — подумал Джованни, — у меня была семья. Давно, я и не помню — когда. А теперь, — он оглянулся в сторону Летнего Дворца, — ты мне дал полюбить еще раз. Спасибо, спасибо тебе".

Он потянулся, чувствуя сладкую усталость. Улыбнувшись, Джованни шепнул: "Потерпи совсем немного, счастье мое. Все будет хорошо".

Отец Амио посмотрел на священников, что сидели вокруг стола в библиотеке и погладил бороду: "Император доволен, что у нас появился инженер".

— Как появится, так и может исчезнуть, — буркнул глава миссии, принимая от отца Лорана чашку с чаем. "Его тут ничего не держит, как вы сами понимаете".

— Он, в общем, — примирительно заметил отец Франческо, — и сам не знает — откуда он родом, и где его семья, если она и была когда-то. Куда ему идти?

Отец Амио отпил чая. Иезуит задумчиво заметил, обведя рукой книги на полках: "Такому

инженеру, как он — будут рады при любом европейском дворе. Или в Новом Свете, или в Индии. Достаточно ему добраться до Кантона…, - священник пожал плечами и не закончил.

Отец Лоран вздохнул и робко проговорил: "Мы ведь не можем его насильно удерживать".

В библиотеке повисло молчание. Глава миссии, наконец, сказал: "Пока он никуда и не собирается — он строит большую модель этой тележки, каждый день ходит во дворец — работает там с местными инженерами…Отец Амио, что там слышно о наследнике — император пока не выбрал себе преемника?"

— Каждый день ходит во дворец…, - повторил иезуит и улыбнулся: "Его величество на днях возвращается в Запретный Город. Сами понимаете, для чего".

Отец Франческо непонимающе взглянул на священников. Те рассмеялись. "Вы еще не знаете здешних обычаев, — объяснил ему отец Лоран, — все важные объявления принято делать здесь, в столице. Отец Амио, неужели? — он взглянул на старика.

— Как раз месяц прошел, — развел руками тот, — думаю, со дня на день страна услышит радостные новости. Должен сказать, — он налил себе еще чая, — я еще не видел его величество таким счастливым. Думаю, нас ожидает удачный год. Отец Лоран, вас, наверняка, потом позовут во дворец. Вы же знаете, император, — отец Амио вдохнул запах жасмина, — прислушивается к мнению наших врачей.

— И очень хорошо, — заключил отец Франческо. "Вообще, господа, нам надо помнить — все испытания, через которые сейчас проходит орден, — это просто горнило, которое посылает Господь, чтобы проверить нашу стойкость. Я, как посланник его Святейшества, буду рад уверить его в том, что здесь, в Китае — орден крепок, как никогда".

— К вящей славе Господней — эхом пронеслось по комнате. В открытое окно виднелся закат, что играл над Запретным Городом. Отец Франческо откинулсяна спинку большого кресла: "Да, все это — преходящее. У нас есть здешний император, есть императрица Екатерина — отец Корвино очень вовремя стал, как бы это сказать, ее фаворитом. Все будет хорошо".

Джованни проснулся. Не открывая глаз, он пошарил рядом с собой пальцами. "Скоро, — сказал себе он, вздохнув, вспоминая свой сон. "Совсем скоро мы будем вместе".

Он поднялся. Умывшись, надев халат, Джованни порылся в кипе бумаг на столе. Чертежи лежали в самой середине, в запыленной папке, которая ничем не отличалась от других.

Джованни нашел их вечером, вернувшись из Летнего Дворца, все еще ощущая рядом сладкий, кружащий голову аромат розы.

Они могли только писать друг другу — каждый раз, когда он приходил во дворец, та смуглая девушка со строгой прической ухитрялась подстеречь его где-то и сунуть в руку клочок бумаги.

— Сожги, любовь моя, — увидел он строки в конце самой первой записки, и повиновался. Проследив глазами за легким дымком, он подумал: "Когда мы поженимся, мы никогда больше не будем расставаться, обещаю. Ни на мгновение".

Джованни свернул чертежи. Взяв свечу, ступая на цыпочках, он спустился вниз. Дверь передней была открыта. Он, вдохнув свежий ветер, вышел в сад.

Его уже ждали. Невысокий, худощавый человек в темном халате оторвался от ствола дерева. Приняв чертежи, китаец показал рукой за ограду.

Джованни увидел неясные очертания лодки на озере. "Правильно, — подумал он, наблюдая за тем, как незнакомец ловко справляется с замком на воротах миссии, — лучше чтобы я сам все сделал. Поджечь порох дело нехитрое, а вот возиться с трубами лучше мне".

Лодка заскользила по водной глади. Джованни, подняв воротник халата, посмотрел на ров, что окружал Запретный Город.

— Через стену не перебраться, нечего и думать, — вздохнул мужчина и вздрогнул — китаец указывал куда-то вниз, в темное пространство воды. Джованни перекрестился: "Ну, так тому и быть".

Они долго ползли по бесконечному, пахнущему сыростью пространству. Джованни, вспоминая схему, считал повороты. "В самом сердце дворца — понял он. "Правильно, Мэйгуй же говорила — тут бассейн, с подогретой водой. А вот и трубы, которые его питают".

Китаец, чиркнув кресалом, зажег свечу. Джованни поморщился — из углов раздавался писк крыс.

— Вот тут, — он посмотрел наверх, на каменные своды подвала, и показал китайцу на земляной пол, очертив пальцем круг. Тот кивнул. Джованни увидел скрытый, еле заметный огонь в непроницаемых, черных глазах. Джованни вспомнил свои расчеты. Он оказал китайцу раскрытые ладони — десять раз.

— Сто фунтов пороха, — Джованни осторожно прикоснулся к трубам. "Тут все закипит, сразу же. Сейчас полы не подогревают, лето на дворе. Мэйгуй мне написала, что не стоит рисковать — печи затушены, а разжигать их — слишком опасно. Ничего, мы и так справимся. Пусть потом ломают голову — почему это вдруг в бассейне вода закипела. Даже если будет взрыв — ничего страшного. Спишут на то, что трубы не выдержали напора. Все-таки, — он, на мгновение застыл, — за паром будущее. Он сможет двигать не то, что тележку — а огромные механизмы. Для перевозки людей, например".

Китаец потрогал его за плечо и коротко сказал: "Халкьен".

— Послезавтра, — понял Джованни. Похлопав рабочего по плечу, он улыбнулся.

Отец Амио еще раз осмотрел скромную каморку с распятием на стене, убранную постель, заваленный книгами и бумагами стол. Присев в кресло, погладив седую бороду, он вздохнул.

— Странно, — подумал иезуит, — он головой рисковал из-за этой булавки, а теперь и не носит ее. И здесь ее нет — во всяком случае, я не нашел. Да я вообще ничего не нашел, пора и уходить — светает скоро, не ровен час, он решит пораньше из Дворца вернуться. Нет, — священник встал, — ничего подозрительного. У отца Альфонсо просто мания какая-то — всех проверять. Хотя так безопасней, конечно.

Иезуит обвел взглядом комнату: "Следов я, конечно не оставил, он ни о чем не догадается". Он провел рукой по корешкам книг: "Тут тоже — ничего запрещенного, одна математика и астрономия".

Наклонившись к столу, отец Амио наугад раскрыл одну из тетрадей и отпрянул — на полях,

рядом с чертежом машины Вербиста была искусно нарисована еще не распустившаяся, маленькая, скромная роза.

— Любовь моя, — прочел иезуит неуверенно написанные иероглифы. Священник пробормотал: "Вот оно значит, как. Ну что ж — остается только исправить свою ошибку".

Император посмотрел на планы, что лежали перед ним. Подняв голову, он увидел бесстрастное лицо Хушэня.

— Хорошо, — Хунли потрещал пальцами. "Пусть начинают ремонт. Я не хочу, чтобы она носила ребенка здесь, в столице. Слишком много завистливых глаз, слишком много баб, — он скривился, — да и вообще, — людно, шумно. Пусть живет в уединении, под присмотром врачей. Я к ней буду приезжать".

Из раскрытого окна тянуло вечерней прохладой. Хунли поднялся и вышел в пустынный, тихий сад. Мэйгуй сидела на мраморной скамье, держа на коленях собачку, что-то говоря — ласково, нежно. Рядом — Хунли пригляделся, — стояла маленькая игрушка — эмалевый, изукрашенный драгоценностями, дракон.

— На подушке сидит, — подумал император. "Надо, чтобы она зашла в комнаты — май на дворе, все же ветрено".

— Завтра я сделаю официальное объявление о беременности благородной дамы Мэйгуй, — не поворачиваясь, сказал император. "Пока для двора. В конце лета разошлем гонцов в провинции. Я хочу, чтобы страна порадовалась".

Хушэнь низко поклонился. Разглядывая прямую, жесткую спину императора, чиновник подумал: "Правильно, пусть он ее держит вдалеке. С завтрашнего дня я за ее жизнь и ломаного гроша не дам. У нас сейчас нет императрицы. Госпожа Дун надеялась, что ее возведут в ранг, в прошлом году, но у нее родилась девочка.

— Если у этой — он посмотрел на красивый профиль Мэйгуй, — появится здоровый сын, то она непременно станет императрицей. Дун взбесится, конечно. Она чистая маньчжурка, но что, же делать, если у нее из всех детей выжила одна дочь. Да и ей тридцать лет уже. А этой семнадцать, никакого сравнения. Мэйгуй еще десятерых родит, успеет".

— Подготовь указ, — велел Хунли, все еще глядя в сад. "Я хочу, чтобы госпоже Мэйгуй было выделено имение, на случай моей смерти. Имение и денежное содержание".

Хушэнь посмотрел на длинные, сухие пальцы императора, что лежали на рукояти кинжала: "Ваше величество, даже в случае, если она не принесет ребенка?"

— Ты, кажется, оглох, — кисло ответил Хунли. Он усмехнулся, повернувшись к чиновнику. "Если у госпожи Мэйгуй не будет детей, моим наследником станет Юнъянь. Вряд ли он будет заботиться о бывшей наложнице своего отца. Все, принеси мне бумаги завтра с утра. Более пусть мне никто не мешает".

Хунли спустился по ступеням. Хэшень, собирая папки, вздохнул: "Кто же знал, что она так ему по душе придется? Хотя, конечно, ее отец только и делал, что высмеивал его величество. Понятно, почему император так хотел заполучить ее в гарем. Хоть после смерти, а унизить Ли Фэньюя. Посмотрим, может, она еще и выкинет".

mir-knigi.org

Он подхватил бумаги под мышку и бросил взгляд в сад — Мэйгуй сидела, сложив руки на коленях. Девушка, опустив голову, внимательно слушала императора.

Хунли улыбнулся, глядя на то, как игрушечный дракон машет крыльями. "Я рад, что ты не скучала в мое отсутствие, — он погладил склоненную, белую шею Мэйгуй. "Врачи говорят, что все хорошо, но я велел перевезти тебя в более уединенное место".

— Обратно в Летний Дворец, мой господин? — тихо спросила Мэйгуй.

— Нет, — император подобрал палочку и бросил ее в конец, выложенной мраморной крошкой дорожки. Наньсин пошевелился. Укоризненно посмотрев на Хунли, песик, медленно, переваливаясь, пошел за палкой.

Император расхохотался: "Нет. У меня есть дворец на юге, в трех днях пути отсюда. Я сейчас приказал привести его в порядок. Поедешь туда, на следующей неделе. Там же и будешь рожать".

— На следующей неделе ты будешь уже мертв, — холодно подумала Мэйгуй, так и не поднимая головы. "Я буду скучать о вас, — она взяла в руки дракона. "Надеюсь, вы сможете меня навещать, хотя бы иногда".

— Разумеется, — Хунли поднялся. "Врачи против того, чтобы ты грустила, так что, — император полюбовался цветущими розами, — я буду приезжать к тебе. Возьми с собой евнухов, книги, твое эрху...,- он повел рукой. Наклонившись, взяв палочку, что Наньсин положил к его ногам, он добавил: "И его тоже, конечно. Завтра переночуешь со мной, в шатре".

— Врачи же говорят..., - девушка мгновенно, ярко покраснела.

— Я слышал, — ворчливо ответил Хунли, погладив седоватую бороду. "Сделаешь то, чему я тебя учил, это можно. Все, — он поднялся, — возвращайся к себе, уже роса выпала".

Он проводил глазами стройную спину в расшитом, узком халате: "До следующего лета придется потерпеть, обойтись теми, кто уже есть в гареме. Надо будет заранее найти несколько здоровых кормилиц. Мэйгуй пусть рожает дальше".

Девушка уходила, прижимая к груди дракона. Остановившись, поцеловав его поднятую, с рубиновыми глазами, голову, Мэйгуй сказала себе: "Ты ведь хотела — просто с ним переспать, а потом послать его на смерть. И святые отцы тоже — если все откроется, их казнят. Хунли не будет разбираться, кто виновен, а кто — нет. Но нельзя оставлять начатое, Братство мне этого не простит. Сестра, что меня причесывает — не колеблясь, отравит меня. И вообще, — она вдруг улыбнулась, — о чем это я? У нас дитя, все хорошо, а когда этот умрет — мы уедем в Кантон. Будет неразбериха, нас не поймают".

Мэйгуй подставила лицо лучам нежного, заходящего солнца. Она застыла, слушая пение птиц. Над распустившимися розами жужжали пчелы, едва заметные волны набегали на плоский берег озера. Девушка, посмотрев на темно-синюю гладь, вспомнила: "Остерегайтесь воды".

— Все это ерунда, — она оглянулась на закрытые окна дворца. Сбросив туфли, подняв полы халата, Мэйгуй зашла по щиколотку в воду. "Я никогда не видела моря, — поняла девушка. "Джованни рассказывал — оно огромное, без конца и края. Надо будет плыть на корабле, долго. Но ведь он будет со мной, а с ним я ничего не боюсь. Господи, скорей бы".

Уже у себя в покоях, вынимая шпильки из волос, она посмотрелась в ручное, оправленное в

серебро зеркальце. "Еще и не заметно ничего, — хмыкнула Мэйгуй, разглядывая свой живот, и вспомнила: "Завтра переночуешь со мной, в шатре".

— Я даже записку не могу послать, — она все вертела в руках шпильку. "Это опасно, никого не выпускают за ворота. Нельзя откладывать, все готово. Ничего, — девушка, открыв тайник в шкатулке, ласково прикоснулась пальцем к золотой булавке. "Он меня зовет только к полуночи, а к тому времени все будет закончено".

Мэйгуй надела простой халат серого шелка. Распустив волосы по плечам, она взяла поднос с ужином. Отдельно, на фарфоровом блюдце, лежали пилюли из трав.

— Пошли, — свистнула она Наньсину. Устроившись на подушке, смотря на закатное солнце, что висело над стеной сада, девушка налила себе чая.

— В январе, — посчитала Мэйгуй на пальцах. "В январе мы уже будем далеко отсюда, милый". Она потрепала собаку по голове. Положив перед ним кусочки вареной курицы, Мэйгуй с аппетитом начала есть.

Джованни лежал на животе, подперев голову руками, разглядывая аккуратную пирамиду мешков с порохом. "Сначала уголь, — подумал он, — он будет медленно нагревать воду в трубах, только в этом месте. Солнце отлично светит. Тот медный резервуар, что я видел в служебном дворе — он и так теплый. Вода в бассейне будет постепенно все более горячей, но не так, чтобы вызвать подозрение. А потом в ход пойдет порох".

Китаец потрогал его за плечо. Рабочий указал на пропитанный горючим составом шнур, что уходил куда-то в недра подвала.

Он поднес свечу к веревке. Джованни сварливо заметил: "Разумеется, дурак будет тот, кто тут останется. Тут же все, — он показал руками, — может на воздух взлететь, надо поджигать издали".

Вдвоем с китайцем они насыпали углей в медную жаровню и установили ее прямо под трубами.

Рабочий достал из-за пазухи халата глиняную бутылку. Джованни, щедро полив угли жидкостью, велел: "Давай свечу".

Пламя весело взвилось вверх, а потом опало. Джованни посмотрел на тлеющие угли, и услышал голос рабочего: "Завтра ночью".

— Да, — улыбнулся мужчина, — завтра ночью она станет свободной. Станет моей. Сразу уедем, в столице начнется хаос, лучше вообще пропасть из виду. Тысяча миль до Кантона. Ничего, до конца лета доберемся. Вот только куда плыть? В Италию, наверное, или во Францию — других языков-то я не знаю".

Он почувствовал жар углей, — совсем рядом с собой, и еще раз повторил: "Завтра".

Мэйгуй стояла на коленях, опустив голову, раздвинув ноги, чувствуя твердую руку императора. Она чуть застонала. Хунли, придерживая ее затылок, рассмеялся: "Молодец, не останавливайся".

mir-knigi.org

— Надо уйти, — подумала девушка. "Почему он позвал меня раньше? Что-то подозревает? Невозможно, никто ничего не знает. А как уйти? Он хочет, чтобы я тут переночевала, чтобы с утра была под рукой. Скажу, что мне надо принять снадобье, перед сном. Так хорошо, он меня отпустит. Господи, ну скорей бы уже все закончилось".

Хунли сжал зубы. Откинув голову, слыша, как давится девушка, император улыбнулся. В дверь покоев кто-то поскребся. Он, тяжело дыша, поднимаясь, посмотрел на Мэйгуй. Та сглотнула. Оставаясь на коленях, она робко сказала: "Мне надо выпить пилюли, мой господин, они у меня в покоях. Перед сном".

Хунли откинул полог шатра и зашел в бассейн: "Какая вода горячая. Конечно, день был солнечный".

— А кто сказал, что ты будешь спать? — хохотнул он, вытираясь, надевая халат. "Иди сюда, поможешь мне".

Мэйгуй завязала ему пояс. Хунли погладил ее по голове: "Я сейчас вернусь. Уж не знаю, что там случилось, на ночь глядя. Вернусь, и продолжим. Потом велю принести твои пилюли. Я тебя закрою, — он показал ей ключ, — ложись и отдыхай, жди меня".

— Нет, — хотела крикнуть Мэйгуй, но Хунли уже запирал бронзовые, высокие двери.

Девушка подняла голову вверх — раздвижной потолок был закрыт. "Тут ни одного окна, — обреченно подумала она, разглядывая резные стены. "Ничего, я сейчас постучу. В конце концов, скажу ему, что мне стало страшно, привиделось что-то".

Вода в бассейне чуть заметно бурлила, от нее поднимался белый, густой пар.

Хэшень ждал его в раззолоченном коридоре, низко склонив голову, сложив пухлые ладони на груди.

— Я бы никогда не посмел, ваше величество, — забормотал чиновник, искоса глядя на недовольное лицо императора, — но там поймали рабочего…

— С фарфоровой табакеркой в кармане? — ядовито осведомился Хунли. "Пусть отрубят ему руку. Не надо меня беспокоить из-за каждого вора, Хушэнь".

— У него была бутылка с горючей жидкостью, ваше величество, — осторожно ответил Хушэнь. "Он из тех рабочих, что занимаются отоплением и уборкой нечистот. Однако скоро лето, печи были затушены еще месяц назад".

Хунли тяжело вздохнул: "Ладно, пойдем, я его спрошу — зачем он болтается по дворцу с такой ношей".

Император обернулся на запертые двери внутреннего двора: "Конечно, никакого сравнения с первым разом. Не зря я ее учил. Вернусь — до утра у меня на коленях простоит".

Он потер руками лицо: "Пусть чаю, что ли, принесут, раз уж ты меня поднял с ложа, Хушэнь. Рабочий этот где — в твоем кабинете?"

Чиновник подобострастно кивнул, и они ушли, — Хушэнь на шаг сзади, — по широкому, пустынному коридору, с отполированным, блестящим полом.

Хунли подождал, пока чиновник откинет шелковый полог и шагнул в комнату. Невысокий, худощавый мужчина в темном халате стоял, опустив глаза, держа перед собой связанные руки.

Император посмотрел на глиняную бутылку, что поднес ему Хушэнь. Наклонившись, понюхав, резко он спросил у рабочего: "Зачем тебе это?"

— Разжигать печи, ваше величество, — услышал Хунли тихий голос. Достав из-за пояса кинжал, приставив его к смуглой шее, император зловеще заметил: "Печи уже месяц, как потушены, о чем ты должен знать. Ответь мне еще раз — для чего тебе нужна была эта бутылка?".

— Надо, чтобы он вернулся в свой шатер, — подумал китаец. "Прямо сейчас, нельзя тянуть. Огонь скоро доберется до пороха".

Он вскинул черные, узкие глаза. Сделав одно быстрое, неуловимое движение, дернув шеей, рабочий покачнулся и упал.

Хунли брезгливо поморщился. Глядя на алый фонтан, бьющий из перерезанной артерии, повернувшись к Хушэню, он приказал: "Приберите тут". Китаец сполз вниз, в расплывающуюся на шелковом ковре темную лужу.

Хунли пнул его в висок: "Проверить все. Где он жил, где ел, где его семья, с кем и о чем он разговаривал. Чтобы послезавтра я знал о нем больше, чем его родная мать". Он посмотрел на свой испачканный рукав:

— А ты говорил, Хушэнь, что "Красное солнце" — это выдумки. Как видишь, — он указал на труп, — никакие не выдумки. Принесите мне что-нибудь переодеться, — велел Хунли евнухам, — не могу же я расхаживать по дворцу в окровавленном халате.

— Ваше величество, — осторожно сказал Хушэнь, когда евнухи ушли, — может быть, это одиночка…

Хунли присел на край резного стола и налил себе чаю.

— Хорошо заварен, — заметил он, вдыхая легкий аромат. "Нет, Хушэнь, я чувствую — "Красное солнце" тут, во дворце". Он погладил бороду и проворчал: "Зато мы теперь это знаем, и нам будет легче. Полетят головы, — Хунли присвистнул, и посмотрел на бледное, бескровное лицо трупа: "Как и "Белый лотос" — тоже предпочитают смерть пыткам. В этом я с ними согласен".

Отец Амио вышел из дворцовой библиотеки, и, спустившись в темный, безлюдный сад, нырнул в центральный павильон: "А ведь Джованни молод. Он может совершить какую-нибудь глупость. Тогда мы все ляжем на плаху — император никого не простит. Отправить бы его отсюда подальше, чтобы он не видел эту наложницу — но как? Да и не поедет он никуда, раз влюблен, — хмыкнул иезуит, — себя, что ли, не помнишь в двадцать пять лет?"

Священник вышел в безлюдный коридор и вздрогнул — из-под бронзовых дверей внутреннего двора выливалась горячая вода, над полом стоял легкий пар.

Он услышал стук и отчаянный, девичий голос: "Пожалуйста, кто-нибудь! Это госпожа Мэйгуй, я тут одна, позовите его величество! Быстро!"

Отец Амио вздохнул и перекрестился. Подняв сутану, он поспешил к выходу из павильона. "Пожалуйста! — бился ему в спину крик — высокий, протяжный. "Кто-нибудь, пожалуйста!"

Священник, не оборачиваясь, распахнул двери. Он исчез в ночной прохладе, торопясь к пристани на канале, где была привязана его лодка.

Хунли скинул окровавленный халат. Ожидая пока евнух завяжет ему пояс, император поднял голову вверх. "В этом крыле, Хушэнь, — заметил он сварливо, — крысы уже не только в подвалах бегают, но и на чердаке — тоже. У тебя какая-то труха с потолка сыпется, сам посмотри".

— Ваше величество…, - начал чиновник, но тут деревянные стены затряслись и они услышали грохот взрыва.

Отец Лоран поклонился китайскому врачу, что ждал его у двери покоев. Тот развел руками: "Зайдите к ней, конечно, уважаемый господин, но по нашему мнению — надежды нет".

В комнате пахло травами и, — тяжело, давяще, — горелым мясом. Священник посмотрел на закутанную в тончайший шелк худенькую фигурку, что вытянулась на ложе. В углу комнаты, не двигаясь, уткнув нос в лапы, не поднимая головы, лежала маленькая собачка.

— Кипящая вода, — вспомнил иезуит, осторожно садясь рядом. "А потом — пожар, весь внутренний двор выгорел. Ее нашли в подвале, пол провалился. И она уже выкинула, еще третьего дня. Господи, да как она еще живет?"

Обожженные, распухшие губы задвигались в прорези повязок. "Не надо, милая, — наклонился отец Лоран к девушке. "Не говорите, вы вдохнули раскаленный пар, вам больно".

— Шкатулка, — услышал он шелестящий голос, — пожалуйста…

Отец Лоран обернулся и увидел простую деревянную шкатулку, что стояла на золоченом, лакированном, с рисунками птиц и цветов, комоде.

— Нажмите на выступ в замке, — ее глаза были скрыты шелком, и отец Лоран подумал: "Еще и ослепла. Нет, конечно, зачем так мучиться? Но она даже отвар опиума не сможет проглотить — у нее все горло сожжено".

Он провел пальцами по медному замку и вздрогнул — тайник открылся. Отец Лоран посмотрел на тусклый блеск золотой булавки. Наклонившись к Мэйгуй, священник прикоснулся губами к высокому, окутанному шелком лбу.

— Я передам, милая, — иезуит почувствовал смертельный, лихорадочный жар ее тела. "Все передам".

— Скажите…, - услышал он дуновение ее голоса. Потом она застыла, впав в забытье. Отец Лоран, спрятав булавку, вышел из комнаты.

Император стоял, прислонившись к укрытой шелковыми панелями стене, рассеянно слушая врачей.

Отец Лоран низко поклонился. Не поднимая глаз, священник проговорил: "Ваше величество, я согласен с моими уважаемыми коллегами — никакой надежды нет. Это просто вопрос времени, а благородная дама Мэйгуй очень страдает…"

— Ну, так дайте ей опиума! — раздраженно сказал Хунли. Под глазами императора залегли

темные тени. Священник чуть слышно вздохнул: "Говорят, он приказал отрубить головы всем дворцовым рабочим. Просто так, на всякий случай".

— Ваше величество, — подобострастно ответил один из дворцовых врачей, — благородная дама не в силах проглотить отвар, к сожалению…

— Почему я все должен делать сам? — зло подумал Хунли. Нащупав в кармане халата кожаный шнурок, отстранив врачей, он шагнул в комнату, захлопнув за собой дверь.

Он наклонился над Мэйгуй. Вздохнув, пропустив под забинтованной шеей шнурок, император резко затянул его.

Они шли по берегу моря — огромного, уходящего вдаль, ясно-синего. Под ногами был теплый, белый песок. Мэйгуй, остановившись, почувствовала детскую ладошку, что сжимала ее руку. Мальчик был похож на отца — с темными, большими, ласковыми глазами. Чуть вьющиеся волосы шевелил ветер.

— Папа, — сказал ребенок, указывая на горизонт. "Там папа. Пойдем, мамочка". Сын потянул ее к воде. "Пусть плывет, — Мэйгуй приставила к глазам ладонь. Паруса корабля исчезали в полуденном, жарком сиянии солнца. "Пусть будет счастлив, мой любимый".

— Нам дальше, маленький, — Мэйгуй улыбнулась. "Нам с тобой дальше". Они пошли вдоль кромки прибоя, постепенно растворяясь в дрожащем воздухе. Ласковая вода, набегая на берег, размывала их следы.

В церкви было полутемно. Отец Лоран не сразу увидел человека, что стоял на коленях перед распятием, в боковом притворе.

Пахло воском. Священник, чуть шурша сутаной, наклонился над ним, мягко тронув за плечо. Джованни даже не почувствовал его прикосновения.

— Это все я виноват, я, — думал он, опустив голову в руки, не в силах посмотреть на фигуру Спасителя, в терновом венце. "Я должен был все остановить, спасти ее. Господи, пусть Мэйгуй выживет, я прошу тебя, пожалуйста. Накажи меня, отбери у меня память. Пусть я умру, но пусть она будет жива".

Он поднял постаревшее, с заплаканными глазами лицо и отпрянул — на ладони отца Лорана лежала золотая булавка с циркулем и наугольником.

Иезуит перекрестился: "Господи, дай ей вечный покой в сени присутствия твоего. Отец Амио говорил мне, что ее родители были христиане. Я отслужу по ней мессу".

Джованни прикоснулся губами к золотому крестику у себя на шее. Забрав булавку, не вытирая слез с лица, он спросил: "Отец Лоран…, Она не страдала?"

— Она очень страдала, — сухо ответил иезуит. "У нее было обожжено все тело, она умерла в мучениях".

Священник ушел к алтарю. Джованни, зажав в руке булавку, чувствуя, как колет она ладонь, прошептал: "Господи, ну как мне искупить мои грехи, как? Я ведь сам, своими руками…, - он опустил голову и заплакал — тихо, горестно. Он повторял, знакомые слова поминальной мессы. Шепча: "Requiem ?ternam dona ei, Domine, et lux perpetua luceat ei", Джованни вспомнил чей-то

далекий голос: "Обещаете ли вы жить в христианской вере, по милости Господней?"

— Обещаю, — тихо сказал Джованни. "Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa. Господи, даруй ей место с праведниками в своем раю, жизнь вечную. Нет мне прощения, — он застыл, положив ладонь на крест. Дверь церкви отворилась, пламя свечей затрепетало. Он, подняв голову, вглядываясь в измученное лицо Иисуса, услышал: "Есть".

Дворцовое кладбище — на склоне холма, над озером, смотрело на восток. Хунли постоял над свежей могилой. Обернувшись к Хушэню, император велел: "Пусть здесь сделают скамейку и посадят кусты роз, в ее память".

— А что…, - Хушэнь кивнул в сторону молодого евнуха. Юноша держал сверток, закутанный в белый шелк. "Только сегодня нашли, ваше величество. Он забился в угол, и не выходил оттуда все эти дни".

— Тут же и похороните, рядом, — император внимательно посмотрел на евнуха: "Что-то я тебя не помню".

— Я из Южного Дворца, ваше величество, — евнух опустился на колени и припал лицом к свежей, зеленой траве. "Меня прислали помочь с переездом благородной госпожи, и вот…, - он не закончил. Хунли рассеянно сказал: "Ну, хорошо. Раз так — оставайся здесь, нет смысла ездить туда-сюда. Пойдем, Хушэнь, нам надо обсудить — где еще во дворце могут прятаться эти, из "Красного солнца".

Евнух так и застыл в поклоне. Когда император скрылся из виду, он, вздохнув, взял заступ и посмотрел на блестящую гладь озера.

Опустив сверток в яму, юноша, засыпал ее. Он постоял несколько мгновений, шевеля губами. "Прощай, сестра, — сказал он, наконец. Взглянув на едва видные, вдалеке, крыши Запретного Города, евнух добавил: "Мы будем бороться дальше".

Отряхнув руки, юноша стал медленно спускаться по ухоженным дорожкам к резным воротам кладбища.

— Ножницы, пожалуйста, отец Альфонсо, — мягко попросил отец Амио. Он поднял прядь темных, вьющихся волос: "Только начали отрастать. Ничего, все к лучшему, к лучшему".

Джованни почувствовал, как падают волосы на его прикрытые коричневой рясой плечи. Он стоял на коленях, опустив голову, скрывая слезы, перебирая простые, деревянные четки.

— Обещаешь ли ты хранить вечный обет безбрачия? — спросил отец Амио, держа перед ним распятие.

— Обещаю, — ответил Джованни.

— Обещаешь ли ты хранить вечный обет бедности? — услышал он ласковый голос иезуита.

— Обещаю, — мужчина вытер лицо рукавом рясы.

— Обещаешь ли ты хранить вечный обет послушания? — отец Амио поднес распятие к его губам.

— Обещаю, — сказал Джованни… Опустив остриженную голову в большие ладони, он замолчал, вздрагивая всем телом. Отец Амио перекрестил его. Возложив руки на голову, иезуит проговорил: "O Bone Jesu, libera nos a peccatis nostris".

— Прости мне мои грехи, — повторил Джованни. Прижимая к губам распятие, он прошептал: "Аминь".

Эпилог

Раммельсберг, Нижняя Саксония, лето 1776 года

Деревянная клеть медленно шла наверх. Федор вскинул руки, разминая уставшие плечи. Он тихо сказал старшему мастеру шахты, Клаусу Рабе, что стоял рядом с ним, рассматривая чертеж новой штольни: "Вы как хотите, герр Рабе, а надо тот участок, — он махнул рукой в черную пропасть, — оштрафовать. Крепления никуда не годятся, вы сами видели".

Рабе поднял некрасивое, смуглое, с длинным носом и большими ушами лицо. Задрав темноволосую голову, — он был много ниже Федора, мужина хмыкнул: "Сами же знаете, герр Теодор, за установку креплений им платят меньше, чем за фунт руды. Вот они и торопятся".

— Торопятся, — Федор выругался. "Потом будем трупы вытаскивать. У них там десяток шахтеров на участке. Вы же едете, завтра в Гослар, в рудничную контору. Поговорите с ними, чтобы платили больше денег за крепления".

— Попробую, — вздохнул Рабе, и упер палец в чертеж: "Надо уже начинать дальше пробиваться, герр Теодор. Мы же с вами оба чуем — там хороший пласт лежит".

Веревки заскрипели. Федор, ловко шагнув из клети, похлопал по плечу ближайшего рудокопа: "Gluckauf!"

— Удачи, — повторил Рабе. Они, стоя на краю шахты, проводили взглядами вечернюю смену.

Все вокруг было покрыто серой, привычной пылью. Федор, вытерев лицо рукавом холщовой, пропотевшей куртки, забрал у Рабе чертежи: "Сейчас посижу, рассчитаю — сколько нам пороха понадобится, и на лесопилку надо зайти. В новой штольне, герр Рабе, сразу хорошие крепления поставим".

Они вышли из ворот, и направились вниз, по вьющейся среди елей и сосен дороге. У подножия горы поблескивал рудничный пруд. Рабе приостановился: "Скоро костры будут жечь, герр Теодор, Иванов день. У вас в России тоже его отмечают?"

— А как же, — Федор улыбнулся. "Вы мне скажите, герр Рабе, вы ведь на немца и не похожи, на итальянца, скорее".

Клаус рассмеялся. "Уж не знаю. Мы тут полтора века, в этих горах. Отец говорил — вроде из Англии наш предок приехал, тоже инженером был, как и вы. А у вас сегодня, что на обед?"

— Позавчерашний суп, — буркнул Федор, — сами знаете, у вдовы Беккер только пиво всегда свежее, а еда, — он ухмыльнулся, — не очень.

Они прошли мимо пруда, — босоногие мальчишки носились по воде, мимо башни с черепичной крышей, что возвышалась у лесопилки. Федор, подал руку Рабе: "Удачи вам там, в конторе, поругайтесь с ними как следует. Я сюда заверну, поговорю насчет леса".

— Приходите к нам обедать, герр Теодор, — улыбнулся Рабе. "Фрау Маргарита с утра сосиски с картошкой обещала, и кислая капуста у нас есть. Заодно посидим, я вам с этим — Рабе указал на чертежи, — помогу".

— Спасибо вам, — Федор покраснел и мастер подумал: "Так жалко его. Молодой, мой ровесник, а уже вдовец. Пусть хоть домашний обед, поест. Разве в трактире так накормят, как моя Маргарита готовит?"

— Тут дела закончу, переоденусь, — Федор смешливо подергал полу куртки, — и приду, герр Рабе. Мастер набил трубку и затянулся: "Шнапс у меня есть, хороший. Чего вам одному сидеть, да и шумно в трактире, не поработаешь, как следует".

Федор вдохнул ароматный дым: "Как будто вам рудничной гари не хватает, герр Рабе, тут у шахтеров наверняка — все легкие в свинцовой пыли".

— Не поверите, герр Теодор, когда меня тем годом завалило, — Рабе расхохотался, — больше всего жалел, что трубку с табаком под землю не взял.

— Рудничный газ, — Федор поднял бровь. "Тут его немного, конечно, шахта не угольная, но все равно…, Идите уже, — ласково подтолкнул он Рабе в плечо, — вы же пару месяцев, как повенчались, не след надолго молодую жену оставлять".

Он посмотрел на выпачканную серой пылью куртку Рабе, и, пробормотав: "Крепления, черт бы их подрал, — зашел во двор лесопилки.

Рабе аккуратно поставил рабочие, растоптанные башмаки у порога. Мастер крикнул: "Я пришел!".

— Сразу мыться! — раздался из комнат нежный голос жены. "Сейчас принесу лохань, ты иди в сарай".

Он прошел мимо клумб с цветущими розами, заглянул в курятник — внутри было чисто, в соломе стояла плетеная корзинка с яйцами. Скинув на пороге сарая грязную одежду, мужчина с наслаждением потянулся.

— Почти полмили вниз, — подумал Рабе, открывая дверь, забирая у Маргариты лохань с водой, — и потом еще две мили направо. Как назло, самый дальний участок и такие плохие крепления. Ничего, вернусь из конторы, сам туда схожу и как следует, поругаюсь с Большим Фридрихом. Пусть все заново ставят. А руда там, как на грех, богатая, одна из лучших штолен.

Он поднес к губам руку Маргариты, что намыливала ему голову: "Твой дядя, если не переделает крепления — рискует головой. Не только своей, но и всей бригады".

Жена вздохнула, и, зачерпнув чистой, теплой воды, смыла грубое мыло: "Сам знаешь, моему дяде — хоть кол на голове теши. Он до сих пор ворчит, что незачем руду в клети поднимать, можно как в старые времена — по лестницам карабкаться. Теперь, мол, детей к делу не пристроить, денег не зарабатывают".

— Я сам так начинал, — Рабе все сидел с закрытыми глазами, — сорок фунтов руды в корзинку за плечами, и дуй наверх. А потом вагонетки толкал, ты помнишь.

Маргарита развернула холщовую простыню, и вытерла его: "Когда ты вагонетки толкал, я еще

в пеленках была. Зато потом помню, — она наклонилась и поцеловала его в лоб, — когда ты из рудничного училища приехал, я тогда в сортировочной работала. Тринадцать лет мне было, и я в тебя сразу влюбилась.

— Рассказывай, — Клаус нежно коснулся белой щеки. "Ты у меня такая красавица, никогда не поверю".

Косы темного золота, прикрытые чепцом, качнулись, Маргарита прикрыла синие глаза: "Истинная, правда, Рабе, вот чем хочешь, поклянусь. А почему, если вы клеть поставили, в шахте до сих пор лестницы есть?"

— Мало ли, — Клаус стал одеваться. "Вдруг пожар, вдруг водяное колесо сломается, да что угодно. Пусть будут, никому не мешают. Я сегодня герра Теодора на обед пригласил, помнишь, я тебе говорил о нем?"

— Русский, — Маргарита нахмурила белый лоб. "Он ведь инженер?"

— В Гейдельберге учился, — Рабе вытащил лохань во двор и вылил грязную воду в облицованную камнем канаву.

— Хорошо как! — сказала жена, застыв с корзинкой яиц в руках. Над горами Гарца садилось солнце, верхушки деревьев играли изумрудной, чистой зеленью, дул свежий, прохладный ветерок. Рабе, пригладив короткие, еще влажные волосы, привстав на цыпочки — Маргарита была выше, — поцеловал ее в щеку.

— Хорошо, — согласился он, и выглянул за ворота: "Герр Теодор, у нас тоже пиво есть".

— Все равно, — смешливо отозвался Федор, держа в руках глиняный кувшин, — вдова Беккер меня с пустыми руками к вам бы не отправила.

— Фрау Маргарита, моя жена, — нежно сказал Рабе. Она вскинула глаза: "Господи, какой высокий, огромный, как медведь. И глаза — совсем голубые, как небо. Красавец, какой".

— Милости просим, — Маргарита попыталась улыбнуться. Девушка почувствовала, как дрожит у нее голос. "Заходите, пожалуйста, на стол я уже накрыла".

Мужчины прошли в дом. Она все стояла, опустив корзинку на землю, прижав ладони к пылающим щекам.

— Очень вкусно, фрау Маргарита, — Федор передал ей тарелку. "А вы тоже — из старой семьи рудокопов, мне герр Клаус рассказывал?"

— Да, — девушка сложила грязную посуду в деревянное ведро. Смахнув крошки со стола гусиным пером, Маргарита весело добавила: "Сейчас будет кофе и пирог с изюмом!"

— Марья так же делала, — с болью в сердце, подумал Федор, провожая глазами изящную спину в темном, скромном платье. "Тоже так крошки смахивала. Только Марья маленькая была, а эта — вон какая высокая, мужа на голову выше".

Маргарита внесла кофейник. Расставив на столе чашки, девушка улыбнулась: "Можете курить, и обсуждать свои чертежи, я же вижу — вам не терпится".

Рабе незаметно, под столом, погладил ее ногу. Маргарита, вздрогнула, опустив глаза: "Я пойду,

по хозяйству. Спокойной вам ночи, герр Теодор".

— Спокойной ночи, фрау Маргарита, — поклонился он.

В раскрытое окно спальни были видны крупные, яркие летние звезды. "Жарко, — тяжело дыша, лежа под мужем, прошептала девушка. "Словно в шахте".

Кровать мерно скрипела. Она, комкая в кулаке угол подушки, подставив ему губы для поцелуя, — опустила веки.

— Сейчас нельзя! — услышал он твердый голос. Вздохнув про себя, Рабе подчинился. Маргарита скользнула вниз. Он, удовлетворенно закрыв глаза, шепнул: "Я тебя люблю!"

— Ты не будешь скучать? — озабоченно спросил потом Рабе, привалившись к спинке кровати, погладив ее по белому плечу, жадно выпив воды из кувшина. "Все-таки я на пару недель уезжаю, там много дел, в Госларе".

— Конечно, — она приняла от мужа кувшин. Маргарита чуть заметно улыбнулась алым, красивым ртом. "Я буду очень скучать, милый".

— Ты моя хорошая, — пробормотал Рабе, засыпая, держа руку на ее теплой, нежной спине. "Я тоже, — мужчина зевнул, — буду скучать".

Маргарита лежала на боку, не двигаясь, смотря на темные силуэты копров над жерлами шахт, вдыхая свежий, ночной воздух.

— Теодор, — шепнула она неслышно. "Нет, Рабе, я не буду скучать".

Федор сел удобнее, привалившись спиной к нагретому вечерним солнцем камню, и посмотрел вниз. У рудничного пруда суетились мальчишки с дровами.

— Иванов день, — вспомнил Федор. Порывшись в кармане рабочей куртки, он достал аккуратно сложенные письма.

— Дорогой Теодор, — читал он, — что ты поехал на шахты, это, конечно, хорошо. Однако я, каюсь, все-таки хочу увидеть тебя в Гейдельберге в качестве своего помощника. Университет, сейчас, конечно, не так богат, как раньше, но здесь все равно — лучше платят, и нет свинцовой пыли вокруг". Он усмехнулся и опустил письмо на колени. "Также ходят слухи, что король Людовик собирается учредить отдельный институт для обучения горных инженеров. Поскольку ты хорошо знаешь французский, я бы мог потом рекомендовать тебя для преподавания там, в Париже. Если надумаешь вернуться в свою alma mater — жду тебя в конце лета, профессор Шульц".

Федор погладил короткую, рыжую бороду и задумался.

— А Степан? — тихо сказал он себе.

Вокруг жужжали пчелы, пахло какими-то цветами. Мужчина, закрыв глаза, вспомнил бесконечную, черную сырость шахты. "Конечно, из Парижа ближе до Ливорно, — вздохнул Федор, — только вот где его там искать, в Италии? Еще, не дай Господь, в Санкт-Петербург соберется".

Он помедлил и развернул второе письмо, вчитываясь в четкие, мелкие буквы.

— Хотел я сказать тебе, Феденька, что ты дурак, — мужчина невольно улыбнулся, — а потом передумал. Хоша я и сам в опале, и отправили меня вот уж истинно — куда Макар телят не гонял, — но все равно удалось мне кое-что узнать. Ее величество очень недовольна, что ты исчез неведомо куда, тако же и Степан. Что ты графом Орловым окно разбил — сие не страшно. Он сам в немилость впал и в деревне сидит. Однако же, императрица, как сам понимаешь, не любит, коли горные инженеры, и военные моряки пропадают без следа. Мало ли, Феденька, вдруг ты кому сведения о наших уральских рудниках продать, намерен, — видно было, как Суворов отложил перо и рассмеялся.

— Сие чушь, конечно, но сиди в Европе, и домой пока не суйся, иначе в крепости сгниешь. Дворянства вас, правда, лишать не собираются. Тем не менее, ты сам знаешь — дворянская голова с плахи катится так же, как и крестьянская. Посылаю тебе свое благословение, твой Александр Васильевич.

Он убрал письма и вздрогнул — сзади послышались чьи-то шаги.

— Хотите земляники, герр Теодор? — Маргарита Рабе присела на траву, чуть поодаль и поставила рядом плетеную корзинку. "Первая, совсем спелая. Я хотела варенье сделать, но тут, — алые губы рассмеялись, — совсем мало. Берите".

От нее пахло солнцем и какими-то травами, толстые косы темного золота спускались из-под холщового чепца на спину.

— Спасибо, — он посмотрел на ягоды, что лежали на узкой, белой ладони и вдруг закрыл глаза.

Она взяла землянику губами и наклонилась над ним.

— Ешь, — протянула Марья, рассыпав вокруг копну белокурых волос. "Пока ты тут спал, в сторожке, я времени не теряла".

Федор притянул ее к себе, и зевнул: "Я тоже времени не терял. Ну-ка, иди сюда, — он легко усадил жену на себя. Девушка застонала, целуя его, прижавшись головой к его плечу.

— Потом поедим, — шепнул он, удерживая ее, ощущая тепло ее тела. Сквозь маленькие окна сияло летнее, закатное солнце, в сторожке пахло сеном и цветами, вдалеке, на заводе, бил колокол — заканчивалась смена. Федор рассмеялся: "Все работают, а я гуляю".

— Ты третьего дня повенчался, — озорно заметила жена, запустив руки в его рыжие волосы. "Завтра и вернешься к своим печам, а пока…"

Он легко перевернул ее, лукошко с земляникой рассыпалось. Федор, потянувшись, взял ягоду: "А пока я знаю одно место, из коего еще слаще, сейчас покажу".

Федор почувствовал на губах вкус леса: "Фрау Маргарита, а вам сколько лет? Что герр Рабе мой ровесник, я знаю…"

— Девятнадцать — она лукаво улыбнулась и вдруг, озабоченно, спросила: "Что такое, герр Теодор?".

— Жене моей покойной столько бы сейчас было, — он встал и поклонился: "Спасибо, фрау Маргарита".

Девушка дрогнула золотистыми ресницами: "Простите меня, пожалуйста, герр Теодор, так неловко получилось…".

— Ничего, — вздохнул он. Еще раз повторив: "Ничего", мужчина стал спускаться по тропинке к деревне. Маргарита медленно разжевала землянику. Облизнувшись, потянувшись, выгнув стройную спину, она рассмеялась: "Что там Рабе говорил? Два года он вдовеет? Ну, герр Теодор, этому помочь можно, прямо сегодня".

Девушка посмотрела на большие поленницы дров, что были приготовлены по берегу пруда: "Прямо сегодня, да".

Федор поднял голову от чертежей — в дверь его комнаты кто-то стучал: "Пожалуйста, фрау Беккер!"

Хозяйка трактира — худощавая, с въевшейся в глубокие морщины серой, рудничной пылью, — внесла поднос с ужином. Женщина, недовольно, проговорила: "Пошли бы к пруду, герр Теодор. Иванов день сегодня, вся молодежь там. Нечего вам над бумагами сидеть".

Федор посмотрел на сильные, большие руки хозяйки: "Она же мне говорила. С восьми лет руду наверх таскала, а потом в откатчицы перешла. С шахты уволилась, только, как замуж вышла".

Фрау Беккер оправила передник, и кисло заметила: "Хотя у них сейчас времени много. Мальчишкам только с двенадцати можно под землей работать, а девчонкам и вовсе нельзя, а на сортировке разве устаешь? Они там день-деньской языками болтают".

Федор вспомнил затянутый свинцовой пылью барак, и закутанные по глаза лица сортировщиц: "Как по мне, фрау Беккер, так я бы вообще женщин на рудники не брал. У нас в России не берут".

Вдова подбоченилась и ехидно ответила: "А как моему старику обвалом голову разбило — кто бы детей моих поднимал, если не я? Конечно, — она посмотрела за окно, на пылающие костры, — девчонки сейчас вон — за мастеров замуж выходят, за инженеров. Работать никто не хочет, это же, — она повертела загрубевшими ладонями, — руки пачкать надо. Вы идите, — внезапно, ласково, велела вдова, подтолкнув его в плечо, — идите, хоть отдохнете немного. Кролик сегодня, — обернулась она на пороге.

— Кролик, — обреченно пробормотал Федор, разжевывая жесткое мясо, — умер от старости, не иначе. Он отставил тарелку: "И, правда, что это я сижу? У меня даже бутылка мозельского была".

Он переоделся в свежую рубашку. Достав из сундука изящную, длинную бутылку темно-зеленого стекла, Федор сбежал вниз по деревянной, узкой лестнице.

Парни, сидевшие вокруг костра, передавали друг другу кувшин с пивом.

— И вот, — сказал кто-то из рудокопов таинственным голосом, — граф проснулся и увидел в углу комнаты покрытое серой шерстью чудовище, которое держало в зубах его маленького сына…, Он выстрелил, ребенок заплакал, и чудовище упало навзничь. А когда взошло солнце, то граф понял, что это была его жена.

— У нас тут есть ручей, из которого нельзя пить, — шепнула Маргарита на ухо Федору. "Говорят, кто выпьет — оборотнем становится".

— Конечно, — усмехнулся про себя мужчина, открывая бутылку вина, — тут, наверняка, свинца в воде много, если источники подземные.

— Попробуйте, — он передал девушке вино, — это хорошее, мозельское.

Маргарита отпила. Коснувшись алой губы острым, розовым языком, она протянула: "Сладкое. У нас виноград не растет, холодно для него в горах". Она оправила кружевной передник. Поймав взгляд Федора, девушка улыбнулась: "Это старое платье, его только на праздники носят. Нравится вам?"

— Да, — кивнул мужчина. Она была в темной, по колено, пышной юбке, и белой, тоже кружевной блузе. Золотистые косы были скрыты остроконечным капюшоном, спускавшимся на плечи, завязанным атласным бантом. Мягкая прядь волос лежала на белой, раскрасневшейся от костра щеке. "А почему капюшон? — спросил он.

— Как ведьмы носили, — зачарованно ответила Маргарита, указывая на черные, поросшие лесом вершины Гарца. "Они до сих пор на Брокен прилетают, в конце апреля, шабаш свой празднуют. У нас и гномы есть, я их в детстве видела. Пойдемте, — синий глаз подмигнул, — покажу. Сейчас через костры будут прыгать, никто не заметит".

Девушка прикоснулась к его руке — быстро, мимолетно. Федор, выпил еще вина и сжал зубы: "Ну, пойдемте".

В лесу было сумрачно и тихо, снизу, от подножия горы, доносились звуки скрипки и какая-то песня.

-Annchen von Tharau ist's, die mir gefallt,

sie ist mein Leben, mein Gut und mein Geld, — услышал Федор.

Маргарита томно сказала: "Ее на свадьбах поют, у меня пели. Знаете, о чем она?"

— Анхен из Тарау, мне мила она.

Жизнь моя всецело в ней заключена.

Анхен из Тарау, мы теперь с тобой,

В горестях и счастье связаны судьбой, — улыбнулся Федор.

— Знаю, конечно. А тут и живут ваши гномы? — он указал на маленький, покосившийся сарай.

— Да, — в лунном свете ее глаза блестели, как у кошки. "Хотите, проверим, здесь ли они? Они по ночам гуляют, герр Теодор".

Он выпил еще: "Нельзя, нельзя. Она замужем, нельзя, это грех". Федор вдохнул запах костра, лесной свежести. Наклонившись к ее уху, он прошептал: "Хочу".

Захлопнув дверь, он прижал ее к стене. Сбросив капюшон, зарывшись лицом в темно-золотые косы, он услышал стон: "Пожалуйста, пожалуйста, не мучь меня!"

Федор поднял ее на руки. Маргарита, прильнув к нему, поцеловала его — долго, глубоко, не отрываясь от его губ.

mir-knigi.org

— Все можно, — шептала она, опускаясь вместе с ним на земляной пол, раздвигая ноги, обнимая его. "Все можно, слышишь, все можно!"

— Хорошо, — отозвался Федор. Девушка, закричав, укусив его плечо, замотав головой, выдохнула: "Я люблю тебя!"

Маргарита проснулась первой, и, в неверном, сером рассвете долго смотрела на его лицо. "Какие ресницы длинные, — ласково подумала девушка. "Я выйду за него замуж, и никогда больше не буду пачкать руки. Мы уедем далеко отсюда, от этих шахт, от курятника. У меня будет служанка, я буду богатой женщиной. Рабе он убьет. Под землей это можно сделать так, что никто ничего не заподозрит. Тем более, если у нас будет дитя, — она нежно погладила свой живот. Ощутив его прикосновение, Маргарита едва слышно застонала.

— Иди сюда, — велел Федор, укладывая ее на спину, наклоняясь, проводя губами по мягкому, белому бедру. "Вчера я не успел…, - он усмехнулся. Маргарита, поймав его большую руку, поцеловав ее, откинула голову назад.

— Приходи…, - задыхаясь, сказала она… — ночью…домой ко мне.

— Его кровать, его дом, — подумал Федор. "Никогда я не смогу. Да и как ему в глаза теперь смотреть?"

Он почувствовал руки Маргариты на своих плечах: "Это в последний раз, все, больше такого не будет". Девушка потянула его к себе. Он, склонив рыжую голову, целуя ее шею, повторил: "В последний раз".

Маргарита бросила курицам зерна. Присев на теплом пороге сарая, девушка накрутила на палец кончик толстой косы.

— Пять дней уже ничего нет, — подумала она, улыбаясь, подставив лицо солнцу. "Как хорошо. И это его дитя. У меня и Рабе ничего такого не было, мы же решили — пока не купим большой дом, детей заводить не будем. Вот и славно".

Девушка погладила белую, красивую курочку. Отставив решето, она вздохнула: "Только вот с тех пор он на меня и не смотрит, избегает. Но это ничего, как Рабе умрет — сразу прибежит меня жалеть, а там и до кровати недалеко, — Маргарита лукаво усмехнулась и посерьезнела: "Мышьяк? Нет, слишком опасно. В старые времена можно было бы в горы подняться, к травнице, за снадобьем, да их уже и нет никого. А Теодор этого делать не будет, не стоит его и просить".

От забора раздался свист. Маргарита, взглянув на белокурого, высокого мальчишку, недовольно сказала: "Не виси так, Вальтер, упадешь — костей не соберешь".

— Я в шахте работаю, — высунул язык ее кузен, — там знаешь, как надо карабкаться! Рабе твой записку прислал, держи, — мальчик кинул ей сложенную бумагу: "Отец говорит — расценки за крепления повысили. Молодец твой муж, зря языком не болтает. Завтра переделывать начнем". Вальтер слез с забора. Свистнув беленькой дворняжке, мальчик запылил по пустынной, воскресной деревенской улице.

— Милая моя женушка, — читала Маргарита, отгоняя от себя куриц, — все дела я закончил. Завтра с утра приеду домой. Правда, сразу придется спуститься в забой — проверить, как твой дядя меняет крепления, но потом у меня день отдыха, так что я тебя никуда от себя не отпущу.

Купил тебе кашемировую шаль и жемчужные сережки, жду не дождусь, когда же я смогу тебя обнять, счастье мое. Твой Клаус.

Девушка, злобно что-то пробормотав, скомкала письмо в руке. Потом, чему-то улыбнувшись, Маргарита разгладила бумагу. Она зашла в дом. Окинув взглядом чистые, прибранные комнаты, девушка аккуратно положила письмо в шкатулку, что стояла на камине.

— Над ней, — хмыкнула Маргарита, повертев в руках коробочку, — я и буду плакать. Буду сидеть тут, вся в черном, — она невольно посмотрелась в большое зеркало, — мне пойдет. И в церкви тоже, на отпевании — разрыдаюсь. Бедный, бедный Клаус, погиб таким молодым, — она усмехнулась. Раскинувшись на кровати, она поглядела в беленый потолок: "Да, так будет хорошо. Правильно будет".

Маргарита закрыла глаза. Подняв до пояса домашнее платье, раздвинув ноги, она вспомнила лунную, жаркую ночь в сторожке. Девушка коснулась себя. Перевернувшись, встав на четвереньки, она простонала: "Да! Еще, еще хочу!"

— Сколько угодно, — услышала она сзади его голос. Вцепившись зубами в подушку, задвигав бедрами, Маргарита крикнула: "Люблю тебя!".

Федор посыпал чернила мелким песком и перечитал письмо:

— Дорогой профессор Шульц, как только мы тут заложим новую штольню, я сразу же уеду. Мне надо за месяц предупредить здешнее инженерное управление, но с этим я затруднений не будет. Рекомендательные письма у компании я уже запросил. За это время я собрал неплохую коллекцию минералов, в ней есть даже пара редкостей. Увидимся с вами в конце лета, с глубоким уважением, ваш Теодор.

Он запечатал письмо и поглядел в окно, на шпиль церквушки: "Правильно. Больше я этой ошибки не сделаю".

— Так, — Федор порылся в своих записях, — порох уже внизу. Завтра Рабе быстро закончит с креплениями, и начнем рвать камни для новой штольни.

— Герр Теодор! — услышал он с порога. Босоногий, белокурый мальчишка стоял, почесывая растрепанные кудри, держа в руке удилища. "За форелью!"

— А школа, Вальтер? — строго, скрывая улыбку, спросил мужчина. Мальчик — подумал Федор, — был похож на Мишу, только еще повыше. На щеках были рассыпаны веселые, золотистые веснушки.

Парнишка лукаво усмехнулся и шмыгнул носом: "Пастор и сам, герр Теодор, рыбу удит. Пойдемте, вдова Беккер сказала, что на ужин вам рыбы зажарит, она знаете, какая вкусная!"

— Ну, раз так, — Федор потянулся, — и вправду, пошли.

Уже когда они поднимались по лесистому склону вверх, — издалека доносился шум небольшого водопада, — Вальтер, оглянувшись на деревню, попросил: "Герр Теодор..., А поговорите с моим стариком, чтобы в училище рудничное меня отпустил".

— Старик, — усмехнулся про себя Федор, вспомнив рыжую, коротко остриженную голову Большого Фридриха и его огромные, выпачканные серой пылью, кулаки. "Впрочем, Вальтеру

одиннадцать, для него и я старик".

— Рабе он не послушает, — продолжил мальчишка, — он просто мастер. Да еще и Маргариты муж, вроде родственника нам. А вас послушает. Вы же сами говорили, у меня голова хорошая.

— Правильно, — согласился Федор, устраиваясь на теплом мху, принимая от Вальтера удилище и туесок с червяками. "Только, дорогой мой, если компания узнает, что ты под землей работаешь, отца твоего на месячный заработок оштрафуют. Год подождать не мог?"

— Я сильный, — отмахнулся Вальтер, забрасывая в ручей крючок. "И высокий, мне все четырнадцать лет дают. Старик мой вас уважает, говорит, что вы толковый. Так-то он ругается, мол, если все в инженеры и мастера пойдут, то кто в забое лежать будет? О, клюнула! — порадовался мальчишка. Федор, снимая с крючка извивающуюся, серебристую форель, улыбнулся: "Ладно, поговорю, после того, как вы там крепления переделаете".

— Прямо завтра с утра! — горячо ответил Вальтер. "Можете прийти и сами проверить".

— Не могу, а должен, — хохотнул Федор. Вынимая рыбу из холодного, искристого ручья, вдыхая запах сосен, он подумал: "А все равно — жалко с шахт уезжать. Ничего, у студентов практика будет, отвезу их в Рудные горы, там серебро добывают, и эту окись, которой в желтый цвет керамику красят. Интересная окись, я бы с ней повозился, конечно. А сюда, — он на мгновение помрачнел, — не вернусь, все, хватит".

— Еще пяток, герр Теодор? — спросил Вальтер, глядя на корзинку с форелями.

— Можно и больше, — Федор зевнул, — воскресенье, торопиться некуда.

Он закрыл глаза и послушал пение птицы: "Хорошо!"

Маргарита проснулась в полночь. Быстро одевшись в свои старые, времен сортировочной, холщовые штаны и куртку, она спрятала волосы под косынкой.

Забрав из сарая маленькую пилу, Маргарита вышла на спящую улицу. Оглянувшись, она быстро побежала вверх, к воротам шахт. "Как все просто, — подумала девушка, открывая ключами Рабе замок, — воскресенье, никого нет. Никто меня не увидит".

Она прошла мимо конюшни, — лошади даже не пошевелились, и заглянула в черное жерло забоя. Клеть висела над ним, чуть покачиваясь от легкого ветерка. "Двадцать лестниц, по сорок ступенек в каждой, — вспомнила Маргарита, — потом сразу вбок, по рельсам. Свечи там есть, и кремень с кресалом тоже. Две мили направо и начнется дядина штольня. Рабе с утра будет там. Крепления старые, хлипкие, это все равно — могло бы случиться в любое мгновение. Вот и случится".

Девушка перекрестилась, исчезая в темном, бездонном провале, ловко спускаясь вниз.

В плетеной клетке, стоявшей на выступе породы, чирикала канарейка. Большой Фридрих чиркнул кресалом: "Вот видишь, все хорошо. Поет, что с ней сделается".

Рельсы чуть поблескивали в неверном свете свечи, теряясь вдали, в узком, высоком проходе, что вел к жерлу шахты.

— Дерево отличное, папа! — весело крикнул Вальтер, разгружая с другими шахтерами

вагонетку.

— Давай, — подогнал мастер Большого Фридриха, — поменяем тут все, и мне надо к новой штольне идти, сегодня породу взрывать будем.

Рудокоп почесал рыжую голову. Опустив огромные ладони в ведро с водой, умывшись, шахтер усмехнулся: "Только июнь на дворе, Рабе, а уже какая жара. В августе мы тут голые лежать будем, помяни мое слово".

Из темноты раздались чьи-то шаги. Они услышали знакомый голос: "Не утерпел, решил вам помочь, у тебя, Фридрих и так — каждые руки на счету".

Федор сбросил куртку и вылил на мощные плечи воду: "Порох уже готов, герр Клаус, как взорвем — надо будет туда десяток человек из соседних штолен отправить. Чем быстрее мы до этого пласта доберемся, тем лучше".

Он посмотрел на прилепленные к полу свечи и хмуро заметил: "А ты бы, Фридрих, половину затушил, тут и так, — Федор повел носом, — газа предостаточно".

— Птица-то вон, живая, герр инженер, — упрямо ответил рудокоп: "Ну, пошли, ребята там уже все сколотили, сейчас менять будем".

Федор взглянул на серый блеск породы и остановился.

— Слышите, герр Рабе? — тихо спросил он.

Даже в тусклом огне свечи видно было, как побледнело смуглое лицо мастера.

— Фридрих, — крикнул Федор, — всем немедленно назад! Прямо сейчас!

Из дальнего конца галереи раздался грохот, высокий, пронзительный крик, а потом вокруг не осталось ничего, кроме темноты и обрушивающихся на них камней. Федор толкнул Рабе вниз и накрыл его своим телом, спрятав голову в ладонях. Откуда-то сверху было слышно беззаботное чириканье канарейки.

Федор пошевелился. Перекатившись на бок, он тихо спросил: "Герр Клаус, вы тут? Как вы?"

— Рука, — мастер сдавленно застонал. "Кажется, сломана, герр Теодор, зря я ее вытянул".

— Свечу бы найти, — Федор выругался по-русски, — кремень с кресалом у меня в кармане штанов были, вроде не выпали.

Он пошарил вокруг и нащупал еще теплый воск: "Ну, сейчас посмотрим — что у вас там с рукой!"

— Это крепления, — Рабе тяжело дышал, — если бы я так долго не тянул, раньше бы поговорил с рудничным управлением…, Это моя вина.

— Бросьте, — Федор зажег свечу и прилепил ее на валун, — вы мастер, а я инженер шахты, я тут за все отвечаю, так, что не корите себя.

Он откатил с руки Рабе окровавленный камень и посмотрел на синее пятно, что расплывалось пониже локтя, в прорехе изорванной куртки: "Сломали. Хорошо, что левая, и что кость наружу не торчит".

— У вас кровь, — сказал Рабе, глядя на него расширенными от боли глазами. "С лица капает".

Федор провел рукой по лбу и отмахнулся: "Ссадины, ничего страшного. Сейчас я вам лубок сделаю, тут где-то моя куртка валялась. Доску бы какую-нибудь найти…, - он оглянулся, подняв свечу: "Вот и старые крепления, не все в пыль размолотило. Посидите тут, я сейчас, — он осторожно помог Рабе прислониться к большому валуну.

— А где все? — спросил мастер. "Где Большой Фридрих, Вальтер, остальные?"

Федор застыл и велел: "А ну тихо!"

Из темноты доносился чей-то едва слышный, протяжный стон. Он поднял остатки креплений: "Сейчас руку вашу приведу в порядок, и пойду там, — Федор махнул рукой к выходу из штольни, — поищу. Кто-то жив еще".

— Я тоже, — приподнялся мастер.

— Сидите, — вздохнул Федор, — вы, если встанете — сознание потеряете. Воды нет у вас?

— Нет, — Рабе откинул голову назад и закрыл глаза. "И у меня нет, — угрюмо подумал Федор, отрывая полосы холста от куртки. Он вспомнил карту шахты: "Герр Клаус, тут же рядом это озерцо было. Помните, вы меня туда водили, как я приехал?"

— Там плохая вода, — сквозь зубы отозвался Рабе. "Свинец. Хотя лучше плохая вода, чем никакая. Оно недалеко, если лаз не завалило — можем добраться".

Федор поднес остатки крепления к свече и всмотрелся в дерево. "Что-то не так, — подумал мужчина. "Как-то странно оно сломалось. Нет, ерунда, привиделось, не может быть такого".

Он вздохнул, и опустился на колени: "Давайте сюда руку".

Потом он похлопал Рабе по щекам. Когда Клаус пришел в себя, Федор разломил свечу на две части: "Пойду, посмотрю, что там. Сколько человек сегодня в бригаде было?"

— Четверо, — сдержал стон Рабе. "И Большой Фридрих с Вальтером. Я сейчас отдышусь и посмотрю тут вокруг — может, еще свечи есть".

Федор кивнул. Вытерев кровь с лица остатками куртки, он исчез во тьме.

Стон все приближался. Федор отчетливо услышал горестный, совсем детский плач, доносившийся из-под перевернутой, заваленной камнями вагонетки.

Федор нагнулся — шахтер лежал ничком. Мужчина шепнул: "Все хорошо, все хорошо, это я, герр Теодор. Герр Рабе тоже жив, у него рука сломана. Что у вас?"

Рудокоп так и не поднимал головы. Федор, осторожно пошевелил его: "Ноги…, Не чувствую…, Вальтер под вагонеткой, там отец его, — мужчина обессилено махнул рукой. Федор увидел рыжую, окровавленную, разбитую голову Большого Фридриха. На рельсах поблескивало что-то серое, вязкое.

— Он еще и своим телом вагонетку прикрыл, — горько подумал Федор, переворачивая труп. "Не надо, чтобы мальчик это видел".

Он закрыл мертвые, голубые глаза, и приподнял вагонетку: "Вальтер, с тобой все в порядке?"

— Я ударился, — всхлипнул мальчик. "Но уже не болит. Герр Теодор, что с папой, где он?"

Федор помог мальчику выбраться наружу и придержал его за плечи: "Ты поплачь, милый мой, поплачь, я тут, я с тобой".

Ребенок встал на колени. Прижавшись щекой к лицу отца, мальчик разрыдался — еле слышно, вздрагивая плечами.

Федор погладил белокурую голову, и тяжело вздохнул: "Пойду, посмотрю, что там дальше".

Он дошел до обрушившегося входа в штольню, и увидел чьи-то ноги в растоптанных башмаках, что торчали из-под камней. "Холодные, — устало подумал Федор. "Там, значит, еще трое". Федор поднял какой-то булыжник, и начал стучать — упрямо, не останавливаясь.

Он прислушался и перекрестился — издалека доносилось такое же постукивание. "В шахте народа много, — вспомнил мужчина, — утренняя смена. Нас достанут. Сейчас Вальтер успокоится, перенесем этого, со сломанным позвоночником, и пойдем за водой".

Когда Федор вернулся, мальчик сидел рядом с искалеченным рудокопом, держа его за руку.

— Пойдем, Вальтер, — Федор посмотрел на оплывающий огарок свечи, — пока свет есть, надо нам его к герру Рабе перенести, на чем-то твердом. Помоги мне стенку вагонетки выломать.

Вальтер вытер заплаканное лицо: "Герр Теодор, а нас найдут?"

— Найдут, — твердо ответил Федор. "Там, — он махнул в сторону завала, — стучат уже. И я тоже постучал".

Вальтер помолчал. Глядя куда-то в сторону, мальчик спросил: "А остальные? Что с ними, герр Теодор?"

Он увидел глаза мужчины. Прикусив губу, перекрестившись, Вальтер стал выламывать боковую стенку вагонетки.

Рабе сидел, закрыв глаза. Услышав их шаги, он дрогнул ресницами: "Я тут еще пару огарков нашел". Они опустили шахтера. Мастер, коснувшись его руки, вздохнул: "Вы не двигайтесь, герр Иоганн, не надо, вам же больно".

— Да я и не могу, — сквозь зубы шепнул рудокоп. "Во рту пересохло только".

Федор взял один из огарков. Обернувшись к Вальтеру, он велел: "Собери тут все обрывки курток. Пошли, посмотрим — удастся ли нам к тому озерцу пробраться".

Уже выходя из штольни, пригнувшись, он посмотрел назад — Рабе держал на коленях сломанную руку. Свеча, прилепленная к валуну, догорала. Федор, сжав зубы, сказал Вальтеру: "Я пойду первым, ты, если что — возвращайся к ним".

Мальчик кивнул. Они поползли вниз, по узкому, сырому, в каплях воды проходу.

Маргарита стояла у деревянного здания конторы, всхлипывая, опустив голову, сложив руки под холщовым передником.

Дул теплый, южный ветер, чуть шелестели верхушки сосен. Девушка подумала: "Кто же знал,

что он туда пойдет? Господи, ну сделай ты так, чтобы он выжил. Пусть все остальные погибнут, только бы он вернулся".

У жерла шахты кто-то крикнул: "Поднимают!"

— Сначала трупы — тихо сказала жена Иоганна. Она сидела на ступеньках, положив руки, на уже опустившийся живот. "Господи, — она перекрестилась, — помоги нам. Фрау Рабе, — женщина тяжело встала, — пойдемте, надо там быть".

Маргарита подала ей руку. Женщина, вдруг, ласково сказала: "На все воля Божья, фрау Рабе, надо крепиться".

— Да, — кивнула девушка. Они медленно пошли к деревянному, скрипящему колесу.

Маргарита взглянула на тела, что лежали в клети. Пошатнувшись, она прижалась лицом к плечу стоявшей рядом женщины.

— Тише, милая, тише, — та погладила ее по чепцу, — пусть Фридрих упокоится с Господом. Не плачьте, так, значит, жив ваш муж, или ранен. И мой тоже. И маленький Вальтер — видите, тут его нет.

Из клети вынесли четыре трупа и укрыли их холстами. "Молодые все парни, — вздохнул кто-то из шахтеров, — а Большой Фридрих — вдовец. Даже и скорбеть по ним некому".

— Зря, все зря! — зло подумала Маргарита, вытирая лицо. "Может, еще не всех нашли, может Рабе сдохнет там, под землей!"

— Раненый! — раздался голос снизу. Жена Иоганна ахнула: "Фрау Рабе, это муж мой! Слава Богу, слава Богу!"

Маргарита посмотрела на то, как женщина, опустившись на колени, гладит мужа по серому, уставшему лицу. Рудокоп, пытаясь улыбнуться, протянув руку, коснулся ее живота. Девушка холодно решила:

— Надо переспать с Рабе. Прямо сегодня, откладывать нельзя. Теодор и не смотрит на меня. Если я приду и скажу, что ношу его дитя — он дверь передо мной захлопнет. Еще, не дай Господь, Рабе расскажет. А если уже рассказал, они там два дня были под землей? — Маргарита застыла. Она услышала глухой голос жены Иоганна: "Ноги у него отнялись, никогда уже ходить не будет, наверное. Господи, а дома ребятишек двое и этот, — она посмотрела на свой живот, — вот-вот на свет появится".

— Ему пенсию дадут, не бойтесь, — Маргарита погладила ее по плечу. "Моему отцу покойному тоже дали, как ему вагонеткой ногу раздавило".

— Придется мне в сортировочную возвращаться, как откормлю, — вздохнула женщина, и шмыгнула носом: "Пойду, присмотрю, как его в телеге устроили. Сейчас в больницу повезут, в Гослар, чтобы не растрясли по дороге. Значит, муж-то ваш не ранен, фрау Маргарита, и с Вальтером все в порядке".

Веревки завизжали. Маргарита почувствовала, как холодеют у нее губы — она увидела рыжую, покрытую серой пылью голову. Теодор шагнул из клети. Потянувшись, он поставил на землю Вальтера. Девушка посмотрела на заплаканное, бледное лицо мальчика и, крикнув: "Клаус! Клаус, милый мой! Вальтер! — бросилась к ним.

Муж стоял, придерживая неумело забинтованную левую руку. Рабе обнял ее правой: "Не надо, счастье мое. Все хорошо, это просто перелом. Через пару недель все срастется. Если бы не герр Теодор, мы бы и не выжили, наверное, — это он нас всех спас, они с Вальтером воду принесли…"

Маргарита подняла глаза и встретилась с его взглядом. "Словно свинец, — поежилась девушка. "Господи, да не может он знать. Никто, никогда бы ни догадался".

— Я просто выполнил свой долг, — Теодор смотрел куда-то поверх ее головы. "Вы идите, герр Клаус, идите…, - он чуть запнулся, — к жене своей, за Вальтером я присмотрю. И вообще, — он обвел рукой рудничный двор, — надо священника позвать…, А вы идите, отдыхайте".

Маргарита взяла за руку Клауса. Федор, глядя на то, как они выходят из ворот, услышал голос мальчика: "Герр Теодор, спасибо вам. Если бы не вы… — Вальтер прервался. Помолчав, часто подышав, он добавил: "Папа мой тоже таким был. Сильным".

— Если бы я был сильным…, - зло подумал Федор, вспомнив свежие следы пилы на досках. "Но я же ничего не докажу, Господи, ничего и никогда. Четыре человека погибло, один искалечен, ребенок круглым сиротой остался…, Господи, ну простишь ли ты меня?"

— Это тебе спасибо, Вальтер, — он погладил белокурые, грязные волосы. "Если бы не ты — мы бы без воды остались, я бы в тот лаз не поместился. Пойдем, — мужчина вздохнул, — к пастору".

Он обернулся и, посмотрев на черное жерло шахты, обнял Вальтера за плечи.

Маргарита нежно погладила свежий лубок на руке мужа и налила в кружку теплого вина: "Доктор велел тебе хотя бы неделю побыть дома, так что я никуда тебя не отпущу".

— Ну, хоть одной рукой, а что-нибудь поделаю, — отозвался Рабе. "Не привык я просто так лежать, счастье мое. А как встану — займусь новой штольней. Герр Теодор обещал до конца недели там все расчистить. В забое покойного Фридриха надо тоже — в порядок все привести".

— Это крепления были? — глядя на мужа синими, большими глазами, спросила Маргарита.

— Крепления, — Рабе вздохнул. "Видишь, не успели мы новые поставить…, Так бывает, конечно. Вальтера надо к нам забрать. Я ему подыщу на земле работу, а через пару лет — пусть в Гослар едет, в училище".

— Конечно, — кивнула Маргарита. Забрав у Клауса вино, она оправила чистую, в холщовой наволочке подушку. "Можно, я с тобой полежу? — робко спросила девушка. "Я так боялась, Клаус, так боялась, так плакала все эти два дня, в церковь ходила…"

— Девочка моя хорошая, — ласково подумал Рабе, гладя ее темно-золотые косы. "Бедная моя, перепугалась так". Он поцеловал мягкие, алые губы и, улыбнувшись, привлек ее к себе: "Давай, я тебе докажу, что со мной все хорошо".

— Только руку не потревожь, — озабоченно велела ему жена. Рабе рассмеялся: "Ни в коем случае".

Она лежала на боку, раздвинув ноги, спрятав лицо в лоскутном покрывале. Простонав: "Да! Да! Можно, сейчас можно!" — Маргарита победно, торжествующе улыбнулась.

Муж привлек ее к себе одной рукой. Маргарита, так и не поворачиваясь, почувствовала обжигающее тепло внутри: "Вот и славно. А если будет рыжий — так мой дядя покойный был рыжий. Не придраться".

Она приподнялась на локте, взметнув пышными, растрепанными волосами. Наклонившись над мужем, глядя в некрасивое, раскрасневшееся лицо, девушка, почти искренне, сказала: "Я так тебя люблю!"

— Я тебя тоже, счастье мое, — темные глаза Клауса заблестели. Он, устроив ее на груди, велел: "А теперь спать, ты ведь так волновалась".

Маргарита поерзала, легко, по-детски зевнула и задремала. Рабе все лежал, гладя ее по голове, смотря на огненный закат, что висел над вершинами Гарца.

Федор проверил упряжь, и повернулся к Вальтеру: "Пошли, проводишь меня до выезда на госларскую дорогу".

— А минералы где? — спросил мальчишка, оглядывая притороченную к седлу, потрепанную кожаную суму.

— Уже отправил, — улыбнулся Федор. "А ты, — он положил руку на плечо Вальтера, — расти, учись и приезжай в университет. Станешь инженером".

Мальчишка обернулся, и посмотрел на темные силуэты копров: "Я постараюсь, герр Теодор. Хотя бы мастером, как Рабе. Он тоже толковый, здорово вы с ним этот новый пласт нашли".

— А ты уже и в забой спускался, не преминул, — ядовито сказал Федор, — велено же тебе было, — под землю ни ногой. На колесе водяном работаешь, вот и сиди с ним рядом.

— Да я одним глазком посмотреть только, — хмыкнул Вальтер, — туда и обратно. Герр Теодор, — он порылся в кармане, — держите, у Рабе шлифовальный станочек есть, я вам лупу сделал.

Федор посмотрел на изящную, в сосновой, отлакированной оправе, лупу — на рукояти красовался выжженный по дереву, силуэт вершин Гарца и надпись: "Раммельсберг, 1776. На добрую память!"

— Спасибо! — он нагнулся и коснулся губами белокурых, теплых волос. "Спасибо тебе, Вальтер".

Перед ним лежала широкая, уходящая вниз, в долину, дорога, на горизонте виднелись черепичные крыши Гослара. Федор, подал руку мальчишке: "Ну, все, может, и увидимся, когда-нибудь".

— Спасибо вам, — пробормотал Вальтер. Прислонившись к янтарно-желтому стволу сосны, глядя на рыжую голову всадника, он крикнул: "Счастливого пути, герр Теодор! А свою коллекцию я не брошу, раз начал, обещаю!"

— Вот и молодец, — обернулся, улыбаясь, Федор. Проверив пистолет, положив его в седельную кобуру, он буркнул: "На всякий случай".

Беленькая дворняжка, весело залаяв, бросилась за лошадью. Вальтер, свистом подозвав ее,

mir-knigi.org

потрепал за ушами пса: "А мы с тобой, до вечерней смены, еще искупаться успеем".

Мальчик пошел по дороге к Раммельсбергу. Приостановившись, вздохнув, он сказал собаке: "Скучать буду, вот что. Толковый он человек, герр Теодор".

Вальтер скинул холщовую куртку. Еще раз обернувшись, — всадник уже исчез из виду, — он побежал к рудничному пруду.

В раскрытое окно спальни было слышно, как квохчут укладывающиеся спать куры. Клаус отложил чертежи и улыбнулся: "Вот видишь, рука уже срастается, а ты боялась. Все будет хорошо".

Маргарита присела на постель. Девушка подергала холщовую рубашку, глядя на выскобленные, чистые половицы: "Ты меня будешь ругать, это я виновата".

— Что такое? — обеспокоенно спросил Рабе, притянув ее к себе. "Ну как я могу ругать свою любимую девочку? Ничего страшного, что там случилось?"

Маргарита вздохнула, уткнувшись лицом в его плечо, и что-то прошептала. Он прикоснулся губами к пылающей от смущения щеке и поцеловал нежный висок: "Так это же хорошо, любовь моя. Это же наше дитя, я так счастлив, так счастлив".

— А дом? Мы же хотели сначала большой купить, — девушка все сидела, прижавшись к нему, не поднимая головы.

Рабе осторожно откинулся на спинку кровати, чуть поморщившись, — рука еще немного болела. Укладывая ее рядом, он уверенно ответил: "И купим. Заработаю, любовь моя. Ради тебя и детей я все, что угодно сделаю. А когда? — смущенно спросил он, касаясь ладонью ее живота.

— В феврале, — улыбнулась жена, устроив голову у него на плече. "Как раз снега наметет, наверное, буду сидеть у камина, и качать колыбель".

— И петь, — Рабе все гладил еще плоский живот. "Ту, мою любимую. Вот прямо сейчас ее и спою маленькому".

— Schlaf, Kindlein, schlaf,

Der Vater hut die Schaf..., - услышала Маргарита нежный голос мужа. Блаженно улыбаясь, девушка закрыла глаза.

Пролог

Филадельфия, 8 июля 1776 года

Высокий, русоволосый юноша в форме Континентальной Армии, с зеленой кокардой лейтенанта на треуголке, дернул медную ручку звонка и оглянулся — над крышами Филадельфии вставал нежный, розовый рассвет. Дверь типографии открылась. Джон Данлоп, печатник, моргая красными, уставшими глазами, зевнул: "Все готово, лейтенант Вулф, две сотни экземпляров. Сегодня днем уже приедут за ними. Бостонский вы заберете?"

— Да, — Дэниел прислонился к стене и вдохнул запах краски. На деревянном полу, лежали аккуратные стопки больших листов. "Вот и все, мистер Данлоп, — сказал юноша. "Мы живем в

своей стране, в Соединенных Штатах Америки".

— Все равно не верю, — весело подумал Дэниел, благоговейно принимая печатный лист и большой конверт.

— Оригинал — Данлоп сдвинул на нос очки. "Не потеряйте, лейтенант Вулф".

— Лично в руки мистеру Адамсу, — обиженно сказал юноша. "Приходите, мистер Данлоп. Сегодня перед Индепенденс-холлом будет публичное чтение, вечером".

— Да уж не премину, — рассмеялся Данлоп: "А вы же прямо с фронта, мистер Вулф, с севера? Хоть отдохните немного". Он посмотрел на юношу: "Господи, молоденький совсем, только бы все с ним хорошо было".

— Генерал Вашингтон дал мне месяц отпуска, — Дэниел блеснул белыми зубами. "Тем более, я тут с другом, лейтенантом Горовицем. Он врач в нашей массачусетской бригаде, так что конечно — он рассмеялся, — отдохнем. Сестра его приезжает, из Бостона, она там, в госпитале работает, — Дэниел вдруг, нежно улыбнулся. Данлоп ворчливо велел: "Вот и отправляйтесь, лейтенант, гулять. Ваше дело молодое".

На улице было свежо. Дэниел, остановившись на ступеньках Индепенденс-Холла, застыл — солнце заливало все вокруг золотым, сияющим светом. "Новые люди на новой земле, — вспомнил юноша. Поправив шпагу, оглядев себя, он услышал знакомый голос: "Дэниел!"

Невысокий молодой человек, в холщовой куртке ремесленника, с кожаной сумой через плечо, вскинул голову. Взбежав наверх, к двери, он расхохотался: "Вот уж кого не ожидал тут увидеть! Ты по делам?"

— В отпуске, Ягненок, — Дэниел пожал ему руку. "Хаим тоже здесь. Мирьям сегодня приезжает. А ты, — он оглядел юношу, — все вразнос торгуешь? Или подковы лошадям меняешь?"

— Подковы, — согласился Ягненок, похлопав себя по карману куртки. Он почесал каштановые волосы: "Присядем, я раньше тут появился, чем ожидал". Юноша бросил взгляд на лист с Декларацией Независимости: "Да и Адамс еще спит, наверняка, и Джефферсон — тоже. У меня, конечно, хорошие сведения, но не такие, чтобы ради них будить, — Ягненок тонко улыбнулся, — пожилых людей".

Дэниел опустился на уже теплые каменные ступени: "Что такое?"

Меир Горовиц подпер подбородок кулаком, и посмотрел куда-то вдаль: "Во-первых, известный нам лорд Кинтейл со своими полками планирует податься на север, к Бостону".

— Ну и дурак, — сочно заметил Дэниел. "Там он голову и сложит. После эвакуации британцев им не на кого опираться".

— Это как сказать, — Меир опять почесался и пробормотал: "Ту ночь спал в конюшне, и кого-то подхватил, кусаются. В городе-то нет, а вот в окрестностях — лоялист на лоялисте. Например, — он зорко взглянул на юношу, — твой отец".

Дэниел густо покраснел: "Ты же знаешь, моего отца хотели выбрать делегатом от Виргинии на Континентальный Конгресс, еще в прошлом году. Он отказался, и вообще, — Дэниел опустил голову, — мы с ним почти три года не виделись. А что он делает в Бостоне? — удивленно

спросил юноша.

Меир, потянувшись, присвистнул: "Очень полезно держать уши открытыми. Табачные плантаторы из-за войны потеряли массу прибыли, торговые корабли же не ходят. Однако некоторые люди, — он поднял палец, — сумели и это препятствие обойти. Там есть такой Теодор де Лу…"

— Я его знаю, — прервал Дэниел друга, — отец меня к нему в усадьбу возил, еще той зимой, как мы чай в гавани купали, — он улыбнулся. "А что, он тоже — лоялист?"

— И нашим и вашим, — недовольно сказал Меир. "Вообще умный человек. Одной рукой дает деньги патриотам, а другой — нелегально провозит товары в Акадию. Оттуда они уже отправляются дальше — в Британию и Европу. Сам понимаешь, мы-то себе зубы о Квебек обломали, — юноша вздохнул.

— Меня там ранило в первый раз, под Квебеком, в плечо, — Дэниел помолчал. "Отступали мы оттуда, конечно, позорно. Мы еще тогда воевать не умели, хотя учимся потихоньку. Но ведь это контрабанда, Меир, как они ухитряются это делать? Не по морю же, там наши корабли побережье патрулируют".

— По суше, через Мэн, у этого Теодора де Лу под рукой — половина тамошних индейцев. Твой отец стал очень часто навещать Бостон. И брат тоже, — Меир поднялся.

— А Мэтью-то что там делать, — удивился Дэниел, — я слышал, он в Колледже Вильгельма и Марии учится. Отец северным университетам не доверяет больше, — юноша зло усмехнулся, — после них патриотами становятся.

— А Мэтью, — Меир наклонился и ласково поправил треуголку юноши, — ухаживает за самой богатой невестой Новой Англии. Дочкой этого самого Теодора. Твой отец тоже — не дурак, — Ягненок вздохнул.

— На здоровье — пробурчал Дэниел, — я эту Марту помню, хорошенькая, конечно, но пустоголовая. Два сапога пара.

Высокие, дубовые двери Индепенденс-холла распахнулись. Джон Адамс, держа в руках чашку с кофе, недовольно сказал:

— Доброе утро, юноши. То-то я и думаю, кто там жужжит, и жужжит. Давно не виделись, как я понимаю, — он принял из рук Дэниела Декларацию Независимости. Оглядев своего бывшего клерка, Адамс велел: "На сегодня вы свободны, лейтенант Вулф. Завтра явитесь сюда, у Континентального Конгресса будет к вам особое поручение. Сопроводите мистера Ягненка на его следующую миссию".

— Но я, же не работаю за линией фронта…, - недоуменно пробормотал Дэниел.

— А кто сказал, что он туда отправится? — поднял бровь Адамс. "Пойдемте, Ягненок, позавтракаете со мной и мистером Джефферсоном. Больше пока никто не проснулся".

Меир еще успел обернуться и весело подмигнуть Дэниелу.

Мирьям оглядела накрытый для завтрака стол. Она строго сказала детям — мальчику и двум девочкам: "Не шуметь, не баловаться, и тогда мы сходим на реку, покатаемся на лодке!"

Миссис Соломон внесла блюдо с нарезанным, свежим хлебом. Присев, она заметила: "Сейчас мужчины из синагоги вернутся, и начнем. Видела ты Меира-то?"

— Да он сразу на молитву побежал, — рассмеялась Мирьям, раскладывая серебряные вилки с ножами. "Он же почти три месяца там, — девушка махнула рукой на север, — был, в деревнях, откуда там евреи? Соскучился, конечно".

В чистые, отмытые до блеска стекла било яркое, летнее солнце. Миссис Соломон поправила кружевной чепец. Вдохнув запах кофе, она повозила ногой в атласной туфле по натертому паркету: "У нас тут есть один юноша, семья хорошая…"

— Миссис Соломон, — Мирьям закатила синие глаза, — я не для того приехала в Филадельфию, чтобы меня сватали!

— Ну, все равно, — женщина немного покраснела, — тебе ведь уже семнадцать лет, милая, я твоих лет под хупой стояла.

— А я пока не хочу, — со значением ответила Мирьям. Распрямившись, девушка ахнула: "Дэниел! Садись, мы только кофе заварили. Поешь, ты же совсем на рассвете поднялся".

Жена Хаима Соломона посмотрела на красивое, с чуть заметным шрамом на щеке, лицо юноши: "Хорошо, конечно, что здесь — не как в Старом Свете. Евреи и в армии служат, и землей владеют, никто нас ни в чем не притесняет, а все равно. Мирьям из достойной семьи, еще в том веке их предок из Бразилии приехал, и вот, пожалуйста — смотрит на этого гоя, будто никого другого на свете нет. Да и он на нее — тоже".

На пороге раздались голоса. Встав, она улыбнулась мужу: "За стол, за стол! Хаим и Меир, вы сюда садитесь, — женщина отодвинула стулья, — вам же поговорить надо. С Дэниелом вы, Хаим, наверное, часто видитесь, на войне".

— Отчего же? — Хаим Горовиц, тоже в лейтенантской форме, снял свою треуголку и надел кипу. "Я же в госпитальных палатках, миссис Соломон, мы если и встречаемся — то совсем ненадолго, на бегу".

— Не всегда в палатках, — Дэниел принял от Мирьям чашку с кофе.

— Читали вы реляцию? — он взглянул на друга.

Тот пробурчал: "Ерунда все это, я просто сделал то, что должен был сделать офицер, понаписали всякого…"

Хаим Соломон ласково посмотрел на юношу. Поднявшись, взяв с камина шкатулку, он достал оттуда сложенный втрое листок.

— Подвиг лейтенанта Хаима Горовица, — мистер Соломон поправил очки. "В битве при Банкер-Хилле, военный медик массачусетской бригады, Хаим Горовиц, вынеся раненых с поля сражения, вернулся в бой. Он успешно руководил действиями солдат в рукопашном сражении, а потом, будучи одним из самых метких стрелков в бригаде, прикрывал отход наших войск".

— Все равно британцы победили тогда, — недовольно пробормотал Хаим.

— Пиррова победа, — раздула ноздри Мирьям. "Они потеряли в два раза больше людей, чем мы".

mir-knigi.org

— В синагоге это читали, — мистер Соломон улыбнулся. "Ты же не один воюешь, Хаим. Почти у каждой нашей семьи тут — сыновья в армии, так, что мы за вашими успехами следим".

Когда прочли молитву, Соломон сказал: "Юного Меира я от вас забираю, а вы, — он посмотрел на офицеров, — раз в отпуске, то извольте отдыхать. Берите мисс Мирьям, детей и отправляйтесь к реке".

Хаим подхватил на руки девочек. Миссис Соломон вдруг подумала: "Господи, да о чем это я? Евреи, не евреи…, Только бы живы все остались".

В кабинете Соломона приятно пахло сандалом и свечным воском.

— Так, — сказал банкир, отпирая незаметный, вделанный в стену железный шкап, — слушай внимательно, вопросы, если будут, — потом задашь.

— А если я не справлюсь? — спросил себя Меир, сидя в большом кресле. Из раскрытого, выходящего на склон реки окна, доносился детский смех и голос Дэниела: "Сейчас я буду британцем и атакую ваш корабль!"

— Это же не солдатам мелочевку вразнос продавать, — вздохнул юноша и вспомнил жесткий голос Томаса Джефферсона: "Во-первых, за твою голову уже назначена награда. Твое описание есть у британцев, незачем рисковать зазря. А во-вторых, революции нужны не только шпионы, ей нужны и финансисты. Вот и возвращайся к тому, чем занимался до войны".

— Но вот лейтенант Вулф…, - попытался сказать Меир. Джон Адамс, что стоял, прислонившись к камину, усмехнулся: "Лейтенант Вулф тоже — не век будет пехотой командовать. Юристы и дипломаты нам пригодятся, и очень скоро".

— Отплываешь в следующем месяце из Бостона — Соломон устроился за большим, дубовым столом. "Я тебе даю письмо к своему парижскому другу, месье Бомарше. Он, собственно, и организовал все эти поставки оружия. Он тебя сведет с людьми из Амстердама, поработаешь с ними и отправишься вот сюда, — Соломон развернул карту.

— Синт-Эстасиус, — прочитал Меир и поднял серо-синие глаза. "А что там?"

— Золотая скала, — усмехнулся Соломон, поправив черную, бархатную кипу. "Свободный порт, беспошлинная торговля, перевалочный пункт для французской помощи нашей революции. Открыто они этого делать не могут, все же не хотят ссориться с британцами. Объединились с Голландией, которая владеет этим островом. Там и синагога есть, и евреи живут — так, что не пропадешь. Будешь там присматривать за нашими интересами. Французский ты знаешь, так что все в порядке".

— А что, британцы не атаковали пока этот самый Синт-Эстасиус? — поинтересовался Меир. "Там же Ямайка рядом, и Барбадос — их колонии".

— Был один смельчак, вот, недавно как раз, — Соломон поджал губы, — капер "Черная стрела". Даже вздумал обстреливать порт. Но там как раз появился кто-то из пиратов, между ними завязалось сражение и "Стрелу" потопили.

Меир открыл рот. Посидев так, юноша спросил: "А что, разве пираты есть еще?"

— Вот приедешь в Карибское море и увидишь, — пообещал Соломон. Раскрыв большую счетную книгу, он велел: "Бери стул, садись сюда, расскажу тебе о том, что нам посылает

Франция. До вечера закончим. Потом пойдем, послушаем, как будут Декларацию Независимости читать".

— Независимости, — зачарованно повторил Меир. Встряхнув каштановой головой, он подвинул к себе перо и тетрадь: "Начнем, мистер Соломон".

Над головами освещенной факелами толпы, с башни Индепенденс-холла, плыл звук колоколов. "Я их видел, — сказал Дэниел Хаиму, — видел эти колокола. Там на одном строка из Библии — "Провозгласите свободу по всей земле".

Хаим откинул голову назад: "Так и будет, за это мы и сражаемся. Еще в наши дни будет, Дэниел. Долго они над текстом работали?"

— Да не очень, — юноша улыбнулся. "Второго июля уже все было почти готово. Когда я сюда приехал. Слушай, — он застыл.

— Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца… — раздался голос со ступеней. Мирьям, что стояла рядом с Меиром, дернула его за руку: "Не верю, не верю…"

— Поверь, — юноша смотрел на флаги, что развевались над крышами зданий. "Мы живем в свободной стране, Мирьям, в Соединенных Штатах Америки".

— И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью, — закончил чтец. Толпа на площади восторженно загудела. Солдаты милиции подняли ружья. Дэниел улыбнулся: "Сейчас все стрелять будут, и вон, — он указал на костры, — бочки с вином выкатят".

— Я бы осталась, — весело сказала Мирьям. "Все-таки не каждый день такое бывает. Можно, Хаим?"

Старший брат усмехнулся: "Дэниел тут, так, что я спокоен. А мы с Меиром пораньше ляжем, да? — он подтолкнул юношу. Тот, зевнув, согласился: "Я прошлую ночь в конюшне провел, хочется устроиться в кровати, наконец-то".

Дэниел посмотрел на тонкий профиль девушки: "Вот сейчас все и скажу. Хватит, надоело. И будь что будет".

Мирьям проводила глазами братьев. Подняв бровь, заслышав звуки скрипки, девушка сказала: "Я бы еще и потанцевала, лейтенант, если вы согласны, конечно".

— Не бывает такого счастья, — вздохнул Дэниел и вслух ответил: "К вашим услугам, мисс Горовиц".

Уже потом, когда они остановились на склоне реки, Мирьям рассмеялась: "Даже сюда музыка доносится. Интересно, наверное, когда-нибудь этот день станет праздником".

— Непременно станет, — Дэниел снял свой темно-синий офицерский сюртук и набросил ей на плечи: "Держи, у воды все-таки прохладно".

Над верхушками деревьев догорала багровая полоса заката.

Мирьям чуть вздрогнула: "Спасибо. Мне эта строчка очень понравилась, — она помедлила: "Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью". Очень правильно, — добавила она и повернулась: "Ты что смеешься?"

— Да так, — юноша ухмыльнулся, — я же тогда только приехал. У меня были пакеты от генерала Вашингтона к Конгрессу. Захожу в комнату, они там спорят, Адамс поворачивается и говорит: "А, мой бывший клерк! Ну-ка, скажите, Вулф, чего вам в жизни хочется?".

— А ты? — она все стояла, глядя в его сине-зеленые, красивые глаза.

— Ну, я и сказал, — Дэниел помолчал, — свободы и счастья, мистер Адамс. Правда, свобода у меня уже есть…, - он не закончил. Мирьям тихо спросила: "А счастье?"

— А счастье, — он вдохнул и решительно закончил: "А счастье, Мирьям, — это когда ты рядом со мной. Вот как сейчас".

Ее губы были мягкими, нежными. Девушка, прижавшись к нему, задыхаясь, помотала головой: "Нет, нет, Дэниел, я не могу…, не сразу. Когда будет мир, тогда…, - юноша взял ее лицо в ладони: "Конечно. И никак иначе. Тогда мы что-нибудь придумаем, Мирьям".

— Как хорошо, — сказала она себе, опускаясь с ним на поросший мягкой травой берег, — как спокойно.

Дэниел обнял ее и тихо попросил: "Можно? Я три года об этом мечтал, Мирьям. Поцелуй меня…"

Девушка устроилась рядом с ним, под сюртуком. Приподняв голову с его плеча, она весело спросила: "Вот так и спят в палатке, да?"

— Примерно, — проворчал Дэниел. "Только там нет таких красивых девушек". Он закрыл глаза, и, сжав руку в кулак, услышал у самого уха смешок: "Давай я тебе помогу, я все-таки почти акушерка, знаю анатомию. Немного".

Дэниел нашел ее губы и, не отрываясь от них, шепнул: "Тогда уж и я тоже, — не лежать же мне просто так!"

Мирьям сладко, нежно застонала, почувствовав его пальцы: "Господи, как хорошо, как хорошо!"

— Счастье, — подумал Дэниел, удерживая ее в своих объятьях, целуя каштановые волосы. "Вот оно, так близко, никого, никого мне не надо, кроме нее".

Они держались за руки. Дэниел, глядя на крупные, летние звезды, наконец, сказал: "Если мы будем живы, мы поженимся. Как-нибудь".

— Если будем живы, — повторила Мирьям. Она замолчала, поежившись под зябким, северным ветерком.

Часть четвертая

Новая Англия, лето 1776 года

— Шах, — сказал Теодор де Лу, двигая белого короля. Окна кабинета были распахнуты, из сада доносился теплый, томный ветер, чуть шуршали шелковые гардины. На мраморном камине стоял пышный букет роз.

— И мат, — добавил он, подняв длинные пальцы с зажатой в них фигурой, оглядывая шахматную доску — черного дерева и слоновой кости. Теодор опустил короля на место. Разлив вино по серебряным бокалам, он погладил каштановую, с чуть заметной сединой, красивую бороду: "Я выхожу из нашего предприятия, Дэвид".

Плантатор закашлялся. Осушив бокал, подняв хмурые, карие глаза, плантатор спросил: "Это как?".

— Просто, — мужчина усмехнулся и откинулся на спинку резного, дубового кресла. "Декларация Независимости оглашена, патриоты будут формировать правительство, писать конституцию, принимать законы…, Я не хочу неприятностей, Дэвид, у меня дочь растет, — Теодор кивнул в сад, откуда доносился веселый голос: "Теннис, Мэтью, — это очень простая игра, достаточно только начать. Держи ракетку!".

— Так вот, — Теодор поднялся и, сбил пылинку с рукава темно-серого, отлично скроенного сюртука, — когда в стране безвластие — можно заниматься контрабандой, Дэвид, что мы с вами успешно и проделывали последние годы. Но с законной властью я ссориться не хочу и не буду.

— Это же патриоты, — выплюнул мужчина, — они бандиты, и более ничего. Британские войска их скоро разгромят. Вы сами видели…

— Я сам видел, — сухо сказал Теодор, — как британцы эвакуировались из Бостона. Думаю, в скором времени они покинут колонии — навсегда. Так что — мужчина коротко, одними губами, улыбнулся, — те деньги, которые я вкладывал в патриотов — вернутся мне сторицей, Дэвид.

— Ну как хотите…, - пробормотал плантатор, — в конце концов, я и один могу этим заниматься, каналы поставок налажены.

Теодор присел на ручку кресла и ласково посмотрел на Дэвида. Тот почесал короткую, черную, с проседью бороду, и, сдерживаясь, спросил: "Что?"

— Да ничего, — Теодор полюбовался алмазным перстнем на руке. "Я же не могу запретить вам совать голову в петлю, дорогой бывший партнер. Занимайтесь на здоровье, только верните мне деньги".

— Какие еще деньги? — Дэвид потянулся за трубкой и пробурчал: "Я у окна постою".

Теодор снял с цепочки от часов ключ. Отперев ящик стола, достав конверт, он взвесил его на руке: "Тут два десятка расписок, Дэвид, заверенных в конторе мистера Адамса, с нашими печатями. Вот об этих деньгах я и говорю, вы мне задолжали, — Теодор прищурился, — уже тысяч за десять. Сумма не бог весть, какая, но я предпочитаю заканчивать дела, — мужчина поискал слово, — без невыполненных обязательств. До конца недели, будьте любезны, — он спрятал конверт за отворот сюртука. Легко улыбнувшись, Теодор добавил: "Пойду, поиграю с детьми в теннис, отличное времяпровождение. Вам бы я тоже советовал, а то вы в талии раздались".

Мужчина вышел. Плантатор, чиркнув кресалом, проводив глазами прямую спину, зло пробормотал: "Мерзавец, какой мерзавец. Двуличная, отвратительная гадина, ложится под

того, кто сильнее".

Дэвид обвел глазами красивую, в шелковых панелях комнату, мраморный бюст Юлия Цезаря на дубовой колонне, часы с бронзовыми фигурами на стене. Дернув губами, затянувшись, он хмыкнул: "Так тому и быть. Завещание его я видел, в конторе Адамса тоже любят деньги, все достается мисс Марте. А мисс Марта — он прищурился и увидел ее бронзовую макушку среди деревьев, — достанется нам. И очень скоро".

Дэвид выпустил клуб дыма. Не поворачиваясь, он сварливо спросил: "Что еще такое?"

— Простите, мистер Дэвид, — раздался с порога робкий голос Тео, — конюх прислал сказать, что ваша лошадь готова, охотничий костюм у вас в опочивальне, вы будете переодеваться?

— Нет, — усмехнулся он, — в сюртуке поеду. Иди сюда, — он щелкнул пальцами.

Девушка послушно склонила голову и присела.

Дэвид выбил табак на зеленый газон: "Осенью, когда вернемся в поместье, я тебя выдам замуж. Посмотрим, если у тебя будут здоровые дети, может быть, и не отправишься на плантации, станешь кормилицей и нянькой. Все, иди, скажи мистеру Мэтью, что я с ним хочу поговорить, после ужина".

Тео присела еще ниже. Выйдя в коридор, осторожно закрыв за собой дверь, она сползла вниз, на персидский ковер. "Бежать, — подумала девушка, — но куда? Тут такие же законы, как в Виргинии, мы же читали с Мартой — меня вернут хозяину и накажут плетьми. Если только в Старый Свет..., А деньги? У Марты тоже нет, придется просить у ее отца, а даст ли он? Господи, — Тео перекрестилась, — помоги мне. Но нельзя, нельзя тут оставаться".

— Что такое? — раздался рядом тихий голос. Марта бросила один взгляд на лицо Тео и потянула ее за руку: "Пошли ко мне".

— Мне надо найти мистера Мэтью, — обреченно сказала Тео.

— Он за мячами по всему саду бегает, — Марта втолкнула ее в спальню. Заперев дверь на ключ, прислонившись к ней спиной, она повторила: "Что такое?".

Тео села на изящную, золоченую, утопающую в шелке и кружевах кровать. Зажав красивые руки между коленей, девушка разрыдалась.

— Вот это выпей, — Марта налила воды в серебряный бокал и накапала туда какой-то жидкости. "Это индейское, успокоишься. Выпей и расскажи".

Тео залпом проглотила пахнущую травами, темную жидкость. Качнув темноволосой, красивой головой, она стала говорить.

Марта вздохнула. Закрыв глаза, она вспомнила огромный, мрачный дом, что стоял на обрыве, возвышаясь над широкой, быстрой рекой.

— У вас даже автограф Шекспира есть! — восхищенно сказала девушка, устроившись на большом, пропахшем табаком диване, обложившись книгами. "Моему дорогому другу, месье Матье, с искренним уважением. Уильям Шекспир" — прочитала она.

— Вот это и есть месье Матье, мистер Мэтью, мой предок — Дэвид указал на портрет

седоволосого, с пристальными, карими глазами, мужчины. "Мы же из первых семей Виргинии, Марта. Приехали в Джеймстаун еще в царствование короля Якова. Это его приемный сын, тоже Дэвид, как я, — он подошел к портрету молодого человека — черноволосого, смугловатого.

— Вы похожи, — рассмеялась девушка. "А это его жена? — он посмотрела на картину, где золотоволосая, с васильковыми глазами девушка, держала на руках младенца.

— Да, ее звали Мария, она как раз — внучка Мэтью. Мать ее родами умерла, а отца индейцы убили, — Дэвид помолчал. "Вот ее брат и сестра старшие, Тео и Теодор, они тоже умерли, правда".

— А от чего? — спросила тихо Марта, глядя на девушку — белокурую, кареглазую, что стояла с букетом цветов в руках. Рядом крепкий, высокий юноша удерживал за ошейник рыжую собаку.

— Очень грустная история, — вздохнул плантатор. "Тео была уже помолвлена, но ее кто-то соблазнил. Она поняла, что ожидает ребенка и повесилась. А Теодор и Дэвид вышли в море на рыбалку, их лодка перевернулась. Дэвид пытался спасти юношу, сам чуть не погиб, но Теодор утонул. Так и получилась, что Мария стала единственной наследницей".

— И тогда Дэвид на ней женился, — усмехнулась девушка, поднимаясь, прижимая к груди томик Шекспира.

— Ну, — плантатор поднял бровь, — они любили друг друга, милая…

— Конечно, — Марта посмотрела на портрет черноволосого юноши. "Они похожи, да, — подумала она. "Одно лицо".

— Спасибо за интересный рассказ, мистер Бенджамин-Вулф, — вежливо сказала девушка, закрывая за собой дубовую, тяжелую дверь библиотеки.

Марта встряхнула уложенными на затылке косами и сморщила нос: "Все понятно. Я иду к папе, прошу у него денег, мы сажаем тебя на первый корабль до Европы и эти, — она выругалась по-французски, — тебя больше никогда не найдут".

Тео вытерла лицо и робко спросила: "А твой папа согласится?"

Марта подошла к окну и вгляделась в освещенные закатом леса на горизонте. "Провозгласите свободу по всей земле, — сказала она серьезно. "У нас никогда не было рабов, Тео, и никогда не будет. Так что не бойся, согласится, конечно".

Тео остановилась рядом. Вдохнув запах жасмина, посмотрев в большие, зеленые глаза, она вдруг наклонилась, и прижалась щекой к белой щеке подруги.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— А в Старом Свете, — Марта рассмеялась, и поцеловала ее, — ты должна стать актрисой. Вот я сейчас сыграю, — она села за пианино, — а ты споешь, я эту песенку в Гарварде на выпускном балу слышала, ее студент написал, Эдвард Бэнкс, тот, что мне предложение делал, — Марта лукаво подняла бровь. "Один из многих".

Тео кивнула, и, подождав несколько тактов, запела:

Father and I went down to camp,
Along with Captain Gooding,
And there we see the men and boys
As thick as hasty pudding.
Yankey doodle keep it up,
Yankey doodle dandy,
Mind the music and the step,
And with the girls be handy.

Марта рассмеялась и подхватила: "And with the girls be handy!"

Дэвид остановил коня на берегу реки Чарльз и посмотрел вдаль, на черепичные крыши Уотертауна. У каменной плотины возвышалась водяная мельница, на горизонте были видны кирпичные трубы ткацкой мануфактуры.

— Да, — подумал мужчина, — стряпчего лучше отсюда привезти и доктора тоже. Надо будет съездить, с ними договориться. Священника я видел, мы же ходили на службу. Безобидный старичок, как раз и утешит мисс Марту, и даст ей подходящий совет.

Он полюбовался искристой, темно-синей водой реки. Услышав стук копыт, обернувшись, он спешился. Мэтью соскочил со своего белого жеребца, и подошел к отцу. Дэвид взглянул на золотистые, растрепавшиеся кудри сына: "Надо будет еще закладную на поместье сделать, одних расписок недостаточно".

— Папа, — юноша закатил ореховые глаза, — это опять на всю ночь работа, у меня скоро руку сведет.

— Ничего, — Дэвид поцеловал его в затылок, — скоро все закончится. И у тебя прекрасно, получается, подделывать почерк, не отличишь. Вот тут, — он указал на каменистый берег реки, — мы все и устроим. Очень удобно, как раз роща рядом.

Мэтью ласково потрепал своего коня по холке и улыбнулся. "Я тогда сделаю вид, что заболел. Ногу растянул, с этим теннисом немудрено. Незаметно выскользну и буду здесь, — он указал на деревья, — раньше вас. Только, папа, — озабоченно спросил юноша, — ты уверен, что его лошадь понесет?"

Дэвид, отпустив поводья своего жеребца, присев на камень, — набил трубку.

— Зря я, что ли, — лучший знаток коней в Виргинии, дорогой? — он закурил. "У него отличный жеребец, кровный, из Старого Света. Берберский. А у них, — Дэвид помолчал, — характер словно огонь. У Теодора крепкая рука, но даже он с таким не справится. Только ты должен выстрелить очень аккуратно, Мэтью, прямо в ухо лошади. Мы медленно будем ехать, прогуливаться, так сказать".

— Со стременами я поработаю, — Мэтью ухмыльнулся, — так, как ты меня учил. Заметно ничего не будет, ты не волнуйся.

— Да я не волнуюсь, — Дэвид вытащил из кармана охотничьей куртки деревянную трубочку и повертел ее в руках. "Такая простая вещь, — хмыкнул он, — всего лишь шип от растения. Это индейское снадобье, что я тебе дал — будь с ним осторожен, оно страшно едкое".

Мэтью нагнулся. Обняв отца, он вдохнул знакомый с детства, ароматный запах табака: "Разумеется. А печати, папа — на закладной и расписках?"

— Это потом, — Дэвид все смотрел на реку. "Когда мистер Теодор будет лежать при смерти, ночью. Тогда же я и свои расписки сожгу".

Юноша недоверчиво заметил: "Он ведь сразу тут может умереть".

— Тем более, — Дэвид поднялся, — он не возит печать на прогулки, поверь мне. Где она лежит в его кабинете — я знаю, и ключи он тоже дома оставит. Похороним мистера Теодора, и вы повенчаетесь.

На берегу повисло молчание, прерываемое только шумом воды.

— Надеюсь, ты не будешь заставлять меня…, - Мэтью брезгливо поморщился. "Даже ради тебя, папа — я не смогу".

— Нет, нет, — Дэвид улыбнулся, — я сам этим займусь, разумеется. Тебе надо будет только сделать предложение, и постоять перед алтарем, вот и все. Можешь и не приезжать потом в Виргинию. Только когда она родит, для приличия".

Мэтью посмотрел куда-то вдаль: "А если она мне откажет? Хотя вроде я ей по душе…"

— Не откажет, — отмахнулся Дэвид. "Куда ей деваться? Поместье будет принадлежать мне, по новой, — он рассмеялся, — закладной, деньги тоже. У нее ничего не останется. Не побираться же ей идти. А тут ты, — любящий, добрый, прекрасный муж, — он погладил сына по щеке, — конечно, она согласится".

На ветви дуба запела какая-то птица. Дэвид подумал: "Так будет правильно. С этим браком мы станем богаче всех на юге. Отлично, просто отлично. И наследник обеспечен, даже несколько. Она здоровая, молодая, девушка".

— А если он не умрет, а просто покалечится? — спросил Мэтью, когда они шли вверх по течению реки, держа лошадей в поводу.

— Значит, я сделаю так, чтобы он умер, — холодно ответил отец. "Хотя, — Дэвид задумался, — можно будет установить над ним опеку. Со стряпчим я договорюсь, и с врачом — тоже. Ну, посмотрим".

— Раз ты поедешь к стряпчему, — Мэтью, остановившись, откинув красивую голову, взглянул в карие глаза отца, — сделай мне подарок, папа.

Дэвид погладил его по голове. "В добавление к тому, — он поднял бровь, — уединенному дому в горах, и тем, кто там живет?"

— Мне надо будет новых, — заметил Мэтью, повертев в руках хлыстик, — с того лета немного осталось, и они уже, как бы это сказать, мне наскучили.

— Вот приедем в поместье, и выберешь, — отец помолчал. "Так что за подарок?"

— Тео, — просто сказал Мэтью. Свистом, подозвав своего жеребца, он сел в седло. "Я знаю, папа, — Мэтью повернулся, — ты хотел на ней деньги заработать, но, право слово, — юноша поднял бровь, — я не так уж часто что-то прошу".

— Нечасто, да, — проворчал Дэвид, оглядев сына. "Ладно, — вздохнул он, — уродов она не нарожает, Мэтью бесплоден. И, слава Богу — не надо с такими пристрастиями, как у него,

детей заводить, ни к чему это. Конечно, после того, как он с Тео закончит, она, вряд ли и для плантаций сгодится, но не могу я ему отказать".

— Когда поеду в Уотертаун, — сказал Дэвид, — оформлю дарственную. А теперь давай, — он потянулся за дробовиком, — постреляем хоть немного, мы же все-таки — на охоту уехали. Опять же, ради приличия.

Мэтью рассмеялся, и, пришпорив коня, направил его в рощу.

В кабинете мерно тикали часы. Теодор повертел в руках перо: "Разумеется, я дам ей денег, даже не стоило, и спрашивать, милая. Послезавтра я еду в Бостон, в контору к Адамсу, и обо всем договорюсь. Заодно узнаю в порту — что там с кораблями в Старый Свет. Во Францию, я предполагаю? — он улыбнулся.

Марта кивнула. "Да, у нее же французский язык — как родной. Папа, а тебя не арестуют? Это же незаконно".

Мужчина поднялся и погладил бронзовый затылок дочери. "Это не первое мое незаконное дело в жизни, милая. Контрабанда, — он стал загибать пальцы, — шпионаж, подделка товаров, не говоря уже о том сарае на фактории, где, как ты помнишь, стоял некий аппарат".

— А он вкусный, самогон? — улыбнулись тонкие губы.

— В общем, — Теодор налил себе бургундского вина, — неплохой. У меня был и вовсе отличный, я пристально следил за качеством. Да, и не забудь, — он выпил, — ту пару-тройку золотых россыпей, которые я решил не наносить на правительственные карты. Так что помощь беглому рабу, по сравнению со всем этим, — он повел рукой, — просто мелочи. Тебе, кстати, привезти кольцо? — он зорко взглянул на дочь.

Марта покачала высоким переплетением кос: "Нет пока". Она встала, и, потянувшись, подставила отцу лоб: "Еще не время, папа".

Теодор поцеловал ее: "Скажешь, когда оно понадобится, милая моя. Беги, порадуй Тео".

Марта осторожно нажала на резную ручку двери. Тео сидела на кровати, уставившись на пустую кожаную суму.

— Я сказала, что ты меня позвала тебе с ванной помочь, — она кивнула на дверь умывальной, откуда тянуло ароматным паром.

— Так, — деловито проговорила Марта, устраиваясь рядом, — послезавтра папа будет в Бостоне и обо всем договорится. Денег он тебе тоже даст, на первое время. Возьмешь моего Расина, — она вложила книгу в руку девушки, — мои гребни, чулки…, Жалко, что ты такая высокая, а то бы я с тобой платьями поделилась…

Тео взглянула на нее чудными, огромными, черными глазами: "Марта, дай мне реплику. С того места, ты помнишь".

Девушка открыла "Федру":

— О, горе! Горе мне!
Но сына проклял я, доверившись жене!
Убийца!.. Или мнишь ты получить прощенье?..

— О, выслушай, Тесей! Мне дороги мгновенья, —

Тео поднялась. Встряхнув темными кудрями, девушка продолжила:

— Твой сын был чист душой. На мне лежит вина.
По воле высших сил была я зажжена
Кровосмесительной неодолимой страстью…

Она закрыла глаза. Марта, глядя на ее побледневшие, смуглые щеки, на длинные пальцы, что комкали простой передник, вздрогнула: "Господи, только бы все получилось".

Мирьям надела соломенную, широкополую шляпу. Подхватив плетеную корзинку, она вышла в маленький палисадник дома Горовицей.

— Совсем одиноко станет, — вздохнула она, подстригая кусты цветущего шиповника. "Хаим на войне, а Меир — и раньше нечасто приезжал, а теперь и вовсе во Францию отплывает. А Дэниел? — она застыла со стальными ножницами в руках.

Вдалеке, под Бикон-Хиллом, томно поблескивало темно-синее море. Над крыльцом дома Горовицей развевался американский флаг, жужжали пчелы. Девушка, оглянувшись, опустилась на старую деревянную скамью.

— Это еще папа ставил, — вспомнила Мирьям. Опустив ресницы, она огладила подол летнего, муслинового платья.

— Дэниел, — повторила она, чувствуя, что краснеет. "Надо ему сказать, что это была ошибка. Я его не люблю, нельзя так. Просто потеряла голову, да и кто бы ни потерял. Вот Меира проводим, и скажу. И вообще, — девушка решительно поднялась со скамейки, и начала срезать розы, — не об этом надо думать, а о работе. Сейчас пообедаем, и пойду к миссис Хопкинс, посмотрю, как она с кормлением справляется, все-таки двойня".

— А вот и мы! — раздался веселый голос за калиткой. "Ужасно голодные!"

— Мойте руки, — строго велела Мирьям, складывая в корзинку белые розы. "А что вы Дэниела с собой не взяли? — она взглянула на старшего брата.

— Лейтенант Вулф, — Хаим щелкнул ее по носу, — уехал в Гарвард, выпускные экзамены сдавать. Война — войной, а без диплома ни я, ни он — не останемся. Так что, когда все это закончится, он сменит свою рукописную табличку на что-то более приличное. "Адвокатская контора Дэниела Вулфа, например".

Меир улыбнулся: "А я открою свой банк".

— Иди уже, — ласково подтолкнул его старший брат, — банкир. Сначала вещи свои научись складывать, через неделю отплываешь, а до сих пор все разбросано.

— Сейчас на стол накрою, — пообещала Мирьям. Подхватив корзинку, ступив в прохладную переднюю, — она поставила цветы в простую, медную вазу.

Меир оглянулся на дверь дома. Сев на скамейку, юноша злым шепотом сказал: "Ты не можешь мне этого запретить!"

— Могу и запрещаю, — холодно ответил Хаим. "У тебя есть новая миссия, ей и занимайся.

Хватит, тебе еще в Филадельфии сказали — британцы тебя ищут".

Мирьям подошла к раскрытому в сад окну и прислушалась.

— Я эту листовку видел, — презрительно пожал плечами Меир, — по ней бы меня ни ты, ни Мирьям не опознали. Хаим, — умоляюще взглянул на него юноша, — неужели мы позволим Кинтейлу атаковать Бостон? Только недавно всех британцев отсюда выгнали, и вот опять…Ты же слышал, у него больше двух тысяч человек под командой. Я бы пробрался туда, на юго-запад, разведал…

— Дэниел может этим заняться, — Хаим Горовиц помолчал. "Или я".

— Ни ты, ни Дэниел никогда не работали за линией фронта, — Меир вскочил. "На вас большими буквами написано — "офицер Континентальной Армии", у вас выправка военная. Кинтейл видел Дэниела, это опасно. Хаим, я за пару суток обернусь, обещаю…"

— Я сказал — нет, — отрезал старший Горовиц. Вздохнув, помолчав, он добавил: "Братик, милый мой, пойми ты — надо, чтобы хоть кто-то из нас выжил. Я ведь тоже, — он наклонился и поцеловал Меира в лоб, — хоть и врач, а все равно — военный. Так хоть ты зазря не рискуй".

Меир вытащил из кармана куртки потрепанную, старую записную книжку. Он хмуро сказал, вглядываясь в грубо нарисованную карту: "Ладно, по сведениям, что я слышал, — Кинтейл двигается медленно. Там хороших дорог нет, а они пушки везут. Пойду, завтра в штаб ополчения, посижу там с ребятами, может быть, удастся найти кого-то подходящего".

— Все готово, — сглотнув, позвала Мирьям. "Рыба жареная, и пирог с малиной на десерт. И лимонад, несладкий, как вы любите".

Она проводила глазами братьев, и едва слышно сказала: "Куртку свою Меир тут оставит, как всегда. Вот и хорошо".

Девушка встряхнула головой и зашла в столовую.

Уже разливая лимонад, Мирьям лукаво заметила: "Когда мы были на том обеде в Филадельфии, у раввина, там, рядом со мной сидела девушка, мисс Филипс, дочь этого мистера Ионы Филипса, который в филадельфийской милиции служит. Она, Хаим, только на тебя и смотрела. Ципора ее зовут".

— Ей двенадцать лет, — расхохотался Меир, — ты еще ему сосватай ту, что в пеленках лежит.

— Ну, — заметила Мирьям, разрезая пирог, — она вырастет, когда-нибудь. Правда, — девушка подтолкнула старшего брата в плечо, — или тебе надо тоже — в Старый Свет поехать, Хаим. Меир себе оттуда жену привезет, и ты этим займись.

— Меиру, — Хаим присвистнул, — девятнадцать лет, куда ему жениться.

Юноша отчаянно покраснел и, опустив голову, пробормотал: "Я и не собираюсь, в общем".

— А тебя, Мирьям, тоже — старший брат улыбнулся, — в Филадельфии уж, сколько юношей обхаживало. И все офицеры, из хороших семей, как этот майор, как его там…

— Нуньес, — помог Меир. "Биньямин Нуньес. Он, кстати, сейчас, переходит в кавалерию. К нам приезжает польский генерал, Казимир Пулавский, будет командовать конницей в армии".

— Вот да, — Хаим потянулся и стал загибать пальцы. "Лазарус, де Леон… — да их и не пересчитаешь, твоих поклонников. После войны непременно хупу тебе поставим, Мирьям".

— Сам сначала под ней побывай, — сестра высунула язык и стала убирать со стола.

Мирьям проснулась в середине ночи. Чиркнув кресалом, она зажгла свечу. Холщовые штаны и куртка лежали на сундуке. Девушка поднялась. Скинув рубашку, проведя ладонями по телу, она улыбнулась: "Ничего и нет еще. Сейчас волосы остригу, и никто меня от мальчишки не отличит. Жалко, конечно, но все равно — в госпитале я в чепце, с пациентками тоже, да и они у меня быстро растут".

Она присела на пол. Наклонив голову над расстеленной простыней, девушка стала щелкать ножницами.

Встряхнув кудрявой головой, Мирьям оделась. Спрятав в кожаную суму кинжал, с башмаками в руке, она спустилась вниз.

— Уехала на срочный вызов в деревню, — девушка придавила записку серебряным подсвечником и одним быстрым, неуловимым движением достала из кармана куртки Меира записную книжку.

Ловко перечертив карту, Мирьям тихонько приоткрыла дверь. Она застыла на пороге — огромная, серебряная луна висела над Бикон-Хиллом, по глади залива были разбросаны корабли, с юга веяло теплым ветром.

Мирьям надела башмаки. Выскользнув из калитки, проходя мимо дома миссис Франклин, она сунула под дверь конверт.

— Уехала по семейному делу, буду через три дня, — пробормотала Мирьям, спускаясь с Бикон-Хилла, засунув руки в карманы куртки.

— Все будет просто, — она вздернула подбородок. "Говор у меня самый что ни на есть бостонский, инструменты я с собой взяла — зуб вырвать смогу, рану почистить и зашить тоже. Вот и посмотрим — кто там из британцев зубной болью страдает. А Кинтейл меня и не увидит. Он полковник, такие люди на мальчишек внимания не обращают".

Мирьям сорвала какую-то травинку. Пройдя по набережной, она оглянулась — в окне каморки Дэниела горела свеча.

— Сдал, — улыбаясь, подумала она. "Сдал экзамены. Нет, потом, все потом. Сначала — дело".

Девушка закусила травинку зубами. Выйдя в городское предместье, Мирьям повернула на юго-западную дорогу.

Лошади медленно ступали по тропинке вдоль реки.

— Вообще, — сказал Теодор, оборачиваясь к Дэвиду, указывая на трубы ткацкой фабрики, — когда будет подписано перемирие, я хочу и сам заняться мануфактурами. Сырье у нас отличное, не хуже британского, незачем тратить золото на импорт тканей. Что там слышно, — он оглянулся на дочь и понизил голос, — вы ведь вчера ездили в Уотертаун?

— Лорд Кинтейл подбирается к Бостону, — так же тихо ответил Дэвид, — с тремя полками и

артиллерией. Надеюсь, они смогут выкинуть этих бандитов, — карие глаза зло заблестели, — из города.

— Ну, — заметил Теодор, — в Бостоне и окрестностях много ополченцев. Сами знаете, атаковать город, который стоит на холмах — сложно. Тем более с равнины, тем, более не имея поддержки с моря. Все британские военные корабли сейчас собрались вокруг Нью-Йорка. Марта, — он улыбнулся, — ты о чем задумалась?

— Так, — девушка подогнала своего рыжего коня, — какой вечер сегодня красивый. Жалко, мистер Дэвид, что Мэтью ногу растянул.

— Он завтра уже и оправится, — Дэвид посмотрел на багровую полосу заката над дальними лесами. Небо над ним было окрашено в глубокий, темно-синий цвет. Чуть поблескивали еще слабые, звезды, над поляной метались стрижи.

— По-мужски ездит, — подумал он, глядя на то, как девушка уверенно сидит в седле. Бронзовые косы спускались на куртку тонкой кожи, расшитую бисером.

— Это микмаков одежда, мистер Дэвид, — усмехнулась Марта. "Я на фактории часто в индейском наряде ходила, на охоте так удобнее".

— Пора и домой, — Теодор повернул своего гнедого, красивого жеребца. "Я завтра в Бостон еду, это на рассвете вставать надо".

Марта, на мгновение, коснулась руки отца и тот ласково улыбнулся.

Гнедой жеребец, вдруг, дернул головой, и, поднявшись на дыбы, гневно заржал. Лошадь поскакала, не разбирая дороги, по каменистому берегу реки.

— Папа! — отчаянно крикнула Марта, с ужасом увидев, как отец, пытаясь сдержать коня, привстает в стременах. Жеребец попытался сбросить всадника, тот потерял равновесие, и, зацепившись за стремя, рухнул на прибрежные валуны.

Лошадь с негодованием всхрапнула и, таща за собой человека, — ринулась прочь, вниз по течению.

— Папа! — не успел Дэвид опомниться, как Марта, пришпорив своего коня, крикнула: "Avant!"

— Еще не хватало, чтобы и она голову разбила, — подумал плантатор. Он спустился вниз по склону, и увидел окровавленные камни.

— Отлично, просто отлично, — усмехнулся про себя Дэвид и прищурился — Марта, на своей рыжей лошади, догоняла гнедого жеребца.

— Не смей! — было, хотел крикнуть он. Девушка, поравнявшись с взмыленным конем, ловко перехватила поводья. Соскочив на землю, она что- то сказала жеребцу.

Тот, остановившись, — коротко, горько заржал.

— Надо вынуть шип, — решил Дэвид, подъезжая ближе. "Не приведи Господь, конюх заметит. Сейчас отправлюсь в усадьбу, потом за врачом, и возьму с собой этого жеребца, что ему тут оставаться. Но какая смелая у нас мисс Марта, я и не ожидал".

Марта подняла зеленые, блестящие глаза, и закусила губы: "Мистер Дэвид…, Надо

врача…Папа…, - она часто подышала. Держа голову отца у себя на коленях, наклонившись, девушка шепнула: "Папа, ты меня слышишь? Дай знать, если слышишь, пожалуйста".

Светлые волосы на затылке мужчины слиплись от крови, голубые глаза с расширенными зрачками смотрели вверх, на уже почти ночное небо.

— Марта, милая…, - осторожно сказал Дэвид, опускаясь рядом с ней. "Мне очень жаль…"

— Он дышит, — сухо сказала девушка, не глядя на плантатора. "Дышит, и сердце у него бьется, проверьте сами". Дэвид взял покрытую ссадинами руку и прислушался. "Действительно, бьется, — понял он. "Хотя это ненадолго, с проломленным затылком не живут. Надо и вправду врача привезти".

— Я сейчас, — сказал он торопливо. "Сейчас доеду до усадьбы, пришлю сюда слуг и отправлюсь за врачом, милая. Теодор, — он посмотрел на мертвенно бледное лицо, — если вы меня слышите, пошевелите рукой".

Марта посмотрела на застывшие, не двигающиеся пальцы отца. Она подняла глаза: "Поезжайте, мистер Дэвид, пожалуйста, быстрее. Только почему Фламбе, — она указала на жеребца, — понес, он никогда такого не делал, он очень любил папу…, - голос девушки задрожал. Она, склонив голову, шепнула: "Папа, милый мой…"

Дэвид вздохнул и осторожно прикоснулся к растрепавшимся косам: "С лошадьми такое случается, милая. Мы теперь уж никогда и не узнаем — почему. Я возьму его в усадьбу".

— Да, — кивнула Марта, не отводя взгляда от пустых глаз отца. "Спасибо, мистер Дэвид".

Уже поднявшись на склон, ведя в поводу все еще беспокойную лошадь, Дэвид оглянулся — девушка сидела, не двигаясь, гладя руку отца, что-то тихо, ласково говоря.

— Фламбе, — хмыкнул Дэвид. Натянув кожаную перчатку, он быстро вынул шип из уха жеребца. "Мэтью отлично стреляет, метко, — улыбнулся плантатор, рассматривая темное, едко пахнущее снадобье. Он выбросил шип в густую траву, и жеребец благодарно посмотрел на него.

— Ты прости, милый, — Дэвид потрепал его по холке. "Ничего, теперь тебе легче. Поедешь со мной в Виргинию, там таких коней, как ты — он полюбовался изящным, сухим телом лошади, — и не видели. Ты у нас быстрый, да? Как пламя, — он улыбнулся. Ведя гнедого в поводу, мужчина поехал к усадьбе.

В опочивальне горели высокие, бронзовые канделябры. Марта, что сидела у изголовья постели, всматриваясь в лицо отца, вытерла распухшие глаза: "Доктор Смитфилд, но я не понимаю — папа ведь дышит, и сердце у него бьется…"

Врач вздохнул: "Господи, бедная девочка. И он тоже — здоровый мужчина, год до пятидесяти, и уже никогда не встанет с постели".

Смитфилд устроился рядом. Взглянув на забинтованную голову, он помолчал: "Мисс Марта, вы же видели — у него проломлен череп. Я поставил железную пластинку, но, — врач указал на расширенные зрачки, — у вашего отца полный паралич всего тела. Он может дышать, и вы сможете его кормить, потом, попозже, но мистер де Лу никогда не будет двигаться. И говорить — тоже. Но при хорошем уходе, — врач задумался, — ваш отец может прожить еще долго".

— Я буду, — всхлипнула девушка, — буду ухаживать, конечно, как же иначе? Доктор Смитфилд, — она помолчала, — а папа нас слышит?

— Даже если и слышит, — врач развел руками, — то мы об этом никогда не узнаем, мисс Марта. Мне очень жаль, — он взял саквояж и добавил: "Завтра придет преподобный отец, это его долг — навещать больных. Я тоже буду к вечеру, посмотрю на состояние мистера де Лу. Я бы вам советовал поспать, мисс Марта, — он помялся на пороге.

— Я буду с отцом, — покачала головой девушка. "Спасибо, доктор, давайте, — она быстро поднялась, — я с вами расплачусь".

— Надо поехать в Бостон, к Адамсу, — поняла Марта, — мне шестнадцать лет, нужны опекуны. Папа поправится, непременно, я его вылечу, но все равно — еще пять лет до совершеннолетия. Адамс посоветует кого-нибудь.

— Мистер Бенджамин-Вулф сказал, чтобы вы ни о чем не беспокоились, мисс Марта, — врач поклонился и снял холщовый, испачканный кровью передник: "Вы, пожалуйста, выпейте вот это, — он достал какую-то склянку, — это успокаивающее, вы все же так плакали..."

Марта шмыгнула носом. Налив в серебряный бокал воды, девушка передала его врачу. Она выпила залпом горьковатую жидкость, и опустилась в кресло: "Спасибо, доктор. Увидимся с вами завтра".

Смитфилд вышел в коридор и сказал плантатору, что курил у распахнутого в сад окна: "Мисс де Лу сейчас заснет, его положение теперь уже и не изменится, а ей надо отдохнуть. Я бы вам советовал послать за стряпчим, мистер Бенджамин-Вулф, раз вы, — Смитфилд чуть не сказал: "с покойным", но вовремя спохватился, — с больным были деловыми партнерами".

— И друзьями, — Дэвид затянулся и сжал зубы. "Конечно, доктор, завтра же с утра. Спасибо вам большое".

Он проводил взглядом врача и тихо пробормотал, вдыхая запах цветущих роз: "Сейчас покурим и навестим кабинет бедного Теодора. Кое-что там приведем в порядок. Слава Богу, все отлично получилось, теперь мисс Марта никуда от нас не денется".

— Мистер Дэвид, — раздался сзади девичий голос. Тео стояла, перебирая оборки холщового передника, вытирая одной рукой слезы со смуглой щеки. "Может быть, мисс Марте нужна помощь, я могла бы ее сменить..., Какое горе..."

— Горе, да, — он окинул взглядом стройную, в простом синем платье, фигуру девушки. "Завтра поможешь. Пока иди к мистеру Мэтью, приготовь ему постель".

Тео кивнула. Присев, девушка подождала, пока Дэвид, тяжело шагая, спустился по мраморным ступеням лестницы.

— Все равно убегу, — подумала она, дернув вишневыми губами. "И будь что будет".

Она вздохнула. Пройдя по коридору, Тео постучала в дверь. "Мистер Мэтью, это я, — сказала девушка, — пришла убраться у вас".

— Ну, заходи, — он стоял, прислонившись к косяку, оглядывая ее ореховыми глазами. "Заходи, Тео, — повторил он. Мэтью тряхнул золотистыми, чуть вьющимися кудрями, и отступил в сторону, пропуская ее.

Дверь опочивальни захлопнулась, ключ несколько раз повернулся в замке.

Он поднялся на заметенное снегом крыльцо их дома в Квебеке. Поставив рядом кожаный, туго набитый мешок, Теодор постучал в дверь.

Мари открыла сразу же, будто ждала его в передней. Тихо ахнув: "Господи, я и не думала, что ты к Рождеству вернешься!", взяв его за руку, жена затащила Теодора внутрь.

— Я весь холодный, — тихо сказал Теодор, обнимая жену. "Но сейчас согреюсь. Я ненадолго, до Нового года побуду с вами, а потом опять на факторию".

Он скинул легкую, теплую парку из волчьего меха и обнял ее как следует, развязав ленты чепца, целуя русые волосы. "Пойдем, — шепнула Мари, блестя зелеными глазами, — покажу тебе кого-то. Выросла так, что не узнаешь".

Девочка спала, подложив ручку под пухлую щеку, чмокая розовыми губками. Теодор наклонился над колыбелью и улыбнулся: "Посмотри, что в том мешке, Мари".

Жена развязала горловину и застыла: "Откуда?"

— Так, — он все любовался дочкой, — набрел на пару хороших россыпей. Это все для вас, мои милые, — улыбнулся Теодор, глядя на тускло блестящий золотой песок, что лежал на ладони жены.

Девочка проснулась, зевнув, поморгав. Марта радостно протянула к нему руку: "Рара!"

Горел камин, Марта, сидя на ковре, играла с золотыми самородками. Теодор, пристроив жену у себя на коленях, слушал завывание метели за окном: "Господи, Мари, я и не думал, что можно быть таким счастливым".

Дочь поднялась. Бойко ковыляя, подойдя к ним, она попыталась забраться в кресло. Теодор подхватил ее. Марта, улыбаясь, опять проговорила: "Рара!"

Он обнял их обеих и, вдыхая запах дома, — блаженно закрыл глаза, баюкая жену и задремавшую дочь.

Мэтью потянулся. Раскрыв шелковые гардины, распахнув окно, что выходило на зеленые поля, он посмотрел на поблескивающую вдали реку. "Будет отличный день, — юноша улыбнулся. "Здесь не хуже, чем в Виргинии, но после свадьбы все равно придется уехать — папа, наверняка, сдаст этот дом, чтобы не терять прибыль".

Мэтью раздул ноздри, вдыхая острый, металлический запах крови, смешавшийся с ароматом цветущего сада.

— Надо помыться, — он оглядел себя и усмехнулся. "Но это потом, сначала посплю".

Он набросил вышитый халат, и, присев на кровать, молча, оглядел ее. Она лежала, закрыв глаза, подергиваясь, из-под длинных, черных ресниц текли слезы. Мэтью щелкнул ухоженным ногтем по веревке: "Вот так, милая. Дарственную ты видела, когда вернемся в Виргинию — поедешь в мое особое место. Называется, — юноша наклонился к ней, и провел губами по заплаканной, смуглой щеке, — "Дом Радости". Тебе там понравится, Тео, ты будешь моим любимым, — он помолчал, — развлечением".

Он вынул платок из ее рта, и посмотрел вниз: "Хочешь еще?"

Девушка затряслась, стуча зубами, шепча что-то неразборчивое.

— Ну…, - протянул Мэтью, — напоследок, милая. Не могу тебе отказать, Тео, никогда не мог. Ты же помнишь — в детстве ты у меня что угодно могла выпросить.

Он вынул рукоять плети и поднес к ее рту: "Надо почистить. Все должно быть красиво, Тео, ты же такая красивая".

— Это не я, — подумала девушка, чувствуя вкус крови. "Это не со мной. Это сон, я открою глаза, и все исчезнет. Это просто кошмар".

— Молодец, — похвалил ее Мэтью. Резко затолкнув плеть обратно, он распахнул полы халата. "Хорошо, — подумал он, наслаждаясь страхом в ее глазах, — очень хорошо".

— Вот так, — сказал он, наконец, глядя на ее испачканное лицо. "В доме радости, Тео, у меня много других игрушек, там у тебя появятся, — он помедлил, — друзья. Хотя, — Мэтью, встав на колени, наклонился над ней, — мы еще не закончили, милая. Ты уже научилась это делать, Тео, тебе ведь нравится?

— Нравится, — обреченно прошептала она, открывая рот.

— Нравится, хозяин, — поправил ее Мэтью. Глубоко вздохнув, он резко двинулся вперед.

Девушка закашлялась, подавилась, и он рассмеялся: "Это только начало, Тео, только самое начало твоего обучения. Я терпеливый учитель, милая моя".

Тео лежала, отвернув голову, чувствуя вес его тела, кусая губы от боли в исхлестанных плечах. Наконец, ощутив между ногами обжигающее, вязкое тепло, она не смогла сдержать слезы.

— Мне нравится, когда ты плачешь, — Мэтью погладил ее темные волосы, и, быстро отвязал девушку: "Одевайся, иди, слуги скоро встанут".

Тео и не помнила, как очутилась в пустынном, прохладном коридоре. "Бежать…, - она заковыляла прочь, — куда угодно, пусть повесят, пусть что угодно, но только не это. Только не он".

Она схватилась за резную колонну: "Марта! Нельзя ее тут оставлять! Она не уйдет со мной, не бросит отца. Хотя бы сказать, — Тео согнулась вдвое от резкой, внезапной боли, и часто задышала, — предупредить…"

В опочивальне Теодора было тихо. Тео, бросив один взгляд на постель раненого, — мужчина лежал с закрытыми глазами, — превозмогая боль, потрясла спящую девушку за плечи.

— Марта! — шепнула она. "Марта!"

— Сейчас слуги поднимутся, — поняла Тео, — мистер Дэвид придет…Он все знал, все знал, поэтому и подарил меня…, Бежать, не ждать, Марта мне показывала ту калитку в саду, она легко открывается.

Девушка оглянулась. Нацарапав на клочке бумаги несколько слов, она положила его на колени Марте. Та даже не пошевелилась. "Я тебе напишу, — Тео коснулась губами высокого, белого лба, — напишу из Бостона. Мистер Дэниел, — она застыла, вспомнив, как, стоя на коленях,

разжигала камин в библиотеке виргинского имения.

— Должен вам сказать, Дэвид, — рассмеялся кто-то из гостей, сидевших вокруг стола, — у вашего старшего сына отличный слог. Хоть я и не согласен с текстом…, - мужчина повертел в руках брошюру. Тео краем глаза увидела: "Бедственное положение африканцев в Америке. Издано Обществом Аболиционистов Пенсильвании".

Дэвид выругался сквозь зубы. Схватив брошюру, плантатор метнул ее в огнь — Тео едва успела отклонить голову.

— У меня нет старшего сына, — зло ответил он гостю.

— Он мне поможет, — Тео на цыпочках, морщась от боли, спустилась вниз. Выскользнув в сад, она побежала к дальней калитке. "Я его найду, в Бостоне. Бостон там, — девушка открыла трясущимися пальцами замок. Шатаясь, тяжело дыша, Тео побежала к тропинке, что вилась вдоль реки Чарльз.

— Гарью пахнет, — подумал Теодор. "Ничего страшного, зима, Мари камин разожгла. А где Марта? — он поднял веки и хотел пошевелить пальцами.

— Что со мной? — хотел спросить мужчина, ощутив тупую боль в голове. Дочь спала в кресле, уронив бронзовую голову на сгиб руки. "Марта! — попытался позвать Теодор, но губы не двигались. Он, поморгав, устало опустил веки.

Мужчина, что наклонился над камином, обернулся. Усмехнувшись, он шепнул: "Вот, мистер Теодор, все и сделано. Мисс Марта осталась бесприданницей, как жаль".

Дэвид пошевелил медной кочергой угли в камине и нахмурился, заметив на коленях девушки что-то белое.

Взяв записку, он дернул губами: "Не мог подождать! Хорошо еще, что я вовремя тут оказался".

Дэвид бросил бумагу в разгорающийся огонь. Отряхнув руки, мужчина вышел из комнаты.

Плантатор наклонился над спящим сыном. Поморщившись, увидев на шелковых простынях пятна крови, он велел: "А ну вставай!"

Мэтью зевнул. Перевернувшись на другой бок, юноша пробормотал: "Я всю ночь не спал, папа".

— Я тоже — отец сунул ему под нос пахнущую гарью руку. "Зато теперь все в порядке. А ты, — он встряхнул сына за плечи, — не мог потерпеть до поместья! Она мало того, что сбежала, так еще и записку Марте оставила. Хорошо еще, что я вовремя увидел".

Мэтью внезапно, резко сел, и недоуменно спросил: "Как сбежала?"

— Ногами, — ядовито ответил отец. Оглянувшись, сев за изящное бюро орехового дерева, он подвинул к себе перо и чернильницу.

— 26 июля 1776 года, от мистера Дэвида Бенджамин-Вулфа — пробормотал он себе под нос, — сбежала рабыня-мулатка по имени Тео, семнадцати лет, рост 5 футов 9 дюймов, телосложение стройное, волосы и глаза темные, говорит на английском и французском, горничная. Тому, кто вернет ее, будет выплачено вознаграждение в 5 фунтов…

— Десять, — прервал его Мэтью.

— За десять тут завтра очередь у ворот будет стоять, — вздохнул Дэвид, — ну хорошо, пусть будет десять, и возмещены все расходы по ее поимке и содержанию. Обращаться в усадьбу мистера де Лу, — мужчина усмехнулся, — пока еще его, Уотертаун, Массачусетс, или в усадьбу мистера Бенджамин-Вулфа, Вильямсбург, Виргиния.

— В Виргинию она не побежит, — Мэтью поднялся и прошел в умывальную, — она в порт отправится, наверняка.

— Завтра утром это уже будет в газете. Сегодня местный стряпчий приезжает и клерк из конторы Адамса, будем описывать бумаги нашего паралитика, — Дэвид усмехнулся. Взглянув на сына, он велел:

— Одевайся, скромнее, иди к своей будущей невесте, держи ее за руку, вздыхай и смотри влюбленными глазами. Не забудь сказать, что готов всю жизнь посвятить уходу за несчастным калекой.

— Навязали себе на голову, — недовольно пробормотал Мэтью из гардеробной.

— Дурак, — ласково рассмеялся отец, — мисс Марта теперь на что угодно пойдет — только бы с мистером Теодором ничего не случилось.

Он вышел. Мэтью застыл с рубашкой в руках: "Ну, сучка, ты мне за это отплатишь. Долго будешь платить, мучительно. Дай тебя только до Виргинии довезти".

Юноша сел у большого зеркала. Взяв гребень слоновой кости, оценивающе посмотрев на себя, Мэтью хмыкнул: "Да, мисс Марта, я тоже ночь не спал, молился за здоровье вашего батюшки. Видите, какие круги под глазами?"

Мэтью улыбнулся. Потянувшись за флаконом с ароматической эссенцией, юноша остановился: "И этого — тоже нельзя. Папа же сказал — скромно".

Он полюбовался своим отражением, — в изящном, сером сюртуке и темных бриджах. Выйдя в коридор, Мэтью осторожно открыл дверь опочивальни Теодора.

Марта сидела, сложив руки на коленях, не отводя взгляда от забинтованной головы отца.

— Тебе надо отдохнуть, — Мэтью наклонился над ее креслом. "Пожалуйста, Марта, я прошу тебя. Я побуду с мистером Теодором, не волнуйся".

Он вдохнул запах жасмина и услышал, как она тихо, горестно плачет — не стирая слез с лица. "Мэтью, — пробормотала девушка, — ну как же это так, что теперь будет с папой?"

— Твой папа поправится, — уверенно сказал юноша. Помолчав, он добавил: "Ты же знаешь, Марта — мистер Теодор и мне — как отец. Я сделаю все, чтобы он выздоровел".

Девушка глубоко, прерывисто вздохнула. Поднимаясь, опираясь на его руку, она перекрестила отца.

— Поешь и ложись, — твердо сказал Мэтью, провожая ее к двери. "Ни о чем не волнуйся, пожалуйста, я тут, я рядом и так будет всегда".

— Господи, — подумала Марта, положив руку на свой крестик, — сделай так, чтобы папа

выздоровел, я прошу тебя, прошу.

— Мэтью, — она задержалась на пороге, — ты почитай ему, я уверена — папа слышит.

— Конечно, — он улыбнулся. "Ты отдыхай, сегодня ведь еще стряпчие приедут".

Он подождал, пока за девушкой закроется дверь. Перебирая книги, что лежали на бюро, юноша присвистнул: "Вот и почитаем, мистер Теодор. "Гамлета", например. Там тоже, — Мэтью не выдержал и тихо рассмеялся, — кому-то в ухо яд влили. Человеку, правда, не жеребцу, ну да это все равно".

Юноша удобно устроился в кресле и начал читать.

Мирьям пошевелилась. Вдохнув душистый аромат сена, она, как следует, потянулась. Девушка лежала в стогу, на поляне, что выходила к зеленоватой, тихой воде реки.

— Сейчас искупаюсь, — Мирьям зевнула, — и дальше пойду. Вчера тот фермер сказал, что к нему уже явились от британцев — за провизией. Вот же мерзавцы — вывели его семью во двор, и держали под дулами мушкетов, пока погреб грабили. Значит, уже скоро и увижу полки Кинтейла. Разузнаю, сколько их там точно — и обратно в Бостон.

Наверху что-то зашуршало, Мирьям насторожилась. Она едва успела отодвинуться — высокая, стройная темноволосая девушка, тяжело дыша, со всего размаха влетела в стог.

Она увидела лицо Мирьям и завизжала: "Нет! Не трогайте меня!"

— Больно надо, — хмыкнула Мирьям, и нахмурилась, — простое, синее платье девушки было испачкано засыхающей кровью.

— Что случилось? — она попыталась пожать длинные, смуглые пальцы. Девушка их отдернула и боязливо сказала: "Мне надо в Бостон".

— День пути вниз по течению, — Мирьям указала на реку Чарльз, — и ты увидишь у себя над головой золоченого кузнечика. Так что случилось?

— Вы юноша, — мрачно сказала темноволосая. "Я лучше пойду".

Мирьям еще раз посмотрела на пятна крови и решительно ответила: "Я девушка".

— Не верю, — огромные, черные заплаканные глаза зло посмотрели на нее. "Я пойду".

Мирьям вздохнула и потащила через голову грубую рубашку.

— Какая она красивая, — непонятно почему, подумала Тео. "У Марты такая же грудь — маленькая. А у меня…, - она грустно опустила глаза вниз, и посмотрела на еле видевшуюся под скромным воротником платья смуглую кожу. "Все из-за этого. Как старуха Нэн в поместье говорила: "Если тебя кто силой берет, так ты сама виновата, мужчин дразнишь". Но я, же не дразнила, нет…"

— Убедилась? — услышала она голос девушки. "Как тебя зовут?".

— Тео, — она шмыгнула носом и поморщилась — между ногами все еще болело.

— Мирьям, — девушка протянула маленькую, сильную руку. "Рассказывай".

Выслушав, Мирьям порылась в своей сумке: "Раздевайся, я тебя осмотрю, и сделаю все, что надо — на первое время. В Бостоне, — запоминай, — придешь к миссис Франклин, собственный дом на Бикон-Хилл. Она акушерка, моя наставница. Она тебя приютит, а там — придумаем что-нибудь".

— Меня будут искать, — мрачно сказала Тео. "И платье постирать надо, куда мне в таком..."

— Я сейчас постираю, — Мирьям потянулась за мазью, — а ты сиди тут. У меня в сумке есть хлеб и сыр, я вчера фермерским ребятишкам зубы вырывала, — она рассмеялась, — с пустыми руками не осталась.

Закончив, Мирьям разогнулась: "Господи, бедная девочка. Заживет, конечно, но какой, же мерзавец!"

Вернувшись с влажным платьем, она посмотрела на Тео и осторожно спросила: "А кто это был?"

— Никогда в жизни, никому не скажу, — пообещала себе Тео. Она прожевала хлеб: "Неважно. Я его больше не увижу".

— Очень бы хотелось, — пробормотала Мирьям. Девушка взяла ее руку: "Так. Мне пора. Ты все запомнила? Дэниел тебе поможет, не сомневайся, и братья мои тоже. Все будет хорошо. Держи, — Мирьям порылась в кармане штанов и вытащила медь, — незачем тебе ноги сбивать, встретишь какую-нибудь телегу — прыгай на нее".

— По мне сразу видно, что я цветная, — вздохнула Тео, — не надо рисковать.

— И ничего не видно, — Мирьям поднялась, — не придумывай ерунды, пожалуйста. Скажи моим братьям, что я дня через три вернусь.

— А ты куда? — Тео взглянула на нее большими, черными глазами.

— По делам, — девушка натянула куртку. Подхватив суму, она поцеловала смуглую щеку: "В Бостоне увидимся".

— И Марта тоже, — подумала Тео, внезапно покраснев, — меня целовала. Так приятно.

Мирьям помахала рукой стогу. Уже пересекая поляну, выходя на дорогу, она улыбнулась: "Вот возьмет кто-нибудь, и в нее влюбится. Хаим, например. И немудрено, такая красота, что я чуть рот не открыла, когда увидела. Пусть едет в Старый Свет, тут ей нельзя жить, конечно, иначе придется все время прятаться".

Тео посмотрела вслед кудрявой голове и, прищурилась — девушка, будто растворилась в томном, жарком летнем воздухе, исчезнув на дороге, что вела к юго-западу.

Лагерь медленно просыпался. Над полями повисло еще нежное, рассветное солнце, пели птицы, тихонько ржали лошади. Рядовой Холланд, что стоял на карауле, оглянувшись, забросив мушкет на спину, — потянулся и присел на бочку.

Джон повозил ногой в пыли: "Что я папе скажу? Он, наверняка, скоро появится. Не уследил за Джо, а теперь этот капер, "Черная Стрела", — погиб, как мне сказали в Нью-Йорке, и Джо тоже

— вместе с ним. А даже если спаслась — где теперь ее искать?".

Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Опустив, голову, юноша услышал детский лепет: "Доброе утро!"

Ухоженная, пухленькая девочка лет двух, в простом холщовом платьице, улыбнулась жемчужными зубками. Протянув ручку, она серьезно велела: "Не плакать!"

— А я и не плачу, мисс Мэри! — рассмеялся Джон и присел на корточки. Девочка была смуглая, зеленоглазая, с мелкими, темными кудряшками. "А вы поели?" — вежливо спросил он.

— Молочка, — Мэри выпятила губку. "И хлебушка. Вкусно".

— Пойдем, милая — маленькая, стройная девушка подхватила дочь на руки. "Ты же знаешь, — с часовыми не разговаривают".

— Да ничего страшного, миссис Юджиния, — Джон, чуть покраснев, взглянул на девушку. "Еще и не проснулся никто, а вы, как всегда — ранние пташки".

— Да, — Юджиния прижала дочь поближе и поцеловала ее в щечку, — наша маленькая Мэри с петухами ложится, но и поднимается — самая первая. Ну, не будем вам мешать, мистер Холланд".

Они пошли к командирской палатке, а Джон, вздохнул: "Все-таки, пока не побываешь в колониях, до конца не понимаешь, какая это мерзость — рабство. В Британии тоже есть аболиционисты, папа говорил. Надо будет, как вернусь, сходить на их собрание, спросить — какая помощь нужна".

Юджиния неслышно прошла за холщовый полог. Усадив дочь на койку, она дала девочке грубую, деревянную куклу. "Ты только тихо, милая, хорошо? — Юджиния встала на колени. Вдохнув сладкий, детский запах ребенка, девушка сглотнула слезы.

За пологом послышалось какое-то движение. Мэри, похлопав ресницами, звонко спросила: "Папа?"

Юджиния побледнела от страха и прижала палец к губам дочери.

Сзади повеяло сандалом. Девушка услышала холодный голос: "Иди сюда!"

— Папа! — Мэри протянула ручки. Юджиния торопливо поцеловала дочь: "Не надо, не надо милая, я быстро, будь хорошей девочкой".

Она зашла на половину Кинтейла. Опустив голову, сжимая руки, девушка тихо проговорила: "Простите, ваша светлость, дитя еще не понимает…"

Лорд Кинтейл опустился в кресло: "Мало я тебя бил, видимо. Я тебе сколько раз говорил — чтобы не смело это черное отродье ничего такого говорить. Ладно, аукционист прислал письмо, — он заберет ее на следующей неделе".

Юджиния бросилась на колени: "Хозяин, я прошу вас, пожалуйста — не надо, не надо! Она совсем маленькая, она не сможет без матери!". Девушка разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Кинтейл, отставив руку, рассматривал свои ухоженные ногти:

— Ты ее уже отлучила, так что никаких препятствий я не вижу. Я не хочу терять прибыль, так что, — он коротко кивнул в сторону полога, — скоро распрощаетесь, — тонкие губы улыбнулись, — навсегда.

— Продайте меня вместе с ней, — тихо плача, попросила Юджиния. "Я прошу вас, хозяин, куда угодно, на плантации, в самую глушь, только не разлучайте нас".

— Во-первых, — Кинтейл поднял бровь, — никто ее на плантации не отправит, девчонка хорошенькая, пойдет, — он скрипуче рассмеялся, — путем матери. А во-вторых, — Кинтейл поднялся. Наклонившись, он стал расстегивать пуговицы на платье Юджинии, — я же тебе сказал — я от тебя избавлюсь после третьего ребенка, не раньше.

— Мне нужны деньги, — он взял в ладонь смуглую грудь: "Сейчас ты круглее стала, Юджиния, после родов, но мне так нравится".

Она стояла на четвереньках, кусая губы, сдерживая слезы. Кинтейл, отпустив ее, велел: "Все, принеси мне горячей воды, и пусть денщик придет меня побрить".

Юджиния поклонилась. Зайдя к дочери, сев рядом с койкой, она позвала: "Мэри?"

Девочка спала, прижимая к щеке куклу — она была тихим, спокойным ребенком, и часто так задремывала, не дождавшись, матери.

— Мэри…, - прошептала Юджиния, засунув в рот пальцы, кусая их, хватая ртом воздух.

Быстро подмывшись, отряхнув платье, девушка пошла за горячей водой для хозяина.

Мирьям поднялась на холм и присвистнула: "Точно, не врал фермер! Тут тысячи три солдат, наверное, и вон, — девушка посчитала, — пушек пять десятков. Ну, — она почесала короткие, кудрявые волосы, — сейчас все узнаем".

Лагерь лежал в долине, у ручья, на стрельбище стояли мишени, из большой палатки тянуло запахами еды. На горизонте виднелся вековой, взбирающийся на склоны, лес. Дальше, на западе, поднимались вверх едва заметные, темные вершины гор.

Мирьям сбежала вниз, и сказала часовым — высокому, нескладному парню и низкорослому, светловолосому юноше, совсем еще мальчику: "Зубы вырвать не хотите, ребята? Не беспокоят? Недорого возьму".

Светловолосый парень обнажил в улыбке крепкие, белые зубы: "Мне и Саймону не надо, а ты иди к столовой, — он кивнул в сторону большого шатра, — там наверняка какой-нибудь несчастный найдется, заработаешь пару монет".

Мирьям кивнула: "Спасибо", и быстрой походкой направилась к центру лагеря. "Кинтейл меня и не узнает, — она посмотрела в сторону палатки, над которой развевался британский флаг, — он меня три года назад видел, и то — одно мгновение".

— Зубы! — крикнула Мирьям, забравшись на бочку. "Кому зубы вырывать, — все сюда! Быстро и не больно, опытный лекарь".

— Опытный лекарь, — вздохнул кто-то из солдат, оглядев ее. "А что же делать, если наши врачи таким руки пачкать не хотят".

— Ты вот сюда садись, — сказал он Мирьям, подкатывая еще одну бочку. "Звать-то тебя как?"

— Майкл, — она достала из сумки холст и стала раскладывать инструменты. "А вы теперь куда собрались? Может, мне с вами стоит остаться?"

— Мы собрались прямо в бой, — хмуро ответил ей солдат, — под Бостон, так что всяким штатским тут болтаться не след, тем более юнцам. Зарабатывай свое серебро, и дуй отсюда.

— Понял, — весело отозвалась девушка. Приняв флягу с водкой, заглянув в рот сержанту, она велела: "Полощите, мистер".

Кинтейл повертел головой: "Вот же впивается этот воротник, форма новая, надо сказать Юджинии, чтобы тесьму пришила".

— Так, господа, — он стряхнул пылинку с рукава алого мундира, — Вашингтон бросился нас догонять, но мои индейские скауты сообщают — генерал пока отстает. А когда он нагонит нас — весь Бостон будет лежать в развалинах, — Кинтейл поднял верхнюю губу и оскалил клыки.

— Там все-таки есть ополчение, ваша светлость, — осторожно сказал кто-то из офицеров. "Милиция…, И у нас нет ни одного корабля в заливе, они все на юге".

— Милиция, вооруженная деревянными палками, — ядовито сказал Кинтейл, — нам не помеха. А что касается кораблей, — он поднял письмо, — из Нью-Йорка нам на помощь отправляют три барка, каждый с двумя десятками пушек. Под командованием капитана Стивена Кроу.

— Этот шутить не любит, — пробормотал какой-то лейтенант. "Видели вы его, ваша светлость?"

— Нет пока, — коротко ответил Кинтейл: "Я тоже шутить не люблю. Что там за шум? — он нахмурился.

Джон, стоя у полога, резко сказал часовому: "А это уже пусть его светлость сам, разбирается — какие у меня сведения! Пропусти!"

— Может, я и неправ, — пронеслось у него в голове. Он вспомнил листовку: "Разыскивается — мертвым или живым, — опасный шпион патриотов по кличке "Ягненок". Приметы — рост чуть выше пяти футов, телосложение стройное, волосы вьющиеся, каштановые, глаза синие. Любой, кто обладает сведениями о местонахождении "Ягненка", должен немедленно сообщить их в любой ближайший штаб войск Его Величества".

— А если прав? — он вскинул голову и услышал недовольный голос Кинтейла: "Это кто еще такой?"

— Рядовой Холланд! — вытянулся Джон. "Ваша светлость, — он взглянул в голубые, мертвенно холодные глаза Кинтейла, — Ягненок сейчас здесь, в нашем лагере".

Лорд Кинтейл бросил на походный стол кожаную суму. Он зорко взглянул на Мирьям: "Так что, говоришь, ты помощником у врача был, в Бостоне, Майкл?"

— Он меня не помнит, — твердо сказала себе Мирьям: "Да, ваша светлость, простите, я знаю, что вы торопитесь, я сейчас же уйду из лагеря…"

За холщовым пологом раздалось какое-то шуршание. Мирьям услышала робкий женский голос:

"Hush, hush, baby, don’t you cry…"

Она увидела перед собой заплаканные, каре-зеленые глаза. Девушка подумала: "Даже если Юджиния меня узнает — она не выдаст".

— У врача…, - задумчиво повторил Кинтейл и надорвал подкладку сумы. Мирьям похолодела.

— Красивая штучка, — заметил полковник, повертев в руках изящный кинжал с золотой фигуркой рыси. "Дорогая, старая. Откуда ее взял мальчишка в поношенных башмаках? Украл? — он обернулся к Мирьям, что стояла, держа перед собой связанные руки.

От него пахло сандалом и порохом, черные, блестящие, мягкие волосы были заплетены в косичку, бледные щеки — гладко выбриты.

Кинтейл раздвинул тонкие губы. Наклонившись к Мирьям, он шепнул: "Не помощник врача, а скорее — ученица акушерки, милая моя. Я помню, я все помню. Тогда тебе было четырнадцать, а сейчас семнадцать, я и это помню. А теперь скажи мне — где Ягненок и почему ты отвечаешь его описанию?"

В шатре повисло молчание, прерываемое лишь чьим-то робким дыханием за пологом. Кинтейл все вертел в руках кинжал.

— Ягненок — это я, — вскинув голову, сказала Мирьям. "Нельзя, — приказала она себе, — Меир должен уехать во Францию, поставки оружия должны продолжаться. Нельзя его подводить. А я выберусь как-нибудь".

— А как тебя зовут, дорогой британский шпион? — задумчиво спросил Кинтейл. "Впрочем, — он поднял большую ладонь, — можешь не отвечать, все равно, — он рассмеялся, — тебя повесят. Завтра же, когда сюда подойдет еще один полк. Не хочу лишать солдат удовольствия видеть смерть патриота, — он сухо рассмеялся, и, отложив кинжал, рванул ворот рубашки Мирьям. Девушка попыталась увернуться, но Кинтейл, ударив ее с размаха по лицу, — бросил на пол шатра.

— Мужчин мы просто вешаем, — он прижал Мирьям к земле. Сдавленно выругавшись, Кинтейл ударил ее еще раз, — девушка укусила его за руку. "Но тебя ждет особое развлечение, дорогая шлюха — патриотка, ты пожалеешь, что на свет родилась. А ну тихо! — Кинтейл зажал ей рот ладонью.

Юджиния, еле дыша, робко откинула полог. Она увидела огромные, распахнутые, наполненные ненавистью синие глаза.

— Она меня за руку держала, — вспомнила девушка, — тогда, в то первое утро, утешала, по голове гладила…Господи, да что же он делает?

— Не надо! — крикнула Юджиния, — пожалуйста, хозяин, не надо, оставьте ее!

— Пошла вон отсюда, — Кинтейл поднялся и, не успела девушка увернуться, — разбил ей кулаком нос. "Сиди у себя, и чтобы слышно тебя не было".

— Бежать, — велела себе Мирьям. Сжав зубы, встав на четвереньки, она попыталась отползти. Кинтейл обернулся, и, оскалил зубы: "Мы только начали, милая". Он схватил ее за волосы. Мирьям, задыхаясь, стараясь вывернуться, горько подумала: "Вот и все. Надо было тогда…, с Дэниелом. А сейчас я умру и так и не узнаю — как это, когда любят".

Она почувствовала резкую, раздирающую все тело боль. Кинтейл рассмеялся: "Не шлюха. Ну, так на виселицу шлюхой отправишься".

Потом он поднялся, и, застегнувшись, глядя на рыдающую девушку, крикнул: "Эй, кто там!"

— Да, ваша светлость! — вытянулся на пороге часовой.

— Оденьте ее и доведите до гауптвахты, — велел Кинтейл. "Завтра днем ее повесят, а пока, — он махнул рукой, — меня не интересует, что там с ней будут делать. Главное, чтобы не сбежала".

Солдат рванул Мирьям за руку: "Сама свои тряпки подбирай, мистер Майкл, а то я тебя голышом по лагерю вести буду".

Кинтейл полюбовался изумрудными глазами рыси: "Виселицу строить не будем, незачем время терять, вздернем ее на дереве".

Мирьям, сжав зубы, неловко оделась и вдруг обернулась на пороге: "У меня отмщение и воздаяние, — говорит Господь. Помните это, лорд Кинтейл".

Джон выглянул из своей палатки и спросил солдата, что проходил мимо: "Что там за шум-то?". От большого шатра, где помещалась гауптвахта, доносились какие-то крики.

— А ты что тут сидишь, Холланд? — удивился солдат. "Ты же первым этого Ягненка заметил, первым доложил — тебе и первым быть. Ну, — он рассмеялся, — после его светлости, конечно".

— Не понимаю..., - недоуменно сказал юноша, вылезая из палатки. "Что такое?"

— Ягненок этот девчонкой оказался, — пояснил солдат, переминаясь с ноги на ногу. "Пошли, — он кивнул в сторону гауптвахты, — она уже там".

— Зачем? — Джон внезапно побледнел: "Но как, же так? Я ведь не хотел, я просто действовал согласно приказу".

— Зачем, зачем, — ворчливо передразнил его солдат и подтолкнул в спину: "Пошли!"

Из шатра были слышны возбужденные, грубые голоса. "Обмазать смолой и в пухе обвалять, — предложил кто-то. "Нет, Сандерс, ее и так — вешают завтра, — второй голос добавил что-то неразборчивое. Толпа расхохоталась.

Джон пробился к центру, и увидел коротко остриженную, кудрявую, каштановую голову. Девушка сидела, сжавшись в комочек, обхватив колени руками, не поднимая глаз.

— Холланд, тебя мы и ждали! — крикнул кто-то. "Не начинали без тебя. Давай, покажи этой шлюхе, что такое британский солдат!"

— Это бесчестно! — твердо сказал Джон, берясь за мушкет. "Есть законы обращения с пленными. Если эту девушку приговорят к смертной казни, то так тому и быть. А пока отойдите от нее, нельзя себя так вести!"

— Его светлости это посоветуй, — раздался ленивый, хриплый голос, — он ее уже распробовал. Пусти, — солдат постарше толкнул Джона, — как был сопляком, так им и останешься, даже этого не можешь сделать!

Ее синие глаза, — один уже почти заплыл, расширились от страха, солдат, рванув девушку, перевернул ее на живот. Сам не понимая, что делает, Джон приставил дуло мушкета к затылку мужчины.

Раздался сухой треск, толпа ахнула. Джон увидел, как льется кровь из разнесенного его пулей черепа.

Кинтейл оглядел избитое лицо юноши и процедил сквозь зубы: "Я с тобой, Холланд, церемониться бы не стал. Но в армии его Величества не расстреливают без суда и следствия, поэтому завтра пойдешь под трибунал".

Джон пошевелил разбитыми губами: "Все зря. Их же не остановить было, оттащили меня, и все равно..., - он пошевелил связанными руками и заметил, как в темноте, в дальнем углу палатки зашевелился полог. Оттуда блеснул один большой глаз. Девочка стояла тихо. Джон вдруг, сам не зная почему, — улыбнулся.

— Он еще и смеяться будет, — Кинтейл засучил рукав рубашки и хлестко ударил юношу. Золотой перстень рассек кожу. Джон отвернулся: "Вы имеете право меня судить, ваша светлость, — за убийство, но не можете меня бить. Этого нет в уставе".

— Уставы, — сказал Кинтейл, разглядывая кинжал, — тут пишу я, рядовой Холланд. Уведите его, — он кивнул солдатам.

На улице было уже почти темно, над лесом повисла большая, призрачная луна, горели костры, пахло жареным мясом и табаком. Джон, прислушавшись, уловил конское ржание и скрип тележных колес.

— Артиллерия к Бостону пошла, — подумал он. "Завтра появится еще один полк, и пехота тоже — двинется. Надо бежать. Что я тут делаю, это не моя война. А куда? К патриотам? — он тихо вздохнул.

— Не хочу я во всем этом участвовать, надо вернуться домой. А дома тоже — отдадут под трибунал, я ведь получаюсь дезертир".

Его втолкнули в палатку. Джон, устроившись в углу, вздрогнул — из-за полога доносился чей-то смех.

— Да оставь ее, Джимми, — лениво сказал кто-то из мужчин, — что за удовольствие, лежит, будто труп, раньше хоть стонала, а теперь замолчала.

— Сейчас она у меня очнется, — вмешался кто-то, — помогите мне ее перевернуть.

— И это уже делали, — сплюнул какой-то солдат, — посмотри, она же избита вся. Не помогает. Давай, Джим, поторапливайся, а то к ужину опоздаем.

Джон уронил голову в колени и заставил себя не слышать эти голоса и тяжелое дыхание — совсем рядом, руку протяни.

Он и не понял, как заснул — измучено, вздрагивая. Очнувшись от боли в затекшем теле, юноша поежился. Ночь была неожиданно прохладной, в палатку задувал легкий ветерок.

Джон поднес связанные запястья к зубам и начал перегрызать веревки — медленно, стараясь

не шуметь. Он потер покрытые ссадинами руки, и застыл:

— Там двое на карауле. Я тут сам стоял — один спит, а второй сторожит. Потом меняются. Надо на запад уходить, — Джон вспомнил карту, — там никого нет, ни патриотов, ни британцев. Патриоты меня, кстати, тоже расстрелять могут, а уж наши, тем более, после этой ночи — точно. На запад, а потом разберемся.

Он откинул полог. Девушка лежала, не шевелясь, кто-то, уходя, набросил на нее рваную куртку. "Я ведь даже не знаю, как ее зовут, — подумал Джон. Он опустился на колени и, наклонившись к ее уху, шепнул: "Мисс…, Мисс, нам надо бежать".

Ресницы даже не дрогнули. Джон вздохнул. Оглянувшись, он стал натягивать на нее одежду. Девушка внезапно стала подниматься. Юноша отпрянул: "На ней ведь живого места нет, как она пойдет?"

— Кто это? — Мирьям вздрогнула. "Я помню, это мальчик, что на карауле стоял. Потом он сюда пришел, застрелил солдата, его начали бить…Дальше, ничего не помню, только чернота какая-то. Господи, да что же он хочет?"

— Мисс, — Джон потянулся к ней, — они были одного роста. "Бежать, прямо сейчас".

Она только кивнула головой. Джон, посмотрел на заплывшие, в синяках глаза: "Господи, а во всем — я виноват, не пришел бы я к полковнику, — ничего этого не было бы".

— Подождите тут, — велел он Мирьям и высунул голову из палатки. Один караульный спал, укрывшись с головой одеялом, второй — сидел спиной к нему, глядя на костер. Джон неслышно набросил на его шею обрывок веревки, и, не успел солдат схватиться за горло — резко, изо всех сил потянул.

— Сломать шею быстрее, чем задушить человека, — вспомнил он смешок отца. "Но для этого нужны сильные руки".

— У меня сильные, — подумал Джон, забирая мушкет, мешочки с порохом и нож. Второй солдат так и не пошевелился. "Стрелять нельзя, — Джон растерянно оглянулся, — а ножом его бить опасно, проснется еще".

Из-за его спины протянулась рука. Девушка, забрав у него мушкет, наклонившись над спящим, коротко, сильно ударила его штыком. Она покачала оружие, высвободив штык, и, наклонившись — обыскала мертвого.

Джон стоял, глядя на черные в лунном свете пятна крови на одеяле трупа.

Она повернулась, держа в руке еще один нож: "Я знаю анатомию. Пошли, — Мирьям кивнула на холмы, над которыми висела огромная луна. "Нам надо уйти как можно дальше". Джон кивнул. Две темные тени, скользнув в проход между шатрами — растворились в серебристом, призрачном сиянии.

Юджиния лежала, раздвинув ноги, отвернув голову, смотря на полог, за которым спала дочь. "Хорошо, что он меня никогда не целует, — подумала девушка. "Я бы не смогла, никогда не смогла, ни за что".

Она опустила веки и почувствовала лопатками жжение ковра у себя под спиной. "И так

всегда, — горько сказала она себе. "Пока не износишься, рожая. Потом он тебя продаст, и ты никогда больше не увидишь своих детей. Не увижу Мэри, — он сдержала рыдание, вспомнив маленькие, теплые ручки дочери, и ее шепот: "Мама хорошая! Люблю маму!"

— И дальше, — Юджиния почувствовала слезы под ресницами, — будет еще один хозяин, опять побои, как здесь, плеть, опять надо будет рожать и потом видеть, как мое дитя забирают на аукцион…

— Воды мне дай, — велел Кинтейл, скатившись с нее, зевая, потянувшись.

Юджиния, молча, поднялась. Накинув рубашку, налив воды из медного кувшина, что стоял на походном столе, она встала на колени. Кинтейл жадно выпил. Отдавая ей стакан, он велел: "Чтобы не шумели с утра, я выспаться хочу".

Девушка только поклонилась и прошла к себе. Мэри спала, разметавшись, раскинув руки, улыбаясь чему-то. Юджиния перекрестила ее. Сев на пол, не двигаясь, она стала ждать.

Когда из-за полога раздался храп, она достала из рукава рубашки кинжал с фигуркой рыси. Посмотрев на него, встав, Юджиния шепнула дочери: "Я сейчас".

Вернувшись, она вылила воды на свои испачканные руки, и наклонила голову — его хрип был уже почти не слышен. "Крови как много было, — холодно подумала Юджиния, пряча кинжал, беря на руки сонную Мэри.

— А мы с ней пойдем, куда глаза глядят, на запад. Негры говорили — там никого нет. Никого и не надо, — она поцеловала дочь в смуглую щечку. Нагнувшись, Юджиния выскользнула на зады шатра. В лагере было тихо. Девушка, оглянувшись, постояв несколько мгновений на месте, побежала к тропинке, что взбиралась на холмы.

Вода в ручье играла, переливалась на утреннем солнце. Сверху, из крон деревьев, были слышны голоса птиц. Джон перевернулся. Открыв глаза, юноша посмотрел в нежное, голубое небо: "Здесь все другое, не такое как в Англии. Больше места, просторней, кажется, что земля эта никогда не закончится. Господи, да о чем это я?"

Он оглянулся — девушка спала, уткнув голову в сгиб руки. "Мирьям, — вспомнил Джон ее шепот. "Мисс Мирьям".

— Надо поесть что-нибудь, — юноша взвесил на руке мушкет. "Вот только стрелять опасно, вряд ли мы далеко от лагеря отошли, миль, пять, не больше". Он оглядел кусты, и, улыбнувшись — стал рвать малину.

Они сидели друг напротив друга, облизывая пальцы. Джон, пряча глаза, пробормотал: "Мисс Мирьям, я вам должен сказать…, Это я пошел к полковнику, доложить о вас. Можете, я не знаю, — юноша помолчал, — застрелить меня, что ли".

Девушка устало вздохнула: "Вам лет-то сколько?"

— Четырнадцать, — покраснел Джон. "Я соврал вербовщику".

— Так на войну торопились? — съязвила она.

— Я сестру искал, только она погибла, наверное, — Джон помолчал и стал говорить, все еще не

глядя на девушку.

— Совсем мальчик, — поняла Мирьям. "И ведь он меня спасти хотел, и спас. Господи, — она вдруг незаметно сжала кулаки, — а что было тогда, после того, как он пришел? Ничего не помню. Только Кинтейла, — она вдруг почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Мирьям, нарочито спокойно, сказала: "Мне очень жаль. Только вам надо домой вернуться, Джон, отец вас будет искать. Давайте в Бостон проберемся".

— Сейчас нельзя, — он помолчал. "Тут все нашими…, британцами кишит, нас сразу поймают. Надо немного отсидеться тут, в глуши, а еще лучше — дальше на запад уйти".

Мирьям почесала кудрявые волосы.

— Там горы, — хмыкнула она, — Аллегени, их так индейцы местные называют, племя ленапе. А эти холмы, — она усмехнулась, — наш бывший губернатор, сэр Фрэнсис Бернард, назвал Беркширами. Как в Англии. За горами никто не был, может, охотники какие-нибудь, и все. Джон, — она подняла большие, синие глаза, — скажите мне, только честно…, Я ничего не помню, после того, как вы застрелили того солдата. Я, наверное, сознание потеряла, и очнулась только ночью, когда вы меня позвали. Что со мной было?

— Никогда, ни за что ей не скажу, — решил Джон и вслух ответил: "Да ничего. Лежали на гауптвахте, и все".

Мирьям тихонько вздохнула: "Поздно уже что-то делать, да у меня и нет ничего. Что будет, то и будет, сначала еще выжить надо. А кинжал мой у Кинтейла остался, теперь уже и не забрать его у этого мерзавца".

— А синяки ваши пройдут! — горячо, сказал юноша. "Уже проходят, мисс Мирьям!"

— Просто Мирьям, — она улыбнулась: "Давайте с вами рыбу половим. Тут она непуганая, на палец бросается. Охотиться нельзя, услышат еще, да и не могу я есть такое мясо".

— Вы еврейка, — утвердительно сказал Джон.

Он посчитал на пальцах и смутился: "Не могу запомнить, какой-то из моих предков, давно, так вот — он тоже был еврей. Сэр Стивен Кроу, Ворон. Понятно, — Джон улыбнулся, — что не все об этом знали, только семья. Он стал евреем, чтобы жениться на своей второй жене. У нас и родственники в Амстердаме есть, Мендес де Кардозо их зовут, его потомки, только я их еще никогда не видел. Папа не возил нас…, меня, — юноша осекся, — на континент".

— А тот капитан Стивен Кроу, что Квебек обстреливал, — спросила Мирьям, подперев щеку рукой, — он тоже — родственник ваш? О Вороне-то я слышала, — она рассмеялась, — но думала — не бывает таких людей, это легенда. Есть песня на ладино, это такой язык еврейский, на нем мой папа хорошо говорил…

— Я знаю, — обиженно сказал Джон. "Знаю о ладино. Песня о том, как Ворон спас прекрасную донью Эстер от костра?"

— Угу, — кивнула Мирьям: "Там Ворон говорит: "El kierrer es pueder", чтобы добиться чего-то, надо желать этого всем сердцем. Мой отец очень любил эту песню".

— Капитан Кроу, — Джон помолчал, — тоже родственник наш. Дальний, конечно. А ваша семья разве не из Старого Света, Мирьям? Я думал, все евреи здешние оттуда.

— Когда-то давно, — она, чуть охнув, поднялась, — да. А вообще мой, — девушка наморщила лоб, — предок и семья его приехали из Бразилии. Больше ста лет назад, их там два десятка человек приплыло в Нью-Йорк, они от инквизиции спасались. Пойдемте, — Мирьям взяла мушкет, — проберемся дальше к западу, там можно будет костер разжечь, не сырой же нам рыбу есть.

— Мирьям, — спросил Джон, когда они уже шли в самой глубине леса, — а вам сколько лет?

— Семнадцать, — она, не оборачиваясь, застыла: "Шум какой-то, слышите?"

Индейка, хлопая крыльями, снялась с ветки и вспорхнула вверх.

— Показалось, — уверенно проговорил Джон. "Пойдемте, найдем какой-нибудь ручей, вам же искупаться надо, — он покраснел, — и ветвей наломаем — под ними спать теплее".

Девушка кивнула, и они растворились в дремучей чаще леса.

Юджиния устроила Мэри на лужайке, расстелив свою шаль. Дав девочке кинжал, она ласково сказала: "Сейчас мама принесет малины, позавтракаем, и пойдем дальше!"

— Куда? — поинтересовалась Мэри, восхищенно разглядывая фигурку рыси.

— На запад, — Юджиния поцеловала ее: "Тут безопасно. Поляну издалека не видно, да и сидит она в самой норе. Я и вернусь сейчас".

Она помахала Мэри рукой — та возилась с кинжалом, и, раздвинула кусты: "Там индейцы, на западе. Я слышала — они никого не щадят, всех убивают, без разбора. Ерунда, ребенка же они не тронут. Все равно — хуже, чем здесь, уже не будет".

Юджиния подставила лицо нежному, утреннему солнцу, и улыбнулась: "Как хорошо на свободе. Все, сейчас поедим, и дальше пойдем, нечего время терять. Мэри я в шали понесу, так быстрее".

Она раздавила губами малину. Облизнувшись, девушка сердито сказала себе: "Еще чего вздумала! Там дитя голодное сидит, а ты тут прохлаждаешься".

Юджиния потянулась за ягодами и застыла — в шею ей уперся штык. "Так вот она где, — холодно сказал сзади мужской голос. "Беглянка, значит, нашлась. Только без дочки. Бросила, конечно, чего еще от негров ждать? Но мы ее отыщем. Ребята, — офицер, на мгновение, опустил мушкет, — руки ей вяжите, в лагерь поведем".

— Мэри, — обреченно, горько подумала Юджиния. "Она же там совсем одна, не выживет без меня. Господи, будь, что будет".

Она бросилась бежать и еще успела услышать: "Огонь!"

Юджиния почувствовала страшную, обжигающую боль в спине, и упала, вытянув руки вперед. Малина рассыпалась. Лейтенант услышал ворчание сзади: "По патриотам лучше бы так стреляли, чем по беззащитным бабам, в спину-то каждый мастак попасть".

— А ну тихо! — прикрикнул британец и наклонился над Юджинией. "Она еще жива, — он оглядел солдат, — несите ее в лагерь. Пять человек, — он посчитал по головам, — останутся тут, со мной, мы весь лес обыщем, но найдем ее отродье".

Юджиния даже не пошевелилась, когда ее укладывали на холщовые, мгновенно набухшие кровью носилки.

Мэри услышала выстрелы. Отложив кинжал, склонив набок изящную, кудрявую голову, девочка обиженно позвала: "Мама!"

Она оглянулась — вокруг был только лес, огромный, уходящий вверх, пахло цветами, на солнце было совсем тепло. "Мама придет, — уверенно сказала себе Мэри. "Я подожду, и она придет". Девочка завозилась. Вздыхая, она заползла вглубь норы, накрывшись шалью, положив кинжал рядом со щечкой.

— Зверь, — она погладила голову рыси. "Тут, в лесу живет. Поесть бы. Сейчас посплю, а потом мама меня покормит".

Мэри закрыла глазки. Зевнув, свернувшись в клубочек, она не заметила, как мимо норы прошли солдаты.

Девочка спала, и ей снилось что-то странное — высокая, красивая, темноволосая женщина, совсем незнакомая. Женщина стояла в воротах замка — каменного, серого, под низким, набухшим дождем, северным небом. Ветер раздувал подол платья, трепал выбившиеся из прически волосы — с заметной сединой. Она стягивала шаль на выдающемся вперед животе.

Мэри увидела несколько всадников, что приближались к замку, и закрытую холстом телегу, что ехала за ними.

Мужчина, — тоже высокий, с глубокими морщинами, с черными, побитыми сединой, длинными волосами, спешился. Подойдя к женщине, он остановился рядом. Опустив голову, он что-то сказал и та, взяв его за руку, — пошатнулась.

Женщина подошла к телеге. Подняв холст, она долго всматривалась в лица мертвецов.

— Полли, — услышала девочка шепот мужчины, — Полли, прости меня, это я виноват, я не уберег их.

— Наши дети, — сказала женщина глухо, коснувшись черной пряди, отведя ее с бледного лица девочки — лет десяти. "Все наши дети, Кеннет. Мальчики, — она сглотнула, но справилась с собой, — мальчики хотя бы погибли с оружием в руках, а Мораг…, - женщина согнулась, как от боли: "Надо было заплатить выкуп, Кеннет, когда ее похитили, может быть, ее бы вернули живой…"

Мужчина все стоял, глядя на трупы: "Не вернули бы, Полли. Это же ирландцы, ты сама знаешь…"

Губы женщины искривились, и она положила ладонь на свой живот. "Он, — сказала Полли, — вырастет и зальет кровью эту страну, Кеннет. Он сделает то, чего ты, — женщина откинула голову назад, — пока сделать не смог".

Мужчина долго молчал: "Я сделаю, Полли. Теперь сделаю. Пойдем, — он вздохнул и поправил холст, — надо похоронить наших детей".

Мэри проснулась и долго лежала, глядя в темноту норы. Мамы не было. Девочка, всхлипнув, положила руку под голову: "Она придет. Просто надо подождать еще немного. Я закрою глаза,

а когда открою, — увижу маму. И не хочу снов, они плохие".

Девочка спала, чуть вздрагивая, сопя носиком, на поляне было уже совсем сумрачно. Самка койота, остановившись перед входом в нору, заворчала, велев детям подождать. Волчица обнюхала все вокруг, и, вздохнув, загнала детей в нору.

Мэри почувствовала какое-то тепло и улыбнулась: "Мама!". Она, не открывая глаз, подползла поближе. Самка койота осторожно взяла ее зубами за платье. Устроив ее рядом со своими детьми, у живота, она опустила голову в лапы.

Над лесом стояла тихая, пронизанная светом звезд ночь. Только откуда-то с востока были слышен скрип колес, и виднелись огни факелов, двигающиеся, исчезающие во тьме.

— Как больно, — поняла Юджиния, открыв глаза. "Даже двинуться не могу. Мэри, бедная Мэри, кто же о ней позаботится? Господи, прости меня, это я виновата, что ее оставила одну".

Она повернула голову и увидела, что носилки стоят под высоким, мощным дубом, у самого края лагеря.

— Не нашли? — услышала она скрипучий, знакомый голос и похолодела. Он стоял спиной к ней. Юджиния увидела, что его голова — забинтована.

Кинтейл повернулся, и, наклонившись над носилками, процедил: "Сучка!". Его лицо было закрыто повязками, один голубой, холодный глаз блестел в свете факела. Пахло смолой и кровью.

— Думала, ты меня убила? — Кинтейл сомкнул пальцы на ее горле. Юджиния захрипела. "Нет, мерзавка, только изрезала всего. Я буду жить, а ты сейчас — он указал на веревку, что лежала на земле, — сдохнешь. Где твое отродье, куда ты его дела?"

Девушка молчала, закрыв глаза. Кинтейл разъяренно сказал: "Ты хуже волчицы, что ты за мать, если бросила своего ребенка умирать?"

Он увидел, как дрожат длинные ресницы. Юджиния едва слышно прошептала: "Пусть…Моя дочь умрет свободной".

Кинтейл выругался. Ударив ее по щеке, — голова девушки бессильно дернулась, — он велел: "Кончайте с ней".

— Она стоять не может, ваша светлость, — растерянно сказал лейтенант.

Кинтейл взял веревку. Накинув петлю на шею Юджинии, он крикнул: "Тяните!"

— Мэри, — еще успела подумать девушка. "Господи, ну ты же можешь, — убереги ее от всякого зла".

Кинтейл услышал хруст позвонков. Брезгливо поморщившись, отвернувшись, он приказал: "Все, снимаемся с места, и так уже — много времени потеряли, надо догонять полки".

Он прошел туда, где стояла командирская палатка. В сердцах пнув валяющийся в грязи сундучок Юджинии, Кинтейл вскочил на коня.

Уже выезжая на северную дорогу, Кинтейл обернулся, — тело раскачивалось под резким,

прохладным ветром. Вдали, над холмами в чистом, темном небе были видны собирающиеся облака.

— Поехали, — сказал он лейтенанту. "Если сейчас будет гроза, то мы все в грязи застрянем, особенно — артиллерия".

Всадники пришпорили коней и стали догонять хвост обоза.

Джон прислушался: "Подождите тут, Мирьям, мало ли что". Ночью шел дождь. Лес был прозрачным, умытым, пахло ягодами, вокруг щебетали птицы. Он раздвинул кусты и, выглянув на поляну, застыл — самка койота лежала у норы, глядя на своих волчат. Те носились по траве, а девочка — в грязном холщовом платьице, с растрепанными волосами, — весело бегала за ними.

Она подняла зеленые глазки и засмеялась: "Собачки! Папа!"

— Она же всех папой называет, — горько подумал Джон. "Господи, а где миссис Юджиния, она бы никогда не бросила Мэри". Он нагнулся и поднял с травы маленький, как раз под детскую ладонь, кинжал, с золотой фигуркой рыси на рукоятке.

Самка койота заворчала. Поднявшись, взяв ребенка зубами за подол платья, она подтолкнула девочку к Джону.

— Конечно, — спохватился тот, — конечно. Простите. Спасибо, — Джон поискал слово, — вам, большое спасибо.

Волчица внимательно посмотрела на него, и, — показалось Джону, — кивнула головой.

— Хочу собачек! — обиженно сказала Мэри, очутившись у него на руках. "Маму! Есть хочу!"

— Не все сразу, дорогая моя, — вздохнул Джон. Принюхавшись, он покачал головой: "Сначала тебе искупаться надо".

Мирьям вздрогнула, услышав треск кустов: "Смотрите. Тут кровь на траве, ягоды рассыпаны, и вот еще, — она сняла с ветки клочок простой, серой шерсти. Тоже в крови, — добавила девушка.

— Мама! — Мэри протянула к ней ручки. "Мама!"

— Это миссис Юджинии платье, — Джон указал на лоскуток ткани, — я узнаю его. А это Мэри, — он внезапно улыбнулся, — дочка миссис Юджинии, ну…

— От него, — Мирьям дернула губами. "Я ходила со своей наставницей к Юджинии, когда он только ее купил. Дайте, — она приняла у Джона девочку. Оглядев ее, Мирьям улыбнулась: "Сначала помоемся, я твое платье постираю, а Джон нам пока ягод соберет. Поедим и отправимся дальше".

— Куда? — Мэри засунула смуглый пальчик в рот.

— На запад, — Джон потрепал ее по мелким кудряшкам. "А потом — что-нибудь придумаем".

Мирьям вздохнула. Ловко намотав на плечи шаль, что передал ей Джон, она усадила туда девочку: "Пошли!"

— Вот еще, — Джон передал ей кинжал. "Это ваше оружие, наверное".

— Мое, — Мирьям забрала его: "Правильно, он же у Кинтейла был. Юджиния его взяла с собой, когда убегала".

— Это семейный кинжал, — девушка коротко улыбнулась, — с давних времен. Спасибо вам.

— Хорошо, — подумала Мэри, покачиваясь в такт шагам, задремывая. Мирьям обернулась: "Юджиния, наверное, сбежала, и они ее нашли в лесу. Застрелили, должно быть. Так по закону полагается, если раб не сдается сам".

— Она бы не сдалась, — мрачно ответил Джон. Они пропали из виду, скрывшись за стволами деревьев.

Тео распахнула ставни окна, выходящего на залив, и вгляделась в ровную, темно-синюю гладь моря. "Вот этот корабль, — девушка, вдохнула запах соли и нагретых солнцем водорослей. "L'audace". Хорошее название. Господи, не могу поверить, на следующей неделе отплываем".

В дверь постучали. Тео, вздрогнула: "Открыто!". Она все никак не могла привыкнуть к тому, что миссис Франклин стучит, прежде чем зайти. "Дома, — краснея, призналась она акушерке, — в имении, управляющий может всегда проверить комнаты рабов, днем и ночью".

Та пробормотала что-то нелестное, и спросила: "А почему ты на плантации не работала?"

Тео опустила голову и вспомнила, о чем шептались старые слуги. "Когда миссис Тео умерла, жена мистера Дэвида, — она помолчала, — меня к мальчикам взяли, чтобы им веселее было. А мою маму продали, она была горничной у покойной миссис Тео. Я ее и не помню совсем, маму, мне два года тогда исполнилось".

— А Мэтью — четыре, — про себя подумала она. "Он никогда не говорил. Он, наверное, тоже мать не помнит. Не думай о нем, никогда больше не думай. Его нет".

Однако он был — каждую ночь, во снах. Тео просыпалась, прикусив зубами подушку, отбиваясь от его рук, чувствуя спиной удары плети. "Рассказала бы, — как-то раз, ворчливо, заметила, миссис Франклин, — легче бы стало".

Тео только помотала темноволосой головой и опустила глаза. "Никогда, никому, ничего не скажу, — повторила она себе. "А уж тем более мистеру Дэниелу, это все-таки его брат…"

Миссис Франклин зашла в комнату и улыбнулась: "Письмо твое я отправила, не волнуйся, мисс Марте де Лу в собственные руки. Вот, — она поставила на стол склянку, — по чайной ложке раз в день, а в Париже, когда обустроишься, найдешь, у кого покупать, травы известные".

— Мне не надо, — Тео хмуро отодвинула склянку. "Я никогда…"

Акушерка внезапно погладила ее по спускающимся на плечи кудрям: "Это ты сейчас так говоришь, милая. А потом встретишь того, с кем вы друг другу по душе придетесь, и все будет хорошо. Я-то знаю, о чем говорю".

— Откуда? — горько спросила Тео. "Вы же замужем были, по любви, откуда вам это знать?"

Сухие веки на мгновение дрогнули. Тео увидела холодный взгляд серых глаз.

— Когда мне было двенадцать, — сказала миссис Франклин, — шла война с микмаками. Это давно было, полсотни лет назад, там, — она махнула рукой на запад, — у моего отца ферма была. Индейцы пришли к нам ночью, все сожгли, убили моих родителей и старшего брата, а меня — увели с собой. И жила я у них, милая, четыре года — пока не сбежала. Думаешь, легко мне было, в двенадцать-то лет? Ничего, справилась. Потом до наших колонистов добралась. Встретила мистера Франклина, да хранит Господь душу его, он как раз тогда — первый год в священниках был, ну, а дальше…, - она улыбнулась и не закончила. "Так же и ты — все пройдет, милая, все забудется".

— Да, — вздохнула Тео, а про себя добавила: "Нет".

— И спускайся, — велела миссис Франклин, — там уже эти трое ждут. Хаим с Меиром у меня есть не могут, так хоть мистер Вулф к обеду останется, а то им скоро в армию, там уже так не покормят.

Тео наскоро оправила платье. Уложив косы надо лбом, девушка вышла на лестницу.

— Мистер Меир! — она рассмеялась. "А что это вы тут, а не в гостиной?"

Он вскинул серо-синие глаза и отчаянно подумал: "Господи, помоги мне, а ведь еще на корабле с ней плыть. Даже не думай об этом, она не еврейка".

— Я вам Расина принес, как обещал, — вслух сказал Меир. "Маленькое издание, очень удобное. И вот еще, — юноша показал ей конверт, — с утра из Филадельфии пришло. Это рекомендательное письмо месье Беранже, от мистера Соломона, они ведь друзья".

Тео застыла с раскрытым ртом, прижимая к груди книгу.

— У меня не получится, — она помотала головой. "Не стоит, и пытаться, мистер Меир".

Юноша встряхнул каштановыми локонами: "Мы тоже, мисс Тео, три года назад думали — не получится. А сейчас живем в свободной стране, хоть и воюем, но все равно — в свободной".

— L'audace, — вспомнила Тео и кивнула головой: "Я попробую. Спасибо вам, мистер Меир".

— Хаим сегодня уезжает, — тихо сказал юноша, — туда, — он махнул рукой куда-то вдаль. Будет искать Мирьям. Если бы не вы, мисс Тео…

Девушка посмотрела на него со ступеньки лестницы: "Ну что вы, мистер Меир, я же обещала мисс Мирьям вам все рассказать. Ваш брат ее найдет, обязательно!"

Юноша только вздохнул и отвернулся: "Почти неделя прошла, Кинтейл — в двух днях пути от Бостона, Дэниел днем и ночью в армии, ополчение готовится к обороне. Хаим едет за Мирьям, а я…, Получается, что бегу".

Тео внезапно оказалась рядом. Опустив глаза, — она была выше на голову, девушка проговорила: "Мистер Меир, я вам очень, очень благодарна. За все. И вы знайте, если надо будет что-то сделать в Париже…"

Юноша внезапно хмыкнул. Засунув руки в карманы сюртука, он, неожиданно весело, ответил: "Надо. Об этом мы с вами на корабле поговорим, мисс Тео".

Она только кивнула, чуть краснея смуглыми, гладкими щеками.

Хаим спешился. Посмотрев на прозрачное, жаркое небо, на темный лес, что взбирался по склонам холмов, он привязал коня к дереву. Юноша взглянул вниз, в долину: "Три дня уже ищу, все деревни объехал — и нет никого. Мирьям, Мирьям, что же с тобой случилось, где ты? Может, стоило прямо к Кинтейлу в лагерь отправиться?"

— Даже и не думай, — Дэниел проверил упряжь у коня. "Ты и так очень рискуешь, Хаим. Вообще-то, — красивое лицо юноши помрачнело, — это я должен был поехать".

Хаим внимательно посмотрел на друга и только вздохнул. "Дэниел, если ты вдруг наткнешься на Кинтейла — он тебя сразу вспомнит. Не надо погибать зазря".

— Не зазря, — Дэниел стоял, отвернувшись, и, наконец, тяжело вздохнул: "Пошли, провожу тебя. И сразу возвращайтесь, не сидите там, в тылу. В штабе вчера говорили, что Кинтейл с кое-какими индейцами спелся, они у него на содержании. Еще вам не хватало — на них наскочить".

— А что с нашими кораблями? — спросил Хаим, когда они уже подошли к окраине города. "Правда, это, что капитан Стивен Кроу тут где-то у побережья болтается?"

— Правда, — Дэниел взглянул на далекую, блестящую под солнцем полосу залива. "У нас тут сил больше, он себе быстро зубы обломает. Отряды от Вашингтона скоро подойдут, гонец сегодня с утра приехал. Выстоим, ничего. А "L’audace" будет идти под конвоем двух вооруженных барков, так что за нее можно не волноваться".

— Не слишком ли много чести для моего брата, — хмыкнул Хаим, — два вооруженных барка?

Дэниел помолчал: "Это требование Континентального Конгресса, не нам с тобой, дорогой лейтенант Горовиц, — это обсуждать".

— Понятно, — Хаим остановился и, пожал руку Дэниелу: "Дня через четыре привезу ее обратно, можно не волноваться".

Дэниел помахал вслед всаднику: "Это я виноват. Пришел бы, и сделал предложение. В конце концов, я помню, говорили же — у нас будут лицензии на брак, можно будет пожениться у мирового судьи, не обязательно в церкви. Она бы согласилась, она меня любит".

Он посмотрел вдаль — Хаим уже пропал из виду. Дэниел постоял, глядя на еще спящие дома предместья. Развернувшись, выпрямив спину, он пошел обратно в город.

Хаим прищурился и увидел на ветвях большого дуба что-то черное, раскачивающееся под ветром.

— Ищете чего, мистер? — раздался рядом мужской голос. Маленький, толстенький фермер, зажав в зубах трубку, встал рядом и тоже посмотрел вниз.

— Лорда Кинтейла, — высокомерно сказал Хаим, оправив хорошо сшитый сюртук. "Я из Нью-Йорка, торговец, — он со значением поднял бровь, — живым товаром. Мне говорили, у него тут в лагере негры есть, приехал узнать — не продаются ли они".

— Опоздали, мистер, — торговец присвистнул. "Была у него рабыня, да вон — мужчина указал на дерево, — третий день в петле болтается. Изрезала его светлость ночью, ножом, и сбежала. Ее в лесу нашли. Говорят, она дочку свою на съедение койотам оставила. Вот же эти негры…, - фермер сочно выругался.

— Юджиния, — вспомнил Хаим слова миссис Франклин. "Господи, бедная, да хранит Господь ее душу. А я ведь надеялся — она мне о Мирьям что-то расскажет. И ведь даже не попросить, чтобы похоронили, подозрительно это будет".

Хаим почувствовал на лице тепло утреннего солнца. Он, нарочито спокойно, спросил: "Тихо было, пока тут его светлость с войсками стоял? Или шумели они?"

Фермер усмехнулся. "Мальчишка мой к ним провизию возил, так рассказывал, что тут девку поймали, шпионку от патриотов. С ней солдаты как следует, повеселились, ну, понимаете, мистер, о чем я, — мужчина подмигнул.

— И что же, — еще более спокойно поинтересовался Хаим, — расстреляли ее, а то я второго трупа не вижу? — он кивнул на ветви дуба.

— Сбежала вместе с солдатом каким-то, — усмехнулся фермер, — должно быть, хорошо они с ним спелись. Наверное, к индейцам ушли, — он сорвал травинку и прикусил ее зубами.

Хаим спустился по вьющейся тропинке в долину: "Может быть, хоть что-то найду. Сестричка, бедная моя…, Наверняка, этот солдат ее застрелил, как только они до леса дошли. Чего еще ждать от британца".

Он посмотрел в сторону дуба. Отведя глаза, постояв несколько мгновений, Хаим стал внимательно оглядывать все вокруг. Среди куч мусора, брошенных, старых одеял, остатков еды, над которыми кружились мухи, он увидел старый, со сломанным замком сундучок.

Хаим опустился на колени и заметил, как из-за надорванной подкладки виднеется что-то желтоватое. Он развернул письмо и стал вчитываться в красивый, ровный почерк. "Вечно любящий тебя капитан Мартин Кроу, — шепнул Хаим и посмотрел на дату. "Август 1758 года, Бостон".

Он аккуратно сложил листок. Спрятав его, сжав зубы, заставив себя не думать о сестре, Хаим стал взбираться на вершину холма.

Отец лежал, закрыв глаза. Марта, что сидела у изголовья постели, увидела в его коротко остриженных волосах седину. "Год до пятидесяти", — подумала она, поправив повязку, что закрывала железную пластину на месте раны.

Мужчина не шевелился. Только прислушавшись, можно было уловить слабое, едва заметное дыхание. Марта посмотрела на фарфоровую миску, что стояла рядом с ней и позвонила.

— Спасибо, мистер О’Доннелл, — сказала она появившемуся слуге. "Мистер де Лу поел, немного. Когда будет нужна помощь, — Марта замялась, — с умыванием, я вас позову".

Когда дверь закрылась, она взяла большую, неподвижную руку отца и приникла к ней щекой, перебравшись с кресла — на пол. "Сколько так еще? — вздохнула про себя девушка. "Два раза в день овсянка, такая жидкая, что похожа на суп, уборка, поменять тряпки, поменять постельное белье, если вдруг не уследили…, Как я все это буду делать одна? И где? Папа, папа, ну что же ты мне ничего не сказал…"

Марта посмотрела на закладную и расписки, что лежали на столе в отцовском кабинете: "Я понимаю. Получается, что, если я не выплачу долги отца, то все его имущество переходит мистеру Бенджамин-Вулфу? — она указала на плантатора, что стоял у окна, не поворачиваясь,

глядя в сад.

— Именно так, — прошуршал стряпчий. "Это рука вашего отца, мисс де Лу, и его печать".

— Да, — Марта проглядела бумаги, — верно. Я бы хотела показать их, — она положила изящную, белую руку на документы, — мистеру Адамсу.

Клерк из конторы Адамса подался вперед: "Мисс де Лу, вы же знаете, мистер Адамс сейчас в Филадельфии, участвует в Континентальном Конгрессе. Бостон практически отрезан войсками лорда Кинтейла. Мистер Адамс попросту сюда не поедет, а гонцу доверять такие бумаги нельзя. Да и не отправить никого на юг, это слишком опасно".

— Сколько у меня есть времени? — тихо спросила Марта, глядя на черные, чуть побитые сединой волосы старшего Бенджамин-Вулфа.

Тот молчал и стряпчий торопливо ответил: "Две недели, мисс де Лу. После этого имение официально перейдет мистеру Бенджамин-Вулфу. Если не будет выплачен долг".

Они ушли. Марта, опустившись в кресло, услышала сзади мягкий голос. Он чуть коснулся ее бронзовых волос: "Я что-нибудь придумаю, девочка, ты не волнуйся".

Марта вскочила. Подняв голову, она посмотрела в смуглое, чуть отяжелевшее лицо. "Вы могли бы их просто порвать, мистер Бенджамин-Вулф, — она вздернула подбородок, — вы же были другом папы!"

— Другом и партнером, — поправил ее плантатор. "В делах так не принято, милая, впрочем, — он поднял бровь, — это выше твоего понимания. Женщины в таких вещах не разбираются".

Марта покраснела и ответила сквозь зубы: "Папа всегда мне все рассказывал, мистер Бенджамин-Вулф. Я просто удивлена, что он скрыл от меня эту закладную и расписки".

— Ну, — развел руками Дэвид, — не хотел тебя волновать, наверное, да и собирался отдать деньги, но вот, — он помрачнел, — не получилось. Раз я теперь твой опекун, то доверься мне — я постараюсь сделать все, чтобы вы с отцом не бедствовали.

— Спасибо, — Марта вдохнула резкий запах табака: "Может быть, кольцо продать? Адамс мне его отдаст, если я попрошу. Но это надо дождаться, пока он приедет в Бостон, да и не хватит этих денег надолго, доктор, же сказал — отец может так еще два десятка лет прожить".

Теодор почувствовал теплую влагу на руке. "Плачет, — подумал мужчина. "Господи, девочка моя, пусть не волнуется, я уже скоро встану".

Он чуть дрогнул ресницами. Над ним раздался озабоченный голос: "Папа, милый, ты меня слышишь? Если слышишь — открой глаза, пожалуйста".

— Не могу, — понял Теодор. "Еще не могу, слишком тяжело. Прости меня, милая". Марта посмотрела в бесстрастное лицо отца. Отпустив его руку, закрыв лицо ладонями, она разрыдалась.

Не надо, — кто-то тихо зашел в комнату и оказался совсем рядом с ней. "Не надо, Марта, я прошу тебя — не надо".

Она, мрачно, вытерла лицо: "Папа же страдает, Мэтью, я не могу, не могу…Я все время об этом

думаю. И теперь, с этой закладной, ты же знаешь, — Марта опустилась в кресло, — куда мне деваться с ним на руках? У нас даже родственников нет. Я, конечно, буду ухаживать за папой, но откуда взять деньги?"

Мэтью сел на пол рядом с ее креслом. Глядя на постель больного, юноша тихо сказал: "Послушай, я кое-что придумал. Только отцу моему не говори, пожалуйста, а то он может не согласиться".

— Не буду, — девушка помотала бронзовой головой.

Мэтью повернулся и, посмотрел в прозрачные, зеленые глаза: "Выходи за меня замуж, Марта. Я знаю, — юноша поднял руку, — ты меня не любишь, а что я тебя люблю, вот уже три года, — он пожал плечами, — так это тебя не касается, конечно".

— Как три года? — прошептала девушка.

— Так, — горько ответил он, — с того самого мгновения, как впервые тебя увидел. Мы тогда еще в снежки играли. То дело давнее, ты меня любить не обязана, Марта. Просто если мы поженимся, то отец не сможет мне отказать — он порвет и закладную, и расписки. Вы с папой останетесь жить здесь, как и раньше.

В спальне мерно тикали бронзовые часы. Марта покраснела и, скомкав в тонких пальцах кружевной платок, пробормотала: "Но если замуж, то ведь надо…"

— Ни в коем случае, — он вздохнул. "Я тебя и пальцем не трону, Марта, слово джентльмена. Как я могу, если ты меня не любишь? Может быть потом, когда-нибудь…, - он повел рукой и твердо добавил: "В любом случае, надо сначала поставить твоего папу на ноги. Я тебе помогу, я же говорил. И вообще, — Мэтью улыбнулся, — я тебе докучать, не намерен. Ты будешь тут, в Массачусетсе, а мне осенью уже надо возвращаться в университет, в Виргинию. Так что все равно — только на каникулах будем видеться. Если ты захочешь, конечно".

Он поднялся, и откинул назад золотоволосую голову: "Я бы тебе все равно предложение сделал, я сюда и ехал для этого, просто, — Мэтью вздохнул, — когда случилось это несчастье, я подумал — тебе сейчас не до этого. Может показаться, что я тебе выбора не оставляю, бесчестно навязывать себя девушке в таком положении".

Марта все молчала. Наконец, тоже встав, она спросила: "А если я соглашусь, Мэтью, что тогда?"

Юноша ласково взглянул на нее: "Тогда мы обвенчаемся. Но если ты потом придешь ко мне, когда твой отец выздоровеет, и скажешь: "Я хочу уйти", то ты уйдешь, Марта — куда хочешь. Я не могу, не имею права тебя удерживать".

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросила девушка.

— Потому что я люблю тебя, уважаю твоего отца и потому, что я — джентльмен, — Мэтью потянулся и взял ее руку. "В давние времена рыцарь бы так и поступил, Марта, и не просил бы ничего взамен. И я не попрошу".

Она всхлипнула: "Можно, я подумаю? Просто все это так, — девушка поискала слово, — неожиданно…"

— Ну конечно, — Мэтью отпустил ее пальцы. "Иди, пообедай и ложись. Отдохни, почитай. Мы с

мистером О’Доннеллом все сами сделаем, с умыванием".

— Спасибо, — она склонила изящную голову. Мэтью улыбнулся: "Я же сказал — я всегда буду тебе помогать, Марта, в чем бы ты ни нуждалась".

Дверь закрылась. Мэтью, подтащив кресло поближе, достав из кармана сюртука серебряную пилочку, подмигнул больному: "Что вы там рассказывали, мистер Теодор, об охоте в Акадии? С капканами, помните? Так вот капкан скоро захлопнется, обещаю вам".

Мужчина лежал неподвижно, будто изваяние. Мэтью, покачав головой, едва слышно насвистывая, стал подпиливать себе ногти.

Дэвид раздраженно бросил на стол письмо: "На, полюбуйся! Если бы я не проверял почту, твоя невеста, прочтя это, — он упер ухоженный палец в листок бумаги, — сбежала бы отсюда, куда глаза глядят, поверь мне".

— Никуда она не сбежит, пока ее отец жив, — Мэтью, сидя в шелковом халате, похлопал себя по щекам: "Жених выглядит хорошо, просто отлично выглядит. Жалко, что мистеру Теодору никак не удастся повести свою дочь к алтарю. Но, папа, — юноша поднял бровь, — если Тео в Бостоне, то надо поехать и привезти ее".

— Я ее сам накажу, — сладко подумал Мэтью. "Моя собственность, мне с ней и разбираться".

— Она не написала, где находится, — сумрачно ответил Дэвид. "Девчонка, знаешь ли, далеко не дура".

— Как и ты с братом, — добавил про себя плантатор.

Мэтью, взяв серебряный гребень, зевнул: "Папа, умоляю тебя, понятно, что она сбежала к Дэниелу. Ставлю что угодно. Он, наверняка, не преминул ее уложить в постель. Эти патриоты все кричат об ужасах рабства, но что-то я не слышал о тех, кто освобождает своих рабов. Джефферсон так и вовсе — открыто живет с цветной, вся Виргиния знает".

— Посмотрим, — хмыкнул отец, убирая письмо. "Если она у Дэниела, незачем торопиться, можно забрать ее в любой момент. Давай, — он потрепал сына по голове, — заканчивай собираться, уже и в церковь пора".

— Очень хорошо, — подумал Дэвид, спускаясь по мраморной лестнице. "Я своего сына знаю, услышав о том, что Тео — ему сестра, он сразу же пистолет себе к виску приставит. В этом он на мать похож, та тоже — не выдержала, в петлю полезла. А все потому, что кое у кого очень длинный язык был. Матери Тео его быстро укоротили, я же туда, в Южную Каролину ездил, проверял — она и полугода на плантациях не выдержала, сбежала. Нашли и забили плетью до смерти. Нечего было моей жене говорить того, чего ей знать не следовало".

Дэвид осмотрел себя в зеркало, и наклонил черноволосую голову: "Мэтью после свадебного обеда сразу уедет. Останемся мы с Мартой одни. Медовый месяц, так сказать. Давно у меня белых не было, если шлюх не считать".

Он увидел сына, и прошел в распахнутые слугой дубовые двери: "Когда мы вернемся из церкви, сразу же сядем за стол".

— Все будет готово, мистер Бенджамин-Вулф, — прошелестел тот. "Не беспокойтесь".

— Дом я сдам, — Дэвид обернулся, усаживаясь в ландо. "Он принесет отличный доход, место красивое, и от Бостона недалеко. Тем более, что Кинтейл, наверняка, войдет в город. Все встанет на свои места. А мы с невесткой уедем домой, в Виргинию".

— Трогай, — велел он кучеру. Красивая, низкая карета, выехав из ворот усадьбы, повернула к Уотертауну.

— Папа, — услышал он нежный, ласковый голос, — папочка, милый, ты как?

Теодор чуть дрогнул ресницами и увидел дочь, — она склонялась над изголовьем кровати, бронзовые волосы были распущены по плечам и прикрыты кружевной вуалью.

Марта отложила букет белых роз: "Папа, Мэтью мне сделал предложение, и я его приняла. Ты не волнуйся, это просто так — чтобы спасти имение, и выплатить твои долги. Он меня и пальцем не тронет, он обещал. Мы с тобой останемся здесь, и я буду тебя лечить".

Теодор вдохнул запах жасмина и почувствовал, как на его глаза наворачиваются слезы. "Надо сказать. Девочка, бедная моя, это же западня, это все подстроено, обман на обмане. Мерзавцы, какие мерзавцы, был бы у меня в руках пистолет..., Скажи! — велел он себе, но губы не двигались. Он даже не смог открыть глаза.

— Я знаю, ты хотел, чтобы я вышла замуж по любви, — Марта прижала к щеке его руку, — я тоже, папа, хотела. Но Мэтью мне сказал, что я буду совершенно свободна. И кольцо я ему не отдаю, оно в Бостоне и там останется.

— Хорошо, — пронеслось у него в голове. "Господи, как я устал".

Марта прислушалась — до нее доносилось ровное, размеренное дыхание. Она опустила руку Теодора и сказала появившемуся в дверях слуге: "Мистер О’Доннелл, вы побудьте с мистером де Лу, пока я в церковь съезжу. Сегодня ночью я сама подежурю".

Мужчина замялся: "В день вашей свадьбы, мисс де Лу?"

— Я сама подежурю, — твердо повторила Марта. Подхватив букет, высоко подняв голову, она прошла в переднюю.

— Спокойной ночи, — ласково сказал ей Мэтью, когда они стояли у двери в опочивальню Марты.

— Свидетельство о браке у меня, — юноша замялся, — так что в любой момент, когда оно тебе понадобится...

— Да зачем оно мне, — отмахнулась Марта, — все равно — это формальность. Спасибо, — она протянула руку Мэтью, — спасибо, ведь твой отец все сделал, как ты говорил — сжег и закладную и расписки. Теперь все это опять наше, — она обвела рукой устланный коврами коридор. "Я не знаю, как тебя благодарить, Мэтью".

— Ошибаешься, — хмыкнул про себя юноша. "Все это мое, дорогая жена. Вся твоя собственность теперь принадлежит мне, как и ты сама. Впрочем, ты мне не нужна, пусть тобой папа забавляется".

— Я же обещал, — он пожал руку девушке. "Слышала, у алтаря, — Мэтью невольно

улыбнулся, — пока нас не разлучит смерть. Но это, — он вздохнул, — тебя не касается. Я говорил — я тебя в любой момент отпущу, когда захочешь".

— Сначала папе надо выздороветь, — вздохнула Марта. Девушка глянула в окно, где уже догорал закат: "Сейчас переоденусь, и к нему пойду. Спокойной ночи".

Мэтью склонил голову. Зайдя к себе в опочивальню, он стал складывать саквояж. "Когда все уснут, — юноша тихо рассмеялся, — выскользну незаметно. Наемная карета из Уотертауна будет ждать на перекрестке, а там, — он с удовольствием потянулся, — еще три недели до начала занятий. Успею навестить "Дом Радости".

Юноша откинулся в кресле. Закрыв глаза, подрагивая веками, он вытянул вперед длинные, красивые пальцы. Руки чуть затряслись. Мэтью, нагнувшись, достал из саквояжа флакон темного стекла.

— Лауданум, — он раздул ноздри. Открутив пробку, Мэтью налил настойки в серебряную ложку. "До Виргинии мне его хватит, не сорвусь, а там уже, — он выпил, — меня ждут другие радости".

Марта развязала атласные ленты. Сняв чепец, она рассмеялась, любуясь собой в большом зеркале. "Придется на людях носить, — она повертела головой туда-сюда, — так положено". Девушка потянулась за гребнем и застыла, почувствовав сзади резкий запах табака.

— Позволь мне, — раздался голос сзади. Марта вскочила. Комкая на груди платье, девушка увидела его глаза — карие, пристальные. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, разглядывая ключ, что держал в руках.

— Простая вещь, — сказал Дэвид, подходя к ней. "Твой отец был аккуратным человеком и озаботился тем, чтобы внизу, в кладовой, висели копии всех ключей. Даже с бирками".

— Что вы тут делаете? — крикнула Марта и тут же пошатнулась — он одним быстрым, неуловимым движением зажал ей рот. "Видишь вот это? — Дэвид показал ей красивый, маленький пистолет. "Он отлично стреляет, я много раз проверял. Когда у меня убегают рабы, я сам их ищу, с собаками. Очень развлекает, лучше, чем охота на зверя. Этот пистолет бьет без промаха. Если ты будешь кричать, твой отец не доживет до утра".

Марта изловчилась и укусила жесткую ладонь. Дэвид зашипел от боли. Дернув углом рта, мужчина ударил ее по щеке — сильно. "Видит Бог, — он хмыкнул, — я этого не хотел, но ты сама, Марта, виновата — выслушай меня, до конца".

— Вас казнят за убийство! — выплюнула девушка, забившись в угол гардеробной.

— Не думаю, — легко ответил плантатор. "Паралитика очень легко задушить, он и так еле живет. Никто ни о чем не догадается. А пистолет, — он щелкнул курками, — это так, чтобы ты поняла — я не шучу".

— Что вам надо? — она смотрела в черное дуло оружия. Дэвид подошел ближе, и пощекотал ей шею пистолетом: "У тебя ведь сегодня брачная ночь, милая моя, не след проводить ее в одиночестве. Я пришел составить тебе компанию. За отца не беспокойся, О'Доннелл за ним присмотрит".

— Где Мэтью? — Марта сжала руку в кулак и выпрямилась. "Где ваш сын? Мне надо с ним

поговорить".

— По дороге в Виргинию, — Дэвид снял сюртук. Поведя мощными плечами, он стал развязывать шнурки на вороте льняной рубашки. "Иди сюда, — мужчина опустился на стул, — поможешь мне раздеться".

— Он знал, — Марта сглотнула слезы: "Он мне еще отплатит за это, подонок".

— Знал, конечно, — Дэвид усмехнулся. "Он же мой сын, Марта. Видишь ли, — он прервался, и, достав из кармана сюртука серебряную шкатулку, выбрал сигару.

— Здесь не курят, — прервала его Марта.

— Теперь курят, — он откусил кончик сигары. Выплюнув его на ковер, плантатор прикурил от свечи. "Ты не забывай, теперь это — дом моего сына. Ты тут никто. Так вот, дорогая невестка, — Дэвид привольно раскинулся в кресле, — Мэтью бесплоден. Детская болезнь, так бывает. Мне нужны наследники, законные — мужчина оглядел ее фигуру, — хороших кровей".

Марта побледнела. Блеснув глазами, отступив еще дальше в угол, девушка помотала головой: "Нет, нет, ни за что! Я лучше умру!"

— Умрет твой отец, — лениво сказал Дэвид. "Я же тебе говорил, я свое слово держу. Закладную и расписки я порвал, как и обещал, и отца твоего тоже задушу. Иди сюда, — он указал себе на колени. "Не дрожи так, тебе понравится, даю слово".

— Дверь закрыта, — поняла Марта, незаметно косясь на ключ, что лежал на мраморном туалетном столике. "Отсюда я не дотянусь, надо подойти ближе. Открою дверь и брошусь в папину опочивальню, там О'Доннелл, этот мерзавец побоится что-то делать в его присутствии".

Она сделала шаг вперед и ахнула — Дэвид резко схватил ее за запястье. "За этим отправилась? — он поднял ключ. "Ты его больше не увидишь, — Дэвид прицелился и метнул ключ в раскрытое окно. Трещали, чадили фитили свечей в изящном серебряном канделябре.

Мужчина потянул Марту к себе: "Завтра наденешь платье с длинным рукавом и высоким воротом, чтобы синяками не красоваться, — он силой усадил ее к себе на колени. Наклонив голову девушки, коснувшись зубами белой шеи, он задрал ее шелковые юбки.

Марта почувствовала его властную руку. Она вздрогнула, закусив губу. "Я и забыл, сколько возни бывает с девицами, — внезапно расхохотался Дэвид. "Ладно, есть дела важнее, вставай на колени".

— Зачем? — недоуменно спросила девушка. "Вот зачем, — он откинулся на спинку кресла и расстегнул бриджи. "Не буду, — сжав зубы, сказала Марта, и почувствовала холод пистолета у своего виска.

— Ну! — велел Дэвид. "Я не собираюсь с тобой церемониться, Марта, и не хочу терять время на твои капризы. Начинай".

Он так и не опустил руки с пистолетом.

— Ничего не умеешь, — хмыкнул он, много позже, поднимаясь. "Ничего, научишься. Иди сюда, — он одной рукой стал расшнуровывать ей корсет.

Юбки, шурша, упали на ковер. Дэвид, посмотрев на жемчужную, светящуюся кожу, улыбнулся про себя: "Шестнадцать лет, и вся моя. Очень хорошее дело я провернул, пока не старею. И еще долго не постарею, — он толкнул девушку на кровать. Раздеваясь, он приказал: "Ноги раздвинь".

Марта закрыла глаза, чтобы не видеть нависшего над ней лица. Она задыхалась от запаха табака, от его тяжести, и, почувствовав резкую боль, — попыталась вырваться.

— Лежи тихо, — прошипел Дэвид, и рассмеялся: "Привыкай, тебя это каждую ночь ждет, пока я жив".

— Пока ты жив, — спокойно подумала девушка, ощущая горячую, быструю кровь, что текла вниз, на простыню. Он запустил руки в бронзовые, распущенные волосы и, поцеловав ее, покусывая губы, решил: "Надо будет потом от нее и паралитика избавиться, когда Марта родит. Не нравится мне этот взгляд, ох, как не нравится. Я ее буду бить, конечно, как жену бил, но все равно — эта на себя руки не наложит, не такая. Скорее, мне яду подсыплет".

— Вот так, — тяжело дыша, наконец, сказал Дэвид. Он перевернулся на спину, и закурил: "Ртом теперь поработай, и продолжим".

Он приставил пистолет к бронзовому затылку. Марта, на мгновение, подняла прозрачные глаза. "Как это у Гомера? — вспомнилДэвид. "И на дорогах — людей и животных подобья, тех самых, что обратились в кремень, едва увидали Медузу". Точно она, даже мороз по коже идет".

Мужчина потянулся, и, перевернув ее на бок, по-хозяйски развел стройные ноги: "Будет больно — молчи, я не люблю, когда жалуются".

Марта закрыла глаза и заставила себя не стонать. Дэвид внезапно протянул руку вниз: "В первый раз мало кому нравится, но ты привыкнешь, обещаю. Вот, например, к этому, — он подвигал пальцами.

— Терпи, — велела себе Марта. "Просто сожми зубы и терпи, он не должен знать, что тебе приятно".

Она услышала шепот мужчины: "Ты сколько угодно можешь притворяться, дорогая моя, но меня не обманешь, мне шестой десяток идет. Вот, попробуй, — он, поднес руку к ее губам.

Марта отвернулась. Спрятав лицо в подушке, она лежала, ожидая, когда все закончится.

Над садом уже вставала заря, когда Дэвид зевнул: "Я бы, конечно, остался, я люблю, когда в постели есть женщина, засыпать приятней, но тебе, дорогая моя, — он поднял пистолетом острый подборок, — доверять нельзя. А то еще прирежешь ненароком.

— Поднимайся, утро уже, — он кивнул за окно, — принеси мне завтрак, потом сменишь О'Доннелла. Ты, наверное, соскучилась по дорогому папе, — Дэвид издевательски усмехнулся. Уже на пороге, он добавил: "Слугам скажешь, что мистер Мэтью должен был срочно уехать, по делам. Но брачная ночь у вас была, — он указал на окровавленную простыню, — удачной.

Марта подождала, пока закроется дверь. Потом, посидев одно мгновение, подтянув колени к животу, она раздула изящные ноздри. Встав с постели, девушка начала одеваться.

Меир ласково погладил паспорт. Подтолкнув его к Тео, он отпил кофе: "Мисс Тео Бенджамин,

семнадцати лет от роду, подданная Его Величества — все, как положено".

— Он же поддельный, — смуглые щеки девушки чуть зарделись.

— Угу, — кивнул юноша. "Но вы не волнуйтесь, мисс Тео, — он улыбнулся, — никто у вас, в общем, его и не потребует. Это так, на всякий случай".

— А почему не американский? — Тео стала убирать со стола. "Декларация Независимости ведь уже подписана".

— Не все сразу, — обиженно отозвался Меир, — комиссия еще решает — какая у нас печать должна быть, пока Континентальный Конгресс утвердит рисунок — много времени пройдет. Когда-нибудь получите свой законный паспорт, обещаю.

Он поднялся: "Мне пора. Завтра я за вами прямо с утра зайду, так что будьте готовы".

Тео застыла с кофейником в руках. Она тихо, сказала, глядя в блестящие, серо-синие глаза: "Мистер Меир, мне так жаль, так жаль…, Но я уверена — мисс Мирьям найдется, обязательно! Просто надо подождать".

— Наверное, — тяжело вздохнул юноша. Смотря куда-то в сторону, он вышел из гостиной.

Тео так и стояла, прислонившись к дверному косяку. Потом, опустив кофейник на стол, дрогнув ресницами, она вспомнила голос Дэниела.

— Это я должен был туда пойти, — хмуро сказал он, не поворачиваясь к Тео, разглядывая синюю гладь залива. "Понимаешь, я теперь Хаиму в глаза смотреть не могу, и Меиру — тоже".

Тео перекусила нитку, — она штопала рубашки, сидя с ногами в кресле. Поднявшись, подойдя к нему, девушка неловко спросила: "А вы с Мирьям…"

Дэниел внезапно, жарко покраснел: "Я бы ей предложение сделал, но думал — война ведь. Она мне сказала, что не стоит торопиться. А теперь…, - юноша только покачал головой.

Тео посмотрела на него искоса: "Знаешь, я Мирьям недолго видела, но думаю — она выберется, не может такая девушка пропасть. Все будет хорошо".

— Что же с ней там делали? — горько подумал Дэниел. "Хаим сказал — ее просто на гауптвахте держали, и все. А потом она сбежала, с каким-то солдатом. Что за солдат, почему они сговорились? Что это я — ревную, что ли? Какая разница — главное, чтобы Мирьям жива, осталась, все остальное уже неважно".

Он повернулся, и, улыбаясь, ответил: "Спасибо тебе, Тео. Я у лорда Кинтейла лично поинтересуюсь — что с Мирьям случилось".

Тео увидела холодный огонь в сине-зеленых глазах. Девушка вздохнула: "Вроде и не похожи они с мистером Дэвидом, и сравнивать их даже нельзя, а все равно повадка та же. У его отца тоже лицо каменеет, даже страшно смотреть становится".

— Ты не беспокойся, — Дэниел забрал у нее сверток с рубашками, — в Париже рабства нет, и вообще, — он потянулся и снял с полки какой-то томик, — там сейчас все философы и писатели выступают против него. Возьми, — он передал Тео книгу, — это Руссо.

— Об общественном договоре, или принципы политического права, — увидела девушка

заглавие. Она полистала томик и вслух прочла: "Если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, — он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он имеет все основания вернуть ее".

— И человек тоже, — едва слышно сказала Тео. "Имеет все основания вернуть себе свободу".

— За это мы и сражаемся, — ответил ей Дэниел. "За то, чтобы наша страна и люди в ней — были свободными".

Она внезапно отступила назад. Прижимая к груди книгу, Тео спросила: "Так почему? Почему у всех вас есть рабы, Дэниел? У тебя нет, а у Вашинтона, Адамса, Джефферсона — у них ведь есть. У Джефферсона, — Тео зарделась, — даже цветные дети родились. Слухи ходят, — торопливо добавила девушка.

Он все молчал, а потом, горько, ответил: "Ты думаешь, я этим не мучаюсь, Тео? Каждый день. Как можно провозглашать свободу в стране, где половина ее жителей прозябают в оковах, где создания Божьи продают на аукционе, где детей разлучают с родителями…"

Тео выпрямилась: "Я понимаю Юджинию. Если бы у меня было дитя, я бы сделала то же самое, и не задумывалась бы. Ее дочь умерла свободной, — вишневые губы девушки, на мгновение, искривились, — это дорого стоит".

Он коснулся рукой смуглых пальцев: "Напиши мне, Тео. Об этом, о смерти Юджинии. Пожалуйста. Я бы и сам мог, но это будет, — Дэниел пожал плечами, — не так, неправильно. Я ведь белый. Напиши, а мы напечатаем, брошюрой".

— Нет, — после долгого молчания вздохнула Тео, — я напишу не как цветная, Дэниел, а как человек. Хватит, — ее ноздри раздулись, — надоело делить людей по цвету кожи.

— Да, — после долгого молчания проговорил юноша, — ты права. Спасибо тебе.

— L’Audace покачивалась на спокойной глади залива. Хаим посмотрел на два барка, что бросили якорь немного поодаль. Отведя Меира в сторону, он достал из кармана мундира какой-то пожелтевший листок бумаги. "Читай, — сказал он брату, — это я нашел на том месте, где был лагерь Кинтейла".

Меир пробежал письмо и потрясенно спросил: "Этот капитан Мартин Кроу, кто он?"

— Я навел справки в порту, — Хаим отчего-то вздохнул, — не так много времени прошло. Англичанин, ходил сюда на торговых кораблях. Погиб в декабре пятьдесят восьмого года. Тут, неподалеку, в шторм. Вдовец, у него был один ребенок. Мальчик.

— Стивен, — утвердительно сказал Меир и опустил глаза к ровным строчкам: "Если родится мальчик, можно назвать его Питером, а девочку — Юджинией. Я совсем скоро приеду, и тогда мы будем вместе — навсегда. Вечно любящий тебя, капитан Мартин Кроу", — прошептал юноша. "Это что же получается, Хаим?"

— Юджиния была его сестрой, единокровной, — горько ответил ему старший брат. "Ты возьми, возьми это письмо. Думаю, если капитан Стивен Кроу встретится вам по пути, он узнает руку своего отца".

— Ему будет наплевать на это, — жестко ответил Меир. "Ты же сам слышал, Хаим, он

безжалостный человек".

— Возьми, — настойчиво повторил юноша, — никто не знает, чем это, — он кивнул на письмо, — обернется. И расскажи ему, как умерла его сестра.

— Если он меня раньше не застрелит, — пробормотал Меир, и они пошли к шлюпке.

Тео подняла голову и посмотрела на золоченого кузнечика над крышей Фанейл-Холла. "Может, и вернешься еще, — мягко сказала миссис Франклин, поправляя холщовый чепец. "Мирьям найдется, встретитесь с ней".

— Да, — кивнула Тео и обняла акушерку — они были одного роста. "Спасибо вам, миссис Франклин, огромное спасибо! Если бы не Мирьям, если бы не вы…"

— Провозгласите свободу по всей земле, — усмехнулась пожилая женщина. "Хороша бы я была христианка, если бы не исполняла того, что Господь нам велит. А ты…., - она прошептала что-то на ухо Тео. Та, покраснев, помотала головой.

— Посмотришь, как оно будет, — заметила акушерка. "Неволить себя, не надо, конечно, а все же…, - она обернулась и помахала рукой Дэниелу, что бежал по набережной: "Успел все-таки".

— Во-первых, держи, — юноша протянул ей тонкую брошюру, — только что с пресса. Это сборник, там твоя статья, и мы еще собрали свидетельств бывших рабов.

— Жизнь в оковах. Издано обществом аболиционистов Массачусетса, — прочла Тео и улыбнулась: "Очень хорошо, что так много напечатали, целых две сотни".

— А во-вторых, — русые, непокрытые волосы юноши ерошил западный ветер, — удачи тебе, Тео, и надеюсь, что встретимся!

— Непременно, — она кивнула темноволосой, изящной головой и пожала ему руку. "И тебе, Дэниел, тоже — спасибо".

Тео подобрала подол простого, светлого миткалевого платья, и весело добавила: "Меир рукой машет, пора в шлюпку".

— А ты, — велел Дэниел юноше, когда они спустились к воде, — не лезь там, на рожон, Ягненок. Понял?

Тот кивнул, и юноши обнялись. Хаим поглядел на то, как шлюпка, наклонившись под ветром, идет к L'Audace: "Я ему письмо отдал, я тебе говорил о нем".

— Правильно, — кивнул Дэниел. Они услышали голос миссис Франклин: "А вы что это в мундирах оба явились? На войну, никак, отсюда?"

— Отпуск закончился, — вздохнул Хаим. Посмотрев на часы, он добавил: "Уже скоро на позиции, и мне, и лейтенанту Вулфу".

— Мне, значит, в госпиталь возвращаться, — хмыкнула акушерка. Строго посмотрев на них, она велела: "Пойдемте, кофе вас напою, надеюсь, что не в последний раз".

Тео, стоя на корме корабля, прищурилась — золоченый кузнечик сверкал под лучами полуденного солнца, черепичные крыши Бостона таяли в легкой дымке, пахло солью и

свежестью, и она озорно подумала: "Совсем не укачивает".

— Это пока, — будто услышав ее, сказал Меир. "Еще можем в шторм попасть".

— Все равно не укачает, — девушка вздернула голову. "Я знаю". Тео помахала удаляющемуся берегу и шепнула: "Прощай, Новый Свет".

— Вот и все, — нарочито весело сказала Марта, выжимая тряпку над серебряным тазом. "Сейчас мистер О'Доннел тебя переоденет, и я поиграю, да, папа?"

Отец, как всегда, лежал с закрытыми глазами. Марта, вздохнув, поцеловала высокий лоб. Она забрала таз. Выйдя с черного хода в напоенный августовским солнцем, тихий сад, Марта выплеснула воду.

— Так не бывает, — зло подумала девушка, присев на теплые, каменные ступени. "Не бывает, чтобы с первого раза. Но ведь уже неделя прошла, а до сих пор ничего нет. Может быть, это из-за волнения. Даже к врачу не съездить, нельзя оставлять этого мерзавца наедине с папой. Есть же какие-то травы, та старуха, у микмаков, которая лечила — к ней и женщины ходили. Тут даже индейцев нет неподалеку — не узнать. Но я не буду ему говорить, ни за что, — она помотала головой в шелковом чепце. Сорвав несколько поздних, пышных роз, девушка вернулась в дом.

— Вот, — улыбнулась Марта, поставив цветы в китайскую вазу, — если ты откроешь глаза, папа, то ты увидишь — какие они красивые.

— У нее другой голос, — подумал Теодор. "Девочка, бедная моя, что с ней случилось? Как будто хочет заплакать, и не может, сдерживается. Господи, ну сделай так, чтобы с ней все хорошо было, прошу тебя".

Марта присела к фортепиано и полистала ноты "Сарабанда" Генделя. Я знаю, как ты ее любишь".

Она положила нежные пальцы на клавиши, и, глубоко вздохнув, — начала играть. Музыка наполнила комнату. Теодор, почувствовав тонкий аромат цветов, — осторожно, медленно поднял веки. "Могу, — понял он. "Господи, спасибо тебе. Хотя бы это могу сделать".

Марта играла, и не слышала, как дверь в опочивальню чуть заскрипела. "Отличная у нее техника, — усмехнулся Дэвид, укрывшись за вышитой портьерой. "Обо всем остальном, конечно, так сказать нельзя. Хотя она мне не для этого нужна, для этого у меня в Виргинии их полон дом. Сыновья, — он сладко потянулся. "Деньги я от нее уже получил, родит пару здоровых мальчишек, и я устрою ей какой-нибудь несчастный случай".

Девушка закончила и, повернувшись, ахнула — на нее смотрели лазоревые глаза отца.

Марта едва успела открыть рот, как услышала от двери ленивые аплодисменты.

— Отлично, просто отлично, — похвалил ее Дэвид, заходя в опочивальню. "Ты будешь, рада узнать — я велел отправить это фортепьяно — он положил руку на резную крышку инструмента, — обратно в Виргинию".

— Зачем? — недоуменно спросила Марта и тут же, ехидно, добавила: "Впрочем, это ваш подарок, можете его забрать обратно, если у вас на юге так принято".

— Язык прикуси, — холодно посоветовал ей свекор. "Начинай собираться, на следующей неделе мы едем в поместье. За отца не волнуйся, я заказал особую карету, с ним будет врач из Уотертауна".

Марта взглянула на отца: "Я никуда не поеду, вы же обещали…"

— Дом уже сдан, с сентября, — Дэвид привольно раскинулся в кресле и прикусил зубами сигару. Марта вырвала ее из губ свекра. Вышвырнув окурок в открытое окно, она холодно заметила: "Тут вы курить не будете, тут лежит больной человек".

— А ну иди сюда, — мужчина яростно рванул ее за руку. Поднявшись, Дэвид прижал ее к фортепиано: "Я буду делать все, что я захочу, там, где я этого захочу. Не веришь? — он зашарил рукой у нее под юбками. Марта крикнула: "Нет! Я прошу вас! Тут же мой отец!"

— Да он придурок, — Дэвид сорвал с нее чепец и, запустив пальцы в бронзовые волосы, — нагнул ее голову к клавишам. "У него половины черепа нет, — мужчина расстегнулся, — он хуже собаки, та хоть голос хозяина понимает. И ты, Марта, — он раздвинул девушке ноги, — тоже научишься покорности. Иначе твой папа и до вечера не дотянет".

— Не надо, — измучено плача, попросила девушка. "Пожалуйста, не при нем, пожалуйста…."

— Хорошо, — подумал Дэвид, глядя сверху на ее стройную спину, на рассыпавшиеся по плечам волосы. "Очень хорошо, так с ней и надо. И бить чаще, женщины только хлыст понимают, на остальное у них разума не хватает".

— Вот так и стой, — наконец, рассмеялся он. "Пусть твой папа полюбуется на дочку". Дэвид отстранился, Проведя рукой у нее между ног, наклонившись, он шепнул: "Думаю, следующей весной мистер Теодор увидит внука. Такое радостное событие, милая невестка".

Марта опустила голову в ладони и тихо заплакала.

Он вышел. Девушка, оправив платье, заставила себя взглянуть на отца — его глаза все еще были открыты.

— Папа, — сказала она едва слышно, — папа, прости меня, пожалуйста,…Он угрожает тебя убить, я не могу, не могу….

Теодор медленно опустил веки и тут же — Марта вздрогнула, — поднял их.

— Папа, — она наклонилась над изголовьем, — ты меня слышишь? Понимаешь меня? Моргни один раз, если да.

Марта увидела, как дрогнули его ресниц. Оглянувшись, глотая слезы, она села за стол. Девушка быстро написала на листке бумаги алфавит, и показала отцу: "Я буду водить пальцем, а ты моргай, хорошо?"

Он закрыл глаза. Белый, ухоженный палец скользил по рядам букв.

— Дай…мне…пистолет…, - прошептала Марта и помотала непокрытой, растрепанной головой. "Нет, нет, папа, нельзя, это грех! Я не буду…."

Отец смотрел на нее — требовательно, выжидающе.

Девушка опять взялась за листок. "Не для меня…, - читала Марта, — для него…."

Она отложила алфавит, и посмотрела в лазоревые глаза отца: "Теперь мы опять вместе, папа, и что-нибудь придумаем. Я тебе обещаю".

Марта наклонилась и прижалась мягкой, пахнущей жасмином щекой к его прохладному, бесстрастному лицу.

Интерлюдия

Атлантический океан, август 1776 года

— А вот этот парус, мадемуазель Тео, — капитан Лафарж откашлялся, — называется стаксель. Видите, он треугольный.

Девушка подняла голову — L'Audace шла хорошим ходом, под крепким северо-западным ветром, над кормой играл золотистый закат, и улыбнулась: "А гафель прямоугольный, я помню, капитан. А почему там, на рее, стоит матрос со шкотом в руках и ничего не делает?"

— Потому что вы, мадемуазель, вышли на палубу, — хотел, было сказать Лафарж, но, вовремя опомнившись, крикнул: "Пошевеливайтесь там!"

— Ну, — Тео чуть склонила изящную голову, — мне пора, капитан, спасибо за прогулку.

Она пошла к трапу. Лафарж, глядя на то, как ветер полощет шаль за ее плечами, играет выбившимися из прически темными прядями, облегченно вздохнул: "Два дня до Сен-Мало, при таком ветре. Слава Богу, а то невозможно ведь — стоит ей появиться наверху, и все застывают, будто столбы соляные.

— Да и ты сам, — Лафарж усмехнулся, — тоже хорош, шестой десяток, внуки уже, и краснеешь, как мальчишка. А она будто ничего не понимает, еще та кокетка".

Направившись к штурвалу, капитан сварливо сказал помощнику: "Моя вахта. Впрочем, видел я, как ты свою вахту, стоял, только что — у нас по курсу целая эскадра могла появиться, а ты бы и не заметил".

Моряк зарделся и пробормотал: "Так ведь скоро порт, хочется…"

— Налюбоваться, да, — прервал его Лафарж, сверяясь с картой. "Очень хорошо тебя понимаю. Все, — он помахал рукой матросам на мачтах, — за работу!"

Тео толкнула дверь своей каюты — Меир сидел на койке, покусывая перо, просматривая рукописную тетрадь.

— Сейчас буду тебя проверять, — юноша взглянул на нее, — расскажешь мне обо всех, — он похлопал рукой по листу, — наших парижских друзьях.

Тео устроилась на второй койке, поджав под себя ноги, и задумчиво ответила: "А как я с ними познакомлюсь? Я же никто, какая-то девчонка из колоний".

— Во-первых, — рассудительно заметил Меир, — у тебя есть рекомендательное письмо месье Бомарше, а во-вторых, — он рассмеялся, — Бомарше тебя всем представит, не волнуйся. Опять же, если тебя возьмут в труппу…

— Это еще неизвестно, — отозвалась Тео. "Только я же тебе говорила — из пистолета стрелять я не умею…"

Меир постучал себе по голове. "Я, хоть и умею, но предпочитаю работать вот этим. У тебя бойкий язык, отличный слог — он потянулся за лежавшей рядом брошюрой, — и вообще — когда, молодая, красивая девушка к чему-то призывает, мужчины слушают, поверь мне. Нам нужны опытные офицеры, — Меир стал загибать пальцы, — военные врачи, инженеры, нам нужно оружие. И деньги, Тео".

— Так что будешь нашим, — он подмигнул девушке, — теневым послом. Мистер Силас Дин сейчас в Париже, а в декабре туда приедет мистер Бенджамин Франклин. Станешь им помогать, я-то сразу в Амстердам отправлюсь.

— А потом — на Карибы, — Тео накрутила на палец волосы. "Не страшно тебе, ты же там совсем один будешь?"

— Как это один? — удивился Меир. "Там, на Синт-Эстасиусе, синагога есть, значит — уже не один. Давай, — он перелистал тетрадь, — расскажи мне о Mercure de France. Эту газету, как мне говорил мистер Соломон, читает весь Париж, а значит, нам надо туда пробиться".

Тео закрыла глаза и монотонно начала: "Главный редактор — месье Лагарп, друг Вольтера, член Французской Академии. При нем нельзя ругать Расина, — не то, чтобы я собиралась, — усмехнулась девушка, — а также надо хвалить его собственные творения, хотя он слабый драматург…"

Когда они закончили, Тео откинулась к переборке и потребовала, передав Меиру книгу: "А теперь давай мне реплики, я хочу как следует отрепетировать роль Береники".

Он смотрел на ее чуть подымающуюся грудь, на стройную, смуглую шею, бормотал какие-то строки Расина и горько думал: "Нет, невозможно. Я для нее никто, мальчишка какой-то, на голову ее ниже. Да и не еврейка она, забудь, Меир Горовиц, ты сейчас уедешь, и вы никогда больше не увидитесь.

— Наверное, — он вскинул глаза. Когда Тео замолчала, юноша сказал: "Если бы я был месье Бомарше, я бы ни на мгновение не задумывался — сразу выпустил бы тебя на сцену. У меня тут тоже, — он положил ладонь на томик Расина, — есть любимый отрывок. Хочешь, прочитаю, только я не умею так, как ты, — Меир покраснел.

В полуоткрытые ставни каюты дул свежий, прохладный, уже ночной ветер, оплывала свеча в фонаре на переборке. Тео тихо проговорила: "Конечно, хочу".

— И будь, что будет — зло подумал Меир.
И, мученик любви упорной и напрасной,
Я рад, что все сказал об этой скорби страстной
Под взором дивных глаз, что виноваты, в ней.
Я ухожу, но знай: люблю еще сильней, —

Меир захлопнул книгу. Не глядя на Тео, он поднялся: "Спокойной ночи".

Девушка протянула руку. Забрав у него Расина, она прикоснулась к его запястью. Меир вздрогнул и Тео подумала: "Правильно мне миссис Франклин говорила — надо попробовать. Нельзя себя неволить, но я и не неволю — он хороший юноша. Я ему нравлюсь, и он мне — тоже по душе. Один раз, один только раз".

— Присядь, — попросила Тео, указав на свою койку.

Меир обреченно повиновался. Зажав руки между коленей, сгорбившись, уставившись в пол, он шепнул: "Мне нельзя этого, Тео…Мне надо жениться, прости. На еврейке, — отчего-то добавил юноша и покраснел.

— Я понимаю, — услышал он ласковый голос. "На мне не надо жениться, Меир. Просто я хочу знать, как это бывает, — Тео помолчала, — если по-другому".

Он опустил каштановую голову и прижался губами к ее руке — медленно, нежно. "Я не смогу…, - сказал Меир, — не смогу быть с тобой. Мне надо будет уехать".

— Не надо быть со мной, — Тео погладила его по щеке. "Только сейчас, и все, Меир. И больше ничего не случится".

Девушка потянулась и задула почти догоревшую свечу.

— Как нежно, — поняла она, чувствуя его поцелуи. "Так вот как это бывает — когда тебя любят. А я? Я не люблю, нет. И никогда не полюблю".

— Ты такая красивая, — тихо сказал ей Меир. "Я не должен так говорить, — Тео ощутила, как он покраснел, — но правда, ты — как греческая богиня, Тео. Таких женщин и не бывает вовсе".

— Как странно, — Тео встряхнула головой, шпильки полетели на пол. Он зарылся лицом в густые, тяжелые, чуть пахнущие солью волосы. "Как странно, — повторила она себе, — вот Марта — красивая, Мирьям тоже, а я просто высокая и нескладная. И ноги у меня слишком длинные, и грудь, — Тео ощутила его руки, осторожно прикасающиеся как раз к груди, — слишком большая".

Она была вся, — подумал Меир, — как будто отлита из горячей, еще не остывшей после боя, бронзы. В свете большой луны, что стояла над морем, ее глаза мерцали. Он, прикоснувшись губами к длинным ресницам, неуверенно спросил: "Тебе нравится? Я ведь не знаю, у меня никогда еще…"

— Тебе же девятнадцать, — удивилась Тео, приподнявшись на локте. Меир обнял ее, и рассмеялся: "Я три года работал в тылу британцев, у меня там на такое не было времени. Да и не хотел я… — юноша помолчал, — не по любви".

— Не по любви, — горько подумала Тео, ожидая боли. Она так и не пришла, ничего не пришло. Тео лежала, обнимая его, слыша его нежный шепот: "Все и так понятно. Я урод, я стала уродом после этого,…Обещаю, клянусь, больше никогда, никогда такого не будет. Ни один мужчина меня не коснется".

— Иди сюда, — тихо сказала она на ухо Меиру и опустила руку вниз. "Я знаю, что делать, — подумала Тео, — я видела".

Он застонал, — низко, едва слышно, — и уронил голову на смуглое плечо девушки. Меир долго лежал, ничего не говоря, а потом Тео почувствовала горячие слезы на его лице. "Тебе не понравилось, — глухо сказал Меир, — я знаю. Это я виноват, я ведь ничего не умею".

— Ну, ну, — Тео чуть покачала его. "Мне очень понравилось, правда, а твоей жене, — она прижалась щекой к его щеке, — очень повезет, Меир Горовиц".

Корабль чуть поскрипывал под ветром с запада. Меир, взяв ее за руку, робко спросил: "Можно, я у тебя останусь? Очень спать хочется".

— И мне, — улыбнулась Тео. Устроив его рядом, она коснулась губами теплых, каштановых волос. "Спи, — велела девушка, — я тоже — зеваю уже".

Она слушала ровное, размеренное дыхание юноши, плеск волн, бьющихся в борта L’ Audace и плакала — тихо, не двигаясь, чтобы не разбудить Меира. Потом она стерла свободной рукой слезы. Вздохнув, Тео посмотрела на юношу — он спал, так и не выпуская ее пальцев.

— Будь счастлив, — едва слышно сказала Тео и закрыла глаза.

Эпилог

Париж, осень 1776 года

— Картошка, картошка, свежая картошка! — зазывал покупателей зеленщик на рынке Ле-Аль. Брусчатка еще блестела после ночного дождя, скрипели колеса фермерских телег, кудахтали курицы, из мясных рядов доносился стук топорика.

Тео пристроила на руке плетеную корзинку. Порывшись в дерюжном мешке, она отобрала пяток клубней. "Хорошо, что мадам Ленорман разрешает ее очагом пользоваться, — девушка тихонько вздохнула и глянула в сторону рыбных рядов — на телегах были навалены горы свежих устриц, в бочках с морской водой плескались живые омары, в корзинах виднелись серебристые спинки карпа и форели.

— Потомить в белом вине, — подумала Тео, — и сделать этот соус, масляный, с петрушкой и лимоном, как повар меня в поместье учил. Так в Новом Орлеане готовят. Куда там, — она потрогала простой холщовый кошелек в кармане суконной накидки, — надо деньги беречь. Сварю картошку и съем с маслом и солью.

— Взвесьте, пожалуйста, — попросила она торговца.

Тот широко улыбнулся и бросил клубни на медную чашку весов: "Я вам дам еще зеленого салата, мадемуазель, свежий, как ваше прекрасное лицо. Такая красавица, как вы…, - торговец вздохнул и закатил глаза к небу, — не должна себе ни в чем отказывать. Не беспокойтесь о деньгах, пожалуйста, — добавил он, заметив, как Тео роется в кармане. "Просто не откажите принять этот маленький подарок".

— Спасибо, — девушка опустила голову. Покраснев, расплатившись, она стала укладывать картошку в корзину.

— Можно салат приготовить, — решила Тео, идя к выходу с рынка. "Уксус еще остался". Она, на мгновение, остановилась и посмотрела в темно-голубое, яркое небо. С реки дул легкий ветер, пахло палыми листьями. Тео улыбнулась: "Скоро и месье Бомарше вернется из Версаля, в театре сказали — со дня на день. Сразу к нему и пойду".

Она внезапно вздрогнула. Опустив руку в карман, девушка крепко схватила чьи-то пальцы.

— Ты что по карманам шаришь? — гневно спросила Тео, поворачиваясь, глядя на невысокую, белокурую девчонку, босую, в потрепанном шерстяном платье.

— Не ори, — хмуро сказала та, оглядываясь. "Жрать хочу".

— Иди, работай, — Тео презрительно посмотрела с высоты своего роста на грязные волосы девчонки. Сбившаяся, пропыленная прическа была украшена грустно свисающим вниз

шелковым цветком.

— Я работаю, — та показала на цветок, — только я сейчас в Сен-Лазаре два месяца ошивалась, меня хозяйка из комнаты выперла, и все мои цветы забрала, в уплату.

Тео взглянула на исцарапанные ноги и коротко велела: "Пошли!"

Когда они свернули на рю де Розье, Тео спросила: "А за что ты в Сен-Лазар угодила?"

Девчонка покраснела и, и откинула голову:

— Тоже по карманам шарила. Так-то бы избили и отпустили, не в первый раз, а так, — она увернулась от телеги, — там у них какой-то сержант новый, стал приставать. Я ему говорю — я девушка честная, никогда этими делами не занималась, убери свои лапы. Рожу ему расцарапала, понятное дело. Он обозлился, еще троих позвал, ну и…, - девчонка коротко вздохнула. "А потом говорит — мол, пошлю тебя к проституткам, научишься у них, как себя с мужчинами вести. Вот и отсидела два месяца".

Тео остановилась перед пятиэтажным, серого камня, высоким домом: "Сейчас я воды согрею, помоешься, а я пока салат сделаю".

— Я сюда не пойду, — девчонка помотала головой и отступила на шаг. Тео увидела, как блестят большие глаза. "Я тут каморку снимала, до тюрьмы, — объяснила девчонка, — у мадам Ленорман. Старая карга меня сразу на улицу выбросит, я ей еще что-то должна, наверняка".

— Глупости, — решительно сказала Тео и протянула руку: "Тебя как зовут-то?"

— Жанна, — девчонка шмыгнула носом. "А тебе, сколько лет, ты высокая такая. Красивая, — добавила Жанна, восхищенно разглядывая Тео, — вот кому надо в шлюхи податься, золото будешь лопатой грести".

— Еще чего не хватало, — Тео прошла во двор. Завернув в курятник, девушка порылась в соломе. "Мадам Ленорман не обеднеет, — пробормотала она, пряча в корзинку яйцо. "А лет мне семнадцать".

— Ого! — свистнула Жанна. "Так я тебя всего на год младше. Я просто хилая, — грустно сказала парижанка. "А ты откуда, у тебя акцент незнакомый? — девушки стали подниматься по крутой, со скошенными ступенями, лестнице.

— Из Нового Орлеана, это в Луизиане, — Тео сунула голову в гулкий коридор, и прокричала: "Мадам Ленорман, можно у вас воды нагреть? И картошку сварить? — добавила девушка. "Уголь я вам принесу, полведра".

— Можно, — раздался откуда-то из глубин дома сухой голос. Жанна, ойкнув, спряталась за спину Тео.

Высокая, вровень Тео, худая, пожилая женщина, с уложенными в замысловатую прическу седыми волосами, появилась на площадке: "А ну иди сюда!"

— Мадам Ленорман, — торопливо сказала Тео, — что вам мадемуазель Жанна должна осталась, так я заплачу, не волнуйтесь.

— Тоже мне богачка нашлась, — хмыкнула старуха. "А ты, Жанна, вместо того, чтобы слухам

верить, пришла бы и со мной поговорила. Комнату твою я сдала, — она кивнула, — Тео в ней живет, а цветы твои все у меня, целый мешок, и шелк тоже. Приходи и забирай".

Жанна зарделась и, опустив голову, пробормотала: "Девчонки болтали, мол..."

— Да уж, — кисло заметила мадам Ленорман, — ты и сама болтать мастерица. Ты, Тео, слушай ее, да не заслушивайся, — врет, как дышит.

— И вовсе неправда, — обиженно хмыкнула Жанна, взбираясь вслед за Тео на последний этаж дома. "Не все я вру, А Луизиана — это в колониях, я знаю. Мы тоже — она зашла в каморку и ахнула: "Как чисто!"

— И чтобы так и было, — велела Тео, берясь за ведро с углем. "Что — вы тоже?".

— Из колоний приехали, из Акадии, — Жанна устроилась на подоконнике и обхватила костлявые коленки руками: "Отсюда все видно — и Тюильри, и Нотр-Дам, и тот берег. Тут мое любимое место было, в комнате".

— Красиво, — Тео подошла поближе. Над Сеной неслись белые облака, на соборе Парижской Богоматери били к обедне.

— Ты не свались, — озабоченно заметила Тео.

Жанна отмахнулась и таинственным голосом сказала:

— Так вот, обычно отсюда, из Франции в Новый Свет преступников посылали, а мой, — она посчитала на пальцах, — прапрадед, всю Акадию в страхе держал. Он был бандит, убийца, знал индейские яды, — Жанна широко распахнула глаза, — и бывал там, куда нога белого и посейчас не ступала. Потом его там приговорили к смерти. Он сбежал на Гваделупу, был пиратом, и украл дочь испанского губернатора, чтобы на ней жениться.

— Вот, — девчонка выдохнула и добавила. "Он был барон. Не настоящий барон, наверное, но кличка в семье осталась. Моего папашу тоже — все Бароном звали. А вообще, — она улыбнулась, — наша фамилия де Лу. Вот и познакомились, как следует, — она соскочила с подоконника: "Ты воды согрей, а я сейчас. Мигом вернусь".

Босые пятки застучали по лестнице, а Тео так и застыла — с ведром в руках.

На чисто выскобленном, деревянном столе стояла миска с устрицами. "И все это на деньги от твоих цветов куплено? — усмехнулась Тео, разглядывая две бутылки белого бордо.

Жанна покраснела: "Там такой лавочник, что грех у него вино не стянуть, растяпа".

— Ладно, — вздохнула Тео, открывая бутылку, — но чтобы это было в последний раз.

— Обещаю, — горячо ответила Жанна. Взглянув на отодвинутую в сторону тетрадь с чернильницей, она спросила: "Ты что, перепиской занимаешься?"

— За встречу, — Тео чокнулась с ней оловянным бокалом. Попробовав вино, девушка удивленно сказала: "Хорошее!"

— Мой папаша, — Жанна стала открывать устрицы, — когда у него деньги были, ни в чем нам с мамашей не отказывал. Жалко только, — тонкие губы изогнулись, — что золото у него быстро кончалось.

— Нет, не перепиской, — Тео рассмеялась, — это статья, для Mercure de France.

— Моды сезона, — со знанием дела сказала Жанна. "Накидка у тебя хорошая, сразу видно, руки из того места растут. У меня тоже, я тебе завтра прическу сделаю, меня одна в Сен-Лазаре научила, она любовницей у маркиза была".

— Не о модах, — Тео проглотила устрицу, — о революции в колониях.

Жанна раскрыла рот и робко попросила: "Расскажи".

Когда девушка закончила, Жанна почесала кончик носа: "Эти де Лу, в Бостоне — наверняка однофамильцы. У меня в семье, кроме воров и убийц, никого другого и не было. А жаль, — она выпила, — богатые родственники мне бы ко двору пришлись, не все над цветами чахнуть".

— Можно замуж выйти, — осторожно сказала Тео. Девушки сидели на кровати, накрутив на еще влажные волосы холщовые полотенца. Жанна завернулась в простыню, — выстиранное платье было наброшено на спинку стула, — и махнула рукой: "Да ну! Приличный человек меня не возьмет. А если за своего парня выходить — так он будет пить, бить и заработок отбирать. Одной лучше, свободней".

— А родители твои где? — спросила Тео.

— Папаше на Гревской площади голову отрубили, как мне восемь лет было, а мамаша после этого спилась и в Сене утонула, — спокойно ответила Жанна. "Она леди была, английская".

— Врешь ведь, — покачала головой вторая девушка.

— Клянусь, чем хочешь, — страстно сказала Жанна. "Леди Анна Пули. Она была единственной дочерью какого-то богача, и бежала к моему папаше в одном платье. Они на водах познакомились, в Спа. Папаша туда на гастроли приезжал".

— Он актером был? — нахмурилась Тео.

Жанна закатила серые глаза. "Постояльцев в карты обыгрывал, он у меня шулер был, высокого полета, ну и чемоданы тоже — не брезговал воровать".

— Уже вторая бутылка, — Тео зевнула. "Только у меня другой кровати нет, да и не влезет она сюда, — хмыкнула девушка.

Жанна покраснела: "Я на полу посплю, не в первый раз. Чтобы тебя не стеснять".

— Да какое там стеснение, — Тео вспомнила что-то далекое, детское — жаркие нары в деревянном, низком бараке, запах пота и табака, назойливый плач младенцев, и помотала головой: "Ложись со мной и не придумывай".

— Я маленькая, — с готовностью отозвалась Жанна. "Свернусь в клубочек, и не заметишь".

Над башнями Нотр-Дама висела полная луна. Тео посмотрела на белокурую голову, что лежала у нее на плече и, улыбнулась: "Как с ней спокойно. И не страшно совсем. А она хорошенькая, на Марту чем-то похожа".

От Жанны пахло свежестью и немного — вином. Она пошевелилась, и сладко зевнув, шепнула: "Ты тоже спи, я завтра с утра встану и поесть приготовлю, салат так и не сделали".

— Из-за твоих устриц, — тихо рассмеялась Тео и, на мгновение, подняв руку, тут же ее опустила. "Нет, нет, — сказала себе девушка, — нельзя. И не думай ее даже трогать".

— Ты очень красивая, — серые глаза Жанны блестели серебром. "Я видела картинку, в лавке, дорогая, а раме золоченой. Там греческие богини были нарисованы. Одно лицо с тобой и фигуры такие же".

— Спи, — сердито велела Тео, натягивая простыню им на плечи. "И кожа, какая белая, — беспомощно подумала она. "Как у Марты, словно сливки самые лучшие".

Жанна быстро поцеловала ее в губы, и, отпрянув к стене, испуганно проговорила: "Я больше не буду. Я просто…, попробовать хотела…, в тюрьме рассказывали".

— Что рассказывали? — сама того не ожидая, спросила Тео.

Жанна приподнялась и что-то зашептала в смуглое, маленькое ухо. Тео почувствовала, что краснеет.

— Но я вижу, тебе неприятно, — заключила Жанна и отвернулась к стене. "Извини, — донесся до Тео сдавленный голос.

— Мне приятно, — сказала девушка, целуя прядь белокурых волос. "Правда. Только я ничего не умею".

— Я тоже, — всхлипнула Жанна. "Если того сержанта не считать".

— Не думай о нем, — велела Тео, и, ласково проведя губами по стройной шее, попросила: "Поцелуй меня еще раз".

— Как хорошо, — подумала она потом, тяжело дыша, припав к розовым, мягким губам, целуя маленькую грудь. "Господи, как хорошо, я и не знала, что так бывает. Не думала".

Потом она рассмеялась и нашла на полу бутылку: "Тут еще вино осталось, хочешь? Дай, — Тео выпила и, наклонившись, прикоснулась к губам Жанны. "Очень вкусно, — томно сказала та. Тео, почувствовав ее ловкую руку, — едва слышно застонала.

— А вот теперь, — Тео погладила по щеке устроившуюся у нее под боком Жанну, — спать. А то светает уже.

Девушка поерзала и робко, попросила: "Ты только не бросай меня, Тео, пожалуйста. Хотя бы немного побудь со мной".

— Я, — Тео поцеловала белый лоб, — буду с тобой всегда. Обещаю, моя дорогая воровка.

Жанна счастливо рассмеялась. Тео, обнимая ее, заснула. Она спала крепко, чуть посапывая, чувствуя рядом спокойное, тихое тепло, размеренно, глубоко дыша.

Мадам Ленорман поднялась по лестнице и прислушалась — из-за хлипкой двери каморки доносился низкий, страстный голос:

— Какой преступницей, каким исчадьем зла
Я стала для себя самой! Я прокляла
И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила

mir-knigi.org

Скрыть может мой позор; я умереть решила.

— Даже мороз по коже идет, — восторженно сказала Жанна. Мадам Ленорман усмехнулась. Просунув голову в каморку, она увидела, что белокурая девушка сидит на кровати, заглядывая в томик Расина. Изящные пальцы быстро крутили шелковые цветы.

— Так, — пожилая женщина посмотрела на Тео, — идем со мной. Ты, Жанна, приведи в порядок ее платья, не след на прослушивание неряхой приходить. И прическу ей сделай, потом.

Девушка соскочила с кровати: "Я сначала цветы сдам. Куплю мыла хорошего и эссенции ароматической, только вот какой?"

Мадам Ленорман оглядела Тео с ног до головы. Пощелкав сухими пальцами, она коротко велела: "Розы. Пошли, — она подтолкнула Тео, — что стоишь".

Они спустились вниз. Тео, вдохнув запах лаванды, осмотрела большую, с высоким потолком, обставленную старой мебелью комнату: "А я тут никогда и не была, она же к себе постояльцев не пускает".

— Так, — сказала мадам Ленорман, садясь в кресло, забирая у нее книгу, — "Федра", значит. Давай второе явление с самого начала, я буду за Энону, я ее реплики наизусть помню, хоть и, — тусклые глаза женщины внезапно заблестели, — двадцать лет прошло, как я ее последний раз играла.

Тео оглянулась и застыла — на потрепанных шелковых обоях висели афиши — десятки пожелтевших листов. "Мадемуазель Клерон в роли Федры, мадемуазель Ленорман в роли Эноны, — прочла она, и тихо сказала: "Я и не думала, мадам…"

— За осанкой следи, — велела мадам Ленорман. Поднявшись, взяв Тео за плечи, она сильно потянула.

— Вот так, — сказала она удовлетворенно и, вскинув голову, прочла:

— Бессмертные! Ужель к людским слезам
Вы равнодушны? Нет в вас жалости нимало?
— О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя? —

подхватила Тео и поняла: "Господи, и вправду- голова отчего-то заболела".

— Верю, — коротко улыбнувшись, сказала мадам Ленорман и продолжила.

— Я тебе дам записку для Клерон, — мадам Ленорман наклонила над чашкой Тео серебряный кофейник. "Она с тобой как следует, позанимается, месье Бомарше — это хорошо, но что касается труппы — к ней больше прислушиваются. Задатки у тебя отличные, Клерон тебя натаскает, и на сцену пойдешь".

Тео поднесла к губам чашку: "А вы с ней хорошо знакомы, с мадемуазель Клерон?"

Тонкие, бесцветные губы усмехнулись: "Даже очень. Близко, можно сказать. Она от меня, правда, потом ушла, к Смарагде. Была тут у нас такая русская княгиня, Голицына. Они друг друга очень любили, конечно. Смарагда ее в Россию хотела увезти, да умерла. Клерон себе места от горя не находила".

— А вы? — тихо спросила Тео. "Почему, — она обвела рукой комнату, — тут?"

Мадам Ленорман помолчала: "В мужчину влюбилась. Все наши беды, дорогая моя, от этого — так что ты осторожней".

— Я и не собираюсь, — хмуро ответила Тео и махнула рукой.

— Я тоже не собиралась, — мадам Ленорман откинулась на спинку кресла. "Мне уже за тридцать было, думала — не случится со мной такого. Он еще и женатым оказался, но дворянин есть дворянин — дом этот мне купил, и дочку нашу признал".

Тео увидела на комоде красного дерева миниатюру — кудрявая, темноволосая девочка держала на руках белого котенка и улыбалась.

Мадам Ленорман перехватила ее взгляд: "Умерла, как ей семь лет было, от горячки. Аделиной звали. То дело давнее. Отдохнула? — она отставила чашку: "Вставай, у нас еще половина "Федры" впереди, а потом: "Береника".

Поднимаясь по лестнице к себе в каморку, Тео вспомнила сухой смешок мадам Ленорман: "Рокур, конечно, будет к тебе приставать, она никого не пропускает, но ты ей сразу дай понять — занята, мол".

Тео отчаянно покраснела и старуха заметила: "А вы бы стонали тише, дорогие мои. Хорошо еще, что все остальные постояльцы у меня рабочие, они так устают, что ночью спят без задних ног. Так вот, Рокур тебя, наверняка, позовет в эту ее масонскую ложу..., - мадам Ленорман рассмеялась.

— Женщин ведь не принимают в масоны, — робко заметила Тео.

— А у Рокур принимают, — старуха подняла бровь. "Не зря она ее "Андрогин" назвала. На рю де Бушер-Сен-Оноре. Но ты туда не ходи, ни к чему это. И Рокур намекни — если что, то ее подруга, мадам Арну, она в опере нашей примадонна, — обо всем узнает. У мадам Арну характер еще тот, она Рокур страшно ревнует".

Тео вдохнула запах миндального мыла и роз. Присев на кровать, она погладила гранатовый шелк платья. Жанна отложила иголку: "В нем пойдешь, тебе этот цвет очень к лицу. Я сегодня вечером тебе голову помою, и ногти в порядок приведу. И вот, — она потянулась за газетой, — статью напечатали, очень хорошо получилось. Я вырежу, и в папку уберу, чтобы осталась у нас".

Тео вдруг взяла маленькую, с твердыми кончиками пальцев руку, и поцеловала ее: "Я тебя люблю, Жанна".

Девушка положила ей голову на колени. Перебирая длинные, смуглые пальцы, Жанна шепнула: "Я тебя тоже".

Тео вышла на рю де Розье и обернулась — окно каморки было открыто. Жанна махала ей рукой. Тео помахала в ответ и прищурилась — мадам Ленорман, этажом ниже, прислонившись

к окну, медленно ее перекрестила.

Подобрав подол платья, Тео почувствовала на лице лучи утреннего, еще неяркого солнца. Город просыпался, скрипели колеса карет, кричали разносчики, открывались ставни лавок. Тео услышала благоговейный голос какого-то торговца: "Возьмите булочку, мадемуазель, когда такая красавица проходит мимо — это к удачному дню".

— Спасибо, — улыбнулась Тео. Булочка пахла миндалем и счастьем. Она прожевала. Свернув к дворцу Тюильри, девушка остановилась перед каменными, стертыми ступенями лестницы.

Прижимая к груди томик Расина, Тео встряхнула украшенной шелковыми цветами головой. Она потянула на себя тяжелую, дубовую дверь, с медной табличкой "Comedie-Francaise", и зашла в прохладный подъезд театра.

Пролог

Амстердам, осень 1776 года

Иосиф Мендес де Кардозо тщательно вымыл руки над серебряным тазом: "Ничего страшного, ваша светлость. Больше овощей, вовремя опорожняйте кишечник, и раз в день принимайте прохладную ванну — вода должна доходить до пояса. Это уменьшит воспаление. Свечи я вам поставил, и буду приходить каждый день, чтобы их вводить. Через неделю узлы исчезнут, обещаю".

Штатгальтер вздохнул: "Мне больно сидеть, Кардозо".

— Конечно, — Иосиф вытер пальцы шелковой салфеткой, — поэтому пока идет лечение — вам надо стоять, или ходить. Но все будет хорошо.

Он вышел из черного хода на задний двор. Подставив лицо мелкому дождю, Иосиф, злобно, пробормотал: "Хватит, надоело! Хочет Эстер или не хочет — через месяц ноги моей тут не будет".

Иосиф нашел свою лошадь. Уже выехав на разъезженную, всю в грязи, дорогу к Амстердаму, оглянувшись, он усмехнулся: "До парадного подъезда ты так и не дорос, дорогой преподаватель Лейденского университета. И никогда не дорастешь, по эту сторону океана. Если только не…, - он нахмурился и подстегнул коня.

На канале было уже темно. Иосиф, привязав лодку, выбираясь на набережную, увидел в окне своего дома огоньки двух свечей.

— Опаздываешь, — строго сказала Эстер, открыв дверь. "Я уже и Констанцу уложила, а ведь ты ей обещал рассказать об алхимических опытах. Что там со штатгальтером? — она кивнула головой куда-то в сторону улицы, — что-то срочное?"

— Геморрой, — сочно отозвался Иосиф. "И у его супруги — мозоли, потому что незачем кокетничать и носить туфли не своего размера".

— Ну и сказал бы ей, — примирительно заметила сестра, накладывая ему курицу.

Иосиф прошел в умывальную и рассмеялся: "Что я ей скажу? Срезал, оставил мазь, и уехал. Завтра опять придется туда отправиться — штатгальтер не может поставить свечу сам, а слугам он не доверяет. Все, — Иосиф взялся за вилку и поднял глаза, — хватит".

Эстер присела напротив. Налив ему вина, сестра недоуменно спросила: "Что — хватит?"

Мужчина прожевал и хмыкнул: "Хватит лечить геморрой штатгальтеру и платить налог за то, что ты — он кивнул на стол, — зажигаешь свечи и ходишь в синагогу".

— Ты тоже ходишь, — черносмородиновые глаза Эстер заблестели. "Редко, правда".

— Я бы и вовсе не ходил, — Иосиф раздул красиво вырезанные ноздри. "В Бога я не верю, ты это прекрасно знаешь, я — материалист, а все эти церемонии — он поморщился, — обряды, все это никому не нужно".

— Это нужно, чтобы сохранить наш народ, — Эстер поднялась. Перебросив на спину толстые косы, она подошла к окну, вглядываясь в силуэт Эсноги, едва заметный в дожде. "Он уже не первый раз это говорит, — вспомнила девушка. "Папа такой же был — вольнодумец, с Мендельсоном дружил. Иосиф до сих пор с этим философом переписывается. Хотя Мендельсон ходит в синагогу, он соблюдающий человек".

— Наш народ, — раздался из-за ее спины голос брата, — никуда не денется. И вообще, что это за Бог, который озабочен, — Иосиф повертел вилкой, — посудой?

— Ну и крестись, — ехидно отозвалась Эстер, поворачиваясь. "В Германии, они все крестятся — ради университетских кафедр. Крестись, и посуда тебя больше не будет волновать. Не то, чтобы она тебя раньше волновала, — ты же не знаешь, с какой стороны к очагу подходить".

— Это женское занятие, — буркнул Иосиф, придвигая к себе блюдо с картошкой. "Я не собираюсь креститься, в Бога я не верю, как я уже говорил, а ради положения в обществе это делать мерзко. Я, — он поднял темные глаза, — собираюсь уехать отсюда. Туда, Эстер, где евреи — такие же граждане, как и все остальные".

— В Святую Землю? — вздохнула Эстер. "Ты же слышал этого посланника, рава Азулая. Они сами там налог султану платят, как и мы".

— Нет, — Иосиф встал и взял с камина газету. "Вот, — он развернул "Гарлемские куранты". "Атака британских войск, под командованием лорда Кинтейла, на Бостон — потерпела сокрушительное поражение. Наш корреспондент сообщает, что силы патриотов очистили от британцев почти весь Массачусетс. Среди случаев героизма особенно выделяется подвиг лейтенанта Хаима Горовица. Он, будучи военным врачом, заменил раненого командира своего соединения, и успешно командовал наступлением в течение нескольких дней. Лейтенанту Горовицу присвоено внеочередное звание капитана, — Иосиф хлопнул ладонью по газетному листу.

— Погоди, — Эстер наморщила лоб, — Горовицы..., Ты же говорил, они, наверное, наши родственники. Мне госпожа тен Бринк рассказывала, по секрету, когда я ее осматривала, что ее муж, он торговлей занимается, — Эстер со значением подняла бровь, — повез на Синт-Эстасиус какого-то посланника от патриотов — тоже Горовица. Но ты разве хочешь служить в армии? — удивилась девушка.

— Я хочу приносить пользу людям и быть полноправным гражданином своей страны, — хмуро ответил ей брат, сворачивая газету. "Я решил, и больше обсуждать тут нечего. Ты, конечно, — он взглянул на сестру, — можешь остаться здесь".

Эстер, обняв широкие плечи брата, поцеловала его в щеку. "Был бы ты женат, — смешливо сказала девушка, — я бы так и сделала, дорогой мой. Тогда бы я за тебя не волновалась, а

так, — она потрепала его по вьющимся волосам, — я не могу тебя одного отпустить, уж прости. Акушерки и там нужны, — она не выдержала и улыбнулась, — не всегда же эти патриоты воюют. Вот только Констанца…"

Дверь заскрипела, и они услышали ехидный голосок: "Констанца поедет с вами, вот и все".

— Тебе давно пора спать, — возмутилась Эстер, — полночь на дворе.

Девочка — высокая, тоненькая, с темно-рыжими косами, посмотрела на нее большими, темными глазами. Она спокойно заметила: "Я ждала. Пока дядя Иосиф вернется. Хотела услышать о химии".

— Ну, пойдем, — Иосиф поднялся, и, взяв ее за руку, — подмигнул сестре.

Эстер проводила их взглядом. Вздохнув, она стала убирать со стола. "Так оно лучше, конечно, — подумала девушка, сметая крошки с кружевной скатерти, — не отправлять же Констанцу в Лондон. Там только экономка и больше никого нет. Питер написал из Бомбея, что еще на год в Индии задерживается. Если бы у Джона дома было все в порядке…, - Эстер на мгновение приостановилась и закусила губу. "Он найдет детей, весь Новый Свет обыщет, и найдет. Еще в сентябре туда уехал. А потом Питер вернется и заберет Констанцу".

Она выглянула в окно — дождь закончился, небо очистилось. Над Амстердамом сияли крупные, яркие звезды.

Иосиф, сидя у кровати, таинственным голосом сказал: "С тех пор, как открыли витриол — его держали в стеклянных сосудах, потому что это очень едкая субстанция, она разрушает металл. Поэтому его всегда было сложно выделить, ведь больших камер из стекла не существует. Но три десятка лет назад, английский химик, Джон Робак, установил, что свинец не растворяется в витриоле. Теперь его производят в особых свинцовых чанах. Когда ты вырастешь, и станешь ученым, сможешь посмотреть. А теперь, — он наклонился и поцеловал лоб девочки, — спать".

— Реакцию, — потребовала Констанца.

Иосиф усмехнулся. Подойдя к низкому, под рост девочки, столику, насыпав в пробирку соды, он залил ее уксусом из маленькой бутылочки.

— Пенится, — благоговейно сказала девочка. "Кислота и соль".

— Все, — Иосиф погладил ее по голове, — спокойной ночи, милая.

— Дядя Иосиф, — раздался тихий, холодный голос, — отправьте крест в Лондон, пожалуйста. Я его с собой не возьму.

— Констанца, — попытался сказать мужчина, но девочка прервала его: "Я не верю в Бога, который забрал у меня мать и отца. Отправьте, — настойчиво попросила Констанца. Иосиф вздохнул: "Хорошо. А ты спи".

— Буду, — кивнула девочка. Иосиф постоял еще немного, слушая ее дыхание, а потом вышел. Констанца дождалась, пока стихнут его шаги. Выбравшись из постели, таща за собой одеяло, она подошла к окну.

Наверху играли, переливались созвездия. Девочка, подняв голову, шепнула: "Орион, Кассиопея, Персей, Возничий…". Она присела на подоконник, завернувшись в одеяло. Водя

пальцем по стеклу, вспоминая атлас звездного неба, Констанца улыбнулась.

Часть пятая

Северная Америка, декабрь 1776

Виргиния

Маленький отряд выехал на вершину холма. Кто-то из индейцев сказал, глядя на долину реки Джеймс: "Йокереньен".

— Снег идет, — предводитель, — высокий, черноволосый мужчина, с обезображенным шрамами лицом, посмотрел на спешивающихся всадников. Он резко велел: "Тхатесотат, будьте тише. Я уйду, вы переночуете здесь, и отправимся дальше".

— Кавахсе? — осторожно спросили у него.

Мужчина усмехнулся. Он почесал красный, извилистый шрам на щеке: "К другу. Вон, — он показал на черепичную крышу красивого дома белого камня, окруженного заснеженным парком, — туда. Потом доберемся до Вильямсбурга и свернем на север. Нас ждут в Трентоне".

Он пришпорил коня и стал спускаться вниз.

— На юге его называют Менева, великий воин, — заметил кто-то из индейцев, глядя на широкие плечи в меховой куртке.

— А я его называю Мачитенев, — буркнули сзади, — человек со злым сердцем.

— Добрый он, или злой, — присвистнул первый индеец, — но на мушкеты, порох и пули не скупится. И развязывает нам руки — припасы и женщины всегда пригодятся.

Он обернулся. Увидев, как остальные натягивают кожаные полотнища палаток, индеец поторопил своего собеседника: "Давай, а то без убежища останемся, зима в этом году холодная".

Лорд Кинтейл подъехал к воротам поместья: "В самую глушь забрались, патриотов тут точно ждать не стоит". Он постучал рукояткой плети и крикнул в открывшуюся прорезь: "К мистеру Бенджамин-Вулфу!"

В библиотеке жарко горел камин. Кинтейл скинул куртку. Погрев руки над огнем, он принял от плантатора бокал с вином.

— На западе такого нет, — Дэвид рассмеялся, — так что наслаждайтесь, ваша светлость, пока вы у меня гостите. Не хотите остаться до Рождества?

Кинтейл уселся в большое, просторное кресло: "Завтра ночью мне надо быть в Вильямсбурге, гонец доставил записку — приехал какой-то посланец от его Величества. Потом мы уходим к Нью-Йорку, выбивать оттуда силы Вашингтона".

— А что индейцы? — поинтересовался Дэвид, глядя на медленно падающий снег за окном. "Я слышал, те, что на севере — помогают патриотам".

Кинтейл поднял пересеченную шрамом верхнюю губу: "Мы это запомним, Дэвид. Те индейцы, которые лояльны короне — получат от нас награду. Уже получают. Те же, кто переметнулся на

сторону бандитов — отплатят за свое предательство. А я, — он допил вино, — неплохо провел время на западе, смею вас заверить. В Трентоне на нашей стороне будет пара тысяч индейских воинов".

— Очень, очень хорошо, — Дэвид погладил черную бороду: "Слава Богу, что чернокожие никогда не поднимут восстания. У них просто разума на это не хватит, они же немногим отличаются от животных. Послушайте, — плантатор поднялся и прошелся по толстому, скрадывающему шаги, ковру, — раз вы едете в Вильямсбург…"

— Да? — Кинтейл отставил бокал. Забросив руки за голову, он потянулся: "Я, кстати, рассчитываю на обед, Дэвид. И дайте мне на ночь женщину, у индейцев я жил монахом, не хотелось портить с ними отношения. Они к такому строго относятся".

— Разумеется, хоть двух, — отмахнулся его собеседник. "Мой сын, Мэтью, он учится в колледже Вильгельма и Марии, будущий юрист. Он у меня умный мальчик, знает языки, и может быть вам полезным, — Дэвид поднял бровь, — понимаете, о чем я".

Кинтейл налил себе еще бургундского вина и задумчиво ответил: "Понимаю. А ваш, — он замялся, — второй сын — он не почует что-то? Все-таки вы с ним в ссоре…"

— Я, а не Мэтью, — рассмеялся плантатор. "Разве вам не хочется узнать о планах генерала Вашингтона, ваша светлость? Ходят слухи, что Дэниел отирается у него в адъютантах, стал капитаном, — плантатор нехорошо улыбнулся, — уж не знаю за какие заслуги. Мэтью умеет входить в доверие к людям, поверьте мне. Тем более, он недавно женился, вот вам и повод для встречи братьев".

— Ему же всего девятнадцать, — удивился Кинтейл.

Дэвид развел руками. "Дети были очень влюблены. Да и потом, моя невестка, урожденная де Лу, вы ее помните, наверное, так вот — у девочки случилось страшное несчастье. Ее отца разбил паралич, мы о нем заботимся. Когда Мэтью пришел ко мне, — мужчина вздохнул, — я не мог ему отказать, понятно было, что без Марты он жить не может. Вы ее увидите, за обедом. Весной, — Дэвид улыбнулся, — мы ожидаем счастливого события".

— Поздравляю, — Кинтейл внезапно помрачнел. "Мне придется отложить женитьбу до конца войны, к сожалению".

— Да и кто за тебя пойдет? — холодно подумал Дэвид, разглядывая воспаленное месиво шрамов. "Ни гроша за душой, да еще и уродом стал. Молодец эта покойная Юджиния, кто бы ожидал — вроде тихоня была, воды не замутит, а рука не дрогнула. Кто же ту статью написал, в мерзком сборнике? Редактировал Дэниел. Наверное, он и автор. Слог похож, только уж больно слезливо".

В дверь постучали и робкий голос сказал: "Мистер Бенджамин-Вулф, миссис Марта прислала передать, что обед накрыт".

— Зайди, — коротко велел Дэвид.

Высокая девушка лет пятнадцати встала на пороге, опустив черноволосую, кудрявую голову: "Да, мистер Дэвид".

— После обеда приготовишь комнату его светлости лорду Кинтейлу, — приказал плантатор, — и вечером придешь туда разжечь камин.

— Хорошо, мистер Дэвид, — тихо сказала девушка. "Велите прибрать в библиотеке?"

— Да, — он обернулся. "Пойдемте, ваша светлость, у нас сегодня отличная оленина, мы с невесткой вчера поохотились". Когда они уже шли по коридору, Дэвид понизил голос: "Она не девственница, так что хлопот не будет".

— Очень хорошо, — сладко потянулся Кинтейл, — я две недели был в седле, мне нужен отдых.

Он встряхнул черной косой. Уже у столовой мужчина добавил: "Насчет Мэтью — я передам ваше предложение посланцу его величества. Это разумно".

Дэвид внезапно подумал: "А ведь Салли уже может ждать ребенка, от меня. Но Кинтейлу какая разница? Интересно, у меня никогда не было дочерей. Три десятка детей — и все мальчики. И Марта, наверняка, родит мальчика. Одна только дочь, — он, на мгновение, приостановился, — и той уже нет. Куда же ты делась, Тео, где Дэниел тебя спрятал? Никогда и не узнаем, наверное".

Негры в ливрее распахнули высокие двери столовой. Дэвид услышал ласковый, девичий голос: "Ваша светлость! Какой приятный сюрприз!"

Мужчина окинул взглядом невестку — она была в шелковом, цвета свежей травы, платье, в чепце брюссельского кружева. Марта присела: "Папа уже поел, батюшка, так что мы с вами будем обедать втроем. А потом я вам поиграю".

Кинтейл поднес нежную руку к губам. Он заметил, посмотрев на уставленный фарфором стол: "Даже не верится, мадам, что где-то на свете есть война. Спасибо, что приютили солдата, хоть и на одну ночь".

— Мой дом всегда открыт для слуг его Величества, — уверил его Дэвид. Лакеи, неслышно двигаясь, стали разливать по серебряным тарелкам черепаховый суп.

— Возьмите терновый соус к оленине, ваша светлость, — тонкие губы улыбнулись. "Я сама его делала".

— Очень, очень вкусно, мадам Марта, — похвалил Кинтейл. Щелкнув пальцами, он подставил слуге бокал. "У вас отличное бургундское, Дэвид, — он подмигнул, — я так понимаю, вы нашли способ обойти блокаду побережья? Или это из довоенных запасов?"

— Эти бутылки — да, — плантатор поковырялся в зубах серебряной вилкой, — а вообще, ваша светлость, у меня хорошие отношения с теми, кто плавает в морях южнее наших. На Карибы привозят отменные вина, испанцы знают в них толк.

— Кстати о Карибах, — Кинтейл промокнул губы салфеткой, — пора снести с лица земли это змеиное гнездо на Синт-Эстасиусе. Тамошние поселенцы совсем обнаглели. Открыто привозят оружие в наши северные порты. Наш флот этим займется, будьте уверены.

— Я слышал в Чарльстоне, что там еще и сынов израилевых предостаточно, на этом острове. И туда пролезли, — мрачно заметил Дэвид. "Но ведь, ваша светлость, Синт-Эстасиус принадлежит штатгальтеру. Мы, же не воюем с Голландией".

— Если надо, — резко ответил Кинтейл, — то будем воевать. Его величество распорядился топить те французские и голландские корабли, которые выглядят подозрительно.

— То есть все, — заключил Дэвид. Расхохотавшись, он увидел, как девушка встает. Мужчины тут же поднялись.

— Боюсь, что разговоры о политике — не для моего ума, — Марта вздохнула. "Скажите, лорд Кинтейл, а патриоты не повернут сюда, на юг? Не хотелось бы, чтобы тут шла война. Я слышала от батюшки, — она кивнула в сторону Дэвида, — что Вашингтон собирается переправляться через реку Делавер".

— Никогда в жизни ему это не удастся, — высокомерно оборвал ее Кинтейл, — лед так и не встал. Пешком ему не перейти, а лодки мы увидим, даже ночью. У нас там полторы тысячи человек, в Трентоне, к нам присоединятся индейские силы, артиллерия…, Не волнуйтесь, мадам, вы здесь в полной безопасности.

— Спасибо, ваша светлость, — девушка опустила изящную голову: "Я пойду, проверю, как там отец. В музыкальной комнате уже приготовлены портвейн и сигары, господа".

Кинтейл посмотрел вслед шуршащим, пышным юбкам: "Жаль, конечно, что я тогда ее упустил. Может, с этим Мэтью что-нибудь случится, и она останется богатенькой вдовушкой".

Дэвид положил ему руку на плечо: "Портвейн у меня тоже — еще довоенный, вы нигде больше такого не попробуете. Марта нам поиграет Моцарта, это молодой австрийский композитор. Мне той неделей доставили целый пакет нот из Чарльстона".

В комнате отца пахло кельнской водой. Салли, что сидела у изголовья, читая вслух "Путешествия Гулливера", отложила книгу. Встав, она поклонилась: "Мистер Теодор в порядке, госпожа".

Марта закатила зеленые глаза: "Ну, сколько раз тебе говорить!"

Она увидела, как дрожит нижняя губа девушки. Поманив ее к себе, Марта шепнула: "Приходи меня причесать, как я им поиграю".

Салли шмыгнула носом. Кивнув, комкая в руках платок, негритянка вышла в коридор. Марта, наклонившись, поцеловала отца в щеку. Заперев дверь на ключ, девушка достала с полки книжного шкафа тяжелую, переплетенную в кожу Библию. Девушка вытащила из тайника в переплете таблицу с алфавитом, и взяла руку отца: "Давай сам, папа, у тебя хорошо получается".

Мизинец задергался, указывая на буквы. "Как…, дитя…, - прочла Марта и встряхнула головой: "Хорошо. Завтра приедет доктор Макдональд, он и тебя тоже осмотрит. И я кое-что с ним передам, — девушка подмигнула, — в Вильямсбург, а оттуда дальше — на север".

Лазоревые глаза Теодора чуть погрустнели. Рука поползла дальше. "Не…, рискуй, — повторила Марта и усмехнулась: "Помнишь, что сказал Плиний Старший, отправляясь спасать людей от извержения Везувия? Audentes fortuna iuvat, папа. Судьба любит смелых людей. Не сидеть же мне тут просто так. Тем более лорд Кинтейл приехал. Так что патриоты получат сведения о его планах".

— Осторожней…, с…, этим…мерзавцем… — велел отец.

— Он тут на одну ночь, — губы Марты искривились. "Спи спокойно, папа. Мне надо идти, играть им, — девушка вздохнула.

— Как…, ты…, справляешься…, - указал мизинец, — это же…, невозможно.

— Impossible n'est pas francais — вздернула подбородок Марта. "Завтра опять будем делать ту гимнастику для руки, что я придумала, так что готовься".

Теодор закрыл глаза: "Ничего нельзя предпринимать, пока дитя не родится. А если будет девочка? Он же ее в покое тогда не оставит. Господи, быстрей бы уже встать. Хотя, если за пять месяцев у меня только мизинец стал двигаться — это надолго. Марта правильно все делает, она молодец. Бедная моя доченька".

Мужчина коротко вздохнул. Подняв веки, он стал смотреть на оплывающие, догорающие свечи в массивном, серебряном канделябре.

Салли сидела на бархатной кушетке, сгорбившись, уткнув в ладони заплаканное лицо. Марта медленными, ласковыми движениями расчесывала ей волосы. "Он велел пойти к этому…, - горько сказала девушка. "Миссис Марта, я не могу, не могу…"

Марта отложила гребень. Опустившись на колени, она встряхнула Салли за плечи: "Ты хочешь, чтобы тебя плетью забили? Хочешь никогда в жизни больше не увидеть своего Натаниэля?"

— Он мне не простит, — мрачно шепнула Салли. "Надо было мне с ним бежать, в сентябре, ничего бы этого не было. Тео бежала, она смелая, а я… — девушка обреченно махнула рукой.

— Вдвоем бежать всегда сложнее, — Марта намочила в серебряном тазу платок и вытерла девушке лицо. "Твой Натаниэль — умный парень, он поймет. Тем более, он тут вырос, и знает, что такое- девушка усмехнулась, — мистер Дэвид".

— А этот…со шрамами? — ноздри Салли дрогнули. "Что я за шлюха получаюсь, миссис Марта, сначала хозяин, потом он…"

— А ты не рассказывай Натаниэлю, — посоветовала Марта, погладив кудрявый затылок. "Потом, когда все это закончится, встретитесь с ним, и все будет хорошо. И мать свою он найдет, раз ее в Массачусетс продали. Обязательно найдет".

— Пойду, — Салли поднялась, — чего тянуть. Спасибо вам, миссис Марта, вроде легче стало.

Девушка поднялась на цыпочки и поцеловала смуглый лоб. "И запомни, — велела Марта, — что мы не по своей воле делаем, так в том дурного нет".

Она перекрестила рабыню. Когда дверь будуара закрылась, Марта подошла к зеркалу, всматриваясь в тонкую, еле заметную морщинку, между бронзовыми бровями. "Я тоже папе не все рассказываю, — вздохнула про себя девушка. Она нажала на резную, слоновой кости, ручку двери, что вела в опочивальню.

Свекор уже лежал в постели. "Что-то ты долго, — недовольно сказал он, затушив сигару в нефритовой китайской пепельнице. "Видишь, не курю при тебе, раз врач сказал, что это нехорошо для ребенка".

— Простите, — Марта медленно развязывала кружевные ленты на вороте рубашки.

Дэвид усмехнулся и похлопал рукой по шелковой простыне: "Иди сюда. Как там мой сын?"

— Растет, — протянула Марта, рассыпав волосы по его плечу. Он перевернул невестку на бок.

Прижимая ее к себе, вдыхая запах жасмина, Дэвид поцеловал острые лопатки: "После Рождества поеду в Чарльстон. Найду пару андалузских кобыл для Фламбе, от него будет отличное потомство. И на аукционы загляну, может, привезу еще кого-нибудь для дома. Надо будет купить нянек. А ты, какой подарок хочешь? — он усадил девушку наверх.

Марта подвигалась и томно сказала, положив руку на живот: "У меня уже есть, спасибо".

— Думаю, — заметил мужчина, наклоняя ее к себе, — изумрудное ожерелье тебе будет к лицу.

Марта вдохнула запах табака. Раздув ноздри, прикрыв глаза, чувствуя его сильные руки, она напомнила себе: "Сначала он. Потом Мэтью. И не торопись. Помни, что сказал Брут: "sic semper tyrannis", такой будет судьба всех тиранов".

Девушка прижалась губами к его уху. Она сладко, едва слышно прошептала: "Еще!"

Вильямсбург

Покосившееся, старое здание таверны стояло на берегу реки Джеймс. Кинтейл посмотрел на темную воду и недовольно пробурчал себе под нос: "Могли бы и в городе встретиться, в кофейне хотя бы. Тут же одна шваль отирается".

— Согласен, — раздался смешок сзади. Мужчина резко обернулся, потянувшись за спрятанным кинжалом. Невысокий, коротко стриженый, светловолосый человек, в потрепанной куртке ремесленника и грязных сапогах, с грубошерстным шарфом вокруг шеи, наклонил голову. Рассматривая Кинтейла пронзительными, светло-голубыми глазами, он сказал: "Semper fidelis".

— Semper eadem, — отозвался лорд Кинтейл. Не, протягивая руки, он презрительно осмотрел мужчину: "До чего мы докатились, премьер-министр Норт доверяет деликатные миссии всяким оборванцам".

Тот почесал нос. Порывшись в кожаной суме, достав флягу, незнакомец передал ее Кинтейлу. "Пейте, это хороший ром, я только что с Кариб. Хоть согреетесь. Вот, — он подпорол ногтем подкладку сумки и протянул Кинтейлу письмо, — читайте".

Светловолосый мужчина, отойдя к мокрому бревну, присел: "Как закончите — я тут".

Джон затянул потуже шарф и подышал на руки:

— Господи, хоть бы одного найти. "Черную стрелу" расстрелял этот француз, Этьен. Сволочь, судя по всему. Расстрелял и пропал. Джо бы выплыла, она сильная. На Синт-Эстасиусе ее никто не видел, ни живой, ни мертвой. Значит, она на корабле у этого Этьена. Или, — Джон нашел в кармане трубку и закурил, — у кого-то другого. Маленький Джон где-то тут, в соединениях Кинтейла, судя по записям. Я мальчика домой привезу, — он обернулся на Кинтейла и хмыкнул: "Разукрасили его славно, конечно".

— Простите, ваша светлость, я и не мог себе представить…, - раздался сзади голос Кинтейла.

— В кофейне мы с вами не сидим потому, что нечего объявлять всему Вильямсбургу, что сэр Джеймс Маккензи, лорд Кинтейл, тут проездом, — сварливо сказал Джон. "У вас теперь лицо приметное, полковник, уж не сердитесь. Рассказывайте".

Джон слушал. Потом, прервав Кинтейла, он поморщился: "Какая чушь. Совершенно незачем

отправлять на Синт-Эстасиус военную эскадру и оголять побережье. Опять же, нам не с руки пока ссориться со штатгальтером. Там всем заправляет один человек. Уберете его, и поставки оружия замедлятся, если не прекратятся вовсе".

— А что же вы его не убрали? — хмуро спросил Кинтейл, взяв какую-то палочку, строгая ее кинжалом.

— Я там был не для этого, — коротко ответил Джон. "Кстати, этого посланца патриотов все зовут Ягненком. Я помню, по донесениям, был какой-то шпион, вы его все ловили, и не могли поймать…"

— Так вот куда она сбежала…, - процедил Кинтейл. "Сучка, мерзавка, я ее вот этими руками повесить намеревался".

— Она? — удивился Джон. "На Синт-Эстасиусе я видел молодого человека. Изящный юноша, каштановые волосы, синие глаза. Серо-синие. Представляется господином Оливером. Настоящее его имя, я, к сожалению не узнал".

— Это девка, — Кинтейл сплюнул. "Уж поверьте мне".

— Я как-нибудь отличу юношу от девушки, — ехидно заметил Джон. "А ну говорите, что там у вас было".

— Господи, — Джонс слушал и глядел на реку, — они что тут, совсем все с ума сошли? Вовремя я приехал, ничего не скажешь.

— Полковник, — он повернулся и взглянул в голубые глаза Кинтейла, — вы что, до сих пор мучаетесь тем, что вашему предку, и моему родственнику, лорду Кеннету, его величество король Яков отрубил голову за излишнюю мягкотелость? Хотите доказать, что вы умеете убивать и насиловать? Вы это видели? — Джон порылся в сумке и вытащил на свет тонкую брошюру.

— Жизнь в оковах, — прочел Кинтейл. Он сцепил, зубы: "Это отвратительная ложь, она сама виновата…"

— Сама виновата в том, что хотела бежать из рабства, — сочно заметил Джон. "Вы хоть понимаете, что прочтя это, — он похлопал рукой по обложке, — любой здравомыслящий человек содрогнется от ужаса?"

— Он похож на того парня, — Кинтейл внезапно похолодел. "Господи, нет. Джон Холланд, граф Хантингтон, герцог Экзетер. Не может быть такого".

— А вашему предку король Чарльз отрубил голову за государственную измену, — ядовито сказал Кинтейл.

— Давайте не меряться казнями, — вздохнул Джон, — это дело долгое и непривлекательное. Расскажите мне, куда делась эта девушка, что называла себя Ягненком. И не лгите, — Джон сомкнул тонкие губы, — вы же дворянин, лорд Кинтейл.

Мужчина опустил голову: "Ей помог бежать мой рядовой, и сам вместе с ней — дезертировал. Его потом заочно приговорили к расстрелу, за убийство троих солдат".

Джон поймал в ладонь тающую снежинку и долго смотрел на нее. Над дальними горами

лежала тусклая полоска зимнего заката.

— Как его звали? — спокойно спросил герцог.

— Клянусь честью, ваша светлость, я не знал…, - забормотал Кинтейл. "Я бы сразу отправил его домой, разумеется. Джон Холланд, ваша светлость, — почти неслышно добавил полковник.

Джон встал и поправил суму. "Моему сыну еще не было пятнадцати, — холодно сказал мужчина, — он прибавил себе лет, чтобы попасть в армию. Он приехал сюда, чтобы найти свою сестру, лорд Кинтейл. Спасибо за то, что вы показали ему, как должен воевать солдат его Величества". Джон застегнул куртку: "Я очень рад, что мой сын дезертировал, полковник. Незачем служить бесчестным целям. Всего хорошего".

— Погодите, — крикнул Кинтейл, побежав вслед за Джоном по узкой тропинке, — я не мог иначе…

Мужчина гневно обернулся: "Могли. Но не хотели. Какой мерой мерите, такой вам измерено будет, лорд Кинтейл. Всего хорошего, мне пора".

— Я должен вам рассказать о человеке, который поможет нам узнать планы патриотов, — умоляюще сказал Кинтейл. "Очень надежный юноша, вы не пожалеете, ваша светлость…"

Джон коротко вздохнул: "Ну!"

— Мэтью Бенджамин-Вулф, он студент, тут, в колледже Вильгельма и Марии, — зачастил Кинтейл, — его брат, по слухам, — адъютант Вашингтона. Простите, ваша светлость, я и вправду не думал, что Джон — ваш сын…

— А если бы он не был моим сыном? — устало спросил герцог. "Или вы думаете, что наша кровь краснее крови других людей? Все, — он поморщился, — езжайте к себе в Трентон, и чтобы я вас больше не видел".

Кинтейл, было, протянул руку. Джон, пожав плечами, развернувшись, пошел по грязной, в ямах, дороге к входу в таверну.

Внутри было шумно, темно, пахло вареной капустой и потом. Джон присел к стойке. Хозяин зорко поглядел на него: "Дружище, так не пойдет. Уходил ты веселый, а вернулся, — краше в гроб кладут. Что случилось?"

— Так, — Джон махнул рукой, — переночую, завтра еще по деревням поброжу, упряжь коням починю, и махну на север. Налей-ка мне этого вашего, кукурузного, полный стакан.

— Зря ты из Англии приехал, — заметил кабатчик, — в самую войну попал. А то оставайся. Тут, в Виргинии, хорошие мастера всегда нужны. Опять же, — хозяин подмигнул, — у нас тут весело. В субботу танцы будут. Ты же говорил, что вдовец. Может, познакомишься с кем-нибудь. А дети-то есть у тебя?

Джон выпил залпом стакан виски. Хмуро ответив: "Нет", он пошел к деревянной лестнице, что вела на чердак таверны.

Джон нагреб под бок соломы. Потушив свечу, глядя на бледную луну, что светила в прорехах туч, он приказал себе: "Не смей. Вернутся, оба, просто надо ждать".

Ему снилась Тео. Она лежала, привязанная к столбикам кровати, темные, тяжелые волосы разметались по шелковой простыне, смуглое тело отливало бронзой. Он наклонился. Увидев страх в больших глазах, Мэтью ласково улыбнулся.

— Я всегда тебя любил, — сказал он, чуть поглаживая ее грудь плетью, — всегда, милая. С тех пор, как мне было четыре года. Так не убегай от меня, все равно, — Мэтью раскурил сигару и, повертев ее в руках, показал девушке, — все равно, Тео, ты далеко не убежишь. Поставлю тебе клеймо, — он рассмеялся, и резко приложил сигару к нежному, гладкому бедру.

Девушка закричала, забилась, пытаясь вырваться, запахло горелым мясом. Мэтью услышал сзади одобрительный голос: "Хорошо, очень хорошо". Мужчина — изящный, с тронутыми сединой волосами, в шелковом халате, погладил его золотистые кудри. Он усмехнулся: "А ты сам, Матье, хочешь попробовать, что такое боль? Держу пари, тебе понравится". Мэтью взглянул в пристальные, серые глаза и, сам того не ожидая, — кивнул.

— Приснится же такое, — недовольно сказал Мэтью, открыв глаза, вглядываясь в ярко-голубое, утреннее небо за окном. Он приподнялся на локте, зевая. Взяв серебряную чашку с кофе, юноша крикнул: "Джимми!"

— Да, хозяин, — невысокий, чернокожий парнишка просунул голову в дверь.

— Ванну, — коротко приказал Мэтью. "И оседлай мне лошадь. Я хочу проехаться верхом перед лекциями".

Он сел в пахнущую лавандой, теплую воду, и, блаженно опустил веки: "Вот же мерзавец этот Натаниэль. Как чувствовал, что я его хотел отправить в "Дом радости", сбежал. Ничего, там все убрано. Трупы уже давно в реке, а к следующему лету привезу новых постояльцев. Можно Джимми туда отправить, кстати. К следующему лету я уже буду отцом, — Мэтью озорно улыбнулся, — придется приехать в поместье к родам, иначе нельзя".

Вытираясь, юноша ворчливо сказал слуге: "Неси костюм для верховой езды. Приведи тут все в порядок, — Мэтью указал на гостиную, где были разбросаны пустые бутылки вина, и стояла стопка фарфоровых тарелок с объедками.

— Фи-Бета-Каппа, — хмыкнул он, посмотрел на серебряный ключик, что висел на цепочке от часов. "Правильно, масонской ложи у нас пока нет, только разговоры ходят о ее создании. Так хоть мы, студенты, в тайное общество объединились".

Мэтью отпер большую шкатулку черного дерева и посмотрел на склянку с лауданумом. "Нет, — встряхнул головой юноша, — нельзя. Потерпи до вечера". Он, было, протянул руку к склянке, но, одернув себя, развернувшись на каблуках — спустился вниз, во двор. Он принял от Джимми поводья красивого, белого жеребца. Вскочив в седло, посмотрев на небо, Мэтью улыбнулся.

Юноша выехал на устланную палой листвой дорожку университетского парка. Он оглянулся, и погладил по холке коня: "Через два года я уже буду адвокатом. Утрем нос Дэниелу. Это если его раньше не убьют, конечно".

Мэтью ехал легкой рысью, и что-то насвистывал. Остановившись над обрывом, полюбовавшись широкой рекой, он услышал сзади стук копыт.

Невысокий, светловолосый, изысканно одетый мужчина выехал на поляну. Придержав коня, он вежливо спросил: "Мистер Бенджамин-Вулф, если не ошибаюсь?"

— С кем имею честь? — высокомерно ответил Мэтью.

— Красавец, — хмыкнул Джон, глядя на золотистые, пышные, словно сено, волосы. "Блестящий студент, профессора на него не нахвалятся. Президент этого их тайного общества. Таким кто только в молодости не увлекался, юнцы обожают всякие секреты. Вот и прекрасно".

— Можете называть меня мистер Джон, — мужчина спешился. "Давайте прогуляемся, мистер Бенджамин-Вулф, у меня есть к вам деловое предложение. Я представляю интересы его Величества в колониях. Негласно, конечно".

— Разумеется, — Мэтью сглотнул: "Ну и глаза. С этим господином точно — шутить нельзя".

— Я прочитал ваше эссе о Юлии Цезаре, — сказал Джон, когда они медленно пошли по тропинке вдоль берега. "Очень изящный слог, латынь у вас отменная. Впрочем, ваш старший брат — тоже хорошо пишет".

— На другие темы, — ореховые глаза заблестели смехом.

— Верно, — согласился Джон. "Вы сколько языков знаете, мистер Бенджамин-Вулф?"

— Просто Мэтью, — запротестовал юноша. Он обаятельно улыбнулся: "Немного. Французский — он у меня как родной, у меня был наставник-креол, из Нового Орлеана, немецкий, испанский, итальянский. Ничего, — Мэтью развел руками, — экзотического".

— Да, — задумчиво проговорил Джон, — китайский нынче только иезуиты и учат. Впрочем, как и русский. Вот что, Мэтью, — он приостановился, — я не буду ходить вокруг да около. Вы из семьи лоялистов, — он поднял ладонь, увидев, что юноша открыл рот. "Ваш старший брат, — усмехнулся Джон, — меня в данный момент не интересует, и вообще, — мужчина поморщился, — я не хочу вас использовать для таких мелких дел, для этого есть военные. Вы, кажется, женаты? — Джон поднял бровь.

— Да, — Мэтью кивнул, — мы с Мартой знакомы с детства. Она очень милая, домашняя девушка. Я ее, разумеется, ни во что не посвящать не собираюсь.

— Очень правильно, — Джон потер подбородок. "Вы мне потом понадобитесь в Европе, Мэтью. А сейчас спокойно учитесь, получайте диплом".

— Я даже не сказал, что согласен, — промелькнуло в голове у юноши. Он наклонился, и поднял золотой лист дуба: "Мне, наверное, надо что-то подписать, мистер Джон?"

Мужчина махнул рукой. "Дорогой мой Мэтью, в нашем деле — чем меньше оставляешь за собой следов, тем лучше. Особенно бумажных. Вас найдут, когда придет время". Джон помолчал: "Уверяю, у вас будет такая увлекательная жизнь, что лауданум вам больше не понадобится".

Юноша покраснел: "Откуда вы…"

— Не мог же я не проверить ваши комнаты, — пожал плечами Джон. "Ну, — он подал руку юноше, — всего хорошего, вам пора на лекции. Рад был познакомиться".

— Я тоже, мистер Джон, — тихо ответил Мэтью.

Джон пришпорил коня. Уже подъезжая к воротам университета, он подумал: "Лауданум. В

конце, концов, его в Лондоне налево и направо прописывают. Ее Величество от бессонницы его принимает. Безобидное средство".

Он в последний раз оглянулся на белокаменный шпиль церкви. Вдохнув свежий ветер с реки, Джон пробормотал: "А теперь к Делаверу. Мы там проиграем, несомненно, несмотря на все усилия Кинтейла и остальных. Надо уходить, пока еще есть возможность — с честью, а не то нас, вышвырнут отсюда. Да только лондонские упрямцы меня как три года назад не слушали, так и сейчас — не послушают".

Джон посмотрел на ясное, чистое небо — от вчерашних туч не осталось и следа. Он повернул коня на северную дорогу.

Река Делавер

Тяжелые, серые льдины ворочались под сильным ветром с запада. Уже темнело. Высокий, с заметной сединой человек, в голубом, потрепанном мундире Континентальной Армии, присев, потрогал снежную кашу, что летела на низкий берег реки.

— Ваше превосходительство, — раздался молодой голос сзади, — давайте отойдем, гессенцы могут вас увидеть и начать стрелять.

— Тут восемьсот футов до противоположного берега, — сварливо сказал Джордж Вашингтон своему адъютанту, — ни одна пуля не долетит. Что там у нас с переправой?

— Пригнали сорок даремских лодок, плоскодонки с усиленными бортами, — отрапортовал Дэниел, — мы их уже спрятали в камышах, около дома паромщика.

— Надо еще две баржи, а лучше — три, — велел генерал, поворачивая к низкому, каменному зданию таверны Мак-Конки. "Восемнадцать пушек, — посчитал Вашингтон, стряхивая снег с мундира, — и лошади. Вода такая, что если кто-то в нее упадет — тут же и замерзнет. Плавать у нас почти никто не умеет. Но другого пути нет, — он обернулся. Взглянув на тусклые огоньки лагеря британцев, еле видные в поднявшейся метели, генерал спросил:

— А что скауты, подтверждают те сведения, которые доставили из Виргинии? Индейцы там?

— Там, — тихо сказал Дэниел. "И лорд Кинтейл с ними. Ваше превосходительство, а что это за разведчик, в Виргинии? Кто-то знакомый?"

— Даже если бы я знал, — хохотнул Вашингтон, — я бы тебе не сказал. Это донесение сюда через десяток рук пришло, капитан Вулф. Кстати, твой дружок, капитан Горовиц — отлично работает в Чарльстоне. Это была прекрасная идея — отправить его свататься, никто ничего не заподозрил".

— Он и вправду — усмехнулся Дэниел, — сватается. Там же больше евреев, чем на севере. У них рано женятся, ваше превосходительство, да и война скоро закончится.

— Твоими бы устами, — пробормотал Вашингтон. Открывая тяжелую дверь таверны, генерал приказал: "Иди, проверь, как там у нас идет выдача мушкетов. Потом поспи хоть немного, мы тут пока, — он кивнул на плавающий слоями сизый табачный дым, — перекусим, и начнем военный совет. Два часа у тебя есть".

— Ваше превосходительство, — Дэниел, тяжело, глубоко вздохнул, — а что там с моим рапортом?

— Ты сначала руку вылечи, — буркнул Вашингтон, — хоть и левая, а все равно — пуля в локте, это не шутки.

— Но капитан Горовиц…, - Дэниел посмотрел в серые, внимательные глаза генерала, — он, же написал…

Вашингтон помолчал, разглядывая адъютанта. "Может, и отпустит, — успокоил себя Дэниел, — два месяца я у него служу, с тех пор, как из госпиталя вышел. Хватит, с рукой все в порядке, пора в строй".

— Капитан Горовиц, — ехидно заметил Вашингтон, — даже если тебе голову оторвет, — чего, я надеюсь, не случится, — напишет в рапорте, что ты годен к службе. Ладно, — генерал усмехнулся, — бери свой массачусетский батальон, воюй.

— Спасибо, ваше превосходительство! — облегченно сказал Дэниел. Вашингтон вдруг спросил: "А что это ты там сидишь при свече, по ночам? Дневник, что ли, ведешь?"

Юноша покраснел. "Я же юрист, ваше превосходительство, когда-нибудь нам понадобятся законы, конституция…"

— Сначала нам понадобятся деньги, — Вашингтон прислушался к голосам из таверны. "Впрочем, Ягненок неплохо справляется. Да и Франклин пишет из Парижа, что там будут нам помогать. Посмотрим, — коротко заключил генерал. "Ну, иди. Вернулся Фримен из Массачусетса, нашел свою мать?"

— Пока нет, — помрачнел Дэниел. "Я уже и сам не рад, что его отпустил, все-таки он беглый…"

— Он не беглый, а сержант Континентальной Армии Натаниэль Фримен, — оборвал его генерал. "Ничего, все с ним будет хорошо, он парень лихой".

Дэниел приложил руку к треуголке: "Разрешите идти, ваше превосходительство, обратно в батальон".

— Беги, — Вашингтон развернул его за плечи и подтолкнул. "Завтра вечером чтобы все были готовы".

Дэниел заглянул в палатку: "Тепло-то как! Уходил — угли еле тлели". В переносной чугунной печурке горел огонь, пахло жареным беконом и свежим хлебом.

Юноша взглянул на сидящего с поджатыми ногами на койке изящного, чернокожего парня: "Сержант Фримен, разве так положено встречать начальство?"

Натаниэль перекусил зубами нитку. Отложив мундир Дэниела, он весело ответил: "А я еще час в отпуске, мистер Вулф. Я вам тут прибрал немного, и поесть приготовил".

Дэниел уселся рядом с ним. Блаженно протянув ноги к огню, он проворчал: "Ты же не денщик мне, Натаниэль. Иди в свое отделение".

— Вот сейчас мундир в порядок приведу и пойду, — парень встряхнул кудрявой головой. "Не сердитесь, капитан Вулф, старые привычки, я все-таки неплохой слуга. Как отвоюем — он улыбнулся, — и Салли сюда привезу — постоялый двор хочу открыть".

Дэниел помолчал и осторожно спросил: "Нашел ты миссис Бетси?"

Натаниэль посмотрел на него темными, красивыми глазами. Он кивнул: "Под Спрингфилдом матушка моя, в имении. Живется ей неплохо, кормилица. Дитя родила от хозяина, да умерло оно, а так сестра бы мне была. Она же молодая у меня, мистер Дэниел, еще тридцати пяти не исполнилось. Говорил я ей, что бежать надо…"

— Не надо бежать, — прервал его Дэниел. Заметив удивление в глазах юноши, он твердо добавил: "Хватит бегать. Рабство так не прекратишь, Натаниэль. Надо, — он потянулся и взял тетрадь, — все делать по закону".

— Так нет такого закона, чтобы рабов не было, — удивился юноша. "Везде, мистер Дэниел, и тут, и в Нью-Йорке и на юге — везде рабы".

Дэниел открыл тетрадь: "Все люди рождаются свободными и равными, имея определенные природные, существенные, и неотъемлемые права, среди которых право защиты их жизни и свободы…"

— Что это? — тихо спросил сержант.

— Конституция, — задумчиво ответил Дэниел. "Основной закон нашей страны. Ну, — он улыбнулся, — будущий, конечно. Так что миссис Бетси мы освободим, Нат, — так, как надо, в суде, публично. Не волнуйся, — он взял мундир и велел: "Все, отправляйся в свое отделение. Скоро уже, и строиться будем, проверять, как вы к переправе готовы. Спасибо тебе".

Он проводил взглядом юношу. Устроив на колене оловянную тарелку, облизав пальцы, — бекон был горячий, — Дэниел усмехнулся: "А капитан Горовиц, наверное, в Чарльстоне на серебре обедает. Что он там говорил, эта мисс Линдо — дочь одного из самых богатых торговцев на юге? Вернется уже женатым, наверное".

— А сейчас — спать, — Дэниел вытянулся на койке. "Хотя бы час, и чтобы никто не мешал". Он закрыл глаза: "Господи, только, пожалуйста, не надо снов. Завтра ведь в бой".

Мирьям стояла на берегу огромного — без конца и края, моря. Каштановые волосы шевелил ветер, усталые, чуть припухшие глаза смотрели куда-то вдаль. Она повернулась, искусанные губы зашевелились. Девушка, махнув рукой, побрела, осторожно, тяжело ступая по камням, постепенно исчезая в белесом, густом тумане.

Дэниел перевернулся. Уткнув лицо в сгиб локтя, чуть морщась от вернувшейся боли в заживающей ране, он едва слышно заплакал.

Лодки медленно продвигались, лавируя между льдинами, в кромешной тьме, на пронзительном, несущем колючий снег, ветру. Дэниел, стоя на носу, вгляделся в метель: "Так, ребята, генерал уже почти на берегу, поднажмем".

В свисте вьюги, сзади, было слышно ржание коней и приглушенные людские голоса. "Возьмите, капитан, — Натаниэль протянул ему аккуратно свернутое знамя.

Дно челна заскрипело по песку. Дэниел выскочил в мелкую воду. Над его головой забился красно-белый, флаг. Обернувшись к своему батальону, юноша приказал: "За мной!"

Атлантический океан

Эстер взяла Констанцу за руку. Та, водя пальцем по золоченым буквам на борту шлюпки, громко прочитала: "Норреп".

— Это значит — надежда, — Констанца подняла темные глаза. Капитан ван Леер улыбнулся: "Три года тебе, а уже так хорошо читаешь. Что же дальше будет?"

— Дальше я буду ученым, — серьезно ответила девочка. Эстер погладила ее по голове: "Непременно, милая. Беги, начинай складывать игрушки, сама же ты спустишься по трапу?"

— Конечно, — гордо ответила Констанца. Эстер посмотрела вслед рыжей голове. Понизив голос, она спросила капитана: "Думаете, тут, южнее, не будет британцев?"

— Все их силы сейчас у Нью-Йорка, — ответил моряк, — так что не волнуйтесь. Хоть в Чарльстоне и нет патриотов, но торговые корабли англичане не трогают. Если они уже в гавани, я имею в виду, — пояснил капитан. "При таком ветре мы уже через пару часов увидим берег Южной Каролины".

— Спасибо, — Эстер откинула с лица, бьющиеся на ветру черные косы. Она вгляделась в бесконечный, темно-синий простор океана.

— Тепло как, — подумала девушка, подставив лицо солнцу. "В Амстердаме грязь, сырость, а тут — будто лето. Мы же смотрели на карте — этот Чарльстон на той же широте, что и Святая Земля. Синагога там есть, не зря мы рекомендательные письма от раввина взяли. Интересно, ведь кузен Питера, капитан Кроу, тоже где-то тут плавает, он ведь военный моряк".

— Что задумалась? — услышала она ласковый голос брата. Иосиф потянулся и закинул руки за голову: "Матросы, как я посмотрю, геморроем не страдают. Десяток вырванных зубов, перелом руки, несварение желудка — в общем, ничего примечательного".

— А ты бы переоделся — велела Эстер, глядя на пропотевшую, грязную рубашку мужчины. "Я тебе в каюте все уже приготовила. И бороду надо подстричь".

— Это уже в Чарльстоне, — зевнул Иосиф. "Отдохнем там немного и отправимся на север, в Филадельфию. Оставлю вас на попечении у кого-нибудь, а сам пойду хирургом в армию".

— На попечении, — обиженно сказала Эстер. "Мне двадцать три года, я дипломированная акушерка, училась в Париже..."

— Пока ты не замужем, — отрезал Иосиф, — ты не можешь жить одна, это неприлично.

Эстер только тяжело вздохнула: "Стоило ехать в Новый Свет, чтобы здесь слышать то же самое, что и в Амстердаме. Еще, наверняка, и сватать начнут, сразу же, как мы в Чарльстоне появимся".

— А вот ты, дорогой брат, взял бы — и женился, — девушка подтолкнула его в плечо. "Тогда я могла бы жить с твоей женой, и ты был бы спокоен".

— Змея, — нежно отозвался Иосиф. "И всегда такой была". Он рассмеялся и поцеловал ее в затылок: "Смотри, парус".

"Стремление" шло полным ходом, чуть наклонившись под ветром с востока. Капитан Стивен Кроу, опустив подзорную трубу, велел: "Пушки к бою! Там голландец, наверняка, с Синт-Эстасиуса".

— Слишком уж близко к берегу, — почтительно возразил помощник. "Обычно они не подходят

на такое расстояние к земле, капитан, опасаются".

— А этот обнаглел, — Стивен пригладил коротко стриженые, темного каштана, волосы. "Так мы его накажем, — усмехнулись лазоревые глаза.

Он проверил пистолет и сбежал вниз, на орудийную палубу. "Сто двадцать пушек, — удовлетворенно подумал Стивен, — они сразу выбросят белый флаг, как только нас завидят. Мушкеты, порох и пули мы у них конфискуем, а экипаж и пассажиры пусть посидят в тюрьме, в Чарльстоне, чтобы неповадно было".

Капитан Кроу услышал залп и холодно спросил: "Кто там тратит ядра впустую? Мы в двух милях от противника, кошки давно не отведывали?"

— Это не мы, капитан, — вытянулся второй помощник. "Посмотрите сами".

Стивен увидел на горизонте черные паруса. Он коротко приказал: "Разворачиваемся. Тут нам больше делать нечего, сейчас от голландца одни щепки останутся. Потом вернемся, подберем выживших".

— Если они будут, — пробормотал кто-то из пушкарей, глядя быстро идущий наперерез голландцу корабль.

Стивен оглянулся, стоя на корме — над морем вился серый, пороховой дым. Он, вздохнув, положил руку на золоченый эфес шпаги: "Нельзя. У тебя есть обязанности, вот и выполняй их. Нечего рисковать людьми и кораблем, и ввязываться в ненужный бой".

— Прибавьте парусов, — крикнул он матросам на мачтах. "Стремление" заскрипело, паруса заполоскали. Британский фрегат направился к северу.

Эстер пригнулась. Встав на колени, она закрутила сильными руками жгут на плече раненого. Над палубой свистели ядра, с юта доносился запах гари. Девушка почувствовала, как ее трясут за плечо.

— Немедленно вон отсюда, — приказал Иосиф. "Сейчас для тебя и Констанцы спустят шлюпку, под парусом ты ходить умеешь, до берега десять миль. Все время на запад, — он наклонился, и, подхватил стонущего моряка: "Давайте-ка в трюм, и быстро. Ну, — мужчина обернулся к сестре, — что застыла?"

— Я никуда не уйду, — упрямо сказала Эстер. "Тут раненые".

— Нет, это я никуда не уйду, — Иосиф перехватил человека удобнее. Достав пистолет, прицелившись, он выстрелил. С "Молнии" раздался чей-то крик и плеск воды. "Все, — он поцеловал сестру в лоб, — я вас найду, обещаю".

— Иосиф…, - девушка закусила губу.

Он вздохнул: "Мы отвечаем за Констанцу, поэтому давай, — мужчина подтолкнул сестру, — поторапливайся. В Чарльстоне вам помогут, в синагоге".

— А как же вещи? — ядро пронеслось над их головами и врезалось в фок-мачту. Иосиф чуть не застонал: "Какие вещи, нет времени на это. Констанца внизу, я сейчас ее приведу".

Эстер, даже не думая, вытерла окровавленные руки о подол простого, серой шерсти платья.

Она услышала сзади голос капитана: "Все, девочка уже здесь. Пойдемте к трапу".

— Капитан Ван Леер, — умоляюще сказала Эстер, — пожалуйста…

Голландец, поморщившись, держа в руке мушкет, второй — встряхнул ее за плечо. "Это же пираты, — злым шепотом сказал он. "Вас не пощадят, мадемуазель. Или вы хотите закончить свои дни в портовом борделе? Все, чтобы я вас больше не видел. Вас кто-нибудь подберет — рыбаки, или береговая охрана британцев".

Констанца стояла у проломленного борта, маленькая, в накинутой на плечи кашемировой шали, которая закрывала ее до самых туфелек. "Я взяла, — серьезно сказала девочка, подняв на Эстер темные глаза. "Вдруг там снег, все-таки зима. Тетя Эстер, а дядю Иосифа не убьют?"

— Никого не убьют, — Эстер сжала зубы. Подхватив одной рукой девочку, она стала осторожно спускаться по трапу. На юте уже поднимались языки пламени.

— Уже убили, — грустно пробормотала Констанца, устраиваясь на деревянной лавке. "Я видела, в трюме. Они под парусом лежали".

Эстер ничего не ответила. Засучив рукава платья, она взялась за весла. "Надо отойти подальше, — подумала девушка, — а потом уже ставить парус. Так нас не заметят".

Палуба "Надежды" уже пылала. Эстер, обернувшись, увидела, как с "Молнии" к борту корабля протягиваются абордажные крюки.

— Господи, — прошептала Эстер, возясь с парусом, — только бы он уцелел, Господи.

Она подняла мачту. Ловко завязав узлы, Эстер велела Констанце: "Иди, садись на руль, я тебе покажу, как надо править".

— Тетя Эстер, — сказала девочка, приподнимаясь, не отводя глаз от океана, — смотрите!

Девушка прищурилась и увидела, как "Надежда" медленно клонится на бок. Черные паруса "Молнии" надулись ветром. Корабли, расцепившись, стали медленно дрейфовать в разные стороны. Обшивка "Надежды" задрожала, раздался взрыв. Корабль, перевернувшись разломанным килем вверх, стал погружаться в воду.

— Иосиф! — крикнула девушка. Опустившись на дно лодки, она горько сказала: "Да что же это такое, Господи!"

— Стреляют, — Констанца подергала ее за платье. "Они по людям стреляют, тетя, по головам. Сейчас в нас выстрелят".

— Не выстрелят, — зло, стирая слезы с лица, кладя лодку в галфвинд, ответила Эстер. "Мы сейчас исчезнем из виду. Давай на руль".

Она стояла у мачты, глядя на рыжие косы Констанцы, и безостановочно повторяла: "Он жив, жив, он не мог погибнуть. Мой брат жив".

Лодка накренилась и пропала за темно-синими, высокими волнами, идя на запад, туда, где над еще не видной полосой берега играл темно-золотой закат.

Капитан Стивен Кроу, сидя на носу шлюпки, хмыкнул: "И точно, никого нет". Он обернулся и

приказал: "Еще круг обойдем, и пора сниматься отсюда, незачем терять время".

Море было усеяно обломками дерева. Кто-то из матросов, перекрестившись, тихо проговорил: "Капитан, смотрите, тут не то, что никого живого — никого целого не осталось, один мусор. Похоже, у них пороховой трюм взорвался".

— Дайте-ка багор, — велел Стивен, и, ловко подцепив качавшийся на воде сундучок, — сбил замок. "Корабельный журнал, — хмыкнул он. "Тут все на голландском языке. Ну-ка, мистер Сандерс, — он протянул тетрадь первому помощнику, — вы же у нас до войны под их флагом плавали".

— Из Амстердама корабль, — Сандерс пролистал журнал, — называется "Надежда", шел в Чарльстон с грузом тканей, еще всякие индийские товары. Вот и список пассажиров. Трое, двое, наверное, муж с женой, под одной фамилией. Еще ребенок, трех лет, странно…,-Сандерс нахмурился, — фамилия другая. Иосиф и Эстер Мендес де Кардозо и Констанца-Софи ди Амальфи.

Стивен похолодел и потребовал: "Дайте сюда!".

— Правильно, — подумал он, глядя на четкий почерк незнакомого, уже мертвого капитана. "Никакой ошибки, все черным по белому. Господи, да зачем они сюда подались — Иосиф с Эстер? И маленькая Констанца, Джон же мне написал, что она круглой сиротой осталась".

Капитан глубоко вздохнул. На мгновение, закрыв глаза, он вспомнил пышные, рыжие волосы и ее веселый голос: "Вот вернешься со своих морей, Стивен, и тогда поговорим о помолвке".

— А я еще усмехнулся, — подумал Стивен, — поднимаясь по трапу, и спросил: "А если не вернусь?". Да, как раз ей четырнадцать было, а мне — восемнадцать, я в Кейп уходил, а оттуда — в Индию, первым помощником.

— Курс на Нью-Йорк, — сухо велел он, оказавшись на палубе. "Я сейчас приду".

Стивен спустился в свою каюту, и оглядел ее, — неуютную, пропахшую табачным дымом и порохом. Сев к узкому столу, он очинил перо кинжалом. Поболтав оловянной чернильницей, капитан отставил ее: "Если бы я вернулся, ничего бы этого не было. Сто двадцать пушек, от пирата и следа бы не осталось. Господи, это я виноват, я. Надо написать ему, обо всем".

Мужчина достал из старой шкатулки красного дерева чистую бумагу. Тяжело вздохнув, он начал писать: "Дорогой Питер!.."

Эстер вытащила шлюпку на белый песок. Изнеможенно дыша, она опустила руки: "Новый Свет. Вот, мы и тут, Констанца".

Девочка спала на дне лодки, свернувшись в клубочек, укрывшись шалью. Эстер оглянулась и услышала в сумерках журчание ручейка. Она долго пила, стоя на четвереньках, а потом, вытерла пот со лба: "Завтра, все завтра. Завтра доберемся до Чарльстона".

Эстер подхватила Констанцу, — та только недовольно поворочалась. Она устало опустилась на укрытую мягким мхом землю, у подножия большой сосны. Девушка устроилась между выступающими из-под песка корнями. Прижав к себе спокойно дышащую Констанцу, натянув на плечи шаль, Эстер мгновенно заснула.

Море тихо колыхалось, ночь была темной и беззвездной. Кто-то осторожно шел по берегу.

Мужчина поднял масляный фонарь: "А я вам говорю, мистер Мак-Карти, она не могла далеко уйти. Надсмотрщики клянутся, что ее подстрелили. У нее будет кровь на платье, давайте спустим гончую".

— Вот же привязался, — зло подумал охотник за рабами. "С постели меня поднял, не терпится ему". Мак-Карти обернулся к запыхавшемуся, толстенькому человеку: "Да не волнуйтесь вы так, мистер Джеффрис, до утра найдем вашу беглянку".

Мак-Карти ласковым, тихим свистом подозвал к себе собаку: "Искать, милая!".

Рыжий, большой пес на мгновение застыл, принюхиваясь, и, подняв голову вверх — ринулся к сосновой роще.

Чарльстон, Южная Каролина

В саду пахло цветущими азалиями. Ухоженный, зеленый газон был обрамлен большими клумбами, веял тихий, теплый южный ветер. Мисс Абигайль Линдо покрутила на плече кружевной зонтик: "Все-таки вы очень смелый человек, капитан Горовиц. Вас же могут арестовать, в любой момент".

— А чего ради меня арестовывать? — смешливо отозвался Хаим. Они сидели на мраморной скамейке, выходящей к маленькому пруду. Он взглянул на темную воду, где лениво плескались золотые рыбки: "Я тут в штатском, как видите, документы мои подозрений ни у кого не вызвали, а уж причина, почему я в Чарльстоне — тем более".

Мисс Линдо опустила длинные ресницы и покраснела. "Все равно я его уговорю переехать после войны сюда, на юг, — подумала девушка. "В Бостоне темно, холодно. И папа не хочет меня отпускать. Тут, в Чарльстоне, Хаим сможет стать самым модным врачом, папа даст ему денег, чтобы открыть практику".

Чернокожая служанка в накрахмаленном фартуке и наколке присела: "Велите подавать чай, мисс Абигайль?"

— Да, накройте в беседке, — девушка махнула холеной рукой: "А кто вам прислуживает на войне, капитан Горовиц? У вас есть денщик?"

— У нас же не британская армия, — Хаим посмотрел в карие, красивые глаза мисс Линдо. "У нас все идут добровольцами и сражаются наравне. Да и зачем мне денщик, я и сам все умею, — он помолчал: "А ваш отец не хочет освободить своих рабов?"

— А зачем? — мисс Абигайл пожала стройными плечами и расправила складки шелкового платья. "У наших предков, в Святой Земле, тоже были рабы — Тора нас так учит. И наш раввин говорит, что это — Божья воля, вы же сами слышали, на проповеди. Господь создал негров для того, чтобы они служили белым людям, а иначе, зачем они нужны?"

— У меня нет рабов, — коротко сказал Хаим. "И никогда не будет, мисс Линдо. И вообще, — он задумался, — вы же слышали, что наш народ, в Европе — тоже страдал от унижений. Как же мы можем обрекать на такую судьбу создания Божьи?"

Мисс Линдо незаметно зевнула, прикрыв рот ладошкой. Поднимаясь, она ответила: "Не буду же я сама готовить, убираться и ухаживать за детьми, капитан Горовиц, — девушка внезапно

зарделась. Встряхнув убранной белыми цветами, темноволосой головой, она решительно продолжила: "Не знаю, как у вас там, на севере, а здесь, на юге, без рабов нельзя. Давайте, — она указала в сторону беседки, — выпьем чаю, и вам же надо идти к миссис Сальвадор, вы говорили?"

— Да, — хмуро ответил Хаим, следуя за девушкой, — я ей привез деньги, что мы, офицеры, собрали.

— Вот у нее — нет рабов, — улыбнулась мисс Линдо. "Покойный мистер Сальвадор был этим… — девушка сморщила гладкий лоб.

— Аболиционистом, — помог Хаим, смотря куда-то вдаль. "Я знаю, я с ним виделся несколько раз".

— И вообще, — мисс Линдо остановилась перед входом в изящный, в греческом стиле, павильон, — они бедные. Мистер Сальвадор слишком увлекался политикой, а потом у них индейцы сожгли ферму, вот они и остались без гроша, — девушка звонко рассмеялась: "Холодный чай с мятой, капитан Горовиц, или вы, там, на севере, все еще его не пьете? Боретесь с британцами и за столом?"

Хаим, ничего не ответив, прошел внутрь.

На улице было шумно, фермерские повозки поднимали пыль. Хаим, обернувшись на колонну британских солдат в красных мундирах, незаметно пересчитал их: "Пора и домой. Незачем больше рисковать, я все узнал, что надо. Конечно, хорошо бы посмотреть планы движения войск, но в штаб меня никто не пустит, а ночью он охраняется. Со сватовством этим пора заканчивать, — он поморщился, — понятно, что ничего не получится. Извинюсь и уеду".

Он свернул в узкую улицу. Сверившись с записной книжкой, поднявшись на крыльцо деревянного, невидного дома, Хаим постучал в дверь.

На покрытом истертым ковром полу гостиной были разбросаны игрушки. Мальчик, лет трех, поднял серьезные, темные глаза, и вежливо сказал: "Здравствуйте".

— Моше, ты пойди к себе, милый, поиграй пока там, — миссис Сальвадор, — маленькая, худенькая, в траурном платье, — наклонилась и поцеловала ребенка в лоб. Мальчик тихо вышел. Хаим увидел в углу почти пустой гостиной старую колыбель.

— А это тоже Фрэнсис, — голос женщины задрожал. Она, присев за стол, положила перед собой руки, сцепив тонкие пальцы. "Отца его в августе убили, а он, — миссис Сальвадор кивнула на колыбель, — в октябре родился, как раз после праздников". Женщина тяжело вздохнула и замолчала.

— Миссис Сальвадор, — Хаим все смотрел на мирно спящего младенца, — мне очень, очень жаль. Вы же знаете, как Фрэнсиса любили в армии. Вот, — он достал из внутреннего кармана сюртука конверт, и положил перед ней, — мы вам собрали немного. Генерал Вашингтон обещал, что вы непременно будете получать пенсию, как только закончится война.

Женщина тихо повторила: "Как только закончится…, Спасибо, капитан Горовиц, — она быстро вытерла слезу. Поднявшись, махнув рукой: "Не вставайте!", — женщина взяла с камина шкатулку.

— Вот, — миссис Сальвадор развернула листок, — это мне полковник Томпсон написал, после того, как Фрэнсис…, - она не закончила, и, пробормотав что-то, вышла из комнаты.

— Дорогая миссис Сальвадор! — начал читать Хаим, — с глубоким прискорбием вынужден вам сообщить, что ваш муж, доброволец Фрэнсис Сальвадор, погиб первого августа этого года в стычке с британскими войсками. После того, как он сообщил мне, проскакав за одну ночь тридцать миль, что британцы, вкупе с индейцами, начали грабить и жечь отдаленные фермы, я немедленно отправился навстречу противнику.

К сожалению, во время ночного боя, Фрэнсис был ранен. Индейцы обнаружили его раньше наших санитаров, и сняли с него скальп. Он скончался на моих руках, миссис Сальвадор, и перед смертью спросил, как закончился бой. Когда я сказал ему, что мы победили, и британцы обратились в бегство, он пожал мне руку и, закрыв глаза, шепнул: "Уже скоро". Он умер через несколько мгновений, миссис Сальвадор. Я от своего лица и от имени всех моих солдат и офицеров, приношу вам искренние соболезнования. Пусть Господь упокоит душу Фрэнсиса в Своем присутствии.

С уважением, полковник Континентальной Армии, Уильям Томпсон.

Хаим отложил письмо и услышал из колыбели зевок. Он осторожно взял на руки просыпающегося мальчика. Покачав его, глядя на маленький, выцветший американский флаг, что висел над камином, он тихо сказал: "Вырастешь, Фрэнсис Сальвадор, и мама тебе все расскажет. А ты, — он улыбнулся, глядя на нежное личико, — будь счастлив, милый".

— Да что вы, — он услышал озабоченный голос женщины, — давайте я, капитан Горовиц.

Хаим рассмеялся: "Я же врач, миссис Сальвадор, я не только пули вынимать умею. Не волнуйтесь".

Она убрала письмо: "Это были те индейцы, что с лордом Кинтейлом потом на север ушли, в Виргинию, а оттуда — к Трентону. Не знаете, как там у них? — она кивнула головой за окно.

Хаим передал ей младенца: "Вот сейчас вернусь и узнаю. Но, думаю, генерал Вашингтон их разгромил и Кинтейл уже болтается на каком-нибудь дереве".

— Я читала, — темные глаза миссис Сальвадор заблестели гневом, — про эту бедную женщину, Юджинию. Какой стыд, капитан Горовиц, какой позор. Фрэнсис же был избран делегатом на Континентальный Конгресс, но эти стычки начались, и он сказал, что его долг — остаться здесь. А так бы он выступал за отмену рабства, конечно.

— Умер, — миссис Сальвадор помолчала, — так и не узнав, что приняли Декларацию Независимости. Меня больше всего это мучает, и еще то, — она покачала сына, — что Моше только через десять лет сможет кадиш по отцу сказать.

Хаим обвел глазами комнату и осторожно спросил: "Миссис Сальвадор, а как же община? Помогают вам?"

— Фрэнсиса похоронили и Моше потом будут бесплатно учить, — ответила она. "А так, — она помедлила, — вы же видели, капитан Горовиц, какие у них особняки. Оттуда и не заметишь, что у нас, бедняков, в жизни случается".

Дверь передней чуть приоткрылась. Хаим улыбнулся: "А вот и мой добрый хозяин, доктор да Сильва, я ему сказал, что у вас буду".

Женщина поднялась и, держа на руках сына, попросила: "Вы только осторожней, капитан Горовиц, пожалуйста".

Он поклонился. Глядя на ее милое, с морщинками на лбу, усталое лицо, Хаим ответил: "После войны, миссис Сальвадор, обязательно встретимся. И чтобы у вас все было хорошо!"

Хаим прикоснулся кончиками пальцев к мезузе на косяке двери. Выйдя во двор, он услышал старческий голос: "Я, конечно, ее и детей лечу бесплатно, я же тут дураком слыву".

Юноша засунул руки в карманы сюртука. Встряхнув светловолосой головой, он ядовито сказал: "Лучше уж я буду дураком, чем мерзавцем, доктор да Сильва. Закончили вы свои вызовы?"

Старик поправил на голове черную шляпу. Передав Хаиму потрепанный саквояж, он усмехнулся: "Пойдем, посмотришь изнутри — что такое рабство. Никогда не был в аукционных бараках?"

— Откуда мне? — помотал головой Хаим.

— Вот и увидишь, — да Сильва развернулся и пошел вниз, к порту. Юноша поспешил за ним.

В маленькой, душной комнате назойливо жужжали мухи. Аукционист раздраженно обмахнулся грубо напечатанной афишей:

— Мистер Джеффрис, не предъявляйте ко мне претензий. Ищите свою рабыню и дальше. Эта девушка, которую вы обнаружили с мистером Мак-Карти — во-первых, ниже ростом, а во-вторых, — мужчина усмехнулся, — девственница. А у вашей беглянки, — он положил руку на газету, — двое детей уже родилось. Всего хорошего.

Плантатор стер пот со лба и сально улыбнулся: "А когда будет аукцион, на котором ее будут продавать? Я бы поторговался".

— Не сегодня, — холодно заметил аукционист. Поднявшись, он со значением добавил: "У меня дела, мистер Джеффрис".

— Поторговался бы, — хмыкнул мужчина, разглядывая толстую спину, обтянутую потрепанным сюртуком. "Да если ты последнюю рубашку продашь — у тебя на нее денег не хватит. Господи, какая удача".

Он закрыл дверь. Отперев шкап, мужчина достал оттуда тетрадь. На обложке было написано: "Модная торговля".

— В конце концов, — пробормотал аукционист, покусывая перо, — можно ее продать вместе с девчонкой. Ребенок красивый, здоровый, белокожий — на такого сразу польстятся. Подумаешь, небольшая надбавка к цене.

Он открыл дверь. Высунувшись в заплеванный коридор, аукционист велел: "Приведите мне эту Эстер, и живо".

Оказавшись в кабинете, девушка, откинув черноволосую голову, зло посмотрела на него:

— Я не понимаю, почему я со своей воспитанницей все еще здесь, мистер Диббл. Я же вам ясно сказала — мы плыли из Амстердама, на наш корабль напали пираты, мой брат погиб, а мы спаслись. Я вас просила послать к местному раввину, в синагогу. Община о нас позаботится.

— Акцент у нее и вправду есть, — Диббл приспустил тяжелые, опухшие веки. "Она знает языки, я сам проверял. Может, и не врет. А может — креолка с островов, с того же Синт-Эстасиуса, или Гваделупы. В любом случае, никакого раввина, а то золото уплывет из рук. Его будет много, очень много — мистер Бенджамин-Вулф прислал записку, что приедет днями, он ее точно не упустит".

Он сложил перед собой длинные пальцы. Покачав ими туда-сюда, аукционист стал незаметно оглядывать девушку. "Маленького роста, но фигура отличная, — подумал Диббл, — конечно, непонятно пока, плодовита она, или нет. Все равно, наши завсегдатаи, чувствую, из-за нее передерутся".

Эстер раздула ноздри. Заметив его взгляд, девушка устало закрыла глаза.

Собака злобно лаяла. Констанца, прильнув к Эстер, испуганно спросила: "Что такое, тетя?"

Девушка прижалась к стволу дерева, взяв на руки ребенка, укрывая его шалью. Она услышала грубый голос: "Я же вам говорил, мистер Мак-Карти, она бы далеко не убежала! Вот, — в глаза Эстер ударил свет фонаря, — и платье кровью испачкано!"

— Кто вы такой? — гневно спросила девушка. "Что вам надо?"

Собака, все еще рыча, подбежала ко второму мужчине — высокому, с коротким мушкетом в руках и пистолетом за поясом.

— Ваша рабыня, мистер Джеффрис? — спросил он.

Толстенький человек помялся: "Не похожа. И ребенок у нее откуда-то, рыжий. У моей девчонки двое детей было, однако я их обоих продал давно".

— Ты кто такая? — медленно, раздельно выговаривая слова, спросил Мак-Карти. "Откуда бежала?"

— Я не бежала, — спокойно ответила Эстер: "Господи, они же при мне разговаривали, как будто я вещь какая-то".

— Меня зовут Эстер Мендес де Кардозо, — продолжила она, перекрикивая лай гончей. "Мы плыли из Амстердама, на наш корабль напали пираты. Я помогала раненым, поэтому у меня кровь на платье. Это моя воспитанница, Констанца. Я еврейка, поэтому, — Эстер попыталась улыбнуться, — мне надо попасть в синагогу в Чарльстоне, к раввину".

— Вот же придумала, — расхохотался Джеффрис. "Давно я таких сказочниц не встречал".

— Акцент у нее не местный, — едва слышно заметил Мак-Карти, наклонившись к уху плантатора.

— Так она с севера, — отмахнулся тот.

— В первый раз слышу о рабыне с севера, которая бежит на юг, — недоверчиво подумал Мак-Карти. Он велел: "А ну пойдемте! Сейчас отвезем вас в Чарльстон, а потом разберемся".

Эстер вздернула голову и шепнула Констанце: "Все будет хорошо, не бойся".

— Я не боюсь, — блеснул из-под шали темный глаз. "А почему, они тут на людей с собаками

охотятся, тетя Эстер?"

Девушка только вздохнула. Почувствовав плечом дуло мушкета, она медленно пошла впереди мужчин.

— И вот уже третий день мы тут сидим, — она рассматривала бесстрастное лицо Диббла. "Бедные люди, те, кто в бараках — они же там вповалку набиты. Я видела, когда мы во двор выходили. Констанца молодец, не плачет. Уже и друзей завела, вместе играют".

Диббл, будто очнувшись, откашлялся. "Вот вы, мисс Эстер, — усмехнулся он, — говорите — Амстердам, Париж, плыли вы сюда…, а как я это проверю".

— Я вам могу все рассказать, — измучено сжала губы девушка. "О Старом Свете…"

— Я вам тоже многое могу рассказать, — оборвал ее Диббл. "У вас ничего за душой — ни паспорта, ни писем каких-нибудь. Я подозреваю, что вы сбежали откуда-нибудь. Ребенок не ваш, — он тонко улыбнулся, — должно быть, какая-нибудь подруга вам его доверила. Черные так часто делают".

— Вы что, ослепли! — закричала Эстер. "Вы не видите, что у меня и девочки белая кожа?"

— Я продавал рабынь с кожей белее вашей, — лениво отозвался аукционист. "Вам надо доказать, что вы рождены свободной женщиной, иначе — он развел руками, — прошу меня простить, следуя нашим законам…"

— Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat, — выплюнула Эстер. "Невиновен, пока не установлено обратное. Или у вас тут этот принцип не действует? Позовите сюда раввина, и я вам все докажу…"

— Вам нужен — вы и зовите, — пожал плечами Диббл. Он добавил, все еще не сводя с Эстер глаз: "Не докажете — я вас через пару дней выставлю на аукцион, вместе с вашей девочкой. Видите, — он поднялся, — я поступаю очень человечно, мисс Эстер. В афишке будет написано, что вы по отдельности не продаетесь.

— А почему, — девушка отступила на шаг, — не на тот аукцион, что будет завтра? Я же слышала…, И как я пошлю за раввином, отсюда же не выйти?

— А это, — не отвечая на первый вопрос, рассмеялся Диббл, — уже ваши заботы, мисс Эстер, а не мои. Всего хорошего. Встретимся, когда у меня в руках будет молоток.

Когда ее увели, Диббл налил в бокал вина. Подойдя к мутному, засиженному мухами зеркалу, он отсалютовал себе: "Лучшая сделка года. Я так и знал, что закончу его с большой прибылью".

Констанца взяла палочку и строго сказала двум чернокожим ребятишкам: "Смотрите! Сейчас научу вас цифрам, до пяти".

— Как пальцев на руке, — грустно вздохнул высокий мальчик с клеймом на плече. "Мне мама показывала, я помню".

— А где твоя мама? — заинтересовалась Констанца, написав в пыли цифры. Дети сидели у колодца в центре двора, обнесенного каменной, высокой стеной. Деревянные ворота, ведущие

на улицу, были закрыты и перегорожены цепями. Из низких бараков несло нечистотами и потом.

— Той неделей продали, — объяснил мальчик: "Ты не отсюда, я слышу. С севера, наверное".

Констанца задумалась, вспомнив карту. Девочка тряхнула рыжими косами: "Да, с севера. Моя мама умерла, и папа тоже".

— Лучше так, — заметила девочка лет шести, заглядывая к ней через плечо. "Когда их не помнишь. Плачешь меньше. Один и один будет два".

— Правильно! — обрадовалась Констанца и помахала рукой: "Вон и моя тетя. Я ее так называю, — объяснила девочка. "Еще у меня есть дядя, он в Индии. Он приедет сюда и нас заберет".

— Все так говорят, — сочно заметил мальчик с клеймом. "Только никто не приезжает. О, врачи пришли, — он указал на открывающиеся ворота.

Эстер посмотрела на старика и молодого мужчину, что входили во двор. Девушка похолодела: "Еврей. У него кипа. Господи, помоги мне, а если он не понимает ладино? Тогда попробую на идиш. А на английском нельзя говорить — не поверят. Хотя он должен знать святой язык, не может не знать".

Эстер медленно спустилась с крыльца конторы. Она пошла вслед за мужчиной — высоким, светловолосым, в простом сюртуке.

Уже у входа в барак Хаим обернулся, почувствовав чье-то дыхание сзади. Маленькая, изящная девушка вскинула огромные глаза. Быстро, глядя прямо на него, она выпалила: "Ана, таазор ли, ани йехудия".

Он все стоял, не в силах что-то ответить, любуясь ее лицом. Хаим услышал шепот да Сильвы: "Mozotros te ayudaremos".

— Gracias, — кивнула она и добавила: "Mi nombre es Esther".

— Хаим, — успел сказать юноша и пробормотал, провожая глазами ее черные локоны: "Доктор да Сильва, ну как же это..., Что она тут делает? Мы ей поможем?"

— Ты же слышал, я сказал, что поможем, — ворчливо ответил старик. Почесав в бороде, он подтолкнул Хаима: "Сначала осмотрим тех, кто завтра пойдет на аукцион".

— Я сейчас, — юноша поставил саквояж в пыль. Он догнал девушку и спросил: "Usted habla Ingles?"

— С акцентом, — ее губы, — темно-красные, свежие, чуть улыбнулись.

— Это все равно, — отчаянно сказал Хаим. "Мисс Эстер, — он посмотрел сверху вниз на тяжелые, заплетенные в косы волосы, — верьте мне, я сделаю все, все, чтобы вас отсюда высвободить".

— Верю, — ответила девушка, глядя в серые, большие глаза. "Верю, мистер Хаим".

В деревянном, с выкрашенными под мрамор колоннами, здании синагоги было прохладно.

Хаим, присев на скамью, посмотрел на Ковчег Завета. Он вспомнил, как отец, стоя рядом с ним, поправляя очки, шепнул: "Ты только не волнуйся, мой мальчик, и все будет хорошо".

— До сих пор ведь могу ту главу наизусть прочитать, что на бар-мицве читал, — усмехнулся Хаим. Встав, чуть поклонившись, он протянул руку: "Спасибо, что согласились со мной встретиться, раввин Майер".

— Пойдемте, пойдемте, — радушно сказал высокий, с полуседой, ухоженной бородой, мужчина. "Пойдемте ко мне в кабинет, мистер Горовиц. Я так понимаю, — раввин открыл тяжелую дверь, — мы с вами будем говорить о радостном событии? Наверное, вы не захотите долгой помолвки, все-таки война…, - он чуть вздохнул.

— Я не для этого пришел, — Хаим опустился в кресло. "Раввин Майер, — он взглянул на мужчину, что устроился за большим дубовым столом, — я сегодня с доктором да Сильва был в аукционных бараках, в порту. Мы осматривали там, — Хаим поморщился, как от боли, — рабов. Туда случайно попала девушка, еврейка. Ее зовут мисс Эстер Мендес де Кардозо, она из Амстердама. Если вы сходите в контору аукциона, и подпишете заявление о том, что она рождена свободной, — ее сразу выпустят".

В кабинете наступило молчание. Хаим поправил кипу и посмотрел на тикающие часы, с еврейскими буквами на циферблате. "Ее и ее воспитанницу, — добавил юноша, — девочку трех лет от роду. Они плыли сюда из Старого Света и на них напали пираты".

Майер откинулся на спинку своего кресла: "Мистер Горовиц, у вас там, на севере, в Бостоне, в Филадельфии, — он пощелкал пальцами, — свои правила, а у нас — свои. Как я могу быть уверен в том, что эта девушка та, за кого она себя выдает?"

— Поговорите с ней, — недоуменно заметил Хаим. "Вы же из Германии, я помню. Она знает голландский язык, французский, немецкий. Идиш, ладино, и святой язык — тоже".

Раввин поднялся. Подойдя к окну, посмотрев на розовый закат, что освещал Чарльстон, он коротко ответил: "Я не могу подписать заявление, не увидев ее паспорта. Или хоть каких-то бумаг".

— Ну, какие бумаги! — взорвался Хаим. "Их корабль пошел ко дну, понимаете? Она потеряла старшего брата, она совсем одна на свете, у нее ребенок на руках…, дальняя родственница".

— Тоже еврейка? — раввин повернулся к нему.

— Нет, — хмуро ответил юноша. "Я же сказал — дальняя родственница".

— Тем более я не буду хлопотать за иноверцев, — Майер покачал головой, — у нас и своих забот хватает. Простите, — он посмотрел на часы: "Вынужден откланяться, мне надо зайти за миссис Майер и детьми, перед службой, скоро Шабат. Вы же помните, мы приглашены на обед к мистеру Линдо, отцу вашей невесты".

— Она мне не невеста, — резко отозвался Хаим, вставая. "Раввин Майер, а как же заповедь о том, что мы должны помогать пришельцам, потому что сами были пришельцами в Земле Египетской?"

— Мы и тут пришельцы, мистер Горовиц, — раввин распахнул перед ним дверь. "Поэтому я вас прошу — когда вы завтра будете выступать, на службе, — никакой агитации за патриотов. Я не хочу неприятностей. Чарльстон все-таки подчиняется британской администрации".

— Слово офицера, — мрачно сказал Хаим, выходя на ухоженный двор синагоги. "Извинитесь за меня перед мистером Линдо, пожалуйста. У меня неотложные дела. Счастливой субботы, завтра увидимся".

Раввин посмотрел ему вслед: "А что делать? Мы только получили разрешение на строительство постоянного здания, не рисковать же им. И зарплату мне не этот юнец платит, а мистер Линдо и другие здешние богачи. Капитан Горовиц не сегодня-завтра отсюда уедет, а мне тут жить".

Он запер калитку и пошел вверх по улице к своему каменному, изящному дому.

На круглом столе орехового дерева, в закапанных воском подсвечниках горели две свечи. "Как миссис да Сильва умерла, — старик разрезал курицу, — так пришлось самому научиться готовить, милый мой. Тут же и слуг не наймешь — только рабы, больше никого нет".

Хаим подпер подбородок кулаком: "У нас сестра моя подсвечники чистила, а теперь..., - он махнул рукой.

— Найдется, — да Сильва разлил по бокалам изюмное вино: "Это тоже — сам ставил. Найдется Мирьям, — уверенно повторил он. "А ты вот что — сейчас пообедаем, и садись у меня в кабинете. Книги, что тебе нужны — я на столе оставил. Там же и перо с бумагой. Садись и работай, Хаим Горовиц, раз уж решил проповедовать, — да Сильва почесал седую бороду.

— Я-то думал, что хоть тут Шабат соблюдать буду, — горько сказал юноша. "В армии-то понятно, как ни старайся — а нарушишь. Да и вообще, сами знаете, у нас, врачей, с этим тяжело".

— Так написано же, — старик развел руками — спасение жизни важнее, чем Шабат. Тебе завтра надо так выступить, чтобы две жизни спасти, мальчик мой.

Хаим повертел в руках вилку: "Думаете, даст ваша община денег, чтобы их выкупить? Чтобы, — он скривился, — не было этого аукциона?"

Да Сильва помолчал: "Не знаю".

Хаим закрыл за собой дверь кабинета. Присев к столу, взяв Танах, он нашел нужные строчки: "Не оставайся равнодушным к крови того, кто близок тебе, — шепнул он. Потянувшись, Хаим снял с полки том Маймонида.

— Дэниела бы сюда, — усмехнулся юноша — у него голова светлая, из него бы отличный раввин вышел. Ладно..., - он окунул перо в чернильницу, и стал быстро писать.

Деревянная галерея синагоги была заполнена женщинами в шелковых, пышных платьях. Чуть покачивались шляпки, снизу доносилось пение кантора. Мисс Абигайль Линдо шепнула подружке: "Вон мистер Горовиц, видишь, светловолосый? Он красивый, правда?"

— Очень, — вторая девушка разглядывала мужчин на биме. "Он уже говорил с твоим отцом?"

— Со дня на день, — мисс Линдо полюбовалась своими отполированными ногтями: "Интересно, какое кольцо он мне подарит? Семья у них небогатая, конечно, — папа навел справки, — но очень уважаемая, из тех, кто первыми в колонии приехал. Бриллиант, наверное".

— О, — зевнула она, — закончили Тору читать. Сейчас мистер Горовиц выступать будет, слушай. Хотя, — мисс Абигайль улыбнулась, — надеюсь, это будет не о революции, уж очень

скучно.

Мужчины вернулись на свои места, зал стал постепенно затихать. Хаим, оставшись на биме, подумал: "Господи, помоги".

Он оглядел ряды деревянных скамей и увидел, что доктор да Сильва чуть улыбается. "Папа так делал, — вспомнил Хаим. Помолчав, юноша начал: "В Талмуде сказано — кто спасает одну человеческую жизнь — тот спасает весь мир. Я хочу попросить вас, господа, спасти не одну, а две жизни — нашей соплеменницы, еврейки и невинного ребенка, которые сейчас находятся в смертельной опасности…"

Когда он закончил, в зале наступила тишина. Хаим услышал вверху, на женской половине, шуршание и всхлипы.

— Как хорошо он говорил, Абигайль, — девушка поморгала ресницами. "Господи, бедная мисс Эстер, нам, конечно, надо ей помочь".

— Хорошо говорил, — повторила Абигайль. Ее карие глаза некрасиво сузились. Она взглянула вниз, но Хаим уже вернулся на свое место. Девушка, дернув краем изящного рта, незаметно вздохнула.

— Мистер Горовиц! — услышал Хаим голос за своей спиной. Мистер Авраам Линдо положил руку ему на плечо. В синагогальном дворе было безлюдно, служба закончилась. Из деревянной пристройки доносился голос кантора, читавшего благословение на вино.

— Я вам дам денег, — коротко сказал мистер Линдо. "Столько, сколько надо".

Хаим открыл рот. Торговец поднял ладонь: "Знаете, когда моя жена умерла, там, в Лондоне, и мы с Абигайль сюда приехали — ей тринадцать лет было. Мы ведь тоже, мистер Горовиц, — мужчина вздохнул, — через океан плыли. Мало ли что могло случиться, да Господь был милостив, — он улыбнулся и добавил: "Пойдемте, перехватим по куску халы, и проводите меня домой. Абигайль в гости идет".

Когда они уже шли по Брод-стрит, Линдо почесал черную бороду: "Вы вот что. Завтра с утра идите к Дибблу, дайте ему задаток, и скажите: "Для модной торговли".

— Откуда он знает? — покраснел Хаим. Промолчав, он кивнул головой. "Я хотел, чтобы без аукциона…, - замялся юноша.

— Диббл своего не упустит, — сочно ответил торговец, — без аукциона у него не бывает. Вы не волнуйтесь, там всякая шваль, цену они не перебьют. Кроме Бенджамин-Вулфа, моего, — Авраам коротко усмехнулся, — конкурента. Он сюда как раз приезжает. Но это тоже — не страшно. Со мной бы он торговался до последнего, просто из желания насолить, а с вами не будет.

— Да он меня и не вспомнит, этот мистер Дэвид, три года назад дело было, — решил Хаим, когда они поворачивали к стоящему на холме особняку Линдо. Негры подстригали кусты роз в саду.

— И сразу, туда же, — Линдо поднял смуглый палец, — вызовите стряпчего, чтобы приехал уже с документами об освобождении. Это формальность, но так надо, чтобы у мисс Эстер и девочки были положенные бумаги. Распишетесь, и она будет свободна.

— Спасибо вам, — горячо поблагодарил его Хаим, — спасибо, мистер Линдо. Я даже не знаю, как…

— Что, — лукаво спросил торговец, — вам эта мисс Эстер по душе пришлась? Вижу, что да, не краснейте так.

Хаим посмотрел на яркое, голубое небо, где вились какие-то птицы: "Мисс Абигайль замечательная девушка, но…"

— Но южане пусть женятся на южанах, — рассмеялся Линдо, — вы, мистер Горовиц, не в обиду будь сказано, совсем другие люди, там, на севере. Ничего страшного, на вас свет клином не сошелся.

Хаим широко улыбнулся. Линдо пожал ему руку: "Заходите вечером за деньгами, после Шабата".

— Непременно, — кивнул головой юноша. Повернувшись, он быстро пошел прочь по Бродстрит.

— Чуть ли не летит, — подумал торговец, глядя ему вслед. "Все мы такими были, в двадцать один. Дай ему Господь счастья".

Линдо закрыл глаза. Вдохнув запах цветов, он немного постоял в воротах, чувствуя на лице теплое, декабрьское солнце.

Красивая, золоченая карета, запряженная парой белых лошадей, остановилась у ворот особняка. Ннегр в ливрее распахнул дверцу. Мисс Линдо подхватила подол светлого шелкового платья: "Полковник Брэдли! Вы меня прямо здесь встречаете!"

— Такой почетный гость…, - командир британского гарнизона в Чарльстоне склонил напудренную голову над унизанной кольцами рукой. "Пойдемте, мисс Линдо, я купил для жены нового садовника, ей не терпится показать вам его работу. А потом будем пить чай!"

В беседке было шумно, негры, неслышно двигаясь, разносили серебряные подносы со сладостями. Абигайль взяла хрустальный бокал с холодным чаем:

— Не по душе я ему пришлась! Да кого ему надо — эту нищенку, в рваном платье. Она, наверняка, себя просто выдает за еврейку. Ну и дурак. Впрочем, мужчины все дураки. Даже папа, он ему денег дает, чтобы эту самозванку выкупить. Увезет ее на север, скатертью дорога. Хотя…, - она обернулась: "Посмотрите, какие чудесные розы, майор Вильямсон. Миссис Брэдли обещала со мной поделиться саженцами, это французские".

— Рядом с вами, — высокий, широкоплечий офицер поклонился ей, — меркнет любой цветок, мисс Линдо.

Девушка чуть покраснела и заправила за ухо прядь темных волос. Вильямсон незаметно, холодно оценил ее бриллиантовые серьги: "Денег там много, очень много. Но — дочь израилева. Если ее соблазнить, она, конечно, сбежит ко мне и крестится. Хотя тогда мистер Линдо не даст ей и цента, а зачем нужна нищая жена?"

— Майор Вильямсон, — услышал он капризный, нежный голосок, — пойдемте, прогуляемся, — девушка кивнула на аллею вокруг пруда, — мне надо с вами поговорить.

Мужчина и девушка медленно шли по дорожке. "Знаете, — сказала мисс Линдо, разглядывая кусты жасмина, — вот вы говорите, что Чарльстон в полной безопасности, а тем временем у вас под носом орудует шпион патриотов".

Вильямсон покровительственно улыбнулся. "Мы тщательно проверяем документы всех приезжих, мисс Линдо. Сюда и мышь не проскочит, уж поверьте мне".

Девушка остановилась, и, полюбовалась садом:

— Есть такой человек, Хаим Горовиц, врач, северянин. Живет у доктора да Сильвы. Он не тот, за кого себя выдает, майор Вильямсон. Если вы его как следует, допросите..., - девушка подняла тонкую бровь, и помолчала: "Этот мистер Горовиц сегодня после обеда будет на аукционе у мистера Диббла. На закрытом аукционе, — со значением добавила Абигайль, посмотрев на Вильямсона.

Тот положил руку на эфес шпаги: "Мисс Линдо, спасибо вам..."

— Это мой долг, как подданной его Величества, — свысока заметила девушка. "Ну, все, — она вздохнула, — мне пора. Папа ждет меня к обеду".

— Может быть, — сказал неуверенно Вильямсон, — вы разрешите вас проводить, мисс Линдо...

Абигайль прикусила пухлую губку: "Он мне пригодится, когда я выйду замуж, этот Вильямсон".

— Я буду рада, — она склонила красивую голову, со сложной, в гребнях и перьях, прической. С океана дул нежный, соленый ветер. Мисс Линдо, садясь в карету, опираясь на руку британца, успокоила себя: "Ведь не расстреляют же его? Не расстреляют. Посидит в тюрьме, а за это время ее успеют продать. И очень хорошо".

Чернокожий кучер цокнул языком. Мисс Линдо, откинувшись на бархатную спинку сиденья — счастливо, удовлетворенно улыбнулась.

— Это что еще такое! — гневно сказала Эстер, разглядывая холщовую рубашку, что лежала на покосившейся, старой кровати. "Я вас спрашиваю, мистер Диббл, — она повернулась к аукционисту.

— Так принято, — он стоял, прислонившись к косяку двери, чистя щепочкой в зубах. Диббл откашлялся и, сплюнул коричневую, табачную слюну: "Видите, я даже голой вас не выставляю, хотя мог бы. И девочка ваша будет в платье. А вы наденете это — он кивнул на рубашку. "Поторапливайтесь, — аукционист посмотрел на карманные часы, — скоро начнем".

Он вышел. Эстер, приложив к себе рубашку, хмыкнула: "Тут же все напоказ, и грудь, и ноги". Она вспомнила маленькую записку. Негр, что приносил еду, подмигнул, передавая ей свернутый клочок бумаги.

— Донья Эстер, пожалуйста, ни о чем не волнуйтесь, я все устроил, — прошептала девушка: "Донья Эстер. Совсем как в той песне, о Вороне".

Она встряхнула головой. Распустив косы, Эстер потянулась за простым, деревянным гребнем. "Тетя, — Констанца стояла на пороге, — а вы верите в Бога?".

— Я же тебе говорила, что да, — Эстер обернулась. "Иди сюда, переодеваться тебе не во что,

так хотя бы причешу".

Констанца села на ломаный табурет. Болтая ногами, девочка мрачно сказала: "А я — нет. Потому что Бог такого, — она обвела рукой комнату, — не допустил бы. Я верю в людей. Когда-нибудь, — Констанца помолчала, — они это все прекратят".

— Конечно, — погладила ее по голове Эстер. Присев, она взглянула в темные глаза: "Ты только ничего не бойся, это просто…"

— Постоять и походить, я знаю, — отмахнулась Констанца. "Мне уже все Маргарет рассказала. Ее в четвертый раз продают, а лет ей шесть".

Эстер только вздохнула. Стянув платье, надев рубашку, не доходившую до колен, она заглянула в глубокий вырез.

— Придется, — смешливо, подумала она, — мистеру Хаиму мной полюбоваться, наверное.

Констанца слезла на пол и недоверчиво спросила: "Что это вы покраснели, тетя Эстер? И дышите…"

— Дышу, как обычно, — сердито отозвалась девушка. Взяв Констанцу за руку, презрительно взглянув на появившегося аукциониста, Эстер вышла в узкий, жаркий коридор.

— Иди сюда, красавица, — Дэвид Бенджамин-Вулф потрепал по холке изящную, серебристую кобылу. Обернувшись к хозяину постоялого двора, он велел: "Почистить их обеих как следует. Я сам присмотрю, за тем, как их будут кормить".

Он еще раз взглянул на пару лошадей: "Белая и вороная. А Фламбе — гнедой. Будет славное потомство, на всем юге нет такого жеребца, как мой".

— Так, — Дэвид достал шкатулку для сигар. Негр поднес ему свечу: "Обед подайте, когда я вернусь с аукциона. Начинайте грузить мои вещи, завтра утром я уезжаю в Виргинию. Вот этих рабов, — он передал хозяину записку, — посадите в те возки, что идут в Вильямсбург. Остальных отправьте пешим ходом на плантации".

— Все будет сделано, мистер Дэвид, — поклонился хозяин, и вздохнул: "Жалко, что такой гость нечасто приезжает. Снимает целый этаж, бургундское вино ящиками, устрицы, лобстеры, лучший сыр…, Богаче Бенджамин-Вулфа мало кого на юге найдешь".

Дэвид подождал, пока еще один слуга, опустившись на колени, закончит чистить ему сапоги. Вскочив на подведенного жеребца, он выехал на Брод-стрит.

Плантатор спешился у двери ювелира. Оглядев себя в витрине, Дэвид усмехнулся:

— Невестка мне пошла на пользу. Больше сорока никогда не дашь. Все-таки нет ничего лучше молодого тела в постели, царь Давид тоже не дурак был. Интересно, кого это там Диббл сегодня продает, в записке было сказано: "Редкая жемчужина". Цену набивает, конечно, но если светлокожая — я ее куплю. Марта весной рожает, — он склонил черноволосую, с легкой сединой голову, — а этот доктор Макдональд сказал, что лучше ей самой кормить. Придумают тоже, но с врачом не след спорить. Ладно, посмотрим, что там за товар у Диббла, — он оправил отлично сшитый, темно-синий сюртук с жемчужными пуговицами и шагнул в лавку.

— Мистер Бенджамин-Вулф, — ювелир отложил лупу и приподнялся. "Все готово, как я и обещал".

Дэвид посмотрел на открытый бархатный футляр — изумруды цвета свежей травы переливались в полуденном свете, бриллианты играли яркими огоньками. "Электрум, — благоговейно сказал ювелир.

— К ее волосам, — подумал Дэвид, коснувшись рукой металла цвета старой бронзы. "Надо же, как хорошо получилось. Я и не знал, что серебро и золото дают такой цвет".

Он оплатил счет и забрал футляр: "Ваш конкурент, наверное, локти кусает. Но я бы к нему и не пошел, к этому еврею. У вас, я смотрю, в Чарльстоне все кишит сынами израилевыми".

Ювелир только вздохнул и закатил глаза. Дэвид покровительственно потрепал его по плечу: "У меня весной родится внук. Приеду, куплю что-нибудь в подарок для невестки".

Уже выходя из лавки, он остановился: "Мальчик так никогда и не узнает, что я его отец. Ладно, воспитывать его все равно — я буду, не Мэтью. Ничего страшного, пусть считает меня дедом. Надо будет завещание изменить, в его пользу, а то Мэтью, — Дэвид поморщился, — промотает все на свои забавы. Да и не останется он тут, наверняка, в Старый Свет уедет. Так будет правильно, а Марту — в опекуны. У нее голова хорошая, только приумножит мое богатство".

Улыбнувшись, сев в седло, Дэвид сказал жеребцу: "Сейчас в порт заглянем, ненадолго, а завтра уже и домой!"

— Вот только это ожерелье пусть и наденет, — Дэвид пришпорил коня, — и больше ничего. Ей пойдет, — он вспомнил бронзовые волосы, рассыпанные по плечам, чуть подрагивающие, белые веки, темные ресницы и запах жасмина, что стоял в ее опочивальне.

Дэвид повертел в руках плеть: "Надо сегодня женщину взять. Хотя бы эту, что Диббл продает, а то я две недели уже, как из дома уехал, и еще долго туда добираться".

Он отдал коня слугам и зашел в высокие ворота аукционного двора.

Хаим сидел в углу зала, опустив глаза, не глядя на возвышение, рядом с которым стояла трибуна. Диббл уже продал трех темнокожих девушек, — их выводили на помост обнаженными.

— Вот за эту я буду торговаться, — услышал Хаим шепот впереди.

— За шестилетнюю девчонку? — удивился кто-то. "Ее же Бог знает сколько кормить надо, а пользы от нее пока никакой".

— Я не для себя, — усмехнулся изящно одетый мужчина. "Заказ, сами понимаете. Люди с такими вкусами предпочитают не демонстрировать их прилюдно".

Хаим положил руку на пистолет в кармане сюртука. Юноша сжал пальцы: "Терпи. Ты тут не для этого".

Он посмотрел на маленькую мулатку. Девочка стояла, опустив голову на помосте. Раздался тягучий голос Диббла: "Продано за пять сотен долларов господину под номером "8".

— У всех номера, — подумал Хаим, — тут и фамилий-то не говорят. Темно, как в склепе, все

ставни закрыты. Мистер Дэвид, если тут появится, никогда в жизни меня не узнает.

Дверь сзади тихо отворилась. Черноволосый мужчина опустился в кресло рядом с ним и взял рукописную афишку: "До вот этой "Жемчужины" не дошли еще?"

— И не пересесть, — понял юноша. Откашлявшись, он ответил: "Нет, вот сейчас, будет".

— Ну, так я вовремя, — хохотнул мужчина. От него пахло кельнской водой и табаком. Дэвид Бенджамин-Вулф раскинулся в кресле. Прикурив от свечи, он выпустил клуб дыма: "Двадцать три года и девственница. Rara avis".

Хаим поднял голову и увидел сияющий, неземной блеск ее кожи. Черные волосы отливали вороновым крылом. "Не смотри, — велел себе он, краснея, отводя глаза. "Нельзя, это грех". В глубоком вырезе рубашки была видна высокая, белая, как молоко, грудь.

— Бедра узковаты, — его сосед сплюнул на пол. "И задница могла бы быть круглее, но да, — Дэвид помахал табличкой с номером, — она хороша.

— Тысяча долларов от номера "пять", — улыбнулся Диббл. "Кто больше, джентльмены?"

Хаим потянулся за табличкой.

— Тысяча двести пятьдесят — голос Диббла был похож на мед. "Этот юнец, пожалуй, обойдет мистера Дэвида, — подумал аукционист. "Немудрено — по лицу видно, что он совсем голову потерял".

Когда ставка дошла до шести тысяч, Дэвид сердито решил: "Хватит. Еще и девку эту лишним ртом навязывают. Пусть мальчишка покупает. Интересно, откуда у него столько денег? Наверное, какой-то британский офицер, из богатых".

Диббл три раза, громко стукнул молотком: "Продано за шесть тысяч долларов номеру "два", господа. Благодарю вас за прекрасный аукцион, встретимся в следующем месяце".

Двери зала распахнулись. Высокий человек в алом мундире, следуя за нарядом солдат, велел: "Всем оставаться на своих местах!"

— Покиньте зал, майор Вильямсон — холодно отозвался Диббл, сходя с трибуны. "Это мероприятие проводится по приглашениям. Оно уже закончилось, в любом случае".

Майор прошел в центр зала и громко спросил: "Кто здесь мистер Хаим Горовиц?"

Диббл усмехнулся, собирая бумаги: "Мы предпочитаем номера, майор. Для сохранения коммерческой тайны, знаете ли".

Дэвид повернулся и внимательно посмотрел на своего соседа. "Ах, вот оно как, — протянул плантатор, — я же его помню, этого дружка Дэниела. Без кипы сюда пришел, прячется. Вот же эти патриоты, — лицемер на лицемере. Одной рукой пишут статейки об ужасах рабства, а другой — покупают рабынь. Дэниел тоже, держу пари, с Тео живет".

— Мистер Хаим Горовиц, — мужчина лениво поднялся, — сидит рядом со мной. Вот этот светловолосый молодой человек, майор. Уж не тот ли это Хаим Горовиц, который — Дэвид почесал бороду, — при осаде Бостона три дня героически заменял командира своим подразделения, а? Капитан Континентальной Армии, — он наклонился к застывшему в своем

кресле Хаиму: "Что, на севере постыдились себе шлюху выбирать, капитан? К нам приехали, думали, — не узнаем мы вас?"

— Стрелять нельзя, — отчаянно подумал Хаим, вставая, чувствуя тяжесть пистолета в кармане. "Я еще не отдал деньги, не подписал бумаги…"

Он взглянул на возвышение, — Эстер держала за руку девочку, смотря прямо на него — черными, мерцающими в огоньках свечей глазами. Хаим услышал голос Диббла: "Сделка еще не закончена, майор Вильямсон, позвольте…., - он бесцеремонно отодвинул британца и велел Хаиму: "Пойдемте в мой кабинет, стряпчий ждет".

— Этот человек подозревается в шпионаже! — возмутился Вильямсон. "Вы не имеете права…"

— Очень даже имею, — Диббл подтолкнул юношу к двери. "Хоть бы он был приговорен к смертной казни — по законам Южной Каролины, майор, это не имеет никакого значения. Даже заключенные могут владеть рабами. Я несколько таких лично знаю, — Диббл улыбнулся, показав мелкие, острые зубы. Он сердито шепнул Хаиму: "Ну, что замерли? Дайте мне уложить ваше золото в шкап, подпишите нужные бумаги и проваливайте на все четыре стороны. У меня под окном кабинета лошадь привязана".

Хаим только кивнул головой, глядя на потное лицо Диббла. "Я не люблю аболиционистов, — едва слышно сказал аукционист Хаиму, выйдя в коридор, — но британцев я люблю еще меньше. Только вам придется через стену перескочить, ворота закрыты".

Вильямсон, что шел вслед за ними, принял от солдата наручники: "А ну стойте!"

— Ему подписаться надо, — обернулся Диббл, — вот все сделает, и наденете на него кандалы. Прошу вас, — он распахнул дверь кабинета и крикнул слуге: "Приведите сюда Жемчужину с девчонкой! Стряпчий должен удостовериться, что это они!"

— Я тоже буду присутствовать — британец решительно шагнул внутрь.

— Будьте моим гостем, — поклонился Диббл и приказал невидному, в черном сюртуке, мужчине: "Оформляйте бумаги".

— Принято от мистера Хаима Горовица, — стряпчий пролистал массачусетский паспорт, — врача, проживает: Бостон, Бикон-хилл, собственный дом, в уплату за рабыню по имени Эстер, называемую "Жемчужиной" и ребенка женского пола трех лет от рода, Констанцу — шесть тысяч долларов.

Хаим снял с плеча кожаную суму и водрузил ее на стол.

— Будете пересчитывать, мистер Диббл? — осведомился стряпчий. Аукционист услышал тяжелый вздох прислонившегося к стене майора Вильямсона и махнул рукой: "Давайте остальные бумаги".

Эстер стояла, прижимая к себе Констанцу. Девочка шепнула: "Тетя, а где мистер Горовиц взял такие большие деньги?"

— Не знаю, — ответила та. Стряпчий подвинул ей документы: "Вот тут надо поставить крестики, за тебя и девочку".

Девушка яростно вырвала из его рук перо и написала, с росчерком: "Эстер Мендес де

mir-knigi.org

Кардозо".

— И я тоже — потребовала Констанца. Взобравшись, на табурет, пыхтя, девочка вывела: "Констанца ди Амальфи".

Стряпчий смотрел на них, открыв рот. "Теперь вы, мистер Горовиц, — наконец, очнулся он, — а потом передайте мисс Мендес де Кардозо свидетельство об освобождении. Из рук в руки, так положено. Мистер Диббл и майор Вильямсон, раз уж он здесь, — стряпчий взглянул на медленно багровеющее лицо британца, — будут свидетелями".

— Заканчивайте этот фарс, — буркнул майор, щелкнув курками пистолета.

Хаим наклонился к ней. Отдав бумаги, он прошептал на ладино: "Запомните. Тут, в Чарльстоне — доктор да Сильва. В Бостоне — миссис Франклин, акушерка, собственный дом, Бикон-Хилл. Они о вас позаботятся. Я вас люблю, донья Эстер. Я вас найду, — он вздохнул, и еще успел подумать: "Жалко, что даже прикоснуться к ней нельзя. Ну, есть ради чего жить дальше".

Он увидел, как нежные пальцы сжали документы, как расширились ее черные глаза, как она привлекла к себе ребенка. Хаим быстрым, незаметным движением достал пистолет. Обернувшись, выстрелив в правую руку Вильямсона, он шагнул в открытое окно.

— Вот это да! — громко, восхищенно сказала Констанца, вывернувшись из рук Эстер. Девочка подбежала к окну и крикнула: "Смотрите, он через стену прыгает!"

— Давай, милый, — Хаим пришпорил коня, — тут четыре фута всего лишь, это для нас с тобой ерунда.

Раздался треск мушкетных залпов, но вороной жеребец, взвившись в небо, перескочив стену, уже мчался прочь от порта. Эстер посмотрела ему вслед и услышала ядовитый голос аукциониста: "Очень сожалею, майор Вильямсон, придется вам и дальше ловить этого шпиона. А вы, мисс — он поклонился Эстер, — совершенно свободны. Желаю вам и девочке всего самого наилучшего".

Британец сочно выругался, зажимая рукой окровавленный мундир. Проводив глазами черные косы женщины, он прошипел: "Я у вас конфискую эти деньги, Диббл, вы все это подстроили!"

— В таком случае, майор Вильямсон, я вас по судам затаскаю, — ехидно ответил Диббл, прощаясь со стряпчим, — вы последнюю рубашку продадите, чтобы со мной расплатиться, обещаю. И вам тоже — он распахнул дверь, — всего хорошего.

Оставшись один, Диббл посмотрел на брызги крови на стене. Откупорив бутылку вина, отхлебнув из горлышка, аукционист нежно погладил рукой суму. "Шесть тысяч долларов, — усмехнулся он, — из воздуха. Я же говорил, что год будет удачным".

Доктор да Сильва заглянул в гостиную: "Милые дамы, дети услышали все сказки, что я знал, позвольте откланяться".

— Спасибо вам, — Эстер поднялась, — огромное, огромное спасибо.

— Я помню статьи вашего отца, — старик вздохнул, — Давида Мендес де Кардозо. Он был отличный врач, мисс Эстер. Насчет вашего брата не беспокойтесь — я сам по нему буду кадиш читать. А вы, — он посмотрел на девушку, — отдохните тут, и мы вас отправим с кем-нибудь

надежным на север. Спокойной ночи.

Миссис Сальвадор закрыла дверь за врачом. Вернувшись к столу, она взяла руку девушки. "Ну как мне вас благодарить..., - Эстер покачала головой, — я ведь в одном платье к вам пришла, миссис Сальвадор..."

— Сара, пожалуйста, — женщина потянулась и поцеловала ее в белую щеку. "Это же заповедь, милая, как я могла иначе?"

В бедной гостиной было уже полутемно, в простом медном подсвечнике горели свечи. Миссис Сальвадор осторожно сказала: "Вы, наверное, в Старый Свет теперь захотите вернуться, донья Эстер, раз так все получилось..."

— Это отчего же? — темно-красные, красиво вырезанные губы улыбнулись. "Это теперь моя страна, донья Сара, здесь мне и жить". Эстер поднялась. Подойдя к колыбели маленького Фрэнсиса, покачав ее, она добавила: "Мне и моим детям".

— А за капитана Горовица не волнуйтесь, — вздохнула женщина, — он выберется.

— Я знаю, — тихо ответила девушка и пожала ей руку.

Уже лежа в узкой, жесткой кровати, Эстер вытянулась на спине и вспомнила его серые, в темных ресницах глаза. "Хаим Горовиц, — прошептала она. "Вот, мы и встретились".

Девушка перевернулась на бок и заснула — все еще улыбаясь.

Атлантический океан

Корабль шел, тяжело переваливаясь с борта на борт, зарываясь носом в волны. На горизонте сверкали молнии, дул резкий ветер с севера. Высокий, тонкий мальчишка, что стоял у штурвала, подозвал к себе одного из моряков: "Вот так и держи, не отклоняйся от курса. Сейчас я там разберусь кое с чем, и вернусь".

Мальчишка засунул руки в карманы куртки. Стуча сапогами по трапу, он спустился вниз. Дверь капитанской каюты была закрыта на висячий замок. Паренек прислушался и, вздрогнув, отпрянул — из каюты донесся выстрел. Пуля вонзилась в дверь. Мальчишка, выругавшись, пробормотал: "Досками, что ли, забить? Он же так все разнесет".

Парень провел рукой по коротко стриженым, темным волосам. Достав из кармана холщовых штанов ключ, он пошел по коридору на корму корабля, к своей каморке.

Он взял с переборки масляный фонарь. Присев на высокую, узкую койку мальчишка осторожно потрогал тряпки на голове лежащего человека.

Мужчина открыл темные, красивые глаза. Парень облегченно вздохнул: "Наконец-то! Я уж боялся, мистер, что вы и не проснетесь".

— Где я? — мужчина непонимающе посмотрел на него. Приподнявшись на койке, поморщившись, он коснулся неумелой повязки. "Это кто еще меня тут бинтовал?"

— Я, — парень покраснел. "Я не умею..."

— Оно и видно, — мужчина, чуть пошатываясь, встал, — он был высоким, широкоплечим. Парень подумал: "Вот же вымахал, головой потолок подпирает".

— Меня зовут Джо, — хмуро сказал мальчишка. "Вы на корабле, называется "Молния", им командует Черный Этьен. Обычно. А сейчас, — Джо покраснел, — я, временно".

— "Молнию" я помню, — сердито отозвался мужчина, разматывая тряпки. "Вы напали на наш корабль, "Надежда".

— У вас пороховой трюм взорвался, — Джо повесил фонарь обратно и погрыз ноготь. "Мы вас из воды выловили. Я видел, что вы раненых перевязывали, до этого. Вас как зовут?"

— Иосиф, — мужчина обернулся. У паренька было загорелое, тонкое лицо и прозрачные, большие, светло-голубые глаза. "Где-то я их видел, — понял Иосиф. Он взял дешевое зеркальце в медной оправе. Рассмотрев рану, он велел: "Принесите мне стакан рома, ножницы, и нитку с иголкой".

— Вы что, пить собрались? — с каким-то испугом спросил мальчишка.

— Я собрался промыть себе рану и зашить ее, — ядовито ответил Иосиф. "А вы подержите зеркало. Моряк из вас, может быть, и хороший, а вот лекарь — нет".

Джо следил за его ловкими пальцами. Уже когда мужчина заново сделал перевязку, парень шмыгнул носом: "Мистер Иосиф, может быть, вы пойдете, посмотрите на капитана? С ним плохо. Раз вы врач".

Когда они уже шли по узкому, низкому коридору, — Иосиф все время нагибал голову, — он спросил у парня: "Вы видели, там, во время атаки — с "Надежды" шлюпку спустили? Что с ней случилось?"

— Ушла себе спокойно на запад, — отмахнулся Джо. "Так мне сказали, я в это время, — он отчего-то вздохнул, — в трюме был".

— Хорошо, — облегченно подумал Иосиф. "Выберусь от этих бандитов и найду Эстер с Констанцей" Мужчина остановился перед расщепленной дверью каюты. Посмотрев на висячий замок, он решительно приказал: "Открывайте".

— У него там пистолет, — предупредил парнишка. "То есть три. И шпага. И кинжал". Иосиф вдохнул запах перегара и табака, что доносился из- за двери. Взглянув на медвежий клык, что болтался на шее у парня, рядом с крестом, он сердито повторил: "Открывайте, ну!"

Иосиф шагнул в каюту, и едва успел толкнуть парнишку себе за спину — пуля оцарапала ему левое плечо.

— У вас кровь, — пробормотал сзади Джо.

— Va te faire foutre, trouduc! — заорал полуголый человек, со всклокоченной головой. Он стоял, покачиваясь, на столе, зажав в одной руке бутылку рома, а в другой — пистолет. Капитан соскочил на пол каюты и навел на Иосифа оружие: "Черт, черт, уйди от меня…"

— А у вас, — не оборачиваясь, заметил Иосиф, — проблемы, юноша. Принесите мне веревку, таз и ведро холодной воды, можно морской.

— Он вас убьет, — испуганно сказал Джо, коснувшись рукой окровавленной рубашки Иосифа. "Давайте я вас сначала перевяжу".

— Нет уж, — хмыкнул тот, — вам я не дамся, мне еще жизнь дорога. Ну, что встали, идите.

Черный Этьен посмотрел на Иосифа бессмысленными глазами. Отпив еще рома, капитан "Молнии" выстрелил в потолок каюты: "Casse toi!"

— С удовольствием, — Иосиф бросил взгляд на заваленный объедками стол, — когда вы протрезвеете, месье. Вот и лауданум, — он забралшкатулку. Услышав шаги Джо, Иосиф спросил: "Давно месье в запое?"

— Сутки, — вздохнул паренек, — с тех пор, как "Надежду" вашу атаковал. А кроме него и меня, — парень помолчал, — тут никто не знает навигации. Когда он такой — Джо кивнул на капитана, — я верчусь, как белка в колесе.

— Черти! — заорал Черный Этьен, потянувшись за шпагой. "Сейчас я вас отправлю в ад, там, где вам место!"

Иосиф спокойно выбил клинок из его рук. Вывернув капитану пальцы, забрав у него пистолет, он силой усадил Этьена в продавленное, залитое ромом кресло. "Привязывайте его, и покрепче, — приказал он Джо. "Я буду держать".

Капитан попытался вырваться. Потом, уронив голову на грудь, бессильно выругавшись, Этьен заплакал. Иосиф облил его холодной водой: "Быстро уберите отсюда все спиртное и оружие. Кстати, — он протянул парню бутылку темного стекла, — ваш капитан еще и опиумом балуется".

— Он не мой капитан, — мрачно сказал парень, сгребая бутылки. "Мой капитан… — мальчишка прервался и махнул рукой. "А что сейчас будет с Черным Этьеном? — спросил он, остановившись на пороге.

— Его будет тошнить, будет ходить под себя, видеть чертей, — Иосиф усмехнулся, — называется "ирландская трясучка", а по латыни — delirium tremens. Это из-за того, что мы у него спиртное забрали.

— Трясущееся безумие, — кивнул парень и пробурчал: "Я знаю латынь, немного. Только я с ним не могу сидеть, мне корабль вести надо".

— А зачем вам с ним сидеть? — Иосиф подставил таз и одобрительно сказал мужчине: "Вот так, месье Этьен, видите — сейчас вам станет немного лучше".

В каюте запахло рвотой и мочой. "С ним, — засучив рукава рубашки, моя руки в ведре, сказал Иосиф, — буду сидеть я. Потому что я врач".

Парень помялся: "Спасибо". Он вышел, закрыв дверь. Иосиф, вздохнув, намочив какую-то тряпку, вытер лицо капитана. Тот злобно, пьяно выругался.

— Геморроя же у вас нет, месье Этьен? — почти весело спросил Иосиф, снимая рубашку, смывая засохшую кровь у себя с плеча. "Вот и славно".

В каморке Джо пахло солониной. "Держите, — парень протянул Иосифу оловянную тарелку, — я вам оставил. С припасами у нас не очень хорошо. Ничего, сейчас дойдем до Кубы, там свиней настреляем. Как Черный Этьен?"

— Спит, — Иосиф посмотрел на тарелку и решительно ее отодвинул: "Мне этого нельзя, я еврей. Дайте какую-нибудь галету, есть же у вас? И вообще, — он присел к столу, — я же вижу, вы не из этих. Как вы сюда попали?"

Мальчишка зарделся. "Я юнгой был, на британском капере. Черный Этьен нас у Синт-Эстасиуса расстрелял. Взял меня в плен. Потом, как понял, что я навигацию знаю — стал держать при себе. Он, если не в запое, то хорошо соображает".

Иосиф сгрыз галету и сердито спросил, слушая плеск воды за бортом: "Зачем вы тут сидите? Бежали бы".

— Я не могу, — мальчишка хмуро, исподлобья, посмотрел на него. "Теперь не могу. Я хотел, да..., - он не закончил. Взяв фонарь, Джо поднялся: "Пойдемте".

Они долго спускались вниз, по узким трапам, в пахнущую солью и гнилью черноту. Под ногами пищали крысы. "Пригнитесь, — угрюмо велел Джо, — тут совсем низко, это грузовой трюм".

Мальчик прошел в самую глубь. Иосиф, прислушавшись, уловил за ревом океана его неожиданно тихий, нежный голос: "Капитан Фэрфакс, это я, Джо. Как вы?"

Иосиф пошел на слабый огонек фонаря. Парень стоял на коленях. Иосиф не сразу увидел человека, что лежал на груде мокрой соломы. "Вот, — сказал Джо, — это мой капитан. Только он без сознания". Мальчишка ласково коснулся седой головы. Иосиф опустился рядом. Принюхавшись, размотав пропитанные засохшим гноем и кровью, тряпки, он помолчал: "Кто его так?".

— Этьен, — мальчишка внезапно закусил губу. "Он сначала просто тут его прикованным держал. Потом, как мы бежать хотели, тем месяцем, — мне руку прострелил, а капитану, — мальчишка подышал, — ногу. У меня-то быстро зажило, а у капитана..., - Джо посмотрел на Иосифа блестящими, наполненными слезами глазами. "Я не могу, не могу его бросить, мистер. И пулю вытаскивать я боялся".

— Очень хорошо, что боялся, — ласково сказал Иосиф. "Не плачь, пожалуйста, я твоего капитана вылечу".

— Правда? — совсем по-детски спросил мальчишка.

— Пуля в кости, — подумал Иосиф. "И гангрена, полным ходом. Инструментов тут, конечно, нет".

— Когда Куба? — коротко спросил он.

— Два дня, при таком ветре, — Джо посмотрел на него снизу вверх. "Мистер Иосиф..."

Мужчина вздохнул и потрепал его по голове, — парень отчего-то вздрогнул.

— Придется, конечно, ампутировать ступню, — тихо сказал Иосиф, — но ты не волнуйся. Пока твой капитан не оправится, — я никуда не денусь. Давай, неси сюда ром, тряпки и воду — я приведу рану в порядок. На Кубе достану инструменты, как-нибудь, и сделаю операцию.

— Спасибо, — сглотнул парень. "Я сейчас".

Джо быстро взбежала по трапу. Тяжело дыша, она прислонилась к переборке. Щеки горели.

Девушка коснулась ладонью коротких, просоленных волос: "Вот здесь. Здесь он меня потрогал. Господи, да что это со мной?"

Она встряхнула головой и поспешила дальше. Корабль, взбираясь на волны, шел на юг, — подгоняемый сильным ветром.

Часть шестая

Индия, январь 1777 года

Бомбей

Изящный, беломраморный минарет мечети Хаджи Али разрезал ало-золотое небо. Питер Кроу приподнялся в лодке и посмотрел на острова — над Башнями Молчания кружились ястребы, паруса кораблей, стоящих в гавани, были свернуты. На колокольне собора святого Фомы били к вечерне.

Над мощными, коричневыми стенами крепости развевался британский флаг, поблескивали пушки. Питер спросил Виллема де ла Марка: "А что ты из форта переехал, на этот остров, Парель?"

Виллем опустил весла и рассмеялся: "Зачем детей в крепости растить. Ни побегать им, ни поиграть, как следует. В Пареле у нас сад огромный, с прудом, с павлинами — ты же сам видел. Ну, — он обернулся, — рыбы мы с тобой столько наловили, что хоть гостей приглашай. Так и сделаем, наверное".

— Хорошо тут, — сказал Питер, садясь рядом с ним. "Дай-ка, — он засучил рукава рубашки, — тоже, поработаю напоследок, а то там, — он махнул рукой на темную полоску континента, — ни в Дели, ни в Агре — уже на лодке не походишь".

— Там река, Джамна, — ответил Виллем, — но с океаном ее, конечно, не сравнить. А что, — заинтересованно спросил мужчина, — в Кантоне тебе не понравилось?

Питер поморщился и сдул с загорелого лба прядь каштановых волос. "Кому понравится, когда тебя никуда не пускают? Там же нельзя путешествовать — император запрещает. Я хотел в Пекин поехать, тайно, но подумал и решил не рисковать головой".

— Очень правильно, — одобрительно заметил Виллем, постучав себя по бронзовым, чуть выгоревшим кудрям. "Она у нас одна, другой не дадут. И вообще, — он расхохотался, показав белые, крепкие зубы, — мы с тобой слишком молоды, нечего вот так, по-дурацки погибать. Тем более, у меня дети".

— А ведь он мой ровесник, — подумал Питер, привязывая лодку у пристани на Пареле, помогая Виллему сложить рыбу в плетеные корзины. "Двадцати пяти не было еще, а уже двое детей, и Луиза третьего ждет. Не побоялась сюда отправиться, из своей деревни".

Виллем взвалил корзинку на плечо, и они зашагали по узким улицам торгового квартала. "Дела мы с тобой все сделали, — на ходу сказал мужчина, — душу, ты из меня над торговыми книгами вынул, склады проверил. Теперь встретимся с шахом Аламом, поохотимся на тигров, покажу тебе Тадж-Махал — и провожу на шлюпке до корабля".

— Избавиться хочешь, — хохотнул Питер, на ходу заглянув в какой-то храм. "Как-то ведь они тут уживаются, — вздохнул мужчина. "Индийцы, магометане, христиане, парсы. Виллем

говорил — евреи тоже есть, из Багдада сюда приехали".

— Конечно, — широко улыбнулся Виллем, сворачивая к европейской части Пареля, — ты же с проверкой сюда явился, дорогой кузен. Присматривать за тем, как я опиум в Китай перевожу.

— Отлично перевозишь, — Питер взглянул на широкую дорогу, что вела к докам: "Они у вас тут не хуже, чем в Портсмуте, молодцы".

— Знаешь, — Виллем опустил корзину на землю и остановился у высоких, резных ворот особняка, — мы тут навсегда обосновались, Питер. Нет смысла начерно строить.

— Да, — вспомнил его собеседник, идя вслед за Виллемом по ухоженной дорожке сада, — сколько его семья тут живет? Больше чем полтора века, если Барбадос тоже считать. Но ведь и это колония.

— Папа! Папа! — услышал он восторженные крики. Мальчик с девочкой сбежали им навстречу по широким, каменным ступеням террасы.

Виллем передал Питеру корзину. Присев, он обнял детей: "Я очень грязный, но ничего — вечером и вы помоетесь, и я тоже".

— Давайте рыбу, — невысокая, изящная женщина в муслиновом платье и кружевном чепце сошла вниз, вслед за детьми. Луиза де ла Марк заглянула в корзину: "Придется гостей звать. Я отнесу, Питер, вы идите. Устали, наверное".

— Еще чего, — мужчина поднял корзинку и обернулся на Виллема — тот сидел на каменной скамейке у пруда, держа детей на коленях, что-то им рассказывая. "Нечего вам тяжести таскать, кузина Луиза, — он взглянул на небольшой живот, что выступал из-под платья. "А вы мальчика хотите, или девочку? — лукаво спросил Питер, идя вслед за ней к черному ходу.

Женщина обернулась, и он увидел в синих глазах искорки смеха. "У нас уже и мальчик, и девочка есть, кузен Питер. Кого Господь даст, тому и рады будем".

— Очень правильно, — он поставил корзину на мраморный стол. Оглядев безукоризненно чистую кухню, где пахло пряностями, Питер усмехнулся: "У вас в Нижних Землях по-другому готовят. Привыкли уже к местной еде?"

Луиза засучила рукава платья и надела холщовый передник. "У нас — да, — она улыбнулась, доставая рыбу, раскладывая ее на столе, — я ведь с юга. Виллем меня в деревне нашел, рядом с Мон-Сен-Мартеном. У нас до моря далеко, кузен Питер, у нас все больше охотятся".

— Я помню, — он стоял, прислонившись к столу, любуясь белокурой прядью, что спускалась из-под чепца. "Мы туда ездили с отцом моим, как он еще жив был, он мне замок показывал. Жалко только, что от него уже и не осталось почти ничего".

— Так сколько воевали, — вздохнула Луиза. "А так — она, на мгновение, приостановилась, — я бы никогда не подумала, что за нашего сеньора замуж выйду. Хоть и давно это было — но все равно, мы де ла Марков всегда сеньорами своими считали".

— Вы же католики, — удивился Питер и тут же покраснел: "То есть семья ваша".

— Конечно, — Луиза стала чистить рыбу, — конечно, мы с Виллемом у протестантов венчались. Но знаете, — розовые губы улыбнулись, — у нас так все перемешалось — в одной семье и

католики, и протестанты. У моего брата жена — тоже из гугенотов. А что де ла Марки — протестанты, так это еще со времен адмирала пошло, нам-то все равно, — сеньор он и есть сеньор. Карри сделаю, — она взяла плетеную корзинку с овощами, — такое, как в Гоа едят. Пробовали вы его?

— Нет, — осторожно сказал Питер. "А что, острое? В Китае тоже острые блюда подают, конечно…"

— Виллем мне рассказывал о Кантоне, — тонкая бровь поднялась вверх. "Гораздо, гораздо острее, кузен Питер. Вы готовы к такому? — она усмехнулась.

— Готов, — обреченно сказал мужчина, вытирая пот со лба.

Выйдя в парадную часть дома, он остановился перед портретами, что висели в красивой, убранной коврами передней. Высокий, широкоплечий, мужчина с бронзовыми волосами и седыми висками, стоял, положив руку на шпагу. "Виллем де ла Марк, Сурат, A.D. 1641, - прочитал Питер на медной табличке, что была врезана в роскошную раму.

— Это уже после того, как он с Барбадоса вернулся, — раздался сзади голос кузена. "За год до того, как…, - Виллем не закончил и помрачнел.

— Да уж договаривай, — ядовито сказал Питер. "За год до того, как один наш родственник вырезал семью другого нашего родственника. Ее брат, — он кивнул на портрет красивой, смуглой женщины, с чуть раскосыми глазами, окруженной детьми.

— Анита де ла Марк, — было написано на раме. Виллем вздохнул: "Я тебе так скажу — гражданская война, — похуже войны религиозной. Вот они — дядя был на стороне круглоголовых, племянник, граф Ноттингем — на стороне роялистов. Хорошо еще что она, — Виллем кивнул на портрет, — до этого не дожила, на Барбадосе умерла, родами.

— Анита же его вторая жена была, да? — Питер посмотрел на портрет, что висел справа. "Анна де ла Марк, — прочитал он. "1597–1618". Хорошенькая девушка в шелковом, пышном платье цвета старой бронзы лукаво улыбалась, держа на коленях младенца.

— Да, первая как раз в Сурате скончалась, — Виллем помолчал, — на сына ее собака бешеная напала, она его защищала, и вот — от укуса и умерла. Потом Анита сюда приехала, ей семнадцать лет было тогда. Повенчалась с моим прапрадедом, сына его вырастила, еще пятерых родила…, - Виллем улыбнулся: "Тоже, как Луиза моя — не побоялась. Когда любишь, Питер — то ничего не боишься".

— Да, — сказал Питер Кроу, все еще глядя на картины, — это ты прав. У нас, в Лондоне, после пожара, только его матери, — он указал на мужчину, — портрет и остался. Миссис де ла Марк, жена адмирала. Красавица, у меня в кабинете висит. Ее в мужском костюме написали. Ей к той поре уже седьмой десяток шел, а все равно — глаз не отвести.

— Они же в море погибли, оба? — спросил Виллем, когда они уже поднимались по широкой, дубовой лестнице в спальни. "Я помню, отец мне говорил".

— Да, — Питер приостановился, — они в Ольстер плыли, семью навестить. Был шторм, и корабль ко дну пошел. Надеюсь, — хмыкнул мужчина, — когда я буду возвращаться в Лондон, со мной такого не случится.

— Ванны готовы, господин, — поклонился слуга-индиец, что незаметно появился за их спинами.

— Не случится, — успокоил его Виллем. "Раз уж ты сюда добрался и почти три года тут плавал, без приключений, то и на обратном пути все будет спокойно. Обед в девять, как обычно, из-за этой жары, — он усмехнулся. "У нас тут всего два сезона — сухой и влажный. Ты, наверное, уже привык".

— Привык, — подтвердил Питер, заходя в свою спальню.

В умывальной он разделся и, сев в пахнущую какими-то благовониями, теплую воду — с наслаждением закрыл глаза. "Заеду по дороге за Констанцей, вернусь в Лондон и женюсь, — пробормотал Питер. "Хватит, хочу семью, детей хочу. Чтобы все было, как у людей. Как у Виллема".

— Так, — он раскрыл тетрадь, что лежала на резном табурете, — что это я сижу без дела? Шах Алам, он же Джалал эд-Дин Абул Музаффар Мухаммед Али Гаухар, — ничего, — Питер широко зевнул, — после китайских имен я теперь что угодно могу выговорить, — Великий Могол, император Индии. Сидит в своем Дели, под охраной штыков наемных войск, враждует с сикхами. Уступил нам право сбора налогов в Бенгалии, за что мы ежегодно выдаем ему два с половиной миллиона рупий, на развлечения. А получаем мы, сколько от Бенгалии? — Питер взял перо и погрыз его.

— Правильно, там двадцать миллионов жителей, — он отложил тетрадь. Закинув смуглые, сильные руки за голову, мужчина сладко потянулся. "Отличная сделка, — Питер все еще сидел с закрытыми глазами, — все-таки Аллахабадский договор — вершина карьеры моего отца. Я в Кантоне тоже зря времени не терял. И тут не потеряю, — он улыбнулся и, взглянув в распахнутое окно — полюбовался багровым, уже догорающим над Бомбеем закатом.

Питер восхищенно посмотрел на огромный, разделенный тремя воротами, сухой док: "Вот это да! Мистер Вадия, — обернулся он к парсу, — я такого даже в Портсмуте не видел, на военных верфях".

Смуглое лицо старшего мастера расплылось в улыбке. "Я очень рад, что вам нравится, мистер Кроу, — с достоинством сказал он. "Мы одновременно можем работать над тремя кораблями, ваша "Гордость Лондона", — Вадия указал на док, — первая в очереди".

— В каком она состоянии? — озабоченно спросил Питер, вдыхая запах свежего дерева и гари, доносившейся из кузниц. "У нас был не самый спокойный переход через Бенгальский залив".

— Потрепало вас изрядно, — парс покачал головой. "Но вы не волнуйтесь, мистер Кроу. Мы заменим некоторые части обшивки, канаты — используя кокосовое волокно, оно очень крепкое. До вашего возвращения из Дели будет все готово".

Мастер поклонился: "Мы в следующем году закладываем "Британию", самый большой корабль компании. Мистер да ла Марк мне говорил, что это благодаря вашей настойчивости нам передали этот заказ. Вы ведь даже не видели нашей работы".

— Ну отчего же? — Питер все любовался доком. "Я видел корабли, которые вы строили, мистер Вадия, у нас, в Лондоне. Так что я сразу понял — с какими мастерами здесь встречусь".

Вадия покраснел и Питер понял: "Он молодой еще совсем, чуть старше меня".

— Спасибо, — мужчина вздохнул. "Мой отец умер в прошлом году, жаль, что вы его не застали. У него золотые руки были. Мы же из Сурата сюда приехали, когда руководство компанией в Бомбей перевели. Там у нас тоже — верфи стояли, но, конечно, поменьше этих. Ну, — Вадия подал ему руку, — позвольте откланяться, работа не ждет".

Он ловко взобрался по трапу на "Гордость Лондона", и Питер услышал его спокойный голос, что-то объясняющий на маратхи.

— Он отлично говорит по-английски, — Питер смотрел на темную голову парса. "Интересно, откуда".

— На складах все готово, — Виллем положил ему руку на плечо, — пошли, проверим все по описи, и пусть начинают грузить. Мы же только подарки шаху везем, что ему понравится — то я потом в Дели и отправлю. Сначала в Агре остановимся, это по дороге, а там уже по реке поплывем.

— Слушай, — спросил Питер у кузена, когда они уже вышли во двор верфи, — а почему этот Вадия так хорошо английский знает? Он же парс. Отменный мастер, кстати, таких умельцев и в Лондоне — поискать еще.

Виллем подставил лицо утреннему солнцу. "Слушай легенду, — таинственным голосом начал мужчина. "Помнишь эту историю со Смоллами, теми что, в Дептфорде жили?"

Питер присел на бухту каната. Развязав шнурки у ворота рубашки, он угрюмо ответил: "Как не помнить. Предок герцога Экзетера из-за этого на плаху лег, потому, что пытался их спасти. Но их, же сожгли, всех. Был судебный процесс, их в колдовстве обвиняли — сначала мать и дочь, а потом уже — и всю семью. Никто не выжил".

Виллем поднял палец: "Отец мне говорил, что кого-то из сыновей там все-таки из Тауэра вытащили. Отправили сюда, в Индию, в Сурат. Ну, вот и…, - он кивнул на здание верфей.

— Он же парс, этот Вадия! — удивился Питер. "Огнепоклонник. А они к англиканской церкви принадлежали. Если не считать этого обвинения в колдовстве, потому что наверняка их просто оговорили".

Виллем пожал плечами: "Тут уже я не знаю, что, правда, а что — вымысел. Но то, что верфи в Сурате сначала не было, а потом — кто-то ее построил, это, — он улыбнулся, — я тебе совершенно точно могу сказать".

Питер взглянул на открытые двери складов и решительно поднялся: "Пошли, там хотя бы не так жарко. Странно, океан у вас рядом — и все равно, духота. А как в Дели? — он приостановился на пороге и оглядел чистый, пахнущий специями, уходящий вверх зал.

— Там, — Виллем присел к столу и разложил бумаги, — может быть холодно. Столица севернее и горы рядом. Но ты не беспокойся, у компании отличная резиденция, с каминами и меховыми полостями в опочивальнях.

Питер стер пот со лба. Потянувшись за бутылкой белого бордо, что стояла в ведре с морской водой, он разлил вино по бокалам.

— Уже нагрелось — попробовал он. "А ведь всего девять утра. Давай, — он придвинул к себе большой, исписанный аккуратным почерком Виллема лист бумаги и начал, монотонным голосом:

— Часы каминные, серебро с золотом, работы мастера Карона, Париж.

— Есть, — отозвался Виллем, ставя отметку мелом на шкатулке красного дерева. "У тебя, я смотрю — тоже Карона хронометр".

— Это еще отца моего, — нежно улыбнулся мужчина, — видишь, тут написано — "Майклу от Мартина". Они друг другу часы подарили, на совершеннолетие. У Стивена — такой же, — Питер погладил золотую крышку: "Не отвлекайся. Часы карманные работы мастера Лепина, Париж, — десять штук…"

— Есть, — кивнул Виллем, берясь за еще одну шкатулку. "Упаковано отлично. Давай дальше".

Виллем обнял детей и серьезно сказал: "Не балуйтесь, слушайтесь маму, и я вам привезу шкуру тигра!"

— А живого тигренка? — капризно попросила русоволосая, синеглазая Маргарита. "Пожалуйста, папочка! — она обхватила отца за шею толстенькими ручками.

— Или хоть обезьянку, — грустно добавил маленький Виллем. "Мы ее в саду поселим".

— Посмотрим, — рассмеялся отец и обернулся к Питеру, что уже сидел в лодке: "Справимся мы, кузен, с обезьяной на обратном пути?"

— Постараемся, — расхохотался тот и серьезно сказал: "Мы скоро вернемся, кузина Луиза, месяца через два. Не скучайте тут".

— Да как с ними скучать? — женщина взяла за руки детей. Потянувшись к мужу, поцеловав его, она шепнула: "Вы там осторожней".

— Все будет хорошо, — улыбнулся Виллем. Спрыгнув в лодку, он отвязал канат. Парус надулся ветром. Виллем, помахал семье, что стояла на пристани: "И все равно — хоть я и много езжу, в Мадрас, на Коромандельский берег, на плантации — не люблю их оставлять".

Питер вздохнул. Переложив руль, он направил лодку в сторону континента: "Вот вернусь в Лондон, женюсь, и никуда больше не буду плавать, хватит. Пусть Стивен по морям бродит, за нас двоих. Он же сейчас воюет, там, в колониях. Боюсь, это у них надолго затянется. А Индия, — он зорко взглянул на кузена, — не собирается бунтовать?"

— Индия, — твердо проговорил Виллем, глядя на острова Бомбея, — всегда будет нашей.

Перед ними вставал, освещенный полуденным солнцем, бесконечный, удаляющийся за горизонт берег. На востоке виднелись едва заметные в жаркой дымке очертания гор, зеленые, округлые холмы поднимались вверх. Питер внезапно подумал: "А ведь в Дели, очень мало англичан бывало. Только наши, из компании, и все. Посмотрим, что там за Великий Могол".

Дно лодки заскрипело по камням. Виллем, потрепал его по плечу: "Вот и наши лошади. До Агры — верхом, а дальше на баржах".

Маленький отряд выехал на северо-восточную дорогу и, поднявшись на холм, — вскоре исчез из виду.

Агра

mir-knigi.org

Безукоризненный купол отливал золотом в лучах рассветного, еще неяркого солнца. Питер прошел по саду, — цвели нарциссы, листья на деревьях тихо шелестели под легким ветром. Он остановился, подняв голову, разглядывая стройные минареты.

— Я же читал эту книгу Тавернье, — вспомнил мужчина, — "Шесть путешествий". Он был первым из европейцев, кто видел его. Но, конечно, книга — это совсем другое.

Мавзолей возвышался над ним, весь белый, сверкающий искусно вырезанными узорами из камней. Питер, оглянувшись, опустившись на траву — прислонился к стволу дерева. "Меня туда и не пустят, сказал Виллем, я же не магометанин. И не надо, — он почувствовал, что улыбается.

— Отсюда полюбуюсь. Четырнадцать детей было у этой Мумтаз Махал, и вот, — Питер посмотрел на легкое, будто летящее здание, — что ей Шах-Джахан построил. Господи, как же он ее любил. А я? — Питер потянулся и сорвал цветок. "Неужели так никого и не встречу? Женюсь, потому, что время подошло? Хочется же по-другому, хочется, — Питер еще раз взглянул на мавзолей и поднялся, — чтобы вот так, как здесь".

Он повертел в руках нарцисс и рассмеялся:

— Даже если я не женюсь в Лондоне — я же в Санкт-Петербург собирался поехать. Там и найду кого-нибудь. Тавернье тот же самый — шесть раз Россию навещал. И вообще, — Питер пристроил цветок за ухом и пошел к внешним воротам сада, — семья моя оттуда. Давно, правда, — он засунул руки в карманы, — но все равно, с русскими сейчас выгодно торговать. В колониях война, меха оттуда не привозят.

Питер отвязал свою лошадь: "Виллем решил еще поспать, все равно сегодня целый день будем погрузкой на баржи заниматься. Сто двадцать миль до Дели, недалеко совсем. Как это он вчера сказал: "Я его уже четыре раза видел, а ты — поднимись еще до рассвета, не пожалеешь. И прав оказался, — Питер обернулся. Завидев сверкание купола среди крон деревьев, он, отчего-то, вздохнул.

Питер спешился у пристани на Джамне. Ведя в поводу лошадь, он вгляделся в плоскодонные баржи, что стояли на коричневой, широкой реке. Полуголые грузчики сновали по деревянным сходням.

Виллем что-то крикнул на хинди и обернулся к нему: "Велел осторожнее с теми ящиками, где хрусталь. Пошли, — он показал на каменную террасу, над которой бился на ветру шелковый балдахин, — нам уже обед накрыли. Гости приехали, из Дели, император нас уже тут встречает".

— А что за гости? — поинтересовался Питер, отдав слуге коня, вымыв руки в серебряном тазу. "Мавзолей, кстати, стоит того, чтобы встать до рассвета, Виллем. Однако ночью, при полной луне, — он, наверное, еще красивее".

— Да, — согласится кузен, чуть прикрыв карие глаза. "А гости — сейчас увидишь, они к столу придут".

Питер устроился на бархатных подушках, и взглянул на медный поднос с плоскими лепешками, овощами, жареным, свежим мясом. "Тут же ни говядины, ни свинины, да, Виллем? — спросил он, принимая от слуги бокал с шербетом.

— Я уже от них и отвык, — ответил ему кузен. "Видишь, я же тебе говорил — тут гораздо

холоднее".

— Холоднее, — пробормотал Питер, сгребая кончиками пальцев рис и мясо. "Все-таки в Китае, с палочками — удобнее, — сказал он. "А что касается погоды, — знаешь, Виллем, мне кажется, тут везде так жарко".

— Это вам в горы надо съездить, — раздался от входа смешливый голос. Высокий, мощный, смуглый мужчина лет пятидесяти, в простом черном халате и шароварах, поднялся на террасу. "На севере, месье Питер, — там все время снег лежит. Вальтер Рейнхардт, к вашим услугам, — он поклонился и замахал рукой: "Не надо, не вставайте. Я сам к вам присяду".

Рейнхардт ловко опустился на подушки. Поймав взгляд Питера, он принялся за целиком жареного ягненка: "Я тут тридцать лет живу, привык. Во-первых, его величество приказал передать вам вот это, — Рейнхардт щелкнул пальцами. Слуга с поклоном поднес Питеру мраморную, выложенную полудрагоценными камнями шкатулку.

Питер заглянул внутрь. Он поднял на Рейнхардта лазоревые глаза: "Очень щедро со стороны его величества императора. Надеюсь, я смогу отблагодарить его лично".

— Это кашмирские, — Рейнхардт кивнул на сапфиры, — а такие шкатулки тут делают, в Агре. Вам не даем, — он похлопал Виллема по плечу, — вы же у нас не гость, а такой же индиец, как и я. А императора, — он налил себе шербета из лепестков роз, — конечно, сможете Меня как раз его величество, и прислал — вас проводить до Дели.

Питер подумал: "Интересно, у него даже оружия нет. У нас с Виллемом пистолеты, кинжалы..."

— Меня и еще сотню человек из моей армии, — лениво сказал Рейнхардт. "Всего у меня пять тысяч. Они в Дели расквартированы. Я же говорю, — он погладил темную бороду и снял чалму, — я тут долго воюю. А вообще я из Страсбурга. Это, конечно, давно было".

Когда от ягненка остались одни кости, Виллем спросил: "Как здоровье его величества?"

— Отменное, — улыбнулся Рейнхардт. "Это мне шестой десяток пошел, а ему еще пятидесяти не было. Опять же, — он поднял бровь, — новая жена, седьмая. Двадцать лет ей, говорят, красавица, тоже — с севера ее привезли откуда-то. Я, конечно, ее не видел. В женскую часть дворца, сами понимаете — он развел руками, — мне хода нет".

На ступенях террасы раздались быстрые шаги. Легкий, белокожий парнишка, тоже — в простом халате, всунулся к ним в шатер. "Все готово, Вальтер, — сказал он по-французски с акцентом, оглядев стол, — кинь мне какую-нибудь лепешку, и можно отплывать". Голова мальчика — невысокого, изящного, — была прикрыта темным, без украшений тюрбаном. За поясом халата торчал кривой меч с серебряной рукоятью.

Рейнхард протянул парню мясо, завернутое в кусок тонкого хлеба. Тот откусил: "Ешьте десерт, господа. Я и солдаты будем ждать вас на реке".

— Это ваш помощник? — поинтересовался Питер, когда им принесли халву и сладости.

— Это? — Рейнхард откинулся на подушки и облизал пальцы, — нет, мистер Кроу, это моя жена — Фарзана. И помощник, конечно, тоже, — он окунул руки в поднесенный таз, где плавали цветки лотоса: "Теперь нам пора в Дели. Его величество не любит ждать".

Уже когда они спускались к пристани, Питер шепнул Виллему: "Раз у шаха новая жена — ему

обязательно захочется ее побаловать".

— И мы, — так же тихо ответил Виллем, — ему в этом поможем, не сомневайся.

Флаг Британской Ост-Индской компании и зеленое, с львом и солнцем, знамя Великих Моголов заполоскались под свежим ветром. Баржи медленно пошли вверх по реке.

Дели

Свежий, чистый поток журчал в мраморном ложе, наполняя большой, выложенный бирюзой бассейн. По золоченому потолку вились буквы, складываясь в слова: "Если и есть рай на свете, то он здесь, он здесь".

Женщина опустила белые, как молоко, ступни в серебряный таз с благоуханной водой. Почувствовав прикосновение умелых рук служанки, закрыв глаза, она откинулась на шелковые подушки.

— Простите, Мариам-бегум, — раздался шелестящий голос евнуха, — я привел господина Мунира пожелать вам спокойной ночи.

Мальчик, — невысокий, изящный, в расшитом парчовом халатике, вывернулся из рук евнуха и бойко заковылял к ложу.

— Мамочка, — он потерся каштановой головой о ее руку. На смуглом, нежном личике блестели чуть раскосые, голубые глаза. Женщина поцеловала его в обе щеки: "Пусть Аллах хранит твои сны, моя радость".

— Кушать, — Мунир выпятил губку и протянул пальчики к едва прикрытой тонким шелком, высокой груди.

— Ты ведь уже большой мальчик, — мать погладила мягкие кудри. "Скоро сядешь на коня, тебе надо есть мясо. А тут, — она вздохнула и поставила его на пол, — уже ничего нет".

— Пойдемте, господин, — склонился к нему евнух, — я вам расскажу сказку.

— О джиннах! — потребовал Мунир, и помахал матери рукой, выходя из зала. Марья незаметно перекрестила его и одними губами сказала: "Мишенька".

— Окрестить бы его, — подумала женщина, распуская белокурые, длинные волосы, слушая шуршание гребня служанки. "Да негде. В Бухаре ни одной церкви не было. Тут, я спрашивала, есть христиане, но ведь они у моря живут, на юге".

Марья положила руку на крест и золотой медальон, что висели у нее на шее. Она вспомнила жесткий голос бухарского купца: "Тебе надо его отлучить. Ты же понимаешь, что любой мужчина будет хотеть от тебя детей — ты здоровая, красивая женщина, у тебя есть уже сильный сын. Пока тебя везут в Дели — отлучи".

— Но в дороге, — попыталась сказать Марья, — так удобнее. И Мунир еще маленький, ему только весной будет два годика.

— Скажи спасибо, — буркнул купец, — что я вас продаю вместе. И помни, какой я тебя купил — нищенкой на сносях. Я тебя кормил весь этот год, и даже больше. Сейчас я хочу получить прибыль. Все, иди, караван отправляется на следующей неделе.

— Мариам-бегум, позвольте, — служанка осторожно сняла с нее шелковый халат и стала втирать в белую кожу благоуханное масло.

— Он о тебе позаботится, — Марья вспомнила ласковый голос Салавата и ощутила, как на глаза наворачиваются слезы. "Позаботится, — горько, про себя повторила она. "Он мне приставил кинжал к горлу на следующий же день. Я его на коленях молила, говорила, что это грех, что я ношу дитя. Он только рассмеялся, — мол, я, как была шлюхой, так и осталась. Изнасиловал, а потом забрал все золото и продал меня первому же бухарскому каравану. Только икону и медальон не увез".

— Ты любовь моего сердца и моей жизни, да хранит тебя Аллах, Мариам, — зашевелились губы женщины. Служанка, что массировала нежную, будто светящуюся спину, озабоченно спросила: "Что-то не так, Мариам-бегум?"

— Нет, нет, — она вздохнула и заставила себя не плакать, — все хорошо.

— У тебя есть сын, — напомнила себе Марья. И еще будут дети, наверное, — розовые губы горько усмехнулись. "От этого. Так и доживу здесь жизнь, раздвигая ноги, рожая. Состарюсь и умру. Мишеньке только расскажу об отце его, как вырастет. Вот и все, и больше мне жить не для чего".

За стеной зенаны, где-то во дворе, нежно, протяжно зазвучал ситар, закричали павлины. Марья увидела в распахнутые, резные окна женской половины дворца, как восходит над Лал-Килой низкая, полная луна.

Служанка ушла, поклонившись. Она вытянулась на ложе, обнаженная, чувствуя всем телом прохладу шелка.

Шах Алам стоял в дверях, разглядывая женщину в свете свечей, что горели в мраморных фонарях вдоль стен.

Он огладил темную бороду: "Очень, очень удачная покупка. Пусть рожает, от нее будут хорошие сыновья, сильные".

Мужчина шагнул в комнату. Усмехнувшись, он увидел, как она становится на колени, опустив белокурую голову. "Надеюсь, тебе понравилась эта комната, — он обвел рукой выложенные узорами стены, — и та, что я велел отвести твоему сыну".

— Спасибо вам, мой господин, я очень счастлива, — услышал он нежный голос. Шах почувствовал, как ее руки развязывают пояс халата: "И арабский язык успела выучить в своей Бухаре. Вряд ли у персидского шаха есть европейские женщины. У султана, в Стамбуле, — наверняка, конечно. И у меня теперь есть".

Ощутив прикосновение ее губ, шах закрыл глаза. Потом он уложил женщину на подушки, и, полюбовался белой, как снег, кожей, мерцающей в свете свечей: "Глаза — как горные озера, что я видел в Кашмире, как сапфиры. И молчит, все время молчит. Говорит, только когда к ней обращаешься. Хорошо ее вышколили, ничего не скажешь. Ненавижу болтливых женщин".

Марья почувствовала тяжесть его тела. Отвернув голову, застонав, она услышала тихий голос у своего уха: "Можешь не стесняться. Все знают, что я с тобой сейчас делаю, во дворце нет секретов".

— Делай так, как ему нравится, — сказала себе женщина, и ее губы шевельнулись. "Федя, —

сказала она неслышно, комкая пальцами шелк. "Федя, господи, любимый мой". Шах Алам услышал ее крик и удовлетворенно, победно улыбнулся.

Потом, перевернув ее на четвереньки, он провел рукой по стройной спине: "На днях приезжают английские купцы с побережья, я тебе выберу какой-нибудь подарок".

— Вы очень щедры, — шепнула она, раздвигая ноги, пряча белокурую голову в подушках.

— Не более, чем ты заслуживаешь, — мужчина рассмеялся: "Ты правильно встала. Видела когда-нибудь, как тигр догоняет свою жертву?"

— Нет, мой господин, — неслышно ответила она. "Я тебя возьму на охоту, — улыбнулся шах, наклоняясь, царапая жесткой бородой нежные плечи. "Он делает вот так, — Марья вздрогнула от укуса: "А теперь не двигайся. Я хочу, чтобы ты родила мне тигра, Мариам".

Она сжала руку в кулак. Застонав, Марья увидела перед собой темные глаза Салавата. "Прощай, — он поднял руку, и, развернув коня, пропал среди серых камней ущелья.

— Даже плачет, — смешливо подумал шах, пригибая к ложу белокурую голову женщины. "Нет, нет, она стоит тех денег, что я за нее отдал".

Марья лежала на животе. Шах, тяжело дыша, вставая, похлопал ее пониже спины. "Надеюсь, в следующем месяце услышать хорошие новости, — он оделся, и, добавив: "Не мойся сегодня", — вышел из комнаты.

Женщина потянула на себя легкий шелк. Она застыла, не стирая слез с лица, слушая крики павлинов в дворцовом саду.

Питер спешился и восхищенно присвистнул: "Вот это да!"

— Лал-Кила, — гордо сказал ему кузен. "Дворец Великих Моголов. Это еще Шах-Джахан построил, в прошлом веке. Мы его называем — Красный Форт".

Питер взглянул на мощные стены, на изящные, будто кружевные башни: "Вот эти ворота, как я понимаю, — для тех, кто приехал на слоне". Огромные, резные створки были наглухо закрыты.

— Да, — Виллем отдал слуге лошадей, — но, как ты понимаешь, все это, — он обвел рукой, лежащий на берегу Джамны дворец, — держится на штыках наемников и на деньгах нашей компании.

— А ими оплачиваются эти штыки, — расхохотался Питер. Спустившись к реке, он оглядел свое отражение в чистой, тихой воде. "Никогда бы не подумал, что мне так идет индийская одежда, — подумал он, рассматривая отлично скроенный, темно-синего шелка, короткий халат. "Да и Виллему тоже. Надо будет с собой в Лондон взять халаты, дома в них гораздо удобнее".

Виллем поправил на кузене белую, украшенную сапфиром чалму: "Молодец, что успел камни от шаха в дело пустить, ему понравится".

— Там еще на ожерелье осталось, — Питер поднял руку с золотым перстнем. "Его я жене подарю". Он погладил чисто выбритый, смуглый подбородок: "Вообще та политика "разделяй и властвуй", за которую выступал мой покойный отец — единственно правильная для Индии. Маратхи подпирают шаха с юга, сикхи — с севера, а мы платим и тем, и другим. Еще и

Великому Моголу. И от всех получаем доход, — мужчина звонко рассмеялся.

— У маратхов, в их междоусобице, — сказал Виллем, когда они уже шли к воротам Лахор, — только деньги и делать. Там все раджи интригуют, один против другого. Шах Алам, — он приостановился, — живет так, как будто нет завтрашнего дня. Подумал бы лучше о том, что случится после его смерти с Павлиньим Троном.

Они прошли мимо гомонящих торговцев серебром и коврами. Питер, вдохнув запах цветов, посмотрел на зеленую поляну, на которой стоял низкий павильон:

— Павлиний Трон Надир-шах увез в Персию, как ты помнишь, когда разграбил Дели. Чем меньше думают здешние правители, тем лучше для нашей прибыли, дорогой кузен. Тут же, надеюсь, не надо падать ниц? — поинтересовался мужчина.

— Нет, нет, — Виллем остановился: "Подожди, вон, Рейнхардт с охраной, нас встречают. Достаточно просто поклониться".

— Человеку, которого мы содержим, — поморщился Питер и вздохнул: "Ладно, чего не сделаешь ради денег. Он же говорит на хинди, ты переведешь?"

— Он, — сказал Виллем, оправив свой халат, — скорее умрет, чем заговорит на языке идолопоклонников, как сам понимаешь. Пришлось выучить арабский, — он усмехнулся, и пожал руку Рейнхарду: "Мы готовы".

Питер посмотрел на полного человека, что, брезгливо оттопырив губу, сидел на серебряном, чуть потускневшем, выложенном мелким жемчугом троне. Мужчина низко поклонился: "Ваше императорское величество, я рад, что вы согласились принять наши скромные подарки, в знак нашего глубочайшего уважения и почтительности к вам".

— Глаза, как у Мариам — внезапно подумал Шах Алам, исподтишка разглядывая невысокого, стройного, холеного мужчину. "Смотри-ка, маленького роста, но видно — он сильный. Такие солдаты хороши в бою, выносливей".

Питер подождал, пока кузен переведет: "Благодарю вас за прекрасные сапфиры, это воистину бесценный подарок".

— У меня такого добра много, — скрипуче рассмеялся Шах Алам, поднимаясь с трона. "Пойдемте, — он щелкнул пальцами, — расскажете мне, что вы привезли".

В беломраморном, прохладном зале нежно журчал ручей.

— Называется, — Великий Могол остановился, — Райский Источник. Он проходит по всем помещениям дворца, так гораздо приятней в жару. Ну, — он повел рукой в сторону сундуков и шкатулок, что были разложены на коврах, — говорите.

— Я про часы, — шепнул Питер Виллему, — а ты про все остальное. Если мне удастся получить у него комиссию для Карона и остальных мастеров в Париже — это будет золотое дно.

Шах слушал, вертя в руках хронометр, а потом щелкнул крышкой:

— Наши ученые принесли вам математику. Да что там, — вот эти цифры, — он указал на часы, — вы взяли от нас, а теперь, смотрите — ваши мастера преуспевают в таких вещах. Я хочу сто штук, для подарков сановникам. Только они очень простые, — недовольно сказал

Великий Могол, — такие даже стыдно вручать кому-то.

— Если ваше величество желает, — Питер склонил голову, — мы можем украсить их любыми драгоценными камнями.

— Возьмете у моего казначея, — коротко велел шах Виллему. "Теперь вот что, — он оглядел торговцев, — мне нужен подарок для женщины. Ничего особенного, какая-нибудь милая безделушка".

Мужчины незаметно переглянулись. Питер, скрыв улыбку, поднес шаху открытую шкатулку. "Гм...,- рассмеялся шах, — я вижу, вы не зря возите отсюда в Китай слоновую кость. Очень, очень мило, мастерски сделано. Они теперь стали добиваться большего сходства с оригиналом, так сказать, — он поднял бровь и погладил бороду. "Сколько?"

— Мы будем рады, если вы примете это в дар, ваше императорское величество, — вежливо сказал Питер.

— Ей понравится, — подумал шах Алам, — а самое главное — понравится мне.

— Ну что ж, — он усмехнулся, — тогда мы с вами обо всем договорились. Мне пора на молитву, а потом — приглашаю вас к обеду.

Мужчины поклонились. Дождавшись, пока шах выйдет, Питер одними губами сказал кузену: "Отлично, вечером посидим, посчитаем доходы. Я эти часы беру по бросовой цене, европейский рынок ими завален. В Париже сейчас много молодых мастеров появилось. Ты к казначею пойдешь?"

Виллем кивнул: "Погуляй пока, вон Жемчужная мечеть, — он подвел кузена к распахнутым ставням, вон Кхас Махал, — это личные покои императора, там мы будем обедать. Туда, — Виллем похлопал мужчину по плечу, — не ходи, да тебя и не пустят. Видишь, крыши за деревьями. Это зенана, женская половина дворца".

Питер присел на мраморную скамейку и взглянул на тихую, усеянную лотосами гладь пруда. "А вот здесь — и вправду, свежее, — понял мужчина. "Это из-за реки, конечно, и вообще, тут в садах — много воды".

Из-за кустов жасмина донесся какой-то шум. На траву, пыхтя, вылез маленький мальчик в серебристом халатике. Он склонил голову, рассматривая Питера. Тот ласково спросил: "Ты что же, старина, от мамы сбежал?"

Мальчик подошел к скамейке и попытался на нее забраться. Питер подхватил его: "Господи, молоком еще пахнет". Ребенок завозился у него на коленях, а потом, успокоившись, рассмеявшись, шепнул что-то — непонятное.

Питер покачал его на коленях и услышал чей-то возбужденный голос сзади. Мужчина в черном халате кланялся, прижимая ладони к груди.

— Он просит, — Виллем шел к ним по дорожке, — чтобы ты простил господина Мунира, он еще маленький.

— Да ничего, — нежно ответил Питер, гладя мальчика по голове, передавая его евнуху, — ничего страшного.

Ребенок обернулся. Посмотрев на Питера немного раскосыми, синими глазами, он громко сказал: "Аби!"

Евнух быстро унес его. Питер спросил у кузена: "Что это господин Мунир, — он не выдержал и улыбнулся, — мне говорил?

— Отец, — тихо ответил Виллем. Питер, поднявшись, идя к покоям шаха, посмотрел в сторону зенаны — но, ни мальчика, ни евнуха уже не было видно.

Слон покорно опустился на землю. Мунир восхищенно выдохнул: "Большой!".

— Ты ведь уже катался, — Марья присела. Оглянувшись, немного откинув чадру, она поцеловала сына в щеку. "Его величество приглашает нас на охоту, милый".

— Это совершенно безопасно, — раздался сзади ленивый голос шаха. "Сядешь сюда, — он показал на шелковую, закрытую беседку на спине слона, — при тебе будут два евнуха, и погонщик. Сверху все отлично видно". Он наклонился и шепнул женщине: "После охоты, вечером, получишь от меня подарок".

— Спасибо, ваше величество, — она опустила синие глаза, темные ресницы чуть задрожали. Шах Алам, потрепал по голове мальчика: "А скоро и Мунир сядет на коня!"

— Правильно я решил, — он вскочил на ухоженного, вороного жеребца, — что ее надо покупать вместе с ребенком. Торговцы всегда говорят, — мол, у женщины были здоровые дети. Однако пока не посмотришь сам — не убедишься. Красивый был отец у этого Мунира, ничего не скажешь. Кровь с молоком, а не дитя. Лет в шесть надо его оскопить, и продать. Нечего кормить чужое отродье".

Он посмотрел за тем, как женщина с ребенком поднимаются по лесенке на спину слона. Шах велел погонщику: "Не торопись, там только приманку разбросали, тигры еще не появились".

Слон поднялся, беседка чуть заколыхалась, заскрипели створки огромных ворот. Животное, перейдя по мосту, через Джамну — свернуло на северную дорогу.

Шах Алам подхлестнул коня плетью, гончие возбужденно залаяли. Рейнхард перегнулся в седле: "У вас таких нет, называются "салюки", это арабская порода".

Питер взглянул на изящных, поджарых собак. Он направил своего гнедого в ворота: "Мой приятель, лорд Орфорд, — мы соседи по имениям, — сейчас как раз хочет создать клуб, — провести испытания английских борзых. Мы с ними на оленей охотимся. Но и эти, хороши. Что ж, увидим их в поле".

Он подождал кузена. Посмотрев на пестрый кортеж вокруг императора, Питер, недовольно проговорил: "Не думал, что на охоту тут так наряжаются, я себя, — он потрогал шелк простого халата, — оборванцем чувствую".

— Все будут делать загонщики, — объяснил ему Виллем, — и собаки. Его величество потом подъедет, когда тигра окружат, и нанесет последний удар копьем.

Питер положил руку на эфес кривой сабли: "Это и охотой назвать нельзя. Красивый клинок, — он погладил черненое серебро, — у императора хороший арсенал. Мушкет, конечно, — тоже пригодится.

— Стрелять надо в шею, — напомнил ему Виллем, — или в грудь. Если тигра легко ранить — он только разъярится. Это уже моя третья охота, — он улыбнулся, — ты видел шкуру в Бомбее.

— В Лондоне, в моем кабинете, такая тоже будет неплохо смотреться, — пробормотал Питер. Он вытер смуглый лоб: "Только отъехали от реки — и сразу жара. Что ты говорил, приманку на водопое разбрасывают? — они свернули по тропинке, вслед за кортежем, в густой лес. Питер оглянулся: "Слон другой дорогой пошел".

— Погонщик знает, куда его направить, — отмахнулся Виллем. "Отвезли туда пару убитых антилоп, пока тигры будут лакомиться — на них спустят собак".

— А кто там, на слоне? — поинтересовался Питер. "В беседке".

— Кто-то из зенаны, скорее всего, — ответил Виллем. "Из жен шаха Алама. У него же их семеро, и еще наложницы. Чуть ли не четыре десятка детей".

— И господин Мунир, — улыбнулся про себя Питер, — наверное, тоже — наследник его величества. Странно, смуглый — и синеглазый.

Он услышал голос Рейнхардта: "Тут, в шатре, мы и будем ждать сигнала загонщиков".

Питер взглянул на шелковый балдахин, что стоял на деревянной платформе. Встряхнув каштановыми, уже немного выгоревшими на солнце локонами, он лукаво спросил: "Вальтер, а можно туда? — он кивнул на лес. "Все-таки меня приглашали охотиться, а не пить шербет. Ты как, Виллем, со мной?"

— Разумеется, — улыбнулся мужчина. "Вы ведь, Вальтер, сколь я помню — тоже на охоте не на подушках сидите".

— Смотрите, — Рейнхардт поскреб в бороде, — это вам не олени. Он забросил на спину мушкет, и коротко велел: "За мной!"

Беседка чуть покачивалась на спине слона. Один из евнухов вежливо сказал: "Вон и водопой, Мариам-бегум. Сейчас погонщик привяжет слона цепью к дереву. Мы подождем, пока его величество нанесет тиграм решающий удар".

— Мама! — громко проговорил Мунир. "Смотри!"

Из-за деревьев показались рыжие, полосатые спины. "Но ведь еще загонщиков нет, — похолодев, подумала Марья. "Хотя это же слон, ничего страшного. Он с ними справится, раздавит их, сразу. Господи, их как бы ни два десятка".

— Белый, — восхищенно вздохнул кто-то из евнухов. "Белый тигр, Мариам-бегум, взгляните, они редко встречаются". Огромный самец вышел на поляну. Марья увидела лазоревые, холодные глаза животного. Слон начал неуверенно переминаться с ноги на ногу.

— Привяжи его, — прошипел кто-то из евнухов погонщику. "Немедленно!"

— С ума сошли, — тихо отозвался погонщик. "Если он ляжет, тигры сразу на нас набросятся, прыгнут слону на спину".

Белый тигр оскалил клыки и зарычал. Слон дернулся, почувствовав укусы. Зло, мотнув головой, не разбирая дороги, трубя — он ринулся в лес.

Питер остановил коня и насторожился. "Что это там, Вальтер? — спросил мужчина. "Слышите?"

Загонщики заволновались, что-то закричали. Виллем тихо сказал кузену: "Это голос слона. Видимо, тигры на него напали".

Питер, не говоря ни слова, пришпорил коня. Рейнхардт, обернулся к охотникам: "Быстрее!"

Виллем догнал кузена. Придерживая лошадь, он мрачно заметил: "Раненый слон тоже — бежит, куда глаза глядят".

— Там ведь женщины, — просто ответил Питер. Взяв одной рукой мушкет, он наклонился к холке лошади: "Ты не бойся, милый, — смешливо сказал он жеребцу, — мы тут с тобой не одни". Из-за деревьев раздался треск. Слон, преследуемый стаей тигров, вырвался на поляну.

Сухо затрещали мушкетные залпы. Виллем, выстрелив, пробормотал: "Если кто-то сейчас попадет еще и в слона, он может сбросить беседку, из-за боли".

Клубок рыже-полосатых спин завертелся у ног животного. Питер с ужасом увидел, как шелковые полотнища соскальзывают на землю.

Марья прижала к себе сына. Закрыв глаза, она вдохнула запах крови и страха. Беседка скатилась вниз. Слон, махнув хоботом, развернувшись, исчез в лесу.

— Огонь! — крикнул Рейнхардт. "Нет! — Питер спешился, и побежал к куче шелка, что лежала на земле. "Они ведь могут ранить кого-то там, убить!"

— Назад! — приказал ему Виллем. "Там тигр!".

Питер, не слыша его, бросился на землю, защищая своим телом кого-то, кто лежал под шелком. Он почувствовал совсем рядом с собой зловонное, тяжелое дыхание. Питер поднял голову и увидел яростный блеск голубых глаз. "Белый, — еще успел подумать Питер. "Они же очень редкие". Самец оскалил клыки и прыгнул ему на спину.

Питер и сам не понял, как, успев перевернуться, он вонзил в горло тигру свой клинок. Светлый мех окрасился кровью. Мужчина, окунув саблю по рукоять в тело животного — облегченно выдохнул.

Он перекатился набок и, услышал откуда-то снизу детский плач. "Господи, — попросил Питер, — только бы с ребенком ничего не случилось". Мужчина встал на колени. Приподняв шелк, он застыл. Женщина лежала, свернувшись в клубочек, прижимая к себе дитя. Ее чадра сбилась, белокурые, густые волосы, рассыпались по земле.

Мунир отчаянно ревел.

— Тихо, — Питер протянул руки и взял его у женщины. "Все хорошо, все хорошо, милый, — твердо, ласково сказал он, укачивая дитя. Женщина очутилась рядом. Он увидел огромные, синие, будто сапфиры, глаза.

Мальчик крикнул что-то по-арабски. Женщина нежно, привлекла его к себе. Они так и стояли, удерживая ребенка. Потом Питер услышал голоса загонщиков. Женщина опустила голову, прикрыв лицо рукавом шелкового, испачканного халата, и шепнула: "Мариам".

— Питер, — не сводя с нее глаз, ответил мужчина. Встав, вытерев кровь тигра с лица, он оглянулся — женщину уже уводили евнухи.

— Это седьмая жена его величества, — тихо сказал сзади Рейнхардт, — Мариам-бегум и ее сын, Мунир. Вы спасли им жизнь.

Питер помолчал и одними губами повторил: "Мариам".

Он проснулся от шума ветра за окном и, чиркнув кресалом, зажег свечу. Ставни были распахнуты, над низкими крышами города возвышались минареты, дворец лежал черной громадой на берегу Джамны.

Питер накинул халат. Поморщившись, он потер лицо руками: "Но как? Совершенно, совершенно невозможно. Она жена шаха, оставь, уезжай отсюда".

Он присел на деревянный, резной подоконник. Деревья в ухоженном саду шелестели крупными листьями, на темной воде пруда шла рябь, далеко, на востоке, была видна тусклая полоска восхода.

— Мариам, — он опустил каштановую голову в ладони. "Господи, да что же это такое, как наваждение. Я ее один раз видел и больше не увижу".

Питер посидел так несколько мгновений. Потом он зло стукнул кулаком по оконной раме: "И это ты, Питер Кроу? Ты же никогда не сдаешься, забыл? А сейчас — сдашься, исчезнешь? Оставишь ее на милость этого, — он поморщился, — шаха Алама? Одну, с ребенком на руках? Если не по душе ты ей — так тому и быть, пусть она тебе сама об этом скажет. А если по душе?"

Он внезапно, нежно улыбнулся и прошептал: "Мариам".

Взяв свечу, Питер тяжело вздохнул. Выйдя в коридор резиденции, он осторожно нажал на ручку двери соседней комнаты.

— Виллем, — тихо позвал он. "Не спишь?"

Кузен повернулся от стола и чуть слышно рассмеялся: "Кофе горячий. В Бомбее привык рано вставать, затемно еще. Считаю баланс по прошлому году, — он повел рукой в сторону разложенных перед ним бумаг. "Очень хорошая прибыль у нас получается".

— Я не сомневался, — Питер присел. Налив себе кофе в серебряную чашку, он поднял лазоревые глаза: "Виллем, напиши мне записку. На арабском".

— Для торговца какого-нибудь? — удивился кузен. "Так давай я с тобой пойду, переведу — что надо".

Он увидел румянец на смуглых щеках. Отложив перо, мужчина покачал головой: "Даже не думай".

— Виллем! — услышал он умоляющий голос. "Пожалуйста, я прошу тебя…Я не могу, не могу, мне надо с ней встретиться. С Мариам, — добавил мужчина обреченно.

Виллем поднялся и злым шепотом проговорил: "Питер, ты ли это? Ты понимаешь, что ты делаешь? Отрубят голову не только тебе, но и мне тоже, а у меня семья".

Лазоревые глаза холодно блеснули. Питер, откинувшись на спинку кресла, выставил перед собой ладонь.

— Первое, — он загнул палец. "Никто никому не будет рубить голов, потому что никто ничего не узнает".

— Она отнесет шаху Аламу твою записку и тогда нам всем конец! — прошипел Виллем.

Питер, коснувшись фигуры черного короля, что стояла на шахматной доске, — повертел ее. "Второе. Ничего Мариам ему не отнесет, поверь мне, — спокойно сказал мужчина. "Я рискую, конечно…"

— Чем? — ядовито спросил Виллем, прислонившись к мраморному камину.

— Тем, что она не может не разделять моих чувств, — пожал плечами Питер, — но этот риск я предусмотрел. Больше никто ничем не рискует. Я все продумаю, обещаю.

Виллем тяжело, долго молчал. Питер, встав, подошел к раскрытому окну: "Я прошу тебя. Ты ведь тоже — любил, и любишь, Виллем. Я не могу, не могу уехать, не встретившись с ней".

— Любил, — подумал Виллем, искоса смотря на прямую, жесткую, в темном халате спину.

Мраморный купол мавзолея отливал серебром в свете полной луны. Он почувствовал рядом ее руку — маленькую, теплую, и тихо шепнул: "Ты не бойся, Лакшми, я что-нибудь придумаю. Только не уезжай, пожалуйста, не оставляй меня одного. Мы можем…"

Она встала на цыпочки, и, положила голову ему на плечо: "Нет, любовь моя. Мы ничего не можем. Ты христианин, а я — нет, ты богат, а я — бедная девадаси, танцовщица. Наши дороги сошлись на мгновение и разойдутся навсегда. Не ищи меня, — она поцеловала его и, пошла к выходу из сада, шурша сари, чуть позванивая браслетами на тонких, нежных запястьях.

— Восемнадцать мне было тогда, — вспомнил Виллем. "А потом я уехал в Старый Свет, и встретил Луизу. Правильно я ему говорил — когда любишь, то не боишься, — он глубоко вздохнул. Присев за стол, потянув к себе чернильницу с пером, Виллем велел: "Диктуй".

Питер внезапно, ярко покраснел: "Подожди, я лучше напишу, а потом переведешь".

Виллем посмотрел на ровные строки записки: "А почему ты так уверен, что она из Европы?"

— Потому что я видел ее вблизи, — спокойно ответил Питер. "Она наверняка знает французский или немецкий, а значит, — он внезапно, широко улыбнулся, — мы сможем объясниться. Мы бы и так смогли, — добавил мужчина, запечатывая письмо, — просто это бы заняло больше времени".

— А как ты собираешься его передать? — поинтересовался Виллем, наливая себе остывшего кофе. В саду робко распевались птицы, черепичные крыши торгового квартала чуть золотились под встающим солнцем.

— Рейнхардт, — Питер спрятал письмо в карман халата. "Вернее, его Фарзана. Они мне помогут".

— Этот наемник сдаст тебя с потрохами шаху Аламу, — сердито пробурчал Виллем.

Питер усмехнулся.

— Дорогой кузен, если бы я хотел нанять армию Вальтера для охраны моего особняка на Ганновер-сквер, моей конторы в Сити, моих складов в Ист-Энде, моего поместья в Мейденхеде и охотничьего домика в Озерном Краю — я бы мог это сделать хоть завтра. Именно потому, что Вальтер наемник, он и служит тому, кто больше платит. И вообще, — он поднялся и зевнул, — не забывай, жалованье Вальтера и его людей — тоже идет из кармана компании. То есть моего — как члена правления и акционера.

Виллем закинул руки за голову: "А если ты ей не по душе пришелся?".

Питер усмехнулся: "Как говорят в Обществе Ллойда, — мы страхуем от всего, кроме сердечных ран. Посмотрим, — добавил он. "Вот теперь я со спокойной душой могу идти спать, Виллем. Спасибо тебе".

— Ты бы то же самое для меня сделал, — отозвался его кузен. Питер, посмотрел в карие глаза: "Да".

Вернувшись в свою комнату, он подошел к окну. Солнце всходило, город просыпался. Питер, глядя на стены Красного Форта, шепнул: "Потерпи, Мариам. Уже скоро".

Фарзана пощекотала Мунира, и тот зашелся смехом.

— Мальчик, — сказал он, оглядывая тюрбан и шаровары женщины. Та улыбнулась и покачала головой: "Девочка, просто воин. А ты, мой хороший, — она разломила кусочек халвы и дала ребенку, — будешь воином?"

Мунир облизнулся: "Нет. Вот, — он погладил мраморную стену зала, — хочу так".

— Строить будешь? — ласково спросила женщина.

— Ага, — ребенок залез к ней на колени, — они сидели на шелковых подушках у бассейна. Ребенок озабоченно спросил: "Мама?"

— Мама занята, — Фарзана достала из-за пояса кинжал с золоченой рукояткой: "Не надо ей мешать. Посмотришь мой нож?"

Мунир стал вертеть в руках кинжал. Фарзана, обернувшись к ложу, сердито вздохнула: "И что она тянет? Писала бы уже ответ, тут и думать нечего. Если бы не Вальтер, — женщина лукаво усмехнулась, — я бы и сама за таким куда угодно пошла. Тем более, он ей и сыну жизнь спас".

Марья неслышно села рядом, и взяла зевающего ребенка: "Фарзана-бегум, я не могу".

— Не будь дурой, — сердито отозвалась женщина. Улыбнувшись, она положила свою сильную, маленькую руку поверх белых, нежных пальцев: "Прости. Что он тебе пишет?"

Марья вытащила из складок шелка свернутый кусочек бумаги. "Вот, — обреченно сказала она. Женщина прочитала. Подняв на Марью темные глаза, она помолчала: "Ты не бойся. Он что-нибудь придумает, он умный, это видно. Умный и отважный. Уедешь с ним, и забудешь, — она обвела рукой покои, — обо всем этом".

Марья уронила белокурую голову в ладони: "Фарзана, он ведь совсем, совсем ничего обо мне не знает. А как узнает…, - она махнула рукой и не закончила.

Фарзана погладила по голове дремлющего мальчика: "Что ты жена шаха — он это знает. Что у

тебя другой муж был, — она кивнула на Мунира, — тоже. Если мужчина тебя любит, Мариам, так это ему все равно. Я тоже, знаешь ли, — она легко поднялась и прошлась вдоль бассейна, — пока Вальтера не встретила, девадаси была. Понятно, чем занималась. Давай, — она принесла резной столик и поставила перед Марьей. "Не уйду, пока не напишешь".

Фарзана посмотрела на пылающие щеки женщины. Взяв спящего мальчика, она покачала его: "Пойду, уложу нашего сладкого, а когда вернусь, — чтобы все готово было".

Марья посмотрела вслед колыхающимся шелковым занавесям и потянула к себе записку.

— Милая, дорогая Мариам! — едва шевеля губами, прочла она. "Надеюсь, с вами и Муниром все в порядке. Меня зовут Питер Кроу, я торговец из Англии, тот человек, что помог вам на охоте. Дорогая Мариам, вы, скорее всего, посчитаете это безумием, но с тех пор, как я вас увидел, я думаю только о вас. Прошу вас, не откажите мне во встрече, хотя бы короткой. Вы можете ответить мне на арабском языке, или, если вы знаете языки Европы — то на них. С искренним уважением и глубокой любовью к вам и маленькому Муниру, ваш Питер Кроу".

Марья приложила ладони к горящему лицу. Наклонив белокурую, непокрытую голову, она стала писать.

Фарзана, что неслышно вернулась в комнату, приняла сложенное письмо. Неуловимым движением, спрятав его куда-то под халат, присев, она положила голову Марьи себе на плечо.

— Не надо плакать, — ласково сказала женщина. "Сядешь с ним на корабль, и уплывете далеко-далеко, у Мунира будет отец. Хороший отец, такой, как нужно, и у вас еще будут дети. Не бойся, Мариам".

Женщина помолчала: "А как же он со мной встретится? Это ведь опасно".

— О, — заметила смешливо Фарзана, — покраснела, дорогая. И задышала, — женщина наклонила голову, — часто. Что, вспомнила, какие у него глаза — лазоревые, — томно сказала женщина, — как небо. А встретиться, — она рассмеялась, — это ты на нас положись, Мариам.

Марья, на мгновение, задержала ее руку: "А что я тебе и Вальтеру? Чужестранка, без рода, без племени…"

Фарзана наклонилась и поцеловала белый лоб. "Вальтер тоже, — поправляя чалму, ответила она, — не как раджа, сюда приехал, а в трюме корабельном. И я в канаве родилась, а то и где похуже, — женщина пожала плечами.

— Как это у вас в Писании сказано — пришельцу помогай, ибо сам ты был пришельцем в земле Египетской. Мы с Вальтером той осенью в Пондишери ездили, в собор Непорочного Зачатия, его строят еще. Там монах был, инженер, брат Джованни — он так говорил хорошо! — Фарзана вздохнула: "Они с Вальтером подружились. Жалко только, что этот брат Джованни потом из Гоа — в Новый Свет отплыть должен был. Редко такого встретишь. А вы с Питером, — деловито добавила Фарзана, — в Бомбее повенчайтесь. Там, у англичан церковь есть. И маленького окрести, ты же хотела".

— Окрещу, — внезапно улыбнувшись, сказала Марья. "Может и ты сама… — она поднялась и шутливо толкнула Фарзану в плечо — женщины были одного роста.

— Подумаю, — та быстро обняла Марью: "Все, жди своего англичанина, скоро увидитесь".

Питер отер шелковым платком лоб: "Что теперь говорит наш добрый друг, — он чуть поклонился, — господин Махди?"

В лавке было душно, пахло шерстью и немного — красками. Снаружи гомонил базар, и Питер подумал: "Все равно, хоть и в тени эти ворота Лахор, а жарко".

Виллем отпил шербета: "Господин Махди клянется, что не может сделать скидку больше, другие торговцы его не поймут".

— Так пусть господин Махди…, - начал Питер, но тут мальчишка в тюрбане всунулся в лавку и сказал по-французски: "Вот вы где. Вам записка, месье".

Фарзана положила в руку Питеру клочок бумаги, и скрылась за коврами, что загораживали проход на улицу. "Покраснел-то как, — усмехнулся Виллем, глядя на кузена. Питер осторожно опустил письмо в карман халата. Поднимаясь, посмотрев на разочарованное лицо торговца, он вдруг рассмеялся: "Виллем, скажи господину Махди, что я беру не десять ковров, а двадцать, и черт с ней, со скидкой!"

Когда они вышли из лавки, Питер остановился: "Ее зовут Мария, она написала мне по-немецки и она согласна со мной встретиться. Виллем, — он поднял глаза, — я самый счастливый человек на свете. Нет, — Питер помотал каштановой головой, — самым счастливым я буду, когда мы с Марией повенчаемся, и все втроем сядем на корабль в Бомбее".

— Светишься весь, — ласково сказал Виллем, когда они шли к резиденции. "А зачем тебе столько ковров?"

Питер приостановился, пропуская телегу с овощами, и загадочно ответил: "Пригодятся".

На серебряных подносах валялись кости, куски лепешек и объедки овощей. Слуги только начали разносить сладости и шербет. Вальтер, незаметно наклонившись к уху Питера, прошептал: "Вот сейчас. Виллем его будет занимать рассказами о Европе, а мы с тобой ненадолго отлучимся. Фарзана ее приведет".

Питер дождался, пока Шах Алам отвернется, — Великий Могол сидел на возвышении, устланном коврами, перед отдельным столиком, — и быстро выскользнул из павильона в жаркую, безветренную ночь. Он поднял голову — небо было усеяно крупными, яркими звездами, и, выдохнул: "Господи, спасибо, спасибо тебе".

— Никогда еще такого не было, — подумал Питер, идя вслед за Вальтером по темному, безлюдному саду. Кончики пальцев у него похолодели. Питер почувствовал, как бьется у него сердце — беспорядочно, шумно. Дыхание перехватило. Он, увидев, как Вальтер отступил в сторону, — оказался перед кустами. Сильно, дурманя голову, пахло жасмином. До него донеслось какое-то шуршание, и женский, сладкий шепот: "Герр Питер, это я, Мария".

— Я сейчас умру, — подумал мужчина, и опустился на колени. "Мария, — выдохнул он — Господи, я не верю…". Он нашел губами мягкую руку. Не в силах оторваться от нее, прижимая ее к щеке, он услышал: "Мне надо вам сказать…"

— Не надо, — Питер поднял глаза. Ее лицо было открыто, в синих глазах сверкало отражение звезд. "Ничего не надо говорить, любовь моя, — попросил он, поднеся ее руки к лицу, наслаждаясь их прохладой. "Я вас люблю, и так будет всегда, — он помолчал, и, сглотнув, продолжил: "Я хочу увезти вас двоих отсюда, милая моя. В Лондон, — добавил он, и,

поднимаясь, стоя совсем близко к ней, понял: "Если она меня поцелует, я же сознание потеряю, я и так — еле дышу".

Питер почувствовал прикосновение ее губ к щеке — легкое, мимолетное, — и едва устоял на ногах. "Мария, — спросил он серьезно, — вы поедете со мной? Вы и господин Мунир? — он улыбнулся.

— Его Михаил зовут, как отца моего и брата, — едва слышно сказала женщина. "Я же русская, герр Питер, наполовину".

— Питер, — попросил он. "Пожалуйста, любовь моя".

— Да, Питер, — повторила она, чуть разомкнув розовые губы. "Как сладко, — подумал мужчина, едва дыша, осторожно прикасаясь к ним, медленно, очень медленно привлекая ее к себе. "Как сердце у него бьется, — подумал Марья. "И у меня так же. Мы так с Федей стояли, на Исети, после купальской ночи, на рассвете уже. Он тоже — на колени передо мной опустился, и сказал, что не может жить без меня".

— Я не могу жить без тебя, — Питер поцеловал ее волосы, серебрящиеся в лунном свете. "Не умею просто. Без тебя и маленького. Но мы теперь вместе, навсегда, и все будет хорошо. Теперь послушай, — он стал быстро шептать ей на ухо.

— Я поняла, все поняла, — Марья кивнула. Оглянувшись, она набросила на голову чадру. "Фарзана тебе все передаст, что нужно, — Питер взял ее руку и поцеловал белеющее во тьме запястье. "Господи, да что это, — подумала женщина, — я же упаду сейчас".

— Иди сюда, — Питер обнял ее, — всю. Удерживая ее в своих руках, он добавил: "Я завтра уеду, и буду ждать вас за городом, так безопаснее. Виллем, мой кузен, останется тут, и все сделает. Послезавтра мы встретимся — он улыбнулся и почувствовал рядом ее улыбку, — и больше никогда не расстанемся, моя Мария, радость моя".

Они услышали какой-то шорох. Питер еще успел шепнуть ей: "Поцелуй за меня маленького". Женщина исчезла в кустах. Он все стоял, вдыхая запах жасмина. "Пора, — сказал ему сзади Вальтер, и Питер, ощущая прикосновение его руки, — с сожалением пошел за ним к личным покоям шаха.

Он устроился на своем месте, и, поймал взгляд Виллема: "У меня, наверное, щеки горят. Да тут жарко, и накурено — не заметят".

— Ваше величество, — Питер поднялся, — в знак нашей дружбы и взаимной приязни я хочу преподнести вам еще один подарок.

В зале стоял сладковатый аромат чараса. Шах выдохнул дым. Посмотрев на Питера темными, затуманенными глазами, он медленно спросил: "Что за подарок?"

— Хорошо, что тут не пьют, — вдруг, озорно, подумал мужчина. "Что этот чарас, что опиум — от них так голова туманится, что и не вспомнишь ничего потом. А пьяный проспится, — и может вспомнить. Надо, кстати, Виллему сказать, чтобы погрузил на "Гордость Лондона" пару десятков тюков гашиша. В Лондоне за него дерутся, я любую цену могу назначать".

— Я купил несколько десятков прекрасных ковров, — громко сказал Питер, — персидских, бухарских, афганских, и был бы счастлив, если ваше величество…

— Везите, конечно, — лениво махнул рукой шах. Затянувшись кальяном, щелкнув пальцами, он велел: "Вальтер, присмотри".

Питер едва заметно улыбнулся. Потянувшись за халвой, он рассмеялся про себя: "Нет, я уж лучше сладкого поем".

Когда они уже миновали пустой, ночной рынок у ворот Лахор, Питер повернулся к Виллему: "Все хорошо. Ты не обижаешься, что я тебя тут одного оставляю?"

Мужчина покачал головой: "Ну что ты, я же понимаю. За товары не беспокойся — все будет погружено на "Гордость Лондона". Луиза присмотрит за вами в Бомбее, садитесь на первый корабль до Кейпа и отплывайте. Вадия, на верфях, знает — какие у нас тут самые быстроходные".

— Мы тебя в крестные позовем, следующим годом. Хотя нет, — Питер задумался, — этим уже, наверное. Напишем, в общем. И один сын, — он остановился на мосту и взглянул на стены Красного Форта, — у нас уже есть. Маленький Майкл, — нежно сказал мужчина.

Виллем прислонился к деревянным перилам. Он вдруг положил руку на плечо кузена: "Будьте счастливы".

— А как же иначе? — удивился Питер, и пока они шли к резиденции, незаметно загибал пальцы на руках: "На Ганновер-сквер надо перестроить этаж, чтобы сделать детские, то же самое — в поместье. Надо сразу поехать на склады в Ламбете — выбрать ткань на платья, пригласить портниху, маленькому купить пони, записать его в школу..., Господи, — он усмехнулся, — какой я дурак! Кольцо куплю, сразу же, в первом же городе по дороге. Ну, их, — он посмотрел на свой перстень, — сапфиры от шаха, Виллему их оставлю".

Он заснул сразу, как только его голова коснулась шелковой подушки. Он видел во сне Марию и детей — мальчиков и девочек, темноволосых и белокурых, смеющихся, бегающих по зеленому, низкому берегу Темзы. Два лебедя медленно плавали в заводи, голова Марии лежала на его плече, он спал, — и улыбался во сне.

В ковре было душно. Марья, прижимая к себе заснувшего сына, испуганно подумала: "Не чихнуть бы". Мишенька чуть посапывал. Она вспомнила слова Фарзаны: "Совсем чуть-чуть ему этого настоя дай, маленькую ложку. До вечера он проспит, а там — вы уже далеко будете. Теперь чадра твоя нужна и туфли, и халатик Мунира какой-нибудь".

— Зачем? — спросила Марья, пряча на груди икону.

— В Джамну бросим, — объяснила Фарзана, расстилая на полу чадру, увязывая в нее вещи. А ты записку оставь. Иду к Аллаху, или к Иисусу, или еще куда-нибудь туда".

Марья невольно улыбнулась. Женщины постояли, обнявшись. Фарзана деловито велела: "Ложись, на телеге доедешь до своего англичанина".

— Жаль, что не увижу ее больше, — грустно подумала Марья, слыша голоса охранников у ворот Лахор. Рейнхардт осадил коня: "По приказанию его величества, ковры поменяли. Вы же сами меня пропускали, утром, когда я новые привез. А эти, — он кивнул на телегу, — на свалку отправляем".

Стражник лениво потыкал копьем поверх груды ковров: "Проезжай".

Решетка заскрипела. Марья вдохнула запах пряностей, жарящегося мяса, до нее донесся гомон базара, перезвон колокольчиков на шеях верблюдов. Она чуть слышно чихнула. Улыбаясь, чувствуя теплые слезы на лице, женщина закрыла глаза.

Телега медленно плелась по южной дороге. Виллем, завидев ее, придерживая своего коня — помахал рукой вознице.

Вальтер остановился: "Принимай груз. Хорошее место ты выбрал, — мужчина оглянулся, — такой лес вокруг, что ничего и не заметишь".

Наверху, на ветвях дерева раскачивались, кричали обезьяны. Виллем рассмеялся: "Обещал одну такую детям привезти, чтобы в саду жила. Питер об этом позаботится. Давайте, Вальтер, фрау Мария же там, — он кивнул на ковры, — в самом низу, наверное?"

— Так безопасней было, — пробурчал Рейнхардт. "Мне еще их вещи надо в Джамну бросить". Они стали разгружать телегу. Виллем развернул ковер и увидел маленькую, изящную женщину в мужском халате и шароварах, что лежала, баюкая дитя.

Она блеснула синими глазами, из-под темной чалмы выбилась прядь белокурых волос. Виллем поклонился: "Здравствуйте, фрау Мария, вы меня тоже на охоте видели. Я кузен Питера, Виллем меня зовут. Все закончилось, сейчас я вас отвезу к Питеру, — он на постоялом дворе, тут, неподалеку, и поедете в Бомбей. Лошади хорошие, быстро доберетесь".

— Спасибо, спасибо вам, — женщина робко, нежно улыбнулась. Виллем, погладил каштановую голову ребенка: "Странно, он на Питера похож".

В маленькой, уютной, устланной коврами комнате пахло пряностями. Питер поднял голову от раскрытой тетради, и захлопнул походную чернильницу: "Денег я на этом путешествии сделал столько, что можно было бы его и повторить. Но нет, — он присел на деревянный подоконник. Внизу, на дворе, снаряжался какой-то караван.

— Марко Поло часть своих странствий вот так проделал, на верблюде, — смешливо подумал Питер. "В его время были настоящие купцы, а мы, — он погрыз перо, — на кораблях привыкли плавать, ленимся. Нет, нет, теперь не дальше Италии. Или Марокко, — он тихо вздохнул. "Не след от семьи надолго уезжать. Теперь хорошо, Констанца, маленький Майкл — им вдвоем веселей будет, а там уже и другие дети появятся".

Питер увидел лошадей, появившихся в воротах. Побледнев, подхватив шкатулку с сапфирами, он спустился вниз.

Она стояла, спешившись, держа мальчика — невысокая, стройная, в темном, простом халате и такой же чалме.

— Господи, я не верю, — подумал он. Подойдя ближе, чуть дыша, он коснулся ее руки. "Питер..., - Мария вскинула на него лазоревые глаза. "Я тебя люблю, — сказал он тихо. "Иди, там комната открыта, найдешь в ней все, что нужно. Я сейчас".

— Спасибо вам, — повернулась Мария к Виллему. Тот рассмеялся: "Жене моей привет передавайте, и не забудьте детям обезьяну привезти".

— За это ты не волнуйся, — успокоил его Питер. Проводив взглядом женщину, он передал кузену шкатулку: "Держи, мне они как-то ни к чему. Все, мы тут переночуем и сразу на юг. Хорошо, что Мария арабский знает, удобней будет до побережья добиратья".

— Приезжай еще, — сказал Виллем, пожимая ему руку. "Или я в Старый Свет отправлюсь, замок-то восстанавливать надо, вряд ли они там, — мужчина махнул рукой на запад, — еще воевать будут".

Питер поскреб в темной щетине: "Завтра к цирюльнику схожу. А с замком на твоем месте я бы не торопился, дорогой кузен, пока деньги не тратил. Просто так приезжайте, мы вам всегда рады".

Мужчины обнялись. Питер, прислонившись к створке ворот, долго следил за всадником, пока он не исчез за поворотом дороги. "Опиум, — думал Питер, поднимаясь по лестнице, — гашиш, слоновая кость, ткани, драгоценные камни. Такого, как Таверньe привез королю Людовику, уже не найдешь, конечно. Синий алмаз. Я бы такой Марии подарил, к ее глазам. Все равно, за тот груз, что у меня на "Гордости Лондона" плывет — половину столицы скупить можно".

Она сидела, устроившись на подушках, смотря на дремлющего сына. "Скоро проснется, — сказал Питер, опускаясь рядом, забирая ее руку в свою ладонь. "Пообедаем, переночуем и отправимся дальше".

— Все равно, — внезапно, твердо сказала женщина, — ты должен знать. Ты же мне муж, Питер, как иначе?

— Муж, — согласился он, поцеловав прядь светлых волос. "Хорошо, — Питер тяжело вздохнул и попросил: "Только руку оставь, любовь моя. Я теперь всегда буду тебя так держать и никуда не отпущу".

Она говорила. Питер, наконец, потянувшись, приложил палец к ее губам. "Все, — сказал он, откидываясь к стене, устраивая голову Марии на своем плече. "Все это прошло, и более, никогда не вернется, любовь моя. Сейчас поедем в Лондон, по дороге заберем мою племянницу в Амстердаме. Она круглая сирота, отец ее тоже — в той же смуте погиб, что и твой муж первый. Констанца ее зовут".

— Дочка мистера Джованни! — ахнула Мария. "Он же у нас жил, на заводе Магнитном. Они с моим мужем, Теодором, большие друзья были. Господи, — она прижалась щекой к щеке Питера, — мы мистера Джованни Иваном Петровичем звали, по-русски. Он о дочке своей часто говорил, любил ее очень. Повесили его, — Мария тяжело, глубоко вздохнула. "Я слышала, как тот…Пугачев распоряжался".

Питер привлек ее к себе: "Джон мне в Китай написал, что Джованни погиб, я почту от него в Кантоне получил. От какого-то русского он это узнал, совершенно точно, в Санкт-Петербурге. Как же его звали, этого русского? Нет, Джон бы не стал упоминать его по имени — мало ли что. Бедная моя девочка".

Он поцеловал розовые, мягкие губы: "Там, в саду, я думал — сознание потеряю, когда тебя увидел. Нельзя быть такой красивой, любовь моя".

Женщина лукаво усмехнулась и, подняв бровь, посмотрела в его лазоревые глаза: "Придется привыкнуть. Я впрочем, тоже — еле на ногах удержалась".

— А сейчас? — тихо, сдерживая себя, спросил Питер. "Сейчас — голова кружится, — услышал он шепот Марии, и жалобно проговорил: "Придется терпеть до Бомбея, надо сначала обвенчаться".

— А как же, — в ее сапфировых глазах метался смех. Питер сердито добавил: "Из лошадей

будем выжимать все, на что они способны. Я хочу через десять дней стоять с тобой перед алтарем, понятно?". Она потрогала золотой медальон на белой шее: "Майклу потом отдам. Вот, смотри, — она расстегнула халат, и положила на ладонь икону. "Это все, что у меня от России осталось, Питер".

У нее были прозрачные, зеленые глаза и бронзовые, распущенные по плечам волосы. Женщина держала на руках дитя, но смотрела не вниз, а вперед — прямо и бесстрашно, не опуская взгляда. "Матерь Божья, — услышал он голос Марии, — только странно, с головой непокрытой. Это дед Федора, мужа моего покойного, из Италии привез, еще в царствование императора Петра".

— Одно лицо, — понял Питер, вспомнив женщину в мужском костюме, с узлом бронзовых волос, что сидела, полуобернувшись, легко, счастливо улыбаясь. "Это тоже — она".

— Мы с твоим мужем покойным, — задумчиво сказал Питер, прикоснувшись губами к ее теплому виску, — наверное, родственники, только очень дальние. У меня в Лондоне есть портрет этой женщины, — он кивнул на икону, — это миссис Марта Кроу, по первому мужу. А по второму — де ла Марк, поэтому мы с Виллемом говорим, что мы — кузены. Воронцов-Вельяминов была его фамилия, мужа твоего?

Марья кивнула, так и не отводя глаз от иконы. "Надо в архиве порыться, — Питер поцеловал ее, — кажется мне, что я где-то в документах видел это имя. Когда ваш царь Петр гостил в Англии, мой прадед его приветствовал от имени лондонских купцов, император даже обедал у нас в доме, на Ганновер-сквер. Мне кажется, дед твоего мужа тогда в свите Петра был. А твой предок, говоришь, из Германии в Россию приехал, и уже на Москве Вороновым стал?"

— Да, — женщина устроилась в его руках: "Господи, как хорошо. С Федей так было — ничего не страшно, если он рядом". Она повернулась, и, целуя его куда-то в глаз, рассмеялась: "Давно еще, при царе Алексее Михайловиче. Он инженер был, горный".

Питер вспомнил сырую, лондонскую ночь, огонь в камине и тихий голос отца. "Вот, смотри. Уж не знаю, правда ли то, или нет. У Ворона было четверо детей. Мальчики, близнецы, и две девочки".

— Я знаю, — кивнул Питер, — поэтому мы с Холландами родственники, и Эстер с Иосифом в Амстердаме — тоже его потомки. Один сын у него в колониях умер, а второй, отец моей, — юноша задумался, — прапрабабушки, — ушел Ледяной Континент искать и не вернулся.

— Сэр Николас, — отец поморщился и чуть помассировал грудь.

— Ноет и ноет, — пожаловался он. "Ему к той поре — уже шестой десяток шел, а леди Констанца, конечно, с ним отправилась. Так и пропали вместе. И вот их дети, — отец указал на родословное древо. Питер уехал в Квебек, женился там, на Марте, дочери капитана Гудзона, Джордан, в Германию отправился, а Софи вышла замуж за твоего прапрадеда, он Майкл был, как и я".

— Кровь Ворона, — задумчиво сказал юноша, рассматривая пожелтевший, загибающийся на краях лист бумаги.

— Да, — отчего-то вздохнул отец. Тяжело поднявшись, он налил себе ложку темной настойки из хрустального флакона. "Видишь, — он указал сухим пальцем, сестра Майкла Кроу, Юджиния — они двойняшки были, — так и не вышла замуж, старой девой умерла".

— А почему? — Питер поднял лазоревые глаза.

— Она очень увлечена была, — отец сел и стал растирать себе левую сторону груди, — этим самым Питером, старшим сыном Констанцы, а тот ей отказал. Ну вот, — он усмехнулся, — кроме него, она и смотреть ни на кого не хотела. Про Мартина с Мэтью ты знаешь. Они оба были в Тессу Смолл влюблены, по уши. Та предпочла Мартина, а Мэтью пошел и донес на всю семью Смоллов, мол, колдовством они занимаются. Мартин застрелил своего брата, и сам тоже — пулю себе в висок пустил после этого. Восемнадцать лет им всем было, молодые, — отец помолчал, — горячие головы.

— Старый герцог Джон на плаху лег, — юноша стал убирать документы, — из-за всего этого. Папа, — он повернулся к Майклу, — а как же теперь всех их найти, — Питер указал на родословное древо. "Это же весь мир объехать надо, да и, то…"

— И не найдешь сейчас уже никого, — коротко заключил отец и устало закрыл глаза.

Питер погладил ее щеку: "С тобой, дорогая жена, мы тоже родственники, наверное. Приедем в Лондон — покажу тебе наши семейные бумаги. Смотри, — нежно сказал он, — маленький просыпается".

Мальчик зевнул. Обведя комнату синими глазками, увидев их, он улыбнулся. "Аби! — сказал ребенок, протянув ручки.

Питер увидел, как Мария покраснела. Мягко взяв дитя на руки, он обнял мальчика: "Маленький мне уже так говорил, во дворце. Он со мной, — мужчина наклонился и поцеловал смуглый лобик, — первым познакомился, да, мой хороший? А по-английски это "папа".

— Папа, — неуверенно повторил мальчик. Посопев, сев в руках Питера, он повторил: "Папа!".

Мария рассмеялась. Питер поцеловал ее белокурый затылок: "Сейчас я спущусь, велю, чтобы принесли обед, а потом — всем спать. На рассвете мы выезжаем в Бомбей. Поплывем по морю, сыночек, — сказал он Майклу. Тот, хлопнув в ладоши, радостно проговорил: "Море!"

Бомбей

Священник осторожно полил каштановую голову ребенка водой. Майкл весело засмеялся. "Слава Богу, — облегченно подумала Мария, глядя на то, как сыну надевают на шею крестик, — вот и все". Двери церкви святого Фомы были раскрыты, из сада тянуло влажным, жарким, напоенным солью воздухом. Питер шепнул ей на ухо: "Мы — следующие, а Луиза с детьми пока там, — он махнул рукой в сторону дверей, — погуляет".

— Тетя Мария очень красивая, — восторженно сказала Маргарита, разглядывая синего шелка, отделанные кружевами, юбки. "Но ты, мамочка — красивее". Луиза де ла Марк улыбнулась: "Господи, бедная женщина, в одном халате сюда приехала. Ничего, в Лондоне ее Питер баловать будет. Как они смотрят-то друг на друга, сразу видно, — налюбоваться не могут".

— Давайте мне крестника, — шепнула она Марии. Женщины, одев Майкла, поставили его на землю. Мальчик потянул Виллема за руку: "Бегать!"

— Вам бы только бегать, — рассмеялась Луиза, — а дома все обезьянку поймать не можете.

Она взяла дочь на руки и пошла к дверям. Питер присел на деревянную скамью: "Обвенчаемся, и я поеду к губернатору Гастингсу. Очень хорошо, что он сейчас здесь, а не в Мадрасе.

Оформлю бумаги для Майкла".

— Можно ведь и в Лондоне, — попыталась сказать Мария, но мужчина поднял ладонь: "Конечно, на обратном пути ничего не случится, но, любовь моя, — море есть море. Если что-то произойдет, я хочу, чтобы вы были обеспечены".

— Ничего не произойдет, — она упрямо покачала белокурой, в кружевном чепце головой. Вздохнув, Мария добавила: "Впрочем, тебе решать".

— Я уже решил, — улыбнулся Питер, и встал: "Пора, ваше преподобие?"

— Да, пойдемте к алтарю, — пригласил их священник. Слушая шуршание шелка, он подумал: "Торопится-то как, сегодня венчается, а завтра они и в Кейп уже отплывают, не хотел прямого корабля ждать. Красавицу, конечно, выбрал, глаза какие — будто незабудки. Господи, а ведь я уже десяток лет незабудок не видел — откуда им тут взяться?"

Питер опустился на колени, и взял ее белую руку: "Я люблю тебя".

— И я, — кружево на груди чуть приподнималось от ее дыхания. Мария, потрогала медальон: "Господи, какая фрау Луиза-то женщина хорошая. Платье мне свое дала, сказала, что за Майклом сегодня присмотрит, чтобы мы вместе побыли. Брачная ночь, — она вдруг отчаянно, жарко покраснела.

— Согласен ли ты, Питер, жить с этой женщиной Марией, после божественного таинства брака, любить ее, утешать ее, чтить и поддерживать в беде и в радости, отказываясь от всех других до тех пор, пока вы оба живы? — спросил священник.

— Да, — его лазоревые глаза вдруг заблестели. Он крепко сжал руку Марии. "Все равно не верю, — улыбнулся про себя Питер. "Вот кольцо надену, и поверю".

— Согласна ли ты, Мария, жить с этим мужчиной, Питером, после божественного таинства брака, повиноваться и служить ему, любить, чтить и поддерживать его в беде и в радости, отказываясь от всех других до тех пор, пока вы оба живы? — священник взглянул на розовые губы женщины и услышал твердое, почти без акцента: "Да".

— Английский я выучу, — улыбаясь, сказала себе Мария. "Арабский же выучила, и Питер сказал, что я быстро схватываю. А маленький — тем более".

Питер достал из кармана сюртука простое золотое кольцо: "Первое, какое в лавке у того ремесленника было. Да какая разница, — он едва удержался, чтобы не припасть губами к ее руке.

— Этим кольцом я обручаюсь с тобой и даю тебе это серебро и золото, клянусь почитать тебя и разделять с тобой все имущество, которое есть у меня, во имя Отца, Сына, и Святого Духа, — тихо сказал он. Мария, почувствовав тепло его дыхания, — совсем рядом, — облегченно, на мгновение, закрыла глаза.-Все, — Питер поднялся. Он обнял ее, целуя мягкие, нежные губы: "Все, любовь моя. Мы вместе, навсегда". Когда они вышли в сад, дети со всех ног кинулись к каменным ступеням. Маленький Виллем радостно дернул Майкла за руку: "Папа и мама поженились, понял?". Майкл раскинул ручки. Мария, присев, обняла его. Питер стоял, и на лице его была нежная, едва заметная улыбка. "Я ведь так долго этого ждал, — сказал он жене, наклонившись, целуя Майкла в лоб. "Так долго ждал вас, милые мои". Она едва слышно всхлипнула и, подняла сына: "Мы тогда пойдем с фрау Луизой стол накрывать, а ты возвращайся быстрее, хорошо?" — Конечно, — просто сказал ей муж. "Я теперь всегда буду

торопиться домой, Мария, — к вам". Луиза взяла детей за руки. Они, все вместе, пошли по дорожке к высоким воротам, что отделяли церковь от большой, зеленой лужайки, за которой блестела вода залива. Вадия оглянулся. Нагнувшись, он незаметно скользнул в низкий, темный дверной проем. Снаружи, на торговой улице, было шумно, кричали разносчики шербета, мычали коровы. Он, поправив белый, аккуратный тюрбан, устроился на подушках. Человек, что сидел напротив, — в невидном, затрепанном халате, вытер красную слюну с губ. продолжая жевать бетель, откинувшись к стене, он усмехнулся: "Не бойся, друг мой, дальше Мозамбика это корыто не доплывет".-Это быстроходный корабль, — холодно заметил Вадия, сцепив смуглые пальцы. Мастер тут же, широко, улыбнулся: "Был когда-то".-Не понимаю, — человек потянулся за серебряной чашей и сплюнул, — почему бы просто его не прирезать во сне. Хотя бы сегодня. Или на корабле.-Тогда придется и остальных убивать, — возразил Вадия, — а это грех. Ахура Мазда заповедовал нам жить праведной жизнью, и наказывать зло. Вот мы и наказываем, а невинные люди пострадать не должны. Тем более дети господина де ла Марка. Моя семья его предку жизнью обязана, он приютил моего прапрадеда, когда тот приехал в Сурат. — Я уже говорил, — мужчина достал из кармана халата тяжелый шелковый мешочек, — я не хочу, чтобы он умер быстро. Ты привяжешь его к мачте и оставишь одного на корабле, пусть сдохнет от голода и жажды. Берег там близко, доберетесь на шлюпках, — добавил он.-А женщина и ребенок? — поинтересовался его собеседник. Вадия пожал плечами: "Это уже ваше дело, друг мой, меня интересует только мистер Кроу, — он положил на резной столик золото, и, не прощаясь, вышел.-Правильно, — подумал Вадия, проталкиваясь сквозь толпу. "Очень хорошо, что он решил не дожидаться "Гордости Лондона". Это большой корабль, было бы сложно сделать так, чтобы она пошла ко дну, даже мне. И капитан там англичанин, его не подкупишь. Пусть "Гордость Лондона" спокойно возвращается домой, а мистеру Кроу чайки глаза выклюют". Он дошел до каменных колонн храма. Ступив в прохладную переднюю, заметив на гладком мраморе пола отблески священного огня, Вадия устало закрыл глаза и нащупал в кармане халата маленький сверток. Вадия развернул его. Положив на смуглую ладонь четыре щепки, он вдохнул сладкий аромат сандала. Он взял со стены темные от нагара, серебряные щипцы. Закрыв шелком лицо — чтобы не осквернить своим дыханием огонь — Вадия подошел к чаше.-Николас, — прошептал он, протягивая огню жертву. "Марта. Грегори. Тесса". Пламя зашевелилось, заворочалось. Вадия увидел темные, наполненные болью глаза отца.-Я… не смог…, - сказал он, схватив его за руку, задыхаясь, сжав пальцы сына. "Не смог…наказать зло. Твоя очередь, сын".-Пусть будет так, — сказал Вадия, все еще глядя в огонь. "Да исполнится по желанию каждого желаемое, которым по своей воле распоряжается Ахура-Мазда". Он взял серебряную ложку. Зачерпнув горячий, серый пепел, помазав лоб и веки, он застыл, склонившись перед чашей. Питер остановился перед дверью спальни и прислушался — жена пела на незнакомом языке, мягко, ласково. Он улыбнулся: "Русский. Надо, чтобы Мария меня научила, раз я в Санкт-Петербург буду ездить. А вот и по-немецки поет, эту колыбельную о снах, которые с дерева падают". Он оглянулся, и, прислонился к покрытой резными узорами стене, — дом был выстроен по-европейски, но все убранство было местным, индийским, и пахло в нем Индией — сандалом и пряностями: — Отец. Смогу ли я, справлюсь? И Мария, она не говорит мне, но я, же чувствую — она их любила. И первого своего мужа, и отца Майкла. Салават его звали, красивое имя. Майкл в него — смуглый и темноволосый, а глаза — все равно синие. Она меня любит, я вижу это, но… — Питер тяжело вздохнул. Он услышал ласковый голос: "Хочешь пожелать маленькому спокойной ночи?" Жена стояла на пороге, закутавшись в шелковый халат Луизы, белокурые волосы были заплетены в косы, на руке блестело кольцо. Питер, будто очнувшись, кивнул: "Ну конечно хочу". В опочивальне, на мраморном столе, горел медный фонарик. "Мы на верхнем этаже будем спать, — подумал Питер, садясь на большую, под кисейным балдахином кровать. "Луиза сказала — возьмет его к себе, если проснется. Какой он еще маленький, господи". Мальчик поворочался, сонно глядя на него: "Папа". Майкл протянул маленькую ручку. Взяв ладонь Питера, он подложил ее себе под щеку. — Доброй тебе ночи, сыночек, — сказал Питер.

Почувствовав, как жена обнимает его сзади, он так и сидел — слушая дыхание ребенка, ощущая на своих плечах ее маленькие, нежные руки. Он нашел пальцы Марии и поцеловал их, медленно проведя губами по белой коже. "Пойдем, — шепнул Питер, поднимаясь, перекрестив ребенка. "Пойдем, любовь моя". На лестнице было тихо и темно, дом уже спал, в раскрытые окна был слышен шум океана. "Острова, — подумала Мария. "И там, в Англии — тоже остров. Господи, да чаяла ли я, за что мне такое счастье? Добраться бы теперь до дома спокойно, детей растить, о Питере заботиться, и больше мне ничего не надо. Нет, — она, на мгновение, замерла в его объятьях, — надо". Дверь спальни легко заскрипела, в саду, под ветром, зашелестели пальмы, его лазоревые глаза были совсем рядом. Мария, вдруг спросила: "Ты был в Венеции?".-Был, — ответил Питер, нисколько не удивившись, расплетая ей косы, окуная лицо в прохладные, белокурые волосы. "Я тебе сейчас все расскажу". Под скользким шелком она тоже — была мягкой, ласкающей руки, покорной. Он стал рассказывать, целуя ее, опускаясь на колени, иногда прерываясь, чувствуя ее руки на своих волосах, слыша ее нежные, приглушенные стоны.-Еще, — попросила Мария. Он, поднял ее на руки: "Теперь же это на всю жизнь, любовь моя. До конца наших дней". Оказавшись на кровати, она приподнялась на локте. Блеснули синие глаза: "Я будто в тюрьме жила все это время, Питер. Только с Майклом говорила, а он же маленький еще совсем. Когда он родился, там, в Бухаре, я лежала ночами, кормила и ему все рассказывала — и об отце его, и о первом муже моем, о России, обо всем..., Ты говори со мной, хорошо, а то я так устала молчать, милый". Питер обнял ее. Устроив жену рядом, опустив голову к высокой, белой, как снег, груди, он тихо ответил: — Я всегда буду говорить с тобой. Буду возвращаться домой из конторы, садиться у камина и все тебе рассказывать, как же иначе? Мой отец так тоже делал, всегда, пока мама была жива. А потом со мной говорил, и с Констанцей, — он внезапно, резко выдохнул и Мария шепнула: — Бедный мой. Я же знаю, что это такое, моего братика на глазах моих убили. Иди сюда, — она нежно покачала его, целуя куда-то за ухо. Питер подумал: "Господи, как я счастлив, только бы ей было хорошо со мной, прошу тебя".-Я тебя люблю, — вдруг, будто услышав его, сказала Мария. Прижавшись к нему всем телом, рассмеявшись, она велела: "А теперь ложись, закинь руки за голову, как тебе нравится..."-Откуда ты знаешь? — удивился Питер.-Я на тебя смотрела, — она удобно устроилась где-то внизу и лукаво добавила: "А ты и не замечал. Ложись и рассказывай мне о грузах на "Гордости Лондона".-Все я замечал, — смешливо сказал муж: "А почему о грузах?" — Потому что я слышала, как ты себе под нос что-то такое бормотал, за завтраком, — ее голос затих. Питер, сквозь зубы, проговорил: "Я не уверен, что смогу это выдержать, любовь моя". Он запустил пальцы в ее рассыпанные волосы, и, улыбнувшись, закрыл глаза. В свете луны она вся была будто выкована из серебра. Он наклонился над ней, и, приникнув к полуоткрытым губам, услышал отчаянный шепот: "Нельзя..., кричать..."-Нет, — согласился он, чувствуя, — всем телом, — ее сладость. "Подожди..., любовь моя..., до Лондона. Я тоже..."-Что? — задохнувшись, откинув голову, цепляясь раскинутыми руками за шелк простыней, спросила Мария.-Люблю, когда громко, — уже не сдерживая себя, ответил Питер, и уронил голову на ее плечо. "Еще хочу, — чувствуя, как беспорядочно бьются их сердца, сказал мужчина. "И буду хотеть всегда". Она пошевелилась под ним, едва слышно застонала, и, одним быстрым движением оказалась сверху. "Я тоже, — одними губами проговорила Мария. Питер, обнимая ее, видя отражение лунного света в ее глазах, вдруг рассмеялся: "Вот сейчас все и повторим, счастье мое, торопиться некуда". Он проснулся первым, и долго лежал, удерживая ее в своих руках, любуясь утомленным, с темными кругами под глазами, лицом. "Хорошо..., - чуть зевнув, дрогнув ресницами, сказала Мария, — что я в мужском наряде поеду. Воротник высокий" Питер прижался губами к синяку на белой шее. Нежно перевернув ее на бок, он согласился: "Хорошо. Вот тут, — он закусил губу, — и останусь, навсегда".-А как же контора? — раздался приглушенный смешок откуда-то из подушек.-Потом, — целуя ее плечи, шепнул Питер. "Все потом, а пока, — он прижал ее к себе близко, совсем близко, — я буду здесь, сколько выдержу".-Долго, — протянула Мария. Он, почувствовав мягкое, нежное тепло ее тела, кивнул: "Очень долго, любимая". Он накрыл ее шелковой простыней, и, взглянув на рассвет за

окном, велел: "Спи. Нам только после обеда в порт. Вот до обеда и спи".-Но Майкл..., Завтрак, и вещи надо..., - Мария глубоко, неудержимо зевнула. "Я сказал, спи, — Питер поднес к губам ее руку. "Отдыхай, любовь моя". Она заснула сразу, как ребенок. Питер, сладко потянувшись, прошел в умывальную. Плеснув в лицо холодной водой, одевшись, он, на цыпочках, спустился вниз и нажал на медную ручку двери. Майкл сидел в постели, недоуменно оглядывая спальню. "Как знал, — смешливо подумал мужчина. "Папа! — обрадовано проговорил мальчик. Питер присел на постель, и, поцеловал его: "Так, старина, нам с тобой надо умыться, все тут прибрать, а потом можно спуститься в сад".-Мама? — поинтересовался мальчик, склонив голову набок.-А мама отдыхает, — Питер взял его на руки, и, пощекотал: "Пойдем, сыночек, мы с тобой поиграем, а мама пусть поспит".-Ага! — согласился Майкл, и, смеясь, дернул его за волосы. Мария стояла у окна столовой, глядя на зеленые лужайки сада. Где-то наверху, в пальмах, раскачивалась обезьяна, утреннее солнце отражалось в воде пруда, рядом с которым стоял павлин, распустив хвост, любуясь собой. — Хорошо вам плыть будет, — сказала сзади Луиза, накрывая на стол. "Ветер поменялся, видишь, не так жарко стало. С гор, северный, как раз до Африки быстро дойдете, а там уже и Кейп рядом". Мария увидела мужа, — он шел по дорожке, держа на руках Майкла, что-то ему, рассказывая. Присев, поцеловав ребенка в щеку, он указал на небо. Мальчик кивнул головой и улыбнулся.-Прятки! — потребовали Виллем и Маргарита. "Вы с Майклом ищите нас, дядя Питер".-Будем, — согласился мужчина. Майкл весело повторил: "Будем!" Мария всхлипнула. Луиза обеспокоенно спросила: "Да что ты?". Она подошла и, обняла женщину: "Не надо, не надо милая, все закончилось. У тебя сейчас ничего, кроме счастья, не будет".-У тебя тоже, — сквозь слезы сказала Мария, положив руку на чуть выступающий живот Луизы. "Я поэтому и плачу, милая, — от счастья".-Смеяться надо, — Луиза протянула ей шелковый платок. "Что муж-то твой, не переживает, что косы твои пострижем?" — Переживает, — Мария вытерла лицо и покраснела. "Хотя до Лондона как раз они и отрастут, а в мужском наряде ехать удобнее".-Ну, зови их, — попросила вторая женщина, — все готово уже. Мария вышла на террасу и, подняв голову в небо, застыла — в небе кружился мощный, коричневый ястреб. Птица взмахнула крыльями, и, развернувшись — исчезла из виду. Индийский океан. Над едва колыхающейся гладью воды вставал нежный, ранний рассвет. Корабль, — небольшой, одномачтовый, — медленно дрейфовал на юг. Вокруг не было ничего, кроме едва заметных, легких, темно-синих волн и огромного, розовеющего на востоке неба. Ставни каюты были открыты. Мария, пошевелившись, приподнявшись — взглянула на подвешенную к потолку колыбель. Сын спокойно спал, подложив ручку под каштановую голову. Она улыбнулась и посмотрела на мужа. Темные, длинные ресницы едва дрожали. Мария смешливо подумала: "Какой он красивый. Будто ангел небесный. Господи, как я его люблю". Питер, не открывая глаз, взял ее руку и направил вниз, под холщовую простыню. "Только, — он потерся о белое плечо, — сначала я, любимая, а то я соскучился, с вечера. Иди сюда, — он перевернулся на спину. Улыбаясь, он посмотрел вверх: "Очень красивый вид. Так бы и любовался, но хочется и на вкус попробовать".-У тебя, — Мария вцепилась рукой в переборку, — это очень хорошо получается. Только..., надо тише... — И слова не скажу, — пообещал ей муж. Женщина, почувствовав его губы, прикусив руку, — откинулась назад. Колыбель чуть раскачивалась, ветер усилился. Майкл, чуть зевнув, перевернувшись на другой бок — заснул еще крепче. Мимо ставень промелькнула чья-то темная тень. Капитан "Аль-Садии" поднял голову от карты: "Так. Пять миль до африканского берега и впереди мели. Лучшего места не найдешь. Безлюдно, пустынно — мистеру Кроу никто на помощь не придет. Тут все и сделаем". — А женщина и ребенок? — поинтересовался моряк.-Возьмем с собой, — капитан пожевал бетель и вытер красную слюну рукавом халата, — там, — он махнул в сторону Африки, — продадим, по дороге. Пойдем на север, к Мозамбику, достанем какую-нибудь посудину, и доберемся домой.-Жалко, — помощник погладил борт "Аль-Садии". "Жалко ее бросать". Капитан оскалил редкие зубы. "Мне этот парс столько заплатил, что в Бомбее я снаряжу большой корабль, хороший, с пушками. Погуляем вволю". Он достал из-за пояса халата пистолет, и задумчиво повертел его в руках: "Ты же обыскивал их вещи, пока они спали.

Есть у него оружие?" — Есть, — кивнул помощник. "Но они сейчас, — он тонко усмехнулся, — наверняка занимаются тем, чем положено заниматься в медовый месяц. Он и дотянуться до своего пистолета не успеет". Большой, красивый ястреб, покружив над кораблем, сел на мачту. Капитан удивился, подняв голову: "Надо же, как далеко от суши залетел, обычно их тут не увидишь. А вот и чайки". Стайка птиц, — две большие, одна поменьше, — хлопая крыльями, стала устраиваться на реях.-Спускайте шлюпку, — велел капитан, — я пока разберусь с этим англичанином.-Стойте, — помощник указал на восток. "Что это, туча?". Капитан вгляделся в медленно темнеющее небо и услышал хриплый крик ястреба откуда-то сверху.-В жизни не видел, чтобы их столько было, — сказал он, поднимая пистолет. Они летели на запад, — сотни, тысячи птиц, кружась над "Аль-Садией", опускаясь на палубу.-Аллах милосердный, — пробормотал капитан, посмотрев на горизонт, — а вот теперь точно — надо удирать отсюда. Давайте быстрее, — обернулся он к матросам, — не видите, что ли? С севера задул резкий ветер, раздался удар грома, парус заполоскал. Помощник, вздрогнув, спросил: "Да откуда эта гроза? Все же тихо было". Капитан выругался по-арабски: "Бывает такое. Надо уйти от них, — он показал на волнующееся море вдалеке. Помощник вгляделся и увидел три тонкие полоски, что быстро приближались к "Аль-Садие". Парус надулся, корабль рванулся вперед. Моряк тихо сказал: "Не уйдем, они слишком близко". -Когда я вернусь, — капитан поджал губы, — все должны быть уже в шлюпке. Выгребем. А корабль, вместе с англичанином, пусть поднимает водяным смерчем, не жалко. Он ступил на трап и ястреб, расправив крылья — молнией ринулся вниз. Вцепившись острыми когтями в прикрытые халатом плечи, птица ударила клювом в затылок капитана.-Стреляй же! — закричал тот помощнику. "Стреляй в него!" Чайки, злобно клекоча, стали виться над палубой, бросаясь на людей. Ястреб что-то хрипло прокричал и, вцепившись клювом в ухо капитана — стал рвать его, мотая красивой головой. Снизу, из каюты, донесся плач ребенка.-Как качает, — испуганно сказала Мария, беря на руки сына, успокаивая его. "Питер, что же это такое?" — Все будет хорошо, мы близко от берега, — он быстро собрал вещи в кожаный мешок. Проверив пистолет, Питер велел: "Возьми шаль, посади туда Майкла, и пойдем. Даже если это шторм — земля тут совсем рядом, я помню карту". Он вышел в коридор и прислушался — с палубы доносились крики и стрельба. "Нет, — он повернулся к жене, — не надо рисковать. Это могут быть пираты, тут они тоже есть, в Индийском океане. Сейчас вернемся в каюту и закроем дверь на засов".-Папа? — недоуменно сказал Майкл. "Не волнуйся, — он прикоснулся губами ко лбу ребенка, — я же с вами, сыночек, все в порядке". Дверь захлопнулась. Мария сказала: "Шлюпка. Странно, только в ней нет никого. Эта наша, с корабля".-Подожди, — Питер перегнулся наружу. Подхватив канат, он привязал шлюпку к ставне. "Спускайтесь, — велел Питер, глядя на высокие, с белыми гребнями волны. "И вправду, какой шторм, на ровном месте, — подумал он. "Ничего, за ними нас как раз — не заметят" Он подождал, пока Мария устроится в шлюпке. Спрыгнув на дно, Питер взял весла: "Жалко, что паруса нет. Но ничего, ветер такой, что нас и так к земле вынесет". Шлюпка поднялась на гребень волны. Мария ахнула: "А где же второй корабль, если это пираты?" Питер оглянулся и застыл — водяной смерч подхватил "Аль-Садию", и, подняв ее, легко, будто игрушку, закрутив — бросил вниз. Он услышал треск дерева и, взглянул на бледное лицо жены: "Ты не бойся, мы выберемся".-Птичка! — весело крикнул Майкл, указывая на корму шлюпки. "Большая!" Коричневый ястреб покружился над морем, сопровождаемый тремя чайками. Легко встав на крыло, он ушел вверх, исчезнув в огромной стае. Развернувшись над обломками "Аль-Садии", пиццы полетели на восток, в открытое море. Мария тихо сказала: "Смотри".-Займи чем-нибудь Майкла, — попросил Питер. Взяв весло, он подтащил поближе труп, что плавал лицом вниз на воде. Он перевернул тело и, одними губами прошептал: "Вот оно как, значит". Вместо глаз у человека зияли кровавые провалы, лицо было исклевано. Питер перекрестился и оттолкнул труп: "Все, незачем тут болтаться, надо быстрее грести к берегу". На белом песке весело горел костер. Мария насадила на кинжал рыбу: "Жалко, соли нет. Но морской водой полить можно. А как же мы теперь, без шлюпки?" Питер вздохнул, и погладил ее по коротко стриженым, белокурым волосам: "Мы бы все равно на

лодке до Кейпа не дошли, это опасно очень. А деревьев тут нет, — он оглянулся и посмотрел на бесконечный, пустой берег. "То есть они растут, но там, — он указал рукой, — дальше, если идти вглубь земли". Майкл дремал, привалившись к мешку, укутанный шалью.-Держи, — женщина положила рыбу на дощечку. "Ешь, — кивнула она мужу, — я потом".-Ничего, — Питер облизал пальцы и удивленно сказал: "Вкусная!". "Ничего, — повторил он, — золото у нас есть, пистолет с порохом — тоже, а потом я лук сделаю. Ты же умеешь из лука стрелять?" — Конечно, — Мария улыбнулась, — я в лесу выросла, на прииске, не забывай. Лошадей бы, — она вздохнула и прижалась к плечу мужа.-Достанем, — уверил ее Питер, подув на кусок рыбы. "Открывай рот, — велел он и поцеловал нежное ухо. "Отсюда пойдем на юг, — он потянулся за кинжалом и быстро начертил на песке карту. "Только не вдоль моря, тут и, правда — пиратов много. На юго-запад, — поправил он себя. Мария поднялась и посмотрела на плоскую равнину, что темнела вдали. "Питер, — она обернулась, — а там был кто-нибудь вообще, до нас?" — Из белых — вряд ли, — спокойно ответил ей муж, вставая рядом, беря ее за руку. "Но это совершенно неважно, я обещал довезти вас домой, и довезу".-Хорошо, — тихо сказала ему Мария, все еще разглядывая бескрайнее, пустынное пространство перед ними.

Интерлюдия

Карибское море, февраль 1777 года

В каюте было накурено, пахло ромом. Черный Этьен, вычищая кинжалом, кровь из-под ногтей, велел: "Пей!"

— Мне нельзя, — хмуро ответил Иосиф, отодвигая бутылку. "Я ведь вам говорил уже, месье Этьен, я еврей".

— Не ври мне, — капитан "Молнии" ощупал языком гнилой зуб. "Я жил с девкой, вашей, тоже — с голландского барка ее снял, они семьей в колонии плыли. Так она мне рассказывала, что вам вина нельзя, а ром и кашасу — можно. Потом в бордель ее продал, в Ресифе, кажется, — он нахмурился: "Или в Веракрусе. Не помню, в общем. Так что пей, а то, — Этьен мелко рассмеялся, — я подумаю, что ты меня не уважаешь. А капитана, — он поднял грязный палец, — надо уважать, понял, доктор?"

— Понял, — Иосиф выпил сразу половину стакана и злобно подумал: "Пристрелить бы тебя прямо здесь, конечно, но нельзя, — Фэрфакс мне велел не рисковать".

— Это очень хорошо, — Этьен порезал солонину, — что ты моего старого друга, Генри Фэрфакса — вылечил. Я за ним, доктор, два десятка лет гоняюсь. Он же ссучился, — Этьен поморщился, — завязал, думал, — капитан стал шумно жевать, — что не найду я его. А я нашел, — он вытер губы. Посмотрев мутными глазами на Иосифа, пират усмехнулся: "Ты ему ступню отрезал, а я дальше буду его резать — по кусочкам, пока он мне не скажет, где клад".

Этьен перегнулся через заваленный объедками стол. Дыша на Иосифа перегаром, он оглянулся по сторонам: "Клад Энрикеса, понял? Два клада тут было — Ворона, да тот пропал давно. Остров, у Джеймстауна — вдоль и поперек изрыли, а не нашли. А еще — клад Энрикеса, он его для сына спрятал, того, что ему Черная Джо родила, — толстые, мокрые губы Этьена расплылись в ухмылке. Он добавил, разливая ром:

— Тоже Джо. Только наша — доска, ни кожи, ни рожи, а та, я слышал, красавица была. Энрикесу уже шестой десяток шел, а ей — едва двадцать исполнилось. Она у него помощником плавала, лихая баба, судя по всему. Слышал же ты про Черную Джо? — спросил Этьен. Иосиф, выпив, посмотрев в красные, осовевшие глаза капитана, кивнул: "Слышал".

В библиотеке горел камин. Джон разложил на коленях какие-то бумаги, и оглянулся на дверь: "Только детям об этом знать совершенно незачем, не для их ушей все эти истории. Пока что".

Джованни вздохнул. Налив себе вина, он хмуро сказал: "Я, в общем, о своем прапрадеде наслышан, спасибо. Да и ты тоже, думаю, — он повернулся к Иосифу.

Тот отпил виски, и, погрев в руках серебряный бокал, хмыкнул: "А как же. Только вот вряд ли его светлость герцог Экзетер нас сюда позвал для того, чтобы рассказывать о смерти семьи графа Ноттингема. Это мы и так помним".

Джон подпер подбородок кулаком и, посмотрел в огонь: "Когда король Чарльз казнил моего предка, из-за того дела Смоллов, леди Беллу отправили в ссылку, сюда, в Оксфордшир, с детьми. Впрочем, Вероника уже помолвлена к тому времени была, с графом Лестером. Тот оказался приличным человеком, и помолвку не разорвал, даже после их опалы".

— Было же две сестры, — нахмурился Джованни. "Близнецы. Вторую Джозефина звали, я помню".

Джон вздохнул и откинулся на спинку большого кресла. "Джо сбежала. В Плимут, а оттуда — на Карибы. Вот, рапорт от Уильяма де ла Марка, с Барбадоса, помечено 1632 годом, через год после казни старого герцога. "Капитан Энрикес основал собственное бандитское государство, на одном из островов у побережья Бразилии, и объявил себя его правителем. При нем есть и королева — некая авантюристка, называющая себя Черной Джо. Судя по донесениям, она англичанка, отлично говорит по-французски, и на других европейских языках, знает навигацию, и прекрасно владеет оружием. После того, как мы получим более полные сведения о местонахождении острова, предполагаю его атаковать, чтобы прекратить вылазки пиратов в этом районе Карибского моря".

В библиотеке повисло молчание. Иосиф, неуверенно, сказал: "Может, это и не она была…"

— Чует мое сердце, что она — кисло, заметил герцог: "Потом Энрикес поехал к Генри Моргану, советником. После этого следы их потерялись — и капитана, и этой Черной Джо".

— Вот еще, — он взглянул на Джованни, — о твоем прапрадеде. Леди Вероника Холланд вышла замуж за графа Лестера, родила ему сына, Джеймса, и все было хорошо. Потом началась гражданская война. Мистер ди Амальфи из владельца типографии, где печатались всякие сочинения пуритан, стал правой рукой Кромвеля.

— И? — Джованни поднял бровь.

— И граф Лестер погиб на поле боя, а сын Вероники, подросток, ему двенадцать лет, было — попал в плен, раненый, он с отцом вместе сражался…, - Джон помолчал. "Твой прапрадед делал предложение Веронике, давно, однако она ему отказала. Так вот, — он горько усмехнулся, — мистер Пьетро приехал к ней, сюда, в Оксфордшир, — поместье Лестера сожгли, леди Вероника тут обреталась. Он предложил ей, так сказать — помочь".

Джованни побледнел. Иосиф подумал: "Господи, ну вот только этого ему еще не хватало".

— В общем, — Джон вздохнул и стал собирать бумаги, — леди Вероника вышла за него замуж, а юному Джеймсу Лестеру — все равно отрубили голову. Вероника родила твоего прадеда, его тоже Джованни звали, ну а мистер ди Амальфи, как мы все знаем, погиб в битве при Марстон-Муре, его сыну тогда и года не было. Вот так.

mir-knigi.org

Он встал. Убрав папку куда-то подальше, закрыв на ключ двери шкапа, Джон обернулся: "А вообще — все это быльем поросло, нечего и вспоминать больше".

Этьен сплюнул на пол каюты, и развалился в кресле:

— Как Энрикес умер, Черная Джо одна плавать стала, с сыном их. То ли Исаак его звали, то ли еще как-то. Конверсо они спасали, Энрикес тоже — этим занимался. В Картахене должны были какую-то бабу жечь, из евреев, с детьми. Черная Джо с Исааком собрали целый флот, и туда отправились. Да не повезло им — испанцы их расстреляли. Так что лежит она на дне гавани, и сын ее там же. А клад, — Этьен потянулся за второй бутылкой, — клад они забрать не успели. И эта сука Фэрфакс, — капитан стукнул кулаком по столу и рыгнул, — скажет мне, где он! Давай лечиться, — велел Этьен, выпив.

— Лежит, там, где ее дед, — вздохнул Иосиф, вытирая руки, доставая футляр с инструментами. Он набрал густой жидкости в шприц. Этьен жалобно выругался: "Вот же дрянь! Я ее спрашивал — чистая, мол? Она клялась, что да. И сифилис ты мне тоже вылечишь, — приказал он, застегиваясь.

— Вылечу, — холодно подумал Иосиф, наливая темной настойки в оловянный стаканчик. "У тебя, мерзавца, скоро нос провалится, хотя ты до этого не доживешь".

— Лауданум, — сказал он. Черный Этьен жадно выпил. Устраиваясь на койке, он зевнул:

— Завтра зубом моим займемся, а потом капитаном Фэрфаксом. Я теперь тебя никуда не отпущу. Мне надо, чтобы он жил, а то кто же ему ногу лечить будет? — Этьен расхохотался и захрапел.

Иосиф немного подождал. Обведя глазами загаженную каюту, тихо поднявшись, он забрал со стола связку ключей. Сунув в карман холщовой куртки инструменты, Иосиф неслышно открыл дверь. Пригнувшись, мужчина шагнул в низкий, темный коридор.

Она стояла у трапа, с фонарем в руках.

— Все готово, — не глядя на него, едва слышно сказала девушка.

— Иди на палубу, я сейчас, — ответил Иосиф, исчезая в черной глубине проема, что вел в грузовой трюм. Джо закусила губу, и, что-то пробормотав, — стала подниматься наверх.

Иосиф встал на колени рядом с Фэрфаксом, и отдал ему ключи: "Капитан, пожалуйста, довезите ее до Плимута. Там мало того, что ее брат искать отправился, да еще и отец за ними поехал".

Фэрфакс потянулся. Разомкнув кандалы на ноге, он потер руками лицо. "Довезу, конечно, — буркнул он. "Что там Этьен — спит?"

Иосиф кивнул, и, осмотрел протез: "Отлично получилось, даже не верится, что я операцию не в кабинете делал, а в трюме, во время качки. Зажило отменно". Фэрфакс пошарил в соломе. Найдя костыль, капитан отмахнулся: "Пока и сам могу, дорогой мой. Вахтенный где?"

— Я его в море отправил, уже давно. Там Джо на палубе, — Иосиф помолчал: "Капитан, а как вы все это вдвоем сделаете? Может, мне остаться? Этьен до утра проспит".

— До утра тут все будет закончено, — Фэрфакс взял у врача фонарь. "Молния" стояла на якоре, чуть покачиваясь, в трюме было душно. Капитан, ловко карабкаясь по трапу, заметил: "Нечего тебе тут больше делать. Езжай в эту Йоденсаванну, мы как раз напротив устья реки. Пятьдесят миль вверх, и ты там. А потом в Картахену отправляйся. Там сядешь на корабль, что до Флориды идет. И не лезь на рожон, тебе сестру найти надо".

Они стали подниматься наверх. Иосиф, вдыхая кислый запах пота, услышал храп моряков: "Два десятка человек в команде, отъявленные головорезы, как старик и девчонка с ними всеми расправиться собираются? У Фэрфакс, конечно, рано поседел, так — ему еще шестидесяти нет — но все равно. И на костыле он".

— Девчонка, — Иосиф почувствовал, что краснеет.

В трюме было прибрано, Фэрфакс лежал на чистых, шерстяных одеялах. Иосиф закончил перевязку: "Ну вот, капитан, через пару недель я вас поставлю на протез. Не волнуйтесь, руки у меня хорошие, я в Амстердаме — у настоящих мастеров учился".

— Руки у тебя золотые, — Фэрфакс сел, прислонившись к переборке. Он принял от Джо оловянную флягу с кофе.

— А Джо мне не дается, — усмехнулся Иосиф, — я ему говорил — дай посмотрю, как рана зажила, а он все отнекивается. Скажите ему, капитан, стесняться нечего, мы же все тут мужчины.

Иосиф перевел глаза на парнишку и увидел, как тот зарделся, — мгновенно, густо. "Слепой ты что ли, доктор, — сварливо сказал Фэрфакс, завинчивая крышку фляги, — какой он тебе мужчина. Девчонка это".

Иосиф посмотрел на медвежий клык, что болтался рядом с крестом на стройной шее: "Господи, какой я был дурак".

— Немедленно домой, — он мерил шагами трюм. Забывшись, стукнувшись головой о балку, мужчина сочно выругался.

— Осторожней, — робко сказала Джо, стоя у трапа. "Вы ударитесь".

— Сам разберусь, — ядовито отозвался Иосиф. Он повернулся к Фэрфаксу: "Капитан, я вас прошу — отвезите ее в Плимут. Ей пятнадцати лет еще не было, этой дуре, какой из нее моряк?"

— В общем, неплохой моряк, — заметил Фэрфакс, и чему-то улыбнулся. "Я тоже — в ее годы на марсе стоял, даже помладше был".

— Ее брат ищет, отец..., - Иосиф присел рядом с Фэрфаксом и, помолчал: "Я бы и сам с ней туда отправился, но мне сестру найти надо, и воспитанницу нашу. Мне надо в колонии, в Чарльстон. Я прошу вас, капитан".

— Отвезу, — хмуро сказал тот. "Как только закончим это дело, с "Молнией", — сразу развернемся и пойдем домой. А ты что ее, не узнал, что ли? — он кивнул на Джо.

— Я ее последний раз видел, как ей девять лет, было, — отозвался Иосиф. "Пойдем, — велел он Джо, — мне твой отец и так голову снесет, конечно, но я хоть посмотрю — что у тебя за рана

mir-knigi.org

была. У тебя же язык без костей, как известно, врешь и не краснеешь".

Она только низко опустила изящную, коротко стриженую, темноволосую голову.

В ее каморке было темно, пахло солью, за раскрытыми ставнями томно плескалось море. У нее были тонкие, белоснежные плечи и худая, с выступающими лопатками спина. Она стояла, отвернувшись, прижимая к груди куртку.

Иосиф взглянул на круглый, розовый шрам повыше острого локтя и зло спросил: "Ну что ты за дура, Джозефина? А если бы он тебе локоть прострелил? Скажи спасибо, что навылет прошла". Он прикоснулся к ее руке. Осмотрев шрам, — девушка вздрогнула, Иосиф вздохнул: "Одевайся".

— Меня зовут Джо, — буркнула она, натягивая рубашку.

— Тебя зовут дура, — отрезал Иосиф. Он вышел, от души хлопнув дверью.

Фэрфакс остановился у капитанской каюты, — из-за хлипкой двери доносился храп Черного Этьена, и положил руку на плечо Иосифу:

— Запомни — там, в Картахене, дружок мой сидит, дон Фернандо. Кабак в порту держит. Если что — придешь к нему сам, или пришлешь кого-нибудь. Скажешь вот это — Фэрфакс поманил к себе Иосефа и шепнул что-то ему на ухо. "Кому надо — передадут".

— Не смейся, — он заметил улыбку на красивых, обветренных губах, и ласково потрепал Иосифа по темноволосой голове, — со старых времен осталось, пока мы с этим, — он кивнул на каюту, — еще по разным дорогам не пошли. Слова-то простые.

— Иди, мальчик, — он переложил костыль в левую руку. Иосиф увидел, как блеснули сталью его серые глаза. "Иди, а то у нас тут будет сейчас, — Фэрфакс поискал слово, — много работы. Спасибо тебе. Может, и встретимся еще". Они пожали друг другу руки. Иосиф, идя к трапу, успел заметить, как Фэрфакс открыл дверь каюты Черного Этьена.

Он спустился в шлюпку, — Джо уже сидела на веслах, — и, не глядя на нее, велел: "На руль иди, я сам грести буду".

— Да я бы..., - начала девушка. Иосиф, подтолкнув ее к носу, опустившись на скамью, — взялся за весла. Лодка пошла к берегу. Он, подняв голову, посмотрел на блистающий, величественный Млечный Путь: "Правильно. Раз мы уж тут, рядом с Йоденсаванной — надо узнать, что с ними случилось, с этими Горовицами. А потом — на север. Денег у меня нет, конечно. Ничего, справлюсь. Заработаю".

— Я вам золото принесла, — донесся до него голос Джо. "Немного, но..."

— С ума сошла, — поморщился Иосиф. "Убери немедленно, и чтобы я больше об этом не слышал. А, — он приподнялся, — вот и река".

— Суринам, — тихо сказала девушка. "Вам по ней, прямо, на юг. Вы меня тут высадите, — она указала на пристань, что темнела вдали. "Меня подберут".

Иосиф посмотрел на широкое устье реки, — в свете звезд легкие волны отливали золотом. Он, молча, направил лодку к берегу.

— Хотя бы галеты возьмите, — отчаянно попросила Джо. "Пожалуйста, вы же ночью рыбачить не будете. Проголодаетесь ведь до утра".

Иосиф вздохнул и принял от нее холщовый мешочек. "И чтобы сразу же шли в Плимут, — приказал он, когда Джо выпрыгнула на пристань. "Не смей тут болтаться, поняла? Отцу твоему я напишу, как доберусь до Чарльстона".

Иосиф вывел лодку на середину реки. Джо все стояла, засунув руки в карманы куртки, смотря ему вслед. Шлюпка пропала из виду. Она, всхлипнув, вытерев лицо рукавом, загребая сапогами песок, пошла к морю, туда, где виднелся какой-то слабый огонек.

Костер уже почти догорел. Мужчины, что сидели вокруг, завидев ее, стали подниматься. Кто-то столкнул вытащенную на берег шлюпку в воду.

— Aujourd'hui, le mauvais temps, — сказала Джо. Девушка чему-то улыбнулась: "Спасибо, господа, капитан Фэрфакс ждет нас на "Молнии".

Уже взбираясь по трапу, Джо оглянулась: "Да что это ты? Забудь, забудь, ты его больше никогда не увидишь".

Она вспомнила его ловкие, длинные пальцы, темные, красивые, с искорками смеха глаза. Вспомнила, как он чертыхался, забывая нагибать голову, в низких корабельных коридорах. Приказав себе не плакать, Джо до крови закусила губу.

Фэрфакс стоял у штурвала. Он обменялся рукопожатием с одним из мужчин: "Этьен уже рыб кормит. Заканчиваем с остальными и снимаемся с якоря". Моряки пошли вниз. Капитан, взглянув на Джо, что стояла, прислонившись к борту "Молнии", вздохнул: "Так ничего и не сказала ему".

— Да что говорить! — горько выкрикнула Джо, стукнув кулаком по обшивке. "Что говорить, капитан, когда…"

Она отвернулась и почувствовала, как Фэрфакс обнимает ее. От капитана пахло табаком и кофе. Джо уткнулась лицом ему в грудь. Девушка разрыдалась, что-то шепча, — неразборчиво, жалобно.

— Ну, ну, — Фэрфакс погладил жесткие, короткие волосы. "А что бы Ворон на это сказал, а? А твоя, кто она там тебе была…"

— Сестра прапрадеда, — всхлипнула девушка. "Черная Джо".

— Ну вот, — Фэрфакс улыбнулся, — не зря я тебе о ней говорил, юный Джо Холланд. Придумаем что-нибудь, не плачь. Пошли, — он посмотрел на восток, — светает уже. Сейчас от трупов избавимся, и будем сниматься с якоря, пора и дальше.

— Куда? — мрачно спросила Джо, одергивая куртку. "В Плимут, что ли?".

Капитан оперся на костыль: "Посмотрим. Сначала заглянем в одно местечко, заберем там то, что твое по праву, дорогая моя. Клад Энрикеса, — добавил он, и стал спускаться вниз по трапу.

Джо положила руки на штурвал и посмотрела на берег. За белым песком не было видно ничего, кроме широкой, медленной реки и густой, зеленой пены джунглей. "Господи, — шепнула Джо, все еще глядя вдаль, — пожалуйста, сохрани его. Прошу тебя, Господи".

mir-knigi.org

Москиты надоедливо, злобно пищали. Иосиф, отмахнувшись, стерев пот со лба, услышал сзади мягкий голос: "Это новое кладбище, ему лет пятьдесят, а старое там, — Давид Наси показал куда-то за деревья, — пойдемте, я вас проведу".

Поселение было окутано влажной жарой, вдалеке блестела полоска реки, черепичные крыши домов были раскалены солнцем. Мужчина, идя по узкой дорожке, подумал: "И как они тут живут, я бы не выдержал. Круглый год пекло".

— Для сахарного тростника хорошо, — будто прочитав его мысли, обернулся Наси. "Однако люди, уезжают, конечно, в столицу. Сами понимаете, там порт..., - он пожал плечами и поправил кипу. "И вообще — это сейчас тут безопасно, мы и каменную синагогу построили, вы сами видели, а сто двадцать лет назад, — он вздохнул, — поселение, чуть ли не каждый год жгли. Индейцы, испанцы, португальцы. Мы тут между молотом и наковальней, дон Иосиф, — на юге инквизиция, на севере — тоже".

Они вышли на открытую дорогу, что вилась между посадками тростника. "Я смотрю, у вас рабы, — хмуро сказал Иосиф, глядя вдаль, туда, где между стеблями виднелись черные головы рабочих.

— А тут иначе нельзя, — отозвался Наси. "Индейцам мы не доверяем. Да и не пойдут они в поле работать, не умеют они этого. Негров мы покупаем задешево, сейчас очень упали цены на живой товар. А что вы спрашивали насчет документов, так, — мужчина приостановился, — с того времени, прошлого века, — ничего не осталось. Синагога деревянная была, как поселение горело — так и бумаги все вместе с ним".

Иосиф поскреб в темной бороде: "Не зря они синагогу назвали "Браха ве-шалом", "Благословение и мир", мира тут у них как раз не хватало".

— Вот, — Наси остановился и показал на зеленую поляну, усеянную серыми камнями. "Тут мало что осталось, но, если мы обломок надгробия находим — сюда приносим. Походите, дон Иосиф, поищите, а я пока на стол накрою. Была бы жива жена, — он помолчал, — но, сами понимаете, оспа..., Четыре года назад вспышка была".

— Прививались бы, — ничего бы не случилось, — хмуро сказал мужчина, засучив до локтей рукава белой, пропотевшей насквозь рубашки.

Наси всплеснул толстенькими ручками: "Вы верите в это шарлатанство?"

— Верю, — коротко ответил Иосиф. Не оборачиваясь, он зашагал к высоким деревьям. В ветвях кричали, перекликались обезьяны. Наси, рассматривая сильные, широкие плечи, подумал: "Вот же вымахал, ладонь размером с мою голову. И в Картахену его несет, я же ему сказал — опасно это, там испанцы. Сел бы себе на корабль, и вернулся в Старый Свет, а оттуда бы ехал в свой Чарльстон. Упрямец, — плантатор засеменил по пыльной дороге обратно к поселению.

Он нашел их почти сразу. Два старых, поросших мхом камня, маленьких, вросших в землю, лежали рядом друг с другом. Иосиф опустился на колени. Завидев знакомые буквы, достав из мешка за спиной футляр с инструментами, он осторожно начал счищать ножом мох.

Поблизости прыгала какая-то яркая, красивая птица. Мужчина, вдруг, закрыл глаза: "Господи, как далеко. Новый Свет. Как она сюда поехала — одна, с детьми, и не побоялась ведь. Сара — Мирьям".

Он аккуратно сдул остатки мха с камней. "Хана и Дебора Горовиц, 8 лет, 1653 год. Да будут

души их связаны в узел жизни у Господа — прочитал он. "Двойняшки, — Иосиф поднялся. "Бедные, скорее всего от этой местной лихорадки умерли. Я читал про нее, "черная рвота" называется. Когда же мы научимся лечить эпидемии? От оспы — и то не хотят прививаться, а сколько еще болезней на свете, — он, подняв какой-то камешек, положил его на могилу девочек.

— Вот так, — вслух сказал Иосиф и подумал: "Кадиш надо прочитать. Я же по отцу читаю, каждый год, хоть и в Бога не верю. А, — он махнул рукой, — все равно".

Он стоял, шевеля губами. Потом, тяжело вздохнув, развернувшись, Иосиф вышел на дорогу.

Обед был накрыт на террасе, спускающейся к реке. Иосиф пригляделся и увидел, как ниже по течению негры грузят на низкие, плоскодонные лодки какие-то мешки.

— У нас тут все свое, — весело сказал Наси, подождав, пока чернокожий слуга разольет по бокалам лимонад.

— Вот, — он подвинул Иосифу серебряный бокал, — тут наш сахар, мы его сами делаем, поставили три мельницы и пресс. Потом мы его отправляем в порт. Если бы тут рос виноград, — Наси жадно выпил, и принялся за курицу, — я бы вас угостил вином, уверяю.

— Я нашел могилы двоих Горовицей, — тихо сказал Иосиф, все еще смотря на реку. "Девочки, двойняшки, умерли в 1653 году. Наверное, эта ваша лихорадка".

— Да, тут ее много, — Наси наморщил лоб. "В следующем году, если мне память не изменяет, поселение атаковали, испанцы. Людей увели с собой, все сожгли дотла….- он вздохнул. "Простите, что вам не удалось больше узнать".

— Я понимаю, — Иосиф отложил вилку: "Все, делать тут больше нечего, надо отправляться в Картахену. Наси обещал мне проводника дать, кого-то из местных. После Шабата и выйдем. Почти тысяча миль, но тут на лодке можно добраться".

— Послушайте, дон Давид, — он взглянул на плантатора, — а почему нельзя по морю плыть? Быстрее же.

Наси покачал головой и стал загибать пальцы: "Во-первых, корабли из Парамбарибо ходят только на Синт-Эстасиус, в нашу голландскую колонию, ну и в Амстердам. В Африку еще, конечно, но вы, же туда не поплывете, — он рассмеялся. "Во-вторых, пираты. В-третьих, дон Иосиф, не в обиду будь сказано, но бумаг у вас никаких нет. Испанцы пристально проверяют тех, кто сходит на берег в порту. Вы же не хотите сидеть в тюрьме?"

— Не хочу, — усмехнулся мужчина. Наси добавил: "В первой же испанской деревне придете в колониальную администрацию, язык у вас отличный, без акцента, скажете — перевернулась лодка, бумаги утонули. Они вам выпишут паспорт. Только придумайте, откуда вы".

— Хосе Мендес, с Кубы, — безмятежно отозвался Иосиф, принимаясь за фрукты. "Мы там долго стояли, так что… — дверь внезапно открылась. Маленький, кудрявый, смуглый мальчик, выбежав на террасу, весело сказал "Папа!"

Иосиф успел увидеть красивую, чернокожую женщину. Она, извинившись, забрала дитя. Наси, медленно покраснел: "Я их освободил, разумеется".

— Разумеется, — холодно отозвался Иосиф и поднялся: "Спасибо за обед. Давайте, я осмотрю больных, как обещал".

— Мы вам заплатим, конечно же, — засуетился плантатор. "И за рабов тоже".

— Рабов я лечу бесплатно, — отрезал Иосиф. Взяв свой мешок, он велел: "Пойдемте".

Нежный, ласковый рассвет едва пробивался через вершины деревьев. Они стояли на лужайке. Наси вгляделся в джунгли: "Вот и Аарон. У него какое-то индейское имя есть, но он себя так зовет, чтобы нам удобнее было".

Невысокий, изящный, темноволосый мужчина выскочил на берег из узкой лодки. Иосиф понял: "Я же его видел, вчера, в синагоге. Он в дверях стоял, а потом — ушел".

Индеец посмотрел на него красивыми, большими глазами. Протянув руку, он сказал, на голландском языке: "Здравствуйте. Или вам удобней испанский, дон Иосиф?"

— Пусть будет испанский, — Иосиф тряхнул головой, — практиковаться-то надо. Спасибо вам, дон Давид, — он пожал руку плантатору.

— А то бы остались, — тоскливо сказал Наси. "Без врача тяжело, вы же видели…"

— Не могу, — Иосиф спустился в лодку. "Я же вам говорил, мне сестру найти надо. Ну, — он помахал рукой, — может, и встретимся еще".

Пирога быстро заскользила по коричневой, прозрачной воде. Иосиф еще долго, оглядываясь, следил за одинокой фигурой, что осталась на берегу.

— Вы на кладбище ходили, — утвердительно сказал Аарон, сидя на носу, ловко орудуя веслом. Пирога шла по усеянной кувшинками протоке, на спускающихся к реке ветвях деревьев сидели какие-то пестрые птицы.

— А я вас там не видел, — недоуменно отозвался Иосиф.

— Меня сложно увидеть, я охотник, — хмыкнул Аарон. Он, склонив голову набок, разглядывал мужчину: "Какой высокий. И большой. Будет тяжело идти, такие люди, как он — очень шумные".

— Вы в джунглях когда-нибудь были? — спросил индеец. "Нет, наверное. Вы только, пожалуйста, слушайтесь меня, я все-таки тут родился. Люди из Старого Света к нашим лесам не привыкли".

— Конечно, — удивился Иосиф. "Как же иначе, вы же проводник. А вы на кладбище бываете?"

— Да, — коротко сказал Аарон. Замолчав, порывшись в кожаном мешочке, что висел у него на шее, он закурил тонкую сигару.

— Ягуар, — сказал Аарон, улыбнувшись. Иосиф увидел рыжую шкуру, что мелькнула за кустами.

— Ночевать у меня дома будем, — Аарон вывел пирогу в большое, мелкое озеро. "Вон крокодилы, — он указал на отмель. "Они нас не тронут, сытые, пекари, — он прищурился, — съели. Кости лежат, видите?"

— Вижу, — тихо сказал Иосиф, рассматривая длинные, блестящие, покрытые чешуей тела. "А тут и змеи есть, ядовитые? — спросил он у индейца.

— Разные змеи есть, — смуглое лицо осветилось улыбкой. "Но вы не бойтесь. Я знаю, какими растениями лечат, у меня отец врачевал".

— Покажете мне? — попросил Иосиф. "Здесь совсем другая медицина, — подумал он, подставив лицо солнцу, — мы, к сожалению, до сих пор не обращаем внимания на эти снадобья, а зря. Арабы, сколько веков прививали от оспы, а в Европе до сих пор — попробуй, уговори родителей привить ребенка. Косность, и больше ничего. Надо будет гербарий собрать, пока мы с ним до Картахены идем".

Солнце уже садилось, когда Аарон ловко подвел лодку к поляне, на которой стояла крепкая, красивая хижина с тростниковой крышей. Иосиф ожидал увидеть детей, но к ним бросилась только рыжая, поджарая, собака с короткой шерстью. "Это Ратонеро, — ласково сказал Аарон, — мой помощник. Он с нами пойдет. Соскучился, мой хороший? — он потрепал пса по голове: "Устраивайтесь. Я сейчас костер разожгу и рыбы наловлю, у нас ее тут, вы видели, — руками из воды брать можно".

— Вы один живете? — спросил Иосиф, оглядывая аккуратный огород, сложенные вдоль стены хижины дрова, шкуры ягуаров на деревянном, чистом полу.

— С родителями жил, — вздохнул Аарон, — да умерли они. А так, — он помолчал и посмотрел на Иосифа темными глазами, — один.

В хижине пахло приятно — немного табаком, немного — какими-то травами. Иосиф опустил мешок на шкуру и увидел книги — они стояли на прибитой к стене полке.

— Никогда бы не поверил, что индеец умеет читать, — хмыкнул он и тут же одернул себя: "Да как ты можешь, он такой же человек, как и ты, сказано же — по образу и подобию сотворил Он их".

Иосиф протянул руку и вздрогнул, коснувшись переплета. Он вытащил старый, пожелтевший, переплетенный в черную кожу томик, и раскрыл его. "Дорогой дочери Элишеве в день ее совершеннолетия от любящих родителей, — прочитал он надпись, что была сделана легким, летящим почерком. "Амстердам, 5408 год". Ниже было выведено, аккуратными буквами: "Элишева Горовиц".

— 1648, - подумал Иосиф. "Двенадцать лет ей исполнилось. Через два года ее родители развелись, мать сюда уехала, а отец — к Шабтаю Цви. Господи, да откуда он это взял? — Иосиф все держал в руках Тору.

— Пойдемте, — раздался тихий голос сзади. "Я вам покажу".

Было уже сумрачно, наверху, в деревьях что-то шуршало, откуда-то издалека доносился отчаянный, тоскливый голос птицы. Они вышли на поляну и Аарон сказал: "Вот. У меня тоже — есть кладбище, дон Иосиф".

Мужчина опустился на колени и погладил старый, серый, растрескавшийся камень со звездой Давида. Вокруг были еще могилы. Иосиф, взглянув на Аарона, тяжело вздохнул: "Простите. Я не должен был…"

— Ничего, — глаза индейца блестели. "Это ничего, дон Иосиф".

Костер весело потрескивал, в реке лениво плескала какая-то рыба. Ратонеро лежал между ними, положив нос на лапы, сладко позевывая.

— Ей было восемнадцать, когда пришли испанцы, — Аарон разгреб угли и вытащил рыбу, завернутую в пальмовые листы. "Она успела убежать сюда, в джунгли, со старшим братом. Хаим его звали. Потом тот отправился на юг, к поселению, узнать — что с остальными, и не вернулся. Погиб, наверное".

— Хаим Горовиц, — вспомнил Иосиф и твердо сказал: "Нет, не погиб. Он выжил, Аарон".

— Тогда хорошо, — улыбнулся индеец. "Она пряталась тут, много дней, а потом пошла обратно — но поселение было сожжено. Мать ее, вместе с остальными детьми — еще четверо их было, — пропала. Ну вот, — он коротко улыбнулся, — и она стала жить дальше. Как могла, тут, — он обвел рукой берег реки. Через десять лет, туда опять приехали евреи, и она пошла к ним — с мужем, с детьми".

Он помолчал и поворошил дрова в костре. "Ей сказали, — Аарон поднял глаза, — что она может остаться. А муж, и дети — нет, — он вздохнул, — я понимаю, они боялись индейцев, очень боялись. Я их не виню, дон Иосиф. В общем, — он поворошил дрова в костре, — так и вышло, что с тех пор — мы тут живем".

Иосиф сидел, не поднимая головы. Наконец, он сжал пальцы в кулак: "Простите, пожалуйста. Мне очень, очень стыдно. За них, — он махнул рукой в сторону поселения.

— Ничего, — Аарон потянулся за фляжкой из сушеной тыквы. "Это из сахарного тростника, — улыбнулся он, — нам можно, пейте. Я сам варю, у меня маленькая делянка есть, в огороде. А так, — он облизал пальцы, — я все знаю, мама мне рассказала. И про еду, и свечи я зажигаю, мне в поселении дают, когда я им шкуры приношу. В синагоге мне постоять разрешают, даже молитвенник дали — мама меня читать научила. Ничего, — он подпер подбородок кулаком, — и я своих детей тоже — научу".

Иосиф стиснул зубы: "Дон Аарон — вам уехать отсюда надо. Я вам расскажу, о своем предке. У меня ведь тоже индейская кровь есть".

Его собеседник, молча, слушал, поглаживая собаку. Потом, Аарон посмотрел на огромные звезды: "Дон Иосиф, зачем? Тут, — он указал рукой на джунгли, — мой дом, тут, — индеец приложил ладонь к сердцу, — мой Бог, а остальное…, - он легко поднялся, — остальное рассудит Мессия, когда придет. Давайте спать, нам до рассвета выйти надо".

Иосиф тоже встал и вдруг улыбнулся: "Дон Аарон, если вы хотите больше знать…"

— Было бы очень хорошо, — обрадовался индеец. Иосиф увидел, как он еще молод. "Младше меня, — понял мужчина и кивнул: "Вот и договорились".

Иосиф подбросил дров в костер. Оглянувшись на шкуру, что закрывала дверь в хижину, повертев в руках Тору, он усмехнулся: "А я ведь с бар-мицвы ее не открывал. Значит, придется вспомнить".

Он поднял голову и посмотрел на небо — созвездия сияли вечным, ярким огнем.

— Как это Кант писал, — тихо сказал Иосиф, — der bestirnte Himmel uber mir und das moralische Gesetz in mir, звездное небо надо мной, и моральный закон внутри меня. Моральный закон, — он устроился удобнее и начал читать.

Эпилог

Апрель 1777, Виргиния

В хижине было душно, пахло табаком и какой-то кислой грязью. Хаим почесался. Юноша пробормотал себе под нос: "Хорош, же я буду работорговец, весь покусанный клопами". На пороге раздался шорох. Он, подняв голову, потянувшись за пистолетом, услышал тихий голос: "Это я".

Зашуршал шелк, он вдохнул запах жасмина и угрюмо сказал: "Не рисковала бы так. Мэтью приехал?"

— На днях, — она опустилась на нары, придерживая большой живот, и легко рассмеялась:

— Никакого риска, у нас там, — Марта махнула рукой в сторону имения, — полный дом британских офицеров. Они пьют с моим свекром, третий день, на меня никто и внимания не обращает. Они все считают, — девушка положила рядом с Хаимом узел с одеждой, — что если мне вот-вот рожать, то я ничего не соображаю. Держи, — она порылась на груди и протянула ему теплую, свернутую записку, — тут сведения об их планах на лето, они говорят, — а я, — Марта усмехнулась, — слушаю.

— Тут старая одежда Дэниела, я в кладовых нашла, — она похлопала рукой по узлу, — вы как раз одного роста. Ты ему передай, что у него, — Марта чуть было не сказала "брат", но вовремя опомнилась, — племянник скоро родится.

— Или племянница, — в темноте было слышно, как Хаим улыбается.

— Да, — медленно сказала девушка, — или племянница.

Свекор прикусил зубами сигару и недовольно оглядел ее с головы до ног: "Ты имей в виду, дорогая невестка, девочка мне не нужна".

— Сбросите со скалы, как в Спарте? — дерзко ответила Марта. Охнув, она схватилась за щеку, — рука у свекра была тяжелая.

— Тебя к отцу отвести? — Дэвид поднялся и развязал пояс халата. "Мне кажется, твой папа давно не любовался на твои прелести. Раздену, при нем, и будешь делать то, что, вроде бы, — он рассмеялся и поднял ее за подбородок, — уже научилась делать. Ну, — недовольно добавил тесть, — начинай.

— Простите, — она опустилась на колени. Дэвид запустил руки в ее бронзовые волосы. Растрепав прическу, он тяжело задышал: "Девку пусть сама кормит, ни цента ей не оставлю. Пусть хоть в бордель идет, еще одной дочери мне не надо. Тео, — он вдруг поморщился, вспомнив маленькую, смуглую, серьезную девочку, что стояла, засунув пальчик в рот, глядя на него снизу вверх.

Марта подняла прозрачные, цвета травы глаза. Он внезапно поежился: "Не ленись, милочка".

— И вообще, — встряхнув головой, недовольно продолжила Марта, — доктор Макдональд велел тебе побыть тут еще пару недель, все-таки тебе колено прострелили.

— Я сам врач, — Хаим поднялся и походил по хижине. "Видишь, все в порядке. Я тут с февраля сижу, скоро Песах…"

— Предложение не успеешь сделать, — смешливо сказала девушка. "Вам теперь до лета нельзя будет, я помню, ты рассказывал. Скучаешь? — ласково спросила она.

— Дэниел все-таки неправ, — подумал Хаим, прислонившись к стене, глядя на то, как заходит солнце над горами.

— Она очень умная девушка, отважная, а что она за Мэтью замуж вышла, ну, — он вздохнул, — мало ли в кого люди влюбляются. Я же к Макдональду из последних сил приполз, думал, сдохну в какой-нибудь канаве после ранения. По-дурацки подстрелили, конечно. Случайно, эти охотники рабов искали, беглых. Хорошо еще, что я вспомнил, где Макдональд живет.

— Скучаю, конечно, — он улыбнулся. "Вот сейчас найду мисс Эстер, сделаю предложение — и осенью поженимся, после праздников. Потом возьму отпуск в армии и поеду Мирьям искать — не могла же она просто так пропасть.

— Найдется! — горячо сказала Марта. Погладив свой живот, она задумчиво добавила: "Не толкается уже. Макдональд говорит — большой будет, за восемь фунтов".

— В кого бы? — подумал Хаим. "Мэтью ведь невысокий, как и она. Хотя нет, мистер Дэвид крупный, и Марты отец — тоже".

— Как рука у мистера Теодора? — спросил он, разбирая одежду. "Помогли те упражнения, что я показал? У нас много таких ранений, мы, конечно, не все пока умеем лечить..., - он вздохнул.

— Кисть хорошо стала двигаться, правая, — радостно ответила девушка. "Будем дальше заниматься, спасибо тебе".

— Теперь смотри, — она достала из бархатного мешочка документы, — я тебе почерком мистера Дэвида письмо написала, с его печатью, что, мол, ты купил у него рабов, и везешь их в Бостон. Тебя теперь зовут Гарри Смит, не забудь, — Марта, совсем по-детски, прыснула: "Хорошо, что ты светловолосый и глаза у тебя серые — никто ничего не заподозрит. Для Тео я тебе письмо положила — я так рада, что она в безопасности. Переодевайся, — она кивнула на одежду, — я снаружи подожду".

Сапоги были велики. Хаим, нарвав тряпок, прошелся по хижине: "Ничего, до Бостона как-нибудь доберусь". Он в последний раз оглядел темную каморку. Выйдя на залитую низким солнцем поляну, юноша спросил: "А почему тут никто ни разу не появлялся, близко ведь до имения? И негров я ни разу не видел".

— Тут колдун жил, — безмятежно отозвалась Марта, покусывая какую-то травинку. "Старик Франсуа, он пасекой занимался, — девушка обвела рукой ульи. "Мистер Дэвид его в Луизиане купил, давно еще. В январе он умер, и, — губы цвета спелой черешни улыбнулись, — с этой поры сюда никто не ходит, все опасаются, его призрак увидеть".

— Я не видел, — Хаим сладко потянулся. Почесав в голове, он заметил: "Надеюсь, у колдуна не было вшей. Так что, лошадь будет привязана здесь, — он достал из сумы карту, — и там же, в лесу, будут негры ждать?"

— Угу, — кивнула Марта, накрутив на белый палец атласную ленту чепца. "Сможешь ты работорговцем притвориться?"

— Уже притворялся, — мрачно заменил Хаим. Марта, прикусив губу, потрогала рукав его серого сюртука: "Прости. Говорят, Кинтейл летом на запад идет, за горы, будет там индейцев

вербовать, чтобы сюда с ними отправиться. Хоть бы его уже повесил кто! — с отвращением сказала Марта и отвернулась.

Салли стояла на коленях перед тазом. Марта, придерживая ее волосы, шепнула: "Потерпи, милая, ты же знаешь, нельзя кричать. Пожалуйста, потерпи".

— Больно, — одними губами сказала девушка. "Господи, больно как! Сейчас умру, миссис Марта!"

— Тихо, — Марта обняла ее сзади. "К утру все закончится, а потом ляжешь в постель. Я скажу мистеру Дэвиду, что у тебя лихорадка. Все будет хорошо, — она ловко поменяла окровавленные тряпки: "Потом в камине сожгу. Господи, бедная девочка".

— Я не могла, не могла, — Салли хватала ртом воздух, — не могла, чтобы от него...

— Да все понятно, — раздался стук в дверь. Марта весело сказала: "А я уже лежу, батюшка! Доктор Макдональд мне велел отдохнуть. Салли мне читает".

Свекор что-то недовольно пробормотал. Марта, услышав его тяжелые шаги, что удалялись по коридору — облегченно выдохнула.

— Повесим, — пообещал Хаим. Он крепко пожал маленькую, сильную руку: "Удачных родов и спасибо тебе, за все, Марта. Ты настоящий патриот".

Она лукаво улыбнулась. Перекрестив его, девушка ойкнула: "Тебе же нельзя, извини!"

— Не помешает, — ухмыльнулся юноша. Свернув на узкую тропинку, он оглянулся — Марта стояла, прислонившись к низкому забору, маленькая, прямая, солнце играло в бронзовой пряди, что спускалась из-под чепца на белую шею. Она все махала ему рукой — пока Хаим не исчез в густом, сосновом лесу.

Марта взглянула на хижину. Все еще улыбаясь, она достала из кармана шелкового, темно-зеленого платья маленький холщовый мешочек. К нитке, что стягивала горловину, была привешена матерчатая куколка — темноволосый, смуглый мужчина.

Марта почти ласково погладила ее: "Дедушка Франсуа — тоже тебя не любил, дорогой свекор. И было за что, он ведь просил тебя, на коленях, — дочь его не продавать. Вот и расплачивайся теперь, — Марта убрала амулет. Вдохнув свежий, чистый вечерний воздух, она пошла по дороге, что спускалась в долину, к имению.

Мэтью бросил поводья слуге. Поднявшись по широким, каменным ступеням, обернувшись, он спросил: "Что, гости у нас?"

Из раскрытых окон столовой доносился стук ножей, звон бокалов, пахло вином. Мэтью услышал голос отца: "Этот тост я поднимаю за нашу доблестную армию, лучших офицеров которой я имею честь видеть за этим столом!"

— Не пьяный еще, — холодно подумал юноша. "Впрочем, что это я — его ящик бургундского с ног не собьет, здоров, как бык. Да мне какая разница, — он отряхнул отлично сшитый сюртук цвета желудей, — рано или поздно тут все моим станет. Пять тысяч рабов, — он раздул ноздри, — и денег столько, что можно половину Юга скупить. На случай, если нам своей земли, не достанет".

— Мистер Дэвид принимает генерала Корнуоллиса со штабом, мистер Мэтью, — поклонился негр.

— Генерала Корнуоллиса, — хмыкнул Мэтью, — того, что зимой бежал со всех ног от Вашингтона. Нет, нет, — он обернулся и сварливо крикнул: "Осторожней с багажом, Джимми, плетей давно не получал?"

— Нет, — повторил он, заходя в просторную, с мраморными статуями и узорным паркетом, переднюю, — хватит тут сидеть. Как только получу диплом — сразу отправлюсь к мистеру Джону, в Лондон. Тут мне делать нечего, пусть патриоты и лоялисты хоть глотки друг другу перегрызают.

Мэтью оглядел себя в большом зеркале, что висело над камином. Погладив чисто выбритый подбородок, он услышал веселый голос отца: "Пойдем, его превосходительство генерал хочет с тобой познакомиться".

Отец обнял Мэтью. Юноша, вдохнув запах табака и вина, шепнул: "Отлично выглядишь, папа".

Дэвид рассмеялся. Склонив чуть тронутую сединой, красивую голову, отец потрепал его по щеке: "Льстец. За стол, за стол, оленина сейчас перестоится".

Он вошел в большой зал и с порога провозгласил: "Господа, а вот и мой единственный сын — Мэтью, наследник всего этого, — Дэвид широким жестом руки обвел стол, уставленный серебром и фарфором. "Более того, — он подмигнул собравшимся, — Мэтью вот- вот, как вы уже знаете, станет отцом!"

— За это надо выпить! — крикнул кто-то из офицеров. Дэвид оглядел бутылки. Щелкнув пальцами, он велел лакеям, что стояли за стульями: "Шампанского! И несите оленя, мы покончили с закусками".

Мэтью сел. Приняв хрустальный, тонкий бокал, он улыбнулся: "Но сначала — за вашу скорую победу, генерал Корнуоллис".

Он вдохнул нежный аромат золотистого вина: "А Дэниел — в палатках вшей кормит. Так ему и надо".

Двери отворились. Четверо лакеев внесли на плечах огромное блюдо с зажаренным целиком оленем. Мэтью посмотрел на ветвистые рога и, бросив взгляд в сторону отца — поднял бровь.

— Шутник, — почти нежно подумал юноша, осушив бокал. "Был бы я обидчивей — непременно бы разозлился. Потом, как он умрет, я Марту быстро в могилу сведу. Думаю, это и года не займет. А сына в пансион отправлю. И все будет хорошо, — Мэтью взялся за вилку с ножом. Почувствовав нежный вкус мяса, он блаженно закрыл глаза.

— Миссис Марта, — осторожно сказала Салли, — может, вы сядете? Или полежите?

Девушка расхаживала по комнате, взявшись за поясницу, чуть постанывая.

— Так легче, — сердито ответила Марта, наблюдая за тем, как Салли открывает ящики в комоде орехового дерева. "Возьми свой грис-грис, — она порылась в кармане и протянула мешочек негритянке, — веришь во всякую чепуху".

— Но вы, же его носили к дедушке Франсуа? — испуганно спросила Салли, спрятав амулет. "Вы простите, что я вас попросила. Мне нельзя, так не положено, ну, по делам этим…, - Салли покраснела, — да и боюсь я туда ходить.

— Носила, — сварливо ответила Марта. "Видишь, погуляла — и схватки сразу начались. Послали за Макдональдом?"

— Томми поехал, — Салли стерла пот с лица девушки и решительно велела: "Давайте-ка переоденемся, миссис Марта, а то у вас воды могут отойти. И это не чепуха, — обиженно добавила негритянка, — дедушка Франсуа сильный колдун был, сказал — Салли понизила голос, — через год он всенепременно умрет, в муках".

— Через год, — тяжело дыша, хмыкнула Марта. "А кто с моим отцом?"

— Мамаша Перл, — девушка разложила на постели кружевную рубашку и стала расшнуровывать Марте корсет. "Она вышивает, а мистер Теодор спит. Вы не волнуйтесь, если что — Томми его и помоет, и покормит. Ну, — Салли замялась, — если затянется".

— Как сильно, — подумала Марта, опираясь на стол. Шелковые юбки с шорохом соскользнули на ковер. Она, чуть застонав, подняла руки: "Все равно ходить буду, не так больно. Что там они, — Марта указала на дверь, — пьют еще?"

— Только сели, — мрачно ответила Салли, отнеся платье в гардеробную. "Сказать мистеру Мэтью, что у вас началось?"

Зеленые глаза блеснули холодом. Марта, встряхнув распущенными по плечам волосами, вздохнула: "Надо. Спустись, и сразу возвращайся. Макдональд должен приехать, скоро".

Салли вышла, оставив дверь приоткрытой. Марта, взявшись за поясницу, улыбнулась: "Торопишься, мое солнышко? Потерпи еще немного, скоро маму увидишь, дедушку Теодора, скоро я тебя на руки возьму, счастье мое".

— Какая разница, — подумала она, выдыхая, превозмогая боль. "Это же дитя, мое дитя, а что у него отец такой — так не виноват мальчик. Или девочка. Все равно — я его выращу, я и папа, вместе со мной. Он обязательно выздоровеет, а то, как же он с маленьким будет возиться".

— Сейчас, — Марта опять оперлась на стол, — я тебе спою. Это мне папа пел, дедушка твой, как я еще маленькая была. По-французски, мы с тобой тоже — будем на нем разговаривать.

Она тихо, нежно запела:
Demain s'y fait beau, j'irons au grand-pere
C'est le beau p'tit bibi a mama
Dors, dors, dors, dors
Dors, dors, le bi-bi a mama.

— Завтра все будет хорошо, — шепнула Марта, опустив голову, тяжело дыша. "Завтра мы увидим дедушку".

Она выдохнула и улыбнулась — боль немного отступила. Снизу донесся пьяный, нестройный хор:

When Britain first, at Heaven's command
Arose from out the azure main;

This was the charter of the land,
And guardian angels sang this strain:
"Rule, Britannia! Rule, the waves:
"Britons never will be slaves"

— Никогда не будут рабами — ехидно сказала Марта. "Будут рабовладельцами". Она подышала и сердито пробормотала: "Ну что там Салли?". Марта, кое-как набросив халат — вышла из спальни.

Салли подождала, пока в столовой закончат петь, и шепнула лакею: "Позови мистера Мэтью, у миссис Марты схватки начались".

Девушка увидела в полуоткрытую дверь, как негр склонился над ухом Мэтью. Тот посмотрел на отца, двинув бровью. Дэвид, поднявшись, шутливо замахал руками, разгоняя табачный дым: "Нет, нет, господа, нас ждут лобстеры, и форель, томленная в белом вине. Я вернусь через мгновение".

Он вышел, и, выпустив на Салли клуб дыма, спросил: "За Макдональдом послали?"

— Томми поскакал, мистер Дэвид, — прошептала та, опустив кудрявую голову. Дэвид пожевал сигару: "Иди пока к ней, а сегодня — у меня спать будешь. За миссис Марту не волнуйся — врач тут переночует".

— У меня крови, — едва слышно, покраснев, сказала Салли.

Дэвид хохотнул: "Вот я и проверю. Иди, что встала, — он подтолкнул девушку к лестнице. Та неловко вывернулась и шлепнулась на персидский ковер.

Плантатор, закатив карие глаза, подтолкнул ее сапогом в спину. "Что расселась, миссис Марту, наверное, одну оставила?"

Он внезапно замолчал. Медленно нагнувшись, мужчина поднял с ковра холщовый мешочек. "Мистер Дэвид, — Салли встала на колени, — это просто так, игрушка, я прошу вас, не надо…"

— Сандерса мне позови, — коротко велел Дэвид лакею. Салли так и стояла на коленях, по ее смуглому лицу ползли слезы.

Старший надсмотрщик вышел из столовой, вытирая салфеткой жирные губы. "Да, мистер Дэвид, — он склонил почти лысую голову.

— В подвал, — велел Дэвид, указывая на Салли. "В ошейник. Вот, — он раскрыл ладонь.

— Сдохнешь на плантации, только до этого — тебе всю спину плетью разорвут, — сочно сказал надсмотрщик. "Что встала, пошли".

— Не трогайте ее! — зазвенел голос сверху. Дэвид вскинул голову и увидел невестку, — она стояла, держась за мраморные перила, в шелковом халате. Наскоро собранные волосы были прикрыты чепцом.

Марта босиком спустилась вниз. Забрав у свекра мешочек, она безмятежно улыбнулась: "Это мое. Хотела научиться куклы шить. Только плохо получилось, — она выбросила куколку в горящий камин.

— Простите, батюшка, — обернулась она.

Куколка корчилась на углях, и, наконец, просев, загорелась. Пламя рванулось вверх. Марта, покачнувшись, уцепившись за руку Салли, почувствовала, как по ее ногам течет что-то теплое.

Дэвид усмехнулся и коротко сказал Салли: "Отведи миссис Марту наверх. Когда приедет Макдональд, явись к мистеру Сандерсу — получишь двадцать плетей. Я же велел — чтобы никаких языческих амулетов я тут не видел, — он указал на камин.

— Простите, мистер Дэвид, — Салли низко опустила голову. Уже помогая Марте подняться на второй этаж, она шепнула: "Спасибо, спасибо вам!"

— Все равно плети, — угрюмо ответила та, сгибаясь от боли.

— Это ничего, — Салли шмыгнула носом, — потерплю. Сами знаете, с плантаций не убежать, там надсмотрщики, с собаками, а тут — она оглянулась и шепнула, — может, вы в Бостон поедете, там же Натаниэль где-то..., Я бы его нашла.

— Поеду, конечно, — Марта опять стала расхаживать по ковру в опочивальне. "Господи, больно как, — вдруг подумала девушка. "Наверное, скоро уже".

— Вот и я, — раздался с порога веселый голос. "Мистер Дэвид мне сказал, что воды уже отошли, так что я вовремя".

Марта взглянула на ласковую улыбку Макдональда, — Томми стоял за ним, держа в руках саквояж, и тихо проговорила: "Томми, вы пойдите, смените мамашу Перл, последите за мистером Теодором, пожалуйста".

Макдональд закрыл дверь, и погладил седоватую бородку: "Что вы тут еще натворили? Ложись, — он кивнул на кровать, — давай, я тебя осмотрю".

— Салли должны плетьми наказать, доктор, — отозвалась Марта, устраиваясь на постели. "Надо ее тут задержать, оттянуть..."

— Да что тянуть, — вздохнула девушка, прибираясь. "Это быстро. Сейчас негров на заднем дворе соберут, кто не занят, Сандерс меня выпорет, и я вернусь. Не волнуйтесь, миссис Марта, — она наклонилась и, поцеловала белый лоб: "Не ходите больше, лежите, пожалуйста".

— Да уж куда ходить, — проворчал Макдональд, сбрасывая сюртук, вымыв руки в серебряном тазу. Он засучил рукава рубашки: "Родишь вот-вот, головка уже близко".

— А не больно пока, — удивленно сказала Марта, устраиваясь с раздвинутыми ногами на краю кровати. Она вцепилась в руку врача и коротко застонала. "Не торопись, — велел Макдональд. "Сердце у ребенка бьется отлично, лежит он правильно, — сейчас все сделаем медленно и аккуратно, потерпи".

Марта почувствовала скручивающую все тело боль. Откинувшись на подушки, она услышала пьяные крики снизу.

— Они гимн поют, — сообщил Макдональд, осматривая ее. "А потом пойдут по мишеням стрелять, там уже мушкеты принесли".

— Много же, — попыталась улыбнуться Марта, — они настреляют, доктор...

Макдональд вытер руки и тоже рассмеялся: "Молодец девочка, все очень хорошо идет, скоро увидишь сына. Может и дочка, конечно, но ребенок крупный, все же, мне кажется, мальчик".

— Теодор…, - подумала Марта. Низко, жалобно застонав, она спросила: "Что это там внизу, доктор? Опять какой-то шум…"

Макдональд выглянул в окно опочивальни, — оно выходило на задний двор дома. Врач спокойно ответил: "Ничего, работники какие-то". Двое негров вынесли из кладовой деревянные козлы и установили их посреди двора.

— Это Салли, — сказала Марта, кусая губы, плача. "Ее сейчас бить будут. Доктор, пожалуйста,…закройте окно".

— Она тут задохнется, — пробурчал себе под нос врач, — весна какая жаркая.

— Хорошо, — он вздохнул. Макдональд захлопнул створки, оставив между ними маленький проем.

— Для воздуха, — сказал он. Встав на колени перед Мартой, доктор велел: "А вот теперь — давай поработаем, девочка, ребенку пора уже появиться на свет".

Пьяная толпа повалила из столовой на ухоженный двор поместья. Мэтью, задержавшись, сказал отцу: "Я сейчас, переоденусь и приду".

Дэвид проводил глазами стройную спину сына, что быстро поднимался по лестнице: "Он этим — еще ребенком занимался. Тео вместо него пороли, а он смотрел. Потом, годам к восьми — уже и не только смотрел. Ну, пусть забирает Салли на ночь. Я себе кого-нибудь другого позову".

Он принял от слуги мушкет. Выйдя на террасу, выстрелив вверх, Дэвид громко крикнул: "Устанавливаю приз за меткость! Лучший из нас получит сто долларов золотом!"

Офицеры восторженно загудели. Кто-то заметил: "Жаль, Дэвид, что у вас только мишени. В Южной Каролине я охотился на беглых рабов, очень разгоняет кровь".

— Да-да, — поддержал генерал, — лучше этого ничего нет.

— Сандерс, — Дэвид свистнул, — приведите нам к мишеням тех троих, что сидят в ошейниках, мы позабавимся на славу.

Надсмотрщик поклонился. Дэвид, обняв Корнуоллиса, закурил: "Сейчас снимем с них кандалы, это провинившиеся негры, возьмем мою свору гончих, и отлично проведем время, мой друг. А потом нас ждет ужин, и, — он подмигнул мужчинам, — я приготовил всем желающим маленькие подарки на ночь".

— Ура мистеру Дэвиду! — закричали офицеры, и ворота имения раскрылись. Мэтью, едва взглянув в ту сторону, подошел к окну, что выходило на задний двор.

— Отлично, — пробормотал он, расстегиваясь. "Все, как на ладони". Салли лежала на козлах. Мэтью, резко выдохнув, облизал губы. Надсмотрщик опустил плеть, девушка дернулась, рыдая. Мэтью, услышав жалобный крик: "Нет! Нет! Больно!", увидев кровавый рубец между лопаток — блаженно закрыл глаза.

mir-knigi.org

Потом он вымыл руки, и, переодевшись в охотничий костюм, спустился во двор. Негры уже разошлись. Мэтью недовольно спросил у надсмотрщика: "Сколько она тут будет лежать?"

— Мистер Сандерс приказал — час, — тот склонил голову. "Мистер Дэвид велел ничего не втирать в раны — иначе ее потом не продать для постели, шрамы останутся".

— Шрамы, — задумчиво повторил Мэтью, разглядывая темно-красные, вздувшиеся рубцы на спине. Девушка тихо, едва слышно плакала. "Пойди, — велел он надсмотрщику, — принеси мне дробовик. Я, — Мэтью рассмеялся — все-таки хочу не только негров пострелять, но и уток тоже".

На заднем дворе, кроме него и Салли, никого не было. Он наклонился над ухом девушки: "Сегодня вечером придешь ко мне постелить постель…"

— Но ваш батюшка, — она помотала головой. "С ним я договорюсь, — улыбнулся Мэтью. Одним легким, быстрым движением, он вцепился зубами в след от плети. "Терпи, — приказал он себе, чувствуя, как кружится голова. "До ночи терпи".

Взяв у надсмотрщика ружье, не обращая внимания на слезы негритянки, насвистывая, юноша пошел к воротам.

Марта протянула руки: "Дайте, дайте его мне, доктор! Какой хорошенький"!

Макдональд завернул отчаянно кричащего мальчика в холщовую пеленку: "Отличный, здоровый паренек, и ты тоже — молодец, думаю, к вечеру уже и встанешь".

Он бросил взгляд в сторону окна: "Родился, как раз, когда эта бедная девочка под плетью рыдала. Господи, и когда уже мы уничтожим этот наш позор?"

Марта приложила мальчика к груди. Погладив еще влажную, каштановую голову, покачивая его, она улыбнулась: "Сейчас отдохнем и пойдем к дедушке, маленький Теодор, познакомишься с ним".

— Миссис Марта, — мамаша Перл просунула укрытую чепцом голову в дверь, — проснулся батюшка ваш, но вы не волнуйтесь, Томми сейчас с ним. Неужели мальчик! — негритянка всплеснула руками. "Господи, радость, какая, миссис Марта, доктор!"

— Больше восьми фунтов, — гордо сказал Макдональд, устраивая Марту в постели. "Миссис Перл, побудьте с ними, пока я мистера Теодора осмотрю, хорошо?"

Мамаша Перл кивнула, и, присев у изголовья кровати, улыбнулась: "Мистер Дэниел тоже — крупный был, а мистер Мэтью — поменьше. Я же их обоих выкормила, они молочные братья моим мальчикам, — красивое, смуглое лицо погрустнело. Марта вспомнила: "Она же пятерых от этого мерзавца, свекра моего родила, и всех он продал".

— А вы спите, — мамаша Перл ласково коснулась головы младенца. "Сейчас я вам спою, и спите, миссис Марта, маленький-то наш тоже дремлет". Марта зевнула. Свернувшись в клубочек, она спросила: "А что там, внизу?"

Мамаша Перл достала из кармана передника пяльцы и поджала губы: "Салли велели еще час на козлах лежать, а остальные пошли к реке, по мишеням стреляют. Как миссис Тео, покойница, благослови Господь душу ее, — негритянка перекрестилась, — рожала, так мистер

Дэвид тоже — на охоту уезжал, или с гостями пил. Потом придут они с мистером Мэтью, посмотрят на мальчика". Мамаша Перл помолчала и добавила: "Не мужское это дело — дети, миссис Марта, так искони заведено".

Она запела что-то тягучее, тихое. Марта, прижимая к себе сына, услышала, как ровно, размеренно, бьется его сердечко. Она сладко, мгновенно заснула.

Доктор Макдональд наклонился над кроватью, и позвал: "Марта!" Девушка открыла глаза. Присев в постели, покачав дремлющего сына, она взглянула за окно — над горами висел медный диск заходящего солнца.

— Все хорошо, — Макдональд погладил ее по голове. "Вы отлично выспались, я тут ночую, — беспокоиться незачем". Марта посмотрела на столик орехового дерева. Коротко усмехнувшись, она спросила: "Что, мой муж тут был?"

— Муж и свекор, — Макдональд протянул ей бархатную коробочку. Марта открыла ее. Увидев блеск камней на броши, девушка вздохнула: "Положите обратно, пожалуйста".

— Мне две тысячи долларов дали, — Макдональд устало потер руками лицо. Оглянувшись на дверь, он добавил: "Я все-таки пойду, Марта, в столовую — они сейчас все перепились, нельзя пропускать такую возможность, я бы послезавтра уже и сведения на север отправил".

— Хорошо, — она посмотрела на сонное личико ребенка: "Маленький на папу моего похож, как две капли воды. Вот и славно".

— Насчет той прививки от оспы, что ты говорила, — врач стал застегивать сюртук, — как мальчик подрастет, мы ее и сделаем. В год, скажем.

— Да, и мне тоже, — Марта аккуратно положила сына рядом, и, заплетя косы, добавила: "Следующим летом Мэтью получает диплом, мы приедем в Вильямсбург, там и встретимся".

— Договорились, — улыбнулся Макдональд. Марта холодно подумала: "Правильно. Незачем рисковать чужими жизнями. Так будет хорошо".

В дверь постучали. Томми, блестя зубами, весело сказал: "Миссис Марта! Мы тут решили кресло опробовать, что я для вашего батюшки смастерил! — он вкатил в комнату кресло на колесиках. Отец сидел, укрытый по пояс пледом. Марта, посмотрела в его глаза: "Спасибо, Томас. Я потом вас позову, хорошо?"

Дверь закрылась. Девушка, оставшись вдвоем с отцом, взяв мальчика, опустилась на ковер. "Внук, папа, — всхлипнула она. "Смотри, какой большой, наш Теодор, он на тебя похож, папочка!"

Правая кисть задергалась, заползала по пледу. Марта опустила просыпающегося ребенка на колени больного. "Милые мои, — подумал Теодор, — все, все будет хорошо. Обещаю вам, — он напрягся и коснулся пальцем мягкой щеки внука.

Мальчик открыл большие, синие глаза, и улыбнулся — сонно, ласково. Теодор почувствовал слезы у себя на щеках. Он услышал тихий голос дочери: "Все будет хорошо, папа".

Она встала на колени, и, обняв их обоих, баюкая сына, — запела колыбельную. Ее бронзовые волосы сияли, переливались в свете заката. Мальчик, покрутив головой, вдохнув сладкий запах

матери, опять задремал.

Пролог

Африка, лето 1777 года

Две лошади, — рыжая и гнедая, паслись у ручья. Марья посмотрела на костер. Перевернув ветку, с насаженным на нее мясом, она улыбнулась: "Хватит уже плескаться, милый".

— Водичка! — восторженно сказал Майкл, шлепая по мокрым камням. "В небе водичка! — он показал на облако, что стояло над равниной. Издалека слышался ровный, размеренный грохот. "Господи, — подумала Марья, — я же на Урале видела водопад, но чтобы он такой огромный был — и представить себе не могла. Больше мили шириной и двести футов высотой, Питер говорил".

Она потянулась за деревянной миской. Быстро замешав тесто, женщина стала печь лепешки в наскоро сделанном очаге.

— Сейчас папа вернется, — Марья, подозвав мальчика к себе, подула на кусочек мяса. "Поедим, переночуем и дальше двинемся".

Она поморщилась. Заведя руку за воротник халата, женщина почесала шею. "На Урале тоже — Марья зевнула, — как слепень укусит, так долго еще болит. И опухает, как тут".

Майкл устроился в ее руках. Прожевав мясо, подняв синие глаза, мальчик озабоченно сказал: "Тепло".

— Так Африка, милый, — рассмеялась женщина. "В Индии — тоже тепло было". Она приложила ладонь ко лбу: "Вправду, горячий. Наверное, продуло, как мы ночью в речке купались, — Марья мгновенно покраснела.

— Папа! — Майкл вывернулся из ее рук. Ловко перейдя ручей, ребенок со всех ног бросился к Питеру. "Папа пришел!"

— Пришел и есть хочу, — он подхватил сына и, поцеловал его куда-то в каштановые кудри: "Сейчас все узнаете, и я вам что-то вкусное принес!"

— Мед, — ахнула Марья, принимая от него большой кусок соты. "Садись, — она захлопотала, — все готово уже". Питер сбросил старый, в пятнах халат. Подставив солнцу смуглые плечи, он облизнулся: "Там меня, конечно, — он махнул рукой в сторону водопада, — накормили, кашей какой-то, но я еще хочу, — он завернул мясо в лепешку. Марья, дав сыну флягу из сушеной тыквы, попросила: "Водички папе набери".

Майкл побежал к ручью. Питер, прожевав, сказал: "Называется все это — Моз-оа-Тунья. Если я того старика правильно понял — "Гремящий дым".

— Как же ты с ним объяснялся? — удивилась Марья.

Муж поднял изящные пальцы и повертел ими. "Вот так, как же еще?"

Майкл принес флягу и потянул его за руку: "Папа! Лошади полосатые!"

— Спасибо, сыночек, — Питер отпил. Он улыбнулся, глядя на маленький табунок, что пасся под огромным деревом с толстым стволом: "Ты же видел их уже. И этих, с длинными шеями, —

жирафов, о которых Плиний еще писал — тоже видел".

— И львов, — тихо сказала Марья, глядя на восхищенное лицо мальчика. "И в реке, как мы через нее переправлялись — крокодилов, но эти и в Индии есть".

— Плоды их едят, мне старик показал, — Питер махнул рукой в сторону дерева. "Называется — мавуи. Листья тоже — из них суп варят. Так вот, он говорит — еще месяц пути, и будут горы, а за горами — большая вода.

— Может, озеро? — нахмурилась Марья. "Нет, — Питер протянул ей лепешку и велел: "Ешь", — озера тут на севере, он мне целую карту начертил, на земле".

Солнце стояло в зените. Марья, прибираясь, взглянула на сына, что спал, свернувшись, рядом с ручьем. Женщина опять зевнула: "Я бы тоже легла".

— Ну и ложись, — усмехнулся муж, сладко потянувшись, закинув за голову загорелые руки. "Выспитесь, как следует, а завтра на рассвете отправимся дальше. Как твоя голова? Поменьше болит?"

— Вроде да, — Марья скинула свой халат. Прикрывшись им, она устроилась рядом с ребенком. "Это что еще такое? — озабоченно спросил ее Питер, опустившись на колени, трогая опухоль на белой, нежной шее.

— Укусил кто-то, — отмахнулась женщина. "Ничего страшного, скоро пройдет". Она быстро заснула. Питер, порывшись в кармане халата, достав кожаный мешочек — высыпал на ладонь серые, скучные камни.

— На юге, — пробормотал он, — если верить старику, их, хоть лопатой греби. Правильно, я же говорил с голландцами в Кейпе, там тоже слухи ходят, что на севере есть страна, где алмазы чуть ли не под ногами лежат. Вот через нее мы и пойдем. Надо будет карту сделать. Хорошо, что я тетрадь успел прихватить с корабля.

Он присел рядом с женой и сыном. Взяв из мешка, притороченного к седлу, тетрадь и карандаш, мужчина стал медленно, аккуратно рисовать грубую карту.

Закончив, Питер посмотрел на небо, — солнце уже клонилось к закату. Он поиграл с проснувшимся мальчиком. Поставив легкую палатку из шкур, наклонившись над женой, нежно поцеловав ее, Питер велел: "Перебирайся туда, и спи дальше".

— Покормить вас надо, — едва слышно, не открывая глаз, ответила Марья.

— Сами поедим, — рассмеялся он, устроив жену внутри. "Ты отдыхай, хоть и на лошадях мы едем, а все равно — устаем".

Он шел, посадив Майкла себе на плечи. Остановившись перед тем самым, огромным деревом, он услышал сверху голос ребенка: "Большое!"

— Конечно, — Питер спустил его на землю. Оглянувшись, найдя камень, он велел: "Отойди-ка, сыночек".

Мужчина прицелился, из кроны дерева вспорхнули какие-то птицы, плод закачался и упал вниз. "И вправду, — сказал Питер, попробовав, — вкусно. На апельсин похоже, или грушу. Давай, Майкл — он усадил мальчика рядом, и они принялись за еду.

На обратном пути Питер остановился и посмотрел на играющий золотом туман, что стоял над водопадом. "Вот тут, — сказал он сыну, — красиво. Как в Индии, там, где мавзолей, только там — руки человеческие строили, а тут — Господь".

— Я буду строить, — Майкл вложил ладошку в его руку и вскинул на отца синие глаза. "Ногами, папа! — потребовал он.

— Устанешь, — хмыкнул Питер и тут же улыбнулся: "Ну, давай ногами".

Он уложил мальчика. Зевая, прижавшись к нежной спине жены, Питер взглянул на еще неяркие звезды. Он тихо сказал: "Я люблю тебя. Спишь? — он поцеловал отрастающие, мягкие, белокурые волосы. "Спи, милая".

Он шел через анфиладу пустых комнат в своем особняке на Ганновер-сквер. Где-то вдали слышались детские голоса. Питер, остановившись, склонив голову, улыбнулся: "Играют". Он нажал на ручку двери и застыл — два белокурых ребенка, сидя к нему спиной, рассматривали что-то.

— Покажите и мне, милые, — попросил Питер. Один из детей медленно повернулся, и мужчина едва сдержал крик — мертвое, синее лицо, с черными провалами вместо глаз чуть улыбалось. В грязных волосах шевелились черви. "Папа, — сказал мальчик — он был в старых, изодранных панталонах и курточке. "Мой папа!"

— Нет, мой! — услышал Питер капризный голос. Девочка поднялась. Держа за волосы отрубленную голову, повертев ее перед мальчиком, она добавила: "Видишь, это мой папа!"

Питер проснулся. Стерев пот со лба, перекрестившись, он прошептал: "Господи, и приснится же такое!"

Он оглянулся — Майкл спокойно сопел, жены рядом не было. Питер быстро оделся. Откинув полог палатки, он увидел темную фигуру на берегу ручья.

— Выспалась? — ласково спросил он, садясь рядом с Марьей.

Она подняла запавшие, лихорадочные глаза. Пробормотав что-то неразборчивое, поднявшись, женщина стала быстро ходить по берегу. Питер поймал ее за руку, и усадил рядом. "Не могу спать, — задыхаясь, сказала Марья. "Днем хочется, а ночью не могу".

— Тише, — он покачал ее и устроил у себя на плече. "Ты просто устала. Вон, лоб, какой горячий, — Питер зачерпнул воды из ручья и умыл ее. "Посиди, я тут, я рядом, ничего не бойся".

Она застучала зубами и уткнулась лицом ему в грудь. Питер посмотрел на восток — над бесконечной равниной вставал еще тусклый, еле заметный закат.

— Холодно, как холодно…, - Марья оглянулась и ахнула — на горизонте возвышалась огромная, уходящая вверх стена льда. Яркое небо было пронзительно голубым — так, что резало глаза. Она застучала зубами и услышала ласковый голос сзади: "Иди сюда".

Женщина, — некрасивая, смуглая, с умными, в тонких морщинках, темными глазами — распахнула меховую парку. Марья нырнула туда и почувствовала горьковатый, свежий запах. В рыжих косах женщины мелькала седина. Над пустой палубой корабля вились птицы. Марья,

прищурившись, увидела вдалеке, на берегу, среди камней — несколько деревянных крестов.

Женщина погладила ее по голове. Покачав Марью, она шепнула: "Не плачь, девочка, не надо".

— Не хочу, — пожаловалась Марья, приникнув к ней. "Почему так? У меня ведь ребенок, и Питер…, Мы так недолго вместе были".

Женщина помолчала, поглядев в бесконечное пространство льда. Потом она вздохнула: "Да кто же знает, девочка?"

— Господь, — неуверенно ответила Марья.

Рыжая, тонкая бровь поднялась вверх. Женщина неожиданно весело улыбнулась: "Да, вы же все в отца вашего. В отцов, — она поправила себя и добавила: "Вот как получилось. Я не жалею, — она хмыкнула, — вы все присмотрены, муж — женщина коротко кивнула на кресты, — на моих руках умер, а я, — женщина рассмеялась, — сколько протяну, столько и протяну. Обидно только, что записки мои никто не найдет".

— Может, корабль какой-нибудь…, - Марья все смотрела в ее глаза. Женщина поцеловала ее в щеку и прижала к себе: "Да нет, милая, не стоит себя обманывать. И тебе тоже — она пристально посмотрела на Марью, — не надо. Согрелась? — спросила она.

— Да, — кивнула Марья. Женщина вздохнула: "Я пойду тогда. Писать. Свечи беречь надо, не так их много. А то скоро вечная ночь начнется, — она направилась к трапу. Марья, рванувшись за ней, крикнула: "Я с вами!"

— Не время, — покачала головой женщина. Марья, проводила взглядом рыжие косы: "И вправду, как тепло. Жарко даже. Господи, да кто же о них позаботится, о Майкле, о Питере…"

— Ты не волнуйся, — услышала она нежный голос. Запахло жасмином. Марья, увидев невысокую, стройную женщину, что очутилась рядом, спросила: "Ты?"

Зеленые глаза посмотрели на нее. Женщина, отерев пот со лба Марьи прохладной, умелой рукой, ответила: "И я тоже. Все будет хорошо, милая". Марья уронила голову на ее плечо и, тяжело задышала: "Господи, я же горю вся….".

В хижине было темно. Питер, оглянувшись, накрыл Майкла какой-то шкурой. Мальчик спал, вздрагивая во сне, что-то бормоча. Мужчина зло сказал себе: "А ну не смей! Тебе жену надо вылечить, у тебя сын на руках, — не смей плакать!"

Он вышел наружу. Прислушавшись к грохоту водопада, рассеянно потрепав по холке лошадь, Питер увидел старика. Тот шел, опираясь на какую-то палку, высокий, чернокожий, в одной набедренной повязке, перекинув через плечо мешок.

— Господи, — бессильно подумал Питер, — прошу тебя, сжалься над ней. Пусть старик что-нибудь придумает. Он же местный, он знает, как это лечить. Это ведь просто укус, ничего страшного. Укус и лихорадка, она обязательно оправится.

Питер заглянул внутрь и увидел белокурые волосы жены, — Мария лежала на спине, не двигаясь, с закрытыми глазами. Лицо ее, недавно мертвенно-бледное, опять стало пылающим, на щеках появились алые пятна.

Старик подошел к нему и скрипуче, коротко сказал что-то, указав рукой в сторону Майкла.

— Унести? — Питер показал на пальцах.

Старик кивнул. Присев, достав какие-то растения из мешка, он стал чертить палочкой на земле. "Отвар сделает, — понял Питер. "И окуривать ее будет, что ли? Господи, я и не слышал никогда о такой лихорадке. В Кейпе ее не знают, я бы запомнил".

Он осторожно поднял ребенка и услышал жалобный голос: "Мама!"

— Не надо, милый, — Питер покачал сына. "Мама болеет, но обязательно поправится. Пойдем, посидим вместе. Как раз вечер, жара спала".

Питер устроился у дерева. Положив мальчика себе на колени, гладя его по голове, он стал тихо напевать колыбельную.

— Мама, — смуглое личико Майкла исказилось. Он, прижавшись к отцу, горько заплакал. "Не надо, не надо, мой хороший, — уверенно сказал ему Питер, — сейчас маму полечат, и она оправится, обязательно".

Старик посмотрел на них. Вздохнув, опустив шкуру, что закрывала вход в хижину, он наклонился над очагом. Отвар чуть побулькивал в глиняном горшке. На шее женщины поблескивал золотой медальон, глаза были закрыты, грудь едва заметно поднималась — она дышала.

— Как быстро, — подумал старик, рассыпая по плоскому камню серый порошок. "В землях, что на закате, человек может болеть несколько лет, я видел. А у нас — быстро. Может, так и лучше, зачем нужно годами мучиться? Она уже не встанет, конечно, но вот это поможет, — он посмотрел на порошок, — хотя бы очнется ненадолго, чтобы попрощаться".

Он снял отвар с огня. Взяв деревянную ложку, разомкнув губы женщины, он влил ей в рот темную жидкость. Чиркнув кресалом, старик зажег порошок — белое пламя взметнулось вверх, — и быстро вышел из хижины.

Мужчина поднял на него синие, как небо глаза и спросил что-то, на незнакомом языке. Старик присел рядом и показал пальцами.

— Очнется, — обрадовался Питер. Он завел себе руку за шею. Старик, вздохнув, указал на вершины деревьев и стал подражать жужжанию насекомых.

— Комар, — Питер нахмурился. "Или муха. Как тут уследить, их же много. Надо ставить палатку на берегах рек, так безопаснее. Кисею бы найти, как в Индии, но, да где, же ее взять".

Майкл проснулся. Рассмотрев старика, — у него были короткие, почти седые волосы, мальчик весело сказал: "Дедушка!"

Африканец улыбнулся. Оглянувшись, собрав несколько камушков, он поманил к себе мальчика. Они играли во что-то, Майкл смеялся. Питер, поднявшись, пошел к обрыву. Хижина стояла на холме, над широкой, с зеленоватой водой, рекой, внизу гремел водопад. Питер вдруг подумал, ощущая на своем лице капельки холодного тумана: "Хорошо тут".

Он оглянулся — старик махал ему рукой от входа в хижину. Внутри пахло, — Питер принюхался, — серой и еще чем-то, металлическим. Марья лежала, открыв глаза. Он,

обрадовано опустившись на колени, поцеловал ее в лоб: "Вот видишь, тебе лучше. Все хорошо, все хорошо, милая".

Нежные пальцы потрогали медальон. Она тихо, разомкнув сухие губы, попросила: "Маленькому отдай, Питер. Икону…, возьми. И расскажи ему…обо всех…, пожалуйста…, Так жалко…любимый…"

— Мама! — крикнул из-за его спины Майкл. "Мамочка!"

Ребенок прижался головой к ее груди. Марья чуть заметно улыбнулась: "Все, все, милый, не плачь, я тут". Питер, обняв их двоих, зло сказал: "Не позволю! Слышишь, никогда, никогда, не позволю!"

— Полежи, — едва слышно попросила женщина. "Еще…не время…". Питер устроился рядом, почувствовав ее тепло. Марья, облегченно закрыла глаза: "А вот теперь я пойду к ней, она меня ждет. Нечего бояться, с ними все будет хорошо. Та женщина придет, и присмотрит за ними, обязательно. И Федя меня ждет, и Салават, — я сейчас их увижу".

Питер лежал, обнимая жену, гладя по голове неслышно всхлипывающего сына — пока не заметил, что она уже не дышит.

— Мама! — недоуменно сказал Майкл, подняв каштановую голову. "Папа! — из глаз ребенка брызнули слезы. Питер, взяв его на руки, садясь, прижал к себе: "Ты ничего не бойся, сыночек. Я с тобой, и так будет всегда".

Ребенок плакал. Он все сидел, глядя на закат где-то над дальними горами, слыша бесконечный, безостановочный грохот водопада.

Он стоял, держа за ладошку Майкла, глядя на деревянный крест. "Мавзолей, — вспомнил Питер. "Да, — он оглянулся, — тут красиво, Марии тут хорошо будет лежать. Прямо у водопада, и старик обещал заботиться о могиле. Только ведь она одна тут, совсем одна, — Питер сглотнул и велел себе не плакать.

Майкл, молча, рассматривал могилу. Питер, вздохнув, прочел: "Мария Кроу. 1757–1777".

— Мамочка, — сказал ребенок — тихо, горестно.

— Нет у нас больше мамочки, — вздохнул Питер. Подняв сына на руки, он пошел к лошадям. "Спасибо, — сказал Питер старику, что стоял, опираясь на палку. Темные глаза блеснули. Старик, внезапно, подняв руку, погладил его по голове.

— Я справлюсь, — Питер отдал ему Майкла и сел в седло. "Надо справиться, — добавил он про себя. Он усадил Майкла впереди. Тронув лошадь, ведя в поводу другую, он медленно поехал на юг. Старик все махал им рукой — пока Питер, оглянувшись, уже не увидел ни хижины, ни креста на холме.

Ночью он лежал в палатке, тихо плача, кусая губы, прижимая к щеке икону, и вдруг услышал сонный голос сына. "Папочка, — Майкл подобрался поближе, — папа. Не плачь, — попросил ребенок, стирая слезы с лица Питера. "Не плачь, папа".

— Не буду, — он вздохнул, и нащупал золотой медальон на шее мальчика. "Иди сюда, милый, давай я тебе мамину песенку спою, о котике".

Он помнил эти русские слова. Майкл, слушая, рассмеялся: "Не так говоришь".

— Буду лучше, — пообещал Питер. Они заснули, — ребенок все держал его за руку, не отпуская, до самого утра.

Часть седьмая

Северная Америка, осень 1777

Бостон

Рыженькая девочка поерзала на стуле. Окунув перо в чернильницу, она приготовилась писать.

— Меня зовут Констанца, — стала размеренно диктовать миссис Франклин, одновременно пощелкивая железными спицами. "Мне четыре года…"

— Будет, — заметила Констанца, подперев щеку языком. "Я напишу: "Мне будет четыре года". А что вы вяжете, миссис Франклин?"

— Для солдат, — та улыбнулась. "Доктор Абрахамс завтра везет в Саратогу медикаменты для армейских врачей, я хочу с ним шарфы передать, зима скоро".

Констанца, на мгновение оторвалась от прописей, и взглянула на маленький сад за окном. Алые листья клена лежали на дорожке, кусты роз были аккуратно пострижены. В ярко-синем небе над Бикон-хиллом кружились чайки.

— Дядя Хаим говорил, — вспомнила Констанца, — что его отец посадил этот клен, когда он родился. Девочка потянулась за песком: "Надо придумать бумагу, которой можно промокать чернила. Так гораздо удобнее".

— Вот вырастешь, — миссис Франклин наклонилась над столом и одобрительно сказала: "Молодец!", — и придумаешь. Давай читать.

Констанца слезла со стула. Направившись к шкапу с книгами, она предупредила: "Библию не буду, там сказки".

Акушерка закатила серые глаза и рассмеялась: "Газету мне почитай".

Констанца развернула "Бостонскую газету" и бойко начала: "В битве при Железном Холме наши войска разгромили британские силы под командованием генерала Корнуоллиса. Как сообщает бригадный генерал Уильям Максвелл, капитан пехоты Дэниел Вулф, развернув американский флаг, первым повел в атаку массачусетский батальон, и занял стратегически важную позицию, которая позволила силам генерала Максвелла взять мост через реку Кристина".

— Ранили его, — сказала Констанца, подняв серьезные, темные глаза и покраснела. "Дядю Дэниела".

— Легко, — улыбнулась миссис Франклин. "Он и в строю уже, там, в Саратоге, вместе с Хаимом. Говорят, там решающее сражение этого года будет, с войсками генерала Бергойна".

— Филадельфию все равно британцы заняли, — Констанца сложила газету и поджала губы. "Теперь тете Эстер и дяде Хаиму не пожениться. Тут же нет синагоги, в Бостоне".

— И в Ньюпорте британцы, и в Нью-Йорке, — вздохнула миссис Франклин. "Разве что раввин сюда приедет, в Бостон. Эстер говорила — можно так".

— Поженятся, — уверенно сказала акушерка. "Войска на зимние квартиры встанут, и на Хануку, поженятся. Они уже и Меиру написали, на Карибы. Тот приехать не сможет, конечно, опасно это, пока война идет. Потом отпразднуют, все вместе. А прочитала ты отлично".

— Я знаю, — с достоинством ответила Констанца. Выглянув в открытое окно, — осень была теплой, — она обрадовано крикнула: "Тетя Эстер! Кто?"

— Мальчик, — устало улыбнулась та, стоя с саквояжем в руках, прислонившись к калитке. "Все хорошо прошло, миссис Франклин, как вы и говорили — десять фунтов почти".

— Сейчас на стол накроем, — акушерка открыла ей дверь, — а потом ложись и спи, в полночь тебя подняли, все же. Констанца, — она обернулась к девочке, — иди, вымой руки.

Эстер обвела глазами скромную переднюю, дома Горовицей. Присев на сундук, зардевшись, она стала перебирать в белых пальцах край простого, темного платья: "Миссис Франклин, мне неудобно очень…Вы не последите за Констанцей несколько дней? Доктор Абрахамс меня берет в тот обоз, что в Саратогу отправляется…"

Акушерка присела рядом и положила себе на плечо изящную, с уложенными на затылке черными косами, голову девушки. "Послежу, конечно, на вызовы ее возьму, если что — она поцеловала Эстер в щеку, — а ты езжай, жениха своего повидай. Соскучилась, ведь, с августа?"

Эстер кивнула: "Сейчас октябрь, праздники только закончились. Почти три месяца мы не виделись. Теперь, с войной этой — неизвестно, когда еще встретимся. Хаим говорил, в декабре они в тыл отходят, но ведь до этого — сколько еще сражений".

— И ни о чем не волнуйся, — твердо заключила миссис Франклин, поднимаясь. "Пошли, очаг-то горел, так что я и суп сварила, и курицу потушила. Хлеб еще вчерашний остался. Поешь, и ложись, а мы с Констанцей в гавани погуляем, чаек покормим".

Эстер неудержимо зевнула. Поднимаясь, взяв сухую руку старой женщины, она приложила ее к щеке: "Миссис Франклин…"

— Ничего, — та подтолкнула ее, — следующим годом у тебя принимать буду.

Эстер покраснела: "Теперь и раввину из Филадельфии не приехать — говорят, там из города британцы никого не выпускают, шпионов боятся".

— И очень правильно, пусть опасаются, — тонкие губы миссис Франклин растянулись в улыбке. Она, склонив голову, посмотревшись в зеркало, поправила холщовый чепец. Над входом в дом висел американский флаг, чуть колышась на легком ветру с моря.

— Красивый, — одобрительно сказала миссис Франклин. Женщины закрыли дверь, и пошли в столовую.

Эстер лежала на узкой кровати, рассматривая беленый потолок комнаты. "Бедная Мирьям. Она ведь тут жила. Больше года, как о ней ничего не слышно. Дэниел молчит, не говорит ничего, но видно — как он переживает. И Хаим тоже — себя винит".

Девушка перевернулась и обняла холщовую подушку. "Иосиф, — она вспомнила веселые,

темные глаза брата и всхлипнула. "Господи, кадиш по нему читают, конечно, но все равно, все равно…, - Эстер тяжело вздохнула. "Как одиноко мне было, когда сюда приехали. Люди все хорошие, и в Чарльстоне, и в Филадельфии, и здесь, но все равно — одиноко. А потом…, - она внезапно улыбнулась.

Эстер выжала тряпку, наклонившись над деревянным ведром, и ласково сказала: "Молодец, ты все очень хорошо делаешь".

— Не понимаю, — ехидно отозвалась Констанца, что раскладывала по ящикам большого, открытого шкафа столовое серебро, — я не еврейка, в Бога не верю. Почему я должна убираться перед вашими праздниками?

Эстер вытерла руки о передник, и взглянула на ящик, что стоял посреди кухни: "Надеюсь, капитан Горовиц не рассердится, что мы пасхальную посуду из кладовой достали". Она вспомнила большие, серые глаза и его шепот: "Я вас люблю. Я вас найду".

— Тетя Эстер, — Констанца подергала ее за подол платья, — так почему?

— Потому, — девушка взялась за швабру и стала мыть вымощенный каменными плитами пол, — что ты вырастешь, выйдешь замуж, и тебе надо будет убирать в доме.

— Я никогда не выйду замуж, — Констанца вздернула острый подбородок. "Надо венчаться, а я не верю в Бога. Я буду ученым…"

— Все равно тебе придется убираться, — примирительно заметила Эстер, — в мастерской ученого должно быть чисто. Твоя мама — она была очень аккуратная.

— Это да, — Констанца почесала нос. "Это вы правы, тетя Эстер". Девушка наклонилась. Поцеловав рыжий затылок, она попросила: "Открой, пожалуйста, это, наверное, миссис Франклин".

Эстер проводила взглядом перекрещенную завязками передника спину: "Отсюда даже в Лондон письмо не отправишь — блокада. В Париж я написала, надеюсь, барк доплывет до Франции. Мисс Тео там дальше обо всем позаботится, она хорошая девушка, надежная, переправит почту в Англию. И все равно — пока война не закончится, нечего и думать, чтобы Констанцу через океан везти. Хватит и одного раза".

Эстер повернулась к двери и застыла, с тряпкой в руке. Он стоял на пороге, высокий, в темно-голубом мундире Континентальной Армии. В руках у него была охапка белых цветов.

— Капитан Горовиц к вам, тетя, — церемонно сказала сзади Констанца и, хихикнув, — исчезла.

— Веснянка, — ласково улыбаясь, сказал Хаим. "Для вас, мисс Эстер".

Она бросила тряпку. Вытерев руки о передник, приняв цветы, Эстер всхлипнула: "Я уж и не думала, капитан…"

— Хаим, — он все смотрел в огромные, черные глаза. "Меня пулей зацепило по дороге, но все хорошо, — он поднял ладонь, — не волнуйтесь. Я очень торопился, мисс Эстер, и вот, — он оглядел кухню, — успел.

— Вы простите, что мы у вас поселились…, - Эстер почувствовала, что краснеет. Она спрятала

щеки в букете цветов и вдохнула нежный, прохладный запах. "К празднику торопились, капитан? — ее голос задрожал.

— Так и надо, — чтобы вы тут жили, — уверенно ответил Хаим. "А торопился, — он порылся в кармане мундира, — торопился я, потому что иначе я бы потом до лета не сделал то, что я хочу сделать".

— А что вы хотите сделать? — лукаво осведомилась Эстер, все еще прижимая к себе цветы.

— Вот это, — ответил Хаим, и, наклонившись, поцеловал ее. "Сейчас упаду, — подумала девушка. "Господи, как хорошо. Не верю, не верю, что так бывает".

— Дай-ка руку, — он, на, мгновение, отстранился, и достал из бархатного мешочка простое, серебряное кольцо. "Я деревнями пробирался, — смешливо заметил Хаим, — там с ювелирными лавками плохо. Это мне кузнец смастерил, из доллара".

— Самое прекрасное на свете, — Эстер почувствовала, как он надевает ей кольцо на палец. Привстав на цыпочки, обняв его, она шепнула: "Поцелуй меня еще".

— Я буду тебя целовать каждый день, Эстер, — до конца наших дней, — просто ответил Хаим. Они так и стояли, прижавшись, друг к другу, на прибранной кухне, рядом с ведром. В открытом окне шелестела зеленая ветка клена, на которой раскачивался, распевался жаворонок.

Саратога

На главной дороге было шумно. Дэниел, обогнав телеги с ядрами, обернувшись, вглядываясь в ровные ряды палаток, присвистнул: "Пятнадцать тысяч человек у нас. И у Бергойна — почти столько же. Первое сражение он выиграл, теперь второе нас ждет, решающее. Британцы тут, конечно, в мешке. Помощи им ждать неоткуда, разве что с запада, — Дэниел помрачнел и посмотрел на далекие, синеватые вершины гор.

— Где же этот проклятый Кинтейл, с его индейцами? Если они ударят исподтишка…, - капитан вздохнул. Толкнув тяжелую, деревянную дверь неприметного, серого дома, он снял треуголку: "Капитан Вулф, по вызову его превосходительства генерала Арнольда".

В кабинете было накурено. Дэниел закашлялся: "Простите, ваше превосходительство".

Арнольд оторвался от карты. Его красивое, чуть обрюзгшее лицо расплылось в улыбке: "Ты же на плантации вырос, Вулф, у вас там все курят".

— Я не курю, — коротко ответил Дэниел. Он увидел конверт, что лежал перед генералом. Арнольд перехватил его взгляд. Достав письмо, развернув его, генерал перебросил Дэниелу листок: "Читай".

— Судя по донесениям из Парижа, — Дэниел узнал почерк. Он, было, хотел что-то сказать, но Арнольд велел: "До конца читай".

— Судя по донесениям из Парижа, король Людовик готов вступить в военный и политический альянс с Тринадцатью Колониями. Маркиз де ла Файет, который, как ты знаешь, с лета сражается на нашей стороне, рекомендует, в добавление к мистеру Франклину, послать в Париж кого-то из наших молодых офицеров, для того, чтобы он представлял интересы армии. Мы считаем, что лучше капитана Вулфа никого для этой миссии не найти. Поэтому, после того, как войска разместятся на зимних квартирах, он должен отплыть во Францию.

Дэниел посмотрел на подпись. Отдав бумагу, он спокойно пожал плечами: "Я не поеду".

— Это приказ генерала Вашингтона, — угрожающе краснея, сказал ему Арнольд. "Ты что себе позволяешь, мальчишка!"

— Я не поеду, — упрямо повторил Дэниел. "Более того, ваше превосходительство, я принес рапорт, — он порылся за отворотом мундира, — я прошу перевести меня в виргинскую дивизию, под командование генерала де ла Файета, — он положил рапорт на стол и добавил: "С зимы".

Арнольд прошелся по комнате, и, выбил трубку: "Я знаю, там у тебя какие-то дела с индейцами. Де ла Файет мне говорил, что ты с ним хочешь к Шести Племенам отправиться, после того, как мы в тыл отойдем".

— У меня пропала, — Дэниел помолчал, — невеста. Год назад, ваше превосходительство. Сестра капитана Горовица, того, что вы отметили в приказе, на прошлой неделе.

— Да, который полсотни раненых с поля боя вытащил, — Арнольд почесал напудренные волосы. Зорко прищурившись, он посмотрел на юношу. Тот стоял прямо, откинув русую, коротко стриженую голову, чуть загорелое от осеннего солнца лицо было спокойно. Красивые, длинные пальцы сжимали простую рукоятку шпаги.

— Три ранения, — вспомнил Арнольд, — и всегда возвращался в строй. Что мне там говорили — отец его лучший друг генерала Корнуоллиса, богач, каких мало, рабовладелец. А этот даже денщика отказался брать, хотя можно ему, по званию.

— Так вот, — Дэниел продолжил, положив руку на карту, — ваше превосходительство, моя невеста…она исчезла после того, как побывала в лагере лорда Кинтейла. Вы же знаете, он где-то тут, со своими индейцами. Если бы вы мне разрешили разведку…

— Не разрешаю, — холодно ответил Арнольд. "Незачем рисковать людьми, тем более, перед решающим сражением".

— Только я и еще один доброволец, — горячо сказал Дэниел. "И все, ваше превосходительство, пешком, без лошадей. Я прошу вас…"

Арнольд потянулся за пером и поставил росчерк на рапорте. "Переходи к де ла Файету, — сварливо велел он, — тем более ты сам виргинский. И генералу Вашингтону напиши. Объясни ему, что хочешь воевать дальше".

— Я поеду, — Дэниел улыбнулся. "Поеду, генерал Арнольд. И во Францию, и вообще — туда, куда меня пошлет страна. Но пока я нужен здесь. Разрешите идти? — он надел треуголку и вытянулся.

— Ладно, иди, бери своего добровольца, — махнул рукой генерал. Когда Дэниел уже стоял у двери, он тихо добавил: "Вы там осторожней. Помнишь же, что с этой девушкой случилось, Джейн Мак-Кри, летом еще?"

— Помню, — ответил Дэниел и вышел. Арнольд посмотрел ему вслед. Затянувшись трубкой, генерал пробормотал: "Это были индейцы Кинтейла, больше некому. Бергойна после того грязью облили — как он вообще позволил такое, в своих войсках. Что это у нас писали? — Арнольд порылся на столе, и нашел газету: "Невозможно поверить, что знаменитый генерал Бергойн, в котором соединились лучшие качества джентльмена, солдата и ученого, нанимает

жестоких дикарей, скальпирующих европейцев и, более того, платит им за каждый скальп".

Арнольд отбросил газету: "И недурно платит, по слухам, у Кинтейла их чуть ли не тысяча, этих индейцев. Он себе берет процент с каждого скальпа. После войны отстроит замок, не иначе. А у меня — он усмехнулся, — Конгресс требует отчета за деньги, потраченные в канадской кампании. Ну да ладно, — генерал раздул ноздри, — сейчас Бергойн сдастся, и к нам рекой потечет французское золото".

Он приоткрыл дверь и велел адъютанту принести кофе.

Дэниел заглянул в госпитальную палатку и поморщился — низкий, страдальческий крик несся на улицу. Лошади у коновязи заволновались, заржали. Хаим, что стоял к нему спиной — в холщовом фартуке поверх сюртука, — ласково сказал: "Рядовой, чем больше вы будете кричать, тем дольше это затянется".

— Больно! — злобно выплюнул человек, что лежал, привязанный к деревянному столу. "Опиума дайте!"

— Опиум мы бережем для сложных операций, — Хаим взял в руки скальпель, — а у вас надо вскрыть нарыв. Это и мгновения не займет. Держите его, как следует, мистер Харпер, — кивнул Хаим чернокожему, мощному санитару.

— Убери руки, черномазый! — выругался больной. Дэниел услышал холодный голос Хаима: "Очень жаль, рядовой, но я ошибся. Сложный нарыв, придется покопаться".

Дэниел фыркнул себе под нос и громко сказал: "Капитан Горовиц, как закончите — я вас жду у мамаши Молли. Ее старик сегодня с утра рыбу ловил, я видел".

Рядовой опять заорал. Хаим, повернувшись, улыбаясь, подмигнул Дэниелу.

— Держи, — сказал Хаим, устраиваясь за грубым деревянным столом. "Последний, из личных запасов". Дэниел разрезал лимон. Выжимая его на жареную форель, юноша ухмыльнулся: "Ты же мне говорил, что обоз из Бостона идет, с лекарствами и продовольствием. Так что лимоны вам наверняка привезут, от цинги".

— Картошку ешьте, еще осталась в погребе, — велела мамаша Молли, поставив перед ними глиняный кувшин с пивом. "С этой войной и не посадить было ничего. Топчетесь, как кони, туда-сюда, туда-сюда".

Она почесала полуседые волосы под чепцом, и, вздохнув, — пошла к стойке.

— Вот именно, — помрачнел Дэниел, — туда-сюда, туда-сюда. Хоть бы уж быстрее этот Бергойн капитулировал, а то они тут уже все фермы разграбили или сожгли. Арнольд мне разрешил разведку, кстати, — он разлил пиво по глиняным стаканам.

— Я пойду с тобой, — спокойно сказал Хаим. "Один ты туда, — он махнул рукой на запад, — не отправишься".

Дэниел посмотрел на него. Выпив, он помолчал: "Я Фримена хотел взять. То есть, у меня весь батальон вызовется, но Фримен парень ловкий, и я ему доверяю".

Хаим покраснел. Дэниел мягко сказал: "Ты же помолвлен, дружище. Не лезь на рожон, хотя бы

сейчас. Встань под хупу, и тогда уже — рискуй жизнью. На поле боя я тобой не командую, не могу запретить лезть в самое пекло, а тут..."

Хаим мрачно, молча, ел, а потом вздохнул: "С хупой тоже — где я раввина возьму? В Филадельфию ехать опасно. После моего вояжа за линию фронта обо мне тоже листовки стали печатать. Пятьсот долларов тому, кто сообщит о местонахождении опасного шпиона патриотов".

— Еще пирог тыквенный и кофе, — предупредил его Дэниел. "Он скверный, правда, но хорошего кофе тут взять неоткуда".

Он откинулся к хлипкой, деревянной стене: "Странно, у Мэтью уже ребенок родился. Интересно, племянник у меня, или племянница. Марта молодец, они с доктором Макдональдом Хаима спасли. Отважная девушка, ничего не скажешь. Так вот кто сведения из Виргинии передавал. И сдался ей этот Мэтью, — он усмехнулся. Глядя на друга, Дэниел спросил: "А у вас что, как у нас — обязательно, чтобы раввин был?"

— Нет, — Хаим отпил кофе и поморщился: "Действительно, дрянь, хоть пирог вкусный. Надо, чтобы был миньян — десять евреев, и все. И брачный договор, но его самим написать можно".

— Можно подумать, ты в Бостоне десять евреев не найдешь, — сочно заметил Дэниел. "Тут, в лагере, вас полсотни. Даже молитесь с утра".

— И, правда, — хмыкнул Хаим, — что это я? Так и сделаем, как только в тыл отойдем. Говорят, — он вытер губы салфеткой, — тебя во Францию хотят послать, представителем от армии?

— Все-то вы знаете у себя в госпитале, — пробормотал Дэниел. Решительно тряхнув головой, он добавил: "Я отказался".

— Очень правильно, — заметил Хаим. Посмотрев в окно, врач усмехнулся: "Вот и мой Харпер. Наверняка, у кого-то из наших генералов зуб заболел. Харпер так бегает, только когда начальство нас навещает".

— Капитан Горовиц! — негр вытянулся перед столом. "Там обоз пришел, из Бостона, с продуктами и медикаментами".

— Лимоны привезли! — радостно крикнул кто-то из офицеров от стойки.

— И не только лимоны, — медленно сказал Дэниел, поднимаясь. Хаим обернулся — она стояла у входа в таверну. В черных, пышных косах блестело солнце, простое платье было прикрыто холщовым передником.

— Капитан Горовиц, — она вскинула большие глаза, — вы будете принимать лекарства?

— Я, мисс Мендес де Кардозо, — широко, радостно улыбаясь, ответил Хаим. "Я и никто другой".

— Это шарф, — строго сказала Эстер, — носи обязательно, скоро холода настанут. Это, — она выложила из сумы оловянную флягу, — изюмное вино. Я сама делала, хоть Шабат будет, чем встретить..., Это печенье..., - она стала рыться в суме. Хаим внезапно взял ее за руку.

В палатке было тихо, снаружи слышались сигналы к вечернему построению, дул легкий, еще теплый ветерок. Девушка, глядя на него, спросила: "Что?".

В его серых глазах играли искорки смеха. "Давай поженимся, — улыбнулся Хаим. "Прямо здесь. Сейчас спокойно, в ближайшую неделю сражения не будет. Отпуск мне на сутки дадут. Все равно обоз только через три или четыре дня обратно идет. Пожалуйста, любовь моя".

Она помолчала. Встряхнув черноволосой головой, так и держа в руках мешочек с печеньем, Эстер приникла головой к его груди. "Маленькая, какая она маленькая, — нежно подумал Хаим. "Я же слышу, как ее сердце бьется".

— А кольцо будет, — он рассмеялся, — у мамаши Молли старик — тоже кузнец. Золотую монету возьму и сделаю.

— Опять? — она всхлипнула и показала ему палец, на котором блестело колечко.

— Опять, — кивнул Хаим и поцеловал ее куда-то в затылок. От нее пахло сулемой и травами. "Я тебя люблю, — тихо сказала Эстер, — так люблю, Хаим. Конечно, давай поженимся. А хупа? — она нахмурилась.

— Найдем, — он взял ее лицо в ладони: "Счастливей меня никого нет на земле, понятно?"

Эстер покраснела: "Река тут есть, завтра на рассвете окунусь". "А как же..., - тихо спросила она и обвела рукой палатку: "Прямо здесь? Я ведь у миссис Молли остановилась, там комната совсем маленькая, и шумно очень".

— Нет, конечно, — Хаим ласково обнял ее. "Здесь источники горячие милях в десяти к западу, там избушка есть, муж миссис Молли до войны срубил. Мы туда за водой телеги отправляем, она очень полезна для раненых, как в том городе, в Нижних Землях, ты мне о нем рассказывала..."

— Спа, — улыбнулась Эстер.

— Угу, — кивнул Хаим. "Поверь мне, как тут все успокоится — там гостиницы начнут строить, сержант Фримен, уже думает, как бы ему тут со своим постоялым двором обосноваться. Туда и поедем, возьмем пару лошадей. А потом я тебя провожу и уже на Хануку встретимся, — он погрустнел.

— Недолго, — Эстер стала целовать его, — тихо, нежно, чуть касаясь губами лица. "Теперь ничего не страшно, любимый, теперь мы поженимся, и все будет хорошо. Садись, — она подтолкнула его к койке, — сейчас я тебя кормить буду, и кофе я тоже привезла".

Потом, прибравшись, она устроилась рядом, с оловянной чашкой в руках, и устроила голову у него на плече: "Пока ты там оперировал, я с Дэниелом поговорила. Он в виргинскую дивизию переходит. Хочет потом, зимой к индейцам отправиться".

— И я вместе с ним, отпуск возьму, — Хаим взял ее руку и приложил к щеке. "Надо найти Мирьям, и мы это сделаем. Как странно, — мужчина вдруг улыбнулся, — мы с тобой родственники".

— Очень дальние, — озорно сказала Эстер и посерьезнела: "А как ваш предок сюда попал, в Нью-Йорк?"

Хаим поцеловал ее в щеку. "Помнишь, я тебе рассказывал — они приплыли из Амстердама в Суринам, а потом на их поселение напали испанцы. Этот Хаим Горовиц успел убежать со своей сестрой, младшей, в джунгли. Она дала ему свой кинжал, — тот, что у Мирьям сейчас, — и он отправился посмотреть, — что случилось с поселением. Там уже все было сожжено, никого не осталось, — Хаим помолчал и прижал Эстер поближе.

— Он заблудился, и так и не нашел сестру. Вышел к океану, а потом добрался до Маурицстада, это в Бразилии. Когда португальцы захватили те места — отплыл на корабле "Санта-Катерина", сюда, в колонии. Это сто двадцать лет назад было, — Хаим вздохнул: "А что стало со всеми остальными, — его матерью, братьями, сестрами — так и не известно".

Эстер помолчала. Отпив кофе, она спросила: "А другие, те, кто к Шабтаю Цви поехал? Этот Элияху Горовиц и его сыновья? Что с ними случилось?"

— Наверное, как и Шабтай, — магометанство приняли, — он поцеловал нежную руку: "Сейчас пойду на поклон к доктору Абрахамсу — пусть ктубу нам напишет. У меня тут, в армии, совсем почерк испортился. Завтра, — он, на мгновение, закрыл глаза, и почувствовал прикосновение ее губ. "А тебе не надо подавать рапорт, — лукаво спросила Эстер, — ну, что ты жениться хочешь?"

— А я еще весной подал, и мне разрешили, — лениво ответил Хаим. Поднявшись, он внезапно подхватил ее на руки. Черные волосы растрепались. Девушка, прильнув к его губам, выдохнула: "Завтра!"

Три человека неслышно шли через осенний, блистающий алым и золотым лес. Широкие плечи первого были обтянуты кожаной, с бахромой, индейской курткой, черная коса спускалась на спину, к поясу был привешен кинжал в расшитых ножнах.

Он застыл, и бросил своим спутникам: "Тише!"

Индейцы замерли, услышав треск валежника.

— Олень, — усмехнулся главарь, и они направились дальше. Поднявшись на вершину холма, Кинтейл осмотрел свой лагерь: "Тысяча человек. От генерала Бергойна я деньги получил — пора и на запад. Все равно этот слюнтяй собирается капитулировать. Такой же хлюпик, вроде этого герцога Экзетера — правильно, что его отозвали. Тут не Старый Свет, тут свои правила".

Он спустился в долину, и, сопровождаемый приветственными криками, — прошел к своему вигваму. "Братья! — крикнул Кинтейл. "С вами говорю я — Менева, воин, ваш товарищ, человек, который спит с вами под одним небом, и сидит у одного костра!"

— Брат! — раздалось из рядов. Кинтейл, обведя взглядом смуглые, в татуировках лица, мушкеты и ножи в сильных руках, улыбнулся. "Для меня честь — вести вас в бой, и умирать рядом с вами, братья! Однако тут, — он обвел рукой лес, — нам делать больше нечего. Я принес нам золото. Мы разделим его на всех, а потом повернем на запад, туда, где нас ждет победа над слабыми духом, над теми, кто продался белым. Мы покажем, им, как воюют настоящие ходинонхсони!"

Толпа заревела. Кинтейл, глубоко вдохнув, дернув ноздрями, тихо добавил: "Каждый из вас получит свой вигвам, своих лошадей и своих женщин. Это говорю вам я, Менева, человек, который никогда не лжет своим братьям! Вы пойдете за мной?"

— Да! — услышал Кинтейл. Протянув к индейцам руки, он уронил голову: "Я знал, братья, знал — мы связаны одной кровью".

Толпа молчала. Кто- то сзади, рыдающим голосом крикнул: "Вождь! Великий Менева!"

— Вождь! Вождь! — услышал Кинтейл, и, сложив руки у груди, поклонился своим воинам.

Он снял с костра едва обжаренное оленье мясо, и, посмотрел вверх, на закатное, багровое небо: "Я помню, там, на западе, есть земля, где золото лежит под ногами. Очень хорошо. Они пойдут за мной куда угодно, мои люди, они мне доверяют. Вырежем несколько стойбищ, они получат лошадей и женщин, как я и обещал, а потом отправимся дальше".

Он прожевал мясо. Откинувшись назад, опираясь на локоть, Кинтейл принял от сидящего рядом индейца трубку. Тот взглянул на испещренное шрамами лицо, на холодные, голубые глаза, и поежился. Кинтейл затянулся, и, молча, выпустил дым: "Только сначала я уведу с собой белую женщину. Мне нужны сыновья с хорошей кровью, хватит и одного ублюдка. Хорошо еще, что сдохла девчонка".

Он положил на ладонь красный кленовый лист: "Красиво тут, Ахисенейдей. Не жалко тебе будет уходить?"

— Воин идет за вождем, — заметил индеец. Кинтейл, взглянул на восток, туда, где небо уже окрашивалось в темно-синий, густой цвет ночи: "Да, ты прав. Спасибо тебе, брат, спасибо вам всем".

Индеец потрогал привешенные к поясу высохшие скальпы: "Тебе тоже надо добыть их, Менева".

— Конечно, — пообещал Кинтейл. Отдав индейцу трубку, вытянувшись на оленьей шкуре, он увидел, как заходит солнце над горами. "Хорошо, — вздохнул он, закрыв глаза. "Вот сейчас — и вправду, все стало — как надо".

Мамаша Молли оглядела девушку с ног до головы. Вздохнув, она подперла щеку рукой:

— Ну и красавица же ты, дорогая моя, повезло капитану Горовицу! Лошади для вас готовы, — она выглянула в окно, — после свадьбы сразу садитесь и уезжайте. Мы тут по стаканчику всем нальем, за ваше здоровье. Пошли, — она поправила венок из осенних листьев на голове девушки. Открыв перед ней дверь, Молли усмехнулась: "Смотри-ка, народу сколько собралось".

Лагерь был залит низким, предвечерним солнцем. Эстер увидела большой американский флаг, что держался на вбитых в землю шестах. "Какой Хаим красивый, — нежно подумала она, идя к хупе. "И Дэниел рядом, у него кольцо. Господи, в Бостон вернусь уже — миссис Горовиц. А потом война закончится, и у нас будут дети. Много, — она почувствовала, что краснеет, и услышала крики: "Ура! Ура капитану и миссис Горовиц!"

— Я тебя люблю, — тихо, наклонившись к ней, сказал Хаим, когда Эстер, обойдя три раза вокруг хупы, — встала рядом. "И буду любить всегда".

— Пригодилось изюмное вино, — смешливо подумала Эстер, глядя на то, как доктор Абрахамс, сдвинув очки на кончик носа, — поднимает оловянный бокал.

— Благословен Ты Господь, Владыка мира, создавший плод виноградной лозы, — сказал он,

откашлявшись. Эстер попросила: "Господи, как мне мама пела — без горя и несчастий. Чтобы все было без горя и несчастий, прошу тебя".

Она почувствовала прикосновение кольца. Эстер увидела, как блестят его серые глаза.

— Спасибо, спасибо тебе, — Хаим все не выпускал ее руку. Наконец, улыбнувшись, он громко проговорил: "Смотри, ты посвящаешься мне в жены этим кольцом по закону Моше и Израиля".

— Господь, Бог наш, да зазвучат вскоре в городах Иудеи и на улицах Иерусалима голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты, — раздался голос доктора Абрахамса. Хаим, подождав, пока Дэниел завернет в салфетку стакан — наступил на него.

— Мазл тов! — закричали со всех сторон. Дэниел весело сказал: "Целый день я их учил. А стрелять генерал запретил, все-таки сражение скоро, незачем порох тратить. Бегите, — подтолкнул он Хаима и Эстер, — вам же вдвоем побыть надо".

Солдаты выстроились в два ряда. Эстер, взяв за руку мужа, пробежав под скрещенными мушкетами, — влетела в дверь таверны.

— Прямо сейчас, — потребовал Хаим, прижав ее к себе. "Прямо здесь". Она рассмеялась, и, нежась под его поцелуями, надевая лежащий на столе чепец, велела: "Потерпи. Я с утра халы испекла, и миссис Молли мне бутылку рома отдала. Потерпи, капитан Горовиц, всего десять миль…"

— Невозможно, — он повернул жену спиной к себе. Целуя белую шею под воротником платья, Хаим сердито ответил: "Я почти год терплю, только о тебе и думаю. Все, пошли, — он потянул ее за руку, — слышишь, нас уже ждут".

На дворе расставляли столы. Эстер, улыбнувшись, подняв вверх свежий хлеб, благословив его, крикнула: "Господа, приятного аппетита, и спасибо вам большое!"

Солдаты восторженно загудели. Дэниел, посмотрев на то, как Хаим помогает сесть жене в седло — поманил его к себе.

— Мы там с сержантом Фрименом уже побывали, — он подмигнул юноше, — все, как в лучшей гостинице, капитан Горовиц.

— Когда вы идете? — тихо спросил Хаим. "Сегодня?"

— Угу, — едва слышно ответил Дэниел. Пожав другу руку, он улыбнулся: "Счастья вам!"

— А ему? — вдруг подумал Хаим, глядя на Дэниела. Он стоял — высокий, стройный, прислонившись к створке ворот, и махал им рукой. "И у него будет, — твердо сказал себе Хаим. Нагнав жену, перегнувшись в седле, он шепнул: "Лошади хорошие, я бы и рысью поехал".

Эстер пришпорила своего коня. Два всадника понеслись по дороге, ведущей на запад.

— Эх, — услышал Дэниел голос сзади, — и когда мы с Салли только поженимся, капитан?

— Скоро, — уверенно ответил мужчина. Обернувшись к сержанту, он вздохнул: "Давай, Нат, перекусим, и пора нам отправляться. Мушкеты брать не будем, обойдемся пистолетами и кинжалами".

— Курицу я готовил, — гордо сказал Натаниэль, — пойдемте, капитан, вы такую на сто миль

вокруг не найдете.

Дэниел посмотрел на запад — но лошадей уже не было видно, только легкая пыль все еще висела в томном, вечернем воздухе.

Хаим чиркнул кресалом и зажег свечу. Пахло соснами, было слышно, как неподалеку журчит источник. Эстер ахнула: "Смотри!"

Душистое, мягкое сено было накрыто холщовыми простынями, рядом лежали подушки, и меховая полость. На столе, в глиняном кувшине, была чистая, родниковая вода.

— Это Дэниел и сержант Фримен, — он усмехнулся, развязывая ленты ее чепца. "Они этой дорогой сегодня в разведку пойдут. С утра тут были, местность осматривали. Будут индейцев искать".

Эстер замерла: "Индейцев?"

— Да они с войсками Бергойна, — Хаим медленно расстегивал пуговицы на ее платье, — беспокоиться нечего, это далеко. И у меня тут мушкет, пистолет, шпага…, - он смешливо поднял бровь.

— Ты хорошо вооружен, — томно сказала жена, откинув голову назад, расплетая косы. "И умею всем этим пользоваться, — заверил ее Хаим, опускаясь на колени. В сумраке ее грудь — небольшая, высокая, — отливала жемчугом.

— Я читала…, в газете, — задыхаясь, шепнула Эстер, запустив пальцы в его светлые волосы.

— Они преуменьшают мои достоинства, — платье упало на деревянный пол. Хаим, застонав, прижавшись к ней, целуя нежное, мягкое бедро, услышал сверху: "Я хочу…, сама убедиться".

— Вот сейчас, — он легко подхватил ее на руки и опустил на сено. "Господи, как сладко, — подумала Эстер. "Как хорошо, я и не думала, что так бывает. Как я его люблю, и слов таких нет". Она потянулась вверх, и, уронив голову на его плечо — нашла губами его губы.

Сухие ветки едва слышно затрещали. Индеец, прислушавшись, сказал своему товарищу: "Там кто-то есть, у источника".

Ночной лес был тихим. Наверху, в огромном, чистом небе, сияли, переливались звезды. Шуршали крыльями птицы, с запада, из-за гор дул свежий, прохладный ветер.

Они поднялись и, осторожно ступая, пошли к темнеющей вдалеке сторожке, держа в руках короткие мушкеты.

К открытому окну была прилеплена оплывающая свеча, у коновязи стояли две лошади.

— Еще! — услышали они томный, ласковый голос женщины. "Еще хочу, прямо сейчас! Я люблю тебя, — она засмеялась сквозь слезы. Мужчина ответил: "Сколько угодно, счастье мое, до самого утра и еще целый день. Вот так, — раздался шорох, женщина застонала, и крикнула: "Хочу! Хочу тебя!"

— Ты моя, — сквозь зубы ответил мужчина. "Слышишь, ты моя, навсегда, я люблю тебя!"

Женщина опять закричала — громко, радостно. Индеец шепнул: "Менева. Надо его привести,

он хотел себе жену их крови. Пусть посмотрит на нее".

Товарищ кивнул головой. Они медленно, ступая по своим следам, стали отходить в лес. Кусты заколыхались, и опять распрямились, лошадь, подняв голову, — тихо заржала. От родника все доносился женский крик — свободный, счастливый.

Эстер проснулась, и, ощутив его тепло рядом, не открывая глаз, — улыбнулась. Хаим лежал, обнимая ее, прижав ее к себе. Эстер, едва заметно потянулась: "Как хорошо. Господи, как мы кричали, всех зверей распугали, наверное. Пойду, искупаюсь, — она высвободилась из его рук, и, как была, обнаженная, — открыла дверь избушки.

На поляне еще стоял туман, трава была покрыта росой, первые лучи солнца золотили верхушки сосен. Эстер собрала растрепанные волосы на затылке. Встав на прохладную траву, вздрогнув, она добежала до источника, что журчал в своем каменном ложе. "Какая она теплая, — Эстер блаженно погрузилась в воду и услышала веселый голос мужа: "А я тебя искал".

— Какой он красивый, — подумала Эстер, покраснев. Хаим опустился рядом. Усадив ее к себе на колени, он тихо спросил: "Поняла, зачем искал?"

— Кажется, да, — девушка подставила ему губы. Он распустил жене волосы, и, целуя нежную шею, белые плечи, усмехнулся: "А теперь?"

— О да, — томно сказала Эстер. "Да, Хаим! Прямо здесь? — она улыбнулась. "Я потерплю, — пообещал ей муж, — но недолго. Пошли, — Хаим поднял ее на руки и вынес из воды.

— Как…, в раю, — шепнула ему Эстер, когда он опускал ее на землю. "Так не бывает…"

— Бывает, — он застонал, и, прижимая ее к себе, целуя чуть дрожащие веки, добавил: "Теперь так будет всегда, любовь моя".

Эстер закричала, вырывая нежными пальцами траву. Хаим еще успел подумать: "Господи, спасибо тебе".

Они лежали, тяжело дыша, обнимая друг друга. Девушка грустно сказала: "Жалко, что уезжать надо".

— На Хануку, — он погладил жену по спине, — я приеду, и сразу отведу тебя в спальню. Не выпущу оттуда дня три, по меньшей мере. Иди сюда, — он перевернулся на спину и застыл.

— На Хануку я уже, наверное, носить буду, — зардевшись, подумала Эстер. Увидев глаза мужа, она спросила: "Что такое?"

— Надо одеться и немедленно уезжать отсюда, — Хаим потянулся и снял с куста обрывок бахромы. "Тут были индейцы, ночью. Быстро, — он поцеловал жену и помог ей подняться. "Чтобы и духу нашего тут не было".

— Но они, же ушли, — недоуменно сказала Эстер, оглядываясь.

— Просто делай, как я говорю, — Хаим подтолкнул ее к двери, и еще раз повторил: "Быстро".

Дэниел замер. Оглядываясь, он подумал: "Правильно меня отец учил — в лесу нельзя шуметь.

Отец..., - он поморщился, вспомнив запах табака, и его веселый голос: "Отлично стреляешь, малыш, не зря я тебе в три года пистолет подарил".

Они стояли на берегу небольшого ручья. Натаниэль тихо спросил сзади: "Капитан, а почему они уходят? И Кинтейла мы так и не увидели".

— Не знаю, — Дэниел пожал плечами. "Но этой тысячи индейцев у Бергойна не будет, поверь мне. А Кинтейл, — он усмехнулся, — мы же с тобой во все вигвамы не заглядывали. Может, он вообще в ставке. Пошли, — он кивнул головой, — нам надо быстрее добраться до лагеря, обрадовать генерала Арнольда".

Они перебрались через поток, ступая по мокрым камням. Дэниел, подняв голову вверх, рассматривая утренний, почти беззвучный лес, вздохнул: "Где же Мирьям? Может быть, погибла? Как ее здесь найдешь, да и где искать? Жить дальше, вот и все. Как получится".

— Поохотиться бы, — бормотал себе под нос сержант Фримен. "Тут олени, индейки, рыбы — хоть руками лови, а у нас одна солонина и каша кукурузная. Хоть ром дают, пусть и разбавленный. После войны, капитан, когда я постоялый двор открою..."

— Тише, — шикнул на него Дэниел. "После войны я сам приеду и проверю, — что там у тебя за бургундское в погребе будет. А пока еще война не закончилась, так, что смотри по сторонам".

Они шли по узкой, еле заметной тропе, вокруг был высокий кустарник. Дэниел усмехнулся: "Вот сейчас выберемся к источнику — а там капитан Горовиц с женой. Неудобно получится. Хотя нет, они еще спят, наверное. Я бы спал, — он вспомнил берег реки в Филадельфии, ее горячие, ласковые губы. Встряхнув головой, Дэниел велел сержанту: "И не топай так".

— Да тут нет никого, — обиженно заметил Фримен. Из-под их ног выпорхнула какая-то птица. Дэниел услышал приглушенные голоса, — где-то вдалеке, впереди них.

Кинтейл зашел в открытую дверь избушки. Принюхавшись, подняв пересеченную шрамом губу, он обернулся к индейцам: "Белые уже сбежали, братья".

Он посмотрел на разбросанные простыни. Наклонившись, Кинтейл вдохнул свежий, чуть металлический запах крови: "Еще можно догнать, дорога тут одна. Нет, рисковать не стоит, патриоты рядом, в десяти милях".

— Ладно, — Кинтейл снял с плеча мушкет и подогнал индейцев: "Спасибо вам, братья, но их мы отпустим. Я не хочу, чтобы из-за какой-то белой шлюхи проливалась кровь благородных воинов".

— Ты всегда сможешь взять жену из наших племен, Менева, — заметил один из индейцев, отпив из кувшина. "Любой отец будет рад отдать дочь такому вождю".

— Зачем мне скво, — усмехнулся Кинтейл. "Ладно, может быть, еще попадется по дороге ферма, хотя вряд ли, конечно. Надо было эту Джейн Мак-Кри не отдавать индейцам, а себе оставить, летом, но нет — они меня после этого еще больше стали уважать — вождь подарил им белую".

Он вспомнил отчаянный, нечеловеческий крик стоявшей на коленях, связанной девушки, и индейца, что, сев на ее плечи, собрав в кулак светлые волосы — орудовал ножом. "Зарыть надо было ее, вот что, — хмуро подумал Кинтейл, — а не вешать на дерево, выпотрошенную, со

снятым скальпом. Хотя мне теперь какая разница — Бергойну я больше не подчиняюсь. Я теперь вообще никому не подчиняюсь".

Кинтейл взял у индейца кувшин, и, поднеся его к губам — выронил черепки на пол. Один из воинов, коротко вскрикнув, повалился вперед — из разорванного пулей горла хлестала кровь.

— Руки вверх, ваша светлость, — спокойно сказал русоволосый, высокий юноша, в грязной холщовой куртке, что стоял на пороге избушки. "Иначе я стреляю".

— Тот юнец, — Кинтейл незаметным движением потянулся за пистолетом. "Сын мистера Дэвида. Я же читал, он какой-то герой у патриотов. Капитан Вулф".

— Стой, Менева, — не разжимая губ, шепнул индеец рядом. "Скальп лучше снимать с живого".

Прогремел мушкет, снаружи раздался отчаянный крик. Дэниел горько подумал: "Я же его оставил у окна и велел не высовываться. Ну что же ты так, Нат?"

Он выстрелил, не целясь, несколько раз. Успев увидеть, как Кинтейл медленно оседает на пол, как падает рядом с ним индеец, Дэниел рванулся на крыльцо.

Нат полусидел на траве. Дэниел, опустившись на колени, взвалил его на плечи: "Потерпи. Капитан Горовиц с женой не успели далеко уехать. Потерпи, Нат, миленький мой".

— В ребра, — услышал он шепот. Потом Нат потерял сознание, и Дэниел, выбираясь сквозь кусты на дорогу, сказал себе: "Он легкий. Он же изящный, как девушка. Я его донесу, обязательно. Нат, ты только не умирай, нам еще тебя женить надо, надо миссис Бетси освободить — не умирай, пожалуйста".

Дэниел вышел на лесную, пересеченную корнями сосен, устланную сухими иглами дорогу, и увидел в отдалении двух всадников.

— Это Дэниел и Фримен, — Хаим развернул коня. "Сержант ранен". Эстер, ни говоря, ни слова, последовала за ним. Хаим спешился. Скинув куртку, оставшись в одной рубашке, он осторожно положил Натаниэля на землю.

— Черт, — подумал он, — ничего с собой нет. Пуля под ребрами, кровотечение вроде несильное, но надо его на стол, медлить нечего.

— Держи, — из-за его плеча сказала жена. Хаим принял оторванный от подола платья кусок ткани. Кое-как перевязав рану, подняв глаза на Дэниела, он спросил: "Много их там?"

— Трое, — Дэниел вытер пот с лица. "Кинтейл и двое индейцев. Одного я убил, а остальных, кажется, ранил. В сторожке".

— Езжай с Эстер и Натаниэлем к первой заставе, — велел Хаим. "Я схожу туда, проверю, — он кивнул на лес. "Садись на коня, я устрою Фримена впереди. Только не рысью, чтобы его не растрясло".

— Ты никуда не пойдешь, — злым шепотом сказал Дэниел, отведя его в сторону. "Я не разрешаю, Хаим, не смей!"

— Я не отпущу свою жену с раненым одну, по безлюдной дороге, — Хаим стряхнул его руку с плеча. "Сержанта нельзя тут оставлять, он кровью истечет".

— Вот и отправляйся с ним в лагерь, а я пойду обратно, — Дэниел встал перед ним. "Ты не имеешь права мне приказывать, мы в одном звании".

— Имею, — Хаим помог жене сесть в седло и шепнул: "Ни о чем не волнуйся. Скажи Абрахамсу, что пуля могла задеть легкое, пусть будут осторожны. Я скоро вернусь".

Эстер быстро поцеловала его в губы: "Люблю тебя".

— Я тоже, — Хаим поднес к губам ее руку. Обернувшись к Дэниелу, он вздохнул: "Я тебе приказываю, как врач, дружище. Там ведь, — он кивнул на лес, — могут быть раненые, ты им не поможешь, а я помогу. Садись, — он наклонился над Фрименом и весело сказал: "Сержант, не бледнейте так, я еще не переночевал на вашем постоялом дворе!"

Сухие губы Фримена дернулись в едва заметной улыбке: "Вам..., будет нельзя..., капитан..., Горовиц..."

— А я все равно приеду, и миссис Горовиц тоже — рассмеялся Хаим и подтолкнул Дэниела к лошади: "Быстрее, нечего терять время".

— Там Кинтейл, — хмуро сказал Дэниел, принимая сержанта, придерживая его за плечи. "Он же..."

— Он раненый, — ответил Хаим. "Сам же знаешь, я всех с поля боя вытаскиваю — и патриотов, и британцев. И оперирую тоже. Я же врач, — он достал оружие, и велел: "Трогайтесь".

Эстер обернулась и увидела, как улыбается ей муж — нежно, ласково. А потом Хаим нагнул голову, и, с пистолетом в руках шагнул на тропинку, что вела к сторожке.

Кинтейл наклонился над индейцем и увидел, как толчками вытекает кровь из раны в боку. Губы воина медленно синели. "Меня этот мерзавец только зацепил, — мужчина приложил пальцы к шее. "Царапина. Ладно, нечего тут болтаться, пора уходить, — он забрал у индейца нож, и, подтянув к себе его мушкет, услышал стон: "Менева..."

Кинтел поднялся и, не оборачиваясь, — вышел на лужайку. Он уже перебирался через ручей, когда услышал сзади, в кустах чьи-то шаги. Мужчина затаился и увидел, как высокий, светловолосый юноша, с пистолетом в руках, осматривает поляну.

— Вот тут Фримена ранили, — Хаим взглянул на примятую траву. "Из окна выстрелили. Кто-то ушел отсюда, с кровотечением, капли на ступенях".

Хаим застыл и услышал слабый голос откуда-то изнутри. Индеец лежал, скорчившись, замшевая, с бахромой, куртка была пропитана чем-то темным. "Как крови много, — подумал Хаим, становясь на колени, положив пистолет на пол. Он ощупал рану. "Пуля в печени, я ему уже ничем не помогу, нельзя его страгивать с места".

Хаим устроил индейца удобнее. Взяв его руку, он медленно, раздельно, ласково сказал: "Ничего. Это ничего, милый. Я тут, я с вами".

Индеец прошептал что-то на незнакомом языке. Хаим горько подумал: "Сколько раз я это говорил? Сотни раз. На поле боя, когда люди на моих глазах умирали, и когда я тащил раненых до палаток, а приносил уже мертвых, и потом, после операций".

— Не надо тратить силы, — он погладил смуглые, холодеющие пальцы. "Просто отдохните, и все. Отдохните, милый".

— Вот так, — он увидел, как темные глаза подергиваются дымкой, тускнеют. Все еще не отпуская руки индейца, он вздохнул. "Хорошо, что я пришел, — подумал Хаим. "Никто не должен умирать один, и мудрецы нам, то же самое говорят. Надо, чтобы кто-то был рядом".

Он прикрыл труп курткой и почувствовал, как между лопаток ему упирается дуло мушкета. Хаим быстрым, мгновенным движением потянулся за своим оружием. Вскрикнув, он схватился за перебитый пулей локоть. Кинтейл отшвырнул сапогом его пистолет и выстрелил Хаиму в спину.

Доктор Абрахамс бросил один взгляд на лицо Фримена, и велел: "Носилки и немедленно его на стол!"

— Хаим...,-Эстер спрыгнула с коня, — то есть капитан Горовиц сказал, чтобы вы были осторожнее — пуля могла задеть легкое.

— Все будет хорошо, — Абрахамс надел фартук. "Мальчик молодой, здоровый, отлежится. А где капитан Горовиц?"

— Пошел смотреть, что там с другими ранеными, — Дэниел крикнул: "Эй, кто там есть из моего батальона, по коням! Быстро к сторожке, мигом!"

— Я тоже, — Эстер рванулась за ним. "Я с вами!"

— Нет, — Дэниел обернулся, — вы, миссис Горовиц, останетесь здесь. Доктор Абрахамс — под вашу ответственность.

Он вскочил на коня. Эстер, проводил глазами десяток всадников, что помчались на запад, грустно сказала: "Доктор Абрахамс, но как, же так..."

— Совершенно нечего тебе там делать, — проворчал старик, что мыл руки в медном тазу. "Иди в складскую палатку, вчера с вашей свадьбой — не все лекарства разобрать успели. И собирайся потихоньку, завтра мы отправляемся".

Он увидел лицо Эстер и сварливо заметил, вытирая пальцы: "Капитан Горовиц, дорогая моя — не первый день воюет. Перевяжет там, кого надо, и вернется. Все, пойду доставать пулю у Фримена, а то ему еще постоялый двор обустраивать".

Старик рассмеялся, исчезая в палатке. Эстер так и стояла, опустив руки, зло, безостановочно что-то шепча. "Надо было мне с ним остаться, — девушка всхлипнула и вытерла слезы рукавом платья. "Но он бы не позволил, я знаю. Господи, говорили же — индейцы эти безжалостные люди. Только бы все хорошо было".

Она взглянула на чистое, ясное утреннее небо. Бронзовые, золотые листья деревьев чуть шелестели, где-то пела птица, от кухонных палаток тянуло дымком и запахом солонины. "Да вернется твой муж, — услышала она рядом голос миссис Молли. "Яблоко возьми, можно ведь тебе?"

Эстер кивнула: "Какая я голодная!". Она с хрустом стала грызть яблоко, а пожилая женщина усмехнулась: "Сразу видно, времени вы там даром не теряли. Держи еще одно".

Девушка покраснела, и, поблагодарив, — пошла в складскую палатку.

Хаим чуть пошевелился, и, почувствовал боль в спине: "Я же сознание потерял, когда он в меня выстрелил. Только это в сторожке было, а не..., - он открыл глаза и повел руками, почувствовав под пальцами сосновую кору. "К дереву привязал, — понял Хаим. "Так, что не высвободиться".

Он поднял голову и увидел испещренное шрамами, уродливое лицо. Голубые глаза чуть усмехались. Кинтейл повертел в руках медный жетон: "Капитан Хаим Горовиц, медицинская служба".

— Спросить... — велел себе Хаим. "Спросить о Мирьям, обязательно. Локоть еще болит..., это все потом". Кинтейл отбросил жетон в траву и достал из-за пояса кинжал.

— Надо знать, как это делать, — подумал мужчина. "Чтобы потом, при воинах — не ошибиться. Менева должен быть сильным, безжалостным и уметь то же самое, что умеют они. Сейчас и научусь. Только надо быстро, а то еще этот Вулф вернется, с подкреплением".

— Моя сестра, — услышал он голос юноши, — Мирьям...Мирьям Горовиц, она была у вас в лагере, прошлым летом, и сбежала. Что с ней случилось?

Кинтейл посмотрел в серые, наполненные болью глаза и рассмеялся: "После того, как я с ней развлекся и отдал солдатам? Мы ее потом подстрелили, в лесу, там же и зарыли. Соболезную, — он ухмыльнулся, — капитан. А сейчас не болтайте, мне надо сосредоточиться. Я вам помогу".

Кинтейл наклонился, и, разорвав рубашку Хаима, грубо открыл ему рот. "Вот так, — пробормотал он, заталкивая кляп на место, приматывая его тряпкой. "Всего хорошего, капитан Горовиц, — он рассмеялся. Встав совсем близко, потянув за светлые волосы, он опустил голову юноши вниз. Хаим вдохнул запах крови, дыма, пороха. Он вспомнил черные, большие глаза, игравшие золотом в свете свечи, и ее ласковый, усталый шепот: "Я так люблю тебя, так люблю!"

— Прости меня, девочка, пожалуйста, — сказал Хаим, одними губами. Кинтейл почувствовал слезы на своей руке. Примерившись, он стал орудовать ножом.

Он уходил, привесив к поясу светлые, окровавленные волосы. Кинтейл оглянулся: "Хорошо получилось. Совсем не сложно. Теперь я знаю, как это делать. Он умрет, не дождется помощи, с такими ранами не живут".

— А теперь, — Кинтейл раскинул испачканные кровью руки и сладко потянулся, — на запад. Вряд ли там найдется вождь сильнее меня. Пороха у нас хватит, мушкетов тоже, все там, — он взглянул на горы, — будет моим.

Кинтейл перешел через ручей. Он исчез в густом, светлом сосновом лесу, не обращая внимания на стоны, что неслись сзади.

— Только осторожней, — приказал Дэниел, стиснув зубы. На поляне пахло кровью, — густо, горячо, перебивая аромат сосен. "Очень осторожно. Тряпки мне дайте, я попробую что-нибудь сделать".

Он принял почти безжизненное тело. Уложив его на куртку, юноша стал перевязывать голову — ткань сразу набухала красным. Темные ресницы дрогнули. Дэниел, наклонившись, велел: "Ничего не говори. Молчи".

— Не…, индейцы…, - губы разомкнулись. "Кинтейл…Мирьям…, он застрелил…" Хаим потерял сознание. Дэниел, распрямившись, взял мушкет: "Немедленно пригоните сюда телегу с первой заставы. Баркли, Леннокс — за мной, попробуем догнать, — губы Дэниела искривились, — его светлость".

— Но, — шепнул кто-то из солдат, — капитан Горовиц не выживет…, После такого…

— Пригоните. Сюда. Телегу. Это приказ, — отрезал Дэниел. Обернувшись, он добавил: "Никому по лесу не расходиться, ждать, пока придет транспорт. Все, — он проверил заряды в пистолете и коротко велел: "Пошли!"

— Это должен был быть я, — неслышно шептал Дэниел, поднимаясь вверх, на холм. "Я виноват, я не заставил его уехать отсюда. Сейчас я догоню Кинтейла и всажу в него все пули в пистолете — за Мирьям, за Хаима, за всех. Нет, я ему прострелю руки и ноги, и пусть он катается по земле, прося пощады. Мерзавец, какой мерзавец…, - он вздрогнул и остановился.

— Никого, — раздался сзади тихий голос Леннокса. "Они все ушли, капитан Вулф, — солдат протянул руку, — смотрите".

Долина была пуста. "Мы же здесь были, с Фрименом, — подумал Дэниел, — прошлой ночью. Никого нет, только кострища и мусор какой-то".

— Вот они, — сказал, прищурившись, второй солдат. "Облако видите, капитан Вулф?"

Дэниел прищурился. На западе клубилась пыль. Он сжал руки в кулаки: "Генерал Арнольд никогда не позволит их догнать. Слишком большой риск, перед сражением. Господи, нет мне прощения, нет".

Он постоял еще несколько мгновений, глядя на сухую, осеннюю траву в долине. Глубоко вздохнув, повернувшись, Дэниел стал спускаться в лес.

Эстер наклонилась над раненым и, ласково позвала: "Сержант Фримен! Доктор вам разрешил открыть глаза!"

Длинные ресницы поднялись. Девушка подумала: "Вот и хорошо. Пулю вынули, легкое задето не было, через месяц он снова будет в строю".

— Миссис Горовиц, — Натаниэль облизал губы. Эстер потянулась за оловянным поильником. "Вам можно, — она поднесла кружку к его губам. "Пейте и спите, вам теперь надо отдыхать и поправляться".

— И почему мы не разрешаем женщинам работать в госпиталях? — доктор Абрахамс затянулся сигарой, и, выбросил окурок: "Миссис Франклин работает, но она горы перевернет, а своего добьется, упрямая женщина. Надо больше, у них отлично получается".

— Спите, — повторила Эстер, и, подоткнув шерстяное одеяло, поправив свой чепец, встала. Она взглянула в сторону выхода из палатки: "Доктор Абрахамс, вон капитан Вулф со своими людьми. И телега какая-то. Там, наверное, раненые".

— Кинтейл, — вспомнила девушка слова мужа. "Теперь они точно узнают, где Мирьям. Хаим, должно быть, в телеге, среди всадников его не видно. Ну и хорошо, — она облегченно вздохнула. Выбежав из палатки, Эстер застыла на месте.

— Стой тут, — коротко велел ей Абрахамс. Эстер, взглянув в телегу, крикнула: "Нет! Хаим! Пустите меня!"

— Капитан Вулф, — врач кивнул на Эстер и приказал: "Харпер! Все сюда! Готовьте стол!"

— Что я ей скажу…, - Дэниел сжал зубы. Поймав Эстер, обняв ее, он шепнул: "Они врачи, они сумеют, смогут…"

Эстер посмотрела на пропитанные кровью тряпки. Высвободившись из рук Дэниела, девушка сухо сказала: "Доктор Абрахамс, я буду присутствовать при осмотре".

— Но, — запротестовал старик.

— Я буду присутствовать при осмотре, — громко, раздельно повторила Эстер. Она пошла, мыть руки в тазу, что стоял у входа в палатку. Дэниел посмотрел на ее склоненную спину, и, уронив голову в руки, — опустился на истоптанную землю.

— Не надо…, - услышал он тихий голос. Эстер стояла над ним, черные глаза поблескивали. Она, сцепив пальцы, повторила: "Не надо, Дэниел. Это могло случиться с любым, и с тобой тоже. Не вини себя".

— Их было уже не догнать, — он поднял заплаканное лицо и всхлипнул. "Прости, прости меня, пожалуйста".

— Не надо, — выдохнула девушка. Одним легким движением она коснулась русой, грязной, запыленной головы. "Я пойду к Хаиму, а ты посиди с Натом — операция прошла хорошо, он поправится".

Дэниел кивнул, и, вытерев лицо рукавом куртки, поднялся.

Эстер остановилась на пороге и вздрогнула. "Только утром…, - подумала она, глядя на все еще замотанную тряпками голову. "Пуля в локте прошла навылет, — Абрахамс взял медный зонд и наклонился над раной на спине. "Ему же больно! — хотела сказать Эстер, но, прикусив губу, велела себе молчать.

Она подошла к столу и взяла мужа за руку. "Она теплая, — Эстер погладила длинные пальцы. "Он будет жить, будет. Я не разрешаю ему умереть".

Абрахамс кинул зонд в тазик, — металл зазвенел, и спросил: "Доктор Смайли, вы согласны?"

— Вполне, — второй хирург пожевал сигару: "Пуля в левой почке, не говоря уже о том, что творится на голове. К сожалению, тут мы бессильны".

— Мой отец…, - сглотнула Эстер, — и мой брат…, всегда учили меня осторожности в высказываниях, которые врачи себе позволяют при больном.

— Вы не врач, вы акушерка, — Смайли присел за походный столик и потянул к себе чернильницу с пером. "Капитан Горовиц без сознания, и уже не очнется. Он слишком много крови потерял. Доктор Абрахамс, диктуйте наши выводы, пожалуйста".

— Я бы хотела, — Эстер все сжимала руку мужа, — поменять повязку. Можно, доктор Абрахамс?

Он сдвинул очки на кончик носа: "Это зрелище не для женских глаз, милая. И, — врач помолчал, — это уже ничего не изменит".

— Пожалуйста, — она подняла черные глаза. "Я прошу вас, доктор. Вам же все равно понадобится операционная палатка, я бы и прибралась тут".

Смайли пожал плечами и подвинул Абрахамсу бумаги: "В двух местах распишитесь, вот тут — наша копия, а тут — для интендантов. Мне очень жаль, — он коротко взглянул на Эстер и вышел.

Абрахамс помялся: "Я велю вас не тревожить. Все равно скоро…, - он взглянул на Хаима. Разведя руками, не закончив, старик покачал головой: "Такая глупость…, Мальчишество. Не стоило ему идти одному, да кто же знал? Такой талантливый врач был, — он почесал в седой бороде и, пробормотав что-то — опустил за собой полог палатки.

Эстер принесла таз с водой и чистые тряпки. Наклонившись к мужу, она тихо сказала: "Я тебя перебинтую, милый. Будет не больно, я очень ловкая. А потом ты полежишь, а я буду рядом, хорошо?"

Она прислушалась к слабому, прерывистому дыханию. Намочив кусок холста, девушка стала осторожно снимать повязку.

Дэниел неслышно вошел в палатку. Она сидела, наклонив голову в чепце, держа мужа за руку. В грубом подсвечнике трещала, чадила свеча. Дэниел взглянул на повязку и отвел глаза. "Господи, — он сжал руки в кулаки, — пожалуйста, пусть он не мучается. Он же мне рассказывал, в Чарльстоне, он встречался с этой миссис Сальвадор. Она хоть не видела, как ее муж умирает".

— Так лучше, — раздался тихий голос Эстер. "Когда есть кто-то рядом. Он еще дышит".

Дэниел опустился с другой стороны и, прижался лицом к руке Хаима: "Он был моим лучшим другом. Единственным, Эстер. Братом. Ты же знаешь…, - Дэниел ощутил слезы на своем лице и она кивнула: "Да. Это ничего…,- голос девушки прервался, — ничего, Дэниел. Я уже не могу плакать, — Эстер вздохнула.

— Он…, приходил в себя? — Дэниел посмотрел на ее бледное, с кругами под глазами лицо.

— Один раз, — Эстер ласково поцеловала руку мужа. "Попросил у меня прощения, и велел написать Меиру, чтобы он кадиш читал. За Мирьям и…, - она не договорила. После долгого молчания Эстер добавила: "И "Шма" успел сказать. Вот и все".

Они сидели, не разговаривая. Наконец, Эстер, посмотрев на мужа, шепнула: "Все. Я бы хотела…, побыть с ним наедине. Ты позови доктора Абрахамса, он обещал все сделать, что надо, когда…, - девушка несколько раз глубоко, болезненно вздохнула. Поморщившись, она махнула рукой.

Дэниел обернулся на пороге — она наклонилась над телом мужа, прижавшись головой к его плечу, что-то шепча, кусая губы.

mir-knigi.org

— Будет дитя, — ласково сказала Эстер, целуя уже холодную щеку. "Наше дитя, милый мой. Мальчик, или девочка. Обязательно будет, я уверена. Я ему расскажу о тебе".

Она прижалась губами к закрытым векам и вспомнила нежный голос: "Ты мне снилась все это время".

— А что я делала? — Эстер провела губами по его плечу. От него пахло травами и солнцем. "Вот это? — она спустилась ниже. Хаим, гладя ее по голове, ответил: "И не только. Но начинались все сны именно так".

— Капитан Горовиц, — смешливо сказала девушка, — вы мне тоже снились.

— Более чем уверен, — Хаим устроил ее на себе, — и я даже знаю, чем я занимался. Вот сейчас и повторю.

Эстер застонала, откинувшись назад, разметав волосы, скребя ногтями по деревянному полу. "Еще! — потребовала она. "Еще хочу! Много!"

— Прощай, любовь моя, — она поцеловала его в губы. Выйдя в прохладную, звездную, тихую ночь, Эстер услышала голос Абрахамса: "Надо отсюда повезти его прямо в Ньюпорт, на наше кладбище. Хоть там, в городе и британцы, но не откажут, же они в захоронении. Там его родители лежат. Миньян мы соберем, и гроб к утру сделают, — он вздохнул. Увидев Эстер, доктор ворчливо сказал: "Поспала бы хоть, на рассвете отправляемся".

— Я поеду с вами, Арнольд меня отпускает, — в темноте глаза Дэниела поблескивали. "В штатском, — он поднял ладонь, увидев, как Абрахамс открыл рот. "Я не могу, доктор, не могу. Мне надо быть с Хаимом до конца".

Отведя в сторону Эстер, смотря куда-то вдаль, Дэниел проговорил: "Арнольд завтра напишет генералу Вашингтону, насчет пенсии. После войны, конечно, сама понимаешь… — Дэниел опустил голову: "Деньги мы тебе соберем, не волнуйся".

— Да не надо…,- было, запротестовала, Эстер, но тут же подумала: "А дитя? И Констанца у меня на руках. Пока Питер вернется в Лондон, еще много времени пройдет. Я же не смогу практиковать, год, пока ребенок маленький будет".

— Спасибо, — она помолчала: "Дэниел, я хотела попросить…, Можно послать гонца в Бостон, чтобы миссис Франклин и Констанца приехали на похороны? Им тоже надо попрощаться".

— Конечно, — он дернул углом рта: "Ты знай, Эстер — я все для тебя сделаю, все. Всегда, сколь я жив".

Дэниел, на мгновение, коснулся ее руки и обернулся — Абрахамс стоял у входа в палатку, докуривая сигару.

— Пойду, — сказал мужчина, — я буду ему помогать.

— Хорошо, — она кивнула, спрятав руки под передник, Дэниел сказал себе: "Зимой. Перейду в виргинскую дивизию, поеду с де ла Файетом, встречусь с нашими индейскими союзниками, и узнаю, где Кинтейл. А потом убью его — медленно и мучительно. Так и сделаю".

Он ушел в палатку. Эстер все стояла, покачиваясь, ощущая на лице прохладный ветер с запада. "Вдова, — подумала она. "Не успела даже дня женой побыть". Она стерла слезы с лица и

mir-knigi.org

застыла, глядя на небо, — огромное, бесконечное, уходящее вдаль, за горы.

Дэниел засучил рукава рубашки. Он стал медленно разматывать пропитанные кровью тряпки на голове. "Уже не течет, — понял он. "Правильно, у мертвых она останавливается. Мертвый".

Абрахамс намочил холст в тазу: "Я его отца знал, доктора Горовица. Мы дружили. Господи, двадцать два года мальчику, молодой, красивый..., И сестры его больше нет, один Меир остался. Нас и так, — врач вздохнул и стал медленными, ласковыми движениями обмывать тело, — мало..., Может, ребенок у него родится, — он не закончил. Дэниел сказал: "Я там мундир принес, доктор. И шпагу его. Нельзя с воинскими почестями хоронить, британцы не позволят, так хоть оденем его".

— Да, — Абрахамс, на мгновение прервался, — у нас в саване в гроб кладут, но тут, — он прикоснулся ладонью к щеке Хаима, — тут надо так, ты прав.

— Когда-нибудь, — сказал себе Дэниел, осторожно застегивая пуговицы на темно-голубом мундире, — когда-нибудь, у нас будет кладбище. Для всех, кто пал в наших войнах — для христиан, для евреев, для всех. Обещаю тебе, — он наклонился к лицу Хаима, и, поправил треуголку: "Как будто спит. Ран не видно. Как будто спит".

Он накрыл тело американским флагом, и, ощутил под ладонью прохладу шелка: "Тот же, под которым у них свадьба была".

— Везти-то нельзя с флагом, — тихо заметил Абрахамс, убираясь, — первый же британский патруль остановит. Ты иди, мальчик, — он положил руку на плечо Дэниела, — иди, я с ним останусь, до утра, Псалмы почитаю, так у нас положено, — он достал маленькую Библию, и пробормотал: "Христианская, ну что же поделаешь".

— Я сам, — Дэниел забрал у него книгу и присел на раскладной, холщовый стульчик. "Я сам, доктор Абрахамс, вы же устали. Отдыхайте".

Врач внезапно наклонился и, погладил его по русой голове: "Хоть ты — живи, мальчик".

Он неслышно вышел. Дэниел, всхлипнув, сняв нагар со свечи, раскрыл Библию. "Псалом Давида, — начал он. Помолчав, справившись с собой, юноша стал читать: "Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться, Он подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной".

— Не убоюсь зла, — повторил Дэниел. Он замолчал, глядя на спокойное, умиротворенное лицо Хаима.

Ньюпорт

Констанца наклонилась и подняла с зеленой травы рыжий дубовый лист. "Ну что ж, — вздохнула миссис Франклин, глядя на то, как Эстер и доктор Абрахамс идут к небольшой, белокаменной синагоге, — сейчас, помолятся они, а мы за воротами подождем. Надо руки помыть, Эстер сказала, там тазик стоит".

Девочка, — в темном, шерстяном платье, в короткой накидке, накрутила на палец кончик рыжей косы. Она посмотрела в сторону свежей могилы. Рядом были два серых камня. Констанца, помявшись, спросила: "Можно мне еще раз туда, тетя Эстер говорила — надо камень положить".

— Конечно, — акушерка погладила ее по голове. "И за меня тоже положи, милая".

Констанца шла к надгробиям, сжимая в кармане холодные камушки. "Правильно, — она остановилась и, задрав голову, посмотрела на легкие, белые облака в голубом, прозрачном небе, — листья тоже падают. А потом опять появляются. Как люди. Камни — это память. Маму в Мейденхеде похоронили, тетя Эстер мне говорила, а папу? — она взглянула на прямую спину в сером сюртуке. Русые, короткие волосы ерошил ветер с моря. Он стоял, склонив голову. Констанца, осторожно опустив камни на холмик, взяла его за руку.

Мужчина вздрогнул и услышал детский голос: "Дядя Дэниел..., Вам тяжело, да?"

— Да, милая, — Дэниел взглянул в темные, большие глаза. Она похлопала ресницами и решительно велела: "Нагнитесь. Я вас поцелую. Когда мне плохо, и я плачу — тетя Эстер меня всегда целует, и мне сразу легче. Дядя Иосиф тоже целовал, но он умер, — девочка поглядела на могилы: "И папа с мамой — тоже умерли. И дядя Хаим".

Дэниел помолчал. Подхватив ее на руки, он почувствовал, как прикасаются к его щеке прохладные губы. "Легче? — серьезно спросила Констанца, отстранившись.

— Да, — он попробовал улыбнуться. "Спасибо тебе, милая. Больше никто не умрет, обещаю".

— Это невозможно, — Констанца почесалась и покраснела: "Платье новое. Все люди умирают, дядя Дэниел".

Мужчина, обернувшись, посмотрел на могилы. Вздохнув, устроив ее удобнее, он согласился: "Да. Но вот мы закончим воевать, и тогда станут умирать меньше, Констанца".

— Бергойн капитулирует, — девочка погрызла ноготь: "В "Бостонской газете" так пишут, я ее каждый день читаю. Дядя Дэниел, — она вдруг улыбнулась, — а вы шарф будет носить зимой?"

— Буду, — Дэниел поставил ее на землю. Констанца, протянув ему ладошку, попросила: "Носите. Там и я вязала, немножко. Но у меня плохо получается, — девочка вздохнула, — математика легче".

— Очень хорошо получилось, спасибо тебе, — Дэниел погладил ее по голове. Они пошли к каменным воротам. Констанца подхватила подол платья. Переступая через лужи, — ночью шел дождь, — она подумала: "Люди, как листья. Они тоже — потом становятся землей, и из нее вырастают новые деревья. Природа, — вспомнила она слово и обрадовалась: "Именно так. Не Бог, а природа".

— Дядя Дэниел, а вы верите в Бога? — девочка вскинула рыжую голову.

— Верю, милая, — он чуть усмехнулся. Констанца увидела морщинки в углах красивых, сине-зеленых глаз.

— Ну да, — мрачно отозвалась девочка. Глубоко вздохнув, высвободившись, она пошла к оловянному тазу, что стоял на скамье у входа на кладбище.

Эстер лежала, глядя в беленый потолок комнаты постоялого двора, комкая в пальцах тонкое, шерстяное одеяло. Она прислушалась к дыханию спящей Констанцы: "Дэниел с доктором Абрахамсом сразу в Саратогу уехали. На той неделе уже и сражение будет, говорят. Только бы с Дэниелом все хорошо было".

Она приподнялась на локте. Подсунув под спину подушку, поправив свечу, что стояла на табурете, Эстер взяла конверт с документами. "Раввин сказал — с ктубой все в порядке, — девушка вздохнула. "Свидетельство о смерти, — она стала перебирать нежными пальцами бумаги, — и вдруг замерла. "Обрезание надо будет делать, — Эстер почувствовала, что улыбается. "Бедный мальчик, сирота будет. Или девочка. Но я мальчика хочу, тоже Хаима, — она подперла щеку рукой. Отложив конверт, Эстер закрыла глаза: "Жить дальше. А ведь как-то придется".

Она вытянулась на спине, и вздрогнула.

— Нет! — одними губами сказала Эстер. "Нет, не надо, я прошу, не надо!" В свете свечи кровь была ярко-алой, блестящей. Эстер, закусив губу, поднявшись с кровати, сжала ноги. "Пожалуйста! — она закуталась в шаль и, неслышно открыв дверь, пошла по узкому коридору в холодную, крохотную умывальную.

Через щель в ставнях светила белая, яркая луна. "А вот тут — кровь черная, — непонятно зачем, подумала Эстер, подняв испачканную рубашку, посмотрев на свои ноги. Она сжалась в комочек, и, опустившись на деревянный, щелястый пол, тихо заплакала.

— Не надо, — раздался голос с порога. Миссис Франклин, — высокая, в ночной рубашке и холщовом чепце, стояла над ней со свечой в руках. "Тряпок тебе принесла, — сказала акушерка, гладя Эстер по непокрытой голове. "Не надо, милая".

— Почему так? — всхлипнула девушка. "Я так хотела, так хотела..., Миссис Франклин, почему?"

— Да кто же знает? — старая женщина поставила свечу на пол: "Не плачь, милая, будут у тебя еще дети. Пойду, — она вздохнула, — постель перестелю твою".

— Миссис Франклин, — Эстер все сидела, сжимая тряпки, — а у вас были дети?

Серые глаза блеснули. "Нет, — ответила акушерка и закрыла за собой дверь.

Эстер опустила голову в колени, и, прошептав: "Нет", — уткнулась лицом в ладони.

Интерлюдия

Брно, осень 1777 года

В чистые, в мелких переплетах окна мастерской вливался золотой свет заката. "Итак, — Федор отступил от доски и отряхнул руки, — вот вам задание, как раз хватит на дорогу до Гейдельберга". Он положил руку на стопку книг у края кафедры: "Боссю: "Nouvelles Experiences sur la resistance des fluids", тут пять экземпляров, для каждого".

— Прочитать? — робко спросил кто-то из студентов.

Федор хохотнул: "Не только. Вопросы я записал, — он кивнул на доску, — и в каждую книгу вложен листок. Десять задач, у каждого разные, — он усмехнулся. Пригладив рыжие волосы, мужчина добавил: "Профессор Шульц, по вашему возвращению в Гейдельберг, проверит".

— Лучше бы в шахте, — услышал он чей-то голос. Федор рассмеялся: "Мы с вами целое лето по шахтам ползали. Пора и теорией заняться. Сопротивление жидкостей, господа — это физика, а она нам — жизненно необходима, иначе как вы будете закладывать, и эксплуатировать шахту?

В наше время мало одной кирки, надо знать, — Федор стал загибать пальцы, — механику, гидравлику, химию, ту же самую физику. В общем, — закончил он, — читаем и решаем в дороге, дилижанс у вас удобный".

— А вы, герр Теодор, в Париж едете, — вздохнул кто-то из студентов, собирая книги. "Теперь и не увидимся больше".

— Это отчего же? — он распахнул окно. "Знаете, как говорят — в шахте встретимся. Бегите, складывайтесь, вам уже и выезжать скоро".

Дверь закрылась. Он, с наслаждением скинув сюртук, засучив рукава рубашки, жадно посмотрел на деревянный ящик, что стоял рядом с микроскопом.

— Окись, — пробормотал Федор. "Ах ты, окись из Рудных гор, вот сейчас я с тобой и повожусь. Все равно мне только на той неделе отправляться, пока книги в Париж пошлю, пока то, пока се…"

Он надел холщовый фартук и повертел в руках лежащее поверх его тетрадей письмо:

— Дорогой месье Теодор! — читал он. "Имею честь предложить вам должность преподавателя инженерного дела в Школе Дорог и Мостов. Как вы знаете, у нас пока нет отдельного учебного заведения для горных инженеров, поэтому мы были бы рады, если бы вы вели и этот курс тоже. Ваш учитель, профессор Шульц, высоко о вас отзывается, и я читал сборник ваших статей, изданный в прошлом году в Гейдельберге. С нетерпением ждем вас в Париже, занятия начинаются в октябре. С искренним уважением, директор Школы Жан-Родольф Перроне".

Федор свернул листок. Засунув его в конверт, он ехидно сказал себе под нос: "А в Санкт-Петербурге есть такое учебное заведение. Горное Училище называется. Впрочем, что это я? — он усмехнулся и потянул к себе тетрадь. "До Горного Училища ты не доберешься, Федор Петрович, сразу в крепость отправишься. Вспомни, что Александр Васильевич тебе писал".

Он вздохнул. Открыв ящик, Федор посмотрел на ровные ряды минералов. Она лежала третьей справа — коричневато-черная, блестящая. "Пехбленде, — пробормотал Федор, — обманная смола. Йоахимшталь, Богемия — было написано на ярлычке, его четким, крупным почерком.

— Никакая ты не смола, — он присел. Открыв тетрадь, достав окись, Федор взял лупу. "Блеск полуметаллический, жирный — записывал он одной рукой. "Излом раковистый. Сейчас посмотрим, как ты себя ведешь в кислотах. И вообще, — он отложил образец и потер короткую, ухоженную бороду, — тут есть металл, я больше чем уверен". Он потянулся за колбой с соляной кислотой.

Федор шел по вечерним, уже затихающим улицам. Подняв голову, он посмотрел на изящный силуэт церкви апостолов Петра и Павла: "Зайду к вечерне. Уже привык — в Гейдельберге к лютеранам ходил, тут — к католикам. Да какая разница. Ах, Степан, Степан, ну где же ты, больше двух лет прошло, а не слышно ничего. Уж не погиб ли, как Марья, храни Господь душу ее?"

Федор прошел по небольшой площади. Оглянувшись на широко распахнутые двери какого-то трактира, он улыбнулся: "Тут и поужинаю. Пива выпью, в конце концов. Летняя практика закончилась, можно отпраздновать".

Над порталом, — Федор вскинул глаза, — было написано бронзовыми буквами: "Venite ad me

omnes qui laboratis et onerati estis". "Как раз обо мне", — хмыкнул мужчина, перекрестившись. "Придите ко Мне, все труженики и обремененные". Он потянулся, почувствовав, как ноет усталая спина, и преклонил колена перед распятием.

У алтаря двое священников — один повыше, другой пониже, тихо о чем-то разговаривали. Федор посмотрел на голову Иисуса в терновом венце и вздохнул: "Дай ты мне брата найти, Господи. Один ведь он у меня на свете, никого больше нет".

— Сын, — раздался сзади нежный голосок. Федор обернулся — маленькая, лет двух девочка, в аккуратном сером платьице, с черными косичками, стояла, глядя на него, склонив голову. На шее, рядом с крестиком, блестел золотой медальон. "Сын, — повторила девочка по-немецки. Протянув ручку, быстро ощупав лицо Федора, она добавила: "Найдешь".

— Анна! — высокий, красивый священник, с рыжими, коротко стриженными волосами, взял девочку за ладошку. Он поклонился: "Простите, пожалуйста, это моя воспитанница, сирота. Бедное дитя, она слепая, и, к сожалению, слаба разумом".

Федор заметил глаза девочки — странные, серо-белые, невидящие. "Ничего, — он улыбнулся, — ничего страшного, святой отец, я понимаю".

— Я его где-то встречал, — понял Федор, глядя в прозрачные, бледно-зеленые, как стекло, глаза мужчины. "И этот медальон…, На Зимней Канавке. Я тогда Степана увидел, на мгновение".

— Спать, — требовательно сказала девочка. Федор, поднимаясь, заметил: "Я вас помню, святой отец, мы с вами в Санкт-Петербурге виделись. Недолго, правда. Вы тогда этот медальон обронили, — он указал на ребенка.

— Конечно, — обрадовался аббат и протянул руку: "Я еще тогда подумал — мы с вами похожи чем-то. Пьетро Корвино, к вашим услугам".

— Воронцов-Вельяминов, Федор Петрович, — Пьетро почувствовал прикосновение его сильных, жестких, в мозолях пальцев: "Императрица же говорила — они пропали. Брат его, моряк — из Ливорно, а этот из-под ареста сбежал. Какая удача. Нельзя его отпускать, ни в коем случае".

— Что вы скажете, — весело предложил аббат, — если я сейчас отведу Анну в монастырь, ее там приютили, а мы с вами поужинаем, месье Теодор? Все-таки редко люди так сталкиваются.

— С удовольствием и я приглашаю, — Федор поднял ладонь. "Нет, святой отец, никаких возражений. Тут на площади трактир, "Золотой Олень", вроде неплохой — я вас там буду ждать". Он прикоснулся к голове девочки, — та чуть вздрогнула, — и ласково сказал: "Спокойной ночи, Анна".

Она уходила, держась за прохладную, сухую, так знакомую ей руку и все оглядывалась на Федора — мутно-серыми, спокойными глазами.

-Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum. Benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Iesus, — девочка услышала шепот и послушно ответила "Амен".

Запахло воском, какими-то благовониями, зашуршала ткань: "Спокойной ночи, Анна".

Она подождала, пока закроется дверь. Нащупав на шее крестик, сняв его, девочка положила

ручку на медальон. "Здравствуй, папа" — спокойно прошептала Ханеле.

Он говорил на незнакомом языке — высокий, красивый, с золотисто-рыжими волосами. Ханеле видела город — крепостные стены, узкие, мощеные улицы, лавки с коврами, торговцев в развевающихся одеждах. Она слышала стук копыт лошадей и его голос — веселый, днем, когда он ловко, одной рукой укладывал камни. Ханеле нравился день — сияло солнце, отец смеялся, и она видела его улыбку. Вечером он становился серьезным — в большой комнате, наполненной людьми, висел терпкий, сизый дым. Отец внимательно читал странные, причудливые буквы, спорил с кем-то — и все равно, хотя бы изредка, улыбался.

Ночи Ханеле не любила. Ночью отец сидел у очага, глядя в пламя, и звал ее. Она протягивала руку, чтобы стереть слезы с его лица, но между ними висела мутная пелена. "Папа, — сказала тихо девочка. "Не плачь, папа. Я тебя найду, я же вижу, где ты. С мамой все хорошо. Она там, с праведниками, под сенью Господа".

Она увидела, как отец прошептал что-то. Опустив веки на невидящие глаза, тяжело вздохнув, девочка задремала. Пламя очага поднялось вверх, стало пожаром. Ханеле услышала крики, ржание коней. Девочка вздрогнула, свернувшись в клубочек. Отец говорил это каждый вечер. Она, сквозь сон, шевеля губами, повторила: "Шма Исраэль...". Ей сразу стало спокойно. Ханеле, повозившись, посопев, почувствовала рядом теплую руку.

— Мамочка, — подумала девочка, и, натянув на голову одеяло, заснула — крепко, без снов.

Пьетро оглянулся на ограду монастыря и облегченно стер пот со лба. "Скорей бы довезти ее до Парижа, отдать де Саду и пусть на него нисходит гнев Господень, — усмехнулся священник. "Каждый день что-то новое, и ведь не заткнешь ее, я же пытался".

Он потер едва заметный шрам на виске. В тот день девка сказала свое первое слово. "Отдай, — она подняла мутные, белесые глаза и ловко потянулась за медальоном, что лежал на столе в кабинете Пьетро. "Мое".

— А если не отдам? — рассмеялся он. Поднявшись, священник повертел цепочку на пальце перед ее носом. Он поскользнулся, не удержал равновесие, и упал головой на решетку перед камином. Когда он очнулся, девка сидела рядом и спокойно улыбаясь — играла с медальоном. "Забирай, — зло сказал Пьетро. "Забирай, ради всего святого. Три пожара в миссии было за это время. Отец Франсуа, на ровном месте — в Мойку свалился и утонул. Молния нам в крышу ударила. Забирай, пожалуйста".

Он свернул на площадь: "Правильно Катарина решила — ее из России увезти. Слыхано ли — я ее привел, чтобы Катарина на нее посмотрела, а тут наследник цесаревич, Павел Петрович, заходит. Эта дрянь ему и говорит: "Шарф". Что за шарф, откуда шарф — еще пойми. Сегодня, этому Воронцову-Вельяминову, тоже что-то болтала. А он у меня в руках. Сейчас я ему сделаю предложение, от которого он не сможет отказаться. И кое-чем его подкреплю, разумеется".

Аббат вышел к трактиру. Заметив огромного, рыжего мужчину, что, блаженно развалившись на деревянной скамье — пил пиво, он подумал: "Отец такой был, я же помню. Тоже огромный. А Изабелла пропала, была в Ливорно, и нет ее. Должно быть, сбежала с кем-то, нашла себе богатенького любовника. Ну и черт с ней".

Федор помахал ему рукой. Пьетро, улыбнувшись, присел напротив. На церковных часах пробило девять, и Федор сказал: "Я седло косули нам велел принести. Еще там, по мелочи, колбаски всякие. А запьем двумя бутылками бургундского вина. Как? — он склонил голову.

Пьетро ответил, принимая от трактирщика вино: "Отлично".

Федор взялся за нож, и стал резать румяное, еще горячее мясо: "Мы сейчас все лето со студентами на шахтах провели. Когда из-под земли вылезали — поохотились там вволю. Я же горный инженер, — пояснил он и услышал вкрадчивый, тихий голос священника: "Я знаю".

Федор недоуменно поднял глаза — тонкие губы Корвино чуть улыбались. Он отставил бокал и сказал, по-русски: "Я ведь долго в Санкт-Петербурге прожил, Федор Петрович, о вас знаю. Подождите, — он остановил Федора движением руки, — дайте мне договорить".

Федор угрюмо слушал. Потом, усмехнувшись, она откинулся на спинку скамьи: "Значит, я оказываю ордену маленькие услуги, а вы за это — ходатайствуете за меня перед ее Императорским Величеством, так?"

— Так, — Пьетро прожевал косулю: "Отменный повар в этом трактире. Вы, Федор Петрович, — он усмехнулся, — не волнуйтесь, императрица Екатерина благоволит к нашему ордену, и прислушивается к советам наших священников.

— Не откажется, — подумал Пьетро, глядя на красивое, хмурое лицо. "Россию он любит, правда, непонятно за что. Есть там такие сумасшедшие. И хочет туда вернуться, разумеется". Священник налил себе вина: "Я бы мог, кстати, разузнать, что случилось с вашим братом. В Италии у нас отличные связи".

— Вас же отовсюду выгнали, — ядовито заметил Федор и вздохнул: "И о Степе знает. Он при дворе болтался, конечно. Что там у нас мистер Джон говорил — Ладгейт Хилл, в Лондоне? Туда я и наведаюсь, первым делом, как в Париже окажусь. Долг отдам, поговорим с ним. Ему этот аббат будет интересен, наверняка".

Пьетро покрутил длинными пальцами: "Федор Петрович, вы же умный человек. Мы вернемся в Европу, рано или поздно. Пока что, — священник обвел рукой площадь, — у нас есть Россия, Польша, Новый Свет, Китай, Индия. В общем, работы много".

Федор почесал в бороде и Пьетро сказал себе: "Ты молодец. Не надо его отдавать Катарине — пропал и пропал. Ордену он будет полезней на свободе, чем в крепости или ссылке. Нам он нужен".

— Мне что, — наконец, смешливо, спросил Федор, — подписать что-то надо?

— Да что вы! — изумился Пьетро. "Мы с вами беседовали, как друзья, не более. Я ведь не случайно попал в Брно, Федор Петрович. Тут есть такой человек, Якоб Франк, крещеный еврей…"

— Я слышал, — Федор открыл вторую бутылку вина. "Он в тюрьме сидел. Потом его наш, — он помолчал и поправился, — русский генерал Бибиков оттуда выпустил. А что вам какой-то крещеный еврей, святой отец, их тысячи, как бы ни десятки тысяч".

— Такой, — аббат потрогал золотой, скромный крестик на хорошо скроенной сутане, — один. Мне надо, чтобы вы с ним познакомились, Федор Петрович. Это несложно, я вас представлю. Мой орден, — Пьетро погладил чисто выбритый подбородок, — очень интересуется тем, что там на самом деле происходит — в замке у Франка и его, — Пьетро поискал слово, — общины. Мне, как вы сами понимаете, — он развел руками, — туда не попасть…

— Они же христиане, — удивился Федор. "Что там у них необычного?"

— Все, — сказал Пьетро. Опустив ресницы, он дрогнул пальцами. "Все, Федор Петрович".

В церкви было людно. Монахиня строго сказала: "Держись за мою руку, Анна. Вот сюда вставай, рядом со мной".

— Холодно, — девочка поежилась. "Холодно, сестра". "Кто-то смотрит, — поняла Ханеле. "Не хочу, не хочу, не надо!"

— Подойди к ней, — шепнул мужчина, что стоял через проход, — в отлично скроенном, темном сюртуке, светловолосый, с чуть заметной сединой на висках. "Подойди, Ева".

Девушка, — высокая, тонкая, в скромном, коричневом платье, подняла на отца большие, цвета дыма глаза. Покачав уложенными на затылке, каштановыми косами, едва разомкнув красивые губы, она шепнула: "Хорошо. Но зачем?"

— Подойди и постарайся узнать, кто она такая, — Александр Горовиц проводил взглядом дочь. Сцепив длинные, сухие пальцы, он потрещал костяшками. "Невозможно, — подумал Горовиц. "Их всех сожгли. Девчонку забрал Радзивилл, как я с ним и договаривался — в обмен на рукописи этого дровосека. Она недавно сдохла, от чахотки, в Санкт-Петербурге. Графиня Селинская, — мужчина издевательски улыбнулся. "Невозможно. Но я, же чувствую, слышу — я не могу ошибаться".

— Какое прелестное дитя, — Ева присела рядом с монахиней. "Как ее зовут, сестра?"

Девочка закрыла мутно-серые глаза и отвернулась. "Анна, — вздохнула старая женщина. "Она слепа, и слаба разумом. Да сжалятся над ней Иисус и Матерь Божья".

— Аминь, — Ева перекрестилась. Погладив черные косы, девушка спросила: "Она живет тут, в вашем монастыре?"

— Временно, — монахиня поднялась с колен и Ева тоже встала. "Она воспитанница святого отца Пьетро Корвино. Аббат везет ее в Париж, там есть пансион для таких несчастных". Ева порылась в бархатном мешочке, что висел на ее тонком, белом запястье: "Примите пожертвование, сестра, вы ведь тоже заботитесь о сиротах".

— Благотворящий бедному дает взаймы Господу — монахиня благословила Еву. Ханеле услышала ласковый, тихий мужской голос: "У тебя очень красивый медальон, дитя мое. Можно посмотреть?"

— Нет! — закричала Ханеле, задрожав, подняв невидящие глаза к своду собора. "Нет, нет, уйди, уйди от меня! Нет!"

Она испугалась, — ей казалось, что этот голос сейчас заберется внутрь нее, туда, где были папа и мамочка, туда, где ей было тепло и спокойно, и после этого не останется уже ничего — только пепел, и смерть. Только одиночество.

— Простите, — пробормотала монахиня. Подхватив судорожно бьющуюся девочку, она вышла на ступени церкви.

Ева вернулась к отцу. Александр, выслушав ее, улыбнулся: "Отлично, милая. Ты у меня умница. Завтра я представлю тебя аббату Корвино"

mir-knigi.org

Девушка недоуменно посмотрела на отца. Тот ласково погладил ее по белоснежной щеке: "Он наш хороший друг, мой и Якоба. Мне нужен этот медальон, милая".

Ева только дрогнула длинными, темными ресницами: "Этот тот, о котором ты рассказывал?"

Александр повел ее к выходу. Опустив пальцы в чашу со святой водой, он подумал: "Если там хотя бы половина — это уже огромная удача. А если целый…, Но откуда его могла взять эта Анна? Или аббат Пьетро его где-то нашел? Вот Ева все и узнает, и привезет мне то, что лежит в медальоне. Очень хорошо".

Он раздул тонкие, красиво вырезанные ноздри. Блеснув серыми глазами, Горовиц ответил: "Да, милая. Ты же помнишь, — он взял дочь под локоть и вывел на залитую солнцем площадь, — ты — воплощение Господа, избранный сосуд, чистый агнец. Господь послал нам это знание, а вскоре и все придут к ограде истинной веры, — он вздохнул. Перебирая пальцы Евы, Горовиц добавил: "Когда увидят мощь гнева Всевышнего, милая".

— Я покормлю голубей, — Ева улыбнулась. Выйдя на булыжники площади, она стала разбрасывать зерно. Птицы курлыкали, взлетали на ее плечи. Александр, полюбовался золотыми лучами в ее волосах: "Никто не устоит. Она поедет с аббатом в Париж, и привезет мне медальон. Не надо никого убивать, хоть это и разрешено, разрешено все. Но если мы избавимся от аббата и этой девчонки — начнут задавать вопросы. Незачем рисковать".

Он подошел к дочери, и попросил: "Дай и мне". Александр насыпал зерна на ладонь. Белая голубка, вспорхнув крыльями, присела на его руку.

— На той неделе служение, — сказал он ласково, захлопнув дверь кареты, поцеловав дочь в лоб. "Твое стадо избранных соскучилось по тебе, милая, не лишай их счастья прикоснуться к присутствию Божьему, ко второй Деве Марии, — Горовиц перекрестил дочь и велел кучеру: "Трогай!"

Окна большой, просторной комнаты выходили на излучину реки. Замок стоял на холме, вокруг простирались темно-рыжие, осенние луга. На горизонте, в сумраке, виднелись шпили и черепичные крыши Брно.

Александр отложил перо и прислушался к перекличке солдат во дворе. "Все хорошо, — подумал он, наливая себе вина. "Я получу то, чего нет больше ни у кого в мире. Откуда же его взяли? Тот старик, в Измире, умер, а Судаков, — он усмехнулся и выпил, — Судаков, как я слышал, поклялся таким не заниматься. Послушный человек, ничего не скажешь. Оно и хорошо, вряд ли есть кто-то сильнее него. Даже я, и то…, - Александр посмотрел на рукопись. Захлопнув тетрадь, взяв свечу, он поднялся.

Ева молилась, стоя на коленях перед распятием. Он наклонился. Вдохнув запах свежести и чистоты, Горовиц шепнул: "Пойдем, милая".

Она кивнула. Перекрестившись, поднявшись, Ева взяла его за руку. "Чистая моя, — ласково подумал Александр, медленно, нежно раздевая дочь.

— До сих пор смотрит так, как будто три годика ей. Я же тогда сказал: "Девочка моя, мама ушла к Богу, ты должна заменить мне маму. Как она тогда на коленки встала — как ангел Божий. Ручки сложила и говорит: "Я не умею, папочка, я еще маленькая". А я погладил ее по голове и ответил: "Я тебя научу, Евочка, просто слушайся меня".

Ева почувствовала прикосновение его губ. Задрожав, она сказала: "Папа…"

— Любовь моя, — Горовиц отступил и, на мгновение закрыл глаза. Он глубоко вдохнул, и сказал ей на ухо: "Ты же помнишь, милая — можно делать все, Мессия придет тогда, когда мы спустимся в самые темные, самые низкие глубины. Только так мы приблизим его появление, девочка моя, голубица Господня…"

Ева ощутила его руку. Застонав, обняв отца, она попросила: "Еще!"

В свете канделябров, что окружали большую, под балдахином кровать, ее тело казалось совсем белым — как только, что выпавший снег. "Агнец мой, — шепнул Александр, целуя маленькую, девичью грудь. "Сокровище мое…"

— Папа! — простонала она. Прижав к себе отца, раздвинув ноги, плача, Ева крикнула: "Я люблю тебя, папа!"

— Неплохо, — одобрительно сказал Федор, когда они поднимались по дороге к замку. "Вы этого Франка содержите, что ли, святой отец? — он кивнул на высокие крепостные стены.

Аббат придержал лошадь: "В этом нет нужды. У нашего друга Якоба много последователей. Он встречается с особами королевской крови, сюда целые паломничества устраивают. Деньги к нему текут рекой, сами понимаете, — Корвино улыбнулся, — всем хочется, наконец, добиться того, чтобы евреи крестились, и прекратили быть, — аббат пощелкал пальцами, — таким неудобством".

Федор хмыкнул: "Кроме Европы — есть еще Святая Земля, не забывайте. Там тоже много евреев. Оттоманский султан вряд ли позволит им переходить в христианство".

— Это потом, — отмахнулся Пьетро. "Более того, оттоманский султан сейчас занят распрями с вашей бывшей родиной, ему не до евреев, — он увидел холод, блеснувший в глазах его спутника, и спохватился: "Простите".

Они в молчании переехали через опущенный надо рвом мост. Федор, ожидая пока им, откроют ворота, заметил: "Вы вот что, святой отец. Я на вас работаю, но это не означает, что вы можете распускать язык. Понятно? — он повернулся к аббату. Пьетро подумал: "Такой и убить может, ненароком. Ну и взгляд — словно лед".

— Простите еще раз, — он развел руками. "Вырвалось".

— Вырвалось, — пробурчал Федор. Спешившись, бросив слуге поводья, он отряхнул рабочую куртку: "Показывайте, где тут подъемник надо устраивать. Зачем он им, — мужчина поднял голову и посмотрел на круглую башню посреди замкового двора, — припасы, наверняка, в кладовых, что внизу. Что они поднимать собираются?"

— Наш друг Якоб, — Пьетро пригладил короткие, рыжие волосы, — считает, что так будет более эффектно. Паломники собираются во дворе, и он спускается к ним, как будто бы с небес.

— И охота им тратить деньги на такую ерунду, — ехидно заметил Федор, когда они поднимались по широкой, отделанной мрамором лестнице. Он окинул взглядом венецианские зеркала на стенах: "Золота тут не жалеют. И что орден так беспокоится — выкрест, как выкрест, мало ли их на свете".

Пьетро остановился перед высокой, резной дверью: "Я понимаю, Теодор. Вы ученый, материалист. Скептик, в конце концов. Но вы ведь тоже верите в Бога".

— В Бога, а не в мистическую чушь, — Федор прислонился к подоконнику и засунул руки в карманы. "Все эти ваши стигматы, блаженные, так называемые ведьмы, — он поморщился, — все это можно объяснить, Пьетро. Если ваш Франк хочет играть Мессию для евреев — то он не первый, был уже такой, Шабтай Цви. Помните, чем все закончилось".

— Не закончилось, Теодор, — коротко отозвался аббат и нажал на бронзовую ручку двери.

В уходящем под потолок зале пахло благовониями — сильно, навязчиво. Смуглый, низкорослый, с крючковатым носом, мужчина поднялся из большого кресла. Прихрамывая, он подошел ближе к ним: "Святой отец! Добро пожаловать в нашу скромную обитель! А это тот инженер, о котором вы мне написали?"

— Герр Теодор — Федор подал руку и едва не поморщился — влажные, липкие пальцы Франка обежали его ладонь и коснулись запястья. Он вздернул голову и внимательно посмотрел в лицо Федору — глаза у него были маленькие, темные, прикрытые опухшими веками.

— Очень рады, — медленно, ласково сказал Франк. "Очень вам рады, герр Теодор. Пойдемте, — он показал на соседнюю комнату, — обед уже накрыт".

Высокий, красивый мужчина лет пятидесяти, светловолосый, с чуть поседевшими висками, стоял у окна. Он обернулся и Федор понял: "Так вот кто тут главный. Ну и глаза, не хотел бы иметь его своим врагом".

— Герр Александр Горовиц, — сказал Франк, устраиваясь за столом. "Мой секретарь, биограф, врач, ну и вообще… — он широко повел рукой. "Когда я сидел в тюрьме, герр Александр вел мое верное стадо, стадо избранных"

Ладонь Горовица была сухой и сильной. "Герр Теодор, — он склонил голову, — вы не немец. Я слышу, — тонкие губы улыбнулись.

— Скорее, месье Теодор, — вмешался аббат. "Месье Теодор Корнель, он преподает в Париже, здесь был со своими студентами. Мы с ним давние друзья".

— Ах, вот как, — только и сказал Горовиц. "Ну что ж, прошу к столу. Сегодня кабан с яблоками, речные устрицы и прекрасная озерная форель. И вино, разумеется".

— Вино тут рекой льется, — Федор незаметно взглянул на Пьетро и тот дернул бровью. "Ну да, — подумал Федор, принимаясь за мясо, — незачем всем и каждому объявлять, что я из России. Корнель. Пусть будет Корнель. Врет аббат, конечно, насчет ходатайства перед ее Величеством, но с этим — я сам справлюсь. А заплатил он неплохо, у ордена, как видно, деньги водятся. Посмотрим, что мне мистер Джон скажет, — он взглянул на Горовица. Тот отложил серебряную вилку, и сладко улыбнулся: "Разумеется, мы вас поселим в замке, месье Теодор. Сколько времени займут работы?"

— За два дня можно управиться, — рассмеялся про себя Федор. Открывая устрицы, он спокойно ответил: "Неделю, месье Александр, надо делать все на совесть, и несколько раз опробовать механизм"

— Да, да! Мы хотим, чтобы все было, как надо, — Франк принял от Горовица бокал вина. Его лицо покраснело, и он, пощелкал пальцами: "Александр, я хочу, чтобы наши гости послушали

меня. Записывай, — Франк опустил веки и, монотонно раскачиваясь, начал говорить:

— Видение, которое посетило меня в Салониках. Услышал я голос, что говорил: "Веди Яакова, мудреца, в покои, и сделай так, чтобы все двери были открыты перед ним". В первом же зале я получил розу, что была ключом от всех дверей…

— Вон оно что, — подумал Федор. "Ловко, я же читал в Гейдельберге об этом ордене розенкрейцеров. Франк, как я посмотрю — тоже".

— Потом я поднялся в воздух, сопровождаемый двумя девушками невиданной красоты, — продолжал завывать Франк, — и поплыл дальше, туда, где Великий Учитель…

— Шабтай Цви, — одними губами сказал Пьетро, что сидел напротив Федора.

— Где Великий Учитель, — Франк мелко затрясся, — спросил меня: "Яаков, мудрец, ты видишь эту пропасть, достигающую края земли, черную, как ночь? Видишь гору, что возвышается на ее краю. Пересеки пропасть, поднимись на ее вершину. Ты достигнешь высот мудрости, Яаков". Я должен был опуститься на самое дно, чтобы потом подняться вверх, — Франк вскочил и, дергая рукой, закричал, — вверх, туда, где Господь, его Сын и Дева Мария вверили мне стадо праведников, чтобы я был его пастырем, чтобы я привел в мир Мессию!

Вороны за открытым окном зала закружились, закаркали. Франк упал в кресло.

С порога повеяло свежестью. Высокая, очень красивая девушка в закрытом, глухом платье, с простым крестиком на шее, войдя в комнату, опустилась на колени рядом с Франком, и протянула ему белые розы. Тот всхлипнул. Опустив лицо в цветы, Франк пробормотал: "Как сказано, благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник. Только Мессия, — голос Франка зазвенел, — только Мессия, Иисус, придя в мир, спасет его от грехов".

Он зарыдал. Вставая, махнув рукой, Франк почти неслышно сказал: "Мне нужен покой…, После такого…"

— Моя дочь Ева, — Горовиц указал на девушку, что помогала Франку выйти из комнаты. "Она заботится об учителе, как если бы она была его дитя".

Федор взглянул на Пьетро — тот стоял, не отводя взгляда от тонкого, серьезного лица. Ева вскинула глаза — темно-серые, будто дым. Посмотрев на Федора, она ласково шепнула: "Пойдемте, учитель, я провожу вас".

— Очень хорошо, — подумал Горовиц, садясь. "Я же сказал — никто не устоит. Вон как аббат Пьетро покраснел. Мужчина есть мужчина, хоть и в сутане. Ему же надо, чтобы кто-то заботился о маленькой Анне — вот Ева и будет это делать. Для служений мы подберем кого-нибудь, дочь Якоба, хотя бы, она уже взрослая".

— А сколько лет фрейлейн Еве? — тихо спросил Пьетро, все еще глядя на дверь.

— Семнадцать, святой отец, — ответил Горовиц, и потянулся за бутылкой: "Еще вина, господа?".

— Голубица, — жадно сказал Франк, оказавшись в спальне, стаскивая с Евы платье, разрывая кружево на рубашке. "Наша голубица, праведная наша. Иди сюда, иди к учителю, девочка, помоги мне, мне так тяжело…, - он вздохнул и зашарил рукой по ее груди.

— Вот так, — слышала Ева его шепот, — роза моя, наш невинный агнец, — он уложил девушку на кровать. Ева, вздрогнув, закусив губу, отвернула голову в сторону. Влажные, пахнущие вином губы коснулись ее рта. Франк встал на колени и пробормотал: "Мой цветок, моя непорочная дева…, запертый сад, запечатанный родник. Пусти, пусти! — Ева почувствовала его тяжесть и застонала.

— Избранное дитя, — шептал Франк, — Божий агнец…

Кровать скрипела. Ева, опустив веки, увидела перед собой его глаза — голубые, с чуть заметными, золотистыми искорками, в рыжих, длинных ресницах. "Я даже не знаю, — как его зовут, — горько подумала Ева. Когда Франк перевернул ее на четвереньки, Ева, уцепившись рукой за спинку кровати, пообещала себе: "Ничего. Узнаю".

Александр Горовиц свернул пергамент, и, положив его в серебряный медальон, щелкнул крышкой. Он пропустил цепочку между пальцев. Откинувшись в кресле, Горовиц посмотрел на красивый, играющий багрянцем и золотом закат.

— Ты был бы рад, — сказал он тихо, глядя на разворот тетради. На нем была надпись — легким, летящим почерком: "И победит он великого дракона и будет сидеть на троне Моем, он, истинный Мессия. Благословите нашего Царя и Владыку, святого и праведного Шабтая Цви, Мессию из дома Яакова. Элияху Горовиц, Мигдаль Оз, 5426".

— Он же тогда сидел с учителем за одним столом, — вздохнул Александр, — на седере. Когда на стол поставили не кошерную еду, он громко воскликнул: "Благословен Господь, который разрешил нам то, что было запрещено!". Учитель тогда обнял его, и прослезился: "Нет у меня ближе слуги, чем ты, Элияху. Сто лет с тех пор прошло, и вот, — он погладил тетрадь, — я почти нашел то, что ты так искал".

Александр легко поднялся и подошел к окну. Снизу до него донесся веселый голос: "Отлично, а теперь давайте еще раз проверим веревки и можно идти ужинать".

— Корнель, — он перегнулся и посмотрел на рыжую голову мужчины. "Судаков бы ко мне никого не подослал — не стоит от него такого ждать. Кто-то из учеников Баал Шема озаботился, хочет узнать, чем мы тут занимаемся? Нет, Магид из Межерича умер, а остальные там и моего мизинца не стоят. Да они бы не стали нанимать гоя, а этот Корнель не еврей, за версту видно. Хотя…, - Александр усмехнулся, — но нет, не стоит проверять, еще слухи пойдут. Хотя служение сегодня, было бы удобно".

Дверь заскрипела. Он ласково сказал: "Иди сюда, голубка моя. Отец Пьетро согласен, — Горовиц положил крепкую ладонь на бумаги, — взять тебя воспитательницей к маленькой Анне, так что собирайся. Что тебе надо сделать? — он поднял дочь за подбородок.

— Доехать с ними до Парижа, забрать медальон и привезти его тебе, — Ева улыбнулась. Мужчина погладил ее по щеке: "Правильно, милая моя".

— Аббат согласен, — усмехнулся Горовиц, проводя пальцами по шее дочери. "Он ушам своим не поверил, и сразу сказал: "Да, конечно, герр Александр, какие могут быть вопросы? Все же тяжело в дороге с маленьким ребенком. Я очень рад, что фрейлейн Ева предложила свою помощь. Она истинная христианка". И покраснел, — Горовиц взял со стола маленький медальон:

— Ты же понимаешь, милая, аббат Пьетро не должен думать ни о чем другом, кроме…, - его

глаза остановились на скрытой глухим платьем груди. Ева, поцеловала руку отца: "Он и не будет. Папа, но если все так, как ты мне рассказывал, то надо забрать амулет вместе с ней. С Анной".

— Умница моя, — Горовиц ласково надел ей на шею цепочку. "Все правильно, милая, незачем рисковать гневом Господним. Ты привезешь сюда девочку, и мы о ней позаботимся".

— Подвалы тут такие, — подумал Горовиц, целуя дочь в лоб, — что там сотню девок можно спрятать, навечно. Амулет будет рядом с ней, пусть сидит и подыхает потихоньку".

— А это, — он взял дочь за руку и подвел к окну, — я написал для тебя, милая. Теперь, — он коснулся медальона, — я всегда буду знать, — где ты. И приду на помощь, если надо. Не снимай его, Ева.

Девушка внезапно покраснела. Отец, лаская губами ее ухо, шепнул: "Я же все уже видел, милая. Я буду тобой любоваться, счастье мое. Ты готова к служению?"

— Да, — она откинула голову назад. Горовиц, взяв ее лицо в ладони, улыбнулся: "Наша горлица улетает от нас, но остается вторая. Твоя тезка справится?"

— Конечно, — кивнула головой девушка. Отец ласково подтолкнул ее к двери: "Пойдем, месса начинается".

Она стояла на коленях в домовой церкви, искоса глядя на смуглое, хорошенькое лицо Евы Франк, что молилась рядом с отцом.

— Его тут нет, — поняла Ева, обежав глазами маленький зал. "Герр Теодор его зовут, я слышала".

Она вспомнила, как несколько дней назад столкнулась с ним на узкой лестнице, что вела в подвалы замка. Он стоял, подняв голову, рассматривая каменный, влажный свод. Услышав шаги Евы, он вежливо посторонился.

— Отличная кладка, — заметил мужчина, когда она проходила мимо. "Прошлый век, сейчас так не строят. Вам помочь, фрейлейн? — Теодор указал на бутылки вина в ее руках. "Спасибо, я сама, — она чуть покраснела. Уже поднявшись вверх, Ева обернулась, — он спускался по ступеням дальше, в самую темноту, что-то весело насвистывая.

— После служения, — сказала она себе, и набожно перекрестилась. "До утра никто из подвалов не выйдет, а то и позже. Я знаю, где его комната".

Ева посмотрела на прямую спину отца. Вздохнув, девушка подумала: "И он тоже внизу останется".

— Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis, — услышала она голос Франка. Он, поднявшись с колен, обвел глазами свой ближний двор: "Агнцы Божьи, избранное стадо мое! Паломники ждут нас в трапезной, а после этого мы начнем готовиться к служению, милые мои, — Франк поднял руки, разведя пальцы в благословении коэнов, и община низко опустила головы.

— Да обратят Господь, сын его Иисус, и дева Мария лица Свои к вам и дадут вам мир, — улыбнулся Франк. Люди стали подниматься с колен.

Федор осторожно открыл тяжелую, дубовую дверь подвала и оглянулся — в замке было тихо, только в нескольких окнах виднелись огоньки свечей. "Как сквозь землю провалились, — хмыкнул он, вдыхая влажный, сырой воздух. "На ужине чуть ли ни сто человек сидело, паломники эти самые. Франк им свои объедки посылал, — принято так у него, — потом опять завывал и трясся, а сейчас все исчезли. Хорошо, что я успел подвалы облазить, не заблужусь".

— Как в шахте, — смешливо подумал Федор, идя узким, черным коридором. "Тут хоть выпрямиться можно, не надо ползать".

Он остановился и прислушался — откуда-то издалека доносился шум. "Поют, — понял Федор. "Это в том самом углу, куда дверь закрыта была. Посмотрим, может, какую-нибудь щель найду".

Федор остановился перед уходящей вверх дверью, и, опустившись на колени, осмотрел ее: "В прошлом веке ключи грубые делали, в скважину все отлично видно". Внутри трепетало пламя свечей, расставленных вдоль стен, в тяжелых, бронзовых канделябрах.

Люди стояли на коленях, держась за руки, неотрывно глядя на черный проем в стене. "Вот и Франк, — Федор обвел глазами подвал, — и Горовиц рядом с ним. В белых одеждах, надо же". У женщин были распущены волосы, ряды людей раскачивались, заунывно что-то распевая. "Псалмы, что ли? — Федор увидел посреди зала возвышение. "А это для чего? И свиток какой-то у Франка в руках. Нет, не Псалмы".

— Шабтай Цви Малкейну, — тянулся припев. Когда община затихла, Франк, поднявшись, держа в руках свиток, дрожащим голосом сказал: "Дети мои! Избранное стадо Божье! Мессия близок, я слышу его шаги! Наш учитель, великий Шабтай Цви, наш царь, избранный спаситель Дома Израилева, говорил: "Я разрешил все, что доселе было запрещено — для того, чтобы привести Мессию в мир". Пусть Шехина, присутствие Господа на земле, освятит наши дела, пусть святые девы, наши белые голубицы — придут к нам!"

Франк и Горовиц одним сильным движением бросили свиток к черному проему. "Со мною с Ливана, невеста! Со мною иди с Ливана! О, единственная — она, голубица моя, чистая моя; единственная она! Кто она, блистающая, как заря? Прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? — закричал Франк.

— Шехина, Шехина! — люди стали протягивать руки к стене. "Приди, Шехина, благослови нас!"

— Как сказано, — Франк рухнул на колени и стал биться головой об пол, — небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего? — он зарыдал. Люди завопили: "Здесь, здесь, среди нас! Сойди к нам, беспорочная голубица! Освяти нас присутствием своим!"

Две обнаженные девушки, — повыше и пониже, — прошли по свитку и встали на возвышении. Федор невольно отвел глаза — ее каштановые волосы падали до бедер, в руке была свеча, она смотрела куда-то поверх голов тяжело дышащих людей. "Шхина! — заплакал Франк. "Господь с нами, дети мои, он не оставил нас! Мессия, приди, приди, Мессия! — он приник лицом к ногам девушек, что стояли совсем близко друг к другу, держась за руки, и плечи его затряслись.

Ева, на мгновение, опустила взгляд — отец улыбался. "Все, что было запрещено, стало разрешено! — сильным, громким голосом сказал он. Обернувшись, он разорвал рубашку на груди у молоденькой, лет пятнадцати, девушки. Ева увидела, как отец бросил ее спиной на свиток Торы, как она, сладко застонав, задрала вверх подол. Она слышала крик Франка: "Приди, Мессия, приди к нам!"

Федор сочно, вполголоса выругался. Не оборачиваясь, он пошел к выходу.

В комнате было темно. Дверь, неслышно отворившись, тут же закрылась. Ключ повернули в замке, легкие шаги пробежали по ковру. Федор, еще не проснувшись, почувствовал рядом с собой теплое, нежное тело. "Тихо, — сказал ему на ухо девичий голос: "На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. А теперь нашла".

— Нет, нет, — велел он себе, — нельзя, не смей.

Но она уже целовала его, — быстро, ласково. Ее губы — сухие, покорные, были совсем рядом. Федор, обняв ее, прижав к постели, запустив руки в распущенные, мягкие волосы, усмехнулся про себя: "Голубица".

Она коротко, сладко закричала. Федор, закрыл ей рот поцелуем, вдыхая запах свежести: "Все равно, я ее больше не увижу".

На площади было шумно. Пьетро, спускаясь со ступеней церкви, вглядываясь в толпу, сразу увидел рыжую голову.

— Пойдемте, — велел Федор, — сейчас зайца принесут, и вино я уже заказал.

Аббат устроился на деревянной скамье "Золотого Оленя", и протянул Федору конверт: "Как я и обещал. Документы надежные, не придерешься. Теперь вы Теодор Корнель, честь по чести. Хотя вам они понадобятся, только если поедете куда-то, в Париже месье Перроне и так знает — кто вы".

Федор проглядел бумаги и поднял голубые глаза: "А что, поеду?"

— Может и такое случится, — коротко ответил аббат. Глядя на слугу, что открывал бургундское, он подумал: "Отличное приобретение. Обычно ученые витают в облаках, с ними невозможно работать. А он практик, человек дела, а не теорий. И очень осторожен — у Франка никто ничего не заподозрил. Привык у себя, в шахтах".

— Так что можете не беспокоиться, — Федор попробовал вино и кивнул слуге, — ваш Франк просто поклонник свободного образа жизни. Все эти его завывания, — мужчина поморщился, — не более, чем игра. Хотите, чтобы евреи крестились — терпите его.

— Больше нам ничего и не остается, — пробормотал Пьетро, поиграв вилкой. "Я смотрю, — он вгляделся в темные круги под глазами Федора, — вы не выспались, месье Теодор".

— В подвале до утра сидел, по вашей милости, — буркнул тот, накладывая себе мяса.

— Теперь о Париже, — Пьетро прожевал мясо: "Запомните. Отец Анри, церковь Сен-Сюльпис. Его предупредят, он подберет вам квартиру, и вообще позаботится о вас, пока я не приеду. Я же с ребенком, — он коротко вздохнул, — не налегке путешествую".

— Дочка, наверное, его, — подумал Федор. "Они ведь тоже люди. Сын, — он на мгновение, задумался. "Ерунда, эта Анна не в себе просто. Пугачев же сказал — убили ее, и она уже с ребенком была. От него…, - Федор, на мгновение, поморщился.

— В Париже, — продолжил Пьетро, — вам надо будет стать вольным каменщиком. Знаете же, кто это? Впрочем, вы образованный человек, даже о Шабтае Цви слышали.

— Спасибо, — смешливо заметил Федор. "Я люблю читать. Что касается масонов, — он расстегнул воротник сюртука и сладко потянулся, — меня в Гейдельберге к ним приглашали, да я не пошел. Детские игры, Пьетро, как у этого, — он коротко махнул рукой в сторону замка.

— Детские, — хмуро подумал Пьетро, вспомнив блеск медальона на шее у девочки. "Ему я об этом рассказывать не буду, на смех поднимет. Скептик, как я и говорил".

Он вытер губы льняной салфеткой: "Великая ложа Востока, месье Теодор, — вот наша цель. А конкретней — он вытащил еще один конверт, — держите, в дороге почитаете. "Ложа "Девяти Сестер", нам очень интересны те люди, которые в ней встречаются".

— Я слышал о Франклине, — медленно сказал Федор, пробежав глазами список. "Ну что ж, — он потер подбородок, — он ученый, я ученый — у нас найдется, о чем поговорить".

— Правильно, что бороду сбрили, — заметил Пьетро, поднимаясь. "Все-таки Париж, месье Теодор, — тонкие губы аббата улыбнулись. Он, наклонившись, коснувшись воротника рубашки Федора, шепнул: "Я смотрю — вы тоже поклонник свободного образа жизни, да?"

Мужчина покраснел. Застегивая сюртук, прикрывая синяк на шее, он зло ответил: "Не лезьте не в свое дело, святой отец".

— Я бы вам советовал, — Пьетро легко улыбнулся, — когда доберетесь до Парижа, завести содержанку. Постоянную. Так удобней, месье Теодор.

— Благодарю за заботу, — ядовито отозвался Федор. "Идите, к мессе звонят. В Париже увидимся".

— Непременно, — Пьетро поклонился. Священник вдруг спросил, по-русски: "Федор Петрович, а из вашей семьи — никто в Италии не был?"

— Дед мой, еще при царе Петре туда ездил, — Федор тоже поднялся, — несколько раз. Его тоже Федор звали". Аббат протянул руку и хмыкнул: "До встречи, месье Теодор".

Пьетро, уходя, заставил себя не оглядываться.

— Ах, вот как, — подумал он, заходя в прохладную, гулкую церковь. "Так вот от кого были те письма, что я нашел, подростком еще, в тех бумагах, что отец мне поручил разобрать. И бабушка тоже — ему писала. Деда моего Франческо звали, а вовсе не Теодор. А вот отца — именно так. Мы с Федором Петровичем кузены, оказывается. Одно лицо с отцом моим покойным, конечно. Нечего ему об этом знать, да и письма те — я все сжег".

Священник опустился на колени перед статуей Богоматери. Перекрестившись, он взглянул в тонкое, серьезное, спокойное лицо. "Содержанка, — вспомнил он свои слова. Пьетро увидел, как дрожат его пальцы.

— Нет, нет, — подумал Пьетро, — она чистая, скромная девушка. Девственница. Я ее поселю в Париже, и пусть родит мне сына. Я ведь тоже человек и тоже хочу, чтобы меня любили. Ева меня любит. Иначе, зачем бы она согласилась поехать со мной? Я никогда не оскверню ее своими желаниями, с ней все будет по-другому. Ева…, - он вдохнул запах ладана и застыл, опустив голову в ладони, чувствуя слезы на своем лице.

За окном постоялого двора уже смеркалось. Ева погладила девочку по голове, и спустила ее с

колен: "Теперь, когда мы так хорошо поели, нам надо умываться и спать! Спокойной ночи, святой отец, — она взглянула на Пьетро, что сидел с пером в руках, читая какие-то бумаги.

— Спокойной ночи, фрейлейн Ева, спокойной ночи, Анна, — священник перекрестил их. Анна взяла Еву за руку и потребовала: "Еще сказку!"

— Обязательно, милая моя, — девушка улыбнулась. Она была в глухом, темном платье, на шее висел маленький, простой крестик, волосы были заплетены в косы и прикрыты чепцом. "Ева, — подумала Ханеле. "Я ее трогала, у нее красивое лицо. Та девушка, что в церкви подходила. Я ее не боюсь, с ней не холодно. Только, — она, на мгновение, замерла и нахмурилась, — нет, не вижу. Все мутное. Далеко, — Ханеле вздохнула, и они вышли из комнаты.

Ева укрыла ее одеялом и шепнула: "Спи, милая". На шее девочки переливался золотой медальон. "Папа велел, — его не открывать, и не трогать, — сказала себе Ева. "Ни в коем случае, это очень опасно".

Она положила руку себе на шею — туда, где висел амулет, написанный отцом. Анна, поворочавшись, пожаловалась: "Холодно". Ева плотнее укрыла ее и поднялась, заслышав легкие шаги за дверью. Она вышла в коридор — Пьетро стоял со свечой в руке. "Анна засыпает, святой отец, — она улыбнулась и опустила огромные, дымно-серые глаза.

— Ангел, — подумал Пьетро, — ангел божий. Господи, как я счастлив.

Он шагнул к Еве. Та, отпрянув, перекрестившись, испуганно шепнула: "Святой отец, что вы…"

— Ева, — Пьетро опустился на колени и приник лицом к подолу ее платья. "Ева, я так мучаюсь, пожалуйста…"

— Нет, нет, — девушка отступила к стене, — нет, святой отец. Это грех, вам нельзя, я не могу…, Не могу…

— Господи, она дрожит вся, бедный агнец, — понял Пьетро. "Нельзя торопиться".

Он встал и, прикоснувшись рукой к ее нежной руке, тихо проговорил: "Ева, я же вижу…, Я вам тоже нравлюсь. Просто скажите мне, — да или нет, пожалуйста, я молю вас!"

Девушка отвернула лицо. Укрывшись рукавом платья, она всхлипнула: "Да…, Но я грешница, грешница, нельзя и думать о таком, Господь меня накажет!"

Пьетро обнял ее и медленно, ласково привлек к себе. "Как сердце бьется, — понял он. "Птаха моя невинная. Только один поцелуй, и все. Я потерплю".

Ева почувствовала прикосновение его губ и холодно подумала: "Отлично. Не зря мы с папой репетировали. Спешить некуда, до Парижа я его подержу на расстоянии, а в Париже — отдамся. С кровью, со слезами, с криками — как положено. Герр Теодор тоже в Париж едет, не зря я в его бумагах порылась, пока он спал. Школа Дорог и Мостов. Я его найду, — Ева, задыхаясь, вырвалась из рук Пьетро. Плача, шепча: "Нет, нет, нельзя…, - девушка проскользнула в свою комнату.

Священник, тяжело дыша, прислонился к стене и ласково сказал: "Горлица моя, никогда, никогда я тебя не обижу, обещаю".

Ханеле подложила ручку под щеку. Она повертела в пальчиках медальон: "Здравствуй, папа!". Отец сидел в шалаше — во дворе того красивого, маленького дома, что Ханеле уже видела — много раз. Ханеле посмотрела на накрытый стол, на мужчину с темной бородой, что, держа в руках бокал, говорил что-то, и поняла: "Праздник". У отца тоже была борода, — ухоженная, золотисто-рыжая. Ханеле взглянула на очень красивую, темноволосую девушку, что сидела напротив отца. Девочка увидела, как та, покраснев, что-то сказала.

Отец рассмеялся. Ханеле зло прошептала: "Это не моя мамочка! Не смотри на нее, папа! Я же тут, смотри на меня!"

Отец не отводил взгляда от черных, под длинными ресницами глаз женщины. Ханеле, всхлипнув, проговорила: "Папа!". Румянец на щеках черноволосой стал еще гуще, отец нежно, ласково улыбался ей. Ханеле, опустив медальон, шмыгнув носом, — тихо заплакала.

Эпилог

Северная Америка, декабрь 1777 года

Выла, задувала метель. Джон, пошевелив удочкой в проруби, поежившись — взглянул вдаль. Озеро — белое, покрытое льдом, уходило за горизонт. Он хмыкнул: "Действительно, будто море — без конца и края. Пять их тут. Наше как раз самое южное, если судить по той карте, что мне Скенандоа рисовал. Эри называется, как их племя. От племени-то, — Джон ловко подсек рыбину, — одна деревня осталась. Ирокезы их потрепали, конечно".

Он посмотрел на берег — над крышей большого, длинного дома, огражденного засеками, поднимался дым. "Сейчас рыбу пожарим, — Джон облизнулся, — а остальной улов — Мирьям и Гениси засолят. Путь через горы неблизкий. Гениси, — он улыбнулся и стал складывать рыбу в кожаный мешок. "Папа меня убьет, конечно. Ничего, сначала покричит, а потом успокоится. И мы уже женаты. Надо ей просто окреститься, и повенчаемся. Можно даже в Бостоне".

Он вскинул мешок на плечо. Надвинув глубже капюшон меховой парки, легко пробираясь между торосами льда у берега, Джон пошел к дому.

Внутри было сумрачно и вкусно пахло жареным мясом. По выстланному шкурами коридору носились дети. Женщины, что сидели у очага, скрестив ноги, о чем-то болтали, посматривая за кусками оленины, насаженными на вертел.

— Джон! — смуглая, зеленоглазая девочка уцепилась за его ногу. "Дядя Джон пришел!"

— Рыбы принес, — он поднял Мэри в воздух. Девочка, тряхнув мелкими кудряшками, рассмеялась: "Мы играем. Пусти, — Мэри вывернулась из рук Джона. Весело что-то крича, она кинулась за мальчиками. "Еще и ее везти, — вздохнул Джон, выходя на задний двор дома. Он взял нож, и начал потрошить рыбу: "Ничего страшного. До этого места, где встреча Шести Племен будет — со Скенандоа и воинами доедем, а там уже и до Бостона близко. Брат Мирьям там, в армии, и друг его, Дэниел этот — они помогут".

— А ну дай, — раздался сзади требовательный голос. Стройная, невысокая девушка подошла к Джону и решительно забрала у него нож. "Я сама, — Гениси оглянулась на дверь и быстро его поцеловала. Снежинки падали на ее непокрытые, черные косы. Джон, взяв одну губами, потерся холодным носом о теплую щеку. "Ты рыбу ловил, — строго сказала Гениси, — теперь иди, отдыхай. Я выпотрошу. Когда Мирьям вернется, то засолим".

Под паркой она вся была горячая. Джон, все еще не отпуская ее, сказал: "Потом".

— День на дворе, — ужаснулась девушка и ласково стукнула его костяной ручкой ножа по лбу. "А мы шкуру опустим, — прошептал ей на ухо Джон. "Пожалуйста, Гениси…"

— Вернулся, — раздался сзади голос Скенандоа, и они отскочили друг от друга. Индеец скинул капюшон парки. Глядя с высоты своего роста на Джона, он усмехнулся: "Пошли, там мясо уже готово".

— Правильно, — подумал Джон, устраиваясь напротив вождя в уютном, отгороженном шкурами углу, — у него же мать белая была. Поэтому глаза такие светлые".

Глаза у Скенандоа были серые, веселые. Мужчина, пережевал оленину: "Ты вот что, Большой Джон, пусть женщины собираются, дня через два уже и отправимся".

— Вы же говорили, в конце зимы Шесть Племен встречаются, — удивился Джон.

— Это, смотря, какая зима, — расхохотался Скенандоа. "Попадем в буран, можем и застрять. К тому же, виделся я кое с кем, там, на охоте, — он махнул рукой, — говорят, Менева сюда с юга идет. Нас он не тронет, мы для него мелкая сошка, две сотни человек в деревне, но все равно — не хотелось бы с ним столкнуться, зять, — Скенандоа подмигнул Джону. Тот почувствовал, что краснеет.

— Две тысячи воинов у него, — хмуро продолжил Скенандоа.

Джон облизал пальцы: "А вы его видели, Меневу?"

— Нет, только поэтому до сих пор живой, — коротко усмехнулся вождь и достал флягу из сушеной тыквы. "Кленовая, раз уж ты взрослый человек, женатый — пей. Но немного, — он поднял смуглый палец.

Джон отпил, почувствовав на языке нежную сладость, и вдруг улыбнулся: "Как Гениси. Черт, он сейчас все заметит. Не думай, не думай о ней, — Джон поерзал и спросил: "А почему вы Олень, а род — Волка?"

— Это предок наш был, — Скенандоа откинулся на вышитые подушки. "Давно еще, с севера пришел. Говорят, первым озеро наше переплыл. Этьенн его звали, француз, из Акадии. А прозвище — Волк. Встретил тут кого-то, — ну вот как ты, — вождь усмехнулся, — и остался. А ты — уезжаешь, и дочку мою забираешь. Ладно, ладно, — Скенандоа поднял большую, крепкую ладонь, — не одна она у меня".

Джон подпер подбородок рукой, и поглядел куда-то вдаль: "Вы бы с моим отцом, наверное, подружились, Скенандоа".

Тот, было хотел ответить, но Мэри всунула к ним кудрявую голову: "Охотники вернулись! С медведем!".

Вождь рассмеялся. Пощекотав пухленькую щечку девочки, он встал: "Пошли, сейчас все руки пригодятся".

Мирьям откинула полог вигвама. Прищурившись, приставив ладонь к глазам, она заметила: "Медведя несут и оленей с десяток. Надо пойти, помочь".

— Холод не впускай, — сварливо отозвалась Онатарио, что сидела у очага, помешивая отвар в

глиняном горшке. "Найдется, кому помочь. Ты скоро уезжаешь, а мы еще заниматься не закончили".

Вигвам стоял на лесной опушке. Мирьям поежилась: "А потом она сложит шкуры, возьмет лошадь и поедет дальше. И так всю жизнь".

— Садись, — Онатарио похлопала рукой рядом с собой, — запоминай — какие тут травы. "А я еще думала, — много знаю, — вздохнула Мирьям, устраиваясь рядом. "Оказывается, тут всю жизнь учиться надо. Как Онатарио. Она на миссис Франклин похожа — тоже высокая, и глаза у нее серые. Только та вся седая, а у этой — виски. Правильно, ее и Скенандоа мать — белая была".

— Запомнила, — Мирьям встряхнула каштаново-рыжими, аккуратно заплетенными косами. "Варить на медленном огне, пить по три ложки в день. Кашель пройдет". Она помялась: "А вы не в обиде, Онатарио? Что вас и брата мать тут оставила, а сама — ушла".

— Она к народу своему ушла, — хмыкнула женщина, прибираясь. "К белым. Отец наш потом женился, мачеха у нас хорошая была. Не в обиде, я же ее и не помню совсем, мне год был, а Скенандоа, — она кивнула в сторону деревни, — два".

Мирьям помолчала: "Онатарио…, Дайте мне тот отвар, что вы мне говорили…"

— Дура, — спокойно отозвалась женщина. "Что случилось у тебя, так этого — не будет больше. Тот отвар — от него женщина навсегда бесплодной становится, а тебе восемнадцать лет всего лишь".

— Я боюсь, — положив голову на колени, всхлипнула Мирьям, — вдруг опять…, - она не закончила и поежилась. Онатарио присела рядом. Взяв ее руку, знахарка медленно, раздельно проговорила: "У тебя будут здоровые дети, милая. Поверь мне. А это, — она махнула рукой в сторону леса, — и не вспоминай".

— Оно мне снится, — тихо сказала девушка. "Полгода прошло, даже больше, а все равно — снится. Почему так?"

— Никто не знает, — вздохнула Онатарио. Она погладила девушку по голове: "Что бы мне стоило раньше с запада прийти? Когда я тут появилась, прошлой зимой, она уже и донашивала. Никто не догадался, под паркой не видно, и я ее сразу с собой в леса увела. Не надо, чтобы кто-то знал. Не к добру это — когда такое рождается. И ведь не умерло сразу, жило еще, хоть и недолго".

— Сейчас вернешься к своему народу, — Онатарио поднялась, — замуж выйдешь, и все хорошо будет. И Мэри у тебя есть, она ж тебе — почти как дочка.

— Да, — Мирьям встряхнула головой и улыбнулась, — это вы правы. Все будет хорошо.

— Ну и славно, — Онатарио кинула ей парку. "Пойдем, нас с тобой, как всегда — первых кормить будут, что бы они без нас делали".

Мирьям, пробираясь сквозь сугробы, посмотрела на прямую спину женщины и вскинула голову: "Правильно. Она же и лечит, и детей принимает, и вообще — ее на озерах уважают очень. Когда вернусь в Бостон, сдам экзамены, и замуж выйду…, А что было, — она закрыла глаза и отогнала видение, — то было".

Мэри, похожая на маленького медвежонка в своей меховой одежде, румяная, веселая, кинулась к ним: "Тетя Мирьям, я так соскучилась!"

— Ах, ты моя прелесть! — Мирьям подхватила девочку. Вдохнув запах костра, свежего снега, северного ветра, — девушка улыбнулась.

Джон потянулся, и, опустив шкуру, что отгораживала их нары, велел: "А вот теперь — иди сюда, и я тебя никуда не отпущу". Горела глиняная плошка с жиром, Гениси сидела, скрестив ноги, ловко орудуя иглой. "Сапоги тебе, — она подняла темные глаза. "Через горы поедем, там теплее, но все равно — надо хорошую одежду. А как это, — она отложила подошву, — море? Как Эри?"

Джон зарылся лицом в распущенные, перевитые нитями с сухими, красными ягодами, волосы. "Больше, — сказал он, подняв прядь, целуя смуглую шею. "Гораздо больше, Гениси".

— Больше не бывает, — удивленно сказала девушка. "А твой отец, он великий вождь?"

— Он умный человек, — вздохнул Джон, — так что не бойся, он только порадуется за меня.

— И сестра твоя погибла, — Гениси погладила его по щеке. "Ты теперь один у него, — она неловко улыбнулась, и старательно выговаривая, сказала по-английски: "Джон".

— Можно и Большой Джон, — он рассмеялся, и стал развязывать шнурки на воротнике ее тонкой, вышитой бисером, замшевой рубашки. "Иди ко мне, — он стал целовать мягкое плечо. Девушка, обняв его, натянула на них оленью шкуру: "Как вьюга воет. К ночи опять разыгралась".

— Сейчас я сделаю так, — Джон устроил ее на боку, — что тебе будет не до вьюги, жена. Жена моя, — он почувствовал под пальцами мягкую, маленькую грудь: "Господи, как я ее люблю. Тут рано женятся, никто и не удивился, что нам по пятнадцать. А вот в Англии..., Ну, что уж теперь делать".

— Да, — томно, ласково сказала Гениси и приподнялась на локте: "А знаешь, почему тебя Большим Джоном называют?".

Он помотал головой. Девушка, подставив ему губы, хихикнула: "Я рассказала".

— Ах ты, — Джон перевернул ее. Усадив на себя, обняв всю ее, он улыбнулся: "Но я не в обиде". Гениси положила голову ему на плечо, и, едва слышно застонав, шепнула: "Люблю тебя!"

Ей снился костер. Пахло травами, Онатарио, что-то бормоча себе под нос, — возилась у очага. "С собой возьму, — сказала Мирьям, расхаживая по вигваму, морщась от боли, глубоко дыша. "Сейчас апрель, к зиме уже можно везти его будет. Или ее, — она остановилась и, уперев руки в колени, помолчав, — продолжила ходить.

— Ложись уже, — велела Онатарио, размахивая тлеющим пучком. "Сейчас все быстро пойдет, — она встала на колени и осмотрела Мирьям. "Все хорошо, — женщина погладила ее по распущенным волосам.

— От него, — подумала Мирьям и уцепилась за руку индианки. "Мэри, получается, брат, или сестра. Не надо ей говорить, она его не помнит. И хорошо, — девушка часто задышала и

mir-knigi.org

крикнула: "Больно! Очень больно!"

— Не спеши, — она почувствовала ловкие, ласковые руки Онатарио и закрыла глаза. "Я смогу, — велела себе Мирьям. "Справлюсь. Джон поймет, он же мне друг, и Хаим с Меиром, — тоже, мы же одна семья. Вырастим".

Боль скручивала, рвала все тело. Она услышала откуда-то спокойный голос Онатарио: "Головка. Все хорошо, все хорошо".

— Еще немного, — Мирьям напряглась. "Еще совсем чуть-чуть!"

Она низко, страдающе закричала, и вдруг испугалась: "Почему ребенка не слышно? Он же должен был родиться, я чувствую".

— Не смотри, — Онатарио свернула шкуру. "Ложись, я унесу".

— Что унесете? — Мирьям приподнялась, превозмогая боль, и потребовала: "Дайте мне! Это мальчик или девочка?"

Из шкуры доносился еле слышный, страдальческий крик. "Дайте! — заплакала Мирьям. "Это же мое дитя".

Онатарио развернула шкуру. Мирьям, бросив туда один взгляд, потеряла сознание. Когда она очнулась, в вигваме было прибрано. "Все закончилось, — Онатарио положила ей руку на лоб. "Отдыхай".

Девушка обвела глазами вигвам и увидела сверток. Он шевелился. "Пожалуйста, — Онатарио наклонилась и поцеловала ее, — не надо. Недолго осталось".

— Положите, — сквозь слезы попросила Мирьям, — ко мне. Хоть так...

Индианка тяжело вздохнула. Поднявшись, аккуратно взяв сверток, она опустила его рядом с девушкой. Мирьям протянула руку и, вздрогнула: "Даже не было понятно — мальчик или девочка. За что, за что мне это?".

Она коснулась пальцем покрытой какой-то твердой чешуей, изуродованной ручки младенца, и велела себе не плакать. "К груди не прикладывай, — велела Онатарио, садясь рядом, — ты же видела, что у него с лицом".

— Да, — тихо сказала Мирьям, — видела. Она закрыла глаза и держала дитя за руку, — слушая слабый, затихающий плач. К утру, ручка ребенка похолодела. Онатарио поднялась: "Лежи. Я все сделаю".

Мирьям проводила ее глазами. Свернувшись в клубочек, уткнувшись лицом в шкуры, она заплакала. Мирьям вспомнила изуродованное, без носа и рта, в трещинах лицо, мешки крови вместо глаз, и тихо завыла, прикусив зубами руку.

— Это я, я виновата, — шепнула девушка. "С Мэри же все в порядке, она здоровый ребенок. Это от меня, — Мирьям всхлипнула и услышала голос Онтарио: "Выпей вот это, и спи. Грудь я тебе перевяжу".

Девушка проглотила ложку темного, горького настоя и провалилась в сон.

Мирьям подняла голову. Стерев пот со лба, — в доме было жарко натоплено, — она горько

сказала: "Господи, пожалуйста, не надо больше".

Она собрала вокруг себе шкуры и села. Мэри спала, посапывая, положив кудрявую голову на ручку.

— Вырастим, — Мирьям потянулась и погладила волосы девочки. "Все вместе вырастим тебя, милая. Все будет хорошо".

Она взяла глиняный фонарик и, откинув шкуру, прислушалась — в доме было тихо, только где-то на нарах, зачмокав, проснулся младенец. Раздалось хныканье, мать ласково что-то сказала, и дитя затихло.

— Кормит, — Мирьям переступила босыми ногами. "Я бы тоже сейчас — кормила". Она пригляделась и увидела темную фигуру в отдалении.

Гениси сидела, поджав под себя ноги, теребя браслет из сухих ягод на тонком, смуглом запястье.

— Шла бы спать, — Мирьям опустилась рядом и рассмеялась: "К мужу под бок, с ним теплее".

— Моя бабка была белая, — Гениси обхватила руками острые колени. "И все равно, — я боюсь. Ну, то есть, — она поправилась, — с Джоном не боюсь, но как это будет?"

— Будет хорошо, — Мирьям взяла ее руку. "Поплывете в Англию, и станете там жить. Джон говорил же — у него там дом. У вас будут дети, когда травы бросишь пить, — она улыбнулась и поцеловала Гениси в щеку.

— Я в него сразу влюбилась, — горячим шепотом призналась девушка, — как отец вас в лесу нашел и сюда привез. Только ему не говори, — Гениси тихо прыснула и обернулась на шкуру, что закрывала нары.

— Джон был весь комарами покусанный, — неслышно рассмеялась Мирьям, — я же помню. И все равно — влюбилась?

— Ага, — кивнула Гениси и добавила: "Тебе тоже — замуж надо выйти".

Мирьям потерлась носом об ее щеку. Поднявшись, она решительно сказала: "Так и сделаю. Пойдем, — она кивнула, — подержи фонарик, а то отморожу себе все".

Мороз перехватывал дыхание. Крупные, яркие звезды висели в черном небе, снег на заднем дворе переливался серебром.

— Потом я, — сказала Гениси, когда Мирьям присела на деревянное ведро. Она вдруг опустила фонарик и застыла. "Что такое? — недовольно спросила Мирьям. "Холодно же".

В свете звезд ее глаза были совсем черными. "Всадники, — сказала Гениси, наклонив голову. "Много, с юга идут. Буди всех, — коротко велела она. Мирьям, бросившись вслед за ней в дом, успела подумать: "Только бы не Менева. Говорят, безжалостней вождя по эту сторону гор не найдешь. Надо одеваться и немедленно в лес, там отсидимся".

Скенандоа уже стоял в проходе, держа в руках топорик. "Собирайте женщин и детей, — приказал он девушкам. Его смуглое, спокойное, будто высеченное из камня лицо, — чуть дернулось. "Чтобы и духу вашего тут не было, — обернулся он на пороге дома. Шкуры стали

откидывать, дети заплакали. Мирьям услышала спокойный голос Онатарио: "Ничего не берите с собой, так идти будет легче".

Джон внезапно тронул ее за плечо. Мирьям сказала: "Я за Мэри. Кинжал у меня".

— Кинжал, — зло подумал Джон. "Тут ни одного мушкета нет, а у Меневы, слухи ходят, — их сотни. Ладно, справимся".

Он быстро, нежно пожал руку Мирьям. Шепнув: "Не бойтесь", — Джон вышел во двор, где индейцы, в свете факелов, проверяли луки.

Мэри, завернутая в парку, потерла кулачками глаза и капризно сказала: "Спать хочу! Ночь!". Мирьям оглянулась — над высокими, бревенчатыми стенами дома горели факелы, бросая багровые отсветы на снег.

— Вот они, — шепнула Гениси, указывая на темную полоску, что приближалась, пересекая белое пространство равнины на юге.

— Не сидите вместе, — Онатарио осторожно поднялась. "Разойдитесь по лесу, как другие. Потом встретимся".

Мирьям устроилась в гуще деревьев, покачивая дремлющую Мэри, и проводила глазами индианок. "Дойдем, — подумала она. "Даже если с деревней что-то случится, — дойдем. Одежду мы взяли, Джон охотиться умеет, и я тоже. Только бы Джон выжил, ему же пятнадцать лет, совсем мальчик. Только бы все выжили".

Лошади приближались. Мирьям, испуганно приставила ладонь к глазам: "Их же тут сотни, если не больше. И мушкеты у них, видно уже".

Стрелы разорвали темноту ночи, несколько всадников упало, раздались выстрелы. Мэри, проснувшись, заплакала. "Тише, тише..., - Мирьям погладила ее по голове. "Страшно, — пожаловалась девочка, глядя на Мирьям большими, набухшими слезами глазами. "Страшно, тетя Мирьям, громко очень".

— Там подземный ход есть, — зашептала Гениси, которая незаметно нырнула под ветви сосны. "К озеру. Отец знает, его еще давно вырыли, при деде нашем. Только отец не уйдет, не бросит воинов, — она посмотрела в сторону дома и коротко, горько вскрикнула.

Горящие стрелы, что пустили нападавшие, вонзились в деревянную крышу. Всадники скопились у ворот, до Мирьям донесся треск, створки рухнули и индейцы хлынули во двор.

— Отец, — Гениси плакала, смотря на пожар. "Там отец, Мирьям, там Джон — я не могу, не могу, надо пойти к ним".

— С ума сошла, — Мирьям дернула ее за руку. "Отползем подальше в лес, там не заметят. Где Онатарио?"

— С женщинами, — Гениси всхлипнула и спрятала лицо на плече у Мирьям. "Там никто не выживет, смотри, они стреляют по людям".

Дом пылал, столб огня и дыма поднимался в предрассветное, серое небо. Мирьям увидела темные фигуры на снегу. "Это Джон! — рванулась Гениси. "Я узнаю, узнаю!"

Человек махнул руками. Остановившись на месте, он упал лицом в снег. Гениси зарыдала, Мэри — тоже заплакала. Мирьям, сжала зубы: "В лес, и немедленно, ползи первая, я за тобой".

Уже вылезая из-под сосны, она оглянулась — дом догорал, обожженные стены тлели, пахло пепелищем и кровью. Снег вокруг был испещрен красными пятнами. Мирьям увидела, как индейцы стаскивают трупы к воротам.

Главарь, — высокий, крупный человек, в головном уборе из орлиных перьев, крикнул что-то. Воины стали бросать тела погибших в кострища.

Уже когда они были в глухом лесу, Гениси обернулась, и, вытерла слезы с лица: "Это ирокезы. Мы тоже — ирокезы, но мы всегда были мирными. Мы охотились, рыбачили, землю возделывали. А эти, — ее губы искривились, — только убивают. Они за припасами пришли".

— Значит, ограбят и дальше отправятся, — мрачно отозвалась Мирьям, неся Мэри, проваливаясь по колено в снег.

— Нет, — в полумраке лицо Гениси было будто маска, — застывшее, бледное. "Они еще нас будут искать, женщин. Они так всегда делают, забирают женщин и уходят".

— Тем более надо спрятаться, — Мирьям дернула углом рта: "Может, выжил все-таки кто-нибудь. Но даже если они убежали в подземный ход, — озеро подо льдом, никуда не уплыть. Господи, если это Джон был, то он быстро умер, не страдал. Даже и не понял, что случилось. Бедный мальчик".

Гениси прислушалась и велела: "Бежим! Они сюда едут, к лесу. Бежим быстрее!". "Куда? — вдруг спросила Мэри, подняв голову из парки.

— Далеко отсюда, — пробормотала Мирьям и услышала сзади звуки выстрелов.

Она пригнулась, и, выбежав на поляну, застыла — Онатарио лежала лицом вниз, в снегу. Мирьям услышала детский плач. С десяток связанных женщин стояло на коленях, всадники удерживали веревки. Мирьям, увидев кровь, что расплывалась рядом с головой Онатарио, горько шепнула: "Нет!"

— Менева! — крикнул кто-то из всадников. Мирьям почувствовала, как Гениси сжала ее руку — до боли. Раздался выстрел, кто-то из детей упал, одна из женщин отчаянно зарыдала. Гениси шепнула, еле шевелящимися, застывшими губами: "Он говорит, чтобы брали только молодых женщин и маленьких детей. Только он не ирокез, я слышу".

Мирьям обернулась. Закрывая Мэри, пряча ее, она увидела того высокого человека. Мужчина выехал на поляну, сопровождаемый всадниками, отсветы снега упали на его лицо. Мирьям, покачнувшись, спрятала Мэри у себя под паркой: "Нет!"

Менева спешился и подошел к ним. Гениси отступила, подняв руки. Вождь, указывая на нее, коротко что-то сказал. Один из воинов бросил лассо, и, потащил упавшую девушку по снегу, туда, где стояли другие женщины.

Его лицо было покрыто шрамами. Холодные, голубые глаза взглянули на Мирьям. Он, протянув руку, взял ее за подбородок: "Неожиданная встреча, мисс Горовиц. Я очень рад".

Кинтейл усмехнулся, увидев, как дрожат ее руки. Рванув парку, он услышал плач ребенка. "Ах, вот как, — протянул Кинтейл. "Дорогая дочь, ты должно быть, рада увидеть отца?"

Мэри замерла и крикнула: "Уйди! Плохой!"

Кинтейл ударил ее по лицу, разбив губу. Мужчина вытер кровь с руки: "Я тебя научу послушанию, черномазое отродье".

Он обернулся к воинам: "Эту женщину и ребенка я беру себе. Все, хватит тут болтаться, припасы мы забрали, пора и дальше, на запад".

Мэри горько рыдала. Мирьям шепнула ей: "Тише, тише, милая". Ее толкнули в спину и девушка вспомнила: "Кинжал. Надо спрятать, подальше. Если будет кинжал — я справлюсь. Надо справиться, ради Мэри".

Они прошли мимо пепелища. Мирьям услышала крик Гениси: "Отец!". Его тело лежало поверх горы трупов, пахло паленым мясом. Мирьям поняла: "Там совсем другие травы, на западе, я их не знаю. Господи, помоги нам". Гениси рванулась к разломанным воротам, натянув веревку. Кто-то из воинов ударил ее плетью по спине.

— Только привяжите, — распорядился Кинтейл, когда Мирьям и Мэри усадили в седло. Он наклонился к уху девушки и улыбнулся: "Теперь ты уже никуда от меня не денешься. Холланд, тот, с кем ты бежала — умер, ему в спину выстрелили, я видел. Как трусу, — Кинтейл расхохотался и махнул рукой: "Все по коням!"

Мирьям повернула мясо над огнем и посмотрела в угол вигвама. Мэри спала, вздрагивая, бормоча что-то. Мирьям, оглянувшись на прикрытый шкурами вход, осторожно достала с груди кинжал. Золотая рысь смотрела на нее изумрудными глазами. "Надо, — приказала себе Мирьям, — надо подождать весны и бежать. Зимой мы погибнем, не дойдем до гор. Если мы останемся тут, на озерах, можно раздобыть лодку. Рыбачить, собирать ягоды. Справимся. Надо просто дожить".

Мирьям опустилась на колени и вздрогнула. Он вошел неслышно. Наклонившись над ней, вождь взял ее за косу: "Знакомая безделушка. Правда, опасная, тем более у тебя в руках".

Кинтейл забрал клинок. Мирьям почувствовала, как лезвие щекочет ей шею. "Я хочу, чтобы ты поняла, — раздался сверху шепот. "Если ты будешь хорошо себе вести, — девка выживет, если нет — я ей голову топориком разрублю, на твоих глазах. Ясно?"

— Да, — тихо ответила Мирьям и скосила глаза. У него на поясе болтались высохшие скальпы. Она увидела среди темных волос светлые пряди, и ощутила, как к горлу подступает тошнота. Кинтейл рассмеялся и ткнул ее лицом в светлый скальп: "Узнаешь? Это был мой первый".

— Нет! — подумала Мирьям. "Нет, я не верю, не может этого быть!". Она зарыдала — беззвучно, согнувшись. Кинтейл задумчиво добавил: "Капитан Хаим Горовиц. Он плакал перед смертью, как женщина. Слабак. Ну что сидишь, — Кинтейл рванул ее за косу, — корми меня".

Она сидела, не поднимая глаз: "Девушка…, Дочь вождя, Гениси. Мы вместе были. Что с ней?"

Кинтейл бросил ей кости. Откинувшись на шкуру, он рассмеялся: "Делает воинов. Приберись, и займемся тем же самым".

Мирьям вышла из вигвама. Рухнув на колени, она посмотрела на бесконечное небо, и, хватая ртом морозный воздух, шепнула: "Господи, ну дай ты мне сил! Пожалуйста, я прошу тебя! Ради Мэри, — мне надо выжить. Господи, братик мой…, - девушка окунула руки в снег. Окинув взглядом, ряды вигвамов, Мирьям вытерла лицо. Поднявшись, она шагнула внутрь.

Она лежала, не шевелясь. Кинтейл недовольно хмыкнул: "Ты что, под всеми индейцами в деревне повалялась? В добавление к тем солдатам, что тебя в лагере навещали. Давай, — он приостановился и хлестнул ее по щеке, — двигайся".

— Джон мне не сказал, — горько подумала Мирьям. "Значит, оно — могло и не от него быть. Спасибо хоть за это". В свете костра его глаза блестели злым огнем. "Очень хорошо, — Кинтейл тяжело задышал, — от нее будут белые дети. Девку эту потом пристрою, замуж отдам за кого-то из союзников. Незачем в Англию возвращаться, тут столько земли и золота, что можно стать сильнее всех вождей. Весной пойдем дальше на запад".

— Родишь мне сыновей, — сказал он, наконец, скатившись с нее. "Воды принеси, и пошла вон. Спи с девкой. Утром я тебя позову".

Мирьям легла, прижимая к себе Мэри. Тихо, одними губами, девушка запела:

Durme, durme
mi alma donzella
durme, durme
sin ansia y dolor.

— Без горя и несчастий, — попросила она, стараясь не зарыдать перехваченным, стиснутым слезами горлом. Мэри посопела. Найдя ее руку, она вложила в ладонь Мирьям детские, нежные пальцы. Девушка поцеловала их и замерла, слушая вой ветра за стенами вигвама.

Интерлюдия

Иерусалим, декабрь 1777 года

На камнях узкой улицы блестел иней. Двое мужчин — повыше и пониже, шли рядом. Степан, вскинув голову в небо, посмотрел на медленно бледнеющие звезды: "Вот и все".

— Это только начало, — будто услышав его, усмехнулся Исаак Судаков. Он остановился перед темным проемом, ведущим куда-то вниз. "Это здесь, — он положил руку на плечо Степану: "Там тебя уже ждут, я тут постою. Потом на молитву пойдем".

Степан нагнул голову. Спускаясь по узким ступенькам, он, на мгновение, остановился. "Федя так и не написал. Где его искать теперь, где Ханеле искать? Я ничего не вижу — только что-то мутное перед глазами. Два годика ей, совсем дитя. Девочка моя. А если Федя не понял, — он помотал головой. "Он же мой брат, все равно, даже сейчас, и всегда будет моим братом. Он не такой, нет".

Вода была обжигающе холодной. Степан подумал: "Правильно. Как будто заново рождаешься. Господи, как хорошо. Дома, я дома".

Когда он вышел наружу, Исаак, что стоял, прислонившись к стене, опустив веки, — облегченно вздохнул. "Что такое? — озабоченно спросил Степан.

Мужчина помолчал. Встряхнув темноволосой, в седине головой, он ласково ответил: "Все хорошо, сыночек, все хорошо. Пойдем".

— Это не он, — подумал Исаак, спускаясь вниз по крутой улице. "Я понял, только сейчас, Тот, настоящий, далеко, очень далеко. Тридцать шестой. Один, без семьи, без детей. Значит, — он посмотрел на прямую спину Степана, — я ошибся. Все было так, как надо, с самого начала. Он

просто был очень далеко. Ну что ж, я тоже ошибаюсь. А теперь все в порядке, его нашли. Тридцать шесть, их всегда тридцать шесть. Славьте Бога, ибо Он благ, ибо бесконечна милость Его".

Когда они уже подходили к синагоге, Исаак сказал: "Ты, конечно, со стройки не отпросился, даже на сегодня".

Степан покраснел, и, пробормотал: "Так за новую комнату же теперь дороже платить надо, раз она больше".

— Мальчик, мальчик, — вздохнул Исаак, заходя в молельный зал. "И так — до рассвета встает, после молитвы — сразу на работу, потом учится, и ложится уже за полночь. Ничего, у него хорошая жена будет, такая, как надо, как сказано: "Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности". Дочь свою хвалю, — он усмехнулся и тихо сказал Степану, берясь за молитвенник: "К Торе сегодня тебя вызовут, Авраам, сын Авраама".

Золотистые, длинные ресницы дрогнули. Степан неслышно спросил: "Можно уже?"

— Ты же сегодня вечером женишься, — Исаак улыбнулся. "Так положено".

— Дождалась девочка, — нежно подумал Исаак, поднимаясь, кланяясь свитку Торы, что несли по залу. "Почему же мне так, — мужчина задумался, — так не по себе? Следующим годом уже внука увижу, или внучку. Судаковых, мальчик сказал, что под нашей фамилией будет. Все хорошо, все хорошо, — успокаивал себя Исаак, чувствуя спиной холод — будто чьи-то глаза смотрели на него — пристальные, прозрачно-серые.

— Он видел, — понял Судаков. "Видел Ханеле. Но амулета у него нет — я бы почувствовал. Не посмел забрать, значит. Боится. Я его сильнее, и он это знает. Но я ведь обещал, поклялся — не заниматься таким. Это запрещено, и я не буду преступать закон".

За низким, прикрытым деревянными ставнями, окном синагоги, — задул резкий, порывистый, горный ветер. Судаков, поежившись, услышав, как ведущий молитву, нараспев, произносит его имя, — взошел на возвышение.

— Белый огонь на черном огне, — он вгляделся в причудливые, изогнутые буквы в свитке. "Как сказано: "И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня". Бурный ветер шел от севера, — повторил Исаак, и, прикоснувшись к свитку кистями талита, — начал читать.

Хупа стояла во дворе ешивы — простой, бархатный, с истершейся, золоченой вышивкой балдахин. Степан осторожно взял руку Леи, — она была в скромном, светлом, платье, лицо было закрыто непрозрачной фатой. Надев ей кольцо, повторив знакомые слова, он шепнул: "Я так люблю тебя!"

— Я тоже, — услышал он нежный голос. Приняв от тестя бокал вина, отпив, он подумал: "И за что мне такое счастье? Она ведь ждала меня все это время, да и кто я такой — простой каменщик, калека, в подвале живу. Исаак меня хвалит, правда, на занятиях — но я ведь еще только начал учиться, два года всего прошло. Еще вся жизнь впереди".

Он наступил на стакан, завернутый в салфетку и, услышав хруст — внезапно улыбнулся. "Мазл тов! — закричали собравшиеся вокруг. Лея, откинув фату, глядя в его серые глаза, вдруг заплакала.

— Ты что? — Степан испугался. "Что случилось, милая?"

— Не обращай внимания, — она вытерла белые, зарумянившиеся щеки. "Я так счастлива, так счастлива, что и сказать нельзя. Пойдем, — она кивнула, — мы с женщинами весь день готовили, хотя стол небогатый, конечно. Ты же постился, да и я тоже, — она весело добавила: "Есть хочется".

— Небогатый, — мрачно повторил Степан, садясь рядом с женой. "Собираем деньги, конечно, у тех, кто в Европе живет. Да у них тоже — свои беды. А наши, — он обвел глазами учеников ешивы, — сапожники, плотники, на рынке торгуют. Я каменщик. Много ли заработаешь? Если бы турки нам разрешили землю покупать…, Да и земля тут — каменистая, неплодородная. Хотя, если взяться за нее как следует…, - он нашел под столом теплую руку Леи: "Завтра мне на стройку, а потом — Шабат, никуда не пойду, только в синагогу, и погуляем с тобой".

— Хорошо, — она нежно погладила его жесткую, с мозолями ладонь. Степан покосился на свою искалеченную, правую руку и вздохнул.

— Я люблю тебя, — ее губы были совсем рядом. "И буду любить всегда".

— Всегда, — сказал себе Степан, так и держа ее за пальцы. "Никогда, никогда я ее не обижу, ни единым словом".

Когда спели благословение после еды, Исаак, поманив к себе зятя, велел: "Хватит вам тут сидеть. Три поворота, и вы уже дома. Бегите, завтра утром на молитве увидимся. И ты, Лея, — он улыбнулся дочери, — курицу возьми, халы. Хоть в первый день после свадьбы к очагу не надо будет вставать".

Лея тихо рассмеялась: "Все равно придется, мне с утра к старикам своим идти, а потом к тебе, папа, — на Субботу готовить".

— Один остаюсь, — Исаак посмотрел вслед изящной, укрытой платком голове дочери. "Не захотел мальчик ко мне переезжать, ну и правильно. Надо самим жить. Недалеко от меня, конечно, да мы и так — каждый день встречаемся".

Дверь на улицу заскрипела, выпуская Степана и Лею, по ногам ударило холодным воздухом. Исаак пробормотал: "Бурный ветер шел от севера. Господи, отведи ты от нас все беды и несчастья, прошу тебя. Тридцать шесть их, тридцать шесть, все стало так, как надо".

Степан чиркнул кресалом, и, зажигая свечи, смущенно сказал: "Вот. Самое лучшее, что за мои деньги было. Тут колодец во дворе, и очаг за этой стеной — я ее сам выложил, чтобы в комнату не чадило. Получилась кухня, только маленькая".

— Это ничего, — ласково улыбнулась Лея, заглядывая в крохотную, — едва повернешься, — каморку. "Очень удобно будет. И мебель ты всю сам сделал! — ахнула она, оглядывая две кровати в разных углах комнаты, крепкий, большой стол и книги, что стояли на полках, прикрытые холщовой занавеской. "А как же, с одной рукой? — она нежно коснулась его протеза.

— Уже наловчился, — Степан наклонился и медленно, нежно поцеловал ее: "Колыбель потом за ширму поставим, и там же Ханеле поселим. Но вообще, — он стал расстегивать маленькие пуговицы на ее платье, — мы когда-нибудь переедем в большой дом, я тебе обещаю. Я заработаю".

— Я тоже, — Лея стала расплетать косы, — тоже — швейную работу уже взяла, завтра по заказчицам пойду. Надо свечи погасить, — она отступила. "Так нельзя, при свете".

Степан рассмеялся, и, не отрываясь от нее, сказал "Ну хорошо". В щель между ставнями просвечивала луна, он шептал ей что-то неразборчивое, нежное. Лея испуганно подумала: "Я же не знаю ничего. Эта женщина, жена раввина, так непонятно говорила, а спросить было стыдно. Не знаю, что мне делать".

— Ничего не надо, — услышала она голос мужа. "Ты такая красивая, такая красивая, любовь моя..., Просто обними меня, — Степан стал осторожно снимать с нее глухую, длинную рубашку.

— Так нельзя, — вспомнила Лея. "Только до пояса, и все". Она приподняла подол, и, почувствовав его теплую, сильную руку, — застонала. "Как хорошо, — она прикусила губу и, приподнявшись, попросила: "Еще!"

— Дай мне тобой полюбоваться, — мягко попросил Степан. "Пожалуйста, мудрецы ведь разрешили".

Лея густо покраснела и едва слышно сказала: "Только под одеялом, иначе нескромно".

— Конечно, — он привлек ее к себе — жаркую, горячую. Целуя высокую, большую грудь, Степан тихо проговорил: "Если будет больно, сразу скажи, милая. Пожалуйста. Я так люблю тебя, так люблю..."

— Вот, — подумала Лея, чувствуя слезы у себя на лице. "Он так ласково все делает, почти не больно..." Он прикоснулся губами к ее глазам: "Еще чуть-чуть, я очень, очень осторожно".

— Хорошо, как хорошо, — девушка вскрикнула и прижала к себе мужа. "Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и станут они одной плотью, — вспомнил Степан. "Да, так оно и есть".

— Я тебя люблю, — услышала Лея, и, обнимая его, плача, шепнула: "Да!"

— Теперь и трогать ее нельзя, — подумал Степан потом, целуя белую шею. "Четыре дня, пока она в микву не окунется. И мне завтра тоже надо сходить, еще перед молитвой".

— Счастье мое, — он оторвался от жены, и, поднявшись, омывая руки, грустно вздохнул: "Ну что же делать". С ее кровати донесся нежный голос: "Так хорошо, милый мой, я даже не думала..."

Степан вспомнил огромную, под балдахином кровать, ее раздвинутые, стройные ноги, влажную бесконечную сладость. Она, потянув его к себе, царапая спину, разметав по подушкам черные волосы, — сладко, громко кричала.

— Нельзя, нельзя, — велел себе он. Уже лежа в постели, Степан улыбнулся: "Я люблю тебя, счастье мое. Спи спокойно".

— Я тоже, — зевая, пробормотала Лея и устроилась удобнее: "У нас будут дети. Много детей. Ничего, мы заработаем, справимся. Как хорошо".

Она быстро заснула. Степан, глядя в низкий, каменный потолок комнаты, шепча молитву — все не мог задремать. Он боялся увидеть перед собой серые, дымные, блестевшие в свете свечей

mir-knigi.org

глаза, той, другой, боялся услышать ту музыку, что ушла вместе с ней — навсегда.

Часть восьмая

Северная Америка, весна 1778 года

Виргиния

— Уважаемый мистер Бромли, прошу вас внести следующие изменения в мое завещание:

Все мое имущество, движимое и недвижимое, включая земли, и рабов, после моей смерти переходит моему внуку, Теодору Бенджамин-Вулфу, а также другим детям мужского пола от моего сына, Мэтью Бенджамин-Вулфа, буде таковые появятся на свет. При этом, мой старший внук, Теодор Бенджамин-Вулф, получает половину всего моего имущества, а остальное распределяется в равных долях, между вышеуказанными детьми.

В случае моей смерти, опекуном над моими имениями до совершеннолетия детей я назначаю мою невестку, Марту Бенджамин-Вулф, и выделяю ей денежное содержание в размере, тысячи фунтов в год.

Также прошу дополнить завещание следующим параграфом:

Я признаю свою дочь, Тео Бенджамин-Вулф, законнорожденной, и назначаю ей денежное содержание в размере, трехсот фунтов в год — пожизненно.

Счет за ваши услуги, как обычно, направьте управляющему моим вкладом в Банке Англии.

Искренне ваш,

Дэвид Бенджамин-Вулф

Дэвид размашисто расписался. Отложив перо, нагрев сургуч, мужчина поставил свою печать.

— Теперь все будет хорошо, — смешливо сказал он, сворачивая лист бумаги, кладя его в конверт.

— Томми, — он хлопнул в ладоши. Негр, незаметно появившись из-за спины Дэвида, подставил серебряный поднос. "Чтобы завтра вечером было на корабле, — сердито велел Дэвид. "Пошли гонца в Вильямсбург и приготовь мне охотничий костюм. Пусть оседлают Фламбе. Когда я вернусь, то приму ванну".

— А потом за стол, и в постель, — Дэвид потянулся за сигарой и тут же отложил ее. "Деда! — раздался с порога веселый крик. "Деда!"

— Ах, ты мой сладкий, — Дэвид присел и ворчливо велел мамаше Перл, что держала мальчика — толстенького, кудрявого, — на помочах: "Отпусти его, он мужчина, ничего страшного, если упадет".

Он осмотрел бархатные панталоны и курточку мальчика. Пощекотав его, вдохнув запах молока, Дэвид рассмеялся: "Как ты погулял? В грязи, вижу, не валялся"

— Кони, — восторженно сказал Теодор, обнимая мужчину. "Большие кони!"

— Видел, как Фламбе с потомством прогуливали, — Дэвид взял мальчика за руки и стал ходить

с ним по кабинету. "Когда тебе будет три годика, купим тебе пони, мой хороший. Я буду учить тебя верховой езде. И пистолет куплю".

— Бах! — радостно сказал Теодор, склонив набок каштановую голову. "Он, конечно, на этого паралитика, как две капли воды похож, — вздохнул про себя Дэвид. "Ладно, тому недолго жить осталось. Марта родила, и в следующем году опять родит, тут уж я постараюсь. Она теперь никуда от меня не денется, детей она не бросит. Вот и славно".

— А сейчас, — он подхватил дитя и взглянул в синие глазки, — маленькому Теодору надо кушать и спать! Крепко и сладко, мой хороший.

Дэвид поцеловал прохладную, мягкую щечку: "Пристегивай свои помочи, хотя он отлично ходит, а ведь только год ему".

— Деда! — помахал ручкой Теодор, и Дэвид, закрыл дверь:

— Отцом он меня никогда не назовет. Тео тоже — когда маленькая была, я смотрел на нее и ждал: "Вдруг пролепечет: "Папа!". Хотя откуда бы ей знать тогда было. А сейчас узнает, если Бромли ее найдет, на что надежды мало. И что Мэтью ей брат — тоже узнает.

— Хватит, надоело, — он поморщился, — покрывать его художества. Я ведь ему сказал: "У тебя есть дом, уединенный, чем хочешь там, и занимайся. Но не на людях, не в университете". Забил этого негритенка, Джимми — до смерти. Никто и брови не поднял, — черный есть черный, но сегодня черный, а завтра белый. Пусть едет в Старый Свет, подальше отсюда".

Он прошел в опочивальню. Томми, помогая ему переодеться, сказал: "Гонец уже скачет в Вильямсбург, мистер Дэвид".

— Хорошо, — он оправил куртку и велел слуге: "Передай повару, пусть на ужин приготовит лобстера, а из погреба надо достать две бутылки белого бордо. Если будет недостаточно холодное, как в прошлый раз, кое-кому плетей не миновать. И устриц, две дюжины. Где миссис Марта?"

— Читает своему батюшке, — Томми распахнул перед хозяином высокую, дубовую дверь. Дэвид усмехнулся: "Ладно, пусть читает. Потом скажи ей, что мы вместе ужинаем".

Он вскинул черноволосую, чуть тронутую сединой голову. Спускаясь по мраморной лестнице, садясь на Фламбе, плантатор задорно подумал: "Я двадцатилетним фору дам, хоть мне и шестой десяток идет. Охочусь каждый день, — он принял от надсмотрщика дробовик. Нагнувшись, Дэвид услышал шепот: "Мы их к деревьям привязали, по вашему выстрелу загонщики снимут веревки. Там эта девчонка, с ногой сломанной, и еще трое".

— Очень хорошо, — Дэвид потрепал его по плечу. Жмурясь от яркого, весеннего солнца, он выехал в ворота.

Марта закрыла "Старого английского барона" Клары Рив и восторженно сказала: "Вот, если бы я могла так писать, папа!"

Рука задвигалась по таблице. Марта прочла: "Хорошо, да. Но я уверен — в математике ты сильнее".

Девушка усмехнулась: "Мистер Дэвид это тоже понял, все счетные книги теперь я проверяю".

Она отложила книгу. Заперев дверь отцовской комнаты на ключ, Марта достала из гардероба орехового дерева неумело сделанный костыль.

— Как могла, — вздохнула Марта, помогая отцу подняться из кресла. "Опасно было кому-то поручать, даже Томми. Очень хорошо, папа, — она подставила отцу свое плечо. "К лету ты у меня будешь сам ходить, обещаю".

Он подволакивал левую ногу, но правая, — Марта взглянула вниз, — двигалась отлично. Достав платок, она потянулась и стерла пот со лба отца. "Еще немножко, — настойчиво сказала Марта. "Потом Томми тебя помоет, и ляжешь в постель. Я приведу Теодора, поиграете с ним".

— Маленький, — нежно подумал мужчина. "Он так на меня похож, одно лицо. Даже не верится, что он сын этого мерзавца. Ничего, скоро с ними будет покончено".

— Отлично, — Марта усадила отца в кресло. Положив перед ним таблицу, она горько подумала: "Левая сторона тела так и не оправилась. И он не говорит, совсем ничего. Ах, папа, папа…, Но сдаваться нельзя, он выздоровеет, непременно".

— Когда в Вильямсбург? — она следила за пальцем отца.

— На следующей неделе, — вздохнула Марта. "Доктор Макдональд нас привьет от оспы — меня и маленького". На лице дочери заиграла легкая улыбка. Теодор опять задвигал рукой: "А Мэтью?"

— Он привит, — Марта сжала губы в тонкую линию. "Макдональд просмотрел архивы своего предшественника. Я сделала вид, что беспокоюсь за мужа — не заразится ли он, — девушка усмехнулась: "С ним я что-нибудь придумаю, не беспокойся".

— А ты уверена, что Дэвид не привит? — голубые глаза отца взглянули на нее.

— Он сказал, что нет, — сжав зубы, ответила Марта. "И я его ненароком навела на разговор — он считает прививки шарлатанством. У нас оспа будет проходить в легкой форме, он и не догадается, что это такое, подумает — простыли. Ну, все, — она вздохнула. Убрав костыль с таблицей, Марта поцеловала отца в лоб: "Пойду к маленькому, он уже, и проснуться должен был".

Мужчина услышал шуршание ее шелковых юбок: "Господи, бедная девочка. Так рискует, каждый день. Если этот мерзавец узнает, что я уже хожу, что мы с Мартой переговариваемся, — он ее пристрелить может. И меня тоже, конечно. Скоро он за все заплатит".

Теодор закрыл глаза и услышал ласковый голос Томми: "Сейчас примем ванну, а потом я вас переодену, и покормлю!"

— Скорей бы встать, — зло подумал Теодор. "Скорей бы взять пистолет в руки".

В свете свечей изумруды на ее шее играли травяными, веселыми огоньками.

— Тебе очень идет, — Дэвид, развалившись на постели, осматривал девушку. Бронзовые, распущенные волосы закрывали ее до круглых, белых колен. "Леди Годива, — вспомнил Дэвид и поманил ее к себе. "Тебе есть, чем заняться, — сказал он, вдыхая запах жасмина, гладя ее по стройной спине. "Ты как будто не рожала, такая же худая, — он выпустил на нее клуб дыма. Откинувшись на спину, почувствовав ее губы, он рассмеялся: "Не зря я такой ужин заказал. До

утра будешь трудиться, милая невестка".

Он лежал, закинув руки за голову, вспоминая кровь, брызнувшую из простреленной ноги чернокожей девчонки и ее отчаянный крик: "Не надо, хозяин, прошу вас, пощадите!". "Одна нога сломана, в другой рана, и все равно на руках уползти пыталась. Это пока я ей в спину дробью не попал, конечно".

Дэвид раздул ноздри. Рванув девушку к себе, перевернув ее на спину, он шепнул: "К лету опять будешь с ребенком, обещаю".

Зеленые, большие глаза взглянули на него, и он услышал: "Хорошо". Дэвид укусил белоснежную щиколотку, что лежала у него на плече. Прижав ее к постели, слыша ее стон, он усмехнулся: "Я же сказал, давно еще — тебе понравится. И видишь, был прав".

Она помотала растрепанной головой по шелковым подушкам, но так и не опустила веки — смотря на него, — неотрывно, пристально, не отводя глаз.

Вильямсбург

— Дорогой Мэтью! Как мы и договаривались — осенью жду вас в Лондоне. Прилагаю адрес, по которому вам надо будет появиться, на Ладгейт-Хилл. Привратнику скажете, что вы пришли к мистеру Джону. Квартира в Париже вам будет готова. Не забудьте взять рекомендации у руководства вашей масонской ложи — хотя она еще официально не встречается, но во Франции вам придется близко работать с теми людьми, которые входят в ложу "Девяти Сестер". Поздравляю вас с получением диплома, искренне ваш, Джон.

Мэтью отложил шифровальную таблицу. Хмыкнув, повертев в руках золотую булавку с наугольником и циркулем, он бросил письмо в камин. Юноша посмотрел на пламя: "Отплыву из Бостона, заодно выясню, что там с Тео случилось. На севере эти патриоты хорошо дело поставили — все французские корабли сопровождаются их военным конвоем".

В дверь робко постучали. Подросток, негр, просунул в дверь кудрявую голову: "Мистер Мэтью, ваш батюшка".

Дэвид, отодвинув мальчика, появился на пороге: "Дорогой мой адвокат! Ну что, завтра услышим твое выступление?"

— Как лучшего студента курса, папа, — Мэтью обнял отца, вдыхая запах табака и кельнской воды. "Две речи, — он показал на стопку бумаг, аккуратно сложенную на столе, — одна на латыни, другая на английском. О Цицероне и о монархии, как наилучшем способе управления государством".

— И пусть эти демократы заткнутся, — пробурчал Дэвид. Опустившись в кресло, щелкнув пальцами, он велел слуге: "Забери там, у Томми две бутылки бургундского, паштеты всякие — накрой на стол, мы с мистером Мэтью перекусим".

Ореховые, красивые глаза Мэтью оглядели отца: "Тебе как будто сорок, папа. Даже меньше. Это деревенский воздух, я уверен".

— Только седею, — Дэвид коснулся короткой, ухоженной бороды. "Да, — он подмигнул сыну, — охота, прогулки верхом, и кое-что другое. Завтра после церемонии я заказал столик в этой вашей таверне Рэли, хоть с сыном своим побудешь немного, — отец усмехнулся, — ради приличия. И переночуй у нас, на постоялом дворе. Твоя жена скоро с ребенком окажется, надо

же, чтобы он откуда-то появился, — мужчины расхохотались. Мэтью добавил: "Я отплываю из Бостона, папа. Надо будет перед этим там, в горах, все в порядок привести. Я сам это сделаю, приеду домой напоследок, семью навестить, — Мэтью поднял бровь.

— Говорить или не говорить о завещании? — спросил себя Дэвид, разливая вино. "Не буду. Я, может быть, еще его переживу. Ни к чему это".

Он поднял бокал: "За тебя, дорогой мой, за моего сына и наследника!"

Тонкие губы Мэтью улыбнулись. Он, чокаясь с отцом, вздохнул: "А что ты тогда за письмо в Лондон отправил, папа? Да еще и на военном корабле, чтобы уж наверняка. Правильно я сделал, что со всеми британцами тут подружился. Капитан Картер мне и проговорился, за обедом. Послание для Бромли, твоего стряпчего. Приеду в Англию и узнаю".

— Твой тесть, — Дэвид рассмеялся, подняв серебряный нож, — думаю, до Рождества протянет, а дальше — нет. Нам он больше ни к чему, — мужчина стал точными, изящными движениями резать мясо.

— А как? — поинтересовался Мэтью, накручивая на нежный палец золотой локон. "Задушишь?"

— Опасно, — Дэвид прожевал. "Томми мне доносит, что у мистера Теодора правая кисть начала двигаться. Сам понимаешь, нет ничего проще, чем оставить в его комнате шкатулку с пистолетами. Паралитик застрелился, не в силах нести бремя своей болезни. Случается сплошь и рядом, — Дэвид вытер губы салфеткой и вытащил зубочистку.

Мэтью закинул руки за голову: "Мне кажется, мышьяк лучше. Расстройство желудка, от него многие умирают".

— Он ест с моего стола, — возразил Дэвид, — будет подозрительно, если ему вдруг приготовят что-то отдельное. Тем более, если я закажу что-нибудь у вашего кондитера, тут, в Вильямсбурге. К тому же, — он потянулся, — в имении никогда крыс не было, зачем мне мышьяк? Нет, — он помотал черноволосой головой, — самоубийство лучше, никто не будет совать свой нос, интересоваться…

— Например, моя жена, — спокойно сказал Мэтью, разглядывая свои ногти. "Ты же тоже — собирался от нее избавиться, папа".

— Отличное у него самообладание все-таки, — Мэтью посмотрел на отца из-под длинных, темных ресниц. "Другой бы хоть покраснел, бороду погладил, а этот — как будто я ничего и не сказал".

— Вот родит второго сына, — тогда избавлюсь, — спокойно отозвался отец. "Несчастный случай, пожар, например. Или лодка перевернется, как встарь, — он улыбнулся и поднялся: "У меня еще деловые свидания. Завтра утром увидимся, милый. Храни тебя Господь, — Дэвид перекрестил его и поцеловал высокий, белый лоб.

— И тебя, папа, — улыбнулся Мэтью.

Он подошел к окну и зло пробормотал, глядя на то, как отец ловко садится в седло:

— Он еще три десятка лет протянет! Мерзавец, врет и даже глазом не моргнет. Собирается жить с Мартой до тех пор, пока его самого удар не хватит. Надо об этом позаботиться, — следующим летом, скажем, — Мэтью оглянулся на дверь спальни и достал шкатулку. Отпив из

бутылочки темного стекла, он подождал, пока дрожь в руках прекратится: "Посмотрим, как оно сложится".

Мэтью лег на постель и одними губами прошептал: "Тео…". Он перевернулся, закусив зубами подушку:

— В Бостоне. В Бостоне постараюсь разузнать, что с ней. Дэниел, я слышал, ушел из армии, занимается подготовкой мирного договора с этими индейцами, ленапе. Говорят, он писал то соглашение, которое патриоты с французами заключили, в Париже. Юрист, — Мэтью выругался и вдруг поднял голову: "А если отец все ему оставил? Черт его знает. Папе все, что угодно могло в голову прийти. Ладно, сначала надо добраться до Лондона".

Мэтью поднялся и, закрыл дверь. Раздевшись, юноша оскалил зубы — она стояла перед ним, смуглая, высокая, выше него. Ее темные, тяжелые волосы падали на стройные плечи, от нее пахло розами. Тео, подняв голову, посмотрела на него — кровавыми ямами на месте глаз.

— Забью до смерти, — пообещал ей Мэтью, прикасаясь к себе. "Это только начало, дорогая рабыня". Он опустился в кресло, раздвинув ноги, и велел ей: "На колени!".

— Вот так, — сказал Мэтью, ковыряясь пальцем в ее ранах. "Скажи, что тебе хорошо, милая".

— Хорошо, — услышал он ее стон, и, тяжело дыша, — удовлетворенно улыбнулся.

Марта посадила сына на бархатную кушетку: "Сейчас доктор Макдональд тебе поцарапает ручку, но ты, же смелый мальчик, и не будешь плакать?"

— Не, — Тедди помотал головой, и указал на мать: "Как ты!"

— Совсем просто, — подумала Марта. "Надрез между большим и указательным пальцами, у меня — она посмотрела на нежную, в кольцах руку, — уже и не видно ничего. А Мэтью и Дэниела, наверное, их мать привила, раз Дэвид против этого".

— Вот так, Тедди, — доктор Макдональд протирал пальчики ребенка смоченным в водке холстом. "Ты и не почувствуешь ничего, милый. Говорят, — он взял скальпель, — генерал Вашингтон приказал сделать прививки всем солдатам и офицерам Континентальной Армии, тем, кто не переболел оспой. Очень разумно. Вы вовремя пришли, — он быстро сделал надрез. Тедди, выпятив губу, насупившись, — промолчал.

— Молодец, милый, — ласково сказала девушка. "Почему вовремя, доктор Макдональд? — недоуменно спросила она.

— Потому, — врач промокнул кровь на руке ребенка и взял пробирку, — что позавчера в городе трое заболели оспой, а вчера еще двое, слуги в таверне Рэли. Мы их изолировали, разумеется, — но, — Макдональд опустил пинцет с кусочком ткани в пробирку, — ты, же знаешь, она по воздуху передается. Вот и все, — он потер надрез тканью, и потрепал Теодора по голове.

Дав ему леденец, Макдональд, поднявшись, добавил:

— Некоторые врачи надрезают предплечье, но, я считаю, между пальцев — легче. В Старом Свете стали использовать для прививок содержимое пустул от коровьей оспы, так безопаснее. У нас тут ее нет, так, что придется вам неделю потерпеть — жар, и так далее. Лучше уезжайте

в поместье. Пусть там за вами ухаживает кто-нибудь переболевший.

— Обязательно, — Марта расплатилась. Она подхватила на руки сына: "Дэвид велел мне Тедди в таверну не приводить, сказал — у церкви встретимся. Как знал. Господи, и вправду — Ты без промаха бьешь".

— Спасибо вам, — тихо сказала Марта. "Мы пойдем. Помаши доктору ручкой, Тедди, попрощайся".

Макдональд прислонился к двери своего дома, глядя на то, как девушка садится в карету. "Прекрасный малыш, — пробормотал он, — просто кровь с молоком. И говорит очень бойко, для своего возраста".

Карета отъехала, и он увидел негра, что бежал по улице. "Доктор! Доктор! — помахал рукой чернокожий. "Скорее, пожалуйста!"

— Шестой, — зло пробормотал Макдональд, забирая с комода свой саквояж. "Это еще не эпидемия, конечно, но, чувствую, нам ее не миновать".

Он одернул сюртук. Заперев дверь, врач пошел к негру, что стоял, тяжело дыша, у калитки.

Дэвид разрезал зайца. Накладывая на фарфоровую тарелку сочное, пропеченное мясо, он сказал: "Отличная речь, что одна, что другая. Отменная у тебя латынь. Впрочем, она сейчас разве что ученым нужна, да и то, — даже они почти ей не пользуются".

Слуга, что стоял сзади с двумя бутылками вина в руках, звонко чихнул. Юноша смущенно заметил: "Простите, ваша милость, сенная лихорадка".

— Так дай мне выбрать, — расхохотался плантатор, — и отправляйся болеть в другом месте. Слуга наполнил бокалы. Закашлявшись, он пробормотал: "Не могу понять, что случилось".

— Ты же сказал, сенная лихорадка, — удивился Дэвид, отпивая по очереди из обоих бокалов. "Вот этого, две бутылки, — указал он.

В таверне было шумно, слоями висел сизый табачный дым. Дэвид, откусив кончик сигары, выплюнул его на пол: "Жена твоя по лавкам пошла, я ей велел Тедди к церкви привести, тут все-таки курят, и народу слишком много".

— А при нас он курил, я же помню, — Мэтью принял от слуги открытые бутылки и поморщился: "Сколько можно чихать. Пусть хозяин тебя отпустит, ложись в постель".

— День сегодня хороший, — Дэвид откинулся на спинку кресла, — погуляем вволю. Это что еще такое? — он взглянул в раскрытое окно и нахмурился: "Наряд британских солдат, с чего бы это? Господа, — смешливо, громко спросил Дэвид, — признавайтесь, кто тут из нас шпион патриотов?

— Шпион патриотов, — вспомнил он. "Как тот капитан Горовиц, погибший. Индейцы ему скальп сняли, туда ему и дорога. А лорд Кинтейл пропал, ушел в леса, и не вернулся. Должно быть, тоже убили его".

Посетители дружно расхохотались. Британский офицер, что стоял на пороге, холодно сказал: "По распоряжению начальника гарнизона всем, кто посещал таверну Рэли, предписывается

проследовать в карантин. В городе оспа, господа".

Дэвид спокойно вытер губы салфеткой: "Дайте уж доесть, капитан. Мы только вторую бутылку бургундского вина открыли".

Офицер что-то пробурчал. Дэвид, взглянул на сына: "Тебе волноваться нечего, мать твоя покойная в свое время настояла на прививке. Как по мне, так все это ерунда. Сейчас расплатимся, и я посажу Марту с Тедди в карету, пусть едут домой".

— Но мне к ним подходить нельзя, — Дэвид положил серебро на счет и поднялся. "Мало ли что. Я, конечно, не заболею, но следует быть осторожным".

— Пошли, — подтолкнул он сына, — я хоть внуку своему рукой помашу. Забеги на постоялый двор, вели карете трогаться, я буду ждать у церкви.

Дэвид увидел невестку издали, — она сидела, скинув чепец, на зеленой, сочной траве лужайки, шелковые, пышные, светлые юбки лежали вокруг нее, на спину падали бронзовые косы. Тедди ковылял вокруг нее. Она, раскинув руки, смеясь, попросила: "Ну, иди к маме, мой милый!"

Мальчик вбежал в ее объятья и прижался каштановой головой к плечу.

Дэвид глубоко вздохнул. Прислонившись к ограде, он позвал: "Марта!". "Тридцать футов, — прикинул он. "Безопасно".

— Не подходи ко мне, — велел мужчина. "Слушай внимательно и не перебивай. В городе оспа, мы с Мэтью сейчас будем сидеть в карантине. Он послал сюда карету, тебя выпустят, не волнуйся. Отправляйся в имение, я через неделю вернусь".

Тедди увидел его. Помахав ручкой, он крикнул: "Деда! Сюда!"

— Скоро приеду, и пойдем с тобой гулять, мой хороший, — пообещал Дэвид. Мальчик скривил губки, и грустно сказал: "Деда, к тебе".

— Обязательно, малыш, — Дэвид посмотрел на стройную, невысокую фигуру невестки и внезапно добавил: "Запомни, на всякий случай — Бромли и сыновья, Лондон, Треднидл-стрит. Это мой стряпчий, у него завещание. Деньги в шкапу в моем кабинете, держи ключ, — Дэвид снял его с цепочки для часов и положил на траву. Все, — он обернулся, — езжайте".

Марта так и не сказала ни слова. Забрав ключ, она взяла на руки сына и тихо велела: "Скажи дедушке "До свиданья, милый".

Тедди послушно закричал: "До свиданья!". Дэвид улыбнулся: "Скоро увидимся, милый мой!"

Он так и стоял — глядя вслед удаляющимся лошадям, засунув руки в карманы сюртука. Потом, когда над дорогой остался только клуб пыли, Дэвид развернулся и пошел к постоялому двору.

Мэтью остановился перед покосившимся бараком на окраине города, и увидел у черного хода телегу.

Негры, в пропитанных смолой повязках, стали вытаскивать из дверей груды какого-то тряпья. "Правильно, — подумал Мэтью, — они же все сжигают, и простыни, и бинты. Весь город уже дымом пропитался".

Макдональд стоял на крыльце, сдвинув повязку. Врач жадно курил сигару, держа ее рукой в кожаной перчатке.

Он увидел Мэтью и покачал головой. Юноша подошел поближе и почувствовал запах смерти, что исходил из барака — тяжелый, густой запах гноя и крови. "А трава, — все равно зеленая, — подумал Мэтью. "Сколько ему осталось — день, два?"

Макдональд выбросил окурок: "Уже за две сотни заболевших. Возьмите, — он порылся в кармане холщового фартука и протянул Мэтью повязку. "Мы сегодня с утра оставили тут только безнадежных больных, легкие случаи перевели вон туда, — Макдональд указал рукой на барак поодаль.

— Безнадежных, — повторил про себя Мэтью, идя вслед за врачом по узкому коридору. "Как быстро он заболел — три дня всего понадобилось. И с того времени — все время в беспамятстве, в бреду. Даже не спросить о Бромли, он все равно ничего не понимает".

Из-за холщовых занавесок, закрывавших больных, раздавались чьи-то слабые стоны.

— Самоубийство — это он хорошо придумал, — Мэтью остановился. "Сейчас его похороню, приеду в имение и покончу с мистером Теодором. Нечего его на мои деньги кормить. Не дай Бог, может, он оправится еще, Марте что-то разболтает. А она пусть сидит в трауре и воспитывает сына. Когда узнаю, что там, в завещании, решу, — что с ними делать. И с Дэниелом тоже".

Макдональд отдернул занавеску. Мэтью увидел лицо отца — отекшее, покрытое коркой вскрывшихся, мокрых язв. Он вспомнил что-то далекое, почти ушедшее — зеленый двор поместья. Отец, спешившись, подхватил их с Дэниелом на руки, и поцеловал: "Соскучились? А я вам подарки привез, смотрите!" Мэтью ахнул, увидев двух пони: "А как же Тео, ей тоже надо!".

Высокая для своих лет, смуглая девочка робко стояла за колонной. Поклонившись, она прошептала: "Здравствуйте, мистер Дэвид".

Красивое лицо отца чуть исказилось, и он потрепал Мэтью по голове: "Она рабыня, зачем ей пони?"

Дэниел погладил гнедого пони по холке: "Когда я вырасту, у меня не будет рабов".

— Когда ты вырастешь, — рассмеялся отец, — у тебя будет все это, — он широким жестом обвел рукой дом. "И гораздо больше, дорогой мой старший сын. Пойдем, — он кивнул, — выберем для них место в конюшне".

Мэтью посмотрел им вслед. Взбежав по ступенькам, разглядывая Тео, мальчик протянул: "Рабыня".

Девочка покраснела и опустила глаза. "Рабыня, — повторил Мэтью. Вздернув голову, не оглядываясь, он пошел вслед за отцом.

— Пять лет мне тогда было, — подумал Мэтью, — а ей три. Ничего, я ее найду. Я ее всегда находил, когда мы в прятки играли — рано или поздно".

Слипшиеся от гноя ресницы зашевелились. Мэтью, повернулся к Макдональду: "Я бы хотел побыть наедине с отцом, доктор. Я вас позову, если что".

Он задернул занавеску. Наклонившись над изголовьем, преодолевая отвращение, Мэтью спросил: "Что ты написал Бромли? Ну, отвечай быстро, дорогой папа!"

Он стоял над обрывом. Внизу текла широкая, сильная река. Дэвид, прищурился: "Это ведь Джеймстаун. Надо же, вот как он выглядел, в старые времена".

Дэвид услышал сзади шаги и обернулся — невысокий, легкий, седой старик медленно шел к нему. Остановившись, опираясь на палку, он поднял ореховые глаза: "Так вот, какой ты будешь. А я, видишь — старик усмехнулся, — пока живу. Восемьдесят пять мне, а живу. Сестра моя младшая умерла, в море погибла, с мужем ее, — он вытер уголки глаз. "И дочка умерла, родами. Внучку оставила, тоже Марию. Впрочем, мне недолго осталось, — старик вздохнул, — ночами от болей спать не могу".

Дэвид молчал. Старик, пробормотав что-то, закончил: "Пойду я. Да и тебе, — он положил Дэвиду руку на плечо, — пора, мальчик. Вот явимся к престолу Господа, там Он и рассудит — в кое место определит нас, в том и пребывать будем".

Он подал Дэвиду неожиданно крепкую, сухую руку. Они, не оборачиваясь, направились к бесконечному, тихому, блестящему под утренним солнцем океану.

— Сыночек, — сказал отец и Мэтью отпрянул. Он шептал, — неразборчиво, быстро, и юноша, прислушавшись, уловил: "Сыночек мой, маленький…"

Потом он вытянулся и затих. Мэтью стоял, глядя на его лицо. Юноша услышал сзади голос Макдональда: "Мне очень жаль, мистер Бенджамин-Вулф. Мы подготовим тело к погребению".

— Да, — отозвался Мэтью, — жаль, что на нашем семейном участке не получится, из-за эпидемии, ну что делать. Спасибо вам.

Юноша вышел из барака. С наслаждением сорвав повязку, он вдохнул свежий, весенний ветер с моря: "Надеюсь, ты будешь гореть в аду, дорогой папа! Что бы тебе стоило прийти в себя, хоть ненадолго".

— Хотя, — хмыкнул Мэтью, — этот упрямец и тогда бы мне ничего не сказал. Значит, либо Дэниел, либо мой дорогой невинный братец, он же — мой сын. Вот и узнаем, — он обернулся на барак, и, в сердцах сплюнув, — пошел к городу.

Золотистые, пышные волосы падали на воротник черного сюртука. Мэтью поправил воротник белоснежной рубашки. Повертевшись перед зеркалом, он перевязал шелковый, черный галстук: "Траур мне идет, ничего не скажешь".

На лацкане блестела булавка с наугольником и циркулем. "С этой оспой, — подумал Мэтью, привольно устроившись в кресле, — все получилось просто отлично. Быстрые похороны, никаких проповедей в церкви, — ненавижу их. Свидетельство о смерти у меня на руках. Возьму в поместье остальные документы, съезжу в горы напоследок, — Салли, пожалуй, туда заберу, — и в Бостон".

— Спи спокойно, дорогой папа, — он налил в бокал бургундского вина. Блаженно закрыв глаза, юноша выпил. На улице кто-то звонил в колокольчик. Мэтью, высунувшись из окна постоялого двора, увидел телегу, покрытую холстом.

— Трупы везут, — равнодушно подумал он. "Ужасная скука этот карантин, даже шлюхи все из города разбежались. Но я и в лучшие времена ими не увлекался, — Мэтью усмехнулся и

протянул руку за бутылкой темного стекла. "Одно дело — негры, никто по ним плакать не будет, а другое дело белые, пусть и шлюхи.

Кто это мне рассказывал? Капитан Картер, да. Он до войны в Россию плавал, там есть белые рабы. Вот это бы мне по душе пришлось, конечно, — Мэтью раздул ноздри. Налив себе еще вина, порывшись в отцовских книгах, юноша открыл "Историю Америки" Робертсона. Мэтью зажег еще свечей и погрузился в чтение.

Виргиния

Марта оторвалась от счетных книг. Покусав перо, она взглянула в окно — Тедди гулял по дорожкам сада, держась за руку мамаши Перл. "Уже без помочей, — улыбнулась девушка. "Легко все прошло, конечно. Неделя, как и говорил Макдональд. Покапризничал, жар у него был, у меня тоже, вот и все. Хорошо, что у миссис Перл оспа была, еще в детстве".

Она взяла чистый лист бумаги. Задумавшись, Марта сказала себе: "Если он умрет, останется только Мэтью. Яд? Нет, опасно, в Акадии я знала — какие травы для этого нужны, а тут совсем другие растения. А если он не умрет…, - Марта отложила перо и дернула уголком рта. "Я не могу, не могу больше жить с ним, и убежать не могу — нельзя тут папу оставлять".

Девушка вздохнула. Откинувшись в кресле, она обвела взглядом кабинет свекра — тяжелые тома в кожаных переплетах на дубовых полках, покрытый зеленым сукном стол, мраморный камин с красивыми, бронзовыми часами.

Марта повертела в тонких пальцах ключ. Железный шкап был встроен в стену. "Продам драгоценности, и денег хватит до Старого Света добраться, — решила она. "И чтобы обустроиться там — тоже хватит. Но папа, как его везти? Если только…, - она вдруг улыбнулась. Поднявшись, легко пройдясь по персидскому ковру, Марта посмотрелась в большое зеркало.

Волосы были неприкрыты, по-домашнему, и уложены в высокую, чуть напудренную прическу. Зеленые глаза сияли. Марта, приглядевшись, увидела чуть заметную, тончайшую морщинку между бронзовыми бровями.

— А ведь мне только восемнадцать, — грустно вздохнула она. "Ладно, — девушка подхватила пальцами подол шелкового, расшитого бронзовым кружевом, платья. "Значит, так. Папа делает вид, что ему очень плохо. Зовем Макдональда, с ним я договорюсь. Тот велит перевезти его в Вильямсбург, — чтобы обеспечить постоянный уход. Оттуда мне приходит письмо — папа при смерти. Еду прощаться, садимся на корабль, и поминай, как звали".

Она вдохнула стойкий аромат табака и кельнской воды, и подмигнула себе: "Пусть Мэтью со мной разводится, пусть что хочет, то и делает. Не позволю своему сыну жизнь калечить, и вообще, — она усмехнулась, — я не племенная кобыла для мистера Дэвида, хватит. Уедем во Францию, в какой-нибудь маленький городок, папа встанет на ноги, Тедди подрастет…, Все будет хорошо".

В дверь постучали. Салли, нажав на ручку, просунула голову внутрь: "У меня все готово, миссис Марта".

— Иди сюда, — девушка усадила ее в кресло. Наклонившись, целуя темные кудри, Марта прошептала: "Ты только ничего не бойся. Бумаги тебе я написала, почерком мистера Дэвида, только печати нет, он ее увез, — Марта развела руками. "Мол, ты была у него нянькой, а сейчас едешь в Бостон, на новое место службы. Салли Хит, как тебя и зовут на самом деле. В

большие города не суйся, иди деревнями".

Салли всхлипнула и, держась за руку Марты, проговорила: "А если Натаниэля убили? Как капитана Горовица?"

Марта помрачнела. Присев на ручку кресла, обнимая девушку, она твердо сказала: "Убили бы — в газете бы напечатали, поверь мне. Мы бы увидели. И вообще, они с зимы не воюют, сама знаешь. Может, и не будут больше".

— Хотелось бы, — вздохнула Салли. Помолчав, негритянка добавила: "Расскажу все Натаниэлю, и не отговаривайте меня. Он моим мужем будет, нельзя такое скрывать".

Марта положила руку на свой тонкий, с изумрудами, крестик: "Никогда больше замуж не выйду, хватит. После мистера Дэвида мне такого точно — больше не захочется".

— Рассказывай, — Марта поджала губы и поцеловала теплый, смуглый висок. "Он у тебя парень хороший, поймет. Возьми у меня кольцо какое-нибудь, вам же деньги понадобятся…"

— Опасно, — покачала головой Салли. "Вдруг остановят меня, обыскивать будут, решат, что украла…"

— Серебро я тебе все равно дам, — Марта поднялась и подошла к шкапу. "Попрошу повара приготовить больше еды на ужин, мясо с собой возьмешь, яйца…"

— Куда возьмет? — раздался знакомый голос с порога. Марта, повернувшись, спокойно ответила: "На пикник. Я завтра Тедди хотела на реку сводить. Салли с нами отправится, посмотрит за мальчиком".

Негритянка вскочила. Опустив голову, она поклонилась: "Простите, мистер Мэтью…"

— Иди к себе, — он щелкнул пальцами. Пройдя к столу, сев в кресло, Мэтью велел: "Дверь закрой". Марта незаметно сунула ключ от шкапа на грудь. Прислонившись спиной к двери, она посмотрела на черный сюртук мужа.

— Мне очень жаль, — наконец, сказала девушка. "Очень жаль, Мэтью".

— Да, — рассеянно отозвался мужчина, роясь в ящиках стола, — впрочем, он не страдал, все время был без памяти. Позови мне Сандерса, и вели принести сюда бутылку бургундского вина и какие-нибудь закуски с кухни. Где мой сын? — он издевательски усмехнулся.

— Гуляет, — холодно ответила Марта. "Потом пообедает и ляжет спать, дорогой муж. Ему год, кстати, твоему сыну. Запомни, а то еще в разговоре с кем-нибудь оконфузишься, неудобно будет".

Мэтью встал, и, подойдя к ней, — он был лишь немного выше, — схватил железными пальцами за локоть: "Язык свой прикуси, стерва, мало тебя мой отец по щекам хлестал? Ты тут из милости живешь. Ты, и твой паралитик. Тут все мое, поняла? Будешь поднимать голос, — я с тобой разведусь и заберу своего сына, а ты со своим калекой на улице окажешься".

Марта вырвала руку: "Вон там кодекс законов Виргинии, на второй полке, слева. Впрочем, ты же дипломированный адвокат, ты должен знать. Наш брак даже развода не требует. Его просто аннулируют, на основании того, что мы никогда не были мужем и женой".

mir-knigi.org

— Тебе никто не поверит, — рассмеялся Мэтью, отступая от нее. "У меня есть сын, в свидетельстве о крещении написано, что я его отец. Ты никогда не докажешь…., - он взглянул в ледяные, зеленые глаза и осекся.

— Обещаю тебе, — Марта улыбнулась, — я приду в суд и поклянусь на Библии, что Тедди — не твой сын. И не солгу, дорогой муж, — юбки зашуршали, дверь захлопнулась. Мэтью зло шепнул: "Сучка! Надо избавляться от ее папаши и от нее самой. Тедди няньки вырастят, ничего страшного. Никаких разводов, устрою ей несчастный случай следующим летом".

Томми внес серебряный поднос с бутылкой вина и паштетами. Негр стал расставлять их на курительном столике орехового дерева.

— Мистер Бенджамин-Вулф, — старший надсмотрщик склонил почти лысую голову, — мне очень, очень жаль. Все негры будут соблюдать траур, в течение года.

— Где же ключ от шкапа? — подумал Мэтью, усаживая Сандерса в кресло. "Потерял его, отец, что ли? Вряд ли. Наверное, кто-то из негров, что готовили тело к погребению, стащил его часы, вместе с ключами. Надо было мне присутствовать, конечно, но уж слишком противно было".

— Давайте помянем моего отца, — Мэтью помолчал. "Я уезжаю в Старый Свет, на год, мистер Сандерс, — сказал он, принимаясь за мясо. "Мне надо посетить стряпчих отца, забрать его завещание. Надеюсь, тут все будет в порядке".

— Миссис Марта отлично справляется со счетами, — улыбнулся Сандерс, — а за табак не беспокойтесь, там все налажено. Вот, — он порылся в кармане, — ваш покойный батюшка всегда оставлял мне копию ключей, когда уезжал, — от шкапа, от кабинета…Его же, наверное, так и похоронили — вместе со всем, что у него в карманах было, — надсмотрщик вздохнул. "Я слышал, так делают при оспе".

Мэтью заставил себя не улыбаться и грустно ответил: "Да, мистер Сандерс, именно так. Завтра я поеду в горы, в свой домик, мне надо побыть одному, помолиться за душу отца. Велите Салли собраться — мне нужна будет рабыня для услуг".

— Разумеется, — Сандерс поднялся. "Едва за пятьдесят было мистеру Дэвиду, едва за пятьдесят…, Но у вас замечательный сын, мистер Мэтью, и, непременно, родятся еще дети — вы, же с миссис Мартой так молоды".

— Родятся, — тихо усмехнулся Мэтью, провожая глазами надсмотрщика. "Так, — он достал из-за отворота сюртука конверт, — вот это мы и положим в шкаф, переписку с мистером Джоном и шифровальные таблицы, нечего их с собой в горы возить".

Он посмотрел на аккуратно разложенное золото. Убрав бумаги, заперев дверцу, что-то насвистывая, Мэтью потянулся за своим саквояжем. Достав бутылку темного стекла, он поболтал ей и улыбнулся: "Под пробку. Тебя ждет много приятных мгновений, дорогая Салли. За два дня я с тобой управлюсь, а потом — покончу с паралитиком. И в Бостон".

Мэтью отхлебнул. Закрыв глаза, дрожа ресницами, он откинулся на спинку кресла.

Рука отца задвигалась по таблице. Марта прочла: "Тебе надо в Лондон".

— Знаю, — она вздохнула и поцеловала седоватый висок. Тедди сидел на ковре, возясь с деревянной лошадкой. Подняв голову, взглянув на мать, мальчик грустно сказал: "Деда у

Бога".

— Да, милый, — Марта потянулась и посадила его на колени. От кудрявой, каштановой головы пахло молоком и еще чем-то — сладким, младенческим. Тедди протянул ручку и коснулся пальцев мужчины. "Деда, — сказал он ласково. "Тоже деда".

Марта увидела слезы в глазах отца: "Я не могу уехать, папа, не могу тебя тут одного оставить. Сандерс говорил с надсмотрщиками, я подслушала — Мэтью отправляется в Старый Свет, на год".

— Тем более, — палец пополз дальше, — ты тоже должна поехать. Завещание.

Марта подперла щеку рукой, и покачала сына: "Да. Он не зря мне про него сказал, папа. Но как? — она помолчала и отец показал: "За меня не волнуйся, Томми будет со мной заниматься, они меня не тронут".

— Я подумаю, — девушка прижалась щекой к большой руке отца. Она вспомнила запах пороха, свежего снега, рычание волков и его веселый голос: "Молодец, дочка, твой первый! И какой крупный!". Большой, серый, с черной полосой вдоль хребта самец лежал, раскинув лапы, в окровавленном снегу. Марта опустила мушкет. Отдышавшись, она ответила: "И не последний, папа!"

— Да, — наконец, сказала Марта, подняв голову, — ты прав. Если Дэвид оставил все Тедди, мне об этом надо знать, папа. Но я скоро вернусь, ты не волнуйся. Сейчас апрель, к осени уже буду здесь.

— Отплывай из Бостона, — показал отец. "Встретишься там с Дэниелом".

— Я не буду ему говорить…, - Марта показала глазами на сына, — незачем это. Пусть никто не знает, папа. Все равно — Тедди Мэтью никогда больше не увидит, обещаю тебе.

Отец только прикрыл веки и, подняв их — требовательно взглянул на Марту. Она покраснела и, откинула голову: "Хорошо. Но это такой стыд, папа…"

— Дэниел должен знать, что у него есть брат, — настойчиво задергалась рука. "Не надо скрывать".

— Не буду, — Марта улыбнулась: "И, правда, зачем? Тедди вырастет не таким, как его отец, в этом я уверена. Он освободит всех рабов, обязательно. Я это знаю".

— Мама! — забеспокоился мальчик. "Не плакать!"

— Я от счастья, сыночек, — рассмеялась Марта. Прижав его к себе, она поцеловала маленькие пальцы. "Сейчас деда отдохнет, — сказала она, поднимаясь, и ты тоже".

— Я тебя люблю, — показал отец.

— И я, папа, — она прижалась губами к высокому лбу. "Спи спокойно, милый мой".

Марта убрала таблицу, и ушла, унеся мальчика. Теодор все сидел, вдыхая запах жасмина, глядя в медленно клонящееся к закату небо за окном.

Марта отворила дверь своей умывальной и отпрянула — Салли стояла на бархатной кушетке,

держа в руках веревку.

Девушка быстро зашла внутрь, и, увидела расширенные, темные, полные страха глаза. "Дай сюда, — спокойно сказала Марта, выхватывая у нее бечевку. "Совсем с ума сошла. Сядь, — она потянула негритянку за подол серого, простого платья.

— Лучше я умру, — Салли уронила голову в ладони и разрыдалась. "Мистер Мэтью…он велел мне к утру быть готовой…он едет в горы…со мной".

Марта помолчала. Взяв ее руки, она спросила: "Зачем? Зачем он туда едет?"

— Это слухи, — Салли подняла измученное, заплаканное лицо. "Говорят, у него там дом, миссис Марта. Он туда забирает негров — юношей и девушек, и никто еще не возвращался, никто!"

— Какая ерунда, — поморщилась девушка. Салли, всхлипнув, вытерла глаза: "Помните, когда вы рожали, меня плетьми наказали, год назад? А я потом заболела и неделю в постели пролежала?"

Марта кивнула.

Салли расстегнула пуговицы на платье и спустила рубашку с плеча. На нежной коже были выжжены багровые, нечеткие буквы. "Шлюха", — прочитала Марта. "Это каминными щипцами, — шепнула Салли. "А еще…, нет, нет, не могу говорить…, - она помотала головой.

Марта обняла ее и, тихо покачала: "Что?"

— Он мне засунул пистолет, туда, — Салли густо покраснела, — и взял силой, по-другому. Поэтому я потом ходить не могла, и сидеть — тоже".

Тонкие пальцы, — смуглые и белые, — переплелись. Марта вспомнила свой сдавленный крик и смех свекра: "Терпи, я не люблю, когда жалуются".

— Больно, — прорыдала она, уткнувшись лицом в подушку, — пожалуйста, не надо, я прошу вас…

— Буду делать все, что захочу, — расхохотался Дэвид, стряхивая пепел от сигары ей на спину. "Не ори, ночь на дворе. Потом привыкнешь".

— Привыкла, — мрачно подумала Марта. Она поднялась: "Вот что. Спрячешься у меня в опочивальне, в гардеробе. Тут тебя искать никто не будет. С утра я тебя отведу в хижину дедушки Франсуа, молчи, — Марта подняла ладонь, — туда они не сунутся. Посидишь там пару дней, и я тебя заберу. Поедем в Бостон, с Тедди".

— Вы едете в Бостон? — Салли вскинула темные глаза.

— Да, — Марта вздохнула. "Ложись за платья, сейчас я тебя устрою удобнее. Только есть у меня нечего, — она обвела глазами изящную, отделанную светло-зеленым шелком опочивальню. На обоях были вышиты соцветия жасмина.

— Драгоценности надо собрать, — подумала Марта, открывая шкатулку, глядя на блеск бриллиантов. "Когда буду в Бостоне, возьму кольцо у Адамса. До Ричмонда доберемся на лошадях, тут недалеко, а там — сядем в почтовую карету. Все будет хорошо. Пусть Мэтью едет

в свои горы, дожидаться я его не буду".

В дверь постучали. Марта, опустившись в кресло, подняв подол платья до бедра, стала медленно развязывать шелковую ленту, что удерживала чулок.

— Да! — капризно крикнула она. "Не заперто!"

Мэтью оглядел комнату. Заметив ее полуобнаженную ногу, юноша гадливо дернул щекой. "Ты не видела Салли? — спросил он.

— Нет, — Марта, так и не опуская подола, потянулась за серебряной пилочкой для ногтей. "Сама ее жду, она должна меня причесать на ночь. Или, может быть, ты это сделаешь, дорогой муж? — девушка тряхнула головой. Шпильки, сверкая изумрудами, упали на ковер. Мэтью, скривившись, пробормотав что-то — захлопнул дверь.

— Чтоб ты сдох, скотина, — ласково пожелала Марта, подпиливая ногти.

— Ладно, — Мэтью спустился по мраморной лестнице. Подозвав Сандерса, юноша велел: "Собак спустите, она далеко уйти не могла, в лесу где-то прячется. Наверняка, проскользнула на дорогу, пока ворота открыты были. Если найдете — сто плетей и на плантации, если она выживет, — юноша усмехнулся.

— Я в имение заезжать не буду, сразу после гор — в порт. Напишу вам из Старого Света, и вы мне тоже сообщайте, как тут дела — он пожал Сандерсу руку.

Выезжая из ворот, Мэтью обернулся — в окнах дома полыхал багровый закат, небо было темно-синим, на западе вставал еле заметный, бледный полумесяц.

— Нет, — он улыбнулся, — все же вернусь потом, навещу тестя. Никому об этом знать не надо, разумеется.

Он пришпорил лошадь: "Апрель. На Рождество я там был. Никто не дожил, конечно, придется за собой убирать. Что делать — надо. Как говорил покойный папа — джентльмен должен оставлять дела в полном порядке".

Мэтью быстрой рысью поехал по дороге, что вела вверх, туда, где темный, густой лес взбирался на склоны гор.

— Мистер Джон, — мелким, четким почерком написала Марта. "Ладгейт-Хилл, Лондон". Она подвела черту на странице. Встав, убирая в шкап письма, она пробормотала: "Кто бы вы ни были, мистер Джон, вам предстоит узнать много интересного о своем, — девушка усмехнулась, — знакомом. А шифр простой, я бы и без таблиц его разгадала".

— Так, — она взяла конверт, — свидетельство о венчании, свидетельство о рождении Тедди, свидетельство о смерти Дэвида — копии, оригиналы Мэтью увез. Не зря я стряпчего из Вильямсбурга вызывала, зато все документы на руках, — она заперла шкап. Взяв маленькую тетрадь в кожаном переплете, Марта прочла:

— Бостон — встретиться с Дэниелом, удостоверить показания Салли, взять кольцо, продать драгоценности, — Марта положила ладонь на ожерелье: "Кроме этого, это пусть Фримены забирают, им пригодится".

За окном вставал нежный, розовый рассвет. Марта зевнула. Пройдя в свою опочивальню, девушка распахнула гардероб: "Пора, дорогая моя. Я тебе с ужина кое-что собрала, — она подняла с пола холщовый мешок. "Пошли, пока никто не проснулся, через заднюю калитку проберемся".

— Там Молосс, — испуганно сказала Салли, — он нас на куски разорвет, миссис Марта.

— Не разорвет, — девушки спустились по черной лестнице во двор. Огромный, тигровый кобель поднялся. Салли подумала: "Он выше миссис Марты будет, если на задние лапы встанет. Мистеру Дэвиду его с юга привезли, из Флориды, что ли?".

— Он из Бразилии, — мрачно сказала Марта, свистнув собаке. "Там такие — тоже поместья охраняют". Молосс потерся головой о ее руку. Девушка повернулась к Салли: "Он семью признает, всегда. Я для него своя. Мистер Дэвид его в детской держал, пока Тедди грудной был. Я на его спину ноги ставила и кормила, — Марта хихикнула и отворила калитку.

Молосс зевнул, показав острые, желтые клыки. Девушки быстро пошли по узкой, заросшей травой тропинке.

— Роса еще лежит, — поняла Марта. "Всю ночь с этими бумагами провозилась. Хорошо, что Мэтью их тут оставил". Она вдруг остановилась: "Но если оставил, значит — хочет вернуться. Нельзя раньше него уезжать, он очень подозрителен".

Марта посмотрела на далекие, прячущиеся в тумане горы, и, взяла Салли за руку: "Послушай, как доберемся до Бостона, сходишь со мной к юристу? Он запишет показания твои, — Марта вздохнула, — о том, и заверит их. Пожалуйста".

Темные глаза Салли наполнились горечью: "Да зачем, миссис Марта? — тихо спросила девушка. "Что-то я не слышала, чтобы хоть одного хозяина за такое наказали. Им ведь и убивать нас можно".

— Неправда, — горячо сказала Марта. "Три года назад повесили же белого, Уильяма Питмана. Тут, в Фредериксберге. За то, что он своего раба до смерти забил. У мистера Дэвида была подшивка "Виргинской газеты", я там видела. Пожалуйста, Салли, — она обняла девушку. "И я с тобой пойду, не бойся. Мистер Дэниел поймет. Ты же знаешь, он против рабства".

Девушка помолчала и кивнула:

— Да, миссис Марта. Я же читать умею. У меня отец белый был, фермер мелкий. Как его жена умерла, так он с мамой моей жить стал. Он и ее, и меня читать научил, — девушка нежно улыбнулась. "Он нас освободить хотел, да не успел — от удара умер. Приехали какие-то его родственники, и меня с мамой р разные штаты продали. Мне тогда шесть лет исполнилось. Сказано же в Псалмах: "Ибо знает Господь путь праведников, а путь нечестивцев — погибнет".

— Да, — ответила Марта тихо, глядя на солнце, что вставало над лесами, — еще низкое, светло-золотое, — именно так, Салли. Именно так.

Марта незаметно проскользнула на двор поместья. Потрепав Молосса по спине, быстро поднявшись наверх, она заглянула в детскую. Тедди дремал, раскинув ручки, разметавшись, едва слышно посапывая. Марта скинула платье. Свернувшись в клубочек, подтянув к себе сына, она поцеловала каштановую голову. "Без горя и несчастий, — сказала себе Марта, закрывая глаза, погружаясь в сон. "Без горя и несчастий".

Ключ несколько раз повернулся в замке калитки. Молосс, насторожившись, поднял голову. Ночь была звездной. Легкий, невысокий человек, что зашел во двор — в простой холщовой куртке, увидев глаза собаки, — тихо рассмеялся. "Это я, старина, — сказал он, опускаясь на колени. Молосс лизнул его теплым языком в щеку. Перекатившись на спину, подняв лапы, пес подставил брюхо.

— Скоро вернусь, — пообещал ему человек. "Лошадь привязана в роще, — Мэтью достал рукой в замшевой перчатке пистолет, и проверил его. "Сейчас заберу то, что мне надо, навещу мистера Теодора и прощай, Виргиния".

Дом спал. Он неслышно поднялся по ступеням и посчитал окна на первом этаже. "Вот папин кабинет, а вот и опочивальня паралитика. Марта наверху, она ничего не услышит".

Мэтью вынул из-за голенища сапога нож. Опустившись на колени, он поддел защелку на высоких окнах кабинета. "Как все просто, — хмыкнул Мэтью, шагая внутрь, отпирая шкап.

Он забрал письма, вместе с шифровальной таблицей. Выйдя на террасу, закрыв за собой двери, юноша быстро направился дальше. Защелка легко откинулась. Мэтью, подождав, пока его глаза привыкнут к темноте, не снимая перчаток, взял с кушетки расшитую шелком подушку. "Придется с собой забрать, — недовольно подумал он, — хотя их тут десяток, никто не заметит".

— Он тут один, — Мэтью стоял над кроватью. "Вот и ключ от двери, на столе. Марта его запирает вторым ключом, снаружи. Вечером, а утром приходит будить. Вот пусть и разбудит".

Теодор лежал на спине, глаза его были закрыты. Мэтью наклонился над постелью. Вдохнув запах кельнской воды, юноша, на мгновение вспомнил отца. Он быстрым движением прижал подушку к виску мужчины, и выстрелил.

Тело дернулось. Мэтью посмотрел на залитую кровью кровать. Вложив пистолет в холодеющую правую руку, он чуть слышно рассмеялся. "Оружие не мое, а из кабинета отца, не зря я его перед отъездом в горы забрал. Не придерешься".

Он зажег свечу и взглянул на свою одежду. "Забрызгался, конечно, — недовольно пробормотал юноша и распахнул двери орехового гардероба. "Рубашку бы переменить, — сказал себе Мэтью, поднимая подсвечник, заглядывая в шкаф, — но мне его велики. А это что такое? — юноша потянулся и достал костыль.

— Прекрасно, просто прекрасно, — он положил костыль рядом с кроватью. "Сейчас вернусь, открою двери папиного кабинета. Забыли запереть, какая жалость. Нельзя оставлять оружие рядом с неизлечимо больными. Пусть это будет уроком дорогой жене".

Мэтью спустился во двор. Взглянув на дом, погладив Молосса за ушами, насвистывая, он весело сказал: "Еще увидимся, старина, я уверен".

Он вышел в калитку, и легко сбежал вниз к реке. "Фламбе, — ласково проговорил Мэтью, садясь в седло. "Даже жалко тебя продавать в Бостоне будет, уж больно ты хорош".

Гнедой жеребец заржал. Мэтью, выехав на дорогу, что вела к Ричмонду, велел Фламбе: "А теперь, мой милый — покажи все, на что ты способен".

— Миссис Марта, — Сандерс осторожно кашлянул сзади, — миссис Марта, капитан Ройстон

подписал протокол о самоубийстве, он уезжает.

— Хорошо, — глухо сказала она, стоя на коленях, прижавшись лицом к покрытой засохшей кровью руке отца. "Я бы хотела побыть с папой, мистер Сандерс. Передайте капитану Ройстону мою благодарность".

— Мне очень жаль, — вздохнул старший надсмотрщик и тихо вышел. Марта так и не поднималась. Только когда дверь захлопнулась, она взглянула на спокойное лицо мертвого. Правый висок был разворочен пулей.

Девушка заставила себя встать. Покачнувшись, намочив носовой платок в серебряном тазу, она стала протирать ладонь отца. Рука была чистой, без единого порохового следа.

— Мне никто не поверит, — горько подумала Марта. "Ни один человек. Могут еще и в убийстве обвинить — у меня был ключ от его опочивальни, был мотив — устала ухаживать за больным..., Но кабинет Дэвида был закрыт вечером, я это хорошо помню. А теперь — открыт. Из шкапа пропали письма этого мистера Джона. Мэтью был тут, сомнений нет. Молосс его знает, пустил в усадьбу".

Она пересчитала подушки на кушетке. Дернув краем губ, достав из ящика письменного стола лупу, Марта склонилась над виском отца. "Шелк, — Марта вгляделась в едва видные, опаленные нити. "Он стрелял через подушку и забрал ее с собой".

Девушка подошла к высокому окну, что выходило на террасу. Она вспомнила резкий голос британского капитана: "Разумеется, это самоубийство, сомнений нет. Мистер де Лу устал бороться со своей болезнью, вот и все. Он поднялся ночью, забрал пистолет и застрелился. Дверь в опочивальню закрыта, окно — тоже..."

Марта встала на колени и внимательно рассмотрела в лупу деревянную раму. Вокруг защелки были видны следы ножа.

— Ты мне за все заплатишь, — пробормотала девушка. Присев на кровать, она посмотрела на труп отца. Марта, скорчившись, как от боли, раскачиваясь из стороны в сторону — беззвучно зарыдала.

— Папа, — сказала Марта одними губами, — папочка, милый мой, ну как же так? Это я виновата, мне надо было тут спать, с тобой. Ведь ты уже начал поправляться, папа...

Она тихо плакала. Потом, умыв лицо, опираясь о туалетный столик, Марта велела себе: "Все записать и отдать Дэниелу. Вот прямо сейчас пойдешь, возьмешь тетрадь и запишешь. А потом — пусть папу отправят в Бостон. Я не буду его тут хоронить".

Марта взглянула в угол опочивальни. Ей захотелось свернуться в комочек и опять зарыдать. Девушка только тяжело вздохнула. Наклонившись, она поцеловала высокий лоб: "Я отомщу, папа. И Тедди расскажу о тебе. Ты не будешь тут лежать, мы поедем на север, к морю. Тебе же так нравилось в Бостоне. Тебе там будет хорошо".

Она пошатнулась. Приказав себе выпрямиться, Марта вышла из опочивальни.

Сандерс поднял голову от бумаг и тут же встал. "Сидите, — махнула рукой Марта. Поправив траурный чепец, девушка опустилась в кресло.

Она сцепила тонкие пальцы: "После того, как тело моего отца подготовят к погребению, отправьте его в Бостон. Юридическая контора мистера Адамса, его бывшие поверенные, они позаботятся о погребении.

Я тоже еду в Бостон, с мастером Теодором. Проведу там лето, после похорон. Моему сыну будет полезен морской воздух, тем более по Виргинии, как вы знаете, гуляет оспа. Далее, — Марта посмотрела на Сандерса, — я возьму двух лошадей, оставлю их в Ричмонде, на постоялом дворе, потом пошлете кого-нибудь их забрать. Все, — девушка поднялась.

Сандерс вдруг подумал: "Глаза — как будто изо льда отлиты. Кто-нибудь другой, на ее месте уже бы в постели лежал, с нюхательными солями, а у нее как будто железный стержень в спину вбит. Сразу видно, хороших кровей".

— Конечно, миссис Марта, — он поклонился и осторожно спросил: "Может быть, вы возьмете кого-то из негров, все же тяжело с ребенком в почтовой карете…"

— Нет, спасибо, — девушка, на мгновение, раздула тонкие ноздри: "Сами знаете, мистер Сандерс, черных опасно возить на север, они оттуда редко возвращаются. Я не хочу, чтобы мой муж терпел убытки. Счетные книги за прошлый год я уже проверила, так что все в порядке".

— Я выдам вам деньги, миссис Марта — Сандерс полез за ключами, — вам же надо будет платить за проезд, за постоялый двор, ну и вообще, — он сделал широкий жест рукой.

— Отказываться — значит, вызвать подозрения, — вздохнула про себя девушка. "Что же делать — возьму, потом отдам Натаниэлю и Салли".

Сандерс отсчитал золото. Подвинув его Марте, помявшись, он спросил: "А когда вы уезжаете?"

— Немедленно, — коротко ответила девушка и вышла.

Мамаша Перл подала Марте ребенка, — девушка уже сидела в седле. Всхлипнув, негритянка велела: "Ты будь хорошим мальчиком, милый. Миссис Марта, мне так жаль, так жаль, ваш батюшка…"

— Да, — вздохнул Томми, что стоял рядом, — таких людей, как мистер Теодор, — поискать еще. А за него не беспокойтесь, я все сделаю, как надо, гроб уже сколачивают, — негр посмотрел куда-то в сторону.

— Спасибо вам, Томас, — Марта протянула ему руку. "И вам, миссис Перл. Надеюсь что…, - она помолчала. Встряхнув головой в черном, наскоро сшитом чепце, Марта коротко улыбнулась: "Надеюсь, что скоро вы станете свободны, вот что".

Негры проводили глазами стройную спину женщины. Томми мрачно сказал: "Вот ей-богу, мамаша Перл — сейчас провожу тело мистера Теодора на север, и сбегу отсюда. Никого хозяев не осталось, дом закроют, а нас всех Сандерс на плантации определит, помяните мое слово".

Негритянка стянула шаль на груди и неуверенно ответила: "Может, вернется еще миссис Марта, с маленьким…"

— Не вернется, — тихо проговорил Томми, глядя на то, как надсмотрщики закрывают высокие ворота.

Марта спешилась. Сняв Теодора с седла, она заглянула в хижину. Салли сидела, привалившись спиной к стене. Увидев девушку, она ахнула: "Что случилось, миссис Марта? Или вы по мистеру Дэвиду в трауре…"

— Мой отец умер, — коротко отозвалась девушка, держа за руку сына. Тедди засунул пальчик в рот: "Деда на небе".

— Побудь с ним, пожалуйста, — Марта сняла с лошади седельную суму, — я переоденусь.

— Противно, конечно, в одежде Мэтью ходить, но другого ничего не остается, — девушка опустилась на колени. Достав из сумы шкатулку, взглянув на драгоценности, Марта хмыкнула: "Тут на все хватит, даже с лихвой".

Она стянула с себя платье и чепец. Оставшись в одной короткой, кружевной рубашке, заколов волосы на затылке, Марта стала одеваться. "Только сапоги велики, — грустно сказала девушка, — ладно, в Бостоне по ноге закажу. А груди, как не было, так и нет, будто и не кормила год". Она застегнула серебряные пуговицы черного сюртука и прикрыла волосы треуголкой с алмазной пряжкой.

— Красиво, — восторженно заявил Теодор, когда мать вышла из хижины. "Красиво, мама!".

— Вам так идет, — ахнула Салли. "И, правда, в мужском наряде на лошади удобней".

— Потом в почтовой карете поедем, — Марта ловко вскочила в седло. Салли, что уже сидела на лошади, придерживая перед собой Тедди, тихо спросила: "Миссис Марта, что это?".

— Пистолет, — спокойно сказала девушка, убирая оружие в седельную кобуру. "Мой муж, — она сжала зубы, — убил из него моего отца. А я, — она повернулась к Салли, — убью из него моего мужа. Все, — Марта пришпорила лошадь, — поехали, завтра я хочу оказаться в карете, что отправляется на север".

Они поднялись на холм. Марта, обернувшись, посмотрела на большой, белокаменный, с колоннами дом, что стоял неподалеку от реки. "Дальше, — велел Тедди, протягивая ручку вперед. "Дальше, мама!"

— Не остановлюсь, — пообещала себе Марта. "Пока не отомщу — не остановлюсь".

— Конечно, милый, — она улыбнулась сыну. Две всадницы, выехав на дорогу, что вела в Ричмонд — исчезли из виду.

Вэлли Фордж, Пенсильвания

На заваленном бумагами столе догорала чадившая свеча. Дэниел отчаянно зевнул. Потянувшись, в одной рубашке и бриджах, он вышел из палатки. Ровные ряды бревенчатых хижин покрывали склоны холма, из полевых кухонь, — Дэниел принюхался, — тянуло жареным беконом.

Нежное солнце всходило на востоке, лагерь еще спал. Дэниел, умывшись в тазу, поежившись, рассмеялся: "Перезимовали. Когда я с той встречи вернулся, с Шестью Племенами, — так плохо с едой было, что чуть ли не траву из-под снега приходилось в супе варить. А сейчас, — он окинул взглядом палатки, — все пошло на лад. К лету у нас будет настоящая армия, даже уезжать жалко".

— Доброе утро, — сказал над его ухом сварливый голос, по-немецки.

— Доброе утро, господин генерал, — Дэниел вытянулся. Генерал фон Штебен махнул рукой: "Вольно, адъютант, не в строю. Готово? — он погладил короткие, седые волосы и указал на палатку.

— Все перевел, — Дэниел вынес кипу бумаги. "Вот, господин генерал, — юноша улыбнулся. "Устав Континентальной Армии, перо — ваше, перевод мой".

— Отдам Вашингтону и Лафайету, — сказал фон Штубен, — пусть они просмотрят, и будем печатать. Все офицеры получат по экземпляру. Ты бы тоже получил, — серые глаза фон Штебена заискрились смехом, — если бы остался в своей виргинской дивизии. И майором бы стал, к осени.

— К осени мне надо в Форт Питт ехать. Там ленапе собираются, договор с ними будем подписывать, — вздохнул Дэниел. "Это на все лето работа, а потом, я все-таки хочу вернуться к юридической практике. Не всегда же мы воевать будем".

— Ну-ну, — неодобрительно сказал фон Штебен. "А кто индейцев представляет? Тот самый вождь, как его там зовут, — немец пощелкал пальцами. Дэниел помог: "Кочетаджектон, Белые Глаза".

— Язык сломаешь, — пробормотал генерал. "И как ты с ними только разговариваешь, а, Вулф?"

— На встрече Шести Племен у меня переводчик был, и осенью тоже будет. Они, переводчики мои, как раз сегодня с запада должны прийти, принести вести от ленапе. Да и Белые Глаза неплохо по-английски говорит, у него жена — дочь фермера оттуда, из западной Пенсильвании, — ответил Дэниел.

— Надевай мундир, — велел ему фон Штебен, — пошли завтракать, а потом полюбуемся, как твой Фримен солдат гоняет, перед отпуском. Он, хотя бы, в армии остается, отличный сержант. А что это он с тобой в Бостон собрался? — они стали подниматься к вершине холма.

Дэниел снял треуголку. Вытирая ноги у входа в офицерскую столовую, — генерал требовал в лагере чистоты, — юноша покраснел: "Я же в новые комнаты переехал. Сержант Фримен мне хочет помочь обустроиться".

— В Виргинию я Ната отпускать не буду, — Дэниел уселся за крепкий деревянный стол и принял от солдата оловянную тарелку с беконом. "Слишком опасно, пусть даже и не заикается об этом".

Он потянулся за медным кофейником и услышал сварливый голос генерала: "Давай чашку".

— Ваше превосходительство, — Дэниел зарделся, — не положено, по уставу.

— Твой последний день в армии, капитан Вулф, — фон Штебен стал разливать кофе, — и вообще, — он подмигнул юноше, — я тут решаю, что положено, а что — нет. Еще хорошо, что ты замену себе нашел, а так бы я тебя вряд ли отпустил, — генерал пожевал губами и велел Дэниелу: "Переведи им. Господа офицеры! Еще раз увижу курильщиков в столовой — отправитесь на гауптвахту, невзирая на чины. Быстро вон из палатки!"

— Генерал фон Штебен просит курильщиков выйти на улицу, — вежливо сказал юноша, — и напоминает о возможности дисциплинарного взыскания.

— В дипломаты иди, — буркнул немец. Дэниел удивился: "Вы же не знаете английского, господин генерал".

— Ты у меня два месяца в адъютантах, — немец расхохотался, — я уже начал понимать кое-что.

— А может, — сказал задумчиво Дэниел, разгоняя сизый дым рукой, — и пойду, господин генерал.

Два всадника поднялись на вершину холма. Младший — невысокий, светловолосый юноша в индейской, с бахромой куртке, кожаных брюках и сапогах, присвистнул: "Вот это да, миссис Онтарио, тут их тысячи, наверное".

Индианка усмехнулась. Обернувшись к юноше, она мягко сказала: "Я тебя провожу до моря, Большой Джон".

— Да я бы и сам, миссис Онтарио, — юноша покраснел. "Вам же на запад надо, через горы дорога долгая…"

— Мы с тобой перебрались, — женщина тронула коня, — обратно будет легче. Я хочу на море посмотреть, прежде чем идти Меневу искать. На большую лодку тебя посадить.

Она поехала вниз. Джон, выругался вполголоса: "Да где же его найдешь? Дальше реки Маскингум никто из белых не был, а Кинтейл, судя по слухам — туда ушел, после того, как деревни на Эри разорил". Он поморщился, как от боли, вспоминая жар костра в низком, темном подполе.

— Лежи, — велела ему Онатарио, накладывая какую-то прохладную, пахнущую травами массу на рану в боку. "У тебя пуля между ребрами застряла, я ее вынула. Сейчас будешь лежать, Большой Джон, долго".

Он поднял веки и увидел, что голова женщины замотана какой-то тряпкой. "Оглушили, — мрачно сказала она. "Дубинкой. А когда я очнулась, — уже никого не было".

— Скенандоа, — выдавил из себя Джон. Он вспомнил мушкетный выстрел, разорвавший горло вождя, и вздохнул: "Простите".

— Я тебя на снегу нашла, и сюда притащила, — Онатарио поднесла к его губам глиняную плошку. "Это подпол, его наш дед сделал. Тут теплее. Когда ты оправишься, мы пойдем к Шести Племенам".

— Гениси, — Джон вдруг почувствовал слезы на лице. "Мирьям, Мэри…"

Онатарио помолчала и погладила его по голове: "Их больше нет. Менева не вернется сюда, он взял все, что хотел, мальчик. Воевать с ним никто не будет — для индейцев он слишком силен, а белым все равно — что индейцы делают друг с другом, Большой Джон. Им будет легче, если тут, — она обвела рукой подпол, — никого не останется. Тогда они смогут прийти, и сделать вид, что так было всегда. Что это их земля. Спи, — она ловко взобралась вверх по приставной лестнице.

— Неправда, — зло сказал юноша, всхлипывая, сжав руку в кулак. "Не все белые такие. Неправда".

mir-knigi.org

— Вот Дэниел, например, — Джон спускался вслед за Онтарио, придерживая лошадь. "Хорошо, что я ему о Мирьям не сказал, о том, что в лагеря Кинтейла случилось. На нем и так — лица не было, ведь Кинтейл его лучшего друга убил, — Джон вдохнул запах еды. Догнав индианку, юноша смущенно спросил: "А у нас еще сушеная оленина осталась? Что-то я проголодался".

Он откусил большой кусок и звонко сказал часовым: "К капитану Вулфу, с посланиями от племени ленапе — миссис Онатарио и Большой Джон".

— Что-то ты не похож на индейца, — заметил один из солдат.

Джон вытащил из-за пояса томагавк. Приподнявшись в седле, раскрутив топорик, он метнул его в стену ближайшей избушки. Солдаты пригнулись. Юноша, легко вытащив томагавк из бревна, вздернув светловолосую голову, проехал мимо.

Он заметил легкую улыбку на губах Онатарио. Джон откашлялся: "Простите. Я больше так не буду".

Индианка только потрепала его по голове: "Я к женщинам, там наверняка — дети у кого-нибудь болеют. Вечером встретимся".

Джон кивнул. Прожевав мясо, он медленно поехал по широкому проходу среди шатров — к большому лугу, откуда доносились голоса офицеров.

— Бой штыком, — наставительно сказал сержант Фримен, поднимая ружье, — может решить исход сражения, господа. Мы слишком полагаемся на выстрелы. Когда враг атакует наши позиции, или когда мы сами идем в атаку — надо уметь пользоваться этим оружием.

Пара десятков солдат, выстроенных в шеренгу, что-то зароптали. Сзади раздался ленивый крик: "Да я ему кулаком по башке дам, он и упадет".

Натаниэль блеснул белоснежными зубами: "Рядовой, ко мне! Давайте попробуем".

Здоровенный детина вышел вперед. Дэниел, что стоял рядом с генералом, озабоченно подумал: "Он же на две головы выше Ната, и в плечах шире".

— Ты не волнуйся, — неслышно шепнул ему фон Штебен, — я это уже видел. Фримен молодец.

— Атакуйте, рядовой, — велел Натаниэль.

Детина метнулся вперед, раздался звон металла. Нат холодно сказал: "Если я сейчас нажму на свой штык, рядовой, то вы истечете кровью прямо здесь. Отделение, слушай мою команду! Сейчас будем упражняться на чучелах — Нат показал на соломенные тела, прибитые к доскам, — а потом разобьемся на пары. Шагом марш!"

— Еще всякие черномазые будут приказывать, — пробурчал кто-то из солдат. Дэниел увидел, как прямая спина сержанта чуть дернулась.

— Переведи, — велел фон Штебен. Дэниел замялся.

— Переведи, — раздельно, багровея, приказал генерал. Выслушав, он сочно выругался по-немецки и кивнул Дэниелу: "Говори, и без всяких обиняков!"

— В моей армии, — жестко сказал немец, — нет белых и черных, а есть солдаты, сержанты и

офицеры. Кому это неясно, тот получит свой срок на гауптвахте прямо сейчас.

Дэниел перевел. Посмотрев в темные глаза Ната, он тихо добавил: "Мы же воюем за свою свободу, господа, так надо это делать чистыми руками".

— Ведите отделение, сержант, — буркнул фон Штебен. Расстегнув воротник мундира, генерал злобно подышал: "Четверть армии негры, проливают свою кровь, как и всякий другой, а эти свиньи…, - он махнул рукой и вдруг улыбнулся: "Смотри, тот индеец светловолосый, ты мне о нем говорил".

Джон сел на походную койку. Смотря за тем, как Дэниел складывается, он присвистнул: "Это такой договор длинный с ленапе?"

Юноша засунул тетради в суму, и, разогнувшись, улыбнулся: "Тут еще мои заметки, на будущее, Конституция и так далее. А что миссис Онатарио?"

— Сказала, меня в Бостон проводит, — Джон откусил большой ломоть хлеба. Дэниел подумал: "Он же мальчик еще совсем, шестнадцать летом будет. Пусть отправляется домой, нечего ему тут делать".

— Ты вовремя отплываешь, — Дэниел сел рядом и потянул к себе буханку: "Дай".

— Почему? — поинтересовался юноша.

— Потому, — сердито ответил Дэниел, раскладывая по тарелкам хлеб с мясом, — что летом король Людовик объявит вам войну, помяни мое слово. Твой дальний родственник, капитан Стивен Кроу, начнет топить вообще все французские корабли, без разбора. Ты не думай, у нас хорошие связи с Парижем.

— Да я и не сомневался, — Джон поднял бровь, и хмыкнул: "Странно, мы с тобой формально — враги, а на самом деле — друзья".

— Формально ты дезертир, приговоренный к смертной казни, — ядовито ответил ему юноша и тут же рассмеялся: "Хотя не думаю, чтобы тебя стали расстреливать. А вот Кинтейла мы заочно осудили".

Джон подпер подбородок кулаком: "В Бостоне снимешь с меня показания. Я хочу, чтобы наш парламент — тоже его приговорили. И чтобы оба приговора привели в исполнение".

— Ты не можешь убить его два раза, Джон, — мягко сказал Дэниел.

Светло-голубые глаза блеснули холодом: "Я могу убить его десяток раз, капитан Вулф, рассказать как? Только, — Джон поднялся и прошелся по палатке, — все это бесполезно. Никто не пойдет дальше озера Эри — ни белые, ни индейцы. А он там, я думаю".

— Вояжеры ходили, — заметил Дэниел, рассматривая карту. "Французы. И наши охотники тоже. Еще в прошлом веке с озера Верхнего вывозили меха в Квебек и Монреаль. И дальше на запад — тоже двигались, через Большой Волок. Мне мистер де Лу рассказывал, отец Марты, моей невестки, — его семья полтора века в Акадии торгует".

— Там леса, — мрачно сказал Джон, — а у Кинтейла — лошади. Он на равнине расположится, поверь мне, с суши к нему будет никак не подобраться.

— Значит, — спокойно ответил Дэниел, снимая мундир, надевая свежую рубашку, — мы к нему подберемся с воды, вот и все.

— У вас даже флота там нет, на озерах, — Джон поднялся и тяжело вздохнул.

Дэниел положил ему руку на плечо: "Появится. А ты езжай домой, ты у отца теперь один. Хотя, Меир должен был письмо уже прислать, с Кариб. Может, он и выяснит что-то о Джо".

— Да я ее и похоронил уже, — горько пробормотал Джон и буркнул: "Давай суму, я к лошадям отнесу".

— Плачет, — понял Дэниел, глядя вслед юноше. "Господи, никого нет — ни Мирьям, ни маленькой Мэри, ни девочки этой, индианки, Гениси. И Хаима больше нет, и Эстер вдовой осталась. И брат Эстер — тоже погиб, а Констанца круглая сирота. Господи, — он вдруг перекрестился, — не наказывай ты нас больше, прошу".

Он в последний раз посмотрел на палатку, и, задернув полог, пробормотал: "Вот я и штатский". Дэниел пошел к коновязи, откуда уже доносился веселый голос Фримена.

Бостон

Яркое, темно-синее море простиралось до горизонта. Белые барашки подкатывались к ногам девочки, — рыженькой, в шерстяной накидке.

— Так далеко, — подумала Констанца, бросая камушки, слушая плеск воды. "Какой мир огромный, даже представить себе не могу. Нет, могу, — она закрыла глаза и вспомнила карту, — Индия, — там дядя Питер, Африка, Новый Свет, Япония. И Ледяной Континент, только его никто еще не видел".

Девочка обернулась — Эстер сидела на перевернутой лодке, держа на коленях листок бумаги. Черное платье развевалось вокруг тонких щиколоток, прядь волос выбилась из-под черного чепца.

— Тетя плачет, — вздохнула про себя Констанца. "Каждую ночь, я же слышу". Она подобрала красивый камень, и, полюбовавшись им, сунула в карман накидки. Девочка медленно пошла по берегу, отламывая кусочки от горбушки хлеба. Чайки столпились рядом. Констанца, кормя их, вдохнула влажный, соленый воздух: "Никуда не уеду, пока тетя не перестанет плакать. Тем более, в "Бостонской Газете" пишут, что летом французы объявят войну Англии. Тогда через океан вообще будет не переплыть".

— Моя дорогая невестка, — читала Эстер ровные, аккуратные строки, — к сожалению, мне ничего не удалось узнать о Джозефине Холланд. Капер "Черная Стрела" был расстрелян у здешних берегов пиратом по имени Черный Этьен, но спасся ли кто-нибудь с британского корабля — неизвестно. Мне придется пробыть на Синт-Эстасиусе еще не меньше года, в связи с интересами нашего правительства. После этого я вернусь в Бостон, и мы с вами сможем съездить на раввинский суд в Филадельфию. Пожалуйста, не беспокойтесь, я каждый день читаю кадиш по моему брату и сестре, а также вашему брату, покойному Иосифу. Передавайте мой поклон маленькой Констанце, миссис Франклин и Дэниелу. С искренним почтением, ваш брат, Меир Горовиц.

Эстер опустила письмо и тихо повторила: "Еще не меньше года. Да и не хочу я замуж, незачем это мне. Но так надо, иначе Меир не сможет жениться, — она убрала конверт и посмотрела на рыжие, пронизанные весенним солнцем, волосы Констанцы.

— Все птицы поели, — девочка подошла к ней, отряхивая руки.

— Милая, — сказала Эстер, — Дэниел еще прошлым месяцем написал, что сын дяди Джона сейчас в Лондон поплывет. Может быть, ты с ним поедешь? Я уверена, что его светлость будет рад тебя приютить.

Констанца поковыряла носком туфли в камешках: "Нет, тетя. Я хочу быть с вами, пожалуйста. Или, — девочка подняла большие, темные глаза, — я вам обуза?"

Эстер обняла ее и, слыша стук сердца, шепнула: "Ну что ты, милая. Просто, ты же, наверное, хочешь жить в Англии, со своим дядей?"

— Во-первых, — Констанца прищурилась, — его там нет, тетя. Вы же мне сами говорили, он задерживается в Индии, а во-вторых — мне тут нравится. Она внезапно покраснела: "А правда, что дядя Дэниел снова станет адвокатом?"

— Да, он в отставку вышел, — кивнула женщина, поднимаясь.

— Жаль, — хмыкнула Констанца, — у них красивая форма, в армии. Она подняла голову, и, увидев лицо женщины, открыла рот: "Тетя Эстер, простите..."

— Ничего, — Эстер поцеловала рыжий затылок: "Дядя Дэниел и в штатском отлично выглядит, у него хорошая фигура".

— Это верно, — признала Констанца и дернула ее за руку: "Пойдемте, тетя Эстер, посмотрим, что с моим яйцом случилось!"

— С каким еще яйцом? — они шли на набережную, по узкой деревянной лестнице. "С тем, что я сварила вкрутую, и в уксус положила, три дня назад, — объяснила Констанца, прыгая на одной ножке по грубой брусчатке. "Кислота растворит скорлупу, тетя Эстер. Тут раньше дядя Дэниел жил, — девочка остановилась перед хлипким домом. "На втором этаже, — добавила Констанца. "А сейчас он на Бикон-Хилл переезжает, да? Мы соседями будем".

— Да, — Эстер улыбнулась, вспомнив аромат кофе и веселый голос юноши: "Мой первый клиент, Эстер, расплатился со мной лобстерами — он рыбак был. Я их целую неделю ел, три раза в день, и вряд ли еще захочу".

— Простите, — она случайно столкнулась с кем-то. Невысокий, красивый юноша, приподняв шляпу рабочего, поклонился: "Моя вина, мисс".

Поднимаясь на Бикон-Хилл, девушка оглянулась. Он стоял, засунув руки в карманы, глядя на море. "Волосы, как сено, — подумала Эстер, — такие же золотистые".

— Белая, — сладко вздохнул Мэтью, скрывая дрожь в пальцах.

— Я послезавтра отплываю, на "Святой Женевьеве", меня никто не найдет. Вещи уже на корабле, там же я и ночую. Фламбе я продал, и вообще — это не я, а Майкл Смит. Тот пьяница, в Балтиморе, был готов все свои документы отдать за бутылку виски. Майкл Смит, седельщик из Мэриленда. Идите, ищите меня, так и в корабельных бумагах написано.

— Надо было за ними проследить, — он дернул щекой. "Ладно, Бостон, город маленький, наверняка они завтра опять придут сюда гулять. Брат мой, — юноша издевательски усмехнулся, — если верить "Бостонской газете", гниет в палатках в Пенсильвании, а больше

меня здесь никто не знает. Пять лет прошло, как мы с папой сюда приезжали. Адъютант генерала фон Штебена, скажите на милость, — Мэтью сплюнул через деревянное ограждение. Развернувшись, войдя в таверну, он присел за столик.

Подмигнув пышной, в чепце, хозяйке, Мэтью ласково попросил: "Кружечку бы эля, милая, и перекусить что-нибудь".

Женщина зарделась, поймав взгляд его ореховых глаз. Мэтью взял оловянную кружку, и, откинувшись назад, взглянул в раскрытые ставни. "Святая Женевьева" чуть покачивалась у причала, французский флаг лениво полоскался по ветру. Рядом стояли два бота с бело-красными, полосатыми штандартами, — каждый с десятью пушками.

Мэтью увидел тринадцать звезд на синем фоне и криво усмехнулся: "Нет, подальше от этих доморощенных революционеров. Вот только развлекусь напоследок, мне много времени и не понадобится".

Он принял тарелку с жареной рыбой и взялся за еду: "Пистолет у меня есть, кинжал с плетью — тоже. Как следует, попрощаюсь с Бостоном".

Парадное крыльцо красивого, красного кирпича дома украшала медная табличка: "Дэниел Вулф, дипломированный адвокат".

— Уже позаботился, — Джон, соскочил с лошади. "Как вам Бостон, миссис Онатарио? — юноша улыбнулся.

— Много людей, — степенно сказала индианка, забросив на спину черную, с проседью косу, оглаживая замшевую, вышитую юбку. "Ты вот что, — обратилась она к Дэниелу, который открывал дверь, — ты же говорил, у тебя тут знакомая есть, вдова брата Мирьям. Мне с ней будет удобнее жить, — она приставила ладонь к смуглому лбу и вгляделась в сверкающее море. Деревья в маленьком палисаднике шелестели под легким, теплым ветром.

— Верно, — хмыкнул Дэниел, разгружая лошадей. Он передал Нату связку книг: "Вы, юноши, тут устраивайтесь, а я пока миссис Онтарио к Эстер отведу".

— Лошадь мою почисть, — велела индианка Джону, — лошадь хорошая, мне на ней еще обратно ехать.

— Конюшня на заднем дворе, там как раз четыре стойла, — указал Дэниел. Нагнувшись, он взял кожаный мешок. "Я вам помогу, миссис Онатарио и не спорьте даже. Вообще — тут недалеко. Миссис Эстер, она тоже акушерка".

Они медленно шли по улице и Дэниел зло подумал: "Ну что смотреть, как, будто индейцев никогда не видели".

— Тут белые живут, — будто услышав его, сказала Онатарио. "Им я не в привычку, ничего страшного. Я тоже, как черных людей увидела, — она кивнула в сторону дома Дэниела, — их разглядывала".

— Незаметно было, миссис Онатарио, — ухмыльнулся юноша.

— Я старалась, чтобы так, — в серых глазах индианки заиграл смех. "Мирьям мне о нем говорила, — Онатарио вздохнула про себя, — не надо ему ничего знать. Да и нет ее больше".

— Мирьям про тебя рассказывала, — они остановились перед аккуратным, беленым домом с табличкой: "Миссис Эстер Горовиц, дипломированная акушерка". Онатарио помолчала. Она положила смуглую, сильную руку Дэниелу на плечо: "Ты ведь еще молод, — женщина улыбнулась, — Волк. Тоже Волк, как и я. Надо дальше жить".

— Спасибо, — Дэниел склонил голову и постучал молотком в дверь.

— Акушерка на вызове, — раздался сильный, еще не старческий голос. Миссис Франклин распахнула дверь и улыбнулась: "Дэниел!". Она недоуменно посмотрела на Онатарио и Дэниел подумал: "Да что это с ней? Как побледнела".

— А это миссис Онатарио, с озер, — радушно сказал Дэниел. "Она у меня переводчиком зимой была, когда я с Шестью Племенами встречался. Я подумал, может, вы ее приютите..., - женщины, — обе высокие, вровень друг другу, — все молчали.

— Джейн, — сказала, наконец, миссис Франклин. "Здравствуй, Джейн".

Высокая, в индейской одежде девушка, посмотрела на детей, что играли на полу вигвама. Присев, она велела мальчику — смуглому, темноволосому, сероглазому: "Филип, ты последи за Джейн. Я скоро вернусь".

— Мама, — пролепетала девочка. Мать, не говоря ни слова — вышла из вигвама. Девушка отвязала лошадь. Уже почти скрывшись в лесу, она обернулась. Над стойбищем поднимались дымки костров, были слышны голоса женщин. Она, вытирая лицо, глубоко, часто подышала: "За ними присмотрят. Присмотрят".

Девушка подергала поводья. Лошадь послушно пошла на восток — туда, где в легких, белых облаках виднелись горы.

Миссис Франклин медленно, аккуратно разлила кофе по оловянным чашкам. Так и стоя у стола, она сказала: "Я тебя полвека почти не видела, Джейн. Как раз тебе пятьдесят в следующем году".

Онатарио поднялась и взяла сухую, в морщинах кисть матери. "Я не в обиде", — сказала индианка на своем певучем, с акцентом, английском. "И Скенандоа, Филип — тоже не был. Правда, — она помялась и добавила, — мама".

— Все равно, — миссис Франклин, наконец, присела, — нельзя было вас бросать. С моим-то вторым мужем у меня детей не было, я и думала — это Господь меня наказал, за то, что вас оставила. А теперь, видишь, и Филипа больше нет, и внуков моих, что от него — тоже. И у тебя дети не рождались? — она испытующе взглянула на дочь.

— Не принято у нас так, — Онатарио отпила и сказала, изумленно: "Вкусный! На факториях такого нет".

— Я тебе дам с собой, как обратно поедешь, — миссис Франклин все смотрела на дочь. "Одно лицо со мной, — подумала она: "Возьмешь мешок, его в котелке варить можно. А почему не принято?"

— Я же на одном месте не сижу, — вздохнула Онатарио. "На всех озерах побывала, на западе — там, где равнина лежит. А с семьей — не покочуешь. Людей много, рожают много. Женщины, болеют, дети — им моя помощь нужна"

Пожилая женщина покачала головой. Онатарио, оглядев уютную гостиную, с чуть выцветшей, обитой шелком мебелью, тихо проговорила: "А что ты нас сюда, к белым не взяла, мама, так мы же говорили с Мирьям, как носила она — тут люди другие, у вас так не принято".

Миссис Франклин помолчала и велела: "Расскажи мне о Мирьям, дочка — что там с ребенком ее случилось? Он же от этого, — акушерка поморщилась, — Кинтейла был, которого вы Меневой называете?

Онатарио кивнула и начала говорить. Лицо матери, сначала спокойное, поменялось. Она, поднявшись, подойдя к полкам, где стояли книги, вытащила потрепанную тетрадь в кожаной обложке.

— Сорок лет практики, — миссис Франклин усмехнулась. "Что было необычного — сюда записывала. Вот, слушай, — она развернула пожелтевший листок, — это друг моего мужа покойного, тоже священник, преподобный Харт, прислал. В Чарльстоне случилось, четверть века назад".

— Дорогой Сэмуэль, — начала читать миссис Франклин, — твоей жене будет интересно услышать о несчастном создании, которое появилось на свет 5 апреля, у моей прихожанки Мэри Эванс. Даже и не знаю, как описать его. Кожа напоминала чешую пресмыкающегося и была покрыта многочисленными трещинами, на том месте, где должен был быть нос — у этого создания были два отверстия, и такие же отверстия я увидел на месте ушей. Вместо глаз у младенца, — если можно назвать его таким словом, — были мешки крови, размером с небольшую сливу. Руки и ноги были скрючены, изуродованы, и похожи на лапы ящерицы. Задняя часть головы была плоской, и оно издавало странный, страдальческий, тихий крик. Оно скончалось на вторые сутки после рождения, но я видел его живым.

Онатарио сидела, не поднимая головы, а потом шепнула: "Да". "А у этого Кинтейла, — продолжила миссис Франклин, — ты говоришь, здоровый ребенок был?"

— Девочка, Мэри, — ответила индианка. "Сильная, крепкая, красивая".

— От рабыни его, — миссис Франклин помолчала, — Юджинии, той, что он повесить велел. Значит, это у Мирьям в крови, — она сцепила длинные пальцы. "Да все равно, раз ее в живых уже нет, наверное". "И у Хаима тоже — подумала миссис Франклин. "Может, и хорошо, что у Эстер от него ребенка не было. Хотя есть болезни, что только по женской линии передаются".

— Она у меня настой просила потом, Мирьям, — дочь взглянула на мать. "Может, когда ты у нас жила, слышала о нем? Он женщину бесплодной делает".

— Воробейник, индейская кисть, и дикая гречиха, — хмыкнула миссис Франклин. "Пить полгода, по чашке в день, и у тебя больше никогда не родятся дети. Но я не видела, ни одной женщины, что его пила, милая.

— Я видела, мама, — Онатарио подперла щеку рукой. "Он и вправду помогает. Только какая разница, Мирьям все равно, что мертва, оттуда, — она махнула рукой на запад, — не возвращаются".

Миссис Франклин усмехнулась. Она поцеловала темный, с проседью затылок дочери: "А этого ни ты, ни я знать не можем. Собирайся, пойдем, проводим твоего Большого Джона. Пусть уже мальчик домой едет".

Дэниел посадил Констанцу себе на плечо: "Видишь, "Святая Женевьева"? Она завтра отплывает. А дядя Джон — сегодня, на "Милой Амалии", до Сен-Мало, а потом оттуда — в Плимут".

— Это пока войны нет, — отозвалась, поерзав Констанца.

— А ты откуда о войне знаешь? — удивился Дэниел. Девочка закатила темные глаза: "Я "Бостонскую газету" читаю, каждый день. Дайте, — она ловко слезла на брусчатку набережной и рассмеялась: "Когда вы у нас сегодня обедать будете, я вам яйцо покажу. У него нет скорлупы, растворилась, — Констанца подпрыгнула, тряхнув косичками, и побежала к Эстер, что стояла у ограждения.

— Еще пяти лет нет, а уже опыты ставит, — смешливо подумал Дэниел, — Эстер же мне о ее родителях рассказывала.

— Вы как хотите, капитан — Нат решительно засунул руки в карманы мундира, — я тут еще пару дней побуду, а потом в Виргинию отправлюсь, за Салли.

Дэниел искоса взглянул на твердый очерк подбородка юноши: "А я? Если бы я действительно любил Мирьям — не сидел бы сейчас с клиентами, а уехал на запад. Миссис Онатарио идет их искать, там племянница ее. А я, мужчина, тут остаюсь. Значит, не любишь, капитан Вулф, себе-то правду хоть скажи. Любил бы — всю страну ради нее перевернул".

— Мы же не в армии, Нат, — тихо сказал Дэниел, — запретить я тебе этого не могу. Только будь осторожней, пожалуйста.

Фримен присвистнул: "Не первый раз в разведке, капитан. Я и Салли слово друг другу дали, еще пять лет назад, как ей двенадцать было, а мне — четырнадцать. Мое слово крепкое, я свою невесту в рабстве не оставлю, — Нат улыбнулся: "Она девушка работящая, не пропадет, пока я воюю, да и денег мы скопим, хоть немного".

— Ну, езжай, — Дэниел обнял его: "Вон Джон, на корме, машет нам. Так в индейской одежде и остался, смотри-ка".

— Ему идет, — подумала Эстер, приподнимаясь на цыпочки. "Он на отца своего очень похож, одно лицо. Письма я с ним передала. Теперь хоть Питер будет знать, что с нами все в порядке".

"Милая Амалия", под развернутыми парусами, быстро выходила из гавани, золоченый кузнечик на крыше Фанейл-Холла крутился под сильным ветром. Констанца подергала Эстер за руку: "Тетя, пойдемте чаек кормить".

— Обед же готовить надо, — ласково ответила Эстер. "Миссис Онатарио уезжает, и Нат — тоже, так что сегодня у нас все собираются".

— Идите, идите, — махнула рукой пожилая акушерка. "Очаг же горит у тебя, значит — нам можно готовить. Вы погуляйте, пусть побегает девочка".

Эстер и Констанца стали спускаться по узкой, деревянной лестнице. Дэниел, посмотрев вслед стройной, в черной шерсти спине, увидел локон, что выбился из-под такого же черного чепца. Волосы девушки бились на ветру. Дэниел велел себе: "Нельзя, не смей, она вдова Хаима, даже и думать о таком — грех".

Толпа стала расходиться, и он услышал звонкий голос Констанцы: "Тетя, уже нет никого,

можно по воде пошлепать? И вы со мной!"

— Ты что, — ужаснулась Эстер, — там же люди, на набережной!

— Да все ушли, — Констанца потащила ее за руку к деревянной лодке и велела, уперев руки в бока: "Снимайте! Туфли и чулки!"

Дэниел краем глаза увидел ослепительную белизну тонкой щиколотки. Заставив себя отвернуться, пробормотав что-то, он пошел вверх, на Бикон-Хилл.

— По воде бегают, — Мэтью вышел на палубу. Достав короткую, оправленную в медь, подзорную трубу, он рассмотрел лицо девушки. "Как раз то, что нужно — кожа белая. Креолка, наверное, или еврейка. Да все равно. Девчонку трогать не буду, от них толку никакого. А эту… — он облизал острым языком тонкие губы. "Ей понравится, непременно. "Милая Амалия" ушла, а завтра — и мы отправляемся. Прощай, Новый Свет".

Девушка подняла подол платья — почти до колен. Мэтью, часто дыша, оглянувшись, — на палубе никого не было, — велел себе: "Потерпи. Ты узнаешь, где она живет, и придешь туда ночью. Не сейчас, сейчас еще светло".

Он постоял, успокаиваясь, и увидел, как девушка с ребенком собираются. Мэтью быстро спустился в каюту. Взяв оружие, выходя, он постучал в соседнюю дверь. "Мистер Армитедж, — крикнул он, — это я, Майкл, ваш сосед. Не желаете напоследок по кружечке эля? Я на берег иду, посидеть в таверне".

— Лучше я умру, — донесся до него измученный голос. "Похмелиться не могу, не то, что пить!"

— Я вам принесу бутылочку, — пообещал Мэтью, улыбаясь. Сбежав по сходням, заметив, как женщина в черном платье заворачивает за угол, он осторожно пошел следом.

Над морем уже появился тонкий, бледный серпик луны. Мэтью, поднявшись на Бикон-Хилл, свернул в узкую улицу. "В таверне меня видели, бутылочка для Армитеджа — при мне, — он похлопал по карману куртки, — не придерешься. Так что познакомимся поближе с миссис Эстер Горовиц. Где-то я эту фамилию уже слышал. Тот капитан у патриотов, с которого скальп сняли. Муж ее, или брат, наверное".

В окнах нижнего этажа горели свечи. Мэтью ловко перебрался через ограду и, пригнувшись, — прижался к стене дома.

Он быстро заглянул в гостиную и, отпрянув, выругался. "Братец мой должен в Пенсильвании сидеть, а вовсе не здесь, за чашкой кофе. И сволочь эта беглая, Нат, — тоже там. Конечно, Дэниел всегда негров любил. Наверняка, спал с Тео, а потом — сплавил ее подальше. Я поспрашивал, осторожно — но никто ничего не слышал. Ну и черт с ней. И две бабы там какие-то. Нет, опасно".

Он сжал зубы. Подождав, пока прекратят дрожать руки, Мэтью приказал себе: "Возвращайся на корабль, выпей лауданума и ложись".

Он опустил голову и, увидев перед глазами бесконечную, черную тьму, — чуть слышно зарычал. "Хочу, — Мэтью достал кинжал, чувствуя его смертельную, острую тяжесть. "Хочу. Я не могу, я уже решил. Пусть не она, все равно — кто".

Из дома раздался какой-то шум. Мэтью быстро ринулся прочь. Оказавшись за углом, он отдышался и, огляделся: "Шлюху брать нельзя, они на набережной гуляют, там еще людно".

Немного успокоившись, он пошел легкой походкой вниз. Дверь какого-то дома позади, открылась. Мэтью услышал женский голос: "Добеги до миссис Питерс, Маргарет, попроси у нее взаймы пару яиц, наши-то не неслись сегодня".

Мэтью нырнул куда-то в канаву, под темные кусты. Приподняв голову, он увидел девочку лет тринадцати, в холщовом платье и переднике, что вышла на улицу. Вокруг было сумеречно, и тихо. Когда она поравнялась с Мэтью, он мгновенно поднялся и, — не успела девочка закричать, — ударил ее по затылку рукоятью пистолета.

Красивый, гнедой жеребец, вырываясь из рук конюхов, бешено косил сизым глазом. Из-под копыт летела пыль. Конь, встряхнув головой, дернувшись — поскакал вокруг двора.

— Знаете, мистер Адамс, — в сердцах сказал кто-то из слуг, — уж как мы только к этому Фламбе не подходили — бесполезно. Он совсем бешеный. В Африке, видно, их не объезжают.

— Ерунда, — резко ответил Сэмуэль Адамс, — торговец, у которого я его купил, клялся, что у него очень хороший характер.

— Правда, у этого торговца конь всего пару дней был. Какой-то парнишка его привел, бедняк, из Мэриленда. Украл, что ли? — Адамс наклонил напудренную голову, и посмотрел на лошадь. Фламбе остановился и сердито заржал.

— Позвольте мне, — раздался голос сзади. Маленький, хрупкий юноша в черном сюртуке и треуголке, бесцеремонно отодвинув тучного Адамса, прошел к коню. Он твердой рукой взял поводья. "Мистер, как вас там, — закричали конюхи, — он вас убьет!"

— Не убьет, — рассмеялся юноша. Люди вокруг ахнули. Фламбе, почувствовав всадника, поднялся на дыбы. Юноша прикусил губу. Наклонившись, он что-то шепнул на ухо лошади. Гнедой отозвался голосом — ласково и стал легкой рысью кружить по двору. Молодой человек, спешившись, взяв Фламбе за уздцы, подошел к Адамсу.

— Отлично у вас получилось, — хмыкнул тот, — мистер…

— Миссис, — юноша стянул замшевую перчатку и подал Адамсу белую — без браслетов, без колец, руку. "Миссис Марта Бенджамин-Вулф, урожденная де Лу. Мой покойный отец, мистер Теодор де Лу, был вашим клиентом. То есть вашего брата, — поправилась Марта. "Мне сказали, что мистер Джон Адамс во Франции, — она махнула рукой на открытые окна конторы: "Простите, если я не вовремя, все же суббота сегодня…"

— Ничего страшного, — Адамс поклонился, — я все равно был здесь. Джон в Париже, до осени, но я его замещаю, миссис Бенджамин-Вулф. Я видел письмо, что пришло позавчера, насчет похорон вашего батюшки. Я очень, очень сожалею. Конечно, мы все устроим, как надо. Пойдемте наверх, я угощу вас кофе.

Уже у двери, что вела внутрь конторы, Марта остановилась: "Мистер Адамс, а где вы купили этого прекрасного жеребца? Он ведь берберский, правда?"

— Вы разбираетесь в лошадях, миссис Бенджамин-Вулф, — улыбнулся Адамс. "У мистера Норта, у него лучшие кони на севере".

— А, — только и сказала Марта. Уже в кабинете Адамса, удобно устроившись в кресле, приняв серебряную чашку с кофе, девушка обвела глазами темные шелковые обои, мраморную голову Цицерона на дубовой колонне, бронзовые часы с фигуркой Фемиды: "Мистер Адамс, сначала я хочу оплатить погребение, — она достала из-за отворота сюртука конверт.

— У ювелира даже глаза расширились, когда я шкатулку открыла, — Марта откинулась в кресле и отпила еще кофе. "Денег у меня сейчас столько, что хватит несколько лет в Европе прожить. Но сначала — Лондон, надо покончить с Мэтью. Как бы так ненароком спросить у Адамса, где Дэниел? В газете было написано — еще в Пенсильвании, в армейском лагере. Как бы туда ехать не пришлось. И Салли надо узнать, — где Нат, — Марта незаметно вздохнула. "А у этого Норта я выясню, кто продал ему Фламбе. Мэтью, наверняка, не под своей фамилией путешествует. Жалко Фламбе, папа его так любил".

— Вот расписка, миссис Бенджамин-Вулф, — юрист приложил печать. "Вы где остановились? Мы вам сразу же сообщим о времени похорон, как все будет подготовлено".

— Сняла комнаты, те, что мистер Брамвелл на продажу выставил, — небрежно ответила Марта, и Адамс хмыкнул про себя: "Денег не пожалела. Говорят, ее свекор половиной Виргинии владеет. Красавица, конечно, и молоденькая еще совсем".

Марта вспомнила восторженный голос Салли: "Как тут просторно, миссис Марта! Даже ходить по такому ковру страшно!

— Он уже ходит, — Марта подхватила Тедди. Щекоча его, девушка рассмеялась: "И ходить, и валяться, обязательно!"

— Моему сыну полезен морской воздух, поэтому я хочу провести лето в Бостоне, — небрежно ответила Марта. "Мы только сегодня приехали, я не успела переодеться, — она коротко показала на свой сюртук. "Волосы, у нее какие, — Адамс все рассматривал ее, — как старая бронза. А ей идет мужской костюм".

— И еще, — зеленые глаза зорко взглянули на Адамса, — мой покойный отец оставлял у вас кольцо, с тем условием, что либо он, либо я, его заберем.

Адамс вытащил с полки большую тетрадь. Пролистнув страницы, он поднял голову: "Именно так, миссис Бенджамин-Вулф. Оно здесь, в хранилище. Желаете пройти со мной или подождете тут?"

— Ну что вы, — ласково улыбнулась девушка, — я вам доверяю. Адамс вышел. Марта, рассеянно посмотрев на стол, приподнялась в кресле. В мраморной шкатулке лежали визитные карточки. "Дэниел Вулф, адвокат, Бостон, — прочла Марта. "Бикон-Хилл, собственный дом". Внизу твердым почерком было написано: "Дорогой мистер Адамс, спасибо за приглашение, буду рад участвовать в комитете по созданию конституции нашего штата. С уважением, Дэниел".

— Вот и оно, — раздался сзади голос Адамса. Марта приняла бархатную коробочку. Раскрыв ее, она помолчала: "Спасибо вам". "Один такой на свете, — вспомнила она слова отца. Камень играл, переливался в свете солнца — синими, отшлифованными гранями.

Марта надела кольцо и услышала мягкий смешок отца: "Он из тех же копей, откуда Таверньe потом привез для короля Людовика его Le bleu de France. Из Голконды. Только наш поменьше, конечно".

Она подала Адамсу руку. Тот, взглянув в сияющие, большие глаза, улыбнулся: "Всегда к вашим услугам, миссис Бенджамин-Вулф".

Салли с Теодором гуляли по набережной. "Вода! — услышала Марта радостный крик сына. "Много воды!"

— Все, — она легко подхватила ребенка на руки, — давай его сюда, сейчас пойдем к мистеру Дэниелу, я узнала, где он живет. И не грусти, — Марта увидела глаза Салли, — он наверняка тебе скажет — где Нат.

Марта вдохнула свежий, чистый морской воздух: "Господи, как хорошо, Салли! Я дома, наконец-то, дома, на севере! Тут знаешь, какой снег идет, зимой!"

Салли поежилась. Марта, расхохотавшись, оглянувшись, поцеловала ее в щеку: "Вам, кто из Южной Каролины — этого не понять. А теперь сам, — она поставила Тедди на ноги, и тот заковылял между девушками.

— Итак, принимая во внимание дело Роуэна против Милфорда (см. приложение А, решение, вынесенное судьей Адамсом в 1771 году, в Бостоне), мой клиент считает, что обвинения истца беспочвенны. Пожар в сторожке истца произошел лишь вследствие небрежности ее владельца, а вовсе не по преступному умыслу моего клиента…

— Кофе? — Натаниэль просунул в дверь кудрявую голову.

— Только если ты сам пьешь, — мрачно отозвался Дэниел. "С этой тяжбы, — он похлопал рукой по бумаге, — еще мои внуки кормиться будут, поверь мне".

Нат внес кофейник. Поставив чашки на круглый, низкий столик у камина, он устроился в кресле: "Одежду я вам всю в порядок привел, обувь тоже, лошадь почищена, можно уезжать".

— Когда я жил там, — Дэниел махнул рукой в сторону гавани, — я сам убирал. И прекрасно справлялся. "Нет, — напомнил он себе, — Мирьям приходила. Мыла полы, одежду мою чинила. Я ее ждал, и волновался — придет, или нет? А потом я устраивался на подоконнике, с книгой, и украдкой смотрел — что она там делает? Она откидывала косу на спину, и, отложив иголку, говорила: "Не отвлекайся, пожалуйста".

— Жениться бы ему, — вздохнул Нат. "Дом хороший, три спальни, кабинет, гостиная, места много. А все равно — один. Тяжело ему сейчас, конечно. Надо будет попросить миссис Франклин или Эстер приютить Салли, пока я из армии не уйду. А если продали ее, — Нат застыл, поднеся чашку к губам. "С мамой все хорошо, я ее навещал — а Салли? Все равно найду, — пообещал себе Натаниэль. Он удивился, услышав стук молотка: "Клиент к вам, что ли? Так суббота ведь. Сидите, я открою".

Он распахнул парадную дверь и замер — она стояла, высокая, смуглая, с убранными в пучок, темными, кудрявыми волосами. В глазах у нее блестели искорки солнца.

— Нат, — шепнула Салли. "Господи, я не верю, Нат, милый мой…"

Он всхлипнул и, прижав ее к себе, целуя, покачал: "Все, любовь моя, все. Все закончилось. Мы вместе, навсегда".

Салли обернулась. Вытирая слезы, она проговорила: "Это миссис Марта меня спасла, спрятала,

а потом сюда привезла, на север".

— Идите уже, — Марта ласково подтолкнула Салли, — гулять, дорогие мои. Вам же поговорить надо, о многом.

Нат схватил с сундука в передней свой мундир. Салли ахнула, разглядывая его: "Как красиво! Это солдатам такое выдают?"

— Сержантам, — расхохотался Нат. Заслышав шаги Дэниела, негр весело сказал: "Посмотрите, какие у нас гости, капитан!"

Марта сняла треуголку. Она протянула Дэниелу руку: "Здравствуй! Почти пять лет мы с тобой не виделись".

— Марта, — он растерянно посмотрел на толстенького, кудрявого ребенка в бархатной курточке. Тот поерзал. Когда мать поставила его на дорожку, мальчик радостно захлопал в ладоши: "Дядя!"

— Капитан, мы в городе поедим, — Натаниэль подал руку Салли. Марта, поманив его к себе, шепнула: "Ты мимо Первой Церкви-то ее проведи. Зайдите к преподобному отцу Ченси, договоришься с ним о венчании".

Натаниэль только широко улыбнулся.

Калитка закрылась. Дэниел, присев, спросил: "А как зовут моего племянника?"

— Теодор, — она посмотрела в сине-зеленые, красивые глаза юноши. "Это твой брат, Дэниел".

Салли и Натаниэль, рука об руку, медленно шли по зеленой лужайке у подножия Бикон-Хилла. "Этому парку больше ста лет, мне капитан рассказывал, — Нат показал на старые дубы. Салли посмотрела в сторону деревьев: "Там и посидеть можно, я шаль не зря прихватила. Кусты высокие, густые".

Нат усмехнулся. Оглянувшись, обняв ее за плечи, он прошептал: "А что ты мне там рассказывать начала, Салли, так ты думаешь, я, почему из поместья сбежал? Тоже поэтому".

Темные глаза девушки расширились. Она нежно погладила юношу по голове: "Господи, бедный мой".

— Понятно было, — Нат смотрел куда-то вдаль, — что одним разом мистер Мэтью не ограничится. Вот я и ушел. Надо было тогда еще тебя забрать, да вот промедлил я, — юноша вздохнул и тут же оживился: "А преподобный отец, какой понимающий попался, а, Салли?"

— Так ты же ему соврал, мол, отпуск у тебя скоро заканчивается, — Салли хихикнув, раздвинула кусты и нырнула на крохотную полянку.

— И вообще, — твердо сказал Нат, следуя за ней, — они нам больше не хозяева. Мистер Дэвид умер, а мистер Мэтью, ты говоришь, в Старый Свет собирался.

— Негры болтали, — кивнула Салли, расстилая шаль на траве.

— Тем более, мы его больше не увидим, этого мерзавца, — Нат усадил ее рядом и обнял. "Кинтейл, если нам попадется — за все ответит, это же его индейцы меня ранили. И капитана

Горовица потом убили".

Салли взяла его руку и приложила к щеке: "Вот сейчас мистер Дэниел заверит мои показания, и я никогда, никогда больше об этом не вспомню. Жалко только, что твоя мама не сможет на венчании быть".

— Капитан ее освободит, обязательно, — Нат поцеловал девушку куда-то за ухо и нахмурился: "Чем это пахнет? Опоссума, что ли, собака задрала?"

Салли поморщилась. Поднявшись, она заглянула под кусты. Негритянка замерла на месте, а потом отчаянно, громко закричала.

Марта посмотрела на Дэниела: "Тедди спать пора. Можно, я его тут где-то уложу, ненадолго? Мы в комнатах Брамвелла остановились, так что не обременим никого".

Дэниел поднял голову из ладоней и, дернул щекой: "Конечно. На втором этаже…там спальни, как раз на залив выходят. Ты окна открой, сейчас тепло, Тедди хорошо спать будет".

Юноша проводил глазами каштановые волосы брата — мальчик положил голову на плечо матери и сонно, ласково улыбался. Когда дверь за ними захлопнулась, Дэниел опустил голову на раскрытую тетрадь, что принесла Марта, — и заплакал.

В спальне было темно, Мэтью лежал, чуть вздрагивая, свернувшись в клубочек. Дэниел, сидел на подоконнике: "Заснул. Доктор ему капель каких-то дал. Мама, мамочка…, - он уткнул голову в колени и приказал себе не плакать. Перед глазами была сухая земля на крышке гроба, и Дэниел услышал тихий голос: "Сыночек…"

От отца пахло привычно — табаком и немножко виски. "Я взрослый, — сказал себе мальчик, — мне шесть лет, нельзя, нельзя…". Отец взял его на руки. Присев на постель, укачивая, он запел что-то — нежно, едва слышно. Дэниел обнял его. Прижавшись к сильному плечу, мальчик прошептал: "Ну как же так, папочка…, Как мы теперь, без мамы…"

— Не надо, не надо, милый, — отец вздохнул. Погладив его по голове, он так и сидел — пока Дэниел, успокоившись, зевая, не ощутил, что отец укладывает его в постель. "Храни тебя Господь, сыночек, — раздался голос отца где-то над ним. Дэниел, так и, держа его руку — заснул.

— Почему? — подумал Дэниел. "После всего, что мне Марта рассказала? Он же говорил, что я ему больше не сын. А я все равно плачу. Или это потому, что я вспомнил, как он учил меня охотиться, как мы с ним вместе читали Шекспира, как он приходил вечером ко мне, целовал и говорил: "Доброй тебе ночи, милый". Папа, папа…, - он вытер лицо и почувствовал на плече ее нежную руку.

— Не надо, — сказала Марта. "Я понимаю, Дэниел, я все понимаю. Когда Мэтью приехал в поместье, в трауре, я тоже — пошла к Тедди, посмотрела на него и подумала: "Сирота". Это ничего, ничего".

— Прости, — Дэниел вздохнул. Взяв платок, вытерев лицо, он поднялся. Дэниел достал из шкапа бутылку и бокалы. "Хорошее вино, — Марта попробовала. "Прочитал мои записи? — она кивнула на тетрадь.

— У тебя отличный глаз, — одобрительно сказал Дэниел, — тебе бы преступления

расследовать.

Марта выпила и отмахнулась: "Я с детства охочусь. Папа меня учил — чтобы выследить зверя, надо быть очень внимательным".

— Зверь, — Дэниел, на мгновение, увидел перед собой ореховые, красивые глаза брата: "Конечно, никаких сомнений — это убийство. Только вот, — он опустился в свое кресло, — где сейчас Мэтью?"

— Он продал папиного жеребца, Фламбе, — Марта улыбнулась, — так что я узнаю у торговца лошадьми, — под каким именем Мэтью путешествовал. Потом схожу в контору порта, просмотрю списки пассажиров на кораблях, что отправлялись в последнее время. Я думаю, он в Лондон поехал, он там переписывался с каким-то человеком, мистер Джон его зовут. Шифром, — Марта со значением подняла бровь.

Дэниел потянулся за бумагой и что-то написал. "Вот, — сказал он, — это адрес в Лондоне, там живет юноша, Джон Холланд его зовут. Он спас Мирьям, сестру капитана Горовица. Потом Кинтейл напал на индейскую деревню, где они жили, — лицо Дэниела помрачнело. "Капитана Горовица — тоже Кинтейл убил".

— Повесить бы его уже, этого Кинтейла, — зло отозвалась Марта. Выпив вина, она приняла бумагу.

— Джон тебе поможет, в Лондоне, он мой друг. А это адрес Тео, в Париже, она актриса, в Comedie Francais играет.

— Слава Богу, — облегченно сказала Марта, — все хорошо с ней.

Девушка убрала листок в свою тетрадь и помолчала.

— Твой отец, — она взглянула на Дэниела — когда я в последний раз его видела, сказал мне, где его завещание лежит — у "Бромли и сыновей", в Лондоне. Так что мне первым делом туда надо. Потом я увижусь с этим мистером Джоном, на Ладгейт-Хилл.

Дэниел вспомнил синие глаза ребенка: "Думаю, отец все Тедди оставил. Может, не повезешь его в Лондон? Мы за ним присмотрим, здесь, в Бостоне. Потому что если с маленьким что-то случится, то земля и деньги достанутся Мэтью. Он же его отец, по бумагам, — Дэниел покраснел.

— Мой сын будет со мной, — твердо отозвалась Марта. Она склонила голову набок: "Стучат".

Салли стояла на пороге, кудрявые волосы растрепались, на смуглом лице были видны следы слез.

— Ната арестовали! — выкрикнула она. Уронив голову на плечо Марте, негритянка разрыдалась.

— Пошли, — велела ей девушка. Усадив Салли в кресло в кабинете, она попросила: "Дэниел, вина ей налей".

Салли одним глотком выпила полбокала, высморкалась: "Мы поели в гавани, потом к преподобному отцу сходили, в церковь. Послезавтра уже и венчаемся. Гуляли в том парке, что у подножия Бикон-Хилла. Пришли на лужайку, ее с дороги не видно, — негритянка

покраснела. "Там мертвечиной пахло. Я кусты раздвинула, а там..., - Салли подышала: "Мы сразу в милицию побежали. Ната тут же арестовали, говорят, что это он убил..., Он в милиции, его заперли. И тело той бедняжки — там же"

— Какая чушь, — поморщился Дэниел, потянув со спинки кресла свой сюртук. "Сидите тут, я сейчас пойду..."

— Нет, — Марта поднялась и взяла треуголку. "Напиши мне записку, что я твой помощник, — девушка пощелкала пальцами, — Мартин какой-нибудь. Потом сними показания с Салли — в двух экземплярах..."

— Что за показания? — нахмурился Дэниел.

— Услышишь, — мрачно ответила Марта, забирая лупу с его письменного стола. "Одну копию я с собой в Лондон возьму, пригодится. Потом пусть Салли берет Теодора и веди их к миссис Горовиц. Ты же говорил, она поблизости живет. Потом приходи туда, в милицию. Все, — Марта наклонилась. Поцеловав Салли в затылок, она шепнула: "Все будет хорошо".

Дэниел вдохнул запах жасмина: "Джон в этом же кресле сидел, когда о Кинтейле рассказывал. Сидел, а я записывал. Господи, ну что я еще услышу?"

Он взял чистый лист бумаги и осторожно сказал: "Салли, я сейчас задам тебе скучные вопросы, — как тебя зовут, сколько тебе лет, — так положено. А потом начнем, хорошо?"

Негритянка кивнула. Стянув шаль на стройных плечах, девушка начала говорить.

Марта вскинула голову. Посмотрев на белые колонны, над которыми развевался американский флаг, она решительно взбежала по каменным ступеням, открыв дверь с табличкой: "Милиция штата Массачусетс, Бостонское отделение".

— Я помощник адвоката Вулфа, — сказала она, протягивая записку дежурному минитмену — в фермерской куртке, с пистолетом за поясом. "Мне надо увидеть арестованного и осмотреть тело убитой".

Ополченец сплюнул ей под ноги коричневую слюну. Он хмуро сказал, поднимаясь: "Доктор Абрахамс только что уехал, вы с ним разминулись. Я его таким бледным никогда не видел. Вздернут эту черную скотину, и, слава Богу. Еще чего — руку на белых женщин поднимать".

Марта поправила свою треуголку: "Отведите меня к арестованному, мистер. Адвокат Вулф скоро приедет, он будет его защищать".

Они спустились вниз по узкой, деревянной лестнице. Минитмен, отпирая тяжелую дверь подвала, усмехнулся: "А вы, — он взглянул в записку, — мистер Мартин, не адвокат, а только помощник, так что я буду присутствовать при вашем разговоре с арестованным. Я законы знаю".

— Ради Бога, — отмахнулась Марта.

Натаниэль сидел, прислонившись к стене, закрыв лицо руками. "Адвокат Вулф велел вам передать, чтобы вы не волновались! — звонко сказала Марта. Увидев, как Нат поднял темные глаза, девушка быстро ему подмигнула. Сержант чуть заметно улыбнулся. Марта повернулась к дежурному и небрежно засунула руки в карманы сюртука: "Все".

— Стоило меня ради этого с места срывать, — пробурчал ополченец, поворачивая ключ в замке. "Тело на дворе, в сарае. Идите, осматривайте, сколько хотите. Мать ее опознала уже, — Маргарет Брэдли, пропала вчерашним вечером, на Бикон-Хилле. Она ее всю ночь искала, а с утра — к нам пришла. Думали, сбежала девчонка, а тут вот какое дело, — ополченец тяжело вздохнул. Марта попросила: "Я у вас еще чернильницу с пером одолжу, ладно?"

В сарае было тихо и солнечно. Марта посмотрела на прикрытый холстом деревянный стол, — темные волосы девушки свисали почти до пола. Обернувшись, девушка наложила на дверь засов. Скинув треуголку, достав из кармана сюртука тетрадь и лупу, она засучила рукава рубашки.

Подняв холст, Марта долго стояла, глядя на тело. "Прости, пожалуйста, Маргарет, — наконец, проговорила Марта. Перекрестив белый, испачканный засохшей кровью лоб, она глубоко вздохнула Диктуя сама себе, девушка стала записывать: "18 апреля 1778 года, Бостон. Полдень. Осмотр тела жертвы, Маргарет Брэдли. По внешнему виду — тринадцати-четырнадцати лет, среднего роста, худощавого телосложения. Волосы темные, глаза… — Марта прервалась, — глаза отсутствуют".

Она вздохнула и продолжила говорить.

Дэниел зло, с росчерком расписался. Он швырнул бумаги на стол начальника бостонской милиции, и хмуро сказал: "Можно было бы подумать головой. Вряд ли убийца придет на то место, где он спрятал труп, а до этого — будет договариваться о своем венчании. Вот мои показания — сержант Фримен провел вчерашний вечер в гостях у миссис Горовиц, вдовы капитана Хаима Горовица. Там же был и я, и еще двое свидетелей".

— Одна из них — индианка, — пробурчал бородатый мужчина, вытряхивая табак из трубки. В открытое окно был слышен детский смех: "Тедди, дай мне руку! — строго велела Констанца, — и стой вот тут. Не бегай".

— А потом, — сдерживаясь, продолжил Дэниел, — сержант Фримен ночевал у меня дома.

— Он мог дождаться, пока вы заснете и незаметно выскользнуть на улицу, — упрямо отозвался начальник милиции. "Это же негры, они на все способны. Белый человек такого не сделает…"

Дэниел нарочито спокойно ответил: "Вы читали про смерть капитана Горовица? Все читали. Это белый сделал, англичанин, дворянин. Лорд Кинтейл. А я, — он вздернул подбородок, — вырос в Виргинии, так что не надо мне рассказывать — на что способны негры и белые. Идите, — он кивнул, — я буду ждать сержанта Фримена на улице".

Дэниел спустился по ступеням — Эстер стояла, держа за руку Салли. "Да все хорошо, — сказал он, подойдя к женщинам. "Сейчас появится ваш жених, мисс Хит".

Констанца подергала его за полу сюртука: "Значит, адвокат все может, дядя Дэниел?"

— Не все, милая, — неожиданно мрачно ответил мужчина.

Марта сидела на грубой скамье, закинув ногу за ногу, опустив голову, вчитываясь в свои заметки. "У нее волосы, как палые листья, — подумал Дэниел, и перевел взгляд на стол — тело было закрыто холстом.

Он откашлялся: "С Теодором все в порядке. Миссис Франклин поехала дочь провожать, так что

если Эстер на вызов уйдет — Салли за детьми присмотрит".

— Салли, — он вспомнил тихий, холодный голос негритянки. "После этого мистер Бенджамин-Вулф велел мне уйти. Мне было очень больно, все кровоточило. Я добралась до своей комнаты и потеряла сознание. Миссис Перл меня нашла на полу, когда пришла будить меня. Все".

— Салли, — Дэниел отложил перо, — ты прости, но я должен спросить — ты была,..., до этого с мужчиной?

Темные глаза застыли и она кивнула: "Да. С вашим отцом, мистер Дэниел".

— Спасибо, — Марта подняла голову и повертела в руках тетрадь. "Я потом перепишу все это, а ты заверишь — тоже в Лондон возьму". Она поднялась и откинула холст: "Вот".

Дэниел долго стоял, ничего не говоря. Марта, положив маленькую руку на его плечо, вздохнула: "Я кое-что нашла, на скамье".

Дэниел опустился на колени и взял лупу — на листке бумаги лежали три золотистых, коротких волоса.

— Он постригся, наверное, — Марта все рассматривала труп. Дэниел обернулся: "Очень похоже на то, что он делал с Салли. Я записал ее показания. Тоже — следы от плети, и все остальное, — Дэниел посмотрел на лицо Марты и замолчал.

— О "Доме Радости" она тебе рассказывала? — спросила Марта. Дэниел кивнул. "Ладно, — Марта взяла треуголку, — я к этому лошадиному барышнику, а потом в порт. И когда я только платье надену? Начальник милиции уже здесь, иди к нему. Незачем Нату под замком сидеть".

Нат сбежал на мостовую. Салли, всхлипнув, бросилась ему на шею. "Все, все, — ворчливо сказал юноша. "Просто ошибка. Давайте, я вам с детьми помогу, миссис Горовиц".

Эстер отвела Дэниела в сторону: "Так кто же это сделал? Мы, пока сюда шли, уже, что только не слышали — и что это индейцы, и что убийца прислал начальнику милиции конверт с ее, — девушка поежилась, — глазами, и что теперь детей на улицу нельзя выпускать, потому что он еще в городе, мерзавец этот".

— Нет, — ответил Дэниел, глядя на сверкающее море вдалеке, — не в городе. Это точно, Эстер. Идите, я сейчас с Мартой в порту встречусь и приведу ее к тебе.

— Мама! — обиженно сказал Тедди, попросившись на руки к Дэниелу. "Где мама!"

— Брат, — подумал юноша. Подышав в нежное ушко, — мальчик хихикнул, — он улыбнулся: "Сейчас я за ней пойду, а потом вы с Констанцей ляжете спать!"

— Я большая! — возмутилась девочка. "Это пусть малыши после обеда спят".

— Все, все, — подогнал их Натаниэль. Взяв невесту за руку, он что-то ей шепнул. Салли рассмеялась, и они стали подниматься вверх, на Бикон-Хилл.

Дэниел посмотрел им вслед и пошел по оживленной улице к морю. Скрипели телеги, из пекарни пахло свежим хлебом, дул легкий, весенний ветер, и он подумал: "Надо просто начать все сначала. Мне ведь всего двадцать три". Дэниел посмотрел на ручейки воды, что текли по булыжникам и услышал чей-то голос: "Мистер Вулф!"

Рыбак остановил телегу: "Вернулись, значит, к мирной жизни. А ведь война еще идет".

— Скоро закончится, мистер Томас, — улыбнулся Дэниел. "Что, опять подрались с кем-нибудь?"

Томас звонко расхохотался: "Вы теперь в Бостоне, так что непременно подерусь. Слышал, из каморки-то вашей в дом переехали? — он кивнул на Бикон-Хилл. "Лобстеров вам привезу, раз уж в город выбрался".

— Спасибо! — крикнул Дэниел ему вслед.

Марта стояла у деревянного ограждения, глядя на гавань. "А, — она повернулась, — вот и ты. Принеси мне эля, а то в таверне треуголку снимать надо, — тонкие губы улыбнулись. Она убрала бьющуюся на ветру бронзовую прядь.

Девушка приняла оловянную кружку: "Фламбе продал седельщик из Мэриленда, некий Майкл Смит. Волосы золотистые, глаза карие, как мне сказал Норт: "Первый раз вижу, чтобы у седельщика были такие белые руки". Тот же седельщик отплыл сегодня на рассвете во Францию, на "Святой Женевьеве", — Марта невесело усмехнулась. "Мы через три дня отправляемся, я каюту взяла. Салли замуж выдам, и все. Больше меня тут ничего не удерживает".

Дэниел поставил свою кружку на ограждение: "Я ее видел, "Святую Женевьеву", когда мы Джона Холланда провожали. Значит, Мэтью все это время был здесь".

— Он хитрый, — Марта помолчала. "Хитрый, как зверь. И очень умный, Дэниел, так что ты тоже — будь осторожнее".

— А где сейчас Фламбе? — поинтересовался Дэниел.

— У брата твоего бывшего патрона, мистера Адамса, — Марта помолчала. "Пойдем, неудобно Эстер так долго обременять".

— Я тебя провожу, — заметил Дэниел, забирая чашки, — и отлучусь ненадолго, по делам. Там, в милиции, о Мэтью говорить бесполезно, — он махнул рукой, — никто не поверит этим волосам, что ты нашла. И уж точно — никто не будет искать его в Старом Свете.

— Я буду, — коротко ответила Марта.

Уже когда они шли на Бикон-хилл, Дэниел улыбнулся: "У меня сегодня лобстер будет на обед, первого своего клиента встретил, он рыбак. Приходи. И Салли с Натом — тоже приглашу".

— Это хорошо, — рассеянно отозвалась Марта. "Давай-ка ты меня до комнат доведешь, а дальше я сама".

— Не принято, — запротестовал Дэниел и девушка рассмеялась: "Пока я в мужском наряде — можно".

Дэниел незаметно посмотрел на нее: "Ей, конечно, очень идет. Она же такая маленькая и стройная, как мальчишка".

— Не смотри на меня, — раздался сердитый голос. Марта, пожав ему руку, скрылась за дверями комнат Брамвелла.

mir-knigi.org

В гостиной мерно тикали часы. Эстер опустила вязание: "Констанца хоть и хвалилась, что большая, а все равно — заснула, как миленькая, набегалась за Тедди. Мне Хаим о вас так много рассказывал, миссис Марта. Это вы ведь его спасли, там, на юге, — девушка замолчала. Марта, поднявшись, поцеловала белую щеку: "Просто "Марта", милая. Хаим, когда у нас в сторожке жил, только о тебе и говорил. Он хотел успеть до вашего праздника предложение сделать".

— И сделал, — горько сказала Эстер, посмотрев на зеленеющий клен за окном. "Да вот только…, - она махнула рукой. "Теперь мне надо брата его ждать, младшего. У нас такой закон — если старший брат бездетным умирает, младший должен жениться на его вдове".

Марта открыла рот. Оправив шелковые, черные юбки, она спросила: "А если ты не хочешь? Ну, или он. Все равно надо?"

— Нет, конечно, — Эстер отпила кофе. "Мы в Филадельфию съездим, — надеюсь, к той поре британцев уже выкинут из города, — желчно добавила девушка, — в синагогу. Надо заявить перед тремя раввинами, что он не хочет на мне жениться и все — мы оба свободны".

— Тогда хорошо, — Марта потянулась за печеньем и вдохнула запах: "Имбирное".

— Так в Амстердаме пекут, — Эстер тоже взяла одно. "Мой брат покойный — он очень его любил. Ты вот что — как в Лондоне будешь, поговори с отцом Джона Холланда. Он тебе поможет Мэтью найти, у него связей много, — со значением сказала Эстер. "Его тоже Джон зовут. Его светлость герцог Экзетер. Мы с ним родственники, очень дальние".

— Мистер Джон, — вспомнила Марта и, прожевав печенье, кивнула: "Непременно. Адрес мне Дэниел дал".

— А то бы оставила Тедди, — робко заметила Эстер, глядя в зеленые глаза. "Как лед, — подумала девушка, — еще обрежешься ненароком". "Мы бы за ним присмотрели, и дядя его здесь".

— Брат, — спокойно ответила Марта, поднявшись, взяв фаянсовую чашку с кофе. "Дэниел его брат".

Эстер сглотнула. Посмотрев на прямую спину девушки, что стояла у окна, она пробормотала: "Я не понимаю…"

— А что тут не понимать? — Марта смотрела на море.

— Отец Дэниела и его младший брат сначала подделали руку моего отца, написали закладную на дом, и долговые расписки. Потом они устроили моему отцу несчастный случай на прогулке, и его разбил паралич. Мэтью благородно предложил мне руку и сердце, и я вышла за него замуж. А в постель со мной лег мистер Дэвид, — потому что Мэтью бесплоден, у него не может быть детей.

— Приставил мне к виску пистолет, — рука Марты задрожала, — и взял силой, а мне, Эстер, было шестнадцать лет. Вот и все, — она повернулась. Увидев, как побледнела вторая девушка, Марта добавила: "Но Тедди у меня славный мальчик, и он, ни в чем не виноват".

Эстер все молчала. Поднявшись, обняв Марту, она тихо спросила: "И как ты все это вынесла?"

— У меня были папа и Тедди, — Марта вздохнула. "Все это закончилось, незачем вспоминать. Пошли, детям чай приготовим, они проснутся скоро".

— Кофе, — смешливо поправила ее Эстер, — тут тебе не Виргиния, мы чай не пьем.

Уже на кухне, разливая по кружкам молоко, Марта сказала: "Натаниэль и Салли что-то долго гуляют. Я же им велела — посмотрите тот дом со службами, что на южной дороге продается, и возвращайтесь".

— Жених и невеста, — Эстер вынула из вделанного в стену очага противень с булочками. "Но дом — это, же дорого, а у них денег нет".

— Это дело поправимое, — заметила Марта. Сзади раздался звонкий голос Констанцы: "Тедди надо штанишки поменять, тетя Марта!"

— Надо, — девушка потянулась за бархатным мешочком, что лежал на стуле, — значит, поменяем. Веди его в умывальную, Констанца.

На большом столе орехового дерева горели свечи. Дэниел разлил вино по бокалам: "За жениха и невесту!"

Нат покраснел. Он смущенно сказал, держа Салли за руку: "Миссис Марта, мы же никогда в жизни с вами не расплатимся, это такой подарок".

Марта выпила: "Завтра пойдете с Дэниелом и оформите купчую. Пока ты в армии будешь — Салли там потихоньку обустроится. Как закончите воевать — открывайте свой постоялый двор".

— Все равно, — Салли стала разливать по тарелкам суп с креветками, — белые к нам и не зайдут даже. Это я готовила, — добавила она, покраснев, — Нат меня научил.

Дэниел попробовал и хмыкнул: "Ну и дураки будут. Я первый к вам приеду, как откроетесь. Я же обещал твой винный погреб проверить, — он подмигнул Фримену.

Когда доели лобстера и Натаниэль отправился варить кофе, Дэниел наклонился к Марте и шепнул: "Пойдем, я тебе покажу что-то".

На заднем дворе пахло ветром с моря, деревья шумели и Марта подумала: "Тедди у Эстер спит. Мы тоже там с Салли переночуем, чтобы в гавань не спускаться".

Дэниел открыл низкую, деревянную дверь конюшни и поднял подсвечник. Фламбе, почуяв людей, — коротко, нежно заржал.

— Ты же мой хороший, — Марта обняла жеребца. Она вдруг застыла: "Дэниел, я так не могу. Надо тебе деньги отдать, он же дорогой".

— Это подарок, — юноша вздохнул, — что ты, ни в коем случае. Только ты его с собой взять не сможешь.

— Пусть у тебя будет, — Марта посмотрела в умные глаза жеребца: "Тедди, жалко, уже на него не сядет. Но на его сына или дочку — обязательно".

В свете свечей ее волосы играли тусклым огнем — бронзовые, прикрытые черным, кружевным чепцом. "Не смей, нельзя, — сказал себе Дэниел. "Ты с ума сошел, после всего того, что она тебе рассказала. Пусть уезжает, даже и не думай об этом. Или это потому, что за три улицы отсюда спит женщина, что никогда не станет твоей? Нет, нет…"

Подсвечник задрожал в его руке. Марта вспомнила сумеречную, обитую шелком спальню и ленивый голос свекра: "Не зря я такой ужин заказал, до утра будешь трудиться".

Ее затошнило, лобстер подступил к горлу. Марта глубоко вздохнула: "Нам пора, спасибо тебе большое за обед. Натаниэль нас проводит, а ты ложись, это был длинный день".

Они уходили дальше по Бикон-Хиллу. Дэниел все стоял, привалившись к кованой калитке, глядя им вслед. Потом он закрыл глаза и, сжал зубы: "Просто не думай об этом, и все. Иди, пиши прошение по делу того бакалейщика, просмотри черновик купчей для Натаниэля, и подготовь выступление на заседании конституционного комитета".

Он зашел в кабинет. Скинув сюртук, налив себе остывшего кофе, юноша принялся за работу.

Эстер посмотрела на высокие двери церкви: "Просто зайди туда, Констанца, тете Салли будет приятно. Все же там".

Девочка расправила шерстяное платьице. Присев на ступени, она рассудительно ответила: "Во-первых, я тетю Салли и дядю Ната уже поздравила". Она загнула нежный пальчик. "Во-вторых, вы, тетя, не можете быть в церкви. Дядя Дэниел не хотел, чтобы вы оставались одни".

Эстер зарделась и сердито хмыкнула: "Что за чушь, день на дворе".

— Все равно не хотел, — упрямо повторила Констанца. "А, в-третьих, я не верю, в Бога и никогда не буду венчаться".

— И как ты собираешься выходить замуж? — рассмеялась Эстер.

— Дядя Дэниел рассказывал, — Констанца подняла темные глаза, — в Пенсильвании есть такая лицензия, по ней можно просто сказать друг другу, что вы муж и жена. Еще два свидетеля нужны, и все. Так что, — она широко улыбнулась, — все просто, тетя Эстер.

— И что, — Эстер перевязала атласные, черные ленты чепца, — если ты будешь жить в Англии, ты сюда приедешь, чтобы так выйти замуж?

— Угу, — кивнула девочка. Вскочив, она потребовала: "Тетя Эстер, дайте рис! Они выходят".

— А рис, значит, можно кидать, — усмехнулась девушка, протягивая Констанце холщовый мешочек.

— Красиво же! — удивленно ответила Констанца. Разбрасывая рис, она звонко закричала: "Поздравляю!"

Они стояли на ступенях, держась за руки — Нат в голубом мундире Континентальной Армии, Салли — в светлом, шелковом платье, с шалью на плечах. "Красивые они какие, — подумала Эстер. Вспомнив свою хупу, девушка незаметно стерла слезинку со щеки.

— Миссис Фримен, — Марта поцеловала Салли в щеку: "Ты же помнишь, комнаты у Брамвелла на неделю вперед оплачены. Потом к миссис Франклин переедешь, когда Нат в армию вернется".

— Я даже не знаю, — Салли тихо всхлипнула и покачала изящной, в кружевном чепце головой, — как нам вас всех благодарить, миссис Марта. Миссис Эстер меня присматривать за Констанцей берет, и убираться я тоже буду. Господи, — девушка перекрестилась, — век за вас

молиться станем. Мы с Натом договорились — если дочка первая родится, то Мартой назовем.

— А если сын? — девушка шутливо подтолкнула Салли.

— Тогда Дэниелом, — серьезно сказала негритянка. "Мистер Вулф обещал матушку Ната из рабства освободить, так, как положено — по суду".

Марта покачала спящего сына: "Багаж мой уже на корабле, так что сейчас отобедаем у Эстер, выпьем за здоровье новобрачных, и проводите меня в порт".

— Давай его сюда, — велела миссис Франклин. Марта, оглянувшись на остальных, встав на цыпочки, тихо спросила акушерку: "А ваша дочка, миссис Франклин, думаете, найдет этого Кинтейла?"

Серые глаза подернулись грустью. Акушерка, пристроив спящего Теодора на плече, вздохнула: "Говорила я Джейн — оставайся со мной, в Бостоне. Но не может она в городе жить, им тут плохо. А так, — они медленно пошли за молодыми, — лето впереди. Джейн сказала — к зиме принесет вести какие-нибудь. Жалко его, — кивнула миссис Франклин на русую голову Дэниела, — надо было Мирьям самой ему сказать, что не по пути им. Придумал себе того, чего не было".

Марта вспомнила подсвечник, что дрожал в его руке: "Да, это вы правы, миссис Франклин".

— Мирьям, — вдруг улыбнулась пожилая женщина, — ей другой человек нужен. Может, и найдется она еще.

— А какая найдется? — миссис Франклин увидела голубые, холодные глаза лорда Кинтейла. "Он же без жалости человек. Не пощадит Мирьям, если опять случится, такое, как, было уже с ней".

Миссис Франклин на мгновение закрыла глаза. Марта озабоченно спросила: "Что такое?"

— Ничего, — сварливо ответила акушерка. "Ты настойку от кашля положила в багаж?"

— Тедди и не кашлял ни разу, — удивленно ответила Марта.

— Все-таки через океан плыть, и в Лондоне, — тоже сыро бывает, — миссис Франклин поставила зевающего Тедди перед калиткой дома Горовицей. Тот радостно сказал: "Есть!"

— Вот сейчас и поедим, — заверила его Марта, проходя в дом.

Корабль медленно выходил из гавани. Дэниел, оглянувшись на черепичные крыши Бостона, улыбнулся: "Натаниэль и Салли в комнаты побежали. Теперь дня три их не увидим, наверное".

Эстер помахала Марте, что стояла на корме: "Она тоже — все равно, что вдова. Господи, только бы все хорошо было, с ней и с маленьким".

— Чаек кормить! — потребовала Констанца, что держалась за ее руку.

— Мне к пациентке надо, милая, — вздохнула Эстер. "Ты же слышала, там двойня, миссис Франклин прямо с обеда вызвали".

— Если хотите, я ее отведу, — улыбнулся Дэниел. "Потом тоже — присмотрю, пока вы не освободитесь".

— Расскажете мне о конституции, — велела Констанца. Она вприпрыжку побежала к лестнице, что вела к морю.

— Спасибо, — Эстер взглянула на Дэниела. Тот, покраснел: "Ну что вы. Я же вам говорил — я все для вас сделаю, всегда".

— Да, — тихо отозвалась женщина. Не оборачиваясь, она пошла по набережной. Дэниел все следил за ее черным платьем. Потом она смешалась с толпой, и он услышал крик Констанцы: "Дядя Дэниел, идите сюда! Корабль еще видно".

Дэниел посмотрел на океан — белые, чуть золотящиеся под вечерним солнцем, паруса растворялись в бескрайнем, синем пространстве, воды.

Он постоял еще немного, глядя вдаль, и стал спускаться на берег. Констанца, смеясь, убегая от легких волн, что набегали на камни — разбрасывала хлеб для чаек.

Часть девятая

Картахена, весна 1778 года

На чистой, вымощенной улице, под легким ветром с моря, шелестели пальмы. Деревянные ставни лавок начали открываться, хозяин кафе вынес на улицу плетеные стулья. Увидев мужчину, что заворачивал за угол, он крикнул: "Дон Хосе! Стаканчик лимонада"!

Мужчина — высокий, широкоплечий, с темной, аккуратно подстриженной бородой, улыбнулся, и присел за стол: "Только если вы, дон Мигуэль, выпьете вместе со мной".

— Кофе сделаю, такой, как вы любите, — пообещал хозяин: "Волшебник вы, дон Хосе, колени и не болят вовсе, прошла подагра. Жалко, что вы на Кубу возвращаетесь".

Дон Мигуэль ушел варить кофе. Иосиф взглянул на кресты собора: "Хватит. Полгода тут сидим, с этой войной прямо во Флориду корабли не ходят. Хоть денег скопили. Доберемся до Кубы, а там уже будем думать — как в колонии попасть".

— Когда я кафе открывал, — дон Мигуэль поставил на столик медный поднос, — на меня все пальцами показывали, — не приживется такое, в Новом Свете. Все же не Европа. А видите — люди ходят, не все же в тавернах сидеть. Скоро шахматы заведу, карты и газеты.

— Но дам все равно, — усмехнулся Иосиф, отпив тягучего, черного кофе, — пускать не будете.

Дон Мигуэль всплеснул руками: "Что вы! Это же неприлично, святые отцы, — он показал глазами в сторону крыши Дворца Инквизиции, — сразу кафе закроют. Библиотеку же, — дон Мигуэль понизил голос, — тоже закрывали, сами знаете. Пока все запрещенное не сожгли — запертой стояла".

Иосиф выложил на стол "Teatro critico universal" и хмыкнул: "Теперь в городе светских книг и не осталось совсем, святые отцы хорошо поработали. Приходится читать сочинения монахов". Он рассмеялся и оставил на столике пару моне: "Должен откланяться, мне пора к пациентам. А вы обязательно соблюдайте диету, дон Мигуэль, и подагра вас больше не обеспокоит".

Хозяин кафе посмотрел вслед темноволосой голове и, почесал нос: "Ни разу его в соборе не видел. Должно быть из этих, вольнодумцев, их в Старом Свете сейчас много. Это он со мной так говорил, наедине, а вдруг, — он оглянулся на медленно заполняющуюся людьми, узкую

улицу, — услышал бы кто? В подвалы к святым отцам попадать не хочется. Донесу, — вздохнул дон Мигуэль, убирая со стола, усаживая посетителей, — закроюсь вечером, напишу и кину в тот ящик, что у дверей Дворца Инквизиции. У меня дело, жена, дети…, Лучше я, чем на меня".

Иосиф постучал медным молотком в изукрашенную резьбой дубовую дверь. Он сказал служанке-индианке, что появилась на пороге: "Добрый день. Я дон Хосе Мендес, врач. К сеньоре Агуардия-и-Рамос".

В высоком, мраморном вестибюле пахло кофе и миндалем. Пожилая дуэнья, в черной мантилье, присела: "Пройдемте со мной, дон Мендес, сеньора в ее опочивальне".

— Что там этот Агуардия просил? — Иосиф вспомнил бесцветные глаза чиновника из администрации вице-короля, — он часто отлучается по делам, на рудники. Сеньора остается одна, у сеньоры расстроены нервы. Черт, — он тихо усмехнулся, — у меня были бы расстроены нервы, если бы я жил с этакой мокрицей. Она еще и много младше его, ко всему прочему.

Дуэнья распахнула золоченую дверь. Иосиф увидел огромную, скрытую кружевным балдахином кровать.

— Сеньора, — он обернулся к дуэнье, — я все же врач, мне надо видеть пациентку.

— Его превосходительство сеньор дон Агуардия-и-Рамос велел, чтобы осмотр проходил именно так, — старуха поджала губы.

— Хорошо, — вздохнул Иосиф. "Пульс хотя бы посчитать можно? — он присел в большое кресло у кровати. Дуэнья наклонилась к балдахину: "Сеньора Фелисия, пришел врач. Протяните ему руку, пожалуйста".

— Словно ястреб, — подумал Иосиф, положив пальцы на белое, тонкое запястье. "Как над плечом у меня нависла". От запястья пахло фиалками. "Немного учащенный, — он, раскрыв саквояж, пристроил на колене тетрадь. "Сеньора Фелисия, как вы спите?"

— У меня бессонница, — раздался грустный, нежный голос из-за балдахина. "И я часто плачу, доктор".

— Вам сколько лет? — поинтересовался Иосиф. "Давно вы замужем?"

— Семнадцать, — вздохнул голос. "А замужем я полгода".

— А вы не беременны? — Иосиф увидел, как дуэнья побагровела. Он сердито добавил: "Я, сеньора, разговариваю с замужней женщиной, такое с ними случается".

— Не знаю, — голос замялся. "А разве я могу, ну…, - сеньора Фелисия что-то пробормотала. Иосиф, глубоко вздохнул: "Давайте я вам задам несколько вопросов".

Потом он улыбнулся: "Все в порядке, у вас уже четвертый месяц беременности. А вот плакать не надо, это плохо отражается на ребенке".

— А где у меня ребенок? — наивно спросила девушка.

— В матке, — сочно ответил Иосиф. Увидев, как дуэнья покачнулась, он набросал что-то на листке бумаги: "Вот адрес доньи Лопес, она отличная акушерка, пригласите ее. Всего хорошего, сеньоры, — он едва удержался, чтобы не хлопнуть изящной дверью опочивальни.

— Нет, — Иосиф подхватил свой саквояж и зашагал к порту, — хватит тут сидеть, пора на север. Вот же лицемеры, — он оглянулся на фасад дома чиновника, — сначала запирают девочек в монастыре, а потом прямо оттуда выдают замуж — неудивительно, что они ничего не знают.

Впереди виднелись высокие мачты кораблей, мощные стены форта: "Здесь он и лежит, Ворон. Вместе со своей "Святой Марией", как и положено моряку. И Черная Джо с ее Исааком — тоже. Два десятка кораблей они сюда привели, только все равно — сожгли эту Сару-Мирьям, и двоих ее сыновей. Вот, — он вышел на маленькую, вымощенную брусчаткой площадь, и остановился, — прямо здесь. Плаза де лос Мартирес, так и называют ее. Между собой, понятно".

Иосиф, на мгновение, закрыл глаза: "Господи, да как же она вынесла все? И то, что с младшими сделали, сыну-то ее маленькому всего шесть лет было".

Он встряхнул головой. Пройдя мимо таверны дона Фернандо, Иосиф направился к маленькому, беленому дому, что стоял у деревянного причала. "Ее светлость герцогиня Белла тоже — тут жила, — Иосиф улыбнулся, — а потом из монастыря в море сбежала. Как Джо. Очень надеюсь, что она уже дома".

Иосиф иногда видел ее во снах — она стояла у штурвала, высоко подняв коротко стриженую голову, шерстяной шарф бился на ветру, вокруг белой шеи, и пахло от нее — солью и свежестью. Она поворачивалась, распахнув большие, светло-голубые глаза, и улыбалась — так, что ему сразу хотелось подойти, положить руки на ее стройные плечи, и больше никуда не отпускать.

Он просыпался. Глядя в бесконечную, черную ночь тропиков, слыша шуршание моря, он ласково, едва слышно говорил: "Дура".

Иосиф открыл дверь и рассмеялся — Ратонеро лежал в крохотной передней. Завидев его, с достоинством поднявшись, пес лизнул ему руку. Из кухни пахло жареной рыбой. Аарон сидел за грубым столом, склонив голову, углубившись в чтение. Иосиф повертел в руках маленький, искусно вырезанный деревянный кораблик, что лежал на подоконнике: "А у нас ведь ни одного распятия нет на стенах. Противно было вешать. Если придут..., Да кто придет, мы уже той неделей и отплываем, в госпитале я расчет получил".

Аарон поднял глаза. Забрав у Иосифа игрушку, юноша почесал за ушами Ратонеро, что уже появился на кухне: "Сегодня чуть ли не десяток таких продал, детям они нравятся".

— Руки у него золотые, конечно, — Иосиф заглянул ему через плечо: "Мы же с тобой эту главу уже читали".

— Я для себя, — смуглые щеки юноши чуть покраснели. "Сейчас обедать будем, улов сегодня отличный".

Они ели. Аарон, одной рукой держа книгу, косясь на Иосифа, вспомнил испуганный голос плантатора Наси.

— Хорошо, дон Иосиф, — Наси вытер пот со лба, — еврейские могилы мы перенесем к нам на кладбище, только вот кому это делать, свободных рук нет...

— Я сам все сделаю, — сказал Иосиф, закатав рукава рубашки, поведя мощными плечами. "Аарон уезжает со мной, не след оставлять могилы его предков без присмотра".

— Но там, же еще индейцы… — пролепетал Наси. "На его кладбище…, Куда их?"

— У вас есть нееврейское кладбище, я видел, — хмуро ответил мужчина. "Там они и будут лежать. Все, больше я это обсуждать не хочу. Завтра приведу каноэ с останками".

— И охота вам этим заниматься, — буркнул Наси ему в спину.

Иосиф увидел перед собой зеленую, влажную траву амстердамского кладбища, серые надгробия, и небольшой камень с высеченной надписью: "И вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, — Господь. Мирьям Кроу, дочь Авраама".

Он, тринадцатилетний, взял отца за руку: "Папа, но ведь я помню, ты мне говорил — маленькая Мирьям погибла там, в море. Очень далеко, на юге. Значит, ее прах привезли сюда, в Амстердам?"

— Конечно, — пожал плечами Давид Мендес де Кардозо, — так положено. Чтобы она лежала со своей семьей. Это герцогиня Белла сделала, я тебе о ней рассказывал".

Иосиф повернулся. Глядя на плантатора, — он был выше на две головы, — он жестко сказал: "Это мой долг, как еврея, вот и все".

Иосиф усмехнулся: "Вкусно ты готовишь, дорогой Аарон Горовиц. Давай, — он собрал тарелки, и, сложив их в деревянный таз, залил водой, — я посуду помою, и будем заниматься".

Уже в сумерках Иосиф вышел на порог дома. Погладив Ратонеро, он полюбовался бескрайним, вечерним небом: "Найду Эстер, и довезу Аарона до Иерусалима. В конце концов, хоть на Святой Земле побываю".

Он вдохнул запах соли. Закрыв глаза, Иосиф увидел перед собой ее — высокую, тонкую, стоявшую, в сумраке ночи, на речной пристани. "Она уже в Лондоне, — сердито сказал себе мужчина, — брось, забудь, куда там — ты еврей, а она все-таки леди Холланд".

Ратонеро клацнул зубами. Иосиф согласился: "Спать пора". Уже запирая дверь, он взглянул на набережную — какой-то монах — высокий, с поседевшей головой, стоял к нему спиной, вдалеке, всматриваясь в темное, с редкими огоньками море.

В монастырской библиотеке было прохладно. Джованни, оторвавшись от чертежей, подошел к раскрытому окну. Перед ним была вся Картахена — темно-красные, охряные черепичные крыши, перечеркнутые свечами колоколен, коричневые стены форта на холме, темно-синее, волнующееся море.

— Красивый город, — подумал он. "Жаль, что я тут ненадолго. Только приехал из джунглей и пора в Боготу отправляться, а оттуда — в Лиму, в университет. Мост отличный получился, — он наклонился над столом и пристально посмотрел на тонкий, искусный чертеж. Раз теперь есть типовой проект, что я сделал — местные инженеры и сами справятся".

Большой, черный ворон сел на каменный подоконник. Склонив голову, закаркав, он взглянул на Джованни. "Ворон, — вспомнил мужчина. "Отец Бернардо мне говорил — тут какой-то англичанин погиб в гавани, давно. Так его звали".

Джованни поморщился — он не любил такие мгновения, как будто где-то там, в голове, проскальзывал луч солнечного света. Он пытался увидеть темный закоулок. Солнце тут, же

исчезало, и голова начинала болеть — тупой, постоянной болью.

Он помассировал длинными пальцами затылок. Вздохнув, Джованни взглянул на портрет, что висел над большим камином белого мрамора.

Монах, в простой коричневой мантии, с большим наперсным крестом, строго смотрел на него серыми глазами.

— Брат Пабло, глава трибунала священной Инквизиции в Картахене, — прочел Джованни надпись на медной табличке внизу рамы. "1648–1724. Non nobis Domine"

— Он был безжалостен к еретикам, брат Пабло, да упокоит Господь душу праведника, — раздался сзади мягкий голос. "Именно он добился, чтобы у нас учредили отдельный трибунал. Третий, после Лимы и Боготы. При нем больше трехсот человек признались в своих заблуждениях и раскаялись".

Джованни молчал — он никогда не знал, что говорить в такие мгновения. "Ересь, — подумал он, — я ведь слышал уже это слово. В Пондишерри, в Индии. Там говорили, что местные жители — еретики, потому что они не верят в Иисуса".

Он перекрестился на распятие темного дерева: "Должно быть, брат Пабло был святым человеком".

Отец Бернардо — толстенький, суетливый, — всплеснул руками. "Конечно! — горячо ответил он, — хотя сами понимаете, брат Джованни, ни епископом, ни кардиналом он был не смог стать..."

— Почему? — недоуменно спросил Джованни, убирая чертежи, присаживаясь.

— Так вы не слышали еще, — улыбнулся тот, приподнимаясь на цыпочках, вытаскивая с полки тяжелую, переплетенную в телячью кожу, рукописную книгу. "Надо бы напечатать, все-таки тут вся наша церковная история, в Картахене, — он ласково погладил страницы, — да вот руки не доходят. Знаете маленькую площадь в городе, у порта?"

Джованни помотал головой и неловко улыбнулся: "Я же только вчера приехал, отец Бернардо, прогулялся вдоль моря, и все. Очень приятно у вас тут".

— Это не джунгли, конечно, у нас воздух лучше, — отозвался отец Бернардо, листая большие страницы. "Вот и оно. Если вы там гуляли, вы ее видели, площадь. Это сто двадцать лет назад было, брат Джованни, — он начал читать, водя пальцем по строчкам.

— Эта конверсо, Сара-Мирьям, и двое ее старших сыновей, двенадцати и четырнадцати лет — упорствовали в своих заблуждениях. Уже когда их доставили к месту казни, святые отцы привели младших детей женщины — мальчика и девочку. Эти дети, что раскаялись, будучи в тюрьме, и приняли в святом крещении имена Изабелла и Пабло, — встали на колени, рыдая. Они заклинали мать именем Иисуса и Святой Девы — увидеть греховность своей веры и отречься от нее.

Однако она только улыбнулась. Взяв за руки сыновей, взойдя на возвышение, где уже были приготовлены костры, она сказала им: "Любите Господа Бога всей душой своею, всем сердцем своим, всем существом своим — даже когда Он забирает нашу душу". Более ни она, ни ее сыновья не произнесли ни слова. Ее младшие дети оставались на площади все, то время, пока шла казнь.

Отец Бернардо захлопнул книгу: "Надо сказать, что буквально за несколько дней до этого на Картахену напал целый пиратский флот, но мы отразили их атаку. Там была известная авантюристка, Черная Джо — ее корабль потопили, прямо у выхода из гавани".

Затылок опять разболелся. Джованни, глубоко вздохнул: "Так это и есть тот самый Пабло? Почему же он не мог стать епископом?"

Отец Бернардо поиграл пухлыми пальцами: "Сами понимаете, — протянул он, — сейчас не старые времена, святая церковь не испытывает недостатка в людях. Так что, — он взглянул на портрет, — незачем нам награждать мантией епископа людей сомнительного происхождения".

- Где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни не обрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос. Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные. Облекитесь милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение. Снисходя друг другу, и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства, — тихо сказал Джованни и подумал: "Я же помню, помню. Кто-то это уже читал — не здесь, далеко отсюда. Мужчина. У него был мягкий голос, мы с ним были похожи. Голова болит, — он прикрыл веки. Отец Бернардо рассмеялся: "Апостол Павел сам бы поджег дрова под ними, уверяю вас".

— А что стало с его сестрой? — спросил Джованни. "С этой маленькой Изабеллой?"

— Постриглась, как и он, разумеется, — отец Бернардо поморгал глазами. "Очень набожная девушка была, умерщвляла плоть, наложила на себя обет молчания. Стигматы у нее появились, видения. Умерла семнадцати лет, голодом себя уморила. Последние два года жизни провела в закрытой келье, в каменном мешке. Раньше ходили на ее могилу, считалось — если там помолиться, то Господь твои прегрешения простит. Потом, когда монастырь перестраивали — надгробие потерялось, — брат Бернардо развел руками: "Не буду вам более мешать, брат Джованни, работа не ждет".

— Так их сожгли потому, что они были евреи? — вдруг спросил Джованни. Священник чуть не застонал вслух: "Что за идиот! Правильно мне написали из Индии — инженер он отменный, а в остальном — голова у него не в порядке, следи, чтобы не сболтнул чего лишнего, ордену он нужен".

— Их сожгли потому, что они отрицали божественность Иисуса, — сухо ответил священник. "А также не верили в непорочное зачатие, в святых и еще много, во что не верили. Всего хорошего, брат Джованни, спокойной ночи".

Он лежал на узкой, жесткой койке в своей келье. Закрыв глаза, он ждал пока пройдет боль в голове. "Любовь есть совокупность совершенства, — прошептал Джованни. Он протянул руки в темноту и коснулся теплых, шуршащих волос. "Как хорошо, — сказал нежный, женский голос. "Как будто, так и надо, Джованни, как будто мы всегда были вместе".

— Так оно и есть, — он поцеловал ее мягкие губы: "У нее были рыжие волосы. У моей жены. И у дочери тоже. Их больше нет. Я так и не вспомнил, как их звали. И Мэйгуй тоже нет, — он положил руку на простой крестик у себя на шее.

— Она умерла, из-за меня. Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa.

Джованни поднялся. Встав на колени перед распятием, он стал молиться.

Отец Бернардо повертел в руках бумаги: "Дон Мендес, значит, жалуется, что ему светских книг не хватает. Оскорбил сеньору донью Фелисию Агуардию-и-Рамос. Муж ее целое послание настрочил — как он смеет рассказывать замужней сеньоре об анатомии. Женщинам вообще такого знать не нужно. Вызову его, пожурю, врач-то он хороший, да и уезжает скоро, я слышал".

Священник взял перо: "Дорогой дон Хосе, не соблаговолите ли вы зайти ко мне во Дворец Инквизиции, завтра, после обеда. Хотелось бы посоветоваться насчет моего желудка. Заранее благодарен вам, с благословением, отец Бернардо".

Он запечатал письмо и вызвал офицера из приемной: "Тут завтра ко мне дон Хосе Мендес придет, врач. Вы, на всякий случай, принесите с утра из канцелярии губернатора его документы, я их просмотрю на досуге. Спасибо вам, голубчик".

Отец Бернардо зевнул, перекрестив рот. Сладко потянувшись, он улыбнулся: "Стаканчик лимонада на сон грядущий — и в постель".

Иосиф отложил конверт и хмуро велел: "Молчи, слушай и запоминай".

Аарон, было, открыл рот. Мужчина так посмотрел на него, что юноша сразу, же покраснел. "Во что я его втянул? — зло подумал Иосиф. "Ему двадцать четыре года, сидел бы у себя в джунглях, на ягуаров бы охотился. Нет, раз взял на себя ответственность за него — так неси ее до конца".

— До конца, — повторил Иосиф. Он взглянул на солнечные лучи, что играли в рыжей, короткой шерсти собаки. На колокольне собора часы пробили полдень.

— Я тебе даю два письма, — наконец, сказал Иосиф. "Для мистера Питера Кроу и его светлости герцога Экзетера. Они мои родственники, дальние. Приедешь в Лондон — они о тебе позаботятся, отправят дальше, в Иерусалим. Я их еще попросил узнать — что с моей сестрой".

Аарон опустил темноволосую голову: "Я никуда не поеду, пока ты оттуда не вернешься. Так нельзя, так не поступают, — он опустил руку на Тору и добавил: "Не стой над кровью брата твоего".

Иосиф поднялся. Ударившись головой о висевшую над столом полку для посуды, он выругался сквозь зубы. "Хорошо, — вздохнул мужчина. "Жди меня до вечерни, если я не приду — бери книги, Ратонеро и отправляйся в порт, в таверну дона Фернандо. Что ему надо сказать?"

— Aujourd'hui, le mauvais temps — с готовностью отозвался Аарон. "Способный он все-таки, — подумал Иосиф, — иврит отлично выучил, пока мы тут сидели, даже по-английски начал разговаривать".

— Не смей тут околачиваться, — сердито велел Иосиф, надевая сюртук. "Дон Фернандо сообщит, кому надо, и тебя заберут".

— Кто? — Аарон поднял на него темные, красивые глаза.

— Кто-нибудь, — Иосиф подхватил саквояж: "А может, и вправду — у него желудок разболелся, кто же его знает, этого отца Бернардо. Ты только не лезь на рожон, понял? — он наклонился и обнял юношу.

— Не буду, — вздохнул тот. Выйдя на порог домика, он помахал Иосифу рукой. Тот уходил по набережной — высокий, широкоплечий, темные волосы трепал ветер. Аарон, присев, сказал Ратонеро:

— Понимаешь, нельзя нам его бросать. Нет такой заповеди — бросать друга в беде.

Пес потерся о руку Аарона. Юноша добавил: "Иначе, что же я за человек буду? Иосиф для меня сделал больше, чем все другие люди. Вот так, дорогой мой".

Ратонеро повертелся на месте. Устроившись на теплых камнях порога, он едва слышно гавкнул. "Подождем, — решительно сказал Аарон, вынеся наружу заготовки для игрушек и нож. Он улыбнулся, проведя пальцем по мягкому дереву. Низко опустив голову, юноша стал вырезать корабль, распустивший паруса.

Он до сих пор не мог поверить, что там, за морем — есть Святая Земля.

Аарон закончил кораблик, и, отложил его в сторону: "Сейчас вырежу то, чего ни я, ни Иосиф никогда в жизни не видели. Иерусалим, святой город".

Юноша взял кусочек розового дерева. Примеривишись, он стал вырезать стены с башнями. "Просите мира Иерусалиму, — шепнул он, поставив игрушку на смуглую ладонь. "Ну что, — Аарон потрепал Ратонеро по голове, — пойдем, рынок еще не разъехался. Думаю, удастся что-нибудь продать".

Он сложил готовые игрушки в мешок, и, сопровождаемый собакой, легким шагом пошел мимо порта к собору — туда, где на площади, между телег, шумела толпа, где бродили индейцы с вязаными одеялами и шапками, и на возах россыпью лежала фиолетовая, красная, лиловая картошка.

Аарон устроился на своем привычном месте, у входа на рынок. Он тут же услышал голоса мальчишек: "Кораблики! Кораблики принесли".

— И кораблики, и пушки и даже куклы есть, — весело заметил Аарон, раскладывая на мешке игрушки. "Покупайте, пока я не уехал".

— Очень красивые игрушки, — раздался сверху мягкий голос. "У вас большой талант, дон..., - высокий, изящный, с седыми висками, монах, посмотрел на него. Юноша покраснел: "Я индеец".

— Брат Джованни, — монах протянул сильную, крепкую руку. "Я инженер. У вас очень хороший глаз, я в этом разбираюсь".

— Я вырос в джунглях, — просто ответил тот. "Там всегда надо быть внимательным". Аарон вдруг замер, и тряхнул темноволосой головой: "Возьмите, брат Джованни. Это подарок".

Монах все смотрел на кусочек города, вырезанный из розового дерева. Потом он утвердительно сказал: "Иерусалим".

Аарон кивнул. Джованни, улыбнулся: "Спасибо вам. Я скоро в Боготу отправляюсь, и в Лиму — возьму с собой, — он погладил стены и башни. "Мне очень, давно не делали подарков, — добавил Джованни, вспомнив тусклый блеск золотой булавки с циркулем и наугольником. "Где же я ее взял? — подумал он и поморщился: "Не помню. Как хорошо рядом с этим человеком. Спокойно".

— Если вы захотите меня найти, — вдруг сказал Джованни, — я исповедую в соборе ближайшую неделю. После обеда, вторая кабинка справа. Ну, мало ли зачем, — он пожал плечами и неловко улыбнулся.

Аарон посмотрел вслед коричневой, простой рясе. Подняв пустой мешок, пересчитав медь, юноша вздохнул: "Хоть немного легче ему стало. Жалко его, видно, несладко живется".

Он свистнул Ратонеро: "Пойдем домой, там уже Иосиф скоро вернется".

В кабинете отца Бернардо пахло пылью и желудочными каплями. "Это те, что я ему выписывал, — понял Иосиф, принюхавшись.

— Так что там с вашим желудком, святой отец? — спросил он, устраиваясь в кресле. "Я же вам говорил — с вашей болезнью нельзя ничего острого, пусть вам готовят пищу на пару и обязательно — регулярно ее принимать".

— Я так и делаю, — радостно ответил иезуит, роясь в бумагах, что лежали у него на столе. "Должен сказать, эти методы помогают. Вы отменный врач, дон Мендес".

— Спасибо, — Иосиф бросил мрачный взгляд в сторону запертой двери: "Третий этаж, двор вымощен булыжником, в передней — наряд солдат. Не нравится мне, что он какие-то документы ищет, ох как не нравится".

— Я тут поинтересовался вашим паспортом, — отец Бернардо сложил перед собой бумаги. Подровняв их, он покачал головой. "Выписан в Кумане. А что вы там делали, дон Хосе? Это далеко от Гаваны"

— Я участвовал в экспедиции в джунгли, за лекарственными растениями, — спокойно ответил Иосиф. "Наша лодка перевернулась, все бумаги утонули. Как только мы с проводником добрались до первого большого города — мне выдали новый паспорт".

— Ага, — пробормотал отец Бернардо. "А заканчивали вы университет Гаваны?"

— Разумеется, — Иосиф поднял бровь, — раз я с Кубы. Туда же я и уезжаю, на следующей неделе. Возвращаюсь домой.

— Ах, — вздохнул отец Бернардо, — вынужден вас огорчить, придется задержаться, дон Хосе. Он взял паспорт и повертел его у себя перед носом. "Акцент у вас не кубинский, и вообще — он усмехнулся, — тут вот пишут, что вы сожалеете об отсутствии в городе светских книг, позволяете себе рассказывать благородной сеньоре какие-то неприличные вещи…"

— Благородной сеньоре, — язвительно отозвался Иосиф, — прежде чем раздвинуть для мужа ноги, — не помешало бы знать, куда попадет его семя, и, — он усмехнулся, — что случается в брачной постели. И вообще — в постели, — не удержавшись, добавил он и вздохнул про себя: "Мало тебя, Иосиф, бранили за длинный язык, ох, мало".

— Но все это мелочи, — будто не слыша его, продолжил отец Бернардо. Карие, маленькие глазки монаха вдруг заиграли смехом. "Я бы вас пожурил и отпустил. Вы, врачи, всегда славились вольнодумством, но вот тут еще пара бумаг…"

— Доносов, — поправил его Иосиф. "У вас что, отец Бернардо, все жители Картахены друг на друга доносы пишут?"

— Пока нет, — серьезно ответил монах. "Если бы было так — у святой Инквизиции стало бы меньше работы. Так вот, сообщают, что на обеде у главного врача госпиталя вы отказались, есть свинину, якобы в ней много паразитов. Ограничились овощами".

— Зато у меня никогда не будет подагры, — Иосиф поднялся. Поклонившись, он смешливо спросил:

— Надеюсь, это все? Или святой Инквизиции интересно еще и то, как часто я навещаю умывальную?

— А собор вы не навещаете совсем, — пробормотал иезуит. Он вскинул внезапно похолодевшие глаза на мужчину, что стоял, прислонившись к двери:

— Видите ли, я бы и на свинину махнул рукой. Наверное. Но Кумана — она ведь на востоке, рядом с Суринамом, голландским владением. В Картахене — лучшая крепость на Карибах, и самый богатый арсенал. Вы как раз — коменданта крепости лечили, дон Хосе, — священник вздохнул и подпер щеку рукой. "Держите при себе этого индейца, собираете сведения, а он доставляет их голландцам, джунгли тут большие, есть, где спрятаться. Так что придется поговорить с вами по душам, дон Хосе, вы уж меня простите. И солдат мы к вам домой отправим".

— Только бы он там не сидел, — внезапно подумал Иосиф. "Он ведь тоже, как я — упрямый. Только бы он ушел, я же велел ему — взять книги и уйти".

Иезуит хлопнул в ладоши и прошептал что-то наклонившемуся к нему офицеру. "Руки, — потребовал тот, остановившись перед Иосифом. Мужчина почувствовал, как в запястья врезается веревка.

— А ну-ка, — отец Бернардо кивнул офицеру, — давайте, проверим. Я вас, поэтому и связал, — смешливо пояснил священник, — у вас кулаки немаленькие, еще бы драться начали.

Иосиф сжал зубы и заставил себя молчать.

— Впечатляет, — отец Бернардо склонил голову набок. "Будете рассказывать, что вы в детстве страдали какой-то там, уж не помню какой, болезнью, и вам сделали операцию?"

Иосиф внезапно рванул веревку. Отшвырнув офицера, тот схватился за окровавленный нос, спокойно застегнувшись, он ответил: "Не буду".

Он сделал одно быстрое движение. Отец Бернардо, взвизгнув, — бронзовая чернильница рассекла ему лоб, — жалобно закричал: "Все сюда!"

Иосиф оглянулся: "Пятеро. А вот это совсем плохо, дорогой мой потомок Ворона". Он поднял кинувшегося на него офицера, и, швырнув его в толпу, — вскочил на подоконник. Раздался треск выстрелов, зазвенело стекло, и мир для него померк.

Корабль шел под хорошим северным ветром. Капитан Фэрфакс, взглянув на карту, подозвал помощника: "Картахена в десяти милях, незачем нам соваться под пушки форта. Бросим тут якорь и подождем Джо".

Сапоги застучали по трапу. Фэрфакс, увидев темноволосую, коротко стриженую голову, вздохнул: "Вот же упрямица, говорил я ей — идем в Плимут. Клад мы забрали, больше нас тут

ничего не удерживает. Так нет — пока новый корабль строили, еще успела до Чарльстона добраться, узнать — что с сестрой доктора случилось".

Он взглянул на юг, в сторону берега. Капитан сварливо сказал, подозвав к себе Джо: "Нет его там давно, в Картахене. Вы с ним, наверняка, разминулись".

Джо сжала тонкие, обветренные губы, и, вздернула подбородок: "Я должна, капитан. Понимаете, просто должна. Иначе..., - девушка отвернулась. Махнув рукой, дрожащим голосом, она добавила: "Я быстро, возьму шлюпку, туда и обратно. А потом сразу в Плимут. Вы же ему говорили о таверне дона Фернандо, может быть, он весточку там оставил..."

Капитан перегнулся через борт и, вздохнув, крикнул: "Туда и обратно, слышишь!"

Она закрепила парус, и села к рулю, дергая разлохмаченные, просоленные шнурки на вороте старой льняной рубашки. Иосиф снился ей — Джо стояла у штурвала, ветер ерошил ее короткие волосы, пахло солью, и она слышала его шаги сзади. Джо оборачивалась, улыбаясь, и видела смех в его красивых, темных глазах. Он подходил, и обнимал ее — так, что хотелось навсегда остаться в его руках. "Дура, — шептал он ей на ухо. "Никогда, никогда я тебя не отпущу, понятно? Всегда буду рядом, что бы ни случилось". Корабль кренился, волна плескала через борт. Джо чувствовала, как он целует ее, — и, просыпаясь, стирала слезы со щек.

— Ты ему не нужна, — бормотала девушка, ведя шлюпку к берегу. "Он и не смотрел на тебя даже. Ты девчонка, младше его на десять лет, ему нельзя на тебе жениться. Забудь, не мучай себя".

Она знала, что всегда будет видеть его во снах. Сейчас, бросая якорь, соскакивая в мелкую воду залива, она плакала — не тихо, уткнувшись в жесткую, тощую подушку на своей корабельной койке, а громко и жалостно, шмыгая носом.

Джо побрела к песчаной косе, загребая воду сапогами. Она наклонилась. Умывшись, вытерев лицо рукавом рубашки, девушка угрюмо сказала: "Вернешься в Англию, привезешь папе клад, — не то, чтобы он был ему нужен, конечно, — и выйдешь замуж за какого-нибудь хлыща с отполированными ногтями и громким титулом. Родишь ему наследника, и будете жить раздельно, как все. И нечего ныть, — она зло сунула руки в карманы куртки. Вытащив компас и сложенную карту, Джо сделала пометку карандашом.

— Еще пять миль на юг, — пробормотала Джо, глядя на утесы, что возвышались над заливом. "Наверху как раз дорога в Картахену".

Она вполголоса выругалась и стала взбираться по узкой, вьющейся вдоль скал тропинке.

В таверне было шумно и дымно. Аарон строго сказал Ратонеро, заглянув внутрь: "Лежи тут". Пес укоризненно посмотрел на него янтарными, умными глазами и, зевнув, — устроил голову на лапах.

— Вовремя мы с ним ушли, — Аарон оглянулся, — я только книги успел взять и нож свой, как солдаты на набережной появились.

Он пригладил темные волосы. Нащупав в кармане холщовой куртки, завернутые в платок книги, юноша шагнул через порог. Дон Фернандо, — одноглазый, с лицом, испещренным морщинами, — восседал за стойкой, разговаривая с каким-то высоким, тонким парнишкой.

Разноцветный, желто-синий попугай спорхнул с деревянной балки и присел на плечо Аарону. "Такого тоже вырежу, — подумал тот. "Когда приеду в Иерусалим — буду учиться писать, Иосиф же мне рассказывал, что Тору от руки пишут. Я аккуратный, у меня получится. А игрушки все равно буду делать — для детей. Господи, да о чем это я? Иосиф в тюрьме, какие дети, — Аарон вдруг покраснел. Пробившись через толпу, облокотившись на стойку, он сказал: "Aujourd'hui, le mauvais temps".

Парнишка медленно отставил недопитый стакан белого вина и повернулся. Аарон увидел большие, прозрачные, светло-голубые глаза в темных ресницах, медвежий клык, что висел рядом с крестом, на белой, нежной коже в начале шеи. Юноша торопливо проговорил: "Вы только не волнуйтесь, пожалуйста, Джо".

Подростка бросило в краску, и он шепнул: "Откуда вы знаете?"

— Он мне о вас рассказывал, — просто ответил Аарон и вспомнил одну из ночей в джунглях, когда они с Иосифом сидели у костра.

— И тебя ни разу не сватали? — недоверчиво спросил Аарон, снимая с прутьев обжаренные куски рыбы. "Ты же говорил, у вас..., то есть у нас, рано женятся, как в Торе сказано: "Нехорошо человеку быть одному".

— Нехорошо, — согласился Иосиф. Он облизал пальцы: "Сватали, конечно. И меня, и Эстер. Только мы оба упрямые, хотели по любви жениться, а там, — он махнул рукой в сторону моря, — нам никто по душе не пришелся. Может, она в колониях и встретит кого-нибудь, — Иосиф замолчал, и юноша осторожно спросил: "А ты?"

— А я уже встретил, — мужчина смотрел вдаль, на темную, тихую гладь озера. Квакали лягушки, в лесу трещали ветки, где-то вдали был слышен шорох птичьих крыльев. "Да не по пути нам, нечего и говорить об этом. А тебя мы женим, — Иосиф лукаво усмехнулся, — дай до Иерусалима доехать, сразу и женим".

Аарон улыбнулся и, поворошив дрова в костре, ответил: "В один день с тобой, и никак не иначе".

Иосиф только мрачно вздохнул и отвернулся.

— Вы вот что, — вмешался дон Фернандо, — не надо тут всем глаза мозолить, — он слез со своего табурета и распахнул маленькую, невидную дверцу.

Джо нагнула голову. Смахнув рукой паутину впереди себя, она велела: "Пойдемте". Джо чиркнула кресалом и посмотрела на юношу — он был ниже ее, изящный, со смуглой кожей и большими, темными глазами.

— Я Аарон, Аарон Горовиц, — юноша протянул ей руку. "Я проводник Иосифа, он меня в джунглях нашел".

— Даже в джунглях умудрился найти еврея, — вздохнула Джо. Присев на бочку, она попросила: "Рассказывайте".

Закончив, Аарон достал из замшевого мешочка на шее тонкую сигарку. Джо взглянула на него: "Дайте и мне тоже, пожалуйста".

Они сидели и курили. Потом Джо сказала: "Все ясно. Я вас отвезу на "Молнию", это наш

mir-knigi.org

корабль, оставайтесь там. Вас в городе знают, а меня — нет. Тому священнику, брату Джованни, — ему можно доверять?"

Аарон помолчал и твердо ответил: "Можно. Только, сеньора Джо, это ведь очень опасно, давайте лучше я сам…"

Девушка соскочила с бочки и горько усмехнулась: "Вам с ним еще до Иерусалима надо доехать, сеньор Аарон. И он же вам велел — не лезть на рожон".

— Велел, — согласился юноша.

Джо достала из-за пояса пистолет, и, задумчиво повертела его: "А мне — не велел. Пойдемте, нам пять миль отмахать надо, там моя шлюпка стоит".

Когда они вышли из таверны, Аарон свистнул. Ратонеро, подбежав к ним, уткнулся мокрым носом в ладонь Джо и завилял хвостом.

— Он нам всех крыс на "Молнии" передавит, — девушка погладила рыжую голову и взглянула на запад. "Надо поторопиться, я до заката хочу вернуться в город. Переночую у дона Фернандо и примусь за дело".

Они пошли по набережной порта и Аарон вдруг сказал: "Иосиф мне говорил. Тут ваш общий предок лежит, Ворон. И Черная Джо, тоже из вашей семьи, — он указал на спокойную, синюю воду у выхода из гавани.

— Да, — вздохнула Джо, — мы с ним родственники, только очень дальние.

— Он мне дал письмо, — Аарон пошарил в кармане куртке, — к герцогу Экзетеру, в Лондоне.

— Это мой отец, — безразлично, устало отозвалась Джо: "Джон, наверное, уже в Лондоне, осенью в Кембридж пойдет. А меня папа ко двору представит. Еще, не дай Господь, фрейлиной начнет устраивать. Лучше уеду в Саутенд и буду макрель ловить".

Аарон искоса посмотрел на твердый, острый подбородок девушки, на зло, прикушенную губу. Он внезапно, улыбнулся: "Все будет хорошо, сеньора Джо, вот увидите. Все обязательно будет хорошо".

Шлюпка подошла к "Молнии". Аарон, присев, попросил Ратонеро: "Давай-ка, прыгай мне в руки, дружище, и держись крепко".

Они ловко вскарабкались по трапу. Джо, покраснев, сказала Фэрфаксу: "Это Аарон, друг Иосифа. Он тоже еврей. А Иосиф в тюрьме, во Дворце Инквизиции".

Капитан присвистнул. Опираясь на костыль, он велел: "Вы, сеньор Аарон, спускайтесь-ка вниз, вам там все покажут. А пес нам пригодится, — он, улыбаясь, потрепал Ратонеро за ушами, — пока идем до Плимута, — крыс всех изведешь в трюмах".

Джон проводила их глазами и шепнула: "Капитан, я обратно в город. Мне нужно, чтобы сюда пришли десять кораблей, а лучше — двадцать. Деньги…"

Фэрфакс прижал палец к ее губам: "Тихо. У меня тут много знакомых, которые имеют зуб на испанцев еще с давних времен. Подашь весточку, когда в городе все будет готово, я ребят соберу".

Джо вдруг опустила голову: "Все равно, капитан, кто я такая рядом с ним?"

— Оба дураки, вот вы кто, — неслышно буркнул себе под нос Фэрфакс и рассмеялся: "Беги, Черная Джо, и делай то, что должно тебе".

Девушка спустилась вниз, и белый парус пропал среди волн. "А тут всегда так качает? — раздался озабоченный голос сзади.

— Качает? — удивился капитан и, взглянув на Аарона, потрепал его по плечу: "Первый раз в море, что ли?"

Тот покраснел. Фэрфакс, посмотрев в темные глаза юноши, мягко сказал: "Она справится. Она у нас молодец, наша Джо".

Отец Бернардо поднял свечу. Придерживая одной рукой рясу, он стал спускаться вниз, по, скользким, узким каменным ступеням.

— Если он раскается, будет просто отлично, — размышлял инквизитор. "Давно у нас такого не было, Риму это понравится. Соберем весь город, он пройдет в собор в рубище. Встав на колени у алтаря, в слезах, он примет святое крещение. В конце концов, что ему еще остается — смертная казнь за шпионаж?"

Он подождал, пока солдат откроет дверь. Нырнув в темный, узкий проем, священник вдохнул запах сырости и крови. Где-то в углу пищала крыса.

— Упрямый, — вспомнил инквизитор голос офицера. "Ни в чем не признается, но мы его все равно — расстреляем. Жаль, что индеец его пропал, как сквозь землю провалился".

Отец Бернардо оглянулся, — в камере не было ничего, кроме груды грязной соломы. Вздохнув, он присел поодаль.

— Дон Хосе! — тихо позвал священник.

Мужчина открыл один заплывший синяком глаз: "А, значит, я уже не грязный конверсо, отец Бернардо? Что это вы меня "доном" жалуете, там, — он лязгнул наручниками, и указал на влажный потолок камеры, — меня по-другому называли".

— Дон Хосе, — терпеливо повторил инквизитор. "Вы же талантливый молодой человек, врач, у вас вся жизнь впереди. Мне вас просто жаль, вот и все".

— Не вижу разницы — разбитые губы чуть усмехнулись, — как умирать, от пули или от костра. Второе, конечно, больнее, но ничего, я потерплю.

— Если вы раскаетесь и примете Спасителя, — начал отец Бернардо. Иосиф, посмотрел на свои руки: "Ничего, оперировать я могу, пальцы не сломаны. Пару ногтей сорвали, ничего страшного. Отрастут. Только где это ты собрался оперировать, дорогой мой доктор?"

— То меня не сожгут, а удушат гарротой, — устало прервал его Иосиф. "Пользуясь словами короля Генриха — этот Париж не стоит мессы, отец Бернардо. Если уж умирать, так евреем, а то, — он пошевелился и застонал, — недостойно как-то получается".

— Я вам предлагаю жизнь, — помолчав, сказал инквизитор. "Вас никто не будет душить — вам достаточно будет публично раскаяться и принять крещение. А после этого — продолжайте

практику, читайте лекции, женитесь, детей рожайте — он развел руками, — на здоровье. Подумайте, я приду завтра, — отец Бернардо поднес свечу к лицу Иосифа.

Тот помолчал, и, морщась, попытался улыбнуться: "Вы идиш знаете? Нет, откуда вам. Так вот, там пословица есть: "Мин айн тохес кен мен нит танцн аф цвей хосенес", одной задницей на двух свадьбах не потанцуешь, отец Бернардо".

Карие глаза священника посмотрели в угол камеры. "А еще, дон Иосиф, — сказал он, приблизив губы к его уху, — говорят: "Дер менш тракт ун Готт лахт", человек строит планы, а Господь — над ними смеется. Поверьте Баруху, сыну Арье, родившемуся в Люблине, — он поднялся. Отряхнув рясу, священник заметил: "Так что видите, ничего страшного тут нет. До завтра, дон Иосиф".

Дверь со скрипом закрылась. Иосиф в сердцах сказал: "Вот же мемзер! Хоть бы постыдился свое еврейское имя упоминать!".

Он вздохнул: "Конечно, можно креститься, а потом — просто уехать отсюда, и все. И никогда больше не вспоминать всю эту историю. Я же не верю в Бога, я много раз об этом говорил. Или верю? — он, на мгновение, увидел перед собой ее большие, прозрачные глаза.

— Верю, — спокойно сказал Иосиф и внезапно, мимолетно улыбнулся: "Не верил бы — Он бы мне ее не послал. Сказано же — ибо сильна, как смерть, любовь. Да нет, — он хмыкнул, и, попытавшись закинуть руки за голову, забыв о кандалах, тихо выругался, — пожалуй, сильнее. А сейчас я засну, и Господь мне покажет Иерусалим, и ее тоже покажет. Хоть так, в последний раз".

Он устроился на соломе и закрыл глаза.

Она шла к нему через осенний, золотой сад, держа в руках деревянное ведро с красными, крепкими яблоками. Ее волосы отросли и падали темной волной на простое, синее платье. "Подкрепите меня яблоками, — Джо выбрала одно, и с хрустом откусила. Наверху, в ярком, осеннем, голубом небе, метались стрижи. Он все смотрел на нее, любуясь. Потом он смешливо добавил, протянув руку, снимая красиво закрученный платок на ее голове: "Освежите меня вином".

— И где? Где вино? — она скользнула в его объятья, все еще грызя яблоко. Иосиф наклонился, и, поцеловав ее, подтолкнул к двери, что вела в дом: "Сейчас покажу". Она выпустила ведро. Встав на цыпочки, закинув руки ему на шею, она рассмеялась — яблоки покатились по траве, Иосиф поднял ее на руки, вдыхая запах свежести. Он шепнул, прикасаясь губами к простому, серебряному кольцу на ее пальце: "Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою".

— Если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? Что я изнемогаю от любви, — ласково протянула Джо. Он, легко устроив ее на одной руке, — перешагнул порог их дома.

В соборе было гулко и пустынно. Джо преклонила колени перед чашей со святой водой. Перекрестившись, она заняла очередь к кабинке для исповеди — второй справа.

— А если он продаст? — зло подумала девушка. "Аарон всю жизнь в джунглях провел, не знает, что люди — страшнее ягуаров бывают. Но никак иначе мне в тюрьму не попасть, придется рискнуть".

Джованни услышал шорох за перегородкой. Взволнованный, мальчишеский голос сказал: "Слава Иисусу Христу!"

— Давно ли вы исповедовались, сын мой? — мягко спросил Джованни.

— Давно, но это неважно, — заявил паренек. "Святой отец, меня послал к вам индеец, с рынка. Он вам игрушку подарил, Иерусалим. Вы можете меня выслушать? Наш друг сейчас в тюрьме. Мы хотим его спасти".

— Мендес, — подумал Джованни, и поморщился — будто солнечный луч осветил пелену у него в голове. Затылок тут же заболел. Он остановил парнишку: "Конечно, я вам помогу. У каждого человека есть право верить в то, во что он верит, и не идти за это на смерть. Только я уезжаю, в Боготу, и не сумею оттянуть его казнь".

Парнишка прерывисто, глубоко вздохнул: "Мы сами все сделаем, святой отец. Вы просто принесите в таверну дона Фернандо, в порту, облачение монахини. Скажите солдатам, в тюрьме, что сестра Хосефа придет завтра навещать узников, хорошо?"

— Хорошо, — невольно улыбнулся Джованни: "Не волнуйтесь, я все сделаю. Мне можно доверять".

— Я вижу, — просто ответил мальчик. "Спасибо вам, святой отец".

Раздался стук сапог. Джованни, чуть отодвинув занавеску, увидел только его спину — высокий, тонкий парень в матросской куртке, коротко стриженый, быстро шел к выходу из собора.

— Нет ни эллина, ни иудея, — тихо напомнил себе Джованни. Перекрестившись, склонив голову, слушая очередную исповедь, он стал медленно перебирать четки.

— Губернатор подписал ваш приговор, — офицер поднялся. Склонив голову, он рассматривал Иосифа

— Крепкий парень, конечно, — внезапно подумал испанец. "Ранили его в плечо, еще там, у этого отца в Бернардо в кабинете. Потом у нас несколько дней провел, а все равно — держится отменно".

— Впрочем, — он хмыкнул, — если трибунал Священной Инквизиции подаст за вас ходатайство, его светлость может вас помиловать и отпустить на поруки. Проведете какое-то время в монастыре, конечно, но это не страшно.

За окном пела птица. Офицер, присев на каменный подоконник, глядя на коричневые стены форта, услышал смешок сзади.

Заключенный откинул голову и почти весело проговорил: "Сеньор, у вас ведь нет никаких доказательств того, что я — шпион. Так что, по всем законам, вообще-то, меня положено освободить".

Испанец осмотрел его с ног до головы: "Ты вот что, свинья, говори, да не заговаривайся, мы ведь можем…"

Иосиф зевнул: "А как же, можете. Только сначала вы договоритесь со святыми отцами, сеньор, — а то непонятно, — то ли мне к расстрелу готовится, то ли к костру. Хотелось бы уже

и знать".

— Эстер жалко, — подумал мужчина, глядя на то, как медленно багровеет лицо испанца. "Впрочем, Аарон доберется до Лондона, и все расскажет, ей напишут. Пусть выходит замуж и будет счастлива. Вот ее бы сейчас повидать, а ту, что мне снилась, — он тяжело вздохнул, — нечего и думать".

Отец Бернардо остановился на лестнице: "Согласится, непременно согласится. Надо будет пригласить епископа из Боготы, он и будет крестить. А я, — он поднял ручки и потер их, — я, может быть, после этого получу пост викария, когда наш умрет"

Дверь отворилась, и отец Бернардо мышкой проскользнул в кабинет. "Позвольте мне поговорить с заключенным наедине, — попросил он офицера.

— Хорошо я ему лоб разукрасил, шрам останется, — Иосиф посмотрел в потное лицо священника. "Ничего, так ему и надо, этому поцу".

— Надеюсь, вы подумали, дон Хосе, — отец Бернардо прошелся по кабинету и остановился у окна.

— Будет очень красиво, — подумал священник. "Наденем на него рубище, обреем голову, и он босиком пройдет до собора. И даже кнутом бить не будем, это должен быть праздник, ликование, никакой крови. Публичное раскаяние, крещение, а потом запрем его в монастыре — замаливать свои грехи. И постригем, конечно, ордену всегда нужны хорошие врачи. Слава Богу, этот брат Джованни сегодня уехал в Боготу, а то бы непременно начал лезть не в свое дело, вопросы задавать. Этот Иосиф сломается, жить все хотят".

— Подумал, — Иосиф помолчал, и добавил издевательски: "Отец Бернардо".

— Так мы можем готовить крещение! — обрадовался священник.

Иосиф почувствовал холод наручников на запястья. Он медленно, раздельно сказал: "Слушай меня, мешумад".

Он увидел, как дернулся священник и усмехнулся: "А, не забыл талмудтору. Так вот, во-первых, пусть твой папа Арье волчком в гробу вертится, пусть ему будет стыдно, что сын у него такое дерьмо. Во-вторых, — Иосиф помедлил, — можешь готовить костер, никакого крещения я принимать не буду".

Отец Бернардо посмотрел на него снизу вверх — темные глаза мужчины были полны презрения. "Если ты сам продал веру своих предков за кусок хлеба, — добавил Иосиф, — то Господь тебе судья. Но не думай, что я последую твоему примеру. Все, — он пошевелил плечами и поморщился, — рана болела, — хватит устраивать тут фарс, дайте мне побыть одному перед смертью".

— Тебя сожгут, — зло сказал отец Бернардо, — сожгут там, у порта, на той маленькой площади…

— Это будет честь для меня, — устало сказал Иосиф, и крикнул: "Сеньор капитан, мы тут со святым отцом договорились — меня все-таки поведут на костер!"

Уже когда офицер подтолкнул его к двери, Иосиф обернулся и поглядел в лицо священнику: "Ки ло аль-лехем левадо ихъе ха-адам, Барух бен Арье".

— Что это? — вдруг заинтересовался испанец.

— Из Второзакония, — ответил Иосиф, заметив испуг в глазах монаха. "Не хлебом единым жив человек, но, словом Господа. И я назвал отца Бернардо его настоящим именем. Еврейским именем, — добавил он, улыбаясь. Не оборачиваясь, Иосиф вышел из кабинета.

Утреннее солнце заливало мощеную улицу веселым, ярким светом, шелестели листья пальм. Начальник караула издали увидел высокую монахиню, что, с корзинкой в руках, шла к входу в тюрьму.

— Слава Иисусу Христу и Святой Деве! — монахиня набожно перекрестилась. Достав из корзины сверток с печеньем, она стала оделять караул. "В честь праздника, Вознесение Господне на той неделе. Можно ли пройти к заключенным, помолиться за их спасение? — она подхватила корзинку. Начальник караула вспомнил: "Этот священник меня предупреждал. Сестра Хосефа. Грех так и думать о монахине, но хорошенькая какая. Глаза красивые".

— Конечно, сестра, — вежливо сказал он. "Филиппо вас проводит".

Монахиня подхватила коричневую, грубую рясу. Перебирая четки, она поспешила вслед за солдатом. Спустившись вниз, тот отпер дверь подвала и весело заметил: "Там у нас фонари, так, что все видно".

— Отец Джованни мне говорил, что у вас там, — монахиня понизила голос и оглянулась, — конверсо есть! Я бы особо за него помолилась, ваше превосходительство, может быть, он все же раскается…

— Если хотите, — солдат лениво жевал печенье. "Я вам его камеру открою, этот Мендес все равно — к стене прикован, не убежит. А сам тут постою, — он с тоской посмотрел на солнечный свет, что лился сверху. Монахиня сказала: "Да вы идите, на дворе побудьте, вы и так тут — под землей все время. Жалко вас, бедненьких".

— Доброе сердце, — растрогался солдат, лязгая ключами. "Эй, Мендес! — крикнул он. "К тебе святая сестра пришла, помолиться за твою грешную душу, христоубийца!"

— Сожгут его той неделей, — солдат облизнулся и пропустил монахиню в камеру: "А у вас больше печенья нет, сестра? Уж больно вкусное".

— Возьмите, конечно, ваше превосходительство, — захлопотала она. Солдат решил: "Вон там, на лестнице, все и съем, делиться не буду".

Монахиня перекрестилась и прошептала: "Во имя отца и сына, и святого духа, аминь!"

Она услышала удаляющиеся шаги солдата: "Жив. Господи, спасибо тебе, Господи".

Джо шмыгнула носом и опустилась на колени. Сквозь сон он почувствовал запах соли и свежести. "Не верю, — сказал себе Иосиф. "Я просто все еще дремлю, не может быть такого".

Он пошевелился и услышал ласковый, тихий голос: "Здравствуйте. Меня зовут сестра Хосефа".

Большие, прозрачные, светло-голубые глаза смотрели прямо на него. "Тебя зовут дура, — сердито сказал Иосиф. Он увидел, как Джо улыбается — счастливо, облегченно, не стирая слез с лица.

Он пошевелился и сел, привалившись к стене. "Я же тебе велел, — Иосиф вздохнул, — не торчать тут, а отправляться в Плимут. Ты почему меня не послушалась?"

Белые щеки покраснели. Джо смущенно опустила голову, укрытую апостольником. "Мы за кладом ходили, капитана Энрикеса, — пробормотала девушка, — а потом шторм был, "Молнию" разбило, мы новый корабль строили…"

— И ты все это время болталась на Карибах, вместо того, чтобы уехать в Англию, — проворчал мужчина. "Доски, что ли, для корабля пилила?"

— Я в Чарльстон ездила, — Джо посмотрела на него. Иосиф, помолчав, на мгновение закрыл глаза. Она была рядом, совсем рядом, так, что руку протяни — и коснешься нежных, розовых губ. "Нельзя, — напомнил он себе. "Она девчонка, младше тебя на двенадцать лет, зачем ты ей нужен? Не говоря уже обо всем остальном".

— С вашей сестрой все хорошо, — тихо сказала Джо. "Она в Бостоне, я вам привезла письмо от доктора да Сильвы, он ее на север отправлял". Девушка зарделась и едва слышно попросила: "Отвернитесь, пожалуйста".

Что-то зашуршало. Иосиф, украдкой, взглянул в ее сторону. "Лучше бы я этого не делал, — мрачно понял мужчина, увидев, как она, приподняв рясу, вытаскивает из-за грубого, шерстяного чулка, письмо. "Мне сейчас это бедро до конца жизни сниться, будет. А ну хватит! — велел он себе и услышал робкий голос: "Вот".

Бумага была теплой. Иосиф едва удержался, чтобы не прикоснуться к ней губами. Он пробежал глазами ровные строки. Дойдя до постскриптума, он усмехнулся: "Искренне рад, что могу больше не читать по вам кадиш".

— Я бы и в Бостон съездила, — сказала тихо Джо, — но неудобно было корабль задерживать, это был друг капитана Фэрфакса, тоже…, - она замялась. Иосиф неожиданно весело продолжил: "Пират, уж не стесняйся. Спасибо тебе большое, Джо".

— Вот, — Джо оглянулась на дверь. "Вы только не волнуйтесь, мы вас обязательно выручим. Аарон уже на "Молнии", с ним все хорошо. Мне сюда помог священник попасть, брат Джованни, Аарон с ним на рынке познакомился. Выручим, и довезем до Старого Света, вам же в Иерусалим надо".

— Нет, — Иосиф поморщился, — теперь я с тебя до самого Лондона глаз не спущу, а то опять сбежишь куда-нибудь. Меня на этой маленькой площади будут жечь, у порта, Плаза де лос Мартирес.

Джо кивнула: "Мне пора, а то солдат вернется. Вы…, - она помолчала и тряхнула головой — вы просто знайте, — мы тут, и сделаем все, что надо".

— Спасибо, — он вдруг, легко улыбнулся, — спасибо тебе, Джо. Беги, девочка, а то и вправду, — опасно это.

— Девочка, — повторила она про себя. Отвернувшись, Джо заставила себя не плакать. "На площади увидимся, — глухо сказала она. Иосиф услышал ее голос в коридоре: "Ваше превосходительство!"

— Дурак, — выругал он себя. "Какой же ты дурак, чего ты боялся? Услышал бы, что не любит она тебя, пережил бы — взрослый мужчина. А так, — Иосиф устало опустил веки, — ты теперь

до Лондона будешь мучиться".

Он вспомнил ее худую, с выступающими лопатками спину, круглый шрам на руке, жесткие, короткие, просоленные волосы, что кололи его ладонь и чуть не застонал вслух. "Ладно, — подумал он, — довезу ее до дома, сдам отцу и уеду с Аароном в Иерусалим. Может быть, там и встречу кого-то похожего. Хотя, что это я — другой такой на свете нет, и не будет, никогда".

— Вы прямо плакали, сестра, — благоговейно сказал солдат Джо, выйдя во двор. "Вот же мерзавец! — он обернулся в сторону подвала, — за него со слезами молятся, а он все упорствует".

— Храни вас Господь, — Джо перекрестила его. Подхватив пустую корзинку, поклонившись начальнику караула, она медленно пошла к порту.

— Все ему скажешь, — приказала она себе, чувствуя теплые слезы на лице. "Как только окажетесь на "Молнии", все и скажешь. Пусть смеется, пусть тебя дурой называет — иначе нельзя. Иначе я себе никогда в жизни этого не прощу".

Она посмотрела вокруг и быстро, незаметно проскользнула на задний двор таверны дона Фернандо.

В капитанской каюте "Молнии" было накурено. Фэрфакс сказал, вытряхивая трубку: "Так, ребята. Тут у нас два десятка кораблей, но Картахену атаковать мы не будем"

— А зря! — донесся до него чей-то смешливый голос. "Их давно не тревожили, полсотни лет спокойно живут".

— Незачем рисковать, — спокойно оборвал Фэрфакс капитана. "Подойдем ночью к гавани, рано утром выпустим сотню ядер. Они запаникуют, забегают, а Джо, — он повернулся к девушке, — со своими людьми будет уже в городе, еще до рассвета".

— Аарон, — она кивнула. Юноша поднялся и развернул начерченную на листе бумаги схему. "Это Плаза де лос Мартирес, — сказал он, краснея. "На нее выходят три улицы, по вот этой, — смуглый палец уперся в правый угол, — поведут Иосифа. Нам, господа, надо будет занять свои места в толпе. Я тут все отметил — где кто будет стоять. Не крестиками, как просили, — смешливо добавил он.

— Вот-вот, — проворчал кто-то из пиратов, — а то это плохая примета. Вообще молодец, — одобрительно добавил капитан, — отлично нарисовал, сразу все понятно.

— Как только начнется бомбардировка с моря, — Джо затянулась тоненькой сигаркой, — и мы увидим панику в толпе — беремся за оружие. Стреляем, разумеется, в воздух, — она пожала стройными плечами, — а с солдатами уже, — как получится. Я буду ждать с двумя лошадьми вот за этим углом, — она указала окурком на схему, — а потом мы сразу скачем к тому заливу, где будут пришвартованы шлюпки. На картах он отмечен. Остальные подтягиваются поодиночке, или вдвоем, чтобы не вызывать подозрений. И ты, — она повернулась к Аарону, — в город не пойдешь. Рисковать незачем, еще узнают тебя.

Юноша только вздохнул и пробормотал что-то.

— Черной Джо такое не удалось, — капитан Фэрфакс положил крепкую ладонь на карту. "А у нас — получится, я уверен. Спокойной ночи, господа. Те, кто в десанте — выспитесь, как

следует".

Моряки стали подниматься. Джо, подойдя к Аарону, хмуро попросила: "Дай мне еще сигару". Она вышла. Фэрфакс, посмотрев ей вслед, бессильно развел руками и шепнул Аарону: "Пойди, что ли, успокой ее как-нибудь".

Аарон постучал в ее каморку и услышал горький голос: "Ну что еще!". Джо яростно распахнула дверь и встала на пороге, дымя сигарой. Аарон посмотрел в ее холодные, голубые глаза: "Он ведь тебя любит, Джо. Поверь мне, любит. Я его узнал за это время, он просто такой, — юноша пожал плечами, — молчаливый".

Джо, сжав зубы, отвернулась: "Иди. Иди, пожалуйста, Аарон. Мне еще надо оружие почистить".

Она потушила окурок в глиняной плошке. Взглянув на закрывшуюся дверь каморки, свернувшись в клубочек на койке, она расплакалась, — тихо, кусая жесткие, с мозолями от канатов, пальцы.

Комендант форта Картахены зевнул и принял из рук слуги-индейца серебряную чашку с кофе. "Скучно, — подумал офицер. "На севере воюют, англичане с этими их колониями. Французы скоро тоже — в драку ввяжутся, а у нас — скучно".

Небо было прозрачным, бледно-голубым, море внизу едва плескалось. Комендант, сладко потянувшись, увидел большого, белого альбатроса, что парил над горизонтом. "Надо же, как далеко к северу залетел, обычно их тут не встретишь, — он полюбовался птицей и услышал снизу, с колокольни собора, что возвышалась над черепичными крышами, — гулкие, размеренные удары.

— Что это у нас, Пабло? — он присел в плетеное кресло и щелкнул пальцами, — индеец тут же вынес большой шелковый зонтик. "Господи, какая жара, — вздохнул комендант, — а ведь только май месяц на дворе. В Боготе, конечно, прохладней, там горы, но, честно говоря — провинция. У нас все же порт".

— Сегодня будут казнить этого конверсо, Мендеса — вежливо ответил слуга. "Того, что вас лечил, ваше превосходительство".

— И недурно лечил, — комендант взглянул на город: "Отсюда и не рассмотреть ничего, разве что только..."

— Пусть мне принесут подзорную трубу, — крикнул он.

Обведя глазами улицы города, комендант скривился: "Нет, крыши мешают. Мы только дым увидим"

Он посмотрел в сторону моря и медленно проговорил: "Что за черт!"

Корабли шли в кильватер друг другу, развернув паруса — большие фрегаты и маленькие барки. "Ни одного флага, — бледнея, прошептал комендант. Перекрестившись, он крикнул: "Пушки к бою!"

— Как будто тот рейд, Ворона и Фрэнсиса Дрейка, — зачарованно сказал сзади помощник. "Тот, что двести лет назад был".

— Язык прикуси, — посоветовал комендант. Он увидел, что альбатрос, плавно скользя в воздухе, едва махая крыльями, летит туда, где на набережной, уже собиралась толпа.

— Плаза де лос Мартирес, — вспомнил комендант. Он опять поднес к глазу подзорную трубу — эскадра строилась в полукруг. "Прямо по городу бить будут, — он обернулся и велел: "Стреляем первыми!"

— Как раз на портовых складах серебро погрузки ждет, — вспомнил комендант, — той неделей караваны пришли. Недаром тут этот Мендес околачивался. Наверняка, это голландские корабли, просто штандарты убрали.

Ядро засвистело над его головой, врезавшись в бастион. Комендант выругался: "Чего вы ждете, канальи! Немедленно стреляем!"

Иосиф поднял голову — процессия двигалась медленно, по обеим сторонам узкой улицы слышался гул возбужденной толпы. Монахи-доминиканцы, что шли впереди, с крестами в руках, — заунывно пели гимны. Они спускались от тюрьмы к порту, под звон городских колоколов. Иосиф увидел в небе, над крышами — белого альбатроса.

Птица покружилась немного у башен собора и полетела к Плаза де лос Мартирес. "Могли бы здесь остановиться — раздался сзади шепот отца Бернардо. Он указал на собор. Иосиф, молча, отвернулся. "Отец Джованни им помог, — вспомнил он. "Так зовут, как Джованни бедного. С Эстер и Констанцей все хорошо, пусть пока сидят в Бостоне, как довезу Аарона до Иерусалима — к ним отправлюсь".

Утро было жарким, пахло солью и немного — цветами. Иосиф смешливо подумал: "Сейчас бы в море искупаться. И не одному, а с этой, — он незаметно улыбнулся, — сестрой Хосефой. Вот же девчонка — ничего не боится. Ей шестнадцать лет всего. Так что оставь, ты для нее старик, и еврей к тому же".

— Христоубийца! — донеслось от стены какого-то дома. "Конверсо проклятый!". Иосиф искоса посмотрел в ту сторону. Он увидел, как подмигивает ему незнакомый мужчина, — заросший сивой бородой по глаза, в драной, матросской куртке.

Толпа зашумела, задвигалась. Они вышли на Плаза де лос Мартирес. Джо, удерживая в поводу вторую лошадь, выглянула из-за угла и, перекрестилась: "Ну, с Богом". Со стороны моря раздались пушечные залпы. Над головами людей пронесся чей-то крик: "Атакуют! Англичане атакуют!"

— Чего это сразу "англичане"? — еще успела обиженно подумать Джо. Вытащив из кармана куртки пистолет, она начала стрелять.

Толпа хлынула на площадь, повалив столб, у которого были уже разложены связки хвороста. Наскоро построенные деревянные ряды затрещали. В людской толчее Джо увидела его знакомую, темноволосую голову.

— А вот теперь пора бежать, — подумал Иосиф. "Очень хорошо, что они мне этот проклятый крест в руки дали".

Он обернулся. Схватив отца Бернардо, приставив к его шее острый край распятия, Иосиф спокойно сказал солдату, что упирался ему в спину штыком: "Одно движение, и я святому отцу артерию проткну, понял? Давай мне ружье".

Иосиф протянул руку. Почувствовав холод металла, он услышал жалобный голос иезуита: "Не убивайте! Не убивайте меня, прошу вас!"

— Да иди ты! — Иосиф сочно выругался. Отшвырнув священника, он бросил ему на грудь зазвеневшее распятие. "Всего хорошего, — обернулся Иосиф к начальнику караула. Вернув мушкет солдату, он спокойно пошел через площадь.

— Стреляйте! — закричал отец Бернардо, путаясь в рясе, силясь подняться. "Стреляйте в него!"

Ядро, пролетев над площадью, вонзилось в крышу одного из домов, на головы людей посыпались осколки черепицы. Начальник караула холодно сказал: "Я не уроню свою честь кабальеро тем, что прикажу стрелять в спину безоружному человеку".

— Мерзавец! — отец Бернардо выхватил ружье у солдата и прицелился.

— Сюда! — раздался рядом с Иосифом знакомый голос. На площади стреляли в воздух, испуганно ржали лошади, над крышами вился дым. Джо, высунувшись из-за угла, дернула его за рукав рубашки. "Скорее!"

Иосиф услышал свист пули. Не раздумывая, толкнув ее вниз, он прикрыл девушку своим телом. "Как больно, — еще успел подумать он. "Вот я ее и обнимаю — теперь уж точно, в первый и последний раз".

Джо, лежа на булыжниках, почувствовала спиной что-то мокрое, горячее, что заливало ее куртку. Помотав головой, она зло крикнула: "Нет! Нет! Я не позволю!"

Корабли прекратили стрелять. Альбатрос, повисев над площадью, полетел в сторону моря.

.

— Папа, сам! — кудрявый, темноволосый ребенок потянулся за серебряной ложкой. Хитро улыбаясь, он опустил ее в фаянсовую миску.

— Ну, давай, — недоверчиво сказал Иосиф, держа его на коленях. "Сам так сам".

Ребенок рассмеялся и стал колотить ложкой по стенкам миски. "Ох, Давид, — Иосиф нагнулся и поцеловал теплый затылок, — ты весь в маму".

— Кто это там меня вспоминает? — раздался ласковый голос из передней. Рыжая собака с короткой шерстью вбежала в кухню. Давид весело сказал: "Мама!"

Высокая, тонкая девушка в бархатном берете и темно-синем, простом платье, положила на стол стопку тетрадей. Наклонившись, она обняла Иосифа за плечи. "Из тебя, — сказала она, целуя его в ухо, — вышла отличная няня, дорогой муж. Все, твоя смена закончена, иди к пациентам. Спасибо, — едва слышно добавила она. Иосиф, найдя ее руку, поднеся к губам, шепнул: "Я тебя разбужу, когда вернусь".

— Буду ждать, — она подняла красивую бровь и свистнула: "Ратонеро, последи тут за ними, пока я переодеваюсь".

Собака громко залаяла, мальчик хихикнул. Иосиф недоуменно подумал: "Почему табаком пахнет? Джо только в саду курит".

mir-knigi.org

Он пошевелился и понял, что лежит на боку, на высокой, узкой корабельной койке. В каюте висел сизый дым. Кто-то, стуча ложкой по фаянсовой чашке, размешивал кофе. От стола доносились два голоса.

— Принимаю, — недовольно сказал капитан Фэрфакс. "Смотри-ка, вторую партию играешь, и уже как лихо. До Плимута я без штанов останусь".

— Мы же на интерес, — усмехнулся Аарон. "А что вы с "Молнией" сделаете, ну, раз..., - он показал глазами на костыль капитана.

— Подарю короне, — тот отхлебнул кофе. "Сам куплю домик у залива, найду себе хорошенькую вдовушку лет тридцати, и еще пару мальчишек с ней рожу. Ты не думай, — Фэрфакс провел рукой по серебристой голове, — у нас в семье рано седеют, мне еще шестидесяти нет. И ты тоже, — он потрепал Аарона по плечу, — женись. И за доктором присмотри..."

— При больном, — сказал Иосиф, открывая глаза, — не курят.

— А ты не больной, — Фэрфакс потянулся, — ты раненый. Теперь у тебя на лопатке будет красивый шрам. Временно заменяющий тебя, мистер Горовиц отлично заштопал обе твои дырки. Но обе ерунда, чуть зацепило, просто крови было много. И это моя каюта, — смешливо добавил мужчина, — я, все-таки пока еще капитан корабля. Что хочу, то в ней и делаю.

— А где мы сейчас? — спросил Иосиф, вставая. Спина болела, но несильно. Он оделся и, охнув, стал натягивать сапоги.

— В сорока милях от Картахены, — Фэрфакс незаметно взглянул на Аарона. Тот, отложил карты: "Ты поднимись на палубу, подыши воздухом, море спокойное. А то и, правда, тут накурено".

— Что с ней? — вдруг подумал Иосиф. "Я же помню, я ее заслонил. Потом меня ранило. Что эта дура еще успела натворить?".

— А где мисс Джозефина? — спросил он и почувствовал, что краснеет.

Фэрфакс взглянул на него. Иосиф сердито подумал: "Смотрит так, как будто у меня вторая голова отросла".

— Джо вахту стоит, — коротко сказал он. "Тоже на палубе".

— Ну да, где же еще, — буркнул Иосиф. Прислонившись к притолоке, он оглядел большую, чистую каюту. Ратонеро лежал, развалившись, на вытертом ковре. Иосиф, вспомнив свой сон, улыбнулся. "Тот священник, брат Джованни, с которым ты на рынке познакомился — как он выглядел? — спросил Иосиф у Аарона.

Тот нахмурился и, затянулся сигаркой: "Твоего роста, только плечи не такие широкие. Лет сорок ему, наверное, сам темноволосый, а виски седые. И глаза темные".

— Ладно, — вздохнул Иосиф, — пойду на палубу.

Он поднялся по узкому, темному трапу: "Ерунда, Джованни в России погиб, это точно. Он младше меня, на два года, ему двадцать шесть сейчас было бы. Да и что вообще он стал бы делать в Картахене, еще и католическим священником".

Он вышел на палубу и застыл.

Вечернее солнце заливало океан расплавленным золотом. Корабли уходили от "Молнии" — в разные стороны, фрегаты и маленькие барки. Легкий ветер полоскал белые паруса. Иосиф, взглянув в сторону штурвала, увидел ее — высокую, тонкую, коротко стриженую.

Пахло солью и свежестью. Он, тихо поднявшись на ют, спросил: "Что это?"

— Друзья, — не оборачиваясь, ответила Джо. "Они нам помогли, когда мы по городу стреляли. Их тут два десятка".

Иосиф посмотрел на ее белую шею, прикрытую воротником матросской куртки. "Ты привела сюда двадцать кораблей, чтобы спасти меня? — тихо спросил он.

— Я бы привела сюда все корабли мира, — голос девушки чуть задрожал, — чтобы спасти вас. Вот, — она шмыгнула носом и замолчала.

— Но почему? — ему отчаянно хотелось прикоснуться к ее руке, там, где, — он помнил, — был круглый, похожий на цветок, шрам.

Джо бросила штурвал и обернулась. По белым щекам капали, катились слезы. Она поглядела куда- то вдаль: "Потому что я люблю вас. И буду любить всегда. Все, я это выговорила. Теперь можете смеяться и называть меня дурой".

— Дура, — нежно сказал Иосиф. "Иди сюда, пожалуйста".

Она была такой же, как во сне — тонкой, хрупкой, прижавшейся к нему, взволнованно дышащей. "Ты меня спасла, — он наклонился и взял ее лицо в ладони. "Я тебе жизнью обязан".

— Не надо, — испуганно пролепетала Джо, — если вы из благодарности, то не надо…

— Хватит, — обозлился на себя Иосиф, чувствуя, как бьется ее сердце. "А то она сейчас всякой ерунды нагородит". Он поцеловал ее, — долго, так долго, что Джо, на мгновение, потеряла сознание. "Лучше всего на свете, — подумала она, — Господи, ничего нет лучше этого".

У нее были сухие, соленые губы, и мозоли на руках. Иосиф, наконец, с сожалением, оторвался от нее. Опустив голову, он поцеловал ее сильные, длинные пальцы: "Вот это — я делаю из благодарности, Джо. А все остальное, что я с тобой буду делать — он чуть улыбнулся, — случится потому, что я тебя люблю".

Она забыла, как дышать, — внезапно. Помолчав, краснея, она шепнула: "Пожалуйста, только один раз, и все, мне больше не надо…"

— Что "один раз"? — поинтересовался Иосиф, все еще обнимая ее, целуя стриженый затылок.

— Ну, — белые щеки заалели. Джо решительно продолжила: "Потому что вы потом уедете, и я вас больше никогда не увижу, — она мгновенно, горько, как ребенок, разрыдалась. Хватая ртом воздух, девушка жалостно сказала: "А если это будет, ну…я тогда буду вспоминать…"

Иосиф повернул ее к себе и взял заплаканное лицо в ладони. "Ну не дура ли? — спросил он, неизвестно у кого, и сам себе ответил: "Дура". "Не будет никакого "одного раза", — сказал Иосиф, целуя заплаканные, прозрачные глаза. "Я тебя привезу на Ганновер-сквер и попрошу у твоего отца — твоей руки".

— Вам нельзя, — Джо резко побледнела. "Вам нельзя креститься! А мне не стать еврейкой, никак! — девушка прикусила губу. Иосиф мягко сказал: "Это мы еще посмотрим. Так вот, — он прижал ее к себе, — как только мы поженимся, будет много раз. Каждый день будет, — он усмехнулся: "А вахтенным помощников не положено? Добровольных. А то — ты бы вела корабль, а я бы сидел тут, на юте и мешал бы тебе. Или за сигаркой бы сбегал, или кофе бы тебе принес".

Она закивала головой и взялась за его руку. "Никогда, никуда тебя не отпущу, — пообещал Иосиф. "Ты мне снилась все это время, моя Джо, — он положил ее голову себе на плечо. Джо, все еще всхлипывая, ответила: "Вы мне тоже".

— У меня имя есть, — он рассмеялся и стер слезы с ее лица рукавом своей рубашки. "Меня зовут Иосиф, и я очень люблю одну прекрасную, лучшую в мире упрямицу. Другой такой, как она, нет на всем свете, и это очень хорошо".

— Иосиф, — выдохнула Джо и поцеловала его, так, что он жалобно попросил: "Еще, пожалуйста!"

Над морем кружилась пара альбатросов. Джо, нежась в его руках, следя за курсом корабля, сказала: "Смотри. Обычно они так далеко к северу не залетают. Это к счастью — видеть их. Значит, у нас все будет хорошо".

— Никак иначе и не может быть, — он коснулся губами медвежьего клыка на теплой шее, и смешливо добавил: "Это, наверное, Ворон и донья Эстер, волнуются за нас".

— Все хорошо! — озорно крикнула Джо, помахав рукой птицам. Те встали на крыло, и, пронесшись над мачтами — полетели на юг.

— А теперь, — Иосиф взял ее руки в свои и положил на штурвал, — веди меня за собой, Черная Джо. Хоть на край земли. Или даже дальше.

— Пойдем рядом, — просто сказала Джо и прижалась головой к его груди. "Молния", в свете угасающего солнца, — быстро шла на север, к Англии.

Часть десятая

Лондон, лето 1778 года

Часы на церкви святого Эгидия медленно пробили семь утра. Он проснулся, и, сладко потянувшись, закинул руки за голову. Из окна каморки был виден беломраморный, в палладианском стиле шпиль. Мэтью подумал: "Надо же, в трущобах и такую красоту возвели. Хотя хозяин говорил, что трущобы тут позже появились". За окном, — он поморщился, — визгливо ругались два женских голоса. В углу кто-то запищал. Мэтью, не вставая с постели, кинул в крысу сапогом.

— Седельщик Майкл Смит, — он тщательно помылся в лохани. "Это я тут седельщик". Он оделся — в затрепанные, холщовые штаны и такую же куртку. Подняв с пола старую суму с инструментами, — он купил их по дешевке, в первый же день, как сошел с корабля в лондонском порту, — Мэтью спустился вниз.

— Доброе утро, мистер Тадман, — вежливо поздоровался он. Хозяин, подметавший пол, что-то пробурчал. Мэтью, открыв дверь, вдохнув запах нечистот на заднем дворе, чуть не поскользнулся в луже.

Дом — четырехэтажный, деревянный, уже на ладан дышащий, был со всех сторон обвешан сушащимся бельем. Дети, — в каких-то обносках, босые, — разбегались по кварталу — вниз, на Оксфорд-стрит — просить милостыню. Из сарая донеслось утробное рычание. Мэтью усмехнулся: "И медведя тут держат. Парень этот, что водит его, сказал — к осени на травлю продаст, как вырастет он. А пока — парень на скрипке играет, а медведь танцует".

Он помочился у стенки сарая и услышал сверху голос: "Эй, красавец!"

Голая по пояс девка высунулась из окна, дымя сигаркой. Она почесала белокурые, грязные волосы. Собрав их на затылке, обнажив покрытую синяками шею, она улыбнулась: "Сладкого с утра хочешь, милый? Недорого".

— Иди сюда, сучка! — раздался из ее каморки недовольный, мужской голос. Мэтью, пожав плечами, послав шлюхе воздушный поцелуй, — вышел со двора. Он миновал усеянную закрытыми сейчас деревянными балаганами Оксфорд — стрит. Вечером тут боксировали, травили медведей и хохотали над наскоро поставленными, грубыми комедиями. Мэтью стал спускаться к Ковент-Гардену.

Тут было чище. Лавочники уже подняли ставни, из пекарен пахло свежим хлебом. Зеленщики раскладывали товар — яблоки и груши лежали ароматными грудами, ананасы, подвешенные за зеленые хвостики, раскачивались под легким, теплым ветром, индийские манго, завернутые в папиросную бумагу, просвечивали сквозь нее желтыми боками.

Мэтью купил спелую, зимнюю французскую грушу. Торговец, принимая медь, вздохнул: "В июле, говорят, король Людовик нам войну объявит. Цены на товары с континента как взлетели, с Пасхи еще. И что воевать, сдались нам эти колонии на краю земли, пусть катятся ко всем чертям. У нас Индия есть, без них обойдемся. А вы как думаете, мистер? — он стал заворачивать грушу.

— Точно так же, — согласился Мэтью. Зеленщик добавил: "Вы рабочий человек, обстоятельный, сразу видно. Больше бы таких людей. А воров этих, — он махнул рукой куда-то на улицу, — вместе со шлюхами, — надо собрать и в новые колонии, на юге, отправить. Австралия — называются.

— Хорошего дня вам, мистер, — пожелал зеленщик. Мэтью поклонился: "И вам того же".

Он завернул за угол каменного, изящного дома — на парадном входе красовалась рукописная табличка: "Комнаты для джентльменов, завтрак включен. Мест нет". Оглядевшись, достав из кармана ключ, юноша быстро открыл дверь на черную лестницу.

Мэтью прислушался, — постояльцы еще спали, — и взбежал на третий этаж. Войдя к себе в комнату, он разбросал подушки, измяв постель. Открыв гардероб орехового дерева, юноша весело сказал: "Траурный сюртук для визита к папиным поверенным будет очень кстати. Потом в контору порта, а потом — навестим мистера Джона".

Он завязал черный, шелковый галстук и напудрил отросшие, заплетенные в косичку, золотые, как сено волосы. Прикасаясь к вискам серебряной пробкой от флакона с ароматической эссенцией, — запахло лавандой, — Мэтью хмыкнул: "И что я так беспокоюсь? Она, наверняка, сидит в поместье. Не потащится же она через океан с годовалым ребенком".

Потом он вспомнил зеленые, как лед, глаза, презрительно выставленный вперед острый подбородок и едва слышно выругался. "От этой сучки чего угодно ждать можно, — зло сказал он себе. "Ты молодец, правильно сделал, что ключ от черного хода у хозяина стащил. Тут я

мистер Бенджамин-Вулф, а уедет из Лондона вовсе не он, а седельщик Майкл Смит. И мистеру Джону об этом знать незачем. Как там у нас такое на латыни называется? Alter ego".

Он в последний раз оглядел себя в зеркало, — невысокий, изящный юноша в безукоризненной одежде смотрел на него красивыми, ореховыми глазами. Насвистывая, Мэтью спустился вниз, в столовую, откуда уже тянуло кофе и жареным беконом.

На Треднидл-стрит было шумно, голосили мальчишки, торговавшие газетами, в толпе бродили продавцы лимонада и апельсинов, по мостовой ехали раззолоченные кареты. Мэтью, полюбовавшись зданием Банка Англии, позвонил у высокой, дубовой двери с бронзовой надписью: "Бромли и сыновья. Поверенные в делах".

— Присаживайтесь, пожалуйста, — Сэмуэль Бромли встал из-за огромного стола и указал Мэтью на обитое бархатом кресло. "Сейчас нам принесут кофе. Я получил ваше письмо, мистер Бенджамин-Вулф, большое, большое несчастье, — стряпчий покачал головой. "Вашему батюшке едва за пятьдесят было. Но, конечно, — дверь неслышно отворилась, и мальчик поставил на стол серебряный поднос с кофейником и чашками, — я буду рад, если и вы, мистер Бенджамин-Вулф, окажете нам честь тем, что поручите вести ваши дела".

— Мне все оставил, — удовлетворенно подумал Мэтью, принимая чашку тонкого фарфора. "Отличный кофе, — похвалил он.

— Там есть немного специй. Мой друг, мистер Питер Кроу, владелец "Клюге и Кроу", недавно вернулся из путешествия на восток, — улыбнулся Бромли. "Он меня научил варить кофе с кардамоном".

— Разумеется, поручу, мистер Бромли, — кивнул Мэтью, глядя в острые, серые глаза стряпчего — незачем нарушать семейную традицию.

— Благодарю вас, — Бромли отставил чашку. Пригладив редкие волосы на лысине, стряпчий потянулся за папкой испанской кожи. "В общем, все просто, — сказал он, раскрывая ее, оттопырив нижнюю губу. "Пять лет назад покойный мистер Дэвид изменил завещание, — вычеркнул вашего старшего брата, — Бромли взглянул на спокойное лицо юноши: "Они же лоялисты, а этот капитан Вулф, — даже фамилию поменял, — какой-то герой у патриотов. Я читал о нем. Надо же, в одной семье, — стряпчий пожевал губами: "Давайте я вас ознакомлю с последней волей вашего батюшки".

Мэтью слушал, а потом улыбнулся: "Я очень рад, что мой сын стал наследником. Значит, получается, что у моей жены теперь есть независимый доход?"

— Да, — Бромли разлил остатки кофе. "Как вы понимаете, добрачная собственность — это одно, муж становится полноправным хозяином имущества жены, а это, — он положил руку на завещание, — совсем другое. Миссис Марта является опекуном всего наследия вашего батюшки. Деньги, которые будут выплачиваться — принадлежат лично ей. Если ваш сын умрет до достижения им восемнадцати лет…"

— Упаси нас Господь от такого, — перекрестился Мэтью. Бромли, увидев, как заблестели глаза юноши, обругал себя: "Старый дурак, видно же, как мальчик свою семью любит. Сказал бы как-нибудь мягче".

— Всякое бывает, — вздохнул стряпчий. "Если у вас не будет других детей мужского пола, то тогда выплаты вашей жене прекратятся. Вы станете владельцем всего имущества. Земли, рабы,

деньги, ценные бумаги. Состояние вашего батюшки, — Бромли прервался и, взяв перо, что-то подсчитал, — сейчас оценивается в полмиллиона фунтов. Это деньги, что на счету в Банке Англии лежат, я не учитываю средства в обороте".

— Большое вам спасибо, — Мэтью поднялся. Бромли, пожав ему руку, помялся: "Мистер Бенджамин-Вулф, если бы вы могли нам помочь…Ваш батюшка оставил триста фунтов пожизненно вашей сестре, мисс Тео Бенджамин-Вулф. Вы не подскажете, как бы мы могли с ней связаться? Я и не знал, что у вас есть сестра, — добавил Бромли.

— Я и сам не знал, — пожал плечами Мэтью. "К сожалению, нет, мистер Бромли, ничем помочь не могу. Всего хорошего, — он наклонил голову, — я завтра отплываю. Хочется успеть домой до того, как французы вмешаются в наши дела, и ваш флот начнет топить все корабли, что идут в колонии, без разбора".

Бромли только развел руками: "Очень надеюсь, что мы когда-нибудь подпишем перемирие, мистер Бенджамин-Вулф, очень надеюсь".

— И я, — отозвался Мэтью.

Оказавшись на улице, он скривился и взглянул на фасад Банка Англии: "Спасибо, дорогой папа, за любовь и заботу, — пробормотал юноша. "Теперь этому ублюдку точно не жить, дайте мне только до Виргинии добраться. И ей, этой гадине, — тоже, что там у нее между ног — медом намазано было, что папа так голову потерял? Развратник проклятый, нравилось тебе, как она под тобой стонет, но деньги зачем ей было оставлять? Опекун, — Мэтью грубо, вполголоса выругался и посмотрел на руки — они дрожали. "Сестра, — усмехнулся он. "Так вот почему папа всю жизнь с этой черной шлюхой возился. Все же его единственная дочь. Ничего, я ее найду".

Он вошел в прокуренную кофейню. Пройдя по набросанным на полу опилкам, юноша занял отдельную кабинку, заказав кофе и сладостей. Оглянувшись на дверцу, Мэтью незаметно вытащил из внутреннего кармана сюртука плоскую серебряную фляжку и отхлебнул. "Схожу в порт, для очистки совести, — решил он, снимая с шеста у себя над головой газету, — а потом — на Ладгейт-Хилл".

Он пролистал страницы: "Война, война, война — ничего интересного. Право, газеты совсем уж скучные стали".

— Из Парижа сообщают, — наткнулся Мэтью на заголовок. "Восходящая звезда театра Comedie Francais, мадемуазель Тео Бенджаман с огромным успехом выступила в роли "Федры". Зрители на премьере устроили овацию. Восторженная толпа, ожидавшая актрису у служебного входа — расстелила под ее ногами ковер из живых роз. По слухам, мадемуазель Бенджаман приглашена в Версаль — прочитать монологи из спектакля перед их величествами королем Людовиком и королевой Марией-Антуанеттой".

Мэтью отпил принесенного кофе и ласково погладил газету: "Сестричка. Вот где ты, оказывается. Я же помню, как мы с тобой Расина разыгрывали, сестричка". Его ноздри раздулись. Мэтью, зарычав, оскалив зубы, шепнул: "Я знаю, сестричка, ты будешь рада меня видеть".

— Готово, — удовлетворенно сказал портной, отступая на шаг. "Можете посмотреть, мистер Теодор".

Федор взглянул на себя в большое, венецианское зеркало: "Очень неплохо, спасибо вам большое".

— Ткани все от "Клюге и Кроу", — добавил портной, помогая ему снять сюртук. "Лучшая английская шерсть, у них свои мануфактуры на севере. Рубашки из ирландского льна, как вы и просили".

Федор рассчитался. Написав что-то на листке бумаги, он велел: "Раз мы все примерили, то, когда будет закончено, отправьте сразу в Дувр, по этому адресу". Он внезапно усмехнулся: "На континенте портные к таким, как я не привыкли, дорогой мистер Шэдл".

— Шесть футов пять дюймов, мистер Теодор, — уважительно протянул портной, — эти французы таких людей и не видели никогда. Обувщику я адрес передам, — он помахал бумагой, — не беспокойтесь.

Федор попрощался. Нагнув голову, он вышел на узкую Грэйсчерч-стрит. На черной вывеске портного блестели золоченые цифры: "A.D.1689".

— "Клюге и Кроу", — вспомнил Федор. "Мы же с Джоном сегодня обедаем у этого Питера Кроу. Там постарше дело будет. Джон мне говорил — с тринадцатого века они торговлей занимаются".

В лавке цирюльника было тихо, Джон, стоя у прилавка, рассматривал бритвы — с рукоятками слоновой кости. "Это Хантсмена, — Федор остановился рядом. Взяв одну, он полюбовался лезвием. "Ты же знаешь — он придумал эту твердую сталь, лучше ее нет. Ваши производители столовых приборов, в Шеффилде, отказались с ней работать. Якобы немецкая сталь мягче, они к ней привыкли".

— Дураки, — усмехнулся Джон. "Хантсмен продал всю сталь, на корню, во Францию. Когда французы стали заваливать британский рынок ножами и вилками — только тогда наши всполошились. Эссенцию свою покупать будешь?"

— А как же, — Федор выбрал несколько флаконов и смешливо сказал: "Лучше кедра все равно — ничего нет. Ты в Сибири не жил, а я жил. Пойдем, — он кивнул, — провожу тебя до Ладгейт-Хилл, мне еще в Британский музей надо. Статью дописать и с камнями повозиться. Но на обед я не опоздаю".

Выйдя на улицу, Джон подставил лицо полуденному солнцу. Он искоса посмотрел на мужчину: "Осенью он лучше выглядел. Измотали его святые отцы".

Федор, заметив его взгляд, буркнул: "Я месяц под землей провел, в этом вашем Корнуолле. Дело у вас неплохо поставлено, надо сказать".

— А статья про что? — Джон кивнул на кофейню: "Зайдем, у меня встреча только через час назначена".

Они устроились в кабинке. Федор усмехнулся: "Во Фрейберге есть горное училище, хорошее. Я там лекции читал. Преподает у них некий Вернер. Ты не слышал о нем, скорее всего".

— Отчего же, — обиженно ответил Джон, заказав кофе, — он книгу написал, о классификации минералов, я ее даже просмотрел.

— Вернер, — Федор сбил пылинку с безукоризненного скроенного, темно-синего сюртука, —

считает, что земля сначала состояла из воды. Все минералы — тоже из нее образовались. А Великий Потоп, — мужчина иронически рассмеялся, — добавил нам геологических слоев.

— Ты с ним не согласен, — утвердительно сказал Джон, разливая кофе.

— Разумеется, — Федор покачал головой. "Во-первых, я отказываюсь принимать Библию, как научный источник. Во-вторых, ключ к разгадке того, что находится под нашими ногами, — он указал на деревянный пол кофейни, — лежит в вулканической активности. Если бы мы могли доказать, например, что базальт — это продукт деятельности вулканов, то вся эта теория об океане разлетелась бы в пух и прах. Я, кстати, сыну твоему ископаемых привез, — добавил Федор, — разберу багаж и передам вам".

Он посмотрел в светло-голубые глаза мужчины: "Джон, но если сын вернулся — значит и дочь, тоже, вернется. Просто надо подождать".

— Я его еле уговорил в Кембридж пойти, — горько ответил Джон, — он все рвался обратно, в Новый Свет, раз уж теперь этого Кинтейла и король Георг теперь к смерти приговорил. А Джо, — он махнул рукой, — я уже, и ждать перестал". Он замолчал, помешивая кофе: "Надо же, как мы с Теодором подружились. Конечно, когда он тут осенью появился, с новостями об этом аббате Корвино — он как-то сразу, с полуслова меня понял. Трудно ему".

— Ты бы в театр там, у себя, в Париже сходил, — вздохнул Джон. "Хоть бы отвлекся, а то все работа и работа".

— Отвлекся, — желчно повторил Федор. "Мою квартиру, Джон, чуть ли не каждую неделю обыскивают. Попробуй тут, отвлекись. В Школе Дорог и Мостов тоже побывали, в моей мастерской. Шифрую в королевской библиотеке. Один раз попробовал это в кофейне сделать, "У Прокопа", — половина Парижа через плечо заглянула. А теперь аббат Корвино изволит явиться. Он же сначала в Рим заезжал. Этот, я боюсь, у меня в доме поселится, чтобы присматривать за мной".

— И война начинается, скоро уже, — подумал Джон. "У меня даже безопасного дома в Париже нет. Не успею уже туда послать кого-то. Да и кого посылать? Все при деле, а мистер Мэтью в Санкт-Петербург поедет".

— Я тебе очень благодарен, — Джон посмотрел на золотую масонскую булавку, что блестела на лацкане сюртука Федора, — и ты знаешь, если ты когда-нибудь захочешь обосноваться в Англии…

— Я еще надеюсь в Россию вернуться, — хмуро ответил Федор. Вытащив кошелек, он поднял руку: "Позволь мне, я в шахтах работал, там деньги тратить не на что было".

— А твои, — Джон тонко улыбнулся, — патроны, святые отцы, ничего не заподозрили? Когда ты уезжал.

— А что подозревать? — удивился Федор. "Войны пока нет, все бумаги у меня в порядке. Еду, по заданию Школы, изучать ваше горное дело и работать в Британском музее. Что я, собственно и делаю, а с тобой, — он широко улыбнулся — мы просто обедаем и кофе пьем. Ладно, — он пожал Джону руку, — пойду громить нептунистов. Это те, которые океанической теории придерживаются".

— Я понял, — рассмеялся Джон. Он стоял, следя за рыжей головой, что удалялась на запад, к Блумсбери: "Как это он осенью сказал? Во-первых, я хочу отдать вам долг, а во-вторых,

рассказать что-то интересное. Но "во-вторых" важнее, поэтому я буду говорить, а вы — послушайте. Господи, как мне с ним повезло. Умен, внимателен, практик, а не теоретик, и взрослый мужчина уже. Главное, конечно, чтобы его влюбиться не угораздило, а то все полетит в тартарары"

Джон неторопливо дошел до Ладгейт-Хилл и велел привратнику: "Появится мистер Мэтью, с письмом, я вас о нем предупреждал — сразу ко мне. Итальянскую почту, я смотрю, привезли, — он забрал конверты и поднялся к себе.

Джон присел на подоконник и полюбовался близким, — руку протяни, — куполом собора святого Павла. В темно-синем небе вились чайки, и он, на мгновение, закрыл глаза: "Сейчас французы объявят нам войну, и мы сбежим из колоний с поджатым хвостом, как я и предсказывал. Как хорошо, что я отказался ими заниматься".

Он просмотрел конверты и взломал печать со львом и единорогом. "Ливорно, — пробормотал Джон, — вот и узнаем, что там случилось. Джон пробежал строки письма и медленно свернул его: "А вот это — плохо. Совсем, совсем плохо".

Карета остановилась у парадного входа. Слуга, распахнув дверцу, улыбнулся: "Добро пожаловать, мадам, рады видеть вас в нашем пансионе!"

Невысокая, хрупкая девушка, в глубоком трауре, взяла на руки толстенького, в бархатной курточке, ребенка. Она весело сказала: "Вот мы и в Лондоне, Тедди!"

— Лондон! — рассмеялся мальчик и слуга подумал: "Хорошенькая какая, и молоденькая еще совсем".

— Сундуки мы отнесем в ваши комнаты, мадам, — поклонился слуга. Марта, вложив ему в ладонь серебряную монету, кивнула: "Спасибо!"

Хозяйка уже ждала ее в передней. "Мне ваш пансион порекомендовали в конторе порта, — Марта протянула ей руку, — здравствуйте, миссис Дженкинс. Меня зовут миссис Марта де Лу, я из Квебека, в Новом Свете. Это мой сын, Теодор".

— Слышали, слышали, — хозяйка, показала на изящно обрамленную карту, что висела над камином. "Сын мой, как война еще не началась, к вам на торговых кораблях плавал. Теперь в Британскую Ост-Индскую компанию перешел, в Бомбей ходит. Надолго вы к нам, миссис де Лу?"

— Думаю, до конца лета, — Марта поставила Тедди на персидский ковер. Он, закинув каштановую голову, весело сказал: "Здравствуйте!"

— Какой же ты толстенький! — миссис Дженкинс присела и пощекотала его.

— Я почти одновременно потеряла отца и мужа, — Марта вздохнула и дернула краем красивого рта, — не могла больше оставаться в Квебеке, сами понимаете…

— Конечно, миссис де Лу, — захлопотала хозяйка, — я вам дам опытную горничную, Бесси. Она и за маленьким присмотрит, если вам надо будет отлучиться. Пойдемте, я покажу вам комнаты.

На втором этаже было солнечно, в гостиной, на камине стояли серебряные подсвечники.

Марта, вдохнула запах свежести, чистого, выглаженного белья: "Надо сходить, помолиться за папу. И за отца Теодора".

— Церковь святого Георга, — ласково сказала миссис Дженкинс, распахивая окно в зеленый, ухоженный сад. Она указала на красивое здание неподалеку, с колоннами. "Наша, приходская. Отец Генри у нас священником, очень, очень хороший человек. Тут Ганновер-сквер рядом, у нас много модных лавок, кофейни, — туда женщин не пускают, конечно, — да и река неподалеку. Вам тут хорошо будет. Полный пансион, — добавила хозяйка.

— Давайте, я с вами расплачусь, — Марта потянулась за бархатным мешочком, — за месяц вперед, а там посмотрим.

Приняв и пересчитав деньги, хозяйка кивнула: "Как пойдете с маленьким гулять, загляните в мой кабинет, это за столовой, я вам расписку отдам. А вот и Бесси! — она повернулась к двери.

Низенькая, полная девушка в холщовом платье и переднике присела: "Вы, наверное, в спальню хотите детскую кроватку поставить. У нас на чердаке есть, разобранная, я могу принести".

— Тедди со мной привык спать, на корабле, — Марта взглянула в сторону спальни. "А вот если бы вы, Бесси, помогли мне разложить сундуки, я бы вам была благодарна. Потом можно с Тедди погулять. Вы мне тут все покажете, и я отлучусь ненадолго, по делам".

— Я вам поднос пришлю, вы же обед пропустили, — сказала миссис Дженкинс, уже в дверях. "Пирог с голубями сегодня".

Спускаясь по лестнице, она вздохнула: "Такая молоденькая, а уже вдова. Вряд ли больше восемнадцати лет. Но деньги у нее есть. Кольцо, какое красивое, сапфир это, наверное. Синий камень, как мальчика ее глаза".

Она выглянула наружу и велела слугам: "На второй этаж сундуки миссис де Лу несите".

— Миссис де Лу, — хмыкнул невысокий, легкий юноша в черном сюртуке, что стоял спиной к пансиону, разглядывая мраморный портик какого-то особняка. "Вовремя я в контору порта пришел. Брат беспокоится о своей сестре, все же время военное. Мне сразу все и доложили.

— Ах, сучка, сучка, ведь сейчас, наверняка к Бромли пойдет, там ей все и скажут. Не зря я ей не доверял, сразу за мной помчалась. Жена, — он презрительно сплюнул.

— Хотя — Мэтью встряхнул косичкой, — так оно и легче, не придется в Виргинию возвращаться. Надо будет сюда Майклом Смитом прийти, покрутиться среди слуг, завести знакомства. Покончу с ними — и на континент, поминай, как звали. Через год вернусь и вступлю в права наследника. Законного наследника, — он посмотрел на часы церкви святого Георга и засунув руки в карманы сюртука, насвистывая, пошел к Сити.

В высоком, уходящем под потолок зале Банка Англии было прохладно. Марта, поежившись, поправила кашемировую шаль на плечах. "Хорошо, — подумала она, оглядывая деревянные прилавки и ряды конторок за ними, — эта Бесси девушка ловкая, сразу видно. Тедди она по душе пришлась. Можно его в пансионе оставлять, под присмотром".

— Сейчас придет мистер Милгейт, управляющий вкладами особо важных клиентов, — сказал Бромли, наклонившись к ее уху.

— Не буду говорить, что муж ее у нас был, — решил стряпчий, — зачем в семейные дрязги влезать. Если он решит разводиться — пусть нас нанимает, тогда и займемся всем. А пока — это не наше дело, как они там живут друг с другом, и живут ли вообще. К наследству это отношения не имеет. И о сестре мужа ее спрашивать не буду. Если он не знал, что мисс Тео существует, так эта миссис Марта — тем более. А она хорошенькая, — Бромли, недовольно, вспомнил свою расплывшуюся жену, — я бы нее в постели не отказался.

— Миссис Бенджамин-Вулф, — высокий, худой человек в темном сюртуке подобострастно поклонился. "Пойдемте в мой кабинет".

Она расправила черные, шелковые юбки, и, удобно устроилась в кресле: "Во-первых, мистер Милгейт, я бы хотела открыть личный счет, на который вы мне будете перечислять тысячу фунтов ежегодно. Во-вторых, мне нужно просмотреть отчеты по управлению вкладом за последние два года. Не откажите в любезности прислать их на мой лондонский адрес, — Марта протянула ему визитную карточку на атласной бумаге. "Это пансион, где я остановилась, с моим сыном".

Милгейнт открыл рот, и закрыл его. Марта, сладко улыбнулась: "Спасибо. Надеюсь получить бумаги в течение ближайших трех дней, мистер Милгейт. После того, как я просмотрю отчеты, я назначу встречу с вами и мы обсудим мои выводы. Рада была познакомиться, — она встала, протянув тонкую, украшенную лишь одним кольцом руку и Милгейт пожал ее: "Синий алмаз. Господи, да за такой камень — целую улицу купить можно".

— Нет, — вздохнул Бромли, — провожая ее к выходу, — не надо мне такой в постели, она и там командовать начнет. И ведь ничего не скажешь, полмиллиона фунтов. Возьмет и заберет вклад, у нее на это все права есть.

— Я вам очень, очень благодарна, мистер Бромли, — Марта натянула перчатки. "Конечно же, я буду, рада обсудить с вами отчеты по вкладу. У вас в этом больше опыта, чем у меня, я бы с удовольствием поучилась, — она изящно подала ему руку и спустилась по мраморным ступеням. "Мы могли бы выпить чаю, у вас в конторе, я вам напишу".

— Конечно, миссис Марта, — Бромли почувствовал, что краснеет. "Непременно".

— А и пусть бы командовала, — неслышно пробормотал он, провожая стройную, узкую, в черном шелке спину. "Такой и подчиняться приятно, что ни говори".

Вытерев лысину большим платком, — день был жаркий, — стряпчий отправился к себе в контору.

Марта шла, высоко подняв голову: "Тедди — наследник всего. Господи, теперь беречь его надо, вдруг Мэтью о завещании узнает. Сейчас встречусь с мистером Джоном и уеду куда-нибудь в глушь, в провинцию, там спокойней".

Она заглянула в книжную лавку напротив собора Святого Павла и, порывшись в плетеных корзинах, выбрала "Детские уроки" Анны Барбо: "Тедди рано, конечно, еще учиться, но буквы ему нравится рассматривать. И "Легенды о короле Артуре" Томаса Мэлори возьму, буду ему вслух читать"

— И вот эту, — Марта подхватила "Эвелину" Фанни Берни: "Все женщины пишут. Как много книг уже издали, а я только считаю хорошо, вот и все. Никаких талантов".

— Отправьте, пожалуйста, в пансион миссис Дженкинс в Мэйфере, — попросила она. "Где тут у

вас ближайшая церковь?"

— Святой Елены, мадам, — поклонился мужчина. "Как раз за углом, на Бишопсгейт".

Марта зашла в простой, беленый зал. Оглянувшись, — вокруг никого не было, — она встала на колени перед большим распятием. "Господи, — девушка уронила голову в руки, — упокой душу отца моего. И отца Теодора — тоже. Дай мне сына вырастить, достойным человеком, прошу тебя".

Она вдруг услышала сзади легкие шаги. Встрепенувшись, Марта поднялась. В зале царило молчание. Марта вдохнула запах жасмина. Наклонив голову, она прошептала: "Кто тут?"

— Береги, — донесся до нее нежный, удаляющийся голос. "Береги их, Марта".

Джон посмотрел на черный сюртук юноши, на золотую, масонскую булавку. Мэтью, вздохнув, пожал ему руку: "Я потерял отца, весной. Оспа. Он, к сожалению, был из того поколения, что считало прививки шарлатанством".

— Мне очень жаль, — Джон опустился за простой, деревянный стол, на котором лежала только стопка чистой бумаги. Мэтью незаметно окинул взглядом кабинет. "Оловянная чернильница и старая карта на стене, — подумал он. "И все, надо же. Этот мистер Джон — моргни, и не запомнишь его. У половины Лондона такие лица. Даже волосы не пудрит".

Мэтью незаметно повел носом. Джон усмехнулся: "Это ветивер. Мой цирюльник сам эссенцию делает, на основе масла, что из Индии привозят".

Пахло лесом и немного, — Мэтью подумал, — дымом от костра. "А у вас лаванда, — Джон снял с цепочки для часов простой ключ и отпер ящик стола. "Когда мы с вами встречались в Вильямсбурге, я вам говорил о работе во Франции. Планы изменились, — тонкие губы улыбнулись, — теперь вы поедете в Россию. Но ваши рекомендательные письма вам пригодятся, масонов в Санкт-Петербурге предостаточно".

— Но я не знаю русского, — растерянно сказал юноша.

— И не надо, — хмыкнул Джон. "Там все по-французски говорят. В тех кругах, где вам предстоит общаться. Слышали о некоем графе Калиостро?"

— Читал в газете, — улыбнулся Мэтью. "Он же тут, в Лондоне, подвизался".

— В прошлом году, — Джон поднялся и присел на подоконник. "Изготовлял фальшивые драгоценные камни и угадывал выигрышные номера лотерейных билетов. Если с кристаллами у него еще кое-как получалось, то с лотереей — нет. Он теперь в Санкт-Петербург отправился, так что вам придется за ним последить.

— Если удастся познакомиться с его наставником, так называемым, — Джон желчно усмехнулся, — графом Сен-Жерменом — тоже будет хорошо. Этот в Германии живет, в Шлезвиге, под крылом у тамошнего князя Карла, он привечает алхимиков. Вот, — Джон достал потрепанную папку, — тут все о Калиостро и Сен-Жермене, в дороге почитаете. Как ваша семья? — вдруг спросил он.

Мэтью поднял ореховые глаза: "Хорошо, они дома, в поместье. Сыну моему, Теодору, в апреле год исполнился".

— Ходит уже? — внезапно спросил Джон.

Мэтью вспомнил, как Марта поставила ребенка на землю у кареты, и уверенно ответил: "Да, ходит. И говорит уже немного. Как я приеду — он меня и не узнает, наверное, вырастет".

— Пойдемте, — Джон поднялся, — проведу вас в канцелярию, получите деньги за первые полгода. Далее мы вам будем с кораблями пересылать. Отплываете вы через три дня, прямо в Санкт-Петербург, так что собирайтесь, — он, открыв дверь, пропустил Мэтью вперед.

— Хороший юноша, — Джон присел на окно и посмотрел на золотистую голову, что удалялась к собору Святого Павла. "Конечно, важные дела ему поручать не след, молод еще, но этого Калиостро нельзя выпускать из-под присмотра. Думаю, он справится".

Мэтью внезапно обернулся: "До Санкт-Петербурга я доберусь, конечно. Попозже, дорогой Джон. И вообще, — он засунул руки в карманы, — не думаю, что мы еще увидимся. Пять сотен фунтов — этого мне с лихвой хватит, чтобы исчезнуть. Был Мэтью Бенджамин-Вулф — и нет его. Поеду сначала в Гамбург, или Данциг. Потом по суше доберусь до России".

— Только сначала закончу все дела, — он вскинул голову, проходя мимо собора Святого Павла, — с любимым сыном. Ее трогать не буду, черт с ней, все меньше возни. Без денег ей только в бордель и остается пойти, — Мэтью вдохнул теплый ветер с Темзы: "Через пару лет навещу дорогую сестру, никуда она из Парижа не денется".

Он шел к востоку, в порт и представлял себе небольшой, уединенный домик в лесу. "Белые, — пробормотал Мэтью, раздув ноздри. "Белые рабыни. Куплю сначала двоих, на пробу. Цепи, кандалы, и обязательно кнут. И ножи, конечно, хорошие ножи. Жаль, что те, в Виргинии, пришлось выбросить".

Юноша услышал наполненный ужасом шепот: "Мистер, не убивайте меня, пожалуйста. Мистер, меня зовут Маргарет, Маргарет Брэдли, прошу вас, не надо...". Он вспомнил холщовый мешочек, что, размахнувшись, выкинул в океанскую воду: "Карие были глаза. Надо посмотреть — к кому там из горничных в пансионе можно подкатиться. Страдающий отец, разлученный с ребенком — непременно найдется дура, что меня пожалеет".

Мэтью увидел вывеску аптекаря. Толкнув деревянную дверь с колокольчиком, вдохнув запах трав, он встал в конец небольшой очереди.

— Десять унций лауданума и три унции мышьяка, пожалуйста, — сказал он вежливо небольшому, в холщовом переднике и нарукавниках, старичку. "Хочу, наконец, извести крыс в подвале".

На Ганновер-сквер было сумрачно. Федор не сразу увидел Джона, что стоял, прислонившись к стволу дерева, дымя трубкой.

— У Питера сын маленький, — улыбнулся мужчина, — он просит не курить в доме. Поработал?

Федор сладко потянулся. Вынув из кармана серебряный портсигар, он попросил: "Дай-ка огня. Вроде и не курю, а иногда хочется. Особенно, когда из-под земли поднимешься".

Он раскурил сигару, и, присел на мраморную скамейку: "Когда ты меня той осенью в Париж отправлял, ты меня предупреждал — будет одиноко, а я тебя не послушал. Я теперь во всем подвох вижу, Джон. Устраивали в Школе публичную лекцию по химии, с опытами, — в Париже

это сейчас модное развлечение, — полная галерея дам, набилась и хорошеньких. Я смотрю на них и думаю — кого тут святые отцы подослали, чтобы меня проверить?".

Джон, было, открыл рот, но сразу, же его закрыл. "К шлюхам ходить он не будет, — вздохнул герцог мужчина, — он не такой".

— Я посмотрю, что тут можно сделать, — пообещал Джон и присел рядом: "Я сегодня получил почту, из Ливорно. Знаешь, кто исчез оттуда одновременно с твоим братом?".

— Эта самозванка, Селинская, — удивился Федор, стряхивая пепел. "Я об этом помню, к Степану-то она отношения не имеет".

Джон тяжело вздохнул: "Нет, милый мой Теодор. Некая Изабелла Корвино. Семнадцати лет, как выяснил мой человек в Тоскане — венецианка, младшая сестра твоего, — он помолчал, — хорошего друга, аббата Пьетро".

Федор побледнел. Поднявшись, выбросив окурок, он процедил: "Так это что, святые отцы три года назад еще начали ко мне подбираться? Пусть только аббат в Париж приедет, я с ним как следует, поговорю. Он мне все скажет, поверь, — и где сейчас Степан, и где, — он витиевато выругался, — эта самая Изабелла. Вот же мерзавец, родной сестры не пожалел. Хотя, может, — мужчина усмехнулся, — она такая же авантюристка, как и Пьетро".

— Ты не горячись, — посоветовал ему Джон, вставая. "Как только увидишь аббата, — постарайся выяснить, ненароком — что там, в Ливорно случилось. Уж потом, как узнаем, — где твой брат, — будем думать дальше".

Они пошли к мраморному, освещенному факелами подъезду особняка Кроу, — на портике был высечен ворон и надпись: "A.D.1230". Федор вдруг остановился: "Мой брат, Джон, не мог стать предателем. Не верю в это, и никогда в жизни не поверю. Он — как я. Я же тебе еще тем годом сказал — против своей страны я работать не буду, никогда. А вот если они начнут Степаном меня шантажировать…"

— Ведь могут, — вздохнул Джон и вслух, сказал: "Вот дождемся приезда твоего патрона — и тогда будем решать, что делать".

Джон постучал в дверь бронзовым молотком: "При Питере можно говорить свободно. Он, хоть и нашими делами не занимается, но все знает. При случае, даже совет даст, парень с головой".

Невысокий, легкий, мужчина открыл им: "Наконец-то. Мистрис Джонсон уже все на стол поставила, и пошла к Майклу. Он так и не заснул пока. Вы мистер Теодор? — Питер протянул смуглую, сильную руку.

Мраморный пол передней был устлан персидскими коврами и шкурами. Федор, оглядел мебель: "С большим вкусом человек. Китайский комод, сразу видно".

— Из Макао привез, — объяснил Питер. "Этот фарфор тоже — мужчина указал на изящную вазу с золотыми рыбками, — он времен империи Мин, больше двухсот лет назад. Я, пока на восток ездил, решил собирать коллекцию, для Британского музея. Ну и для себя, — он широко улыбнулся, — конечно.

— Смотри-ка, — понял Федор, — а у него виски чуть седые, хотя он на два года меня младше.

— Вы простите, что я так, — Питер покраснел, указывая на свою рубашку, — по-домашнему, я

сына спать укладывал.

— Мы тоже сюртуки снимем, не беспокойся, — усмехнулся Джон. Принюхавшись, он повернулся к Федору: "Утка по-китайски. У нас в Лондоне, есть два короля — король Георг и король специй. Второй — перед тобой, — он похлопал Питера по плечу: "Как уроки твои? Питер у нас русским занимается".

— Моя покойная жена была русская, — вздохнул мужчина, — и Майкл, сын мой — хочется, чтобы он ее язык знал. Ну и вообще — Питер развел руками, — для торговли это хорошо.

— Тогда будем говорить по-русски, хотя бы немного, — заметил Федор. "Я ведь тоже из России, меня Федор Петрович Воронцов-Вельяминов зовут. Я как раз тот инженер, что с вашим покойным другом работал, мистером Джованни".

— Никогда не видел, чтобы люди так бледнели, — подумал Федор. "Да что это с ним?"

— Ты проходи в столовую, Джон, — вежливо попросил Питер. Повернувшись к Федору, он сказал по-русски, с акцентом: "Пойдемте".

В кабинете горел камин. Над ним висел портрет очень красивой женщины в мужском костюме. "Я должен отдать вам это, — сказал Питер, все еще по-русски, наклонившись над своим столом.

Федор посмотрел на его ладонь. Он отступил к двери, не видя ничего перед собой, кроме зеленых, больших глаз Богородицы. "Она в красном углу у нас висела, в избе, — вспомнил мужчина. "Господи, да откуда он ее взял?".

— Я был женат на вашей жене, Федор Петрович, — услышал он тихий голос. Питер стоял, глядя куда-то вдаль. Федор, пошатнувшись, забрав у него икону, прошептал: "Ваш сын…"

— Я вам расскажу, — голос Питера надломился. "Потом, после ужина. Неудобно заставлять Джона ждать".

Он вышел. Федор, взглянув на образ у себя в руке, зло сказал: "Не верю! Быть такого не может!". Он поднял глаза и увидел бронзовые, свернутые узлом волосы женщины на портрете. "Господи, одно лицо с иконой, — понял Федор. Сжав зубы, он добавил: "Вот сейчас я все и узнаю".

Джон посмотрел через плечо на двери особняка Кроу. Расстегнув верхнюю пуговицу на сюртуке, он покрутил головой: "Господи, и бывает же такое. Хотя они оба взрослые, разумные люди, — поговорят спокойно".

Ночь была теплой и звездной, где-то скрипели колеса кареты. Джон, свернув на Брук-стрит, вдохнул запах влажной листвы — пока они сидели за ужином, прошел легкий дождь. На втором этаже пансиона по соседству с его домом были распахнуты окна, горели, переливались огоньки свечей. Он услышал нежный женский голос:

— Demain s'y fait beau, j'irons au grand-pere

C'est le beau p'tit bibi a mama

Dors, dors, dors, dors

mir-knigi.org

Dors, dors, le bi-bi a mama, — пела женщина.

— Мама! — повторил ребенок. Она рассмеялась: "Спи, мой мальчик, поздно уже".

— Жасмин, что ли, расцвел, — подумал Джон. "Точно, цветы все еще в каплях. Какое лето хорошее в этом году". Он остановился и вскинул голову вверх, отведя ветвь рукой. Свечи потухли. Джон, вдруг, с горечью, вздохнул: "Мне всего тридцать восемь, я же не старик еще. Господи, да о чем это я, мне бы мальчика вырастить. Один он у меня остался".

Дома, на кухне, под фарфоровой тарелкой с холодной олениной лежала записка: "Ночью непременно захочешь есть".

Джон улыбнулся. Взяв подсвечник, он постучал в комнату к сыну. Джон прислушался — было тихо, и нажал на ручку двери. Юноша спал, уронив светловолосую голову на стол. Джон подошел ближе и осторожно вытащил из-под руки сына тетрадь. "Таким образом, — прочел он, — рабство необходимо признать той язвой современного общества, которая должна быть излечена немедленно и радикально".

— Папа! — юноша проснулся и потер глаза руками. "Что-то ты рано".

— Мистеру Теодору и Питеру надо было поговорить, — Джон присел на ручку кресла и мягко спросил: "Это для общества аболиционистов? Для того журнала, о котором ты мне говорил?"

Джон кивнул. Отец, глядя в светло-голубые глаза, задумчиво сказал: "Не люблю слова "радикально", уж больно мы в этой стране от него натерпелись, во время гражданской войны".

Жесткая складка легла на высоком лбу юноши. Он, забрав тетрадь, ответил: "А никак иначе нельзя, папа, ты уж прости".

Они помолчали. Сын, положив руку на пальцы отца, тихо проговорил: "Когда я закончу Кембридж, возьмешь меня к себе, папа. Я же знаю — ты все делаешь для того, чтобы наша страна жила в мире. А я, — Джон прервался и помолчал, — я теперь понял, что такое — война. Так что я тебе подойду, — он мимолетно, слабо улыбнулся.

— Возьму, конечно, — Джон поцеловал теплый висок. "Папа, — услышал он, — ты прости меня, пожалуйста, это я виноват, что так все получилось. Я не уследил за Джо..."

— Не надо, милый, — Джон обнял сына, — не надо, мой хороший. Это я виноват, не надо было мне надолго от вас уезжать. Ложись спать, у тебя же завтра в семь урок верховой езды.

Джон внезапно рассмеялся. "Хоть он и берейтор у его Величества, а все равно — это я его учу, папа. Он, правда, говорит, что так только дикари ездят. Я ему показал, как на скаку из лука стреляют. Работать пойдешь? — он прижался щекой к руке отца.

— Конечно, — Джон поцеловал его в лоб и поднялся. "Спасибо за мясо, сам жарил?"

— А как же, — сын проводил его до двери. Когда она закрылась, юноша уткнулся лицом в стену: "А ведь я ему так и не сказал о Гениси, — подумал Джон. "Да и что говорить, когда ее больше нет?"

Он вспомнил тонкие, смуглые, обнимавшие его руки и горячий шепот: "Теперь мы муж и жена, Джон, по-настоящему, навсегда".

— Навсегда, — повторил юноша. Заставив себя не плакать, сев к столу, он стал медленно, аккуратно очинять перо.

Наверху, в кабинете, Джон подставил подсвечник на стол. Раскрыв ставни, он присел на подоконник. Город спал, над шпилем церкви святого Георга висел тонкий, светлый леденец луны, цокали по брусчатке копыта лошадей. Джону, на мгновение, показалось, что откуда-то веет жасмином.

Он набил трубку и, затянулся, обхватив колено руками: "Нет, и не думай даже. Это просто ночь такая выдалась, и тот голос женский, как на грех. Сейчас пройдет".

Питер поворошил бронзовой кочергой дрова в камине: "Вот и все. А потом, когда я похоронил, — он помолчал, — Марию, мы с Майклом добрались до Кейпа. Там уже сели на корабль. Мне очень, очень жаль, Теодор".

Федор сидел с закрытыми глазами. "Кто эта женщина, на портрете? — спросил он.

— Наш общий предок, — ничуть не удивившись, ответил Питер. "Миссис Марта де ла Марк, по первому мужу — Кроу. И она, и ее первый муж были русскими, бежали из Москвы при царе Иване, том, которого вы Грозным называете. Она была Вельяминова, а муж ее — Воронцов, — поэтому и Кроу, — мужчина чуть улыбнулся и стал разливать кофе. В кабинете, — просторном, с большим глобусом на дубовом постаменте, со шкурами тигров на паркете палисандрового дерева, — было тихо.

Большие часы с бронзовой фигурой Меркурия пробили одиннадцать раз.

— Мой дед, — Федор все смотрел на икону, — его тоже Федор звали, он для царя Петра в Италии картины покупал и статуи. Он разбирался в искусстве. У нас в Санкт-Петербурге парк есть, называется — Летний сад. Там стоят те статуи, что он привез из Флоренции. Эту икона тоже — из Италии, только, как она туда попала? — Федор посмотрел на Питера.

— Не знаю, — вздохнул тот. "Хотя давайте посмотрим, у меня есть наше родословное древо. Оно неполное, конечно, сами понимаете. Семью разбросало по миру".

Он встал, и Федор спросил: "Что с дочкой Джованни, Констанцей, он о ней часто говорил?"

— С ней все хорошо, — Питер отпер книжный шкап орехового дерева. Он достал старый, пожелтевший лист бумаги. "Она с нашей родственницей дальней, Эстер, в Бостоне. Девочка маленькая еще, да и война вот-вот начнется. Незачем ее пока сюда возить, там спокойней.

— Мне ведь тоже, — он присел за большой стол, — сначала написали, что их корабль утонул. Кузен мой, капитан Стивен Кроу. Он военный моряк, в Атлантике плавает. Как я вернулся, я сначала его письмо прочел. Уж потом Джон, сын его светлости приехал, и письмо от самой Эстер передал. Она замужем была, и уже овдовела. Брат ее старший погиб, Иосиф его звали, он очень хороший врач был, — Питер посмотрел на бумагу и попросил: "Идите сюда".

Федор наклонился над его плечом и почувствовал, что у него темнеет в глазах. "Я знаю человека с такой фамилией, — сказал он. "Он священник, итальянец. И у него сестра есть, младшая".

— Сейчас внесу их сюда, — Питер потянулся за пером. "И вас тоже, и вашего брата. Все мы, оказывается — он внезапно усмехнулся, — родственники".

— А почему "Корвино"? — поинтересовался Федор, когда Питер, закончив, посыпал бумагу мелким песком. "Хотя да, это "ворон", по-итальянски".

— Синьор Теодор там строил под этой фамилией, как вы, во Франции — Корнель, — Питер улыбнулся.

— Вот его дети, видите — Петр в России остался, это предок ваш. У Стефана детей не было, холостяком умер, в Париже. Джованни — тоже архитектором стал, а Мария вышла замуж за Элияху Горовица, врача. В Амстердаме они жили. Потом развелись, правда, — отчего-то вздохнул мужчина. Он уже начал сворачивать бумагу, как Федор указал на какую-то запись: "А это что?"

Красивые губы Питера внезапно сжались в жесткую линию. "Неважно".

— Как это неважно! — зло сказал Федор. "Это и мой предок тоже, этот синьор Теодор, так что извольте рассказать".

— Ладно, — согласился Питер.

— Они в Лондоне гостили. У них и последний ребенок тут родился, девочка, Полина. Потом поплыли обратно в Венецию. Дочке их уже год был, или даже больше, и сын был с ними, младший, Джованни. На их корабль напали пираты, берберские. Всех захватили в плен. Синьор Теодор, если верить тому, что рассказывают — был человек еще повыше вас, и мощнее. В общем, — Питер тяжело вздохнул, — он, конечно, с ними дрался. Но все равно — жену его и дочку убили, у него на глазах. Их с Джованни в Тунис отвезли. Там его ослепили, и руку отрубили, правую.

Федор долго молчал, и, наконец, спросил: "А потом?".

— А потом они с сыном из плена бежали и добрались до Венеции, — Питер вскинул на него лазоревые глаза.

— Слепым бежал, — Федор сглотнул. Питер спокойно кивнул: "Да. Теперь вы все знаете. Он долго прожил, синьор Теодор, еще сорок лет после этого. Но так и не женился больше. Вы, если в Венецию попадете, поищите его таблички. Он там немало построил. После возвращения из плена — тоже. Я их видел, его палаццо".

— Еще и строил, — удивленно сказал Федор. Питер убрал бумагу: "Он сыну своему рассказывал, а тот — чертил. Вот так, — он поднялся: "Давайте еще бутылку открою, не каждый день родственника встречаешь. Не волнуйтесь, найдется ваш брат. Мария вот..., - он осекся и махнул рукой: "Простите".

Федор взял у него бутылку бордо. Откупорив, он проговорил: "Ничего. Я ее похоронил уже, и панихиды по ней отпели. Я, — мужчина помолчал, — привык, Питер. Ничего, что так вас называю? — Федор подвинул ему серебряный бокал.

— Тебя, — поправил его Питер. Отхлебнув, он сказал: "Мария тоже — тебя похоронила. Но она тебя очень, очень любила, Теодор".

— Так любила, — зло отозвался Федор, — что не прошло и полугода, как под какого-то бандита легла. Все, — он поднял руку, — не говори мне ничего, и слушать не буду. Хватит об этом.

Питер вспомнил, как сын, уже в полудреме, прошептал: "Люблю тебя, папочка...". Он

неуверенно посмотрел на красивое, жесткое лицо мужчины напротив. "Это ведь ребенок…, - начал Питер. Федор, вздохнув, осушив бокал, потер глаза: "Видеть его не желаю, это отродье". Он поднялся и Питер, тоже встал: "Его зовут Майкл и он мой сын. Запомни это".

— Запомнил, — тяжело ответил Федор: "Все равно, спасибо тебе. Действительно, не чаял — а родственников нашел. Спокойной ночи, — он протянул Питеру огромную руку.

Проводив его, Питер поднялся в детскую — Майкл спал, разметавшись, сжимая в смуглом кулачке деревянную лошадку.

Мужчина присел у кровати. Наклонившись, осторожно поцеловав темные кудри, он шепнул: "Это ничего. Ничего, сыночек. Все будет хорошо, милый".

Федор уже выходил с Ганновер-сквер. Оглянувшись, посмотрев на единую свечу в темных окнах особняка Кроу, он остановился: "Господи, ну что же я делаю? Если бы Марья жива была, разве бы я не принял ее дитя? Принял бы, конечно, и любил бы, и пестовал, как своего. Так как я могу…, - он пошел быстрым шагом обратно.

Тихонько постучав молотком, он прислонился к мраморным перилам. Питер открыл дверь. Федор, помолчав, проговорил: "Прости, пожалуйста. Я бы хотел увидеть твоего сына. Он…, знает обо мне?"

— Конечно, — просто ответил Питер. "Только он думает, что ты погиб. Так все думали. Ты приходи к завтраку в воскресенье, я с ним поговорю до этого. Там и познакомитесь".

— Три года ему, — понял Федор и рассмеялся: "Игрушек у Майкла, наверное, хватает. Но еще одна — не помешает. Спасибо тебе, — он потрепал Питера по плечу и сбежал вниз по ступеням.

Питер подождал, пока не затихли его шаги. Улыбнувшись, он посмотрел на звездное небо: "Все будет хорошо, да".

Мэтью поднес к губам фарфоровую чашку с кофе и взглянул на Брук-стрит. Большое, чисто вымытое окно выходило прямо на улицу. Наискосок от кофейни были видны высокие двери пансиона миссис Дженкинс.

Он заметил, что две женщины — одна в трауре, другая в платье служанки, — идут по улице.

— Брат, — незаметно усмехнулся Мэтью, рассматривая ребенка, что дремал на руках у Марты. "Он похож на покойного мистера Теодора, конечно, волосы каштановые. Сейчас познакомлюсь с этой Бесси. Не зря я сюда вчера Майклом Смитом приходил. Пришлось напоить того слугу, зато я все разузнал, пока мы с ним в пабе сидели. Сначала Бесси, а потом — кондитерская".

У служанки в руках была плетеная корзинка. Через окно было видно, как Марта сказала ей что-то, когда Тедди заворочался. Обе женщины рассмеялись. Они зашли в пансион. Мэтью, откинувшись на бархатную спинку сиденья, достал из кармана сюртука изящный кожаный футляр.

Подпиливая ногти серебряной пилочкой, он блаженно улыбнулся: "Санкт-Петербург. Ищите меня, ищите, мистер Джон. Майкл Смит уже взял каюту на корабле, что отправляется в Данциг. Немецкий я знаю отлично, справлюсь. Вот и мисс Бесси Касл. Правильно мне слуга сказал, она сегодня в первой половине дня работает".

Низенькая, полная девушка вышла из пансиона. Поправив чепец, устроив на руке плетеную корзинку, она зашагала на восток. Мэтью расплатился. Выскользнув в полуденную толпу на Брук-стрит, юноша пошел за ней.

В Ковент-Гардене было шумно, рынок уже разъезжался. Мэтью, спрятавшись за деревянной стенкой какого-то ларька, увидел, как девушка, поставив корзинку на усыпанный соломой булыжник, торгуется с зеленщиком. "Отлично, то, что надо, — присвистнул юноша, заметив оборванца, что отирался за спиной Бесси.

— Убери руки! — гневно крикнул Мэтью, встряхнув парнишку за плечо. "Еще чего вздумал — кошельки воровать".

— Да я не..., - забормотал мальчишка. Мэтью, отвесив ему подзатыльник, велел: "Вон пошел, и чтобы я тебя больше не видел. Прошу прощения, мадемуазель, — он склонил золотистую, напудренную голову.

Бесси зарделась и ахнула: "Спасибо вам, мистер, большое спасибо!"

Она уложила в корзинку овощи. Мэтью галантно попросил: "Позвольте мне".

— Какой красивый, — восхищенно подумала Бесси. "Глаза, как лесной орех, и ресницы такие темные. А волосы — словно сено".

— Я далеко живу, — она покраснела, — в Ист-Энде.

— Это совершенно неважно, — уверил ее Мэтью, пропуская девушку вперед. "Вы мне только дорогу покажите, мадемуазель".

— Меня зовут Бесси, — круглые щеки совсем зарделись. "Мадемуазель Элизабет, — поклонился Мэтью. "А я — Мэтью Бенджамин-Вулф, из Нового Света, из колоний"

— Как интересно! — отозвалась девушка. "Я только в деревне была, и все. Никуда из Лондона не выезжала, — грустно добавила она.

— Я вам все, все расскажу, — ласково пообещал Мэтью, глядя в серые глаза. "Семнадцать лет, — подумал он. "Просто отлично. Развлекусь напоследок".

Рыжая, короткошерстная собака рванулась за пробежавшей по мостовой крысой. Аарон, удерживая ее на кожаном поводке, строго сказал: "Тут тебе не корабль, Ратонеро. Иди рядом со мной".

На узкой улице было шумно, из мастерских дубильщиков пахло чем-то резким, щекочущим нос, на заборах были развешены ворохи кож, из доков валила толпа — было время обеда.

Иосиф поднял голову: "Пришли". Он переложил простую деревянную шкатулку из руки в руку и пробормотал: "Все-таки тяжелая".

— Никогда тут не была, — изумленно заметила Джо, засунув руки в карманы матросской куртки, посмотрев на старый, но еще крепкий дом. "А ведь я в Лондоне родилась. То есть в Оксфордшире, а в Лондоне — выросла".

— На Ганновер-сквер, — рассмеялся Иосиф. "Тут все-таки Ист-Энд, далеко от Мэйфера".

— Почему вы у Питера не хотите остановиться? — удивилась Джо, разглядывая выцветшую вывеску над входом: "Мистер да Коста. Ломбард, скупка, деньги под проценты".

— Потому, — Иосиф оглянулся и, на мгновение, коснулся ее руки, — что мы не знаем — в Лондоне он, или нет, это, во-первых. Во-вторых, я же не один, я с Аароном, а в-третьих — тут ближе до синагоги. Нам с тобой надо туда сходить сразу же, как мы с отцом твоим встретимся.

— Я боюсь, — сказала Джо, прикусив губу, невольно положив руку на медвежий клык. "Вдруг, что не так будет, Иосиф. И с папой, и в синагоге тоже. Вдруг они не захотят…"

— Все будет хорошо, — уверил ее мужчина. Поправив кипу на темных волосах, он толкнул дверь. Колокольчик зазвенел. Они услышали недовольный голос: "Обед через пять минут!"

— Значит, мы как раз вовремя, мистер да Коста, — Иосиф поклонился. Маленький, седобородый старик, поднявшись из-за деревянного прилавка, всплеснул руками: "Шесть лет прошло, и смотри, кто у нас на пороге появляется. Хана, Хана, — крикнул он, повернувшись в сторону задернутого занавеской входа на лестницу, — гости у нас. Еще три прибора ставь на стол. Иосиф приехал, из Амстердама, помнишь же ты его?"

Джо обвела глазами полки, заставленные потускневшим серебром, большие счеты. Вдохнув запах курицы, она смущенно пробормотала: "Может, я домой пойду…, Я сама доберусь".

— Сначала обед, — отрезала неизвестно откуда появившаяся маленькая, худенькая, женщина в домашнем платье и шерстяном чепце. "Сначала обед, а потом все остальное. Шмуэль, — она подогнала мужа, — что ты встал, как жена Лота, упаси нас Господь от ее судьбы. Покажи гостям, где можно привести себя в порядок. Девочка у меня умоется".

Джо отчаянно покраснела. Проведя рукой по коротко стриженым волосам, она буркнула: "Я не…"

— Девочка, девочка, — ласково отозвалась Хана да Коста, подталкивая ее к лестнице. Джо поймала взгляд Иосифа и чуть не рассмеялась, увидев, как он ей подмигивает.

— Это моя невеста, донья Хана, — нежно сказал он. "Джозефина ее зовут".

— Достань бутылку вина, Шмуэль, — велела женщина, откинув занавеску. "Не каждый день такие люди приезжают. А ты, — она наклонилась и погладила Ратонеро между ушей, — костей получишь".

Из-под стола доносилось удовлетворенное урчание.

— Очень вкусно, миссис да Коста, — похвалил Аарон. Женщина, подперев щеку рукой, вздохнула: "Велика милость твоя, Господи. Как сказано: "И соберу вас из всех народов и из всех мест, куда Я изгнал вас, говорит Господь, и возвращу вас в то место, откуда переселил вас". Да как же ты там жил, мальчик, без семьи, один совсем?"

Аарон покраснел: "Я привык, миссис да Коста, я же там родился. Но у вас тоже хорошо, — юноша посмотрел на стол. Он вспомнил, как мать, перед заходом солнца, зажигала свечи. Он стоял рядом, еще ребенок. Мать, закрыв лицо руками, сказав благословение, целовала его в смуглый лоб и шептала: "Храни тебя Господь". Потом они выходили во двор. Сев на порог хижины, смотря на огненное солнце над вершинами деревьев, они ждали отца. Его пирога скользила по тихой воде озера, плескала рыба. Аарон, привалившись к боку матери, взяв ее за руку, гладил натруженные, сильные пальцы.

— Вот и будешь у нас жить, вместе с Иосифом, — приговорила миссис да Коста. "Что к раввину тебе сходить надо — так, то формальность. Муж мой вместе с вами отправится. Покажете им книги, — она ласково потрогала истрепанный переплет Торы, — и показания этого вашего Наси отдадите".

— Я бы дальше хотел учиться, — Аарон посмотрел на Иосифа. "Я еще так мало знаю, совсем мало".

— И будешь, — удивился Шмуэль, — работу мы тебе найдем. Ты же говоришь, что ты резчик хороший, а потом, может..., - он лукаво улыбнулся. Хана да Коста взглянула на Джо. "А ты тоже сирота, милая? — спросила она. "Господи, сколько несчастий с этой инквизицией. Наши предки — еле из Испании выбрались, даже сейчас, в наше время, — Иосифа жечь хотели".

— Джо меня спасла, донья Хана, — улыбнулся тот, отпив вина. "Джо, вместе с Аароном, и другими людьми. А то я бы тут не сидел, как шесть лет назад. С Эстер тоже все хорошо, в колониях она, в Бостоне".

— Я не сирота, — Джо опустила голову, вертя в пальцах вилку. "У меня отец есть. Он тут, в Лондоне живет. И брат, — зачем-то добавила она.

— Вот и славно, — уверенно сказала донья Хана. "А как зовут отца твоего, милая? Может, мы его знаем?"

— Он не еврей, — тихо сказала Джо, — так что нет, не знаете.

— Так мать твоя еврейка была? — донья Хана погладила ее по руке.

— Нет, — Джо сглотнула. "Нет, она тоже — не еврейка".

Над столом повисло молчание. Женщина поднялась: "Еще у нас пирог с миндалем и кофе, сейчас принесу".

Иосиф увидел, как блестят большие, прозрачные глаза Джо. Он зло велел себе: "Никогда больше не будет такого, чтобы она из-за тебя плакала. Слышишь, никогда".

Он нашел ее на заднем дворе. Джо сидела на пороге курятника, поставив перед собой шкатулку, поглаживая Ратонеро, что развалился рядом. В свете заката его шерсть переливалась золотом. "Мистер да Коста повел Аарона на работу устраиваться. В мастерскую, где мебель делают, — Иосиф осторожно присел рядом с ней: "Дай мне руку, пожалуйста".

— Я домой пойду, — безразлично, устало сказала Джо. "Спасибо тебе за все, но, — ее голос задрожал, — ничего не получится, Иосиф. Это все было..., - девушка запнулась. Отвернувшись, всхлипнув, она продолжила: "Как в сказке. А теперь сказка закончилась, и нам надо прощаться".

— Это только если ты меня не любишь, — сдерживая себя, согласился Иосиф. "Если ты меня не любишь, то я тебя сейчас провожу до Брук-стрит, и сдам на руки отцу. Потом я сяду на первый корабль, который идет в колонии. Так будет правильно".

— Я тебя люблю, люблю, — она уронила голову в колени. "И всегда буду любить, Иосиф. Но я никогда не стану твоей женой, — Джо обреченно покачала стриженой головой. "Ты же сам видел, как они..., - девушка вздохнула и указала на дом.

— Иди сюда, — Иосиф обнял ее и коснулся губами белой шеи: "Ты станешь моей женой, даже если бы мне для этого пришлось мир перевернуть, понятно? Не надо бояться. Ты послушай, что мне твой отец рассказал о Вороне, давно еще. Только это, — мужчина усмехнулся, — не должно пойти дальше этого двора".

Джо слушала, зачарованно открыв рот. Потом, прижавшись поближе к Иосифу, она рассмеялась: "То есть он мог бы жениться на королеве, Ворон?".

— Мог бы, — согласился мужчина, целуя ее. "Но не женился. А я — женюсь, понятно? — Иосиф поднялся. Подав Джо руку, он велел: "Пошли. Сейчас я сделаю предложение, а завтра заберу тебя и сходим в синагогу. Поживешь у кого-нибудь в семье, поучишься, и все будет хорошо. И запомни, — он наклонился и взял ее лицо в ладони, — я всегда, всегда буду с тобой, счастье мое. И в колонии мы не поедем".

— Иосиф! — ахнула Джо. "Но ты, же хотел!"

— Тут твой отец, — просто сказал он, — и брат твой. Это же семья, тебе надо их видеть. Вернемся в Амстердам, и я продолжу лечить геморрой штатгальтеру, — Иосиф усмехнулся, — он, наверняка, в самом расцвете.

— Штатгальтер? — хихикнула Джо, когда они выходили со двора.

— Геморрой, — Иосиф поднял бровь. "Я тебе рассказывал, на корабле, но это у него только самое начало было. Он, наверняка, все запустил. Могу описать — как там сейчас".

— Нет, нет, я и так все представляю, — помотала головой Джо. Они, рассмеявшись, держась за руки — пошли к Сити.

На небольшом столе орехового дерева горели свечи. Джон разрезал куропатку:

— Сейчас уедут все те, кто должен уехать, и я освобожу себе пару недель. Отправимся в Озерный край, порыбачим. Потом война начнется, в первой половине июля, так что я уже никуда не смогу вырваться, — Джон развел руками.

— И как ты это знаешь, так точно? — удивился сын, разбавляя вино водой.

— У меня хороший человек в Париже работает, — усмехнулся Джон, положив себе картошки. Он вспомнил голос Теодора: "А я тебе говорю — десятого июля. Франклин меня уверял, что это вопрос решенный. Точно так же, как с этим договором о сотрудничестве, что французы заключили с колониями — я же тебе сказал, что войны после этого ждать недолго. Королю Георгу можешь то же самое доложить, я за свои слова отвечаю".

— А чем он занимается? — поинтересовался Джон. "Этот человек".

Джон встал. Распахнув шире окна, он пробормотал: "Как жасмином-то пахнет. А человек, — он обернулся и смешливо потер нос, — знаешь, как говорят, лорд Джон — во многих знаниях многие печали. Когда будешь на меня работать, тогда и узнаешь, — мужчина сел и вздохнул: "Это если Теодор доживет, конечно, до того времени".

От парадной двери раздался стук. Юноша, вытер губы салфеткой: "Третий гонец за два часа. Тебе и ужинать надо на работе, папа, не только обедать".

Джон распахнул парадную дверь. Он увидел высокого, мощного мужчину, в матросской куртке и вязаной шапке на темных волосах. "Господи, — подумал Джон, — нет, только не это. Он, наверняка, плавал с Джо. Нет, нет, даже и слышать не хочу…"

— Джон…, - она выступила из-за спины мужчины — тонкая, коротко стриженая, в потрепанных бриджах и грязных сапогах. "Джон, братик…"

— Джо…, - потрясенно сказал юноша. "Сестричка моя, милая моя…"

— Иосиф! — раздался голос сзади. "Ты же погиб!"

— Как видишь, нет, — усмехнулся мужчина. Наклонившись к Джо, шепнув ей что-то, он протянул руку герцогу.

В гостиной было тихо. Джон, усаживая Иосифа в кресло, развел руками: "Я бы тебя покормил, но ты, же у меня есть не будешь. Ваша посуда в кладовых, в поместье…"

— Мы поели, в Ист-Энде, — отмахнулся Иосиф. Джон, закуривая трубку, вздохнул: "Даже не знаю, как мне тебя благодарить. Это, — он указал на шкатулку посреди стола, — я не думал, что все слухи, о Черной Джо — правда".

— Правда, — подтвердил Иосиф: "Не вижу ее — и уже плохо. Одиноко. Хоть бы быстрее она спустилась, девочка моя".

Он встал. Пропустив между пальцев золотые монеты, что лежали россыпью в шкатулке, мужчина усмехнулся: "Это ваш клад, Холландов, по праву, так что забирайте".

— А ты теперь в Бостон? — Джон исподволь посмотрел на него: "Надо же, жечь его хотели, с пиратами плавал — а выглядит отлично. Глаза, какие задорные. Здоровый он парень все же, ничего не скажешь, весь в Ворона".

Дверь приоткрылась. Джо, в свежей рубашке, и бриджах, весело проговорила: "Джон меня на мгновение отпустил, всего лишь. Он мне только начал о колониях рассказывать".

Иосиф обернулся. Увидев улыбку на лице девушки, он вздохнул: "Господи, помоги".

— Джон, — начал он, смотря в светло-голубые глаза герцога, — я прошу руки твоей дочери, леди Джозефины Холланд. Мы с Джо любим, друг друга и хотим пожениться. Вот, — он взял жесткие, длинные пальцы девушки. Она рассмеялась: "Папа, ну быстрее, говори "да", пожалуйста!"

Тикали часы, Джон все смотрел на них. Потом, дернув тонкими губами, он попросил: "Джо, поднимись наверх, будь добра".

— Папа… — растерянно пробормотала девушка.

— Поднимись наверх, — отчеканил Джон. Повернув ключ в замке, он жестко проговорил: "Я очень надеюсь, что ты не позволил себе…"

Иосиф покраснел и, сжал зубы: "Я, хоть и еврей, но все же — потомок Ворона, как и ты. Я знаю, что такое честь. Ты бы постыдился так думать о своей дочери, Джон. Мы любим, друг друга, и хотим быть вместе, вот и все".

Джон выбил трубку в бронзовую пепельницу. Отложив ее, потерев лицо руками, он вздохнул:

"Вот что. Этого разговора не было. Езжай себе спокойно в Бостон, найди себе вашу девушку, и женись. Тем более сестра твоя там уже замуж выйти успела, овдовела, правда, быстро. Тоже за врача, капитан Хаим Горовиц его звали".

— Вот оно значит, как, Господи, — невольно сказал себе Иосиф. "Бедная девочка, как вернусь к да Коста — сразу напишу ей".

— И Джо тоже, — продолжил Джон, опускаясь в кресло, — замуж выйдет. Попозже, разумеется, ей всего шестнадцать пока. За кого-нибудь из аристократов. Даже если бы ты крестился, Иосиф — чего, как я понимаю, ты делать не будешь, — я бы не позволил ей выйти за тебя замуж.

Иосиф почувствовал нарастающую ярость и вежливо спросил: "Почему же?"

— Потому что, — устало, сказал Джон, — что у нее есть титул, и она человек другой крови. Она рождена не для того, чтобы мыть полы, я ведь тоже — наведываюсь к вам в Ист-Энд. Видел, что там происходит. Так что оставим это, Иосиф. И ты помни, — герцог поднялся, — ты подданный штатгальтера. Будешь тут околачиваться дольше положенного — запретим тебе въезд в Лондон, — Джон распахнул дверь, — навсегда. Всего хорошего и давай останемся друзьями.

Иосиф молча, не прощаясь, вышел. Джон, взглянув ему вслед, пробормотал: "Даже руки не подал. Вот же эта кровь Ворона, угораздило их встретиться. Ничего, осенью сезон начнется, представлю Джо ко двору, сошьем ей платьев новых..., Она его и забудет уже, через пару месяцев".

Полюбовавшись ниткой крупного, розоватого жемчуга, он добавил: "К ювелиру с ней тоже сходим, ожерелье сделаем, браслеты. У нее к осени и волосы уже отрастут". Он захлопнул крышку и, подхватив шкатулку, пошел в свой кабинет.

— Да что случилось? — недоуменно спросил Джон, глядя на сестру, что стояла у окна. "Что папа сказал?"

— Сказал, чтобы я поднималась сюда, — голос Джо, на мгновение, дрогнул. Она справилась с собой. "Он, наверное, откажет Иосифу. У папы такие глаза были..., как лед, мне даже страшно стало. Джон, зачем он так?"

Джон присел на обитый кожей диван, и, повертел в руках пистолет сестры: "А Гениси? Если бы я ее домой привез — папа бы тоже ее выгнал? Я бы тогда с ней ушел. Хоть куда, хоть на край света".

— Я тебе помогу, — решительно сказал юноша, потянувшись, положив руку на тонкое плечо. "Так и не вырос, — рассмеялась Джо.

— У меня много других достоинств, — заверил ее Джон и внезапно поднялся: "Смотри! Это Иосиф, в саду, машет нам. Наверное, через стену перелез. Сейчас..., - он распахнул окно. Высунувшись из него, юноша велел: "Не надо кричать, а то услышат. Я вам сейчас карандаш и бумагу спущу".

Джон нашел на столе бечевку. Джо аккуратно, вытравив ее, нежно улыбнулась. "Ну — подумал Иосиф, — если она мне так будет улыбаться, то мне вообще ничего не страшно, никогда".

Он быстро написал что-то. Джо развернула бумагу: "Будьте завтра на Дьюкс-плейс, в полдень.

Надень платье и чепец, в синагогу пойдем. Люблю тебя".

— Что там? — озабоченно спросил брат. Джо показала ему записку, прикрыв пальцем последнюю строчку. "Я тебя отведу туда, — ухмыльнулся Джон, — папа все равно на работе будет, и не узнает ничего. А что там? — он попытался отогнуть палец. Джо щелкнула его по лбу: "Не подсматривай".

Иосиф взял болтавшуюся на веревке записку: "Джон меня проводит. Люблю тебя".

— Девочка моя, — Иосиф увидел ее лицо в окне. Вдохнув запах цветущего сада, сорвав белую розу, он привязал ее к бечевке.

Джо приложила цветок к щеке. Провожая его глазами, — он уходил на восток, по Брук-стрит, — девушка услышала за спиной голос брата: "Я должен тебе сказать что-то, Джо. Папа не знает. Я был женат, в Новом Свете".

Иосиф зашел на чисто выметенный двор и оглянулся. "Да, — вспомнил он, — мистрис Джонсон же мне сказала, — в шесть утра Питер уже на склады уехал". На южном берегу было еще тихо, только изредка слышался скрип телег и с реки — плеск воды под веслами.

Золотые буквы сияли в утреннем солнце: "Торговый дом "Клюге и Кроу", поставщики Его Величества Короля Георга, члены Досточтимой Компании Торговцев Мануфактурой, Досточтимой Компании Торговцев Шелком и Бархатом, и Досточтимой Компании Бакалейщиков. Anno Domini 1230".

Иосиф спустился вниз и постучал в простую, деревянную дверь.

Она распахнулась. Питер, в холщовом переднике, держа в одной руке лупу, изумленно сказал: "Господи, я уже и не чаял тебя увидеть! Эстер написала, что ты погиб, когда вашу "Надежду" расстреляли".

— А я живой, — усмехнулся Иосиф. Они обнялись. В низком, светлом, просторном зале остро пахло специями. "Вчера перец получили, плантация новая, первый урожай, — Питер показал на холщовый мешочек на своем рабочем столе, — решил прийти пораньше, пока тихо, проверить качество. Ты завтракал?"

— Да, — Иосиф улыбнулся, оглядывая деревянную конторку и старые настенные часы. "А у тебя ничего не меняется".

— Только обороты растут, — мужчина почесал каштановые волосы. "Мне еще в контору к девяти утра, хочу отправить последние партии товара на континент, пока война не началась. Через месяц я с Францией уже не поторгую, дорогой мой".

— А с колониями? — Иосиф подтянул к себе табурет и уселся. "Мистрис Джонсон мне письмо от Эстер отдала, я его в лодке прочитал. Она пишет, что у них там британские товары не в чести".

— С тех пор, как мой чай сбросили в бостонскую гавань, — смешливо заметил Питер, — я себя не позволяю втравливать в их дрязги. Когда подпишем перемирие — вернусь на, те рынки, а пока мне и тут хорошо, — он обвел рукой зал.

— Я сына твоего видел, — нежно сказал Иосиф. "Отличный мальчишка. И мистрис Джонсон

мне сказала, о твоей жене…, Мне очень жаль, Питер".

— Да, — мужчина помолчал, — видишь, как все получилось. Слушай, раз ты в Лондоне — осмотри Майкла, пожалуйста. Я тебе больше доверяю, чем здешним врачам. Или ты в Бостон отправляешься?

— В Бостон, — усмехнулся Иосиф. "Ты послушай меня".

Питер слушал, грызя перо. Потом он протянул: "Его светлость сглупил, конечно. Но это у нас просто дочерей нет. Когда Констанца сюда вернется, я тоже, наверное, так себя вести буду. Хотя нет, я не аристократ, а просто торговец.

— Давай так сделаем, — он подумал, — у меня в воскресенье завтракает первый муж Марии, Теодор, о нем тоже все думали, что он погиб. Ты приходи, и Джона я приглашу. До этого поговорю с ним, по-соседски. За еду не беспокойся, ваша посуда у меня есть. Мистрис Джонсон тебе лосося сделает. И Майкла осмотришь.

— Думаешь, Джон согласится? — задумчиво спросил Иосиф. "Потому что я не хочу, — темные глаза мужчины заблестели, — не хочу, и не буду отказываться от Джо".

— Я тебе расскажу, — Питер открыл люк в полу. Он подмигнул Иосифу, вытаскивая корзину, привязанную к веревке. "Видишь, холодная вода и вино всегда под рукой, недаром тут Темза под ногами. Я и террасу велел сделать, — он распахнул дверь, ведущую наружу — и личный причал для лодки. А вода, — он откупорил тяжелую стеклянную бутылку, — из Мальверна и Хэрроугейта. Я другой не пью. Теперь, с этой войной, из Спа воды не получишь, а она у вас хороша, конечно".

— В Италии есть отличная вода, в Ломбардии, — Иосиф принял серебряный бокал, — я, когда семестр в Падуе учился, ездил на эти источники. Терме Сан Пеллегрино называются, о них еще Леонардо упоминал.

Питер пробормотал что-то. Взяв перо, он сделал пометку на листе большой тетради, что лежала перед ним.

Они устроились на изящной деревянной скамейке, что выходила на Темзу. Питер велел: "Слушай".

Когда он закончил, Иосиф хмыкнул: "Вот это да. Ты прости меня, что я спрашиваю, — а если бы Мария осталась жива? Вообще я слышал об этой болезни, моряки рассказывали".

— Я на Кейпе тоже потом услышал, — вздохнул Питер. "Если бы осталась жива, я бы не стал ее неволить. Выбрала бы она вернуться к Теодору — вернулась бы. Хотя мне бы было тяжело. Джон тоже дочку отпустит, поверь мне. Ему просто привыкнуть надо и все, — он потрепал Иосифа по плечу.

Тот помолчал: "Спасибо тебе".

— Ну что ты, — Питер откинулся на спинку скамейки и блаженно закрыл глаза, — ты же мой друг. И родственник. Все что надо, я сделаю.

— Я письма принес, для Эстер, — Иосиф порылся в кармане куртки, — ты бы не мог их как-нибудь отправить? Торговые корабли сейчас в колонии не ходят…

— Я поставщик Адмиралтейства, — рассмеялся Питер, — они из моего сукна форму шьют, и мои специи для камбузов закупают. Не волнуйся, завтра эти письма уже будут ехать в Портсмут, а оттуда — поплывут в Нью-Йорк. А почему два? — он посмотрел на конверты.

— Я в Йоденсаванне родственника ее покойного мужа нашел, — Иосиф улыбнулся, — он из той же семьи. Аарон Горовиц. Помнишь ту Сару-Мирьям Горовиц, о которой я вас рассказывал, в Амстердаме еще?

Питер кивнул. Выслушав Иосифа, он хмыкнул: "Вот оно как. Там у этого Хаима покойного младший брат есть, Меир. Он сейчас на Синт-Эстасиусе, на Карибах, как Эстер написала. Он будет рад узнать, что у них кто-то еще в семье появился. Младшая сестра их, Мирьям, пропала, ты читал, наверное, уже".

Иосиф взглянул на свои часы. Он поднялся, прислушавшись к шуму, доносившемуся со двора: "Не буду тебе мешать, до воскресенья тогда".

— Ты не волнуйся, — мягко сказал Питер, пожимая ему руку. "И помни — мы одна семья, и так будет всегда".

Иосиф посмотрел в лазоревые глаза. Он вдруг, озорно, заметил: "А у тебя тоже — кровь Ворона, дорогой мой, и не спорь с этим".

Питер весело ухмыльнулся: "Я и не спорю, просто я теперь из Англии ни ногой, пока Майкл маленький. Подрастет — на мануфактуры его свожу, на север. Сейчас дома побуду, хватит мне путешествий".

— Дома, — повторил Иосиф, идя к воротам склада. Закрыв глаза, он представил себе узкие мосты через каналы, чаек в низком, северном небе, и свежий, соленый запах Эя. "Дома, — повторил он и улыбнулся.

Джон посмотрел на изящное здание синагоги — белого камня, с широкими ступенями, что вели к аркам и спросил у сестры: "А что там высечено, золотыми буквами?".

Джо поправила шелковый чепец: "Ужасно неудобно в платье, и оно старомодное. Такие два года назад носили, а то и больше".

— К свадьбе себе новое и сошьешь, — ухмыльнулся юноша. Джо мрачно сказала, остановившись перед входом: "Это все не так быстро будет. А что там написано — я не знаю, мне еще учиться и учиться".

— Да лифней ми ата омед, — раздался сзади мягкий голос. "Знай, перед кем ты стоишь. У нас в Йоденсаванне тоже эта надпись была".

Аарон, — в рабочей, холщовой куртке, поклонился Джону: "Вы, наверное, брат сеньоры Джо, она о вас много рассказывала. Я Аарон Горовиц, я тут с утра уже, — он чуть улыбнулся. Девушка обеспокоенно спросила: "И как?"

— Все хорошо, — отмахнулся Аарон. "Мистер да Коста в ломбард к себе отправился. Иосиф меня попросил вас подождать, он с раввином разговаривает. Завтра я уже и учиться начинаю, по вечерам, — Аарон кивнул на восток, — в Ист-Энде. Давайте зайдем, — он порылся в кармане и протянул Джону кипу.

Тот пристроил ее на светлые волосы и шепнул сестре: "Не бледней ты так, Джо. Ты же в ураган вашу "Молнию" вела, и десантом командовала".

— То было легче, — угрюмо отозвалась девушка. Потянув на себя тяжелую дверь, она шагнула в прохладный, отделанный темным деревом вестибюль. Джо отошла в угол и присела там, на скамью, сгорбившись, переплетя пальцы, смотря на пол.

— Он поймет, — подумал Джон. "У него глаза такие. Как спокойно рядом с ним, будто солнце светит. У него ведь тоже индейская кровь есть, он поймет".

Джон оглянулся на сестру и шепотом спросил Аарона, кивая на двери молитвенного зала: "А можно нам туда? Я хотел с вами посоветоваться".

— Конечно, — Аарон открыл перед ним дверь: "Бедная девочка. Иосиф тоже. Они сильные, справятся, но надо им помочь, обязательно".

Джон посмотрел на бронзовые канделябры, на возвышение в центре зала, на резные двери арки у восточной стены. Юноша тихо спросил: "Там свиток лежит?"

Аарон кивнул, присаживаясь. "А оттуда — он указал на возвышение, — его читают. Но я сюда не буду ходить. Все, же мне на работу к семи утра. Там, в Ист-Энде есть маленькая синагога. Мне вообще, — Аарон посмотрел на высокие колонны, на галерею, опоясывающую зал, — нравится, когда все просто. У нас в Йоденсаванне была совсем, крохотная синагога. Но резьба тут хорошая, — он взглянул на львов, что украшали двери арки.

— А вас о чем спрашивали? — Джон посмотрел в темные глаза. Смутившись, он добавил: "Простите..."

— Ни о чем особом, — Аарон пожал плечами. "Книги мои посмотрели, показания Давида Наси, — это глава нашего поселения. Они же знали, что мама моя еврейка, просто мы всегда отдельно жили. Из-за того, что у нас в семье индейцы были. Обрезание мне сделали, как положено, на восьмой день. Мама меня в Йоденсаванну носила для этого. Сходил вниз, — он указал на пол, — окунулся в микву, и все. Все просто.

— А у Джо как будет? — Джон тяжело вздохнул и начал говорить. Аарон слушал, перелистывая молитвенник, а потом улыбнулся: "Вот и скажите все это отцу вашему, пожалуйста. Иосиф, как вчера в Ист-Энд вернулся, — на нем лица не было".

— А Джо плакала, — юноша вспомнил ее задыхающийся, тихий голос: "Понимаешь, я в него сразу влюбилась, сразу, как увидела! И потом два года только о нем и думала, Джон. Мне никого, никого больше не надо. Сбегу к Иосифу, — Джо вытерла нос рукавом рубашки и села на диване, поджав под себя ноги, — сбегу, и пусть папа, что хочет, то и делает".

— Не надо, — он присел рядом и обнял ее. "Папа и так — едва все это пережил, милая. И потом, — Джон чиркнул кресалом. Раскурив сигарку, он передал ее сестре: "Сама знаешь, папа, если захочет, может сильно испортить жизнь любому человеку. Тем более иностранному подданному.

Джо, выпустив клуб дыма, хмуро ответила: "Это ты прав".

— Скажу, конечно, — Джон решительно тряхнул светловолосой головой и пробормотал: "Да что так долго-то!"

Иосиф яростно отодвинул кресло и поднялся: "Вы бы хоть поговорили с моей невестой, раввин Шиф! Как можно отказывать человеку, даже не увидев его!"

— Нет, нет, и нет! — главный раввин Соединенного Королевства замахал пухлой, ухоженной рукой.

— Сеньор Мендес де Кардозо, при всем уважении к вам лично, и вашей семье, — я даже видеть эту женщину не хочу. Ее нет, и не было, и она даже порога моего кабинета не переступит, — он тоже встал. Оглянувшись на дверь, раввин шепнул: "Вы, кажется, ума лишились. Вы знаете, кто ее отец?"

— Очень хорошо знаю, — усмехнулся мужчина, — мы дальние родственники. Что вы так трясетесь, раввин Шиф, вы же полноправные подданные Его Величества. Со времен Кромвеля много времени прошло. Ничего с вами не сделают.

Шиф снял черную шляпу и почесал в голове. "Вы уедете к себе на континент, а последствия разгребать придется мне. Нет, нет, — раввин покачал головой и погладил бороду, — это не говоря уже о том, что ради брака евреями не становятся. Идите, и чтобы я ее больше тут не видел. Предупреждаю, — он поднял карие глаза, — я сегодня же напишу в Амстердам, Франкфурт, Берлин и Ливорно. Не тратьте времени, не возите ее туда — ответ везде будет один и тот же".

Иосиф поклонился и нарочито вежливо закрыл за собой дверь. Джо в вестибюле не было. Он выглянул на улицу — девушка сидела на ступенях, положив голову на колени, глядя на пустой синагогальный двор.

— Я знала, — сказала она тихо. "Позови Джона, пожалуйста, пусть он меня проводит домой. Прощай, — она встала. Иосиф, увидев заплаканное лицо, яростно ответил: "Прекрати! Я тебя люблю, и так будет всегда. Хватит со мной прощаться, — он притянул ее к себе за руку. Краем глаза, увидев в окне кабинета изумленное лицо раввина, Иосиф поцеловал Джо.

— Что-нибудь придумаем, — тихо сказал Иосиф, касаясь губами ее уха. "Тебе очень, очень идет это платье, моя любимая Джо".

Она подергала ленты чепца. Улыбнувшись, взяв его руку, Джо вытерла ей свои слезы.

В мастерской было тихо, приятно пахло свежим деревом и краской. Аарон надел холщовый передник. Он грустно сказал Ратонеро, что лежал, свернувшись, под рабочим столом: "Видишь, как оно получается, милый? И все равно, — Господь о них позаботится, обязательно. Иначе быть не может".

Он присел на табурет. Посмотрев на раму, что лежала перед ним, на мгновение, зажмурившись, представив себе рисунок, юноша взял свой рабочий нож.

Аарон аккуратно, осторожно вырезал сложный узор завитков, как вдруг рядом с ним раздался легкий кашель.

Он обернулся и увидел высокого, крепкого старика, с полуседой бородой, в бархатной, домашней куртке и кипе. "Здравствуйте, — тот вежливо склонил голову, — хозяин меня к вам послал, сказал, что вы дорабатывать остались. Мне шкатулку надо поправить".

— Да, — Аарон улыбнулся, — я сегодня полдня по делам ходил, надо наверстать. Давайте,

сейчас все сделаю, — он протянул руку.

Старик посмотрел в темные глаза юноши: "Не верю. Не может быть такого. Но Исаак Судаков мне ведь писал. Это он, никаких сомнений. Я уж и не думал, что увижу его. Теперь все хорошо, все будет хорошо".

— А это что? — спросил старик, ставя шкатулку на стол, рассматривая деревянные игрушки — крокодилов, змей, обезьян, маленькие корабли и пушки, дворцы с колоннами.

Аарон покраснел. "Это я для маленьких делаю. Я тут неподалеку живу, у сеньора да Коста. Там много детей вокруг, а они любят игрушки. Я сам из Южной Америки, — он указал на крокодила.

Старик подтащил поближе табурет. Смотря за ловкими руками Аарона, он попросил: "Расскажите, пожалуйста".

Он слушал и думал: "Воистину, благодарите Бога, ибо милость Его — навеки. Как сказано — возвестите островам отдаленным и скажите: "Кто рассеял Израиля, Тот и соберет его, и будет охранять его, как пастырь стадо свое". Господи, спасибо, спасибо Тебе".

— Вот, — Аарон отступил от стола, — пока я тут говорил, и шкатулка ваша готова. У вас там язычок на замке разболтался, я починил. Не надо, — он остановил старика, увидев, как тот полез в карман куртки, — право, не стоит. А вы, случайно, не раввин? — вдруг спросил Аарон.

Старик погладил бороду и усмехнулся: "Случайно, он самый".

Аарон вытер руки о фартук и робко спросил: "Тогда можно с вами посоветоваться?"

Он взглянул в обрамленные морщинами серые глаза, и, вздохнув, — начал говорить. Старик внимательно слушал. Потом, потянувшись за карандашом и клочком бумаги, он написал адрес: "Пусть ко мне придут, на Веллклоуз-сквер. Там, — он склонил голову набок и забрал шкатулку, — посмотрим. Спасибо вам, — он крепко пожал Аарону руку.

Аарон прислонился к косяку двери и прочел: "Раввин Хаим Шмуэль Яаков Фальк".

— Понял, кому ты шкатулку чинил? — услышал он смешливый голос хозяина, сеньора Мендозы.

— Нет, — недоуменно пожал плечами Аарон.

— Магу, волшебнику и чародею, — отозвался хозяин, запирая ворота. "Он спас Большую Синагогу, куда ты ходил сегодня, от пожара. Он заставляет вещи перемещаться с места на место, и субботние свечи у него горят всю Субботу, не оплывая и не затухая. Он один такой, Фальк, — добавил Мендоза, — говорят, еще на Святой Земле есть такой раввин, как он — и все.

Аарон вдруг улыбнулся, и поднял глаза к прозрачному, вечернему небу: "Спасибо Тебе".

Марта надела перед зеркалом чепец. Натягивая перчатки, она сказала сыну, что устроился на коленях у Бесси, рассматривая книжку: "Мама сходит в библиотеку, и сразу вернется. Ты не балуйся, милый!"

— Он у нас хороший мальчик, — Бесси ласково погладила Тедди по каштановым волосам. Марта поцеловала сына в прохладную щечку, и вышла. Дождавшись, пока ее шаги стихнут,

девушка зло пробормотала: "Вот же сучка! Еще вдовой притворяется. Сбежала с любовником от мистера Мэтью, и даже сына ему не дает видеть. Ничего, — она перевернула страницу, — сейчас папа к нам придет, милый мой!"

— Папа! — радостно повторил Тедди. Бесси подумала: "Он с ней разведется, непременно. Она ему изменяла, любой суд решит в пользу мистера Мэтью. И тогда…, - она блаженно закрыла глаза, вспомнив мимолетное прикосновение его губ и растерянный голос: "Я не должен был себе этого позволять, мадемуазель Элизабет, зачем я вам нужен. Я ведь женат, хоть и формально…"

— Поженимся, — улыбнулась Бесси, — и он меня увезет в колонии. У него поместье, рабы, я буду жить, как королева.

Мэтью подождал, пока Марта свернет за угол. Незаметно проскользнув к заднему ходу в пансион, он достал ключ.

— От мисс Касл, — ласково сказал Мэтью, открывая дверь. Юноша поднялся на второй этаж и тихо постучал. Бесси сразу же открыла дверь гостиной. Мэтью, оглянувшись, поцеловав ее, попросил: "Ты посмотри, чтобы она не вернулась, совсем не хочется скандала".

— Конечно, милый, — она вышла в коридор. Мэтью позвал: "Сыночек!"

Тедди сидел в высоком креслице у стола. Мэтью устроился рядом. Взяв книжку с алфавитом, он спросил: "Будешь конфетки? Вкусные конфетки, с марципаном. Сладкие. Попробуй, — он протянул ребенку одну. Тедди надкусил и рассмеялся: "Еще!"

— Конечно, сыночек, — Мэтью наклонил над ладонью шелковый мешочек, и высыпал конфеты — белые, розовые, зеленые.

— Бери, сколько захочешь, — нежно добавил он.

Джон присел рядом с сыном: "Но ведь ты мне ничего не говорил…" Юноша обхватил руками колено и горько ответил: "А что говорить, когда ее больше нет?"

В кабинете были распахнуты окна. Нежное, вечернее небо на Ганновер-сквер отливало розовым светом, где-то вдалеке слышались звуки фортепиано.

— Опять жасмином пахнет, — Джон устроился на подоконнике и вздохнул: "Сыночек, как ты мог подумать, что я бы выгнал твою жену? Пятнадцать лет, это, конечно, немного рановато, — мужчина развел руками: "Но что, же делать?"

— Так зачем ты мучаешь Джо? — зло спросил сын. "Она любит Иосифа, и он ее тоже. Это видно, сразу — они друг без друга жить не могут. Потому что, папа, — Джон помолчал, — если бы ты выгнал Гениси, я бы уехал вслед за ней, наплевав на титул и все остальное. Есть вещи важнее титула".

— Страна, — тихо отозвался отец. Он все глядел вдаль, и юноша подумал: "Ведь ему еще сорока нет, он молодой совсем. И столько лет один".

— Страна важнее, — повторил герцог и усмехнулся: "Ставь благо государства выше собственного". Он легко спрыгнул с подоконника. Наклонившись над сыном, Джон поцеловал светлые кудри: "И благо своих детей — превыше своего. Я же боялся, милый, я и так — вас

обоих чуть не потерял".

— Ты боишься? — недоверчиво спросил сын.

— Не дурак же я, — хмыкнул Джон, и усмехнулся: "Ладно, пойду к твоей сестре, попрошу прощения. У Иосифа тоже".

Джон обрадовано поднялся и тут же вздохнул: "Только в синагоге им отказали".

— Ну, — заметил Джон, забирая со стола пистолет, — это не последняя синагога в мире. Если твоя сестра Картахену атаковала, то со всем остальным она тоже справится. Иди-ка сюда, — он обнял сына и шепнул: "Мне очень, очень жаль, милый мой, что так все случилось". Джон уткнулся лицом в его крепкое плечо, вдыхая дымный, лесной запах, и немного постоял — просто так, как в детстве.

— Ты ужинать будешь? — спросил он, — или тебе с собой собрать?

— С собой, — вздохнул отец, — я вряд ли раньше завтрашнего полудня появлюсь, очень много работы.

Джон поднялся по широкой, мраморной лестнице и постучал в комнату дочери. "Я не хочу, есть, — донесся до него угрюмый голос Джо.

— Открой, пожалуйста, — попросил герцог. "Я ненадолго". Джо распахнула дверь. Скрестив руки на груди, — она была в рубашке и бриджах, на столе, в пепельнице, дымилась сигарка, — девушка ядовито спросила: "Ну что еще?"

Джон увидел белую розу, что лежала на кровати — узкой, высокой, с простым холщовым бельем, Посмотрев в припухшие, заплаканные глаза, дочери, он тихо сказал: "Я пришел попросить прощения. Я был неправ, Джо".

— Папа, — растерянно пробормотала Джо. Отец, гладя короткие, темные волосы, шепнул: "Я просто боялся, милая, со мной такое тоже случается. А ты не бойся, не надо. Отправляйся туда, куда тебя сердце зовет".

Она подняла голову и, блеснула глазами: "Иосиф тут был, записку мне прислал — нам надо сходить завтра к раввину Фальку, на Веллклоуз-сквер. Он может нам помочь".

— Так идите, — смешливо отозвался герцог. "Вы ведь жених и невеста. Ходите спокойно вместе, куда вам надо. Перед Иосифом я тоже извинюсь".

— Он сказал, — Джо присела на стол, закинув ногу на ногу, и затянулась сигаркой, — что хочет в Амстердаме жить. Чтобы я была рядом с вами, с семьей. Папа, — она вдруг улыбнулась, — я тебя люблю.

Джон, забрав у нее сигарку, выпустив клуб дыма, ласково потрепал ее по щеке: "Черная Джо. Та, первая, — гордилась бы тобой, дочка".

Он спустился вниз. Забрав с комода орехового дерева упакованный в шелковую салфетку сверток, герцог повел носом: "Фазан. Сейчас эти двое как отправятся куда-нибудь на край света, и мы с мальчиком опять одни останемся".

Джон посмотрел на себя в зеркало. Убрав пистолет, насвистывая что-то, он сбежал по

ступеням вниз, в теплый, пахнущий цветами лондонский вечер.

Питер опустил на колени письмо и посмотрел на усыпанную песком дорожку. На Ганновер-сквер было еще шумно, няни прогуливали детей, запряженный в маленькую тележку ослик вышагивал вдоль высоких деревьев.

— У нас родился Петер, — вернулся он к письму кузена, — очень славный мальчик, вот сейчас пишу, и он мне улыбается из колыбели. Мне очень, очень жаль, что ты потерял Марию. Луиза присоединяется к моим соболезнованиям. Но мы надеемся, что с маленьким Майклом будет все хорошо, он будет расти и радовать тебя. Если ты помнишь Вадию, который работал на верфях, то тут у нас весь город шумит — он пришел в собор и крестился, никто не знает, почему. Я у него пытался выведать, но мне он тоже не сказал. В крещении он стал Томасом. Отчеты посылаю в отдельном пакете. Я нашел тебе отличную статую бога Ганеши. Ей больше, ста лет, я ее погружу на ближайший корабль. Обнимаю тебя, Виллем.

— Папа, папа! — Майкл бежал к нему, раскинув руки. "Мы покатались, еще хочу!". "Глаза, как у Марии, — с привычной болью подумал мужчина, поднимая сына на руки, глядя в чуть раскосые, синие глаза ребенка.

— Ну, раз еще хочешь, то пойдем, — рассмеялся Питер. Майкл, уже сидя в тележке, вдруг сказал: "Ослика не надо, надо, чтобы сама ездила. Я придумаю, как".

— Обязательно, вот вырастешь и придумаешь, — заверил его Питер. Вернувшись к скамейке, подхватив "Путешествие в Уэльс" Пеннанта, он услышал сзади знакомый голос: "Отдыхаешь?"

— Сейчас уже и ужинать пойдем, — Питер подал руку Джону.

— Ты на работу, как обычно. Слушай, — он склонил набок каштановую голову, — приходи ко мне завтракать в воскресенье. По — холостяцки, четверо мужчин. Мистрис Джонсон обещала оленину с грибами, под соусом из портвейна. Я пару бутылок бордо достану из винного погреба.

— А четвертый мужчина будет, лосося есть? — поинтересовался Джон. "Или камбалу? Ох, и хитрец ты, дорогой Питер". Он рассмеялся: "Буду рад увидеться с женихом своей дочери. Спасибо, — он помахал рукой Майклу. Тот крикнул: "Дядя Джон, кататься!"

— Я не влезу, милый, — улыбнулся мужчина. Повернувшись к Питеру, Джон потрепал его по плечу: "Увидимся".

Он уходил — невысокий, стройный, в простом, темном сюртуке. Питер, проследив глазами за светловолосой, коротко стриженой головой, взял сына за теплую ладошку: "Пойдем, старина — поужинаем, примем ванну, и в постель".

— Дядя Джон умный, — внезапно сказал Майкл, когда они уже выходили из сада в центре площади. "И ты тоже, папа".

— А как же, — хмыкнул Питер. Посадив сына к себе на плечо, он поднялся к парадной двери особняка Кроу.

Мэтью, прислонившись к стволу дерева, внимательно разглядывал вход в пансион.

— Все прошло отлично, — подумал он, — эта сучка меня не увидела. Сейчас у него заболит живот. Его будет тошнить, рвать, начнется бред и он умрет. Что-то съел на улице, облизал грязные руки, — с маленькими детьми такое бывает. Вот и мисс Касл, сейчас ее ждет незабываемая ночь, не зря я экипаж снял. Отвезу ее в Ричмонд-парк, погуляем при свете луны.

Мэтью рассмеялся, вспомнив сверток, лежащий под сиденьем в экипаже. Нагнав Бесси, он взял ее под руку: "Спасибо тебе, милая. Наконец-то я увидел своего мальчика. Ты сказала хозяйке, что плохо себя чувствуешь?"

— Да, — Бесси покрепче прижалась к нему, — только зачем?

— Я приготовил тебе сюрприз, — ласково ответил Мэтью. "Прокатимся в Ричмонд-парк, устроим ужин на траве, послушаем соловьев, а потом я доставлю тебя домой. Хочешь?"

— Конечно! — восхищенно ответила девушка. Мэтью усмехнулся: "Лондон меня надолго запомнит. Прослежу за похоронами маленького ублюдка, и отправлюсь в Данциг".

Они шли по Брук-стрит. Мэтью, оглянувшись, услышал детский плач, что доносился из раскрытых окон пансиона.

— Болит, — крикнул Теодор, "Болит, мама!"

Марта засучила рукава платья. Открыв бутылку с мальвернской водой, налив полный стакан, она посадила рыдающего мальчика к себе на колени.

— Выпей все, — велела девушка, сильными пальцами зажимая сыну нос. Он выпил. Марта, одной рукой придвинув к себе фаянсовую миску, наклонила над ней потную, каштановую голову.

Тедди вырвало, и он заплакал: "Фу!"

— Еще, — велела девушка. Вглядевшись в рвоту, поднявшись, удерживая одной рукой Тедди, она взяла с туалетного столика пустой флакон. Наполнив его из миски, Марта спрятала пузырек за корсет, и услышала стук в дверь.

— У Тедди расстроился желудок, миссис Дженкинс, — спокойно сказала Марта. "Пусть Бесси сходит за врачом, пожалуйста".

— Она и сама заболела, ушла пораньше домой, — покачала головой хозяйка. "Вы не волнуйтесь, я сейчас пошлю кого-то из слуг".

— А, — коротко сказала Марта, и добавила: "Спасибо". Девушка вздохнула. Покачав сына, подождав, пока закроется дверь, она сказала ему: "А теперь еще будем пить, милый мой. Много".

Тедди лежал в постели, что-то бормоча, мотая головой. Врач, — пожилой, кругленький, — посчитал пульс. Он коснулся покрытого холодным потом лба: "Я вам выпишу снадобье, но, предупреждаю, у таких маленьких детей все происходит очень быстро. Достаточно выпить сырой воды, и все, — он пожал плечами. "У него уже и сердце плохо бьется, послушайте сами". Марта взяла нежное запястье ребенка: "Да".

Врач помялся. Поднявшись, он развел руками: "Может быть, он и оправится. Давайте ему больше чистой воды, и не кормите".

Марта расплатилась. Проводив врача, вернувшись к сыну, она всмотрелась в бледное, осунувшееся личико. Каштановые, длинные ресницы дрожали. Девушка встала на колени рядом с постелью. Приложив к щеке холодную ручку мальчика, она глубоко вздохнула.

В окно уже была видна бледная, стоящая низко над горизонтом, полная луна, когда Марта, чиркнув кресалом, запалив свечу — поставила ее на столик рядом с кроватью. Тедди не двигался, — маленький, укрытый простыней.

Она спустилась вниз. Постучав к хозяйке, держась за косяк двери, девушка сказала: "Миссис Дженкинс..., Мне надо сходить за священником. Вы не побудете, — Марта сглотнула, но устояла на ногах, — с Тедди. Я быстро".

— Господи, бедная, — миссис Дженкинс поднялась, и, отложила вязание. Посмотрев в огромные, наполненные слезами, зеленые глаза, она кивнула: "Конечно, миссис де Лу. Такое горе, такое горе, такой мальчик хороший у вас был..."

— Ладгейт Хилл, — оглянулась Марта, выйдя на улицу. "К собору Святого Павла, значит. Дом с синей дверью, трехэтажный". Она шла по мостовой, в свете факелов, высоко подняв голову в черном, кружевном чепце. Вечер был жарким, из окон таверн была слышна музыка и крики. По мостовой скрипели колеса карет, вокруг горящих факелов на стенах домов кружились мошки.

В Сити было уже тихо. Марта быстро нашла нужную улицу, — короткую, узкую, в тени собора. Подойдя к двери, она быстро постучала медным молотком. В прорези показались чьи-то глаза. "Мне нужно видеть мистера Джона, — коротко сказала девушка, — по срочному делу".

— Письмо, — потребовал привратник. "Без письма не допускаем".

Марта оглянулась, — улица была пустой. Подняв юбки, она вытащила из-за подвязки пистолет. "Вот мое письмо, — она просунула дуло в прорезь, и уперла его в лоб привратнику, — я же сказала — оно срочное".

Мужчина сглотнул и откинул засов.

Марта зашла в пустую, скромную переднюю. Властный голос сверху спросил: "Что такое, Хэдли? От его величества гонец или тот пакет из Адмиралтейства, наконец, привезли?"

— Тут дама..., - пробормотал привратник. Марта так и не опускала пистолет. "Я мистер Джон, — сказал невысокий, светловолосый мужчина в темном сюртуке. Он окинул взглядом переднюю и велел: "Хэдли, идите к себе, я тут разберусь".

Она была маленькая и хрупкая, как мальчишка, в трауре, и пахло от нее жасмином. Джон увидел выбившийся из-под чепца бронзовый локон, зеленые, холодные глаза в темных ресницах. Она, вздернув острый подбородок, навела на него пистолет: "Меня зовут Марта Бенджамин-Вулф. Я пришла за священником, мне надо похоронить своего сына".

— Тот же голос, — подумал Джон, вспомнив французскую колыбельную. "Это она пела".

— Вы должны быть в Виргинии, — растерянно отозвался Джон.

— А я здесь, — жестко ответила Марта и велела: "Поторапливайтесь".

Он спустился вниз, в пасторском воротничке. Открывая перед ней дверь, Джон пробормотал:

"Может быть, все-таки вы...".

— Потом, — отмахнулась Марта. Посмотрев на него, она хмыкнула: "Я почему-то была уверена, что у вас такой найдется. Пойдемте, нам в Мэйфер, в пансион..."

— Миссис Дженкинс, — Джон все никак не мог отвести от нее глаз. "Я слышал, как вы пели, мимо проходил, — объяснил он.

— А где ваш пистолет? — спросил мужчина, когда они миновали собор святого Павла.

— За чулком, — сухо ответила Марта и, не оборачиваясь, — заспешила вниз по улице, на запад.

В пансионе было тихо, где-то поблизости цокали копыта припозднившихся всадников. Джон, входя вслед за Мартой в спальню, увидел на кровати крохотный, прикрытый простыней до подбородка, трупик. "Спасибо, миссис Дженкинс, святой отец уже здесь, — Марта положила руку на плечо хозяйки и та всхлипнула: "Лежит, как живой, Господи. Бедное дитя, бедный маленький Тедди..."

Она вышла, и Марта приказала: "Заприте дверь". Джон накинул засов и увидел, как женщина наклоняется над телом сына, держа в руке свечу.

Джон подошел поближе и взглянул на мертвого ребенка. Тот пошевелился и открыл синие глаза.

На столе, между ними, лежало два пистолета. Тедди спал, уткнувшись в подушку, прижавшись щекой к войлочному, длинноухому кролику.

— Это индейское снадобье, — Марта отпила вина. "Мне его дала в Бостоне знахарка, миссис Онатарио. Вам, наверное, сын о ней рассказывал, мистер Джон. Мы с ним разминулись, всего лишь на несколько дней".

— Рассказывал, — кивнул Джон. Бронзовая прядь, спускавшаяся из-под чепца на белую щеку, играла в свете свечи золотом.

— Оно замедляет сокращения сердца и дыхание, — спокойно сказала Марта. "Я промыла Тедди желудок, много раз, и потом дала этого настоя. Вот, — она порылась за корсетом — Джон почувствовал, что краснеет, — и протянула ему серебряный флакон, — я собрала рвоту, у вас найдется человек, который сможет сделать анализ? И еще, — она поднялась и открыла ящик туалетного столика, — это я нашла на полу, рядом с креслом, где сидел Тедди. Возьмите, — девушка протянула ему лупу в оправе красного дерева.

Джон развернул кружевной, пахнущий жасмином носовой платок, и поднес лупу к глазу. "Они золотистые, — сказал он тихо.

— Тут был, — Марта помолчала, — мой муж. Я уверена в этом. Служанка, которая ухаживала за Теодором, — Бесси Касл, — отпросилась, сославшись на болезнь. Через нее Мэтью сюда и попал.

— Анализ мы сделаем, — спокойно ответил Джон, — и, если ваши подозрения подтвердятся, — я его лично завтра арестую. Я знаю, где он остановился, и когда он отплывает в Санкт-Петербург.

mir-knigi.org

— Вы ничего не знаете, — тонкие губы искривились. Марта, сняв с цепочки для часов ключ, открыла серебряную шкатулку.

— Читайте, — бросила она на стол какие-то бумаги. "Это показания бывшей рабыни, мисс Салли Хит, сейчас она миссис Фримен, и протокол осмотр тела некоей Маргарет Брэдли, в Бостоне, жертвы убийства. Осмотр делала я, — Марта разлила по бокалам остатки вина: "Оба документа заверены адвокатом Дэниелом Вулфом, это старший брат, — она прервалась и подышала, — моего мужа".

— Тем более мы его арестуем, раз это его рук дело, — Джон поднял голову от бумаг и увидел чуть заметные веснушки на ее щеках. "Осмотр делала я, — вспомнил он слова девушки и взглянул на ее пальцы — тонкие, холеные, украшенные кольцом с синим алмазом.

— Вы его не арестуете, — злым, свистящим шепотом, сказала Марта. "В том пансионе давно никого нет. На корабль никто не сядет. Из Бостона он уплыл, как седельщик Майкл Смит, а отсюда — уплывет еще кем-то, третьим. И не в Санкт-Петербург, поверьте мне. Сколько вы ему дали денег?"

— Откуда вы… — удивился Джон.

— Я читала ваши письма, — Марта усмехнулась, — мой муж оставил их в имении вместе с шифровальной таблицей. Хотя их и так можно было бы прочитать — шифр несложный. Так сколько? — требовательно спросила она.

— Пять сотен фунтов, — отозвался Джон, дернув щекой.

Марта сложила кончики пальцев и покачала ими туда-сюда.

— Велите вашим людям в Гамбурге и Данциге следить за жертвами убийств. В ближайшие три месяца, — наконец, сказала она. "Если будет что-то похожее, — она кивнула на бумаги в руках Джона, — значит, Мэтью там сошел на берег. А в России, — Марта пожала плечами, — в России вы его потеряете. Навсегда. Уж слишком она большая".

Светло-голубые глаза блеснули сталью. "Я не люблю, — медленно проговорил Джон, — когда меня обманывают, миссис Бенджамин-Вулф. Ваш муж не сможет от меня спрятаться, поверьте. Я его разыщу и убью, сам".

Марта встала и посмотрела на звезды за окном.

— Какая длинная, ночь, — вздохнула она. "Утром найдут труп мисс Касл, в одном из парков".

— Ну, так…, - начал Джон и осекся — на него смотрели разъяренные, ледяные глаза.

— Сколько человек сейчас живет в Лондоне? — спросила девушка.

— Восемьсот тысяч, — устало ответил герцог. "Это без окрестных деревень. Я понимаю, сейчас мы его уже не поймаем, — он поднялся. Откашлявшись, Джон добавил: "Я сделал ошибку, миссис Бенджамин-Вулф. Я ее исправлю, обещаю вам".

— Не называйте меня так, — попросила Марта. "Миссис де Лу, это моя девичья фамилия".

— Де Лу, — подумал Джон. "Что-то знакомое, очень знакомое. Конечно. Господи, одно лицо".

— Откуда ваша семья? — спросил он, прислонившись к подоконнику.

Марта присела на постель и ласково погладила Тедди по каштановой голове. "Из Квебека, — тихо ответила девушка. "Мы с отцом переехали в Бостон, там и познакомились, — она помолчала, — с мистером Дэвидом и его сыновьями".

— Вы должны увидеть один портрет, — сказал Джон, — но это все потом. Сначала давайте позаботимся о маленьком. Скоро к вам придет врач, он подпишет свидетельство о смерти и принесет гроб. С утра я пришлю людей. Они отведут вас на кладбище, там все уже будет готово, и яма, и крест. Вы подождите меня тут, — Джон потер подбородок. Марта вздохнула: "Вы можете выйти через дверь. Мой муж здесь будет только утром, сейчас он, — девушка посмотрела куда-то вдаль, — занят".

— У него могут быть подручные, — возразил Джон. "Он мог поставить их следить за пансионом".

— Вы охотились на волков? — внезапно спросила Марта. "Вряд ли, в Англии их нет. А я охотилась, в Акадии. Волки нападают стаей, мистер Джон, и живут в стае — обычно. Но есть волки, которые всю жизнь проводят одни, вот они — страшнее всего. У моего мужа нет подручных, он сам, — Марта горько улыбнулась, — со всем справляется".

— Я отнесу Тедди к своему другу, мистеру Питеру Кроу, — тихо сказал Джон. "Он тут живет, на Ганновер-сквер. Он вдовец, у него трехлетний сын, Майкл. Мальчикам будет весело вместе. Я попрошу не выводить его на улицу, конечно. Только все равно..., - он взглянул в окно и кивнул ей: "Скоро буду".

Устроившись на постели, взяв сына за руку, — он дышал глубоко и спокойно, — Марта велела себе не закрывать глаз. "Когда пройдут похороны, — сказала себе девушка, — заберу маленького и уеду в самую глухую деревню. Нельзя, — она неслышно покачала головой, — надо отомстить за папу. А Тедди? Но Мэтью сейчас будет думать, что он умер, и начнет неосторожно себя вести. И Бромли не попросить меня известить, когда он придет за наследством, — это опасно, стряпчие могут что-то заподозрить. Надо будет с мистером Джоном, потом поговорить — как это удобней сделать".

В окне промелькнула какая-то тень. Марта, мгновенно поднявшись, навела на нее пистолет.

— Это я, — раздался тихий голос. Джон взглянул на нее, — свечи потухли, в серебристом сиянии полной луны ее глаза мерцали, как у рыси. Он ловко залез в комнату. Показав на веревочную лестницу, герцог усмехнулся: "Я живу за два дома от вас. У меня в крыше сделан люк, на всякий случай. Давайте мне маленького, к Питеру я его задними дворами отнесу. Он сколько проспит?"

— До рассвета, — Марта нежно подняла сына на руки. Завернув его в шаль, девушка сунула куда-то внутрь войлочного зайца. "Это я сшила, — она улыбнулась, — его зовут Братец Кролик, у нас негры сказки рассказывают о нем".

Джон принял ребенка: "Сладким пахнет. Я уж и забыл, как Джон и Джо такими были".

— Я отнесу Тедди, и потом позабочусь обо всем остальном, — сказал он Марте. "А вы спите. Я попрошу врача прийти к семи утра, похороны будут в девять".

Марта взглянула на бронзовые часы, что стояли на камине в гостиной. "Скоро полночь, — она распустила ленты чепца. На Джона повеяло жасмином. "Вы успеете?"

— Не было такого, чтобы я не выполнял обещаний, — просто сказал он. "Все будет хорошо,

миссис де Лу, не волнуйтесь". Уже у подоконника он обернулся: "Мне очень жаль, миссис де Лу, то, что вы рассказали, о вашем отце..., Примите мои соболезнования".

— Спасибо, — вздохнула девушка. Посмотрев на спокойное, милое личико спящего сына, она вдруг подняла зеленые глаза: "Я хочу, чтобы вы знали. Тедди — не сын Мэтью".

— Я догадался, — спокойно отозвался Джон. Придерживая одной рукой ребенка, он ловко вскарабкался по веревочной лестнице. Марта подождала, пока Джон поднимется на крышу. Оглядев комнаты, она стала медленно, неслышно складывать вещи.

Джон погладил мальчика по голове, — тот спокойно сопел, лежа на большой кровати в его спальне, укрытый шалью. Поднявшись наверх, он постучал в комнату к сыну. Юноша открыл, кутаясь в шелковый халат, держа в руке свечу. "Что случилось? — недоуменно спросил он. "Полночь на дворе".

— Одевайся, — велел отец. "Зайди сначала к Питеру. Он, должно быть, еще не спит, предупреди его, что я сейчас появлюсь. Пусть откроет мне ту дверь, которая выходит в сад. Потом отправляйся в Ист-Энд, Джо же тебе говорила, где Иосиф остановился?"

Сын кивнул. "Передашь ему эту записку, — Джон протянул свернутый листок бумаги. "На словах скажи — когда он все сделает, пусть зайдет ко мне, на Ладгейт-Хилл. Все, давай быстрее. Кинжал возьми, все же на восток идешь".

Сын только коротко усмехнулся: "Могу и томагавк". Джон шутливо потрепал его по голове, Вернувшись к себе, присев на кровать, он повертел в руках Братца Кролика.

— Вот, — сказал он тихо игрушке, что смотрела на него черными, добрыми глазами-пуговицами, — так оно и получается, милый мой. Это все жасмин, конечно, уж больно хорошее лето выдалось. Сейчас она уедет, начнутся дожди, и все пройдет. Ну, пошли, — он подхватил сонно заворочавшегося Теодора.

В саду пахло цветами и влажной землей. Джон, остановившись, прижав к себе мальчика, подождал, пока улетит вспорхнувшая с дерева птица. "Утром найдут труп мисс Касл, в одном из парков, — вспомнил он ледяной, ломкий голос женщины. "И все из-за денег, — Джон покачал головой. Осторожно открыв калитку, он пошел задними дворами на Ганновер-сквер.

Питер уже ждал его у двери. "Даже спрашивать не буду, — сказал он, взяв мальчика на руки. "Его зовут Тедди, — Джон нежно потрепал каштановые кудри, — а это Братец Кролик. Только ни в коем случае не выпускайте его на улицу, даже в сад, — он оглянулся, — и то нельзя. Потом его у тебя заберут, — Джон улыбнулся, — спасибо тебе большое".

— Не за что, — отмахнулся Питер и, покачав ребенка, спросил: "Он сирота?"

Джон вспомнил тонкие пальцы, бронзовую прядь на щеке и ее прямую, стройную спину. "Нет, — он засунул руки в карманы куртки, — Тедди у нас — не сирота. Он до рассвета проспит, так что ты тоже ложись, ты же рано встаешь".

— Пойдем, старина, — Питер усмехнулся, — устроим тебя в постели, наконец.

Джон подождал, пока закроется дверь. Легко перемахнув через ограду, он быстрым шагом направился на север, к Блумсбери.

На первом этаже пансиона, в темном окне, горели свечи. "И этот еще не спит, — пробормотал Джон. Приподнявшись на цыпочки, он постучал в стекло.

Федор распахнул створку и усмехнулся: "Что, война началась? Я тут заметки свои, из Корнуолла, в порядок привожу, хочу все-таки осенью вторую книгу издать. Погоди, — он зевнул, — впущу тебя.

В уютной гостиной пахло какими-то химикатами. Федор, убирая с кресла кипу тетрадей, велел: "Садись. У меня еще несколько бутылок того бордо осталось. Сейчас открою, а то ты бледный какой-то".

Джон достал из кармана холщовой куртки серебряный флакон. Протянув его Федору, он устало сказал: "Мне надо знать, что тут за яд".

Федор, молча, открыл крышку. Принюхавшись, он поморщился. "Ты пей, — сказал мужчина, разливая вино, — а я займусь делом". Он присел к рабочему столу. Надев кожаные, тонкие перчатки, Федор вылил содержимое флакона в стеклянную пробирку.

— Все это очень кустарно, конечно, — пробормотал он, рассматривая беловатую, резко пахнущую массу.

Он почесал рыжую голову: "Так проще всего. Посмотри, — Джон поднялся и увидел, как Федор осторожно высыпает в пробирку какой-то синий порошок.

— Ацетат меди, — объяснил мужчина. "Лист металла намазывают отходами от виноделия — шкурки винограда, осадок со дна бочек, — и оставляют на воздухе. Образуется синий налет, его используют, как краситель. Если я прав, то мы сейчас увидим кое-что интересное".

Пробирка заиграла чистейшим изумрудным цветом и Федор улыбнулся:

— Парижская зелень, как я и думал. Тоже краситель. Кроме того — убивает все живое, в нужной дозе, конечно. Образуется при соединении ацетата меди и триоксида мышьяка, его в любой аптеке можно купить, к сожалению. Травит крыс и людей. Так что именно его ты мне принес, в том флаконе. И не дыши, — повернулся он к Джону, — я сейчас все это уберу, пары тоже ядовиты.

— Спасибо, — Джон допил вино. "Я, в общем, догадывался, но хотел удостовериться". Федор завернул пробирку и флакон в бумагу: "По дороге в какой-нибудь костер выкинь".

— Мы с тобой на завтраке в воскресенье увидимся, у Питера, — рассмеялся Джон, уже стоя на ступенях у входа в пансион. "Потом я тебя представлю кое-кому. Наверное".

Федор прислонился к двери и посмотрел на него сверху вниз: "Опять что-то задумал?".

— Ты мне спасибо скажешь, — пообещал ему Джон и пошел к собору Святого Павла. Он выбросил сверток в канаву, где тлели угли и хмыкнул: "Ставь благо страны превыше своего собственного. Вот, я этим и занимаюсь".

Привратник открыл дверь. Джон велел: "Разбудите кого-нибудь из гонцов. Мне нужно поднять с постели отца Генри из церкви святого Георга, у него с утра будет много работы".

Он присел на подоконник своего кабинета. Закурив трубку, Джон долго смотрел на блестящий серым мрамором купол собора.

— Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа, — низкий, спокойный голос священника умолк. Марта, наклонившись, перекрестилась. Она взяла горсть земли и кинула на затянутый черным крепом, крохотный гробик.

Женщина всхлипнула. Миссис Дженкинс, поддержав ее за локоть, шепнула: "Я потом вам успокоительной настойки принесу, в комнату, миссис де Лу. И не ходите никуда, запритесь, и выплачьтесь вволю, такое горе, такое горе..."

Могильщики стали зарывать яму. Марта, рассеянно слушая священника, холодно подумала: "Он здесь. Это как на охоте — я чувствую, что он где-то рядом. Он все это видит".

Три фигуры в трауре, стояли над маленьким крестом. Мэтью, лежа на крыше дома неподалеку, осмотрел зеленую траву церковного кладбища, серые камни, и удовлетворенно улыбнулся. "Прощай, дорогой брат, — пробормотал он. Подхватив свою суму, юноша спустился по приставной лестнице во двор таверны.

— Черепица ваша в полном порядке, — улыбнулся он хозяину и поднял руку: "Никаких денег, я ведь ничего не сделал, просто взглянул, и все".

— Хоть кружечку эля, — умильно предложил кабатчик. "С утра, горло промочить".

— Это можно, — добродушно согласился Мэтью. Присев на бочку, с наслаждением потягивая холодное пиво, он сказал себе:

— Вот и все. Заберешь багаж в конторе порта, и к вечеру уже будешь в Северном море.

Прощай, Лондон. Эта сучка пусть живет пока, не жалко. Через пару лет вернусь за деньгами, тогда ее и найду. И дорогую сестрицу тоже. А наследник, — он потянулся и выпил последние капли эля, — будут же у Дэниела дети. Кто, как не я, родной дядя, должен буду их воспитывать после безвременной смерти дорогого брата? И воспитаю, — он отдал хозяину кружку. Вежливо распрощавшись, юноша смешался с уличной толпой на Брук-стрит.

Мэтью почувствовал на лице свежий ветер с реки. Выпрямив спину, кусая на ходу спелое яблоко, он пошел вниз, к перевозу на Темзе.

В открытое окно доносились мерные удары колокола. Джон поднял голову от бумаг. Отхлебнув остывшего кофе, он спросил: "Где сейчас труп?"

— В мертвецкой при больнице святого Варфоломея, мистер Джон, — ответил невидный человек. "Ее браконьеры нашли, те, что сети на голубей расставляют. На рассвете, как в лес вышли".

— Видишь, — Джон поднял бровь, — а мы их гоняем. Надеюсь, она..., - он не закончил и посмотрел на мужчину.

— В отдельной комнате, конечно, чтобы слухи не пошли, — вздохнул тот. "Я сейчас съезжу, привезу ее мать для опознания, хотя, если судить по этому..., - он кивнул на стол и Джон устало сказал: "Мисс Бесси Касл. Там, конечно, никто ничего не видел и слышал, в Ричмонд-парке".

Мужчина только пожал плечами: "Там столько экипажей вчера было, лето, погода хорошая,

жасмин расцвел…"

— Жасмин, — желчно повторил Джон и велел: "Ладно, иди. Постарайся там, в мертвецкой, чтобы поменьше народу вокруг отиралось. Не хотелось, бы завтра прочитать в Morning Post о том, что в Ричмонд-парке найдена распятая на дереве девушка, с вырезанными глазами. Там рядом ничего не было, ты посмотрел?"

— Трава кровью залита, а в остальном — мужчина развел руками, — сначала браконьеры натоптали, потом местные, уже ничего не найдешь.

— Мы, в общем, знаем, кто он, — ядовито отозвался герцог: "Я, конечно, могу перекрыть все порты Англии, но из того же Саутенда можно уже сегодня добраться до голландского побережья — только плати".

Мужчина поклонился, и вышел. Джон, повертев в руках перо, пробормотал: "Гамбург или Данциг. Туда и напишем. По крайней мере, будем знать, где он останавливался перед тем, как поехать в Россию. Хотя от него всего можно ждать — возьмет и обоснуется в Германии. Но в любом случае, он сюда вернется за деньгами. Питер дружит с этим Бромли — через него мы все и выведаем. Мистер Бенджамин-Вулф будет сидеть тут, передо мной — Джон вскинул глаза: "Иосиф!"

— В первый раз, — смешливо сказал мужчина, протягивая ему руку, — выписывал свидетельство о смерти, глядя на пустой гроб. Его Аарон, кстати, сколотил — он же тоже проснулся, когда твой сын пришел.

— Я хотел, — было, начал Джон. Иосиф остановил его: "Я не в обиде, правда. Ты же отец, и Джо так недолго дома пробыла. Я понимаю. Можно, я ее с Брук-стрит попозже заберу? Нам с этим раввином, Фальком, надо встретиться".

— Разумеется, — махнул рукой Джон. "Джо мне говорила, насчет Амстердама, что ты обосноваться там хочешь. Спасибо тебе".

— Эстер все равно там замуж выйдет, в колониях, рано или поздно, — Иосиф присел на краешек стола, — а я не хочу увозить Джо от семьи. И так вы ее два года не видели.

— Все равно придется, — заметил Джон, разглядывая летнее, синее небо. "Раз вам в Лондоне отказали, надо дальше поехать".

— Мы вернемся, — уверенно сказал ему Иосиф. "Обязательно вернемся. Ладно, — он взглянул на часы, — пойду к своей невесте".

Джон пожал ему руку. Закрыв дверь, все еще улыбаясь, он устроился на подоконнике. "К невесте, — пробормотал он. Посмотрев на площадь перед собором, герцог вскочил. "Тут же пыльно, как на грех, — подумал он. "У привратников какие-то тряпки есть, но я ведь не успею даже стол вытереть".

Он кое-как рассовал документы по ящикам. Посмотрев на свою холщовую куртку, он чуть не застонал: "Опять чернилами пятно на рукаве поставил". Джон поправил воротник рубашки. Найдя в столе серебряный флакон, он прикоснулся пробкой к вискам. Он пригладил светлые, короткие волосы и замер — от двери запахло жасмином.

— Ваш Хэдли, — усмехнулась Марта, — сразу меня пропустил, не пришлось даже пистолет доставать. Она прошагала к столу. Джон, откашлялся: "Вы были правы, насчет мисс Касл. Ее

труп сегодня на рассвете нашли в Ричмонд-парке. Вот, — он протянул Марте лист бумаги.

Девушка пробежала его глазами и перекрестилась: "Господи, бедная Бесси. Это он, никаких сомнений нет, все сходится. И на похоронах Мэтью тоже был, я чувствовала, что он где-то рядом".

Джон посмотрел на карту, что висела над столом: "Я сегодня же отправлю письма в Гамбург и Данциг. Тедди в порядке, мой сын с утра заходил к ним. Экономка просила передать, что он отлично поел, и вообще — веселый".

— Он у меня всегда такой, — нежно отозвалась Марта. Девушка обеспокоенно добавила: "Мне надо будет его забрать, мистер Джон. Я уже сказала миссис Дженкинс, что хочу уехать в деревню".

— Ну, — Джон вздохнул, — мистер Бенджамин-Вулф уже, думаю, где-то в море, так что беспокоиться незачем. Стряпчий, Бромли — друг мистера Питера Кроу, так что мы узнаем, когда ваш муж явится за наследством. А что вы будете делать в деревне? — поинтересовался Джон. Она все стояла, выпрямив спину, — маленькая, хрупкая, — а потом рассмеялась: "Выращивать цветы, гулять с Тедди, ходить в церковь. Читать, на фортепиано играть"

Марта взглянула на него: "Тоже улыбается. Чем это пахнет — как будто лес и дым костра. Господи, да что это — голова у меня, что ли, кружится?".

— Она умна, — сказал себе Джон. "Дьявольски умна, вообще-то. Осторожна. Бесстрашна. И языки знает. Красавица, каких поискать. Вот эта невинность — она очень привлекательна. Кокетка, — и это хорошо, это просто отлично. Глаза у нее, как лед, конечно, но это я вижу. Другие всматриваться не будут. Вдова с ребенком — что может быть прекрасней?"

Он усмехнулся и небрежно засунул руки в карманы: "Жаль. А я только хотел предложить вам работать на меня, миссис де Лу".

— В качестве кого? — она смешливо наклонила голову. Бронзовый локон выбился из-под черного чепца и спускался вниз, по стройной, укрытой скромным воротником, шее. Ее глаза — прозрачные, большие, — блестели, как трава после дождя.

— Мне нужна любовница, — спокойно ответил Джон.

Джо погладила черную кошку, что устроилась у нее на коленях. Услышав, как она мурлычет, девушка похлопала рукой по старому, протертому дивану. Вторая кошка, черепаховая, что терлась об ее ноги, — ловко прыгнула и легла рядом.

В маленькой гостиной пахло воском и немного — специями. Джо оглянулась на закрытую дверь кабинета: "Второй час уже разговаривают, и о чем только?"

Она посмотрела на открытый дубовый шкаф, потемневшие, высокие серебряные подсвечники и распустила ленты простого, муслинового чепца. "К осени, и волосы отрастут, — подумала девушка, — а я уже и отвыкла от них". Она положила руку на медвежий клык, что висел на шее:

— Если поедем куда-то с Иосифом, то Джону его отдам, он заслужил. Я-то в море больше и не выйду, наверное. А куда поехать? Джон говорил, в колониях мы бы могли пожениться, по лицензии, но война ведь идет. И потом, Иосиф уже один раз в колонии ездил, — Джо почесала

кошку за ушами и неслышно рассмеялась.

— А если дети? — девушка вдруг покраснела. "Они же не будут евреями, а для Иосифа это важно". Она подперла щеку кулаком и грустно сказала кошке: "Тебе хорошо, а вот нам…". Старые, поцарапанные часы медленно пробили двенадцать раз.

Джо потянулась за Morning Post, что лежала на диване. "Король Людовик объявит войну в течение месяца", — прочла она заголовок. "Хоть бы успеть на континент уехать, если понадобится — девушка закрыла глаза. Чувствуя тепло кошек на коленях, она откинулась на спинку дивана.

— Меня тоже на костре хотели жечь, — раввин Фальк выпил вина: "То дело давнее, в Вестфалии было. За колдовство якобы. Мне тогда и сорока не исполнилось, я бы и не мог Каббалой заниматься, не положено это, — он обвел рукой забитые книжные полки, стопки томов у рассохшихся деревянных стен. "Сбежал вовремя, и до Лондона добрался".

Иосиф помолчал, не поднимая головы: "Понимаете, я ведь не верил в Бога. И отец мой тоже — с Мендельсоном переписывался. Хотя тот в синагогу ходит, а мой отец раз в год там появлялся, и я так же. Мне все это казалось, — Иосиф поискал слово, — ненужным. А потом я встретил Джо, Аарона — вы его видели, — и как-то все изменилось. Не знаю, — он, наконец, посмотрел на Фалька, — не знаю, как объяснить. Я бы мог креститься там, в Новом Свете, спасти себе жизнь…"

— Да, — Фальк поднялся и махнул рукой, — сиди, сиди. Вот, послушай, что Рамбам пишет. Он вытащил потрепанный том и, найдя нужную страницу, прочитал: "Знай, что обязанность, которую на нас возложила Тора по отношению к герам — чрезвычайно велика. Отца и мать нам предписано чтить и бояться, пророков — слушаться беспрекословно, а ведь возможно, чтобы человек чтил и слушался того, кого не любит. Геров же нам предписано любить". Фальк закрыл книгу и присел на ручку кресла. "Так что получается, — он усмехнулся, — ты уже заповеди выполняешь".

— Я ничего, ничего не могу сделать, — Иосиф взглянул на него. "И не хочу делать. Я там, в тюрьме, вспоминал "Песнь Песней". "Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее". Она ведь и, правда, рав Фальк — сильнее смерти.

— Да, — тот вздохнул. "Вам обоим, конечно, учиться надо еще. Ты подожди в гостиной, я с твоей невестой поговорю. Дверь только за ней не закрывай, — попросил старик — так положено".

Джо робко села в кресло, сложив руки на коленях, и вспомнила ласковую улыбку Иосифа. "Ничего не бойся, — сказала себе девушка. "Мы обязательно будем вместе, навсегда, как же иначе?"

— Глаза припухли, — смешливо подумал Фальк. "Плакала, видно, все эти дни, бедное дитя. Что там Иосиф говорил — она его с костра спасла? Конечно, формально правы они, в Большой Синагоге, ради брака евреями не становятся. Я ведь слышал я о женщинах, которые своих мужей на костер посылали. А ведь они еврейки были. Формально. И чего боимся, видно же, что эти двое созданы друг для друга. Бывает так, Господь тоже — иногда еврейскую душу в чужое тело помещает, так мы для этого тут и сидим".

Джо шмыгнула носом. Фальк, налив в серебряный бокал вина, подвинув ей, ласково сказал: "Ты не плачь, деточка. Что тяжело вам сейчас — так это Господь решил, что уж теперь делать. Зато

потом будет легче".

Девушка выпила и тихо проговорила: "Я куда угодно поеду, хоть на край света, рав Фальк. Потому что я совсем, совсем не могу жить без Иосифа. Я как будто и не жила раньше, пока его не увидела. Вы мне не верите? — она подняла большие, припухшие глаза.

— Верю, деточка, — вздохнул Фальк. "Так бывает, милая моя. Знаешь, как говорят — любовь есть дар великий, нам за нее Господа благодарить надо. Радоваться".

Светло-голубые, прозрачные глаза вдруг заискрились и Джо улыбнулась: "Каждый день. Я каждый день радуюсь. Просыпаюсь, и думаю — Господи, спасибо тебе, я его люблю, и он меня тоже, я его увижу сегодня. Даже сейчас, — Джо кивнула на дверь, — его нет, и мне одиноко уже. Вот, — она прерывисто, глубоко вздохнула и Фальк поднялся: "Ну, пойдем".

— Я вам дам записку, — сказал он, глядя на них: "И, правда, никого вокруг себя не видят".

— Записку к другу моему, его зовут Исаак Судаков, он глава ешивы, в Иерусалиме. Напишу, что рекомендую — Фальк усмехнулся, — вас поженить. Не сразу, конечно, года через два..., - он прервался и увидел, как Джо, не вытирая слез, смотрит на Иосифа.

Тот помолчал, и, сглотнув, проговорил: "Мы даже не знаем, как..."

— Детей родите, — улыбнулся Фальк и пожал Иосифу руку.

Уже выйдя на Веллклоуз-сквер, Джо остановилась. Подняв голову, глядя в его темные глаза, она тихо сказала: "Я и не знала, что бывает такое счастье, Иосиф".

Оглянувшись, посмотрев на пустынную площадь, он обнял Джо — сильно, нежно, не выпуская из рук.

— Помнишь же, как сказано, — шепнул он, — и служил Яаков за Рахиль семь лет, и они показались ему, как несколько дней, потому что он любил ее. Вот так же и я, Джо — поеду с тобой, буду рядом и буду ждать. Столько, сколько потребуется. И потом, — он улыбнулся, — это же Святая Земля, я смогу поучиться у мусульманских врачей, и денег я тоже заработаю, доктора везде нужны.

— Надо папе сказать, — озабоченно заметила Джо, когда они шли к Мэйферу. "Он расстроится, конечно, но мы вернемся. Расскажи мне об Амстердаме, Иосиф, — попросила девушка. Он, на мгновение, закрыв глаза, вспомнил кусты роз в крохотном садике, лодку, привязанную на канале и мелкие переплеты чисто вымытых окон.

— Мы заведем бот, — Иосиф улыбнулся, — чтобы ты могла выходить в море. А сейчас слушай, какой у нас там дом.

Они шли, рядом, оба высокие, незаметно держась за руки, дул летний, теплый ветер, от светлого, шелкового платья Джо немного пахло солью. Иосиф, вспомнив свой сон на корабле, вдруг проговорил: "Я тоже, Джо, — пока тебя не встретил, и не жил вовсе. Вот так, любовь моя".

В мастерской было тихо. Иосиф, присев на табурет, потрепав Ратонеро по спине, подмигнул ему: "А где же твой хозяин?"

— Тут, — раздался со двора смешливый голос Аарона. "Ходил на обед к миссис да Коста, и заодно — игрушки детям раздал".

Он устроился за рабочим столом, и, взглянул на лицо друга: "Слава Богу, все хорошо. Помог им этот Фальк".

— Мы в Иерусалим едем, — Иосиф следил за ловкими пальцами Аарона. "Фальк нам дал письмо, к тамошнему раввину. Нам на Святой Земле года два придется прожить, не меньше, пока Джо учится. Да и я тоже, — добавил он. "А потом вернемся в Амстердам, и тебя навестим".

Аарон потянулся за глиняной плошкой с разведенной позолотой. Зажав в руках кисть, сдув древесную пыль с рамы, он спокойно ответил: "Я с вами поеду. Во-первых, я обещал тебе, что мы женимся в один день…"

— У тебя же еще невесты нет, — усмехнулся Иосиф.

Юноша полюбовался прокрашенным завитком: "На Святой Земле и найду, дорогой мой. А вообще, — Аарон рассмеялся, — Фальк этот опять сюда приходил, раму заказывал, и говорит мне: "Вы, молодой человек, в Иерусалим отправляйтесь, у вас голова хорошая, — это мы с ним Тору обсуждали, — вам надо серьезно учиться. Я ему сказал, что писцом хочу быть, и он обрадовался: "Тем более, в святом городе и надо этим заниматься. Так что, — он погладил Ратонеро за ушами, — поедем все вместе. Так что, — Аарон помолчал, — я там останусь, в Иерусалиме. Не спорь со мной".

— Я и не собирался, — тихо сказал Иосиф: "Спасибо тебе. Втроем нам будет легче, конечно".

Ратонеро обиженно клацнул зубами. Иосиф спохватился: "Вчетвером, дружище, прости, пожалуйста".

— Будете уезжать в Амстердам, — Аарон потянулся за тонким ножом, и стал вырезать дальше, — щенка от него возьмете. Он тоже, наверное, кого-нибудь там встретит, кто ему по душе придется.

— Как туда приедем, мне Джо и наедине будет видеть нельзя, — грустно сказал Иосиф, поднимаясь. "Она в семье у кого-нибудь жить будет, ты женишься…"

— Ну, — протянул Аарон, — не сразу же я женюсь. Снимем с тобой комнаты, вместе. Я в мастерскую устроюсь, ты к пациентам ходить будешь, по вечерам учиться начнем. Все будет хорошо, доктор, — он поднял темные глаза. Иосиф уверенно повторил: "Все будет хорошо, да".

Полуденное солнце заливало комнату косыми, теплыми лучами. На булыжниках площади, у собора, курлыкали, толкались голуби. Марта, поигрывая пером, задумчиво повторила: "Любовница".

— Да, — Джон сидел на подоконнике, обхватив колено руками. "У меня в Париже работает отличный человек, но он двойной агент. Его хозяева — формально, — иезуиты. Они очень подозрительны. Обыскивают его квартиру, рабочий кабинет, могут подослать к нему кого-нибудь…, В общем, я хочу, чтобы он жил спокойно".

— Со мной, — бронзовая бровь взлетела вверх.

— Для вида, разумеется, — герцог повернулся к ней. "Мы вам снимем хорошую квартиру, у вас будет салон, — у моего человека отличные знакомства, — будете появляться с ним в обществе, в театрах, и пару раз в неделю он будет ночевать у вас".

— А что, — поинтересовалась Марта, — иезуиты меня проверять не будут? И потом, мне же понадобятся слуги, у меня Тедди на руках…

— Будут, конечно, — Джон набил трубку, и, покосившись на девушку, улыбнулся: "А что вас проверять? Миссис Марта де Лу, из Квебека, вдова. Документы я вам сделаю, разумеется. А слуги, — он выпустил клуб дыма, — не будут врываться к вам в спальню в середине ночи, поверьте. Он вам будет все рассказывать, а вы — шифровать и пересылать донесения, я вам объясню — как. И конечно, если кому-то из моих людей понадобится безопасный дом в Париже — он остановится у вас. Или она. Мне давно надо было это сделать, но не подворачивалось никого подходящего, — Джон вздохнул.

Марта покачала носком черной, шелковой туфли и рассмеялась: "А я, значит, вам подвернулась".

— Простите, — Джон покраснел. Он взглянул на еле заметные веснушки на ее переносице: "Через год они обвенчаются, конечно. Да что там, — через полгода, держу пари. Зачем я ей нужен, я ее на два десятка лет старше. Поставь меня рядом с Теодором, понятно, на кого она смотреть будет. Ну и пусть венчаются, для работы так только лучше".

Девушка поднялась, — Джон тут же встал, — и протянула ему руку: "Я подумаю и дам вам ответ. Я только хочу вас предупредить — я не буду работать против своей страны, никогда. Это я колонии имею в виду, — пояснила Марта.

Джон тяжело вздохнул: "Поверьте мне, я не собирался вас заставлять. Я колониями вообще не занимаюсь. У нас с королем Георгом и членами кабинета министров немного разные точки зрения на их судьбу".

— А какая у вас точка зрения? — Марта стояла совсем близко. Он увидел, как играют изумруды на ее крохотном, детском золотом крестике. Сквозь черные кружева, закрывающие декольте, ее кожа казалась совсем белой, как снег.

— Как будто в детстве, — вдруг подумала девушка. "Когда мы с папой охотились, осенью, вдвоем, и разжигали костер. Так же пахнет — хвоей, влажными листьями, дымом…"

Джон откашлялся, избегая ее взгляда: "Я с самого начала считал, что им надо быть независимыми. Там другая страна, не Британия, и другие люди. Вот, как вы, например".

— От вас, — серьезно заметила Марта, — это комплимент, мистер Джон. Я сейчас иду встречаться с Бромли и управляющим моими счетами. На обратном пути оставлю вам у привратника записку. Всего хорошего.

Она вышла. Джон, повертев в руках оловянную чернильницу, зло пробормотал: "Ты еще подарок им на свадьбу посылать будешь, и детей у них крестить. Старый дурак, — он потер лицо руками. Позвонив в колокольчик, Джон велел появившемуся на пороге мужчине: "Принеси мне те папки, что Теодор привез, по вольным каменщикам".

Марта спустилась по мраморным ступеням. Распрощавшись с Бромли, взглянув на портик Банка Англии, она усмехнулась: "Уезжаю в деревню. Тедди якобы уже там. Хотя вряд ли они

забредут на кладбище. Мистер Джон сказал, что крест уберут, ночью, через два-три дня. Надо будет еще в контору порта сходить, посмотреть — может быть, Мэтью осмелел, и под именем Майкла Смита уплыл. В мужском костюме отправлюсь, так легче с ними будет разговаривать".

Она дошла до собора Святого Павла и посмотрела на узкую улицу в его тени. "Мистер Джон, — подумала Марта, прислонившись к колонне, закрыв глаза. Вокруг было шумно, на булыжниках чирикали воробьи, ржали лошади. Она, почувствовав тепло солнца на своем лице — вздохнула.

На каменном полу, лежали золотые пятна солнечного света. Большая, широкая кровать была укрыта шкурами. У окна, за конторкой сидела маленькая, худенькая, пожилая женщина. Запечатав письмо, поднявшись, она наклонилась над постелью. Старик, что лежал, опираясь на подушки, открыл один голубой глаз. "Сейчас отдам Марте, — женщина показала письмо, — и вернусь. Как ты себя чувствуешь?"

— Не уходи…, - старик часто подышал, — надолго, мадам Мари.

— Я сорок лет рядом с тобой была, — она наклонилась и потерлась носом о сухую, морщинистую щеку, — и сейчас тоже буду, мой Волк.

Он протянул худую руку и взял ее тонкие, костлявые пальцы. "Старшего сына пережил, — грустно сказал старик, — и внуков от него тоже. Думал ли я? Этьенну потом пошлите весточку с индейцами, может, и дойдет, вроде жив он был, тем годом. Анри…, где его искать…, - старик поморщился и велел: "Иди, любовь моя".

Женщина вздохнула. Тихо закрыв за собой дверь, она позвала: "Марта!". Дочь высунулась с кухни, бронзовые, непокрытые по-домашнему волосы засверкали в солнечных лучах: "Как папа, матушка?"

— Недолго осталось, — женщина помолчала и протянула ей письмо: "Это последнее, от нас. Дальше уж вы с Пьером сами. Вы знаете все, не первый год, — она улыбнулась, глядя в зеленые глаза дочери. На белой шее играл, переливался крохотный, золотой крестик. "Пьер свой в Лондоне оставил, как сюда венчаться ехал, — вспомнила женщина, — они же с Майклом — лучшие друзья. Так правильно, пусть он у Кроу будет".

— Держи, — женщина стянула с пальца, кольцо с синим алмазом. "Это Теодору вашему, а он пусть дальше передает. И пусть женится, двадцать лет ему уже. Как вернутся они с Пьером с севера — скажи, что мы велели".

— Мама! — вдруг, испуганно сказала Марта. "Мама, не смей, я запрещаю!"

Женщина коротко усмехнулась: "В конторке моей письма найдешь — там для сестры твоей, в Нортумберленд, для Кроу…, Отправь всем. А запрещать — она взялась за косяк двери и кивнула в сторону спальни, — даже он мне ничего запрещать не мог. Иди сюда, — она перекрестила дочь и поцеловала высокий, белый лоб. "Люблю тебя, милая, — тихо сказала Мэри. Обняв женщину, она добавила: "Все будет хорошо, дочь Генри Гудзона, все будет хорошо. Мы поспим с отцом".

Мэри устроилась на постели и вдруг подняла голову. "Даже и не сомневайся, — сказала она, ласково, кому-то. "Ты сильная девочка, вся в нас. Ты справишься. Детей своих береги только, а то видишь, — тонкие губы чуть искривились, — как у нас получилось. Но у тебя — все по-другому будет. Ты у нас молодец".

— С кем это ты там разговариваешь? — смешливо, не открывая глаз, спросил Волк.

— Так, — она глубоко, прерывисто вздохнула и устроилась у него под боком, — показалось что-то. Настойку пить не буду, она и не помогает больше.

— Болит? — озабоченно спросил муж. "Как обычно, — поморщившись, отозвалась женщина. "Дай мне руку, — он приложил ее ладонь к своей щеке. "Так хорошо…, - едва слышно сказал Волк. "Люблю тебя".

— Я тоже, — она закрыла глаза. В спальне стало совсем тихо, только ветер с реки шевелил холщовые занавески. Откуда-то издалека доносилась бесконечная песня жаворонка.

Марта вздрогнула и посмотрела в просторное, жаркое, летнее небо Лондона. Свистели, перекликались птицы. Она, поправив чепец, быстро пошла к Ладгейт-Хилл. "Мистер Хэдли, — вежливо попросила она привратника, — можно мне чернильницу и перо, пожалуйста"

Написав на бумаге одно слово, Марта подала ее Хэдли: "Это для мистера Джона. Он знает, где меня найти".

Питер поднялся на второй этаж особняка. Остановившись у двери детской, он улыбнулся: "У нас тут еще один мальчик гостит, Тедди его зовут, он помладше Майкла, так что хорошо, что ты несколько игрушек принес, — он посмотрел на шкатулку в руке у Федора и спросил: "А что там?"

— Вот сейчас и увидим, — загадочно сказал Федор.

В большой, просторной, светлой комнате, на персидском ковре возилось двое детей. Мистрис Джонсон вязала, сидя у окна: "Я тогда пойду на стол накрывать, мистер Питер. Его светлость записку прислал, что еще одного гостя приведет, пятеро всего вас будет".

— Конечно, мистрис Джонсон, — Питер засучил рукава рубашки, — мы тут за мальчиками присмотрим.

Толстенький, кудрявый ребенок, в бархатном платьице, резво встал. Поморгав синими глазками, глядя на Федора, он весело сказал: "Большой! Я — Тедди!"

— Тезка, значит, — Федор опустил шкатулку на ковер и замер — невысокий, изящный, смуглый мальчик отложил игрушечную тележку и посмотрел на него чуть раскосыми, лазоревыми глазами. — Как у Марьи, — подумал мужчина и услышал тихий голос: "Мне папа говорил. Вы — мистер Теодор. А я Майкл, — мальчик сделал шаг к нему. Федор, присев, сказал: "Правильно, мой хороший. И можешь называть меня дядей".

— Я тоже! — рассмеялся Теодор, заковыляв к ним. "Тоже — дядей!".

— А что там? — Майкл указал на шкатулку. Федор снял сюртук, и, передав его Питеру, усмехнулся: "Ну, идите сюда, мальчишки".

Заводная птица поднимала крылья, карусель вертелась, повозка ездила. Майкл, следя за ней, зачарованно сказал: "Сама! Без ослика!"

— Теперь ты, — Федор передал ему ключ. Майкл поскреб в каштановой голове и серьезно спросил: "А если без ключа, дядя Теодор?".

— Тогда нужна сила пара, — Федор щелкнул пальцами и велел Питеру: "Дай-ка мне бумагу и

перо".

Он быстро что-то нарисовал. Майкл, открыв рот, сказал: "Такое есть?"

— Есть, — Федор усмехнулся, — но кроме шарика, пар пока что — ничего не вертит. А надо — чтобы вертел колеса и винты.

— Будет, — уверенно заметил Майкл, — я придумаю. Папа говорил — вы под землей были?

— Темно, — протянул Теодор, возясь с птицей. "Там темно".

— Темно, — Федор посадил мальчика себе на колени, — но мы кое-что придумали, чтобы стало светлее. Рассказать вам?

Питер сидел на бархатной кушетке и внимательно слушал. Когда они уже выходили из детской, мужчина вдруг остановился: "А ты сам все это сделал? Игрушки".

Федор покраснел и, застегивая серебряные пуговицы на сюртуке, пробормотал: "Это так, ерунда. Пару вечеров посидел, руки у меня неплохие. Ты Майклу потом учителей найми, не жди до школы. У него голова сообразительная, сразу видно".

— Сын, — вспомнил Федор, спускаясь по лестнице. "Анна о нем говорила, воспитанница аббата. Да ну, не в себе она. Я и не женюсь больше, наверное, — он вздохнул и Питер, положил ему руку на плечо: "Жалко, что ты уезжаешь. Но ты приходи, обязательно, когда в Лондоне будешь, мы тебе всегда рады".

— Спасибо, — Федор улыбнулся, выйдя в сад: "Вот кончится война, жду вас в Париже. Я тут с Генри Кавендишем встречался…"

Питер открыл рот, и едва справился с изумлением: "Он же затворник, я слышал. Даже со служанкой записками переговаривается. Дом свой покидает только ради заседаний Королевского Общества".

— Там меня ему и представили, — ухмыльнулся Федор. "Он читал мой сборник статей, оказывается. Очень лестно". Мужчины сели на садовую скамейку. Федор, чиркнув кресалом, раскурив сигару, хмыкнул: "В общем, мы с ним о многом говорили. Есть пара вещей, которыми надо серьезно заняться. Горючий воздух, например, — он, сощурил голубые глаза. Посмотрев на сизый дым сигары, Федор рассмеялся: "Используя его, человек оторвется от земли, дорогой Питер, поверь мне. И уже скоро. Говоря о будущем — у тебя на мануфактурах прялки Харгривса стоят, надеюсь?"

— Разумеется, — удивился Питер, — он же проиграл в суде, хотел отобрать у нас право их использовать, ссылаясь на патент. Мы, производители шерсти, предложили ему три тысячи фунтов, он настаивал на семи, а потом, — Питер вдруг расхохотался, — мой Бромли послал на север пару надежных людей. Те выяснили, что Харгривс уже свои прялки продавал. Судья даже его иск не стал рассматривать.

— Так вот, — Федор блаженно зевнул: "Такое солнце, что хочется где-нибудь на берегу реки устроиться, с хорошенькой женщиной. Ты поговори с Джемсом Уаттом, мы сейчас его паровые машины используем, чтобы воду из шахт откачивать, но их можно и к текстильному делу приспособить".

Питер вынул у него из руки сигару, и, затоптав окурок, велел: "Пошли в кабинет, пока мы всех

ждем, ты мне об этом расскажешь".

Длинные, рыжие ресницы дрогнули. Федор рассмеялся: "Сегодня ведь воскресенье. Ну что с тобой делать, дорогой кузен, — он поднялся и потянулся, — доставай чистую тетрадь, будешь записывать".

На пороге дома Федор обернулся — сад еще был весь в росе, пахло цветущим жасмином. Он, на мгновение, всем телом, вспомнил жаркую, летнюю ночь в горах Гарца. "Сын, — пробормотал он и усмехнулся: "Ерунда все это, блажь".

Двое невысоких, легких мужчин, — один в треуголке, другой, — с непокрытой, светловолосой головой, — шли по Брук-стрит.

— Корабль называется "Уверенность", — тихо сказала Марта Джону, — отплыл в Данциг через Копенгаген. Майкл Смит на нем взял каюту. Он просто не знает, что мы в Бостоне, выведали — под каким, именем он путешествует. Тедди, якобы, уже нет — он почувствовал безнаказанность.

Джон оправил свой темный, простой сюртук: "Как ей мужской наряд идет. Одно лицо с портретом. С той иконой, что мне Теодор показывал — тоже. Надо будет ее в родословное древо внести. Это те де Лу, что в Акадию уехали, при короле Якове".

Марта что-то говорила. Он, замявшись, попросил: "Повторите, пожалуйста".

— Он может сойти на берег и в Копенгагене, — вздохнула Марта, — напишите и туда тоже.

— Напишу, — пообещал Джон. Улыбнувшись, он помахал рукой: "Вот и ваш знакомый доктор. Рядом с ним мои дети, пойдемте, я вас представлю. Моя дочь — его невеста, — Джон остановился рядом с каменной скамейкой, в тени высокого платана: "Миссис Марта де Лу, а это лорд Джон и леди Джозефина Холланд".

— Просто Джо, — высокая, тонкая девушка подала Марте сильную, с мозолями на пальцах руку. "Мы с Джоном оба — только из колоний вернулись. Папа, вам рассказывал, наверное".

Очень похожий на отца юноша склонился над рукой Марты: "Я тот самый человек, который к вам врача позвал, миссис де Лу".

— Марта, пожалуйста, — она улыбнулась. Джо подумала: "Какая красивая. Жалко, что я уезжаю, мы бы с ней подружились, наверное".

Иосиф весело сказал: "Раз уж Тедди там, — он указал на особняк Кроу, так давайте я и его осмотрю, заодно".

— Было бы очень хорошо, мистер Мендес де Кардозо, — отозвалась Марта. Он поднял руку: "Просто Иосиф, пожалуйста. Ну, что — он взглянул на серебряные часы, — пойдемте. Джон проводит сестру до дома".

Джо опустилась на скамейку и посмотрела вслед отцу. "И что ты ему не сказала, об Иерусалиме? — брат присел рядом. Джо повозила туфлей в песке: "Иосиф скажет. Он уже письмо написал, сестре своей, в колонии. То есть мы вместе написали, — девушка покраснела: "Счастливая миссис Марта, она в мужском наряде ходит, и ничего".

— Так и ты, — удивился брат, — в сюртуке поезжай, у тебя волосы еще короткие. Там-то тебе платья носить придется. А сложно это — учиться?

— Очень, — вздохнула Джо. "Жить придется у кого-то в семье. Ничего, — она оживилась, — через два года мы вернемся в Амстердам, так что приезжай к нам, на каникулы, я тебя на боте покатаю.

— Ладно, — Джон встал и подал руку сестре, — пока эти холостяки завтракают, мы с тобой будем фехтовать. Потом сходим в ту кофейню на Стрэнд, где женщин с черного хода пускают. Там и покурить можно будет, кабинки закрытые.

— Вот же мракобесие, — в сердцах заметила Джо, когда они уже поворачивали на Брук-стрит, — и почему женщине нельзя прилюдно пить кофе? Ерунда какая-то, — она вздернула подбородок и зашагала к дому.

Марта оглядела кабинет — на паркет палисандрового дерева были брошены шкуры тигров, неуловимо, тонко пахло ванилью и чем-то теплым, пряным.

— У вас и клавесин есть, мистер Кроу! Я вам после завтрака поиграю. Вот и тот портрет, мистер Джон? — девушка повернулась к герцогу.

Джон покраснел: "Это миссис Марта де ла Марк".

Питер поставил у камина изящный стул и попросил: "Вы сядьте так же, миссис де Лу. Как миссис де ла Марк сидит"

Она присела. Качнув тяжелым узлом бронзовых волос, посмотрев на мужчин через плечо, Марта улыбнулась, показав мелкие, острые зубы: "Я и сама вижу, мистер Кроу — мы с ней очень похожи".

Федор взглянул на ее стройные ноги в черных, с пряжками туфлях, на хорошо скроенные бриджи и сюртук — черный, с жемчужными пуговицами, на белый шелковый галстук:

— Написать бы ее так. В Париже и напишу, давно я к холсту не подходил. Баловство, конечно, получится, безделка, а все равно — красиво. Тоже — на камне, под деревом, и чтобы ручей рядом журчал.

— После завтрака, — тихо сказал ему Джон, — пойдем на Ладгейт-Хилл, обсудим все. Вы уже из Дувра должны вместе выезжать. Я об этом позабочусь.

— Пока Иосиф детей осматривает, — Питер достал родословное древо, — я вам покажу вашу ветвь семьи, миссис де Лу. Вот, — указал он, — месье Мишель, мадам Мари и их дети.

— Дэниел Бенджамин-Вулф, — увидела Марта. Положив маленькую ладонь на пожелтевший, исписанный лист бумаги, она предложила: "Давайте я его заберу, мистер Кроу, и приведу в порядок. Я хорошо черчу, не бойтесь. Я просто, — она помолчала, — знаю, что с этими людьми случилось".

— Конечно, — лазоревые глаза ласково взглянули на нее. "Мы же, как я понимаю, соседи, миссис де Лу, принесете, когда закончите. Вот ваши предки, — он прочитал: "Пьер и Марта де Лу, и их сын, Теодор".

mir-knigi.org

— А вот, — Марта прищурилась, — Анна Гудзон и сын ее, сэр Роберт Пули, с ними что случилось? Это ведь тоже — дочка мадам Мари, да?

— Да, — Питер вздохнул, — она рано овдовела, муж ее в Северном море утонул, так и не вышла замуж потом. Сэр Роберт, сын ее — женился на какой-то шотландской наследнице и туда уехал, так с ними связь и потерялась. А так, — он посмотрел на древо, — тут даже мистер Теодор есть, и его брат, пропавший.

— И мой патрон, аббат Корвино, — расхохотался Федор, потягивая вино. "Он к вам, миссис де Лу, не преминет явиться, сделает вид, что деньги на сирот собирает, а сам — по всем углам шнырять будет. Вот же родственник на нашу голову".

Марта легко устроилась в кресле и Федор подумал: "Как птичка. Правильно Джон выбрал — лицо такое невинное, что ничего не заподозришь. Мальчишка у нее смешной, хороший мальчишка. Опять же — к вдове с ребенком больше доверия".

— Ну, — протянула Марта, рассматривая камень у себя на пальце, — пусть святой отец хоть обыщется — у меня в квартире он ничего подозрительного не найдет. Спасибо, мистер Кроу, — она взяла свернутый лист бумаги, — и я вам очень благодарна, что вы приютили Тедди.

— Я только рад, — рассмеялся Питер, открывая вторую бутылку бордо, — моему Майклу веселее. Гулять-то ему можно уже, Джон?

— Только в саду, — велел герцог и Марта, усмехнулась: "Крест еще стоит. Вдруг миссис Дженкинс увидит Тедди. Мэтью тут уже нет — но все равно, не надо рисковать".

Иосиф открыл дверь кабинета: "Дети у вас замечательные, здоровые дети, Тедди морское путешествие только на пользу пошло. А ты, Питер — сейчас тепло, отправь Майкла с мистрис Джонсон на побережье, пусть воздухом подышит".

— Ко мне в Саутенд, — Джон поднялся. "Дом все равно пустой стоит, пусть там поживут пару недель. Что там оленина? — он смешно повел носом. "Очень есть хочется".

Уже когда они сидели за столом, Федор, налил Марте вина: "Раз мы с вами будем вместе работать, мадам де Лу…"

— Я же ваша любовница, месье Теодор, — губы цвета черешни улыбнулись, — просто "Марта", и все.

— Хорошо, — понизив голос, сказал он. От ее волос пахло жасмином, темная шерсть сюртука чуть приоткрывала белую, нежную шею. "Нам надо поближе познакомиться, Марта. Приходите ко мне в Блумсбери чай пить, у меня отдельный вход в комнаты, очень удобно. Завтра, скажем. Я вам свою коллекцию минералов покажу, — добавил он.

Марта посмотрела в его голубые, с золотистыми искорками глаза. Отпив вина, она повертела в тонких пальцах хрустальный, тяжелый бокал: "С удовольствием, Теодор".

Марта сидела на постели, тихо, нежно напевая:

— Demain s'y fait beau, j'irons au grand-pere

C'est le beau p'tit bibi a mama

mir-knigi.org

Dors, dors, dors, dors

Dors, dors, le bi-bi a mama, — она потянулась и, погладила мальчиков: "Вы набегались, а теперь — пора спать, милые мои. Потом встанете, и поиграете с теми игрушками, что дядя Теодор принес".

— Мама, — раздался голос сына. Тедди поворочался. Зевнув, прижавшись щекой к ее руке, сын задремал. Майкл лежал, открыв глаза. Марта, наклонившись, поцеловав смуглый лоб, шепнула: "И ты тоже — спи, мой сладкий".

— Я совсем не помню, — подумал ребенок, — маму не помню. Папа говорит, она очень красивая была. Мария ее звали.

Майкл попросил: "Не уходите, тетя Марта. Так хорошо…, - он повел носом и улыбнулся: "Пахнет, как в саду".

— Это жасмин, мой маленький, — Марта сбросила туфли и устроилась на постели, прижав к себе обоих мальчиков. "Тетя Марта…, - Майкл глубоко зевнул, — спойте еще…".

Питер стоял у двери детской спальни, слушая ее голос. Она вышла, накинув на плечи сюртук, и улыбнулась: "Спят оба. Такие игрушки замечательные, мы с мальчиками за тележкой гонялись. Пойдемте, — Марта посмотрела в лазоревые глаза, — я вам поиграю, как обещала".

Уже, когда они спускались по мраморной лестнице, девушка спросила: "А откуда у вас клавесин?"

— Это моей мамы, — Питер приостановился, — она очень хорошо играла. Только ноты все старые, — он развел руками, — я же не музыкант. Сестра моя покойная, та тоже за него не садилась, — она математик была. Ученый, как и ее муж. Он в России погиб, во время бунта. Джованни его звали. Вы видели, на родословном древе, — он расстегнул воротник рубашки, и вытащил золотой, играющий алмазами крестик. "Это наш крест, семейный. Я его, было, своей племяннице отдал, Констанце, — я ее отец, крестный, но, когда они в Америку уезжали, — обратно его прислали. Констанца в Бога не верит, — Питер открыл перед Мартой дверь кабинета.

— Майкл мне сказал, — она присела за клавесин, и стала перебирать ноты, что лежали на крышке, — что у него медальон есть, от отца. Салават его звали, красивое имя.

— Да, — Питер открыл шкатулку, что стояла у него на столе, — вот он.

— А что тут написано? — Марта полюбовалась изящной вязью.

— На арабском языке, — мужчина помолчал. "Ты любовь моего сердца и моей жизни, да хранит тебя Аллах, Мариам. Он магометанин был, отец Майкла".

Женщина посмотрела на тусклый блеск золота. Она положилал медальон в смуглую ладонь Питера: "У вас замечательный сын, мистер Кроу".

— Просто Питер, пожалуйста, мы же родственники, — он присел в кресло. Марта, увидев в открытые двери на террасу, табачный дым, что висел над садом, повысила голос: "Я вам сыграю "Французскую сюиту" Баха, господа".

Питер следил за ее маленькими, белыми руками, что бегали по клавишам: "Тут мы и сидели. Я,

папа, и Констанца. А мама играла. Господи, все умерли уже. Мне бы Майкла вырастить, и Констанцу, когда вернется она".

Джон замер — из кабинета доносились нежные звуки музыки. Он посмотрел на Федора, — тот сидел, закрыв глаза. Тихо встав, прислонившись к окну, Джон взглянул на бронзовую голову женщины. Она склонила стройную, в белой рубашке спину. Джону, на мгновение, показалось, что в комнате нет никого, кроме них двоих.

— Подойти бы, — тоскливо подумал он. "Подойти, обнять эти плечи, поцеловать ее, сказать все, что я хочу сказать. Невозможно, кто я для нее? Старик. Господи, и цветы эти, как назло — кажется, во всем Лондоне они распустились. Как она играет хорошо, отличная техника. Оставь ее, пусть будет счастлива, пусть..., - он заставил себя спуститься в сад. Присев на скамейку, он спросил у Иосифа: "Как вы к этому Фальку сходили?"

Мужчина покраснел. Джон усмехнулся: "Да уж говори. Куда-то ехать вам надо?"

— В Иерусалим, на два года, — нехотя ответил Иосиф. "Ты не волнуйся, пожалуйста. Мы будем писать, и вообще..., Там есть раввин, Исаак Судаков, он друг Фалька, поможет нам. Потом в Амстердам вернемся".

Федор вдохнул запах жасмина. Открыв один глаз, посмотрев на Иосифа, он рассмеялся: "Тоже родственник, я эту фамилию на родословном древе видел. Сейчас Марта его в порядок приведет, возьмите с собой копию, у него, наверняка такой нет".

— Марта, — зло повторил Джон. "Они, наверное, в Дувре переспят, если не раньше. Если не прямо здесь. Прекрати, — велел он себе, — прекрати немедленно".

— Вот что, — Джон смешливо потер нос, — вы тогда в Ливорно через Париж езжайте. Теодор с Мартой за вами там присмотрят. Джо никогда еще на континенте никогда не была, хоть Новый мост увидит, дворец Тюильри, и все остальное.

— С нами мой друг еще, — Иосиф покраснел, — Аарон Горовиц, я вам рассказывал...

Марта закончила сюиту, и, выйдя на террасу, решительно сказала: "Отлично, отправимся все вместе. Вы с Ааароном комнаты снимете, а Джо у меня поживет, подруга и подруга. Так удобней будет".

— Правильно, — согласился Федор. Джон, поймав его взгляд, вздохнул: "Дорогие мои, пора и за работу". Питер спустился в сад. Развалившись на скамейке, он улыбнулся: "А я вот — в воскресенье отдыхаю, а Иосиф — в субботу. Вам бы тоже так".

— Мы и работаем для того, чтобы вы отдыхали, — желчно заметил Джон, застегивая сюртук. "Одевайтесь, господа, — велел он Марте и Федору, — у нас работы столько, что мы вряд ли до вечера закончим".

Когда они уже вышли на Ганновер-сквер, Джон распорядился: "Сундуки у тебя завтра увезут, мои люди. И ты тоже, — он взглянул на Федора, — собирайся. Багаж вас будет ждать в Дувре".

На Ладгейт-Хилл было тихо. Джон, проходя в открытую привратником дверь, попросил: "Хэдли, кофе заварите нам, и проследите, чтобы никто не мешал".

Он подтащил к своему столу два табурета. Присев, обложившись папками, Джон сказал: "Начнем".

Федор искоса взглянул на бронзовые, стянутые узлом волосы, на темные, длинные ресницы женщины: "Надо шампанского завтра купить, этого, от Моэта. Устриц нет уже, лето, а жаль. Ничего, в Париже поедим, осенью. В театр сходим, свожу ее в Булонский лес, по Сене покатаемся. Молодец все-таки Джон, обещал, что придумает и придумал".

— Теодор! — услышал он голос Джона, и, вздрогнул: "Все правильно. Особое внимание надо обращать на месье д'Аржанто, австрийского посла при французском дворе. Он близок с королевой, поэтому любые сведения, сообщаемые им — очень важны. Вы в карты играете, Марта? — он повернулся к женщине.

— Разумеется, — удивилась та.

— В прошлом году, — Джон порылся в папке, — королева проиграла сто семьдесят тысяч франков. Она у нас страстная картежница, так что ваши умения, миссис де Лу — вам понадобятся.

Марта вздохнула. Взяв со стола простую, деревянную линейку, она почесала затылок: "Я же просила, мистер Джон — Марта. Дайте мне, пожалуйста, лист бумаги, и перо. Я буду вас слушать, и записывать свои вопросы, а потом — их задам. Так дело пойдет быстрее".

— Марта, — подумал Федор, и, на мгновение, закрыв глаза, увидел ее распущенные волосы, падающие на белые, как молоко плечи. "Завтра, — усмехнулся он про себя, и вслух проговорил: "А теперь я вам расскажу о том, кто из святых отцов нам наиболее интересен".

Полуденное солнце заливало Стрэнд теплым светом. Марта, остановившись, подождав Джо, хихикнула: "Необязательно заходить в эту кофейню с черного хода, мы обе в сюртуках".

Джо оглядела себя: "В Париже хоть платья пошью, будет, в чем в Иерусалим приехать". Они вошли в большую, с закрытыми кабинками, кофейню. Марта, послушав жужжание голосов, доносившихся из-за деревянных, хлипких стенок, решительно велела: "Вон туда!"

Устроившись за столом, она сказала официанту: "Кофейник и бутылку мальвернской воды, только холодной".

Подождав, пока принесут заказ, Марта подмигнула Джо. Закрыв дверцу, она скинула треуголку.

— Кури, — разрешила она. Джо, чиркнув кресалом, затягиваясь, улыбнулась: "Так хорошо, что ты с Аароном познакомилась".

— Он же семья, — подняла бровь Марта. "Я вчера полночи родословное древо рисовала, вы с собой в Иерусалим возьмете копию, покажете этому Исааку Судакову. И я в Париж заберу, мало ли кого встречу. А ты этого отца Джованни видела? — Марта подперла подбородок кулачком.

— Он меня только исповедовал, — рассмеялась Джо. "Ты же слышала, Аарон рассказывал — ему лет сорок. А мистеру Джованни сейчас было бы двадцать шесть, так что это не он. Да и все говорят, что он погиб.

— Мало ли что говорят. О Теодоре тоже думали, что он погиб, — пробурчала Марта. Забрав у Джо сигарку, девушка затянулась. "Крепкие они у тебя, — сказала она, и рассмеялась: "Еще и Ратонеро с нами едет, вот маленький мой порадуется".

— Марта, — Джо повозила ногой в сапоге по полу, — а это тяжело, когда дети?

Женщина отпила кофе: "Ты не забывай, я на плантации жила, в Виргинии. У меня одних нянек — с десяток было. Но не волнуйся — зеленые глаза нежно заблестели, — Иосиф на тебя надышаться не может, так что у вас все будет хорошо. И не тяжело совсем".

— Еще два года, — мрачно сказала Джо, выпустив клуб дыма. "Как там, на Святой Земле, все сложится?"

— Просто отлично, — уверила ее Марта. Кинув на стол серебро, она поднялась: "Пойдем, провожу тебя до Брук-стрит, и пойду чай пить".

Она потянулась за наброшенным на спинку стула сюртуком. Джо увидела маленький пистолет, у нее за поясом.

— Марта, — тихо спросила девушка, — а почему ты с оружием?

— Я же сказала, — тонкие губы усмехнулись, — иду пить чай. Там может понадобиться пистолет.

Марта застегнула пуговицы сюртука. Покрепче стянув волосы, надев треуголку, она вышла из кабинки.

Марта сидела, опираясь на спинку стула красного дерева, держа в руках бокал с шампанским. "Голову немного выше, — велел Федор, быстро набрасывая очертания женской фигуры. "В Париже я вас на холсте напишу, это так, черновая работа".

Она отпила и озорно спросила, оглядывая пустые книжные шкафы и чистый рабочий стол в гостиной: "А где же коллекция минералов, вы мне ее обещали показать?"

— Уже в Дувр едет, — хохотнул Федор. "Думаю, вас тоже — люди нашего общего знакомого на рассвете разбудили".

Марта томно рассмеялась и расстегнула маленькие, жемчужные пуговицы на воротнике рубашки. Изумруды на кресте засверкали. Женщина, поведя носом, сказала: "От вас порохом пахнет, Теодор".

— Раз уж я рано поднялся, — он зажал в зубах карандаш и стал пальцем растушевывать ее волосы, — пошел в Гайд-парк, верховой ездой позаниматься, а потом — в тир. Вы хорошо стреляете, кстати? — Федор взглянул на нее: "До вечера не отпущу. Черт, две ночи в неделю мне будет мало, думаю, и ей тоже. Глаза как блестят. Восемнадцать лет, — он почувствовал, что краснеет.

— Отлично, — Марта все потягивала шампанское. "Я на фактории выросла, в лесах, на волков и медведей охотилась, Теодор. В Париже — она посмотрела на него из-под опущенных ресниц, — возьмете меня на охоту?"

— И на охоту, — он усмехнулся, любуясь завитками волос, что спустились ей на шею, — и в театр с вами сходим, а то у меня все времени не было, и вообще — будем жить в свое удовольствие, Марта.

Женщина незаметно посмотрела на приоткрытую дверь спальни. Кровать была застелена и она

mir-knigi.org

увидела только край темного, шерстяного покрывала. "У вас хороший вкус, — сказала Марта, — я вижу, отличный портной вас одевает. Только очень строго, — она рассмеялась. Федор невольно улыбнулся: "У нас так принято, я же все-таки не придворный, а ученый. Но вам, — он посмотрел в зеленые глаза, — я, конечно, буду покупать шелк и кружево, Марта".

— Обожаю кружево, — она потянулась за бутылкой моэта. Федор, поднялся: "Позвольте мне". Он взял из нежных пальцев серебряный бокал и заметил, как колышется тонкий лен рубашки на маленькой, девичьей груди. "Она весь Париж с ума сведет, — подумал мужчина, наливая шампанское. "Кокетка, каких поискать. Вот и славно, она будет привлекать нужных людей, а уж работать с ними мы будем вместе".

— А что вам еще нравится? — он наклонился над маленьким ухом.

— Белое бордо, устрицы, французские сыры и эссенция жасмина, — она повернулась и посмотрела на него снизу вверх. "И еще изумруды, Теодор".

— Я запомню, — пообещал он, подхватывая ее на руки, поднося к ее губам бокал. "Какая она легкая, как ребенок, — понял Федор. Марта выпила. Обняв его, она шепнула: "И еще кое-что, Теодор — тоже запомните".

— Что? — спросил он и почувствовал холод пистолета, что упирался ему в висок.

— Я никогда не стану вашей любовницей, — услышал он ледяной голос. "А теперь — поставьте меня на пол, будьте добры".

Он недовольно пробормотал что-то сквозь зубы и с тяжелым вздохом подчинился.

Они сидели друг напротив друга. Марта, усмехнулась: "Не стоит, правда. Не надо смешивать работу и все остальное, Теодор. Тем более, — она потянулась и набросила на плечи сюртук, — вы меня не любите, я вас — тоже, так что..., - женщина махнула рукой и не закончила.

— Ешьте сыр, — хмуро сказал мужчина. "Это хороший, я для вас покупал".

— Спасибо, — она взялась за серебряную, тонкую вилочку.

Федор подошел к окну. Глядя на проезжающую мимо карету, он вдруг спросил: "А вы любили? Вашего покойного мужа".

— Он был меня много старше, — коротко ответила Марта, вспомнив стойкий, резкий запах табака, жесткую, царапающую ее плечи бороду, и его спокойный голос: "Не будешь делать то, что я скажу, милочка — пожалеешь об этом".

— Я не хочу о нем говорить, — вздохнула Марта. Поднявшись, она встала рядом с Федором: "Я понимаю. Майкл мне рассказал, о вас, когда мы с ним играли. И о матери своей покойной. Мне очень, очень жаль".

— Я ее очень любил, Марию, — он помолчал. "Потом, как думал я, что умерла она, там разное было, — Федор повернулся к ней. Женщина, протянула ему кружевной платок: "Вот и не надо такого больше, Теодор. Вы полюбите еще, обязательно, так, как вы ее любили. Я вам обещаю".

— У нас в России, — он усмехнулся, — говорят: "Ваши бы слова, да Богу в уши". Посмотрим. И называйте меня на "ты", мы же будем в одной постели спать.

— Ты, — со значением сказала Марта, вернувшись за стол, — будешь спать в гардеробной, на кушетке. И не спорь со мной.

— Во мне росту, — Федор рассмеялся, — шесть футов пять дюймов, это очень жестоко, Марта. Тебе чаю налить-то? — мужчина потрогал серебряный чайник: "Еще теплый".

— А что, — она подняла бронзовую бровь, — ты все-таки чаю заварил, как обещал?

— Ну, — Федор развел руками, — раз минералы увезли, надо было хоть что-то оставить из того, что предлагал.

Марта звонко рассмеялась, и протянула ему через стол маленькую руку. "Друзья, — сказал Федор. Он подумал: "А ведь она права. Ну и голова у этой малютки, даром, что ей восемнадцать лет".

— Сейчас поедим, — Марта ловко раскладывала сыр по тарелкам, — а потом ты мне расскажешь об аббате Корвино и вольных каменщиках. Я уже просмотрела те папки, что мне Джон дал, но ведь их с утра забрали.

— Угу, — кивнул Федор, забирая у нее тарелку, и заметил: "Имей в виду, я много ем".

— Прокормлю, — пообещала Марта, окидывая его оценивающим взглядом.

У подъезда дома Кроу стояла карета, запряженная парой гнедых. Федор подал руку Марте. Вглянув на солнце, что вставало над кронами деревьев, на пустую Ганновер-сквер, он, недовольно сказал: "Все равно, хоть у нашего общего знакомого и подстава приготовлена, часов пять протащимся, не меньше. Тут семьдесят миль, до Дувра".

Марта кинула треуголку на бархатное сиденье и поинтересовалась: "А что, когда пар будет крутить колеса — это будет быстрее?"

— За два часа можно будет добраться, поверь мне, — пообещал Федор. Он тихонько постучал в дверь бронзовым молотком.

— Завтрак, — с порога сказала мистрис Джонсон, — и не спорьте даже. В карету я сверток отнесу. Тедди спит пока, но потом встанет и есть захочет. Я его соберу, миссис Марта, — она коснулась руки женщины, — вы проходите.

В столовой вкусно пахло кофе и жареным беконом.

— Дядя Теодор! — Майкл слез со стула и радостно бросился к мужчине.

— Тоже, как я — Питер пожал руку Теодору, — рано проснулся. Мне-то в контору, а он тебе хочет показать рисунки свои, придумал что-то.

— Мы тогда с тобой в детскую поднимемся, посмотрим — Теодор взял ребенка за ладонь и они вышли.

— Я вам родословное древо принесла, — улыбнулась Марта, принимая от Питера фарфоровую чашку с кофе. "Как и обещала — перечертила и в порядок привела, так что теперь мы все знаем. Одна копия в Иерусалим поедет, а вторую — я в Париж беру. Вот, — она протянула мужчине свернутый лист бумаги.

Питер присел на край стола. Рассматривая ее четкий почерк, он тихо сказал: "Я понимаю. Теперь я понимаю, Марта. А что…, - он вскинул лазоревые глаза. Посмотрев на девушку, покраснев, он вздохнул: "Простите".

— Это есть только на вашей копии, и я была бы вам очень обязана…, - Питер поднял ладонь и остановил женщину: "Даже и разговора быть не может. Считайте, что это, — он похлопал рукой по бумаге, — уже лежит в моих сейфах, в Банке Англии".

— Когда Тедди подрастет, — она сидела в кресле, закинув ногу на ногу, рассматривая носок черной, украшенной серебряными пряжками туфли — я ему расскажу. И, — она помолчала, — я знала, что могу вам доверять, Питер.

— Всегда, пока мы живы, — просто сказал он, накладывая ей бекон. Поешьте, пожалуйста, у вас впереди долгая дорога. А где Холланды? — Питер поставил на стол третий прибор.

— Еще вчера утром отправились, — рассмеялась Марта. "Джон с детьми, Иосиф и Аарон. Джо их обещала на боте покатать, на прощанье. Мы с ними уже в Дувре увидимся".

— Вы берегите себя, — Питер все смотрел в зеленые глаза женщины. "И маленького тоже. Впрочем, с вами Теодор, а него можно полагаться, во всем".

— Конечно, — Марта отложила вилку. Вытерев губы льняной салфеткой, она оглядела тканые, шелковые обои в комнате, серебряный сервиз на столе розового дерева, пышные кусты цветущего жасмина за окном: "Как я и хотела — Тедди во Франции будет расти. Война скоро закончится. Дэниел же говорил, в Бостоне еще, — они сильнее британцев. На суше, не на море, но все равно — сильнее. За папу я тоже — отомщу, рано или поздно Мэтью вернется сюда, в Европу".

— А вы потом, как перемирие подпишут, приезжайте в Париж. Я вам поиграю, обязательно, — она взглянула на Питера.

— Или вы сюда, — тихо ответил он, и вздрогнул — дверь в столовую открылась.

— Я все показал, — гордо улыбнулся Майкл, стоя на пороге. "Дяде Теодору очень понравилось, папа!"

— Он у нас молодец, — Федор ласково потрепал мальчика по голове: "Сын. Господи, да что это я? Оставь, и не вспоминай больше".

— Ну, — он устроился на чуть заскрипевшем стуле и посадил Майкла к себе на колени, — а теперь мы как следует, поедим, дорогой мой будущий инженер.

Марта высунулась из окна кареты. Помахав мужчине и мальчику, что стояли на каменных ступенях особняка Кроу, она велела: "Давай мне Тедди, ты же почитать хотел".

Федор передал ей спящего ребенка. Порывшись в кармане сюртука, он сказал: "Та самая икона. Смотри. Ее подновляли, конечно, но, судя по всему — это того же времени, что и портрет. Редкий мастер рисовал, сразу видно".

Бронзовые, непокрытые волосы спускались на стройные плечи в белой рубашке. Прозрачные, зеленые глаза твердо и прямо взглянули на Марту. Женщина, едва дыша, прикоснулась пальцем к золотому фону: "Из Италии ее твой дед привез. Мы еще узнаем — как она туда попала".

mir-knigi.org

Марта покачала ребенка и Федор велел: "Рядом устраивайся, закрой глаза, и спите оба. Я вам почитаю". Он достал из саквояжа тетрадь. Открыв ее, погладив мальчика по каштановым волосам, Федор начал: "Принцип действия новой паровой машины заключается в том, что пар из котла поступает через золотники в цилиндр. Золотники позволяют подавать пар то с одной стороны поршня, то с другой, создавая тем самым необходимое давление на поршень…"

Марта зевнула. Успев увидеть, что карета миновала Лондонский мост, привалившись к плечу Федора, она заснула — крепко, спокойно.

Бот накренился и, зачерпнув бортом морскую волну, встав в галфвинд — пошел на юг.

Ратонеро отряхнулся, и весело залаял. Джон предостерегающе сказал сестре: "Эй, мы не договаривались плыть в Кале!"

— Твоя сестра, — Иосиф подставил лицо летнему солнцу, — стояла за штурвалом в такой шторм, что я думал — мы вот-вот ко дну пойдем. Так что не волнуйся.

— Покачало чуть-чуть, и все, — краснея, пробормотала Джо, пригладив темные, отросшие волосы. Она завернула промокшие рукава рубашки. Взглянув на удаляющийся берег, девушка заметила: "Пару миль, не больше. Право, совсем не хочется болтаться у гавани, там и ветра никакого нет".

Аарон погладил Ратонеро. Тот, лизнув ему руку, устроился на дне лодки. "Господи, — вдруг подумал юноша, — как далеко. В Париж поедем, оттуда — в Ливорно, там могила отца Иосифа, а там уже на корабль сядем, что до Святой Земли идет. Еще хорошо, что все мы с пистолетом обращаться умеем. Там ведь как у нас, в Карибском море — тоже пираты есть".

— Оружие я вам все проверил, — будто услышав его, заметил Джон, — вы, пока в Париже будете — в тир сходите. Из лука ты лучше меня стреляешь, — он завистливо посмотрел на Аарона, — я, когда с индейцами жил, все хотел пуму убить, или хотя бы рысь, но так и не встретил их.

Потянувшись за сигаркой, Аарон развел руками: "Теперь-то я охотиться больше не буду, не положено у нас. А ты тоже, — он улыбнулся юноше, — учиться идешь. Долго это у вас?"

— Три года, — Джон посмотрел на сестру, и, покраснев, отвел глаза. Она устроилась на скамейке рядом с Иосифом, одной рукой придерживая руль. Мужчина что-то шепнул ей на ухо. Джо, оглянувшись, опустила пальцы вниз. Иосиф взял ее ладонь: "К осени уже в Святой Земле будем, как раз — праздники пройдут. Мы же все равно — сможем встречаться, хотя бы на улице. Просто гулять вместе".

Джо крепко пожала его сильные пальцы: "Надо потерпеть, любимый. И все равно — я боюсь, на меня там тоже — косо смотреть будут".

— Что ты, — Иосиф незаметно погладил ее руку, — что ты, счастье мое. Там все не так, обещаю тебе. И подруги у тебя там появятся, вот, как Марта.

— Когда вернемся в Амстердам, — мечтательно сказала Джо, — надо будет ее навестить. Ты там писал, в Париж, я видела? — поинтересовалась девушка.

— У меня там знакомый, доктор Жан-Поль Марат, — объяснил Иосеф, — он придворный врач графа д’ Артуа, младшего брата короля. Когда мой отец еще был жив, он меня привозил в

Париж. Папа в Отель-Дье консультировал, это самый большой госпиталь в городе. Там мы с Жан-Полем и познакомились. Так что встретимся, — Иосиф улыбнулся: "В Иерусалиме надо, как следует заняться арабской медициной. Другого шанса у меня не будет, незачем время терять".

Он вдохнул запах соли. Подтолкнув Джо, Иосиф озорно сказал: "Еще пару миль, чтобы твой брат совсем позеленел".

— Держитесь, — велела девушка. Вскочив на ноги, переложив парус, она повела шлюпку почти вровень с водой. Над ботом кружились, клекотали чайки. Джо, вскинув голову вверх, чувствуя крепкую руку Иосифа, что поддерживала ее — широко улыбнулась.

На набережной было шумно. Марта, посмотрев на темные очертания Дуврского замка на холме, на белые, меловые утесы, что поднимались над гаванью, хмыкнула: "Десятого июля, говоришь, все начнется? Две недели осталось, вовремя мы уезжаем, ничего не скажешь".

Федор присел и показал Тедди корабль: "Видишь? "Майская королева", на ней мы и поплывем до Кале. Погода хорошая, скоро уже будем во Франции".

— Багаж уже погружен, — вспомнила Марта, — только зачем Джон мой пистолет забрал? Сказал, встретимся у оружейника, — она вытащила из жилетного кармана изящный, золотой хронометр. Щелкнув крышкой, девушка попросила: "Погуляй с Тедди тут, пожалуйста, я скоро вернусь. Можете к морю спуститься".

— Море! — мальчик захлопал в ладоши. Федор улыбнулся, провожая взглядом тонкую, стройную фигуру женщины. "Мы, старина, — сказал он мальчику, — сейчас с тобой босыми ногами по воде пошлепаем, она теплая совсем".

Тедди улыбнулся, показывая крепкие зубки. Прижавшись к Федору, мальчик обхватил его пухлыми ручками. "Вот и сын тебе, — усмехнулся мужчина, идя по деревянной лестнице. "И Майкл, у Питера — тоже сын. Скажи спасибо, Федор Петрович, что хоть так получилось".

Он снял с мальчика чулки и стал водить его по мелкой, прозрачной воде.

Марта увидела его издали — Джон стоял, прислонившись к деревянному ограждению набережной. Светлые, коротко стриженые волосы шевелил ветер. Из кармана сюртука, — присмотрелась Марта, — торчала рукоятка пистолета.

Джон, так и не поворачиваясь, усмехнулся: "Я с собой оружие не брал. Слава Богу, для того я и работаю, чтобы по стране можно было ездить спокойно".

— А Шотландия? — поинтересовалась Марта. "Хотя да, вы же там всех горцев депортировали, в том числе и к нам, в колонии".

— И будем продолжать, — Джон пожал плечами, — у нас одно государство, и для всех существуют одни законы, вне зависимости от того, где они живут — в Англии или в Шотландии. Пусть уезжают в колонии, если им тут не нравится, ирландцы, — он кивнул на запад, — уже давно к вам стали перебираться. Скатертью дорога, как я говорю.

Он внезапно улыбнулся и, взглянул в зеленые глаза женщины: "Нет, она не такая. Она Теодора на место поставила, и правильно. Молодец девочка".

— Я решил вам сделать подарок, — Джон протянул ей пистолет. Марта прикоснулась к золотой табличке: "Semper Fidelis ad Semper Eadem. A.D. 1600". "Вечно верной, от вечно неизменной", — прочла она.

— Королева Елизавета, — Джон почему-то откашлялся, — подарила миссис де ла Марк пистолет, когда той пятьдесят лет исполнилось. Потом миссис де ла Марк передала его своей внучке, герцогине Экзетер, ее Белла звали.

— Дочь Ворона, — Марта кивнула. "Я помню". От него пахло лесом и дымом. Девушка, на мгновение, опустив ресницы, глубоко вздохнула.

— С тех пор, — Джон повертел в руках пистолет, — он и был у нас в семье. Он очень старый, — герцог улыбнулся, — из них сейчас уже не стреляют. А у вас — он ласково погладил изящную, с резьбой по слоновой кости рукоятку, — отличный образец.

— Это работы Дерринджера, — Марта вспомнила, что ей говорил Дэвид, — у нас в Виргинии, в Ричмонде есть такой оружейник. Мой покойный…, - женщина запнулась, — отец Теодора, с ним дружил. Еще, — Марта посмотрела на Джона, — из этого пистолета Мэтью убил моего отца. А я — убью из него Мэтью, я обещала.

— И выполните свое обещание, — Джон вложил оружие в ее руку. "Я велел снять табличку и перенести ее на ваше оружие. Вы все-таки…"

— Я ее потомок, — Марта легко улыбнулась. "Как Питер. Седьмое колено. А вот вы, мистер Джон — восьмое".

— Зато у нас с Питером есть кровь Ворона, а у вас и Теодора — нет, — Джон вскинул бровь и велел: "Пойдемте, вон, молодежь наша возвращается, я их бот вижу".

— Спасибо вам, — внезапно сказала Марта. "За все спасибо".

Он вдохнул запах жасмина: "Хоть с ними отправляйся. Да что это ты, — одернул себя Джон, — совсем разум потерял".

— Квартира тебе снята, — сухо продолжил Джон, — на рю Мобийон. Это за две улицы от Теодора, он на площади Сен-Сюльпис живет, прямо рядом с церковью. Святые отцы, — тонкие губы улыбнулись, — не хотят его выпускать из-под присмотра. О комнатах твоих позаботилось посольство, но в остальном, помнишь, как я тебе говорил — мы сами по себе. Так безопасней.

Марта внезапно остановилась. Из-под треуголки выбилась бронзовая прядь. Женщина накрутила ее на палец: "А вас когда ждать, мистер Джон?"

— Приеду, — пообещал он ворчливо: "Пошли, нас ждет истинно английский обед, такого на континенте вы не попробуете — пирог с почками, лимонад из одуванчика с лопухами и земляника со сливками".

Марта рассмеялась. Убрав пистолет, она зашагала к причалу — рядом с Джоном.

Маленький Джон помахал рукой "Майской королеве". Он положил руку на оправленный в золото медвежий клык, что висел у него на шее: "И крест свой Джо — тоже сняла. Да какая разница — она как была мне сестрой, так и останется".

Он искоса взглянул на отца, — тот стоял, засунув руки в карманы темного сюртука, смотря на медленно удаляющиеся паруса корабля.

— Каждая лодка в море, — вдруг подумал герцог, — как это он там писал, — каждая лодка на море, — будто звезда в небе. Они идут своим курсом, повинуясь воле человека, а нам, тем, кто стоит на берегу, остается только следить за ними. Он, конечно, был прав.

Мужчина повернулся к сыну, и обнял его: "Хочешь на меня немного поработать, до Кембриджа? А то я тебя днями не вижу, и скучаю, Джон. Но предупреждаю, — будешь бумаги разбирать, или гонцом побегаешь.

— Папа, — юноша прижался щекой к его плечу, — ты еще спрашиваешь. Не грусти, мы Джо увидим, через два года.

— А ее? — спросил себя герцог. "Да оставь, ничего из этого не выйдет".

— Клык тебе Джо отдала, — заметил Джон, когда они уже шли к постоялому двору. Сын покраснел. Герцог, улыбнувшись, потрепал его по голове: "Будь его достоин. Пошли, попьем кофе. Мне еще с комендантом порта надо встречаться — будем укрепления осматривать, на всякий случай. И ты, конечно, тоже с нами, — усмехнулся Джон, увидев глаза сына.

Уже приоткрыв дверь таверны, Джон посмотрел на восток, — темная туча вставала над морем, кусты в палисаднике шумели под ветром. Взглянув на белые лепестки, что кружились в воздухе, он подумал: "Вот и жасмин отцвел".

Часть одиннадцатая

Париж, лето 1778

В уборной пахло розами, пудрой, гарью от потрескивающих свечей в серебряных подсвечниках. Тео сидела у зеркала, медленно, аккуратно закалывая шпильками высокий, громоздкий парик.

— О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя? —

смешливо пробормотала она.

— От маркиза де Лануа, — Жанна просматривала письма, что лежали на подносе севрского фарфора. "Я потерял покой и сон..., дальше как обычно. Предлагает тебе стать его содержанкой".

Тео полюбовалась собой. Откинув голову, девушка вздохнула: "Он, и еще половина Парижа. Сегодня у нас обедает, этот юный гений, месье Моцарт. И граф д’Артуа".

— Он скоро к нам переселится, — хихикнула Жанна. "Когда ты ему уже откажешь?"

— Он младший брат короля и лучший друг ее величества, — гранатовые губы улыбнулись. "Я буду привечать его, дорогая моя, это полезно для карьеры. Ты же знаешь, — Тео наклонилась и ласково поцеловала белый лоб, — мне никого другого, кроме тебя, не нужно. Обед в полночь. Ты езжай после второго акта, посмотри, чтобы все было в порядке, хорошо?"

Жанна кивнула и прижалась щекой к смуглым, длинным пальцам.

— Люблю тебя, — тихо сказала Тео. Жанна, услышав звук гонга — перекрестила ее.

Тео остановилась за кулисой. Вдыхая запах пыли, слушая, как оркестр, настраивает скрипки, как усаживаются на свои места зрители, она закрыла глаза.

— Решенье принято, мой добрый Терамен, — пробормотала она, — покинуть должен я столь милый мне Трезен…". Она прислонилась к колонне. Переплетя унизанные перстнями пальцы, она стала ждать уже таких знакомых слов: "Ваш выход, мадемуазель Бенджаман".

В ложах бенуара было шумно, дамы переговаривались друг с другом через барьеры, шуршали пышные, шелковые юбки. В открытые двери были видны мальчишки, что шныряли по коридорам театра, разнося лимонад, апельсины, конфеты и записочки.

— Боже! — ахнула одна из дам, рассматривая в инкрустированный перламутром бинокль, мужчину, что, открывая дверь ложи напротив, пропустил вперед свою спутницу. "Глазам своим не верю, это же месье Корнель! Первый раз вижу его в театре".

Ее соседка томно обмахнулась веером: "Я ходила на его публичную лекцию, с химическими опытами. Только я, как и все дамы на галерее, смотрела не на опыты, а на него. Какой он все-таки красавец! И герой, говорят, когда он работал на шахтах в Германии, он спас людей из-под завала". Дама подалась вперед: "Неужели он женился? Посмотри, Франсуаза".

Молоденькая женщина в роскошном платье темно-зеленого шелка, отделанном каскадом брюссельского кружева, с высокой прической из бронзовых волос — переплетение кос было украшено жемчужными нитями, качнула изящной головой. Рассмеявшись, поманив к себе мужчину, она что-то шепнула ему на ухо.

— Держу пари, что это не жена, — тихо сказал своему приятелю один из молодых людей, что стояли в партере, разглядывая дам. "Уж больно она ослепительна, даже глаза болят. У меня друг слушает курс у этого Корнеля. Он сейчас в Лондон ездил, должно быть ее оттуда привез. Повезло ему, ничего не скажешь".

Марта развернула веер и едва слышно сказала Федору: "Боюсь, я разбила надежды твоих поклонниц, дорогой. Все дамы смотрят на меня с ненавистью".

— А все мужчины, — с обожанием, — он осторожно откинулся на спинку бархатного дивана, и, щелкнув пальцами, принял от мальчишки программку: "Так и надо. Наш друг аббат прислал записку — через пару дней будет в Париже".

— С удовольствием встречу его, — Марта оскалила мелкие зубы. Очистив апельсин, она вытерла пальцы шелковой салфеткой: "Слугам, конечно, этот Корвино платить будет, рано или поздно. Ничего, шифры я помню наизусть, дома ничего подозрительного нет. А что я в парке Тюильри с Тедди буду гулять два раза в неделю, с одиннадцати утра — так я же мать, мне положено, — женщина усмехнулась. "Уж с кем я столкнусь там, в толпе — это вообще никак не проверить".

— А кто играет? — поинтересовалась Марта. "Я даже на афиши не успела посмотреть".

— Восходящая звезда, мадемуазель Бенджаман, — ответил Федор, передавая ей программку. "Говорят, за ней ухаживает младший брат короля, граф д’Артуа. Граф ее увидел в Версале,

когда она читала монологи Федры их величествам, и влюбился, с первого взгляда".

— Мадемуазель Тео Бенджаман — прочла Марта и замерла. "Пойду к ней в уборную, после спектакля, — решила женщина. "Господи, два года мы не виделись".

— Третий гонг, — заметила Марта. Закинув ногу на ногу, услышав начало увертюры, она взяла свой бинокль.

— Но зная, что на смерть осуждена я роком,

Ты не тревожь меня ни стоном, ни упреком,

Не отговаривай, не вздумай помешать

И гаснущий костер не тщись раздуть опять, -

высокая женщина откинула назад голову, на смуглых щеках заиграл румянец. Она, величественным жестом отстранив Энону, подойдя к рампе, застыла. Зал взорвался аплодисментами, на сцену полетели букеты цветов. Марта, хлопая, незаметно взглянула на Федора. Он сидел, закрыв глаза, и вдруг спросил: "Где там этот мальчишка? Позови его, Марта, пожалуйста".

— Невозможно, — сказал себе Федор. "Господи, да бывает ли такая красота? Она, как те статуи, что я в Летнем саду видел. Как будто все померкло перед глазами, и нет никого, кроме нее. Белые розы, — сказал он вслух и Марта вздрогнула: "Что?"

— Мне нужен букет белых роз. Я сейчас, — Федор вышел из ложи. Марта, проводив его глазами — едва заметно улыбнулась.

Он вернулся с цветами. Опустившись в свое кресло, мужчина тяжело, болезненно вздохнул. "Побледнел-то как, — поняла Марта.

Она была одна на сцене театра, она играла для него, для него одного и знакомые слова Расина тоже, — были написаны только для него. "Так с Марьей было — я только на нее смотрел, и никого другого вокруг не видел, — подумал мужчина. "Тео ее зовут. Какое имя красивое. Тео. Хоть бы никогда этот спектакль не кончался".

Когда она, сильным, низким голосом простонала:

— Уж небо и супруг, что так поруган мною,

От глаз туманною закрыты, пеленою, -

То смерть торопится во мрак увлечь меня,

Дабы не осквернял мой взор сиянья дня..., -

и упала на руки прислужнице, когда Тесей закончил свой монолог, когда она выходила к публике, — улыбаясь, раскланиваясь, купая ноги в букетах, что лежали на подмостках, когда бархатный, тяжелый занавес задернули, Федор уже знал, что любит ее. Что будет любить всегда.

— А цветы? — услышал он голос откуда-то издалека. Марта стояла. Он, покраснев, поднявшись,

наклонив голову, — ложи были низкими, — тихо сказал, все еще смотря на сцену:

— Да это так, ерунда. Тебе их подарю. Все равно…, - он махнул рукой. Марта, рассмеявшись, велела: "Идите за мной, месье Корнель".

У двери уборной стояли два совершенно одинаковых, крепких парня в темных, распираемых мощными плечами, сюртуках.

— Нельзя, — сказал правый, делая шаг вперед.

— Я бы хотела видеть мадемуазель Бенджаман — Марта ослепительно улыбнулась. "Мы давние подруги, месье".

— Всех просителей принимает мадемуазель Жанна де Лу, личный секретарь мадемуазель Бенджаман, — отчеканил левый парень. "Ее сейчас нет в театре, поэтому прошу извинить, — он развел руками.

— Де Лу, — застыв, подумала Марта. "Господи, неужели". Она поймала тоскливый взгляд Федора, устремленный на дверь, и рассмеялась: "А с мадемуазель де Лу мы вообще — родственницы. Вот моя визитная карточка, — Марта вынула из бархатного мешочка на запястье квадратик атласной бумаги, — передайте ее, пожалуйста, мадемуазель Бенджаман.

— Мадам Марта де Лу, рю Мобийон, 7, - недоверчиво пробурчал левый парень и велел: "Робер, присмотри тут".

Он исчез за дверью. Марта смешливо подумала: "Даже охрану завела, ее наверняка — посетители осаждают".

— Господи, — Федор посмотрел на цветы у себя в руках, — что я ей скажу? Что полюбил ее с первого взгляда? Ей это все говорят, должно быть. Да и кто я рядом с ней? Ну, ученый, вторая книга выходит, а она — великая актриса, — он вздохнул и услышал тихий шепот Марты: "Просто подари цветы, и все. Не бледней так, пожалуйста".

— Марта! — раздался восторженный голос. "Марта, милая моя, ты в Париже!"

Запахло розами. Федор едва не пошатнулся — она уже сняла грим, и была совсем рядом, — высокая, смуглая, с темными волосами, падающими тяжелой волной на плечи. Глаза ее — чудные, огромные, черные, — сияли золотистыми искорками.

— Как звездное небо, — еще успел подумать мужчина, а потом они оказались в уборной. Марта, оторвавшись от Тео, лукаво кивнула в его сторону: "Позволь тебе представить, мой лучший друг, месье Теодор Корнель. Он преподает в школе Дорог и Мостов".

Он едва успел промолвить: "Мадемуазель Бенджаман…, - как Тео, приняв цветы, улыбнулась гранатовыми губами: "Мои любимые, месье Корнель, спасибо вам большое".

— Завтра же в цветочную лавку, — велел себе Федор, — и пусть ей каждую неделю присылают белые розы. Буду их дарить, пока я жив.

— Вы должны у меня пообедать, — Тео наклонилась. Обняв Марту, актриса всхлипнула:

— Господи, я ведь и не чаяла уже. Я ведь тоже, месье Корнель, — она вытерла глаза кружевным платком, — из колоний, как и Марта. Я ее еще до замужества знала. Мы сегодня

ждем месье Моцарта, этого юного композитора из Австрии, он сейчас гостит в Париже, и графа д’Артуа. Так что поехали"

— Мы, — с болью в сердце подумал Федор. "А что ты хотел — она наверняка, с кем-то живет. Все равно, — вдруг разозлился он. "Мне бы только рядом с ней быть, и ничего мне больше не надо".

— Мы совсем близко, — Тео посмотрела на визитную карточку, — на набережной Августинок. У меня отличный вид на реку и Нотр-Дам. Со мной живет моя секретарь, — она улыбнулась, — мадемуазель Жанна. Она и моей гардеробной заведует.

— А это кто? — Марта озорно кивнула за дверь.

— Робер и Франсуа, — Тео усмехнулась, — мои охранники. Раньше другими делами промышляли, как понимаешь, — она подняла ухоженную бровь.

— Месье Корнель, — она повернулась к Федору, — я украду Марту, ненадолго. Мы отправимся в моей карете. Нам надо поговорить, мы давно не виделись, — Федор увидел, как блестит золотой крестик на смуглой, нежной коже в начале груди. Он, покраснел: "Что вы, мадемуазель Бенджаман, я понимаю. И спасибо за приглашение на обед".

— Просто Тео, — она протянула руку. "И запомните — друзья Марты, — мои друзья".

Он прикоснулся к горячим пальцам. Вздрогнув, не в силах отвести от нее взгляда, Федор проговорил: "Спасибо, мадемуазель Тео".

— Граф д’Артуа, — подумал Федор, усаживая женщин в карету. "Очень хорошо, что он там будет. Граф, хоть и шалопай изрядный, но много знает — близок к королеве. Только ведь я сейчас ни о чем, ни о чем другом думать не могу, кроме нее".

Он проследил за охранниками, что встали на запятки. Федор свистнул наемному кучеру: "Ты поезжай за ними, и жди нас там. Я пешком пройдусь, тут недалеко".

— Хоть голова проветрится, — Федор усмехнулся и посмотрел в темное, уже ночное небо. "Ну, сделаю я ей предложение, так ведь она его не примет. И потом, в Россию я возвращаться пока не могу. Да и не поедет она в Россию, что ей там делать? Пошло оно все к черту, — мрачно сказал себе Федор, — как будет, так и будет. Я просто не могу жить без нее, вот и все".

Стало чуть легче. Он, улыбаясь, засунув руки в карманы сюртука, — направился к набережной Августинок.

В карете пахло розами. Тео, найдя руку Марты, горько сказала: "Я же тебе записку оставила, тем утром, когда убегала из усадьбы, предупредила о Мэтью".

— Меня тогда доктор опиумом накачал, не сомневаюсь, — вздохнула женщина, — когда я проснулась, никакой записки уже не было. Ну и вышла, — у тонких губ легла складка, — за Мэтью. У алтаря стояла с ним, а брачную ночь провела с мистером Дэвидом. А дальше, — Марта махнула рукой, — тоже…, И вспоминать не хочу. Зато Тедди у меня замечательный малыш. Ты придешь ко мне и увидишь.

— Значит, Мирьям так и пропала, — Тео смотрела на факелы, что горели на стенах домов. "Господи, бедная девушка, она же мне тогда так помогла. Потом Дэниел и Хаим обо мне

позаботились, и миссис Франклин тоже. А Хаима уже нет, — Тео стерла слезинку. Марта мрачно вздохнула: "Его Кинтейл убил, скальп с него снял. И он же — Мирьям похитил. Теперь и не найти его, наверное".

— Как и Мэтью, — Тео переплела свои смуглые пальцы с белыми, нежными пальцами Марты. "Мне так жаль, так жаль, милая, твой отец..., И эти несчастные, которых Мэтью убил...".

— Мэтью я найду, — Марта раздула тонкие ноздри. "Я обещала, и я это сделаю. Зато Салли, — она оживилась, — сбежала, я ее до Бостона довезла. Она повенчалась с Натаниэлем".

— Слава Богу! — Тео перекрестилась. "Хоть кто-то счастлив. Впрочем, ты, — она подмигнула Марте, — тоже счастлива, наверняка. Такой красавец этот месье Корнель, и ученый известный. Я о нем от мистера Бенджамина Франклина слышала, они друзья".

— Вот и мы, — Марта подтолкнула ее, — с месье Корнелем — просто друзья. Мы в Лондоне познакомились. А что с твоим сердцем? — она испытующе посмотрела на Тео.

Та вспомнила темную каюту и ласковый, нежный шепот Меира: "Ты самая лучшая, самая красивая, Тео, спасибо, спасибо тебе".

— Она поймет, — подумала женщина. "Не может не понять".

— Я люблю Жанну и она меня, — просто ответила Тео. "Только это..., - она внезапно покраснела. Марта мягко сказала: "Я и не слышала ничего. А вы с Жанной приходите ко мне, познакомитесь с Тедди, устроим девичий завтрак, — Марта рассмеялась. Тео, обняв ее, шмыгнула носом: "Мы с тобой в четыре руки поиграем, как в старые времена. Месье Моцарт обещал новые ноты принести".

— Я Жанне наше родословное древо покажу, — добавила Марта, — раз она де Лу, то значит — наша родственница. Я в Лондоне со своей семьей познакомилась.

— Да, — Тео улыбнулась, — она мне говорила, что ее предок — как раз из Квебека во Францию приехал.

— Анри де Лу, — уверенно сказала Марта, вспомнив записи. Тео добавила: "Мать ее, не поверишь, была английская леди, леди Анна Пули".

— Вот оно, значит, как — усмехнулась женщина: "Вот все и нашлись. Кинтейл тоже — родственник нам, кто бы мог подумать. Иосиф и Джо еще на Святой Земле посмотрят — что там за семья. А мы с этой Жанной в пятом колене кузины".

Карета остановилась у изящного, трехэтажного дома, выходящего окнами на Сену. Тео, указав на большой балкон, рассмеялась: "Приведешь к нам маленького, будем сидеть там, пить кофе и болтать".

В окнах уже горели свечи. Тео сказала: "Сегодня суп холодный, из спаржи, форель под белым соусом и земляника. Такая жара, что не хочется ничего тяжелого. И вино, конечно, у меня отличный погреб".

— Вот и Теодор, — Марта помахала рукой мужчине: "Не стану ему говорить. Не мое это дело, да я Тео обещала — тайну хранить. Пусть будет, как будет".

На белоснежной, кружевной скатерти бегали, метались отблески свечей — окна были

распахнуты. Теплый, легкий ветер с Сены заставлял пламя чуть колебаться.

— Вы можете быть совершенно спокойны, месье Корнель, — граф д’Артуа выпил вина, — никто не собирается атаковать Британию и разорять научные коллекции в музеях. То, что мы объявили войну — не более, чем жест поддержки наших союзников, колонистов. Все действия будут вестись в Северной Америке.

— Надеюсь, не в моем родном Квебеке, — вздохнула Марта и отложила вилку. "Я ведь до трех лет была подданной Франции, ваша светлость. Это потом Акадия отошла Британии".

— Нет, нет, — младший брат короля поднял холеную ладонь, — начнем с того, что мы просто ответили на демарш короля Георга. Он ведь первым объявил нам войну, еще в марте. Во-вторых, мы пока посылаем в колонии только флот. Если Британия решит его перехватить, — его светлость развел руками, — тогда мы, конечно, будем сражаться.

— Из Бреста? — поинтересовался Федор, спокойно глядя в серые глаза д’Артуа. "В Лондоне, знаете ли, ваша светлость, ходят слухи о высадке французских солдат. Я ведь вернулся оттуда за две недели до начала войны".

— Флот выйдет из Бреста, да, — рассеянно сказал брат короля. "Дней через десять, по-моему. А десант, — он вдруг расхохотался, — мы решили не переправляться через Па-де-Кале. Пусть Британия живет спокойно. Мы возьмем свое на полях морских сражений".

— Не сомневаюсь, ваша светлость, — уверенно заметила Тео. Она поймала спокойный, испытующий взгляд зеленых глаз Марты. Женщина слегка покраснела: "Месье Корнель, я понимаю, почему вы так беспокоитесь о научных коллекциях. Мне мадам де Лу рассказала — у вас вторая книга выходит, по геологии".

— Да, — Федор внезапно понял, что не слышит ничего вокруг, кроме ее голоса, — да, мадемуазель Бенджаман, я как раз, вернувшись из Лондона, сдал рукопись в типографию. Только это, наверное, никому, кроме нас, инженеров и ученых, — неинтересно.

— Отчего же? — граф д’Артуа поиграл серебряным ножом. "Я читал о паровых машинах Уатта — за ними будущее, месье Корнель. Они уже сейчас работают на шахтах, так что нас ждет революция в производстве. Нам надо догонять англичан".

— Он, конечно, шалопай, — Марта усмехнулась про себя, — но голова у него неплохая. Что там, в досье было? — она, незаметно, прикрыла глаза. "Его женили в шестнадцать лет, на этой дурнушке, Марии-Терезии Савойской, она еще и старше его была. Сейчас ему двадцать один, двое сыновей, с женой живет раздельно. "Многие красавицы к нему благосклонны, — вспомнила Марта тихий голос Джона и усмехнулась:

— Ваша светлость, я уверена, что Франция станет колыбелью многих научных открытий. В конце концов, именно эта страна подарила миру Декарта, Лагранжа и Бюффона.

— Лагранж работает в Берлине, — заметил Федор, — я занимался с ним, когда жил в Германии.

— Его величество, — граф д’Артуа улыбнулся, — непременно озаботится тем, чтобы обеспечить месье Лагранжу достойный прием, когда он решит вернуться во Францию. В конце концов, он — наше национальное достояние. А вы интересуетесь наукой, мадам де Лу, — одобрительно добавил он.

— Разумеется, — Марта подняла бровь. "Одна из женщин моей семьи была натуралистом, описывала флору и фауну Акадии. Вот, — она выложила на стол, переплетенный в старую, потрепанную кожу томик, — это ее труды. Они изданы в Париже, в 1620 году".

— Хорошо, что я их у Питера в библиотеке увидела, — вдруг подумала женщина, — вот и пригодились.

— Месье М.Л., - протянул граф д'Артуа.

— Мари де Лу, — улыбнулась женщина. "Мы с мадемуазель Жанной родственницы, только дальние". Марта посмотрела на девушку, что сидела на противоположном конце стола: "Она тоже — никого кроме не Тео, и не видит. Господи, вот же их угораздило".

— Я могу одолжить эту книгу? — попросил брат короля. "Я бы хотел, мадам де Лу, показать ее их величествам — они непременно заинтересуются. Это сейчас женщины стали издаваться, а в те времена — такое редко случалось".

— Я буду польщена, ваша светлость, — ласково сказала Марта.

Слуга открыл дверь. Они услышали веселый, звонкий мужской голос: "Прошу прощения, прошу прощения, публика не отпускала. Впрочем, вы, мадемуазель Бенджаман, с этим знакомы не понаслышке".

Невысокий, легкий, белокурый юноша оглядел стол. Щелкнув пальцами, он велел: "Две чашки кофе на фортепиано, и чтобы все, — голубые глаза заискрились смехом, — все меня слушали. Пока я ехал сюда, я кое-что придумал".

Он выпил залпом поднесенный слугой кофе и махнул рукой: "Представимся потом, ненавижу терять время на светские условности. Музыка важнее".

— Месье Вольфганг Амадей Моцарт, — зачарованно, тихо, сказала Тео, глядя на то, как он устраивается за фортепиано палисандрового дерева. "Ты ведь играла его сочинения?"

— Да, — едва слышно ответила ей Марта. "Только никогда не слышала его самого…"

— Когда он там, — Тео указала глазами на фортепиано, — даже и не думаешь о том, что можно самой за него сесть. Не представляешь.

Федор слушал, закрыв глаза: "Как будто рассвет. Самое раннее, самое нежное утро. Как будто просыпаешься и видишь ее рядом с собой. Целуешь ее глаза, еще закрытые, ресницы дрожат, и она обнимает тебя — сонная, теплая, вся, вся твоя".

— Это анданте моей новой симфонии, — Моцарт, закончив, так и не отрывал пальцы от клавиш, — она называется "Париж". Ее уже исполняли, но я кое-что доработал. А теперь, мадемуазель Бенджаман, — он расхохотался, — дайте мне хотя бы земляники, если я опоздал к супу.

Жанна проводила гостей. Закрыв дверь, вернувшись в гостиную, она прислонилась к косяку двери — Тео стояла у большого окна, глядя на еще темный силуэт Нотр-Дам.

— Ты с ней кокетничала, — злым, обиженным голосом сказала девушка. "Я видела, не отрицай. Вы переглядывались за моей спиной. Нашлась тоже родственница на мою голову, хоть бы она и не приезжала из своего Квебека!"

Тео устало вздохнула. Подойдя к Жанне, поцеловав ее, женщина улыбнулась: "Марта моя лучшая подруга, милая. Вот и все. И она знает о нас, знает, и никогда ничего не скажет. Ей можно доверять, любые тайны. Я тебя очень люблю, тебя одну, и так будет всегда. Не ревнуй".

Жанна потянулась и обняла ее: "Ты такая талантливая, умная, и Марта тоже — зачем я тебе нужна. Уходи к ней".

Тео расхохоталась и стала вынимать шпильки из красиво уложенных, белокурых волос Жанны:

— Вот я ей — точно не нужна. В этом смысле, конечно. А ты у меня — самая красивая, — она зарылась лицом в пахнущие лавандой кудри: "Пойдем в постель, любовь моя, я уже, и соскучиться успела. На следующей неделе навестим Марту и познакомимся с ее мальчиком, Тедди его зовут".

— Ты меня никогда не бросишь? — жалобно, спросила Жанна, чувствуя, как Тео распускает шнурки у нее на корсете.

— Я всегда буду с тобой, — Тео подняла ее на руки: "Не протестуй, я, когда еще прислужницу в "Федре" играла, мне все эти толстухи в объятья падали — каждый день. Попробуй не удержи, сразу жаловаться побегут. А ты у меня легкая, как птичка".

Жанна счастливо улыбнулась и прижалась головой к ее плечу: "Люблю тебя!".

Карета медленно ехала по набережной Августинок. Марта зевнула:

— Месье Моцарт играет у меня на следующей неделе. Пригласи своих приятелей из масонских лож, а я приглашу Тео — она позаботится об актрисах. Всегда приятно, когда в доме много красивых женщин. Тео на американцев работает, кстати, — безмятежно добавила Марта.

Федор даже закашлялся.

— Не так, как мы, — тонкие губы улыбнулись, — однако, она мне говорила, что хорошо знакома с Франклином. Он все-таки посол колоний во Франции. Впрочем, нас это не интересует, Джон велел узнавать только то, что касается непосредственно Британии и Европы.

— Именно, — сварливо сказал Федор, — только почему-то ты вбила себе в голову, что этот самый отец Джованни в Картахене — тот самый Джованни ди Амальфи. Я же помню, ты всю дорогу от Кале сюда об этом жужжала. Вот это точно — ни Британии не касается, ни Европы.

— Это касается семьи, — спокойно сказала Марта, разглядывая серую, предрассветную Сену. "А то, что ты мне говорил, мол, повесили его — так посмотри, и об Иосифе думали, что он мертв, и о тебе — а вы оба живы, здоровы и в женщин влюбляетесь, — Марта подтолкнула Федора в плечо.

— Ладно, — он вздохнул, — попробую что-нибудь узнать у аббата, когда он появится. И о том, что с моим братом случилось — тоже.

Они вышли на рю Мобийон. Федор, расплатился с кучером: "Езжайте, я отсюда пешком доберусь".

Он проводил Марту наверх. Та подняла бровь: "Наверное, на набережную Августинок вернешься".

Федор покраснел: "Пройдусь, подышу воздухом". Марта только улыбнулась и перекрестила его.

Дома было тихо, слуги спали. Марта, пройдя через анфиладу золоченых комнат, заглянула в детскую — Тедди сопел, уткнувшись в подушку, няня дремала на кушетке у окна.

В ее спальне пахло жасмином. Джо лежала, пристроив темноволосую голову на сгибе руки. Она зевнула, приподнимаясь: "Мы гуляли, с Иосифом и Аароном, целый день и вечером тоже. Тут так красиво, Марта, как в раю".

— Вот и спи, как в раю, — женщина наклонилась и поцеловала белый лоб. Джо натянула на себя парчовое одеяло и свернулась в клубочек. Марта прошла к туалетному столику орехового дерева, расписанному цветами. Открыв фарфоровую шкатулку, она взяла тонкую сигарку.

В гардеробной она скинула платье, завернувшись в шелковый халат. Распустив прическу, собрав волосы на затылке, Марта прошла на кухню.

Сварив себе кофе, она закрыла дверь кабинета. Распахнув створки окна, устроившись на широком, каменном подоконнике, она посмотрела на рю Мобийон. Марта выпустила клуб дыма. Залпом, осушив чашку, придвинув к себе серебряную чернильницу, взяв лист бумаги, женщина стала покрывать его рядами цифр.

Закончив, она взглянула вниз — черная, закрытая карета с багажом на крыше завернула за угол улицы, направляясь к площади Сен-Сюльпис.

— Вот, должно быть, и аббат Корвино, — задумчиво пробормотала Марта, обхватив колени руками, щурясь от солнца, что вставало над крышами Парижа.

Хозяин тира снял картонные мишени. Разложив их на деревянном прилавке, он одобрительно улыбнулся: "Просто отлично, месье, если бы вы мне не сказали, что вы врач, я бы подумал, что имею дело с офицером".

Иосиф вытер руки холщовой салфеткой и сказал невысокому, некрасивому человеку, что стоял, прислонившись к прилавку: "Вот видишь, Жан-Поль, а ты мне не верил. Мы, когда с месье Горовицем по джунглям бродили, пришлось еще из лука стрелять научиться. Порох надо было беречь".

В тире пахло гарью, свежими опилками, сквозь деревянную, щелястую крышу светило полуденное солнце.

— Помотало тебя немало, конечно, — Марат присвистнул, — и опять куда-то едешь. Обосновался бы уже на одном месте, Жозеф.

Иосиф хмыкнул и взял у хозяина свой сюртук: "Сейчас вернемся со Святой Земли и осядем в Амстердаме, вернусь личным врачом к штатгальтеру, и в университете начну лекции читать, как раньше".

Они вышли на посыпанный песком двор, и Марат, принимая от слуги поводья, неодобрительно заметил: "Я думал, ты в колониях останешься. Сейчас это единственное место, где евреи имеют такие же гражданские права, как и все другие. Я слышал, они даже в армии служат".

— Моя сестра, Эстер, — Иосиф вскочил в седло, — была замужем за капитаном Хаимом Горовицем, он был военный медик. Погиб в битве при Саратоге. Так что, — он вздохнул, — она

там будет жить, в Америке. А я обещал своей невесте не увозить ее от семьи.

— Когда-нибудь, — задумчиво сказал Марат, трогая свою лошадь, — и у нас будет так же, обещаю. Тут, во Франции. Евреи станут полноправными жителями страны, смогут воевать, голосовать…

— За кого голосовать? — Иосиф расхохотался, — у вас же монархия. У вас даже парламента нет, мой друг.

— Это пока, — темные глаза Марата блеснули холодом, — пока, Жозеф. Очень скоро тут все изменится.

— Все революции, — сказал Иосиф, когда они выехали на широкую, полную всадников, тенистую аллею, — заканчиваются одним и тем же — кровью. Впрочем, — он повернулся и посмотрел на упрямое лицо Марата, — ты это знаешь, я думаю. Ваши разговоры у "Прокопа", — мужчина махнул рукой, — я там пару вечеров посидел, — это просто болтовня. Лучше уж лечить людей, или как мой друг, Корнель — в шахтах работать. Познакомить вас?

— Спасибо, — изысканно, ядовито ответил Марат, — мы знакомы. Я делал доклад в академии наук и позволил себе критику некоторых утверждений Ньютона. Корнель потом встал и сказал: "Господа, я не понимаю, почему мы теряем время на то, чтобы слушать человека, пойманного на подтасовке научных опытов".

— Да, — вспомнил Иосиф, — Теодор же мне рассказывал. Марат пригласил его и Франклина в лабораторию, — утверждал, что резина проводит электричество. А Теодор в этой резине потом нашел иголку. Лучше бы Жан-Поль оставался врачом, право слово, доктор он отменный.

— Вообще, — прервал молчание Марат, — я чувствую в себе призвание трибуна, народного вождя, а вовсе не натуралиста. Вот увидишь, когда третье сословие возьмет власть в свои руки, я оставлю медицину ради политики.

Иосиф придержал коня: "Очень надеюсь, что это случится, как можно позже, Жан-Поль. Очень надеюсь".

Марат только сжал губы. Он тихо заметил, оглядывая блистающую шелками и парчой череду колясок, где сидели дамы: "Когда будешь ехать в Ливорно, Жозеф, не поленись, загляни в пару деревень. Люди едят желуди и траву, а эти, — Марат сочно выругался, — на доходы от своих поместий покупают бриллианты. Долго так продолжаться не может".

— А, — Иосиф приподнялся в стременах, — вон и мадемуазель Жозефина с месье Горовицем, поехали.

— Хорошо, — вдруг подумал Иосиф, — что я ему не стал говорить о титуле Джо, а то бы он и ее стал называть паразитом. И вообще, — не надо никому знать, что она англичанка, все-таки война идет, мало ли что.

— Как вы постреляли? — лукаво спросила Джо, — в платье аметистового шелка, — поравнявшись с ними. "Теперь наша с месье Горовицем очередь, подождете нас тут?"

— Ваш жених, мадемуазель, — ответил Марат, спешиваясь, — один из самых метких стрелков, что я когда-либо встречал в своей жизни.

— Это, — Джо надменно подняла бровь, — вы еще меня не видели, месье Марат. И месье

Горовица тоже. Поехали, Аарон, — велела она по-испански.

Иосиф проводил ее глазами: "Сегодня она к этой мадемуазель Бенджаман переезжает. Марта сказала — аббат Корвино рано или поздно ее посетит, незачем ему Джо видеть. И правильно. Господи, быстрей бы уже пожениться, и как я только еще два года вытерплю".

Ведя за собой лошадь, он положил руку на плечо Марату: "Вон там есть отличная лужайка, можно посидеть на солнце".

Федор прошел по рю Фоссе-Сен-Жермен и толкнул тяжелую, деревянную дверь кофейни Прокопа. Из-за столиков поднимался сизый табачный дым, пахло кофе, шуршали газеты. Он не сразу увидел в углу знакомую, коротко остриженную рыжую голову.

— Сан с себя сняли, святой отец? — хохотнул Федор, усаживаясь за стол, оглядывая темный, строгого покроя сюртук аббата Корвино.

Тонкие, бесцветные губы улыбнулись. Пьетро, закинув ногу на ногу, поиграл трубкой: "Я получил особое разрешение Его Святейшества, мой дорогой месье Теодор".

— Не сомневаюсь, — ехидно сказал мужчина, заказывая кофе. "Не зря вы полгода в Риме болтались, даже больше".

— У меня были дела, — Пьетро закурил. Помолчав, он заметил: "Я тут позволил себе послушать разговоры, пока вас ждал. Жили бы вы в другие времена, Теодор — на костер бы пошли. Это я вашу вторую книгу имею в виду. Ее все обсуждают, хоть она еще и в типографии. Там, говорят, есть глава, где вы спорите с Библией. Это я об окаменелостях — Корвино поднял бровь и посмотрел на Федора зеленоватыми, прозрачными глазами.

Федор достал сигару. Обрезав ножом кончик, прикурив от свечи, он усмехнулся: "В семинарии, вас, разумеется, такому не учили, святой отец".

— Называйте меня просто Пьетро, — прервал его аббат.

— Инкогнито в Париже, — Федор принял от официанта кофейник. Отпив из серебряной чашки, он добавил: "Я к вам в теологию не лезу, а вы — не лезьте в геологию. И в другие науки тоже. Сделайте одолжение. Не забудьте, — он рассмеялся, — со времен Джордано Бруно и Галилея — много времени прошло".

— А ведь этот Бруно — тоже родственник, — озорно подумал Федор. "Жалко, что не кровный. Питер — его прямой потомок, надо же".

Пьетро вздохнул. Оглядев Федора с ног до головы, аббат хмыкнул: "Поездка в Лондон вам на пользу пошла. Отец Анри, — я с ним завтракал, — говорит, что еще никогда не видел вас таким отдохнувшим".

— А у вас — круги под глазами, — мстительно заметил Федор. "Право, Пьетро, раз уж вы тут без сутаны — возьмите лошадь, прокатитесь в Булонский лес, лодку наймите. Живите в свое удовольствие. Как ваша воспитанница, Анна? — внезапно спросил мужчина.

Бледные губы растянулись в подобие улыбки. "Я скоро отвезу ее в пансион, в деревне. Для слепых сирот. Девочке там будет хорошо".

— Так, — Федор вынул часы, — у меня опыт идет в лаборатории, мне надо туда вернуться. Держите, — он порылся в кармане сюртука и протянул аббату конверт, — это материалы из Лондона. Остальное, думаю, вам отец Анри уже рассказал. Мы с ним обычно встречаемся раз в неделю.

— Материалы из Лондона, — смешливо подумал Федор, глядя на довольное лицо аббата. "Руки его светлости герцога Экзетера. Пусть орден читает, пусть думает, что им передали что-то правдивое".

— Раз уж вы были в Риме, — Федор затянулся сигарой, — вам удалось что-то узнать о моем брате, а, Пьетро?

— Изабелла пропала вместе с ним, с этим Стефаном — подумал Корвино, убирая бумаги в конверт. "В одно и то же время. Сбежали они, что ли, куда-то? Непонятно. Но Теодору говорить об этом не стоит, конечно".

— Орден его ищет, — сухо сказал Пьетро. "Вы можете быть уверены — мы приложим все усилия, чтобы найти вашего брата, Теодор. Вы ведь — один из нас".

Федор затушил сигару. Понизив голос, он зло сказал: "Я не один из вас, святой отец. Я от вас деньги получаю, и поставляю вам за это информацию. Хорошую информацию, — он допил кофе: "Не думайте, что я приму сан. Хотя у вас есть способные инженеры, я слышал. Например, этот брат Джованни, — Федор пощелкал пальцами, — он, кажется, в Южной Америке работает, в Картахене. Только я забыл его фамилию".

— Как побледнел, — нахмурился Федор. "И глаза забегали. С чего бы он так?"

— Я такого не знаю, — коротко ответил аббат и закрыл глаза.

— Нет, они там все с ума сошли! — кардинал-префект Конгрегации Римской и Вселенской Инквизиции, Карло Реццонико потряс перед носом Пьетро какой-то бумагой. "Почему тебе только надо уезжать в Париж? Я бы тебя туда отправил, навести у них порядок!"

— Куда? — поинтересовался Пьетро, рассматривая свои отполированные ногти.

— В Лиму, — мрачно ответил кардинал. "Только что получил от них донесение — Реццонико опустился в кресло. Взглянув в окно, за которым курлыкались, толкали голуби, полюбовавшись куполом собора святого Петра, он усмехнулся. "Считают себя святее его Святейшества, видите ли. Лучшего инженера вашего ордена, брата Джованни — посадили в монастырскую тюрьму".

— Нарушение обета целомудрия? — спокойно поинтересовался Пьетро. Священник напомнил себе: "Надо будет по дороге домой купить те кружева, что Еве понравились. Господи, какое счастье, что она меня любит, я и не думал даже…"

— Он какой-то блаженный, в обычной жизни, — отмахнулся Реццонико, — от него не стоит такого ждать. Нет, спрашивал — чем провинились евреи, за что мы их жжем?

— Он Евангелия не читал? — смешливо поинтересовался Пьетро. Он увидел разъяренный взгляд серых, в красных прожилках, глаз кардинала.

— Да хоть бы он и сам был евреем, — сдерживаясь, сказал Реццонико, — он нужен ордену. Он нужен церкви. Кто будет строить мосты и соборы? Кто, в конце концов, будет соперничать со

светскими учеными? Ты, я, или эти дармоеды в Лиме, — кардинал грохнул кулаком по столу, — которые до сих пор считают, что Солнце вращается вокруг Земли?

— А разве нет? — невинно поинтересовался Пьетро. Оба священника расхохотались.

— Нам хорошо шутить, — желчно заметил Реццонико, — мы видели паровые машины и телескопы. Эти дураки в колониях не понимают простых вещей — если церковь не раскроет объятья для ученых, то мы проиграем, Пьетро.

— Вызовите его в Рим, — Корвино сложил кончики пальцев, — и держите под присмотром. Пусть строит здесь, пусть пишет свои труды. Так будет лучше для всех.

— Умен, — одобрительно заметил Реццонико. "Так и сделаю".

Корвино расплатился: "Я очень доволен, Теодор. Будем встречаться тут, раз в неделю. Держите, — он протянул Федору бархатный мешочек.

— Благодарю, — Федор посмотрел на часы: "Теперь мне и вправду пора идти. Школа Дорог и Мостов взлетит на воздух, если у меня пробирки перегреются. Вы где остановились? — спросил Федор, когда они уже оказались на улице.

— Снял квартиру на площади Сен-Сюльпис, — сладко улыбнулся Пьетро, — мы теперь с вами соседи. Он чуть не добавил: "Дорогой кузен".

— Всего хорошего, — Федор пожал ему руку. Глядя вслед рыжей голове, он мрачно пробормотал: "Держу пари, он уже на следующей неделе все о Марте разузнает. Да и черт с ним, пусть хоть под половицы в ее квартире залезет — ничего не найдет".

Он взвесил на руке мешочек, и, довольно хмыкнув — пошел к Школе.

Федор закрыл "Considerations generales sur la nature des acides et sur les principes dont ils sont composes" Лавуазье, и устало потер глаза:

— Конечно, Кавендиш был прав. Это вовсе не тот элемент, что обнаружили Пристли и Шееле. "Горючий воздух" — это совсем, совсем другое. Узнать бы теперь, что выделяется при его горении. Надо письмо написать, Лавуазье, по поводу разведки месторождений селитры. Я бы и сам этим с удовольствием занялся. Господи, — он взглянул на настенные, большие часы, — девять вечера. Как меня еще сторож терпит — непонятно. Завтра, — Федор с тоской взглянул на заставленный ретортами, заваленный образцами минералов стол, — все завтра.

Он посмотрел на свою грязную, пропотевшую, прожженную рубашку. Рассмеявшись, накинув сюртук, высоко неся рыжую голову, Федор спустился по широкой, мраморной лестнице. Сторож дремал на стуле. Федор, наклонился к его уху: "Можете закрывать, месье Николя. Извините меня, что я вас задержал".

— Вас дама спрашивала, — зевнул сторож. "Она во дворе ждет".

— Тео, — почему-то подумал Федор. "Это должна быть она, должна. Господи, я сейчас на колени перед ней опущусь — прямо здесь".

Во дворе шелестели платаны. Он увидел высокую, тонкую женщину, что стояла у ворот, повернувшись к нему спиной.

— Мадам… — неуверенно начал Федор. Женщина обернулась. Он услышал почти забытый, низкий голос: "Здравствуйте, месье Теодор. Это я, Ева Горовиц. Мне надо с вами поговорить".

Федор и не помнил, как добрался до рю Мобийон. Марта вышла в переднюю. Бросив один взгляд на его лицо, она велела служанке: "Мари, сварите кофе и принесите в мой кабинет".

— Тедди уже спит, — сказала она, передав Федору чашку, запирая дверь на ключ. "Джо сегодня к Тео перебралась. Так безопасней. Мало ли, вдруг аббат меня навестит, раз он приехал".

— Да что случилось? — Марта остановилась перед ним.

Федор поднял голубые глаза, — он сидел, рассматривая узор паркета на полу, — и глухо сказал: "У меня есть сын".

— Расскажи мне все, — потребовала Марта, опускаясь рядом с ним на кушетку.

Он вдохнул запах жасмина. Покраснев, Федор начал говорить. Марта смотрела на его большую, с коротко остриженными ногтями, руку: "Опять обжегся в лаборатории, видно же. Перчатки не надевает, когда с химикатами работает".

— Ему два месяца, — мрачно закончил Федор и вздрогнул — Марта застонала, поднявшись.

— Ты же умный человек! — она прошагала к столу. Распахнув створки окна, женщина устроилась на подоконнике. Она была в домашнем платье, — бежевого, расшитого цветами шелка. "Теодор, ты ученый, скептик! Как ты мог поверить первой попавшейся тебе на дороге авантюристке! Что она вообще тут делает? — требовательно спросила Марта.

— Она ведет хозяйство аббата Корвино и ухаживает за его воспитанницей, — устало ответил Федор.

— Иными словами, — ядовито заметила женщина, рассматривая купол церкви Сен-Сюльпис, — она спит с аббатом и растит его незаконнорожденного ребенка. Как ты думаешь, зачем она сюда приехала?

Федор молчал.

— За тобой, — коротко сказала Марта. "А святой отец у нас, — тонкие губы улыбнулись, — не более чем средство передвижения. Она его бросит, как только ты ее пальцем поманишь. Не зря мадемуазель Ева не поленилась притащиться из Моравии в Париж, с остановкой в Риме".

— Я еще там, в Брно…, - Федор замолчал и Марта вздохнула: "Договаривай уже".

— Она мне клялась, что это у нее в первый раз, — Федор усмехнулся. "Я ей ответил — фрейлейн Ева, кому-нибудь другому эти сказки рассказывайте. Я пока еще могу отличить проторенную дорогу от девственной тропинки".

— Мило, — протянула Марта. "Я надеюсь, ты ей обо мне не говорил?".

Федор вспомнил свой жесткий голос: "Мадемуазель Ева, я вас не люблю. Я люблю другую женщину, ее зовут Марта де Лу. Я с ней живу, поэтому будьте добры — оставьте меня в покое". "И тогда она мне сказала о сыне, — вздохнул про себя мужчина.

— Говорил, — он все смотрел на паркет. "Мне надо было хоть как-то от нее отделаться, Марта.

Она мне собиралась отдаваться прямо во дворе Школы".

Марта внезапно рассмеялась: "Ну, теперь я за свою жизнь и ломаного гроша не дам. Как говорил Конгрив: "Nor hell a fury like a woman scorned".

— Да шучу я, — она подошла к Федору и поцеловала его в лоб. "Справимся мы с твоей Евой, не волнуйся. Никакого сына там нет, поверь мне".

— Она сказала, что ребенок в деревне, у кормилицы, — мрачно заметил Федор.

— Разумеется, — хмыкнула Марта, допивая кофе, — тебе покажут рыженького младенца двух месяцев от роду. Ты расплачешься, и предложишь матери своего ребенка руку и сердце. Младенец потом умрет, какое несчастье. Маленькие дети недорого стоят, поверь мне. На том берегу, — Марта махнула рукой, — их можно на любой вкус купить. Сделаем так, — она повертела в руках перо.

Федор внимательно слушал. Потом, он улыбнулся: "Ну и голова у тебя, Марта".

Она устроилась на краешке стола: "Переночуешь здесь, рубашки твои и одежда в гардеробной висят. Завтра у меня прием, так что тебе надо хорошо выспаться. Я тебе даже кровать уступлю, — она погладила его рыжие волосы. Женщина потянула носом: "Мари сейчас ванну тебе приготовит, и сразу отправляйся в постель".

Он лежал, закинув руки за голову, смотря на полоску света под дверью гардеробной.

— Марта! — позвал Федор. "Не спишь?"

— Я сегодня виделась с графом д’Артуа, он мне книгу отдал, — донесся до него голос женщины, — и мы с ним поболтали, о том, о, сем. А ты встречался с их величествами, кстати?

— Мы ездили туда с Лавуазье, — зевнул Федор, — показывали им химические опыты. Весной еще. Марта, — он помолчал, — а мадемуазель Бенджаман…, она любит кого-нибудь?

— Пусть она сама тебе об этом скажет, — он услышал, как Марта вздохнула.

— Спокойной ночи, — добавила она. Федор закрыл глаза: "Все равно. Пусть ее весь Париж осаждает, — мне все равно. Я ее люблю, и так будет всегда".

В маленькой, уютной комнатке горела свеча. "А потом, — закончила Ева, сидя на постели, — принц и принцесса поженились, и жили долго и счастливо. Доброй ночи, милая".

— Я буду принцессой, — зевая, сказала девочка. "Да, тетя Ева?"

— Ты уже принцесса, — чуть не ответила девушка, глядя на тусклый блеск золотого медальона на белой, приоткрытой воротом рубашки, детской шее. "Ты сильнее, чем армия и флот, чем короли и полководцы. У тебя в руках гнев Господень, Анна, — вся его мощь".

— Конечно, — Ева наклонилась и поцеловала девочку в лоб.

Та подождала, пока закроется дверь. Положив руку на медальон, Ханеле тихо сказала: "Здравствуй, папа".

Там было утро, — она увидела, как отец собирается на работу, как он, достав из-за книг

красивую, с золоченой рукояткой саблю, показывает ее жене. Это была жена, Ханеле знала, — голова у нее была укрыта платком, а под просторным платьем виднелся выступающий живот.

— Не надо, — попросила она отца. "Папа, не надо, пожалуйста. Зачем ты так, это же не моя мамочка. Я скоро доберусь до тебя, и мы всегда будем вместе — только ты и я". Отец улыбнулся и, поцеловав женщину, — вышел во двор. Ханеле увидела летнее, жаркое, прозрачное небо, едва встающее над горизонтом солнце: "Что же это за город?". Язык был незнакомым — не французский, не итальянский, который она слышала в Риме, не немецкий.

— Надо туда добраться, — спокойно сказала себе Ханеле. "Вот подрасту еще немного — и поеду. Сбегу от них, — она посмотрела невидящими глазами в сторону двери. "Петля, — подумала Ханеле. "И много крови, поток, заливает все вокруг. Не хочу это знать, не буду".

Она вспомнила того человека, чье лицо ощупывала еще давно, почти год назад. "Вот у него, — Ханеле улыбнулась, — все светлое. Он сам светлый. Как папа, — она вдруг нахмурилась и пошарила в воздухе рукой.

— Не ухватить, — вздохнула девочка.

Ханеле заснула, попросив Бога показать ей мамочку.

Вместо этого она увидела раскачивающуюся на балке петлю, женщину, — покрытую ранами и синяками, с растрепанными, грязными волосами, скорчившуюся в углу какой-то пустой, мрачной комнаты, еще одну женщину — та стояла к ней спиной, а, когда повернулась, — лицо ее потекло вниз, обнажая кости. Она слышала звук выстрела, купала руки в потоке крови, и все били, били молнии, — огромные, холодные, беспощадные, освещающие белым, мертвенным светом стены того города, где жил ее отец.

Она подняла веки: "Не надо больше, пожалуйста. Не надо, прошу тебя".

— Он тут, — радостно подумала Ханеле. "Теперь все, все будет хорошо. Спасибо, Господи". Его рука была теплой и крепкой. Он присел на постель и ласково запел что-то, чуть покачивая ее, убаюкивая.

Ханеле так и заснула, прижавшись к нему, вдыхая запах свежего дерева, слушая колыбельную на незнакомом, красивом языке.

Ева стояла у окна спальни, глядя на низкий, багровый закат, висевший над церковью Сен-Сюльпис. — Марта де Лу, — спокойно подумала она. "Так тому и быть. Сначала избавлюсь от нее, потом — от Пьетро. Куплю какого-нибудь младенца, покажу его Теодору и мы обвенчаемся. Отвезу девчонку папе. После этого мы с Теодором всегда, всегда будем вместе. До конца наших дней. И у нас будут дети, обязательно".

— Любовь моя, — услышала она тихий, вкрадчивый голос сзади. "Счастье мое, как ты тут, я так скучал, так скучал, весь день я тебя не видел…"

Она почувствовала, как его ласковые руки расплетают ей косы. Повернувшись, глядя в зеленоватые, прозрачные глаза, Ева поцеловала его.

— Голубка моя, — шептал Пьетро, — нежная моя, моя милая девочка…

— Он все-таки меня очень любит, — спокойно подумала Ева, опускаясь на большую постель,

положив руки на его рыжую голову. Он встал на колени, целуя ее ноги: "Она для меня словно Мадонна. Господи, только бы она была счастлива, я ведь жизнь за нее отдам. И никогда, никогда она не узнает, о том, другом — она чистая, святая душа. Я ее никогда не оскорблю подобным".

Пьетро почувствовал, как она задрожала, как отвернула голову, прикрывшись рукавом рубашки. Он тихо попросил: "Не стесняйся, любовь моя, пожалуйста. Ты такая красивая, как ангел Божий".

— Отлично все в Риме получилось, — усмехнулась про себя Ева, оказавшись у него в объятьях.

— Рыдания, крики, кровь — не зря я курицу днем разделывала, — я даже, кажется, прямо из спальни собралась тогда на постриг отправляться, свой грех замаливать. Он ползал передо мной на коленях и умолял не бросать его. Ах, Пьетро, Пьетро, вроде и умный мужчина, но, как папа говорил — если уж они теряют голову, то можно ими вертеть, как хочешь.

Она потянулась к его губам. Прижав его к себе, Ева шепнула: "Сегодня можно, милый мой".

— Даже плачет, — смешливо хмыкнула про себя девушка, глядя на расписанный цветами потолок спальни, гладя его по спине. "Ему недолго жить осталось. Конечно, — она вдруг вспомнила ранее утро в замке, и чуть не застонала вслух, — конечно, ни Теодору, ни папе он в подметки не годится".

Ева услышала его тяжелое дыхание. Она слабо, жалобно, прошептала: "Я тебя люблю!".

Уже потом, нежась в его руках, положив голову ему на плечо, Ева рассмеялась: "Я сегодня ходила в лавки и видела этого инженера, Корнеля. Того, что ты в замок привозил, помнишь?"

— Конечно, — Пьетро приподнялся на локте и поцеловал ее глаза — большие, серые, блестящие серебром в свете свечей.

— Он был с дамой, — Ева блаженно, нежно улыбнулась. "Я потом спросила у кружевницы, она у нее тоже — постоянная покупательница. Мадам Марта де Лу ее зовут, эту женщину. Я подумала, может, тебе будет интересно".

— Очень, — Пьетро взял ее лицо в ладони. "Спасибо тебе, любовь моя. Спи, у меня еще кое-какие дела есть".

— Ночью? — зевнула Ева. Чувствуя, как он подтыкает вокруг нее шелковое одеяло, девушка довольно подумала: "Не зря я всю его переписку читаю. Теодор на него работает, с осени еще. Пьетро еще в Риме это все обсуждал — они боялись, что к Теодору подошлют кого-нибудь, женщину. Вот и подослали. Теперь мадам де Лу мне больше не помеха, Пьетро о ней позаботится. А я позабочусь о Пьетро, устрою ему несчастный случай".

Ева нашла его руку, и поднесла к губам. Пьетро, наклонившись, перекрестил ее: "Какая она красивая, Господи. Утром сделаю завтрак и принесу ей в постель".

Он вышел на площадь. Обогнув церковь Сен-Сюльпис, священник взглянул в небо — луна была огромной, бледной. Пьетро увидел в ее сиянии черные силуэты летящих птиц.

Пьетро постучал в дверь дома причта и увидел в прорези заспанные глаза отца Анри.

— Что же вы мне не сообщили, — ядовито сказал Пьетро, — что наш с вами подопечный

обзавелся дамой сердца? Вы тут сидите, и ничего не делаете, а я два дня, как приехал из Рима, и уже, как видите, выяснил это.

— Клянусь, он мне ничего..., - забормотал отец Анри.

— Так разузнайте, — зло велел Пьетро. "Мадам Марта де Лу. Она, скорее всего тут, неподалеку где-то живет, их вместе на улице видели".

Он повернулся и направился к своему дому — высокий, тонкий, в темном сюртуке. Свет луны упал на него. Пьетро, на мгновение, остановился и поднял голову к небу. "Господи, грех так и думать, — пробормотал отец Анри, вспомнив свое деревенское детство, — но ведь словно оборотень. Так и ждешь, что сейчас завоет".

Он захлопнул прорезь, и, перебирая четки — перекрестился.

— Вот тут, — сказал Иосиф Аарону, остановившись у двухэтажного дома, напротив церкви Сен-Сюльпис. На булыжниках набережной толкались голуби, ставни лавок были уже открыты, пахло свежим хлебом, медленно, размеренно бил колокол.

— Ты думаешь, она нас впустит? — недоверчиво спросил Аарон. Тут же, отвернувшись, он стал рассматривать купол церкви. Иосиф увидел высокого, рыжего мужчину, что выходил из парадного подъезда: "Вот и аббат Корвино, точно такой, как его Теодор описывал. Очень хорошо, незачем нам встречаться".

— А чего бы ей нас не впустить? — хмыкнул Иосиф, краем глаза следя за Корвино, — тот, не оглядываясь, свернул на рю Гарансьер и пошел к Люксембургскому дворцу. "У меня на руках предписание из госпиталя Отель-Дье, с печатью главного врача. По распоряжению префекта Парижа, проверка здоровья гостей города. Боимся эпидемий. Тем более, они из Италии приехали, там до сих пор чума случается".

— Так если младенец в деревне, как она говорит, — отозвался Аарон, — мы его и не найдем в квартире. А если ты ее спросишь, — она тебе соврет, что никакого ребенка у нее не было.

Иосиф погладил ухоженную, короткую бороду. Он похлопал рукой по саквояжу: "Мне соврет, а инструментам — нет, дорогой друг. Пошли, — он осмотрел темный сюртук и белый, шелковый галстук Аарона, — из тебя тоже отличный врач получился".

— Как это мне Джо еще в Картахене говорила, — вспомнил Аарон, когда они поднимались по прохладной лестнице, — это тебе не джунгли, тут люди хуже ягуаров. Господи, быстрей бы уже до Святой Земли добраться. Там все по-другому будет, я уверен.

Дверь открыла высокая, тонкая, очень красивая девушка. Каштановые волосы были заплетены в толстые косы, монашеского покроя платья прикрывал холщовый фартук.

— Кто там, тетя Ева? — раздался звонкий, девичий голос. Маленькая, черноволосая девочка, тоже в фартучке, медленно, осторожно вышла из кухни. Она уцепилась за косяк двери.

— Тепло, — счастливо подумала Ханеле. "Это он, он, тот, кто во сне приходил. Я помню его песенку, я ему сейчас спою. И второй тоже, — она нахмурилась и помотала головой, услышав крики людей, ржание лошадей, — нет, этого не скажу ему. Не надо".

Девочка поискала рукой в воздухе и внезапно улыбнулась: "А вот это скажу. Он порадуется".

— Здравствуйте, мадемуазель, — Иосиф поклонился. Девочка, стоя у косяка, смотрела на него беловато-серыми, невидящими глазами. "Детская катаракта, что ли? — подумал мужчина. "Ее за полчаса снять можно, сразу видно — на ребенка им тут всем наплевать". На шее девочки поблескивал золотой медальон.

— По распоряжению префекта города Парижа, — улыбаясь, продолжил Иосиф, — мы врачи из госпиталя Отель-Дье, проводим санитарный контроль приезжих. Вот наши документы, — он подал Еве бумаги, — разрешите вам задать несколько вопросов.

— Ребенка тут совершенно точно нет, — подумал Аарон, оглядываясь. "Хорошо, что Марта нас предупредила об этой Анне, — я с собой игрушки взял. Только почему она так смотрит?"

Девочка оторвалась от косяка. Прошагав к ним, она ловко дернула Иосифа за полу сюртука. "Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее, — сказала она, ощупывая лицо мужчины, нагнувшегося к ней.

— Простите, — девушка покраснела, — я работаю у аббата Корвино, экономкой. Это его воспитанница, Анна. Она, к сожалению, слепа и слаба разумом, не обращайте внимания на ее слова.

— Какая красавица, — вдруг подумал Аарон. "Теодор же рассказывал нам, — она дочь этого отступника, Александра Горовица. Христиане, — он заметил простой, серебряный крестик на шее Евы. "Но ведь сказано же — еврей, даже согрешивший, всегда остается евреем. Надо поговорить с ней, увещевать…"

— Пойдемте, мадемуазель, — Иосиф оглянулся на девочку. Она стояла, улыбаясь. Мужчина вздохнул: "Забрать бы ее отсюда. Простая же операция, ее еще египтяне делали. А сказала она все правильно, конечно. Я Джо со вчерашнего дня не видел и уже одиноко мне". Он добавил: "Не волнуйтесь за Анну. Мой коллега побудет с ней, пока я провожу осмотр. В Италии до сих пор бывает чума, к сожалению. Мне надо удостовериться, что вы совершенно здоровы".

Аарон проводил их глазами и ласково сказал девочке: "Я тебе принес кое-что".

Ханеле быстро ощупала деревянную игрушку: "Крокодил!"

— Откуда ты знаешь? — удивился Аарон и посмотрел в ее глаза: "Господи, она же слепая. Как она…"

— Я все знаю, — отмахнулась девочка. Она протянула руки к его лицу и счастливо вздохнула про себя: "Это он. Теперь все, все будет хорошо".

— Ты будешь петь им песню, — шепнула Ханеле, гладя его по щеке. "Много, очень много. И все разные. Красивые. А песня такая".

Аарон замер, услышав ее голос.

— Durme, durme

mi alma donzella

durme, durme

sin ansia y dolor — Ханеле пела, наклонив голову. Потом, прикоснувшись губами к его щеке,

она шепнула: "Без горя и несчастий, Аарон. Без горя и несчастий".

— Все в порядке, — раздался с порога голос Иосифа. "Мадемуазель Ева совершенно здорова, большое вам спасибо".

— Sin ansia y dolor, — повторила девочка, подходя к Еве, беря ее за руку. Иосиф едва заметно вздрогнул и они попрощались.

— Она назвала меня по имени, — сказал Аарон, когда они уже вышли на площадь Сен-Сюльпис. "Эта девочка, Анна. И она пела песню, на ладино, колыбельную. Я ее с детства помню, от мамы моей".

— Я слышал, — вздохнул Иосиф. "Мне ее тоже — мама пела. Что-то не так с этой девочкой, поверь мне, узнать бы — что. А ребенка там, конечно, никакого не было. Мадемуазель Ева не рожала".

Аарон обернулся и увидел бледное лицо девочки — она стояла, прижавшись к окну, глядя им вслед.

— Очень красивая эта мадемуазель Ева, — вдруг сказал он, искоса глядя на Иосифа. "И она ведь тоже — еврейка".

— Вот только не вздумай к ней ходить еще раз, — жестко велел ему мужчина. "Судя по тому, что Теодор рассказывал — этот аббат шутить не любит. Мы сделали свое дело, больше нас ничего не интересует. Ты игрушку у нее забрал, надеюсь?"

— Забрал, — вздохнул Аарон, запустив руку в карман сюртука. "Только все равно — я их еще увижу, обеих, — пообещал себе он, выходя с площади.

— Вам записка, мадам, — Мари внесла серебряный поднос с конвертом. Марта устроилась на стуле, позируя Федору, что стоял у мольберта. "Еще немного осталось, — пробормотал он, прописывая тяжелый узел бронзовых волос.

— Спасибо, Мари, — Марта улыбнулась. "Стол накройте на двадцать персон, и не забудьте — граф д’Артуа сидит рядом со мной. Цветы привезли?"

— Сейчас украшают гостиную и столовую, мадам, — присела Мари. "Белые розы".

— У фортепьяно тоже поставьте, — велела Марта, — месье Моцарт будет нам играть, после обеда. Я потом пройду в столовую, и все проверю".

Дверь закрылась. Марта, распечатала записку: "От Иосифа. Как мы и думали — никакого ребенка там и в помине не было. Сожги, пожалуйста, — она протянула Федору листок бумаги. Тот пробежал его глазами, и поднес к пламени свечи: "Вот же дрянь! И как от нее теперь избавляться? Я, кстати, говорил с аббатом о Джованни — он утверждал, что не знает такого, но глаза у него при этом бегали".

— Надо проследить, — задумчиво протянула Марта. "Ты же читаешь научные статьи — поищи в королевской библиотеке старые публикации Джованни. Тех времен, когда он еще в Россию не поехал. Если сейчас появится что-то похожее — значит, это его пера. Так мы его и найдем".

— Посмотри, — Федор отступил от мольберта. Марта взглянула на холст: "Отлично получилось,

спасибо тебе большое".

Изящная, стройная, маленькая девушка в черном сюртуке сидела на камне у ручья, в тени большого дуба. Она смотрела из-за плеча, голова была чуть повернута, бронзовые волосы блестели в лучах заходящего солнца. Она лукаво, одними губами, усмехалась.

Федор перевернул картину и быстро написал: "Мадам Марта де Лу, Париж, 1778".

— А свою подпись оставить? — Марта стала собирать кисти.

— Да ну, — Федор махнул рукой, снимая передник. "Я же не художник, это так, безделка".

Марта поманила его к себе, и, поднявшись на цыпочки — поцеловала в щеку.

— Насчет мадемуазель Евы, — она пожала плечами, — думаю, она уже успела аббату на меня нажаловаться. Твой друг Пьетро скоро тут появится — проверять, кто я такая. Не волнуйся, если что — я сама объясню ей, где ее место".

— С пистолетом в руках, не иначе, — Федор полюбовался картиной: "Можешь в гостиной поставить пока. Пусть все видят, как я тебя балую".

— Некоторым, — со значением ответила женщина, — только с пистолетом и можно что-то объяснить, мой дорогой месье Корнель. А насчет холста — так и сделаю.

Федор покраснел и расхохотался.

В дверь постучали: "Мадам Марта, маленький проснулся".

— Так мы его ждем! — Марта присела и распахнула объятья. Тедди — толстенький, кудрявый, мальчик в синем, под цвет глаз, бархатном платьице, подбежал к ней. Увидев картину, он звонко сказал: "Мама красивая!"

— Очень, старина, — Федор взял его на руки. На балконе было тепло, внизу, на рю Мобийон, цокали копыта лошадей. Тедди, внимательно посмотрев на мужчину, спросил у матери: "Папа?".

— Друг мамы, — улыбнулась Марта. Она тихо сказала Федору: "С парком Тюильри все просто отлично получается, они меня сами в толпе находят. Все же так лучше, потому что оставлять донесения на улице, в тайниках — опасно".

— Друг, — рассмеявшись, повторил Тедди и погладил Федора по щеке. "Друг".

В золоченой, обитой затканным цветами шелком, гостиной, было шумно.

— Месье Корнель, — граф д’Артуа рассматривал картину, — я бы никогда не подумал, что вы так хорошо владеете кистью. Немного в духе этого живописца, умершего молодым, месье Ватто его звали. Как вам, мадемуазель Бенджаман? — он улыбнулся.

Тео, — в роскошном платье гранатового шелка, с рубиновыми браслетами на смуглых, обнаженных по локоть руках, качнула высокой, напудренной прической. "Чудесно, ваша светлость, — она рассмеялась, — месье Корнель, оказывается, интересуется не только окаменелостями".

Федор покраснел — она стояла совсем рядом, и пахло от нее — розами. Большая грудь была едва прикрыта тонким, золоченым кружевом.

— Если вы когда-нибудь захотите, мадемуазель Бенджаман, — он откашлялся, — для меня будет честью написать вас.

Двери столовой открылись. Тео, подав руку графу д’Артуа, кивнув Федору, прошла мимо.

— Молодец, — услышал он рядом шепот Марты, — отличных людей пригласил. Теперь веди меня к столу и постарайся хотя бы изредка смотреть не на мадемуазель Тео, а в мою сторону.

Потом, слушая музыку, наблюдая за медленно, неслышно двигающимися слугами, что разносили кофе, Федор подумал: "Все равно я ее добьюсь. Даже если она любит другого — рано или поздно, она полюбит меня. Иначе мне просто жить незачем — если мы не будем вместе".

Моцарт закончил сонату, и Марта, захлопала:

— Господа, пером месье Моцарта, воистину, водит сам Господь. Однако даже гении нуждаются в поддержке. Через неделю я устраиваю благотворительный вечер, месье Моцарт нам поиграет, мадемуазель Бенджаман прочтет монологи из "Федры" и "Аталии", а месье Парни, — она улыбнулась невысокому, стройному юноше в изящном, сером сюртуке, — представит нам свои новые стихи, Les Poesies erotiques.Билеты я вам разошлю, — Марта поднялась. Взяв у слуги кофе, облокотившись о фортепьяно, она наклонилась: "Весь сбор пойдет вам, месье Моцарт, разумеется. С мадемуазель Тео и месье Эваристом я уже договорилась".

— Мадам Марта, — он покраснел.

— Не возражайте, — твердо шепнула Марта. "Я так решила. Сыграйте, нам, пожалуйста, анданте из вашей парижской симфонии — месье Корнель его очень любит".

— Я вам что-нибудь посвящу, — внезапно улыбнулся Моцарт, положив руки на клавиши. "Принесу это на следующий прием. А теперь — слушайте".

Музыка наполнила комнату. Федор вздохнул, глядя на трепещущие, длинные, темные ресницы Тео: "Хоть бы раз обнять ее, хотя, наверное, я сразу же и умру от счастья".

Марта приняла у служанки чашку шоколада: "Передайте няне, когда Тедди позавтракает, я пойду гулять с ним в парк Тюильри. Потом приготовьте мне платье для верховой езды, мы с месье Корнелем отправляемся в Булонский лес".

У двери раздалось какое-то шуршание. Слуга сказал из передней: "Мари, тут посетитель к мадам де Лу".

— Полдень, — зевнула Марта. "Посмотрите, кто там, Мари". Когда дверь закрылась, Марта спокойно оглядела спальню — пахло эссенцией кедра, в фарфоровой пепельнице лежал окурок сигары, на обитое шелком кресло был наброшен мужской сюртук.

— Мадам Марта, к вам аббат Корвино, — присела Мари, — он пришел с благотворительной миссией, собирает деньги на сирот.

Марта устроилась удобнее на кружевных подушках. Отставив шоколад, закалывая волосы серебряными шпильками, она велела: "Пусть зайдет".

— Он на Теодора похож, только плечи пouже, — подумала она, улыбаясь, глядя в прозрачные, зеленоватые глаза. "Надо же, сутану надел. Теодор же говорил, он обычно в сюртуке ходит".

Пьетро повел носом: "Кедр. И верно, Теодор тут ночевал. Должно быть, ушел недавно".

— Мадам де Лу, — голос у аббата был тихий, вкрадчивый, — мне к вам порекомендовал обратиться отец Анри, из церкви Сен-Сюльпис.

— Слушаю вас, святой отец, — она наклонила изящную голову и посмотрела на него изумрудными глазами. Шелковая рубашка спустилась с белого, как снег плеча, на шее блестел крохотный, золотой крестик.

— Я опекаю, приют для сирот, в деревне, — начал аббат. "Бедные дети потеряли зрение. Мы за ними ухаживаем, учим их, зарабатывать себе на хлеб, — по мере сил. Но, — Пьетро вздохнул, — нам отчаянно не хватает добрых людей, — таких, как вы, мадам, — людей, которые бы помогли несчастным обрести покой в нашей уединенной обители. Я уверен, если бы вы навестили наш пансион…"

— Конечно, святой отец, — искренне ответила женщина. "Это богоугодное дело, — заботиться о бедных детях. Я с удовольствием к вам приеду. Скажем, — она подумала, — завтра, к обеду".

— Мадам, — Пьетро прижал руку к сутане, — я лично встречу вас и покажу наших воспитанников. Это в Венсене, я могу воспользоваться вашей чернильницей и пером? Я бы вам оставил адрес…

— Разумеется, — Марта указала ему на стол.

Пьетро наклонился. Открывая крышку чернильницы, он увидел записку. "Не хотел тебя будить, мое счастье. Заеду за тобой днем, прогуляемся в Булонском лесу. Твой Теодор". Пьетро прочитал следующую строчку и почувствовал, что краснеет.

— Вот, — он отдал Марте адрес. "Я буду вас там ждать, мадам де Лу, и спасибо, спасибо вам, за то, что…"

Марта подняла нежную ладонь. "Это мой христианский долг, святой отец, — серьезно проговорила она.

Когда Пьетро ушел, Марта пробормотала: "Что там аббат говорил об этой Анне? "Отвезу ее в пансион для слепых сирот, в деревню". Ну что ж, — она повертела в руках записку: "Венсен, рю Жирар, 4". Вот и посмотрим, — сказала себе Марта, допивая шоколад, — что там за пансион".

Солнце еще не поднялось над площадью Сен-Сюльпис, когда Пьетро, тихо, неслышно стал одеваться. Ева спала, закинув руку за голову, каштановые волосы рассыпались по подушке, в вырезе рубашки была видна маленькая, девичья грудь.

— Уехал по делам, вернусь завтра. Не скучай, любовь моя, — Пьетро положил на стол записку. Улыбнувшись, священник придавил ее жемчужным браслетом.

— Сейчас я навсегда избавлюсь от девчонки, — облегченно подумал он, выходя в коридор, — и Ева родит мне сына. Они будут жить тут, в Париже. Я буду их навещать, у меня будет семья, наконец-то, как у всех людей. Господи, она меня любит, какое счастье.

mir-knigi.org

Анна тоже спала — Пьетро, остановившись над ней, посмотрел на заплетенные, черные косы.

— Отлично сработали эти пилюли, что я ей вечером дал, — он поднял девочку на руки. "До обеда она не проснется, а потом маркиз о ней позаботится. И пусть хоть сотня молний ударит в Венсене — это не мое дело".

Пьетро раздул ноздри: "Маркиз обещал подготовить то, что мне так нравится. Господи, я знаю, это грех, так нельзя, но я ничего, ничего не могу с собой сделать".

Откинувшись на спинку сиденья, устроив Анну рядом, он закрыл глаза. Рыжие ресницы задрожали.

— Ты хороший послушник, Пьетро, — услышал он тихий голос отца Фрателли. За низким окном монастыря Сан-Джорджо свистел ветер, зимняя, серая вода лагуны билась о деревянную пристань, дождь поливал мокрые лодки.

Подросток покраснел: "Я стараюсь, святой отец, спасибо вам".

— Однако, — отец Фрателли сложил тонкие, костлявые пальцы, и внимательно посмотрел на Пьетро, — святой Игнатий Лойола, как ты знаешь, умерщвлял свою бренную плоть для того, чтобы достигнуть единения с Иисусом и Его святыми, для того, чтобы отринуть все земное. Готов ли ты для этого, Пьетро?

Подросток сглотнул, и кивнул: "Да, святой отец".

В церкви было холодно. Пьетро, раздевшись до пояса, дрожа, встал перед огромным распятием. Иисус, опустивший голову под тяжестью тернового венца, смотрел ему прямо в глаза. "Я выдержу, — пообещал себе Пьетро. "Ради вящей славы господней, я выдержу".

Отец Фрателли подал ему плеть: "Повторяй молитву святого Игнатия, сын мой. Я послежу за тобой. Только не оборачивайся".

Душа Христова, освяти меня.

Тело Христово, спаси меня.

Кровь Христова, напои меня.

Вода ребра Христова, омой меня, -

Пьетро шептал молитву, плача, ударяя себя по плечам, слыша сзади тяжелое дыхание священника.

Страсти Христовы, укрепите меня.

О благий Иисусе, услыши меня:

В язвах Твоих сокрой меня.

Не дай мне отлучиться от Тебя.

От лукавого защити меня, -

Пьетро зарыдал от боли. Он почувствовал горячую, свежую кровь, что текла вниз по его спине.

mir-knigi.org

— Не останавливайся, — сквозь зубы сказал отец Фрателли.

В час смерти моей призови меня,

И повели мне прийти к Тебе,

Дабы со святыми Твоими

восхвалять Тебя

во веки веков.

Аминь, — он выронил плеть и опустил голову в руки, ощущая что-то еще у себя на плечах — теплое, липкое.

— Тоже кровь, — подумал Пьетро.

— Я горжусь тобой, мой милый, — после долгого молчания сказал священник. "Пойдем, я помогу тебе добраться до кельи и поухаживаю за тобой".

— Не оборачивайся, — повторил Пьетро, глядя из окна кареты на предрассветный Париж. "А потом я обернулся. И мне понравилось, то, что я увидел. И то, что делал потом — тоже понравилось. Но Ева никогда об этом не узнает, клянусь. Она мой ангел, мое спасение, моя чистая голубица".

Пьетро улыбнулся. Он вспомнил ее неловкие, неумелые поцелуи, ее смущение, то, как она краснела — всем телом.

— Счастье мое, — он удовлетворенно вздохнул и задремал. Карета мчалась к Венсену.

Тедди, лежа на персидском ковре, блаженно смеясь, гладил короткошерстную, рыжую собаку. Полуденное, жаркое солнце отражалось в Сене, в раскрытые, большие окна вливался свежий, речной ветер. Ратонеро, зевая, перекатился на спину, и подставил Тедди живот.

— Смотри, — Марта показала Жанне запись на родословном древе. Обе женщины сидели, сбросив туфли, на бархатной кушетке. "Вот наши с тобой общие предки, видишь, месье Мишель и мадам Мари. А вот и Анри де Лу, их сын. А твоего отца тоже — Мишель звали?

— Барон, — хихикнула Жанна и тут же, озабоченно, попросила: "Но этого ты не пиши, пожалуйста!"

— Не буду, конечно, — Марта погрызла перо. "А матушка твоя, она отсюда, от сэра Роберта Пули. Дочка мадам Мари, Анна, вышла замуж за Джона Гудзона, а она в девичестве была — леди Анна Пули. Король Яков наделил их сына тем же титулом".

Жанна зачарованно оглядела большой лист бумаги: "Столько родственников! И в Англии, и в колониях. И даже на Святой Земле".

— Это Иосиф и Джо, как окажутся там, выяснят, — Марта зевнула: "Теодор, ты его совсем замучил!"

— Собака! — восторженно сказал мальчик. "Большая!"

— Говорит как хорошо — заметила Жанна. "Он у тебя такой толстячок, здоровенький, так и хочется поцеловать".

— Он рано начал говорить, — Марта нежно посмотрела на сына, — еще года ему не было. Знаешь, — она помолчала и взяла тонкую руку Жанны, — у вас ведь тоже — дети могут быть. Потом, конечно, не сейчас.

Девушка покачала изящной, украшенной серебряными гребнями прической: "Это ведь надо..., - она не договорила и Марта увидела жесткую складку в углу ее рта. "Вряд ли я захочу этим заниматься, — Жанна глубоко вздохнула. Найдя пальцы Марты, она улыбнулась: "Я очень рада, что вы теперь будете в Париже. Смешно сказать, — она понизила голос, — но я Тео к тебе ревновала даже, когда тебя увидела".

Марта расхохоталась. Подняв сына, подбрасывая его на коленях, женщина ответила: "Не стоит! Да, дорогой мой?"

— Не стоит, — радостно согласился Тедди. Марта вдруг, на мгновение, вспомнила запах леса, дыма и его пристальные, светло-голубые глаза. "Нет, нет, — сказала она себе, — даже не думай об этом. Он герцог, а ты кто такая? То ли вдова, то ли замужняя. Жена мерзавца, убийцы, по которому петля плачет. И вообще, — она тихонько вздохнула, поцеловав мягкие волосы Теодора, — я тоже — вряд ли захочу этим заниматься".

Дверь передней хлопнула. Они услышали веселый голос Тео: "Джо не удержалась, прямо в новом платье пошла!"

— Какая красота! — ахнула Жанна, рассматривая шелковое, цвета незабудок, платье, отделанное серебристыми кружевами. "Очень идет к твоим глазам".

— Жалко, что на улице надо парик носить, — Джо покрутилась посреди гостиной, — волосы пока все еще — короткие.

— К Иерусалиму отрастут, — уверила ее Тео, снимая высокие, до локтя, кружевные перчатки.

— А там ты как раз — сможешь надеть весь этот шелк и бархат. Там же, наверняка, будут какие-нибудь приемы, обеды...

— Наверное, — неуверенно сказала Джо. Марта, поднявшись, передав сына Жанне, взяла Джо за руку: "Я тебе помогу переодеться".

Оказавшись у нее в комнате, Марта закрыла дверь и шепнула: "Надевай сюртук и бери пистолет. Ты с каретой справишься, там пара лошадей?"

Джо только закатила глаза и усмехнулась. "Куда мы? — коротко спросила она, надевая бриджи и высокие сапоги. "Все еще по делам аббата Корвино? Мне Иосиф рассказал".

— Угу, — Марта подняла подол своего платья. Она затянула потуже кружевную ленту, что удерживала пистолет. Джо завязала шнурки у ворота рубашки. Встряхнув отросшими по плечи, темными волосами, спрятав оружие во внутренний карман сюртука, она нажала на ручку двери.

— Мы поедем в Булонский лес, покатаемся, — Марта поцеловала задремавшего Тедди. "Присмотрите пока за ним, хорошо?"

mir-knigi.org

— Конечно, — улыбнулась Тео. Выйдя вместе с Жанной на балкон, она помахала рукой карете. Ратонеро весело залаял. Марта, высунувшись из окошка, крикнула: "Мы скоро!"

— В Венсен, — коротко велела Марта. Джо, махнув кнутом, свистнув — погнала по набережной Августинок к Новому мосту.

— Очень уединенно, — одобрительно сказал Пьетро, наливая себе вина, разглядывая пахнущую пылью, уставленную старинной мебелью гостиную.

— Тут лес рядом, — невысокий, изящный мужчина лет сорока, с ухоженной, белокурой бородкой, усмехнулся. "Чрезвычайно удобно. Вообще смешно, конечно, — я сбежал из Венсенского замка, а прячусь по соседству. Но эти дураки у себя под носом ничего не видят. Как зовут девочку?"

— Анна, — Пьетро выпил. "Осенью ей три года. По ней никто не будет плакать, Донатьен, к тому же — она слепая".

— Прекрасно, прекрасно, — маркиз поиграл пальцами: "А по той женщине, что должна приехать — плакать будут? Не то, чтобы меня это интересовало, конечно,...Ты не волнуйся, я ее сам встречу, после того, как развлекусь с маленькой Анной".

— Мне надо задать ей пару вопросов, — задумчиво ответил Пьетро. "А уж что случится после этого, — он развел руками, — меня не касается".

Маркиз встал, и, наклонившись над его креслом — глубоко, долго поцеловал мужчину в губы.

— Дрожишь, — одобрительно сказал он. "За что я тебя люблю, Пьетро, — так это за то, что ты принимаешь боль, как лучший подарок. Я сейчас, пишу маленький диалог, между священником и умирающим либертином. Тот убеждает святого отца, что праведная жизнь — не так уж и привлекательна. А ты как считаешь?"

Пьетро почувствовал его руку. Жадно целуя ее, он всхлипнул: "Не мучь, меня, пожалуйста!"

— Тебе же нравится, — удивился маркиз, беря со стола кресало, откидывая искусно вделанную в половицы дверцу, что вела вниз. "Спускайся, — холодно велел он, — я за тобой".

Пьетро посмотрел в ледяные, спокойные серые глаза, и встал на колени. "Не надо, — его губы задрожали, — я прошу вас, не надо, оставьте, оставьте меня, мне больно...."

Мужчина грубо пригнул его голову вниз, и повторил: "Спускайся". Пьетро, дергая плечами, плача — повиновался. Маркиз проследил за ним. Усмехнувшись, подхватив со своего кресла плеть, он скрылся в темном провале подпола.

— Тут, — сказала Марта, сверившись с запиской. Дом стоял на окраине леса, рю Жирар больше напоминала деревенскую, уединенную тропинку.

— Жди меня тут и не убирай далеко оружие, — велела Марта Джо, спускаясь на дорогу. "Пансион, — хмыкнула она, разглядывая заколоченные досками окна, заросший крапивой и сорняками сад.

Она открыла покосившуюся калитку, и, держа в руках пистолет — ступила на дорожку.

— Нет! — услышала она детский, пронзительный крик. "Нет! Не хочу!"

Марта навалилась плечом на рассохшуюся дверь, доски затрещали. Она, пролетев через темную переднюю, чувствуя, как рвется шелк платья — остановилась на пороге гостиной.

— Отпусти ее, мерзавец! — велела она мужчине, что отступал к окну, прикрывшись обнаженной, плачущей маленькой девочкой. Марта увидела блеск золотого медальона на хрупкой шейке. У нее потемнело в глазах от ярости. Она, направив пистолет вниз — прострелила мужчине ногу.

Тот жалобно закричал. Марта, вырвав ребенка у него из рук, ударив его по щеке пистолетом, велела: "Двинешься — получишь пулю в лоб! Джо! — позвала она.

Пьетро очнулся от шума наверху. Тело, исхлестанное плетью, болело. Прислушавшись, узнав знакомый голос, он похолодел: "Нельзя, нельзя, чтобы меня тут видели. Дверцу не найдут, она вровень с половицами. Мне совершенно не улыбается объяснять — как я сюда попал. Да и Еве не стоит все это знать. Побуду тут, пока все утихнет, а потом выберусь".

Ханеле отчаянно рыдала, прижавшись к груди незнакомой, теплой женщины. От нее пахло цветами, как в саду. "Хорошо, — подумала девочка, вздрагивая, успокаиваясь. "С ней хорошо. Она сильная, она меня спасет".

— Тихо, — женщина покачала ее. "Меня зовут Марта, милая, со мной ты в безопасности. Ты ведь Анна?"

— Теперь можно, — поняла Ханеле. "Теперь все будет, так, как надо".

— Меня зовут Хана, — твердо сказала она, и, пошарив рукой в воздухе, — ощупала лицо женщины. Марта увидела, как девочка улыбается. Та, обвив ее шею руками, шепнула: "Жасмин расцветет, тетя Марта".

Джо привязала ругающегося сквозь зубы человека к креслу. Марта, завернув девочку в шаль, вздохнула: "Я за префектом. Ты не стесняйся тут, если что".

— Я истеку кровью, — завизжал мужчина ей вслед. Джо вынула свой пистолет. Приставив его к белокурому виску, она мрачно ответила: "Человечество от этого ничего не потеряет. А теперь молчи, иначе у меня дрогнет рука".

Она достала из кармана сюртука сигарку. Прикурив от свечи, девушка выпустила ему в лицо клуб дыма.

Марта прошагала к зданию префектуры — торговцы на главной площади Венсена оглядывались на ее порванное платье и растрепанную прическу. Отстранив рукой охранника, она открыла дверь кабинета.

— Вы тут сидите и пьете кофе, — гневно сказала Марта толстенькому, пожилому человеку, — так и, держа на руках завернутую в шаль девочку, — а в это время невинное дитя чуть не подверглось, неописуемому насилию. У вас под носом!

Марта покачнулась. Префект, вскочив, растерянно пробормотал: "Мадам, прошу вас, садитесь! Принесите нюхательных солей! — закричал он, высунув голову в коридор.

mir-knigi.org

Женщина поднесла к носу флакон: "Немедленно пошлите солдат на рю Жирар, дом четыре. Там мой кучер, слава Богу, он был вооружен. Ему удалось ранить этого мерзавца. Я поеду с вами и лично удостоверюсь, что его арестовали".

— Этот дом заброшен, — префект нахмурился, — там никто не живет. А вы как там оказались, мадам…? — он ожидающе склонил голову.

Марта покачала Ханеле. Протянув префекту визитную карточку, глядя на него большими, прозрачными глазами, она всхлипнула: "Марта де Лу. Мне прислали письмо, приглашали навестить приют для слепых сирот. Я сама мать, ваше превосходительство, христианка, я не могла отказать…"

— Вот же дура, — вздохнул про себя префект. Он сердито, заметил: "Это очень неосторожно, мадам де Лу, пожалуйста, больше так не делайте. Не стоит доверять каждому полученному приглашению".

— Но ведь сироты…, - пробормотала женщина. Префект, помогая ей встать, сварливо ответил: "Просто послушайте мужчину, мадам, и делайте так, как он говорит. Экипаж готов".

Джо услышала шум в прихожей и вскочила. "Мадам, — кинулась она к Марте, — мадам, с вами все в порядке?"

— Я привезла префекта, Жозеф, — Марта незаметно ей подмигнула.

— Ах, вот оно как, — зловеще протянул мужчина, разглядывая белокурого человека в кресле. На его чулке расплывалось пятно крови. Он слабо дрогнул ресницами: "Я умираю…"

— Обыскать тут все, — велел префект солдатам. "Все рукописи и остальное, — он брезгливо поморщился, — снесите в карету. И дайте мне наручники".

Она развязал мужчину и грубо сказал:

— У вас царапина, а то, что вы кровь потеряли — ничего, отойдете. Надо же, мы вас по всей Франции ищем, в каждой префектуре ваше описание лежит, а вы за три мили от Венсенского замка устроились, господин маркиз. Ничего, как из него бежали, так обратно и вернетесь — только уж теперь в строгую камеру. В подвал, — сочно добавил префект, — без солнечного света. Быстро вон отсюда! — он передал заключенного солдатам и повернулся к Марте: "Повезло вам, мадам, и девочке — тоже. Вы бы отсюда живыми не вышли".

— Да кто это? — изумленно спросила Марта, провожая глазами белокурую голову заключенного.

— Маркиз Донатьен Альфонс Франсуа де Сад, — отчеканил префект, — самый опасный человек во Франции. Он сумасшедший, уже который год либо в ссылке, либо в тюрьме. Теперь он до конца дней там просидит.

— О девочке я позабочусь, — тихо сказала Марта, когда префект провожал ее до кареты. Она быстро, мгновенно оглянулась на дом. Поймав взгляд Джо, Марта покачала головой.

Уже сидя на козлах, Джо нагнулась к окошку: "А что же аббат Корвино? Где он?"

— Да его тут и не было, — устало ответила Марта, — это просто ловушка для меня. Он привез

ребенка и уехал. Этот де Сад, наверняка, должен был у меня выпытать — кто я такая на самом деле.

Джо подстегнула лошадей. Марта пробормотала: "Отличная прогулка в Булонский лес, ничего не скажешь".

Она прижала к себе Ханеле: "Ты теперь ничего не бойся, милая, мы с тобой".

— Я знаю, — донесся до нее слабый голос девочки. Она поворочалась под шалью, и, уцепившись за руку Марты — задремала.

Тедди спокойно спал, раскинувшись на кровати в комнате у Джо. Марта прикрыла его шелковым одеялом: "Не кричи. У меня не было времени посылать тебе записку. Тем более, что ты был в Арсенале, у Лавуазье".

— Больше никогда так не делай, — вздохнул Федор. "Ты же знала, что это ловушка. Еще и Джо потащила туда".

— У нас были пистолеты, — Марта отпила вина и прислушалась. "Пойдем, — велела она, — Иосиф вернулся, из госпиталя".

Тео стояла в передней, взяв Жанну за руку, комкая кружевной платок. "Она в спальне, — растерянно сказала женщина, — мы только дали ей попить, но не кормили, как вы и велели. Вы уверены, что…"

Иосиф передал саквояж Аарону: "Иди, все приготовь. Значит, так, — он повернулся к женщинам, — мне нужна будет горячая вода, комнату надо затемнить и зажечь свечи. Потом она пару дней полежит с повязкой на глазах, и все будет хорошо. Я эту операцию десятки раз делал. Аарон мне поможет, у него ловкие руки. Только разденьте девочку, пожалуйста".

— Я ей дала Тедди платьице, — вздохнула Марта, — она, хоть и старше его на вид, но хрупкая. Высокая, правда. Ей года три, наверное, или около того.

Ханеле лежала, смотря невидящими глазами в потолок.

Иосиф присел рядом с кроватью: "Хана, я тебе сейчас дам выпить одно снадобье, и ты заснешь. Потом я полечу твои глаза, и ты будешь видеть".

— Я уже вижу, — удивилась девочка. "Я все вижу". "Лошади, — подумала Ханеле, — гром, пахнет порохом, кровь, много крови. И его друг, лучший друг. Как брат ему. Бедный. Не буду ему говорить".

Она почувствовала запах роз где-то у себя над головой: "И ей ничего говорить не буду, не надо. Только хорошее, помни, только хорошее".

Теплая рука коснулась ее щеки. Ханеле улыбнулась: "Двое их будет, — сказала она тихо. "Опять кровь, — горько подумала девочка. "Пепел, все сожжено, голод, люди умирают".

— Что она говорит? — шепнула Жанна Аарону, помогая ему раскладывать инструменты. "Не знаю, — пожал плечами тот. "В тот раз, когда мы приходили на квартиру к аббату Пьетро, она меня назвала по имени. И спела мне колыбельную, ту, что моя мама пела".

— Песенку! — капризно потребовала девочка, приподнимаясь на постели. "Песенку хочу!"

Тео аккуратно раздела ее. Иосиф попросил: "Снимите и медальон тоже".

— Нельзя! — закричала Ханеле, вырываясь из рук женщины. "Нельзя это трогать! Вам нельзя! Смерть!".

— Нет, она точно не в себе, — подумал Иосиф, глядя на закатившиеся, беловато-серые глаза. "Может, это у нее от слепоты, катаракта врожденная, к полугоду эти дети уже ничего не видят. Снимем — и она оправится".

— Он тут, — вдруг поняла Ханеле. "Тот, светлый. Ему можно".

— Что тут такое? — раздался с порога голос Марты.

— Пытаемся снять медальон, — вздохнула Тео, — но малышка не позволяет.

— Это он, — вдруг подумал Федор, глядя на большую, под балдахином, кровать. "Я его уже держал в руках, в Санкт-Петербурге, когда в первый раз аббата встретил. Я тогда Степана увидел, на одно мгновение".

— Ему можно! — Ханеле вытянула ручку. "Только ему!".

Федор осторожно снял с шеи девочки медальон и нажал на крышку. "Не верю, — подумал он, глядя на испещренный странными буквами и неумелыми, кривыми рисунками, пожелтевший пергамент. "Не верю, этого быть не может, нет!"

— Давайте снадобье, — велел Иосиф. Он поднес серебряную ложку к губам девочки. Та, выпив, откинувшись на подушки, тихо спросила: "Что..., ты видишь?"

Федор закрыл медальон и сжал его в руке.

— Своего брата, — в наступившем молчании ответил он.

— Это... — пролепетала Ханеле, — мой..., отец. Песенку..., - едва слышно попросила она.

Федор постоял несколько мгновений, слушая тихий голос Аарона, что, держа за руку девочку, пел колыбельную. Развернувшись, так и не выпуская медальона, он вышел из спальни.

Марта чиркнула кресалом и зажгла свечи. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, опустив веки. Она взглянула на бледное лицо мужчины и, кашлянула: "Операция прошла отлично. Анна..., Хана..., она отдыхает сейчас. Иосиф через два дня снимет повязку. Она будет совершенно здорова. Тео с Жанной в театре уже, мы тебе оставили обед, пойди, поешь".

Федор пошевелился: "Только подумать, что я эту бумажку, — он указал на медальон, — видел в детстве, она в столе у моего отца валялась. Стефан..., Степан, если по-русски, мой брат младший, — он ее забрал, когда в море уходил, гардемарином, шутки ради. Тут одна половина, а вторая — у него".

— Откуда ты знаешь? — похолодев, спросила Марта. Она присела на ручку кресла и посмотрела на медальон, лежащий в большой ладони.

— Я все теперь знаю, — невесело улыбнулся Федор. "Я же тут не зря все это время пробыл. Мой брат..., - он помолчал, — живет в Иерусалиме. Он потерял кисть правой руки, я видел нашу семейную саблю — она у него. Он женат. Жена у него ребенка ждет, на сносях уже. И

медальон он носит, так что он тоже, меня видел. Я, правда, все это время, сидел, закрыв глаза. Вряд ли Степан понял, где я. Он стал евреем, — добавил Федор, поднимаясь.

Марта отступила к двери.

— Теодор, — твердо сказала она, — не смей! Не смей в это верить! Это шарлатанство, чушь, вроде эликсира бессмертия, который, якобы пьет этот алхимик, граф Сен-Жермен! Ты же ученый, Теодор.

— Ученый, — он устало потер покрасневшие, голубые глаза.

— Плакал, — поняла Марта.

— Я тебе расскажу, — он подошел к окну. Отдернув бархатную гардину, Федор посмотрел на медленно темнеющее небо над Сеной. "Я уже видел своего брата — три года назад. Недолго, правда".

Марта тихо слушала. Потом, взяв его за руку, она проговорила: "Поэтому ты поверил Еве — то, что она тебе о сыне говорила. Но ведь Хана…, может быть, она просто не в себе, и все".

— Там, в Брно, в соборе, она сказала "Найдешь". Я тогда подумал, что это о сыне. Теперь понятно, она Степана имела в виду. Вот и нашел, — Федор помолчал: "А сын? Это в Гарц надо ехать. Не буду, не буду этого делать, не хочу больше ту дрянь видеть — никогда".

— Я отвезу вас домой, — он все смотрел в окно, — и пойду к себе — собираться. За Ханой ведь присмотрят? — спросил он. "За моей, — мужчина вдруг ласково улыбнулся, — племянницей"

— Конечно, Джо тут, и Тео, и Жанна. Иосиф все им объяснил. Не волнуйся, — Марта прикусила губу. "А как же работа?"

— Я осенью вернусь, — Федор взял со спинки кресла свой сюртук. "Увижу брата, и вернусь. Школа сейчас все равно на каникулах, ты сама тут справишься. Аббат, думаю, тебя больше не обеспокоит, тем более, — мужчина усмехнулся, — он меня сейчас будет искать".

— Это семья, — подумала Марта. "Да, я бы тоже — так поступила".

— Все будет хорошо, — она перекрестила мужчину. В дверь поскреблись. Джо, робко, сказала: "Теодор, Хана очнулась. Вас зовет".

Он присел на постель и погладил ее по руке, рассматривая повязку на глазах: "Ты ничего не бойся, милая. Я твой дядя, меня зовут Теодор, я старший брат твоего отца. Сейчас я надену тебе медальон, и ты его увидишь".

Федор застегнул цепочку на нежной шейке. От нее пахло какими-то травами, она лежала — маленькая, бледные губки зашевелились: "Моя мамочка была очень красивая. Кто она была, дядя?"

— Не знаю, милая, — вздохнул Федор. "Вот привезу тебя папе — и все узнаем. Спеть тебе песенку? На русском, мы ведь с твоим папой из России. Она про котика".

Ханеле закивала. Найдя его руку, девочка положила в нее свою ладошку. "Хочу про котика, — она улыбнулась.

Марта остановилась за дверью спальни и замерла. "Это Майкл мне пел, в Лондоне, — поняла

женщина. "На русском. Он сказал — ему отец эту песню поет". Она все слушала, прислонившись к двери, чувствуя, как в глазах закипают горячие слезы.

Ева взяла шкатулку с драгоценностями. Поставив ее на аккуратно уложенные платья и белье, она захлопнула защелку. Девушка положила руку на серебряный медальон, что висел у нее на шее. Покачнувшись, уцепившись за стол, она услышала голос отца:

— Не волнуйся, ангел мой. Маленькая в порядке, я ее видел. Господь услышал наши молитвы. Скоро обе части амулета встретятся, на Святой Земле, в Иерусалиме. Ты должна быть там, милая, рядом со мной. Я уже выезжаю.

— Папа, — улыбаясь, прошептала девушка. В квартире было прибрано. Она, оглядела спальню: "Нам понадобится Пьетро. Так будет легче, он сделает все, что я ему скажу. Потом папа его убьет, и мы с Теодором всегда будем вместе. Пьетро за мной куда угодно поедет, хоть в преисподнюю".

Она присела к столу и быстро написала: "Прости меня, Пьетро, но я больше не могу жить в грехе. Только на Святой Земле, в Иерусалиме, приняв постриг — я смогу раскаяться и вернуться на стезю праведности. Не ищи меня, и знай, что я всегда тебя любила. Твоя Ева".

Девушка вышла на площадь Сен-Сюльпис. Вдохнув теплый, вечерний воздух, она свернула на рю Гарансьер. Ломбард был еще открыт.

— Все это, — решительно сказала Ева, ставя шкатулку на прилавок.

Ювелир стал рыться в бриллиантовых кольцах, нитях жемчуга, золотых браслетах. Достав простой крестик, он рассмеялся: "Дешевка, мадам. На что он мне, возьмите, — он подвинул крестик к Еве.

Девушка вскинула каштановую бровь. Блеснув серыми глазами, Ева усмехнулась: "Он мне больше не понадобится, месье".

Потом она дошла быстрым шагом до конторы почтовых карет. Дождавшись своей очереди, Ева сказала: "Одно место в первом дилижансе до Лиона, будьте добры".

В книжной лавке приятно пахло свежей бумагой и типографской краской. Марта посадила Тедди в большое кресло и строго велела: "Не балуйся, милый!"

— Он у нас хороший мальчик, — хозяин, месье Реню, выйдя из-за прилавка, потрепал Тедди по пухлой щеке.

— Повязку сегодня снимают, — думала Марта, роясь в плетеной корзине с книгами, — и сегодня же они уезжают, карета на вечер заказана. В Лион, а оттуда — в Ливорно. Там трое взрослых мужчин, присмотрят и за Джо, и за Ханой. Но где, же аббат? Теодор говорит — в городе его не видел. Стучаться к ним в квартиру опасно, мало ли что.

— А где книга месье Корнеля? — озорно спросила Марта, разгибаясь. "Что-то я ее не вижу, месье Реню".

Хозяин расхохотался:

— Мадам де Лу, вчера только ее из типографии привезли, вчера же все и продал. Академия

наук сейчас на каникулах, однако, осенью, как они вернутся — непременно ее обсуждать будут. Я вчера пролистал, — хозяин поднял бровь, — месье Корнель пишет, что не все животные и растения образовались одновременно, как Библия учит. Он считает, что окаменелости могут пролить свет на историю Земли.

— И очень правильно, — Марта вытащила из бархатного мешочка серебро. "Еще граф де Бюффон, в своей "Естественной истории" выдвинул тезис, что возраст нашей планеты — не менее семидесяти тысяч лет. Пришлите все это ко мне на квартиру, месье Реню, — улыбнулась она, оглядывая стопку книг и нот. "Всего хорошего".

— Увидимся, мадам, — лавочник поклонился ей вслед: "Вот же повезет кому-то, молоденькая вдовушка, красавица, с деньгами, да еще и умная. Эх, не в мои годы, и не при моей лысине".

Марта дошла до рю Мобийон, держа за руку Тедди. Она вспомнила быстрый шепот того человека, что столкнулся с ней в парке Тюильри: "Наш общий друг очень доволен".

— Щеки-то как горят, — сердито подумала женщина, поднимаясь по лестнице. "Конечно, жарко на улице".

— Ванну, — потребовал Тедди, подняв каштановую голову.

— Ванну и спать, — согласилась Марта, передавая его няне.

Она зашла в кабинет. Взглянув на свой портрет, присев к столу, Марта повертела в руках книгу. "Reflexions sur l'age de la Terre", — улыбнулась женщина. Открыв обложку, она прочла: "Моему другу Марте, с уважением и любовью".

Отпечатанные на атласной бумаге билеты уже лежали на серебряном подносе.

Марта взяла перо. Положив перед собой стопку листов, она начала писать: "Уважаемый месье Франклин! Как и обещала, посылаю вам билет на мой благотворительный вечер. Весь сбор будет направлен в поддержку нуждающихся артистов. Очень надеюсь увидеть вас, примите уверения в моем совершенном почтении, мадам Марта де Лу".

Она, на мгновение, отложила перо и потянула носом. "Жасмин расцветет, — усмехнулась Марта. Подперев руку щекой, она посмотрела на парижские крыши. "Да нет, милая, — тихо сказала женщина, — прошло то время".

Марта встряхнула высокой прической и вернулась к работе.

На соборе Парижской Богоматери били к вечерне.

— Так, — деловито сказала Жанна, указывая на сундуки, — я тут вам провизии положила, до Лиона должно хватить, а там уже и до Ливорно близко. А вы, месье Иосиф, потом проверяйте, чем вас на постоялых дворах кормить будут, не дай Господь — тухлое подсунут.

— Непременно, мадемуазель Жанна, — рассмеялся мужчина. Взяв Джо за руку, он шепнул: "До самого Иерусалима тебя никуда не отпущу, там-то уже так часто не увидимся".

Ратонеро лаял, то запрыгивая в карету, то выскакивая из нее.

Ханеле стояла, зачарованно смотря на играющее закатными красками небо. Утром ей сняли повязку — медленно, аккуратно. Человек с мягким голосом, — дядя Иосиф, — напомнила себе

девочка, — ласково сказал: "Теперь можешь открыть глаза, милая".

Ханеле и не знала, что мир — такой красивый. У женщин были яркие, как цветы, платья, камни на их пальцах переливались, играли в солнечном свете. К ней привели познакомиться мальчика — младше ее. Его тоже звали Теодор — как дядю. Ханеле посмотрела на него: "Белое и черное. Бедный, как ему плохо будет. Не надо говорить".

Она погладила большую, теплую ладонь: "Надо, чтобы сказал. Он на нее смотрит, и не говорит. Я пойду, поиграю".

Аарон присел рядом с ней: "Тут есть крокодил, попугай и еще кое-что".

— Корабль, — обрадовалась Ханеле и Аарон подумал: "Она же никогда корабля не видела, даже на картинке". Девочка положила ручку на медальон и важно добавила, разглядывая Аарона дымными, серыми глазами: "К папе поплывем, на корабле".

Она стояла совсем рядом. Федор, наконец, подняв голову, тихо сказал: "Мадемуазель Бенджаман…"

— Мне сегодня розы доставили, — она куталась в кашемировую, цвета гранатов, расшитую золотом шаль. "Белые розы, месье Корнель".

— И будут, — Федор внезапно улыбнулся, — будут доставлять, каждую неделю. Она, было, хотела что-то ответить, но Федор поднял руку: "Вы вправе жить прежней жизнью, мадемуазель Бенджаман. Я не смею чего-то просить. Просто знайте, что я вас люблю, и буду любить всегда, пока я жив. И, конечно, у вас нет более преданного слуги".

Ветер ерошил его рыжие волосы. Тео, взглянув в голубые глаза, вздохнула: "Спасибо, месье Корнель. Возвращайтесь к нам, Париж будет вас ждать".

— А вы? — хотел спросить Федор, но, вместо этого, подхватив на руки племянницу, велел: "Все, садимся".

— Ну, хоть так, — подумала Ханеле и вслух спросила: "Дядя Теодор, а от вас, чем пахнет?"

— Я еще успел с утра в лаборатории побывать, вот сейчас тебе все и расскажу! — он подошел к Марте. Та, перекрестив его, велела: "Ну, с Богом, осенью жду тебя".

Джо все махала им, пока карета ехала по набережной Августинок. Потом экипаж исчез из виду, и Тео грустно сказала: "Вот мы и одни остались. Переночуешь у нас с Тедди, раз сегодня спектакля нет?"

Марта кивнула, все еще глядя в сторону Нового Моста. Жанна, забирая у нее ребенка, улыбнулась: "Я его уложу, а потом в карты поиграем. Холодная куропатка у нас есть, сыры тоже, и шампанского выпьем".

Пьетро открыл глаза и огляделся, ожидая услышать рядом дыхание Евы, ее шаги — где-то неподалеку. Он добрался до Парижа только ранним утром — ее не было, на столе лежала записка. Прочитав ее, Пьетро сел, и, уронив голову в руки, заплакал.

— Знай, что я всегда тебя любила, — повторил священник. "Господи, счастье мое, ну зачем ты так, зачем? Я поеду за тобой, сделаю все, что ты хочешь — только не бросай меня".

Он поднялся. Тщательно вымывшись, надев сюртук, он стал собираться. Укладывая сутану и пистолеты, Пьетро подумал:

— Ну, какая из нее монахиня? Господи, да если она мне скажет, — я сложу с себя сан, брошу карьеру, стану евреем, магометанином, да кем угодно — только бы Ева была со мной.

Идя к дому причта, по утренней, еще пустынной площади, Пьетро обернулся и посмотрел на окна квартиры Корнеля — они были задернуты тяжелыми портьерами.

— Я уезжаю, по делам ордена, — сухо сказал Пьетро, передавая ключ отцу Анри. "Присматривайте тут за нашим подопечным".

— Он появлялся, не далее, как вчера, — захлопотал отец Анри. "Сказал, что по заданию Школы отправился искать месторождения селитры. В Пиренеях, до осени. Мол, осенью увидимся".

— Хоть бы он там голову себе свернул, дорогой кузен, — с неизвестно откуда взявшейся злостью подумал Пьетро. Он прошел к неприметной таверне рядом с аббатством Сен-Жермен де-Пре.

Пьетро присел на деревянную скамью. Слушая, как шелестят листья тополей над головой, приняв у хозяина стакан вина, он сказал: "Вот, что дружище. Мне нужна самая быстрая лошадь, какая только есть в этом городе. Ради вящей славы Господней, разумеется, — Пьетро поднял рыжую бровь. Достав из кармана сюртука туго набитый кошелек, он попытался передать его кабатчику.

Тот, усмехнувшись, отстранил деньги: "Вы пейте, святой отец, это за счет заведения".

Пьетро сидел, закрыв глаза, незаметно перебирая четки, пока его не тронули за плечо. Он легко вскочил в седло гнедого, кровного жеребца. Пристроив свою суму, наклонившись, Пьетро велел ему: "А теперь — в Ливорно".

Часть двенадцатая

Иерусалим, осень 1778

Маленькая, белокурая девушка выжала тряпку. Она весело сказала, глядя на вымытый пол: "Ну вот, Лея, сейчас суп доварю, и все будет готово!"

В комнате пахло молоком, за перегородкой чуть побулькивал горшок, что стоял на очаге. Лея Судакова отложила шитье. Привстав со своей кровати, заглянув в колыбель, она ласково улыбнулась: "Спит еще. И что бы я без тебя делала, Дина?"

Девушка подхватила ведро с грязной водой: "Сейчас пеленки сниму, они уже и высохли, наверное. Тепло на улице".

— Хорошая осень, — подумала Лея, покачивая колыбель, глядя на спокойное личико мальчика. Из-под холщового чепчика были видны рыжеватые завитки волос. "Суккот неделю, как прошел, а пока еще ни одного дождя не было. Не след так говорить, но хоть бы подольше они не шли. Прошлой зимой, как сыро тут было, все, же подвал. Хоть бы Моше не заболел, три месяца ведь всего".

Мальчик заворочался, зевнул, и захныкал. Лея расстегнула строгое, с глухим воротом платье. Оглянувшись на дверь, накрывшись шалью, девушка стала кормить.

— Ест, — восторженно сказала Дина, встряхивая сухие пеленки, аккуратно их складывая. "Такой он большой у тебя, Моше, чтобы не сглазить".

— Так отец у нас высокий, — нежно сказал Лея, глядя на мальчика. "Да и я немаленькая". Она вздохнула и удобнее пристроила ребенка у тяжелой груди.

— Так, — Дина сняла горшок с очага, — обед у тебя есть. Я завтра к госпоже Азулай пойду, ей рожать вот-вот, помогу ей с детьми. Сегодня еще в двух домах убраться надо. Отдыхайте, — девушка оправила бедное, заштопанное шерстяное платье, и перекинула на спину белокурые косы.

Она вышла. Лея, проводила взглядом стройную спину: "Славная она, Дина. Только сирота, бесприданница, еще и не еврейка. Учится, конечно, но это дело долгое. А так — кто ее за себя возьмет, только если вдовец с детьми. И то, конечно, ей счастье будет".

— Сейчас пеленки поменяем, — ласково сказала Лея сыну, — ты полежишь в колыбельке, а мама постирает. Потом ты будешь спать, а я за шитье возьмусь.

Она ловко переодела сына. Опустив Моше на кровать, — мальчик весело улыбался, — Лея поставила на треногу в очаге медный таз с водой.

— Постирать, — напомнила себе Лея, — потом работу доделать. Вечером пойду с ним погулять, и заказы отнесу. Потом у папы убраться, так день и пройдет.

Она развела в горячей воде грубое мыло и оглянулась — Моше дремал, чуть позевывая. Лея стерла пот со лба, и принялась оттирать пеленки.

Во дворе было тихо, и солнечно. Лея, одной рукой придерживая сына, развесила белье. Подхватив холщовый мешок с готовым шитьем, открыв калитку, она пристроила ребенка в шали. Девушка повесила мешок на плечо. Подоткнув край туго замотанного вокруг головы платка, она поспешила вниз по улице — узкой, вымощенной вытертыми каменными плитами.

Она вернулась домой уже вечером. Зайдя в пустую комнату, Лея сказала сыну: "Видишь, как? До рассвета еще он уходит, и в полночь домой возвращается. Скучаю, конечно, но что, же делать — Лея помолчала и, покачала мальчика: "Сейчас мама поест, а потом и ты, конечно, захочешь".

Она помыла посуду. Устроившись на кровати, покачивая колыбель ногой, девушка стала шить. Только когда иголка стала колоть пальцы, и Лея почувствовала, что засыпает, — она отложила работу. Умывшись, она зевнула: "Завтра к Стене с тобой сходим. Завтра пятница, Шабат будем встречать. Мама будет готовить, папа пораньше домой придет. Утром погуляем, а потом на рынок зайдем. Да, мой маленький?"

Мальчик улыбнулся и Лея подумала: "Он так на Авраама похож. Глазки тоже — серые. Мой сыночек, счастье мое".

Девушка устроила сына в колыбели. Помолившись, накрыв мужу ужин, она оставила на столе одну свечу. "Хоть бы пришел быстрее, — вздохнула Лея, слушая спокойное дыхание сына. "Ведь он встает так рано, хоть бы отдохнул немного".

В комнате было уже совсем темно, свеча догорала, когда Степан, осторожно спустившись по лестнице, положив у порога свою рабочую суму, неслышно вымыл руки за перегородкой. "Только бы маленького не разбудить, — подумал он, садясь к столу, говоря благословение.

Поев, он наклонился над постелью жены: "Спасибо, любовь моя. Как вы тут?"

Лея пошевелилась. Улыбнувшись, потянувшись к нему, она шепнула: "Скучаем. Как позанимался?"

— Хорошо, — он погладил темные, освобожденные от платка, заплетенные в косы волосы. "Можно? — ласково попросил Степан, присаживаясь к ней на постель. "Я так скучаю, утром ухожу — вы еще спите, только в субботу вас и вижу. Как маленький?"

— Смеялся сегодня, — Лея почувствовала, как муж обнимает ее. Покраснев, взглянув на полуподвальное, низкое окно комнаты, она попросила: "Надо занавески задернуть, там луна светит".

Свеча, треща, догорела. Она, накрывшись одеялом, подняв рубашку до пояса, вдруг подумала: "А если опять дитя? Ничего, на все воля Божья, справимся, вынесем".

— Ты такая красивая, — шепнул Степан, расплетая ей косы, прижимая ее к себе. "Поцелуй меня, пожалуйста, любовь моя. Я весь день думал — когда я тебя увижу".

От ее груди, скрытой рубашкой, пахло молоком — сладким, детским запахом. "Так нельзя, — вдруг ужаснулась Лея, — нескромно, я же говорила тебе".

— Хорошо, — вздохнул Степан. Погладив ее по спине, целуя нежную шею, он почувствовал под руками тяжелую, налитую грудь: "Если бы можно было в одной постели спать. Я ведь так ее люблю, так люблю".

Лея часто задышала. Едва слышно всхлипнув, найдя его руку, она крепко сжала пальцы. Моше, будто дождавшись этого, захныкал. Степан, все еще обнимая ее, улыбнулся в темноте: "Не вставай, не надо. Сейчас я маленького принесу".

Жена с ребенком заснули на ее кровати. Степан, вымыв руки, одевшись, взяв трубку — вышел во двор. Ночи были уже прохладными, звезды сверкали, освещая стены города, что возвышались над путаницей крыш. Он долго сидел, куря, глядя на большую, полную луну, что взошла над Иерусалимом. "Надо и спать идти, — подумал Степан, — завтра опять — в четыре утра вставать, еще до молитвы в микву надо окунуться".

Он зевнул и прислушался — мимо ворот, по улице, простучали копыта лошадей. "Торговцы какие-то припоздились, — Степан поднялся. Выбив трубку, он закрыл за собой дверь комнаты.

Он лежал, закинув искалеченную правую руку за голову, держа левую — на медальоне. "Уже близко, — Степан вдруг улыбнулся.

— На корабле они сейчас. И Федя с ней, Господи, что он мне скажет? Я ему писал, а он мне не отвечал. Но, раз едет сюда, — значит, понял. И люди еще с ними какие-то. Я ведь Лее так ничего и не говорил, — он прислушался к дыханию жены. "Она не спрашивает, а я — молчу. Как оно все сложится, Господи? Девочке три годика, маленькая еще, да и мать она не помнит..., Елизавета, — Степан поморщился, как от боли, и заставил себя не вспоминать ее. "Тут сразу и мачеха, и брат маленький. Надо Исааку сказать, вот что. Завтра и скажу, после молитвы".

Он задремал и видел во сне ее — высокую, тонкую, темноволосую. Она обнимала его. Серые, дымные глаза в черных ресницах были совсем рядом. Он слышал ее стоны, низкий, протяжный

крик, ее горячий, сбивчивый шепот. Потом она исчезла. Степан, открыв глаза, вздохнул: "Так и не выспаться, как следует. В субботу, может быть, удастся".

Маленький заплакал, Лея что-то говорила ему — тихо, ласково. Степан, в последний раз посмотрев на дочь, — она стояла у борта корабля и весело смеялась, — все-таки заснул, коротким, глубоким сном уставшего человека.

Раннее утро было уже прохладным. Он, выходя из синагоги, нагнав тестя — плотнее запахнул холщовую куртку.

— Мне поговорить с вами надо, — робко начал Степан. Исаак, посмотрел на его усталое лицо: "Мальчик маленький совсем. Не высыпаются они, еще и все в этом подвале живут, комната-то небольшая. Ко мне бы переехали, но не хотят. Внук, — он почувствовал, что улыбается. "Наконец-то, дождался я".

Исаак прислонился к стене синагоги. Набив трубку, он спросил: "Что там у вас такое?"

Степан вздохнул: "Ханеле сюда везут. Я уже давно это вижу, с тех пор, еще, когда Моше не родился. Брат мой старший с ней. И еще люди какие-то, евреи вроде, — добавил мужчина.

— Велика милость твоя, — подумал Исаак. "Я ведь тоже, — все это время чувствовал, что он сюда едет. Тридцать шестой. Теперь все будет хорошо, не может не быть. Уничтожить бы потом этот амулет, конечно, но нельзя, нельзя, мало ли что случится".

Резкий порыв ветра открыл калитку, она заскрипела, по ногам ударило холодом. Исаак поежился:

— Не посмеет он сюда явиться, этот отступник. Сидит у своего Франка. Даже и думать о них не хочу.

— А Лее ты говорил? — наконец, спросил он зятя, испытующе глядя на него. "О Ханеле?"

Степан покраснел и помотал головой: "Я с вами хотел сначала..."

— Сначала, — вздохнул Исаак, — с ней надо было. Она жена твоя, часть тебя. Нельзя от жены скрывать что-то. Вот сегодня вечером ей все и скажи. Она порадуется, поверь.

Они медленно пошли по улице. Степан неуверенно ответил: "Все же второй ребенок, и тоже — маленький, забот у Леи еще прибавится".

— Так она же тебя любит, — удивился Исаак, — и ты ее тоже. Значит, и заботы у вас общие, и дети — все пополам. Ну, беги, — он коснулся руки зятя, — вы же там в шесть утра начинаете дорогу мостить, так, что не опаздывай.

Он посмотрел вслед золотисто-рыжей, в черной кипе, голове, и засунул руки в карманы: "Как я умру — Авраам мое место займет, мальчик он способный. До этого долго еще, конечно, — Исаак улыбнулся. Повернувшись, он направился к ешиве.

Низкий, розовый рассвет вставал на востоке, над темной полоской берега. На палубе суетились пассажиры, сундуки и тюки были уже сложены на корме. Капитан, искоса посмотрев на высокую, тонкую, очень красивую девушку, что стояла, разглядывая гавань, вежливо сказал: "Вот это и есть Яффо, госпожа. Видите, как быстро мы доплыли, и пиратов по дороге не

встретили".

— Быстро, — подумала Ева Горовиц. "Интересно, когда Пьетро тут появится? Он, наверное, сразу же за мной поехал. И девчонка эта — кто ее сюда повез? От Пьетро она сбежала, судя по всему, значит — кто-то подобрал ее".

Серое, простое шерстяное платье развевал легкий ветер. Ева, закутавшись в черную, грубую шаль, посмотрела на крыши Яффо.

— Минареты, — она прищурилась. "Тут же турки, это Оттоманская империя. До Иерусалима на мулах поедем, три дня пути, еще и ночевать по дороге придется. А в Иерусалиме, — тонкие губы улыбнулись, — приду в раввинский суд. Раскаюсь, буду плакать, говорить, что хочу вернуться к своему народу. Поверят, не могут не поверить". Она положила руку на серебряный медальон и прошептала: "Папа".

— Он уже здесь, — поняла Ева, и подхватила свой саквояж. Корабль бросил якорь в середине гавани, лодки обступили его со всех сторон. Матросы стали сбрасывать трапы.

Ева, сидя на корме, рассеянно слушала разговоры паломников о том, что в самом Яффо постоялых дворов нет, надо ехать в Рамле или Лод, и оттуда уже — добираться до Иерусалима.

Лодка причалила к деревянному пирсу. Ева, приставив руку к глазам, вгляделась в толпу на песчаном берегу. "Господи, спасибо тебе, — облегченно вздохнула она, увидев знакомого, светловолосого мужчину. Он стоял, засунув руки в карманы простого сюртука. На голове у отца, — Ева незаметно усмехнулась, — была кипа.

— Вот и славно, — подумал Александр Горовиц, сцепив длинные пальцы. "И святой отец — тоже, наверняка, тут появится. Скоро уже. Девчонку уже везут, я это чувствую. Судаков меня не видит, и будем надеяться, что не увидит еще долго. Слепец".

Он подхватил саквояж из руки дочери. Прикоснувшись губами к ее уху, Горовиц прошептал: "Ты стала еще красивей, Евочка. Пойдем, любовь моя, у меня там повозка. Экипажей тут нет, к сожалению, — Горовиц смешливо развел руками.

— Папа, — Ева, на мгновение, прикрыла глаза. "Папа, Господи, как я скучала".

— Я снял домик в Лоде, — отец устроил ее на повозке, — там нам никто не помешает. Скоро поедешь в Иерусалим, а я за тобой.

— В этом? — Ева подобрала подол платья и указала на отцовскую кипу. "Нет, разумеется, — Горовиц погладил светлую, красивую бородку, — я же знаю турецкий, милая. Я сюда ехал через Стамбул. Обзавелся и одеждой подходящей, и всеми нужными бумагами".

Он подстегнул мулов. Повозка, закачавшись, выехала на широкую, накатанную дорогу, что вела на северо-восток, среди пыльных, заброшенных полей.

— Там, — Горовиц указал кнутом на горизонт, — все по-другому. Сады, колодцы, все зеленое. А тут, — он пожал плечами, — пиратов все еще боятся. Но скоро и доедем уже.

Ева улыбнулась. Потянувшись, она проговорила: "Все получится, папа, не может, не получится".

mir-knigi.org

В открытые ставни был слышен треск цикад. Ева подняла голову с плеча отца, и вынула из его руки гроздь винограда: "Земля, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, земля, где масличные деревья и мед".

— И заметь, — Горовиц притянул ее к себе, — я для тебя все приготовил, счастье мое. А мед, — он опустил руку вниз, — твой все-таки слаще.

На полу комнаты стояло медное блюдо с лепешками и фруктами. Ева, набросив на плечи шелковое покрывало, устроилась в руках отца: "А если Судаков мне не поверит? Мне же надо сказать, что я — твоя дочь".

— Как раз, поэтому и поверит, — усмехнулся Александр. "Они там все добрые сверх меры, я таким не буду. Ты, конечно, голубка моя, постараешься, — разве кто-нибудь может тебя заподозрить во лжи? Ты же у меня сама невинность, святой отец тебя как называл? — мужчина не смог скрыть улыбки.

— Мадонной, — хихикнула Ева: "Не буду папе о Теодоре говорить. Достану ему амулет. Пусть, что хочет с ним, то и делает, а мы с Теодором уедем и обвенчаемся".

Александр внезапно повернул ее к себе, и, вгляделся в лицо дочери: "Не скрывай от меня ничего, мой ангел. Ты же знаешь, как я тебя люблю, милая. Не надо скрывать, — глаза отца вдруг заблестели сталью. Ева, прикусив губу, вздохнула: "Ты меня будешь ругать, папа".

Горовиц слушал. Потом, хмыкнув, он зарылся лицом в тяжелые, все еще пахнущие морским ветром, волосы дочери: "Ты же меня не бросишь, милая? Я же твой отец, буду жить вместе с вами. Да, доченька?"

Ева посмотрела в его сузившиеся, холодные глаза и покорно кивнула: "Да, папа".

— Вот так, — одобрительно сказал Горовиц, раздвигая ей ноги. "Все будет так, как я скажу, мой ангел, правда ведь?"

— Да! — крикнула Ева, разметав волосы по шелковым подушкам, царапая его плечи. "Да, папа, я люблю тебя!"

— Никто не устоит, — подумал Горовиц, поднимая ее на руки, прижимая к стене. "У кого бы ни оказался этот амулет, — никто не устоит. Даже сам Судаков".

Он, на мгновение, представил дочь — в скромном платье, в плотной вуали, со свечой в руке, под свадебным балдахином. Улыбнувшись, целуя ее белую, нежную шею, он шепнул: "Моя сладкая, доченька моя, невеста моя!"

Мулы остановились на гребне холма. Ханеле, держась за луку седла, восхищенно вздохнула: "Иерусалим!"

Над лежащим в низине, окруженным стенами городом, в пронзительном, голубом осеннем небе, — неслись белые облака. Аарон наклонился к собаке: "Тут мы и будем жить. Далеко мы с тобой забрались, но теперь — это наш дом".

Он оглянулся и, незаметно набрав в ладонь сухой, невесомой земли — поднес ее к губам. Пахло теплом, и солнцем. Аарон, пробормотав: "Если я забуду тебя, Иерусалим..., - повернулся к остальным. Джо стояла, молча, смотря на город, ее темные, отросшие волосы были заплетены

в косы. Аарон увидел, как Иосиф что-то шепчет ей на ухо.

— И все равно я боюсь, — горько проговорила девушка. "Вдруг и отсюда — тоже выгонят. Ты же ходил к этому раввину, в Ливорно. Он тебе, то же самое сказал, что мы в Лондоне слышали".

— Не выгонят, — уверенно ответил Иосиф. "Теодор сейчас Хану к отцу ее отведет. Аарон отправится нам комнаты снимать, а мы с тобой сразу найдем этого Исаака Судакова".

— Поехали, — улыбнулся Федор. Спускаясь с холма, ведя за собой мула, он спросил у племянницы: "А где отец-то твой живет, знаешь ты?"

Ханеле только закатила красивые, серые глаза и положила руку на медальон. "Дядя, — с чувством сказала девочка, — я же вам говорю, я все знаю. Я и раньше все видела, как меня дядя Иосиф еще не лечил. Только я не знала, что мир такой красивый. Это его Господь таким сделал? — она подергала Федора за рукав сюртука.

— В общем, — он согласился, — да. Вдоль дороги росли старые, с узловатыми стволами, оливы, зеленовато-серые листья шелестели на ветру, птицы клевали упавший в пыль гранат. Федор вдруг подумал: "Раз уж я здесь — съезжу на это озеро соленое, к югу от города. Надо взять образцы воды оттуда. И вообще, в горах побродить, посмотреть, какие тут минералы есть. Вряд ли сюда хоть один натуралист добирался"

Он обернулся к Иосифу: "А если я с вами поселюсь? Потом, как я уеду, ты из моей комнаты кабинет сделаешь. Мой брат все же скромно живет, да и детей у него двое".

— Конечно, — Иосиф хмыкнул: "Теодор, ты же ученый, материалист. Как ты можешь верить во всю эту ерунду? Хана просто не в себе была. Да и мало ли где она эту бумажку взяла?"

Федор помолчал:

— Бумажка, как ты выражаешься — в золотом медальоне лежит, так что явно, кто-то о ней заботился. И вообще, — он потянулся, и потрепал мула по холке, — скоро все и увидим, своими глазами. А если ты все знаешь, — он наклонился и поцеловал черные косы племянницы, — то скажи нам — кто из нас первым женится — я, Иосиф, или Аарон? Ты же у нас только хорошие вещи, видишь, да?

— Я разные вещи вижу, — мрачно подумала про себя Ханеле. Вслух, весело, она ответила: "Аарон!"

Юноша покраснел. Иосиф рассмеялся: "Как бы мне не пришлось одному в комнатах жить".

Ханеле посмотрела на бледное, взволнованное лицо Джо. "Как далеко, — подумала девочка, — на краю земли. Море, ничего кроме моря вокруг. Хоть не одна она там будет".

— Дядя, — лукаво спросила Ханеле, — а мы с вами на рынок сходим, как в Лоде?

— А зачем тебе? — усмехнулся Федор. "Опять этими сладостями местными объедаться будешь?"

Ханеле облизнулась. Федор развел руками: "Ну что с тобой делать?".

Ведя за собой мула, он зашел в Яффские ворота. Племянница оказалась забавной девчонкой.

На корабле она делила каюту с Джо. Днем, устав, набегавшись, девочка засыпала на руках у Федора. Тот покачивал ее, и что-то напевал. Иногда, закрыв глаза, он гладил ее по голове: "У меня, наверное, и детей уже не будет. Того сына, о котором Хана говорит — не хочу я его искать, а жениться? Тео мне откажет, наверняка, а ни о ком другом я и думать не могу. Так и получится — племянница есть, племянник тоже, Майкл в Лондоне, Тедди маленький в Париже — буду им всем дядей"

— А еще, — со значением сказала Ханеле, подняв голову, рассматривая мощные стены города, — на рынке продают красивые ткани и ожерелья. И кальяны, дядя, я видела. Вы же хотите привезти в Париж подарки. Например, — Ханеле невинно похлопала глазами, — для тети Марты?

Федор покраснел и, снял девочку с седла: "Так, Аарон, ты сразу иди, ищи нам комнаты. Мулов потом можем продать, кроме одного, мне он понадобится, когда в горы поеду. А вы, — он повернулся к Иосифу и Джо, — отправляйтесь с нами. Брат мой наверняка знает, где этого Исаака Судакова найти можно. Тут, — он указал на маленькую площадь перед Яффскими воротами, — и встретимся, часа через два".

— Какие дома низкие, — внезапно сказала Джо, оглядывая улицу. "А людей много, только почему они на нас так смотрят?"

— Потому, — сочно ответил Федор, беря за руку племянницу, — что ты, Джо, хоть и в шерстяном платье, а все равно — в Париже сшитом. Не говоря уже о нас с Иосифом. Тут так никто не одевается, у них у всех — заплата на заплате.

— Не волнуйся ты, пожалуйста, — шепнул ей Иосиф. Он быстро, мимолетно коснулся ее руки. "Два года, — грустно подумал мужчина, идя за Ханеле. "Как бы еще прожить их".

Они свернули в узкий проулок. Ханеле, остановилась перед старыми воротами: "Вот здесь. Только папа сейчас на работе, они улицы мостят. Он уже сюда идет, я вижу".

Во дворе, на веревках, сохли развешанные пеленки. Женщина в туго намотанном платке наклонилась над тазом со стиркой.

— Это папина жена, — замерев, прошептала Хана. Федор почувствовал, как девочка уцепилась за его руку — сильно, до боли.

— Интересно, — вдруг подумал Федор, — она по-русски говорит?

Женщина разогнулась. Большие, красивые глаза блеснули улыбкой, и она сказала, по-русски: "Здравствуйте!".

Иосиф и Джо закрыли за собой калитку. Джо тихо шепнула: "Очень красивая она, эта Лея. Только у нее платье совсем закрытое, а у меня..., - Джо оглянулась и пробормотала: "Надо было у нее шаль одолжить, все-таки".

Иосиф вздохнул: "У тебя есть шаль. Даже несколько. Как только станет понятно, где тебя поселят, мы с Аароном тебе все принесем. Я тебя люблю".

Она завернули за угол дома, и Джо подумала: "Какая комната у них маленькая. Они там вчетвером жить станут. Мальчик такой хорошенький, и улыбается уже. Господи, неужели у нас тоже — такой будет, — она зарделась. "Я же не знаю ничего, как с ними обращаться. Хоть мне

Марта и говорила, что это легко. Можно будет Лею попросить меня научить, она же дочка этого Исаака Судакова".

— Тут, — Иосиф зашел во двор одноэтажного дома. Наклонившись, он заглянул в подслеповатое окошко. "Дети, — вдруг улыбнулся он. "Днем мальчики учатся, а взрослые вечером. Я-то, как бар-мицву справил, отказался дальше заниматься. Папа и не настаивал. Но хоть в Ливорно я по нему кадиш сказал, как положено. На могилу его сходил, хотя там, конечно, все вместе лежат — и евреи, и не евреи, и врачи, и больные. Чума не разбирает".

Он оглядел пустынный двор. Поправив кипу, отряхнув сюртук, мужчина попросил Джо: "Подожди меня тут, пожалуйста".

Девушка присела на каменную скамью у входа. Сложив руки на коленях, она вздохнула. "В море все просто, — сказала себе Джо. "Есть карта, есть секстант, чутье есть, в конце концов. А тут, — она пожала плечами, — как будто вслепую, ночью, корабль ведешь, по неизвестным водам. Эх, — она посмотрела на дверь в ешиву и закрыла глаза, подставив лицо еще теплому солнцу.

— Да вы садитесь, — Лея убрала со стола шитье. "Садитесь, пожалуйста… — она замялась. Федор смешливо сказал: "Вот что, дорогая невестка, вы меня просто по имени называйте, раз мы теперь родственники".

— Так, — подумал Федор, осматривая комнату. "Завтра тут все оштукатурить надо, пока тепло. Мебель им подправить, Ханеле кровать сделать, и на рынок сходить. Нечего ей с грудным ребенком туда-сюда бегать. Пусть дома сидит, отдыхает".

Ханеле устроилась на кровати, восхищенно разглядывая брата. "Она ведь русского не знает, — подумал Федор. "И святого языка — тоже. И этого их ладино. Как они разговаривать-то будут?"

— Я помню, — запинаясь, неуверенно проговорила Ханеле по-русски. "Помню немножко. Маленький, — сказала она ласково, глядя на Моше — мальчик улыбался.

— Ханеле научится, — Лея накрыла на стол и покраснела: "Простите, что так небогато. Мы мясо только на Шабат едим, и все".

Федор зло подумал: "Ну что тебе раньше стоило приехать? Ты не знал, конечно, что они тут живут, но все равно стыдно".

— Папа! — вдруг, тихо сказала Ханеле. "Мой папа!"

Федор поднялся — брат стоял в дверях, нагнув голову — притолока была низкой. Он, глубоко вздохнув, сделав к нему шаг, проговорил: "Степа!"

Девочка сорвалась с места. Кинувшись к отцу, влетев в его объятья, она тихо, горестно расплакалась.

— Что ты, милая, Ханеле, доченька моя, — шептал Степан, целуя ее мокрые щеки, — не надо, не надо. Папа тут и мы никогда больше не расстанемся". Ханеле потянула с шеи медальон. Подергав за цепочку, она велела отцу: "Ты тоже!"

— Да, — улыбнулся Степан, — больше они нам не понадобятся. Убери, Лея, пожалуйста, — он протянул жене медальоны — золотой и серебряный, — в шкатулку. Пусть лежат. Отец твой

говорил, не надо их трогать.

— Вы поешьте, — Лея подхватила младенца, — а мы во дворе погуляем, там тепло. И Ханеле поиграет, да? Вам же поговорить надо, — она посмотрела на мужа.

— Господи, одно лицо с Елизаветой, — подумал Степан, смотря на дочь. "И волосы те же, и глаза. Красавица моя, девочка моя. Теперь еще больше работать надо, приданое собирать".

— Иди, моя маленькая, — он поцеловал дочь в лоб. "А вечером я вернусь, и побудем все вместе".

Федор быстро съел суп и, заметив: "Вкусный", велел: "Рассказывай".

Он слушал, глядя на усталое, постаревшее лицо брата. Потянувшись, взяв его искалеченную, правую руку, Федор сказал: "Степушка…, Мальчик мой, если бы я знал…, Я же был там, в Санкт-Петербурге, Хане тогда три месяца исполнилось. Я бы нашел ее, а вот видишь, — Федор пожал плечами, — бежать мне пришлось".

— Я ее очень любил, Елизавету, — Степан сидел, опустив голову. "Когда я увидел, что она умирает…, я думал, что и сам того дня не переживу. А вот — и жена у меня теперь есть, и сын родился, и еще дети будут. Ты на меня не сердишься, Федя? — мужчина поднял блестящие, серые глаза. Федор, встав, обняв его за плечи, вздохнул: "Вот же дурак. Ты мой брат, Степа, и так будет всегда. А что не писал я, — Федор усмехнулся, — так я писем твоих не получал, я и сам в бегах был".

— Так ты в Россию не вернешься? — Степан, осторожно вынув из-за книг саблю, передал ее Федору. "Держи, пусть у тебя будет, мне-то она ни к чему. Мне тот араб, которому я голову снес, из-за нее, — Степан помолчал, — рассказал, что тут за значки на эфесе. "Меч Сигурда, сына Алфа, из рода Эйрика". Так что это все, правда — о варягах.

Федор благоговейно коснулся сабли: "Я всегда в это верил. А в Россию — может, и вернусь, посмотрим, как оно сложится. Держи, — он вынул из кармана сюртука туго набитый кошелек.

— Федя! — Степан поднялся. "Я даже у своего тестя…"

— Вот у него и не бери, а у меня возьмешь, — Федор открыл крышку шкатулки и уложил туда кошелек. "Завтра я тут появлюсь, буду твою комнату в порядок приводить, пока ты работаешь. Не надо со мной спорить, — заметил он, — я твой старший брат. Пошли, — он похлопал Степана по плечу, — провожу тебя, мне Лея сказала — вы там дороги мостите".

Они вышли во двор. Ханеле, подбежав к отцу, улыбаясь, велела: "Папа, приходи быстрее!"

— Приду, конечно, — Степан подошел к жене: "Учиться не буду сегодня, так что погуляем вечером. Я с детьми поиграю. А ты поспишь, устаешь ведь тут, одна".

Лея проводила их глазами. Ханеле, подергав ее за платье, проговорила: "Я помочь могу".

Женщина присела. Поцеловав девочку в щеку, прижав ее к себе, она шепнула: "Я очень рада, что ты теперь дома, милая".

Джо зашла в маленькую, уставленную книгами комнату. Девушка робко опустилась на деревянный табурет.

— Вы меня хотели видеть, рав Судаков, — пробормотала она, опустив голову. "Мне Иосиф, то есть, господин Мендес де Кардозо сказал, как уходил".

Исаак Судаков посмотрел на девушку, что сидела перед ним, перебирая подол темно-синего, изящно скроенного платья: "Волнуется, бедная. Жених у нее хороший, этот Иосиф. Пусть ходит в ешиву. Ее мы у госпожи Сегал поселим, там уже эта Дина живет. Девочкам вместе веселей будет. Госпожа Сегал просто будет с двоими заниматься. Да, так будет хорошо".

— Вы не бойтесь, — сказал он ласково, — сейчас придет госпожа Сегал, заберет вас. Завтра уже и учиться начнете, как устроитесь. Вещи ваши к ней принесут, кто-нибудь из мальчиков.

Джо посмотрела в его добрые, темные глаза: "Рав Судаков, а с господином Мендесом де Кардозо мне никак нельзя увидеться теперь?"

Судаков покачал головой: "Не принято это, деточка, так не делают. И вот еще, — он посмотрел на нее и тут же отвел взгляд, — ты, как в синагогу приходить будешь, все же шаль надевай, так лучше".

Джо вспыхнула и пробормотала: "Простите, пожалуйста, конечно…"

— Рав Судаков, госпожа Сегал во дворе ждет! — постучался в дверь какой-то мальчик. "Иди, деточка, — отпустил ее Судаков. Вдруг, улыбнувшись, он спросил: "А откуда ты так ладино хорошо знаешь?"

— Меня Иосиф, то есть господин Мендес де Кардозо научил, как мы сюда плыли, — смутившись, ответила Джо. "У меня испанский язык, как родной, а они ведь похожи".

— Ну, хорошо, — он поднялся. "Иди, на Шабат увидимся".

Джо вышла во двор. Она увидела маленькую, худенькую женщину в платке и темном, просторном, по щиколотку платье. "Здравствуйте, — сказала она несмело, — рав Судаков меня к вам послал".

Женщина вздохнула: "Хоть говорить с тобой можно, по-человечески. Та-то вторая, как приехала — мы с ней на пальцах объяснялись. Сейчас уже легче стало. Тебе лет сколько? — спросила она Джо, выходя на улицу.

— Шестнадцать, — та все еще краснела. "Госпожа Сегал, а чему я учиться буду?"

— Молитвам, — та стала загибать пальцы, — Тору с вами буду читать. Будешь ходить, полы мыть, за детьми присматривать, обеды варить. А на Шабат — в синагогу.

Они подошли к старому, двухэтажному дому. Госпожа Сегал велела: "Сюда". В маленькой, полуподвальной комнате стояло две кровати. Стройная, белокурая девушка, вскочив с одной из них, сказала: "Здравствуйте!"

— Это Дина, товарка твоя, — госпожа Сегал оглядела комнату: "Знакомьтесь. Сегодня-то не пойдешь никуда, пока вещи твои доставят, пока то, пока се. Завтра уже с шести утра на работу".

Дина подождала, пока дверь закроется. Она неуверенно протянула тонкую, натруженную руку: "Вторая кровать не очень хорошая, она старая. Моя, правда, тоже шатается. Какое у тебя платье красивое!"

mir-knigi.org

— Если ты мне найдешь молоток и гвозди, — ответила Джо, засучив рукава, — я все это быстро исправлю.

Она стояла на коленях, сколачивая планки. Дина, заглянув ей через плечо, восхищенно протянула: "И где ты только такому научилась!"

— У меня был свой бот, — Джо поднялась, — а потом я два года плавала юнгой и шкипером в Карибском море. С пиратами, — добавила она.

Дина открыла рот и в дверь постучали. "Сундуки твои принесли! — крикнула госпожа Сегал.

— А у тебя все платья такие же? — спросила Дина, когда они поставили два тяжелых сундука к стене. "Нескромные".

— У меня шали есть, — вздохнула Джо, открывая крышку. Дина посмотрела внутрь и зажмурилась: "Красота, какая! Это все шелк, да, и бархат? Никогда в жизни не носила".

— Так примерь, — Джо достала платье цвета незабудок. "Оно тебе длинновато, я выше, но мне его в Париже, шили".

Джо сидела на кровати, складывая платья. Дина, опустившись рядом, восторженно сказала: "Вот бы в таких нарядах всю жизнь ходить! У меня было шелковое платье, как я еще маленькая была. Мне отец его подарил, а потом он умер, да и я выросла из него. А ты тоже сирота? — Дина подперла подбородок кулачком.

— У меня матери нет, — Джо начала складывать платья. "А отец есть, и брат — тоже. И еще жених, — добавила она, краснея.

— А у меня — совсем никого, — Дина стала ей помогать. "Давай твои шерстяные платья, оставим. Я хорошо шью, приведу их в порядок. И у госпожи Сегал холст на передник возьмем, у нее много. А ты готовить умеешь?"

— Нет, — вздохнула Джо, — но полы мою хорошо, на корабле палубу тоже убирать надо.

— Научишься, — махнула рукой Дина. Подхватив шерстяные платья, она вдруг замерла: "А это что?"

— Мой пистолет, — пожала плечами Джо. "На всякий случай".

Дина уважительно посмотрела на нее: "Я их и не видела никогда".

Над Иерусалимом играл золотой, высокий закат. Джо, кутаясь в шаль, сидя рядом с Диной на деревянной скамейке во дворе, обметывала раскроенный холщовый передник. "Уже лучше, получается, — пробормотала она.

— Расскажи еще о Париже, — попросила Дина, — во Франции наша королева была, из Польши, Мария Лещинская, давно, правда"

У ворот раздалось какое-то урчание. Дина, оглянувшись на дом, приоткрыла створку. Короткошерстная, рыжая собака лизнула руку Джо. Девушка ахнула: "Это Ратонеро! Он с нами сюда из Южной Америки приехал. Смотри, — Джо понизила голос, — у него записка за ошейником. Это от моего жениха, наверное".

— И что же, он сюда сам прибежал? — удивилась Дина, глядя на собаку.

— Нет, — улыбнулась Джо, прочитав записку, — не сам. "Сидеть!" — свистнула она. Быстро прошмыгнув в подвал, Джон принесла бумагу и карандаш. Девушка засунула свой ответ под ошейник и велела: "Беги! Беги к Аарону!"

— А кто это — Аарон? — спросила Дина.

Девушки высунули головы на улицу. Джо рассмеялась: "Хозяин его. Видишь, в рабочей куртке юноша, темноволосый, на углу стоит?".

Аарон повернулся. Он едва успел улыбнуться, как белокурая девушка, покраснев — захлопнула ворота.

Исаак Судаков закурил. Взглянув на Аарона, он разрешил: "Ты тоже кури, вижу, хочешь ведь".

Он выпустил клуб дыма: "Все как надо. Он теперь здесь, и все будет хорошо. Господи, а если бы этот Иосиф не нашел его? Совсем один мальчик жил, без семьи, без народа своего".

— Заниматься с Иосифом будешь в паре, — Исаак все незаметно рассматривал юношу, — а что с работой у тебя?

— Завтра начинаю, — улыбнулся Аарон. "В мастерскую устроился, столяром, и резчиком. Рав Судаков, у меня руки хорошие, если бы я еще мог писать научиться..., Очень хочется".

— Э, — вздохнул старший мужчина, — ты сначала в ешиву походи, год хотя бы. Потом уже и поговорим о таком, чтобы писцом стать — надо много законов знать. Двадцать четыре же тебе? — спросил Судаков.

Аарон кивнул. Раввин задумчиво сказал: "Как говорится, и под хупу пора. Нехорошо человеку жить одному".

Юноша вспомнил белокурые, заплетенные в тугие косы волосы: "А глаза у нее голубые. Надо попросить Иосифа, пусть в следующей записке спросит — как зовут ее. И на Шабат они придут, хоть краем глаза, а посмотрю на нее. Такая красивая".

— Вы же сами говорили, — Аарон рассмеялся, — сначала учеба, а потом — все остальное. Да и, — он покраснел, — хочется же, чтобы девушка по душе была, рав Судаков.

— Это верно, — дверь открылась, и раввин радостно сказал: "Заходи, Иосиф. Принес ты родословное древо?"

— А как же, — Иосиф шагнул через порог и обернулся: "Не стесняйся ты, Теодор. Старшего брата вашего зятя привел, — объяснил мужчина, — он ведь тоже нам родственник".

— Похож, — Исаак поднялся и протянул ему руку. "Тоже рыжий, — шутливо сказал Федор по-русски, и попросил: "Рав Судаков, вы только переводите мне, а то я ладино не понимаю, совсем"

Он обвел глазами маленькую комнату. Рассматривая потрепанные тома, Федор вспомнил голос брата: "Я еще совсем мало знаю, я только начал учиться. Это же на всю жизнь, — он посадил Ханеле на колени: "Только для мужчин, конечно. Женщинам так много знать не надо, только то, что дома касается. Они, же не обязаны все заповеди исполнять".

— Но могут, — вдруг, звонко, сказала девочка, положив руку на Тору. Степан хмыкнул: "Таких

женщин и нет вовсе, милая. Ты замуж выйдешь, внуков мне родишь, и будешь за семьей смотреть, как мама наша".

Федор взглянул в серые, дымные глаза девочки и увидел, как она лукаво улыбается.

— Конечно, переведу, — ответил Исаак. Взяв перо, рассмотрев искусно вычерченный рисунок, он протянул: "Правда ваша, Горовицы и в Новом Свете есть. А жена этого Элияху — он показал на запись, — та, что сожгли, как ты мне говорил, Иосиф, — она тоже еврейкой стала, как и невеста твоя, — он потрепал мужчину по плечу, — собирается".

— Вот, — Исаак стал писать на полях мелким, четким почерком, — это о Судаковых. А вот и та девушка, — она прищурился, — что с моим зятем в плен попала, в Марокко. Да и не найти ее уже, — он вздохнул, и, отложил родословное древо: "Этого отступника тут нет, а ведь он наверняка — родственник нам. И мать Ханеле, упокой Господь ее душу, — тоже из Горовицей была. Из детей рава Шмуэля, праведника. Значит, не все они погибли. Иначе, откуда бы у девочки дар такой появился? Внучка, — он нежно улыбнулся и сказал, поднимаясь: "Ну, нам и учиться пора".

Федор вышел во двор, и посмотрел на клонящееся к закату небо: "До полуночи они тут сидеть будут. Комнату я в порядок привел. Аарон мебель сколотил, вот и славно. Мне тоже, кстати — позаниматься надо".

Он шел к Яффским воротам, рассматривая масляные, редкие фонари на углах домов и вдруг обернулся. Какая-то темная тень промелькнула за его спиной. Он услышал низкий, тихий, воркующий голос:

— На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и нашла его.

Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и нашла его.

— Вот же город, — сочно подумал Федор. "Привидится всякое. Надо будет с Иосифом и Аароном к этой их стене сходить, как вернусь. Интересно. И в Храм Гроба Господня тоже. Родословное древо..., - он удобнее подхватил лист бумаги. "А этих Горовицей, из Брно — там не было. И что я лезу? — Федор пожал плечами. "Уж если Исаак о них не знает — то они наверняка, не родственники".

Он уходил, а высокая, тонкая в сером платье девушка, спрятавшись за углом дома, следила за ним.

— Вот и прекрасно, — подумала Ева, накидывая на голову шаль, — я все увидела. И где он живет, — она прищурилась и посмотрела на свечу, что зажглась в окне второго этажа, — я теперь знаю. Осталось дождаться папу, и уж тогда прийти к Судакову. Хорошо, что я в поле ночую. У меня как раз вид будет — измученный, такой как надо.

Турецкие стражники уже закрывали тяжелые, деревянные створки Яффских ворот, над городом несся крик муэдзина. Ева закрыла лицо шалью и быстро пошла на запад, к роще, где была привязан ее мул.

Джо выплеснула грязную воду в канаву. Вернувшись на кухню, она встала у стола, где Дина разделывала курицу. "Очень просто, — показала девушка, — печень вынимаем, ее потом надо на огне обжарить, все остальные внутренности тоже вынимаем, желудок разрезаем и чистим.

Теперь ты, — она передала Джо нож.

Джо наклонилась над птицей: "Дина, а ты как в Иерусалим попала?". Она разрезала курицу вдоль и стала промывать ее в тазу.

Голубые глаза погрустнели. Дина посмотрела на закат, что был виден в открытую дверь кухни.

— Моя мама полька была, — тихо сказала Дина, — в прислугах работала, у семейной пары, евреи они были, бездетные. Как хозяйка умерла, так хозяин стал с моей мамой жить. Ну, я и родилась…, - девушка ярко покраснела.

— Я отца хорошо помню, он умер, как мне шесть лет было. Он меня любил, баловал. Ему уже седьмой десяток шел, а маме моей — едва двадцать исполнилось. Папа все нам в завещании оставил. Потом приехали его родственники, и сказали, что он не в себе был. Выгнали нас с мамой на улицу, — Дина вздохнула и ворчливо сказала: "Теперь в ведро клади, и полчаса ждать надо. Госпожа Сегал еще с рынка не вернулась, можно на улице посидеть. А потом посолим ее, — Дина кивнула на курицу, — кровь выйдет, еще три раза промоем и можно готовить".

Они присели на скамейку. Дина, комкая в руках подол платья, помолчала: "Так и получилось, что я с семи лет тоже в прислугах жила. Как мама моя умирала, она мне велела: "Иди в Иерусалим. Вот, письмо от отца твоего, где он тебя своей дочкой признает. Это тут, в Польше, ты незаконнорожденная, а там, может, они тебя за свою посчитают. Я и пошла, — Дина улыбнулась.

— Как? — тихо спросила Джо, беря ее за руку.

— Ногами, — та рассмеялась. "Год шла, до моря Черного. Работала по дороге, денег скопила, и на палубе сюда приехала. Вот и все".

Они услышали звонкий лай и рассерженный голос госпожи Сегал: "Вот же этот пес — будто костями его тут кормят, и бегает, и бегает".

— Мы не кормим, — вскочив, забирая у хозяйки плетеную корзину, ответила Джо. "Мы ждем, пока курица вымочится".

— А то, наверное, по дому работы нет, — ядовито заметила госпожа Сегал, снимая черную накидку, — сидят и лясы точат.

Он прошла на кухню. Джо, оглянувшись, вытащила из-под ошейника Ратонеро записку. Незаметно прочтя ее, она подтолкнула Дину острым локтем: "Помнишь Аарона? Ну, давешнего юношу, темноволосого. Так вот он спрашивает, как тебя зовут. Сейчас напишу, — Джо вынула из кармана передника карандаш.

— Не надо! — испуганно пробормотала вторая девушка.

— Вот и все, — победно улыбнулась Джо. Она шепнула Ратонеро: "Беги, беги к хозяину".

Дина посмотрела вслед собаке и робко спросила: "А зачем он спрашивал?"

— Должно быть, тоже — записку тебе написать хочет, — ухмыльнулась Джо и дернула девушку за рукав: "Пошли, теперь покажешь мне — как солить эту самую курицу".

В маленькой комнате резко пало химикатами. Федор посмотрел на прибранный стол, и велел:

"Ничего тут не трогайте, мне все эти кислоты понадобятся, когда я с образцами минералов вернусь. Особенно вот это, — он поднял реторту с маслянистой, желтоватой жидкостью.

— Витриол, — хмыкнул Иосиф. "Может, вообще его убрать? Только некуда, — он обвел глазами узкую кровать, и выложенный камнем, чисто подметенный пол. За окном, в маленьком дворике, росло гранатовое дерево. Ратонеро лежал у колодца, развалившись на полуденном солнце. Аарон, наклонившись над очагом, аккуратно снял медную сковороду с решетки и крикнул им: "Все готово!"

— Да я просто дверь закрою, — Федор подхватил свою суму: "Мул меня не снесет, так что я пешком пойду, а он багаж повезет. Я скоро и вернусь уже, а потом — обратно во Францию, так что сможешь и тут пациентов принимать. Как твой наставник? — спросил Федор, когда они вышли во двор.

Иосиф улыбнулся: "Я только начал, конечно, но уже вижу — мы, в Европе, недооцениваем здешнюю медицину".

Аарон разложил мясо на глиняные тарелки, и, присел: "Хоть вволю поешь. Говорят, там, куда ты едешь — одна пустыня. Хотя тебе охотиться можно, нам-то запрещено".

— Вечером разведу костер, — Федор сладко потянулся, — и буду сидеть, звездное небо рассматривать. Он внезапно вспомнил крупные, яркие звезды над уральским лесом, треск поленьев в огне, и ее сладкий, нежный шепот: "Так хорошо, Федя, так хорошо, милый мой, я тебя так люблю…"

— Даже и не думай об этом, — вздохнул про себя Федор и поднялся: "Работайте, занимайтесь, а я поехал. Воды тебе из озера этого привезу, Иосиф. Я слышал, что она целебная, как в Германии, на источниках".

— И не боится, — Аарон проводил глазами мула. Федор, выходя из ворот, помахал им рукой. Иосиф, убирая со стола, заметил: "А чего бояться? Пистолет у него есть, да и какие тут звери? Львы попадаются, но мне Исаак сказал, что они сами от человека прячутся. А бедуины мирные, они местных не трогают. Ее, кстати, Дина зовут, — мужчина подмигнул другу.

Аарон застыл со сковородой в руке и покраснел. "А что я ей напишу? — грустно спросил он у друга.

— А что ты хочешь написать? — Иосиф погладил темную бороду. "Как из ешивы сегодня вечером вернемся, так садись, бери бумагу и карандаш, и пиши. Оно само получится, поверь мне".

— Дина, — Аарон все стоял, глядя на ярко-голубое небо. Золотые листья граната шелестели под слабым ветром. "Такое имя красивое — Дина".

— Очень, — ворчливо сказал Иосиф, забирая у него из рук сковородку. "Можешь вырезать ей что-нибудь, Ратонеро на ошейник прицепим, а она заберет. И вообще, — он взглянул на часы, — мне к пациентам пора, а тебе в мастерскую".

Они расстались у калитки. Аарон, спускаясь в узкий переулок, заходя в пристройку, где вкусно пахло свежим деревом, присаживаясь к верстаку, все вспоминал ее белокурые волосы и голубые, большие глаза. "Дина, — шепнул он и улыбнулся. "Я бы шкатулку ей сделал, — вздохнул юноша, — но как передать? На Шабате, мы и женщин не видели, они в задней комнате молятся, закрытой, и едят — тоже отдельно". Аарон взял кусочек красного дерева и

повертел в руках. "Совсем маленькая получится — подумал он. "Ее имя вырежу на крышке, вместе с цветами. А записку внутрь положу".

Он взял инструменты. Наклоняясь над столом, юноша опять повторил: "Дина". Ратонеро, что лежал под верстаком, одобрительно заурчал. Аарон рассмеялся: "Подарок ей понесешь, дружище".

Федор свернул налево и пошел через рынок к Дамасским воротам, не заметив высокого, со светлой, ухоженной бородкой человека, в шароварах и халате, который стоял, прислонясь к стене дома напротив.

— Герр Теодор, — Александр Горовиц усмехнулся. "Смотри-ка, где мы с ним встретились. Я тогда сразу понял, что аббат его не просто так в замок привел. Вот и врач со своим приятелем, правильно мне их Ева описала. Ну что ж, — он посмотрел вслед мужчинам, — пора проверить, что там у них в комнатах делается. Тут же никто дверей не запирает".

Он подождал и вошел в маленький дворик. Оглядевшись, толкнув дверь, Горовиц заглянул внутрь — было прохладно и тихо, на деревянных полках стояли книги. Войдя в левую комнату, он хмыкнул: "Очень неосторожно, герр Теодор, я бы на вашем месте не оставлял такие вещи на столе".

Горовиц поднял реторту. Поболтав ей, забрав из деревянного ящика чистую пробирку, он отлил немного желтоватой жидкости. "Пригодится, — пробормотал он, аккуратно надавливая на пробку. "А больше тут ничего интересного нет. Пора к моей голубке".

Он миновал базар. Скрывшись в путанице улочек христианского квартала, мужчина легко сбежал по узкой лестнице, что вела в крохотный дворик. Александр постучал в дверь. Он сказал дочери, что стояла на пороге, кутаясь в шаль: "Пора, моя милая. И помни, — он положил руку на ее медальон, — я всегда рядом и все вижу. Когда я позову — придешь ко мне".

Он вынул из кармана халата пробирку. Ева, собираясь, спросила: "Что это?"

— То, — Горовиц поднял бровь, — что поможет нам заполучить амулет. Он у зятя Судакова, Авраам его зовут. Ты уж постарайся к ним в дом пробраться, голубка. Иди сюда, — он придирчиво осмотрел дочь: "Да, все хорошо. Она кого угодно растрогает".

Александр привлек ее к себе: "Как только я получу тот амулет, я смогу сделать то, что ты просила, и ты со своим Теодором всегда будешь вместе. И со мной, конечно, тоже".

Он поцеловал дочь в губы. Выглянув в дверь, полюбовавшись ее бедным, скромным платьем, холщовым мешком на спине и потрепанными туфлями, он улыбнулся: "У тебя все получится, доченька".

Ева сидела, держа на коленях холщовый мешок, низко опустив изящную голову с туго заплетенными, каштановыми косами.

Дверь была закрыта. Она, прислушавшись, уловила, как кто-то из раввинов сказал: "Вот видите, рав Судаков, отступники сами возвращаются в лоно Торы. Эта девушка — дочь правой руки Франка, да будет его имя стерто из памяти людской. Она сама добралась до Иерусалима, чтобы раскаяться. Как хотите, а мы не можем ей отказать, она рождена еврейкой. Тем более, вы же слышали — отец проклял ее и выгнал из дома, ей некуда идти".

— Еврей всегда остается евреем, — донесся до нее еще один голос.

Раздался тяжелый вздох Судакова: "Хорошо. Только она совсем ничего не знает, воспитана в поклонении идолам. Надо подобрать ей хорошую наставницу".

— Так госпожа Сегал, — удивился кто-то. "Рав Судаков, при всем уважении к вам — раз уж вы позволили этим не еврейкам заниматься, а одна из них вообще — с женихом приехала, таких закон не позволяет привечать, так как вы можете оттолкнуть дочь еврейского народа?"

Ева чуть заметно улыбнулась и сложила руки поверх мешка.

— Тем более ей восемнадцать лет, — добавил кто-то, — выдадим ее замуж. Хорошую партию ей не сделать, конечно, кому нужна такая жена, но вот этот юноша, Аарон Горовиц — он будет согласен, думаю. Другая девушка и не пойдет за такого, как он.

— Об этом потом, — резко прервал их Судаков, — не время сейчас.

Дверь отворилась, и Ева сразу же поднялась.

— Будете жить у госпожи Сегал, — сухо сказал раввин, глядя поверх ее склоненной головы, — учиться, а там посмотрим. Сейчас за вами придут.

Исаак посмотрел в окно своей комнаты — девушка стояла во дворе, слушая пожилую, женщину. Потом она кивнула, обе скрылись в воротах ешивы. Исаак, поморщился: "Все равно что-то не так, неправильно. И Ханеле — как они у меня на Шабат обедали, все молчала, будто видела что-то. Спросил ее — она только за руку меня взяла и вздохнула. Господи, ну не оставь ты нас милостью своей".

Он посмотрел на часы — пора было идти на молитву. В крохотной синагоге еще никого не было, ремесленники только заканчивали работать. Исаак присев на старую, деревянную скамью, опустил голову в руки.

— Амулет, — подумал он. "Ерунда, ее отец знает, что ему со мной не тягаться. Но это если я нарушу свое обещание, конечно, преступлю запрет на такое".

Темные глаза блеснули, и мужчина вдруг пробормотал: "Если надо будет — то придется, Исаак Судаков".

Девушки втащили в комнату тюфяк. Ева, опустившись на него, положив рядом холщовый мешок, грустно сказала: "У меня и нет больше ничего, я из дома в одном платье ушла. Отец меня выгнал, как я отказалась в церковь ходить".

Дина присела рядом и взяла ее за руку: "Ты не плачь. Я сирота, у Сары — матери нет, мы тут все одни. Но вместе легче, правда. Ты отдохни сегодня. Завтра с утра уже, и убираться пойдем, сейчас еще Сара вернется. Она сегодня госпоже Судаковой помогала".

— Жене раввина? — спросила Ева, заинтересованно глядя на девушку. Дина помотала белокурой головой: "Дочке его. У нее мальчик грудной, Моше, и девочка, Ханеле, три годика ей, — девушка приблизила губы к уху Евы и что-то зашептала.

— Ханеле, — усмехнулась про себя Ева. "Так вот кто ее из Парижа увез. Надо же, прозрела девчонка. Она меня не узнает, но все равно лучше не рисковать".

Дверь заскрипела, и Дина радостно сказала: "А вот и Сара!"

mir-knigi.org

Ева поднялась и взглянула на высокую, тонкую, с прозрачными голубыми глазами девушку. Та вытерла руки о холщовый передник. Протянув жесткую, с мозолями ладонь, она наклонила темноволосую голову: "Рада знакомству"

Та робко улыбнулась: "Меня зовут Ева. Ева Горовиц".

Джо, было, хотела что-то сказать, но тут из-за двери раздался голос госпожи Сегал: "Все на кухню, я вас ждать, не намерена. Надо обеды для больных готовить!".

Пожилой мужчина и маленькая девочка медленно шли по выложенной стертыми камнями улице, вниз, туда, где над черепичными крышами города виднелся золотой купол.

— Дедушка, — звонко спросила Ханеле, — а тут холодно бывает? Я помню, мне было холодно, только я тогда еще не видела. То есть видела, но не так.

Девочка была в аккуратном, темно-синем платьице, в холщовом передничке, в черных косах виднелась синяя тесьма.

— Даже снег идет, — улыбнулся Судаков. "Вот Ханука настанет, и посмотришь". Ханеле вынула из кармана фартучка деревянную игрушку: "Мне Аарон подарил. Он вчера приходил на нашу улицу, всем деткам игрушки принес. Это волчок, дедушка".

— Вот и будем с тобой играть, — Судаков посмотрел в дымно-серые глаза. Остановившись, присев, он спросил: "Ханеле, милая, скажи мне, ты видишь что-то?"

— Нельзя, — велела себе девочка. "Нельзя говорить плохие вещи, Господь не разрешает".

Ханеле посмотрела вдаль, на серые, как ее глаза, тучи, что поднимались за холмами. "Дождь будет, дедушка, — сказала она ласково. "Я вижу".

Она видела огненный, хлещущий по земле кнут, столбы пыли, что крутились в воздухе, петлю, раскачивающуюся под потолком, слышала плач ребенка и протяжный, страдальческий крик женщины. Она видела сухие кости, и выжженные, дымящиеся глаза, опускала руки в льющуюся кровь, и вздрагивала от сухого, резкого выстрела.

— Пойдем, дедушка, — Ханеле потянула его за полу сюртука. "Пойдем к Стене".

Камень был теплым и твердым. Ханеле пробралась между женщинами и приложила к нему маленькие ладошки. "Зачем так? — пожаловалась она. "Зачем я все вижу? Мне же больно, Господи. Зачем ты забрал мамочку? Мама Лея очень хорошая, но я все равно скучаю. И папе грустно, я же вижу. Зачем я такая?"

Девочка привалилась щекой к камню и вздохнула. "Надо стараться, — поняла она. "Господь обязательно сделает так, что все будут счастливы. Папа, мама Лея, маленький и дедушка. Так правильно. Надо помогать маме Лее, и учиться. Все будет хорошо".

— Да это же Ханеле! — Джо присела рядом с ней и поцеловала девочку в щеку. "А мы тут с госпожой Сегал, я, и Дина. Ева к вам пошла, маме твоей помочь. А ты тут с дедушкой? — Джо пощекотала девочку.

— Угу, — кивнула Ханеле: "Ева. Ту — тоже так звали. Она была красивая, я помню. А его звали отец Пьетро".

— Хочешь, госпожа Сегал попросит у твоего дедушки разрешения, и мы погуляем вместе? — спросила Джо. "А потом тебя к дедушке отведем".

— А Ратонеро? Можно его увидеть? — Ханеле улыбнулась.

— Он сейчас у Аарона, в мастерской. Нам ведь туда нельзя, — Джо поднялась и взяла ее за руку. Ханеле внезапно вскинула голову и задумчиво сказала: "Двое".

Джо усмехнулась: "Она и Тео то же самое говорила, в Париже еще. Двое детей, что ли? — девушка почувствовала, что краснеет.

— А что вы делаете, целый день? — спросила Ханеле, выходя к противоположной стене, пониже, где сидели старухи с молитвенниками.

— Встаем в пять, — рассмеялась Джо, — умываемся, молимся, завтракаем, и работать идем. Я сегодня в трех домах полы мыла, больным обеды разнесла, покормила их, и еще на рынке была. Сейчас погуляем с тобой, и будем одежду чинить, для бедных. Госпожа Сегал нам в это время Тору читает. Потом святой язык будем учить, а вечером госпожа Сегал с нами на кухне занимается. Мы уже и спать ложимся, как солнце заходит. Разговариваем еще немножко, конечно, платья свои приводим в порядок, причесываемся.

— Тяжело, — вздохнула Хана. Джо рассмеялась: "В море тяжелей было. Вот только…, - она не закончила: "Иосифа бы увидеть, хоть ненадолго"

Девушки шли по улице, держа Ханеле за руки. Дина вдруг шепнула: "Смотри, Ратонеро! У нашей калитки сидит. А где госпожа Сегал? — девушка оглянулась.

— Все еще по лестнице взбирается, — встряла Ханеле.

— Быстрее, — Джо подтолкнула подругу. Дина встряхнула белокурыми косами. Побежав к воротам, она сняла с ошейника собаки холщовый мешочек. Едва она успела опустить его в карман фартука, как Ратонеро, повиляв хвостом, исчез. Госпожа Сегал появилась из-за угла и недовольно проговорила: "Хану я сама отведу к раву Судакову. Нечего вам без толку по улицам болтаться, нескромно это. Начинайте шить, я вернусь скоро".

— А все равно, — шепнула Хана на ухо Джо, — я Ратонеро увидела. Вы с Диной не грустите, все будет хорошо.

Когда госпожа Сегал, закрыв ворота, ушла, Джо подтолкнула Дину: "Ну что там?"

Девушка развязала мешочек и зачарованно сказала: "Красота, какая! Неужели это мне?"

Джо взглянула на крохотную, в треть девичьей ладони шкатулку красного дерева, и улыбнулась: "Тебе, конечно. Видишь, на крышке "Дина" вырезано, и розы вокруг. Ты открой, там, наверняка, записка есть".

Она развернула свою записку: "Иосиф пишет, что они в доме напротив тайник устроили, за камнем, вот тут нарисовано — каким, так, что там теперь будем записки оставлять. Да ты что, Дина! — забеспокоилась Джо.

Девушка так и стояла со шкатулкой в руке, смотря на развернутую записку. По белым щекам ползли слезы.

mir-knigi.org

Она всхлипнула: "Роза цветет в мае, а моя душа томится от любви к тебе"

— Это песня, — Джо нагнулась и поцеловала ее в лоб. "Ее евреи в Испании пели, давно еще. Я ее на Карибах слышала. Не плачь, все будет хорошо, видишь, он тебя любит. Напиши ему".

Дина улыбнулась и кивнула. "Напишу, — нежно сказала она и вдруг спохватилась: "Он же не знает, что ждать надо! А вдруг он не захочет, вдруг его посватают за это время, — нижняя губа девушки задрожала.

— Ты сначала напиши, — ворчливо велела Джо. "Пошли, а то госпожа Сегал сейчас вернется".

— Аарон — мечтательно пробормотала Дина, глядя куда-то поверх головы Джо. "Такое имя красивое".

Лея сняла высохшую одежду с веревки. Сложив ее, женщина спустилась в комнату. Она замерла на пороге и строго сказала: "Ева!"

Девушка, что, стоя на коленях, мыла пол, обернулась: "Что, госпожа Судакова?"

— Платье одерни, пожалуйста, — Лея посмотрела на тонкие щиколотки в грубых, темных чулках. "Это нескромно".

— Так ведь нет никого, госпожа Судакова, — Ева выжала тряпку и покраснела. "Только маленький, а он спит".

— Все равно, — Лея сняла изношенные туфли. Положив одежду на стол, она поставила на решетку над очагом тяжелый, чугунный утюг. "Сказано в Псалмах: "Вся красота дочери царя — она внутри. Каждая еврейская женщина — она дочь царя. Поэтому даже когда ты одна — надо быть скромной, Ева".

— Так неудобно же, госпожа Судакова, — робко ответила девушка, глядя на мокрый, грязный подол платья. "И одежды у меня нет совсем…"

Лея разложила на столе шерстяное одеяло. Расстелив пеленку, она сухо проговорила: "Лучше лишний раз постирать, чем поступиться скромностью. Когда идолопоклонники, да сотрется память о них, хотели заставить одну женщину в Германии покинуть веру, она отказалась. Тогда они привязали ее за волосы к хвосту коня и сказали: "Сейчас тебя проволокут по улицам города, и ты умрешь". А она попросила у них булавок, знаешь, зачем?"

Ева растерянно помотала головой.

— Чтобы приколоть свое платье к ногам — Лея начала гладить. "Так она умерла, и это урок для всех нас".

Ева посмотрела на длинное, по щиколотку, бесформенное платье женщины, на застегнутые у запястья рукава, на высокий, глухой воротник и тихо проговорила: "Я поняла, госпожа Судакова. Простите меня, пожалуйста".

Ребенок захныкал. Лея, прикрывшись шалью, стала кормить. "Где же амулет? — подумала Ева, наклоняясь над глажкой, незаметно оглядывая комнату. "Опасно было искать, пока она во дворе — она могла ведь в любое мгновение вернуться. Надо с этим Авраамом познакомиться, мужем скромницы — Ева чуть усмехнулась и спросила: "Госпожа Судакова, а голову покрывать

mir-knigi.org

— тоже всегда надо?"

Лея покачала ребенка: "Талмуд говорит нам о женщине, которая удостоилась увидеть семерых своих сыновей исполняющими должность первосвященника. Когда ее спросили, за что ее Господь так вознаградил, она ответила: "Никогда не видели стены моего дома волос моих". Когда к свадьбе готовиться будешь — расскажут тебе".

Лея уложила сына в колыбель. Оглядев стопку чистого, теплого белья, она улыбнулась: "Спасибо тебе большое. Сейчас мой муж придет, обедать, ты только пеленки еще замочи. Постираю я сама".

Ева опустила ведро в колодец. Услышав, как скрипнула калитка, она насторожилась. Мужчина шагнул во двор — высокий, широкоплечий, в пропотевшей, грязной рабочей куртке. Золотисто-рыжие волосы играли, переливались на солнце. "Он на Теодора похож, — подумала Ева, — только с бородой. Но ему идет".

— Елизавета…, - Степан поморщился. "Нет, не может быть, да и волосы у нее каштановые. Но какая красавица. Глаза такие же, серые, как тучи".

Девушка опустила голову и, зардевшись, стала вытаскивать тяжелое ведро. "Дайте-ка я, — Степан шагнул к ней и взялся за веревку. Девушка отступила.

Он поставил ведро на землю, и услышал тихое, неуверенное: "Спасибо, господин Судаков".

Степан улыбнулся и, вылив воду в таз — скрылся за дверью комнаты. Ева раздула ноздри. Взявшись за кусок серого мыла, девушка томно потянулась: "Авраам, значит. Ну, папа, можно считать, что амулет у тебя в кармане".

Она тихо рассмеялась и стала опускать пеленки в таз.

В монастырской приемной — маленькой, прохладной, — приятно пахло воском. Пьетро, перебирая четки, посмотрел на францисканского монаха, что сидел напротив него. Тот развел руками: "Отец Корвино, поверьте мне, на Святой Земле нет ни одного женского монастыря. Нас и так турки тут еле терпят. Спасибо еще, что в храме Гроба Господня молиться разрешают. Так что я уж не знаю, — монах пожал плечами, — где вам найти вашу сестру".

Пьетро поднялся, тяжело вздохнув, и вынул из кармана сутаны кошелек: "Тут немного, брат Франческо, вы уж меня простите…Вы же за всех нас молитесь, в месте, где Иисус страдал на кресте и обрел жизнь вечную".

— Спасибо, отец Корвино, — монах растроганно приложил ладонь к рясе. "Может быть, разделите с нами скромную трапезу…"

— Нет, нет, — Пьетро поднял руку, — не смею вас больше задерживать. Он вышел из низких ворот монастыря и прислонился к каменной стене. Все вокруг было бедным, заношенным. Пьетро, сглотнув, оправив свою сутану, пробормотал: "Где же ты, любовь моя? Где мне тебя искать? Это я, я, виноват, надо было снять с себя сан, жениться на ней…"

Он медленно пошел к рынку и вдруг остановился, увидев впереди знакомые, широкие плечи. Человек был в оттоманской одежде — шароварах и халате, волосы были скрыты искусно намотанным тюрбаном.

— Не может быть, — подумал священник. "Да нет, что ему тут делать?".

Он нагнал мужчину. Положив ему руку на плечо, Пьетро неуверенно сказал: "Герр Горовиц…"

— Молодец, доченька, — усмехнулся про себя Александр. "Теперь аббат Пьетро хоть в огонь полезет, чтобы рядом с тобой быть. Вот и славно".

— Отец Корвино! — Горовиц поднял бровь. "Вот уж неожиданная встреча".

Они стояли посередине шумящего рынка, торговец провел мимо цепочку мулов, смуглые, босоногие мальчишки метались между лавками, разнося медные подносы с крохотными чашечками кофе. Забили церковные колокола, стая птиц поднялась со стен города. Горовиц, глядя в зеленоватые, прозрачные глаза священника, сказал: "Пойдемте ко мне".

Пьетро огляделся — в маленькой комнатке не было ничего, кроме простого, холщового тюфяка и таких же подушек. Ниша в стене была задернута потрепанной, бархатной занавеской. Горовиц остановился у окна: "Ева здесь, святой отец, здесь, в Иерусалиме. Я приехал сюда, потому что чувствовал — что-то не так. У меня нет никого кроме нее, поэтому…, - мужчина покачал головой и утер глаза.

— Что с ней? — испуганно спросил Пьетро. "Где она, герр Горовиц? Она в опасности?".

Александр помолчал и обернулся. "Моя девочка…Она оставила Иисуса, отец Пьетро. Она там, — он махнул рукой, — у евреев. Я видел ее на улице, хотел поговорить с ней…, она сказала, что сделала это потому, что устала жить в грехе".

— Это из-за меня, — твердо отозвался Пьетро. "Я люблю вашу дочь, герр Горовиц. Но я тоже…виноват. Мне надо было выйти из священства, жениться на ней. Я так и сделаю, — Пьетро встряхнул рыжей головой. "Если бы я мог ее увидеть, только на мгновение, герр Горовиц, я бы ей сказал, объяснил…"

Александр подумал: "Подождите тут. Может быть, мне удастся ее найти, я знаю, где она живет".

Дверь за ним закрылась. Пьетро, измученно опустившись на тюфяк, прошептал: "Господи, любовь моя, неужели…"

Горовиц, усмехаясь, поднялся по каменной, узкой лестнице: "Вот же дурак. Евочке он не нужен. Сделает все, что нам надо, а потом мы от него избавимся. Лети сюда, моя голубка".

Горовиц закрыл глаза и увидел высокую, тонкую девушку, что быстро шла по улице. Она вдруг остановилась и закинула голову к небу. "Правильно, милая, — пробормотал Горовиц. "Иди к папе, иди, моя любовь".

Дочь появилась из-за угла, тяжело дыша, и недовольно сказала: "Папа, мне же надо вернуться к этой старухе. Будет подозрительно, если я задержусь. Я была у дочери Судакова, но амулет искать было опасно, придумай что-нибудь".

— Уже придумал, — тонкие губы улыбнулись. Горовиц, оглянувшись, — проулок был пустым, зашептал что-то дочери на ухо.

— Это хорошо, — задумчиво сказала Ева, — но я не могу одновременно быть в двух местах, а тебе, папа, не стоит рисковать.

— А я и не буду, — Горовиц чуть шлепнул дочь. "Иди в мою комнату, там тебя кое-кто ждет. Рыжий аббат, — мужчина скрыл улыбку. "Он готов уже и от сана отказаться — только бы видеть тебя своей женой. Приласкай его, детка, как ты умеешь, и он все для нас сделает".

Ева чуть оскалила красивые, ровные зубы. Быстро поцеловав отца в щеку, она сбежала вниз по лестнице.

Дверь открылась. Пьетро поднял голову. Она стояла на пороге — высокая, с перекинутыми на грудь каштановыми косами.

— Пьетро, — ее голос задрожал, — Пьетро, прости меня, я не могла иначе…, Это же был грех, такой грех. Не уговаривай меня, пожалуйста, я нашла здесь приют…, - Ева всхлипнула. Отвернувшись, она пробормотала: "Господи, ну дай ты мне сил, я ведь так его люблю, так люблю".

Он и сам не понял, как оказался на коленях, как целовал ее ноги, — в темных, простых чулках, как она, изнеможенно, плача, шепнула: "Пьетро, милый мой…".

— Я тебя прошу, прошу, — он легко поднял Еву на руки, — только будь со мной, не уходи от меня. Я сделаю все, что ты скажешь, любовь моя.

Девушка вытянулась на тюфяке, подняв подол, раздвинув ноги, закрыв горящее от смущения лицо рукавом платья. "Папа… — прорыдала девушка, — папа тебе объяснит…, А потом мы поженимся, Пьетро, я люблю тебя!"

— Ева, — он опустил голову на ее плечо и провел губами по скрытой глухим воротником шее. "Ева, счастье мое".

Она притянула его к себе и застонала — слабо, неловко, жалобно. "Я рожу тебе сына, — шепнула девушка. Пьетро, чувствуя ее дыхание, — совсем рядом, обнимая ее, — заплакал. "Она — мое спасение, — понял мужчина. "Господи, я совсем, совсем не могу жить без нее".

Ева шла по узкой улице Еврейского квартала, вдыхая прохладный, вечерний воздух. Над золотым куполом мечети громоздились серые тучи. "Скоро дожди пойдут, — подумала она, заходя в ворота, оглядывая себя: "Вроде ничего не заметно".

На кухне уже горели свечи. Госпожа Сегал, высунув голову во двор, ворчливо спросила: "И где тебя носит?"

— Госпожа Судакова у своего отца убирала, попросила за маленьким присмотреть, — невинно открыв глаза, ответила Ева. "Простите, пожалуйста".

— Фартук надевай, — велела пожилая женщина. "Мы лапшу делаем, будешь тесто раскатывать".

— Папа ему даст витриол, — улыбнулась Ева, наклонившись над столом. "Он ее выследит, и все сделает, как надо. Так что она мне не помешает. Мне и Аврааму, — Ева заметила пристальный взгляд Джо, что стояла напротив нее, с ножом в руках.

— Госпожа Сегал, — громко спросила девушка, — можно, мы помоемся сегодня, завтра же Шабат? Я воду сама согрею.

Ева невольно прикоснулась испачканными в муке пальцами к своей шее. Она покраснела, и

mir-knigi.org

пробормотала: "У меня крови".

Джо все смотрела на нее — не отводя глаз, а потом стала резать лапшу.

В комнате было тихо, пахло свежестью, и Джо, приподнявшись на локте, послушала спокойное дыхание девушек: "Ева Горовиц. А ведь Ханеле, на корабле, засыпая, меня один раз Евой назвала. Я еще подумала — привиделось ей что-то. И там, в Париже, я помню, Марта и Теодор что-то обсуждали, а как я зашла в комнату — замолчали сразу. И тоже о Еве какой-то говорили"

Она села, поджав под себя ноги. Почесав во влажных волосах, взглянув на луну за окном, девушка потянулась за карандашом и бумагой. "Синяк, — Джо почувствовала, что краснеет. "У меня тоже — такие были. На "Молнии", как мы в Плимут плыли. Знаю я, откуда они появляются. Это как в море, — она вдруг застыла, — что мне капитан Фэрфакс говорил? Смотри на карту, но доверяй — своему чутью, иначе рыб кормить будешь. Вот я и доверяю".

Джо быстро написала несколько слов. Она свернулась в клубочек под тонким одеялом, натянув на ноги подол глухой, длинной холщовой рубашки. Когда в окне чуть забрезжил рассвет, Джо тихо поднялась. Пробежав босиком по двору, открыв засов, она быстро сунула записку в узкую щель между камнями, в стене дома, что стоял напротив.

Девушки медленно шли по улице. Дина, оглянувшись, шепнула Джо: "А если увидят?"

— А кто увидит? — безмятежно отозвалась та. "Госпожа Сегал к своей дочери отправилась, на обед, и Еву с собой взяла. Нам с тобой надо еду в синагогу отнести, вот мы и отнесем — Джо улыбнулась, — а уж кого мы по дороге встретим — неизвестно.

Дина густо покраснела: "Нескромно же…"

— Нескромно, — Джо распахнула ворота, — это когда ты с ним в одной комнате, и дверь закрыта. А на улице, — она пожала плечами, — люди ходят, что тут нескромного?

— Так ведь нет никого, — Дина оглядела пустынный квартал. "Шабат, обедают все, а потом спать лягут".

Джо зашла на кухню и взяла поднос, прикрытый холщовой салфеткой: "Это уже не наше дело. Нам велели для вечерней трапезы еду приготовить, мы и приготовили. Теперь надо, чтобы она в синагоге оказалась, так что, дорогая моя, бери второй поднос и пошли".

Аарон выглянул из-за угла и растерянно опустил руки: "Вот они, у калитки. Только что я ей скажу?"

— То, что ты мне уже второй день твердишь, — усмехнулся мужчина. Он быстро подошел к девушкам, и, поклонился: "Хорошей субботы, госпожа Дина. Вы тут подождите, к вам подойдут".

Он завернул вслед за Джо за угол дома, и, не успела она опомниться, — взял из ее рук поднос. "Вот так, — сказал Иосиф, наклоняясь, целуя ее в губы. "А теперь рассказывай, что у вас там случилось".

Джо, на мгновение, пошатнулась. "Господи, — вдруг подумала она, — два года ждать еще, и как я вытерплю".

— Я тебя люблю, — шепнул Иосиф ей на ухо. Она, поцеловав его в щеку, стала говорить.

— Ева Горовиц, — зло подумал мужчина. "Кто бы мог ожидать? И сюда приехала, еще хорошо, что Теодора сейчас в городе нет. Как Шабат закончится, все Исааку расскажу".

— Так вот, — серьезно закончила Джо, — она не та, за кого себя выдает, Иосиф. Ты поверь мне, у меня чутье хорошее. Меня капитан Фэрфакс всегда хвалил. Там, в Картахене, я ведь тоже монахиней притворялась, я знаю, как себя вести надо. А эта Ева — она молится, все делает, как положено, но я, же вижу — у нее глаза другие. Это та самая Ева, что в Париже за Ханеле смотрела? Кто она?

Иосиф провел губами по ее щеке: "Только это тайна. Впрочем, ты их хранить умеешь. Слушай"

Джо молчала, а потом встряхнула косами: "Никому не скажу. Ты поешь, — она вдруг, ласково улыбнулась, — там курица, фаршированная, я сама готовила. В синагоге пять десятков человек за столом сидит, еще не достанется вам. И сходи к раву Судакову, пожалуйста, он должен знать".

— После Шабата, — Иосиф утащил кусок курицы: "Очень, очень вкусно. В Амстердаме будешь мне ее готовить?"

— Каждый день, — Джо забрала у него поднос. На мгновение, она прижалась головой к его плечу. От него пахло травами, Девушка, быстро поцеловала его в губы: "Пора".

Дина стояла у калитки, держа в руках поднос, низко опустив белокурую голову. "Господи, — вздохнула девушка, — а вдруг он мне сейчас скажет, что его сватали уже? Вот, он идет, надо отвернуться…, - поднос задрожал. Она услышала тихий голос: "Госпожа Дина…"

Он был в темном сюртуке и кипе, и Дина подумала: "Какой красивый…, Господи, да о чем это я, мне и смотреть на него нельзя". Она, краснея, ответила: "Да, господин Аарон".

— Я хотел сказать…, - юноша откашлялся, — то, что вы написали, госпожа Дина…, Я вас буду ждать, сколько понадобится, столько и буду. Потому что я ни на ком, кроме вас, жениться не хочу. Если я вам, хоть немного по душе пришелся…

Вокруг было тихо и Дина, наконец, осмелилась взглянуть на него. Темные глаза юноши блестели. "Конечно, по душе, — прошептала девушка. Аарон облегченно улыбнулся: "Теперь все, все хорошо. Все будет, как надо".

— Я столяр, — он все смотрел в ее голубые глаза, — и еще игрушки детям делаю. А в следующем году на писца начну учиться. Госпожа Дина, вы знайте, пожалуйста, что лучше вас во всем мире девушки нет. Я вас никогда, никогда не обижу — сколь я жив.

На ее ресницах повисла прозрачная слезинка. Она всхлипнула: "Это я от счастья, господин Аарон. Я знаю. Мне Сара говорила, что вы очень, очень хороший человек. Вы мне расскажете, про ту страну, откуда вы родом?"

Аарон ласково рассмеялся: "Конечно, госпожа Дина. Как я посватаюсь, нам же можно будет встречаться, вот и поговорим тогда вволю".

— Нам идти надо, — сказала из-за угла Джо. "Дина! — она повысила голос. Девушка спохватилась и шепнула: "Я вам буду писать".

— И я вам тоже, — еще успел ответить Аарон. Потом они обе скрылись за углом, и юноша почувствовал на плече руку Иосифа.

— Посватаюсь, — Аарон все смотрел куда-то вдаль. Он решительно тряхнул головой: "Иосиф, ну как же так? Эта девушка, Ева Горовиц, она такая красивая…, Может быть сделать что-то, поговорить с ней…"

— Я сначала с равом Судаковым поговорю, — Иосиф почесал бороду. "Был бы здесь Теодор, он бы тоже со мной пошел. Ладно, — мужчина взглянул на серое, покрытое тучами небо. Резкий ветер гулял по улице, поднимал пыль, мотались ветви деревьев. Аарон зачарованно сказал: "У нас такой осени и не бывает вовсе. А снег мы увидим?"

— А как же, — Иосиф взглянул на часы. "К молитве успеем. Не грусти так, — он взглянул на лицо друга, — помнишь же, Ханеле говорила — ты у нас первый женишься".

— Первый, — Аарон поднял бровь, — но в один день с тобой, не забывай.

Они спустились по каменной лестнице, и зашли во двор ешивы.

Рав Судаков покосился на темное окно, и набил трубку: "Видишь ли, Иосиф, Тора нам запрещает плохо говорить о других евреях. Сказано же: "Не ходи сплетником в народе своем".

Он чиркнул кресалом и, закурил: "Тем более, при всем уважении к Теодору, даже если бы он был здесь — я бы его не послушал".

— Почему? — поинтересовался Иосиф, глядя на раскрытую книгу на столе у раввина. "Интересно, — подумал мужчина, — с чего это он такое читает? Хотя это с нами он Каббалой не занимается, запрещено в нашем возрасте, а ему — можно".

— Потому что он не еврей, — пожал плечами Судаков. "Я не могу принимать его свидетельство, тем более, если речь идет о другом еврее. А что ты мне говоришь — мол, жила она с этим идолопоклонником, так у тебя доказательств нет, дорогой мой.

Иосиф вдруг покраснел: "Рав Судаков, я же врач. Я ее осматривал, я не могу ошибаться".

— Мало ли что могло случиться, — мужчина потянулся за книгой. "Вот, например, послушай, я тебе прочитаю, из Талмуда".

— Ступени дома моего отца были слишком высокими, я споткнулась и потеряла девственность, — Иосиф усмехнулся. "При всем уважении к Талмуду, рав Судаков — там еще написано, что черви зарождаются из грязи, а солнце вращается вокруг земли. Так что, — он поднялся, — не всему, что там написано — нужно верить".

Он приоткрыл дверь. Судаков холодно сказал: "Тот, кто не верит в Талмуд, не верит мудрецам — хуже идолопоклонника. Сказано же: "У вольнодумца нет доли в мире грядущем". Так что прикуси язык, иначе как ты приехал сюда, так и уедешь, только уже без невесты. А она станет хорошей еврейкой и выйдет замуж за соблюдающего человека".

Иосиф гневно повернулся: "Вы не посмеете!"

— Могу и посмею, — спокойно отозвался Судаков, затягиваясь трубкой. "Ты помни, мы живем на Святой Земле, а вы — в галуте, в изгнании. Что позволено там, то не позволено здесь.

Иди, — он указал трубкой в сторону коридора, — учись".

Иосиф преувеличенно вежливо закрыл за собой дверь. Судаков, взглянув на открытую книгу, пробормотал: "Лучше так, чем вносить раздоры в общину. Сплетни, разговоры…, - он поморщился. "Лучше так. Но где, же ты? — раввин встал и подошел к окну. "Где же ты, отступник, я ведь чувствую — ты где-то рядом. Не могу увидеть — Исаак помотал головой.

Деревья во дворе гнулись под сильным ветром. Он услышал с востока, из-за холмов, из пустыни — раскаты грома.

Лея устроила ребенка в шали: "Мы к госпоже Азулай, Хана там играет, заберу ее и потом зайду к своему отцу, еды ему приготовлю. Ты белье развесь и пол помой. Как уходить будешь — накрой на стол, муж мой вернется, на обед".

— Хорошо, госпожа Судакова, — Ева опустила голову и, дождалась, пока она выйдет. "Ну, — сказала себе девушка, оглядывая застеленные кровати, холщовую занавеску, что прикрывала нишу с книгами, — вот и поищем амулет. А вы, госпожа Судакова, — Ева не удержалась и выругалась, — еще нескоро сюда вернетесь, обещаю. Сейчас Пьетро по дороге встретите".

Она подтащила к нише грубый табурет. Забравшись на него, подоткнув платье, Ева стала аккуратно протирать книги. Она оглянулась на дверь и пошарила за томами Талмуда. "Вот и шкатулка, — довольно улыбнулась она, — папа был прав".

Девушка откинула крышку, и замерла — медальоны — золотой и серебряный, лежали рядом, перепутавшись цепочками. "Надо проверить, — решила она, — папа говорил, там две части". Ева внезапно вздрогнула — ветер свистел, скрипела дверь. Она, быстро открыв оба медальона, глубоко, облегченно вздохнула.

— Какая туча за окном, — вдруг подумала девушка. "Сейчас дождь пойдет, наверняка. Так что не высохнет белье. Да я и развешивать его не собираюсь, — она рассмеялась. Едва дыша, стараясь не касаться букв и рисунков, Ева положила обе части амулета в золотой медальон и надела его себе на шею. Вдалеке гремел гром. Она услышала на пороге чьи-то шаги.

— Нас пораньше отпустили, — сказал мужской голос, — все равно сейчас ливень хлынет.

Ева повернулась, и ахнула. Неловко переступив ногами, закачавшись, она упала на каменный пол.

Лея взяла Ханеле за руку, и взглянула на сына — он спокойно спал: "А во что вы играли?"

— Вот, — Ханеле достала из кармана фартучка деревянную игрушку, — в зверей. Это крокодил, мама Лея, он далеко живет, за океаном. Это мне Аарон вырезал.

Красивое лицо женщины брезгливо искривилось. Она, взяв двумя пальцами игрушку, выкинула ее в канаву. Серые глаза Ханеле наполнились слезами. Девочка горестно прошептала: "Мой крокодил…"

— Нельзя, — строго сказала Лея, ведя девочку за собой, — нельзя таким играть, Хана. Это грязное животное, не кошерное, даже смотреть на него нельзя. Твоя душа — чистая, еврейская душа, ты должна сохранять ее такой. Твой отец когда-нибудь станет главой ешивы, к тебе будут свататься юноши из хороших семей. Ты должна быть достойной дочерью Израиля. Понятно

тебе?

— Да, — Ханеле вздохнула. "А можно с собачкой играть, с Ратонеро? Он такой ласковый, добрый".

— Тем более нельзя, — отрезала мачеха. "Тебе три года, ты уже не ребенок, и должна это понимать".

Ханеле только тяжело вздохнула и, отвернувшись, оглянулась: "Пусть его кто-нибудь подберет, быстрее. Мальчик или девочка. Пожалуйста, Господи".

Лея плотнее запахнулась в шаль и посмотрела на серые стены домов: "Дочерей надо строже воспитывать. Тем более мать у нее такая была. Хоть и не помнит ее Хана, а все равно — вдруг, упаси Господь, так же себя вести будет, как она. Грех так говорить, о мертвой, она еврейка была, но все равно — женщина почувствовала, что краснеет, — недостойного поведения".

Они повернули к дому Судакова. Ханеле робко сказала: "Я могу посуду помыть, мама Лея, если вы мне разрешите".

— Конечно, моя хорошая, — Лея приостановилась и присев, обняла девочку: "Ты не обижайся на меня, милая, я ведь забочусь о тебе".

Ханеле прижалась к ней и погладила Моше по голове: "Мама Лея, а у вас еще детки будут?"

— На все воля Божья, — ответила женщина. Поднимаясь, Лея отступила на шаг — он стоял прямо перед ней, высокий, рыжеволосый. Лея увидела улыбку в его зеленоватых, прозрачных глазах. На камни улицы упали первые капли дождя.

Степан замер на пороге комнаты. Ее простое платье сбилось, над темным чулком виднелась полоска ослепительно белой кожи. Косы растрепались. Он, даже не думая, забыв о запрете, помог ей подняться.

— Вы не ушиблись? — спросил он тихо. Серые, большие глаза были совсем рядом. Она, прерывисто дыша, покраснев, шепнула: "Нет. Спасибо, господин Судаков".

Ее рука все еще лежала в его ладони. Он, не понимая, что делает, — привлек Еву к себе. Девушка ахнула. Прижавшись к нему, повернув голову, она едва слышно проговорила: "Нет, нет, это нельзя, это грех, господин Судаков..., Не надо..."

Он прикоснулся губами к теплой, пахнущей свежестью шее. За окном гремел гром, лил дождь. Ева, покачнувшись в его руках, выдохнула: "Еще! Еще, пожалуйста!"

Степан поднял ее на руки, и, усадив на стол — опустился на колени. Она задрала подол платья и, застонав, откинувшись назад, крикнула: "Как хорошо!"

— Будто шел по пустыне и, наконец, увидел родник, — подумал мужчина. "Господи, как сладко, я и забыл уже, что так бывает". Ева задрожала. Потянув платье наверх, путаясь в рубашке, она попросила: "Пожалуйста, я так хочу, так хочу!".

Степан вдруг вспомнил ясный, солнечный день, теплый ветер с моря, и ее крик — громкий, освобожденный. Он вспомнил обнаженное, отливающее жемчугом тело, и то, как она, тяжело дыша, опускала черноволосую голову на его плечо.

— Не могу больше, — он стал раздевать девушку. "Один раз, один только раз, и все. Больше ничего не будет, обещаю, — велел он себе. Увидев ее маленькую грудь, целуя ее, он услышал шепот: "Теперь я".

Она опустилась на колени, на каменный пол. Степан, притянув ее к себе, распуская косы, чувствуя под пальцами шелк ее волос, — глубоко, облегченно вздохнул. "Иди сюда, — наклонившись, шепнул он, — иди ко мне". Он уложил ее на кровать жены. Ева, шепча ему что-то на ухо, обвив его шею руками, — подчинилась.

Потом он усадил ее на себя, и, любуясь разгоряченным лицом, ласково пригнув ее к себе, провел губами по влажным щекам. "Это… — задыхаясь, — сказала Ева, — потому, что так хорошо"

— Сейчас будет еще лучше, — усмехнулся мужчина. "Лежи тихо".

Она стонала, вцепившись зубами в его плечо: "Правда. Почти как Теодор. Жаль, что больше я с этим Авраамом не встречусь".

— Теперь так, — велел Степан, переворачивая ее, ставя на четвереньки. Кровать скрипела, в комнате резко пахло мускусом, в окно били струи дождя. Он, прижав ее своим телом к постели, шепнул: "И еще кое-что, ты такого и не пробовала никогда".

— Пробовала, — улыбнулась про себя Ева, вставая на колени, чувствуя его умелую руку. Она опустила голову вниз и закричала: "Да! Да!"

— Как хорошо, — подумал Степан, — господи, хоть бы это длилось вечно. Простыни сбились, одеяло полетело на пол. Ева, выгнув спину, простонала: "Еще, еще хочу!"

— Она, — еще успел сказать себе Степан, — это она, Елизавета. Господи, спасибо тебе.

Лея накинула на голову шаль и смутилась: "Простите".

— Не еврей, — поняла она. Женщина дернула Ханеле за руку и велела: "Пошли, не надо на него смотреть".

— Здравствуйте, — прошелестел мужчина. Ханеле уставилась в его глаза. Она вспомнила вкрадчивый голос отца Пьетро.

— Это он, — вспомнила девочка. "Он, он! Надо бежать, он пришел за мной".

Ребенок заворочался в шали и заплакал. Пьетро, с высоты своего роста, увидел рыжеватые волосы младенца и услышал шепот Евы: "Я рожу тебе сына"

— Анна, — священник посмотрел на девочку. "Она меня не узнает, конечно, хоть и прозрела сейчас. Сделай это, — подогнал он себя. "Женщина не умрет, она просто покалечится. А Ева после этого всегда будет моей".

Он вынул руку из-за полы сутаны. Ханеле, пошатнувшись, увидев перед собой выжженные, дымящиеся глаза и сползающее вниз лицо женщины, закричала: "Нет!". Девочка кинулась вперед и вцепилась зубами в запястье священника, чувствуя соленый вкус крови. Пьетро, выпустил открытую пробирку из руки. Желтоватая жидкость выплеснулась ему на кисть, раздался звон разбившегося на камнях стекла. Священник, закричав, выругавшись сквозь

mir-knigi.org

зубы, упал на колени.

— Мама Лея, бежим! — Ханеле дернула женщину за подол платья.

Моше хныкал, Лея, будто не слыша девочку, посмотрела на лужицу жидкости, что шипела под каплями дождя, и тихо спросила: "Что это?".

— Смерть, — Ханеле все тянула ее в сторону дома Судакова, отведя глаза от дымящейся раны в руке священника. Плоть таяла, сползала вниз, Ханеле краем глаза увидела что-то красное, белое, а потом они побежали, и, только захлопнув за собой ворота дома Судакова, тяжело дыша, смотря, как мачеха, привалившись к каменной стене, дала ребенку грудь — девочка расплакалась.

Лея усадила падчерицу на кухне: "Моше спит, пеленки мы с тобой поменяли, так что жди меня".

— Мама Лея, не надо, — жалобно попросила девочка. "Это плохой человек, идолопоклонник, я его помню. Я у него жила, у него и у Евы. Вдруг он там еще".

— Ева, — подумала Лея, нахмурившись, но тут, же покачала головой: "Он же ранен был, ты сама видела. Мне надо позвать твоего отца. Он, наверняка дома сейчас, обедает. Посиди тут, мы скоро вернемся с ним. Все будет хорошо, — Лея поцеловала девочку в лоб: "Ты у нас самая смелая".

Ханеле услышала, как стукнула дверь, и, закрыла глаза: "Господи, не показывай мне ничего больше. У меня овечка есть, — она полезла в карман фартучка, — я с ней поиграю. С овечкой можно, мама Лея разрешила".

Ханеле поставила искусно вырезанную деревянную овечку на стол. Оглянувшись на брата, что спокойно спал в ящике от комода, она внезапно задрожала.

— Кнут, — увидела девочка. "Жжется, как огнем. И веревка. И стреляет кто-то. Господи, дай мне поиграть, я же маленькая еще".

Она подошла к окну, и, взглянув на пузырящиеся лужи, повертев в руках овечку — тяжело вздохнула.

Лея быстро вошла во двор, и, увидела полуоткрытую дверь в комнату. "Ушел уже, что ли, Авраам, — нахмурилась женщина. "Так дождь такой, у меня платье все промокло. Должно быть, отпустили их. Он, наверное, на молитве сейчас".

Женщина спустилась по лестнице и встала на пороге. "Нет, — подумала она, — этого нет. Я этого не вижу. Сейчас я закрою глаза и все исчезнет. Пожалуйста".

Она подняла веки и, заставив себя посмотреть в сторону кровати, встретилась с торжествующим взглядом серых глаз. Девушка стояла на четвереньках, на стройной шее раскачивался золотой медальон. Она, застонав, смешливо выдохнула: "Госпожа Судакова…"

— Ничего этому Пьетро нельзя поручить, — зло подумала Ева. "Папа же ему велел — плеснуть ей витриолом в лицо. Ладно, медальон у меня, пора и убираться отсюда. Избавимся от Пьетро, я заполучу Теодора, и мы уедем".

— Нельзя на это смотреть, — велела себя Лея. Тихо, одними губами, опустив голову, она проговорила: "Авраам…"

Он даже не слышал ее. Он притянул к себе девушку, и, поставив ее на колени, сладко застонав, шепнул ей что-то на ухо. "Да! — засмеялась Ева. Лея, захлопнув за собой дверь — села на ступени лестницы, накрывшись влажной шалью, дрожа от холода.

Она услышала, как прошуршало рядом платье. Девичий голос издевательски сказал: "Ваш муж сыт, госпожа Судакова, он отлично пообедал. Всего хорошего".

Ворота закрылись. Лея, с трудом поднявшись, зашла в свой дом.

Ева пробежала мимо Яффских ворот. Шлепая промокшими ногами по лужам, она нырнула в пустой проулок, что вел к дому отца. Серые, тяжелые тучи на мгновение осветились белой, мертвенной вспышкой. Ева увидела, как ветер срывает черепицу со здания неподалеку. Канавы переливались через край. Она, оскальзываясь, спустившись по мокрой лестнице — оказалась в объятьях отца.

— Молодец, — тихо сказал Александр, целуя ее. "Ты у меня молодец".

Он снял с шеи дочери золотой медальон. Закрыв дверь комнаты, любуясь им, Горовиц услышал тяжелое дыхание дочери: "Пьетро ничего не смог".

— Слабак, — презрительно сказал Горовиц, снимая с девушки влажное платье. "Ничего, я от него избавлюсь, как только он тут появится". Он закутал обнаженную дочь в холщовую простыню: "Посиди, высохни. Мне надо кое-что сделать".

Ева опустилась на тюфяк. Отпив вина, подбросив спелое яблоко, она весело рассмеялась. Вдоль стены горели свечи. Отец, нагнувшись, поцеловал ее в лоб: "Сначала я займусь Судаковым, а потом, голубка — приведу к тебе твоего Теодора. Ну а потом, — он погладил медальон, — когда будем уезжать — снесем с лица земли этот городишко".

— Папа, — Ева перевернулась на живот и поболтала ногами в воздухе, — а сюда молния не ударит?

В открытое окно были видны бесконечные стрелы, бившие в окрестные холмы. В воздухе пахло чем-то свежим. Александр усмехнулся: "Скоро увидишь". Он скрылся в нише, задернув за собой бархатную занавеску.

Исаак посмотрел на зятя, что сидел перед ним, опустив голову. Вслушиваясь в завывания ветра, он тяжело вздохнул: "Значит, прав был Иосиф. Я сделал ошибку — мне ее и надо исправлять".

— Она убирала у нас, — мужчина так и смотрел на стопку книг, аккуратно сложенную на крае стола. "Убирала, а когда я вернулся — шкатулка была открыта и валялась на полу. Медальона уже не было".

— Он у нее на шее висел, — подумал Степан. "Все время, пока я…, А я и не заметил. Впрочем, об этом и не думал тогда. Господи, что же я сделал…"

За окном шумел ливень. Степан вспомнил темные, бесстрастные глаза жены. "Сходи за детьми, пожалуйста, — попросила она, пройдя к очагу. "Они у моего отца. Им есть пора".

— Лея, — он оглядел разбросанную постель. Наскоро одевшись, зайдя за перегородку, она увидел, как жена ставит на огонь медную кастрюлю. "Мне надо молока согреть, для Ханеле. Я тут… — ее голос, на мгновение, задрожал, — приберу, Ханеле ничего не увидит. Иди, пожалуйста, Авраам".

Он посмотрел на промокшее, мешковатое платье, на туго завязанный вокруг головы платок, на ее усталое лицо, и еще раз повторил: "Лея…"

— Моше может проснуться и заплакать, — жена медленно, аккуратно помешивала молоко. "Ханеле там одна. Она и так испугалась, когда…"

— Что? — спросил Степан, вынимая ложку из ее руки. Жена вздрогнула: "Ничего. На улице испугалась. Там человек был, не еврей. Она расскажет тебе".

Он положил ложку на кухонный стол и тихо, неслышно вышел из комнаты. Лея посмотрела ему вслед. Заставив себя удержаться на ногах, женщина наклонилась над кастрюлей.

Исаак посмотрел в серые глаза зятя: "А я ведь знал. Знал, чувствовал, что это — не он. Потом Аарона увидел — и сразу все стало понятно. А этот, — он вздохнул и поднялся, — этот — просто человек. Впрочем, я тоже. И Горовиц, хоть у него и амулет сейчас — тоже человек. Вот и посмотрим, кто из нас сильнее".

Исаак оглядел кабинет. Сняв с верхней полки какую-то маленькую, в ладонь, рукописную тетрадь, он положил ее во внутренний карман сюртука.

— Ты вот что, — сказал он зятю, закуривая, — ты к семье своей иди, побудь с ними. Занятий все равно сегодня не будет. Еще хорошо, что дети успели по домам разбежаться.

— Почему не будет? — недоумевающее спросил Степан. Исаак указал трубкой на двор. Степан, приподнявшись, спросил: "Что это?"

Холодный, мертвенный блеск рассыпался на тысячи искр. Горящий огненный шар, что, за мгновение до этого висел в воздухе — исчез. Исаак вспомнил родословное древо. Он, напоследок, затянулся трубкой:

— Вот оно как, значит. Из Польши этот амулет привезли. Слухи верными оказались. Хорошо, что Мирьям Горовиц, урожденная Судакова, только один такой написала. С несколькими я бы не справился, — мужчина выбил трубку и вслух заметил:

— Это, дорогой мой, Александр Горовиц меня напугать хочет. Ты помни, — он надел черную шляпу, — амулет потом Ханеле верни, он ее — по праву. Пусть детям своим отдаст. Все, — он коротко потрепал Степана по плечу, — мне пора. Ты к жене своей возвращайся.

Выходя в коридор, Исаак сжал кулаки: "Один раз. Я знаю, что я обещал таким не заниматься, но ведь никто, кроме меня, не сможет его остановить"

Зять догнал его во дворе, и, схватив за рукав сюртука, крикнул: "Я с вами!"

Судаков повернулся: "Тебе туда нельзя. Никому нельзя. Мне можно, и еще одному человеку, что в Лондоне живет. И все. Домой отправляйся, я сказал, — Судаков вышел в открытые ворота. Степан, глядя на то, как он спускается к Стене, стоя под бесконечным, непрекращающимся дождем — увидел молнии, что, казалось, освещали все небо.

— И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня, — вспомнил Степан. Небо на востоке — темное, покрытое грозовыми тучами, — озарила багровая, яркая вспышка, раздался треск грома. Дождь полил еще сильнее.

Степан наклонил голову, переступая через порог. Он вдохнул запах пряностей. На медном блюде лежало печенье, жена, склонив укрытую платком голову, шила при свете свечи. Он прошел за ширму и присел на кровать к Ханеле. Дочь заворочалась. Взяв его ладонь, прижавшись к ней щекой, девочка пробормотала: "Кнут..., Больно".

— Тихо, тихо, — Степан наклонился и поцеловал ее в лоб. "Того плохого человека, что вам на улице встретился — нет уже. Он тебя больше не испугает. Спи спокойно, я тут".

Ханеле еще немного повозилась и размеренно засопела. Степан подоткнул одеяло. Заглянув в колыбель, он улыбнулся — сын спал, положив укрытую чепчиком голову на маленькую ручку. Степан осторожно уложил его на спину. Мальчик недовольно зачмокал, но просыпаться не стал. Он покачал колыбель, и присел к столу: "Занятий не будет сегодня, раз дождь такой. Почитать тебе, пока ты шьешь?"

Лея только кивнула. Степан, посмотрев на сохнущие вещи, что были развешаны по комнате, на заправленные кровати, — снял с полки Танах.

— Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей, — читал он, искоса глядя на спокойное лицо жены. "Много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их.

Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы".

— Амен, — отозвалась жена. Сложив свое шитье, она поднялась: "Давай сегодня пораньше ляжем, раз ты дома".

В комнате царила кромешная тьма, занавески были задернуты. Степан, слушая, как поскрипывает кровать, на мгновение, закрыл глаза: "Нельзя! Нельзя думать о другой женщине во время этого. Не вспоминай, никого не вспоминай. Это просто заповедь, вот и все. Исполняй заповедь".

Потом он, вымыв руки, вернувшись на свою кровать, — долго лежал, смотря в черное окно, за которым все блестели яростные, большие молнии.

Исаак оглядел залитый дождем проход вдоль Стены — у камней никого не было. Обернувшись, нащупав в кармане сюртука свечу и кремень с кресалом, он увидел огненный шар, что плыл к нему, медленно перемещаясь в потрескивающем, небывало теплом, несмотря на ливень, воздухе.

Исаак усмехнулся. Проведя ладонью по стене, нажав на одну из плит, он проскользнул в узкую щель, что вела вниз, во влажную, сырую пропасть.

Он шел, чуть пригнув голову, вдыхая спертый, холодный воздух подземелья. Тоннель расширился, Исаак услышал стук капель, что падали с низкого потолка.

— Никто не знает, — подумал он, глядя на дрожащее пламя свечи. "Никто не должен знать.

Надо потом выбраться отсюда, — хоть как-нибудь. Ничего, Господь мне поможет".

Камни под его ногами внезапно зашатались. Исаак подогнал себя: "Быстрее! Даже если он сюда кого-то пошлет — меня не найдут, пусть он хоть самого голема в погоню отправляет. А вот город снести с лица земли — это он может, уже силу свою пробует".

Он подошел к черному провалу и застыл — в темноте, совсем рядом, — руку протяни, — посверкивало что-то. "Даже смотреть туда нельзя, — велел себе Исаак. "Он здесь больше двух тысяч лет, пусть и остается так". Вдоль позолоченных стенок Ковчега Завета бегали огоньки, крышка подрагивала.

Исаак отвернулся. Пристроив свечу в какой-то нише, он вынул рукописную тетрадь. Исаак вгляделся в кривые, будто детские рисунки, в столбики букв и цифр. Тяжело вздохнув, он стал шептать что-то — быстро, беспрерывно двигая губами.

За его спиной раздался треск. Крышка ковчега стала медленно подниматься. Пещера осветилась золотым, нездешним сиянием. Исаак, закрыв глаза, медленно обернувшись — протянул к нему руки. Мерцающий луч коснулся его ладони. Он еще успел подумать: "Какой теплый. Вот и все. Бедная девочка, бедная Ханеле — одна останется. Как ей тяжело будет. Прости меня, внучка". Исаак повел рукой и вдруг нахмурился. "Не надо, — сказал он. "Не наказывай ее больше, она и так — будет страдать. Пожалуйста".

Луч повисел над его головой, и, пронзив свод подземелья — устремился наружу.

Федор потянулся. Погрев руки над костром, он смешливо сказал мулу, что был привязан у входа в пещеру: "Вовремя мы с тобой спрятались. Смотри, ливень, какой, да еще и с молниями. Ничего, до города уже близко, утром доберемся".

— Хорошо, — подумал он, зевая, похлопав рукой по своей суме. "Озеро это интересное, отличное озеро. И оазис там, рядом очень кстати, — в пресной воде недостатка нет. Побуду тут еще немного, образцы солей и минералов опишу, — и в Париж. Там такого и не видел никто".

Он устроился удобнее. Закрыв глаза, вздохнув, Федор попросил: "Пусть она мне приснится, Господи. Хотя бы ненадолго".

Ветер гулял по разоренной, сожженной равнине, на горизонте стоял сизый дым. Она шла, босиком, держа за руку маленького, лет четырех, белокурого мальчика. Федор издалека увидел ее тяжелые, темные волосы. Подол бедняцкого платья был испачкан в золе. Сзади нее шло еще двое детей — постарше, тоже белокурые, мальчик и девочка, в истрепанных лохмотьях. Они несли какую-то плетеную корзину. Федор заметил капли крови, что падали на землю. Нагнав их, он позвал: "Тео!".

Она обернулась. Федор заметил седину на ее висках. Под черными глазами залегли тяжелые, набухшие мешки.

— Надо успеть, — вздохнула женщина. Белокурый, голубоглазый мальчик прижался к ней. Она повторила: "Надо успеть".

Дети опустили корзину. Мальчик — с болезненным, уставшим, в синяках, лицом, порывшись в ней, достал отрубленную голову. "Мой папа, — сказал он девочке. "А у тебя — свой есть, найди его".

Та кивнула и подняла еще одну голову. "А ты — сказала Тео, глядя в глаза Федору, — не успеешь". Он посмотрел на голову, что держала девочка, и крикнул: "Нет!".

Он проснулся и, слушая шум дождя, повторил: "Надо успеть". Затоптав костер, Федор отвязал мула и вздохнул: "Придется нам с тобой прогуляться по грязи, дружище".

Федор шел на запад, под бесконечным дождем, туда, где небо над Иерусалимом полыхало десятками, сотнями молний.

Ева выпила вина. Рассматривая кусочек пергамента, что лежал на ее ладони, девушка удивленно спросила: "И это все? Это приведет сюда Теодора, и он будет любить меня?"

Горовиц усмехнулся, глядя на маленькие, огненные шары, что висели в проеме окна. Темное небо освещалось молниями. "Летите, — велел им мужчина, — хватит уже, пусть от этого Судакова и следа не останется".

Он повернулся к дочери, и, забрал амулет: "Приведет. Это пока. А вторую часть, милая, — Горовиц стал целовать ее шею, — я напишу после того, как ты мне докажешь, что ты по-прежнему меня любишь".

— Папа, — задыхаясь, ответила Ева, — ну как ты можешь, я всегда…

— Иди сюда, моя голубка, — он опустил голову между ее раздвинутых ног: "Я с этого начинал, как ей три годика было. Девочка моя, единственная моя…"

Ева застонала: "Папа, милый мой, я тебя люблю!" Александр, притянув ее к себе, велел: "Покажи мне, что ты там с этим Авраамом делала. Он теперь до конца дней своих — тебя не забудет. Вот так, милая, — он запустил руки в каштановые волосы, — вот так, поласкай папочку, он очень тебя любит…"

— Тоже, как в три годика, — улыбнулся он, чувствуя губы дочери. "Такая неловкая была, счастье мое, а потом научилась. Теперь нам ничего не страшно — денег будет столько, что руки по локоть в них искупаем. Какому монарху не захочется пользоваться всей мощью гнева Господня? А я теперь понял, как ее вызывать, умею".

Он потянулся, и, прервав дочь, — надел ей на шею золотой медальон. "Когда появится твой Теодор, — велел Горовиц, ставя ее на четвереньки, — отдашь ему половину. Но вы всегда будете вместе, не бойся, — он погладил дочь по спине: "Сейчас я допишу тот амулет, и он вечно будет любить тебя".

Ева вздрогнула — каменные плиты пола чуть сдвинулись. Она услышала откуда-то сверху свист ветра. Столб золотого огня сверкнул из тяжелых туч, черепица на крыше дома задымилась, разламываясь на куски. Ева, подняв глаза, увидела в проеме двери знакомую, рыжую голову.

— Я ее заберу, — сказал себе Пьетро, превозмогая боль в руке. "Заберу и увезу отсюда. Мы всегда будем вместе. Она меня спасет, она, единственная"

Он шагнул в комнату, вдохнув запах мускуса, гари, расплавившегося воска, — тяжелый, стойкий запах. Пьетро услышал лихорадочные, сбивчивые стоны.

— Еще, папа! — потребовал девичий голос и она рассмеялась: "Лучше тебя только Теодор, но ты ведь не обижаешься?"

— Нет, голубка моя, — сквозь зубы ответил Горовиц. Подняв глаза, он увидел перед собой дуло пистолета. Раздался сухой, резкий щелчок, Ева отчаянно закричала. Пьетро, отступив на мгновение, замер — из расколотого черепа мужчины хлестала кровь, было видно что-то серое, переливающееся, пульсирующее. Потолок комнаты задрожал. Он, едва успев схватить обнаженную, испачканную кровью отца девушку, — бросил ее в угол, прикрыв своим телом.

Золотой луч осветил комнату. Пьетро, зажмурив глаза от невыносимого, небесного сияния, услышал дрожащий голос Евы: "Ты убил его! Ты убил моего отца! Я ненавижу тебя, уйди, и больше никогда не появляйся!"

Дождь заливал комнату, хлеща через проваленный потолок. Ее лицо было мокрым от крови и слез, серые, широко распахнутые глаза, смотрели на обугленный, скрюченный труп.

— Теперь Теодор никогда меня не полюбит, — подумала Ева. Склонившись над телом отца, подобрав пистолет, — девушка навела его на священника.

— Ева, — тихо сказал Пьетро, вставая на колени, — Ева, он же взял тебя силой, голубка моя, невинная моя…, Он мерзавец, я просто наказал его…

Ее губы искривились. "Я жила с ним с тех пор, как мне было три года, — спокойно сказала Ева, закинув голову к темному небу, глядя на хлещущие по городу молнии. "Я любила его, и он любил меня, Пьетро. А еще — я люблю Теодора, ты же помнишь его? Теперь он никогда не станет моим. Теперь у меня нет отца, — завизжала девушка, — и все это из-за тебя! Убирайся отсюда, я тебя ненавижу, я никогда, никогда тебя не любила".

— Ева, — он пополз к ней, — Ева, что ты говоришь, любовь моя, мы уедем и всегда будем вместе…

Девушка оттолкнула его ногой. Приставив к рыжему виску пистолет, она медленно сказала: "Ты мне противен, Пьетро. Оставь меня, и никогда больше не ищи. Я лгала тебе все это время, понятно?"

Он заплакал, раскачиваясь, пытаясь обнять ее ноги, и вдруг зажмурился от яркого блеска — золотой луч играл на ее медальоне, освещая лицо девушки. Ева замерла и улыбнулась:

— Господи, конечно. Спасибо, спасибо тебе. На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и нашла его, — нараспев, ласково сказала девушка. Вырвавшись из рук Пьетро, она, как была, обнаженная — бросилась во двор, под бесконечный, холодный ливень.

Пьетро опустился на пол и заплакал, сжимая в руках голову. "Боль, — подумал он, разглядывая свой ожог. "Господи, как сладко". Пошарив по полу, рыдая, она взял обрывок веревки. "Мало, — горько понял Пьетро, — как мало. Не хватит".

Пьетро, было, потянулся за пистолетом. Наверху, в мрачном, ночном небе, что-то загремело. Он, вдыхая смрад сгоревшей плоти, — упал рядом с черным, скорчившимся трупом Горовица. Небо озарилось золотым сиянием, налилось багровым, кровавым цветом. Огненные плети захлестали по дому. Пьетро, еще успев прошептать: "В час смерти моей призови меня, и повели мне прийти к Тебе", — отдался на их волю.

Дождь стал стихать, раскаты грома удалялись. Над городом повисла тишина.

Ханеле поднялась с постели, когда из-за плотных занавесок забрезжили первые, еще слабые лучи солнца. Она вымыла ручки. Одевшись, приподнявшись на цыпочках, девочка заглянула в колыбель брата. "Спит еще, — улыбнулась Ханеле. Нащупав в кармане фартука овечку, девочка тихо сказала ей: "Пойдем к дедушке".

Каменные плиты улиц были влажными от дождя, в канавах журчала вода. Ханеле, переступая через золотые, осенние листья, — подняла голову к ясному, пронзительному, голубому небу. Она миновала лужу и остановилась: "Вот ты где!"

Девочка подняла крокодила. Почистив его рукавом платья, спрятав в карман, она серьезно сказала: "Потом дяде Аарону тебя отдам".

Она спустилась к Стене и замерла, глядя на узкий проход. Ханеле вздохнула. Подойдя к деду, опустившись рядом, девочка поцеловала его в лоб. Он лежал, улыбаясь, глядя мертвыми, темными глазами в рассветное небо. "Спасибо, дедушка, — шепнула девочка. Она, на мгновение, опустила веки. Ханеле увидела тусклый, золотой блеск где-то там, далеко, в черном провале подземелья. Девочка пошарила ладошками по камням: "Ты не бойся, дедушка, я никому не скажу, что он там. Никогда".

Девочка вернулась к телу и вдруг услышала знакомый голос. Она шла, блаженно улыбаясь, переступая избитыми, изрезанными ногами по камням, обнаженная. Мокрые, грязные каштановые волосы закрывали ее лицо.

— Буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и нашла его, — пела девушка. Она встряхнула головой. Ханеле увидела пустой, серый взгляд. На стройной шее сиял, переливался медальон.

— Я ношу Мессию, — искусанные губы улыбнулись, и она положила ладонь на живот. "Мессию, спасителя Израиля".

Ханеле, подойдя к девушке, поманив ее к себе, — сняла амулет. Девочка надела его себе на шею и вдруг, поморщилась: "Мессия. До этого долго еще. Я еще маленькая, Господи".

— Садись тут, — велела она Еве, устраивая ее в нише. Та покорно скорчилась, свесив волосы, шепча:

— Грядет, грядет Мессия, сын мой, слышу, слышу звук его шагов! Я мать спасителя, я тайный родник, запечатанный источник, невеста Сиона, жена Иерусалима…

Ханеле устроилась рядом с дедом. Взяв его за холодную руку, она стала ждать, глядя на медленно встающее над городом солнце.

Серо-зеленые листья олив шелестели под слабым ветром, сияло солнце. Федор, опустив рыжую голову, наклонившись, — бросил на крышку гроба горсть сухой, легкой иерусалимской земли.

— Requiem ?ternam dona ei, Domine. Et lux perpetua luceat ei. Requiescat in pace, — услышал он голос францисканского монаха и ответил: "Амен".

— Вот и все, — подумал Федор, глядя на то, как зарывают могилу. "Ему тут хорошо будет лежать, — он окинул взглядом маленькую церковь и деревья Гефсиманского сада. За ними уходила вверх Масличная гора. Федор заметил, как по дороге к городу спускается процессия мужчин.

— Исаака похоронили, — он все стоял, глядя на могилу. "Все там, я один здесь. Христиан мало, кому еще тут быть, как не мне". Федор перекрестился и достал из кармана сюртука икону. Взглянув в прозрачные, зеленые глаза, он в последний раз посмотрел на могилу. Наклонив голову, Федор вошел в прохладный, крохотный зал церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Мужчина зажег свечу. Преклонив колени, он тяжело вздохнул: "Не успел. Господи, прости меня. Если бы я раньше пришел, раньше Иосифа позвал — может, и выжил бы он. Двоюродный брат..., - Федор вспомнил кровь на каменных плитах и его слабый, еле слышный голос: "Теодор..., Не уходи, не бросай меня. Так больно..."

Он опустился на колени. Погладив рыжую голову, Федор увидел, как губы Пьетро чуть шевелятся: "Так ли не мог ты один час бодрствовать со мною?". "Это же Иисус ученикам говорил, в Гефсимании, — вспомнил Федор. Он ответил, осторожно накидывая какую-то тряпку на покрытое ранами тело: "Я буду здесь столько, сколько надо, Пьетро".

Федор увидел воспаленный ожог на руке. Пьетро, схватив его за пальцы, выдохнул: "Не могу..., так умирать..., Слушай..., меня".

— И он мне все рассказал, — Федор потер лицо.

— Один дед у нас, получается. Эта девушка, Изабелла, что вместе со Степой в плен попала — тоже, кузина моя. Значит, найти ее надо. А потом я ему икону показал, он еще успел прошептать: "Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus, nunc et in hora mortis nostrae. Молись о нас, грешных, в час смерти нашей. И умер. Господи, призри душу раба твоего, Пьетро, даруй ему вечный покой, — Федор перекрестился. Выйдя наружу, он увидел за оградой, вдалеке — Иосифа.

Тот стоял, засунув руки в карманы сюртука, глядя на прозрачное, полуденное небо. Темные волосы шевелил ветер.

— Мне на шиву надо, — сказал Иосиф, когда Федор подошел к нему. "Мне очень жаль, — он посмотрел в голубые глаза мужчины, — но даже если бы ты раньше появился — я бы все равно не смог спасти Пьетро. Никто бы не смог".

Они пошли рядом по тропинке, что вела к городским стенам. Федор подумал: "После такого дождя сейчас все зазеленеет. Красивая тут осень. Потом снег, наверное, пойдет. Степа и Лея теперь в дом тестя покойного переедут. Хоть не замерзнут зимой, да и места там больше".

— Я с утра был у нее, — прервал молчание Иосиф. "С Аароном вместе. Он все переживает, что не поговорил с ней, хотя, что было говорить, — мужчина махнул рукой.

— И что? — осторожно спросил Федор.

— Безнадежно, — Иосиф вспомнил ее горячечный, лихорадочный шепот. "Мессия, Мессия грядет, я слышу его шаги...".

— Я им дал денег, — Иосиф вздохнул. "И твоих — тоже. На год хватит, а потом придумаем что-нибудь. Ты же понимаешь, это просто приют для слабоумных. Они там все вместе. Два десятка женщин в одном зале. Кто кричит, кто головой о стенку бьется, все под себя ходят. У нее будет отдельная каморка. Ее будут мыть, кормить..., - он прервался и вспомнил холодные, серые глаза мужчины напротив.

— У общины нет денег, чтобы ее содержать, — ледяным тоном сказал Степан. "Мы и так —

живем на пожертвования братьев по вере, что наши посланцы собирают в Европе и колониях. Более того, — он огладил золотисто-рыжую бороду, — никто не согласится приютить ее у себя в доме. У людей дети, не след им такое видеть".

Иосиф поднялся, и, не прощаясь — закрыл за собой дверь.

— Твой младший брат, — сказал он Федору, когда они уже входили в Яффские ворота, — теперь в ешиве преподавать будет. Сначала детям, а там, говорят, и покойного Исаака место займет. Ну, я пошел, — Иосиф посмотрел на часы, — вечером увидимся.

— А где Горовица похоронили? — вдруг спросил Федор, вдыхая запах свежести, что шел от еще наполненных дождевой водой канав.

— Там же, — удивился Иосиф, — на Масличной горе. Еврей всегда остается евреем, Теодор.

Он ушел к дому Судакова. Федор, рассматривая рабочих, что чинили черепицу на крышах, пробормотал: "Со Степой — я все равно поговорю, что-то тут не так, не нравится мне это. Хотя, конечно, все это — моя вина".

Федор повернулся: "Хоть в Храме Гроба Господня напоследок побываю". Проходя через рынок, он взглянул на ковры и усмехнулся: "В Париже никто без подарков не останется, это точно".

Он погладил рукой тонкий, нежный узор. Оглянувшись, он посмотрел на дорогу, что уходила вниз, к Еврейскому кварталу, и пообещал себе: "Завтра к ним и приду".

Лея сидела на низком стуле, опустив голову, слушая, как тикают часы на стене. В комнате было темно, сын спал в колыбели. Она, услышав скрип двери, вздрогнула.

— Мама Лея, — Ханеле робко заглянула внутрь, — вы поешьте что-нибудь, пожалуйста. Принести вам? Там госпожа Сегал и госпожа Азулай на кухне оставили.

— Теперь и поговорить не с кем, — подумала Лея, поставив на колени глиняную тарелку. "Господи, как без папы плохо". Она поднесла к губам деревянную ложку с вареной чечевицей. Женщина ясно, отчетливо, увидела перед собой серые, торжествующие глаза.

— Так ей и надо, — зло подумала Лея. "Господь все видит. Это он ее наказал, прелюбодейку, — разума лишилась и сдохнет скоро. Мужчина — слабое создание, он не может устоять перед соблазном, вины Авраама тут нет. А все, почему случилось — потому что мы нескромно себя ведем. Волосы из-под платков у некоторых видны, упаси нас Господь от такого. Надо коротко стричься. В микве тоже — так удобнее. Поговорю с Авраамом, пусть они в ешиве решат это, и нам велят — а мы сделаем".

Ханеле вдруг оказалась рядом. Положив мачехе голову на плечо, девочка всхлипнула: "Дедушка такой хороший был, мама Лея. А когда вам гулять можно будет?"

— Через неделю, — Лея отдала девочке почти нетронутую тарелку: "Глаза — точно как у той прелюбодейки. Господи, дай мне сил воспитать достойную дочь Израиля".

Девочка помялась на пороге: "Мама Лея, я все уберу, вы не волнуйтесь. Я буду себя хорошо вести, и помогать вам, я обещаю".

Лея поманила ее к себе. Вдыхая сладкий, детский запах, она грустно улыбнулась: "Я знаю, моя

милая. Ты у меня очень славная девочка. Отнесешь папе обед в ешиву?"

Ханеле шла по улице, держа в руках накрытую холщовой салфеткой тарелку. Приостановившись, посмотрев в голубое небо, девочка грустно сказала: "Дедушка, я по тебе скучаю. Но ты с праведниками, я знаю. Все будет хорошо".

Она тряхнула черными косами. Оглянувшись, — в проулке никого не было, — Ханеле поскакала на одной ножке за угол.

Во дворе стоял нагруженный, привязанный к гранатовому дереву мул. Федор посмотрел на него и услышал голос Иосифа: "Саблю свою лучше до самого Ливорно не вынимай. У нашей семьи с берберскими пиратами как-то не ладится. Тебе твоя правая рука еще нужна".

Федор рассмеялся и, затушив сигару, потрепал по плечу Аарона. Юноша сидел, быстро, аккуратно вырезая цветочный узор на крышке шкатулки. "Эта больше, — одобрительно заметил Федор.

— Для драгоценностей, — счастливо отозвался юноша. "Когда мы с Диной поженимся, я ей к праздникам что-нибудь дарить буду. Жену надо радовать. Только это ведь еще через два года, — Аарон вздохнул. Ратонеро, щелкнув зубами, отряхнувшись, поднялся.

— Мы тебя с мулом за Яффскими воротами будем ждать, — Иосиф блеснул темными глазами и велел: "Пишите нам, обязательно. Ты, Марта, и Тео с Жанной. И мы вам писать будем. Хоть раз в год, а услышим — какие там у вас новости. Ну, иди, — он подтолкнул Федора, — брат уже тебя заждался, наверное. Ты с племянницей-то попрощался?

— А как же, — отозвался Федор и вспомнил шепот Ханеле: "Дядя Теодор, я о вас скучать буду! Вы так интересно рассказываете, и о звездах, и об океане! Только папа сказал, что Господь сотворил мир за шесть дней, а вовсе не за тысячи лет".

— Ну-ну, — только и усмехнулся Федор, ставя девочку на землю. Он, было, протянул руку невестке, но, тут же, спохватился: "Простите, Лея". Ханеле убежала, подпрыгивая. Федор заметил: "Девочка умная, вы бы ее учили, у нее задатки хорошие".

— Она и будет учиться, — Лея оглядела чисто выметенный двор и покачала ребенка, что спал в шали. "Молитвам, и как правильно дом вести. Больше женщине знать не стоит, сказано же — кто учит свою дочь Торе, тот учит ее распутности. А уж тем более — женщина пожала плечами, — светским наукам, упаси нас от них Господь".

Женщина проводила взглядом мощную спину в темном сюртуке. Сзади раздался звонкий голос падчерицы: "Мама Лея, посмотрите, тут шелк, такой красивый. Это подарки, от дяди Теодора. А можно мне платьице на Хануку сшить?"

Лея взглянула на темно-синий отрез. Поджав губы, она заметила: "Хана, Тора нас учит сначала думать о других, а потом уже — о себе".

Девочка покраснела. Повозив потрепанной туфлей по камням двора, она пробормотала: "Простите, пожалуйста".

— Себе и сошью, — подумала Лея, убирая ткани в сундук. "В конце концов, у меня муж в ешиве преподает, не след мне в обносках ходить. А Хане из той шерсти выкрою, темной. Ребенок ведь, измажется еще".

— Пойдем, — улыбнулась она девочке, — будем обед готовить. Ханеле напоследок высунулась во двор. Девочка грустно проговорила, себе под нос: "Я, наверное, дядю Теодора и не увижу больше".

В синагоге было тихо. Федор сразу увидел золотисто-рыжую, прикрытую кипой голову брата.

— Степа! — позвал он. "До Яффских ворот проводи меня. Уже, и отправляться пора".

Брат отложил молитвенник и поднялся. "Плакал, — понял Федор, искоса поглядывая на его лицо. Когда они вышли во двор, Степан потянулся за трубкой. Чиркнув кресалом, он тоскливо сказал: "Не уезжал бы ты, Федя".

Федор приостановился, и закурил сигару: "Я — не ты, дорогой мой. Меня вся Европа не содержит, — он увидел, как брат покраснел, и добавил: "Я своими руками на хлеб зарабатываю, и головой тоже. Тем более, я сейчас своего патрона потерял, нашего брата двоюродного…"

— Не верю я в это, — упрямо прервал его Степан. "Он тебе солгал, идолопоклонник"

— А ты сам кем был, три года назад? — ядовито поинтересовался Федор.

— Этого нельзя, — Степан открыл ворота ешивы, — нельзя напоминать еврею о том, кем он был раньше.

— Это вам нельзя, — Федор прислонился к стене, — а мне — можно. Вот так-то, дорогой Степан Петрович. А насчет аббата Корвино, — он у меня на руках умирал. В такие мгновения уже не до лжи как-то. Я сам знаю, меня в шахтах не один раз заваливало.

— Мне еще надо в Рим заехать, представиться там, получить нового, так сказать, советника. Отца Джованни этого поискать, а потом уже и занятия в Школе начнутся. Еще и статью напишу, о вашем озере соленом. Так что дел у меня много. А ты учись, все равно вы больше ничем не занимаетесь, — мужчина расхохотался.

Они подошли к воротам. Федор вдруг спросил: "Степа, эта девушка, что с ума сошла — Ева Горовиц? Знал ты ее?"

— На улице только видел, — неловко, глядя в сторону, ответил брат. "Врет ведь, — вздохнул про себя Федор. "Я тоже всего ему не сказал. Господи, простишь ли ты меня, когда-нибудь? Из-за меня же все это случилось, с Евой"

— Ты пиши, — велел он, обнимая брата. "И я тоже буду. Вдруг тебя в Европу пошлют, деньги собирать — там и увидимся. Я Иосифу с Аароном обещал на их свадьбы приехать, раз у тебя хупу пропустил".

Степан посмотрел брату вслед. Вздохнув, он стал спускаться по узкой улице обратно к ешиве. Впереди мелькнули женские головы — темная и белокурая. Он остановился за углом:

— Нельзя, — велел себе Степан. "Не думай ни о ком другом, кроме своей жены. Это грех, великий грех. Господь тебя простил, один раз, не испытывай более Его терпения".

Он сжал левую руку в кулак, — до боли. Постояв несколько мгновений, тяжело дыша, Степан скрылся во дворе.

mir-knigi.org

Иосиф помахал вслед рыжей голове: "Вроде братья они с Авраамом, а какие разные. Но не зря я говорил, что отец Корвино покойный на Теодора похож. Одна кровь".

Аарон стоял, гладя Ратонеро: "Иосиф, помнишь, когда мы в этот приют ходили, то нам сказали — там еще евреи есть. И мужчины, и женщины".

— Знаю, — мрачно отозвался мужчина. "Я договорился. Буду навещать их, пару раз в месяц, осматривать — не только евреев, всех пациентов, конечно. Бесплатно, да у них и платить нечем"

Аарон помолчал: "Ты бери меня с собой, я им Тору читать буду. Все равно же — еврейские души, хоть и во тьме они сейчас. Может, и оправятся. Ты же мне тоже читал, помнишь?"

— Ну, — протянул Иосиф, — у тебя ум острее, чем у многих, кто в ешивах преподает. А так, — он поднял с земли какую-то палочку и бросил ее собаке, — конечно, будем вместе ходить".

— Я записку Дине отправлю, — Аарон посмотрел на мощные, освещенные еще ярким солнцем, стены города. "Они приготовить что-нибудь могут, где эти несчастные еще домашней еды отведают".

— Правильно, — согласился Иосиф и вдруг сказал: "Хороший ты человек, Аарон".

Юноша погрустнел: "Все равно, Иосиф, видишь, как вышло. Если бы раньше с Евой кто-то поговорил…, И с равом Судаковым тогда бы ничего не случилось, а так…, - юноша развел руками.

— Не мучь себя, — Иосиф поправил на нем кипу: "Ладно, перекусим что-нибудь, и на молитву вечернюю пойдем. А по дороге записки оставим".

Аарон нежно улыбнулся: "А что я хороший человек — так ко мне уже тут кое-кто приходил, ругал за собаку. Я им открыл том Талмуда и показал — ничего запрещенного в этом не. Я Ратонеро всегда первым кормлю, а потом уже сам ем, как положено".

Он свистнул. Ратонеро, принеся палку, сел, преданно глядя в глаза хозяину. "Ты тоже, — велел ему Аарон, — невесту себе найди, а то я Иосифу щенка от тебя обещал".

Пес весело гавкнул и побежал вверх, по тропинке, что вела к Яффским воротам.

— Хороший человек, — еще раз повторил про себя Иосиф, обернувшись, глядя на алый закат, что вставал над холмами на западе.

Интерлюдия

Северная Америка, январь 1779

Мэри откинула полог типи. Стряхивая снег с капюшона, девочка заползла внутрь. В очаге горел костер, пахло травами. Мэри услышала слабый, горестный стон из-за шкуры, что отгораживала заднюю часть шатра.

— Тетя Мирьям, — позвала девочка, — снега растопить?

Мирьям высунула голову. Посмотрев на мелкие кудряшки девочки, она вздохнула: "Как там, милая?"

— Метель, — Мэри поежилась. Сбросив меховые рукавицы, девочка потянула руки к огню. "Он сейчас не придет. Какой-то вождь приехал, с запада. Они в вигваме сидят, пируют". Зеленые глаза девочки блеснули. Она тихо спросила: "Как тетя Гениси? Когда детки родятся?"

— Уже скоро, — успокоила ее Мирьям и поцеловала Мэри в щеку: "Ты воды согрей тогда, милая, хорошо?"

Она опустила шкуру. Погладив Гениси по распущенным волосам, девушка мягко сказала: "Давай еще постараемся, милая. Я знаю, что больно, ты потерпи, пожалуйста".

Девушка вцепилась в руку Мирьям. Часто задышав, она прошептала: "Он сказал…, если будут девочки…, он их оставит, на морозе…, Мирьям…прошу тебя…"

Мирьям покосилась на свой, чуть выступающий из-под тонкой, замшевой рубашки живот: "А если и у меня — девочка? Еще четыре месяца, Господи. И куда идти, мы так далеко на запад забрались, что и дороги домой не найдешь".

Мэри принесла горшок с теплой водой и спросила у Мирьям: "Помочь вам, тетя?"

— Ты поспи, — Мирьям взглянула на свежую ссадину, что пересекала смуглую щечку девочки: "Опять он ее бил. Господи, да сделай же ты что-нибудь"

— Можешь кинжал взять, — Мирьям покосилась на вход в типи. "Поиграй и потом спрячь в тайник, ладно?"

Мэри кивнула. Мирьям помыла руки в горшке: "Хорошо, что он забыл о кинжале. Три тысячи воинов у него, всего не упомнишь. Потерялся и потерялся, мы всю осень и зиму кочуем".

Она смазала руки растопленным жиром и устроила Гениси удобнее: "Скоро все закончится, милая".

Искусанные губы девушки разомкнулись: "Мирьям…ты прости меня…"

— Да за что? — вздохнула та, осматривая Гениси. "Можно подумать, что ты у меня любимого мужа отняла".

Гениси застонала и тут же не выдержала — тоже рассмеялась.

— Да, — подумала Мирьям, — весной он Гениси себе забрал. А все почему — потому что услышал, что у нее бабка белая была. Как она тогда плакала, бедная. Потом пришла ко мне, и мы сидели, отца ее вспоминали, миссис Онатарио, Джона покойного. Господи, дай ты перезимовать, тем летом не уйти было, он нас с Мэри от себя не отпускал, а этим уйдем. Пусть с детьми, ничего страшного. Главное, до осени обратно к озерам пробраться, там легче будет.

Выл, задувал ветер. Мэри, прислушиваясь к стонам из-за шкуры, стругая кинжалом какую-то палочку, расправила на коленях замшевую, отороченную мехом юбочку. "Хорошо получилось, — гордо подумала она. "Я все сама сшила, тетя Мирьям меня похвалила тогда". Мэри протянула к огню босые, смуглые ножки и коснулась ссадины на щеке. Красивое личико девочки помрачнело. Она вспомнила запах жареного мяса и пота в вигваме у отца.

— Сколько лет твоей дочери, Менева? — спросил высокий, смуглый, с узкими, холодными глазами индеец. Мэри, поклонившись, опустив глаза, принесла горку горячих, кукурузных лепешек. Она, было, хотела отойти, как отец властно сказал: "Стой!"

— Пять, — ответил Кинтейл, шумно обсасывая кости. "Через семь лет можно брать ее в жены. Я дам за ней лошадей, а ты мне дашь золота, — отец усмехнулся и велел Мэри: "Подыми юбку, покажись своему жениху".

Девочка помотала головой и отступила назад. Кинтейл хлестнул ее по щеке — массивный, грубый золотой перстень оцарапал кожу девочки. "Ну, — отец выплюнул кости на шкуру, — что застыла?"

Мэри, глотая слезы, подчинилась. "Я воспитываю ее, — сказал Кинтейл, давая дочери подзатыльник, — в уважении к отцу. Поэтому ты получишь покорную жену, мой друг. И красивую жену, — обезображенное шрамами лицо расплылось в улыбке.

Мэри отложила палочку. Полюбовавшись узором, она мрачно пробормотала: "Хоть бы он сдох быстрее. Он мамочку убил, — девочка всхлипнула: "Я мамочку совсем не помню. Только что у нее были руки теплые, и песенку помню, о лошадках. Когда детки родятся, я им спою, — Мэри тяжело вздохнула и. Встав на цыпочки, она спрятала кинжал в искусно вшитый между шкурами карман.

— Он сюда и не приходит, — Мэри свернулась в клубочек и стала перебирать свои бусы из красных, сухих ягод. "Тут женское типи, нечистое. А тетю Мирьям и тетю Гениси он к себе зовет. Их он тоже бьет, — Мэри вздохнула. Сложив ручки, она прошептала: "Господи, пожалуйста, упокой мою мамочку Юджинию, и накажи его, быстрее. Пусть с детками все хорошо будет, — она зевнула. Сказав: "Аминь", девочка вздрогнула — из-за шкуры раздался низкий, страдальческий крик и тут же — жадный, захлебывающийся плач ребенка.

Мэри быстро откинула полог. Мирьям, улыбаясь, осторожно обтирала новорожденного — большого, белокожего, темноволосого мальчика: "Братик у тебя. И сейчас — еще один родится, тетя Гениси справится, да? — она завернула плачущего ребенка в шкуру и велела: "К груди его приложи, сейчас все быстрее пойдет".

Мэри присела рядом с изголовьем. Поцеловав Гениси в холодную, покрытую потом щеку, она тихо шепнула: "Очень хорошенький мальчик, тетя Гениси".

— Он сказал, Меневой назовет, — подумала девушка. Почувствовав боль, она попросила: "Мэри…за руку меня подержи…Мирьям…, если девочка…, спрячь, я прошу тебя…, укрой где-нибудь…".

Гениси закричала, младенец заплакал. Мирьям осторожно вывела на свет изящную, темноволосую девочку. Та, оказавшись на шкуре, любопытно повертела головой и тоже закричала — звонко, весело.

— Шумная, — усмехнулась Мирьям. "Меньше брата, но здоровое дитя, сразу видно. Просто она хрупкая, в тебя. Гениси! — она привстала и посмотрела на бледное лицо девушки. "Гениси!". В типи запахло свежей кровью. Мэри, чувствуя, как у нее дрожат губы, спросила: "Тетя Мирьям, что такое?"

— Унеси детей к костру, — велела женщина. "Они должны быть в тепле".

— Возьми, — она сунула в руки Мэри два свертка. Та, обернувшись, еще успела увидеть лужу крови, что расплывалась по шкуре.

Мирьям, встав на колени, массировала живот родильницы, с ужасом глядя на то, как мертвенно синеют ее губы. "Не спасти, — поняла она. "Я же видела такие кровотечения, в

Бостоне. Пастушья сумка тут не растет, я искала ее летом и не нашла. Господи, бедная девочка".

— Джон, — вдруг услышала она слабый голос, — Джон…

Длинные, темные ресницы задрожали, красивая голова откинулась назад. Мирьям, все еще, упорно, нажимая на живот, — заплакала.

Она убралась, и, свернув испачканные шкуры, — обмыла труп. Гениси лежала — маленькая, тонкая, с бледным лицом. Мирьям внезапно подумала: "Она на нее была похожа. На миссис Онатарио. Та высокая только. А так — черты лица такие же. Господи, еще и семнадцати не исполнилось".

Мирьям почувствовала, как шевелится ее ребенок. Поднимаясь, она грустно сказала: "Упокой, Господи, ее душу в присутствии своем".

Она присела рядом с Мэри. Посмотрев на угревшихся, сонных детей, девушка вздохнула: "Кормилиц взять надо. Хотя в них недостатка нет, две сотни женщин в лагере, а то и больше". На них пахнуло морозным воздухом. Мирьям услышала властный голос: "Что тут?"

Дети заворочались, захныкали. Она, поднимаясь, дергая за руку Мэри, — та тоже встала, торопливо сказала: "Сын и дочь. Гениси умерла, у нее кровотечение было".

Голубые глаза усмехнулись: "Отлично, от лишнего рта избавились. Дай мне сына, — велел Кинтейл. Он взял на руки ребенка. Тот внезапно замолчал, разглядывая лицо отца. "Крепкий, — подумал Кинтейл, — здоровый мальчик, весь в меня. И с белой кожей. Глаза темные, правда, но голубоглазого мне Мирьям родит".

— Найди Меневе кормилицу, хорошую, — коротко приказал Кинтейл. "Собирайтесь, утром отправляемся дальше".

Девочка, лежа у костра, заплакала. Кинтейл, отдав сына Мирьям, наклонившись, поднял младенца. "Я ее выкормлю, — торопливо сказала девушка, — пожалуйста, я прошу вас, не надо. Это же ваше дитя…, Пожалуйста…"

— Миссис Онатарио мне говорила, — вспомнила Мирьям, — любая женщина может кормить. Тем более, у меня уже был ребенок, — она, на мгновение, закрыла глаза. Пошатнувшись, девушка велела себе: "Не вспоминай!"

— Папа, — жалобно проговорила Мэри, — не надо убивать сестричку, она такая милая. Пожалуйста, папа, — девочка опустилась на колени. Кинтейл посмотрел на хныкающего младенца. Он коротко сказал, поднимая капюшон меховой парки: "Сама будешь с ней возиться".

Он вышел. Мирьям, облегченно вздохнув, сунула девочку Мэри: "Разведи кленового сиропа в воде, и дай ей с пальца. Я сейчас пристрою Меневу у кого-нибудь, и вернусь".

Мэри, взяв флягу из сухой тыквы, налила теплой воды в деревянную миску: "Не плачь. Мы тебя вырастим".

Девочка поморгала темными, красивыми глазками, и, вытянула из шкуры крохотную ручку. Когда Мирьям откинула полог типи, она увидела, что Мэри сидит, держа младенца на коленях.

— Ей понравилось, — улыбнулась девочка. "Она спит сейчас". Мирьям вздохнула. Скинув рубашку, оставшись в одной юбке, она попросила: "Давай ее мне. Сейчас всю ночь она сосать должна, тогда молоко появится. Ты приберись, лагерь сворачивается весь, мы дальше на запад идем".

Она приложила девочку к груди: "Ничего. Двоих выкормлю, не страшно. Справимся".

— Тетя Мирьям, — Мэри остановилась с кожаным мешком в руках, — а как мы ее назовем?

Мирьям посмотрела на черные, шелковистые, прямые волосы. Девочка бойко сосала. Мирьям, улыбнувшись, подняв голову, сама не зная почему, ответила: "Мораг".

— Красивое имя, — одобрительно сказала Мэри, убирая одежду, складывая шкуры.

Ветер хлестал по лицу снежной крошкой. Мирьям поправила перевязь, где лежала девочка. Наклонившись, вдохнув запах молока, Мирьям шепнула ей: "Ты ешь, Мораг. Мы сейчас пешком пойдем, а ты спи и ешь. Не бойся". Она посмотрела на белесое, туманное, зимнее небо, на бесконечную равнину, усеянную всадниками и повозками, на черные следы от костров. Девушка обернулась — тело Гениси было уже не видно под сугробами.

— Пойдем, — Мирьям дала руку Мэри. Женщина с девочкой, проваливаясь по колено в снег, направились вслед за повозкой на запад, туда, где в метели были еле видны очертания далеких гор.

Эпилог

Иерусалим, июль 1779

Ханеле одернула подол холщового, длинного платьица, и положила на колени книгу: "Сейчас я тебе почитаю, Моше, а ты — играй". Рыжеволосый, крепкий мальчик, что сидел на расстеленном во дворе покрывале, улыбнулся, показав белые зубки. Повертев в ручках деревянную овечку, он ответил: "Бе!".

— Правильно, — улыбнулась Ханеле, — овечка. Она потянулась и погладила мальчика по длинным, чуть завивающимся волосам. "В три года его стричь будут, — вспомнила Ханеле, — папа его на север отвезет, на могилу рабби Шимона бар Йохая. Я тоже просилась, но мама Лея сказала — это нескромно, женщинам нельзя туда. Жаль, — девочка вздохнула и начала читать, — красивым, напевным голосом:

— Моше принял Тору на Синае и передал ее Йегошуа, Йегошуа старейшинам, старейшины — пророкам, пророки передали ее Великому собранию ученых. Последние дали три указания: "Судите без спешки, выводите в люди как можно больше учеников и возведите ограду вокруг Торы". Она прервалась и сказала брату:

— Это значит, что надо дополнять запреты Торы, чтобы люди по неосторожности или случайности не нарушили ее законов. Понятно?

Мальчик улыбнулся: "Да!".

— Отлично, — похвалила его Ханеле и стала читать дальше.

— Постучи, — велела пожилая женщина в платке молодой девушке, на сносях. Обе они стояли

у ворот дома Судаковых.

— Мишну читает, — зачарованно сказала молодая, прислушавшись. "Ей же четырех еще нет. Но как, же это, мама? — она обернулась. "Тора же запрещает предсказания".

— К ней все ходят, — зашептала мать. "Госпожа Сегал дочку свою привела, у той четыре девочки уже было, а Ханеле только на нее посмотрела и сказала: "Мальчик родится". И родился — здоровый и крепкий. Стучи, стучи".

Ханеле открыла ворота, и звонким голоском сказала: "Мама Лея пошла в синагоге полы мыть, а папа — в ешиве. А у вас сыночек будет".

Пожилая женщина протянула Ханеле холщовый мешочек с печеньем. "С миндалем, — облизнулась девочка, понюхав. "Спасибо вам большое".

Девочка захлопнула ворота и мрачно пробормотала: "Господь велел говорить только хорошие вещи, помни".

Она вернулась на скамейку, и, протянув брату печенье, вздохнула: "Умрет ее сыночек, маленьким совсем. А ты долго будешь жить, Моше, — она ласково посмотрела на то, как мальчик, причмокивая, грызет печенье. Ханеле закрыла глаза. Она увидела низкое, серое, северное небо, и чаек, кружащихся, клекочущих над ее головой.

— Долго, — повторила она. Девочка подхватила книгу: "Пошли, умоемся, и я тебя спать уложу, зеваешь уже. А потом папе обед отнесу".

Она шла по узкой улице, держа в руках тарелку, и лукаво улыбалась. "Папа будет рад, — подумала Ханеле, — я сегодня еще одну главу наизусть выучила".

В кабинете отца приятно пахло хорошим табаком и старыми, кожаными переплетами книг.

Отец поднял голову от тома Талмуда и обрадовано рассмеялся: "Я уж и не ждал тебя, милая, думал — сам домой идти".

— Моше долго засыпал, а потом мама Лея домой вернулась, мы с ней стирали, — девочка ловко расстелила на коленях отца холщовую салфетку: "Ешь и слушай, папа".

— Господи, — подумал Степан, — у меня это десятилетние мальчики учат. Ни одной ошибки. Говорят, что Виленский гаон в ее возрасте тоже — Танах наизусть знал.

Девочка закончила и отец, откашлялся: "Очень, очень, хорошо, милая. Ты у меня молодец". Он поймал взгляд дочери — та страстно смотрела на открытый том Талмуда.

— Ну, кто узнает? — вздохнул Степан. "Никто. И Раши своих дочерей Талмуду учил. Ничего страшного. Ей скучно станет, сразу же, не женского это ума дело".

Он покосился на закрытую дверь. Убрав тарелку, потянув к себе книгу, Степан спросил: "Почитать тебе?"

— Я сама — обиженно ответила Ханеле. Встав коленками на табурет, она встряхнула черными косами. "Это они обсуждают, в какое время надо произносить "Шма", — пробормотала девочка и начала читать.

Степан слушал, а потом, осторожно спросил: "Ты понимаешь что-нибудь?"

Ханеле закатила серые глаза: "Мудрецы спрашивают, почему в Мишне сказано, что Шма надо читать сначала вечером, а потом — утром. А сказано это потому, что в Торе — Ханеле поводила нежным пальчиком по строчкам, — когда рассказывается о сотворении мира, то Господь говорит: "И был вечер, и было утро". Поэтому день начинается с вечера и в Мишне тоже — первым упоминается вечер. Ничего сложного, — Ханеле слезла с табурета. Она вдруг замерла, держа в руках тарелку.

— Бедная, — подумала она. "Только папе не надо говорить, он расстроится. Никому не надо говорить. Иосиф там, Аарон тоже — они ей помогут".

— Ты что? — заволновался отец. "Что случилось, милая?"

— Ничего, — ясно улыбнулась Ханеле. "Папа, а можно я с тобой буду читать, иногда? Так интересно…, - протянула девочка. Степан, взглянув в серые, обрамленные длинными ресницами глаза, почувствовал привычную, тупую боль в сердце.

— Хорошо, милая, — он поднялся и посмотрел на часы. В коридоре уже были слышны голоса мальчиков. "Немножко, конечно, — добавил он. Наклонившись, поцеловав дочь в щеку, Степан велел: "Беги, Ханеле, мне уже и на занятия пора".

Дочка ускакала во двор. Он, присев на каменный подоконник, закурив трубку, усмехнулся: "Все равно — рано или поздно ей это надоест".

На кухне приятно пахло выпечкой и пряностями. Девушки, сидя за большим столом, перетирали серебро.

— Я там сверток с едой под камнем оставила, — сказала Джо, любуясь блеском подсвечника. "И записки тоже положила. Как они завтра пойдут в приют, так все и заберут".

— Два месяца уже не виделись, — грустно отозвалась Дина, теребя белокурую косу. "Слышала ты, — она посмотрела на Джо, — теперь перед свадьбой стричься надо, коротко, чтобы волосы из-под платка не выбивались".

Голубые глаза девушки заблестели: "Как же так, некрасиво ведь, так косы жалко…"

Джо откинулась на спинку стула. Оглянувшись на дверь, расстегнув верхние пуговицы платья, она усмехнулась: "Как Иосиф меня впервые увидел, так у меня волосы были вот такие — Джо показала пальцами, — я же на корабле плавала, там с косами неудобно. И ничего, — девушка рассмеялась, — понравилась я ему. Так что не бойся".

Дина помолчала и робко спросила: "А ты ведь с Иосифом целовалась?"

— И сейчас целуюсь, — Джо положила вилки на холщовую салфетку, и стала их чистить, — правда, как ты говоришь, два месяца уже не удавалось, с этими строгостями. Теперь и по улице одним не походить, вон госпожа Сегал все шипит, что нескромно это.

— А как целоваться? — поинтересовалась Дина, краснея.

— Губами, — ухмыльнулась Джо. "Впрочем, подожди следующего года, нам госпожа Судакова все расскажет, она же невест учит".

— Лучше уж ты, — хихикнула Дина. "Ну, так как?"

Джо только открыла рот, как хлопнула входная дверь. Госпожа Сегал громко сказала: "Быстро сюда, дальше я эти корзины одна не потащу".

Уже вечером, сидя на кровати, расчесывая длинные волосы, глядя в маленькое окно полуподвальной комнаты на яркий, летний закат, Дина вдруг вздохнула: "Так жалко Еву. Она уже теперь и не оправится, наверное".

Джо подоткнула подушку у себя за спиной: "Я же спрашивала Иосифа, тогда еще, два месяца назад — что с ней. А он только глаза отвел. Значит, говорить не хотел".

— Не оправится, — покачала головой Джо, и устало закрыла глаза.

Дочь уже засыпала. Степан сидел на кровати в детской, держа ее за руку, слушая, как сопит сын в своей колыбели.

Вечер был теплым, даже жарким. Ханеле, откинув холщовую простыню, заворочавшись, сонно, сказала: "Сыночек мой…"

Степан замер. Наклонившись к ней, он шепнул: "Спи, милая, поздно уже". Серые глаза дочери распахнулись. Девочка, глядя в полутьме на лицо отца, пробормотала: "Сыночек. Так больно, так больно. Никого рядом нет, только завтра придут. Я их дождусь, надо дождаться".

Она увидела исхудавшую, в одной рубашке, женщину, что скорчилась в углу каменной, пустой комнаты: "Я ее знаю. Это тетя Ева. Господи, не показывай мне ничего, пожалуйста, я спать хочу".

— Ева…, - одним дыханием сказала девочка, и, зевнув, заснула — мгновенно.

Степан еще посидел немного, опустив голову в руки, вспоминая жемчужный блеск ее кожи, растрепанные, каштановые волосы. Тяжело вздохнув, поднявшись, он вышел в коридор.

Он постоял, прислонившись к стене, а потом заставил себя войти в соседнюю спальню, где ждала его жена.

Двое мужчин, повыше и пониже, в темных сюртуках, медленно шли по рынку. Иосиф обернулся: "Ерунда, показалось. Незачем за нами следить, никому эта бедная женщина не нужна".

Аарон на ходу пощупал отрез шелка: "И все равно, Иосиф, это же еврейский ребенок. Ты ему даже обрезание сделал, как положено. Только имени не дали"

Иосиф остановился, и, натолкнувшись на какого-то торговца, — извинился по-арабски. "Аарон, — развел он руками, — ну что же делать. Мы не можем его держать у себя, его кормить надо. Кормилица хорошая, а что она христианка — так и отец у мальчика, ты меня прости, католический священник был, и приют францисканцы содержат".

Они, молча, пошли, дальше. Аарон, посмотрев на плетеную корзинку с едой у себя в руке, вздохнул: "А Джо согласится, чтобы он с вами жил?"

Иосиф улыбнулся: "Согласится, конечно. А что ты его хотел взять — так я же тебе рассказывал. Я ходил к Судакову, просил его, чтобы община Еве помогла. Он меня отправил восвояси. Не стоит этого мальчика в Иерусалиме оставлять, поверь мне. Как мы с Джо

поженимся, следующим годом, так и заберем его".

— Дина бы тоже согласилась, — улыбнулся Аарон. "Она добрая девушка. Но ты прав, в Европе ему лучше будет". Юноша помолчал и спросил: "А Еву…, Иосиф, ее никак не спасти?"

— Ты же видел, — мужчина дернул краем рта. "Она же себя голодом морит. У тех, кто потерял разум, такое бывает. Как она еще доносила до срока — удивляюсь. Я боялся, что она выкинет, или дитя мертвое родится. Но Господь миловал. У нее и волосы почти все выпали, и зубы шатаются. Она вряд ли долго протянет, — мужчины вышли из Дамасских ворот и стали спускаться по тропинке, что вела к деревне.

Немного поодаль, в стороне от бедных, из грубого камня лачуг стоял дом. Иосиф стер пот со лба и остановился перед тяжелой, деревянной дверью с врезанной в нее решеткой. "Жара, какая, — подумал он, и положил руку на плечо Аарону: "Пошли".

В большой комнате пахло потом и мочой. Иосиф обернулся к монаху, что стоял сзади: "Давайте, я ее первой осмотрю, потом займусь остальными, раз вы говорите, что она кровью кашляет".

— Уже вторую неделю, — развел руками францисканец. "Каждую ночь, и днем — тоже. И не ест почти ничего, выплевывает. Бедная девушка".

Иосиф взглянул на женщин — с остриженными волосами, в длинных, холщовых рубашках, что бесцельно бродили по комнате, или сидели, раскачиваясь, у стен. Подхватив свой саквояж, нагнув голову, он шагнул в боковую каморку.

Она лежала на тюфяке, смотря в маленькое окно, за которым были видны стены Иерусалима, черепичные, красные, охряные крыши, и огромное, яростное солнце.

Иосиф присел рядом и взял тонкое, костлявое запястье. "Сердце уже с перебоями работает, — понял он. "Сейчас Аарона позову, из мужского отделения. Пусть с ней побудет, пока я с женщинами занят".

— Искала его и нашла его, искала его и нашла его, — бормотала Ева.

Он посмотрел на запавшие, огромные глаза, на морщины вокруг рта, на серую, сухую кожу. Чуть коснувшись обритой наголо головы, Иосиф ласково сказал: "С вашим сыном все хорошо, Ева, он крепкий мальчик. Он у кормилицы сейчас. Мы о нем позаботимся, я обещаю".

Женщина закашлялась. Иосиф вытер салфеткой струйку крови, что поползла по щеке. Она вдруг заплакала, перевернувшись на бок, подтянув острые колени к впалому животу.

— Сыночек, — услышал он едва различимый голос, — сыночек мой.

— Она же не хотела мальчика отдавать, — вспомнил Иосиф, — но как его тут держать, невозможно, совершенно невозможно. Да и молока у нее не было. Потом я вернулся, а она ползала по каморке, искала его, и плакала. И тоже повторяла: "Сыночек".

Он почувствовал слезы у себя на глазах: "Сейчас Аарон к вам придет, почитает. Вы полежите, Ева, вы очень ослабли. Не надо волноваться".

Иосиф вышел. Не обращая внимания на больных, он прислонился лицом к прохладной, каменной стене. Только когда он почувствовал на плече руку Аарона, он повернулся: "Там

mir-knigi.org

скоро…все закончится. Почитай ей пока, пожалуйста".

Она лежала, уткнувшись лицом в худую руку. Аарон устроился у изголовья: "Я же не врач, мне нельзя ее трогать. Ерунда, — вдруг разозлился юноша, — человек умирает". Он взял сухие пальцы и улыбнулся: "Отдыхайте, милая, и слушайте".

— Ответит тебе Господь в день бедствия; охранит тебя имя Бога Яакова! Пошлет Он помощь тебе из святилища, и с Сиона поддержит тебя! — Аарон, на мгновение, прервался. Женщина, с трудом подняв голову, улыбалась — нежно, мимолетно.

Они вышли из приюта, когда над Иерусалимом уже склонялось солнце. "Надо женщин позвать, — наконец, сказал Иосиф, — пусть тело к похоронам подготовят. Только вот не хочется, конечно, к раву Судакову опять идти, — он поморщился.

— Да что ты, — Аарон вздохнул, — это же мицва, заповедь, нельзя отказывать еврею в похоронах. Положено все бросить, и заниматься только этим. Смотри, — он внезапно остановился, — вот уж не ожидал его тут увидеть.

Он шел к ним — высокий, широкоплечий, в темной одежде. Золотисто-рыжая, длинная борода играла в солнечном свете.

Степан остановился рядом. Смотря поверх их голов на здание приюта, он услышал голос Аарона: "Рав Судаков, Ева Горовиц умерла сегодня. Надо позаботиться о ее похоронах".

Он вспомнил ее ласковые губы, ее шепот, ее руки, что обнимали его — там, в маленькой комнате, где за окном лил нескончаемый дождь. Откашлявшись, он ответил: "Я все устрою, господин Горовиц, не волнуйтесь. Спасибо, что заботитесь об этих несчастных. А? — Степан оборвал себя, увидев темные глаза Иосифа.

— Что, рав Судаков? — спросил врач.

— Ничего, ничего, — Степан махнул рукой. "Я позову женщин из похоронного общества". Он повернулся и быстро пошел вверх, к Дамасским воротам.

— Может, надо было ему сказать, насчет мальчика? — неуверенно спросил Аарон, глядя вслед раввину.

Иосиф потер свою бороду.

— А зачем? — он пожал плечами. "И так понятно, что никому, кроме нас, он не нужен. Значит, завтра и похороны уже, надо сходить".

— Да — отозвался Аарон, и они направились к городским стенам.

В маленькой церкви пахло воском. Женщина — низенькая, полная, — набожно перекрестилась. Священник ласково сказал: "Вы все правильно сделали, милая. Дитя должно войти в ограду святой церкви и обрести спасение".

Женщина покосилась на ребенка, что спокойно спал у нее на руках, и робко проговорила: "Только, святой отец, этот врач, еврей, что мне мальчика принес, сказал, что через год заберут дитя, как я его отлучу".

— Этот ребенок теперь принадлежит Иисусу, — спокойно ответил священник, подводя

женщину к купели. "Вы мне его отдадите, следующим летом, и мы все устроим. Церковь не оставляет сирот, милая, он будет под нашей защитой".

Женщина развернула пеленки. Мальчик сонно потянулся.

— Рыженький, — ласково подумал францисканец. "Как этот бедный святой отец, что в урагане погиб, я же хоронил его. Пьетро Корвино его звали. Как раз Святой Петр в веригах, уже на следующей неделе. Хорошее имя — Пьетро. А фамилию можно по тому священнику покойному дать, я напишу в письме, что мы в Рим пошлем, вместе с ребенком".

— Вот так, милый мой, — пробормотала женщина, вытирая слезы. "Сейчас окрестим тебя, и ты будешь спасен".

Мальчик открыл серо-зеленые, большие глаза. Почувствовав воду, что лилась ему на голову, он широко улыбнулся.

— Ego te baptizo in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, — священник увидел, как мальчик протянул ручку к распятию. Растрогавшись, он погладил влажные, рыжие кудряшки: "Добро пожаловать домой, маленький Пьетро".

Степан оглянулся на мужчин, что спускались с Масличной горы к городу: "Хоть миньян собрали для похорон, и то хорошо". Он, было, хотел пройти к могиле тестя, но застыл, глядя на свежий холмик легкой, сухой земли. "Ева, — сказал он, и, посмотрев вокруг, опустился на колени. "Ева… Господи, прости меня, но я больше не могу, не могу".

Он заплакал, вытирая ладонью слезы, вспоминая запах свежести, вспоминая музыку, что звучала там, где плескалось море, там, где кричали чайки за окном. Степан почувствовал на лице капли чистого, сильного, осеннего дождя, и шепнув: "Вот и все, — поднялся.

У ограды кладбища он вымыл руки: "Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа".

В последний раз, посмотрев на уходящие вдаль ряды серых камней, он пошел по пыльной, жаркой дороге вниз — к себе домой.

Пролог

Апрель 1780, Бостон

Деревянная лестница была приставлена к стене постоялого двора. Натаниэль, ловко орудуя кистью, крикнул: "Ну как?"

— Отлично, — отозвалась жена, что стояла с плетеной корзинкой, полной яиц. Ее кудрявые волосы шевелил свежий ветер с моря. Салли приставила ладонь к глазам и полюбовалась золочеными буквами: "Freeman’s Arms".

На чистом, выметенном дворе было тихо, только с задов дома доносилось квохтанье кур. Крепкое, двухэтажное здание стояло на южной дороге, среди полей и садов. Узкая тропинка спускалась с обрыва холма к бесконечному, блестящему под солнцем, океану.

— Шесть комнат, — подумала Салли, — таверна и отдельный зал, для джентльменов. Господи, как нам миссис Марту благодарить. Вроде за два года и привели все в порядок, потихоньку.

mir-knigi.org

Теперь Нат из армии ушел, все легче будет.

Муж, все еще в испачканном красками холщовом фартуке, внезапно оказался рядом. Нат прижал жену к себе: "Я бы, миссис Фримен, проверил — крепкие ли у нас кровати?"

— Каждую ночь проверяешь, — томно сказала Салли. Она покраснела: "Или это ты в армии так соскучился?"

— А как же, — рука Ната зашарила по пуговицам ее простого, шерстяного платья. Дверь таверны заскрипела. На крыльце появилась маленькая, пухленькая девочка. Засунув пальчик в рот, она с опаской посмотрела на ступени и жалобно позвала: "Папа!"

— Вечером, — пообещал Нат, успев поцеловать жену куда-то за ухо. Он снял дочь с крыльца. Посадив ребенка себе на плечо, Нат рассмеялся: "Соскучилась, счастье мое? Сейчас мама обед накроет, а мы с тобой к морю прогуляемся, хочешь?"

— Ага! — радостно согласилась маленькая Марта. Салли, улыбнулась, проходя в таверну: "Не оторвать ее от отца. Конечно, первый год-то ее он в армии был, приезжал пару раз, и все. Теперь уж все вместе заживем, — она остановилась на блистающей чистотой кухне, и поставила корзинку с яйцами на стол.

Со двора донесся стук копыт и радостный голос Ната: "Капитан Вулф!"

Салли выглянула в окно: "Как раз к обеду, Дэниел!"

— А что, Дэниел, — Нат разлил вино, — в погреба будешь спускаться, как обещал?

Мужчина рассмеялся и покачал на коленях задремавшую дочку Фрименов. "Хорошенькая какая, — как всегда, подумал Дэниел, глядя на мелкие, черные кудряшки Марты, и ее нежную, смуглую кожу. "А у тебя, когда дети будет, а, Дэниел? — вздохнул он. Оборвав себя, мужчина ответил: "Я уже и так вижу, Нат, что все в порядке".

— На этой неделе объявление в газете выходит, — сказала Салли, забирая у Дэниела дочку. "Пока, тут, в бостонской".

— Я еще договорился с издателями газет в Нью-Гемпшире и Коннектикуте, когда в Филадельфии был. Они тоже объявление поставят, так что ждите и оттуда гостей, — Дэниел принял от Ната тарелку с олениной.

— Сейчас уложу Марту и вернусь, — сказала Салли, выходя, — на десерт пирог тыквенный.

Нат проводил жену глазами: "Ну что там, в Спрингфилде? Видел мою матушку?"

— Даже письмо от нее привез, — Дэниел потянулся за сюртуком. "Я писал, миссис Бетси мне диктовала. Она же неграмотная у тебя".

— Научу ее, — пообещал Нат. Он быстро прочитал письмо: "Значит, в июне?"

— Угу, — кивнул Дэниел, наливая себе еще вина. "Мистер Седжвик и мистер Рив уже на той неделе подают прошение, от имени твоей матушки, в суде Баррингтона. Представлять ее я буду. Так что освободим миссис Бетси и я после этого уеду".

— Куда? — ахнула Салли, что, вернувшись в комнату, присела за стол. "Неужели во Францию все-таки?"

Дэниел покраснел. "Не зря же я в Филадельфии был. Сначала в Париж, к Франклину, а потом, по поручению Континентального Конгресса — в Марокко. Мы сейчас с тамошним султаном договор о дружбе заключаем. Он потянулся за сумой и показал им арабскую грамматику: "Я полгода уже язык учу. Конечно, тяжело самому. В Марокко и посмотрю — как они меня понимать будут".

— Так далеко, в Африке, — зачарованно сказала Салли. Нат улыбнулся: "Мы с тобой, дорогая жена — тоже из Африки. Правда, то дело давнее".

— Зато теперь мы все американцы, — Дэниел посмотрел на пустую тарелку и жалобно попросил: "А можно еще? Уж очень вкусно твоя жена готовит, Нат".

— Это он жарил, — кивнула Салли на мужа. "А ты бы тоже, Дэниел — женился".

Она поймала взгляд мужа и горько подумала: "Да что уж тут. Мирьям давно в живых нет. Кинтейл же, как Хаима убивал, так похвастался ему — мол, сестру его в землю зарыл. Юноша тот, Джон Холланд говорил потом — Кинтейл всех перерезал, как ту индейскую деревню захватывал. О Кинтейле тоже ничего не слышно. Миссис Онатарио той осенью только и узнала, — он на запад пошел. Где его искать там — неизвестно".

— Вот привезу кого-нибудь из Марокко, — пообещал Дэниел, — или из Парижа. Фламбе я вам оставлю тогда, присмотрите за ним?

— Конечно, — ответил Нат. Веселый, девичий голос сказал с порога: "Тетя Салли, дядя Нат, мы шли пешком и проголодались!"

— Констанца! — рассмеялась Эстер. Все еще держа девочку за руку, она развязала ленты чепца: "Вот и дядя Дэниел, сейчас он тебе скажет — повезет он тебя в Париж или нет?"

Девочка встряхнула рыжими косами. Уперев ручки в бока, она требовательно взглянула на мужчину. Тот поднялся: "В июне, мисс ди Амальфи, буду иметь честь сопровождать вас во Францию. Там уже тетя Марта найдет способ тебя в Лондон переправить".

— Я так рада! — восторженно отозвалась девочка. Эстер поцеловала ее в затылок: "В Лондоне тебе дядя Питер наймет самых лучших учителей, не волнуйся. И с кузеном своим познакомишься, Майклом. Так что будем твои вещи собирать".

Они устроились за столом. Дэниел, искоса посмотрел на черные, длинные ресницы женщины: "Невозможно же так мучиться. Хватит, уеду и забуду о ней. Тем более Меир должен скоро вернуться, со своего Синт-Эстасиуса. Они съездят в синагогу, и Эстер после этого сможет выйти замуж. И выйдет, наверняка, уже к осени, а то и раньше. Три года она уже вдовеет".

Эстер отпила кофе из фаянсовой чашки и замялась: "Нат, Салли, я попросить хотела…, Миссис Франклин в Беркширы уехала, на все лето, с дочерью своей побыть. Мне на вызов надо, в деревню. Вы не присмотрите за Констанцей, дня три или четыре?"

— Конечно, — удивилась Салли. "Да хоть неделю, Эстер, сколько надо, столько и присмотрим".

— А Марта спит? — поинтересовалась Констанца, щедро посыпая сахаром тыквенный пирог. "Она маленькая еще, маленьким детям надо много спать".

— Я вот после обеда возьму ее, тебя, — пригрозил Нат, — и покатаю вас на лодке по заливу. Ты после этого тоже спать будешь, без задних ног.

Эстер допила кофе. Поднявшись, она улыбнулась: "Саквояж с твоими вещами на крыльце стоит, милая. А мне и пора уже".

— Я вас провожу, — Дэниел тоже встал, — а Фламбе потом заберу. Давай, Нат, — он пожал руку юноше, — через пару недель отправляемся в Баррингтон, на суд.

Они медленно шли по дороге к городу. Подол серого платья Эстер бился на ветру. Она придержала его рукой. Дэниел взглянул на ее нежные, белые пальцы. Вдыхая запах соли, он спросил: "А куда ты едешь, на вызов?"

Эстер помолчала. Остановившись, подняв голову — она была много ниже, женщина посмотрела в его сине-зеленые глаза. На ее щеках играл чуть заметный румянец.

— Я не еду на вызов, Дэниел, — наконец, сказала она. "Я беру отпуск, на несколько дней".

— Зачем? — услышала Эстер его голос. Потянувшись, она провела рукой по его щеке: "Чтобы провести их с тобой".

Эстер проснулась от криков чаек. Окно маленькой комнаты выходило прямо на океан. Ставни поскрипывали, холщовая занавеска раздувалась от прохладного ветра.

Она поежилась. Натянув им на плечи грубое, шерстяное одеяло, Эстер скользнула обратно в его объятья — туда, где было тепло и спокойно. Дэниел, сквозь сон, прижал ее к себе: "Никуда не отпущу".

— Я и не собираюсь, — она коснулась губами загорелого, со шрамом от ранения, плеча. "Три раза его ранили, — вспомнила Эстер. Она шепнула: "Не собираюсь уходить".

— Очень хорошо, — темные ресницы дрогнули. Дэниел, улыбнувшись, перевернул ее на бок: "Потому что я собираюсь продолжить то, что закончилось два часа назад".

— И правда, — Эстер, прикусив зубами подушку, тихо постанывала, — заснули, когда уже рассветало. Вчера еле добрались сюда, в этот Линн. Семь миль от Бостона, деревня. Тут нас и не знает никто. Мистер и миссис Вулф.

На полу валялась одежда. Она вспомнила, как Дэниел, захлопнув дверь, прижал ее к дощатой стене, целуя, сбрасывая чепец, распуская косы. Освещенное закатом море шуршало почти у порога рыбацкой таверны. Он, опустившись на колени, раздевая ее, сказал сквозь зубы: "Я не думал, что доживу до этого дня".

— Прямо там и начали, у стены, — смешливо подумала Эстер. "Хорошо, что я кольцо надела. Молодожены и молодожены, никто и внимания не обратил"

Она повернула растрепанную голову. Дэниел, закрыв ей рот поцелуем, укладывая на спину, сказал на ухо: "Потом лодку возьмем, я тебя увезу подальше, и там кричи вволю".

Эстер металась, обнимая его, что-то шепча, клекотали чайки. Дэниел, прижавшись губами к ее шее, вдыхая запах соли и трав, — сам едва сдержал стон. Она вся была маленькая, ладная, с тяжелыми, черными, волосами, что спускались на стройную спину, закрывая ее до тонкой, со следами от поцелуев, талии. Ее кожа отливала жемчугом. Он, поставив ее на четвереньки, чувствуя под руками маленькую, нежную грудь, тихо проговорил: "Я очень осторожно".

mir-knigi.org

На вкус она была свежей, как весенний ветер, что гулял по комнате. Почувствовав его руку, Эстер выгнула спину, вцепившись пальцами в холщовую простыню. Она жалобно попросила: "Медленно…, Так хорошо…"

— Конечно, — Дэниел опустил лицо в ее мягкие волосы. Он поцеловал узкие плечи, выступающие лопатки: "Господи, за что мне это счастье? Сейчас Меир приедет, и поженимся, по лицензии. У нас будут дети, — он вспомнил ее лихорадочный шепот: "Можно…, Сейчас все можно, Дэниел…"

— Хочу еще, — простонал он потом. Эстер, мотая головой, схватив его руку, яростно шепнула: "Хочу быть твоей!".

— Ты моя, — Дэниел прижал ее своим телом к постели. Сдерживая крик, чувствуя ее покорное, влажное, горячее тело, он еще раз повторил: "Ты моя!".

Потом она лежала головой на его плече. Дэниел, наконец, подняв руку, вдыхая запах мускуса, улыбнулся: "Сейчас я оденусь и принесу тебе завтрак. Потом поеду в Бостон, ненадолго, по делам. Когда вернусь, возьмем лодку, корзину с едой, и я тебя увезу в самое уединенное место, которое только есть на побережье. А ты сейчас поешь, и будешь спать, поняла?"

— Угу, — она зевнула. Дэниел поцеловал темные круги под ее глазами: "Ты самая красивая женщина на свете".

Он спустился вниз, в одной рубашке и бриджах. Забирая приготовленный поднос, Дэниел услышал голос хозяйки из задней комнаты: "Одно слово — молодожены. Жена-то у него, креолка, наверное, с юга. Ох, и кричала, так и хотелось постучать к ним. А потом, миссис Миллер, стою и думаю — а сама-то ты какой была, в ее годы? Тоже, со стариком своим, упокой Господь душу его, — не стеснялась. Так и пошла спать".

Дэниел покраснел. Тихо рассмеявшись, он пошел наверх. Эстер сидела на постели, обнаженная, со сколотыми на затылке волосами. "Тебе хлеб, — сказал Дэниел, устраиваясь рядом, — а мне бекон. Вчера не успели из Бостона ничего взять, сегодня хоть вина привезу".

Эстер отпила кофе. Она с жадностью откусила хлеб: "Мне же нельзя их вино. А, — она вдруг почувствовала румянец на щеках, — мне и то, что ночью сегодня было — нельзя. Ничего, это же один раз, больше не повторится".

Потом она встала на колени, и лукаво сказала: "Вижу, что в Бостон тебя таким отпускать нельзя, Дэниел. Иди сюда". Он пропустил сквозь пальцы черные, разбросанные по плечам волосы, и попросил: "Тоже…, медленно"

Женщина только кивнула. Он, закрыв глаза, вспомнил жаркий, летний вечер на берегу реки, и свой голос: "Счастье — это когда ты рядом со мной".

— Господи, — попросил Дэниел, — ну хоть Эстер ты мне оставь, пожалуйста.

Когда она ушел, Эстер свернулась клубочком под одеялом. Она вспомнила холщовый мешочек, что лежал в ее саквояже. "Да ну, — подумала женщина, — лень вставать. Три дня, как крови закончились, ничего не будет".

Она заснула, — мгновенно, как ребенок, и видела во сне берег моря — белого песка, черепичные крыши маленьких домиков и себя — шлепающую босыми ногами по воде.

mir-knigi.org

Они сидели, прислонившись спинами к лодке, глядя на догорающий костер. "Очень вкусное вино, — томно сказала Эстер, отдавая Дэниелу бутылку. "И рыбу ты отлично зажарил. Я и не думала, что ты так умеешь".

— Спасибо моему первому клиенту, — он поцеловал сладкие, податливые губы. "Он у меня рыбак был. Когда я взялся за его дело, то приехал к ним в деревню, это еще севернее. Мистер Томас и взял меня с собой в море. Научил суп с креветками варить, рыбу жарить…, Впрочем, тебе же креветки нельзя, — он ласково улыбнулся, — будем с тобой, разное есть, когда поженимся".

Эстер молчала. Дэниел, потянувшись за своей рыбацкой, холщовой курткой, достал из кармана какой-то мешочек. "Я это вчера должен был сделать, конечно, — мужчина покраснел, — как джентльмен. Я за ним в Бостон ездил. Возьми, пожалуйста".

Эстер посмотрела на кольцо с темной жемчужиной. Дэниел привлек ее к себе. "Оно очень старое, — сказал мужчина, — позапрошлого века. Это семейное, отец, — Дэниел поморщился, — не стал забирать. Я его у Адамса в сейфе держал. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Эстер".

Ветер раздул пламя костра, плавник затрещал. Она покачала головой: "Нет. Так нельзя, Дэниел. Я тебя не люблю".

— Тогда зачем…, - мужчина не закончил. Эстер, повернувшись, взяв его лицо в ладони, вздохнула: "Потому что нам было одиноко".

— Это потому, что я не еврей, — он все смотрел в ее черные, большие глаза. "Поэтому?"

Женщина погладила его по щеке: "Знаешь, когда я получила то письмо, из Лондона, от Иосифа — я плакала. Не только потому, что он жив — мой брат, мой единственный брат, но и потому, что раньше, в Старом Свете, он был совсем другим. Я никогда не думала, что он пойдет на костер ради нашей веры, никогда не думала, что ради своей невесты поедет в Иерусалим, и будет ждать, пока она станет еврейкой…, Так как же я могу, Дэниел, как я могу все бросить?"

— Если бы ты меня любила, — жестко отозвался он, — бросила бы.

— У него уже морщины, — подумала Эстер. "На лбу. Двадцать пять ему всего лишь. Конечно, он воевал столько лет, лучшего друга потерял, отца, Мирьям…".

— Если бы любила, то да, — согласилась женщина. "Когда нам Марта копию родословного древа прислала, мы сидели и читали о Вороне и донье Эстер, Констанца мне потом сказала: "Так и надо любить, тетя!". И как Джозефина моего брата любит, и он — ее".

— Я тебя люблю, — упрямо повторил Дэниел. Он взглянул на садящееся над равниной солнце, на уже темное, вечернее море: "А Мирьям? Если бы я ее любил, я бы землю перевернул, а нашел бы ее. Джо Холланд — с костра Иосифа спасла. Хаим Эстер из рабства выкупил. А я?"

Она поцеловала его — нежно, едва касаясь губами. Прижавшись щекой к его ладони, Эстер шепнула: "Мы еще полюбим, Дэниел, поверь мне. Возьми кольцо с собой, во Францию. Может быть, ты там встретишь ту, что будет тебе дороже всего".

Мужчина убрал кольцо. Устроив ее у себя в руках, поцеловав в затылок, он согласился: "Хорошо. А сейчас что?"

— А сейчас у нас есть еще три ночи и два дня, — озорно ответила Эстер. Дэниел, незаметно вытерев глаза, улыбнулся: "Тогда давай не терять времени, начнем прямо тут. У костра еще тепло".

Эстер повернулась, и, развязывая шнурки у ворота рубашки, целуя его, пообещала: "Будет еще теплее".

Потом, лежа на песке, удерживая ее за спину, слыша ее крик, Дэниел посмотрел вверх, на просторное, с еще неяркими звездами небо. Чайки, покружившись над ними, медленно летели на восток, туда, где на берег набегали низкие, спокойные волны океана.

Часть тринадцатая

Северная Америка, июнь 1780

Баррингтон, Массачусетс

— Дэниел отлично выглядит, — шепнул Натаниэль Салли, глядя на то, как адвокаты раскладывают бумаги. "Сразу видно, отдохнул".

В маленьком, бревенчатом здании было прохладно. От свежих опилок, рассыпанных на полу, шел приятный запах дерева. Присяжные рассаживались по своим местам. Констанца поболтала ногами: "Как в той песенке — лудильщик, портной, солдат, моряк. Нет, тут фермеры все, город-то маленький. Какой красивый дядя Дэниел в этом синем сюртуке. Даже волосы напудрил, как положено".

Дэниел наклонился к негритянке: "Вы только не волнуйтесь, миссис Фримен. Все будет хорошо, обещаю".

Миссис Бетси — маленькая, худенькая, в новом шерстяном платье, — всхлипнула: "Я не поэтому, мистер Вулф. Невестка у меня красивая, я же не видела еще ее, и внученьку мою привезли — так бы ее и расцеловала".

— Вот после заседания и расцелуете, — улыбнулся Дэниел. Поднимаясь, он услышал голос пристава: "Всем встать! Суд идет! Ведет заседание достопочтенный судья Брамвелл".

— Если мы выиграем, — напомнил себе Дэниел, — это послужит прецедентом для всего штата. На основании решения этих присяжных Верховный Суд признает рабство противоречащим конституции Массачусетса.

Брамвелл три раза стукнул деревянным молотком: "Если уважаемые члены публики, хоть слово произнесут, я прикажу очистить зал, и объявлю процесс закрытым".

Констанца погладила по голове мирно спящую Марту, что лежала рядом с ней, на скамейке. Обернувшись, девочка увидела мужчину в темном сюртуке, который быстро писал что-то в блокнот.

— Он, наверное, из "Бостонской газеты", — поняла Констанца, — репортер. Дядя Дэниел говорил, что сюда журналиста послали. Я бы тоже хотела журналистом стать. И ученым, как дядя Теодор, о котором тетя Марта написала. Как бы все успеть? — девочка подперла острый подбородок кулачком и посмотрела на Дэниела:

— Означенному Джону Эшли, ответчику, был послан приказ о вызове в суд по иску о возврате

владения движимым имуществом, а именно, истцом, Элизабет Фримен, тридцати восьми лет от роду, цветной. Приказ предписывал ответчику передать истца на попечение шерифа округа Баррингтон, на основании того, что истец не является законным имуществом ответчика. Однако, — Дэниел поправил темно-синий, шелковый галстук, — ответчик отказался исполнять приказание суда.

Констанца увидела, что обвислые, покрытые аккуратно подстриженной щетиной, щеки судьи покраснели.

— А где ответчик? — громко поинтересовался судья. "Где сам мистер Эшли?"

— Суд вызывает мистера Джона Эшли! — трижды прокричал пристав.

Худой, суетливый мужчина с заметной лысиной положил руку на Библию. Констанца скривила губы: "Надеюсь, мне никогда не придется свидетельствовать в суде. Мало им в церкви этого фарса, так еще и сюда притащили".

Дэниел взглянул на испуганное лицо миссис Бетси. Мужчина едва слышно шепнул ей на ухо: "Что он отказался, это очень хорошо, судьи такого не любят".

Брамвелл слушал ответчика, сложив толстые, короткие пальцы, а потом прервал его: "Я бы мог вас сейчас приговорить к превентивному тюремному заключению, мистер Эшли. Мне не нравится, когда граждане нашего штата проявляют неуважение к требованиям суда".

— Ваша честь, я не считаю это требование законным, вот и все, — Эшли сжал губы. "Я купил эту рабыню обычным образом, на аукционе, у меня и расписка соответствующая имеется".

Кто-то из присяжных почесался. Констанца услышала явственное бормотание: "Блохи!"

— Суд вызывает истца, миссис Элизабет Фримен! — Натаниэль увидел, как мать робко подходит к Библии. Он ощутил прикосновение сильных, с чуть заметными мозолями, пальцев Салли. Муж и жена переплели руки, даже не смотря друг на друга. Нат, на мгновение, закрыв глаза, вздохнул: "Господи, не оставь ты нас. Ты же сам сказал, в Писании: "Провозгласите свободу по всей земле".

— Миссис Фримен, — судья снял очки, — что вас заставило подать иск об освобождении?

Темные, большие глаза женщины посмотрели в зал. "Уже седина у нее, — понял Натаниэль. "Мама, мамочка, неужели у нас не получится? Должно получиться".

— Я неграмотная, ваша честь, — тихо сказала миссис Фримен. "Однако же слышала, как Библию неграм читали. И тот закон читали, что в Массачусетсе главным будет…"

— Конституцию, — мягко сказал судья. Негритянка кивнула: "Ее, ваша честь. Там сказано, в самом начале: "Все люди рождены свободными и равными". Я подумала — разве я не человек? Разве по этому закону, и по закону Божьему я не могу получить свободу? Если бы сейчас мне сказали — мы тебе дадим одно мгновение свободы, мамаша Бетси, но потом ты умрешь — я бы с радостью приняла это одно мгновение, ваша честь — только бы предстать перед Создателем без оков своего рабства".

В зале наступила тишина, один репортер все скрипел карандашом. В раскрытые ставни был слышен ленивый, женский голос: "Гони эту корову сюда. Томми, ее доить пора".

— Спасибо, миссис Фримен, можете сесть — вежливо сказал судья. "Адвокат Вулф, вам слово".

— Господа, — Дэниел вышел из-за стола и взглянул на присяжных, — Конституция штата Массачусетс, — а я имел честь принимать участие в ее подготовке, — действительно, в своей первой статье гласит буквально следующее: "Все люди рождены свободными и равными, и наделены естественными и неотъемлемыми правами, такими, как право на жизнь и свободу, право их защиты, право приобретать, владеть и защищать свою собственность. Если подытожить, — право искать и находить свою безопасность и свое счастье.

— Тут, — мужчина положил руку на тонкую печатную брошюру, — в основном законе нашего штата, гражданами которого мы являемся, ни сказано, ни слова о том, что один человек может считаться собственностью другого человека. Таким образом, само состояние рабства попросту является антиконституционными и незаконным на земле Массачусетса. Поэтому мы считаем, что истец, миссис Элизабет Фримен, должна немедленно обрести свою свободу, гарантированную ей нашими законами.

Дэниел сел. Судья Брамвелл, положив перед собой большие руки, помолчал. "Господа присяжные, — наконец, сказал он, — я надеюсь, что в вашем обсуждении вы будете руководствоваться, не только буквой закона, но и его духом. Объявляется перерыв для принятия решения по данному делу".

Брамвелл поднялся. Констанца, повернув голову, — маленькая Марта так и спала, — тоже спрыгнула со скамейки.

Во дворе суда было шумно, ржали лошади, мужчины дымили трубками. Констанца, оглядевшись, — Натаниэль о чем-то разговаривал с адвокатами, — смело подошла к мужчине с блокнотом, что сидел на бревне.

— Здравствуйте, — сказала девочка, протягивая руку, — вы репортер из "Бостонской газеты?"

Мужчина поднял глаза. Констанца рассмеялась про себя: "Он же еще совсем молодой".

— Мистер Тредвелл, к вашим услугам, мисс, — он галантно поклонился и пожал маленькие пальцы. "Можно посмотреть, — Констанца опустилась на бревно и расправила платьице, — что вы записали?"

Она взглянула на испещренный странными символами блокнот и услышала смешливый голос Тредвелла: "Это стенография, мисс…"

— Констанца ди Амальфи, — девочка почесала нос: "Такому тоже — надо научиться".

— Мистер Тредвелл, а как стать репортером? — поинтересовалась Констанца. "Это трудно?"

— Надо писать о том, что тебе интересно, — серьезно ответил юноша. Пристав, появившись в дверях суда, крикнул: "Присяжные возвращаются!"

Дэниел занял свое место за столом, искоса взглянув на непроницаемое лицо судьи.

— Мистер староста, присяжные вынесли свое решение? — спросил Брамвелл.

— Да, ваша честь, — староста поднялся и передал приставу сложенный листок бумаги.

Брамвелл развернул его: "Решением суда присяжных округа Баррингтон, истец, миссис

Элизабет Фримен не признается собственностью ответчика, мистера Джона Эшли, ни в настоящее время, ни во время ее, так называемого, приобретения. Миссис Фримен является абсолютно свободной. Она получает тридцать шиллингов в качестве возмещения ущерба за свое пребывание в рабстве, а также компенсацию за свой труд. Означенное возмещение и компенсация должны быть взысканы с ответчика, мистера Эшли".

Зал взорвался криками, люди захлопали, кто-то застучал сапогами по бревенчатому полу. Судья, три раза ударив молотком, поманил к себе Дэниела. "Молодец, мальчик, — едва слышно сказал Брамвелл и улыбнулся.

Миссис Бетси рыдала на плече у невестки. Салли, гладя ее по голове, сама плакала: "Ну что вы, матушка, что вы. Все закончилось, все хорошо, сейчас поедем домой, в Бостон, там у нас куры, лодка, море рядом, вам понравится…"

— Баба! — маленькая Марта потянулась к ней. "Моя баба!"

— Ты же моя хорошая, — миссис Бетси расцеловала смуглые, пухлые щечки. "Ты же моя красавица, внученька моя".

Нат оглянулся на женщин: "Дэниел, я даже не знаю, как…"

— А никак не надо, — улыбнулся мужчина. Собрав бумаги, уложив их в кожаный портфель, он добавил: "Это просто мой долг. Сейчас первый же подобный случай, который дойдет до Верховного Суда Массачусетса, будет решен в пользу истца, на основании прецедентного права. И все — рабства в нашем штате больше не будет. Пошли, а то у нас обед простынет, тут одна таверна, на весь Баррингтон".

— Мистер Вулф, — миссис Бетси, все еще держа на руках внучку, подошла к нему, — вы знайте, как только у вас семья появится, я своих — она улыбнулась сквозь слезы, — оставлю, и буду ваших деток нянчить, сколь смогу. Это я обещание дала такое.

— Миссис Фримен…, - мужчина покраснел.

— Ему, — негритянка указала пальцем на небо. "А Его не обманывают, так что сразу, как женитесь — я к вам наймусь, и не спорьте даже. Без вас бы я свою семью не увидела".

Констанца, смотря вслед семье Фрименов, тихонько взяла Дэниела за руку: "А что вам судья сказал?"

— Сказал, что я молодец, — усмехнулся Дэниел, погладив рыжие косы.

— Да, — девочка подняла серьезные, темные глаза, — да, это так, дядя Дэниел. Я вами очень горжусь — добавила девочка и рассмеялась: "Вы же проголодались, наверное".

— Очень, — хмыкнул Дэниел. Они вышли из полутемного, узкого коридора на залитый весенним солнцем двор.

Бостон

Невысокий, изящный юноша в сером сюртуке поднимался вверх, на Бикон-Хилл. Каштановые кудри шевелил ветер. Он, обернувшись, поправив кипу, посмотрел на сверкающую гавань.

— Семь лет прошло, как мы тут чай топили, — хмыкнул Меир Горовиц. "А все равно — воюем

еще, конца и края этому не видно. Хоть из Филадельфии британцев вышибли, и то хорошо. И в Нью-Йорке я отлично поработал, вспомнил старые времена, — он усмехнулся и услышал свой голос: "А я вам говорю, генерал Вашингтон, следите за генералом Арнольдом, лучше ему не доверять. Если он еще не продался британцам, то непременно это сделает".

Над его головой шелестел листьями клен, пахло цветами, жужжали пчелы. Меир вдруг, тоскливо, сказал: "Дома-то как хорошо, зима есть, и лето, а не эта жара бесконечная".

Он вспомнил зеленую траву и беломраморные надгробия еврейского кладбища в Ньюпорте.

Меир вздохнул. Подняв старую, потрепанную суму, он направился дальше. "Хоть кадиш на могиле Хаима сказал, а Мирьям — так и лежит где-то там, в лесах. Бедная моя сестричка. Теперь уже точно — нет ее в живых, Эстер же мне написала. Брат ее нашелся, и то хорошо".

— Так, — он порылся в карманах, — в синагоге, в Филадельфии, нас уже ждут. Потом отплыву обратно, на Синт-Эстасиус. Другие боятся капитана Стивена Кроу встретить, а мне только того и надо — хоть узнает, что с сестрой его случилось.

Меир приоткрыл крепкую калитку. Он улыбнулся, глядя на табличку у двери: "Эстер Горовиц, дипломированная акушерка".

Он стукнул молотком. Подождав, прислушавшись, Меир растерянно сказал: "На вызове она, что ли?"

Эстер подняла голову от медного таза, и, тяжело дыша, потянувшись за кувшином, — прополоскала рот.

— Стучали вроде, — она оперлась руками о стол орехового дерева, что стоял в умывальной. "Терпи, терпи, — велела себе Эстер, задвигая таз с рвотой под стол, распахивая ставни. "Скоро все пройдет. Теперь уж никакой ошибки нет, второй месяц, Господи. Надо Дэниелу сказать. А что я ему скажу — сама же его и оттолкнула, мол, не люблю..., И травы пить я не хочу — дитя, в чем виновато?"

Она посмотрелась в зеркало. Надевая чепец, Эстер похлопала себя по бледным щекам. "Каждое утро тошнит, — подумала женщина, — еще хорошо, что Констанца в этот Баррингтон уехала, с Фрименами".

Эстер распахнула дверь передней и ахнула: "Вы, должно быть, Меир?"

— Какая красавица, — подумал юноша, и тут же одернул себя: "Да ты с ума сошел, Меир Горовиц, это же вдова Хаима".

Он поклонился. Эстер, взглянув в серо-синие, большие глаза, спохватилась: "Проходите, пожалуйста".

В гостиной пахло выпечкой. Эстер, внося большой серебряный поднос с кофейником и чашками, улыбнулась: "Это имбирное, у нас в Амстердаме его пекут. Я тоже — себе имбирь завариваю, а вы кофе пейте".

— От тошноты, — мрачно прибавила про себя женщина, садясь за стол. "Если бы еще помогало..., Ничего, немного потерпеть осталось".

— Какие глаза у нее, — Меир почувствовал, что краснеет. "Словно ночь — черные, а кожа

белая, как мрамор". От женщины пахло какими-то травами, темные волосы были убраны под шелковый чепец. На шее виднелось несколько кудрявых завитков. Она тоже зарумянилась: "Я вам должна кое-что показать, господин Горовиц..."

Он поднял руку: "Просто Меир, пожалуйста. Мы же родственники, миссис Эстер".

— Хорошо, — алые губы улыбнулись. Она, поднявшись, покачнулась и схватилась за спинку стула.

— Не вставайте, — торопливо велела Эстер. "Это от жары, очень душное лето. Мой брат, когда был в Южной Америке, нашел вашего родственника, дальнего, его Аарон Горовиц зовут. Смотрите, — Эстер достала из книжного шкапа орехового дерева свернутый, большой лист бумаги. "Невестка мистера Вулфа, миссис Марта, из Парижа прислала. Тут все написано".

Меир склонился над родословным древом: "Столько родственников. И мы с вами тоже — родня, я вижу, только очень дальняя".

— Это невеста моего брата, — тонкий, с жемчужным ногтем палец погладил бумагу, — леди Джозефина Холланд. Она не еврейка, брат вместе с ней сейчас в Иерусалиме, Джо там учится. И Аарон тоже в Иерусалим поехал.

— Мы с ним троюродные братья, — тихо отозвался Меир. "Как бы мне ему написать?"

— Сейчас мистер Вулф в Париж собирается..., - женщина вдруг зарделась. Меир задумчиво хмыкнул: "Я знаю, мне в Филадельфии говорили. Хорошо, я тогда с ним письмо передам, для Аарона. Мне же на Синт-Эстасиус надо возвращаться, скоро уже, — он поднял серо-синие глаза, — я с Песаха тут, в колониях".

— А где же вы были все это время? — удивилась Эстер, убирая родословное древо.

Юноша отпил кофе: "Там и здесь. В Нью-Йорке, в основном. Работал, — он поднял бровь. "С той поры, как меня Ягненком звали, много воды утекло. Меня уже и не помнит никто, очень удобно".

— Но это, же опасно, — Эстер присела напротив него, крутя в нежных пальцах ленты чепца.

— Что же она так волнуется? — подумал Меир. "Британцам, что ли, сведения передает? Господи, Меир Горовиц, тебе и вправду отдохнуть пора, правильно в Филадельфии говорили. В собственной невестке шпиона подозреваешь. Волнуется потому, что Хаима вспомнила, вот и все".

— Опасно, — смешливо согласился Меир, — только надо же кому-то этим заниматься. И вообще, — он налил себе еще кофе, — на Синт-Эстасиусе я, в основном, деньги, считаю и бумаги пишу, работа сидячая. Тут хоть походил, вразнос поторговал, по тавернам потолкался. Даже слугой нанялся, к одному генералу, правда, — он пожал плечами, — испытательного срока не прошел. Но и не надо было, — он вспомнил копии документов, что привез из Нью-Йорка в Филадельфию, и чуть не рассмеялся вслух.

— Не все британцы такие, — вдруг сказала Эстер. "Я же вам писала, тот юноша, Джон Холланд, он брат невесты Иосифа, он спас вашу сестру".

— Я знаю, — Меир вздохнул. "Я ведь, дорогая невестка, больше всего мечтаю о том, чтобы война, наконец, закончилась. Тогда я бы мог, вместе с мистером Соломоном и мистером

Моррисом, он наш новый суперинтендант финансов, заняться тем, что мне нравится — деньгами и банками. Вы знаете, наши деньги, американские, будут совсем другими — мы хотим ввести десятичную систему".

Эстер открыла рот. Он, ласково, добавил: "Впрочем, вам, это, наверное, неинтересно. Но про свою нынешнюю работу я не, особенно, могу рассказывать, как сами понимаете".

— Отчего же, — она расмеялась, — интересно, Меир. Мы можем по дороге в Филадельфию поговорить.

— Карету я заказал, — Меир поднялся, — так что завтра утром за вами заеду. Раввин меня уверил, что это очень быстрая церемония, на час они нас задержат, не больше. После этого вы сразу сможете выйти замуж, а я — жениться, — он усмехнулся и развел руками. "Меня там сватали, в Филадельфии, но я сразу сказал — надо ехать со мной на Карибы. Сват тут же и погрустнел, мол, никто из девушек не согласится, у нас там все-таки неспокойно".

— Мистер Вулф, — Эстер покраснела, — ключи вам оставил, от своего дома. Велел, чтобы вы на постоялом дворе не ночевали, ни в коем случае. Это недалеко, за три улицы. Я сейчас к пациентке схожу, и вечером жду вас на обед.

— Да не надо, я бы и в таверне..., - запротестовал Меир. Он услышал нежный голос: "Где же вы еще домашнего поедите, я ходила к доктору Абрахамсу, он пару куриц мне зарезал".

— Как в старые времена, — улыбнулся Меир, застегивая сюртук. Эстер не поднимая головы, проговорила: "Я знаю, я вам писала..., Если вы хотите, я все расскажу, о Хаиме, я с ним была до самого..."

Она не закончила. Меир, подавил в себе желание, коснуться ее руки: "Не надо. Вам же это тяжело, Эстер. Да и мне, — он помолчал, — тоже. Спасибо за кофе, — он поклонился, — вечером увидимся".

Юноша мягко закрыл за собой дверь. Эстер поглядела на свой акушерский саквояж: "Дождись, пока увезут Констанцу, и поезжай в Беркширы. Там миссис Онатарио, миссис Франклин — они тебя приютят до родов. До января. Потом отдай ребенка на воспитание и возвращайся в Бостон. Вот и все".

Женщина внезапно стиснула пальцы — они дрожали. "Не хочу! — жалобно сказала Эстер. "Не хочу, это же мое дитя, как это — никогда его больше не увидеть? Пожалуйста, Господи, не наказывай ты меня так!".

Она опустилась на потрепанный, истертый ковер в передней и заплакала, спрятав лицо в ладонях.

На кружевной скатерти, в высоких, серебряных подсвечниках, горели белые свечи. Эстер внесла курицу. Меир, поднялся и забрал у нее блюдо: "Позвольте мне".

— Как будто мама готовила, — сказал он, улыбаясь. "Я маму помню, мне шесть лет было, когда она умерла. Вы тоже мать рано потеряли?"

— В двенадцать, — Эстер вздохнула. "Потом наш отец уехал на эпидемию чумы, в Ливорно, и погиб. Его и похоронили там, — она посмотрела на юношу: "А кто вам на Синт-Эстасиусе готовит, Меир?"

— Да я сам как-то наловчился, — усмехнулся тот. "Все же с шестнадцати лет один живу. Сначала в Нью-Йорке, потом вот Континентальный Конгресс меня туда, на Карибы, отправил. Я рад, что с Тео все хорошо, — он отложил вилку и вспомнил низкую, тесную каюту, запах соли и ее нежные губы. "Пусть будет счастлива, — вздохнул про себя Меир, — понятно, что у нас ничего бы не вышло".

Эстер все смотрела куда-то вдаль. Потом, очнувшись, она пробормотала: "Простите. Я задумалась".

— Оставь, — сказал себе юноша, — что за ерунда. Она тебя на четыре года старше, зачем ты ей нужен? Она, наверное, и помолвлена уже, просто мне не говорит.

Но ее черные, обрамленные длинными ресницами, глаза были опущены к столу. Меир заметил легкий, — словно лучи рассвета, — румянец на белых щеках.

— А вы и не едите ничего, Эстер — озабоченно сказал он.

Женщина повертела нож. Помолчав, она ответила: "Нет аппетита".

Меир поднялся. Посмотрев на вечерний, тихий сад за окном, он внезапно повернулся. "Эстер, — юноша откашлялся, — вы мне скажите, если вас что-то беспокоит. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь. Я же вижу — что-то не так".

Она комкала в руках угол скатерти. Потом Эстер еле слышно проговорила: "Ничего уже не изменить, Меир. Простите, но мне никто..., - женщина внезапно закусила губу. Он с ужасом увидел слезинку, что ползла по щеке. В свете свечей ее глаза играли золотом.

— Такого не бывает, — уверенно сказал Меир. Он подтащил стул и сел рядом с ней. "Все можно исправить, Эстер. Поверьте человеку, который всю жизнь только и разгребает ошибки других, — он широко улыбнулся. "Вы знаете, в каком состоянии были финансы Континентальной Армии и вообще этой страны? — он повел рукой.

— Мы были всем кругом должны. Доходило до того, что мистер Соломон лично, под свое имя, брал кредиты для снабжения войск. А сейчас, — он поправил белый, шелковый галстук, — мы как следует, взялись за дело, и бюджет уже не напоминает решето. Так что говорите, дорогая невестка, — он увидел ее маленькую руку с грубым, золотым кольцом, и горько подумал: "Из доллара же Хаиму его сделали. Бедная девочка, что с ней такого случилось?"

— Я..., - она помолчала, кусая губу и, глубоко вздохнув — стала говорить.

Меир внимательно слушал. Потом, потянувшись за кофейником, он разлил кофе: "Я же говорил вам — не бывает безвыходных ситуаций, милая невестка. Мы с вами завтра поедем в Филадельфию, только, вместо того, чтобы вас освобождать — я на вас женюсь, вот и все. То есть, вернее, вы скажете раввинам, что хотите выйти за меня замуж, вас же спрашивать будут, — он ласково посмотрел на заплаканное лицо женщины.

Эстер вытащила из рукава платья носовой платок. Отвернувшись, она высморкалась: "Он же совсем мальчик, ему двадцать три года, что он понимает? А Дэниелу, — напомнила она себе, — двадцать пять. Дэниел на мне женится, конечно, если я попрошу. Но я, ведь его не люблю, совсем, и он меня — тоже. Господи..."

Она глубоко вздохнула. Так и не смотря на Меира, Эстер проговорила: "Доктор Абрахамс мне объяснял..., Если мы не..., не станем мужем и женой..., мы потом сможем развестись".

Меир даже закашлялся. "Вряд ли, дорогая невестка, учитывая, что у нас родится ребенок. Когда, кстати?"

— В январе, — Эстер зарделась и совсем низко опустила голову. "Но ведь вы меня не любите, Меир, и я вас — тоже. Мы сегодня в первый раз увиделись".

— Мои родители, — Меир повел рукой, — в старые времена поженились. Они оба тогда еще в Нью-Йорке жили. Папа с мамой два раза перед свадьбой встречались. У вас, в Старом Свете, думаю, так же было.

— Хуже, — Эстер улыбнулась сквозь слезы. "Мою маму из Франкфурта в Амстердам привезли за три дня до хупы. До этого с отцом они только переписывались".

— Вот видите, — рассудительно заметил Меир, разрезая пирог с миндалем, — значит, все будет хорошо.

Он смотрел на ее руки, что все еще мяли скатерть, на тонкие, с коротко остриженными ногтями пальцы, и, наконец, добавил:

— Вы только не плачьте, Эстер. Не надо, вы же сама акушерка, вы знаете, — это плохо для маленького. Все уладится, я вам обещаю. И потом, — Меир внезапно рассмеялся, — вы готовите гораздо лучше меня, если честно. И я теперь могу не прятать каждый раз бумаги при уборке.

— Вы меня не любите, — упрямо повторила она. "Не надо этого делать, Меир, я уеду, и…"

— И оставите свое дитя у чужих людей? — жестко спросил он. "Эстер, это же ребенок, не надо лишать его матери. И отца, — он почему-то вздохнул.

Часы красного дерева мерно тикали. Она неглубоко, прерывисто дышала. Встряхнув головой, Эстер шепнула: "Спасибо вам".

Меир присел на каменный подоконник. Взглянув на клен за окном, он усмехнулся про себя: "Вот так сразу — и жена, и ребенок, Меир Горовиц. Кто бы мог подумать?"

— Только вы должны мне кое-что обещать, Эстер, и никогда не нарушать это обещание, — его серо-синие глаза внезапно стали твердыми.

— Как клинок, — подумала женщина. "Понятно, почему люди ему доверяют. Вроде бы и юноша, молодой еще, улыбка приятная. Почему бы и не поболтать с ним? А потом он вот таким становится. Хаим же мне говорил, Меир еще до отъезда на Синт-Эстасиус несколько шпионов нашел, из тех, что британцы к патриотам засылали".

— Что? — женщина подняла голову.

— Дэниел не должен ничего узнать, — просто ответил Меир. "И дитя тоже. Это наш ребенок, и так будет всегда. Я буду его отцом, Эстер, и никто другой".

Ставня заскрипела. Он, потянувшись, набросив на нее крючок, пробормотал: "Надо будет тут привести все в порядок, перед отъездом, и дом сдать".

— Но вы, же друг Дэниела, — тихо сказала женщина. "Как вы сможете, после такого…"

Меир пожал плечами. "Одно другого не касается. Вы и наши дети — это моя семья, а Дэниел,

как был моим товарищем, так и останется".

— Но ведь если потом этот ребенок...,- Эстер сцепила пальцы, — захочет жениться на дочери Дэниела..., Или выйти замуж...

— Когда захочет, — рассмеялся Меир, — тогда и будем решать.

Она все сидела, не смотря на него, а потом тихо сказала: "Хорошо. Я обещаю, Меир".

— Спасибо за обед, — он поклонился. "Завтра в семь утра я за вами заеду, возьмите саквояж. Раз уж мы женимся, то и переночуем в Филадельфии".

Эстер открыла дверь в тихий, вечерний сад. Меир, подняв голову, улыбнулся: "Скворечник. Это мы с папой и Хаимом делали, мне восемь было, а Хаиму — десять. Вам понравится на Синт-Эстасиусе, Эстер, обещаю. У меня там сад большой, море всегда теплое и до синагоги — двести футов пешком, не то, что здесь. Спокойной ночи".

Он прикоснулся пальцами к мезузе. Эстер, проводив его взглядом, опустившись на ступеньки, закуталась в шаль. Она погладила свой плоский живот: "Вот так, милый. И мать у тебя будет, и отец. Разве же я могла подумать? Да и кто мог?"

Наверху, в листьях клена что-то зашуршало, запел дрозд. Эстер, подперев щеку рукой, сама не зная, почему — улыбнулась.

Филадельфия

В кабинете пахло пылью, старые книги стопками лежали вдоль стен.

— Переезжаем, — рав Гершом развел руками. "Купили участок, на Черри-стрит, с помощью мистера Соломона, и мистера Филипса. Даже мой друг Бенджамин Франклин прислал денег из Парижа, хоть он и не еврей. Однако он всегда нам сочувствовал. Через пару лет уже здание новое закончим, с Божьей помощью, будет не хуже, чем в Чарльстоне. На двести мест. Да вы садитесь, садитесь, — спохватился рав Гершом.

Эстер осторожно опустилась в большое, потертое бархатное кресло: "Господи, как неловко получилось. Кто же знал, что в карете меня так укачает. А как тогда на корабле будет? — она покраснела, исподтишка взглянув на Меира. Тот, улыбаясь, взял бокал вина, и, — Эстер заметила, — подмигнул ей.

— Я этого молодого человека еще с Нью-Йорка знаю, — усмехнулся Гершом, — видите, там британцы сейчас, так мы сюда перебрались. И вас помню, миссис Горовиц, как вы из Чарльстона к нам приехали. Как воспитанница ваша?

— Хорошо, — она невольно рассмеялась, — в Париж отправляется, с мистером Вулфом, а оттуда в Лондон, к дяде своему.

— Ну что ж, — раввин посмотрел на разложенные перед ним бумаги, — такое, конечно, редко кто сейчас делает, все больше вдов освобождают.

— Достойно, — он взглянул на Меира, — очень достойно, мистер Горовиц. Вы погуляйте пока, я ктубу напишу. Все будет очень скромно, разумеется. Раньше считалось, — раввин указал на книги, — что в таком случае и хупы никакой не нужно, достаточно просто вступить в супружеские отношения. Но потом все, же постановили — надо произносить семь

благословений. Сейчас еще мистер Филипс подойдет, и ваш коллега, мистер Соломон, — они свидетелями будут. Думали, — на церемонии освобождения, а получилось — что на хупе.

Он задержал Эстер у двери. Наклонившись, раввин шепнул что- то ей на ухо. "Хорошо, — та кивнула головой. Выйдя во двор, она сказала Меиру: "Я быстро, это тут, по соседству".

Ее стан чуть покачивался при ходьбе, простое, темное шерстяное платье колыхалось вокруг тонких щиколоток. Меир, прислонившись к ограде синагоги, вспомнил ее побледневшее лицо: "Пусть...остановят карету, пожалуйста".

Женщина соскочила с подножки. Склонившись над канавой, Эстер махнула рукой: "Не надо...не выходите..."

— Как это не надо, — удивился Меир, принеся ей флягу с водой и салфетки. "Мы с вами вместе едем, вы себя плохо почувствовали, что же мне, — мужчина пожал плечами, — в карете сидеть? Вот так, — он придержал ее за плечи, — теперь подышите, выпейте воды и ложитесь. Я велю ему не гнать".

Уже в карете, устроившись на подушках, зардевшись, Эстер пробормотала: "Это не из-за дороги, простите меня, пожалуйста".

— Совершенно незачем извиняться, — Меир улыбнулся, — и вообще — не будем больше об этом. Сейчас я вам почитаю, потом вы поспите, а я — поработаю, — он развернул "Бостонскую газету".

Эстер так и заснула, слушая его мягкий, смешливый голос, подложив под щеку ладонь, глубоко, размеренно дыша.

— Бедная моя, — подумал Меир, провожая ее взглядом. "Ничего, больше она никогда не будет одна. Да и я тоже. Тогда, с Тео, это ведь тоже было — от одиночества. И у Эстер с Дэниелом. А теперь мы вместе, — он улыбнулся и, помахал рукой мужчинам, что шли к синагоге: "Вместе, и так будет всегда. Так что помогай ей, заботься, люби — и надейся, что и она тоже — когда-нибудь полюбит тебя. Вдруг Господь так решит".

— А что это ты тут стоишь? — Хаим Соломон пожал ему руку. "Или миссис Горовиц не приехала еще?"

— Моя невеста, — Меир поднял бровь, — сейчас вернется.

— Молодец, — мистер Филипс похлопал его по плечу, — так и надо. В старые времена косо смотрели на тех, кто на вдове своего брата не женился. На Карибы ее забираешь?

— Конечно, — пожал плечами Меир, — боюсь, я там просижу до того, как мирный договор заключат. Он звонко рассмеялся и услышал голос Соломона: "Ты бы разводное письмо тут оставил, Меир, как все наши солдаты и офицеры делают. Мало ли что, все-таки море".

— Мы же вместе плывем, — удивился юноша. "На Синт-Эстасиусе, мистер Соломон, найдется, кому засвидетельствовать, что я погиб, — Меир усмехнулся, — если такое случится".

— Все-таки море, — повторил Соломон. Раввин вышел на крыльцо синагоги и крикнул: "Мистер Соломон, мистер Филипс, чашечку кофе перед хупой?"

mir-knigi.org

Эстер стояла под наброшенным на их головы талитом и вспоминала маленькую, обшитую деревом микву. "Когда за Хаима замуж выходила, — подумала она, — то я в реку окуналась, на рассвете. Одна совсем. А тут — жена раввина за мной присмотрела. Хорошая она, только все время ахала — мол, я худая. Как не похудеть, когда даже сейчас — опять тошнит".

Женщина незаметно подышала. Она поправила еще влажные, выбившиеся из-под чепца пряди черных волос. Ряды деревянных скамеек были пусты, и в открытые окна было слышно, как чирикают воробьи на дворе синагоги.

— Смотри, — донесся до нее голос Меира, — этим кольцом ты посвящена мне по закону Моисея и Израиля, — он коснулся ее вытянутого вперед, указательного пальца, простым, золотым кольцом. Эстер вспомнила: "Правильно, он же с утра сегодня, как приехали — куда-то пошел. К ювелиру".

Она почувствовала на губах вкус вина. Меир шепнул ей: "Вот и все. Дождемся, пока Констанца уплывет во Францию, и сами отправимся на юг".

Эстер отдала ему оловянный стакан: "Я ведь тоже — к Иосифу на свадьбу не приеду, уж больно далеко, до Святой Земли. Ничего, можно будет потом Амстердам навестить, он ведь там жить собирается. Даже смешно — первым рвался в Новый Свет, и вот как получилось".

Раздался хруст стекла, рав Гершом рассмеялся: "Мазл тов!". Эстер, покраснев, выйдя из-под талита, посмотрела на мистера Соломона. "Главный банкир революции, — вспомнила она. Тот погладил полуседую бороду, и наклонился к женщине:

— Я вашего первого мужа, упокой Господь его душу, — тоже знал. Они у меня всей семьей останавливались, четыре года назад, когда Декларацию Независимости подписывали. Мирьям покойница — тоже с ними приезжала. Вы берегите нашего Меира, милая, — мужчина помолчал, — один он из Горовицей остался. Страна наша вам будет многим обязана, — добавил Соломон, — если этот юноша до мирного времени доживет.

Эстер посмотрела в серо-синие, веселые глаза мужа. Она твердо тряхнула головой: "Сберегу, мистер Соломон, обязательно".

За маленьким окошком умывальной уже была видна бледная, летняя луна. Эстер стояла на коленях, наклонившись над медным тазом. Наконец, тяжело дыша, она выпила воды: "Хорошая брачная ночь будет, ничего не скажешь".

— Я сходил к хозяйке, — раздался из-за двери голос Меира, — и заварил тебе твоего имбиря. Еще принес простого хлеба. Пекарь закрывался уже, но я его упросил продать мне буханку. Со скидкой, кстати, — добавил муж и Эстер, несмотря на тошноту, — рассмеялась.

Он отодвинул для Эстер кресло. Сев напротив, муж потянулся за пером и тетрадью. "Занять в одном месте, чтобы отдать в другом, — пробормотал себе под нос Меир и углубился в вычисления.

Эстер посыпала кусок хлеба солью и, запивая имбирным настоем, стала медленно жевать. Она взглянула на сосредоточенное лицо мужа: "Это же будет он. Он будет приносить мне ребенка по ночам, он будет учить его читать и складывать цифры, он будет делать скворечники и стоять рядом с мальчиком на бар-мицве. Или благословлять девочку перед хупой. Он будет отцом".

Меир погрыз перо: "Сто тысяч. Вовремя Дэниел в Париж едет, ничего не скажешь. И в

Марокко — тоже". Он поднял глаза и недоуменно спросил: "Ты что?"

— Ничего, — Эстер сбросила туфли и удобно устроилась в кресле. "Чего сто тысяч?"

— Звонких испанских долларов, раз пока у нас нет своих, — ухмыльнулся Меир. "До конца года нам надо еще сто тысяч. Чарльстон очень некстати захвачен британцами. Вместе с городом они получили все, что там лежало на портовых складах, так, что мы теперь этим табаком не поторгуем".

— Хаим мне рассказывал, как его в Чарльстоне сватали, — Эстер рассмеялась, — за мисс Абигайль Линдо. Интересно, что сейчас с ней.

— Крестилась и вышла замуж за какого-то британского офицера, — рассеянно ответил Меир. "Ее отец как раз умирал от удара в это время. Дама подкупила всех нотариусов города, и они отказались изменять его завещание. Так что все досталось ее мужу, этому майору, или полковнику, — он нахмурился, — не помню. Надо проверить".

— И как ты все знаешь? — Эстер свернулась в клубочек и положила острый подбородок на ручку кресла.

— Мне за это деньги платят, — удивился муж. "Отлично, в июле мы ждем пополнения из Франции, там все добровольцы, слава Богу. Так, — он захлопнул тетрадь, — мне еще надо встретиться кое с кем. Ты спать ложись. Я, когда вернусь, тут, в гостиной устроюсь, на диване".

Меир взял со спинки кресла сюртук. Стоя перед большим зеркалом, он ловко перевязал галстук. Застегивая серебряные пуговицы, Меир обернулся: "Ты же плохо себя чувствуешь".

— Плохо, — робко согласилась Эстер.

— Тем более, — Меир усмехнулся, — отправляйся в постель. Я встречаюсь по делу, это не опасно, незачем за меня волноваться. Имбирь твой я сейчас в спальню отнесу и еще вот это — он вынул из сумы какую-то книгу.

— "Любовь и безумие" Крофта! — ахнула Эстер. "Я о ней только слышала, где ты ее достал?"

— Там и здесь, — муж наклонился и поцеловал ее в лоб. "Ты же говорила, еще в карете, что хочешь ее прочитать. Вот и читай. Доброй ночи, — он подхватил стакан с заваренным имбирем.

— Меир, — женщина внимательно присмотрелась к хорошо скроенному, синему сюртуку, — если это не опасно, зачем ты берешь пистолет? Мы же в Филадельфии, тут патриоты.

— Не все, — коротко ответил мужчина, и дверь за ним закрылась.

Бостон

На большом, покрытом сукном столе были разложены бумаги.

— Так, — сказал Меир, — все, что в этом конверте — для Франклина, сразу по приезду ему передай. Жить будешь у Тео, — мужчина улыбнулся, — ее предупредили уже. Впрочем, ты там ненадолго, осенью тебя уже ждут в Марокко.

Дэниел откинулся на спинку кресла и повертел в руках перо. "Меня, значит, она не любила, — горько подумал мужчина. "А его полюбила, и как быстро. Что делать, — он едва слышно

вздохнул и вслух сказал: "Я вам даже подарок не успел прислать".

— Лучшим подарком, — Меир разлил кофе, — будет договор о дружбе с султаном. Тогда к нам начнут относиться, как к государству, а не как к бунтовщикам. Вы это все в Филадельфии обсуждали. Теперь твоя невестка…

— Что моя невестка? — удивился Дэниел. "Она в Париже живет, с ребенком. Они с Мэтью разъехались, многие так делают. Адамс будет следить за делами по имениям, я его попросил. Теодор, — он покраснел, — мой племянник, унаследовал все, но освободить рабов может только после совершеннолетия, надо ждать, — Дэниел развел руками.

— Твоя невестка, — Меир спокойно посмотрел на него, — работает на британцев. Не против нас, — Горовиц рассмеялся, — она все-таки американка, и всегда ей останется. У нее есть любовник…, - Меир поднял со стола лист бумаги, — месье Корнель. Он там, в Париже, известный ученый, масон, книги печатает, в общем — заметный человек. Уж не знаю, — Меир пожал плечами, — связан ли он сам с британцами, но, как ты сам понимаешь, у нас много союзников в Европе, мы обязаны защищать их интересы.

Дэниел обвел взглядом кабинет: "Через год вернусь, не раньше. Книги у Адамса на складе оставлю, дом я уже сдал. Натаниэль будет и за ним присматривать, и за домом Горовицей. Все разъезжаются".

Мужчина ядовито спросил: "Предлагаешь мне не встречаться с Мартой и моим племянником?"

— Как раз наоборот, — спокойно отозвался Меир. "У твоей невестки салон, она дружит с младшим братом короля, графом д’Артуа, играет в карты с королевой, у нее бывают нужные нам люди. Разумеется, ты просто обязан ее навестить, и не один раз".

— Я дипломат, а не разведчик, — заметил Дэниел, — и не забывай, я уже в отставке, в отличие от тебя, капитан Горовиц.

— Капитан, — усмехнулся Меир, — у меня даже мундира нет. Я тоже — он поднял большие, красивые глаза, — не разведчик, Дэниел. Я контрразведчик, как ты сам знаешь. В мои обязанности входит, в том числе, защита безопасности нашей страны. Приказывать я тебе не могу, но я тебя прошу, как друга — посмотри, что там происходит. Кстати, герцог Экзетер, так красиво нарисованный на родословном древе — тоже очень непростой человек. Хотя он, слава Богу, не занимается колониями, — Меир вздохнул и добавил: "Если бы занимался, мне бы с ним не тягаться было".

— И он тоже — наш родственник, — недовольно пробурчал Дэниел, складывая документы. "Когда уже только эта война закончится?"

— Вот это, — Меир потянулся, — уже не моя забота, а ваша, дипломатов. Я нахожу деньги и шпионов, а вы готовите мирные соглашения. Говоря о них — индейцы сообщают, что Кинтейл ушел на запад, ты слышал уже. У человека два смертных приговора над головой висят, — Меир улыбнулся, показав красивые, ровные зубы, — вряд ли он сюда вернется, этот Менева, — мужчина вдруг сочно выругался. "Там, на западе, хватит земли, и золота. И на него, и на его потомков".

— Очень надеюсь, — Дэниел поднялся, — что он сдохнет прежде, чем их оставить. Дочь свою он уже убил.

— Так, — Меир тоже встал, — багаж уже на кораблях. Пошли, Эстер там курицу напоследок

приготовила. Справишься ты с Констанцей по дороге? — спросил мужчина.

Дэниел запер парадную дверь: "А что не справиться? Девочке семь лет, все умеет. К тому же, с тех пор, как мы из Баррингтона приехали, и я ее в редакцию "Бостонской газеты" отвел, — она только и делает, что пишет. Уже не хочет быть ученым. Сказала, что журналистом станет".

Они шли по Бикон-хиллу. Дэниел вдохнул запах цветов: "Интересно, где сейчас этот мерзавец Мэтью? Марта написала, что он, скорее всего, в Германии или в России. В Копенгагене было такое убийство, его почерком, а потом след потерялся. Господи, о чем это я? Эстер, Эстер... — он взглянул на спокойное лицо Меира и вдруг разозлился: "Хватит. Ни Мирьям меня не любила, ни она. Вот и буду искать женщину, которая меня полюбит".

Констанца ела, одной рукой придерживая перед собой блокнот. "Послушайте, — сказала девочка с набитым ртом. Едва прожевав, она стала читать: "Генерал Тарлтон, которому больше пристало прозвище "Мясник", приказал расстрелять безоружных, выкинувших белый флаг солдат Континентальной Армии в стычке у Ланкастера, в Южной Каролине. По слухам, выжило всего пятьдесят из двух сотен, и те были так тяжело ранены, что не смогли сами покинуть поле боя. Эта победа закрепила превосходство англичан в южных штатах".

Эстер погладила ее по голове: "Не за обедом бы, милая, о таком. Но написано хорошо, ты молодец"

Дэниел не поднимал глаз от стола. "На меня и не смотрит совсем, — вздохнул про себя мужчина, — Меир ее за руку держит. Оставь, оставь, она же сказала — все это от одиночества было. Теперь она не одинока. Ну и счастья им".

— С юга мы их выбьем, — задумчиво заметил Меир, — с помощью французского флота. Испанцы и голландцы — тоже на нашей стороне.

— Дядя Меир, — звонко спросила Констанца, — а когда вы в тетю влюбились?

Эстер ахнула, убирая со стола: "Милая, ну как ты можешь?"

— Мне интересно, — девочка вынула карандаш из-за уха и почесала им в рыжих косах. "Я читала, тетя, вашу книгу, "Любовь и безумие". Там герои влюбились друг в друга с первого взгляда".

— Точно так же и я, — добродушно ответил Меир. "Твоя тетя мне открыла дверь, я взял — и влюбился. Мне очень повезло, что она захотела выйти за меня замуж".

Дэниел увидел, как покраснела женщина. Усмехнувшись, он спросил: "Констанца, может быть, ты тоже — книги будешь писать?"

— Нет, — она поболтала изящными ножками в замшевых, коричневых туфельках. "Я буду разговаривать с интересными людьми и потом печатать это в газетах. Мне мистер Тредвелл, репортер, — рассказал, как это делать. Например, с вами, дядя Дэниел, потому что с дядей Меиром нельзя".

— Это почему это со мной нельзя? — Меир поднялся. Взяв у жены лимонный пирог, он едва слышно шепнул: "Как ты?"

Эстер только опустила длинные ресницы и покачала головой. Она присела, и, незаметно

открыв рот, справилась с тошнотой: "Живем, как брат с сестрой, в разных комнатах. Конечно, я ему, наверняка, противна — меня наизнанку выворачивает по десятку раз в день. Он просто джентльмен, и считал себя обязанным на мне жениться, вот и все".

— Вернее, сейчас нельзя, — поправила себя Констанца, — пока война идет. Она поморгала темными глазами и невинно добавила: "Правильно?"

— Правильно, — Дэниел, не удержавшись, рассмеялся: "Пойдемте, Фримены уже в гавани".

Эстер в последний раз прошлась по чистому, убранному дому. Опершись на подоконник, она вздохнула: "Когда еще сюда вернемся? Нат и Салли письма для миссис Франклин передадут, увижу ли ее теперь? Все же семьдесят лет ей этим годом. Там, на Синт-Эстасиусе, я, конечно, начну практиковать, как лучше себя буду чувствовать, а все равно — весь следующий год с ребенком просижу. Дэниел никогда, ничего не узнает — велела себе женщина. "Ты обещала, вот и храни обещание".

Она посмотрела на птиц, что вились вокруг скворечника, и спустилась вниз.

Два корабля выходили из гавани. Салли, утерев слезу, велела дочери: "Помаши им, Марта. Видишь, все разъехались, остались только мы с папой и бабушка твоя".

Миссис Бетси стояла, глядя на белые паруса, на чаек, что вились над мачтами, а потом хмыкнула: "Вернутся они сюда, попомните мое слово. Даже Констанца — и та вернется".

— Ей-то что тут делать? — удивился сын. Миссис Бетси только вздернула бровь: "А вот увидишь. Пошли, — велела она, — работа ждать не будет. Ни одной свободной комнаты нет, скоро обед постояльцам подавать надо".

— Расцвела как, — ласково подумал Нат, провожая мать взглядом. "Хозяйка она отменная, конечно, и с ребенком есть, кому повозиться".

— Мы сейчас, — он взял у Салли дочь, — по морю ногами пошлепаем и вас догоним.

Девочка бегала, смеясь, вдоль кромки прибоя, черные, кудрявые волосы развевались по ветру. Нат, присев на камень, закурил трубку: "А ты, Фримен, думал ли, что так все обернется? Да какое там! Все свободны, вся семья и дети твои — тоже свободными будут. А вот на юге..., - он поморщился и услышал радостный крик дочери: "Хорошо!"

Марта раскинула ручки. Брызгаясь водой, хохоча, девочка позвала его: "Папа! Сюда!"

— На собрание аболиционистов схожу, — велел себе Нат, поднимаясь. "Если бы не капитан Вулф, если бы не миссис Марта — так бы и умерли мы все в рабстве. Что надо будет сделать — сделаю. Стрелять я умею, разведчик из меня отличный, матушка и Салли за делами присмотрят. Я могу с юга людей вывозить. "Подпольная дорога", — внезапно пришло ему в голову. "Так ее и назовем. "Подпольная дорога".

Он нагнулся. Подняв дочь, целуя ее, Нат шепнул: "Ты же свободный человек, Марта Фримен, понимаешь?"

— Да! — широко, весело улыбнулась девочка. Обняв отца, приникнув головой к его плечу, она повторила: "Да!"

Меир лежал на узкой, высокой корабельной койке, прислушиваясь к звукам из-за тонкой переборки. "Хороший ветер, — подумал мужчина, — теперь, главное, на британцев не нарваться. И Дэниел с конвоем пошел, и мы, но все равно — от греха подальше".

Он поднялся. Взяв фонарь с горевшей в нем свечой, Меир вышел в темный коридор. Эстер открыла дверь своей каюты и жалобно сказала: "Еще хуже. Что же будет, когда шторм начнется?"

— Может, и не начнется, — Меир, на мгновение, прикоснулся губами к ее белому лбу — он был лишь немного выше жены.

— Нельзя, — велел он себе, убираясь, принося чистое ведро, открывая ставни каюты. Прохладный, вечерний ветер ворвался в каморку, запахло свежестью. Он увидел, как садится солнце над далекой, темной полоской берега. "Перед Нью-Йорком в открытое море уйдем, так безопасней, — он вздохнул и повторил: "Нельзя. Пусть она отдохнет. Пусть, в конце концов, тебя полюбит, а ты, Меир Горовиц, старайся — чтобы так оно и случилось".

Эстер сидела на койке, закутавшись в шелковый халат, размеренно дыша.

— Сколько раз это видела, у пациенток…, - женщина слабо улыбнулась, — но не думала, что у меня так будет…

Меир устроился рядом. Взяв ее за руку, муж хмыкнул: "Насчет меня ты можешь быть спокойна. Я латаю дыры только в государственном бюджете, с деньгами семьи — все в порядке. А что еще нас ждет? — немного покраснев, указав глазами на ее живот, спросил мужчина.

— Когда…, если, — Эстер помолчала, — это закончится, может начаться изжога. От нее пьют соду, и еще настой солодки, только она в Новом Свете не растет. Когда приедем на Синт-Эстасиус, поговорю там с местными акушерками, — какие травы они используют…, - Эстер не договорила и замахала рукой.

Меир потянулся за ведром. Он погладил жену по спине: "Я уверен, что скоро тебе станет лучше, вот правда".

— У меня была пациентка, — неразборчиво, кашляя, проговорила Эстер, — которую тошнило все девять месяцев.

Она прополоскала рот. Женщина, вдруг, страстно сказала: "Хочу той трески соленой, что на обед была. Только сухой. Попроси, пожалуйста, на камбузе".

Меир вернулся с оловянной тарелкой. Жена, грызя рыбу, кивнула: "Спасибо большое".

Он стянул кусочек. С трудом разжевав, Меир заметил: "Правда, вкусно. Поешь, а я тебе потом имбирь заварю".

Эстер тихонько вздохнула, и, слизывая с алых губ крупинки соли, — улыбнулась.

Интерлюдия

Иерусалим, лето 1780

Ножницы скрипели, белокурые, густые волосы падали на каменный пол, в маленькое окно

вливался полуденный, жаркий воздух. Пахло мылом. Джо, взяв в руки метлу, опустив голову, искоса посмотрела на грустное лицо подруги.

— Хоть бы немножко оставить, госпожа Судакова, — тихо попросила Дина. "Так же некрасиво".

— Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы, — сухо ответила Лея. "Сара, смети это все в угол, ты следующая. Потом окунетесь в микву и приберете тут все, а вечером уже и хупа".

Джо взглянула на строгое, красивое лицо, на сжатые в тонкую полоску губы женщины. Жена раввина все щелкала ножницами.

— Ничего нельзя, — вспомнила Джо, заметая волосы. "Спать в одной кровати нельзя, спать без рубашки нельзя, мужа нельзя держать за руку на улице, да и дома тоже — нельзя. Интересно, как она еще ребенка родила, ухитрилась. Она же говорила — дом, это все равно, что Храм, и женщина обязана поддерживать его святость. Напоминать мужу о заповедях, наставлять его на верный путь. Ну-ну, — она вспомнила упрямые, темные глаза Иосифа. "Такого наставишь, пожалуй. Да и не собираюсь я, — Джо почувствовала, что улыбается. Она вздрогнула от резкого голоса: "Теперь ты. Дина, можешь начинать мыться".

Голубые глаза подруги — Джо увидела, — были наполнены слезами. "Ему очень понравится, — сказала девушка одними губами. "Правда". Дина провела рукой по коротким волосам. Вздохнув, она закрыла за собой дверь умывальной.

Лея оттянула темную косу и нажала на лезвия грубых ножниц. Волосы упали шелковистой волной, прямая, худая спина в скромном, глухом платье даже не пошевелилась.

— И все равно, — зло подумала Лея, — мы по улицам ходим. Мужчины нас видят, и соблазняются. Сказано же, что нельзя идти вслед за женщиной. Все от недостатка скромности, — она стала быстро подстригать девушку и незаметно опустила глаза к своему плоскому животу. "Я должна была родить этим летом, — Лея раздула ноздри, — почему я не забеременела? Это все девчонка, с тех пор, как она появилась в доме, все пошло не так. Папа умер..., - она тихо вздохнула и напомнила: "Снимать платок можно только в микве. Дома и на улице он всегда должен быть на голове. И ночью тоже".

— А Дина расстраивалась, — усмехнулась про себя Джо. "Аарон и не увидит — что там у нее с волосами случилось".

— Иди, — Лея отряхнула волосы с прямых плеч девушки. Джо почувствовала холодок на голове. Она вспомнила соленый, крепкий ветер, брызги волн, бьющие в лицо, и свои руки на штурвале. "Сейчас бы на коня, — вдруг подумала девушка. "Да что это я — госпожу Судакову удар хватит. Она, наверное, и не знает, что женщины могут в мужском наряде ходить".

Вода крохотной, каменной миквы была теплой. Джо, сомкнув веки, представила себе море. "Скоро домой, — она опустилась на дно. Вынырнув, сложив руки на груди, девушка громко сказала благословение.

Вторая дверь была приоткрыта. Лея, наблюдая за окунанием, бросила взгляд в ту сторону:

— Раввины все слушают, они там. Авраам, наверняка, думает о других женщинах, — она крепко, до боли, сжала длинные пальцы. "Приходит ко мне, каждую ночь, как положено, когда я чиста — а думает о других. О матери девчонки, о той..., - Лея поморщилась. Она искоса взглянула на обнаженную девушку, что выходила из миквы. Лея отвернулась и сухо сказала:

"Все. Иди одеваться и не забудь сделать омовение рук".

Женщина прислонилась к влажной стене. Дождавшись, пока закроются двери, она опустила голову в ладони.

— Я прошу тебя, Лея, — услышала она шепот мужа, — хотя бы платок сними. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Что было, то было, оно больше никогда не повторится. Пожалуйста…

— Нельзя, — ответила она коротко, сжав руку в кулак. "Не трогай меня так, это запрещено".

— Неправда, — разъяренно сказал ей муж. "Ты не хуже меня это знаешь. То, что нельзя делать — я делать не буду, а все остальное, Лея… — он помолчал. Мягко, ласково обнимая ее, целуя куда-то за ухо, он шепнул: "Тебе же нравилось, Лея. Помнишь, когда мы поженились? Нравилось ведь, — она почувствовала руку мужа и увидела перед собой серые, большие, наполненные наслаждением глаза.

— Он тогда стонал, — сказала себе Лея. "С ней стонал. И она — тоже, грех так говорить, но покоя ей я не желаю, развратнице".

— Это мицва, — он провел губами по ее шее, — это заповедь — радовать жену. Мне же хочется, чтобы тебе было хорошо, милая…

— Если мы будем вести себя скромно, — справившись с собой, ответила женщина, — Господь нас вознаградит благочестивыми детьми, такими, как наш сын.

— А не такими детьми, как твоя дочь, — чуть не добавила Лея. "Пяти лет девочке не исполнилось, а уже за Рамбамом тянулась. Я едва кабинет успела запереть, перед ее носом. Не для женского ума такие книги".

— Хорошо, — вздохнул муж. "Хорошо, милая, пусть будет так, как ты хочешь".

Она лежала на боку, шепча что-то, в кромешной, непроницаемой темноте спальни, под глухим одеялом. Перед ней была маленькая, подвальная комната, запах — сладкий, густой, звериный запах и та женщина — улыбающаяся, откинувшая голову на плечо ее мужу.

Лея вышла в переднюю. Увидев одетых девушек, она велела: "Будьте тут, к ешиве прямо отсюда пойдем. Сейчас я женщин позову, и вуали ваши принесу".

— Вуали! — фыркнула Джо ей в спину. "Ты видела, — она повернулась к Дине, — из-под них ничего, и разглядеть нельзя, ткань плотная. Будут нас под руки вести. Эй, — Джо опустилась на колени перед деревянной лавкой, — ты что? Дина, что случилось?"

Девушка плакала — тихо, едва слышно. "Я боюсь, — сказала, наконец, Дина, — боюсь, как это будет. А вдруг у нас ничего не получится…, Вдруг я ему не угожу…"

Джо вздохнула. Намочив холщовую салфетку, она протерла лицо подруги. "Какая чушь! — сочно сказала девушка, — никто никому не собирается угождать. Вы с Аароном любите друг друга. Все будет хорошо, поверь мне, — она обняла Дину и пощекотала ее. "И вообще, он домик купил, с садом, следующим летом родишь мальчика…"

— Или девочку, — слабо улыбнулась Дина.

— Или сразу двух, и будете там сидеть, — решительно закончила Джо, — в тени гранатового

дерева. Поднимайся, — она потормошила подругу, — давай в эти платья влезать.

— Я бы очень хотела, — краснея, застегивая маленькие пуговицы на длинных рукавах, призналась Дина, — тебя бы еще увидеть.

— Вот и приедете в Амстердам. Или в Лондон все вместе отправимся, мой отец только рад будет, — Джо огладила светлое, шерстяное платье: "Вещи свои так и увезу обратно, а в Европе уже другая мода, наверное".

Дина хихикнула и прижалась щекой к ее щеке.

Лея достала из сундука вуали. Высунув голову из-за двери кладовой, она велела падчерице: "Одевайся, помоги Моше, а потом идите в ешиву".

Девочка кивнула, дверь внизу скрипнула. Ханеле, рассмеявшись, перегнулась вниз: "Папа!"

Женщина спустилась по лестнице, и оглядела мужа: "Тебе в спальне все приготовлено".

Степан удобнее перехватил книги. Помолчав, огладив бороду, он снял черную шляпу. "Мой брат, — сказал он, — успел вернуться с того озера, так что он будет на свадьбе. Я его видел, только что".

Лея дернула краем рта: "Он не еврей"

— Где это написано, — ядовито осведомился муж, — что не евреям нельзя ходить на наши свадьбы? Я тебе больше скажу — он у нас еще и пообедает завтра, и с племянниками прогуляется.

— Я не отпущу своего сына, — зашипела Лея, — с идолопоклонником. Он может повести Моше в…

— В церковь, — устало закончил Степан. "Не волнуйся, не поведет. Нечего больше об этом говорить, — он посмотрел на ткань в руках жены. "Ты шла куда-то, вот и иди. Хупу ставят уже".

Жена повернулась, у двери: "Когда человек становится евреем, он как новорожденный младенец, у него нет больше ни отца, ни матери, ни тем более брата".

— А у меня — есть, — муж положил книги на сундук, что стоял в передней. "Я его и так редко вижу, Лея. Я не намерен от него отказываться. Если тебе это не нравится, — Степан усмехнулся, — можешь со мной развестись. Ах, прости — раввинский суд тебя не будет слушать, у тебя нет ни одного основания для развода. А вот я могу с тобой развестись хоть завтра, не забывай, — серые глаза мужа яростно заблестели.

Лея молчала, опустив голову.

Он развязал пояс капоты: "Ты помни, я стал евреем не из-за любви к тебе, Лея, а из-за любви к этому, — Степан опустил руку на книги. "А они со мной останутся всегда". Он, было, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой: "За детьми я присмотрю".

— Из-за любви к ней, — гневно прошептала Лея, выйдя во двор, открывая ворота. "К матери Ханы. Ну что ж, — она вздернула подбородок, — раз ты так любишь своего брата, Авраам, я тебе расскажу кое-что интересное о нем. После этого и ноги идолопоклонника в моем доме больше не будет".

Женщина сцепила, зубы и быстро пошла к микве.

Аарон провел рукой по искусно вырезанным цветам на спинке кровати. В маленькой спальне пахло розами, на комоде орехового дерева стояло зеркало в серебряной оправе и флакон с ароматической эссенцией. Он оглянулся на закрытую дверь. Присев на кровать, Аарон погладил шелковое покрывало. Из гостиной доносились мужские голоса.

Задняя дверь спальни выходила в крохотный сад. Он выглянул наружу и улыбнулся — в поилке барахтались птицы, две рыжие собаки лежали под гранатовым деревом. Ратонеро поднял голову и посмотрел на хозяина. "А ты, — сказал Аарон второму псу, — по морю поплывешь. В Амстердам". Сын Ратонеро перекатился на спину и поболтал лапами в воздухе. Жужжали пчелы, из каменного сарайчика, пристроенного к стене сада, пахло свежим деревом.

Аарон прошел через сад — пять шагов. Склонившись над своим рабочим столом, он осторожно потрогал кусочек пергамента. На полке были аккуратно разложены ножи, чернила, и перья. Мужчина смешливо пробормотал себе под нос: "Всю следующую неделю даже не загляну сюда".

Он опустился на табурет и понял, что улыбается. "Дина, — подумал Аарон и представил себе ее голубые глаза. Он оглянулся и посмотрел на сад — розы расцвели, по зеленой, мягкой траве прыгали птицы. Аарон, закрыв глаза, видя перед собой ее лицо, ласково сказал: "Как ты прекрасна, возлюбленная моя, как ты прекрасна, очи твои — очи голубиные".

Иосиф разлил кофе и усмехнулся: "Всю мебель он тут сам смастерил, год занимался. А вообще — домик дешево продавали, развалина и развалина. Но, представляешь, твой брат тряхнул стариной. Пришел, кладку новую сделал, крышу поправил, очаг обустроил. Видимо, иногда его тянет руками поработать".

— Меня самого тянет, — усмехнулся Федор и тут же помрачнел: "Но как, же так с мальчиком получилось?"

Иосиф горько ответил: "Наша вина, конечно. Я в Каир ездил, с наставником, только месяц назад вернулся. Аарон в Цфате учился, на севере, у тамошнего писца. Как он оказался в Иерусалиме — пошел к кормилице. Женщина только и призналась, что мальчика крестила и францисканцам отдала, в монастырь. А там все молчали. Сам понимаешь, — Иосиф вздохнул, — не мог же я их пытать.

— Да, — Федор поднялся и прошелся по маленькой комнате. Он взял с полки серебряный бокал, и, повертев его, хмыкнул: "Еще и ребенка теперь искать. Он же мне двоюродным племянником приходится. В Риме, — он повернулся к Иосифу, — я спрашивал об отце Джованни. Осторожно, как сам понимаешь, но тоже — он развел руками, — никто ничего не сказал. Конечно, я этого так не оставлю, — Иосиф увидел, как мужчина улыбается. Взглянув на красивое, загорелое лицо, он спросил: "А что сабля? Довез ты ее до Парижа?"

— А как же, — Федор пошевелил мощными плечами и лениво потянулся: "Над камином у меня висит. Теодор, как ее увидел — у ребенка даже глаза заблестели. Три года ему уже, Марта его читать учит. Отличный мальчишка, я с ним верховой ездой занимаюсь. Так, — Федор почесал рыжие кудри, — письма я вам отдал, свой багаж сложил. Тот бедуин, мой проводник, Маджид, — будет вас ждать в полночь, у Дамасских ворот, с двумя лошадьми. В домике тоже — все в порядке".

— Волнуюсь, — вдруг сказал Иосиф. "А ты тоже — бороду отрастил, я смотрю".

— У вас тут все с бородами, да и негде там было бриться, на этом озере. В Ливорно к цирюльнику схожу. А что ты волнуешься, — он похлопал мужчину по плечу, — так это положено, дорогой мой. Зимой, как в Амстердам поедете, — рады вас будем в Париже видеть.

Аарон открыл дверь. Федор, кинув на него один взгляд, усмехнулся: "Этот — тоже волнуется. Ну, — он встал, — пора и мне переодеться. Как всегда, — он застегнул сюртук, — женщин и не увидим вовсе?"

— Нет, конечно, — Аарон, прислонился к косяку, — мы только с невестами встретимся, перед хупой, как им вуаль поднимут, а потом — только дома, после свадьбы уже. Сейчас придут, — Аарон взглянул на часы красного дерева, что висели на стене, — к ешиве нас вести.

— Все будет хорошо, — уверенно сказал Федор. Дверь хлопнула. Аарон, опустившись на стул напротив друга, задумчиво спросил: "Интересно, а он, — Аарон кивнул на дверь, — женится когда-нибудь? Все же твой ровесник, тоже тридцать лет".

Иосиф вспомнил карету на набережной Августинок, и двоих — мужчину и женщину, что стояли рядом, оба высокие, почти вровень друг другу. "Вряд ли, — он вздохнул и вдруг оживился: "Но, может быть, и повезет ему".

В дверь постучали. Иосиф, беря свою шляпу, велел: "Пошли".

— Совсем ничего не вижу, — подумала Джо. Через плотную ткань едва были заметны огоньки свечей в руках у женщин. "Аарон с Диной уже муж и жена, — тихо усмехнулась она, идя к хупе. "Правильно Ханеле сказала — Аарон первым женится".

Она семь раз обошла вокруг хупы. Оказавшись рядом с женихом, Джо вспомнила его темные глаза, в той комнате, где он приподнял ее вуаль. "Я тебя люблю, — еще успел шепнуть ей Иосиф.

Ханеле, держа за руку брата, поправив на нем кипу, отвела взгляд от бархатного, потертого балдахина и посмотрела на звездное небо. "Так положено, да, — подумала девочка. "Как господь обещал Аврааму — чтобы потомство было таким же многочисленным, как звезды. Поэтому хупу во дворе ставят. Как смешно — я потом выйду замуж за одного из них, только не вижу, за кого".

Иногда так бывало — Ханеле не могла разглядеть то, что было перед ней, все терялось в серой, плотной мгле. "Нельзя говорить плохое, — напомнила себе она и опять окунулась в дым, висящий над изрытой снарядами равниной, услышала гром пушек и ржание лошадей. Потом все исчезло. Она оказалась на пустынном, морском берегу, где кричали чайки. Высокая, тонкая женщина шла куда-то вдаль, по блестящим от прибоя камням.

— Свадьба! — радостно сказал брат и захлопал пухлыми ладошками. Он был одет, как взрослые — в маленькую, темную шелковую капоту. Ханеле рассмеялась. Наклонившись, девочка шепнула ему: "Ты тоже женишься, Моше, и я — выйду замуж".

Она взглянула на прямую спину мачехи, что как раз передавала невесте бокал с вином, Вздохнув, Ханеле пробормотала себе под нос: "Только хорошее, помни".

Джо услышала хруст стекла, и облегченно подумала: "Все. Господи, спасибо тебе. Теперь мы всегда будем вместе".

Откуда-то сверху раздался голос мужа: "Я люблю тебя, Черная Джо"

— Сара, — едва слышно рассмеялась девушка.

— Нет, — его рука, на мгновение, прикоснулась к ее руке и Джо вздрогнула. "Для меня ты всегда будешь Джо, — ласково проговорил Иосиф и добавил: "В полночь, у Дамасских ворот, нас будут ждать".

Джо, было, открыла рот, но тут железные пальцы госпожи Судаковой схватили ее за локоть. Жена раввина подтолкнула новобрачную к входу в ешиву. "Теперь наедине с мужем надо побыть, — сухо напомнила ей Лея.

Женский стол был накрыт в отдельной комнате. Дина, откинув вуаль, краснея, устроившись рядом с подругой, шепнула: "Все равно — боюсь".

— А ты…., - начала Джо, и оборвала себя. Ханеле, подойдя к ним, по-хозяйски устроившись на коленях у Дины, прижалась черноволосой головой к ее плечу. Девочка, на мгновение, отстранилась. Взяв лицо Дины в ладошки, она улыбнулась: "Не надо бояться. Слушай свое сердце". Она посчитала на пальцах, и распахнула дымные, серые глаза: "Семь".

— А у тебя, — девочка нежно погладила Джо по щеке, — два. А теперь я есть хочу, — Ханеле огляделась. Спрыгнув на каменный пол, она пошла к другим детям.

Дина рассмеялась: "Она же говорила, что Аарон первым женится — так оно и вышло. Я ей верю".

— Я тоже, — согласилась Джо. Опустив ресницы, она глубоко вздохнула. "Теперь не будет ничего, кроме счастья, — сказала она себе. Держа подругу за руку, Джо велела: "Надо поесть, как следует, весь день постились, и в тех комнатах тоже — ничего, кроме чая не было, и тот, — Джо ухмыльнулась, — жидкий".

Дина сидела, молча. Потом, она блаженно шепнула: "Слушай свое сердце. Правильно".

На узкой, каменной улице было совсем темно, на стенах домов горели масляные фонари. Степан, держа на руках заснувшую дочь, повернувшись к жене, — она несла Моше, — тихо спросил: "Помнишь, как мы после хупы в нашу комнату возвращались? Три года уже прошло, даже не верится".

Жена молчала. Степан увидел упрямый очерк ее подбородка. Уже у ворот дома Лея остановилась, и поглядела куда-то вдаль, на уже спящие дома: "Ты должен знать. Твой брат пытался меня соблазнить".

Дина поднесла к губам чашку с чаем и робко посмотрела на мужа. Она все еще была в свадебном платье, с укрытой светлым, атласным тюрбаном головой. "Это же все вернуть надо, — испуганно подумала девушка. "Госпожа Судакова сказала — это все для бедных невест держат. А у меня только одно платье шерстяное, и все. Хоть будет во что одеться завтра. И платок тот надену, что мне госпожа Сегал подарила, — она тихонько вздохнула, и оглядела из-под ресниц комнату: "Тут так красиво. И это все твое?"

— Это все наше, — Аарон улыбнулся. "Вернее, твое. Мудрецы же сказали — если у тебя нет жены, значит, — нет дома. Он потянулся и взял маленькую, с простым, золотым кольцом, руку: "Ты — мой дом, поэтому все тут принадлежит тебе, Дина. Пойдем, — он поднялся, — я тебе покажу что-то".

В крохотной — едва повернешься, — кладовой стояли два сундука кедрового дерева. Дина вдохнула приятный запах и ахнула, держа в руках свечу — муж поднял крышку.

Ткани лежали аккуратными рулонами — шелк и атлас, шерсть и бархат. Дина, покраснев, шепнула: "И все это мне?"

— Угу, — кивнул муж, улыбаясь. "Как пройдет свадебная неделя — начинай шить. Только ты и без них, — Аарон кивнул на ткани, — у меня самая красивая.

— Такое нельзя, — грустно сказала Дина, рассматривая лазоревый, вышитый серебром шелк. "Нескромно, очень ярко".

— Дома, — шепнул ей муж. "Дома можно. Я буду приходить вечером и тобой любоваться. И вот еще, — он взял из сундука шкатулку красного дерева. Дина посмотрела на нитку жемчуга и всхлипнула: "Аарон…"

— Это к свадьбе, — ласково отозвался он. "Скоро осень, праздников много, тут еще что-нибудь появится. Можно? — его темные глаза играли золотом в свете свечи. Дина несмело повернулась спиной и вздрогнула, почувствовав его пальцы. Он застегнул бусы и погладил белую, нежную шею. "Сама красивая на свете, — шепнул Аарон, целуя ее. "Я тебя люблю, счастье мое". Дина вспомнила свои короткие волосы и услышала его голос: "Иди сюда".

Она все еще держала в руке свечу. Муж, нежно повернув ее к себе, шепнул: "Вот так". Тюрбан упал на пол и Дина ахнула: "Надо платок надеть".

— Нет, — смешливо протянул Аарон. "Не надо, мой цветок. Так гораздо лучше, — он коснулся губами мягких, белокурых волос: "Кухню ты видела, гостиную — тоже, детскую завтра посмотрим, а спальню я тебе прямо сейчас покажу".

На каменном подоконнике горела свеча, пахло розами. Дина, оказавшись в одной рубашке, раскрыла глаза: "А это дверь в сад?"

— Конечно, — Аарон легко поднял ее на руки. "Можно ее распахнуть, но там собаки, мы им можем, — мужчина улыбнулся, — помешать.

— Чем? — оказавшись на кровати, Дина погладила рукой подушку: "Кружева".

— Сейчас покажу, — он привлек ее к себе, и девушка подумала: "Так неудобно с этой рубашкой, мешает же".

— Мешает, — словно услышав ее, согласился муж. "Дай-ка, — он откинул шелковое покрывало. Дина, краснея, закрывшись руками, нырнув под него, — натянула ткань до подбородка. "Вот этим и помешаем, — она почувствовала прикосновение мужа. Прижавшись к нему, Дина попросила: "Еще!"

Аарон положил ее голову к себе на плечо: "А мне хочется посмотреть, что я там такого делаю".

— Нельзя же, — про себя ужаснулась Дина. Потом, отвечая на его поцелуи, обняв его, она и сама не поняла — как покрывало полетело на пол. "Такое счастье, — шептал ей муж, — такое счастье быть с тобой, любовь моя".

Пламя свечи заколебалось. Дина, разметавшись на кровати, раскинув руки, кусая губы, простонала: "Я люблю тебя!"

mir-knigi.org

Она уже ничего не помнила, — только свое частое дыхание, короткую, быструю боль и счастье — такое счастье, что она, скребя пальцами по шелковой простыне, одновременно плача и смеясь, шептала мужу что-то неразборчивое, нежное, не отпуская его, прижимая к себе.

Дина озабоченно подняла голову и тут же уронила ее обратно, на теплое, крепкое плечо мужа: "Надо же..., на вторую кровать..., а тут ее нет".

— В детской есть, узкая — Аарон стал целовать маленькую, красивую грудь. "Когда надо будет — я там буду спать, заодно, — Дина услышала, как он смеется, — за детьми присмотрю. А когда не надо, — жалобно попросил он, — ты не выгоняй меня, а?"

Дина перевернулась на бок, и, поерзав, согласилась: "Не буду".

— Вот и хорошо, — он провел губами по нежной спине, по спускающимся на шею белокурым завиткам волос. "Тебе же завтра после заката в микву?"

— Ага, — томно ответила жена, и, — Аарон почувствовал, — нахмурила брови. "Нельзя же днем, — шепнула Дина, — нескромно".

— Тут очень плотные занавески, — уверил ее муж. "Хочешь, встану и задерну, сама убедишься".

— Я... — простонала девушка, укрывшись в его руках, — никуда тебя сейчас не отпущу, Аарон Горовиц".

— Очень хорошо, — он почувствовал под пальцами горячее и мягкое: "Я и сам — никуда не пойду, любовь моя". Уже засыпая, баюкая ее, Аарон напомнил себе: "С утра собак покормить, потом в саду розу сорвать, и Дине принести, потом завтрак сделать. Незачем ей к очагу вставать, пусть отдыхает. Счастье мое".

Он ласково поцеловал жену в губы. Дина, зевнув, уютно сопя ему в ухо, еще успела проговорить: "Хорошо...". Он закрыл глаза, и увидел ее, сидящую под гранатовым деревом, в лазоревом, в цвет глаз платке, в светлом, летнем платье. Она что-то шила, а младенец, — тоже белокурый, — дремал в колыбели, что стояла рядом. Аарон так и заснул — улыбаясь, вдыхая ее запах — сладкий, тихий запах дома.

Иосиф спешился. Протянув руки к жене, он поставил ее на землю. Над лесистыми холмами сверкали крупные, яркие звезды. Джо прислушалась и зачарованно сказала: "Ручей! Где мы, Иосиф?"

— Десять миль к западу от Иерусалима, — он вдохнул запах свежести. Привязав лошадей, Иосиф велел: "Иди ко мне".

Она была высокой, тонкой. Целуя стройную шею, развязывая шнурки на воротнике ее мужской рубашки, Иосиф усмехнулся: "Платье твое и платок в седельной суме лежат. Как будем в город возвращаться — переоденешься". Он провел ладонью по коротким волосам. Едва сдерживаясь, взяв ее за руку, он открыл тяжелую дверь домика, стоявшего у ручья.

В низкой, с каменным полом комнатке, пахло кедром, брошенное у стены сено было укрыто холстом. Он чиркнул кресалом и зажег свечи. В маленькое окно была видна полная, яркая луна, что висела в темном небе.

mir-knigi.org

Он потянул через голову ее рубашку. Наклонившись, Иосиф припал губами к круглому, розовому шраму повыше локтя. "Когда ты меня осматривал, там, на корабле, — задыхаясь, обняв его, сказала Джо, — я думала, что сейчас умру от счастья. Дай, — она припала к его губам, прижалась к нему еле заметной грудью, — дай мне сделать это сейчас..."

— Нет, — Иосиф опустился на колени и стал раздевать ее, — сначала я. Подожди, — он остановил жену. Джо, почувствовав его губы, — задрожала, положив руки на темноволосую голову. "Я не смогу, — сказала она тихо, — не смогу терпеть..., я хочу закричать, — девушка откинулась назад. Иосиф, любуясь нежной, белой кожей, шепнул: "Кричи, любовь моя, сколько хочешь".

Она вцепилась жесткими пальцами в его плечи: "Как в море. Только свобода, только ветер в лицо, только шелест парусов над головой. Господи, спасибо тебе, спасибо за все".

Сено было мягким, пахло травами и цветами, и она казалась отлитой из лунного света. "Помнишь, — он устроил ее на себе, — я тебе сказал, на корабле, что все остальное, что буду делать с тобой — будет из-за любви?"

Джо отчаянно прикусила руку. Застонав, она закивала коротко стриженой головой. "Вот это, — он рассмеялся, — будет из-за любви, и это, — Джо ощутила его ловкие, сильные пальцы, — тоже".

Потом она встряхнула его за плечи и рыкнула, как львица: "Хочу!"

— Знаю, — муж нежно перевернул ее, — знаю, Черная Джо. Терпи, — он рассмеялся. Джо, потянувшись, обняв его всем телом, потребовала: "Сейчас!"

— Как первые люди, — подумала Джо, — в саду Эдемском. Господи, как хорошо, я вся его, вся и так будет всегда.

Потом он уложил ее на себя. Гладя по стриженой голове, целуя распухшие губы, Иосиф весело сказал: "Два года мне это снилось, каждую ночь, а теперь я намерен наверстать упущенное. Я тебя люблю".

Ее светло-голубые глаза мерцали, как звезды. Она потянулась всем худым, длинным телом, и прошептала ему на ухо: "Я тоже. Мы ведь можем не возвращаться завтра в город".

— Мы и не будем, — он провел пальцами по косточкам позвоночника и развернул ее: "Там есть что-то, к чему ты просто обязана прикоснуться. Вот так, да".

— А еще вот так, — томно проговорила Джо. Он, усадив ее удобнее, услышав ее сдавленный стон, подумал: "Сильнее смерти. Сильнее всего".

Она уже засыпала, угревшись у него под боком, прижавшись щекой к его большой ладони, как вдруг, смешливо сказала: "Завтра окунусь в ручей, как положено, и четыре дня тебе даже трогать меня нельзя".

— Еще чего, — Иосиф шлепнул ее пониже спины. "Руку отбить можно, — ворчливо рассмеялся он. "Потом, когда надо будет сходить в микву — сходишь. Я даже согласен на отдельной кровати спать, благо их у нас целых три сейчас. И прикасаться к тебе — тоже не буду, а пока дай мне, — он нежно прикоснулся губами к ее закрытым векам, — дай мне побыть с тобой, мое счастье. Пожалуйста".

mir-knigi.org

Джо обняла его. Она устроилась на его плече, щекоча ему ухо короткими волосами. "Хорошо, — томно сказала она, — уговорил".

— Девчонка, — ласково сказал Иосиф. "Спи, моя любимая, моя единственная девчонка, — он был не в силах разомкнуть руки, не в силах отпустить ее, — даже на мгновение. Джо, тепло, размеренно дыша, сонно кивнула головой: "Сплю".

Степан поднял голову и прислушался к звукам наверху — дети затихли. Он посмотрел на жену, что сидела со склоненной головой за столом в гостиной: "Я не верю ни одному твоему слову. Это мой старший брат, я его знаю всю мою жизнь, и я ему доверяю. Прекрати лгать, Лея".

Жена посмотрела на огни свечей и ничего не ответила.

— Надо разговаривать с женой мягко, — напомнил себе Степан. "Сказано же — их легче обидеть, они более склонны к слезам".

Он присел рядом, и, взял левой руку ее руку: "Ну, зачем ты это делаешь, милая? Ты же знаешь, я говорил тебе — это мой брат, и я никогда от него не откажусь. Да, он не еврей, но это же совсем неважно".

— Ты его любишь, больше чем меня, — зло сказала женщина. "Ты дочь свою любишь больше чем меня, больше, чем своего сына! Ты меня никогда не любил! Ты женился на мне только потому, что мой отец, благослови Господь память его — был главой ешивы!"

Степан помолчал. Откинувшись на спинку стула, не выпуская ее руки, он поднес к губам длинные, сильные пальцы.

— Нет меры любви, — спокойно ответил он, целуя их. "Нельзя сравнивать одних людей с другими, Лея. Я люблю тебя, и люблю своего брата, просто по-разному. А что касается детей, — он мимолетно улыбнулся, — то я их всех люблю одинаково. Ты же помнишь, что Ривка больше любила Яакова, а Исаак — Эсава. И помнишь, чем все закончилось. Тора велит нам не выделять кого-то из детей, и я этого никогда не сделаю".

Лея обвела глазами шкапы с книгами, полку с серебром, — подсвечники, ханукия, бокал для вина, и всхлипнула: "Тогда, два года назад, мне было очень больно, Авраам. И теперь, — она подышала и вытерла глаза, — я все время боюсь, что это повторится, потому, что ты меня не любишь..., — Лея наклонилась вперед. Смотря на кружевную скатерть, он велела себе не плакать.

Степан поднялся и обнял ее за плечи. "Я сделал ошибку, — тихо сказал он. "Но этого больше не случится, Лея, я тебе обещаю. А женился я на тебе, потому что любил тебя. И люблю, — он погладил ее по укрытой платком голове и улыбнулся: "Пойдем спать, с этой хупой был длинный день".

Но, даже чувствуя, как муж обнимает ее, слыша размеренный скрип кровати, Лея, на мгновение, открыла глаза и, посмотрев в угол комнаты, вздохнула: "Он все равно думает о них, я это знаю. О других женщинах. Мужчины все такие, слабые создания, нельзя им верить".

Муж глубоко выдохнул и замер. Поцеловав ее в щеку, он отстранился. Женщина сдвинула ноги, он встал с кровати. Лея, глядя в непроницаемую черноту спальни, напомнила себе: "Чем строже я буду, тем больше святости наполнит наш дом. Это моя ответственность, только моя. Надо следить за ним, — чтобы он не смотрел на других".

— Я тебя люблю, — раздался тихий голос мужа. Лея, сжав пальцы, стараясь, чтобы у нее не дрожал голос, глотая слезы, ответила: "Я тоже, Авраам".

Эпилог

Рим, осень 1780

В кабинете кардинала-префекта Римской и Вселенской Инквизиции, Карло Реццонико, приятно пахло сладостями и кофе.

Невидный прислужник в коричневой рясе, накрыв столик у раскрытого окна, — поклонился, исчезая в двери. Реццонико грузно поднялся. Он махнул рукой второму кардиналу — высокому, седоволосому, в отлично скроенной сутане.

— Засахаренные фиалки, — облизнулся инквизитор, — и миндальные пирожные. Мой повар меня балует. Садись, Алессандро.

Аллесандро Альбани, библиотекарь его святейшества, поиграл изящной серебряной ложечкой, и, глядя в серые глаза Реццонико, отпил кофе: "Ошибки быть не может, Карло. Я сделал анализ научных трудов, что были изданы семь-восемь лет назад. Сравнил их с теми рукописями, что он присылает из своего, — тонкие губы кардинала усмехнулись, — горного убежища. Это он, Джованни ди Амальфи. Стиль тот же, я в этом разбираюсь".

— Кроме тебя, меня и его святейшества, — Реццонико разгрыз фиалку, — об этом никто не должен знать. Он сидит в своей пещере…

— Фонте Авеллано все-таки аббатство, — рассмеялся библиотекарь, — там кельи, дорогой Карло. Но ты прав, очень уединенное место.

— Пусть там и остается, — велел Реццонико. "Большая удача, что он выжил в этой смуте, и еще большая — что потерял память. Очень надеюсь, что она к нему никогда не вернется". Кардинал поднялся и, порылся в бумагах на столе: "Мы его, разумеется, будем печатать под разными именами. У нас есть светские ученые, которые согласятся поставить свою подпись под его трудами".

Альбани повертел пальцами, и смахнул с губ крошки сахара: "Как-то это, Карло…"

— Ничего, — резко ответил инквизитор. "Господь нас простит, мы это делаем не для своей выгоды, а для славы церкви. Скажи мне, — Реццонико взял фарфоровую шкатулку для сигар и, чиркнув кресалом, закурил, — наш друг месье Корнель, например, пойдет на такое?"

Библиотекарь покачал головой. "Он очень щепетилен в подобных вещах. Мы с ним обсуждали его статью, об этом соленом озере, в Святой Земле, когда он тут был в августе. Я указал ему на то, что Шееле недавно напечатал работу, где говорит о своих поисках того ядовитого газа, — Альбани поморщился, — что тухлыми яйцами пахнет".

— Сернистый газ, — кивнул Реццонико. Заметив удивленные глаза библиотекаря, он сварливо добавил: "Я по должности обязан следить за открытиями, Алессандро, и определять политику церкви по отношению к науке. Иначе я гроша ломаного не дам ни за его святейшество, ни за все это, — он обвел широким жестом уютный, отделанный шелковыми панелями кабинет. "Надо завоевывать умы просвещенных людей, дорогой друг. Корнель, конечно, тут же выбросил часть своей статьи, где он пишет об этом газе, — усмехнулся инквизитор.

— Все-то ты знаешь, — развел руками кардинал Альбани.

— Он у меня сидел в том же кресле, что и ты, — Реццонико указал сигарой на окно, открытое в осенний, ласковый римский полдень. "Нам очень повезло, что покойный Пьетро, да пребудет он с Христом, уговорил этого Корнеля, русское его имя я произнести не могу, — кардинал рассмеялся, — на нас работать. Не поставит подпись, — Реццонико пожал плечами, — так и не надо, других найдем. А как себя ведет брат Джованни? — поинтересовался инквизитор.

Альбани откинулся в кресле. "Приходит раньше всех, уходит позже всех. Сидит в отдельной каморке — привык там, у себя в горах. Изучает рукописи синьора да Винчи и синьоры Бруно, те, — Альбано поднял бровь, — что мы никому не показываем".

— Очень правильно, что не показываем, и никогда не покажем, — пробормотал Реццонико. "Хорошо, что в Англии была гражданская война, граф Ноттингем, как сюда бежал — прихватил с собой архив дочери Бруно. Сделал вид, что он якобы в пожаре погиб. Что, наш монах паровой двигатель собирается построить, улучшить машину Уатта?"

— Самодвижущуюся тележку, — Альбано погладил бороду, сверкая кардинальским аметистом на пальце. "Он прототип в Пекине сделал, по старым чертежам, прошлого века. Утверждает, что она ездила".

Реццонико потушил сигару в пепельнице слоновой кости и позвонил в серебряный колокольчик.

— Тележку, значит. Так чтобы брат Джованни никуда с ней не сбежал, — он усмехнулся, — мы ему сейчас дадим послушание.

— Джакомо, принесите ту папку, из Святой Земли, — велел он прислужнику.

— Вот, — сказал Реццонико, усаживаясь напротив библиотекаря, беря еще одну фиалку, — ознакомься.

Альбано полистал рукописные бумаги и поднял бровь: "Пьетро Корвино?"

— Попался сентиментальный францисканец, — Реццонико выпил кофе, — он хоронил бедного Пьетро. Ребенок какой-то сумасшедшей еврейки, она умерла почти сразу после его рождения. Отец, разумеется, неизвестен. Кстати, а у нашего инженера были дети?

Альбано развел руками: "В научных статьях такого не пишут. И потом, он хоть и с итальянским именем, но англичанин. Его предок еще при королеве Елизавете туда перебрался. Так что, Карло, это твоя обязанность — такое узнавать".

— Какая разница, — зевнул Реццонико, — он ведь блаженный. Мальчишка скажет ему: "Папа!" и он сразу прослезится. Пусть берет воспитанника, тогда он от нас — точно никуда не денется.

— Умен ты, — Альбано почесал нос. "И правда, там, у него в монастыре, горный воздух, тишина — ребенку будет хорошо".

— Даже если бы и было плохо, — Реццонико поднялся, — меня бы это не интересовало. Детей сколько угодно, а брат Джованни — такой один. Мальчик сейчас у францисканцев, в монастыре Святого Исидора, на холме Пинчо. Скажешь брату Джованни, что лично его святейшество поручил ему воспитать маленького Пьетро верным слугой церкви.

Библиотекарь рассмеялся и налил себе кофе: "Не слишком ли много чести еврейскому ублюдку, пусть и крещеному?"

— Как я уже тебе сказал, — Реццонико зевнул, — судьба этого ребенка меня вообще не трогает. Он перекрестился на купол собора святого Петра, что был виден в окно, и довольно улыбнулся: "Отличная осень в этом году".

В монастырском саду росли высокие сосны, курлыкали голуби. Джованни, растерянно обернулся к кардиналу Альбано: "Но, ваше высокопреосвященство, я не уверен, что я справлюсь..., Я все-таки отшельник, монах..."

Альбано мягко подтолкнул его к двери: "Джованни, это послушание лично от его святейшества. Конечно, вы справитесь, Иисус и Божья Матерь будут наставлять вас".

— Если это действительно Джованни ди Амальфи, — подумал библиотекарь, когда они шли по гулкому, прохладному коридору, — то ему сейчас должно быть меньше тридцати. Побила его жизнь, ничего не скажешь, голова в седине. Монастырская тюрьма, конечно, здоровья не прибавляет, а он там год просидел, пока мы не вмешались.

— Ребенок, — Джованни остановился перед деревянной дверью, — я помню, у меня был ребенок. Девочка. Только она умерла, — он опять увидел перед собой пятна крови на холсте и трупик младенца, с рыженькой головой. "И жена у меня была, она тоже умерла. Не надо об этом говорить, зачем?"

С тех пор, как его отправили в Фонте Авеллано — монастырь отшельников, — он обрел покой. Голова болела все реже. Он работал, — приставленный к нему молчаливый курьер привозил из Рима книги. Джованни смотрел на фамилии авторов, узнавая, и не узнавая их. Открыв английскую книгу, он вспомнил еще и этот язык. Он уже примирился с тем, что никогда не услышит своего имени, никогда не поймет — кто он такой.

Дверь открылась. Тихий голос кардинала Альбано сказал ему на ухо: "Маленькому Пьетро полтора года".

Кудрявый, рыжеволосый мальчик, возился с игрушками на полу кельи. Он вскинул серо-зеленые, большие глаза. Бойко поднявшись, ребенок задрал голову: "Тележка!"

Он подошел к мужчинам. Монах, что читал Библию в углу, улыбнулся: "Пьетро у нас хороший мальчик, послушный, хлопот с ним не будет".

— На руки! — потребовал ребенок, внимательно разглядывая Джованни.

— Сирота, — понял мужчина. "Мне же Альбано говорил — его мать умерла, и отца у него нет. Как же я могу отказываться, у меня тоже — ни одной живой души на белом свете. Я его выращу, конечно".

Джованни присел. Пьетро, пыхтя, устроился у него на руках. Он был весь теплый, тяжеленький и, обняв Джованни за шею, велел: "Гулять!"

— Мы выйдем в сад, ваше высокопреосвященство..., - повернулся Джованни к Альбано и увидел, что тот улыбается.

— Конечно, друг мой, — мягко ответил библиотекарь, — конечно. Побудьте с вашим

воспитанником.

Альбано прислонился к мраморной колонне галереи. Они сидели на лужайке. Джованни строил крепость из сосновых шишек. Он наклонился к мальчику и шепнул ему что-то на ухо. "Бах! — радостно закричал Пьетро и крепость повалилась. Джованни рассмеялся и поцеловал ребенка в рыжий затылок.

— Храни их Господь, — почти искренне проговорил Альбано. Перекрестившись, улыбаясь, кардинал подставил лицо ласковому, осеннему солнцу.

Часть четырнадцатая

Париж, осень 1780

В маленькое, забранное решеткой окошко под каменным сводом подвала был виден кусочек синего, яркого неба.

Тяжелая, железная дверь со скрипом отворилась. Невысокий, белокурый человек, что сидел у простой конторки, отложил перо.

— Доброе утро, Поль, — сказал он вежливо. Охранник что-то пробурчал. Поставив на конторку медный поднос с завтраком, тюремщик с отвращением покосился на стопку исписанной бумаги.

— Все равно, — Поль занес в камеру деревянное ведро с водой и старую швабру, — у вас это, — он указал на конторку, — заберут. Комендант запретил вам передавать на волю рукописи, сами слышали.

Узник рассмеялся. Подвинув к себе поднос, он брезгливо поболтал грубой ложкой в каше. "Поль, — он поднял голубые глаза, — а что комендант делает с моими сочинениями? Я тут уже пару книг успел написать".

— Использует на растопку для камина, — ядовито ответил тюремщик, скребя шваброй по полу. "Доедайте, ваше превосходительство, и я вам отдам почту".

— Почту, — маркиз де Сад погладил элегантную бородку, — неужели мне еще кто-то пишет, Поль? Я уж думал — обо мне все забыли. А что, — он медленно, изящно ел, — мои письма вы тоже просматриваете?

— Разумеется, — Поль сильными руками выжал тряпку, — по распоряжению его величества короля Людовика. Впрочем, — он остановился у двери, — мы не можем отказывать вам в тех правах, которыми пользуются другие заключенные…

— Однако, — прервал его маркиз, вытирая губы холщовой салфеткой, — мне уже два года, как запретили гулять, даже во дворе замка.

— Даже, — передразнил его Поль. "Это за побег наказание было, господин маркиз. Подайте прошение господину коменданту, может быть, он пересмотрит свое указание. К тому же, вам разрешены посетители, не моя вина, — ехидно добавил тюремщик, забирая поднос, кладя на конторку маленький, сиреневый конверт, — что вас никто не хочет видеть".

Де Сад повертел в руках вскрытое письмо, глядя на широкую спину тюремщика:

— Вам, Поль, нравится бить вашу жену, правда ведь? Я видел ссадины у вас на костяшках пальцев и царапины на шее. Сначала вы ее бьете, потом насилуете, она сопротивляется. Вы вдыхаете запах крови и разъяряетесь еще сильнее. Мой вам совет, Поль — заведите для нее плеть.

Дверь с грохотом захлопнулась. Де Сад звонко рассмеялся.

Письмо было написано на тонкой, дорогой бумаге, летящим, красивым почерком. Маркиз раздул ноздри. Вдохнув запах лаванды, он стал читать.

— Ваше превосходительство! Слухи о вашем заточении дошли и до моего уединенного уголка Европы. Выражаю вам свои соболезнования, и надеюсь, что вскоре справедливость будет восстановлена.

Если вам разрешено принимать посетителей, я бы принес вам кое-какие свои сочинения, для того, чтобы получить ваше просвещенное мнение о моих скромных талантах.

В частности, ваше превосходительство, если вы следите за новостями, вы могли видеть мое творение два года назад, на страницах газеты Kjobenhavnske Danske Post-Tidender, что издается в Дании. Остаюсь вашим преданным слугой и почитателем, русский дворянин Волков.

Мой адрес — ящик 41. Главный почтамт города Парижа.

Де Сад повертел в руках письмо. Задумчиво повторив: "Ящик 41", — он потянулся за пером. Маркиз несколько мгновений сидел, смотря на чистый лист бумаги, а потом начал покрывать его комбинациями цифр.

— Кровь, — наконец, пробормотал он. "Простой шифр. Два года назад, в Копенгагене". Он нахмурился: "Это же в La Gazette, было, той осенью, как меня поймали. Девушка с вырезанными глазами, насмерть забитая плетью".

Узник взял еще один листок и начал писать. Закончив, маркиз посыпал бумагу песком. Пройдясь по камере, взглянув на лоскуток глубокой лазури в окне, он прислушался.

— Листья шелестят, — ласково сказал де Сад. "Птицы улетают. Пора и мне за ними, на юг. Там меня никто не найдет".

Он вернулся за конторку и, усмехаясь, засучил рукава потрепанной рубашки.

— А сейчас, — де Сад очинил перо, — мы попросим коменданта восстановить для меня прогулки. Смиренно попросим, искренне. Потому что мы раскаялись. Мы хотим, например, причаститься, исповедоваться. В общем, что-нибудь мне, да разрешат. Об остальном позаботится этот Волков, — де Сад замер и опять вдохнул запах лаванды.

— С большим вкусом человек, — одобрительно сказал маркиз и окунул перо в оловянную чернильницу.

Библиотекарь спустился с деревянной стремянки. Прижимая к груди книгу, он заглянул в боковую каморку. Двое мужчин, — помладше и постарше, — сидели, обложившись раскрытыми тетрадями.

— Вот, — библиотекарь подошел к ним, — как вы и просили, тот экземпляр Корана, по

которому работал сам Пти де ла Круа. С его пометками, — благоговейно добавил библиотекарь, осторожно кладя книгу на стол.

Мужчина помладше, — в сером сюртуке, — даже не поднял напудренной, русой головы. Он что-то писал, — медленно, то и дело, сверяясь со своими заметками. Тот, что постарше, одними губами сказал: "Спасибо". Библиотекарь, пятясь, вышел.

— Вот, — Дэниел стер пот со лба, — честное слово, месье Карстен, воевать — значительно проще. Он подвинул наставнику тетрадь.

— Проще, — пробормотал месье Нибур. Потянувшись за пером, профессор стал исправлять ошибки. Дэниел покраснел: "Глаза бы закрыть".

— Смотри и запоминай, — ворчливо велел его учитель. "Скажи спасибо, что я в Париж приехал, поработать в Королевской библиотеке, а так бы — сидел в Геттингене, преподавал бы, и мы с тобой — не встретились. Что воевать проще, я знаю. Я, когда в Йемене жил — тоже воевал, немного, правда. Я тогда был молодой дурак, считал, что саблю в руках легче держать, чем перо".

— Он был в Египте, на Аравийском полуострове, в Бомбее, в Персии, в Багдаде, в Константинополе, — зачарованно подумал Дэниел. "Господи, я по сравнению с ним — юнец совсем".

— Вот задание на следующий раз, — Нибур отдал ему тетрадь. "Текст, сегодняшний, переведи заново, — он упер карандаш в бумагу, — и упражнения сделай. Говоришь ты довольно бойко, а вот грамматикой надо как следует позаниматься. Султан Сиди Мохаммед — знаток Корана, арабской поэзии, просвещенный человек. Это тебе не на рынке торговаться, — Нибур коротко улыбнулся. "Коран возьми, посмотри на записи Пти де ла Круа, они тебе пригодятся".

Дэниел собрал тетради, и подхватил книгу. Нибур рассмеялся: "Торопишься. На свидание, что ли, опаздываешь?"

— Почти, — радостно ответил Дэниел. "В сад Тюильри иду".

Он сбежал по широкой, каменной лестнице. Раскрыв тяжелую, дубовую дверь, Дэниел увидел Теодора и Констанцу, что стояли на противоположной стороне улицы. Констанца вертела в руках рыжий лист, и внимательно слушала мужчину.

Она была в темно-синем, шерстяном платьице и такой же накидке. На руке висел аккуратный, маленький портфель телячьей кожи. "Марта ей подарила, — усмехнулся Дэниел, помахав им рукой. "Как раз для ее блокнота и карандашей".

— Вот дядя Дэниел, — сварливо сказал Федор, завидев мужчину, — он сейчас отведет тебя в парк, на ослике покатаешься.

Девочка скосила глаза и высунула язык. "Такой и останешься, — добродушно пообещал Федор. "Ну что тебе еще, Констанца — лабораторию я тебе показал, химические реакции — тоже…"

— Я хочу посмотреть, как делают порох, дядя Теодор, — упрямо ответила девочка. "И встретиться с месье Лавуазье, он великий ученый. Как мистер Франклин, — горячо добавила она.

mir-knigi.org

— В Арсенал не пускают гражданских лиц, — сердито проговорил Федор, — тем более — малолетних девочек.

Темные глаза Констанцы яростно заблестели. "Или мальчиков, — торопливо поправил себя Федор. "В общем, детей. А с Лавуазье я тебя познакомлю. Он на следующей неделе участвует в этом научном вечере, что мадам Марта устраивает".

Констанца вздохнула. Подождав, пока мужчины обменяются рукопожатиями, пошаркав ногой по земле, она сказала: "Хорошо, дядя Теодор, спасибо и на этом".

Мужчина расхохотался и потрепал ее по рыжему затылку.

— Все, — повернулся он к Дэниелу, вынув из жилетного кармана серебряные часы, — у меня лекция начинается. Увидимся, — он улыбнулся. Дэниел вспомнил слова Меира: "Непонятно, на кого он работает".

— Да ни на кого он не работает, просто ученый, — хмыкнул про себя мужчина, ведя Констанцу мимо Люксембургского дворца к реке.

— Месье Стефан Корнель проектировал этот сад, — раздался звонкий голосок девочки. "Я на родословном древе запись видела. Он был сыном того Теодора, что в Венеции строил. Дядя Дэниел, — Констанца взглянула на него, — а вы в Марокко разыщете тетю Изабеллу Корвино? Ту, что пираты в плен взяли? Мне дядя Теодор говорил, она его кузина".

— Очень постараюсь, — серьезно ответил Дэниел. "Мы же все — одна семья, Констанца". Он пропустил карету. Увидев на той стороне улицы цветочную лавку, мужчина попросил Констанцу: "Подожди меня тут, я быстро".

Девочка присела на гранитную тумбу. Открыв портфельчик, достав блокнот, Констанца покусала карандаш.

— Элемент будущего, — она стала быстро писать. "Оксид мурия, недавно открытый немецким химиком Шееле, в ходе лабораторных работ, проведенных в Арсенале, под руководством месье Лавуазье и месье Корнеля, показал потрясающие свойства..." Констанца задумалась. Исправив "потрясающие" на "выдающиеся", девочка опять склонилась над блокнотом.

Она и не заметила невысокого, изящно одетого мужчину в лилово-сером сюртуке, с фиолетовым галстуком. Тот, изучая афишу Comedie Francais, искоса рассматривал Констанцу.

— Девчонка из Бостона, — хмыкнул Мэтью. "Она и пригодится маркизу, я-то совсем маленьких не люблю, — он облизал губы и заставил себя не вспоминать о Тео. Он уже видел ее — толкаясь на галерке театра, вдыхая запах пота и чеснока.

Внизу, в ложе сидела его жена — блистающая изумрудами, с высокой, увитой жемчугом прической. Она поманила к себе мощного, рыжеволосого мужчину. Улыбаясь, Марта что-то сказала ему на ухо. Мэтью проследил за ними. Карета Тео было окружена поклонниками, и он не решился попадаться ей на глаза. Он увидел, как эти двое вошли в подъезд дома на рю Мобийон, в спальне — понял он, — зажгли свечи. Мэтью, презрительно сплюнув: "Шлюха!" — вернулся в свою каморку, в глубине трущоб, вокруг Бастилии. Тут он был немцем, герром Матиасом, из Эльзаса, рабочим.

— Месье Корнель, ученый, — напомнил себе Мэтью. Он поиграл золотой печаткой на мизинце, и спрятался за угол. Брат вышел на улицу. Взяв девочку за руку, Дэниел направился к Новому

мосту. "Морщины у него уже, — удивился Мэтью, — а ведь ему двадцать пять только. Хотя он воевал"

Мэтью подождал, пока русая голова Дэниела скроется из виду. Обаятельно улыбаясь, он толкнул дверь цветочной лавки.

— Месье, — предупредительно сказал хозяин.

Мэтью стер пот со лба. Еще шире улыбнувшись, он выдохнул:

— Успел. Тут сейчас был мой брат старший, месье Дэниел Вулф. Он, наверняка, посылал цветы нашей матушке, она живет на рю Мобийон. Только он всегда забывает, что матушка не переносит запаха роз. Не хотелось бы, чтобы у нее болела голова. Проверьте, пожалуйста, если он сделал ошибку — я заменю букет.

— Матушка меня простит, упокой Господи ее душу, — смешливо подумал Мэтью, перебирая длинными, красивыми пальцами орхидеи, что стояли в фаянсовой, дельфтской вазе.

Лавочник показал ему запись в большой конторской книге: "Розы-то розы, только не на рю Мобийон, а на набережную Августинок. Адрес известный, туда половина Парижа цветы отправляет. Для мадемуазель Бенджаман, нашей звезды театра, — хозяин восторженно закатил глаза.

— Большое вам спасибо, теперь я спокоен, — Мэтью выбрал себе бутоньерку. Расплатившись, весело насвистывая, мужчина пошел на другой берег реки — к почтамту.

На мраморный пол умывальной были брошены шелковые, влажные полотенца. "Ты слышала, — Тео томно потянулась, — на той неделе, на обеде, наш посол в Стамбуле рассказывал о турецких банях? Вот бы и нам их завести".

Женщины сидели в большой медной ванне. Марта, взяв с комода фарфоровую миску, стала размазывать по смуглым плечам подруги какую-то пасту. Запахло розами. Тео зевнула: "Потом я тебе спину разотру, эти флорентийские средства очень хороши для кожи".

Марта прополоскала руки и заколола повыше влажные, бронзовые волосы: "Когда Жанна из Лиона возвращается?"

— Через месяц где-то, — Тео чуть слышно застонала: "Вот так, хорошо. Теперь ты поворачивайся".

Она посмотрела на худую, с выступающими лопатками спину Марты: "Ткани надо заказывать прямо на мануфактурах. Так дешевле, и у Жанны отличный вкус. Сейчас там как раз столпотворение, в Лионе показывают образцы того, что будут носить следующим летом. Так что не беспокойся — она и нас оденет, и тебя, и даже Теодора".

— Маленького Теодора, — Марта почувствовала сильные пальцы подруги и блаженно улыбнулась. "Большой Теодор предпочитает английские ткани".

— Помяни мое слово, — сказала Тео, растирая ее, — тощие еще долго будут в моде. Это у нас, в театре, публика за свои деньги хочет видеть грудь и бедра, а так, — она стала поливать Марту теплой водой, — королева костлявая, как ты, и все ей подражают.

— Теперь ложись на кушетку, — велела Марта, когда они вылезли из ванны. Она взяла серебряный флакон и хмыкнула: "Сахар, уксус и вода. Очень простая вещь, научи Жанну, когда она вернется. Еще нужны полоски бумаги. Только ноги, или руки тоже?"

— Все, — Тео закрыла глаза. Она посмотрела из-под ресниц на подругу: "Когда вернется Жанна. Господи, что я ей скажу, бедной девочке? Она там ткани для меня покупает, а я..., Но я не могу, совсем ничего не могу сделать".

Башни собора Парижской Богоматери купались в расплавленном золоте заката. Тео, запахнув кашемировую шаль, допивая кофе, исподтишка посмотрела на Дэниела. Он стоял, прислонившись к перилам балкона: "Смешно. Мы с тобой четыре года не виделись, а ты совсем не изменилась, только еще похорошела".

— Хотя куда же еще, — мужчина любовался темными, неприкрытыми волосами, рассыпавшимися по ее плечам, изящной ногой в атласной, домашней туфле, что виднелась из-под подола ее шелкового платья.

— Франклин, — Дэниел откашлялся, — тобой очень доволен. Говорит, лучшего теневого посла и придумать нельзя было.

Смуглые щеки Тео покраснели. Она, глядя куда-то вдаль, ответила: "Меня Меир хорошо подготовил, когда мы сюда плыли. Так он на сестре Иосифа женился? — Тео ласково улыбнулась. "Он мне очень понравился, Иосиф, и Джо тоже, и Аарон. Они, наверное, тоже — повенчались уже в Иерусалиме. Иосиф у меня тут, — она махнула рукой в сторону квартиры, — операцию делал племяннице месье Корнеля".

— Он мне рассказывал, — Дэниел помолчал и неловко спросил: "А ты — замуж не собираешься, Тео?"

Девушка вздохнула: "Я же актриса. У нас есть, конечно, замужние в труппе, но они все с актерами живут, так легче. Обычным мужьям, — она поиграла жемчужным браслетом, — не нравится, когда жена на сцене, Дэниел".

— В Америке, — он присел напротив и внимательно взглянул на нее, — театра нет, Тео. А так хочется, чтобы был!"

Его зеленовато-голубые глаза заблестели: "Я, когда с Теодором и Мартой на "Федру" пошел, с тобой в главной роли, сидел и просил про себя — только бы это никогда не закончилось".

Тео рассмеялась: "Я сейчас "Аталию" репетирую. Как раз вернешься в следующем году из Марокко — и мы выпустим премьеру".

— Да что это со мной? — сердито подумала девушка, чувствуя, как горит у нее лицо. "Ты же обещала себе, — напомнила она, — обещала, не смотреть на мужчин. Все равно — ты урод, и ничего из этого не выйдет. И Жанне будет больно, зачем это делать?"

— Я бы, — тихо сказал Дэниел, наливая себе кофе, — если бы у меня была такая жена, как ты, — никогда бы не ревновал. Я бы просто приходил каждый вечер в театр и любовался ей. И был бы горд, что она выбрала меня.

Длинные, смуглые пальцы Тео скомкали край шали. Она почувствовала, как бьется ее сердце — часто, прерывисто. "Это же Дэниел, — напомнила себе девушка. "Вы росли вместе, вместе учились".

Он стал совсем другим. Красивое, загорелое лицо больше не было юношеским — перед ней сидел мужчина. Тео заметила тонкие морщины в уголках его глаз: "А тебя сколько раз ранили, Дэниел?"

— Три, — он усмехнулся. "Но я очень надеюсь, что больше этого не случится — хватит уже воевать. Надо заниматься мирными делами, — заботиться о финансах страны, идти дальше, на запад, — он чуть помрачнел. Тео вздохнула про себя: "Бедная Мирьям, не говорит он об этом, но видно — ему все еще тяжело".

— И открывать театры, — закончил Дэниел. Тео невольно рассмеялась: "С этим можно и подождать".

— Вовсе нет, — немного обиженно ответил он. "Так и вижу перед собой афишу — мисс Тео Бенджамин в роли "Аталии", в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне".

— В Нью-Йорке пока что англичане сидят, — заметила Тео. Дэниел уверенно отозвался: "Выбьем. Скажи мне, — он замялся, — а тот салон, что у Марты..."

Тео внезапно потянулась и коснулась его руки — мужчина вздрогнул. "Против своей страны она не работает, и никогда не будет, — тихо сказала девушка. "А остальное, Дэниел — черные ресницы дрогнули, — вы же все — одна семья, не ссорьтесь друг с другом из-за этого".

— А я — не семья, — горько подумала Тео, — и никогда ей не стану. Даже Жанна — и то им всем родственница. Я, — она вздохнула про себя, — так, приживалка. Бывшая рабыня, никто".

— Не будем, — он кивнул: "Тем более, что я вообще — дипломат, я таким не занимаюсь, Тео".

Внизу, на набережной Августинок было уже сумрачно, зажигались масляные фонари. Дэниел тихо проговорил: "Семья. Знаешь, я же столько лет один живу, Тео. Вот сейчас сидим с тобой — и мне отчаянно не хочется возвращаться к мистеру Франклину, там неубрано и все табаком пропахло, — он замолчал.

Тео, ничего не сказав, поднявшись, — вдруг схватилась за кованые перила балкона. Его рука была твердой, теплой, надежной. Тео, отвернув голову, шепнула: "Спасибо, Дэниел. Извини, просто голова отчего-то закружилась".

Она ушла в комнаты, а Дэниел все стоял, глядя ей вслед.

Марта повертелась перед зеркалом: "Все-таки мне очень идет этот шелк — старая медь. Так, — она взглянула на бронзовые часы, — я в парк Тюильри, заберу Теодора и Констанцу. Дэниел просил пораньше прийти, у него дела какие-то"

— Да, — Тео посмотрела в угол передней, избегая прямого, твердого взгляда зеленых глаз. "А что Констанца, приедут за ней из Лондона? — спросила девушка.

Марта вздернула ухоженную бровь. "Весточку я отправила. Но, сама понимаешь, обычные корабли сейчас в проливе не ходят, война. Так что надо ждать. Давай, — она поднялась на цыпочки и поцеловала подругу в щеку, — у тебя же сегодня нет спектакля, ложись и спи.

В дверь постучали. Марта впустила посыльного из цветочной лавки: "Очередной поклонник, только в этот раз — алые розы".

Тео послушала, как цокают ее каблучки по лестнице. Дав мальчику на чай, она спрятала

пылающее лицо в огромном букете.

— А месье Корнель, как и обещал, — каждую неделю белые розы присылает, — отчего-то подумала девушка. "Впрочем, он всегда делает то, что обещал, месье Теодор".

Позвонив, она велела служанке: "Поставьте в столовой, пожалуйста. Я сегодня ужинаю с месье Вулфом, вдвоем. Когда накроете на стол — можете быть свободной".

Горничная присела. Тео, пройдя в свою спальню, закрыв дверь, — бросилась на огромную, с шелковыми подушками, кровать. Она перевернулась на спину, и, глядя на кружевной балдахин, сплела длинные пальцы: "Один раз, один только раз. Наверняка, я опять ничего не почувствую. Но, Господи, как, же мне хочется, чтобы стало иначе…"

Девушка закрыла глаза. Глубоко, отчаянно, вздохнув, она повторила: "Один раз".

В саду Тюильри пахло влажной землей, — ночью шел дождь, — и каштанами. Марта медленно шла по песчаной дорожке, раскланиваясь со знакомыми, вдыхая запах последних, увядающих, осенних цветов.

Она вспомнила аромат жасмина тем жарким, лондонским летом, два года назад: "Наверное, Питер сам приедет за Констанцей, все же его племянница. Хотя опасно это, надо на рыбацкой лодке добираться. А его светлость обещал навестить, и забыл. Хотя, конечно, у него, кроме нас, других забот хватает. Работа делается, донесения посылаются, а остальное…, - она вздохнула. Помахав рукой, Марта услышала крик Тедди: "Мама пришла!"

Он сидел в большой деревянной тележке, с другими детьми. Маленький, мышиного цвета ослик, повел ушами и бодро зашагал по кругу.

Марта опустилась на скамейку рядом с Дэниелом и Констанцей и поинтересовалась: "А ты почему не катаешься?"

— Это для маленьких, тетя Марта, — возмущенно сказала девочка. "Вы знаете, что дядя Теодор и месье Лавуазье проводят опыты с оксидом мурия? Это смертельно ядовитый газ! — важно добавила Констанца.

— Очень надеюсь, что они надевают маски, — пробормотала Марта. Дэниел сидел, улыбаясь, глядя на детей в тележке.

— Теодор мне говорил, — мужчина посмотрел на невестку, — что маленького уже верховой езде учит. Мой племянник скоро и стрелять начнет, мне, — Дэниел запнулся, — отец в пять лет пистолет подарил.

Около рта Марты легла жесткая складка. Дэниел отругал себя: "Кто тебя тянул за язык! Вообще не упоминай при ней об отце, зачем это?"

Женщина внезапно рассмеялась, проследив глазами за каштановой, кудрявой головой сына: "Маленький Тедди тоже — будет стрельбой заниматься. Она посмотрела на изящные, золотые часы, привешенные к браслету, и, перехватила взгляд Дэниела: "Месье Корнель подарил весной, на рождение мое, как он в Святую Землю уезжал. Очень тонкая работа, часовщики только недавно научились такие делать. Пора, Констанца, — она потормошила девочку, — придем домой, Тедди отправится спать, а мы позанимаемся".

mir-knigi.org

— Тетя Марта отлично знает математику, — с достоинством сказала Констанца, поднимаясь, — вы знаете, дядя Дэниел, она ведь расчеты делает, для Арсенала.

— Как это Теодор сказал, — усмехнулась Марта, заправляя за ухо бронзовую прядь, — сейчас выигрывает тот, на чьей стороне наука. Делаю расчеты, узнаю сведения о вооружении армии, и отправляю их в Англию. Джон ведь написал: "Ни один уважающий себя ученый не будет пользоваться чужими достижениями, уж такие они люди, поэтому просто передавай мне цифры. Господь с ними, с этими химическими открытиями".

Мальчик слез с тележки и подбежав к Марте, уткнулся головой в ее шелковую юбку. "Ты же мой хороший, — заворковала женщина, — попрощайся с дядей Дэниелом и пойдем. Тебя дома ждет ванна".

— Брат, — подумал Дэниел, целуя пухлую, еще по-летнему загорелую щечку. Мальчик оправил свое бархатное платьице. Он грустно сказал, подергав Дэниела за полу сюртука: "Приходи к нам. С моими солдатиками поиграем. Я буду скучать, когда ты уедешь".

— Я тебе помогу, Марта, провожу до рю Мобийон, у меня еще есть время, — Дэниел поднялся и, подхватив брата, подбросил его. Тедди блаженно засмеялся. Обняв мужчину, ребенок прикорнул у него на плече.

Они шли к выходу. Дэниел рассматривал изумрудную сережку в нежном ухе женщины: "Все-таки она живет с месье Корнелем. Он там ночует, в ее квартире, два или три раза в неделю. Они бы и поженились, только вот Мэтью..., Хоть бы с ним что-нибудь случилось, а то жалко — видно, что Марта и Теодор друг друга любят. И с мальчиком он возится, как с собственным сыном".

— В Лондоне, — важно сказала Констанца, выходя из ворот, — у меня будет учителя математики, химии и английского языка. Когда я вырасту, я буду писать о науке. Мне надо в ней хорошо разбираться, тетя Марта, правда, ведь?

— Конечно, — рассмеялась женщина, — а то почитаешь La Gazette и за голову хватаешься — репортеры все, что угодно переврут. Но ты, — она наклонилась и поцеловала рыжую голову, — будешь не таким журналистом, Констанца, я уверена.

Они и не обратили внимания на невысокого человека в холщовой куртке мастерового, с коротко остриженными, золотистыми волосами. Он стоял напротив выхода из сада, рассматривая витрину книжной лавки.

— Сучка, мерзавка, — застонал про себя Мэтью, — гадина проклятая. Я же своими глазами похороны этого ублюдка видел, и могилу тоже. Теперь и в Лондон не поедешь, за деньгами, — надо опять от дорогого брата избавляться. И от нее. Хватит, зажилась моя жена на белом свете. Так, — он потер нос и вспомнил полученное на почтамте письмо, — это все подождет. Сначала узнаю, зачем мой старший брат послал пять десятков роз нашей милой сестрице Тео, — он ласково погладил свою суму и услышал сухой голос нотариуса:

— Разумеется, месье Бенджамин-Вулф, эта дарственная имеет силу на территории Франции. Вы иностранный подданный, штата Виргиния. Вы имеете полное право забрать свою рабыню назад, она — ваша собственность.

— Собственность, — раздув ноздри, повторил Мэтью. Он зашагал к набережной Августинок. "Если Дэниел с ней переспит, и я ему скажу, что Тео — наша сестра, он в петлю полезет, — смешливо размышлял Мэтью, проталкиваясь через толпу на мостовой.

Был ранний, теплый осенний вечер, с реки дул легкий ветер. Мэтью, остановившись у лавки зеленщика, купил спелую, сладкую грушу.

— Полезет — повторил он, вытирая с губ сок, выбрасывая огрызок в Сену. "Он, как наша матушка — совестливый. Она ведь повесилась, когда узнала, что папа со своей сестрой жил. Не зря я кое с кем из старых надсмотрщиков в имении поговорил. Золото быстро языки развязывает. Так что ни младшего брата у меня не будет, ни старшего, — Мэтью ухмыльнулся. Сняв со спины удилище, прикрыв золотистую голову суконной шапкой мастерового, он устроился ловить рыбу прямо напротив дома сестры.

Стол был накрыт на двоих. Тео, сидя напротив Дэниела, весело сказала: "Ты пей, это моэт, из того ящика, что граф д’Артуа прислал. В Марокко магометане, там вина уже не достанешь. Мистер Франклин мне рассказывал о договоре, что ты едешь заключать. Сложно будет? — девушка отложила серебряную вилку. Подперев смуглый подбородок рукой, она посмотрела на Дэниела.

— Господи, — подумал он, — какие у нее глаза. Как самая черная ночь, с золотистыми звездами. И ресницы такие длинные.

— Непросто, — он улыбнулся, поливая устрицы лимонным соком, — все-таки, это наше первое соглашение о дружбе. Надеюсь, что султан Сиди Мохаммед проявит к нам благосклонность. Но это дело долгое, — вздохнул Дэниел, — вряд ли я раньше следующей весны вернусь.

Когда Тео внесла тыквенный пирог, он рассмеялся: "Совсем как дома. Спасибо тебе большое".

— Я подумала, — девушка стала разливать кофе, — что тебе будет приятно поесть нашей еды.

— Жареного опоссума, — расхохотался Дэниел. "Дедушка Франсуа его любил, я помню. Или рагу из белок, тут и не достать такого. Впрочем, в Бостоне тоже этого не едят. Только у нас, в горах, на юге".

— Я так рада, что у Салли и Ната все хорошо, — Тео смотрела на колеблющиеся огоньки свечей, — и матушка его на свободе, и дочка у них родилась. Счастливые.

— А ты бы — хотела детей, Тео? — тихо спросил Дэниел. "Я смотрю на Марту, дочку Фрименов, на маленького Тедди, и думаю, — а у меня, когда-нибудь, будут дети?"

— Хотела бы, — после долгого молчания ответила девушка. "Но мало у кого в театре есть семья, это сложно — возвращаться на сцену после такого. У меня была наставница, мадемуазель Ленорман, бывшая актриса, она умерла тем годом, — она ушла из театра, когда у нее дитя появилось. Только ведь, — тоскливо проговорила Тео, — я бы хотела сначала полюбить, Дэниел. Я ведь и не любила никого.

— Я думал, что любил, — он поднялся, и, расстегнув сюртук, прислонился к косяку двери, что выходила на балкон. "Кто-то рыбу удит, — подумал Дэниел, — надо же, как поздно. Господи, не могу я так. Она ведь тоже — не любит меня, опять все будет — из-за одиночества. Не надо, не надо".

— Думал, — повторил он. "Мирьям покойную, и еще одну женщину, она замуж вышла потом. Не за меня, — усмехнулся мужчина.

— Меня любил один человек, — шелковое платье зашуршало рядом с ним, запахло розами. Она

оказалась рядом — высокая, вровень ему. "То есть, я ему нравилась, — Тео покраснела: "А месье Корнель? Но я его не люблю, совсем, он просто — хороший друг. И Жанна — это иное, совсем иное".

— Я тебе хочу рассказать кое-что, — тихо сказала Тео. "Я об этом никогда, никому не говорила, Дэниел".

Он слушал. Потом, взяв смуглую, изящную руку, прижавшись к ней губами, Дэниел шепнул: "Я его сам, Тео — убью. Обещаю тебе. Пусть он мой брат, он мерзавец, каких поискать, преступник, нельзя его жалеть".

На ее ресницах повисла алмазная слеза. Девушка всхлипнула: "Я тебя не просто так пригласила на ужин, Дэниел".

— Я понял, — смешливо сказал он, все еще не отрываясь от нежной кожи. "А я не просто так сказал, что хочу увидеть первый американский театр, и тебя в нем. Тео, — он поднял глаза, — Тео, не плачь, пожалуйста…"

В его объятьях было уютно, от него пахло чем-то теплым, пряным. Положив голову ему на плечо, тихо, прерывисто дыша, она сказала: "Прости меня. Я боюсь, Дэниел. Боюсь, что все будет не так, как надо. Боюсь, что тебе будет со мной плохо…."

— Это все потом, — отмахнулся Дэниел, и нежно взял ее лицо в ладони: "Ты только скажи мне — ты выйдешь за меня замуж?"

Тео помолчала. Прикусив гранатовые губы, девушка робко ответила: "Нельзя. Я хоть и свободный человек, но все равно — цветная. В колониях нас не поженят, Дэниел".

— Это будет следующая вещь, которую мы отменим, после рабства — уверил ее мужчина. "Мы можем пожениться тут, в Париже, а жить в Пенсильвании — у них разрешены такие браки, хотя я клянусь — мы избавимся от этой дикости и мракобесия во всей Америке, Тео".

— Тебе будет со мной плохо, — упрямо добавила девушка, вздохнув про себя: "И мне тоже".

— Давай я сам решу, — Дэниел привлек ее к себе. У нее были мягкие, покорные, сухие губы. Тео, откинув голову, шепнула: "А если я не захочу бросать театр, Дэниел?"

— Не надо, конечно, — он легко поднял девушку на руки, атласные туфли упали на каменные плиты балкона. Она, прижавшись к нему, услышала ласковый голос: "Не надо, Тео. Мы будем жить тут, в Париже. Я каждый вечер буду сидеть в ложе, и любоваться тобой".

— Тебе надоест, — хихикнула Тео.

— Никогда, — уверенно ответил Дэниел и понес ее в спальню.

Рыбак внизу вытащил из реки удилище: "Вот завтра и навещу родного брата. Он в "Прокопе" кофе пьет, после обеда. В комнаты к нему приходить опасно — там этот Франклин, еще наткнусь на него. А в кафе Дэниел меня не убьет, побоится. Да что это я — он вообще меня не убьет, рука не поднимется".

Мэтью взял плетеную корзину с уловом и бодро зашагал к Новому мосту.

— Хозяину отдам, — подумал мужчина, — пусть зажарит. Значит, завтра с утра — в Венсенн, к

маркизу, надо будет с собой русские документы взять. Не зря я за них, столько заплатил, пусть работают. Потом повидаю старшего брата, а там и до младшего дело дойдет. Париж меня надолго запомнит, — он перекрестился на башни собора и пошел дальше.

Тео проснулась от запаха кофе. На серебряном подносе лежало несколько алых роз. Она блаженно улыбнулась, и услышала голос Дэниела: "Ты спала, а я тобой любовался, все не мог глаз отвести".

— Скоро слуги придут, — озабоченно сказала девушка, оглядывая разбросанные подушки и простыни. "Надо все это убрать, а то неудобно получится". Она вдруг спрятала глаза и пробормотала: "Дэниел, я не знала, что, так…что так бывает".

Он забрал у нее чашку с кофе. Поставив поднос на персидский ковер, Дэниел обнял ее: "Теперь так будет всегда, любовь моя". От нее пахло розами, на смуглой, нежной шее виднелись синяки, темные, спутанные волосы упали ему на плечо.

— Так хорошо, — простонала Тео, оказавшись сверху, наклонившись, целуя его. "Еще, еще хочу, Дэниел!". Он прижал ее к себе и шепнул на ухо: "Потом я тут все приведу в порядок и пойду заниматься, а ты — будешь спать. Вечером я увижу тебя в театре, а завтра мы отправимся к священнику".

— Тут католики, — тяжело дыша, чувствуя его руку, успела выговорить Тео.

— Да хоть бы и магометане, — усмехнулся он, гладя ее по голове, и сам — еле сдерживая крик. "Так, как ночью…, - умоляюще попросила девушка. "Пожалуйста…, мне так нравится, так нравится…"

— Господи, — подумала она, распростершись на постели, хватаясь раскинутыми руками за шелковое покрывало, — спасибо тебе. Со мной все хорошо, все хорошо. А Жанна? — внезапно подумала она. "Бедная моя, она же плакать будет. Как я могу ее бросить, она меня так любит. Но что, же делать, я ведь семью хочу, детей…., - Тео откинула голову назад, и, закричав, — привлекла мужчину к себе.

— Это другое, — Дэниел целовал ее смуглые плечи, тонкую, выступающую косточку ключицы, большую, тяжелую, сладкую грудь. "Другое. Тогда, с Эстер — это было от одиночества, а мы с Тео любим друг друга. Господи, я не верю…, - он ощутил ее нежные пальцы и рассмеялся: "Скоро мы поженимся, и тогда уже можно будет ничего такого не делать, любовь моя. Можно будет сразу начинать думать о детях".

Тео заметно покраснела. Укладывая его на спину, наклонившись, закрывшись растрепанными, длинными волосами, что спускались ей на бедра, она пообещала: "Обязательно. А сейчас, отдыхай, милый мой".

— Будем жить тут, — счастливо сказал себе Дэниел. "Вернусь из Марокко и попрошу, чтобы меня оставили в Париже. Франклин же говорил, что он хочет домой поехать, устал, да и лет ему много. А мне двадцать пять, — он улыбнулся, — и Тео двадцать один. У нас все впереди".

Потом они лежали, обнявшись, зевая. Дэниел, поглаживая ее по плечу, велел: "Спи. У тебя спектакль, тебе надо отдохнуть. Я тебя люблю".

— Я тебя тоже, — ласково потянулась к нему Тео. Мужчина, целуя длинные ресницы, еще раз повторил: "Спи".

Уже выйдя на набережную Августинок, он остановился — раннее утро было тихим, над островом Сен-Луи всходило солнце, в Сене лениво плескала какая-то рыба. Дэниел посмотрел на ее окна, и улыбнулся: "Люблю тебя".

Мэтью оглядел себя перед большим, в резной оправе зеркалом, и остался доволен — напудренный парик скрывал коротко остриженные волосы, серо-лиловый сюртук был украшен бутоньеркой. Он положил руку на эфес шпаги — черненого серебра: "Я смотрю, слуги маркиза держат эти комнаты в полном порядке".

Де Сад передал ему ключи от квартиры — неподалеку от рю Мобийон. Мэтью вспомнил голубые, пристальные глаза маркиза и его тихий голос: "Мне разрешили прогулки, месье Волков. Каждый день, после завтрака, во дворе замка. Так что жду вас, чем скорее, тем лучше".

— Дом я снял, — Мэтью оскалил в улыбке красивые зубы, — там же, в деревне, рядом с Венсенном. Будем развлекаться вместе, маркиз с этой девчонкой, а я — с Тео. Потом избавлюсь от жены с ребенком — и в Лондон, вступать в права наследства. А потом домой, — он раздул ноздри, и не выдержал, — расстегнулся. Он смотрел на себя в зеркало и вспоминал маленький домик, что он купил под Санкт-Петербургом, вспоминал девушку, — исхлестанную плетью, с окровавленной повязкой на глазах, стоявшую на коленях, покорно открыв рот. Потом он сорвал повязку. Любуясь изуродованным лицом, Мэтью, ласково сказал по-французски: "Ты такая красивая, любовь моя, такая красивая. Иди сюда".

Девушка мелко задрожала. Она говорила только по-русски, Мэтью купил ее и вторую, — ту, что сейчас умирала в подвале, с разорванным животом и выколотыми глазами, — за пятьдесят рублей.

— Сущие копейки, — подумал он, резко рванув девушку к себе.

— Хорошо, — медленно сказал Мэтью, потянувшись за ножом. Ножи были отличной, немецкой работы, он купил их в Гамбурге. Укусить его она не могла — все зубы он вырвал еще давно. Держа ее одной рукой, Мэтью легким, точным движением вырезал язык. Изо рта девушки хлынул поток крови. Мэтью, застонав, почувствовав ее жаркое, сладкое тепло — закрыл глаза.

Он еще долго стоял, тяжело дыша. Потом, почистив зеркало, застегнувшись, посмотрев на легкий румянец у себя на щеках, Мэтью закрыл дверь. Сбежав по лестнице, он пошел к рю де Фоссе-Сен-Жермен, к "Прокопу".

Дэниел сидел, переводя отрывок из Корана на французский, изредка отхлебывая уже остывший кофе. "Хоть бы не курили так здесь, — подумал он, — вся одежда уже пропахла. Впрочем, что это я — Франклин тоже курит. Говорят, в Марокко кальяны, вот его я бы попробовал. Там табак с ароматическими маслами. С розами".

Подумав о розах, он сразу же вспомнил Тео, и сердито велел себе: "Еще полчаса. Закончишь этот отрывок, закажешь горячего кофе, и думай о ней, сколько хочешь. Впрочем, нет, тут же люди вокруг, — мужчина улыбнулся. "Все равно, мы скоро поженимся".

— Добрый день, — услышал он сверху вежливый, знакомый голос. Дэниел поднял глаза. Брат стоял, наклонив голову набок, смешливо рассматривая его.

— Пистолета у тебя нет, — сказал Мэтью, доставая из-за отворота сюртука какую-то бумагу. "Не принято, дорогой брат, в кафе с пистолетом ходить. И шпаги — он усмехнулся, — тоже

нет".

— Мерзавец…, - Дэниел встал и увидел, как люди вокруг замолкли. "Не устраивай сцен, дорогой брат, — спокойно посоветовал ему Мэтью. Сев, он щелкнул пальцами: "Свежего кофе, месье".

Он достал из кармана плоскую шкатулку розового дерева. Откусив кончик сигары, выплюнув его на покрытый опилками деревянный пол, Мэтью закурил.

— Как отец, — вспомнил Дэниел. "Господи, о чем это я — он же убийца. Он троих на тот свет отправил. Мне Марта говорила, что в Копенгагене — тоже труп девушки нашли".

— Ты почитай, — лениво посоветовал Мэтью, принимая от официанта кофейник. "Это нотариально заверенная копия части завещания нашего дорогого отца, упокой Господи его душу. У нас, Дэниел, сестра есть".

Дэниел смотрел на лист бумаги. Буквы запрыгали перед его глазами. Он едва успел разобрать: "Тео Бенджамин-Вулф, 1759 года рождения…признаю законной дочерью…, назначаю выплату в 300 футов…, пожизненно".

— Сумма не такая большая, — сказал Мэтью, выпуская клубы дыма, — но Тео обрадуется, думаю. Ты ей это отнесешь? — он похлопал ладонью по бумаге.

— Ого, как постарел, — присвистнул про себя Мэтью, увидев наполненные страданием глаза брата. "Не думал я, что люди так быстро могут меняться. Наверняка, в петлю полезет".

Дэниел едва заставил себя встать. Он пошатнулся: "Нет, нет, я не могу. Как после этого жить? Кто этот человек? — он взглянул на изящного мужчину с ореховыми глазами, что сидел напротив.

— Или разум потеряет, — Мэтью проводил глазами брата, что выбежал из кофейни. "Мне все равно, главное, что я от него избавлюсь". Он подозвал официанта и велел: "Вы сложите вещи месье Вулфа, хотя я не думаю, что он вернется".

Мэтью затушил сигару: "И этот кофейник поставьте в его счет, пожалуйста".

В комнатах Франклина никого не было. Дэниел прошел к себе. Едва взглянув на заваленный бумагами рабочий стол, он достал шкатулку с пистолетами. Руки, — он посмотрел на свои пальцы, — тряслись.

— Надо записку оставить, — вдруг, горько приказал он себе. "Для нее. Иначе нельзя. Господи, нет мне прощения, нет, и не может быть". Он вспомнил ее горячий шепот ночью. Потом перед его глазами встала она, — в костюме Федры, — и Дэниел услышал:

— На мне лежит вина.

По воле высших сил была я зажжена

Кровосмесительной, неодолимой страстью…

— Это не Тео, — Дэниел уронил голову в руки, — это я, я во всем виноват.

Он вытер слезы с лица, и, проверив пистолет, положив его рядом — начал писать.

Марта закрыла дверь кабинета. Присев к столу, она распечатала письма. Их передавали в саду Тюильри — разные люди, то пожилая, похожая на няньку или служанку, женщина, то разносчик лимонада, то шарманщик.

Она отложила записку для Теодора, и взяла свой конверт.

— Дорогая Марта, — читала она, — я сам хотел приехать за Констанцей, но его светлость мне запретил — незачем, как он сказал, зря рисковать. Ее заберет надежный человек, который скоро появится в Париже. Твой адрес он знает. Передай ей, что ее кузен Майкл с нетерпением ждет знакомства. Также вкладываю послание от моего стряпчего, мистера Бромли для мадемуазель Тео Бенджаман, я знаю, что вы знакомы. Он прочитал в газете о том, что мадемуазель Тео — актриса Comedie Francais, и сразу попросил меня как-то с ней связаться. Жду тебя и маленького Тедди в Лондоне, и остаюсь твоим преданным слугой, мистер Питер Кроу.

Марта повертела в руках конверт с вытисненной надписью "Бромли и сыновья, поверенные в делах", и, хмыкнув, — позвонила.

— Мари, — сказала она горничной, — я выйду ненадолго, прогуляюсь. Если дети проснутся — подайте им шоколад с вафлями.

— Мадемуазель Констанца, — улыбнулась служанка, — сказала, что только малыши спят после обеда. Она занимается, мадам, читает.

— Хорошо, — Марта натянула тонкие, вышитые замшевые перчатки и положила конверт в бархатный мешочек. "Принесите мне шляпу, Мари, — попросила она.

Полюбовавшись каскадом перьев, что спускались с тульи, Марта подхватила шелковые юбки и спустилась по лестнице.

— Она уже и встала, наверное, давно, — женщина взглянула на полуденное, еще теплое, осеннее солнце, — хотела же, раньше лечь спать.

— Мадмуазель Тео завтракает в постели, — сказала ей служанка на Набережной Августинок, — я сейчас доложу.

В спальне пахло чем-то теплым, пряным. Марта, наклонившись над Тео, целуя ее в щеку, заметила шелковый шарф, обмотанный вокруг шеи девушки.

— Горло берегу, — покраснев, объяснила Тео, — а то что-то кашляла, как проснулась.

— А, — только и сказала Марта, устраиваясь в ногах кровати.

— Сандал, — поняла она, принюхавшись. Марта вытащила письмо. "Мой поверенный в Лондоне тебе пишет, — усмехнулась женщина, — уж не знаю, что ему понадобилось, война же идет".

Тео недоуменно подняла брови, и, приняв конверт, — вскрыла его. Она сидела, шевеля губами, а потом вскинула на Марту огромные, черные глаза.

— Мистер Дэвид, — Тео помолчала, — оставил мне пожизненное содержание, триста фунтов в год. Поверенный пишет…, пишет, — Тео справилась с собой, — что они не знали, где меня искать, и только потом прочли в газете, что я здесь, в Париже, что я актриса…, Марта…, - Тео закусила руку, — Марта….

mir-knigi.org

— Так это же хорошо, — бодро сказала женщина, — видишь, совесть у него заговорила, а вам с Жанной эти деньги не лишние будут.

— Марта…, - крупные, блестящие слезы поползли по лицу Тео, — мистер Дэвид же не просто так мне их оставил…Он признал меня своей законной дочерью, Марта…

Она все не понимала. Тео увидела, как она улыбается, как говорит что-то, услышала имя Дэниела. Девушка вспомнила колеблющийся свет свечей, запах роз и сандала, его губы, его ласковый голос, что шептал ей что-то быстрое, нежное, вспомнила свой стон, свою голову у него на плече — и разрыдалась, отбросив письмо.

Шарф сполз с шеи. Марта, увидев синяки, встряхнула Тео за плечи. "Он…, - глотая ртом воздух, сказала Тео, — он был тут, ночью. Мы хотели пожениться, Марта…Господи, это я, я во всем виновата, нет мне прощения…"

Марта, погладив ее по голове, шепнула: "Никто не виноват, милая моя. Вы же не знали. Умывайся, одевайся, и пойди к Дэниелу. Расскажи ему все. Никто ничего не узнает, никогда, ты не бойся. У тебя теперь будет старший брат. И ты Тедди старшая сестра, — Марта привлекла ее к себе.

— Я знала, — мрачно сказала Тео, потом, опуская руки в серебряный таз с водой, пахнущей розами, сморкаясь, принимая от Марты шелковое полотенце, — знала, что делаю дурное. За спиной у Жанны…, - она поморщилась и обернулась, придерживая волосы на затылке. "Я просто хотела…, После Мэтью, был человек, которому я очень нравилась. И мы с ним, один раз, — Тео покраснела, и стала расчесывать волосы. "Я ничего не почувствовала. А вчера…, - она застыла с гребнем в руке.

— А вчера почувствовала, — ворчливо сказала Марта, усаживая ее в кресло, забирая гребень. "И потом почувствуешь, как встретишь мужчину, что больше жизни тебя любит".

— Теодора, — чуть не добавила она.

— Но это, же мой брат! — горько покачала головой Тео. "И Мэтью тоже…"

— О Мэтью и не вспоминай, нет его на свете, — жестко сказала Марта, причесывая ее. "А что тебе хорошо было…".

Она внезапно остановилась и раздула ноздри. "Думаешь, мне с твоим отцом в постели не нравилось? Я себя Тео, ненавидела за это, и до сих пор, — Марта сглотнула, — как подумаю, так тошнота к горлу подступает. Я, Тео, жила с мерзавцем, который моего отца искалечил, с убийцей, и все равно — каждую ночь, лежа под ним, кричала, плакала даже, от счастья…, - тонкие губы искривились и Марта повторила: "Ненавижу себя. Другая бы на моем месте застрелила его, и все, а я…"

— У тебя отец был на руках, и ребенок, — Тео прижала ее ладонь к щеке. "Не вини себя, милая, пожалуйста".

— Вот и ты — не вини, — Марта взялась за шпильки. "Такими нас Господь сотворил. И Жанне ничего не говори, Бога ради, незачем ее расстраивать. Что было — то прошло".

— Я с тобой пойду, — сказала Марта, когда Тео уже натягивала перчатки, — постою там, на улице. Мало ли что.

Уже на лестнице она взяла смуглую руку Тео: "Ты же знаешь, месье Корнель тебя одну любит, и будет любить всегда?"

— Он мне говорил, — грустно отозвалась Тео, — еще, когда племянницу свою в Святую Землю отвозил. Нет, Марта, и не проси меня, — девушка покачала головой, — я больше на мужчин и смотреть не буду, после такого. Он мне друг, вот и все.

— Друг, — тихо отозвалась Марта. Распахнув тяжелые двери, она велела: "Пошли".

Дэниел запечатал письмо и написал на конверте: "Передать мадемуазель Тео Бенджаман". Тяжелые, бархатные гардины были задернуты, в комнате было полутемно. Он взглянул на свои вещи: "Я же у "Прокопа" Коран оставил. Надо попросить, чтобы его забрали. И предупредить, что Мэтью здесь. Надо Марте записку оставить, она все сделает".

Потянувшись за пером, Дэниел замер — дверь заскрипела.

— Ты не заперся..., - Тео увидела пистолет на столе. Подойдя, девушка положила руку на оружие: "Дэниел, не надо. Не надо, пожалуйста..."

Мужчина поднял глаза и Тео подумала: "Господи, как будто старик. Да кто же ему сказал?"

— Я все знаю, — Тео внезапно, ласково погладила его по русым волосам. "Мне пришло письмо от поверенных. Наш отец, — девушка запнулась, — оставил мне деньги. Пожалуйста, Дэниел, не делай этого, мы ни в чем не виноваты".

Она опустилась на колени рядом с креслом. "Мне Мэтью сказал, — Дэниел уронил голову в ладони, — он здесь, в Париже. Я видел его, в кафе..., и не смог, не смог его убить..., Прости меня, Тео".

— Его убьют, — уверенно ответила девушка. "Тебе не надо рисковать, Дэниел, езжай в Марокко и делай свое дело. Для нашей страны". Она обняла Дэниела: "Я очень рада, что у меня есть старший брат. И младший — тоже. У меня есть семья. А все остальное — ушло, и мы не будем об этом вспоминать. Прошу тебя, Дэниел".

— Сестра, — подумал он. "Господи, у меня есть сестра. Младшая. Думал ли я?"

— Все будет хорошо, — шепнула ему Тео. "Все будет хорошо, братик. Приходи сегодня в театр, тебе ведь скоро уезжать надо, я помню. Только Марта должна знать, что Мэтью здесь. Это ведь опасно для нее и для Тедди".

— Я его в Арсенал отправлю, — раздался голос с порога комнаты. "На квартиру месье Корнеля. Она маленькая, правда, но несколько дней Тедди с няней сможет там пожить. Там безопасно".

Дэниел поднялся: "Вы с Тео должны быть особенно осторожны, пожалуйста. Пусть месье Корнель за вами присмотрит, раз я уезжаю".

Зеленые глаза женщины блеснули холодом: "Я обещала убить Мэтью, и я это сделаю. Из этого пистолета". Дэниел увидел золотую пластинку на рукоятке слоновой кости.

— Semper Fidelis ad Semper Eadem, — прочел он: "Всегда верная. Это о ней, да. О Марте".

Трещали свечи, в ложе пахло гарью, немного — жасмином. Федор, наклонился к уху Марты:

"Никогда она еще так не играла. Она сегодня себя превзошла".

Марта кивнула и взглянула на Дэниела — тот сидел, комкая в длинных пальцах платок. "Она великая актриса, — подумал Дэниел, — ведь, как она может, после такого выйти на сцену? Какая тишина в зале, они же каждое ее слово ловят. Господи, пусть моя сестричка будет счастлива, пожалуйста".

— В Арсенале все в порядке, — шепнул Федор Марте, — маленькому там нравится, я его сводил посмотреть, как порох делают. Сейчас мы найдем этого Мэтью, убьем его, и можно будет зажить спокойно, — он усмехнулся: "Я нанял карету, для мадемуазель Бенджаман. У кучера записка для нее, он ее довезет прямо до дома и проводит наверх, а там ее Робер и Франсуа встретят. Так что бояться нечего".

— Хорошо, — кивнула Марта и одними губами добавила: "Спасибо тебе".

В его голубых глазах заиграли золотистые искорки: "Ты же знаешь…., - он не закончил. Марта, легко прикоснувшись к его большой, с заметными следами от ожогов, сильной руке, согласилась: "Знаю".

Тео упала на руки прислужнице, театр взорвался в овации, на сцену полетели цветы. Марта услышала крики с галерки: "Божественная! Великая мадемуазель Бенджаман!"

— Браво! — крикнула женщина. Она увидела, как Тео, раскланиваясь, — смотрит на их ложу. Актриса нагнула отягощенную париком, изящную голову: "Сегодняшний спектакль я посвящаю своей семье, потому что без нее — я не могла бы ни играть, ни жить, господа".

Марта вынула из руки Дэниела платок. Потянувшись, она вытерла слезы с его лица.

— Совершенно не о чем беспокоиться, — устало сказала Тео, протягивая одному из охранников записку. "Это рука месье Корнеля, вы ее знаете не хуже меня. Поезжайте на набережную Августинок и ждите меня там".

Франсуа шмыгнул носом и мрачно приказал: "Робер, отправишься с мадемуазель Бенджаман, и смотри там в оба".

Тео внезапно усмехнулась: "Франсуа, а почему вы все время распоряжаетесь тем, что Робер должен делать? Вы же близнецы".

— Он меня на четверть часа младше, — угрюмо ответил мужчина, — так что я в своем праве, мадемуазель Тео. Идите, — он выглянул в коридор. Поморщившись, Франсуа крикнул охраннику, что сидел у служебного входа: "Пьер, сколько там народу?"

— Половина Парижа, — сочно ответил тот. "Но карета прямо напротив, вам три шага пройти надо, и все".

Тео перекрестилась. Робер, взял ее под руку: "Ничего, мадам, не в первый раз. Но вы сегодня играли, — мужчина повертел коротко остриженной головой, — ух! Даже мурашки по коже забегали".

Дверь распахнулась. Тео пробежала по расстеленной дорожке к открытой дверце кареты. Обернувшись, она помахала рукой: "Спасибо, Париж!"

Публика удовлетворенно зашумела, вслед карете стали бросать цветы. Тео, удобно

устроившись на бархатном сиденье, счастливо сказала Роберу: "Ну вот, десять минут — и мы дома".

— Я бы не стал, — раздался знакомый, спокойный голос из темноты, — делать такие поспешные выводы, сестричка.

— Что за черт! — выругался Робер. Загремел выстрел, в карете запахло порохом. Тео отчаянно закричала и бросилась к дверце. Мэтью железной рукой перехватил ее. Ударив раненого охранника по затылку пистолетом, он прижал к лицу сестры влажную тряпку.

Тео обмякла в его руках. Мэтью, осторожно усадив ее на пол — поднял сиденье. Рыжеволосая, связанная девочка, казалось, спала.

— Ах, месье Корнель, — грустно сказал Мэтью, укладывая потерявшего сознание охранника рядом, — подделать ваш почерк, было проще простого — приглашаете девочку в Арсенал. А уж застрелить нанятого вами кучера — тем более. На козлах один из слуг маркиза, а мы едем, — Мэтью усмехнулся, — в одно забавное место. Так что нечего было, дорогая, — обратился он к девочке, — радоваться и прыгать. Впрочем, маркиз с удовольствием покажет тебе более интересные вещи. Тебе понравится.

Он устроил Тео на скамье. Присев рядом, коснувшись губами смуглой щеки, Мэтью пообещал: "И тебе тоже, сестричка".

Двое мужчин медленно прогуливались по пустынному, ухоженному двору Венсенского замка. Де Сад оглянулся на охранника, что следовал поодаль: "Благодарю вас, месье Волков, за ваш милый подарок. Я вам очень обязан. А что с тем человеком, которого вы ранили?"

— Я его сбросил в Сену, — Мэтью посмотрел в сторону ворот: "Сейчас, ваше превосходительство. Никого вокруг нет, засов я подпилил, лошади ждут".

Зазвонил колокол. Поль лениво крикнул: "Ваше время вышло!"

Мэтью усмехнулся. Обернувшись, мгновенно выхватив, маленький, изящной работы пистолет он выстрелил в охранника. Поль схватился за пробитое пулей горло, и, не успев даже вскрикнуть — повалился вперед.

Де Сад уже бежал к воротам. Мэтью прислушался, и кинулся вслед за ним. Двое мужчин навалились на деревянные створки, и они, заскрипев, поддались. "Свобода, — подумал де Сад, вдыхая теплый, южный ветер. Со стен замка раздались крики, Мэтью услышал выстрелы, но лошади уже рванулись с места, раскидывая во все стороны рыжие, осенние листья.

Только оказавшись на лесной тропинке Мэтью, отдышался и, остановил своего жеребца: "Это тут, недалеко. Дом очень уединенный, охотничий павильон. Он заброшен, конечно, но ведь нам с вами там недолго оставаться. Они в подвале".

— Не убегут? — де Сад спешился и, наклонившись над ручьем, выпил сладкой, ломящей зубы, чистой воды. Он посмотрел на легкий румянец, что играл на щеках Мэтью: "Я смотрю, вам можно доверять, месье Волков. Дайте-ка мне пистолет".

Мэтью покорно протянул маркизу оружие. Тот, повертев его в руках, внезапно сбросил с головы Мэтью парик. "Так лучше, — сказал де Сад, притягивая мужчину к себе. "Так мне больше нравится. А что нравится тебе? Ты, конечно, никакой не русский, у тебя язык без

акцента".

Мэтью почувствовал на себе тяжелый, холодный взгляд и, сглотнул: "Я из колоний…, У меня были рабы, негры…, И у моего отца — тоже. Однажды, я был еще ребенком, я случайно увидел отца в постели…, с мужчиной, с рабом. Тот негр, он кричал от боли. Я все ждал, когда отец сделает, со мной такое…Я не знаю, — он внезапно смутился, — зачем я это говорю…"

— Все они одинаковы, — подумал де Сад, подняв его за подбородок рукояткой пистолета. "Смотри мне в глаза и скажи, чего ты хочешь, — приказал он Мэтью.

Тот облизал губы и стал говорить. "Все они одинаковы, — повторил маркиз, расстегиваясь. Он ударил Мэтью по лицу и приказал: "На колени!". "И Пьетро тоже, — вспомнил маркиз, — в первый раз кричал, плакал, умолял: "Не надо, отец Фрателли, не надо, я прошу вас! Мне же больно!" А потом руки мне целовал".

Мужчина внизу поперхнулся, закашлялся, и маркиз велел: "До конца. Покажи мне, как ты меня любишь. Веселье только начинается, милый мой". Ореховые, красивые глаза взглянули на него и маркиз чуть не рассмеялся: "Да он здесь готов раздеться, но не надо рисковать. Сейчас доберемся до этого домика, и я с ним как следует, развлекусь".

Потом он грубо толкнул Мэтью: "Ну, что застыл! Глотай и показывай дорогу".

Тео застонала и попыталась повернуться. "Связана, — подумала она. "Это Мэтью, без сомнения, я слышала его голос. Бедный Робер, что с ним случилось?"

Она подняла отяжелевшие веки, — голова болела, — и вгляделась во тьму вокруг. Пахло гнилыми овощами, сыростью. Тео неуверенно позвала: "Есть тут кто-то?"

— Тетя Тео…, - раздался ослабевший от слез, детский голосок. "Тетя Тео, это вы? Это я, Констанца. Тетя Тео, этот плохой человек — тоже вас похитил?".

— Когда он пришел на рю Мобийон, Констанца? — спокойно спросила девушка.

Из темноты донеслось шмыганье носом.

— Тетя Марта, месье Корнель и дядя Дэниел уехали в театр. Еще до этого месье Корнель отвез Тедди с няней в Арсенал. Я тоже просилась, но меня не взяли, — девочка вздохнула. "Потом я уже хотела ложиться спать, но пришла Мари и сказала, что привезли записку, месье Корнеля — мне разрешили жить в Арсенале. Я очень обрадовалась. Там, на лестнице ждал человек, — невысокий, у него глаза были, как орех. Со шпагой и в парике. Он сказал, что месье Корнель меня ждет. Ну вот, — горестно закончила Констанца, — мы спустились по лестнице, а больше я ничего не помню. Тетя Тео, а меня не будут ругать?

— Никто никого не будет ругать, — уверенно ответила Тео, и попыталась сесть. Она охнула: "Констанца, нам надо отсюда выбираться. Поэтому прислонись к стене и начинай перетирать веревки".

— У меня тут бочка, — радостно сказала Констанца. "Бочка с обручами. Так быстрее будет. Тетя Тео, а зачем этот человек нас похитил? Из-за денег, чтобы мой дядя заплатил выкуп?".

Тео вспомнила голос Марты, что гладила по голове маленькую, черноволосую, спящую девочку: "Бедное дитя, надеюсь, она и не запомнит ничего. А этот де Сад — вернулся в тюрьму

и больше никогда оттуда не выйдет".

— Нет, — похолодев, сказала себе Тео, — нет, не может быть. Он же в Венсенском замке. Тут только Мэтью, а с ним я справлюсь".

— Нет, — откашлявшись, подползая к стене, сказала Тео. "Не из-за денег, милая. Чем быстрее мы отсюда сбежим, тем лучше".

Констанца поерзала: "Тут что-то лежит, тетя Тео. Рядом с бочкой. И пахнет. Крыса, наверное, она дохлая".

— Не надо ее трогать, — велела Тео. Закрыв глаза, чувствуя, как пропитывается влагой тонкий шелк платья, как царапает запястья камень, она попросила: "Господи, сделай так, чтобы там действительно — была крыса. Ведь можешь же ты".

Федор затушил окурок сигары в пепельнице: "Если бы ты, Дэниел, застрелил его там, у "Прокопа", ничего бы этого не случилось. Как он вообще подделал мой почерк?"

— Незачем кричать, — устало заметила Марта, выходя на балкон. Башни собора Парижской Богоматери были окутаны предутренним туманом. Она плотнее запахнула кашемировую шаль: "Он и почерк моего отца подделывал, я тебе рассказывала, он отлично с таким справляется. И знаешь, — она обернулась, — не так-то просто убить человека, тем более — своего брата".

— Ну, — процедил Федор, наливая себе холодного кофе, разгоняя рукой табачный дым, — мне он не брат, так что у меня рука не дрогнет. Он что, ради выкупа их похитил? — недоуменно спросил мужчина. "Я понимаю — Констанца, у нее дядя — один из богатейших людей Англии, как-то он об этом узнал. Но мадемуазель Бенджаман ему зачем, тем более, — Федор поднял бровь, — она, же его сестра единокровная".

Он перевел взгляд с упрямого лица Марты — та стояла, прислонившись к перилам балкона, дымя сигаркой, на Дэниела, — он сидел у изящного, орехового дерева стола, вертя в руках пистолет. Федор тихо, угрожающе заметил: "Знаете, мне не нравится, когда от меня что-то скрывают".

— Это не наша тайна, — Марта, выпустив дым, перегнулась через перила балкона. "Франсуа бежит, должно быть, узнал что-то".

Оказавшись в передней, охранник подышал себе на руки: "Холод собачий. Мадам Марта, если вас не затруднит, налейте мне стопочку виноградной".

— Я принесу, — Дэниел прошел на кухню.

— Жив мой брат, — сказал Франсуа, опрокинув рюмку. "Был бы мертв, я бы того, — он выругался, — сам, лично убил. А так — он парень сильный, отлежится. В госпиталь его не надо, — Франсуа покачал головой, — он у нас в одном хитром месте, там и лекари свои. Пуля в ребрах и голова помята. Помнит только, — тот, что в карете был, мадемуазель Бенджаман "сестричкой" называл.

— Это и так ясно было, — мрачно заметил Федор. "А где Робера нашли?"

— Он сам из Сены вылез, — усмехнулся Франсуа. "Как оказался в ней, так сразу и очнулся — уже осень на дворе, вода стылая. В Берси, там, где склады винные, оптовые".

— По дороге в Венсен, — Марта взяла у Дэниела бутылку: "Сейчас мы все выпьем. Потом, ты, Франсуа, возвращайся к брату, мы все сами сделаем. Только нам лошади нужны, хорошие".

— Через час будут, мадам Марта, — кивнул Франсуа.

— Я на рю Мобийон, переодеться, — Марта оглядела мужчин. "Пойдемте, по дороге обсудим, — что нам дальше делать".

Уже на улице, слушая, как цокают ее каблуки по влажным булыжникам, Дэниел осторожно сказал: "Марта, может быть, ты не поедешь…"

Она обернулась, и, горько, усмехнулась: "Я, кажется, знаю — с кем Мэтью встречается в Венсенне".

Федор побледнел: "Он же в замке, в тюрьме".

— Боюсь, что уже нет, — коротко заметила женщина. Она быстро пошла дальше, шурша платьем, пропадая в сером тумане, что поднимался с реки.

Комендант Венсенского замка посмотрел на троих мужчин и развел руками: "Господа, я понимаю, что у вас пропала сестра и племянница, но, право, я ничего не могу сделать. Я, разумеется, послал солдат, за ними в погоню, но, сами видите, — он привстал из-за стола и махнул рукой в сторону стен крепости, — у нас тут лес под боком, в нем множество заброшенных домов…"

— Значит так, — сказал маленький, изящный, зеленоглазый юноша в охотничьей куртке, высоких сапогах и вязаной шапке, что прикрывала его волосы. "Месье Вулф, брат мадемуазель Бенджаман, сейчас останется здесь. Вы ему дадите два десятка солдат, карту окрестностей, и они будут прочесывать лес. Не беспокойтесь, — юноша поднял ладонь, — месье Вулф воевал в колониях, он капитан в отставке, он свое дело знает.

— Хорошо, — вздохнул капитан. Марта шепнула Дэниелу: "Мы с Теодором отправимся вперед, иначе там все затопчут, если уже не затоптали. Ты с ними тут не церемонься".

— Не буду, — пообещал Дэниел.

Уже идя по каменному коридору, Марта спросила у Теодора: "А что за флягу ты себе в карман положил? Та, что ты из своих комнат принес?"

— Хлор-водород, — лениво улыбнулся Федор. "Фляга стеклянная, достаточно просто разбить. Кашель, удушье, боли в глазах, ожоги. За такими веществами — будущее, военные за ними в очередь соберутся, надо просто наладить промышленное производство. Этот газ, — он похлопал по карману, — Пристли выделил, восемь лет назад, а мы с месье Лавуазье как раз занимаемся опытами с ним. Так-то его получать просто, — он помог Марте сесть в седло, — надо воздействовать витриолом на поваренную соль, при слабом нагревании".

— Все упирается в то, — Марта направила лошадь к разбитым задним воротам, — что вы никак не можете открыть недорогой способ выработки витриола.

— Откроем, — пообещал Федор. "Но на твоем научном вечере ничего такого опасного не будет. Всего лишь красивые реакции и опыты с электричеством, их Франклин покажет".

mir-knigi.org

— А вот за электричеством, — сказала Марта, перегнувшись в седле, внимательно рассматривая изрытую, копытами землю, — совершенно точно — будущее, месье Корнель. Они на восток поехали, вот смотри, — указала Марта, — в самую гущу леса.

Вокруг пахло грибами, палыми листьями, наверху, среди рыжих крон деревьев играло солнце. Федор вспомнил тайгу вокруг прииска. "Мы с Марьей по грибы ходили, как раз по осени, — вздохнул он про себя. "Господи, да вернусь ли я когда-нибудь домой? Степа-то на Святой Земле останется, а я? Тянет же, ничего не сделаешь, тоскую. Бывает, и снится мне Россия. Пять лет уже, как я уехал. Сбежал, — поправил он себя.

— Может, прийти в посольство, с повинной? Не отправят же меня на каторгу. Хотя нет, — он хмыкнул, — это придется о Степане рассказывать. Не надо никому знать, где Селинской ребенок. Все же дело государственной важности. А все равно, — он вскинул голову и посмотрел на летящих к югу птиц, — все равно — домой хочется.

Он почувствовал прикосновение маленькой, сильной руки. Марта мягко сказала: "Все устроится, Теодор".

— А этого, — он пригляделся к лужайке у ручья, — ты знать не можешь, Марта. Спешиваемся, там трава примята.

— Не могу, — согласилась она, соскакивая на землю, — но уверена — так и будет. Вот тут они лошадей привязали, — Марта достала лупу и указала на ободранную кору дерева, а вот тут стояли…, - она опустилась на колени и стала рассматривать траву.

— Возьми, — женщина протянула ему лупу, — скажи мне, это то, что я думаю?

Федор всмотрелся и почувствовал, что краснеет.

— Свежее, — безучастно сказала Марта. "Но крови нет, странно. И тут было только две лошади, карета не проезжала. Не знала за Мэтью такого, — она коротко усмехнулась. Федор велел: "Поехали вверх по ручью, вон их следы".

Тео вздрогнула и замерла. Дверь наверху заскрипела и стала открываться. "Тетя Тео, — раздался голосок Констанцы, — кто это?"

— Тихо, — шикнула на нее девушка, — сиди тихо. Как веревки?

— Скоро поддадутся, — успела сказать девочка и затаилась. "Как мышка, — горько подумала Тео. "Сейчас Мэтью меня развяжет, и я ему глаза выцарапаю, обещаю. Пусть что хочет, то и делает, пусть бьет, стреляет — мне надо защитить Констанцу".

Она пошевелила затекшими кистями — веревки были крепкими, и увидела неверный огонек свечи.

— Пусть полежит, — усмехнулся про себя маркиз, осторожно спускаясь по лестнице, держа в руках большой ящик. "Полежит, отдохнет, с девочкой я и без него справлюсь. Потом можно будет взять ее с собой, дочь и дочь. А он легкий, этот Матье".

— Тебе нравится, милый? — маркиз наклонился и приблизил губы к щели в ящике. "Я оставлю тебя наедине с твоей сестрой, ты только голоса не подавай. Пистолет у тебя есть. Как только она начнет выпутываться из веревок — просто вставай, гвозди тут на честном слове держатся.

Получится очень весело".

— Спасибо, — раздался слабый голос из ящика. Де Сад усмехнулся: "Как это он кричал? "Еще, бей меня еще, я люблю тебя!". И плакал, конечно, тоже — у него же это в первый раз. Не в последний раз, конечно, перед отъездом я ему разрешу меня развлечь".

Он поставил ящик на землю, и вежливо, подняв свечу, сказал: "Здравствуйте".

— Я его никогда в жизни не видела, — Тео взглянула на невысокого, белокурого мужчину лет сорока, в простом сюртуке. "Где Мэтью?"

— Что вам нужно? — вслух спросила она. "Кто вы такой?"

— Вы задаете, — маркиз поводил свечой, и Тео увидела за бочкой труп крысы, — слишком много вопросов. Побудьте пока в одиночестве, дойдет очередь и до вас. Вставай, милая, — де Сад, было, хотел протянуть руку Констанце. Девочка, увернувшись, выплюнула: "Вы урод, и вас казнят, непременно! Отрубят голову!"

— Какая непокорность, — рассмеялся мужчина. Нагнувшись, он подхватил связанную девочку. Та попыталась вцепиться зубами ему в щеку.

— Оставьте ее! — велела Тео. "Пожалуйста… — она посмотрела на мужчину, — меня зовут Тео Бенджаман, я актриса, если вам нужен выкуп за девочку, его заплатят…"

Он усмехнулся. Одним быстрым, легким движением маркиз разорвал ее платье спереди. "Будете болтать, — ответил де Сад, — отрежу все это, — Тео почувствовала холод кинжала у своего соска, — и еще язык. Я всегда считал, что женщинам он ни к чему".

— Деньги меня не интересуют, мадемуазель Бенджаман — коротко добавил де Сад. Удерживая отчаянно бьющуюся Констанцу, маркиз понес ее наверх.

Дверь со скрежетом захлопнулась. Тео, закусив губу, почувствовала, как горячие слезы, текут по ее щекам.

— Лошади, — тихо, пригнувшись, раздвинув кусты, сказала Марта. "Две. Вот мы их и нашли". Она спрыгнула на землю, и, достала пистолет: "Если там хоть кто-то есть, — сразу кидай свою флягу, Теодор. Нечего раздумывать".

— Тихо! — велел ей мужчина. "Слушай!"

— Нет! — донесся до них пронзительный, отчаянный детский крик. "Нет! Пустите меня, пустите!"

Марта побледнела и бросилась к заколоченному окну домика, пытаясь его открыть. "Дай, — Федор одним движением сорвал рассохшуюся доску. Бросив флягу внутрь, он приказал: "Стреляй, этот газ не огнеопасен".

Марта всадила пулю в замок на двери. Федор, высадив ее ногой, крикнул: "А ну оставь ребенка, мерзавец!"

— Дядя Теодор! — завизжала Констанца. "Он убегает!". Из темной комнаты раздался кашель.

— Прижми шапку ко рту, — Федор подтолкнул Марту, — и выноси Констанцу, немедленно.

Он прицелился и выстрелил — в углу промелькнула какая-то тень. Раздался жалобный крик. Марта, одной рукой, закрывая рот шапкой, второй — подхватила девочку — ее платье было разорвано. Быстро выбежав в заброшенный сад, она устроила Констанцу на земле. Девочка тяжело, прерывисто дышала. Марта обернулась на дом и спросила: "Он тебя не тронул, милая?".

— Трогал…, - темные глаза закатились. Констанца побледнела и ее стошнило. Она откашлялась и, заплакала: "Тетя Тео в подвале, ее надо спасти! Он меня пальцами трогал, тетя Марта, — Констанца отвернула голову. Марта, придерживая ее за плечи, шепнула: "Все, все закончилось, милая. Где тот человек, что тебя похитил?"

Констанца отдышалась: "Не знаю, я его не видела. Тетя Марта! — внезапно крикнула она. "Там пожар, смотрите!"

— Сиди тут, — велел Марта. Наведя пистолет на дом, она позвала: "Теодор!". Доски затрещали. Марта увидела очертания невысокой фигуры в проеме двери.

— Ну, все — Марта сжала зубы и, прицелилась: "Руки за голову, стоять на месте! Сделаете хоть шаг вперед — стреляю".

Констанца мелко затряслась: "Тетя Марта, он нас всех убьет…., Я не могу, не могу на него смотреть…"

— Не смотри, — ответила женщина. "И никого он не убьет, у него нет оружия". Она выстрелила, пуля вонзилась в косяк двери. Марта заметила: "Это чтобы вы знали — я не шучу. Где ваш подручный, Мэтью, он вас из крепости вытащил?"

— Понятия не имею, дорогая мадам, — раздался ленивый, спокойный голос. Марта внезапно поняла, что все еще держит в руке шапку. Натянув ее на голову, убрав волосы, она крикнула: "Не лгите, тут две лошади!"

— Можете меня пристрелить, — пожал плечами маркиз, — не знаю.

— Он ящик принес, — зашептала Констанца сзади, — в подвал. Перед тем, как меня…, меня…, — она разрыдалась. Марта услышала голос де Сада: "Тут жарко, дорогая мадам, дом уже весь пылает".

— Стойте, где стояли, — приказала женщина: "Ну, где же Теодор? Ерунда, не мог Мэтью быть в том ящике, наверняка — пешком отсюда ушел".

Тео услышала выстрелы. Она закричала, срывая голос: "Пожалуйста, спасите Констанцу, этот мерзавец ее забрал!"

Кто-то сбежал вниз по лестнице. Она почувствовала запах пороха, дыма, каких-то химикатов, и еще успела подумать: "Месье Корнель…Господи, только бы Констанца спаслась…"

— Это я, мадемуазель Бенджаман, — он нагнулся и легко подхватил ее на руки. "Констанца в безопасности. Вы спрячьте лицо у меня на плече. Там наверху, немного жарко, этот маркиз свечу уронил и начался пожар. Я его ранил, так что никуда он не уйдет".

— Только не смотри туда, — приказал себе Федор. Платье на ней было разорвано, темные волосы растрепались, и он, — как ни старался отвести взгляд, — все же увидел большую, высокую, смуглую грудь.

— Нашел время, — обругал себя мужчина. Он услышал слабый голос: "Констанца…с ней все в порядке?"

— Он не успел, — мрачно ответил Федор, неся ее вверх по лестнице, — а вас он не тронул?

— Только платье разорвал, — всхлипнула Тео. "А Мэтью где?"

— Не было его наверху, — коротко ответил Федор. Он прижал ее поближе: "Я вам волосы рукой закрою. Я привык к ожогам, ничего страшного".

Он пронес Тео через пылающую комнату. Оказавшись на крыльце, так и удерживая ее одной рукой, он достал пистолет. Приставив его к спине маркиза, Федор велел: "А ну двигайся и помни — ты на прицеле у двух отличных стрелков".

Марта облегченно перекрестилась, увидев рыжую голову. Обернувшись, она услышала голос Дэниела: "Это тут!". Из-за деревьев донеслось ржание лошадей.

Связанного де Сада устроили в седле, Он внезапно, облизав тонкие губы острым языком, усмехнулся: "В мужском наряде вам лучше, дорогая мадам. Еще увидимся, обещаю".

Федор выругался себе под нос и спросил у Марты: "Что случилось?"

Ее большие, зеленые глаза смотрели на пылающий дом: "Де Сад ящик в подвал принес, перед тем, как Констанцу забрать…, Надо проверить, может, в нем Мэтью…"

Федор схватил ее за руку и удержал на месте: "Ну, какой ящик, там уже крыша проваливается! Я посмотрю, — он покраснел, — как там мадемуазель Бенджаман. Дэниел повел Констанцу умываться".

Он наклонился над Тео, и едва слышно позвал: "Мадемуазель Бенджаман!"

Черные, длинные ресницы дрогнули. Девушка, собирая остатки платья на груди, шепнула: "Месье Корнель…, спасибо, спасибо вам…"

— Ну, что вы, — ласково сказал Федор, — все это прошло и более никогда не вернется. И Мэтью ваш наверняка — либо сгорел, либо задохнулся. Сейчас я вас отвезу домой и будете отдыхать, — он посмотрел на смуглые щеки: "Не надо меня благодарить, я просто выполнил свой долг, мадемуазель".

Марта стояла, засунув руки в карманы куртки, глядя на пылающие, рушащиеся балки дома, вдыхая острый, щекочущий ноздри запах гари.

Она потянулась и стерла пепел с лица Федора: "Поехали, у тебя ожог на руке — надо его перевязать".

Марта оглядела гостиную и, повернулась к горничной: "Цветы доставят после обеда. Когда полотеры закончат в передней, пусть переходят сюда, а потом растворите окна — до вечера запах выветрится".

— Хорошо, мадам, — присела Мари и Марта, пройдя в столовую, проверив хрусталь и фарфор на столе, пробормотала: "Вроде все в порядке. Пятнадцать мужчин, пять дам — отлично".

— И я! — раздался сзади голосок Констанцы.

Марта наклонилась и поцеловала ее в лоб: "На демонстрации экспериментов ты, конечно, посидишь, месье Корнель ведь обещал познакомить тебя с месье Лавуазье, а потом — отправишься спать. Мы только к полуночи за ужин сядем".

Констанца скорчила рожицу. Подергав рукава своего шелкового, цвета желудей платьица, девочка осторожно спросила: "Тетя Марта, а этот плохой человек — больше никогда из тюрьмы не сбежит?"

— Никогда, — уверила ее Марта. "А второй, тот, что тебя похитил — сгорел в пожаре, так что больше бояться нечего. Видишь, и Тедди уже дома. Он проснется — сходите с няней, погуляете. Ты какую книгу сейчас читаешь? — Марта села на золоченый стул и пристроила девочку к себе на колени.

Констанца вдохнула запах жасмина: "Так хочется маму. Тетя Эстер замуж вышла, у нее теперь свои дети родятся, и тетя Марта тоже — наверное, обвенчается. Дядя Питер мне, как отец будет, но все равно- хочется маму".

— Джона Уэсли, об американской революции, мне дядя Дэниел ее дал, — Констанца поболтала ногой: "Тетя Марта, а вы хотите выйти замуж? Месье Корнель вас любит, и вы его тоже".

— Вот, — усмехнулась про себя Марта, — даже детей и то, — в заблуждение ввели.

— Месье Корнель мой друг, — улыбнулась она. Констанца закатила глаза: "Да, да, так всегда говорят, тетя Марта. А тетя Тео — с ней все хорошо?"

— Конечно, — Марта пощекотала девочку. "Она вчера уже и на сцену выходила, а сегодня — будет на вечере. Пойдем, Тедди, наверное, и проснулся уже".

Пока дети одевались, Марта зашла в гостиную. Мельком посмотрев на головы полотеров, она вернулась к себе в кабинет.

Марта присела к секретеру, и, взяв перо, написала: "Уважаемые господа! Сегодняшний вечер посвящен достижениям двух великих наук — физики и химии…"

От двери раздался кашель. Мужской голос сказал: "Мадам…."

Марта повернулась. Перо выпало из ее рук. Он стоял, прислонившись к двери, в рабочей, холщовой куртке, светлые волосы были коротко острижены, голубые глаза улыбались.

— Питер мне написал, — Марта заставила себя поднять перо, — что приедет надежный человек…за Констанцей.

— Мне кажется, — смешливо пожал плечами герцог, — что я, в общем, отвечаю этому описанию". Он закрыл дверь и добавил: "На будущее — не надо нанимать первых попавшихся на дороге людей. Это я себя имею в виду, конечно. Твоя горничная даже не спросила, как меня зовут".

— Мы брали работников через того подрядчика, с которым уже имели дело, — вскинула голову Марта. "Там кто-то заболел, скорее всего, поэтому вас и взяли так быстро".

— Полотер заболел, кучера застрелили…, - Джон подошел к окну и осмотрел близлежащие крыши. "А в результате получается пальба, пожары и, в общем — беспорядок. Я уже встречался с месье Корнелем, на рассвете, он мне все рассказал". Марта вдохнула запах

ветивера и почувствовала, что у нее закружилась голова.

— Работаете вы с ним хорошо, — сварливо заметил герцог, — отлично работаете. Только надо быть осторожней. Верни Тедди в Арсенал, сегодня же.

Марта поднялась и встала рядом с ним.

Джон посмотрел на уложенные в высокую прическу, заколотые золотым гребнем волосы, на тонкую, белоснежную руку, украшенную синим алмазом. Платье на ней было темно-лиловое, шелк был расшит бронзовым кружевом.

— Мэтью сгорел, — твердо ответила Марта. "Сгорел, или задохнулся. Так что опасаться нечего".

Герцог посмотрел на часы, что стояли на камине, и велел: "Во-первых, не спорь со мной. Немедленно отправь Тедди с няней в Арсенал, прямо сейчас. Во-вторых, прикажи своей Мари открывать дверь только лично знакомым ей людям, и никуда не выпускать Констанцу. В-третьих, — надевай мужской костюм, бери лупу. Через час я буду ждать тебя на улице с лошадьми. Поедем, посмотрим — что случилось на том пожаре".

Он повертел в руках красивую китайскую вазу: "Никогда не надо делать поспешных выводов, Марта".

Джон искоса посмотрел на нее — на белых щеках играл легкий румянец. Она часто, взволнованно дышала, крохотный, золотой, играющий изумрудами крестик, висел среди жемчужных ожерелий, на стройной шее.

— Ты с ума сошел, — одернул себя герцог, — забыл, сколько тебе лет? Ты ее в два раза старше. Найди Мэтью, убей его, забери Констанцу и отправляйся домой. Нечего тебе тут больше делать. Пусть за этого Вулфа замуж выходит, когда война закончится — молодой парень, красивый, умный. Наверняка отличную карьеру сделает там, у них, в правительстве.

— А пол? — вдруг, дерзко, спросила Марта. Она улыбалась. "Как же пол, в гостиной, мистер Джон?"

— Месье Жан, — сварливо поправил ее герцог. "Готово там все, я руками тоже, — он помолчал, — умею работать. Собирайся, — он вышел. Марта, опустившись на кушетку у окна, посмотрела на утреннее, еще неяркое солнце, что вставало над крышами Левого берега. Звонили, перекликались колокола — Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Сюльпис, и Марта вздохнула: "Видишь, по делам он здесь. Вот и все, и больше ничего не будет".

Она ощутила запах леса, — дымный, сухой, острый запах. В сердцах стукнув по обитому бархатом подлокотнику, Марта повторила: "Больше ничего не будет".

Джон привязал лошадь к дереву. Подождав, пока Марта спешится, герцог присвистнул: "Тут все дотла сгорело!"

— Когда мы уезжали, — мрачно сказала Марта, — она была в бриджах и охотничьей куртке, с убранными под шапку волосами, — уже крыша провалилась. Подвал, правда, камнем выложен, — она подобрала какую-то палку и брезгливо поводила ей по пепелищу.

Джон засучил рукава рубашки: "Сейчас я спущусь вниз и проверю, — что там осталось. Если

найду какие-то кости — принесу".

Марта посмотрела на черный провал в середине пожарища: "Может, я с вами…"

— Ты последи, — Джон взглянул на пистолет в ее руке, — мало ли, вдруг твой муж действительно — выжил и где-то рядом еще бродит. Маркиза, кстати, собираются из Венсенского замка в Бастилию переводить — оттуда, никто еще не сбегал.

— И очень правильно, — угрюмо отозвалась Марта, провожая глазами его прямую спину.

Она присела на пенек и услышала грустные, далекие клики журавлей. Лес пылал золотом, в ярком, голубом небе не было ни облачка. Марта вспомнила осень в Акадии. "Вот так мы с папой охотились, — тихо сказала она. "Господи, накажи ты Мэтью, пожалуйста. Хватит людям страдать".

— Наказывать его придется нам, — раздался сверху сухой голос герцога. "В подвале чисто, туда огонь не дошел. Ящик валяется, взломанный. Ты очень вовремя ребенка с рю Мобийон услала. Такие люди, как твой муж, дорогая моя, — всегда выживают".

— Не называйте его моим мужем, — зло велела Марта, поднимаясь. "Он им никогда не был. Его отец, покойный, мистер Дэвид велел Мэтью жениться на мне — для вида. А сам жил со мной, и Тедди — от него родился. Я не могла ничего сделать — у меня был искалеченный отец на руках. Все, — она сжала губы, и помолчала: "Вам надо руки вымыть, тут ручей рядом".

— Подержи, — велел ей Джон, снимая через голову рубашку. Марта вдохнула запах дыма. Она отвела глаза: "У меня салфетка есть, потом вытереться можно. Только вода холодная".

— Это не страшно, — рассмеялся Джон. Марта сидела на берегу ручья, комкая его льняную рубашку, смотря куда — то вдаль, на рыжие листья деревьев.

— Давай свою салфетку, — он стоял совсем рядом. Марта увидела блестящие капельки воды на еще по-летнему загорелых плечах.

— В Италии был, — перехватив ее взгляд, объяснил Джон. "Там погода теплая".

От ее волос, выбившихся из-под вязаной шапки, рассыпанных по потрепанной, замшевой куртке — пахло жасмином. Зеленые глаза посмотрели на него: "Я сама, ваша светлость".

Он почувствовал прикосновение нежной руки, и сглотнул: "Не надо, Марта".

— Почему? — нежные губы улыбнулись. "Вам не нравится, мистер Джон?"

— Мне слишком нравится, Марта, — он поцеловал ее прямо в эту лукавую улыбку.

Маленькое колесо, прикрепленное к штативу, начало вращаться — сначала медленно, а потом — все быстрее и быстрее. Констанца первой захлопала в ладоши, и в гостиной раздались аплодисменты.

— Все это, — указал Франклин на стол, — происходит из-за действия электростатических сил, господа. Как правильно заметила наша очаровательная хозяйка, — он поклонился Марте, что сидела в первом ряду, — электричество — это будущее науки и техники.

— И газы, месье Франклин, — добродушно добавил Антуан Лавуазье. "Благодаря просвещенной

поддержке наших монархов, — он взглянул на графа д'Артуа и тот улыбнулся, — наши ученые не знают нужды.

— Так будет всегда, — уверенно отозвался младший брат короля. "Мы понимаем важность науки, господа, поэтому я, глубоко благодарен мадам де Лу за устройство сегодняшнего вечера".

— А сейчас, — Марта поднялась, и мужчины тут же встали, — к столу, господа. После ужина мадемуазель Бенджаман и ее подруги сыграют нам сцены из "Лекаря поневоле" месье Мольера. Надеюсь, месье Пеллетан, — Марта бросила смешливый взгляд в сторону профессора Сорбонны, — не в обиде за выбор пьесы.

— Что вы, мадам де Лу, — усмехнулся медик, подавая ей руку, — я сам люблю Мольера. Разрешите повести вас к столу. Месье Корнель, как я вижу, занят, нельзя упускать такой возможности. А вы нам поиграете?

— Непременно, — Марта склонила изящную голову. "Месье Моцарт как раз прислал мне новые ноты из Зальцбурга". Она вспомнила звуки клавесина и едва слышно вздохнула.

У него были сухие, сильные губы. Марта, закрыв глаза, услышала его голос: "Прости…, Я не должен был".

Джон выпустил ее из своих рук. Женщина, наклонившись за упавшей на рыжие листья шапкой, пряча пылающее лицо — ничего не сказала. Только подойдя к лошади, отвязывая ее от дерева, уже вскочив в седло, она спросила: "И что сейчас?"

Герцог помолчал: "Сейчас ты поедешь и будешь дальше готовить свой вечер, а я встречусь кое с кем, и постараюсь узнать — где сейчас мистер Бенджамин-Вулф, — отчеканил он.

— На всякий случай — если будешь выходить на улицу — бери с собой пистолет. Пусть мадемуазель Бенджаман у тебя переночует. И Теодор тоже. Так безопасней.

— Хорошо, — Марта ехала впереди. "Надо было ему сказать, — горько подумала она, — сказать правду. Сказать, что я его люблю, что ждала — когда он приедет. Я испугалась, а теперь — уже поздно. Господи, какая же я дура".

— Конечно, — Джон, сорвав золотой, сухой лист дуба, повертел его в руках, — зачем ты ей нужен? Старик. Не мог себя сдержать, — он стиснул зубы. Сочно выругавшись про себя, Джон повторил: "Зачем ты ей нужен?"

Уже в Берси он сказал Марте: "Я тебя провожу до дома, заберу лошадей, и займусь делом. Потом, как найду его — пришлю тебе записку, через этого Франсуа, охранника мадемуазель Бенджаман. Я навел справки — им можно доверять, этим близнецам, — Джон усмехнулся.

— Я хочу, сама его убить, — упрямо сказала Марта. "Я прошу вас…"

Бронзовый локон выбился из-под вязаной шапки. Джон, было, поднял руку. Тут, же опустив ее, он коротко ответил: "И убьешь. Я всегда выполняю свои обещания".

— Спасибо, — Марта посмотрела на серую, осеннюю воду Сены и пришпорила свою лошадь.

Констанца благоговейно подошла к столу, где были расставлены реторты, и остановилась чуть

поодаль. Федор обернулся: "Вот, Антуан, сама горячая твоя поклонница- мадмуазель Констанца ди Амальфи".

Синие глаза Лавуазье ласково взглянули на девочку. Он, склонился над рукой Констанцы: "Спасибо вам большое, мадмуазель. Ваш покойный отец был выдающимся математиком. Очень жаль, что он погиб таким молодым".

Констанца отчаянно покраснела: "Я просто хотела сказать, месье Лавуазье, что вы — великий ученый, и я обязательно о вас напишу. Я хочу стать журналистом, когда вырасту".

— Буду ждать, — он взглянул на рыжие косы: "А если вы захотите изучать химию, мадмуазель Констанца, — ведь чтобы писать о науке, надо хорошо в ней разбираться, — я всегда к вашим услугам".

— Я запомню, — пообещала Констанца. Обернувшись на Мари, что уже стояла в дверях гостиной, девочка вздохнула: "Мне пора спать, месье Лавуазье, но я надеюсь — мы еще встретимся".

Она присела, склонив изящную голову. Федор подумал: "Как покончим с этим Мэтью — надо будет просмотреть новые статьи по математике, сравнить их с давнишними трудами Джованни. Может, Марта и права".

— Ты бы женился, Теодор, — сказал, понизив голос, Лавуазье, когда они уже входили в столовую. "Поверь мне, как женатому человеку — так гораздо лучше. Тем более, твоя Марта — он улыбнулся, — станет отличным помощником, как моя Мари-Анн. Она мне и с английского переводит, и лабораторные журналы ведет. Марта отлично считает, сам знаешь, незачем упускать такую возможность. Да и красавица, каких поискать, — смешливо добавил Лавуазье.

Федор взглянул на бронзовую, высокую прическу женщины, на сливочную, нежную кожу в глубоком вырезе декольте: "Может быть, и женюсь когда-нибудь".

Тео сидела на противоположном конце стола, рядом с графом д’Артуа, который что-то тихо ей говорил. Федор увидел, как чуть покраснело маленькое, смуглое, отягощенное бриллиантами ухо. Он вспомнил, как ее темноволосая голова лежала у него на плече.

— Даже и не думай об этом, — горько велел он себе. Сев рядом с Мартой, он услышал ее голос: "Вы сегодня все тут ночуете. И ты, и Тео, и Дэниел. Так безопасней".

Слуги уже начали разносить закуски. Марта, взяв хрустальный бокал с шампанским, звонко проговорила: "За торжество науки, господа!".

Она лежала на кровати, вытянувшись, глядя в украшенный лепниной потолок. За окном уже светлело. Марта, приподнявшись на локте, посмотрела на Тео — та спокойно спала, уткнувшись лицом в сгиб локтя. В гардеробной, — она прислушалась, — тоже было тихо. Бронзовые часы на камине едва слышно пробили пять утра.

— Час только, как разошлись, — Марта потерла руками лицо и поднялась. Осторожно двигаясь, она открыла дверь в гардеробную. Потянув дверцы шкапа, Марта взяла мужскую одежду.

Прикрыв волосы шапкой, положив в карман куртки пистолет, она вышла в переднюю. Наклонившись над охранником, дремавшим в кресле, Марта позвала: "Франсуа!"

Тот, даже не пошевелившись, открыл один темный глаз. "Пойдемте, — велела Марта. "Тут

месье Корнель и месье Вулф, — мадемуазель Тео в безопасности".

На улице было свежо, курлыкали голуби. Франсуа, подышав на руки, затянул вокруг шеи грубошерстный шарф: "Что такое, мадам Марта?"

— Надо найти одного человека, — спокойно ответила та. "Сейчас я расскажу".

Он внимательно, склонив голову, слушал. Потом охранник усмехнулся: "Сначала на рынке кое с кем словечком перемолвимся, заодно супу поедим, холодно на дворе. Там и узнаем — где он".

Марта кивнула, и они повернули к реке.

Под низкими, каменными сводами было накурено. Джон, выпив сразу полстакана красного вина, принял от хозяина глиняный горшочек с луковым супом: "Два десятка лет я к тебе хожу, и ничего не меняется".

— И не изменится, я тебе обещаю, — крупный, еще нестарый, смуглый мужчина устроился напротив. Наполнив грубые стаканы, подмигнул: "Votre sante! Я своего сына уже на кухню поставил, приучаю, потом дело к нему перейдет. И ты своего Жана привози, хоть увижу его".

— У меня скоро и внуки родятся, — Джон окунул оловянную ложку в золотистое, пахнущее сыром и луком варево. Попробовав, он застонал: "Только у тебя его варят, как следует, только у тебя".

— Со времен короля Генриха, — хозяин усмехнулся. "Так что, Жозефина замуж вышла?"

— Летом еще, — Джон пробормотал: "Черт, я же проголодался, оказывается. Они в Амстердаме будут жить, рядом".

— Насчет того человека, — хозяин оглянулся и понизил голос, — ты же знаешь, тут Арсенал неподалеку. У меня рабочие оттуда обедают. Видел я такого, как ты говорил — волосы, как сено, глаза карие. Хотя он вроде эльзасец, по акценту — мужчина нахмурился. "Ты приходи к полудню, я тебе его покажу".

— Эльзасец, — выругался про себя Джон. "Конечно, у него, наверняка, и немецкие документы имеются. Оказывается, не только полотеров с улицы берут, но и оружейников. Что там Теодор говорил, его квартира в отдельном крыле, куда рабочим хода нет. Все равно опасно, незачем это затягивать. Убить Мэтью, забрать Констанцу и уехать в Англию. Больше мне тут делать нечего".

Он вспомнил бронзовые волосы, тонкий запах жасмина, нежные, мягкие губы, и, опустив глаза к столу — налил себе еще вина.

— О, — хозяин привстал, — смотри-ка, малыш Франсуа. Бедняга, чуть брата не потерял, какой-то ублюдок его в Сену сбросил. А это кто с ним?

Джон замер. Она стояла на пороге — маленькая, хрупкая, в той же потрепанной куртке, волосы были убраны под шапку. Зеленые глаза оглядели зал. Женщина, улыбнувшись, сказала что-то Франсуа.

Хозяин посмотрел на лицо Джона: "Сейчас второй горшок принесу, и больше ты меня не увидишь. Ну, сегодня".

mir-knigi.org

— Это не… — попытался ответить Джон. Мужчина напротив, усмехнулся: "Я еще не ослеп, дорогой Жан. А ты дурак будешь, если отсюда уйдешь один, понял?"

— Дурак, — пробормотал Джон, вставая, потянувшись за чистым стаканом. Марта присела на грубую, деревянную скамью. Выпив залпом вино, не отводя от него твердого, прямого взгляда, она проговорила: "Я пришла сказать вам, что я была дура там, в лесу. Я два года этого хотела и ждала вас, а потом — растерялась. Простите меня. Я хочу исправить свою ошибку".

Она перегнулась через стол и поцеловала его — мягко, ласково. "Господи, — подумала Марта, — как хорошо. Вот сейчас надо успеть, а то уже суп несут".

— Я вас люблю, — добавила она и уселась на место. Хозяин поставил перед ней закопченный горшочек, Загадочно улыбаясь, он водрузил на стол запыленную бутылку зеленого стекла. "Это, — он поднял бровь, — белое бордо, времен деда нашего доброго короля Луи. От заведения, — добавил он, увидев, как Джон достает кошелек.

— Мое любимое вино, — сказала Марта, обжигаясь, с жадностью втягивая горячий, дымный суп.

— У тебя сыр на носу, — ласково проговорил Джон, закуривая, беря ее тонкую, белую руку. "Я тебя люблю, Марта де Лу, — он почувствовал, как улыбается, — широко, счастливо.

Марта смешно повела носом. Он, все не в силах отпустить ее пальцы, велел: "Сейчас ты поешь, а кофе будем пить у меня. И вино — тоже заберем. Нам здесь надо только к обеду появиться".

Она опустила ложку в горшочек и томно посмотрела на него: "Так у нас много времени".

Джон потянулся, и снял остатки сыра с ее носа: "Нет. С тобой мне никогда не будет его хватать — этого самого времени".

Марта порылась в кармане куртки, и, положила что-то на стол: "У меня в семье так принято. Когда-то давно, месье Мишель подарил своей жене синий алмаз. Вот он, — она кивнула на кольцо. "Положено отдать его тому, кого ты любишь".

Джон взял кольцо. Полюбовавшись сиянием камня, протянув руку, он накрутил на палец бронзовую прядь, что выбилась из-под ее шапки. "А если бы ты меня тут не нашла? — спросил герцог.

Марта хмыкнула: "Я бы все равно — рано или поздно вас разыскала. У Франсуа хорошие знакомства, а мне упорства — не занимать".

— Это я знаю, — ласково сказал Джон и, глядя в зеленые глаза, улыбнулся: "Ты станешь моей женой, Марта?"

— Конечно, — она покраснела. Джон, взяв ее пальцы, склонившись над ними, целуя каждый — надел ей кольцо.

Марта отставила горшочек. Достав кожаный футляр, подперев подбородок кулачком, она закурила сигарку.

— А почему мы должны появиться тут только к обеду? — поинтересовалась она.

Джон вздохнул: "Не след от нее такие вещи скрывать. Да все сегодня и закончится, я его

живым больше оставлять, не намерен".

— Ты только не волнуйся, — осторожно сказал Джон, — но, как мне донесли, мистер Мэтью успел устроиться рабочим в Арсенал.

Марта сдавленно выругалась, и, затушила окурок: "Я смотрю, в Арсенал тоже — кого попало нанимают. Что, обедают они тут? — она повела рукой в сторону медленно пустеющего, — рыночные торговцы расходились открывать свои лавки, — зала.

— Угу, — Джон поднялся и потянул ее за руку: "Пошли. Я тебе обещаю, до вечера мистер Бенджамин-Вулф не доживет".

— А ты всегда выполняешь свои обещания, — повторила Марта, когда они выбрались в утреннюю суету рынка.

— Конечно, — Джон все еще держал ее за ладонь. "Только у меня совсем маленькая каморка, — он внезапно остановился, — тут, рядом, по дороге к Бастилии. Я там и не был еще. Жак мне объяснил, как идти, и ключ дал".

Марта рассмеялась и забрала у него бутылку. "Выпусти меня, все-таки люди вокруг, а я в мужском наряде. Это тебе не у "Прокопа" сидеть или у Сен-Жермен де Пре прогуливаться, там к такому привыкли".

— Я незаметно, — жалобно попросил Джон. Марта вспомнила примятую траву в Венсенском лесу. "Я тебе кое-что расскажу о Мэтью, — она замедлила шаг, — только у меня нет прямых доказательств".

Джон слушал ее, а потом вздохнул:

— Дела это не меняет, разве что только, — он внезапно остановился, и быстро толкнул Марту за угол, в кучу отбросов. Отвернувшись к заплеванной стене, покачиваясь, он помочился, и, незаметно повернул голову. Джон увидел, как невысокий, изящный, золотоволосый человек нырнул в каменный проем, что вел во двор дома по соседству.

— Пики козыри, — Констанца раздала карты: "Тетя Тео, а почему вы не знали, что дядя Дэниел — ваш брат?"

Девушка покраснела. Дэниел улыбнулся: "Я тоже — не знал, дорогая Констанца. У меня и Тео один отец, так бывает". Тео посмотрела в свои карты: "Жанна говорит, у меня все на лице написано, мне не стоит за игру садиться. Ты ведь дождешься ее? — она взглянула на Дэниела. "Я хочу, чтобы вы познакомились".

— Конечно, — Дэниел посмотрел в сторону золоченой двери, что вела из малой гостиной в кабинет Марты, и вспомнил слова Теодора: "Нет причин для волнения. Франсуа вернулся, когда я только встал, и сказал, что она — с надежным человеком".

— С кем? — поинтересовался Дэниел, наливая себе кофе.

Мужчина только пристально поглядел на него: "Не стоит вам сейчас встречаться. Все-таки война идет, мало ли что. Как перемирие заключат, тогда и познакомитесь".

— Ты же ученый, — изумленно заметил Дэниел. Теодор чиркнул кресалом. Раскурив сигару, он

согласился: "Ученый. Химик, геолог, горный инженер. А остальное, — он усмехнулся, — я делаю в свободное время. Сейчас съезжу в Арсенал, проверю, как малыш, и займусь работой".

Дэниел увидел, как он все еще улыбается: "Вроде и не похожи они с Меиром, тот его на две головы ниже, а повадка — одна и та же. Глаза словно лед, еще обрежешься. Никогда бы я не смог разведкой заниматься, не для меня это".

— Съешь булочку, — примирительно сказал Дэниел. "Я больше ни одного вопроса не задам, обещаю. Только о вчерашних опытах. Или вот еще о чем… — ему внезапно пришли на ум рассказы старых охотников, что он слышал ребенком, еще в Виргинии.

Федор прошелся по столовой, дымя сигарой: "Что у вас там уголь есть — это, несомненно. Как тут, — он указал рукой на север, — во Фландрии. Я все хочу туда съездить, в отпуск, побродить там, поговорить со старожилами. Тут, конечно, не как у нас на Урале, — по руде ногами ходишь, — но все равно, дело это прибыльное".

Дэниел откинулся на спинку изящного стула: "Скучаешь ты по России, я вижу. А я — по Америке тоскую".

Федор осмотрел себя в зеркало, и, пробормотав:

— Вроде неплохо галстук завязал, — повернулся к Дэниелу. В голубых глазах было сочувствие:

— Ты же дипломат, — вздохнул мужчина, — так что придется привыкнуть. Я уже привык, — он потушил окурок и похлопал Дэниела по плечу: "Может быть, и до вашей Виргинии доберусь, раз домой мне вернуться не суждено".

Дэниел выложил свои карты на стол. Констанца, сладко улыбнулась: "Вы проиграли, оба. Это потому, что у меня с математикой хорошо. Жаль только, — она стала тасовать колоду, — что у меня теперь ни брата, ни сестры уже не будет. Один Майкл, сын дяди Питера, а он мне кузен. Еще и младший, — Констанца подняла темную бровь.

— А ведь она красавицей вырастет, — подумала Тео. "Только уж очень она бойкая. За такими девочками глаз да глаз нужен".

— Мы с дядей Дэниелом постоим на балконе, раз такой день теплый, — он поднялась, шурша утренним, светлым шелковым платьем, расшитым изящными бутонами роз. Констанца тяжело вздохнула: "Могли бы просто услать меня в детскую, и все".

— Ты бы обиделась, — Дэниел нагнулся и поцеловал ее в лоб. "Ты, если хочешь, пока напиши что-нибудь о вчерашнем вечере. Месье Лавуазье знает редактора из La Gazette, он мне за ужином обещал — замолвить за тебя словечко".

Девочка открыла рот. Она постояла так, не сводя глаз с мужчины. "Я сейчас, — наконец, пообещала Констанца, — прямо сейчас сяду, и все сделаю. Все опыты у меня в блокноте есть…, - Констанца, забыв о картах, побежала в детскую.

Тео перегнулась через кованые перила балкона и посмотрела на рю Мобийон.

— Так мерзко, — она скривилась, — мерзко прятаться от этого Мэтью. Марта мне рассказывала — он в Лондоне пытался отравить Тедди. Нашего брата, — она улыбнулась. Дэниел, встал рядом: "Тео…, Если ты можешь — пожалуйста, прости отца. Когда он умер, — мужчина

помолчал, — я плакал. Я сам от себя такого не ожидал, после всего, что было".

Темные косы развевал легкий ветер. Она молчала, а потом, коснувшись жемчужного ожерелья на шее, ответила:

— У Мэтью до сих пор есть та дарственная, я уверена. Руки нашего отца, в которой он меня, — алые губы дрогнули, — отдает своему сыну, моему брату, — Тео раздула ноздри, — как игрушку. Я, наверное, должна быть благодарна мистеру Дэвиду, что он решил меня сам не насиловать, — выплюнула женщина. Обернувшись, увидев его лицо, Тео добавила, сжав пальцы: "Я бы хотела, Дэниел. Иисус нам заповедовал прощать своих обидчиков. Но я не могу, не могу, — Тео внезапно заплакала, уткнувшись лицом в его плечо. Дэниел гладил ее по голове и повторял: "Ну что ты, сестричка. Я больше никогда об этом не буду говорить, никогда…"

Потом она успокоилась, и Дэниел протянул ей платок: "Наш младший брат вырастет, и освободит всех рабов, это я тебе обещаю. Землю продавать не будем, иначе там опять, — Дэниел поморщится, — кто-нибудь плантации устроит".

— Так и будет пустовать? — Тео высморкалась. "Может, лучше предложить неграм взять ее в аренду, тем, кто хочет? А кто не хочет — как матушке Фримен, выплатить денежную компенсацию, и пусть в городах устраиваются".

— Я посижу, — пообещал Дэниел, — подумаю, как это лучше сделать, с точки зрения законов. Все равно, пятнадцать лет должно пройти, — он развел руками, — Тедди сейчас только три года.

— Не хочу брать эти деньги, — брезгливо заметила Тео, запахивая шаль, — они все потом и кровью негров политы. Когда война закончится, напишу Бромли в Лондон, пусть он их сразу в театр присылает — я собираюсь стипендию для девочек учредить.

Дэниел помолчал: "Тео, может быть, у тебя еще дети будут…, Или у…, - он не закончил, и покраснел: "Вообще, это не мое дело, конечно, прости".

— Ты же мой брат, — Тео поцеловала его в лоб. "Я тебе и так рассказать хотела, а видишь, — она рассмеялась — ты и сам догадался. Нет, — она покачала изящной головой, — у нас детей не будет, Дэниел. Как я уйду со сцены — может, воспитанницу возьмем, — Тео коротко вздохнула. В гостиной зазвучал звонкий голос Констанцы: "Я все написала, идите сюда, и слушайте!"

Марта стряхнула с рукава куртки картофельные очистки и принюхалась — одежда пахла мочой.

— Конечно, — смешливо подумала она, — мимо этой кучи всю ночь гуляки шатались.

Джон подождал, пока проедет телега: "Он в тот дом зашел, доставай пистолет, и за мной".

Марта вскинула голову вверх: "По крышам тут не убежать, слишком далеко надо прыгать. Значит, мы его сейчас застанем врасплох".

— Не делай поспешных выводов, я же тебе говорил, — одернул ее Джон. Мягко, неслышно открыв рассохшуюся дверь, он замер на пороге.

Деревянная, узкая лестница воняла засохшей, кислой рвотой. Откуда-то из темноты появилась

одноглазая, облезлая кошка и выскользнула наружу.

— Тихо, — одними губами сказала Марта.

Джон наклонил голову. "Как будто зверя выслеживает, — подумала женщина. "Так оно и есть".

— Третий этаж справа, — наконец, шепнул он. "Только не надо шуметь".

Они неслышно поднялись по заплеванным ступеням. Марта, наконец, различила два голоса, что раздавались из-за низкой двери каморки.

— Мэтью там не один, — она тронула Джона за плечо. "Я уже понял, — пробормотал тот. Опустившись на колени, он осторожно приник к щели в двери.

— Посмотри, — наконец, сказал он. "Что ты там говорила — Мэтью в таком замечен не был? Полюбуйся".

Марта наклонилась и почувствовала, что краснеет. Джон быстро поцеловал ее в щеку. Подтолкнув Марту к лестнице, он велел: "Будь внизу".

— Но разве ты не собираешься..., - она нахмурила бронзовые брови и указала глазами на пистолет в его руке.

— Я уже не в том возрасте, когда ногами вышибают двери, — ядовито ответил герцог, убирая оружие, прислоняясь к стене. "Я просто подожду, пока кто-нибудь выйдет".

— А если они оба выйдут? — поинтересовалась Марта, все еще не спускаясь вниз.

— На этот случай, — Джон развернул ее, — у меня есть ты. Но, скорее всего, — он усмехнулся, — нам даже не придется пускать в ход пистолеты. Пока, — добавил он, и коснулся ее руки: "Скоро все будет кончено, обещаю тебе".

Марта посмотрела в спокойные, светло-голубые, прозрачные глаза и кивнула. Устроившись на нижней ступеньке, она кое-как почистила свою запачканную куртку: "Жена. Как странно. У него дети — на два года младше меня. Никакая я им не мачеха, конечно, Марта, и все. А у Тедди отец будет, — она подперла щеку рукой. Еще сильнее зардевшись, ощутив локтем бутылку вина в кармане, Марта тихо рассмеялась: "Шли-то совсем не за этим. Господи, сделай так, чтобы все получилось, пожалуйста".

Подняв зеленые глаза наверх, к деревянным, источенным балкам, она стала ждать.

В крохотной каморке пахло потом, какой-то кислой грязью. Мэтью, незаметно, брезгливо отодвинув рваную, в пятнах простыню, положил голову на плечо мужчине.

— Так ты проведешь меня в то крыло? — спросил он, улыбаясь. "Уж больно охота посмотреть, как инженеры живут".

Он говорил с резким, простонародным акцентом: "Устал уже язык ломать. Ничего, покончу с младшим братом, а дальше — будет легче. Дэниел, надо же, сильным оказался, не стал вешаться. Значит, застрелю его. И с этими двумя сучками развлекусь — сестрицей и женой".

— Конечно, милый, — мужчина потянулся и, посмотрев на часы, — перевернул Мэтью на бок. "Еще успеем, — пробормотал он. Мэтью, сладко застонал: "Вернусь домой, и заведу себе негра для этого. Уж больно хорошо".

Он раздул ноздри и пообещал себе: "А сестрицу и жену вдвоем в постель уложу. Вдоволь налюбуюсь, когда им пистолет к виску приставишь — они на все готовы. Жаль, что у меня нет таких талантов, как у маркиза. Он же мне рассказывал об этой книге, что в крепости писал. Я бы тоже, — Мэтью невольно усмехнулся, — оставил о себе память".

Старая кровать скрипела. Мэтью услышал задыхающийся голос сзади: "Когда придешь на свою смену, спускайся ко мне в подвал, я тебя в то крыло отведу".

— Как все просто, — усмехнулся про себя Мэтью. "Не зря я себе еще и немецкие бумаги купил — взяли в Арсенал, даже глазом не моргнув. Очень вовремя — потому что я видел, как туда братца моего привезли. Меня-то никто не заметил, а я все замечаю. И этот, — он нашел руку мужчины и крепко сжал ее, — достаточно было просто держать уши открытыми, и все. Слухи, — Мэтью улыбнулся, — оказались правильными".

— Я у тебя останусь, можно? — спросил он потом. "Уж больно спать хочется. Отсюда до работы ближе".

— Конечно, — мужчина ласково поцеловал его. Мэтью, свернувшись в клубочек, накрывшись грубым, шерстяным одеялом — помахал ему рукой.

Дверь тихо закрылась. Он, посмотрев на свои испачканные ладони, зевнул: "Перед сменой помоюсь. А там все легко будет — пристрелю этого щенка и поминай, как звали".

Мэтью закрыл глаза и увидел перед собой маленький, уединенный дом на поляне леса. Он так и заснул — слыша мольбы о помощи, представляя себе изуродованные, окровавленные лица женщин.

Джон легко взбежал на пролет выше. Взглянув вслед неприметному мужчине в одежде рабочего, он усмехнулся: "Тоже, наверняка, из Арсенала. Ничего, сейчас мы навестим мистера Мэтью".

Марта, что вовремя выскочила во двор, подождала, спрятавшись за трухлявым сараем, откуда доносился крик петуха. Поднявшись к Джону, женщина тихо спросила: "Он там один?"

— Думаю, да, — кивнул герцог и взял ее за руку. Марта чуть покачнулась, почувствовав его сильные пальцы. Джон, приблизил губы к ее уху: "Сейчас все это закончится, мы с Теодором привезем маленького домой, собирайтесь и поедем".

— В Англию? — ее губы улыбались.

— Это на Рождество, — смешливо ответил герцог. "Будет очень красиво — зимнее венчание. Мне надо замок в порядок привести, для медового месяца, и вообще — он поцеловал бронзовый висок, — получить отпуск. А сейчас я тебя и малыша кое-куда отвезу, на пару дней".

— К себе в каморку? — поинтересовалась Марта.

— Увидишь, — пообещал герцог. Порывшись в кармане холщовой куртки, он достал отмычку.

Замок мягко щелкнул. Они, неслышно ступая, вошли в комнату. Джон наложил засов на дверь и кивнул в сторону кровати.

Марта увидела золотистый, коротко стриженый затылок. Справившись с подступившей к горлу

тошнотой, женщина вынула пистолет.

Мэтью, сквозь сон, почувствовал в комнате какое-то движение, и открыл глаза.

— Тихо, — велел знакомый, сухой голос. Он забился, ощутив, как твердые руки прижимают его к постели.

— Тихо, — повторил Джон, встряхнув его.

— Она, — подумал Мэтью. "Надо бежать, выпрыгнуть из окна…, У нее пистолет, отцовский, тот самый, из которого я мистера де Лу застрелил".

Марта уперла дуло оружия ему в лоб: "Вот мы и встретились, Мэтью. Я пришла отомстить за своего отца".

Мэтью почувствовал что-то теплое между ногами, в комнате резко запахло мочой. Он, плача, отведя взгляд от зеленых, холодных глаз женщины, провыл: "Ты не сможешь, …не сможешь меня убить, Марта".

Он, было, попытался вырваться, но Джон коротко проговорил: "Даже и не думайте. Я не люблю, когда меня обманывают, мистер Бенджамин-Вулф. Марта, — он посмотрел на женщину, — возьми подушку, так будет меньше шума".

— Я знаю. Так он застрелил моего отца, — спокойно сказала женщина. Мэтью, трясясь, всхлипывая, пробормотал: "Не убивайте, не убивайте меня!"

— Это не убийство, — поправила его Марта. "Это казнь".

Она прижала к виску мужчины подушку и выстрелила. Кровь хлынула на простыни, тело дернулось. Марта, спрятав пистолет, покачнулась. Она опустилась на заплеванный пол и заплакала — тихо, горестно, пряча лицо в руках.

Марта почувствовала его руки, — сильные, крепкие. Джон, прижав ее к себе, чуть покачивая, ласково сказал: "Все, все, любовь моя. Все это закончилось и больше никогда не вернется. Мы теперь будем вместе, — маленький, ты, и я. Не надо, не надо…"

Женщина тяжело вздохнула. Встряхнув головой, сбросив шапку, Марта распустила теплые, бронзовые косы. В свете восходящего солнца они играли золотыми искрами. Джон, поднявшись, потянув ее за руку, — подвел к окну каморки.

Они так и стояли, обнявшись, глядя на солнце, что всходило над крышами Парижа — яркое, спокойное солнце ранней осени.

Мальчик проснулся рано утром. Сладко зевая, потерев глаза, он оглядел незнакомую, уютную комнату.

— Не Арсенал, — понял Тедди. Там было интересно — пахло порохом, из больших, каменных зданий что-то шумело — даже по ночам. Няня ворчала, а мальчик спокойно задремывал — дядя Теодор приходил к нему вечером и пел что-то — на незнакомом языке, ласковое.

— Про котика, мама мне говорила, — Теодор повозился в кроватке и принюхался — пахло жасмином. "Мама тут! — обрадовался он. Вечером, когда они приехали сюда, он уже почти спал — и не успел все как следует осмотреть.

Окно было приоткрыто. Мальчик услышал, как где-то поблизости поют птицы. Журчал фонтан. Он, улыбаясь, сев, позвал: "Мама!"

— Тихо, старина, — мужчина, что спал на стоящем в гардеробной диване, поднял светловолосую голову. "Мама устала, не надо ее будить".

Он встал, и, присев на кровать к Тедди, устроил его у себя на коленях. Мальчик прижался к нему — пахло осенним лесом, — и посопел: "Гулять пойдем?"

— А как же, сыночек, — Джон поцеловал каштановые, теплые кудри. "Сейчас приведем себя в порядок, я тебе завтрак приготовлю, на лошади покатаю..."

— На большой лошади! — утвердительно сказал Тедди.

— Других тут нет, — рассмеялся Джон. "Дома у тебя пони, конечно, будет. Давай, — он поднял мальчика на руки. Тот, посмотрев на него лазоревыми, красивыми глазами, неуверенно проговорил: "Папа?"

— Именно так, — Джон потерся носом об его щеку: "Господи, я уже и забыл — какие они, маленькие". Теодор завертелся и серьезно попросил: "Ногами. Я же не малыш, папа".

— Ты уж мне разреши, старина, — улыбнулся Джон, — немножко тебя на руках подержать.

Он заглянул в соседнюю комнату — Марта спала, бронзовые косы рассыпались по кружевным подушкам и Джон вздохнул: "Бедная девочка. Она еще в седле носом клевала. Кто угодно вымотается от всего этого. Пусть отдыхает, мы с Тедди сами управимся".

— Сначала в умывальную, — сказал он ребенку, — а потом — все остальное. Тедди все-таки слез на паркет и зашагал рядом — держась мягкой, детской ручкой за пальцы Джона. Герцог тихо закрыл дверь спальни: "Булочки мы из Парижа привезли, а за молоком сейчас сходим. Тут ферма неподалеку есть".

Уже когда они вышли на каменную террасу, Тедди обернулся: "Это твой дом?"

Джон взглянул на изящные, спускающиеся в небольшой сад, лестницы, на колонны и кованый балкон второго этажа, и усмехнулся: "Друга, старина. А мы с тобой и мамой, — он пощекотал ребенка, — будем жить в замке, далеко отсюда".

— Вернее, Марта и Тедди будут жить, — поправил себя герцог, когда они уже шли к воротам. "Маленький Джон в Кембридже, я — то в Лондоне, то на континенте..., Нет, — он покачал головой, — не в замке. Слишком уж далеко. В Саутенде, там и Тедди будет хорошо, все-таки морской воздух. Сорок миль до Лондона, за день можно обернуться".

— Ну, — потянул его за руку мальчик, — пошли, папа, а то я голодный!

Он улыбнулся, и потрепал сына по голове: "Нам с тобой еще и обед надо будет приготовить, старина, здесь слуг нет. Сейчас в деревне рыбы купим, свежей, Сена рядом".

— Я тебе помогу, — важно сказал ребенок, идя рядом, и добавил: "Папа".

Констанца ворвалась в столовую, держа в руках газету. Девочка с порога крикнула: "Меня напечатали! Напечатали!"

— Ну-ка, дай посмотреть, — Федор приподнялся и взял у девочки La Gazette: "Поздравляем, тебя, месье Констан".

— Все равно, — недовольно заметила девочка, садясь на свое место, отрезая хороший кусок паштета, — пришлось мужской псевдоним взять. Ничего, — Констанца набила рот хлебом и неразборчиво продолжила, — я теперь всегда его буду использовать.

— Если бы ты писала светскую колонку, милая — Тео отпила вина, — можно было бы это делать и под женским именем.

Констанца презрительно фыркнула: "Скорее я умру, тетя Тео, чем буду отираться по гостиным, собирая сплетни. Нет, — девочка зажала в руке нож и воинственно продолжила, — я буду посещать лаборатории ученых, мануфактуры, спущусь в шахту..."

— Для этого тебе придется поехать в Германию, — добродушно заметил Федор, внимательно просматривая мелкий шрифт внизу газетного листа. "Или в Англию. Во Франции пока нет глубоких шахт, милая, все рудные разработки ведутся открытым способом".

— Поеду, — Констанца отхлебнула сидра и подозрительно спросила: "А почему тетя Марта и маленький Тедди в деревню отправились?"

— Отдохнуть, милая, — Дэниел скосил глаза на газету и велел Федору: "Дай-ка".

— Загадочное происшествие у Бастилии, — прочел он. "В бедняцком квартале обнаружен труп рабочего Арсенала, эльзасца, месье Матиаса Лаута. Недавно принятый в Арсенал мастер был убит выстрелом из пистолета в висок. Префектура Парижа ведет расследование".

В столовой повисло молчание. Констанца, пережевывая ветчину, сморщила нос. "Очень сухо написано, — заметила девочка. "Неинтересно. Вот какой надо заголовок: "Кровавая драма в трущобах Парижа". Она обвела глазами взрослых и недоуменно спросила: "А что, этого месье Лаута, — знал кто-нибудь?".

— Нет, — тихо ответил Дэниел, складывая газету. "Мы его не знали, милая".

Он стоял на балконе, глядя на Тео, что вела за руку Констанцу. Сестра обернулась и помахала Дэниелу рукой. "В Тюильри гулять пошли, — раздался сзади голос Федора. "Теперь это безопасно. Держи, — он протянул мужчине зажженную сигару.

— Да я не..., - было, сказал Дэниел и, осекшись, — затянулся. "Хорошие сигары, — наконец усмехнулся он. "Наш отец их курил".

Федор проводил взглядом темную и рыжую головы. Наклонившись, он поднял с каменного пола балкона желтый лист: "Я съезжу в префектуру, заберу тело. Мой патрон, — он криво улыбнулся, — отец Анри, отслужит поминальную мессу. Похоронить на кладбище Мадлен можно. Ты..., вы, — поправил себя Федор, — пойдете? Ну, на отпевание и потом..., - он повел рукой в воздухе.

— Тео не пойдет, — Дэниел все смотрел на улицу. "Я схожу потом, как из Марокко вернусь. Спасибо тебе, Теодор".

— Оставь, мы же семья, — хмыкнул мужчина. Дэниел взглянул в упрямые, голубые глаза. Он стоял, чуть наклонив красивую голову, рыжие волосы шевелил легкий ветер. Дэниел, собравшись с духом, спросил: "Ты ведь любишь Тео, я прав?"

— И буду любить всегда, — просто ответил Федор. "Пока мы с ней живы".

Он поднял руку, увидев, как Дэниел открыл рот: "Я все знаю, что ты мне хочешь сказать. Ты просто помни — я за твою сестру жизнь отдам. Так что не беспокойся, — он похлопал Дэниела по плечу, — езжай и делай свое дело. Ладно, — Федор взглянул на карманные часы, — мне на лекцию пора, а потом — в префектуру. Я все устрою".

Он вышел. Дэниел, затянувшись сигарой, вспомнив нежную, мимолетную улыбку на жестком лице, пробормотал: "Как это там, в Песни царя Соломона? Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь. Так оно и есть, — он посмотрел на башни церкви Сен-Сюльпис, и перекрестился: "Господи, упокой их души — отца моего, брата моего. Прости их, пожалуйста, прими их в лоно свое".

Дэниел потушил окурок и. Тяжело вздохнув, он долго стоял, слушая звон колоколов — начиналась обедня.

Марта присела у клавесина и обернулась: "Тедди не проснется, он крепко спит, хоть из пушек стреляй. Я тебе Баха сыграю, того, что в Лондоне играла".

За окнами маленькой гостиной полыхал закат. Марта положила руки на клавиши: "Не проснется, конечно. Набегался, на лошади накатался, на лодке — прямо за столом заснул. Да что это я, краснею, что ли?"

Огни свечей чуть дрожали, Джон сидел, с бокалом вина в руке, глядя на ее тонкий, красивый профиль, на убранные, заколотые шпильками волосы, вдыхая запах жасмина. Она играла, прикусив нежную губу и, закончив концерт, глубоко, прерывисто задышала: "Я и не думала, что…."

— Это я не думал, — Джон поднялся, и, наклонившись над ней, провел губами по нежной шее. Марта вздрогнула, крохотный, золотой крестик закачался, заблестел изумрудами. "Я в тебя влюбился прямо там, — он рассмеялся, — в передней, когда ты на меня пистолет наставила".

— Ты не говорил…, - она почувствовала его сильные, нежные руки. Глубоко вздохнув, Марта откинулась назад — прямо в его объятья.

— Не говорил, — согласился он. "Я боялся, со мной тоже такое бывает. Я тебя на два десятка лет старше, не красавец, и вообще, — он ощутил прикосновение ее губ, и попросил: "Иди сюда, Марта, пожалуйста…"

— Что ты делаешь? — почти испуганно спросила она, когда Джон, устроив ее в кресле — опустился на колени. "Зачем?"

Он поднял глаза и ласково сказал: "Сейчас увидишь, любовь моя".

— Так…разве можно…, - задыхаясь, прошептала женщина, — я…, не знала.

— Так нужно, — ответил Джон. От нее пахло жасмином, она была теплой, нежной. Джон зажмурил глаза: "Не бывает такого. Она вся светится, как будто солнце встает — летним, тихим утром".

— Я люблю тебя! — Марта вцепилась пальцами в ручки кресла, мотая растрепанной головой, теряя шпильки.

Джон, на мгновение, оторвался от нее. Марта, наклонившись, целуя его, простонала: "Еще…"

— Вся ночь впереди, — мужчина усмехнулся и поднял ее на руки: "Эта, и все остальные ночи — пока мы с тобой живы".

Он прижал ее к стене. Марта, снимая с него рубашку, порвав шнурки на вороте, услышала шорох шелка — ее юбки упали на пол.

— Прямо здесь…, - велел Джон, — я больше не могу терпеть, совсем не могу.

— Я тоже…, - она уронила голову на крепкое, загорелое плечо, волосы хлынули вниз, — тяжелой, бронзовой волной. Она, опустившись на паркет, прижала его к себе: "Я все еще не верю…"

Он провел губами по белой, белее снега, тонкой щиколотке. Взяв ее лицо в ладони, целуя ее, Джон еще успел проговорить: "Ты моя жизнь, Марта, и так будет всегда".

— Как музыка, — подумала женщина. "Господи, так вот как это бывает — когда любишь". Она обняла его — всем телом, и Джон услышал ее шепот: "Я твоя, вся, вся твоя…"

Уже потом, в постели, устроившись рядом, Марта серьезно спросила: "А что же теперь будет, — она еле сдержала смех, — с моим любовником?"

Джон погладил ее пониже спины, и, улыбнувшись — закинул руки за голову. "Месье Корнель за два года приобрел устойчивую репутацию серьезного человека — благодаря тебе. Святые отцы его больше проверять не будут. Тем более, он в самом Риме знакомства завел. Можешь его бросать — со спокойной душой".

Марта почесала нос. Подвигавшись, она протянула: "Тогда пусть он в декабре довезет нас троих до Кале — меня, Теодора и Констанцу. Там я его и брошу, — она расхохоталась: "А ты туда приедешь, хорошо? — Марта ахнула. Джон, удерживая ее, ответил: "Не волнуйся, дорогая жена. А теперь сиди, я сам все сделаю".

Потом она укрылась в его руках, и зевнула: "Завтра, …то есть сегодня утром, я тебя разбужу. Даже и не жди, что выспишься".

— Я и не собирался, — Джон взял ее руку и смешливо шепнул: "Это тебе — спать не придется, вот, убедись".

-Ca commence par un baiser, ca finit par un bebe, как говорят у нас в Квебеке, — она скользнула вниз и подняла невинные, зеленые глаза. "Или ты не хочешь?"

Джон застонал и рассмеялся: "Больше всего на свете хочу, любимая. А еще у вас говорят, — он перевернул ее на спину, — chaque chaudron trouve son couvercle. Вот к Рождеству и увидим — что у нас получилось, в этом самом, — он нежно раздвинул стройные ноги, — горшочке.

Марта прижала его голову к себе, и еще успела сказать: "Ты хорошо…знаешь наши пословицы".

— Я вообще способный, — донеслось снизу. Марта, поискав пальцами, найдя кружевную подушку — закусила ее угол.

Потом, обнимая ее, Джон проговорил: "Но я тебя, Марта де Лу, не намерен освобождать от

работы, ты не думай. Будешь для меня отчеты писать — это днем".

— Или ночью, — Марта рассмеялась. Поерзав, она серьезно добавила: "Нет, судя по всему — ночью я буду другим заниматься".

— Будешь, — пообещал Джон, окуная лицо в распущенные, мягкие волосы. Она тихо, прерывисто задышала, и, услышав его шепот: "Люблю тебя!", так и заснула — вдыхая запах леса, чувствуя его ласковую, твердую руку.

В большой, светлой гостиной на набережной Августинок пахло розами. Констанца сидела на ковре, разложив перед собой счетные палочки.

— Два и два, — важно сказал Тедди, почесав каштановые кудри, — будет четыре. Хочу еще, — он потянулся к шкатулке красного дерева.

Женщины устроились за круглым столом. Жанна, распахнув большой альбом с образцами тканей, улыбнулась: "Сейчас я вам все расскажу — что весной и летом носить будут. Как раз к Пасхе все и привезут, что я заказала, — она нашла под столом руку Тео и погладила ее.

— Господи, — подумала Тео, — как я ее люблю. Девочка моя, вчера прямо в передней стала меня целовать..., Я так скучала, так скучала.

Жанна качнула белокурой, изящной причесанной головой: "Но ты же, Марта, от нас уезжаешь. Так что ткани, те, что для тебя и Тедди — будут лежать, ждать".

— Я приеду, — Марта привстала и прижалась щекой к ее щеке. "Обязательно приеду, милые мои".

— Выглядишь хорошо, — невинно заметила Жанна. "Деревня тебе на пользу пошла, дорогая моя".

Женщины рассмеялись. Констанца наклонила голову: "Стучат. Это, должно быть, дядя Теодор и дядя Дэниел, карета уже приехала".

— Я открою, — Жанна поднялась. Марта, проводив глазами стройную спину в синем шелке, шепнула Тео: "Ты ей ничего не говори".

— Нет, конечно, — смуглые щеки чуть зарделись. "Незачем ей об этом знать. Я ей сказала, что Мэтью умер, и все. Жанна с Дэниелом очень подружились, так хорошо, — Тео взглянула на корзину белых роз, что украшала гостиную. Марта, еще тише, проговорила: "Теодор для тебя все сделает, ты же знаешь".

— Знаю, — Тео, на мгновение, опустила длинные ресницы. Вставая, улыбаясь мужчинам, она весело велела: "За стол, за стол! Жанна привезла отличное божоле, купила его по оптовой цене, — Тео вскинула бровь, — андулет..."

— Свиные кишки, фу, — громко сказала Констанца.

— Я съем твою долю, — пообещал Федор, наклоняясь, целуя детей.

— И засахаренные каштаны, — закончила Тео.

— Прямо с них и начну, — пообещала Констанца: "Как я вам завидую, дядя Дэниел, в Марокко,

наверное, так интересно".

— Приеду, — мужчина подал ей руку, — и все вам расскажу.

— А мы, — Жанна тоже взяла его под руку, — тебе еще в карету кое-какие припасы собрали, до самого Марселя хватит. И ты непременно должен узнать, как там, в Магрибе, готовят. Когда ты вернешься, мы устроим прием в твою честь".

Марта проводила их глазами. Подав руку Федору, она усмехнулась: "У тебя осталось еще три месяца, дорогой любовник. После этого мы расстанемся"

— Нет, — он подхватил маленького Тедди и тот блаженно рассмеялся, — мы же семья, Марта, мы теперь — всегда рядом будем. И, — он понизил голос, — я за вас очень рад, за тебя, и за Джона. Будьте счастливы. Дэниел постарается узнать в Марокко что-нибудь о моей кузине, он обещал.

— Ты, — велела Марта, заходя в столовую, — не забудь о работах Джованни, все равно, — она тихо вздохнула, — мне кажется — жив он.

— Не забуду, — Федор отодвинул для нее стул. Посадив рядом ребенка, он улыбнулся: "Сначала откроем шампанское, мадемуазель Бенджаман, мадемуазель де Лу. Выпьем за то, чтобы вашему брату, — он устроился напротив Дэниела, — все удалось".

— Непременно, — уверенно отозвался Дэниел. Марта, приняв хрустальный бокал, поймав ласковый взгляд Тео, сказала: "Все будет хорошо".

Эпилог

Марокко, декабрь 1780

Загонщики удерживали на бронзовых цепях пару гепардов. Головы животных были закрыты кожаными, вышитыми колпаками. Дэниел, перегнувшись в седле, спросил: "А это зачем, Малик-ага?"

Малик погладил темную, с проседью бороду: "Только при его величестве меня так не называйте, Даниял, я все-таки его подданный, а не оттоманского султана. Глаза гепардам прикрывают для того, чтобы они раньше времени не сорвались в погоню. Сейчас их отпустят, собаки уже окружили антилоп, — Малик приставил ладонь к глазам и коротко, гортанно крикнул: "Вперед!"

Дэниел покраснел. Малик, заметив это, потрепал его по плечу: "Ничего, вы, сразу видно, у знающего человека арабскому языку учились. Просто здесь, у нас, на западе, он немного другой. Но вы быстро схватываете. Поехали! — темные глаза советника султана жадно, яростно заблестели. Он, хлестнув плетью гнедого коня, бросился вслед за гепардами.

— Как молния, — восхищенно подумал Дэниел, пришпоривая своего берберского жеребца. Гепарды неслись широкими скачками. Он увидел, как пара зверей валит на землю тяжело дышащих, стройных газелей.

— Вот и все, — Малик посмотрел на то, как загонщики оттаскивают гепардов от добычи: "Это, конечно, славная охота, разгоняет кровь, но я предпочитаю ловчих соколов. Его величество Сиди Мохаммед — большой мастер обучать птиц. Завтра мы с вами поедем в его летнюю резиденцию, там уже лежит снег…"

— Снег? — удивился Дэниел, оглядывая бесконечную, дышащую жаром равнину, что простиралась вокруг. На горизонте виднелись голубые, дрожащие в полуденном мареве очертания гор.

— Сейчас зима, — улыбнулся Малик, — у нас, Даниял, тоже бывает снег. А летом там, — он указал на горы, — значительно прохладней. Так что мы с вами полюбуемся и на охоту с птицами. А сегодня, — он посмотрел на загонщиков, что разделывали антилоп, — нам приготовят таджин, с изюмом и миндалем.

Пол шелкового, просторного шатра был устлан драгоценными коврами. Низенький, смуглый повар внес серебряное блюдо с закусками. Дэниел, почувствовав запах специй, улыбнулся: "Что там Жанна говорила? Узнать, как тут готовят? Да тут одних пряностей сотня, всей жизни не хватит, чтобы научиться".

Малик взял свежеиспеченную лепешку, и повел рукой: "Не стесняйтесь, Даниял. Его величество Сиди Мохаммед будет рад, если вы почувствуете себя, как дома".

За ковром, что разделял шатер, раздались нежные звуки. Малик рассмеялся: "Отличный собеседник, хорошая еда, да еще и музыка — что может быть приятней. Вам идет наша одежда, — добавил советник.

— Она очень удобна, при здешней жаре, — Дэниел прикоснулся к гладкому, прохладному шелку своей просторной рубахи. "Но если в горах лежит снег, наверное, надо что-нибудь более теплое…, - неуверенно продолжил он.

— Нас будут ждать, — Малик стал разливать по серебряным стаканам чай с мятой. "Слуги из резиденции его величества, они привезут меха. Сегодня, — Малик приподнял крышку шкатулки, что стояла рядом с ним, — приехал гонец, — он протянул Дэниелу бумаги, — его величество велел вам передать, договор с его пометками".

Дэниел быстро просмотрел документы: "Тут еще одна рука, Малик- ага".

— Это доверенный советник его величества, — Малик поднял красивую бровь. "Очень, очень, разумный человек".

Дэниел взглянул на поля договора — резкий, уже знакомый ему почерк султана Марокко кое-где перемежался быстрыми, изящными пометками.

— Я все прочитаю, — Дэниел поклонился, — и, надеюсь, буду иметь честь лично обсудить с его величеством те изменения и дополнения, о которых идет речь. Этот советник, он тоже будет присутствовать на переговорах?

Тот ничего не ответил, и приподнялся: "А вот и таджин, с кускусом! Мясо антилоп несколько часов томили на медленном огне, Даниял, это гордость нашей кухни".

— Ничего прямо не скажут, — усмехнулся про себя Дэниел, вдыхая тонкий аромат. "Все намеками, все недомолвками, все надо узнавать окольными путями. Не спрашивать же у него — уважаемый Малик-ага, может быть, вы слышали о девушке по имени Изабелла Корвино, которая попала в плен к берберским пиратам, пять лет назад? Двадцать два года ей сейчас, — посчитал про себя Дэниел. "Господи, да она куда угодно могла деться — продали куда-то дальше, умерла, или…"

Когда принесли похожий на свернувшуюся кольцами змею пирог — из тончайшего, слоеного

теста, неуловимо пахнущий розами, Дэниел, вытирая пальцы шелковой салфеткой, небрежно спросил: "Малик-ага, а у вас есть гарем?"

Советник султана расхохотался, показывая крепкие, белые зубы. "Все европейцы об этом спрашивают, Даниял, первым делом. Я удивлен, что вы продержались, целую неделю. Удовлетворю ваше любопытство, — Малик взял пучок свежей мяты, и, порвав его, — залил чаем.

— В жару очень хорошо, — он наклонился над чеканным кувшином и заварил чай: "У меня четыре жены, как заповедовал наш пророк. Наложницы, конечно, тоже есть. Семь сыновей, девять дочерей, сейчас вот семнадцатый ребенок должен родиться".

— И все они отсюда, из Марокко? — Дэниел отпил чаю. Он увидел, как глаза Малика, на одно, неуловимое мгновение, похолодели. "Из разных мест, — ответил мужчина и хлопнул в ладоши: "По поручению его величества султана, Даниял, я хочу преподнести вам скромный подарок. Окажите нам честь и примите его".

Повара, суетясь, убрали остатки еды, шелковая завеса заколыхалась и перед ними появилась невысокая, закутанная с ног до головы фигурка.

— Это она играла, — коротко сказал Малик-ага. "Вы, Даниял, наш гость, мы знаем — как надо угодить гостям, тем более представляющим такую великую страну. Пусть она развлечет вас, пока вы здесь. Если хотите, потом заберете ее домой. Ей пятнадцать лет, — Малик щелкнул пальцами: "Подними покрывало".

— Не надо, — остановил его Дэниел. "Вы же помните, Малик-ага, я вам рассказывал — в моей стране скоро не будет рабства. Так что, я вынужден отклонить подарок его величества — с сожалением в сердце, — добавил мужчина, — и с благодарностью за его добрую заботу обо мне".

Малик рассмеялся. "Редко увидишь франка, у которого слова не расходятся с делом. Как сказал пророк Мухаммад, благословенна память его: "Имеется три признака лицемерия человека…"

— Разговаривая с кем-то, он лжет, не сдерживает своих обещаний, и не сохраняет в неприкосновенности то, что ему доверили другие люди, — завершил Дэниел. Малик, с уважением посмотрев на него, заметил: "Вы хорошо изучили священный Коран, Даниял".

— Что вы, — пожал плечами Дэниел, — я только в начале пути.

— Иди ко мне в шатер, — велел Малик девушке. Когда та выскользнула наружу, советник усмехнулся: "Давно я не имел дела с девственницами, мой друг. Тоже, — он потянулся, — разгоняет кровь. Спокойной ночи, Даниял, завтра на рассвете мы едем в горы".

Дэниел сидел, разложив вокруг себя листы договора, вперемешку со своими тетрадями. "Кто бы ни был этот советник, — пробормотал он себе под нос, — и вправду, у него хорошая голова. Как это он тут пишет: "Граждане американских штатов должны находиться под защитой его величества султана, и, в случае, если они окажутся в качестве пленных на территории Марокко — должны быть немедленно освобождены, с возвратом принадлежащего им имущества. А мы только о торговле, и о торговле. Я, то есть, — он отложил перо, и отодвинул полог.

Над равниной висели крупные, яркие звезды, чуть шелестел ветер, жара спала. Дэниел

посмотрел на играющее созвездиями небо: "Господи, и все равно — одиноко. Хоть и сестра теперь есть, и брат, а все равно — хочется встретить ту, ради которой на край света отправишься".

Он вздохнул, и, задернув шелк, вернулся к работе.

Тонкая, украшенная кольцами рука протянулась к вырезанной из мрамора белой королеве. Девушка, передвинув шахматную фигуру, рассмеялась: "Мат, ваше величество, сдавайтесь, ваша армия повержена".

Сиди Мохаммед откинулся на шелковые подушки, вдыхая приятный аромат кедра. В медной жаровне, что стояла на полу, тлели угли. Он, прикоснулся ладонью к теплому камню: "Отопление под полом. Какая все-таки Зейнаб умница, отличная получилась резиденция".

Девушка, — она была в расшитом серебром халате тончайшего, серо-зеленого шелка, накинула на плечи соболиный мех. Поднявшись, подхватив с пола ухоженного, угольно-черного кота, она рассмеялась: "В Эс-Сувейре жарко, он совсем разленился, спал целыми днями, папа. А тут холодно, Гато, — Изабелла потерлась щекой о спину кошки, — да? Холодно, — она сунула изящные ноги в сафьяновые, украшенные жемчугом туфли, и откинула бархатную занавесь: "Видишь, Гато, даже снег не растаял, с ночи. Иди, погуляй, — она выпустила кота в сад и повернулась к султану.

— Папа, — Изабелла присела рядом и, взяв сильную, еще не старческую руку, поцеловала ее, — что случилось? С этим договором что-то не так?

— Все так, — улыбнулся Сиди Мохаммед. "Ты извини, что я тебя со стройки привез, милая, просто ты мне тут нужна. Твоя умная голова, — он ласково прикоснулся губами к нежному лбу, — мне очень поможет. А когда мы все закончим, — вернешься обратно".

— Лет через пять, — Изабелла потянулась за планами, — у тебя будет лучший порт в Африке, папа. Только надо будет нанять инженеров в Европе, с отоплением виллы я могу справиться, — она озабоченно нахмурила брови, а вот гавань углублять — это уже сложнее.

— Наймем, конечно, — Сиди Мохаммед заглянул через ее плечо и с интересом спросил: "А это что, милая?"

Изабелла покраснела. "Те рабочие, которых привезли с юга, говорят — у них там есть месторождения какие-то, золото и серебро. Надо разведать, папа, я тут карту начертила, но грубую, — девушка пожала плечами, — сам понимаешь, с рабочими разговаривают десятники, с десятниками — евнухи…, - она не закончила и рассмеялась.

— Давай-ка мне эту тетрадь, — велел султан, поднимаясь, — мы, как следует, во всем разберемся. Если там и вправду драгоценные металлы, — это очень хорошо. Иди к себе, одевайся, прогуляемся перед обедом, лошади уже готовы.

Он проводил глазами стройную фигуру, и, оставшись один — тяжело вздохнул. "Они уже и приехать должны были, — пробормотал султан, почесав в седой, пахнущей сандалом бороде. Он хлопнул в ладоши и велел неслышно появившемуся евнуху: "Посмотри, где там Малик и подай нам чаю. Та кобыла, которую я хочу подарить ее высочеству принцессе — с ней все в порядке?"

— Она здорова и весела, — поклонился евнух. "Белая, как горный снег, быстрая, как ветер пустыни, ваше величество".

— Хорошо, — султан откинул полог и прислонился к мраморной арке. Птицы толкались, щебетали на краю фонтана, кот лениво раскинулся на каменных ступенях. Деревья стояли, покрытые кружевом изморози. Сиди Мохаммед, на мгновение, закрыв глаза, улыбнулся. "Спасибо Аллаху, — подумал он, — за то, что я больше никогда не буду одинок. Семьдесят лет. Лет двадцать я еще протяну, увижу внуков от Зейнаб, повожусь с ними…"

— Ваше величество, — раздался сзади тихий голос.

Сиди Мохаммед обернулся: "Как вы устроились? Ему нравится?"

— Ему все нравится, — развел руками Малик. "Если бы он не был франком, я бы подумал — юноша из правоверной семьи, хорошего воспитания. От рабыни он, кстати, отказался".

— А я тебе что говорил, — сварливо заметил Сиди Мохаммед. "Ты же мне его показывал, еще в Марракеше. Я тебе сразу сказал — незачем даже и проверять его, сразу видно — не такой. И он, не юноша, — евнух поставил на низенький, выложенный мозаикой столик поднос с чаем, — он мужчина, ему двадцать пять лет. Тем более он воевал, был ранен…"

Малик разлил чай: "Ваше величество, все-таки не надо ничего говорить принцессе Зейнаб, пока…, Вдруг он откажется, этот Даниял".

— Он не откажется, — хохотнул, Сиди Мохаммед, — но девочке, я, конечно, и словом об этом не обмолвлюсь. Потом, как все решено будет — только тогда. Надо будет им дворец отдельный построить, тоже здесь, в горах. Все-таки детей лучше на природе растить.

— А если ее высочество не захочет выходить замуж? — поинтересовался советник. "Она очень к вам привязана, вы же знаете".

— Именно поэтому Зейнаб согласится, — Мохаммед поиграл перстнями на пальцах. "Я же не зверь, Малик, девочке двадцать два года, у нее должна быть семья …, А с кем ей тут жить? — он обвел рукой комнату.

— Ты меня прости, но людей, с которыми она сможет поговорить — во всем султанате по пальцам пересчитать можно. Я бы ее за Мулая отдал, он единственный из моих сыновей, кто на меня похож. Но у того уже есть две жены, Зейнаб такое не подойдет. Я не хочу, чтобы моя жемчужина страдала, — он помолчал: "Этот Даниял — все же человек тамошнего воспитания, им будет хорошо вместе. Завтра поедем охотиться с птицами, — султан поднялся, — я на него посмотрю еще раз. Проведем переговоры, закончим все с этим соглашением, и можно будет их поженить.

Уже у шелковой завесы Мохаммед обернулся: "Я отобедаю с ее высочеством, а вы с Даниялом пока подготовьте все нужные бумаги, после охоты сядем за работу".

Когда султан вышел, Малик поскреб в бороде и сказал себе под нос: "Так, конечно, будет лучше всего. Его величество еще долго проживет, но все равно — пусть Зейнаб будет защищена, а, то мало ли что кому в голову придет, после его смерти".

Черный кот степенно зашел в комнату, и, присев, стал умываться. "А ты растолстел, Гато, — присвистнул Малик. Наклонившись, он погладил мягкие уши. Гато блеснул желтыми, умными глазами и мягко заурчал.

— Принц Марокко, — усмехнулся Малик, — муж ее высочества. Повезло Даниялу, ничего не скажешь. Ему, конечно, надо будет стать правоверным, как и Зейнаб, но с этим затруднений не будет. Не будет? — спросил он кота. Тот, мяукнув, потерся о ноги советника.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказал Малик. Позвав евнуха, он велел: "Накрывайте обед в нашей вилле".

Изабелла лежала на спине, вытянувшись, рассматривая потолок спальни. "Все равно, — подумала она, — если бы я сейчас эту резиденцию строила — по-другому бы сделала. Каждый год что-то новое узнаешь. Взять хотя бы тот альбом с персидскими миниатюрами, что мне папа подарил — я бы на основе их рисунки для мозаики выполнила".

Сильные руки немой служанки растирали ее узкие ступни, аргановое масло блестело золотом на белой коже. Изабелла махнула рукой и, собрав в тяжелый узел каштаново-рыжие волосы — перевернулась на живот.

Иногда ей снилась Венеция — зимняя, с мрачным, нависшим над городом, серым небом, с зеленой, бурной водой лагуны. Она открывала глаза, и, слушая размеренное дыхание Гато, что спал рядом с ней, — вздыхала. Сворачиваясь в клубочек, Изабелла заставляла себя не плакать. "У тебя никого нет, — напоминала себе девушка, — тебя никто не любит, только отец любил и папа Мохаммед. Пьетро на тебя никогда внимания не обращал, да и вообще…, - она подтягивала к себе Гато, тот лизал ее в щеку и девушка успокаивалась.

Днем была работа — занятия с учителями, — султан выписал ей наставников из университета Аль-Азхар в Каире, была стройка, были чертежи, планы, и большая, во всю комнату модель Эс-Сувейры — с портом, торговыми кварталами, крепостью, виллами и садами.

Была охота, книги, шахматы, музыка. Когда приезжал Сиди Мохаммед — разговоры с ним, иногда до рассвета. "Как я мало еще знаю, — удивлялась Изабелла. Султан, смеясь, отвечал: "Для этого я здесь, милая — чтобы отвечать на твои вопросы. И чтобы ты никогда не чувствовала себя одинокой".

Еще два года назад Изабелла осторожно спросила: "Папа, а ведь твою дочь — ее тоже звали Зейнаб?"

Он долго молчал. Потом, погладив ее по щеке, султан улыбнулся: "Я не хотел, чтобы ты знала, милая, думал — ты на меня обидишься".

Девушка уткнулась лицом в его плечо. Вдыхая запах сандала, она всхлипнула: "Как я могу обидеться, папа! Ты для меня столько всего делаешь, сколько мой покойный отец не делал". Мохаммед вытер ей слезы. Прижав Изабеллу к себе, он поцеловал теплые волосы надо лбом: "Вы с ней очень похожи, доченька. Мать Зейнаб — тоже итальянка была. Видишь, как оно получилось, — он взял девичью руку, — в пятнадцать лет я свою жемчужину потерял, а потом Аллах мне тебя даровал, когда я уже и не чаял…"

— Он меня освободил, — подумала тогда Изабелла, — возвел в ранг принцессы, признал своей приемной дочерью…, А когда я ему сказала, что пока не готова принимать ислам — только плечами пожал: "Все в свое время, милая, в таком деле нельзя торопиться. Вы же тоже — люди книги, мы верим в ваших пророков".

— Почему она умерла, — спросила Изабелла, — принцесса Зейнаб?

Темные глаза похолодели, и султан ничего не ответил. "Прости, папа, — пробормотала девушка, — я больше не буду…, Я вижу, тебе тяжело об этом вспоминать".

— Очень, — просто ответил Мохаммед. Изабелла, привалившись к его боку, глядя на багровый закат на море, — ее вилла стояла на самом берегу, — просто сидела, взяв в ладони его сильную, большую руку.

Служанка накинула на нее ночной, светлого шелка халат, и заплела длинные, густые волосы в косы. В резную дверь постучали. Изабелла весело сказала: "Заходи, папа!"

Мухаммад, наклонив голову, переступил порог, и, как всегда, подумал: "Какая же она красавица". Серо-зеленые, большие глаза были окружены длинными ресницами, на белых щеках играл чуть заметный румянец. Она стояла, улыбаясь — невысокая, стройная. Султан, взяв ее руку, ворчливо заметил: "Все равно — у тебя все пальцы в пятнах, даже после ванны. Смотри, что я тебе принес, — он достал из-за спины том: "Reflections sur l’age de la Terre".

Султан, устраиваясь на диване, подвинул к себе кальян: "Хорошая книга, тебе понравится. Французский ученый написал, месье Корнель".

Тонкий, серый дым пах розами. Сиди Мохаммед, искоса взглянув на лицо девушки, — она внимательно просматривала книгу, откашлялся: "Зейнаб, доченька, тебе уже двадцать два года…"

— Очень интересно, — не слушая его, пробормотала Изабелла. "Он тут пишет о возрасте Земли, папа". Девушка подняла голову и недоуменно повторила: "Двадцать два. Спасибо за лошадь, — она улыбнулась, — я ее назвала Бинт-аль-Хава, она и вправду — дочь ветра, такая быстрая".

— Она же ничего не знает, — понял Мохаммед. "Аллах милосердный, может, не надо все это затевать? Девочка счастлива, девочка рядом со мной, пусть так и будет — всегда".

— Зейнаб, — он замялся, — я тебя все не спрашивал, ты прости…, Может быть, ты хочешь выйти замуж?

Серо-зеленые глаза наполнились слезами, — мгновенно. Она, прикусив губу, помотала изящной головой: "Если я тебе надоела, папа, ты меня лучше продай, — дрожащим голосом сказала Изабелла.

— Да ты что! — испугался Мохаммед. "Что ты, доченька, что ты, счастье мое…, Как ты могла подумать такое? — он обнял девушку. Та, вытерев мокрые щеки, мрачно сказала: "Я же никого не люблю, папа, кроме тебя. И не полюблю, никогда. Таких мужчин, как ты, или мой отец покойный — их и не бывает вовсе. Не говори мне больше об этом, пожалуйста".

— Но ведь дети…, - попытался продолжить Мохаммед. "Ты ведь совсем не видела мужчин, милая, не надо судить так поспешно".

Изабелла вдруг поднялась и прошлась по отшлифованным, мраморным плитам. Она присела, и, погладила кота: "Я видела мужчин, папа. В Италии. Они не обращали на меня внимания, никто. Я не хочу детей, я и не знаю — что с ними делать, — она посмотрела на свои руки и улыбнулась: "Я лучше буду строить, папа".

— Все равно, — сказал себе Мохаммед, расставляя шахматные фигуры, — надо поговорить с этим Даниялом. Он умный мужчина, он поймет, и не будет препятствовать Зейнаб, заниматься

любимым делом. А для детей — даже если сотня служанок ей понадобится, мне ради Зейнаб ничего не жалко. Когда она увидит Данияла, из-за перегородки, конечно, — он ей непременно понравится. Если Зейнаб станет его женой — я буду спокоен.

— Сегодня я играю белыми, — ворчливо заметил султан. Девушка, рассмеявшись, пожала плечами: "Как хочешь, папа, но все равно — я тебя сильнее".

Она двинула вперед свою пешку и попросила: "Папа, почитай рубаи, ты так хорошо это делаешь".

— Лесть, — рассмеялся Мохаммед, — тебе не поможет, Зейнаб. Он опустил веки и начал читать, — сильным, красивым голосом:

— Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,

Из нашей жизни, друг, навеки выпал он…,- Изабелла подхватила:

— Но я, покуда, жив, тревожиться не стану

О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

Дэниел остановил свою лошадь на горном склоне: "Отсюда, кажется, видно море, ваше величество. Поверить не могу, — он указал на побитую инеем траву, — что на равнине в это время такая жара"

На ветвях деревьев лежал снег. Мохаммед, наклонившись, улыбнулся: "Смотрите, Даниял — тут ночью побывали медведи. Вы говорили, в Америке они тоже есть?"

— И медведи, и волки, — ответил мужчина, — вот только львов у нас не найдешь, ваше величество. Но встречаются пумы, они поменьше. Мой покойный отец очень любил охоту, я ведь тоже — в горах вырос.

— Действительно, — подумал Сиди Мохаммед, исподтишка разглядывая своего спутника, — воспитанный юноша, можно его за правоверного принять. Он не такой, как европейцы, те все — лицемеры. А этот — честный, прямой. Правильно я сделал, что решил с Америкой договор о дружбе заключить, у их страны — большое будущее.

— Ну вот, — султан мягко тронул своего гнедого коня, — мы с вами, Даниял, договорились о тексте соглашения. Так что теперь езжайте, пусть его утверждают в вашей стране, и возвращайтесь — будем подписывать.

Дэниел вздохнул и развел руками: "Подписывать буду уже не я, ваше величество, а первый посол Континентального Конгресса в вашем королевстве. Я пока даже не знаю его, мы с ним в Париже встречаемся, весной. Я просто юрист, делаю, так сказать, черновую работу, — он улыбнулся. Султан, погладив красивую, закрытую колпачком голову ловчего сокола, что сидел у него на руке, спросил: "А вы куда потом?"

— Остаюсь там, во Франции, — ответил Дэниел, направляя свою лошадь по узкой тропинке. "Не сегодня-завтра британцы окончательно уйдут из колоний. Надо будет готовить мирный договор, я буду этим заниматься. И вообще — учиться искусству дипломатии, я ведь еще совсем молод, — он встряхнул русоволосой головой: "Спасибо вам за эту прогулку, ваше величество. Я как будто очутился дома, в Виргинии, зимой".

mir-knigi.org

— Мне очень приятно, что вам у нас нравится, — ласково сказал Мохаммед. Дэниел, глядя на резкий очерк смуглого, бесстрастного лица султана, хмыкнул: "Семьдесят лет. Если бы не седина — больше пятидесяти ему не дашь. Отец тоже — такой был".

— Вы же мне говорили, что не женаты, да? — старший мужчина приставил ладонь к глазам:

— Малик нам от шатра машет. Должно быть, баранина уже готова. Называется — танжия, это как таджин, только готовится не в печи, а прямо в земле, под костром.

— Не женат, — Дэниел задел головой ветку кедра, что висела над тропинкой, и стряхнул хлопья снега с мехового воротника суконного, теплого халата. "У меня есть младший брат, и младшая сестра, они оба — в Париже живут".

Сокол забеспокоился. Мохаммед, вскинул голову: "Журавль. Посмотрите, Даниял, какой красавец. Пусть летит, — он удержал птицу на руке.

Журавль захлопал крыльями, кружась над вершинами кедров. Дэниел тихо сказал: "Мне наставник говорил, еще в Париже. В Индии есть великая поэма, называется "Рамаяна". Ее автор, как говорят индусы, стал писать стихи, когда увидел, как журавль оплакивает свою убитую подругу".

— Какая трогательная легенда, — вздохнул султан. Дэниел решил: "Вот сейчас, пока мы до шатра не доехали. Лучше о таком наедине спрашивать".

— Ваше величество, — осторожно начал он, — скажите, возможно, ли узнать что-то о судьбе человека, если он был захвачен берберскими пиратами? Пять лет назад, — Дэниел взглянул на султана.

Тот недовольно поморщился: "Вы, Даниял, наверное, не представляете себе — что такое работорговля".

— Очень хорошо представляю, ваше величество, — спокойно ответил мужчина, — у нас в Америке она тоже есть, к сожалению. Я просто дальний родственник этого человека, и у нее, — это девушка, — есть семья, она волнуется, хочет узнать о ее судьбе. Ее звали Изабелла Корвино, венецианка, ей тогда было семнадцать лет, — Дэниел помолчал. "Ее привезли в Рабат".

— Не надо ему говорить о том, что Теодор — ее кузен, — подумал Дэниел. "И о том, что брат Теодора спасся — тоже не надо. Мало ли что".

— Ее, скорее всего, продали дальше, — безмятежно отозвался султан, — но я попрошу Малика разузнать — как там все обстояло. К вашему отъезду, думаю, мы получим какие-то сведения.

— Большое вам спасибо, — горячо проговорил юноша. Султан, спешился: "Раз наши страны теперь дружат — за ваших соотечественников можете не волноваться. Буде они попадут в рабство, их немедленно освободят".

— Это все ваш советник, — Дэниел ловко спрыгнул на землю, и взял лошадей под уздцы, — он внес в договор это пункт.

— Советник, — усмехнулся султан, оправляя свой отделанный соболями, бархатный халат. "У него умная голова, Даниял. Ну, — Мохаммед повернулся к Малику, — корми нас, а то мы проголодались на таком морозе.

— Вы не волнуйтесь, — успокоил его Сиди Мохаммед, входя в шатер, — Малик у нас, как говорится, песчинку в пустыне найдет.

Он посмотрел в сине-зеленые, красивые глаза юноши и ласково потрепал его по плечу.

Над горами вставал золотой закат, небо на западе было окрашено в глубокий, темно-синий цвет. Снег в саду искрился под заходящим солнцем.

— Ее высочество уже по дороге в Эс-Сувейру, — султан, что стоял на каменных ступенях, бросая семена птицам, — обернулся. Малик низко поклонился: "Я ей сказал, что у вас неотложные дела, и вы ее нагоните завтра. С ней пять десятков человек охраны, евнухи, — она в совершенной безопасности".

— Да, — пробормотал Сиди Мохаммед, глядя на щебечущих птиц, — воистину, Аллах сжалился над нами, Малик. Очень хорошо, что мы не дали им встретиться.

— Ваше величество, — Малик помялся, — Даниял может не доехать до побережья…, Если вы прикажете.

— Зачем? — султан поморщился и стянул с пальца перстень с крупным алмазом. "Мне нужен этот договор. Вернее, он нужен Марокко. Если убить этого Даниял — подписание затянется. Мы только согласовали текст, а в случае его смерти опять начнутся какие-то заминки. Отдашь ему кольцо — в знак любви и приязни и скажешь, что Изабелла Корвино умерла, пять лет назад. От лихорадки, — сам не зная зачем, добавил султан.

Серая, красивая голубка запорхала над его головой. Он, улыбнувшись, кинул птице зерен: "Так будет лучше для всех".

— Я все сделаю, ваше величество, — прошелестел Малик, склоняясь в поклоне.

— Она и вправду, — сказал себе султан, оставшись один, — умерла, эта Изабелла. Ее больше нет, и никогда не будет.

Голубка села на заснеженную, качающуюся ветвь дерева, и, отряхнувшись, застыла. Мохаммед полюбовался ей. Тихо ступая, стараясь не спугнуть птицу, он вернулся в дом.

Часть пятнадцатая

Синт-Эстасиус, февраль 1781

Осколок ядра вонзился в стену дома. Эстер, вскрикнув, прикрыв руками большой живот, выглянула в сад. "Ничего страшного, просто штукатурка осыпалась, — она повернулась к мужу. "Меир, может быть, ты все-таки не пойдешь?".

Он завязал перед зеркалом галстук. Вздохнув, мужчина поцеловал ее в лоб: "Адмирал Родни передает губернатору де Граафу условия сдачи острова. Мне надо быть в резиденции. Но я вернусь, — он прикоснулся ладонью к ее животу: "Как там маленький?"

— Уже скоро, — попыталась улыбнуться Эстер. "Меир, но это, же опасно, они стреляют…"

— Они третий день стреляют, — хмыкнул муж. "Не волнуйся, видишь, десант не высадили пока, и, надеюсь, высаживать не будут. И вообще, — он, на мгновение, обнял ее, — от пули умереть значительно проще, чем от ядра. Тут двести футов пройти надо, за деревьями. Вряд ли в меня

попадут. Я скоро, — он вдохнул запах трав и коснулся губами белой щеки.

Посмотрев на разбитую ядром ограду, Эстер помахала мужу рукой. Британский флот окружил гавань, заперев в ней сотню торговых судов. "Тут на три миллиона фунтов товара, — вспомнила она слова Меира. "Господи, только бы без крови обошлось, и так уже — адмирал Родни послал фрегаты в погоню за теми кораблями, что раньше ушли, и расстрелял их, говорят. Адмирал голландский там погиб".

Рядом с торговцами виднелся обугленный остов военного корабля "Марс". Эстер взглянула на лохмотья голландского флага, на развевающиеся под теплым ветром, виднеющиеся вдалеке британские штандарты. Сжав руки, она села на кровать.

Ребенок задвигался. Эстер грустно сказала: "Бедный ты наш. Тебе не нравится, когда стреляют? Никому не нравится. Колыбельку уже сделали, все готово. Давай, — она погладила живот, скрытый просторным, светлым платьем, — папа и мама ждут, появляйся на свет".

Эстер потянулась за оправленным в серебро зеркальцем. Сняв чепец, встряхнув воронными косами, она стала разглядывать свое лицо.

— До прошлого месяца тошнило, — пробормотала женщина. "Конечно, Меиру противно и смотреть на меня. Как спали в разных комнатах, так и спим. Он же не по любви на мне женился, — Эстер, подвинув к себе шкатулку, взяла единственное дошедшее до Синт-Эстасиуса письмо брата.

— Милая моя сестренка! — стала читать она. "Посылаем вам с Меиром наши поздравления. Я очень рад, что скоро стану дядей. Мы с Джо как раз на Хануку вернулись из Святой Земли, и потихоньку устраиваемся в Амстердаме. Ей тут очень нравится. Я вернулся к практике, в том числе, конечно, и к своему старому пациенту — его высочеству штатгальтеру. Он доволен, что ты тоже живешь на голландской земле. Не волнуйтесь, война скоро прекратится. Все говорят, что британцы вот-вот уйдут из колоний…"

Эстер вздрогнула от свиста ядра, что пронеслось над крышей. Женщина мрачно пробормотала: "Вот-вот. Что они там знают, в Старом Свете. Если остров сдадут британцам, нас интернируют, как подданных военного противника. Попробуй потом отсюда выберись".

Аккуратно сложив письмо, она спрятала его. Поморщившись, женщина глубоко подышала. "Это еще не схватки, — подумала Эстер, — просто тело готовится к родам. Хватит сидеть, надо обед готовить. Война, не война, а муж не должен быть голодным".

Она зашла на просторную, прибранную кухню. Засучив рукава, взяв корзину со свежей рыбой, водрузив ее на стол, она стиснула зубы.

— Что-то часто, — Эстер счищала чешую, подбрасывала дров во вделанный в стену очаг. "Сварю этот суп, как на Ямайке делают, острый. Меиру он нравится".

Женщина готовила, стараясь не обращать внимания на боль. Потом, прислонившись к беленой стене, стирая пот со лба, Эстер измученно сказала: "Где же он, обещал, что быстро обернется…"

Она прислушалась и замерла — бомбардировка прекратилась.

Губернатор де Грааф посмотрел на людей, что сидели вокруг стола. В открытые окна

доносился запах гари, с улицы слышались чьи-то голоса. Он сухо сказал: "Пока жертв нет. Разрушения тоже… — голландец вздохнул, — небольшие. Однако помощи нам ждать неоткуда, французский флот сейчас только подходит к Мартинике".

— Это двести миль, — пробормотал кто-то. "Они не успеют".

— Не успеют, — согласился губернатор. "После гибели "Марса" и тех кораблей, что вел покойный адмирал Круль, — де Грааф перекрестился, — у нас не осталось здесь вооруженного флота".

Меир молчал, сцепив пальцы, глядя на усеянную британскими кораблями, бирюзовую воду залива.

— У них четыре тысячи солдат, судя по донесениям, господин губернатор, — наконец, вежливо заметил Меир. "А у нас меньше, тысячи поселенцев, и половина из них — это женщины, дети…, Если адмирал Родни высадит десант — погибнут люди. Сколько у нас есть времени? — Меир поднял серо-синие глаза.

— Два часа, — де Грааф внезапно замялся. "Господин Оливер, британцы пишут, что не собираются атаковать остров. Адмирал Родни обещает оставить город в целости и сохранности. Местные жители будут интернированы до конца войны, а грузы на торговых судах — перейдут в собственность короны".

— С этим уже ничего поделать нельзя, — пожал плечами Меир. "Надо сдаваться, ваше превосходительство. Жаль, конечно, но война, наверняка, скоро закончится. И он больше не выдвигает никаких условий? — удивился Меир.

Губернатор передал ему украшенный печатями лист бумаги.

Меир пробежал его глазами и поднялся: "Как я понимаю, тот британский конвой, что ждет внизу — его за мной прислали?"

Де Грааф, покраснев, кивнул: "Господин Оливер…"

— Ничего, — Меир улыбнулся. "Бывает, ваше превосходительство. Я все понимаю — война есть война. Я зайду домой, попрощаюсь с женой, а потом…, - он посмотрел в сторону британских кораблей и протянул губернатору руку: "Мы с вами отлично работали. Жаль, что все это так… — Меир поискал слово, — заканчивается".

Он поклонился. Не оборачиваясь, открыв тяжелые, дубовые двери, мужчина вышел.

В комнате наступило молчание. Наконец, кто-то откашлялся: "Видимо, он очень насолил британцам, этот господин Оливер".

— Капитан Меир Горовиц, — вспомнил де Грааф. "Только я тут знаю, кто он такой на самом деле. Интересно, — подумал он, — а жена его — понимает, за кем она замужем? Или он ей тоже Оливером представлялся? Красивая женщина, жаль ее — на сносях вдовой останется".

— Видимо, — сухо проговорил де Грааф. "Подайте мне бумагу и перо, я напишу о нашем решении".

— А что сделают с этим Оливером? — услышал он, посыпая чернила песком. "Расстреляют?"

mir-knigi.org

— В конце концов — да, — коротко ответил губернатор. Запечатав конверт, голландец размашисто написал на нем: "Синт-Эстасиус принимает условия сдачи".

— Готовьте белый флаг, — приказал он, вставая. "Я лично передам наш ответ адмиралу Родни, когда он высадится в порту".

На кухне пахло, — Меир принюхался, — рыбным супом. Три британских солдата, неотступно следовавшие за ним по пятам, остановились на пороге. Он смешливо спросил: "Господа, может быть, вы мне дадите возможность попрощаться с женой наедине? Вы пока можете перекусить, — он поднял крышку котелка, — это ямайский суп, острый. Очень вкусный".

— Адмирал Родни приказал ни на мгновение не выпускать вас из виду, господин Оливер, — хмуро сказал один из солдат.

— Вы меня уже обыскали, — вздохнул Меир, — забрали и пистолет, и кинжал. Моя жена ждет ребенка. Она, наверняка, сейчас отдыхает. В спальне нет никакого оружия, можете проверить.

Эстер открыла глаза, услышав какой-то шорох, и ахнула — дверь распахнулась. Двое солдат в алых мундирах встали у входа.

— Простите, мадам, — поклонился третий, — нам надо проверить комнату. Поднимитесь, пожалуйста.

Она увидела глаза мужа и дрожащим голосом сказала: "Я не понимаю, господа…, Я жду ребенка, у меня схватки…"

— Поднимитесь, — повторил британец. Эстер с трудом слезла с кровати, и попыталась подойти к Меиру. — No me llames por su nombre, — спокойно предупредил муж на ладино. Эстер кивнула и натолкнулась на скрещенные штыки.

— Говорить только на английском, — велел один из солдат. "Иначе мы прекратим свидание". Его товарищ, что обыскивал комнату, кивнул. Британец приказал Меиру: "Заходите. У вас есть пять минут, дверь не закрывать".

— Что такое? — одними губами спросила Эстер.

Она услышала, совсем рядом со своим ухом, тихий шепот: "Ты прости меня, я не мог иначе. Родни поставил условие — если я сдамся, они не будут высаживать десант. Ты не волнуйся, — Меир обнял ее, — я сбегу, разумеется. С тобой ничего не сделают, интернируют, и все. Я вас найду, с маленьким, и уедем отсюда".

— А если Родни обманет? — ужаснулась Эстер. "Если это ловушка для тебя?"

— Не обманет, — успокоил ее муж. "Как маленький?"

— У меня схватки, — слабым голосом отозвалась Эстер. "Частые. Я тогда к миссис де Грааф пойду, она обещала мне помочь. Других-то акушерок, кроме меня, тут нет. А если мальчик? — спохватилась она. "Ты ведь должен быть на обрезании".

Меир внезапно потерся носом о ее щеку. "Хаимом назови, как хотели. А девочку — Дворой, ладно? Я вернусь, обещаю. Просто, — он помолчал, — сразу не получится, наверное. Пойдешь в синагогу, они все устроят".

Он, на мгновение, выпустил ее из объятий. Открыв крышку сундука, сняв изящный, светло-серый сюртук, Меир надел затрепанную холщовую куртку. "Хорошо, что я ее постирала, как он с рыбалки вернулся, — отчего-то подумала женщина.

Эстер увидела, как муж бережно положил во внутренний карман куртки какой-то конверт. Она оглянулась на дверь: "У меня пистолет есть. За чулком. На всякий случай положила, как ты ушел. Дать тебе?"

Меир махнул рукой: "Меня все равно еще на корабле обыскивать будут. Не рискуй, милая".

Он взял ее лицо в ладони и повторил: "Вернусь. Ты просто жди меня". Эстер потянулась к его губам и почувствовала мимолетный, быстрый, нежный поцелуй.

— Наш первый, — поняла она, а потом в спальню вошли солдаты. Меир, весело сказал: "Я готов, господа".

Меир оглянулся, уже миновав ворота сада, — она стояла на каменных ступенях крыльца — маленькая, с укрытой чепцом головой, придерживая обеими руками живот. Она не махала, не кричала что-то ему вслед, — просто стояла, не отрывая взгляда от каштановой головы мужа. "Когда вернусь, — пообещал себе Меир, садясь в британскую шлюпку, — скажу, что я ее люблю. Прямо в передней, первым делом. Хватит откладывать".

Он посмотрел на уходящий вверх, утыканный пушками борт британского флагмана и глубоко вздохнул: "Могу ведь и не вернуться. Что бы там ни было — от меня они ничего не узнают, даже имени моего".

С корабля сбросили трап. Меир, карабкаясь вверх, между двумя солдатами, хмыкнул: "Можно было бы прямо сейчас в воду прыгнуть. Но меня пристрелят, на месте, тут семь фрегатов вокруг стоят. И потом, не зря же я письмо капитана Мартина Кроу с собой взял — мало ли, вдруг его сын тут".

Он ступил на палубу. Подняв голову, мужчина уперся глазами в холодный, ненавидящий взгляд адмирала, — британец был много выше его.

— Господин Оливер, должно быть? — поинтересовался Родни.

Меир только кивнул.

— А как вас зовут на самом деле? — Меир ощутил запах вина, что исходил от адмирала, и отвернулся.

— В трюм его, — приказал Родни, прижимая к глазу подзорную трубу. "Губернатор де Грааф поднял белый флаг, спускайте мою шлюпку. Сейчас я приму капитуляцию голландцев, а потом — займусь вами, господин Оливер, — по складам, издевательски, протянул адмирал.

Меир вздернул подбородок и почувствовал толчок штыком в спину. Он в последний раз взглянул на бесконечное, просторное небо, и отчего-то улыбнулся.

За окнами губернаторской резиденции полыхал багровый, тревожный закат.

— Ветер завтра будет, — подумала Эстер, опираясь на изящный туалетный столик госпожи де Грааф, тяжело, с присвистом дыша. "Больно-то как, но ничего, вроде справляюсь".

mir-knigi.org

Голландка зашла в спальню, неся в одной руке ведро горячей воды, другой — придерживая стопку чистых, холщовых полотенец.

— Караул поставили у дверей, — угрюмо сказала она. "Всех мужчин интернировали, согнали в бараки портовые, на склады".

— Там же…, товары были…, - простонала Эстер.

Госпожа де Грааф махнула рукой: "Они их еще с полудня, как мы капитулировали — начали в свои трюмы перегружать". Она мягко посадила женщину на кровать. Эстер заметила следы слез у нее на лице. "А ваш муж, госпожа де Грааф? — внезапно спросила женщина. "Он где?"

— Тоже там, — голландка яростно терла руки мылом. "Его с мальчиками увели. Якоб так плакал, — ее голос, на мгновение задрожал, но женщина справилась с собой, — ему всего десять, зачем его было забирать…, С детьми воюют, — она встряхнула укрытой чепцом головой. Встав на колени, женщина добавила: "Еле девочек уложила. Магде три годика, цепляется за меня и рыдает: "Хочу к папе! Где папа!"

Она взглянула на лицо Эстер и пробормотала: "Простите, госпожа Оливер…"

Женщина только помолчала: "Ну, что там? Я чувствую — потуги уже скоро".

— Все хорошо, — улыбнулась жена губернатора и вздрогнула — снизу, с улицы донеслись чьи-то пьяные голоса и звуки выстрелов.

— Мама, — раздался девичий голос, — Магда проснулась, плачет. Голландка вздохнула и велела старшей дочери, что стояла в одной ночной рубашке: "Поноси ее по коридору, Аннеке, видишь же — госпожа Оливер родит вот-вот. Покачай, спой колыбельную".

— Горит что-то, — измученно сказала Эстер, превозмогая боль. "Чувствуете, госпожа де Грааф?"

Голландка выглянула в окно: "Они на берегу костры разжигают, ничего страшного. Там на складах вино было, — она горько усмехнулась, — наверняка всю ночь гулять будут".

В коридоре, за распахнутой дверью, послышались тяжелые шаги. Детский голос неуверенно сказал: "Нас уже обыскивали, господа, тут нет мужчин, нет оружия…, - Аннеке прервалась и отчаянно крикнула: "Не надо!"

Ребенок зарыдал. Эстер, сжав зубы, велела: "Госпожа де Грааф, дайте мне мешочек, что я принесла".

Эстер достала заряженный пистолет. Глаза голландки расширились: "Не надо, госпожа Оливер…, Вы же слышали — адмирал Родни велел расстреливать на месте всех, у кого найдут ружья или пистолеты…".

— Мама! Мамочка! — рыдала Аннеке. Эстер, отстранив жену губернатора, с трудом встав на ноги, вышла в коридор.

Маленькая Магда тихо плакала, укрывшись в углу. Эстер бросила один взгляд на солдат, что сгрудились вокруг Аннеке. Та стояла, согнувшись, прикрывая руками еще плоскую, детскую грудь, что виднелась из-под разорванной рубашки. Под глазом девочки набухал синяк.

mir-knigi.org

— Всем немедленно отойти, — гневно приказала Эстер и выстрелила в потолок. Госпожа де Грааф взвизгнула. Аннеке, подхватив сестру, ринулась в детскую.

— Заприте их, — Эстер, раздув ноздри, выпрямила спину: "Стыдитесь, господа! Адмирал Родни обещал защиту всем женщинам и детям, а вы вместо этого — нападаете на девочку тринадцати лет! Вон отсюда!

— Что такое? — раздался строгий голос с порога. Высокий, красивый мужчина с перевязанной рукой, в старом, прожженном морском мундире, велел: "Всем спуститься вниз!"

— У нее пистолет, капитан, — хмуро сказал один из солдат. "Адмирал Родни приказал…"

— Я слышал, — оборвал его мужчина. У него были каштановые, выгоревшие на концах до темного золота волосы, и лазоревые глаза. Он подождал, пока солдаты, толкаясь, не высыпали на лестницу. Мужчина поклонился: "Я приношу вам свои извинения, мадам. Отдайте мне оружие, и я клянусь честью британского офицера — вас больше никто не обеспокоит, — он увидел живот Эстер. Покраснев, смешавшись, капитан пробормотал: "Простите, пожалуйста, я не думал…, Я сейчас уйду, разумеется".

Эстер протянула мужчине пистолет и еще успела увидеть блеск золотого эфеса его шпаги. Дверь на лестницу захлопнулась. Она, мотая головой, опустившись на четвереньки, простонала: "Вот и все, госпожа де Грааф… Я не дойду…, до спальни…"

— Сейчас, сейчас, — голландка погладила ее по спине и всхлипнула: "Госпожа Оливер, как мне вас благодарить…, Вы ведь жизнью рисковали, ради моих девочек…"

— Мне рассказывали легенду…, - Эстер, было хотела закричать, но одернула себя: "Там дети, они и так напуганы, — моя родственница, давно еще, рожала. В это время в дом, где она была — молния ударила. Ничего, — она раскрыла рот, — родила. И мы родим, госпожа де Грааф, несите воду и холсты.

Эстер подползла к стене. Опираясь на нее, разведя ноги, она поглядела на свой живот: "Папа тебя еще возьмет на руки. Правда, маленький мой. Он обещал, и он вернется".

Она почувствовала страшную, выворачивающую ее наизнанку боль. Выгнувшись, Эстер услышала голос госпожи де Грааф: "Головка, госпожа Оливер. Теперь помедленнее надо, потерпите".

— Я знаю, — Эстер еще смогла улыбнуться и добавила: "Все будет, как надо".

Эстер дрогнула ресницами. Зевнув, не открывая глаз, она шепнула: "Тоже спишь, маленький Хаим?"

Мальчик дремал у ее груди, — чистенький, вымытый. Эстер тихо рассмеялась: "Ресницы у тебя — такие длинные".

Госпожа де Грааф пошевелилась в кресле и ахнула: "Только не вставайте, госпожа Оливер, не надо. Полежите с мальчиком, отдохните. Аннеке козу подоит, молока вам принесет, а я трав заварю ваших".

— За восемь фунтов, — Эстер довольно взвесила сына на руке. "Большие — они спокойней будут". Хаим завертел головой, и недовольно запищал. Госпожа де Грааф наклонилась над

mir-knigi.org

ними: "Как знал".

Она присела рядом с Эстер. Посмотрев на то, как мальчик сосет, женщина аккуратно сняла с него чепчик.

— Да он светленький, — ласково заметила голландка. "У господина Оливера мать блондинка была, — ответила Эстер. Мальчик открыл серо-синие, большие глаза и сонно взглянув на женщин — опять припал к груди матери.

— Сыночек на вашего мужа похож, — госпожа де Грааф нежно прикоснулась к белой щечке. "На Хаима, — поняла Эстер. "Как странно — и вправду, Хаима напоминает".

В окне висел сизый дым. Она спросила: "Что там, госпожа де Грааф?"

Голландка подошла к окну. Помолчав, вцепившись пальцами в раму, она сглотнула: "Ничего. Пожар".

— Что там? — требовательно повторила Эстер.

Жена губернатора повернулась и дернула щекой: "Ваш дом сожгли, госпожа Оливер. Дотла".

Адмирал Родни подошел к открытому окну конторы порта, и взглянул на торговые корабли: "Через три дня нам надо сниматься с якоря, иначе французы успеют дойти сюда, от Мартиники. Незачем рисковать людьми и добычей".

— Может быть, послать им навстречу мой "Неустрашимый", — предложил капитан Кроу. "И еще с десяток кораблей, мы перехватим те суда, что идут в авангарде".

Родни поморщился: "Нет смысла, капитан. Не надо бросаться в бой, лучше как можно скорее довезти добычу до Плимута. Моряки рвутся домой, им золото жжет карманы. Займитесь-ка лучше этими дровами, — он указал на разоренные корабли, — их надо вывести из гавани и сжечь, прямо сегодня".

Стивен повертел в длинных пальцах простую, медную подзорную трубу: "Мы все-таки воюем, адмирал, а не занимаемся грабежом. Вряд ли Адмиралтейство обрадуется, если французы отобьют у нас Синт-Эстасиус".

— Как раз для того, чтобы не отбили, вы и останетесь здесь, капитан Кроу, — холодно ответил адмирал Родни. "В чине губернатора, с любыми полномочиями, которые вам потребуются, и двумя десятками фрегатов".

Стивен поднялся. Положив руку на эфес шпаги, он склонил непокрытую голову: "Надеюсь, что оправдаю ваше доверие, адмирал Родни".

— Оправдаете, конечно, — мужчина потрепал его по плечу и нахмурился: "Дайте-ка вашу подзорную трубу. Что это там, на холме?".

— Похороны, — отозвался Стивен. "Там еврейское кладбище, у них большая община, на Синт-Эстасиусе".

— За те пять дней, что мы тут — это уже седьмые, кажется, — ядовито хмыкнул Родни. "Что-то они мрут, как мухи, эти сыны Израилевы".

mir-knigi.org

Стивен пожал плечами: "Все же мы три дня обстреливали остров, адмирал, а здесь нет военных, только гражданские лица. Старики, дети…"

Из передней раздалось хныканье ребенка. Солдат, вытянувшись, доложил: "К вам некая госпожа Оливер, ваше превосходительство!".

Родни усмехнулся. Поиграв массивным золотым перстнем, сверкающим бриллиантами, он велел: "Зови!"

Стивен посмотрел на невысокую, худенькую женщину, в темном, большом ей платье. Она стояла у косяка двери, держа на руках ребенка, из-под чепца выбивались вороные локоны. На тонких пальцах он увидел два простых кольца — серебряное и золотое.

— Госпожа Оливер, — адмирал шутовски поклонился, — чем могу быть полезен? Я слышал, ваш дом сгорел, какое несчастье! — он разлил по хрустальным бокалам вино. Эстер устало подумала: "Это губернаторские, я их узнаю".

Эстер пристроила удобнее спящего младенца. Стивен понял: "Это же она, та, у которой я пистолет забрал. Жена Оливера. Адмирал говорит, что он молчит, упрямый парень. Его уже и расстреляют скоро, незачем все это затягивать".

— По какому праву вы приказали сжечь наш дом, адмирал? — услышал он высокий, ломкий голос. "Вы же обещали, что город не будет разрушен".

— А он и не разрушен, — Родни вскинул бровь. "Что касается вашего дома, госпожа Оливер, — он пожал плечами, — несчастные случаи происходят сплошь и рядом. Во время обыска кто-то из солдат уронил свечу, такое бывает. К сожалению, мы не можем выплатить компенсацию — ваш муж подозревается в шпионаже. По законам военного времени это карается смертной казнью, меня просто не поймут в Адмиралтействе, если я начну тратить деньги на вдов преступников".

Эстер сглотнула: "Я еще не вдова, адмирал Родни".

— Скоро будете, — уверил ее британец и распахнул дверь: "Всего хорошего, госпожа Оливер".

— Я не за этим пришла, — упрямые, черные, большие глаза взглянули на британца. "Нашему сыну пять дней, адмирал Родни — Эстер ласково погладила простой, холщовый чепчик мальчика, — через три дня ему надо делать обрезание, по нашим законам, в синагоге. Отец должен при этом присутствовать, это заповедь. Я прошу вас, — она помолчала, — отпустите моего мужа на церемонию. Пусть под конвоем, но он хотя бы увидит своего сына. Пожалуйста".

Родни побагровел. Медленно, сдерживаясь, он повертел в руках бокал с вином. Адмирал допил остатки залпом и проговорил: "Через три дня приходите за телом своего мужа, госпожа Оливер. Это я могу вам устроить! Пошла вон отсюда! — внезапно заорал британец.

Мальчик проснулся и заплакал. Стивен осторожно сказал: "Ваше превосходительство…"

Эстер, прикусив губу, укачивала ребенка. Стивен увидел большую слезу, что повисла на ее длинных, черных ресницах. Адмирал, разглядывая кольца на ее пальцах, пробормотал: "Золото. Какие мы были дураки…, А ну раздевайтесь! — приказал он.

— Что? — Эстер непонимающе подняла голову.

— Снимайте платье! — велел адмирал. "У вас там, наверняка, драгоценности припрятаны".

Женщина сжала зубы и дрожащим голосом сказала: "Это кольцо моего первого мужа — он погиб в битве при Саратоге, это — второго. Вы его сейчас держите взаперти, пытаете, и собираетесь расстрелять. Мой дом сгорел, мой сын останется сиротой. У меня нет никаких драгоценностей, кроме этих, адмирал Родни. Можете отрубить мне пальцы и забрать их, только сначала..., - она приподнялась на цыпочках и отвесила британцу хлесткую пощечину.

— Сначала, — повторила Эстер в наступившем молчании, — я сделаю это. Пока у меня еще цела рука.

Она повернулась. Не поклонившись, хлопнув дверью, женщина вышла.

— Сучка! — выругался Родни, потирая щеку. "Грязная, мерзкая еврейская шлюха. Бери солдат, Стивен, и отправляйся на кладбище — пусть разроют все свежие могилы. Я больше чем уверен, что в гробах золото, у этих евреев его хоть лопатой греби".

— Нет, — спокойно ответил капитан Кроу и поднялся. "Я не буду пачкать руки осквернением кладбища, адмирал. Я офицер, а не грабитель. С вашего разрешения, я навещу господина Оливера".

Родни раздул ноздри: "Думаешь, он тебе что-нибудь расскажет? Ну, иди, кулаки у тебя покрепче, чем у многих, хотя этот Оливер, как молчал, так и будет молчать".

Он проводил взглядом прямую, мощную, в старом мундире спину, и добавил себе под нос: "Чистоплюй!"

— Хойт! — крикнул адмирал, и велел появившемуся адъютанту: "Бери три десятка солдат, и пойдем на кладбище — нас ждет развлечение".

Родни выглянул из окна. Посмотрев на ряды аккуратных, белых, под черепичными крышами домов, на каменные колонны синагоги, на большие, в мелких переплетах окна губернаторской резиденции, он сплюнул на булыжники двора. "Ну, — сказал адмирал, надевая треуголку, — если мы что-то найдем, вам несдобровать, жидовня проклятая".

Стивен приставил ладонь к глазам и свистнул своему боцману: "Перкинс, давайте шлюпку!"

Вода в заливе была тихой, бирюзовой, чуть шелестели листья пальм. Стивен увидел, как маленькая женщина, устало опустив голову, устроилась у разбитой ядрами ограды. Она поднесла ребенка к груди, и набросила на плечи старую, заштопанную шаль. Сзади нее поднимались серые, обгорелые стены дома. Стивен, садясь в шлюпку, вздохнул: "Хоть скажу ему, что у него сын родился. И что с женой его — все в порядке. Бедная женщина, надо будет ее найти потом, денег дать".

Капитан, подняв голову, хмыкнул — белый, красивый альбатрос кружил над гаванью. Присев на мачту, птица сложила крылья.

— К счастью, — вспомнил Стивен. "Господи, хоть бы война быстрее закончилась, устал я. У Питера за это время уже успел сын появиться, а я все один и один. А ведь тридцать лет тем годом исполнилось. Вот как подпишем мир с колониями — сразу и женюсь".

— Кто там? — закричал вахтенный матрос на флагмане.

— Капитан Стивен Кроу, с поручением от адмирала Родни, — ответил Стивен и стал ловко взбираться по сброшенному в шлюпку трапу.

В углу темной каморки настойчиво, злобно пищала крыса. Меир пошевелился, и, сжав зубы, попытался подвигать пальцами. Наручники лязгнули, крыса замолчала. Он усмехнулся разбитыми в кровь губами: "Нечего мешать мне думать".

— А что думать, — он повел плечами и принюхался — пахло засохшей кровью, нечистотами, сырой гнилью корабельного трюма. "Думать нечего, меня заставят идти по доске с завязанными глазами. Я, конечно, спрыгну в воду, если мне до этого в спину не выстрелят. Или Родни вообще прикажет меня на рее вздернуть. Эстер, Эстер…, - он закрыл глаза и вспомнил ее прохладную руку у себя на лбу.

— Это всего лишь простуда, — сказала жена, вытирая его потное, горячее лицо. "Незачем делать вид, что ты умираешь, капитан Горовиц".

Меир приоткрыл один глаз: "А ты откуда знаешь?"

За окном шуршали волны, по белому песку прохаживались чайки, небо играло розовым закатом. Эстер, наклонившись, на мгновение прижалась щекой к его пылающей щеке. "Сам же говорил, теперь документы можно не прятать, перед уборкой".

Она усадила его удобнее: "Раз ты болеешь, я ханукальные свечи сама зажгу, как наш папа умер, я тоже всегда это делала".

— А Иосиф? — он одновременно закашлялся и, схватив с кровати холщовый носовой платок — высморкался.

— Иосиф, — жена принесла из гостиной тяжелый серебряный канделябр, — раньше не верил в Бога. Сейчас, наверное, — она стала устанавливать свечи, — верит, раз он свою невесту в Иерусалим повез.

Она присела на кровать. Меир, взяв ее руку, улыбнулся: "Уже и до обрезания недолго". Он провел ее ладонью по выступающему животу. Эстер рассмеялась: "Там, может, девочка еще. Если что, я и сама могу обрезание сделать, кстати. Иосиф меня научил. Но не понадобится — моэль тут есть. Устроим праздник".

Он все не отпускал белоснежные, тонкие пальцы. Эстер недоуменно спросила: "Что такое?"

— Ничего, — пробормотал Меир: "Я, конечно, покраснел, но я ведь болею. Она ничего не заметит".

Жена поднялась. Зажигая свечи, она запела благословение — чистым, высоким, красивым голосом.

— Надо было раньше, — поморщился Меир, — крыса опять начала пищать, — раньше ей сказать, что я ее люблю. Что я за дурак такой — все лето и осень проворочался один в постели, а бедная девочка тоже — лежала за стеной одна. А теперь и не знаю, когда мы встретимся.

— Встретимся, — твердо велел он себе, и вздрогнул — кто-то снимал замок с двери каморки.

Он увидел колеблющийся огонек свечи. Высокий, красивый мужчина в форме морского

офицера повесил фонарь на переборку. Он позвал: "Господин Оливер!"

— Ого, как его отделали! — присвистнул Стивен Кроу. "И все равно держится. Крепкий парень".

Мужчина в кандалах пошевелился: "Что, уже пора на расстрел? Адмирал Родни говорил, что еще со мной не закончил".

— Нет, — Стивен невольно улыбнулся, — я видел вашу жену, господин Оливер. С ней все в порядке, у вас сын родился. Поздравляю, — зачем-то добавил он.

Серо-синие, заплывшие от побоев глаза открылись. Пленник вздохнул: "Это очень хорошие новости. Спасибо вам..., - Меир взглянул на офицера и тот наклонил голову: "Кроу. Капитан Стивен Кроу, господин Оливер".

— У меня к вам есть просьба, — спокойно сказал Меир. "В моей куртке, во внутреннем кармане, письмо — прочитайте его, пожалуйста. Там кровью не испачкано, все чисто. Только осторожней, оно старое, ветхое.

Стивен недоуменно пожал плечами. Наклонившись над Меиром, пробормотав: "Простите..., - он достал конверт.

Он развернул пожелтевший листок и замер: "Откуда это..."

— Читайте! — велел Меир, и устало закрыв глаза, добавил: "Я думаю, вы об этом не знали". Он увидел, как капитан Кроу опускается на деревянную скамью. Положив листок на большую ладонь, Стивен бережно, аккуратно разгладил его.

Он дочитал. Капитан долго сидел, молча, глядя на ровные строки. "Мой отец... — сказал Стивен, — когда уходил в тот рейс, в Бостон, сказал мне — что это его последний. Я тогда не понял, почему. Он и вправду, последним оказался. Мне было восемь лет, — он, опустившись рядом с Меиром, все еще держа в руках письмо отца, попросил: "Расскажите мне все".

Меир говорил, изредка прерываясь, глядя на суровое, жесткое лицо. "Так, — наконец, сказал капитан Кроу и еще раз повторил: "Так. А где теперь этот, — он помедлил, — Кинтейл?"

— Где-то на западе, говорят, — Меир пожал плечами. Капитан повторил: "На западе". Он длинно, витиевато выругался.

— Мне надо съездить на "Неустрашимый", — он поднялся, — сделать кое-что. Потом..., - он вздохнул, — в общем, мы с вами, скоро увидимся, господин Оливер. Я не прощаюсь".

Меир проводил его глазами и хмыкнул: "А ты что думал — он тут расплачется, и принесет тебе ключи от наручников? Говорили же — человек без жалости. Плевать он хотел и на сестру, и на племянницу"

Он внезапно вспомнил синие, веселые глаза Мирьям: "Вот и не останется больше Горовицей, хоть Эстер мальчика воспитает под нашим именем".

Крыса опять запищала. Меир, опустив избитое лицо в руки — застыл, сидя в углу темного трюма.

Адмирал Родни прошелся между поставленными на булыжники гробами. Подняв из одного

холщовый мешок, британец взвесил его на руке.

— Золото…, - протянул он и повернулся к бывшему губернатору де Граафу, что стоял между двумя британскими солдатами: "Это ведь ваша затея, не так ли? Тут не только деньги сынов Израилевых — он указал на группу людей, в наручниках, — тут и деньги других торговцев, наверняка. Умно, — Родни позвал: "Хойт!"

— Да, ваше превосходительство! — вытянулся перед ним адъютант.

— Конфисковать имущество и сжечь дома всех здешних евреев, — коротко приказал Родни. Он задумался: "Аашу резиденцию, мистер де Грааф, я трогать не буду — новому губернатору надо будет где-то жить".

— Даю вам три дня на сборы, — адмирал остановился перед еврейскими торговцами, — и прощание с семьями. После этого вы все будете депортированы отсюда на Сент-Китс и другие острова, принадлежащие короне. Там вас отправят на каторжные работы, как преступивших закон.

— И я тоже, — де Грааф сделал шаг вперед.

— Что — "вы тоже"? — обернулся адмирал. Бывший губернатор засунул руки в карманы своей старой холщовой куртки и вскинул светловолосую голову. "Мистер Оливер, ваше превосходительство, еврей — пожертвовал своей жизнью ради жизней голландцев нашего острова. Моя честь не позволяет мне остаться здесь. Я должен быть с теми несчастными, которых вы лишаете свободы".

Во дворе было тихо. Родни подумал: "Альбатрос. Надо же, как далеко к северу забрался. И все кружит над гаванью, не улетает".

— Ради Бога, мистер де Грааф, — развел он руками, — я не могу запретить вам сдохнуть от лихорадки на плантациях. Уведите их, — крикнул он солдата. Усмехнувшись, адмирал развязал мешок. "Все эти нытики в Парламенте, — Родни запустил руки в золото, — все хлюпики, вроде герцога Экзетера, — сразу заткнутся. С деньгами никто не спорит".

— Ваше превосходительство, — услышал он сзади знакомый голос.

Капитан Кроу, в парадной форме, с поклоном протягивал ему простую, стальную шпагу.

— Это не его, — понял Родни, — это офицерский клинок. У него же эта, шпага Ворона. Он какой-то его потомок, кажется.

— В чем дело, капитан? — недоуменно спросил Родни. "Вы поговорили с этим Оливером?"

— Поговорил, ваше превосходительство, — Стивен окинул взглядом наполненные холщовыми мешками гробы. "Бедные, — вздохнул он, — Родни им этого не простит, сейчас от города выжженная пустыня останется".

— Я прошу отставки, — глаза небесной лазури взглянули на адмирала — прямо и твердо. Стивен помолчал и продолжил: "Я не могу больше оставаться в рядах британской армии, адмирал, иначе я превращусь в бесчестного человека. У меня была сестра, — он, на мгновение, сцепил, зубы, — ее убил человек, сражавшийся под этим же флагом, — Стивен указал на британское знамя над крышей губернаторской резиденции. Дул нежный, теплый ветер, кричали чайки. Родни раздраженно ответил: "Не порите чушь, капитан, что за сантименты!

Возвращайтесь на "Неустрашимый" и займитесь тем, о чем я вам говорил — надо сжечь торговые суда. Хойт с солдатами уже пошел конфисковать имущество евреев, потом поможете ему — там три десятка домов надо сравнять с землей".

Стивен положил шпагу у ног адмирала. Выпрямившись, капитан внезапно усмехнулся: "Я, в общем, предвидел такой ответ, ваше превосходительство. Я, к сожалению, не могу вернуться на "Неустрашимый", он больше не находится в составе вашей эскадры, — синие глаза заблестели. "Я поговорил со своими офицерами и матросами, адмирал Родни — никто из них более не согласен служить под британским флагом, — капитан развел руками.

— Мерзавец! — полное лицо Родни налилось кровью. "Ты что, подбил на бунт экипаж военного фрегата! Где "Неустрашимый?"

Стивен обернулся и взглянул на горизонт. "По дороге к Мартинике, ваше превосходительство, где он соединится с французским флотом".

— Тебя расстреляют, — отшвырнув шпагу ногой, сказал Родни. "Расстреляют, вместе с этим Оливером. В наручники его! — приказал адмирал адъютанту, и, засучив рукав мундира — со всей силы ударил капитана Кроу.

Тот покачнулся. Устояв на ногах, капитан сплюнул кровь: "Это будет честь для меня". Стивен поднял голову и посмотрел в небо — над городом уже висел серый, тяжелый дым пожара.

Меир очнулся от прикосновения к своему плечу. "Видите, — сказал капитан Кроу, устраиваясь рядом, на влажной соломе, — я же сказал, что я вернусь. Я всегда выполняю свои обещания, господин Оливер".

Меир посмотрел на запекшуюся кровь на губах мужчины и велел: "Не улыбайтесь, вам больно".

— Потерплю, — весело ответил Стивен. Откинувшись к переборке, он усмехнулся: "Расскажу вам кое-что".

Меир зачарованно слушал, а потом спросил: "А ваш "Неустрашимый", он, правда, — к Мартинике пошел?"

Стивен вскинул красивую бровь. "Нет, разумеется. Ребята нас ждут в надежном месте. Я тут пять лет плаваю, знаю все закоулки".

Меир поскреб распухшими пальцами обросший каштановой щетиной подбородок и задорно проговорил: "Может, так оно и лучше — сначала делать, а потом думать".

Капитан Кроу покраснел: "Я думал, видите, даже шпагу поменял. Не стану же я свой родовой клинок этому мерзавцу отдавать. Нас завтра и расстреляют уже, наверное. Вешать не будут, я все же офицер".

— Я тоже, — вдруг сказал Меир. "Капитан Меир Горовиц, Континентальная Армия. Простите, — он вздохнул, — руки подать не могу".

— Погодите, — Стивен нахмурился, — мне же писал, мой кузен, Питер, осенью еще. Моя родственница, — я ее, правда, никогда не видел, — Эстер, она из Амстердама, еврейка — вышла замуж за Меира Горовица, в колониях.

mir-knigi.org

— Это я, — смешливо сказал Меир. "Так что вы мою жену — уже встречали".

— Родни приказал сжечь еврейские дома, — помолчав, проговорил Стивен. "За то, что община укрывала золото. Ваш — уже сожгли, кстати. Всех мужчин, евреев, депортируют, через три дня. Вашему мальчику как раз через три дня надо будет обрезание сделать, Эстер приходила к адмиралу, просила вас отпустить".

— И что он ей ответил? — горько усмехнулся Меир.

— Что через три дня она может забрать ваше тело, — нехотя ответил Стивен. "Но вы..., ты..., не волнуйся, Меир, я этого не допущу. Побываешь на обрезании, а потом — увезем отсюда Эстер и маленького. Отправимся к вам, в колонии".

— А потом? — после долгого молчания спросил Меир.

— А потом я найду Кинтейла и убью его, — спокойно ответил капитан Кроу.

Над морем поднимался нежный, призрачный рассвет. Флагман покачивался на тихой волне, с берега тянуло дымом. Родни, взяв у адъютанта подзорную трубу, всмотрелся в пожарище. "Отлично, — пробормотал он. "Сколько человек мы депортируем, Хойт?"

— Восемьдесят, — отрапортовал адъютант, — вместе с бывшим губернатором. "Беллона" пойдет на Сент-Китс, мы их в трюм загоним. Они сейчас в том бараке, — моряк указал на окруженное солдатами, покосившееся здание.

Два плотника вынесли узкую, длинную доску и стали приколачивать ее к борту корабля. Родни взглянул на экипаж флагмана, что выстраивался на палубе и приказал Хойту: "Барабанщиков сюда!"

Внизу, в трюме, было тихо. Меир, склонив голову, прислушался: "Кажется, сейчас за нами придут. Хорошо еще, что наручники сняли, — он стал разминать опухшие запястья: "Пятьдесят футов до воды. Господи, помоги".

— Ты все запомнил? — Стивен плеснул в лицо водой из кувшина и усмехнулся: "Хоть бы побриться дали. Я за эти два дня оброс, как пират, да и ты тоже".

— Запомнил, — Меир охнул. С трудом поднявшись, опираясь о переборку, он продолжил: "Надо плыть в открытое море, и только там — появляться на поверхности".

— Осадка у флагмана, — хмыкнул капитан Кроу, — двадцать футов, надо проплыть под килем, и потом еще — тысячу футов под водой. Вынырнешь — добирайся до той бухты, о которой ты мне говорил, к северу от города. Там встретимся".

— Но на воде, же не будет крови, — недоуменно сказал Меир. "Они поймут, что мы выжили".

Капитан Кроу закатил глаза. "Сразу видно, ты в морском сражении никогда не был. Тут течение, дорогой Меир, тут воды столько, что она все мгновенно унесет — и кровь, и тела. Никто ничего не заподозрит, тем более, что..., - он замолчал и хмуро закончил: "В общем, я уже такое видел".

— Выходите, — раздался грубый голос снаружи. Стивен, перекрестившись, подтолкнув Меира, улыбнулся: "Ты тоже — скажи что-нибудь, не помешает. Псалмы же у вас говорят, я помню".

mir-knigi.org

Меир прошептав что-то, заметил: "Не помешает, это точно". Он вздохнул и последовал за капитаном Кроу.

На палубе гулял свежий, резкий ветер, пахло солью. Меир даже пошатнулся — утреннее солнце било прямо в глаза. Родни махнул рукой, барабанщики остановились. Начали читать приговор. Меир искоса взглянул на берег — британские солдаты стояли цепью вдоль набережной, сдерживая толпу женщин.

— Мужчины в бараках, — вспомнил Меир, — их оттуда не выпускают. Господи, хоть бы Эстер там не было. Не надо ей на это смотреть, да еще и с маленьким. Хаим, — он внезапно, нежно улыбнулся. "Интересно, на кого он похож — на меня или на нее? Скоро и увижу, спрячемся в лесу, а ночью в город проберемся. Это если выживем, конечно, — напомнил себе мужчина.

Капитан Кроу наклонил непокрытую голову. Меир усмехнулся: "Шесть футов три дюйма, он же говорил. А я- на фут ниже, со мной затруднений не будет".

Стивену помогли подняться на доску. Меир заставил себя не смотреть в ту сторону. "Огонь!" — крикнул адмирал Родни. Загремели мушкетные залпы, Меир услышал сдавленный, оборвавшийся крик и плеск воды где-то внизу, за бортом корабля.

— Теперь вы, господин Оливер, — ухмыльнулся Родни. "Раскинуть руки, — напомнил себе Меир, чувствуя, как повязка закрывает глаза. "Подождать, пока он велит стрелять. Только после этого — прыгать. Головой вниз, не отталкиваясь".

Он едва удержался на ногах — ветер выл. Меир еще успел подумать: "Сейчас сдует меня отсюда, и прыгать не понадобится".

— Огонь! — раздался сзади голос Родни. Меир, сорвавшись с края доски, упал в пятидесятифутовую пропасть.

По булыжникам двора гулял, завивался серый, легкий пепел. Эстер поправила шаль, где лежал ребенок и госпожа де Грааф, взяла ее за руку: "Милая, давайте я с вами пойду. Пожалуйста".

— Надо его похоронить, — черные, распухшие от слез глаза женщины посмотрели куда-то вдаль. "Пока депортации еще не было, госпожа де Грааф. Завтра всех увезут, на "Беллоне", и никто не сможет проводить Меира, — Эстер покачнулась, и посмотрела на спокойное личико мальчика: "Тринадцать лет. Еще тринадцать лет, пока он сможет кадиш сказать".

Маленькая Магда, что держалась за руку матери, всхлипнула: "Почему папа уезжает?"

— Потому, — госпожа де Грааф помолчала, — что он — человек чести, Магда, и нам надо гордиться его поступком. Хотя бы дайте мне маленького, — решительно велела она женщине, — не стоит его к этому Родни, — губы голландки искривились, — носить. Он сытый, мы тут погуляем.

— Погуляем, — повторила про себя Эстер, вдыхая запах гари. "Господи, кладбище все осквернили, по могильным плитам стреляли. Хоть синагогу не тронули, будет, где обрезание сделать".

— Спасибо, — тихо сказала она, и, сняв шаль — зашла в контору порта.

Адмирал Родни сидел, развалившись в кресле, положив ноги в грязных сапогах на стол,

подсчитывая что-то на захватанном жирными пальцами листе бумаги.

Он погрыз карандаш и поднял серые, налитые кровью глаза: "Чего явились?"

Эстер шагнула в комнату и поморщилась от дыма: "Я знаю, что моего мужа расстреляли утром, адмирал Родни. Я пришла за его телом, мне надо похоронить господина Оливера".

— Ничем не могу помочь, — развел руками британец. "Мы не вылавливаем трупы казненных, если его выбросит на берег — хороните, сколько хотите, — он скрипуче рассмеялся.

— Но ведь это может быть…, - попыталась сказать Эстер. Родни, оборвав ее, заметил: "Меня это совершенно не интересует, госпожа Оливер. Идите, ищите тело своего мужа, хоть весь год бродите — я вам не запрещаю".

Эстер постояла, глядя поверх его головы куда-то в окно, на мачты кораблей: "Хотя бы разрешите завтра, до отплытия "Беллоны" сделать обрезание нашему сыну. Тот человек, который должен провести церемонию — выпустите его из бараков, пожалуйста. Это быстро, не займет и…"

— Не выпущу, — Родни стал ковыряться карандашом в зубах. "Я сказал, что все мужчины-евреи будут депортированы, значит, так оно и случится. Не надоедайте мне, милочка, иначе тоже — попадете в трюм "Беллоны". Ублюдок ваш сдохнет по дороге, а вас на Сент-Китсе — отправят на плантацию, если не куда похуже, — адмирал расхохотался: "А я ведь здесь остаюсь, за губернатора. Она ничего, худая только. Будет, с кем развлечься".

Он поднялся, и, пройдя мимо Эстер — наложил засов на дверь.

— Адмирал Родни! — она отступила к стене. Британец открыл ящик стола, и, кинув ей золотое кольцо, опустился в кресло: "Иди сюда. Если будешь себя хорошо вести — останешься в живых, милочка. Я знаю, — он усмехнулся, — ты только что родила, поэтому пока ртом поработаешь".

Эстер почувствовала, что бледнеет. Она стиснула зубы. Прошагав к столу, женщина плюнула в лицо британцу.

Родни вскочил. Заломив Эстер руку за спину, протащив по пыльному коридору, он сбросил ее со ступеней крыльца. "Когда будешь подыхать от голода, — Родни ударил женщину в поясницу, — на коленях приползешь, и станешь под матросов ложиться".

Эстер вытерла рукавом запачканное лицо, дверь захлопнулась: "Господи, хорошо, что госпожа де Грааф на берегу гуляет, не видела этого. Сейчас умоюсь, и к ним пойду".

Голландка сидела на песке, ребенок спокойно дремал в шали, Магда шлепала босыми ножками в прибое.

Эстер опустилась рядом, и грустно погладила Хаима по мягкой щечке: "Придется мне самой делать обрезание, госпожа де Грааф, завтра".

— А похороны? — помолчав, спросила жена губернатора. "Когда похороны, госпожа Оливер?"

— Он сказал, — Эстер мотнула головой в сторону порта, — что тело унесло в море, и чтобы я сама его искала, на берегу.

Госпожа де Грааф потянулась и взяла ее руку. Эстер почувствовала тепло женской ладони, и,

глядя на зевающего, просыпающегося мальчика, добавила: "А если не найду — навсегда останусь вдовой. Такие у нас законы".

Она положила укрытую чепцом голову на колени. Эстер заплакала — тихо, неслышно, чтобы не побеспокоить сына.

Меир почувствовал, как его кто-то хлопает по щекам. С усилием открыв глаза, он едва успел повернуть голову набок — его вырвало морской водой.

— С возвращением, капитан Горовиц, — услышал он веселый голос. "Нахлебался ты изрядно, но сейчас уже все в порядке".

На белом песке горел костер, Стивен сидел рядом с ним, поворачивая над огнем насаженную на прутик рыбу. Меир взглянул на серые скалы, поднимающиеся вверх, на густой лес, что подступал к самому обрыву. Подышав, справившись с тошнотой, он сел.

— Это та самая бухта? — спросил Меир, поморщившись — спина болела. "Тебя по камням протащило, — сказал Стивен, — пока ты без сознания был. Ничего, заживет. Бухта та самая — уж не знаю, как ты сюда доплыл, — он помолчал, — я тебя из воды полумертвым вытаскивал".

Он положил рыбу на плоский камень, и, набрав в ладони соленой воды — полил ее.

— Рома нет, — вздохнул Стивен. "Когда доберемся до "Неустрашимого" — выпьем с тобой, как следует, вам ром можно".

— Можно, — согласился Меир. Голова была легкой, звонкой. Он вдруг, удивленно, подумал: "Выжил. Господи, спасибо тебе. Забрать Эстер, маленького — и домой. До Бостона их довезти, мне-то надо продолжать работу".

— "Неустрашимого" я вам отдам, — сказал капитан Кроу, разделывая рыбу. "То есть нам, — он усмехнулся красивыми губами. "Парням я сказал — кто хочет, пусть остается на корабле, или на сушу сходит. Я-то за этим Кинтейлом отправлюсь. Думал, что один, но Перкинс, боцман мой, — мы с ним пять лет плаваем, и еще пара ребят — тоже вызвались. Так что мы его найдем".

— Я с вами поеду, — просто сказал Меир. "Только Эстер и малыша в Бостоне сначала оставлю. Ты видел моего сына? — мужчина отчего-то покраснел. "На кого он похож?"

Стивен улыбнулся: "На младенца. Он спал, даже глаза не открыл. Ты его скоро увидишь, не волнуйся, — он потянулся и закинул руки за голову. Алый закат висел над тихим морем. Стивен пробормотал: "Надо бы потом шлюпку достать, "Неустрашимый" на севере острова, по морю туда будет быстрее добираться".

Меир вымыл руки и пробормотал благословение: "Ты давно в море, Стивен?"

— Семнадцатый год, — хохотнул тот. "Как мне четырнадцать исполнилось — ушел из школы, из Мерчант Тэйлор. Мой дядя Майкл, Питера отец, разрешил мне юнгой наняться на корабли Ост-Индской компании. В Бостон я тоже плавал — семь лет назад, когда вы чай в гавань сбрасывали, — Стивен подмигнул Меиру и помрачнел: "Знал бы я тогда…"

— Мой брат старший, первый муж Эстер, — Меир снял с камней высохшую куртку и осторожно оделся, — он там был, в гавани. И друг его, Дэниел Вулф, тоже — ты с ним еще познакомишься.

А Кинтейл — мужчина помолчал, — Кинтейл и брата моего убил, скальп с него снял, и сестру. Так что правильно — мне надо с вами на запад идти.

Стивен поднял с песка какую-то палочку и начертил грубую карту. "На озерах, у вас флота нет, — утвердительно сказал он. "То есть у нас, тьфу ты, никак не запомню".

Меир покачал головой. Капитан, похлопав себя по карманам, кисло заметил: "Доберемся до "Неустрашимого", сразу закурю. У меня там шкатулка, в капитанской каюте. Ты таких сигар и не пробовал никогда. Значит, — он рассмеялся, — теперь, у вас там корабли появятся, капитан Горовиц. Это я тебе обещаю".

— А потом что? — спросил Меир, глядя на линии, прочерченные во влажном песке, подперев подбородок кулаком.

— Потом, — Стивен подбросил плавника в костер, — как перемирие подпишут, вернусь в Англию. Раньше не стоит, а то под трибунал пойду, как один из наших предков, капитан Николас Кроу, сын Ворона. Заработаю денег и поплыву искать Ледяной Континент. Или Северо-Западный проход.

— Ни того, ни того, — сочно заметил Меир, — не существует, дорогой родственник.

— А то ты знаешь, — рассмеялся капитан Кроу. "Ты четыре года в тропиках деньги считал, и на море только пассажиром плавал. Стрелять ты умеешь? — внезапно спросил Стивен.

— Я все-таки офицер, — обиженно заметил его собеседник, — умею, конечно. Просто редко это делать приходится. Да у нас и пистолетов нет, кузен. А у тебя, на "Неустрашимом"? — он поднял глаза.

— У меня там полно оружия, — Стивен зевнул. Заливая костер водой, он пробормотал: "Может, так оно и лучше — без пистолетов. Безопасней. И, — он устроился на песке, — в город я пойду".

Меир открыл рот. Капитан Кроу поднял руку: "У тебя жена, сын, а я холостой и бездетный. Сейчас поспим, — он вынул из кармана мундира поцарапанный, тусклый золотой хронометр. Прислушавшись, Стивен довольно сказал: "Семнадцатый год со мной в море купаются, и ничего. Это моего отца, как я плавать уходил — дядя Майкл его мне отдал. Работы мастера Карона, из Парижа".

— Мартину от Майкла, — прочитал Меир, изящно выгравированные на крышке буквы.

— Поспим пару часов, — Стивен растянулся на песке, — и я тебя растолкаю. Нам еще по дороге надо шлюпку увести. Пришвартую тебя за теми скалами, что к северу от порта. Оттуда все отлично видно, будешь сидеть, и ждать нас". Он снял мундир, и, свернув его, подложил под голову: "В рубашке пойду, хорошо еще, что тут круглый год тепло. Спокойной ночи, кузен".

— Спокойной ночи, — Меир устроился на боку, — так меньше болели ссадины на спине. Глядя на еще слабые, мерцающие звезды, слушая шорох воды, он сам и не заметил, как заснул.

Ему снилось море — огромное, уходящее за горизонт. На мелкие камни берега набегали легкие волны, у нового, еще пахнущего смолой причала — покачивался бот со свернутыми парусами. Стивен, присев, набрав в ладонь воды, попробовал ее.

— Она тут пресная, — с удивлением хмыкнул капитан. Проведя пальцами по ладони, он улыбнулся: "Вроде все занозы вынул".

Он обернулся и довольно взглянул на дом — большой, стоявший на холме, среди высоких, вековых сосен. Серые скалы отражались в глубокой синеве воды.

— Корову надо привести, — сказал себе он. "Где у нас тут коров берут? В Питтсбурге, сто двадцать миль. Все равно я туда собирался, надо ткацкий станок купить, книг..., И корову, дети еще маленькие, им молоко нужно".

Две девочки — помладше и постарше, — шлепали по озерной воде. Стивен помахал им рукой, и крикнул: "Вылезайте, обедать пора!"

Он подхватил деревянное ведро со свежей рыбой. Закинув на плечо удочку, капитан стал подниматься по аккуратной, врезанной в склон холма лестнице — к своему дому.

Уже с порога пахло жареным мясом, на столе, накрытом на четверых, стояла румяная индейка. Он, опустив ведро на пол, пройдя к сундуку, порывшись в нем, усмехнулся: "Вина надо привезти, а еще лучше, капитан Кроу — ставь-ка ты в сарае тот самый аппарат. Слава Богу, кукуруза тут отлично растет".

Он выглянул из окна на чистый, прибранный задний двор — квохтали куры, из загона блеяли овцы. Стивен услышал сзади нежный голос: "После обеда твою рыбу засолю".

Запахло травами, мягкие волосы упали ему на плечо. Он, сдерживаясь, ответил: "После обеда девчонок за ягодами отправим, а сами другим займемся, любовь моя".

Она рассмеялась. Стивен, открыв глаза, увидел перед собой низкую, бледную луну, что висела над морем: "Дочки, значит. Это хорошо. А ее лица так и не показал мне Господь, жалко, — он улыбнулся. Взглянув на часы, капитан стал будить крепко спящего Меира.

Эстер стояла на пороге синагоги, держа на руках ребенка. "Госпожа де Грааф с мужем прощаться пошла, — грустно сказала она. "Беллона" отплывает уже. Господи, увидятся ли они еще?".

В узкие арки прикрытых деревянными решетками окон проникали легкие лучи утреннего солнца. Пол был покрыт белым, мелким песком. Эстер, взойдя на биму, положив мальчика на стол, вспомнила: "Это же в память о конверсо. Они в Испании тоже — посыпали пол там, где молились, чтобы шагов слышно не было".

Хаим начал просыпаться. Женщина, улыбнувшись, открыла потрепанный, кожаный футляр с инструментами. "Хоть это из бараков разрешили передать, — пробормотала она. Наклонившись, Эстер поцеловала сына: "Все будет очень быстро, милый. Жалко, что вина нет, но ничего не поделаешь".

Эстер распеленала ребенка — он лежал, потягиваясь, толстенький, беленький, со светлыми, уже длинными кудряшками. Серо-синие глазки распахнулись. Эстер, завидев это, сказала: "Сейчас все сделаем, а потом грудь тебе дам".

— Нечего оттягивать, — велела она себе и взяла стальной, с ручкой слоновой кости нож.

— Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам совершать обрезание! — Эстер твердой рукой сделала надрез. Ребенок

отчаянно заплакал, и она не услышала, как захлопнулись тяжелые, дубовые двери синагоги.

Мальчик обиженно рыдал. Эстер, вздохнув, продолжила: "Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам ввести тебя в союз Авраама, отца нашего! Благословен Ты, Господь, Бог наш, давший нам жизнь и поддержавший нас, и давший нам дожить до этого времени!".

Она привела в порядок ранку. Погладив ребенка по голове, женщина шепнула: "Да наречется твое имя в Израиле — Хаим, сын Меира".

Женщина быстро запеленала мальчика. Опустившись на скамью, расстегнув платье, Эстер дала ему грудь. Хаим сосал, всхлипывая. Эстер улыбнулась: "Вот и все, счастье мое. И мы с тобой не одни — у тебя дядя есть, и тетя, в Амстердаме. И кузены появятся, наверняка".

В синагоге было тепло и тихо. Эстер опустила веки, и устроилась на песчаном полу: "Как будто у моря. Хаим уже дремлет. Сейчас отдохнем и пойдем к госпоже де Грааф, барак этот в порядок, приводить, в который ее с детьми переселили. Адмирал Родни, — Эстер горько усмехнулась, — теперь в резиденцию губернаторскую переехал".

Она задремала, положив рядом с собой мальчика, и не услышала стук молотка, что доносился от дверей.

Адмирал Родни полюбовался крепко приколоченными досками. Обернувшись к адъютанту, он спросил: "Их всех на палубу "Беллоны" выгнали?"

— Так точно, ваше превосходительство! — вытянулся Хойт. "С воды все отлично видно!"

Родни посмотрел на резные, изогнутые буквы над входом и вдруг спросил: "А что тут написано, Хойт, вы не спрашивали?".

— Знай, перед кем стоишь, — отрапортовал моряк. "Знаю, — пробормотал британец, и крикнул солдатам, что окружили синагогу: "Бросайте!"

Зажженные факелы полетели в окна, огонь начал лизать ставни и решетки. Люди, сгрудившиеся на палубе "Беллоны", увидели, как над крышей синагоги поднимается столб пламени.

Стивен выскочил из шлюпки на белый песок и замер: "Что это?" Над городом висел тяжелый, серый дым, пахло пожаром. Он велел Меиру: "Сиди тут!".

— Это синагога, — застывшими губами сказал мужчина. "Хонен Далим. Господи, сегодня же обрезание мальчику должны были делать. Они все там, наверняка. Пусти меня, — он попытался выйти из шлюпки. Стивен жестко сказал: "Я сам. Жди меня".

Капитан Кроу едва успел подняться вверх по тропинке, что вела к городу, как услышал отчаянный, пронзительный женский крик: "Госпожа Оливер!".

Высокая, светловолосая, в сбитом набок чепце женщина подбежала к пылающей синагоге, и наткнулась на скрещенные штыки солдат. "Мама! — крикнула ей старшая дочь, что держала на руках сестру. "Мамочка!"

— Адмирал Родни! — жена губернатора кинулась к британцу, что стоял, рассматривая в

подзорную трубу удаляющуюся "Беллону". "Адмирал Родни, как вы смеете! Там госпожа Оливер, с ребенком, она пошла, делать обрезание!".

— Там никого не было, — Родни сплюнул ей под ноги. "Идите, госпожа де Грааф, не мешайте нам делать свою работу".

— Убийца, — женщина хлестнула его по лицу. Родни, достав пистолет, выстрелил.

Стивен увидел, как она падает на землю, как маленькая девочка, вырвавшись из рук старшей — бросается к телу. Повернувшись, быстро спустившись в бухту, капитан приказал: "Уходим отсюда. Родни сжег синагогу, вместе с Эстер и вашим сыном".

Меир бросил один взгляд на лицо капитана Кроу. Поднявшись, сжав зубы, мужчина шагнул в воду.

Он еще успел услышать крик с марса какого-то корабля: "Шлюпка курсом норд-вест! Огонь!", а потом над их головами просвистело ядро, раздался треск дерева, и наступила темнота.

— Тихо, тихо, — услышал он голос сверху. "Тихо, Меир". Он попытался подвигаться и застонал. "У тебя ребра сломаны, — сказал капитан Кроу, поднося к его губам фляжку с ромом. "Обломками от шлюпки. Еще хорошо, что Перкинс додумался нам навстречу пойти, а то я бы тебя далеко не утащил, один".

Меир почувствовал во рту обжигающий вкус спиртного. Помолчав, стараясь не дышать глубоко, — каждое движение отзывалось пронзительной болью в груди, он спросил: "Где мы?".

— Идем под отличным ветром на север, — вздохнул капитан Кроу. Намочив тряпку в медном тазу, он протер покрытое ссадинами лицо Меира. "Мне очень жаль, — сказал Стивен. "Очень, очень жаль. Я не знаю, как..."

— Я его так и не увидел, — вдруг понял Меир. "Так и не увидел маленького Хаима. Моего сына. Так и не сказал девочке, что я ее люблю, так и не..., - он схватил пальцами угол грубого, шерстяного одеяла. Капитан Кроу, положив сверху свою большую руку, ласково велел: "Ты поспи. Поспи, капитан Горовиц. Сейчас я вахту стою, все будет хорошо. Смотри, — он достал из внутреннего кармана куртки что-то. Меир, глотая слезы, подумал: "Я не верю".

— Ребята сшили, — улыбнулся Стивен, поднимаясь. "Пока нас ждали, из британского флага. Неохота под свои пушки попадать, знаешь ли".

Меир все смотрел на красно-белое, полосатое знамя. Потом, сглотнув, он сказал: "Я сюда вернусь, Стивен. Вернусь, найду Родни и убью его".

— Вернемся вместе, — ответил капитан Кроу. Накрыв его одеялом, он попросил: "Отдыхай, пожалуйста, тебе больше моего досталось".

Он осторожно закрыл дверь каюты. Нащупав пальцами, эфес шпаги, капитан поднялся на палубу. "Неустрашимый" шел под полными парусами. Стивен, вдохнув запах соли, посмотрел на темный горизонт впереди. "Прямо в шторм идем", — озорно подумал он, и крикнул: "Мистер Перкинс! Собирайте экипаж, будем поднимать флаг!".

Красно-белое полотнище забилось в брызжущем каплями воды вихре, заскрипели мачты. Стивен, обнажил шпагу: "Равнение на знамя, господа офицеры и моряки!".

Он посмотрел на эфес — закатное солнце, пробившись меж туч, сверкнуло ярким золотом. Капитан Кроу, высоко вскинув голову — встал к штурвалу своего корабля.

Пролог

Саутенд, май 1781 года

Два мальчика копошились на мелком песке. Старший ребенок, — темноволосый, изящный, с чуть раскосыми глазами, важно сказал: "Видишь, Тедди, это будет канал. По нему поплывут корабли". Он отряхнул холщовую курточку: "Теперь будем строить замок".

Младший, — кудрявый, толстенький, в аккуратном платьице, вздохнул: "Хочу папу. И братика Джона".

— Они скоро вернутся, — Майкл Кроу погладил по голове Тедди. "У твоей тети Джо, в Амстердаме, должен родиться мальчик. Или девочка. У тебя будет кузина, как у меня, — Майкл закатил лазоревые, глаза, — Констанца.

— У меня еще один братик будет, — Тедди, разбрызгивая воду, набирал в пухлые ладошки мокрый песок. "Мама с нами гулять, не пошла, дома осталась. Он в животе у нее живет, братик. Скоро мы его увидим".

Девочка, что сидела поодаль, склонившись над блокнотом, усмехнулась: "Может быть, там сестричка, Тедди".

— Ни за что на свете, — отчеканил по слогам ребенок. Подойдя к ней, мальчик заглянул через плечо.

— Любопытство сгубило кошку, — сладко сказала Констанца. Захлопнув блокнот, она всмотрелась в уходящий на север, плоский берег. "Дядя Питер идет, — радостно заметила девочка, — рыбы наловил".

Он шел, шлепая босыми ногами по кромке прибоя. Улыбаясь, Питер чувствовал, как восточный, резкий ветер ерошит его каштановые волосы.

— Все будет в порядке, — сказал себе Питер. "Она же совсем молодая, двадцать один год. Как вернемся, к вечеру, уже и родит. Может, и хорошо, что Джон еще из Амстердама не приехал — он бы, конечно, больше всех переживал. И у Джо с Иосифом тоже ребенок. Вот и славно, — Питер переложил в другую руку ведро с макрелью и взглянул на головы детей, что виднелись вдали.

Северное море блестело под солнцем. Приставив ладонь к глазам, он увидел парус на горизонте: "Дети. А ведь тебе уже двадцать восемь, Питер Кроу. Что Майкл у тебя есть, и Констанца, — он усмехнулся и покрутил головой, — за это Бога благодарить надо, но ведь как одиноко, все равно".

Он опустился на песок и вспомнил тихие, лондонские вечера, когда он сидел с детьми, слушал их рассказы об уроках. Потом Питер читал Майклу главу из Библии, укладывал их спать, и спускался в свой кабинет. Он работал, изредка потирая уставшие глаза, протягивая руку за чашкой с кофе.

— Одиноко, — повторил Питер и заставил себя не думать о тепле тела рядом, в его постели. О той, что устроится в кресле у камина, напротив него. Она подопрет кулачком острый

подбородок, и будет говорить с ним — долго, пока большие нюрнбергские часы не пробьют полночь, пока он не наклонится над ней, и, вдыхая запах жасмина, не поцелует бронзовый, теплый затылок.

— Не смей, — приказал он себе. "Забудь, забудь, она жена твоего друга. Не смей, Питер Кроу". Дети бросили свой замок и прыгали на песке.

— Папа! Папа! Дядя Джон! — услышал Питер голоса Теодора и Майкла и с ужасом подумал: "Они же все измазались, по уши. Хороша, из меня нянька получилась. Мистрис Джонсон с Мартой осталась, помочь акушерке".

Герцог выскочил в мелкую воду. Улыбнувшись, пригладив короткие, светлые волосы, он крикнул Питеру: "А вот и два нарушителя границы вернулись! У меня внук, дорогой мой!".

— Что, — слабым голосом спросил его старший сын, поднимаясь со дна бота, — уже Саутенд, папа?

Маленький Джон умылся забортной водой: "Когда я уже излечусь от морской болезни? Вроде и не мальчишка, девятнадцать лет этим годом".

Юноша спрыгнул вслед за отцом в море. Шлепая сапогами по воде, он раскинул руки: "Иди сюда, братишка!"

Тедди захохотал. Джон подкинул его несколько раз в воздух: "Сейчас разгрузим лодку, там есть подарки от дяди Иосифа и тети Джо!"

Герцог заглянул в ведро. Он одобрительно поглядел на макрель: "Вечером зажарим. Мальчишка отличный, почти десять фунтов, Иосиф сам принимал. Давидом назвали, как раз третьего дня обрезание сделали. Темненький паренек, и глаза такие же — в отца. Джо уже бегает. А что у нас? — он поглядел вокруг. "Марта с вами не пошла, что ли? — недоуменно спросил герцог.

— У мамы живот с утра болел! — звонко проговорил Теодор, вожделенно глядя на какие-то ящики, что стояли на палубе бота. "Она в постели осталась!".

— Ты только не волнуйся, — начал, было, Питер. Джон, пробормотав что-то, велел сыну: "Присмотрите тут за детьми".

Он быстро пошел к виднеющемуся вдали, на невысоком холме над морем двухэтажному особняку серого камня, под черепичной крышей. Питер, глядя ему вслед, подумал: "Все будет хорошо, не может не быть".

— Давай лодку разгружать, — улыбнулся ему Джон и велел детям: "А вы все — нам поможете!".

Марта стояла над конторкой, держась руками за поясницу. Она посмотрела на развернутый лист с родословным древом: "Умерла, значит, эта Изабелла Корвино. Марта подышала. Шурша просторным, изумрудного шелка платьем, она потянулась за шкатулкой с письмами: "Все равно, надо кому-то в Марокко съездить, еще раз. Вот хотя бы, — она порылась в шкатулке, — Теодору".

— Дорогая моя бывшая любовница! — Марта усмехнулась, — у нас все хорошо. Дэниел вернулся из Марокко, с готовым договором, но, к сожалению, ему там сказали, что моя кузина

скончалась, еще пять лет назад. Что касается научных публикаций — я за ними слежу, не волнуйся. Как только появится что-то, похожее на работы Джованни, непременно стану с этим разбираться. Летом, я, наконец-то еду во Фландрию и Арденны, Питеру я написал отдельно. Скорее всего, на землях наших родственников, де ла Марков, есть залежи каменного угля, так что я бы на месте Виллема не оставался в Бомбее, а вернулся бы сюда, и открыл концессию по его разработке. Хотя, в любом случае, сначала надо закончить воевать…"

— Питер тоже шахты купил, — вспомнила женщина. "В Корнуолле, в Уэльсе и на севере".

— Мадемуазель Бенджаман и мадемуазель де Лу целуют тебя. Все мы желаем тебе счастливого разрешения от бремени. Твой любящий кузен, Теодор".

Марта свернула письмо. Чуть охнув, она убрала родословное древо.

— Вы бы не ходили, ваша светлость, — раздался с порога ласковый голос акушерки. "С шести утра на ногах, а сейчас уже полдень. Частые схватки?"

Марта замерла и прислушалась к себе: "Каждые две минуты, миссис Хэдли. Мистер Кроу не вернулся еще, с детьми?"

— Мистрис Джонсон им корзинку дала, для пикника, с собой, — акушерка усадила ее на большую, под кружевным балдахином, кровать, застеленную шелковыми простынями. "До вечера мы их не ждем, а к вечеру, — акушерка быстро вымыла руки и ощупала ее, — к вечеру вы и родите уже, ваша светлость. Схватки сильные, дитя небольшое, лежит правильно, — она рассмеялась. Марта, широко открыв рот, подышала: "Вот сейчас — уже очень сильные, миссис Хэдли".

— Как ты? — раздался обеспокоенный голос с порога. Джон увидел ее изумрудные глаза: "Господи, как я скучал, как скучал. Все-таки почти месяц нас не было".

— Я вас позову, миссис Хэдли, — Марта подмигнула акушерке. Та, взглянув на герцога, ворчливо сказала: "Только вставать ее светлости герцогине не разрешайте, пожалуйста, хватит уже".

Он начал целовать розовые, сладкие губы, не успев дождаться, пока закроется дверь. "Как там Джордж? — смешливо спросил Джон, положив руку ей на живот. "Или Элизабет? Не терпится увидеть родителей? Я так спешил, так спешил, — он устроился рядом, и нежно обнял жену, — и вот, успел. У нас внук есть, дорогая моя, Давидом назвали".

— Дедушка, — протянула Марта, укрывшись в его руках. Она рассмеялась. Джон, подышав ей в ухо, шепнул: "Я тебе кое-что привез, с континента. Потом посмотрим".

— Отчеты из Германии, держу пари, — она подняла бронзовую, красиво изогнутую бровь. "По Франции все сведения готовы. Гонец от его величества приезжал той неделей, забрал".

— Отчеты, — согласился Джон, наклонив голову, проводя губами по прикрытой брюссельским кружевом груди. "Но не только". Он вдохнул запах жасмина и вздрогнул — Марта сильно сжала его руку.

— Позови… — она широко открыла рот, — миссис Хэдли…и не уходи, пожалуйста…

— Ну что ты, что ты, — Джон поцеловал высокий, белый лоб и увидел, как она кладет пальцы на свой золотой крестик.

— Миссис Хэдли! — закричал он, придерживая Марту. Жена застонала — длинно, протяжно. Акушерка, войдя в комнату, спокойно сказала: "Давайте-ка, ваша светлость, время ребенку на свет появиться".

— Господи, — подумал Джон, обнимая ее за стройные плечи, шепча на ухо что-то неразборчивое, чувствуя, как ее ногти вонзились ему в ладонь, — Господи, я прошу тебя — пусть все будет хорошо. Сохрани всех нас.

Он вспомнил заснеженный двор деревенской церкви, серый шпиль, поднимающийся в голубое, яркое небо, и птиц, что вились над крышами. "Как их много, — восхищенно сказал маленький Тедди, что, вместе с Майклом, нес кружевной шлейф матери. "Это к счастью, мама".

— Я тогда ей напомнил: "Вот видишь, я же тебе говорил, в Париже еще — посмотрим, что там в горшочке получилось". А она улыбнулась, — лукаво так: "С первого раза все вышло, ваша светлость".

Он вытер пот с ее лица шелковой салфеткой: "Еще немножко, милая. Все хорошо, все хорошо".

Марта помотала головой: "Больно! Очень больно!". Джон увидел крупные, ползущие по щекам слезы. Внезапно испугавшись, он взглянул на акушерку. Та стояла на коленях между раздвинутыми ногами женщины. "Еще чуть-чуть, — ободряюще улыбнулась та. "Один раз, ваша светлость, головка уже видна. Белокурый будет, — добавила женщина, смеясь.

Джон твердо взял ее за плечи: "Я люблю тебя, Марта, люблю тебя, — он закрыл глаза, и повторил: "Люблю".

На песке горел костер. Маленький Джон откинулся к борту лодки: "Ветчина просто отличная, а макрель нам Питер так зажарил, что даже в Амстердаме бы позавидовали".

Питер лежал, блаженно улыбаясь, отхлебывая вино из серебряной фляжки. "Селедка, в Амстердаме, тоже вкусная — Констанца облизала пальцы. "Тетя Эстер тоже ребенка ждала, я помню. Дядя Джон, там не получали письма — кто у нее родился?".

Джон покачал головой и развел руками: "Она ведь на Карибах, милая, на Синт-Эстасиусе. Оттуда долго письма идут, тем более война сейчас".

Он поймал предостерегающий взгляд Питера и опустил веки. "Мерзавец, — яростно подумал Джон, — какой мерзавец этот адмирал Родни. Депортировать невинных людей, сжечь их дома...Папа пытался узнать — что с Эстер и ее мужем, но Родни написал, мол, никаких Горовицей на острове не было. Наверняка врет, выслал их на Сент-Китс, или еще куда-нибудь".

Майкл, что лежал, обнявшись с младшим мальчиком, под боком у отца, сонно зевнул: "Когда война закончится, отвезешь нас на континент, папа? Я хочу с дядей Теодором позаниматься, в его лаборатории".

— А меня, — Констанца вздернула подбородок, — приглашал учиться химии сам месье Лавуазье, понял?

— Ты опять задаешься, — уже в полудреме, пробормотал Майкл. Питер рассмеялся: "Поедем, конечно, милые мои. И в Париж, и в Амстердам". Он взглянул на солнце, что заходило над уже зеленеющими полями, и добродушно поинтересовался: "Так и отказываешься стать крестной, Констанца?"

Девочка вздохнула. Помогая Джону убраться, она ответила: "Я не верю в Бога, дядя Питер, вы же знаете. Тетя Тео написала из Парижа, что с радостью будет крестной. Джон за нее в церкви постоит. А крестным, — она рассмеялась, — опять вы".

Питер поднялся и погладил рыжие косы: "Ну, как знаешь, милая".

Констанца собрала кости от рыбы, и завернула их в салфетку: "Пойду, выброшу". Она шла по белому песку — высокая для своих лет, стройная, в темно-синем, тонкого сукна платье. Питер, оглянувшись на спящих мальчиков, вздохнул: "Тяжело ей, конечно. Я все-таки не отец, да и матери у нее нет".

— Если бы ты женился…, - начал Джон. Он порылся в карманах куртки и, отойдя поближе к воде, — закурил сигарку. Питер усмехнулся, посмотрев на тихую гладь моря: "Это по любви надо делать, милый мой. Как сестра твоя, как отец твой, как ты сам. Да и я тоже, с Марией покойной".

— Все еще будет, — уверенно отозвался Джон, и положил руку на крепкое, в льняной рубашке, плечо Питера: "А я уже через два года на континент отправлюсь, как только учиться закончу. В Испанию, папа сказал. К тому времени мы с колониями мир подпишем, конечно. Скорей бы уже".

— Будет, — отозвался Питер, и поймал за руку возвращавшуюся племянницу: "Пока малыши спят, посмотрим, что за книги его светлость привез, ладно?"

Констанца пожала его пальцы и Питер повторил: "По любви. Просто жди, и она еще придет. А Марта, — он тихонько вздохнул, — Марта — твой друг, и так будет всегда".

— Смотри, — сказал Джон, — там кто-то машет нам, у дома.

Младенец звонко, весело кричал, вертя белокурой, изящной головой. Глаза у ребенка были цвета морской воды. Марта, все еще тяжело дыша, откинулась в руки мужа: "Все-таки, наверное, потом зеленые станут, как у меня…"

— Мои красавицы, — Джон обнял их обеих. Миссис Хэдли улыбнулась, подав Марте девочку: "Шесть фунтов, ваша светлость. Просто куколка, такая миленькая. Поздравляю вас".

Джон спустил кружевную рубашку с белого плеча жены. Смотря, как дочь жадно потянулась к груди, он шепнул: "Все вместе будем спать, даже и не спорь. Я велю колыбель в нашу опочивальню поставить. Сам буду тебе приносить нашего ангела".

Дочь подняла на него глаза. Марта усмехнулась: "Ангел, думаешь? Ты же моя сладкая, — она покачала девочку. Джон, все еще держа их в руках, тоже рассмеялся: "Смотрит — точно, как ты, любовь моя. Леди Элизабет Холланд, — он коснулся белой щеки. Девочка, поморгав глазками, посопев, не выпуская груди — успокоилась.

Джон все сидел, целуя теплый, бронзовый затылок, нежную шею жены. Потом, устроив ее с дочкой в постели, выйдя на цыпочках в коридор, он потрепал сына по плечу: "Сестра у тебя, милый мой. Леди Элизабет. Дети спят уже?"

Джон кивнул. Заглянув в приоткрытую дверь опочивальни, юноша восхищенно сказал: "Маленькая такая!"

— Вырастет, — уверил его отец. Потянувшись, он улыбнулся: "Пошли, с Питером шампанское откроем".

Когда они спускались по лестнице, Маленький Джон остановился: "Тебе сейчас больше тридцати и не дать, папа. Чудеса, да и только".

— Я уже дедушка, не забывай, — усмехнулся Джон. Поцеловав сына в щеку, засунув руки в карманы куртки, что-то насвистывая, он вошел в отделанную серым мрамором столовую. Усевшись под "Подвигом сэра Стивена Кроу в порту Картахены", Джон велел лакею: "Позовите мистера Питера, и принесите моэта, Шарп. Пять бутылок, а там посмотрим. Пусть на кухне сообразят что-нибудь перекусить, а то я проголодался".

Он закрыл глаза, и услышал близкий шум моря. Лучи закатного солнца осветили его лицо и Джон подумал: "Спасибо тебе, Господи".

Интерлюдия

Северная Америка, лето 1781 года

Парус заполоскал на ветру. Капитан Кроу сварливо крикнул: "Мистер Перкинс, следите за курсом, хватить смотреть по сторонам".

Боцман почесал в коротко стриженых, темных волосах. Он весело отозвался: "Так вслепую идем, капитан Кроу, карты нет. Только на ваше чутье и полагаемся".

— Чутье, — пробормотал Стивен, оглядывая бесконечную, золотящуюся под солнцем водную гладь. Он погрыз карандаш, и записал что-то в потрепанном блокноте. "Течение тут хорошее, — подумал Стивен, — славное течение. И глубина отличная, мы проверяли. Можно было бы и с большей осадкой корабли строить. Корабли, — он хмыкнул и оглянулся, пересчитав паруса. "Десять, — вздохнул Стивен. "И на том спасибо, хоть пушек дали с ядрами".

Меир, что сидел у мачты, изучая какие-то бумаги, поднялся. Свернув их, засунув в карман куртки, он подошел к капитану. "Это, конечно, старые сведения, двухлетней давности, — сказал он тихо, — но ты, же слышал сам, что миссис Онатарио говорила. Он встал постоянным лагерем на западном берегу озера, после того, как с гор вернулся".

Стивен сочно выругался: "Вот ты скажи мне — раз вы это еще два года назад знали, какого черта вы сюда не послали пять сотен человек с ружьями и пушками? От этого Кинтейла и следа бы не осталось. Он же приговорен к смертной казни, причем и нами, и британцами, — обветренные губы усмехнулись.

— Во-первых, — Меир стал загибать пальцы, — два года назад я был на Карибах, во-вторых, два года назад на суше у нас не было преимущества. Мы просто не могли себе позволить снять с фронта пять сотен человек и отправить их сюда, а в-третьих…, - мужчина помолчал и рассмеялся: "Два года назад ты еще против нас воевал, капитан Кроу, а без тебя, — Меир обвел рукой озеро, — ничего бы этого не было.

Он посмотрел на упрямое, загорелое лицо капитана — Стивен стоял, рассматривая в простую, подзорную трубу легкие волны. Рукава потрепанной, пропотевшей рубашки были закатаны до локтей. Меир увидел заживающие царапины у него на ладонях.

— Сам же все строил, — подумал мужчина. "Как это он Вашингтону тогда сказал?".

Мелкие переплеты окна были залиты бесконечным дождем. Меир поежился: "Апрель, а какой холод. Ну что за весна такая?"

— Мы вам очень благодарны, капитан Кроу, — сказал Джордж Вашингтон, пожимая ему руку, наклонив напудренную голову. "И за спасение капитана Горовица, и за военный фрегат. "Неустрашимый" сейчас на верфях. Проследите за его ремонтом, и выходите в море — война еще не закончена".

— С вашего разрешения, — Стивен улыбнулся, — я предпочту, чтобы для "Неустрашимого" подобрали другого капитана. Экипаж на нем отличный, командовать будет одно удовольствие, даю вам слово.

— А вы? — недоуменно посмотрел на него Вашингтон.

Стивен спокойно развернул карту: "Капитан Горовиц свел меня с индейцами — союзниками Континентального Конгресса. Эта река, — палец твердо уперся в бумагу, — ее называют Буффало, судя по всему, вполне судоходна. Она впадает в озеро Эри на востоке. Мы поставим верфь, в месте, куда добралась экспедиция генерала Салливана, в прошлом году. Построим суда и пойдем на запад".

— Невозможно! — раздраженно крикнул кто-то из членов военного совета. "По озерам нельзя плавать на кораблях, только на каноэ".

— Еще сто лет назад, — вздохнул Меир, — шевалье де ла Саль ходил по озерам на своей бригантине, "Грифон". Той самой, что пропала по дороге в Ниагару, под командованием капитана Теодора де Лу.

— Я не знаю такого слова, — угрюмо добавил капитан Кроу, — "невозможно". Я знаю, что здесь, — он положил большую ладонь на карту, — лежит ключ к освоению западных территорий. Или вы считаете себя слабее французских вояжеров, господа? — усмехнулся он, оглядывая комнату.

— Они ведь еще в прошлом веке дошли до западных берегов озер. Так же сделаем и мы. И разгромим отряды Кинтейла, конечно. Более того, — Стивен распрямился и весело посмотрел на совет, — поверьте мне, о мирной жизни надо начинать думать уже сейчас. Нам будут нужны поселения, торговые пути…

Мирно потрескивал камин, пахло сандалом, и Меир подумал: "Тихо-то как. Дождь закончился". В окнах было видно прозрачное, высокое небо начала весны. Он незаметно поднялся, и, приоткрыв раму, — вдохнул запах свежей земли и распускающихся листьев.

— Даже в синагогу не успею сходить, — понял Меир. "Ладно, когда вернусь. Кадиш я и сам читать могу, читаю ведь уже. Надо будет потом в Ньюпорте, рядом с могилой Хаима, надгробия поставить — в память Мирьям, Эстер и маленького. После войны займусь этим.

— А деньги? — услышал он голос Вашингтона и внезапно, широко улыбнулся. "Ваше превосходительство, нам не понадобится ни доллара. Суда мы строим за свой счет, а все участники экспедиции — добровольцы. Более того, — Меир поднял бровь, — мы не забираем солдат у Континентальной Армии, с нами вызвались идти те, кто уже в отставке. Например, сержант Фримен, если вы его помните".

Кто-то рассмеялся: "Не только помним, но и останавливаемся на его постоялом дворе. Лучшая кухня в Бостоне".

— Хорошо, — Вашингтон вздохнул и отпил кофе, — раз так, отправляйтесь, капитан Кроу, капитан Горовиц. Постарайтесь найти Кинтейла. Говорят, он с запада золото привез, оно нам сейчас очень понадобится.

— Найдем, — жестко ответил капитан Кроу. "Не только из-за золота, ваше превосходительство. Спасибо вам, — они с Меиром вышли, поклонившись. Кто-то присвистнул: "Не ожидал я от него такого, он ведь был одним из лучших командиров у британцев. Что это он на нашу сторону перешел?"

Вашингтон присел к столу, и, порывшись в бумагах — надел очки.

— Слушайте, — велел он, разворачивая какую-то пожелтевшую брошюру.

— Лорд Кинтейл приказал солдатам отправляться вслед за беглянкой. Найдя Юджинию в лесу, они выстрелили женщине в спину, а потом, принеся ее в лагерь — повесили. Пули разбили ей позвоночник, и она не могла подняться на ноги, поэтому лорд Кинтейл собственноручно накинул ей, лежащей на носилках, петлю на шею, — Вашингтон помолчал и добавил: "Это была сестра капитана Кроу, господа".

— Дымки над лесом, — Стивен передал Меиру подзорную трубу:

— Женщин я на берег не пущу. Я знаю, что миссис Онатарио не хуже меня из лука стреляет, но одной — за пятьдесят, а второй — восьмой десяток идет. Пусть ранеными занимаются, мы сюда их будем относить, Фримен за это отвечает.

Меир посмотрел на легкое, серое облачко над вершинами густого, соснового леса. Положив руку на пистолет, он шепнул: "Прикажи сворачивать паруса, дальше пойдем на веслах".

— В тот залив, — капитан Кроу почесал гладко выбритый подбородок. "Островок там — как раз, будто для нас придуман. Вообще, — он рассмеялся, — мне тут нравится, Меир. Один бот швартуем там, ребята во главе с тобой и со мной высаживаются на сушу, а остальные Перкинс ведет к берегу, — Стивен приставил ладонь к глазам, — и ждет нашей команды, чтобы начинать обстрел.

— Двадцать пушек всего лишь, — горько сказал Меир. "Ну что ими можно…"

— Не ной, — оборвал его капитан Кроу. "Многое можно. Лучше двадцать пушек, чем ни одной. Перкинс, — обернулся он к боцману — десяток парней на весла, убирайте паруса и передайте по эскадре — пусть делают то же самое".

— Эскадра, — хмыкнул Меир, но, заметив яростные, лазоревые глаза капитана — не стал ничего говорить вслух. Боты неслышно заскользили в уединенную бухту. Стивен, бросив якорь, первым шагнул в озерную воду.

Мэри взяла костяной гребень: "Сиди спокойно, Мораг, надо косички заплести, и будет совсем, красиво".

Мораг поджала белые, маленькие ножки. Взглянув на сестру темными, большими, глазами, засунув пальчик в рот, девочка отозвалась: "И бусы! На шею!".

— Конечно, — Мэри стала расчесывать длинные, шелковистые, угольно-черные волосы. Обе

девочки были в замшевых юбочках, в вигваме было тепло и уютно, пахло сухими травами. Мэри, встряхнув мелкими кудряшками, улыбнулась: "Красные бусы, твои любимые".

Сквозь щели между шкурами просвечивало летнее солнце. Мэри заплетала сестре тонкие косички: "Сейчас за ягодами пойдем, их вокруг лагеря много. Хочешь за ягодами?"

— Ага, — весело отозвалась Мораг и тут же застыла — у входа в вигвам послышались чьи-то тяжелые шаги. Мэри побледнела, и оглянулась: "Кинжал в тайнике, он его не найдет".

Кинтейл, наклонив голову, шагнул внутрь и взглянул на стоящих рядом девочек. "Собирайся, — щелкнул он пальцами в сторону Мэри. "За тобой приехали, с запада".

Нижняя губа девочки задрожала. Она, всхлипнув, пробормотала: "Вы же говорили, когда мне будет двенадцать…"

— А решил, что лучше не тянуть, — Кинтейл взглянул в наполненные слезами, зеленые глаза девочки. "Смотрит, как та сучка, мать ее, — вздохнул он. "Слава Богу, сбыл ее с рук. Пятьдесят фунтов золота, сотня лошадей, и вечный мир с потаватоми. Пусть она там хоть сдохнет, меня это не интересует. Мораг тоже потом продам".

— Ну! — угрожающе сказал отец и хлестнул Мэри по смуглой щеке. "Давно плети не отведывала? Теперь тебя муж бить будет, готовься".

— Ты плохой! — закричала Мораг, пытаясь оттолкнуть отца. "Мэри хорошая, ты плохой"

Кинтейл рассмеялся. Отпихнув младшую дочь, он легко бросил девочку в угол вигвама. Мораг тихо зарыдала, скорчившись, закрыв голову маленькими ручками. "Хорошо, папа, — спокойно сказала Мэри. "К вечеру я буду готова".

— Давно бы так, — буркнул Кинтейл. Наклонившись над Мораг, он проговорил: "Ты переедешь к нам в вигвам и будешь прислуживать своему старшему брату, как, и положено, поняла?"

Он вышел. Мэри, присев рядом с сестрой, обняла ее: "Мы сейчас умоемся, и все равно пойдем за ягодами. Не плачь".

— Сбежим, — подумала девочка, поднимаясь на цыпочках, доставая кинжал из вшитого в шкуры тайного кармана. "Надо все время идти туда, откуда восходит солнце. Лето только началось, до морозов мы успеем. Доберемся до белых, и все будет хорошо".

— Хочу к тете Мирьям, — сказала Мораг, все еще всхлипывая. "Где она?"

Мэри ничего не ответила. Вытерев хорошенькое личико сестры, она стала заплетать Мораг косы.

В большом вигваме было шумно. Кинтейл, пройдя на свое место во главе, расстеленной на земле шкуры, похлопал по плечу сидевшего рядом индейца. "Вечером можешь забирать свою невесту, — сказал Кинтейл, снимая кожаную, расшитую бисером куртку, обнажив сильные, покрытые татуировками руки. "Она еще не доросла до брачного ложа, но с этим, — он оскалил острые зубы, — ты сам разберешься, мой друг".

Смуглое, грубое лицо расплылось в улыбке. Индеец передал ему крепкого, белокожего мальчика, с заплетенными в косичку темными волосами, что играл с маленьким, костяным

кинжалом.

— Папа! — радостно сказал Менева. Кинтейл усадил его себе на колени, и, потрепав по голове, потянулся за мясом: "Хочешь?"

Мальчик стал бойко жевать едва обжаренную, истекающую кровью оленину. Индеец подмигнул Кинтейлу: "Отличный у тебя сын, вождь".

— Скоро получит коня и лук, — ласково сказал Кинтейл. "Моя старшая дочь — тоже родит тебе хороших детей, обещаю. Осталась еще младшая, ровесница Меневы. Ее я попозже замуж выдам, как в возраст войдет".

Индеец облизал пальцы, и наклонился к Кинтейлу: "Дорога была длинной, друг мой. Если бы ты дал мне перед отъездом женщину, я был бы тебе благодарен".

— Разумеется, — отмахнулся Кинтейл. "У меня, правда, сейчас всего одна рабыня для воинов. В лагере, как ты знаешь, мало людей. Все отправились в походы по окрестностям, так что выбирать будет не из кого, — он развел руками.

— Это ничего, — индеец вытер засалившиеся губы и рассмеялся: "Твою дочь я не могу трогать, до брачной церемонии, а это будет у меня в стане, еще неделя пути на запад. Надоело терпеть. Где она? — спросил мужчина, поднимаясь.

— В яме, как обычно, — спокойно отозвался Кинтейл. "За лагерем, ты там увидишь".

Индеец вышел. Кинтейл, оглядев тех, кто сидел, в шатре, усмехнулся: "То золото, что он привез за мою дочь — половина его будет разделена между вами, мои друзья. Менева всегда выполняет свои обещания".

— Вождь! — раздались восторженные крики. Кинтейл услышал звонкий голос сына. "Вождь! — благоговейно повторил мальчик, попросившись к нему на руки. Он обнял отца и приник темноволосой головой к его плечу.

— Сыночек мой, — нежно подумал Кинтейл и шепнул ему на ухо: "Ты тоже, маленький Менева, будешь вождем".

— Буду, — уверенно кивнул мальчик, взяв в детскую ручку кинжал. "Буду как ты, папа".

Маленький отряд, неслышно двигаясь, шел по зеленому, сияющему солнечными лучами, лесу. Натаниэль вдохнул запах теплого мха и свежих листьев: "У нас такой глуши и не найдешь больше. Везде фермы, деревни, плантации, даже мануфактуры стали строить. Красиво тут, — он оглянулся и вспомнил ласковый шепот жены: "Конечно, поезжай, милый мой, мы тут с матушкой справимся. Это же у тебя, — темно-красные губы улыбнулись, — не первое путешествие, дорогой мой проводник Подпольной Дороги".

— Ты об этом тише, — велел Нат, потягиваясь, положив ее голову себе на плечо. В распахнутое окно был слышен шорох океанских волн, и он взглянул на звезды: "Три десятка человек уже на север отправил, на свободу. Вот и отлично".

— Куда уж тише, — отозвалась Салли, обведя рукой их спальню. "А так, — она поцеловала мужа в щеку, — даже матушка не знает, уехал по делам, и уехал. Ты только осторожней, — озабоченно велела она, — возвращайся к нам, живым и невредимым".

— Вернусь, — рассмеялся Нат. Устроив Салли на боку, он стал целовать мягкие, стройные, цвета темной карамели плечи. От ее распущенных, кудрявых волос пахло солью. "Все будет хорошо, капитан Горовиц лучший разведчик в армии, а капитан Кроу, говорят — опытней его моряка и не найти, хоть он еще и молодой совсем". Прижавшись к его губам, жена озорно сказала: "Тогда я спокойна, сержант Фримен".

— Надо Марте что-нибудь привезти, — Нат вспомнил быстрый шепот дочери: "Я буду скучать, папочка, очень-очень!". Он оглянулся и, увидев глаза капитана Горовица, застыл на месте.

— Тихо всем! — одними губами велел Меир. Он достал пистолет и скрылся за деревьями. Натаниэль посмотрел ему вслед и вздохнул: "Бедный. Так недолго с миссис Эстер прожил, и овдовел уже, еще и сына потерял. Ему же двадцать четыре только, а выглядит — на все тридцать, уже и морщины вокруг глаз. Когда уже эта война закончится?"

Меир прижался к стволу дерева — две девочки, смуглая и белокожая, копошились, собирая землянику. Они были в индейской одежде. Меир, принюхавшись, уловил запах жареного мяса, лошадей, горящих костров. "Совсем близко от стойбища, — понял он. "Ребят мы предупреждали — женщин и детей не трогаем, мужчин — только если они атакуют первыми. Нечего уподобляться этому самому Кинтейлу".

Старшая девочка взяла за руку младшую, и, — не успел Меир опомниться, — оказалась рядом с ним. Зеленые, большие глаза взглянули на него, и она тихо спросила: "Вы ведь белый?"

Меиру только и оставалось, что кивнуть. "Меня зовут Мэри, — спокойно сказала девочка, — это моя сестра Мораг. Нам нужно убежище. Мы можем заплатить, — она порылась в мешочке на шее, и протянула Меиру маленький, в детскую ладошку, кинжал.

Он взглянул на золотую голову рыси, что украшала рукоятку, на крохотные изумруды глаз. Меир помолчал: "Это ведь не твое оружие, Мэри".

Девочка, не удивившись, кивнула: "Тети Мирьям".

— А что с ней? С тетей Мирьям? — Меир почувствовал, что бледнеет. "Она там, в стане?"

Красивые губы сжались в тонкую линию.

— Вы тут не один? — не отвечая, спросила Мэри.

— Пойдемте, — вздохнул Меир. Взяв Мораг на руки, — она сначала недоверчиво отстранилась, а потом все-таки прижалась к нему, — мужчина повел их обратно в чащу леса.

Мораг сидела на коленях у Ната, играя с кинжалом. Мэри посмотрела на мужчин, что окружили ее, и, отряхнула испачканные соком ягод руки: "Наш отец — Менева. Он сейчас в лагере. Там мало воинов, не больше трех десятков. Все в походы ушли. Только мы не хотим с ним жить, он злой и бьет нас, поэтому мы убежали. Мы идем на восток".

Стивен все смотрел на мелкие, тугие кудряшки, на ее зеленые, блестящие глаза. Она замолчала. Капитан Кроу, присев, рядом с девочкой, взял ее руку: "А как звали твою маму, Мэри?"

— Мамочка Юджиния, — голос девочки задрожал. "Он… — она махнула рукой в сторону лагеря, — убил мою мамочку, повесил. Меня тетя Мирьям и дядя Джон спасли, только его тоже потом убили".

— Не убили, — улыбнулся Меир. "Он жив, дядя Джон".

— Ой, как хорошо! — Мэри захлопала в ладошки и тут же покраснела: "Простите, я не буду, надо тихо. Маму Мораг — звали Гениси, она ее родила и умерла. У Мораг еще брат есть, тоже Менева, но мы его и не видим вовсе, он с ним…, с вождем живет. Меня должны сегодня замуж выдать, — грустно добавила Мэри, — с запада за мной приехали, золото привезли, лошадей. Мы поэтому и ушли".

— Замуж, — медленно, сдерживаясь, повторил капитан Кроу. Он улыбнулся, так и не выпуская детской ладони: "Меня зовут Стивен Кроу, Мэри. Я — старший брат твоей мамы, Юджинии. Мы сюда пришли с востока, за вами".

— За мной? — всхлипнула Мэри. "За мной и Мораг? Значит, вы мне дядя?"

Стивен кивнул. Девочка, спрятавшись у него в руках, заплакала — тихо, отчаянно, дергая худенькими плечами. "Тише, моя хорошая, не надо, не надо, — он покачал ребенка, — все кончилось. Сейчас тебя с Мораг отведут на корабль, и вы там нас подождете".

Он взглянул поверх головы Мэри на отряд — кое-кто из мужчин, опустив глаза, зачем-то проверял оружие. Меир сглотнул, и погладил Мораг по черным косичкам: "Гениси. Вот сейчас миссис Франклин свою правнучку и увидит".

— Так, — велел Стивен, — сержант Фримен, берите девочек и возвращайтесь в бухту. Передадите их миссис Онатарио и миссис Франклин.

Мэри потормошила Мораг: "Это твоя бабушка, миссис Онатарио, сестра твоего дедушки, Скенандоа. Видишь, как хорошо!"

Меир забрал у малышки кинжал и услышал тихий голос капитана Кроу: "Что с твоей сестрой, где она?"

Мужчина обернулся и посмотрел на девочек, что уже шли рядом с Натом по тропинке, ведущей к берегу. "Мэри не говорила, — он помолчал, — а я не стал спрашивать, все-таки ребенок". Меир спрятал оружие и достал из-за плеча лук: "Сейчас все и узнаем, капитан Кроу".

Стивен засучил рукава рубашки, и напомнил ему: "Сигнал для Перкинса — одна стрела". Он обернулся к отряду: "Ружья наизготовку, господа".

Меир вскинул голову и увидел чаек, что кружили над вершинами сосен. Подул легкий, теплый ветерок. Они, рассыпавшись по лесу, стали окружать стойбище.

Темнота. Боль. Она рванулась, придерживаемая за руки, и простонала: "Дайте! Дайте ребенка!". Она услышала чей-то испуганный шепот, слабый, высокий крик, и заставила себя открыть глаза. В вигваме пахло кровью. "Дети спят, — подумала она. "Хорошо". Индианки расступились. Она увидела то, что лежало на шкуре. "Убрать, — пронеслось в ее голове. "Унести. Подождать, пока умрет, и зарыть в лесу. Потом выпить то снадобье, я его уже сварила. Только бы он не увидел. Поздно, — она услышала тяжелые шаги у входа.

Он зашел, держа перед собой факел. Испещренное шрамами лицо было бесстрастным, холодным. Он, щелкнув пальцами, велел женщинам отойти. Смола капнула на шкуры, факел затрещал. Он, подняв ногу — наступил на уродливую голову ребенка. Она, рванувшись вперед, ощутила его железные пальцы у себя на шее. Он ткнул ее лицом в окровавленные останки и

сказал: "Сейчас ты это уберешь. Потом пойдешь в яму. Начинай".

Вернувшись в вигвам, она еще успела найти флягу из тыквы и выпить темный, горький настой — до дна, давясь и захлебываясь, кашляя от отвращения. Он схватил ее за руку, и, отрезав кинжалом волосы, на глазах у всего лагеря, протащил к яме, окруженной острыми кольями. Она полетела вниз, к рабыням, — худым, с остриженными головами, сгрудившимся в углу.

— Дети, — подумала она. "Господи, кто теперь за девочками присмотрит?". А потом она погрузилась во мрак — спокойный, тихий мрак вечной полуночи, вечного безмолвия.

Она лежала, раздвинув ноги, чувствуя тяжесть мужчины на себе, слыша его частое дыхание, не открывая глаз. Потом он ушел, а она, присев на землю, обхватив себя руками, опустила голову на костлявые колени. Она застыла, покачиваясь в своей колыбели — там, где никогда не всходило солнце.

Капитан Кроу положил руку на плечо Меиру: "Стреляй". В стойбище было тихо, только из большого вигвама доносился возбужденный шум голосов.

— Погоди, — Меир покачал головой и указал глазами на индейца, что возвращался от границы лагеря. Он зашел в шатер. Меир, обведя взглядом прижавшихся к земле людей, чиркнул кресалом.

Он привстал на колено и легким, красивым движением отправил горящую стрелу прямо в небо.

— Сейчас Перкинс выпустит с десяток ядер, — подумал Стивен, — и тогда уже появимся мы. Он услышал свист над верхушками деревьев и удовлетворенно улыбнулся.

В вигваме жевали, смеялись, что-то кричали. Кинтейл внезапно, властно, крикнул: "Тихо!"

— Пушки, — понял он. "Господи, откуда тут пушки? Патриоты? Но как, по озеру сюда никто никогда не плавал, а по суше — мы бы их заметили".

Ядро, разорвав шкуры, упало прямо посреди вигвама. Кинтейл, вскочив на ноги, прижав к себе сына, велел: "Забираем золото и уходим отсюда!"

— Но женщины…, - попытался сказать кто-то.

Кинтейл ударил его, и выплюнул: "Найдем еще! По коням!". Он наклонился к индейцу, и передал ему ребенка: "Спаси его, брат. Если со мной что-то случится…"

Темные, узкие глаза заблестели, смуглое лицо, на мгновение, дрогнуло. Тот ответил: "Я выращу его достойным тебя, Менева".

Кинтейл услышал ружейный огонь. Схватив свой мушкет, он толкнул индейца: "Уходи, немедленно! Держи, — он кинул ему кожаный, тяжелый мешок. Проводив глазами темную голову сына, Кинтейл еще успел услышать его крик: "Папа! Папочка!"

Мужчина сцепил, зубы и заставил себя не смотреть в ту сторону. "С ним все будет хорошо, — сказал себе Кинтейл, и, отстреливаясь на ходу, побежал к лошадям: "Это не патриоты, они не в мундирах. Но где шайка бандитов могла достать пушки?"

Он успел вскочить на коня, и, пришпорив его, — понесся по узкой, лесной дороге вслед за своими людьми.

— Не смей! — крикнул капитан Кроу, но Меир уже бежал к коновязи. "Нет, — злобно подумал мужчина, доставая пистолет, — я тебе так просто уйти не дам".

Капитан Кроу оглядел дымящуюся траву, и крикнув отряду: "Женщин и детей не трогать, под страхом смертной казни!", — сорвал с коновязи висящую на ней веревку из тонкой кожи.

— Он отличный наездник, — подумал Стивен, — не то, что я. Конечно, он маленький, легкий. Ничего, сейчас догоним этого Кинтейла.

Он поравнялся с Меиром, и, бросив ему веревку, крикнул: "У тебя рубашка в крови!". Меир только отмахнулся, и, пригнувшись в седле, гикнув — вырвался на бесконечную, покрытую зеленеющей травой равнину, по которой, удаляясь, мчались всадники.

Кинтейл обернулся и выстрелил. Меир твердой рукой удержал своего коня. Раскрутив над головой веревку, бросив ее, он выругался сквозь зубы. Пуля просвистела у него прямо над ухом, и Меир почувствовал горячую кровь у себя на щеке.

Кинтейл, опутанный веревкой, упал на землю, его лошадь поскакала прочь. Меир, спешившись, слушая брань, которой его осыпал пленник, подобрал с земли выпавшее у него из рук ружье. Он наставил на Кинтейла пистолет:

— Меня зовут капитан Меир Горовиц, Континентальная Армия. Очень вам советую не предпринимать никаких необдуманных поступков, лорд Кинтейл. У меня в кармане лежит ваш смертный приговор, так что любые мои действия будут оправданы.

Меир устало вытер кровь с лица. Кинтейл посмотрел вдаль, — всадники уже скрылись из виду: "Менева в безопасности. Ему обо мне расскажут, мой сын вырастет таким же, как я. Слава Богу".

— Я не признаю ваших смертных приговоров, — ощерился Кинтейл. Голубые, холодные глаза блестели злобой. "Шайка самозванцев…"

— Король Георг, — Меир подтолкнул его сапогом, — в этом случае согласен с решением Континентального Конгресса, сэр Джеймс. Изредка мы сходимся во мнении с вашим монархом. Вставайте! — велел Меир, натягивая веревку. "И помните, я, в отличие от вас, стреляю без промаха".

— Горовиц…, - процедил Кинтейл. "Брат, значит".

— Брат, — кивнул Меир. Не убирая оружия, он приказал: "Вперед!"

Капитан Кроу прошелся по разоренному вигваму и оглянулся: "Что там, сержант Фримен?"

— Девочки на боте, — улыбнулся Нат. "Женщины и дети, здешние, с места снимаются. Сказали, на восток пойдут. И ребята там сейчас мешки с золотом таскают — два десятка, если не больше".

— Вот и Менева, — процедил Стивен, вглядываясь в лесную тропинку. "Сержант, берите капитана Горовица, перевяжите его — там стрела в плече и все лицо кровью залито".

Кинтейл споткнулся о выступающий поверх тропинки корень дерева, но, покачнувшись, устоял на ногах.

Стивен, не обращая на него внимания, подошел к Меиру. Взяв у него конец веревки, всмотревшись в его лицо, капитан хмыкнул: "Шрам будет, на виске. Ничего, под волосами не видно. Иди, — он ласково подтолкнул мужчину, — Фримен о тебе позаботится. С девочками все в порядке".

Он повернулся к Кинтейлу: "Это Юджиния его так изрезала, мне же Меир рассказывал. Господи, бедная моя сестричка".

— Здравствуйте, сэр Джеймс, — нарочито вежливо сказал Стивен, — я — капитан Кроу, Континентальный Флот. Вы, должно быть, обо мне слышали, мы с вами раньше под одним флагом сражались.

— Предатель! — разомкнул сухие губы Кинтейл. "Грязный, мерзкий изменник!"

— Пойдемте, — Стивен кивнул на вигвам, — вам надо кое-что сделать. Где ваш сын, кстати? — поинтересовался мужчина.

— Вам его не найти, — скрипуче рассмеялся Кинтейл. Стивен, сжав зубы, крикнул: "Принесите мне бумагу и карандаш, кто-нибудь!"

Он усадил Кинтейла на прожженные шкуры, и развязал ему руки: "Пистолет я не опускаю, сэр Джеймс. Пишите, я буду диктовать".

— Я, сэр Джеймс Маккензи, лорд Кинтейл, — размеренно сказал Стивен, — признаю законнорожденными своих дочерей, Мэри, семи лет от роду….

— Я не хочу, — услышал Стивен звонкий, высокий голос. Мэри стояла за ним, с ненавистью глядя на Кинтейла. "Я не хочу носить его имя, дядя Стивен, я хочу быть Кроу — как вы. Пожалуйста. Пусть Мораг станет леди, мне не надо".

Мэри раздула ноздри. Подойдя к отцу, девочка тихо добавила: "Надеюсь, что ты сгоришь в аду. Убейте его, дядя Стивен".

Она вдруг покраснела: "Простите…тут же недалеко, я знаю дорогу к озеру. С Мораг все хорошо, не волнуйтесь. Я тут помогу, я с миссис Онатарио вернулась".

Девочка вышла. Стивен, сжав кулаки, наклонился над Кинтейлом: "Твоя дочь, а моя племянница, просит тебя убить, слышал? Так я и сделаю".

— Племянница? — тихо проговорил Кинтейл.

— Ты повесил мою сестру, — Стивен помолчал, — только сначала выстрелил ей в спину. Я — не ты, поэтому ты получишь пулю в лицо. Пиши, — он указал на бумагу, — признаю законнорожденной свою дочь Мораг Маккензи, двух лет от роду…

Когда он закончил, Стивен свернул листок: "Где мисс Мирьям Горовиц?".

Кинтейл молчал. Капитан, связав ему руки, выведя из вигвама, увидел Меира — тот сидел с перевязанной головой, привалившись к стволу сосны. Индианки складывали шкуры. Стивен наклонился к Меиру: "Я сам все сделаю. Ты сиди, ты же ранен".

Тот только опустил веки и выдохнул: "Спасибо".

Они ушли в лес. Меир, прислушавшись, вздрогнул — из-за деревьев раздался звук выстрела.

Стивена долго не было, а потом Меир увидел его, — он возвращался по тропинке, отряхивая руки.

— Там и зарыл, — хмуро сказал Стивен, присаживаясь рядом. "И даже молитву прочитал, — он хмыкнул. "Он так и не сказал — где твоя сестра".

— Я вам покажу, — Мэри стояла перед ними. "Покажу, дядя, пойдемте".

— Подожди, — Меир попытался приподняться. Капитан Кроу вздохнул: "Сиди, пожалуйста". Он взял Мэри за руку. Та, крепко сжав его пальцы, подняв зеленые глаза, спросила: "Дядя Стивен, а можно я вас папой называть буду? И Мораг тоже, но если вы не хотите, то мы не…"

Он остановился, и, присев, обнял девочку: "Так и надо, моя хорошая. И ты моя дочка, и Мораг, и так будет всегда".

— Там, папа, — указала Мэри на яму, окруженную острыми кольями. Над ней кружились мухи. Мэри, помотав головой, шепнула: "Она там раньше была, тетя Мирьям. А потом он…увидел, как я ей еду приношу, и меня плетью избил. Я боюсь, папа, я не знаю, что с ней…, - Мэри подышала, сжав его ладонь. Стивен спокойно сказал: "Ты иди в лагерь, доченька. Я сам все сделаю. Не надо бояться".

Он подождал, пока Мэри скроется из виду. Заглянув вниз, побледнев, Стивен процедил: "Увидел бы я раньше это, лорд Кинтейл, — вы бы у меня не от пули умерли. Ладно, — он подтащил к калитке, прорубленной в кольях, веревочную лестницу, что валялась на траве, — хватит болтать, капитан Кроу, займись делом".

Они шли в хвосте отряда. Меир, уперев глаза в землю, сказал: "Она меня не узнала, Стивен".

Капитан Кроу нес ее на руках, — легкую, маленькую, завернутую в шкуру. Он погладил выстриженную клочьями голову, что лежала у него на плече: "Господи, как птичка, со сломанными крыльями. Бедная девочка, да как же она там выжила".

— Ты бы тоже не узнал, — сварливо сказал Стивен. "Мисс Мирьям оправится, и все будет хорошо, поверь мне. Ты сразу спускайся в каюту и ложись, ты много крови потерял".

Он шел, подгоняя людей, и все шептал: "Это ничего, мисс Мирьям, ничего. Сейчас вам надо спать и есть. Все это закончилось, и больше никогда не вернется. Просто отдыхайте".

Женщина подняла истощенное, серое, лицо и посмотрела на него — запавшими, синими, как озерная вода, глазами.

Капитан Кроу прижал ее к себе поближе, и пошел дальше — туда, где в бухте уже виднелись белые, развернутые паруса кораблей.

На откосе холма, над бесконечным, синим пространством воды, шелестели кроны сосен. Свежий, озерный ветер гулял на лужайке. Серые скалы спускались вниз, к белому, песчаному берегу небольшой бухты. Стоявший на якоре бот, со свернутыми парусами, покачивался на волнах.

Две женщины, в индейской одежде, высокие, молча, смотрели на берег. Миссис Франклин перекинула на спину седую косу: "Оправится она, Джейн. Видишь, и с братом разговаривает, и с девочками, и с нами тоже. А что одна ночует — так она два года в яме провела, бедное дитя.

Понятно, что ей кошмары снятся, кричит она — незачем детей пугать".

Мужчина и женщина сидели на мелком песке. Меир повертел в руках шпагу, с золотым эфесом: "Стивен решил ее в Питтсбург не брать, от греха подальше. Все, сестричка, — он погладил кудрявые, отрастающие волосы, — осенью вернемся с тобой домой, будешь практиковать, все будет хорошо..., Да и война скоро закончится".

Мирьям стругала кинжалом какую-то палочку. Отложив ее, она взяла руку брата: "Бедный ты мой. Так жалко, и Эстер, и ребеночка...".

Меир привлек ее к себе, и обнял: "А ты, сестренка, обязательно замуж выходи, хочу племянников своих увидеть".

Тонкие пальцы задрожали, острый подбородок застыл. Мирьям, напрягшись, сжав зубы, подавила крик. Она просыпалась каждую ночь, видя покрытые кровью, уродливые останки, выныривая из кромешной черноты, где была пахнущая нечистотами яма, грубый, мужской смех, нависшие над ней смуглые, одинаковые лица. Она сидела в своем маленьком, стоящем поодаль вигваме, трясясь от страха, закрываясь руками, уткнув голову в колени — пока над лужайкой не вставало утреннее солнце, пока не начинали петь птицы.

Ничего не ответив, она встряхнула головой: "Миссис Онатарио и миссис Франклин тут остаются, с девочками".

— Стивену же помощь нужна, — ласково проговорил брат. "Тем более миссис Онатарио, сама знаешь, на одном месте не сидит, ездит она. За Мэри и Мораг ты не волнуйся, у них теперь настоящий отец есть, такой, как надо".

Меир посмотрел на свои исцарапанные, в следах от заноз, ладони. Смеясь, он поднялся: "Сейчас вернется капитан Кроу, и будет меня ругать за то, что я дерево для причала не распилил. Никогда бы не подумал, что из меня плотник выйдет. Плохой, конечно, это все, — он зачарованно взглянул на очертания большого, крепкого дома, что были видны на откосе холма, — Стивена рук дело, я так — помощник".

— Девчонки идут, — нежно сказала Мирьям, убирая кинжал в привешенные к поясу ножны.

Они шли, шлепая босыми ножками по мелкой воде. Мэри, подняв кожаный мешок, крикнула: "Мама Мирьям, земляника, очень много!"

— Мамой ее называют, обе, — подумал Меир, забирая нанизанную на прутик свежую рыбу. Сестра, держа девочек за руки, взбиралась на холм по узкой, вьющейся тропинке.

— Стивен говорил, что лестницу сделает, — хмыкнул Меир, вдыхая теплый ветер с юга. "Назовет это место Эри, как озеро. Бухты тут удобные, не зря французы за тем мысом еще давно форт построили. Он сейчас заброшен, конечно, но мы его восстановим. И реки есть, и вообще, — он улыбнулся, — хорошо тут.

Он поднял с камней рыбу и почувствовал, что проголодался. Сестра подошла к краю холма, и звонко крикнула ему: "Все есть хотят!"

— Я тоже, — рассмеялся Меир и стал карабкаться вверх.

Костер уже догорал. Меир, поднявшись, заметил: "Спасибо вам большое за обед, надо все-таки пойти, досками заняться".

— Что это там, — миссис Франклин нахмурилась, — девчонки кричат что-то?

Мэри бежала по лесной тропинке, таща за руку младшую сестру. "Папа вернулся! — восторженно, задыхаясь, сказала девочка. "У него столько всего, столько всего. Даже индейки, только в клетке".

— Она же куриц никогда не видела, — понял Меир. Он оглянулся — сестры уже не было у костра. Миссис Онатарио, увидев его глаза, только покачала головой.

— Телега дальше не проедет, — услышал Меир веселый голос капитана Кроу, — поэтому всем придется мне помогать, и моим сладким девочкам, — он усадил Мораг себе на плечо, и та восторженно завизжала, — тоже!

Стивен обвел глазами поляну, где стояло два вигвама — большой, женский и поменьше, для них с Меиром, и горько подумал: "Конечно, она же всегда уходит, в лес. Не говорит со мной, не смотрит на меня. Зачем я ей вообще нужен? Они сейчас с Меиром тут лето проведут, и уедут в Бостон. Я не еврей, старше ее, да еще и живу в глуши какой-то".

— Папа! — ахнула Мэри, глядя на спокойно стоящих за телегой животных, — а это кто?

— Корова и овцы, — рассмеялся капитан Кроу. "Вам же надо молоко, вы еще маленькие. Бабушка Франклин велела обязательно корову купить, она вас доить научит".

— И сыр будем делать, — коротко сказала миссис Франклин, снимая с телеги какой-то ящик. "Молодец, — заметила она Стивену, открывая крышку, — и тетради привез, и чернила, и карандаши. Книга, правда, одна только, — она вздохнула.

— Все, что в Питтсбурге было, — развел руками мужчина, — Библия, миссис Франклин. Все равно — Мэри уже надо читать учиться, а математикой я сам с ней заниматься буду". Он наклонился и поцеловал темные кудряшки "Куриц будешь кормить, моя хорошая?"

— А это разве не индейки, папа? — Мэри все смотрела на клетку. "Они не улетят?"

— Не улетят, — рассмеялся Стивен. Меир, распрягая лошадей, подумал: "Того процента, что мы с ним от золота Кинтейла получили — еще нашим внукам хватит. Тут и деньги тратить не на что, все свое, — он взял коней под уздцы и услышал голос Стивена: "И еще семена. Кукуруза, табак, фасоль — устроим настоящий огород".

Он подмигнул Меиру и вытащил из телеги еще один ящик. В нем что-то зазвенело. Капитан Кроу рассмеялся: "Ром и сигары. Так что, капитан Горовиц, мы с тобой еще посидим, перед тем, как вы уедете. Я вас, в любом случае, до тех индейских деревень доставлю, на востоке, на реке Буффало. Незачем вам кружным путем домой отправляться. Оттуда до Бостона ближе".

Он вдруг поморщился, и, глубоко вздохнул: "Вы тут разгружайте все, стойла и курятник давно готовы, а мы с Меиром наверх пойдем".

В доме пахло свежей смолой. Стивен, задрав голову, сказал: "Осталось нам с тобой крышу сделать, полы настелить, а потом за мебель примемся. И причал, конечно, надо построить".

Меир посмотрел на загорелое, обветренное лицо капитана: "А зачем ты у меня узнавал — есть ли в Питтсбурге мировой судья?"

— Так, — отмахнулся Стивен, — спрашивал кое-что. Раз уж я теперь американский гражданин,

надо знать свои законы. Он подхватил молоток и, забравшись на недостроенный второй этаж, озорно добавил: "Паспорт мне выписать не забудьте, как только о печати договоритесь".

— Уже второй комитет заседает, обсуждает рисунок, — успокоил его Меир, поднимаясь вслед за ним, по приставной лестнице, — рано или поздно получим свои паспорта, капитан Кроу.

Меир выглянул наружу и улыбнулся — Мирьям, гладя по спине овцу, что-то говорила девочкам. Она стояла, — тонкая, невысокая, в длинной замшевой юбке, и стянутой кожаным шнурком, вышитой безрукавке. Белые руки были усыпаны веснушками, каштаново-рыжие волосы падали на стройную шею. Овца заблеяла, девчонки рассмеялись. Стивен, угрюмо отвернувшись, велел: "Давай работать".

На тихой воде озера лежала лунная дорожка. "Вот, — таинственным голосом сказал Стивен, — а потом мы увидели огромный, золотящийся в лучах солнца айсберг, вокруг которого плавали киты…"

— Большие киты, папа? — Мэри положила ему голову на колени и зевнула. Мораг давно спала, уткнувшись лицом ему в плечо, посапывая.

— Очень, — ответил он, и застыл, — из-за мыса послышался плеск воды.

— Это, — Мэри покрутилась, и прижалась к нему поближе, — мама Мирьям…, купается…, Расскажи еще, папа…

Стивен погладил дочь по теплым волосам и улыбнулся — девочка уже дремала. Он осторожно уложил дочерей рядом на песок. Прикрыв их своей курткой, капитан устроился на прибрежном камне.

Он закурил, чиркнув кресалом, и долго сидел, глядя на залив, в котором отражались крупные звезды. Потом плеск стих, и он услышал вдалеке, на тропинке, ее легкие, быстрые шаги.

Часть шестнадцатая

Северная Америка, осень 1781 года

Озеро Эри

На крепком, большом столе стояла кадушка с желтым сливочным маслом. Миссис Франклин водрузила на треногу в очаге медную сковороду, и, уперев руки в бока, вздохнула: "Дура ты, дура".

Мирьям молча, опустив голову, лущила лесные орехи. На спинку стула было наброшено сделанное из шкур одеяло.

В открытые окна кухни веяло дымком. Пожилая женщина усмехнулась: "Оленину коптит". Она обваляла рыбу в кукурузной муке, и, опустив ее на сковороду, вооружилась деревянной лопаткой: "Что тебе еще надо, ты скажи мне? Он же на тебя насмотреться не может. Как вы с Меиром собираться к отъезду стали, у него глаза сделались, как у собаки больной. Дом построил…, - женщина обвела рукой чистую, с каменным очагом кухню. Под потолком висели сковороды и кастрюли, в открытом буфете стояли стопки фаянсовых тарелок.

— Не для меня же, — угрюмо сказала Мирьям, ссыпая орехи в кожаный мешок. Она прошла в

mir-knigi.org

боковую кладовку, — на стенах красовались связки лука и сушеных грибов, на деревянных полках лежали тыквы, в плетеных корзинах вдоль стены виднелась фасоль и кукурузные початки.

— Для меня, наверное, старухи, — ядовито отозвалась миссис Франклин, переворачивая рыбу. "Девчонки в нем души не чают, сама же видишь, не отходят от него".

Мирьям вернулась. Взяв метлу, убирая с пола ореховую скорлупу, девушка тяжело вздохнула: "Я же вам говорила, миссис Франклин, про все..., И что я снадобье выпила..., Зачем я ему нужна, такая, у меня детей никогда не будет, и хорошо, что так, — синие глаза внезапно похолодели.

— У меня с мистером Франклином детей не было, — спокойно сказала акушерка, складывая рыбу на тарелку. "Не ради детей тебя мужчина любит, дорогая моя. Уедешь в Бостон — глупость сделаешь, и нечего тут дальше говорить".

Миряьм встала на колени, сметая скорлупу в совок, скрыв раскрасневшееся лицо. "Он мне нравится, — подумала девушка. "Очень нравится. И я вижу, как он на меня смотрит. Но он ведь не знает ничего, совсем не знает, а как узнает — так отвернется. И он не еврей, — она взяла совок, и, поднявшись, натолкнулась на спокойный взгляд серых глаз.

— Ты с братом своим словом перемолвься, — посоветовала миссис Франклин, накрывая на стол. "И сходи после обеда, клюквы собери, Джейн вернется, соку кленового привезет. Сахар сделаем, и ягоды засушим, на зиму. Там, — она махнула рукой в сторону мыса, — ее видимо-невидимо, все лужайки усеяны. Зови всех обедать, — велела она.

Мирьям вышла, все еще с совком в руках. Миссис Франклин, провожая взглядом отросшие по плечи волосы, в которых играло осеннее солнце, хмыкнула: "Я ведь ее осматривала, летом еще. Все у нее хорошо, все, как надо. Не будет детей, конечно, права она, что снадобье выпила, не след ей рожать, но в остальном-то — здоровая женщина. Две дочки у них есть уже..., - она улыбнулась и услышала с порога звонкий голосок: "Бабушка, я кур кормила, сама! А ты после обеда нам с Мэри почитаешь?"

— Мэри тебе сама почитает, у нее это отлично получается, — миссис Франклин подхватила правнучку: "Вот оно как вышло. Думала ли я, что и дочь свою на старости лет увижу, и Мораг у меня появится, да и Мэри тоже. Истинно сказано — благодарите Бога, ибо вовек милость его". Она пощекотала девочку и поставила ее на пол: "Руки мыть!".

Меир взял грубые, стальные ножницы: "Я тут совсем фермером стал. Ты нас проводишь, и потом хочешь на север отправиться?"

— Да, — Стивен погладил овцу и рассмеялся: "Тише, тише. Пострижем тебя, и отпустим. Пока лед не встал, хочу карту озера сделать, подробную. Следующим летом дальше на запад пойду, там же еще три озера, и на востоке — одно. Тут всю жизнь можно плавать, капитан Горовиц".

Шерсть падала на расстеленный холст. Меир осторожно сказал: "За девочками есть, кому присмотреть..."

Красивое, загорелое лицо внезапно закаменело. Стивен коротко ответил: "Есть. Видишь, не зря я ткацкий стан из Питтсбурга привез. Теперь у нас и шерсть своя будет, хотя лен все равно, — он указал на свою рубашку, — покупать придется. Обувь миссис Онатарио шить умеет, она и меня уже научила".

— Скажи ему, — велел себе Стивен, глядя на Меира, что наклонился над овцой. "Скажи, он же поймет, он твой друг. Пусть он спросит Мирьям, иначе я всю жизнь потом себе этого не прощу…"

— Вы скоро? — раздался нежный голос с порога хлева. Она стояла, опустив голову. "Мне с Меиром надо поговорить, — девушка помолчала, — капитан Кроу…"

— Даже не смотри в ее сторону, — приказал себе мужчина, но все было тщетно, — он ничего не видел, кроме ее стройного, очерченного лучами солнца силуэта, кроме нежных, по локоть обнаженных рук, что держали медный кувшин.

— Я достригу, — Стивен откашлялся. "Ты иди, Меир".

— Я сейчас, — пообещал ей брат, выходя на двор. "Сейчас вернусь".

Мирьям внезапно вскинула глаза: "Я вам лимонад принесла, жарко же еще. То есть он не лимонад, — девушка зарделась, — там травы, шиповник…"

Стивен протянул руку и забрал у нее кувшин, на одно, мучительное мгновение, коснувшись кончика ее пальца. От воды пахло свежестью, он жадно отпил несколько глотков, и почувствовал, как капли текут вниз, по смуглой, крепкой шее.

Мирьям стояла, искоса глядя на него. Капитан Кроу, наконец, сказал: "Очень вкусно, мисс Горовиц, спасибо вам большое…"

— Я тоже хочу, — раздался сзади голос Меира. Он, бесцеремонно забрав у Стивена кувшин, выпив сразу половину, облизался: "Вправду, вкусно. Я готов, сестричка".

Они ушли. Стивен, глядя на выстриженный бок овцы, зло пробормотал: "Вот и сиди тут, капитан Кроу. Делай карты побережья, занимайся с детьми, копти мясо и сажай фасоль. Ты ей не нужен, она выйдет замуж там, в Филадельфии или Бостоне, за еврея".

Мужчина, оглянувшись на пустой двор, сочно выругался. Овца вздрогнула. Стивен, погладив ее по голове, спохватился: "Ты тут не причем, конечно же".

Он поднял ножницы и принялся за работу. "Девчонки ведь спрашивают, — Стивен не утерпел и вздохнул, — зачем мама Мирьям уезжает, папа? Ты не хочешь, чтобы она оставалась с нами? Знали бы они…, - он стер пот со лба и велел себе не думать о ее синих, как небо, глазах.

Они шли по кромке прибоя. Мирьям взглянула в сторону горизонта: "Меир, а если я…выйду замуж?"

Брат рассмеялся. Наклонившись, взяв плоский камешек, Меир запустил его по воде. "Шесть, — удовлетворенно заметил он. "А у Стивена — пять. Вот так-то. Конечно, выходи, — просто добавил Меир, если вы с этим человеком любите друг друга. Я буду очень за вас счастлив".

Мирьям закрыла глаза. Выдохнув, девушка пробормотала: "Он не еврей".

Меир взял ее за руку: "Дорогая сестра, все это, — он указал на озерный берег, — скоро будет штатом Пенсильвания. Здесь еще с прошлого века можно по лицензии пожениться, кому угодно. Вот и женитесь, меня только на свадьбу пригласите".

— Но как, же это…, - Мирьям комкала в руках мешок для ягод, — ты ведь должен…

Меир присел на камень. Найдя в кармане бриджей сигарку, он чиркнул кресалом. "Скоро тут свой табак будет, — заметил мужчина, затягиваясь. "Мне бы не понравилось, если бы ты выходила замуж не по любви, а так, — он помолчал, — Хаим женился по любви, я тоже…, - он внезапно почувствовал нежные пальцы сестры у себя на щеке. Мирьям шепнула: "И у тебя еще будет любовь, Меир, правда, я обещаю…."

— Посмотрим, — он помолчал и, улыбаясь, поднял серо-синие глаза. "То-то он в Питтсбурге к мировому судье ходил, — вспомнил Меир. "Сейчас вернусь и скажу ему, где она клюкву собирает. Я с Эстер дураком оказался, не надо им моих ошибок повторять. Далеко тут, конечно, но зато спокойно, детей хорошо растить. Двое у них уже есть".

— Так что даже и не думай, — Меир поднялся и, обняв сестру, подтолкнул ее. "Беги на мыс, а то вон — вечереет уже".

Он посмотрел ее невысокую фигурку в длинной юбке и отороченной мехом, замшевой кофте, расшитой бисером. Усмехаясь, в последний раз запустив по воде камешек, Меир пошел к дому.

В лесу пахло теплым мхом, соснами, низкое солнце играло на желтых, разбросанных по поляне листьях. "Мы ведь с ним родственники, — подумала Мирьям, ловко ощипывая клюкву, — мне Меир говорил, только очень дальние. И с Эстер покойницей — тоже. Меир опять на Карибы поедет, хочет этого адмирала Родни найти, отомстить ему, — она вздохнула и пробормотала: "Надо будет, чтобы он письмо написал, брату Эстер, ему ведь тоже — кадиш положено читать".

Девушка вдруг прервалась и всхлипнула: "А мои детки? Первого в лесу зарыли, а второго…,- Мирьям увидела, как у нее задрожали пальцы, и горько сказала: "Господи, дай ты им покой в присутствии своем. И не жили совсем, бедные".

Мирьям посидела, обхватив колени руками, глядя на виднеющееся меж стволами сосен озеро.

— Хорошо тут как, — она накрутила на палец прядь кудрявых волос. "И девочкам — привольно, просторно. Капитан Кроу их так любит — лучше отца и не найти. И правда, — она почувствовала, что краснеет, — что мне еще надо? Только ведь он совсем ничего не знает, ничего…"

Мирьям потянулась к мешку и набрала в ладонь ягод. Она раздавила одну губами, и, почувствовав кислый, свежий вкус — улыбнулась. "Расскажу ему, — девушка решительно тряхнула головой. "А там уже — пусть сам решает, нужна ли я ему такая".

— Мисс Горовиц, — раздался сзади нерешительный голос. Мирьям ахнула и поднялась, рассыпав клюкву. Он стоял, покраснев, и девушка отчего-то подумала: "Рубашку чистую надел. Он ведь бреется, почти каждый день, хоть тут и нет никого вокруг".

В ее синих глазах отражались белые, пышные облака, что плыли по небу. "Я подумал, — пробормотал Стивен, — вы же тут одна…, Вдруг волки…, или медведь".

— Господи, как начать? — измученно спросил он себя. "Я этого никогда в жизни не делал, надо было хоть у Меира спросить, напоследок. А, будь, что будет".

— Мисс Горовиц, — он наклонил каштановую голову, — я пришел не из-за волков. То есть, из-за них тоже, — он глубоко вздохнул. "Я вас люблю, мисс Горовиц, и, пожалуйста, окажите мне честь — станьте моей женой. Вот, — он вынул из кармана грубое, золотое кольцо. "Не взыщите, это мне в Питтсбурге кузнец смастерил".

— Капитан Кроу, — Мирьям откинула назад голову. Волосы — густые, отросшие, упали пышной волной на плечи, — я должна вам рассказать что-то, — она помолчала и посмотрела на него снизу вверх. "Вы послушайте, а потом, — девушка, на мгновение, прикоснулась к кольцу, — решайте, по душе ли я вам".

— По душе, мисс Горовиц, — угрюмо ответил Стивен, — а что вас тот мерзавец в плен захватил, так это я знаю, и мне это совершенно безразлично. Я вас люблю, и буду любить всегда.

Тонкие пальцы Мирьям коснулись его загрубевшей, в царапинах ладони, Стивен вздрогнул. Она велела: "Сядьте. Сядьте и слушайте, капитан Кроу".

Между ними стоял мешок с клюквой. Мирьям говорила, отвернув лицо. Наконец, помолчав, выдохнув, девушка посмотрела на него.

— И теперь у меня никогда не будет детей, — ее синие глаза заблестели. Стивен выругал себя: "Что ты за дурак? Девочка так мучилась все это время, надо было раньше ей сказать, что ты ее любишь…"

Он поднес к губам ее руку и, взяв кольцо, надел ей на палец: "Мирьям, счастье мое, я же говорил, мне это неважно. Я просто не могу, не могу жить без тебя. Если бы ты уехала, все это, — он обвел рукой тихий, пронизанный солнцем лес, — было бы совсем другим. А так, — он поцеловал ее запястье, — я тебя вижу, каждый день, и словно солнце восходит". Он поднял лазоревые глаза, и Мирьям потянулась к нему: "Да, солнце. Так вот как бывает — если по любви".

У него были нежные, ласковые губы. Мирьям вдруг рассмеялась: "Клюква…".

— Потом соберем, — уверил ее Стивен. Они, не обращая внимания на разлетевшиеся ягоды, опустились на сухой, мягкий мох.

— Я сейчас умру от счастья, — шепнул ей Стивен. "Я ведь и не думал, не знал, что так бывает, Мирьям. Пожалуйста…, - ее кофта распахнулась. Он, целуя белую, в веснушках грудь, спускаясь все ниже, улыбнулся: "Красивей тебя никого на свете нет, любовь моя".

— Как хорошо, как хорошо, — Мирьям раскинула руки, вцепившись в мох, и, широко открыв глаза, чувствуя каждое его прикосновение, — едва слышно застонала. "Никогда…, - она подавила крик, — никогда такого не было…". Наверху, над кронами сосен, парили чайки, пахло озерной водой и хвоей. Он, оторвавшись от нее на мгновение, протянув руку вверх, коснувшись раскрасневшегося лица, ласково сказал: "Любовь моя, моя Мирьям…"

Девушка обняла его. Задыхаясь, Мирьям попросила: "Еще, еще, Стивен, пожалуйста…"

— Лежи, — он улыбнулся, и, развязав шнурки ее юбки, зажмурился. Она была белой, как зимний снег. Стивен, смеясь, сказал: "И тут веснушки. Вот сейчас каждую и поцелую, а потом, — он ощутил ее ласковую руку, и, приникнув губами к теплому телу, услышал: "А что будет потом?".

В ее синих глазах плескался смех. "Потом, — Стивен прижал ее к себе, — будет вот это, любимая".

— Как будто в раю, — подумала Мирьям, целуя его лицо, не закрывая глаза, обнимая его — отчаянно, изо всех сил. Плача, смеясь, гладя его по голове, Мирьям крикнула: "Я люблю тебя!".

Она была вся, — подумал Стивен, — жаркая, мягкая, маленькая. Перевернув ее на бок, укрыв в своих руках, он шепнул: "Мне мало. Мне всегда будет мало, любимая. Чувствуешь?"

— Опять? — томно спросила Мирьям, подвигавшись. Стивен поцеловал веснушки на острых лопатках и согласился: "Опять. Уж слишком долго я о тебе думал, счастье мое".

Девушка повернула голову. Подставив ему искусанные, сладкие губы, рассмеявшись, она велела: "Подкрепись".

Он взял ягоду из ее губ, и, ощутив кислую, прохладную свежесть, шепнул: "Еще! Еще, Мирьям, пожалуйста! Я так люблю тебя, так люблю...".

Потом она лежала, устроившись на нем, накрывшись его курткой, и, зевая, грустно сказала: "Но ты ведь будешь в море уходить".

— Нет, — Стивен гладил ее стройную спину. "У меня ты, у нас девчонки — дальше озер я плавать не буду, обещаю. Я семнадцатый год без дома живу, хватит".

— Теперь, — Мирьям серьезно посмотрела на него, — у тебя всегда будет дом, капитан Кроу.

Они шли к дому, взявшись за руки, и Стивен сказал: "Через пару дней уже и поедем, любовь моя. Миссис Франклин за девочками присмотрит, и миссис Онтарио скоро вернется. Поедем и поженимся, по лицензии".

— В Питтсбурге? — Мирьям оглянулась и, привстав на цыпочки, поцеловала его в губы.

— Нет, — он внезапно усмехнулся, — в Филадельфии. Еще чего не хватало — в деревне жениться. Если уж что-то делать, — он отдал ей мешок с ягодами, — то делать на совесть.

— Я уже заметила, — лукаво сказала Мирьям. Взглянув на него, девушка покраснела: "Господи, да что же это такое..., Опять хочется. Приду к нему ночью, вот что. Ночью..., - она твердо сказала себе: "Ну, проснешься, как всегда. Ничего страшного, он тебя любит, он поймет".

— Беги, — он поцеловал кудрявый затылок. "Завтра утром всем и скажем, любимая. Я пойду, — он кивнул на озеро, — бот в порядок приведу. Раз мы верхом едем, он нам не понадобится".

Мирьям поднялась на крепкое крыльцо и прислушалась — в кухне было тихо. "У меня щеки горят, — поняла девушка. Держа перед собой мешок, Мирьям решительно шагнула через порог.

Миссис Франклин подняла глаза от Библии, и ласково улыбнулась: "Собрала ягод? Молодец. Меир с девчонками сидит, они шерсть вычесывают, а он им о Карибах рассказывает. Ты умойся, пойди, а то вся в клюкве испачкалась".

Мирьям что-то пробормотала. Оставив мешок на полу, девушка выскочила из комнаты.

Стивен посмотрел на свой хронометр. Закинув руки за голову, взглянув на бревенчатый потолок спальни, он грустно сказал: "Не придет она, не жди. Тут девочки, брат ее, миссис Франклин — потерпеть надо. Уже полночь, капитан Кроу, ложись-ка ты спать".

В открытое окно веял ветер, и он подумал: "Хорошая тут осень, теплая. За две недели до Филадельфии доберемся, потом сюда приедем — я еще успею по озеру походить. Хоть бы

mir-knigi.org

южного берега карту сделать, до зимы".

Шпага висела на стене. Он, повернувшись, поправив свечу, открыл Библию.

— Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет, — прочел он и хмыкнул: "Так будет правильно. Приду к ним, в Филадельфии. Только ведь они не воюют, они против этого. Да и я уже — не воюю. Только Меиру обещал, что с ним на Карибы вернусь. Ну, что же делать, придется ему самому. Как это он мне сказал, — Стивен вдруг улыбнулся, — Мирьям там ягоды собирает, посмотри, чтобы с ней все в порядке было. И подмигнул".

Дверь вдруг заскрипела, и он услышал тихий голос: "Стивен?"

Она стояла на пороге, в длинной, холщовой рубашке, держа в руке оловянный подсвечник. "Я ждала, — Мирьям присела на кровать. Он, взяв у нее свечу, укладывая ее рядом, шепнул: "Я тоже, счастье мое. Только сними это, — он потянул рубашку вверх, — пожалуйста".

Она прижалась к нему, положив голову на плечо. Стивен, наклонившись, целуя ее, сказал на ухо: "Вот поженимся, и будем всегда спать в одной постели, как в той песне о Вороне и донье Эстер".

Мирьям смешливо отозвалась: "Я помню, он там говорит, что у стенки бы ее положил. Я тоже, — она провела рукой по бревнам, — у стенки люблю спать…, - она прикусила губу: "Надо тихо".

— Завтра пойдем за ягодами, — он уткнулся лицом в кудрявые волосы, — и будет громко. Или на рыбалку. В общем, куда-нибудь. Я люблю тебя, жена, — добавил Стивен, окунаясь в ее горячее, сладкое тело, чувствуя под руками мягкую грудь.

Потом она зевнула. Устроившись у него под боком, Мирьям грустно проговорила: "Стивен…, я могу проснуться ночью, мне до сих пор сны снятся, про то…"

— Так я же здесь, — спокойно отозвался он. Погладив ее по голове, Стивен улыбнулся: "Спи, счастье мое".

Она задремала, уткнувшись носом в крепкое плечо. Капитан Кроу еще долго лежал, обнимая ее одной рукой, перелистывая другой страницы Библии, вчитываясь, в знакомые с детства строки.

Мирьям дрогнула ресницами, глубоко зевнув, ощутив рядом тепло его тела. Утреннее солнце золотило выскобленные половицы. Она, присев в постели, потирая глаза, отчего-то подумала: "Надо, чтобы миссис Франклин меня ткать научила. Дорожки для пола сделаю".

Она поцеловала покрытую темной щетиной щеку и удивленно спросила: "Я все это время спала?"

— Как сурок, — Стивен открыл один лазоревый глаз и жалобно сказал: "Не хочу тебя отпускать".

Мирьям прислушалась. Потянув с пола рубашку, девушка ахнула: "Мне же доить надо, очаг разжечь, хлеб испечь! Я люблю тебя, — она, на мгновение, прижалась щекой к его щеке. Мирьям осторожно, на цыпочках, вышла из комнаты.

mir-knigi.org

Стивен улыбнулся. Потянувшись, еще не вставая с постели, он пробормотал: "Хорошо-то как!"

Меир намазал масло на свежий, еще теплый кукурузный хлеб, и незаметно взглянул на сестру. Она сидела, держа на коленях Мораг, кормя ее кашей.

— Вот вы уедете, — небрежно сказала миссис Франклин, разливая кофе, — и нашей малышке самой есть придется, все-таки третий год ей. Баловать тебя некому будет, — она погладила девочку по черным косичкам.

Мэри повозила оловянной ложкой по тарелке, и грустно проговорила: "Мама Мирьям, а зачем тебе уезжать?"

Стивен отпил кофе и усмехнулся: "Чтобы мы могли пожениться, дочка".

Зеленые глаза распахнулись. Мэри, вскочив со стула, смеясь — кинулась к Мирьям. "Свадьба! — радостно сказала Мораг, обнимая девушку.

Мэри кое-как устроилась на коленях у Мирьям, и прижалась к ней: "Мы теперь будем твои дочки, мама Мирьям?"

— Наши с папой, — Мирьям обняла их обеих. Посмотрев на брата, девушка увидела, как он улыбается. "Так вы в Питтсбург поедете? — спросил Меир.

— В Филадельфию, — спокойно ответил Стивен и добавил: "Ты с нами тоже, конечно. Ты же говорил, что только в конце осени отплываешь, из Бостона".

— В Филадельфию, — пробормотал Меир, принимаясь за рыбу. "Ах, вот оно как".

— Я вам список напишу, — деловито сказала миссис Франклин, — что в городе купить надо. Вчера, Мирьям, как ты ягоды собирала, — пожилая женщина усмехнулась, — индейцы приходили, они тут зимой собираются обосноваться, за мысом. Так что вернешься, и у нас с тобой работы прибавится.

Мирьям посмотрела на кольцо, что блестело у нее на пальце. Девушка весело ответила: "Вот и славно, миссис Франклин".

Филадельфия

Стивен подобрал желтый, кленовый лист, и повертел его в руках: "Я смотрю, стройка полным ходом идет. Красивое здание будет".

— Да, — Меир взглянул на поднимающиеся за забором на Черри-стрит стены серого камня, — к следующему году уже и закончат. Видишь, как получается, — он хмыкнул, — Вашингтон не хочет меня на Карибы отпускать. Он говорит, пока британцы в Нью-Йорке, Саванне и Чарльстоне — мне и тут работы хватит, за линией фронта.

— И не только там, — угрюмо подумал он и упрямо добавил: "Но я ему ответил — я обещал отомстить за смерть Эстер, и отомщу. Вот и аллея Стирлинг, — Меир указал на клены. "Это старая синагога, деревянная. В новом здании двести мест будет. Ты погуляй пока, — Меир замялся, — раввин хороший человек, понимающий, но его все, же подготовить надо".

Стивен засунул руки в карманы суконной куртки и рассмеялся: "Посмотрим, что он мне скажет".

Он проводил взглядом изящную, легкую фигуру шурина, — тот был в хорошо скроенном, черном сюртуке, и вздохнул: "Он же траур носит. Девочка моя к портнихе пошла. Все же тут большой город, не след в деревенском платье жениться. Тем более, там, — Стивен посмотрел на высокий шпиль Индепендес-холла, что виднелся над черепичными крышами. "И с Меиром о чем-то шепталась с утра, за завтраком, а, когда я спросил — только покраснела".

Он присел на гранитную тумбу коновязи. Закурив сигару, достав из кармана куртки блокнот, капитан стал сверяться со списком покупок. "Все в седельные сумы уместится, — довольно пробормотал мужчина. "Миръям обратно тоже в мужском наряде поедет, ей очень идет, — он внезапно улыбнулся: "Скорей бы уже, две недели терплю. Ничего, Меира проводим, погуляем тут пару дней, и домой, на озеро. Дорогу к дому надо хорошую сделать, вот что еще, — Стивен перелистал страницы блокнота. Вынув карандаш, он записал: "Дорога".

В кабинете пахло пылью. Меир оглядел стопки книг у стен: "Ничего не меняется. Господи, как хорошо, будто дома оказался".

Раввин посмотрел на его черный сюртук и галстук и пожал ему руку: "У нас писали уже об этом адмирале Родни. Аман, одно слово. Выгнать людей из их домов, сжечь синагогу…, - он покачал почти седой головой: "Да сотрется имя его из памяти людской".

Меир вспомнил большие, черные глаза и то, как она махала ему, стоя на пороге дома, вспомнил ее ласковый голос: "Жар у тебя спал, а теперь надо обязательно поесть!". Опустившись в кресло, приняв серебряный стакан с изюмным вином, он сглотнул: "Там моя жена была, в синагоге, рав Гершом. И мальчик наш, ему как раз — обрезание делали. Вот, — он выпил. Раввин, присев на подлокотник кресла, погладил его по голове: "Не надо, милый, не надо. Мы кадиш по миссис Эстер, конечно, читать будем, а ты брату ее напиши. Ты же говорил, в Амстердаме он".

— Из Бостона напишу, — Меир незаметно вытер глаза. "Я опять туда, на Карибы, возвращаюсь, рав Гершом. Скоро отплываю уже. Надо будет после войны надгробия поставить на кладбище, в их память".

— Поставим, — раввин кивнул: "Я твою бар-мицву сейчас вспомнил. Это Хаиму покойному в Ньюпорте делали, а тебе же у нас, в Нью-Йорке. Ты волновался, но прочитал все отлично, — он вздохнул: "И сестре твоей тоже — надо надгробие сделать, Меир".

Мужчина вдруг широко улыбнулся: "Нет, рав Гершом. Нашлась Миръям, и замуж выходит".

— Господи, велика милость твоя, — искренне сказал раввин. "Значит, жива, ну, слава Богу, слава Богу. Так хупу надо ставить, кто ее жених-то? Наш кто-то, отсюда, наверное? На юге же британцы, с тамошними общинами связи нет".

Меир замялся: "Он тут, рав Гершом, на улице ждет. Я его позову".

Мужчина вышел. Раввин, нахмурившись, достал третий стакан: "И кто бы это мог быть? Сколько ей сейчас? Двадцать два. Так все ее ровесники воюют, в армии. Разве что только в отставку кто-то подал. Ладно, сейчас увидим".

Высокий, мощный, загорелый мужчина шагнул через порог, неловко поправляя кипу на каштановых волосах.

— Капитан Стивен Кроу, — протянул он жесткую, большую ладонь. "Рад встрече, рав Гершом".

В кабинете повисло молчание. Раввин, наконец, передавая ему, стакан с вином, сказал: "Ну, капитан, говорите — с чем пришли".

Стивен опустился в кресло. Выпив, он улыбнулся: "Сладкое. Но вкусно, рав Гершом. Я, — он достал блокнот, — вот что хотел спросить. Моя будущая жена — еврейка, вы знаете, — он кивнул на Меира и вдруг, сердито подумал: "И что так бледнеть? Ничего страшного не случится. Я ему еще утром сказал — не выгонят же меня отсюда, я всего лишь поговорить пришел".

— Так вот, — капитан Кроу погрыз карандаш, — я хочу, чтобы вы мне рассказали, рав Гершом. Что можно, что нельзя, какие у вас праздники…, Раз я женюсь на мисс Горовиц, так мне это тоже все знать надо".

Он поднял лазоревые глаза и увидел, что раввин улыбается. "Вот оно как, капитан Кроу, — наконец, сказал его собеседник. "Ну, записывайте".

Потом Стивен захлопнул блокнот и смешливо заметил: "Все понятно. У нас две приемные дочки есть, обе круглые сироты, они с индейцами раньше жили. Они праздникам порадуются, красивые они у вас. День Благодарения, мы, конечно, тоже отмечать будем, мы же американцы".

— Сколько угодно, — развел руками раввин. "Мы сами всегда за столом собираемся". Он помолчал и спросил: "А вы разве не англиканин, капитан Кроу?"

— Теперь уже нет, — хмыкнул Стивен. Поймав непонимающий взгляд шурина, он, одними губами, шепнул: "Потом".

— Я вот еще что хотел попросить, — он поднялся, — свадьба у нас завтра, в полдень, в Индепенденс-холле. Мы сами все делаем, без мирового судьи. Только нам два свидетеля нужно. Один уж есть, не откажите стать вторым, пожалуйста. Это будет честь для нас, — он улыбнулся.

— Бесстрашный вы человек, капитан Кроу, — вдруг сказал раввин.

— Тоже мне бесстрашие, — буркнул Стивен, покраснев, — жениться на любимой женщине.

— Я приду, — рав Гершом пожал ему руку: "А кто второй свидетель?"

— Мистер Джордж Вашингтон, — усмехнувшись, ответил капитан Кроу. Поклонившись, он вышел.

Рав Гершом достал запыленную бутылку вина. Взглянув на Меира, он пробормотал: "И вправду — бесстрашный".

Меир подпер кулаком подбородок, и выпил: "Он потомок Ворона, рав Гершом. И да — самый смелый человек из всех, кого я знаю".

Стивен открыл калитку и посмотрел на простой, красного кирпича, с белыми ставнями дом. "Общество друзей", — было написано над входом. Он оглянулся на Арч-стрит, — улица была пустынна. Глубоко вздохнув, капитан зашел в низкую, беленую переднюю.

В зале для собраний было тихо. Стивен, присев на скамью темного дерева, услышал сзади мягкий голос: "Я рад, что вы пришли, капитан Кроу".

mir-knigi.org

— Я же вам написал, — он повернулся, и, улыбаясь, пожал руку Томасу Пэйну. "Из Питтсбурга еще. Я знал, что вы квакер, слышал".

— Да, — Пэйн опустился рядом с ним, — тут, в Пенсильвании нас много. Еще хорошо, что вы меня застали. Я на той неделе в Париж отплываю, вместе с мистером Вулфом. Будем заем у короля Людовика просить. Пока у нас юг отрезан британскими войсками, надо продолжать сражаться, платить солдатам…, - он вздохнул: "Если бы ваш будущий родственник вернулся к финансам — нам было бы гораздо легче".

— Еще вернется, — уверил его Стивен.

— В общем, все несложно, Стивен — голубые, в чуть заметных морщинах глаза Пэйна посмотрели на него.

— Равенство всех людей, честность, простота и мир. Что у вас там собраний нет, так это не страшно — Господь все равно — в каждом человеке, где бы он ни жил. И девочек ваших воспитывайте так же.

— Будем, — Стивен кивнул "Я тогда приду, в Первый День, как положено. Может, — он внезапно улыбнулся, — и с женой, ей же сюда можно. Спасибо вам, мистер Пэйн, завтра увидимся, — он подал руку квакеру. Высоко неся голову, Стивен вышел на улицу, в прозрачный, еще теплый осенний вечер.

Мирьям застегивала маленькие пуговицы на шелковом платье — цвета осенних листьев. "Прекрати! — велела она себе, посмотрев на трясущиеся пальцы. "Не сегодня-завтра все начнется. Это просто из-за того, что я долго в седле была".

Она подошла к зеркалу и поправила кружевной чепец. Из-под него выбивались кудрявые волосы. Девушка, улыбнувшись, подхватила бархатный мешочек, что лежал на столе орехового дерева.

— Стивен удивится, — подумала она, спускаясь по лестнице постоялого двора. "Так же не делают, обычно. Но раз я тоже обещание даю — значит, так правильно".

Пока она шла под руку с Меиром к Индепенденс-холлу, под голубым, ярким небом, что-то отвечая ему, улыбаясь, внутри нее все холодело.

— Должны были еще в Питтсбурге начаться, — сказала себе Мирьям. "Больше недели назад. Ты ведь считала, уже считала, не обманывай себя — это с того дня, на озере. Или ночи. Или следующего дня, когда мы за рыбой ходили. Господи, что же делать? Но ведь я два года назад снадобье выпила. Ничего не было с тех пор. Почему сейчас, за что мне это? Надо трав взять у миссис Франклин, как вернусь. А потом что?"

— Ты в порядке? — озабоченно спросил брат, распахивая перед ней тяжелую дверь. Он отряхнул сюртук и довольно добавил: "Чуть ли не весь Континентальный Конгресс на вашу свадьбу собрался, сестричка. Мы с Гамильтоном вчера полночи сидели, с финансами разбирались, обсуждали — что после войны нам надо сделать. Господи, — в сердцах пробормотал Меир, — и скорей бы она уже закончилась".

— Все хорошо, — попыталась рассмеяться Мирьям, но тут, же осеклась. Они зашли в большую комнату, где над камином висел американский флаг.

— Мисс Горовиц, — радушно сказал Джордж Вашингтон, — добро пожаловать. Мне рассказывали, вы были одной из первых, кто его сшил — он указал на знамя.

Мирьям покраснела и лукаво ответила: "Восемь лет назад, мистер Вашингтон, мой жених, — она ласково посмотрела на Стивена, — тогда тоже в Бостоне был".

— На кораблях, — сочно прибавил капитан Кроу и все рассмеялись. "Вот, — Вашингтон кивнул раву Гершому, — ваше свидетельство о браке, сейчас капитан Кроу скажет все, что нужно..."

— Мы оба скажем, — вежливо прервал его Стивен. "У нас, — он взглянул на Пэйна, — так положено. Перед Господом мужчина и женщина не отличаются".

Меир поцеловал Мирьям в щеку: "Я очень, очень за вас рад, сестричка. Иди, — он нежно коснулся ее руки, — иди, и будь с ним — навсегда".

— Какая она у меня красавица, — Стивен почувствовал, что у него перехватило дыхание. Он осторожно взял тонкие, белые пальцы и тихо сказал, глядя в синие, обрамленные темными ресницами глаза:

— Друзья, я беру Мирьям в жены, и обещаю, с помощью Господа, быть ей верным и любящим супругом, пока не разлучит нас смерть.

Девушка почувствовала прикосновение кольца: "Надо Стивену сказать. Как же иначе, он мой муж, часть меня. Вот Меира проводим — и скажу".

Она обвела комнату ясным, твердым взглядом и звонко проговорила: "Друзья, я беру Стивена в мужья, и обещаю, с помощью Всевышнего, быть ему верной и любящей супругой, пока не разлучит нас смерть".

Меир передал ей бархатный мешочек и подмигнул.

— Дай руку, — попросила она мужа. Стивен посмотрел на золотое кольцо и усмехнулся: "Так вот о чем они с Меиром шептались. Девочка моя, так и надо. Как раз по мне, — он улыбнулся, и услышал голос Вашингтона: "Целуйте свою невесту, капитан Кроу!"

— А что, — Александр Гамильтон наклонился к Пэйну, — у вас, квакеров, два кольца приняты?

— Нет, — искренне удивился Пэйн, — но вы знаете, мистер Гамильтон, — миссис Кроу права. Очень красиво, — он подождал, пока новобрачные и свидетели распишутся: "А теперь — к столу! Это наш подарок вам, мистер и миссис Кроу, от Континентального Конгресса!"

Рав Гершом отвел в сторону Мирьям: "Если дети у вас будут, ты помни, — они евреи. Так что жду вас тут, в Филадельфии, на обрезании, — он посмотрел в синие глаза девушки и внезапно спросил: "Что такое?"

— Все хорошо, — встряхнула головой Мирьям. Она незаметно закусила губу и повторила: "Расскажи Стивену все, и не откладывай".

Из столовой уже доносился чей-то голос, говорящий тост. Мирьям, взяв брата под руку, положив ему голову на плечо, шепнула: "Ты осторожней там, братик, возвращайся домой, пожалуйста".

— Да уж придется, — расхохотался Меир, — надо же кому-то придумывать, как все эти займы

после войны отдавать. Не волнуйтесь, — он поцеловал ее в лоб: "Пошли, там для нас — отдельный стол накрыли, и Стивен с нами сидеть будет".

На круглом столе горел серебряный канделябр. Мирьям, грустно поглядела в окно, где шелестели клены: "Пять лет назад мы здесь с Дэниелом у реки гуляли, когда Декларацию Независимости подписывали. Господи, думала ли я? Как война закончится, надо будет Джону в Лондон написать, обрадовать его — что и я жива, и Мэри. Жива, — она вздрогнула и, положив руку на живот, замотала головой: "В третий раз..., Нет, нет, лучше умереть, я не могу, не могу так больше..."

Дверь стукнула. За ее спиной раздался веселый голос мужа: "Проводил Меира, посадил в почтовую карету, и помахал рукой на прощанье. Все будет хорошо".

Он скинул куртку на кресло, и, наклонившись, провел губами по белой шее, вдыхая запах трав.

— Пойдем, — попросил он — пойдем, любовь моя, я больше не могу терпеть, сегодня ведь брачная ночь..., - Стивен внезапно увидел ее глаза. Подняв ее на руки, — Мирьям ахнула, — устроившись на диване, он шепнул: "Что такое?"

Ее теплые волосы падали ему на плечо, она медленно, сбивчиво говорила. Наконец, отвернув голову, Мирьям добавила: "Я не могу, Стивен, не могу...Я не выдержу такого, еще раз..."

— Дитя, — благоговейно подумал он, обнимая ее, шепча что-то ласковое, тихое на ухо, чувствуя на руке ее горячие слезы. "Мирьям, — он поцеловал мокрые, синие глаза, — мы же теперь муж и жена. "Мы", понимаешь? В горе и в радости, всегда вместе. Ты не будешь одна, любовь моя, я всегда буду рядом".

Мирьям помолчала. Прижавшись щекой к его щеке, она перебирала сильные, жесткие пальцы: "Значит, и решать тоже надо вместе, Стивен".

— Так оно и будет, — муж поцеловал ее в губы. "Сходим, помолимся, и решим. Сначала к вам, а потом в Общество Друзей, тебе туда можно. Хорошо?"

Она кивнула, и, глядя на бледные звезды за окном, попросила: "Господи, не оставь нас милостью своей".

Утреннее солнце било сквозь мелкие переплеты окон синагоги.

— Молитва закончилась уже, — шепнула Мирьям мужу, поднимаясь на галерею. "Тебе тут можно быть, не волнуйся". Она посмотрела на резные двери Ковчега Завета. Опустившись на скамью, девушка уронила голову в руки: "Я помолюсь, Стивен. Ты, — она вынула из бархатного мешочка книгу, — почитай пока, ладно? Псалмы, — добавила она, и зашептала что-то.

Он прислонился к деревянной колонне, и открыл маленькую, меньше его ладони Библию.

— Плачет, — горько подумал Стивен. "Господи, девочка моя, как же мне тебе помочь, что же сделать?". Он пролистал новые, еще пахнущие типографской краской страницы, и вспомнил ревущий, ураганный ветер, переворачивающие корабль огромные, серые валы, и свой упрямый, перекрикивающий их голос.

— Поднимаю взор свой к горам: откуда придет помощь, — тихо начал читать он, — помощь

Господня, создателя неба и земли? Господь убережет тебя от всякой беды, убережет душу твою. Господь станет защитником твоим, как только ты выйдешь, и до возвращения, — отныне и вовеки!

— Отныне и вовеки, — повторил Стивен. Наклонившись, поцеловав страницу, глядя на Ковчег Завета, он понял: "Так и будет".

В зале для собраний царила тишина. Мирьям сидела на женской половине, смотря прямо перед собой, на беленую стену. "Стивен же мне объяснял, — подумала она. "Все молчат. Только когда человек чувствует, что ему надо что-то сказать — он встает и говорит. Ни крестов, ни священников — никого. И все равны".

Она измученно закрыла покрасневшие от слез глаза и вздрогнула — кто-то на мужской половине поднялся. Стивен стоял, глядя куда-то вдаль, а потом, сжимая пальцами спинку скамьи, сказал: "Господи, помоги нам, пожалуйста. Помоги моей жене, помоги нашему ребенку, которого она носит. Сделай так, чтобы он родился здоровым, мы просим Тебя, — он глубоко вздохнул. Мирьям поняла: "Плачет. Как же мне ему помочь, Господи?"

— Пожалуйста, — одними губами повторила она.

Они шли по Арч-стрит, держась за руки. Мирьям вдохнула слабый, теплый ветер.

— Стивен, — ее голос задрожал, — я не хочу…, Господь позаботится о нашем ребенке, я уверена…

Муж наклонился, и, взяв ее руку, поднеся к губам, кивнул: "Да, любимая. Спасибо тебе, — он обнял ее. Они просто постояли, держась друг за друга, на узкой, безлюдной улице, под рыжими ветвями деревьев, под голубым, просторным, осенним небом.

Бостон

Корабль мягко подошел к причалу, матросы стали убирать паруса, загремела якорная цепь. Капитан, выбив трубку, обернулся к маленькой, худенькой женщине, что стояла, держа на руках ребенка: "Вот и Бостон, миссис Эстер. Не плачьте, пожалуйста, вы уже дома".

Эстер взглянула на блеск золоченого кузнечика над крышей Фанейл-холла, на легкие, быстрые облака, что неслись по синему, высокому небу, и всхлипнула: "Как же мне вас благодарить, у меня и нет ничего…, - она посмотрела на свои худые, без колец, покрасневшие от стирки пальцы.

Капитан сварливо ответил: "Не надо. Я же вам еще на Кюрасао сказал — мы с вами из одного города, разве я землячке не помогу? Вы стирали, матросов мне лечили… Идите, — он махнул рукой на деревянный трап, — идите к себе домой, и выспитесь, как следует".

Он наклонился и, пощекотав пухлую, белую щечку, серьезно заметил: "А ты, малыш, расти, и помогай маме!"

— У! — весело, заблестев зубками, ответил Хаим и положил укрытую чепчиком голову на плечо женщине.

— Там ведь жильцы…, - вспомнила Эстер, выйдя на набережную. "До постоялого двора Фрименов далеко, я не доберусь, и так, — она вздохнула, — на ногах еле держусь. Пойду к

миссис Франклин, она приютит на первое время".

Она приоткрыла калитку дома акушерки и пробормотала: "Странно, таблички нет".

Полная женщина, что открыла дверь, вытирая руки холщовым полотенцем, недружелюбно сказала: "Не подаем, в церковь иди".

Эстер посмотрела на свою заплатанную юбку, на ветхую, застиранную льняную кофту. Запахнув покрепче старую, в дырках шерстяную шаль, где спал мальчик, она тихо спросила: "Тут жила акушерка, миссис Франклин, не знаете, где она сейчас?"

— Дом продала и уехала, — пожала плечами женщина и грубо добавила: "Одного не выкормила, уже опять понесла? Ноги у тебя, я смотрю, не сдвигаются".

— Я не…, - покраснела Эстер, но женщина уже захлопнула дверь.

— Она бы и хлеба пожалела, — грустно сказала Эстер, глядя на отрывающуюся подметку своей туфли. "Хорошо еще, что капитан разрешил с корабля сухарей взять, и трески соленой, — она погладила мальчика по голове. Уже выходя на улицу, женщина вдруг улыбнулась: "Ты же скоро есть захочешь, сыночек".

Эстер постояла, глядя на Бикон-Хилл. Потом, тряхнув укрытой рваным чепцом головой, она пробормотала: "Пойду к Дэниелу, может, он в городе. Стыдно, конечно, такой перед ним показаться, но что, же делать".

Окна дома были задернуты плотными гардинами. Сколько она не стучала в дверь — никто не открывал. "Может, жильцы выехали, — Эстер оглянулась. Присев на ступеньки крыльца, она дала сыну грудь — Хаим проснулся и тер кулачками глаза. "А если и те, кто в нашем доме жил — тоже уехали? Надо в контору Адамса сходить, они же дом сдавали". Женщина сгрызла сухарь и ласково пожурила сына:

— Вот кусаться не надо, милый. Хоть у тебя и два зуба уже, — не надо их на мне пробовать. Ну, — она устало поднялась, — пойдем.

Привратник, выйдя на каменное крыльцо конторы, свысока посмотрел на женщину и коротко спросил: "Чего явилась?"

Эстер почувствовала, как слезы наворачиваются ей на глаза. Сглотнув, она заставила себя не плакать: "Меня зовут миссис Эстер Горовиц, я вдова мистера Меира Горовица. Мне надо поговорить с мистером Адамсом".

— Мистер Адамс в Филадельфии, заседает в Континентальном Конгрессе, — холодно ответил мужчина.

— Тогда с кем-нибудь из клерков, — измученно попросила Эстер. "Пожалуйста".

Привратник оглядел ее с ног до головы: "Пройди в переднюю, но если стянешь что-нибудь — сразу к судье отправишься".

— Спасибо, — Эстер подняла голову. Он сочно добавил: "В кресла не смей садиться, нам вшей тут не надо".

Она стояла, укачивая ребенка. Наконец, Эстер услышала надменный голос: "Что еще тут,

отрывают от дела!"

Клерк брезгливо выпятил губу. После долгого молчания он сказал, глядя на пыльные следы от ее, туфель на начищенном паркете: "Вы, как я понимаю, выдаете себя за миссис Эстер Горовиц, милочка?"

— Я не выдаю, — гневно отозвалась Эстер, — я она и есть! Я вдова мистера Меира Горовица, он погиб, — Эстер вдруг покачнулась, — погиб на Синт-Эстасиусе, когда его захватили британцы! В феврале этого года, у вас должны были об этом написать, в газетах…

— И написали, — подтвердил клерк. "Только о мистере Горовице никто не упомянул. Свидетельство о смерти, пожалуйста, — он протянул руку. "И ваше свидетельство о браке".

— Наш дом сожгли, — Эстер посмотрела на него огромными, черными глазами. "Все бумаги погибли. Тело моего мужа так и не нашли, его британцы выбросили в море. Да и кто бы мог засвидетельствовать его смерть, это же война…, Мы женились в Филадельфии, в синагоге, тамошний раввин меня знает…"

— Вот и отправляйтесь туда, — сухо сказал клерк, — привезите копию свидетельства о браке, однако, пока у нас не будет на руках заверенных показаний о смерти вашего мужа — мы вам ничем помочь не сможем. Всего хорошего, — он распахнул перед ней дверь.

Эстер вздрогнула и, обернувшись, спросила: "Хотя бы скажите мне — наш дом все еще сдан?"

Клерк закатил глаза: "Жильцы летом выехали, сейчас новых постояльцев ищем. Прошу извинить, мне надо вернуться к работе".

Эстер вышла на набережную. Поднимаясь на холм, она пробормотала Хаиму, что сидел в шали, улыбаясь, рассматривая серыми глазками осенние деревья вокруг: "Пусть что хотят со мной, то и делают, но если я не посплю, я никуда больше не дойду, сыночек. Хоть отдохнем немного с тобой".

Медная табличка у двери была снята. Эстер, подняв голову, посмотрела на рыжий клен: "Скворечник, смотри, до сих пор держится. Это папа твой делал, с братом своим".

— Папа, — горько повторила она. Оглянувшись, — улица была пуста, — открыв калитку, Эстер скользнула на задний двор. "Защелку так и не поправили, — Эстер улыбнулась, — Меир хотел, я помню, но руки у него не дошли".

Она нажала на дверь плечом, крючок соскочил. Хаим восторженно сказал: "У!"

— Дома…, - Эстер оглядела запыленные половицы, закрытую холщовыми чехлами мебель. Она пощупала пеленки мальчика: "Нам с тобой помыться надо, милый. Хорошо, что у нас колодец во дворе".

Она нашла в сарае медную лохань и кусок грубого, серого мыла. Когда пеленки уже сохли на веревке, Эстер поднялась наверх. Сбросив туфли, обессилено опустившись на кровать, она стала кормить сына. Хаим быстро задремал, завернутый в шаль. Эстер, сняв юбку, подпоров зубами вшитый в пояс тайник, достала оттуда сложенный листок бумаги.

— Да будет всем известно, — читала Эстер, сидя в одной рубашке, — что перед нами, раввинским судом синагоги Микве Исраэль, в Виллемстаде, Кюрасао, предстала госпожа Эстер Горовиц, урожденная Мендес де Кардозо, личность которой была удостоверена свидетелями.

Означенная госпожа Горовиц, на основании показаний, признана нами агуной, не имеющей права выйти замуж. Мы известили об этом наших братьев по вере, в общинах Старого и Нового Света. Она запретна для любого еврея, и брак, заключенный с ней, должен быть немедленно расторгнут. Дети же от такого брака будет считаться незаконнорожденными. В этом мы прилагаем нашу руку, в день 19 Ияра 5541 года.

Эстер свернула письмо и потерла глаза: "Сейчас отдохнем, мама поест, пеленки высохнут, и пойдем к Фрименам. Может, повезет, на телегу посадят по дороге. А потом, — она зевнула и свернулась в клубочек, прижимая к себе мальчика, — потом в Филадельфию, в синагогу. Нат и Салли мне денег одолжат, как начну работать — отдам им".

От Хаима пахло молоком. Эстер, поцеловав светлый локон, что падал ему на лоб, прошептала: "Один ты у меня остался, милый".

Меир остановился у вершины Бикон-Хилла и посмотрел на порт. "Вот голландский барк, на котором я пойду, — пробормотал он. "На Кюрасао, а уже оттуда — до Синт-Эстасиуса доберусь. Родни там губернатором сейчас. Недолго ему осталось, — мужчина жестко усмехнулся. "Пятьсот миль между островами, ерунда, за пару-тройку дней справимся. Придется, конечно, с парусом повозиться. Хорошо, что Стивен меня научил".

С моря дул свежий, соленый ветер. Меир, засунул руки в карманы куртки: "Зайду, на дом взгляну, там жильцы, но все равно — хоть посмотреть. Потом к Адамсу, надо завещание изменить, письмо Иосифу отправить, а оттуда — к Фрименам. Переночую, завтра уже и отплывать".

Он подошел к своему дому и улыбнулся — на крыльце был расстелена шаль. Пухлый, беленький ребенок в холщовом платьице, сидя на ней, играл с осенними листьями.

На веревке сохли пеленки, с заднего двора был слышен скрип колодезного ворота.

— Жильцы, — грустно подумал Меир. Ребенок посмотрел на него серыми, большими, в темных ресницах глазами, и, смеясь, подкинул вверх листья.

Меир увидел, как он хлопает в ладошки. Отчего-то сказав: "Будь счастлив, милый", мужчина, не оборачиваясь, пошел вниз по улице.

Меир внезапно остановился.

— Какой же я дурак! — хмыкнул он. "Письма! Иосиф мог написать, и этот, наш брат троюродный, из Иерусалима, Аарон Горовиц. Дэниел, из Парижа. Если там жильцы, то клерки Адамса, наверняка, им письма передали".

Он вернулся и тихо открыл калитку — ребенка на крыльце уже не было. Меир, стоя на еще зеленой траве, среди разбросанных, осенних листьев, услышал женский голос, что доносился из полуоткрытого окна второго этажа.

— Durme, durme, mi alma donzella,

Durme, durme, sin ansia y dolor.

Меир, схватившись за косяк двери, шепнул: "Нет, нет, не может этого быть, я не верю…"

mir-knigi.org

Он осторожно, на цыпочках, зашел в переднюю и поднял голову — сверху доносились легкие шаги. Она спустилась вниз — с непокрытой, черноволосой головой, маленькая, худенькая, в старой, заштопанной юбке и ветхой кофте, босиком. В руках у нее была фаянсовая чашка. Эстер, вздрогнув, выпустила ее из рук: "Меир…, Ты жив, Господи…"

— Прямо здесь, — он вспомнил, как шелестели пальмы, как она стояла, подняв руку, прощаясь с ним, на пороге их дома.

— Прямо сейчас, — Меир улыбнулся и кивнул: "Я жив, Эстер. Я тебя люблю".

Он шагнул к ней, не обращая внимания на осколки под ногами, и взял на руки: "Легкая, какая же она легкая. Девочка моя".

Она целовала его, и что-то шептала — плача, задыхаясь. Потом застиранная ткань юбки затрещала, она оказалась на сундуке, что стоял в передней, его куртка полетела на пол, ее тонкие, ловкие пальцы рвали шнурки на вороте его рубашки. Меир, опустившись на колени, вдохнул запах свежести: "Она вся — будто ветер, ветер над морем".

Она застонала, стягивая с себя кофту, разодрав ее ворот, откинув черноволосую голову. У нее была маленькая, меньше его ладони грудь. Меир почувствовал на губах сладкий вкус молока.

— Хочу, — шепнул он, прижимая ее к стене, взяв ее зубами за белое, худое плечо. "Прямо здесь, прямо сейчас, Эстер".

— Да! — она вцепилась в его спину, и, уронила голову: "Да! Я так этого хотела, так ждала, так ждала, Меир…"

— Ты…, думаешь, — отозвался мужчина, — что я не ждал? Все это время, любовь моя, все это время….

Она прижалась к его губам. Раздвинув ноги, почувствовав его пальцы, Эстер велела: "Еще!"

Запахло мускусом. Меир успел подумать, кусая ее губы, опрокидывая ее спиной на сундук: "Мне всегда будет ее мало, Господи, какой я дурак, что так долго тянул". Разодранная юбка полетела на пол, она закинула ноги ему на плечи, и выдохнула: "Мальчик…, крепко…, спит".

— Хорошо, — сквозь зубы отозвался Меир, а потом уже ничего не осталось вокруг — только ее жаркое тело, ее стоны. Он, наклонившись, приникнув к ее шее, и сам застонал, шепча ей на ухо: "Хочу тебя, больше всего на свете хочу!"

Потом Меир понес ее наверх. Отворив ногой первую же дверь, он усадил Эстер на узкую кровать. Женщина встала на колени. Прижавшись головой к его груди, она потянула Меира к себе. "Эстер, — он опустил голову ей на плечо, — Эстер, любовь моя…"

За окном шелестел клен, они лежали, взявшись за руки. Меир, целуя ее пальцы, услышал грустный голос: "Кольца я продала, оба. Когда начался пожар, я от дыма проснулась. Подтащила к окну скамью, взяла Хаима на руки и выпрыгнула. Он плакал, бедный, конечно. Но ничего — только волосы опалила и щиколотку растянула, потом хромала, долго".

Он провел рукой по белому, нежному бедру, и, баюкая ее, шепнул: "Прости, прости меня, что я за тобой не пришел".

Эстер потерлась щекой о его плечо:

— Родни — он госпожу де Грааф только ранил, слава Богу. Я ее выходила. Мы с ней продали кольца наши, британцам, — женщина тяжело вздохнула, — и, — Эстер покраснела, — шлюпку угнали. Я же умею под парусом ходить, и ее мальчики тоже. Добрались до Кюрасао, так что они теперь в безопасности. Может, и муж ее выживет, после войны встретятся.

Она помолчала и улыбнулась: "Я в синагогу пошла, мне там письмо дали, что я — агуна, раз тело твое не нашли".

— Очень даже нашли, — Меир поцеловал вороной затылок. Эстер прижалась щекой к его руке:

— На Кюрасао мы с госпожой де Грааф стирали, я роды принимала, детей-то надо было кормить. Ее старшие, Петер и Аннеке — тоже работать пошли. Потом голландский барк сюда отправлялся, капитан меня прачкой взял, я в трюме спала. Меир, Меир, — она вытерла слезы его ладонью. Мужчина, сглотнул: "Все это больше не вернется, любовь моя. Теперь ты меня послушай, — он потянулся, и, набросив на них куртку, обняв ее всю, — стал говорить.

Эстер заворожено молчала и потом покачала головой: "Подумать только, это Стивен был, с адмиралом Родни. Питер мне о нем рассказывал, но я, же никогда его не видела. И он тебя спас…"

— Теперь он мой зять, — усмехнулся Меир. Эстер, взяв его лицо в ладони, проговорила: "Мирьям жива. Этого мерзавца, Кинтейла, вы убили, и девочки живы — как хорошо".

— Потом, — зевнул Меир, — как война закончится, съездим к ним, на озеро Эри. Там, как в раю, тебе понравится, обещаю.

Эстер вдруг застыла: "Меир, но ведь ты, же не поплывешь на Карибы…"

Он помолчал, и, уложив ее на бок, провел губами по белым плечам: "Нет. Сейчас Новый Год отметим, потом День Искупления, а потом я отправлюсь на юг, раз так. Британцы все еще в Саванне и Чарльстоне, да и вообще…, - он поморщился. Эстер обреченно сказала: "Ты хоть осторожней там, я прошу тебя".

— Буду, — пообещал муж. Эстер, прислушавшись, приподнялась: "Проснулся".

Она встала, и, покраснев, накинула шаль: "Теперь и на улицу не в чем выйти, все порвано".

— Как по мне, так даже лучше, — Меир закинул руки за голову. Потянувшись, он поймал ее ладонь: "Я вечером одолжу для тебя платье у Салли. А завтра к портнихе пойди, непременно".

— Еще тут надо все в порядок привести, — озабоченно сказала Эстер, и вышла из комнаты.

Мальчик был весь толстенький, пухленький, со светлыми локонами. Меир, едва дыша, взял его ручку: "Сыночек…"

— У! — радостно отозвался Хаим. Эстер гордо заметила: "Уже два зуба. Покажи папе, как ты кусаешься".

Меир протянул сыну палец. Ребенок сразу же потащил его в рот. "Корми его, — велел мужчина, устраиваясь под курткой, прижимая жену и сына к себе, — и будем спать".

Он лежал, слушая чмоканье ребенка, тихий, нежный, голос жены, вдыхая запах молока. На ветку клена, что качалась за окном, сел дрозд. Птица запела, и они заснули — все втроем,

успокоено, глубоко дыша.

Эпилог

Филадельфия, май 1782

По разъезженной, деревенской дороге хлестал дождь, зеленые листья на деревьях грустно поникли. Кто-то из солдат, — в алых, британских мундирах, — пробормотал: "Порох еще на этого мерзавца тратить. Вздернули бы его, и все".

Лагерь собирался, ржали лошади, скрипели телеги. Офицер, ежась, подышав на руки, зло сказал: "Тоже мне весна. Выводите его!"

Один из солдат что-то зашептал ему на ухо. Офицер раздраженно заметил: "Тогда выносите, нам пора трогаться!"

Он посмотрел на грубые, холщовые носилки, и махнул рукой: "Привяжите его, как следует, расстреливать надо стоя. И мешок на голову наденьте".

— Нет, — раздался твердый голос. Офицер взглянул на избитое лицо, на мокрые от дождя, каштановые волосы и встретился с твердым взглядом серо-синих глаз.

— Может быть, вы все-таки скажете, как вас зовут? — внезапно спросил британец. Он тут же, мысленно выругал себя: "Если он за две недели не сказал, то и сейчас не заговорит".

Носилки прислонили к дереву, и офицер махнул рукой: "Огонь!"

Эстер проснулась, и, глубоко дыша, перевернулась на бок. "Нельзя на спине лежать, — напомнила она себе, — для ребенка это плохо. Господи, что мне эти сны-то снятся, уже которую неделю. Все в порядке с Меиром. Он обещал к родам вернуться и вернется".

Она присела в постели, и оглядела изящную спальню. Шелковые простыни холодили тело. Эстер, поднявшись, придерживая живот, подошла к маленькой, детской кроватке. Хаим спал, разметавшись на спине, закинув за голову пухлую ручку. Она поправила кашемировое, отделанное кружевом одеяльце, и услышала за спиной тихий голос миссис Франклин: "Опять вскочила".

— Колено болит, — пожаловалась Эстер, опускаясь в большое, бархатное кресло. "Во сне, — вдруг подумала она, — там Меира тоже — в колено ранили. Да ну, ерунда".

Миссис Франклин нагнулась. Подняв подол ее ночной, брюссельского кружева рубашки, ловко ощупав ногу, она внезапно постучала по черным кудрям. "Все тут, в голове, — сварливо сказала акушерка. "Ты здоровая женщина, родишь, и не заметишь, как. Тем более дитя небольшое".

Из-под двери гостиной были видны трепещущие огоньки свечей.

— Хорошо, что дом сняли, — подумала миссис Франклин. "Правильно, что Эстер сюда после их Песаха переехала, из Бостона — все веселее им с Мирьям вместе. И мальчик у них славный, — она нежно улыбнулась и погладила Эстер по голове: "Иди, невестке твоей тоже не спится, посиди с ней".

Миссис Франклин подошла к окну и взглянула на затянутое тучами небо. "С марта мы здесь, —

посчитала она, — девчонки уже и соскучились, без матери, без отца. А толку? Чуть ли не два десятка врачей Мирьям осматривало. Лучшие доктора Америки, и все говорят одно и то же — вот родите, и увидите. Увидите, — миссис Франклин поморщилась, и перекрестилась. "Так-то она хорошо носит, но Джейн мне говорила — и в тот раз все гладко было. Пока не родила она".

Пожилая женщина, посмотрев на мирно спящего Хаима, пробормотала: "И твой отец — последняя весточка из Саванны пришла, а что потом с ним случилось, — миссис Франклин пожала плечами, — одному Богу ведомо. Второй месяц никаких известий нет".

Эстер наклонилась над креслом и поцеловала кудрявый, каштаново-рыжий затылок. "Все ворочаюсь и ворочаюсь, — грустно сказала Мирьям. "Уже бы и спала отдельно, но Стивен не хочет, — она покраснела.

— Чаю выпей, — Эстер обняла ее за плечи. Мирьям, посмотрев на большой бриллиант, что сверкал на пальце невестки, смешливо спросила: "Это тебе Меир подарил взамен того, что ты на Карибах продала?"

— Два, — Эстер потерлась носом о пахнущие травами волосы. "Один бриллиант — от него, а второй за то кольцо, что от Хаима осталось. То сняла, как спать ложилась, а это забыла, — она улыбнулась, и, взявшись за серебряные чашки, стала разливать чай.

— Я к раву Гершому ходила, — Мирьям посмотрела на свой аккуратный живот, — он мне сказал — Псалмы читать.

— Я тоже читаю, — Эстер потянулась и взяла маленькую, с грубым золотым кольцом, руку невестки. "Не бойся, пожалуйста, все будет хорошо. Стивен здесь. На родах три врача будут, отличных, миссис Франклин, я..., - Мирьям слабо улыбнулась: "Я не боюсь".

Она и вправду, — не боялась. Ребенок бойко двигался, у нее ничего не болело. Только иногда, просыпаясь рядом с мужем, чувствуя его сильные руки, что обнимали ее, слушая вой вьюги за стенами крепкого, теплого дома, Мирьям, прикасаясь к своему животу, просила: "Пожалуйста, Господи, позаботься о нем, сохрани маленького. Пусть я умру, но чтобы он здоровый был".

Днем, стоя на льду озера, в теплой, норковой парке, смеясь, глядя на то, как девочки, похожие на маленьких медвежат в своих меховых одежках, катаются с холма на деревянных санях — Мирьям почти забывала про ночные страхи.

— Балует тебя Меир, — нежно сказала она невестке, отпивая сладкий чай. "К сахару кленовому привыкла, — усмехнулась Мирьям, — жалко, его тут нет".

— Балует, — отозвалась Эстер, вспомнив шелковые платья, жемчужное, тяжелое ожерелье, блеск серег с топазами, что лежали в ее шкатулке. "Только бы лучше он чаще дома бывал. На Хануку приехал, и опять..., - она тяжело вздохнула.

Мирьям хихикнула.

— Стивен всю зиму дома сидел, охотился, с девчонками занимался, а в марте, перед тем, как сюда уехали, все на берег бегал — смотреть, как там лед на озере. Так и не походил под парусом. Сейчас вернется, — Мирьям посмотрела на серебряные часы, что стояли на мраморном камине, — почти полночь. Они там сидят, карты его обсуждают, — девушка глубоко зевнула. Эстер, потянувшись, предложила: "Ложись со мной, еще поболтаем в постели. Хаим у меня, слава Богу, ночью не просыпается больше, как отлучила его".

— На бок, — строго велела Эстер, глядя на то, как укладывается невестка. "Я тебе сейчас о Карибах расскажу. Потом мой брат с женой приедут, обещали они — и о Святой Земле услышишь. Там же ваш брат живет троюродный. Мы от него письмо, наконец, получили, как раз на Хануку дочка у него родилась, Рахилью назвали".

— Вот и хорошо, — сонно отозвалась невестка. Эстер, взяв гребень слоновой кости, стала медленно, нежно расчесывать ей волосы.

Стивен затушил сигару и отпил кофе: "Нет, вина мне не наливайте, ваше превосходительство, нам нельзя". Вашингтон посмотрел на его строго покроя, темный сюртук: "Я и забыл, вы у нас спиртного не пьете. Вы извините, что я так поздно вас пригласил к себе, но, — генерал обвел глазами пустую, с затушенным камином комнату, — я надеюсь, вы меня поймете. Не хотелось, — он помялся, — при свидетелях, дело деликатное…"

За большими окнами Индепенденс-холла был слышен шум дождя, свистел ветер. Стивен внезапно подумал: "Только бы девочка моя не просыпалась, пусть отдыхает. Три недели до родов, Господи, только бы все обошлось".

— Что такое? — спокойно спросил он.

Резкое лицо Вашингтона потемнело. Он, встав, махнув рукой, прошелся по комнате. "После того, как генерал Корнуоллис сдался нам в Йорктауне, в октябре прошлого года, — генерал вздохнул, — на юге и в Нью-Йорке еще осталось тридцать тысяч британских солдат. Сами понимаете, — Вашингтон пожал плечами, — нам надо было знать их планы…"

— Меир, — похолодев, подумал мужчина. "С апреля о нем ничего не слышно".

— Что с капитаном Горовицем? — он тоже поднялся.

Вашингтон порылся в бумагах на столе и протянул ему конверт. "Это пришло вчера, — сказал он тихо, — разумеется, шифром. Пока об этом знают три человека, вы, капитан Кроу, — четвертый. Описание казненного человека полностью совпадает с капитаном Горовицем, как видите".

— Под Нью-Йорком, — пробормотал Стивен. Подняв лазоревые глаза, он просто сказал: "Я поеду туда, ваше превосходительство, и все выясню на месте. Он, хотел, было, скомкать листок, но сдержался. "Привезу его тело, если это правда. Тут меньше ста миль, я за неделю обернусь".

— Я не могу вам приказывать, капитан Кроу, — растерянно сказал Вашингтон, — вы же не военный. Вы будете рисковать головой, британцы вас расстреляют на месте, если узнают…

— Там пехота, — отмахнулся Стивен, — они понятия не имеют — кто я такой. Только документы мне какие-нибудь выпишите, надежные.

— На рассвете все будет готово, — Вашингтон пожал ему руку: "Не беспокойтесь о вашей жене и о, — генерал замялся, но решительно продолжил, — жене капитана Горовица. Мы о них позаботимся".

— Вы знаете, что они здесь? — удивился Стивен.

— Две на редкость красивые женщины, — коротко усмехнулся Вашингтон. "Можно ли их не заметить в городе?"

— Да, — Стивен отчего-то вздохнул, и, поклонившись — вышел.

На крыльце хлестал дождь. Он, поежившись, посмотрев на часы на башне Индепенденс-холла, пробормотал: "Полночь. Долго же Вашингтон спать не ложится. Теперь иди, капитан Кроу, — он засунул руки в карманы сюртука, и шагнул под ливень, — иди, и чтобы Эстер ни о чем не догадалась. Не надо ей пока об этом знать".

Он прошел по широкой, обсаженной мокрыми платанами улице. Посмотрев на окна дома, он облегченно понял: "Спят уже".

Стивен встал под кованую крышу парадного входа. Чиркнув кресалом, глубоко затянувшись сигарой, он долго смотрел на пузырящиеся под дождем лужи.

Между тяжелыми гардинами, что закрывали окно спальни, был виден серый, неверный свет раннего утра. Стивен пошевелился и посмотрел на жену — она спокойно спала, лежа на боку, уткнувшись лицом в сгиб руки. Он наклонился и поцеловал белую, в едва заметных веснушках кожу.

— Летом больше их появится, — вспомнил он. "Летом…Месяц тут побудем, а потом поедем на озеро, как маленький подрастет немного. Или маленькая. Это, конечно, если…, - он сжал зубы и приказал себе: "Не смей! Все будет хорошо, не может не быть. А что доктора руками разводят, — Стивен вздохнул, и, поднявшись с постели, стал одеваться, — так что им еще делать? Но Господь о нас позаботится, — он посмотрел на большой живот Мирьям. Неслышно ступая, капитан спустился вниз, на кухню. Он подбросил дров в очаг и взглянул на покрытые потеками воды мелкие переплеты стекол.

Котелок с кофе забурлил. Стивен, сняв его с огня, разложив свои бумаги, сел за стол. "Казнь, — хмыкнул он. "Был я и под Нью-Йорком, там, где Меира расстреляли, и в самом Нью-Йорке был. Офицер этот, майор Эпплгейт, что командовал казнью — как сквозь землю провалился. Дезертировал, что ли? Солдат, что там, при нем состояли, вообще не найти. У британцев сейчас все разбегаются в разные стороны, как крысы с корабля. А тело, — Стивен пожал плечами, — где его искать? Бедная Эстер…"

Он выпил горячего кофе и услышал с порога тихий голос: "Милый, ты только не волнуйся…"

Мирьям стояла на пороге — маленькая, с распущенными по спине каштаново-рыжими волосами, переступая босыми, белыми ногами по каменным плитам пола. Она придерживала одной рукой полы кашемирового халата.

— Началось, — пробормотала Мирьям. Она часто дышала. "Я Эстер разбудила уже, и миссис Франклин, они спустятся сейчас, завтрак сделают…"

Стивен встал. Подойдя к ней, обняв ее всю, он поцеловал большие, синие глаза. "Все будет хорошо, — уверенно сказал он. "Не бойся, пожалуйста. Я сейчас схожу за врачами, а ты в спальню возвращайся".

— Пока не надо, — Мирьям помотала головой, — врачей. Ты возьми Хаима, пожалуйста, он проснулся. Отнеси его к раву Гершому, они с женой обещали за ним присмотреть.

— Хорошо, — он приник к сладким, мягким губам. Чувствуя под руками ее тепло, Стивен тихо сказал: "Я люблю тебя, Мирьям".

Миссис Франклин заглянула в спальню Эстер и ахнула — женщина стояла у стены, опираясь на нее руками, широко разведя ноги.

— Как поднялась с постели, так воды отошли, — продышала Эстер.

— Сговорились вы, что ли? — коротко отозвалась акушерка. Она опустилась на влажный ковер и быстро осмотрела женщину.

— Схватки очень частые, — пожаловалась Эстер сквозь зубы. "Стивен твоего сына к раввину отведет, — заметила миссис Франклин, — а ты и родишь до обеда, наверное. Давай, — она оторвала руки Эстер от шелковых обоев и подоткнула на ней кружевную рубашку, — походи. Ты сама знаешь, так лучше будет".

— Когда я Хаима рожала, — Эстер взялась руками за поясницу, и стала разгуливать по комнате, — я в британских солдат из пистолета стреляла, миссис Франклин. У меня тогда тоже — схватки уже начались. Но где, же Меир? — женщина тоскливо взглянула на залитое дождем окно. "Обещал ведь…вернуться".

— Так война, — пожала плечами акушерка. "Приедет, не бойся. К родам не успеет — так, если мальчик родится, к обрезанию вашему непременно появится. Пойду, посижу с Мирьям, не надо ей сейчас одной быть. А ты справишься, — акушерка поцеловала высокий, белый лоб.

Эстер проковыляла к шкатулке для драгоценностей, что стояла у кровати. Прикусив губу, согнувшись от боли, женщина надела на тонкие пальцы оба кольца с бриллиантами.

Она посмотрела на блеск камней и улыбнулась: "Вот так, — сказала она себе, — и никак иначе". Эстер положила руки на живот: "Все будет хорошо, маленький мой. Или ты девочка? Все равно, папа с мамой тебя любят и ждут. Вот родишься, и увидишь нашего папу — он, знаешь, какой красивый? И смелый, и умный".

Она опустилась на колени. Положив голову на кровать, Эстер вспомнила огоньки ханукальных свечей, отражавшиеся в окнах их бостонского дома, и белый снег, что укрывал ветви клена. Меир высморкался: "Ну что такое, той Ханукой болел, и этой тоже. Сейчас хоть жара нет". Он ласково погладил ее шелковое платье: "Еще и не видно ничего".

— Пятый месяц только, подожди, — Эстер, что сидела у него на коленях, рассмеялась. "С первого раза, капитан Горовиц".

— Я и не сомневался, — довольно заметил муж. Помолчав, он сказал: "Я ведь думал, счастье мое — я тебя и маленького потерял, навсегда. Господи, — он прижался губами к ее белой руке, — как я счастлив, как я счастлив. Я ведь в тебя сразу влюбился, тогда, — Меир усмехнулся. Эстер, погладив его каштановые волосы, задумчиво ответила: "Я тоже. Только я думала — ты на мне из чувства долга женишься, потому, что так надо…, - она не закончила и покраснела.

— Я на тебе женился, — медленно сказал Меир, расстегивая пуговицы на ее платье, целуя белую кожу в начале шеи, — потому, что хотел попробовать все это…, Только я дурак был, что так долго тянул". Он внезапно, остановился: "А сейчас ты хорошо себя чувствуешь?"

— Отлично, — томно ответила жена и подняла бровь: "Я смотрю, ты тоже, как будто и не болеешь". Он поцеловал темно-красные губы: "Болею, но я знаю способ — как мне поправиться".

— Покажи, — потребовала Эстер, поднимая подол платья, устраиваясь на нем удобнее.

Она постояла на коленях. Потом, опустившись на четвереньки, мотая головой, Эстер отчаянно крикнула: "Миссис Франклин! Скорее, пожалуйста!"

Мирьям вздрогнула и прижала к щеке золотую рукоятку кинжала: "Миссис Франклин, идите, там Эстер зовет. У меня не скоро еще все будет, сами же видите".

Акушерка вышла. Мирьям, неловко встав с кровати, подойдя к окну, помахала рукой мужу, что шел по улице. "Сейчас Стивен вернется, и все будет хорошо, — ласково подумала она. "Обязательно". Рысь смотрела на нее изумрудными глазами. Мирьям, поцеловала изящную голову животного: "Дочка родится — ей отдам".

Миссис Франклин бросила один взгляд на измученное лицо Эстер. Наклонившись, осмотрев ее, акушерка сдернула с кровати простыню.

— Стой спокойно! — прикрикнула она. "Раньше меня позвать не могла?"

— Я не думала… — Эстер зарыдала. Уткнувшись головой в ковер, женщина вцепилась в него зубами: "Не думала что так быстро…, С Хаимом дольше было…."

Миссис Франклин осторожно подняла ее. Подведя Эстер к столу, она улыбнулась: "Так и стой. А что быстро — дети все разные. Теперь терпи, не торопись, — она опустилась на колени. Эстер велела себе: "Нельзя кричать. Там Мирьям, она испугаться может".

Она так и молчала, широко открыв рот, беззвучно плача, мотая головой, пока не почувствовала невероятное, внезапное облегчение, пока не услышала снизу громкий, требовательный плач.

— Мальчишка, — усмехнулась миссис Франклин, перерезая пуповину. "Красавец, и на отца похож — такой же изящный, чуть больше шести фунтов. Но здоровенький, сразу видно. Держи, — она встала. Эстер, гладя каштановую, влажную голову сына, обессилено прижала его к себе: "Мы с ним…, в постель ляжем…миссис Франклин, а потом…я вам помогу".

— Поможешь, — проворчала акушерка, укладывая ее на край постели, раздвигая женщине ноги. "Корми, дорогая моя, я тут послежу". Эстер устроила мальчика у груди и еще успела подумать: "Как неудобно, Господи, я же обещала Мирьям, что с ней буду…". Потом она, вместе с ребенком, задремала. Миссис Франклин, собрав окровавленные тряпки, подоткнув вокруг них одеяло, улыбнулась: "Пусть спят".

Мирьям расхаживала по комнате, держась за руку мужа. "Как хорошо…, -продышала она, улыбаясь, — у них мальчик…, А ты кого хочешь, милый? — она подняла голову и взглянула в спокойные, лазоревые глаза.

— Мне все равно, — улыбнулся Стивен, целуя ее в лоб. "Девочку, мальчика — главное, чтобы с вами все хорошо было".

Дверь стукнула. Профессор университета Пенсильвании, бывший главный хирург Континентальной Армии, доктор Шиппен бодро сказал: "Ну, миссис Кроу, вот мы и тут. Полковник Армстронг и доктор Уоррен руки моют. Видите, мы даже из Гарварда вам врача привезли. Доктор Уоррен вашего отца знал, покойного".

Шиппен встряхнул седоватой головой. Засучив рукава льняной рубашки, он оправил холщовый

передник: "Пойдите, капитан Кроу, помогите там, я пока миссис Кроу осмотрю".

— Я тебя люблю, — одними губами сказал Стивен. Спустившись на кухню, он увидел прямую спину миссис Франклин — акушерка следила за инструментами, что кипятились в медном, подвешенном над очагом котелке.

— Капитан Кроу, — полковник Армстронг, надев передник, пожал ему руку. "Рад встрече. Жена капитана Горовица спит, мы заглянули к ней. Там все в порядке, у нее и у малыша".

Стивен стер пот со лба — на кухне было жарко, — и растворил дверь на задний двор. Зеленая трава сада поникла под бесконечным дождем. Он закурил сигару и услышал тихий голос сзади: "Капитан Кроу…"

Армстронг стоял, держа в руках флакон темного стекла. "Мы посоветовались, с коллегами, — полковник вертел в руках склянку, — если что-то будет не так. Учитывая прошлые роды миссис Кроу, — он глубоко вздохнул и продолжил, — мы ей дадим эфира. Не надо такое ей видеть, в третий раз. Она просто заснет".

— А это не опасно? — спросил Стивен.

— Ну…, - доктор Уоррен, что подошел к Армстронгу, тоже закурил, — это препарат довольно давно используется в медицинской практике…

— Она может не проснуться, — сухо сказала миссис Франклин, доставая шумовкой инструменты, раскладывая их на холщовом полотенце. "Ее второго ребенка на ее глазах убили, наступили сапогом на голову, а потом она же его останки до выгребной ямы несла, в руках. Так что, — акушерка поджала губы, — воля ваша, вы врачи, но девочка она сильная, справится".

Армстронг только вздохнул. Дождавшись, пока миссис Франклин выйдет из кухни, врач неожиданно зло сказал: "Ваша жена может просто лишиться разума, вот и все. Если опять такое увидит. И вообще, капитан Кроу, — он поморщился, — как можно быть такими безрассудными? Женщина два раза рожала уродов. Неужели не понятно, что ей нельзя больше иметь детей? Вы же взрослый человек, настояли бы на том, что…, - Армстронг не закончил и повел рукой в сторону. "Если уж так получилось, по вашей неосторожности, — ядовито добавил врач.

— Моя жена думала, что она бесплодна, — устало отозвался Стивен.

— Бабьи сказки, — поморщился Уоррен. "Давно известно, что войны, голод, разрушения — все это оказывает влияние на детородные способности. Природа не будет посылать потомство женщине, которая едва держится на ногах. Я не отрицаю, конечно, медицинские свойства нашей флоры, но нет таких трав, которые вызвали бы полное бесплодие, — Уоррен покачал головой. Стивен, выбросив окурок, вздохнул: "Мы молились, вместе. Господь позаботится о нашем ребенке".

— Пойдемте, — Армстронг тронул Уоррена за плечо. Уже поднимаясь по лестнице, он тихо сказал: "Может, и правда — обойдется. Хотя такое обычно через женщин передается, конечно. У миссис Кроу оба брата здоровы, и капитан Горовиц, и Хаим покойный, и вот — отличный, сильный ребенок у Меира родился, второй уже. Так что это она, — Армстронг кивнул на дверь, откуда доносились низкие, жалобные стоны.

Уоррен поджал губы и повернул бронзовую, искусно выделанную ручку.

— Больно! — Мирьям кричала, вцепившись пальцами в простыню. Миссис Франклин, вытерев ей, лицо шелковой салфеткой, обернулась к врачам: "Доктор Шиппен, не надо затягивать. Ребенок уже готов на свет появиться, сами видите, какие потуги сильные".

— Крупный младенец, — вздохнул Шиппен, — а хотелось бы обойтись без разрезов или щипцов.

— Да какая разница, — раздраженно сказал Уоррен, вытирая окровавленные руки, — этот ребенок все равно и дня не проживет, а ей больше не рожать, — он взглянул на покрытые потом, бледные щеки женщины. "Я бы вообще — матку ей удалил, была бы моя воля. Только, — он пожал плечами, — сейчас после этих операций не выживают, конечно".

— Можно пробить череп, — заметил Армстронг, — извлечь мозг младенца. Тогда голова уменьшится в объеме, и она быстро родит. Опять же — все равно ему не жить.

Шиппен пожевал окурок сигары: "Я против того, чтобы убивать ребенка с неподтвержденным диагнозом, доктор Армстронг. Все-таки — создание Божье. Начинаем, миссис Франклин. Постараемся, чтобы все прошло без больших повреждений".

Акушерка похлопала Мирьям по щекам. Взглянув в закатившиеся, помутневшие от боли, синие глаза, она громко сказала: "Давай, милая, давай поработаем. Ребенок уже близко".

— Почти десять фунтов, думаю, — заметил Шиппен, ощупывая живот женщины. "В мужа ее. Сердце, — он взял слуховую трубку и застыл, — хорошо бьется, уверенно. Давайте, — он кивнул акушерке.

Из-за двери раздался страшный, высокий крик. Стивен, сжав кулаки, едва сдержался, чтобы не стукнуть по стене. "Господи, зачем? — вдруг подумал он. "А вдруг она умрет? Вдруг там..., - он закрыл глаза и услышал уверенный голос: "Пусти меня, он спит".

Эстер стояла перед ним, в платье и длинном переднике. "С твоим племянником, — улыбнулась женщина, — все хорошо. А ты скоро своего сына увидишь, капитан Кроу, или дочку".

— Ты уже встала..., - удивленно сказал Стивен, глядя в ее твердые, большие, черносмородиновые, глаза. "Я обещала быть с ней и буду, — Эстер отодвинула его. Она добавила, обернувшись: "Я тебя позову".

— Давайте эфир, — велел доктор Шиппен. Уоррен плеснул из флакона на тряпку и прижал ее к лицу Мирьям.

— Прекратите! — раздался резкий голос от дверей.

Маленькая, черноволосая женщина раздула ноздри. Пройдя к постели, оттолкнув Уоррена, она выхватила мокрую салфетку.

— Мой отец и брат, господа, — сказала Эстер, распахивая окно, выбрасывая тряпку в сад, — учили меня, что нельзя подвергать риску жизнь больного. Не навреди, — вздохнула она. Подойдя к краю кровати, Эстер вымыла руки в тазу: "Что будет, то и будет. Доктор Шиппен, головка уже совсем рядом, займемся делом".

Боль. Темнота. Мирьям рванулась вперед, и услышала звонкий, громкий, веселый крик. "Не верю, — подумала она. "Это не со мной, этого не может быть!"

mir-knigi.org

— Любовь моя, — раздался рядом ласковый голос мужа. "Любовь моя, открой глаза, спасибо, спасибо тебе".

— Плачет, — поняла Мирьям. Все еще опустив веки, она заставила себя протянуть руки куда-то вперед. "Он тяжелый, — удивленно подумала девушка.

— Почти десять фунтов, миссис Кроу, — доктор Шиппен погладил ее по сбившимся в колтун волосам. "Здоровяка родили, отличный мальчик".

— Посмотри на него, — шепнул ей Стивен. "Посмотри на нашего сына, любимая". Младенец все кричал. Мирьям, трясущимися пальцами спустив с плеча рубашку — дала ему грудь. "Мальчик, сильный какой, — она довольно улыбнулась. Эстер присела рядом: "Да открой ты глаза, наконец!"

Мирьям боязливо дрогнула ресницами — младенец был весь большой, розовый, каштановые волосы завивались над нежными ушками. Он сопел и двигался в ее руках.

— Глаза синие у него, — улыбаясь, заметила миссис Франклин, устраивая ее в постели. "Отдыхайте, — велела им женщина.

Стивен обнял ее и ребенка. Мирьям, вытерев ему слезы одной рукой, сама всхлипнула: "Все хорошо, любимый, все теперь будет хорошо".

Резкий, холодный дождь заливал ночную улицу, потоки воды бежали по мокрым булыжникам. Шелестели листья платанов, затянутое тяжелыми тучами небо нависало над пустынным, спящим городом.

Часы на башне Индепенденс-холла пробили пять утра. Всадник на усталом коне подъехал к каменным ступеням. Неловко спешившись, привязав лошадь к гранитной тумбе, мужчина потрепал ее по холке. "Вряд ли еще в седло сяду, — пробормотал он, поморщившись от боли. Сняв с седла костыль, опираясь на него, прихрамывая, он прошел к высоким дверям здания

— К его превосходительству генералу Вашингтону, — сказал он заспанному привратнику, — по срочному делу. Я видел, в его окне уже свечи горят. Доложите ему, что пришел Ягненок.

— Меня больше никто так не назовет, — смешливо подумал Меир, ковыляя по коридору. "Черт бы подрал этот Чарльстон, — Хаим оттуда еле ноги унес, мне там колено прострелили. Ходить я, конечно, буду, но бегать — уже никогда".

Дверь кабинета Вашингтона была приоткрыта. Он услышал недоуменный, тихий голос: "Быть того не может! Мы получили из Нью-Йорка шифровку о твоей казни".

— Я ее сам писал, — усмехнулся мужчина. Пожав руку Вашингтону, окунувшись в блаженное тепло кресла, он принял от генерала серебряный стакан с ромом. "Майор Эпплгейт и его солдаты недурно заработали на этом расстреле. У них были холостые патроны, разумеется".

— Но зачем? — Вашингтон устроился напротив него: "Смотри-ка, седина в голове. А ведь ему двадцать пять только".

Меир потянулся к своей суме и, достав оттуда потрепанную тетрадь, вздохнул:

— Читайте. Это копии, ваше превосходительство. Узнав о моей гибели, некоторые офицеры

нашей армии, как бы это сказать, стали позволять себе более откровенные высказывания в переписке. Кому вы показывали ту шифровку, кроме моего зятя? — Меир тонко улыбнулся.

— Я капитана Кроу видел, в Нью-Йорке, а он меня, конечно — нет. Его я, понятное дело, не подозреваю, но кто-то — он положил руку на тетрадь, — стоит во главе всего этого.

Вашингтон почесал в коротко стриженых волосах. Углубившись в тетрадь, он, наконец, пробормотал: "Заговор…"

— Заговор, — спокойно подтвердил Меир.

— Давайте подумаем — кто из Континентального Конгресса может быть в этом замешан, это, во-первых, и, во-вторых, — мужчина вздохнул, — все это происходит, как вы и сами знаете, из-за того, что у нас, который месяц не платят офицерам. Поэтому, — он нащупал костыль и поднялся, — я прошу отставки, ваше превосходительство. Мистер Моррис, наш суперинтендант финансов, давно зовет меня в свое ведомство…

— Сядь ты, ради Бога, — Вашингтон опустил руки на его плечи и решил: "Не буду говорить. Как с делами закончу, тогда и скажу".

— Отставка принята, — усмехнулся он. Подвинув Меиру чернильницу и перо, генерал велел: "Пиши список, это те, кто знал о твоей якобы смерти. Ох, и умен ты, Ягненок, — нежно заметил Вашингтон.

Меир совсем по-юношески покраснел: "Ваше превосходительство, умным вы меня назовете тогда, когда у нашей страны не будет дыр в бюджете".

Когда они закончили, на улице уже светало. Вашингтон закурил: "Там шкатулка на столе, бери, сигары хорошие. Твоя жена родила, кстати. И сестра — тоже. В один день, — генерал рассмеялся.

Меир застыл с кресалом в руке. Вашингтон, подойдя к нему, обняв, тихо сказал: "Оба мальчики. Отличные, здоровые парнишки. Сегодня обрезание делать будут, обоим. Там, у вас в синагоге".

Меир глубоко, облегченно вздохнул: "Прямо отсюда и пойду, они все утром там соберутся. Спасибо вам, ваше превосходительство. И вы тоже, — он озорно улыбнулся, — приходите, после церемонии стол накрывают, рады будем вас видеть".

Он посмотрел в окно — дождь еще шел, но наверху, между серыми тучами было видно высокое, голубое, весеннее небо.

Рав Гершом встречал их на каменных ступенях новой синагоги. Мирьям, что несла на руках сына, закинула вверх голову: "Какая красивая!".

— Знай, перед кем стоишь, — вспомнил Стивен, глядя на знакомые очертания букв над входом. "На Синт-Эстасиусе тоже так было написано".

— Давай его мне, — ласково сказал он жене и взял мальчика — тот спал, чмокая губками, опустив длинные, темные ресницы. "Меира так и нет, — горько подумала Эстер, держа за руку старшего сына, поднимаясь к дверям. "Господи, пусть с ним все хорошо будет".

Стивен посмотрел на изящную фигуру жены и незаметно улыбнулся: "Как раз месяц тут проведем, приедем домой, она в озеро окунется, и потом…, - он наклонился к сыну и тихо сказал: "Потом опять на рыбалку отправимся. Или землянику собирать. А у тебя две старшие сестренки есть, ох, и разбалуешься!"

— Двери открыты, странно, — пробормотал раввин Гершом и обернулся к моэлю: "Кто бы это мог быть?"

Тот только пожал плечами. Эстер коснулась белой щечки дремлющего сына: "Вы тогда возьмите его, хорошо? Мы с миссис Кроу наверх пойдем".

Хаим внезапно вырвал свою ладошку из руки матери и крикнул: "Папа!"

Эстер похолодела — он поднялся с деревянной скамьи, и раскинул руки. Хаим, переваливаясь, еще неуверенно, заспешил к отцу. Меир, подняв его на руки, шепнул: "Все, все, мой хороший, папа тут, и больше никуда не уедет".

— Папа! — Хаим все гладил его по лицу, смеясь. "Мой папа!"

— Дай-ка руку, — велел Меир сыну и взял костыль. Он подошел к жене, хромая: "Черт, и не поцелуешь ее теперь, еще месяц. Господи, как я ее люблю".

— Вот он, — просто сказала Эстер, протягивая ему ребенка. Тот открыл серо-синие глаза и сладко потянулся. "Спасибо тебе, — шепнул ей Меир. "Спасибо, счастье мое. А где мой племянник? — усмехнулся он, и Стивен гордо сказал: "Вот наш красавец".

— Ты больше кузена будешь, — заметил Меир. "Ну, — он обернулся к раву Гершому, — отцы здесь, так что можно начинать.

— Он будет сын Мирьям, мне раввин объяснил, — Стивен наклонился к его уху. "Рав сам благословение скажет". Капитан Кроу увидел жену, что устраивалась рядом с невесткой на галерее, и помахал ей рукой.

— Ты такая смелая, Эстер — восторженно сказала Мирьям, расправляя шелковые, темно-синие юбки, усаживая себе на колени Хаима, — сама обрезание делала. Он у нас, — женщина наклонилась и поцеловала светлые, длинные кудри, — обязательно будет счастлив.

— Да, — Эстер нашла руку невестки и сжала ее. "И правда, — подумала она, оглядываясь, — как тут красиво. Вот бы в Филадельфию переехать, после войны. Тут же и школа будет еврейская, и синагога какая, большая".

— Начали, — одними губами сказала Мирьям. "Слышишь, твой плачет, бедненький".

— Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам ввести его в союз Авраама, отца нашего! Благословен Ты, Господь, Бог наш, давший нам жизнь и поддержавший нас, и давший нам дожить до этого времени! — твердым голосом сказал Меир, глядя на обиженное личико мальчика.

Моэль коснулся его губ смоченной в вине салфеткой. Дитя успокоилось и рав Гершом, поднимая бокал, улыбнулся: "Бог наш и Бог наших отцов! Сохрани этого ребенка для отца его и матери, и да наречется имя его в Израиле…"

— Натан бен Меир, — мужчина нагнулся и погладил голову сына: "Будь счастлив, мой

хороший".

— Не могу смотреть, — Мирьям спрятала лицо на плече у невестки. "Ему же больно, моему солнышку….".

— Ну и голос, — пробормотал рав Гершом, усмехаясь, слушая отчаянный рев второго мальчика. "Медведь, одно слово"

— Бог наш и Бог наших отцов! Сохрани этого ребенка для отца его и матери, и да наречется имя его в Израиле….- он подмигнул капитану Кроу. Тот, подняв голову вверх, громко и четко сказал: "Элияху бен Мирьям".

— Как отца вашего, — Эстер погладила невестку по голове. "Молодцы, очень красиво — Элайджа Кроу. Пошли, — она потормошила женщину, — кормить их надо".

— Меня тоже, — маленький Хаим надул губки. "Сейчас булочек поешь, — расхохоталась Эстер и замерла: "Мирьям, посмотри, это же генерал Вашингтон. Вот уж не думала его в синагоге увидеть".

— Мистер Вашингтон, — рав Гершом подал ему руку. "Мы уже и закончили, вот наши молодые граждане, — раввин указал на младенцев. "Сейчас, как у нас принято — все сядем за стол".

Меир поймал взгляд генерала и тревожно подумал: "Что случилось, мы же с ним совсем недавно расстались? Господи, я его никогда таким не видел".

Вашингтон откашлялся и оглядел людей, что стояли у подножия бимы. "Эти известия, господа, — он вытащил из-за отворота сюртука конверт, — мы только что получили из Нью-Йорка. Палата общин в Лондоне проголосовала за вывод британских войск из колоний. Война закончена, — он выдохнул. Мирьям, наверху, опустив лицо в ладони, заплакала: "Мир, Эстер, я не верю, мир…"

— Не плакать, — строго велел Хаим, забравшись, матери на колени, вытирая ее лицо. "Маме не плакать".

— Не буду, мое счастье, — всхлипнула Эстер. Увидев глаза мужа, она облегченно, широко улыбнулась.

Дверь в сад была открыта, от влажной травы тянуло свежестью. Меир, закинув руки за голову, посмотрел на нежный закат:

— Смотри-ка, и дожди закончились. Хорошо, когда все спят, тихо, — он блаженно опустил веки.

— Это было мое последнее задание, а теперь я штатский, дорогой зять. Через три дня сажусь в новый кабинет и возвращаюсь к бумажной работе, — Меир положил ладонь на папку.

— Буду разбираться с финансированием армии, первым делом.

— Не жалеешь? — Стивен кивнул на красивую, черного дерева, с рукояткой слоновой кости, трость, что была прислонена к столу.

— Ну, — Меир налил себе кофе и взял сигару, — в седле я могу ездить. Это я погорячился, мол, никогда больше на лошадь не сяду, а в остальном, — он развел руками, — Шиппен меня

осматривал, сказал, что хромать теперь всегда буду. Ничего страшного, — отмахнулся он, и, поднявшись, прошел к двери: "Вечер, какой сегодня красивый. Я, кстати, дом этот покупаю. Сад тут большой, река рядом — мальчишкам хорошо будет. Правительство еще долго в Филадельфии останется".

— А потом? — Стивен тоже закурил.

— А потом мы построим новый город, — неожиданно мечтательно протянул Меир. "Но бостонский дом я пока не продаю, — деловито добавил он, проковыляв к креслу, — сейчас, после войны, цены на недвижимость взлетят, поверь мне. Это не то, что у вас в деревне — за десять долларов можно весь южный берег озера Эри купить".

— За двести. И не весь, а только тот участок, где я уже живу, — Стивен усмехнулся и повернул к Меиру карту: "Смотри. Если вот тут прорыть канал, то можно обойти этот водопад, Ниагару, который сейчас препятствует навигации из озера Эри в озеро Онтарио, и потом — в Атлантический океан. Если еще и здесь прорыть канал, от Буффало до Олбани, до реки Гудзон, — то большие суда смогут подниматься из Нью-Йорка прямо до озер".

— Генри Гудзон был наш родственник, — задумчиво сказал Меир, глядя на карту. "Каналы, капитан Кроу, — мы прорроем, обещаю. И вообще, — Меир улыбнулся, — пойдем дальше, на запад. Теперь ведь у нас будет мир. Будем растить детей, и строить дома".

— Мир, — отозвался Стивен. Заходящее солнце окунуло в расплавленное золото бумаги на столе. Где-то в саду, захлопав крыльями, вспорхнула с ветки птица, и он еще раз повторил: "Мир".

Пролог

Осень 1783, Париж

В изящной комнате, отделанной шелковыми, цвета сливок, вышитыми панелями, за карточным столом сидело четверо — три женщины и мужчина.

— Пики козыри, — белокурая, голубоглазая дама быстро раздала карты: "Я так рада, что вы опять в Париже, мадам Марта. Дочка у вас — просто ангел, глаза, как изумруды".

— Мадемуазель Элиза и его высочество дофин очень подружились, — заметила темноволосая, с глазами цвета сирени, женщина. "Они ведь ровесники. Надеюсь, мадам Марта, мы с вами встретимся в Лондоне, раз теперь война закончилась. Моя подруга, герцогиня Девонширская, приглашала меня погостить".

— Джорджиана мне говорила, — Марта качнула высокой, причудливой прической. Выложив карты на стол, она улыбнулась: "Ваше величество в выигрыше".

Мария-Антуанетта захлопала ухоженными, нежными, сверкающими бриллиантами руками. Королева потормошила мужчину: "Шарль, посмотрите с балкона — готово ли там все?"

Граф д’Артуа поднялся. Королева, подождав, пока он распахнет высокие, золоченые двери, понизила голос: "Бедный Шарль. Ваш бывший друг, — Мария-Антуанетта со значением посмотрела на Марту, — месье Корнель, не оставил ему ни одного шанса. Он любит мадемуазель Бенджаман, верно и преданно, совсем, как в рыцарские времена".

— Его светлость граф уже утешился, — ядовито заметила герцогиня де Полиньяк, — в объятьях

жены моего сводного брата, мадам Луизы. Что же касается мадемуазель Бенджаман, то вы знаете, какие слухи ходят…, - сиреневые, большие глаза женщины лукаво заблестели.

— Не будьте злюкой, Габриэль, — укоризненно сказала королева. "О красивых, умных и независимых женщинах всегда так говорят. Например, о нас с вами, — Мария-Антуанетта расхохоталась, показав мелкие, жемчужные зубы.

— Не только говорят, но и пишут, — подумала Марта, тасуя карты. "В любой книжной лавке из-под полы можно купить с десяток памфлетов, да еще и с гравюрами".

— А ваш муж, мадам Марта, не приедет? — неожиданно спросила герцогиня де Полиньяк. "Все-таки знаменательное событие — в первый раз живые создания отправляются в небо. Посмотрим, вернутся ли они, — женщина усмехнулась.

— Вернутся, — спокойно ответила Марта. "Воздушный шар строился под руководством месье Корнеля. Ему можно доверять во всем. Мой муж, — она пожала плечами, — очень занят. Сами знаете, подписание мирного договора с нашими бывшими колониями — дело не одного дня.

— Доверять, — Габриэль сжала красивые губы в тонкую линию: "Мужчины иногда бывают такими дураками! Ну, ваша светлость, надеюсь, я увижу герцога Экзетера в Лондоне".

— Непременно, — вежливо ответила Марта. Она исподтишка посмотрела на злые, тонкие морщинки между красивыми бровями женщины, и прислушалась — со двора доносилось пение петуха.

— Кажется, там начинают, — королева поднялась. Женщины тут же встали, с порога раздался взволнованный голос: "Прошу меня извинить, ваше величество. Надеюсь, я не опоздала".

— И правда, — подумала Марта, целуя смуглую, прохладную, пахнущую розами щеку, — богиня.

Она вся была высокая, выше их на голову, величественная, с украшенной рубиновыми гребнями, сложной прической, на стройной шее сверкало тяжелое ожерелье. Королева махнула рукой: "Смертные всегда ждут муз, мадемуазель Бенджаман. Но в наказание вы нам поиграете до ужина, с мадам Мартой. У меня есть новые ноты".

— Буду рада, ваше величество, — Тео поклонилась. Мария-Антуанетта щелкнула пальцами: "Габриэль, приведите детей, им непременно надо на это посмотреть".

Герцогиня де Полиньяк раздула изящно вырезанные ноздри. Она вышла, шурша юбками. Тео подхватила подол своего шелкового, цвета граната, платья, и наклонилась к Марте: "Мадам Габриэль все никак не успокоится, испепеляет меня взглядом. Жанна лично проверяет мои туфли перед выходом на сцену. С герцогини станется, еще битого стекла подложит".

— Она нашла другую жертву, — успокоила ее Марта. Двери кабинета распахнулись. Высокий, крепкий мальчик в бархатной курточке, изящно поклонился: "Ваше величество, мы все здесь".

— Маленький Теодор, — одобрительно сказала королева, — настоящий, как это у вас говорят в Англии — джентльмен. Она потрепала мальчика по каштановым кудрям. Подав ему руку для поцелуя, Мария-Антуанетта улыбнулась: "Беги к маме".

Марта присела, и обняла мальчика: "Сейчас петух, утка и овца полетят в небеса, милый".

Теодор потерся щекой о ее руку: "Маленькая Мария-Тереза болеет. Жалко, она не увидит воздушный шар".

— Ты ей расскажешь, — успокоила сына Марта: "Он же всего на год старше первой дочери короля, дети подружились".

— Вот и наши утята, — Мария-Антуанетта раскрыла объятья. Два белокурых ребенка, оба в шелковых платьицах — темно-синем, и темно-зеленом, держась за руки, вошли в зал.

— Хочу с Элизой! — капризно сказал наследник французского трона, не отпуская руку девочки. "Только с ней!"

— Надо поздороваться с мамой, — рассудительно заметила леди Элизабет. "И тебе тоже, Луи".

Марта вдохнула сладкий, детский запах. Взяв дочь на руки, она поцеловала белокурые кудри. "И вправду, глазки — как изумруды, в меня, — подумала она".

Тео взяла за руку Теодора. Мальчик, потянув ее на балкон, восторженно заметил: "Там будет горячий воздух, как у братьев Монгольфье, в Лионе! Только у них был пустой шар, а тут, в корзине — животные. Пойдемте, тетя Тео!"

Женщина сжала детскую ладошку: "Ребенок..., Нет, я не могу просить Жанну о таком, и сама — не могу уходить из театра, карьера в самом расцвете. Надо ждать. А как бы хотелось, — она вышла на балкон. Граф д'Артуа, повернувшись, глядя на нее, подавил болезненный вздох: "Сейчас будут рубить канаты".

Марта посмотрела вниз — холщовый, расписанный яркими красками, — голубой и золотой, — шар колыхался под легким ветром. Овца блеяла в плетеной корзине, от жаровни, где горели угли, шел легкий дым.

Толпа ахнула — король поднялся на затянутую шелком трибуну, что была построена перед Версальским дворцом, и махнул рукой.

— Месье Корнель и месье де Розье уже на лошадях, — сказала королева. "Смотри, Луи, там папа".

Дофин захлопал в ладоши — шар медленно поднимался в ярко-синее, чистое, осеннее небо. "Они сейчас поедут вслед за шаром, — сказала Марта дочери, — будут ждать, пока он опустится на землю".

— Овечку жалко, — скривила губки Элизабет. Старший брат уверенно ответил: "Не хнычь, ничего с твоей овечкой не случится".

— Как красиво, — подумала Марта, следя глазами за полетом. "На полторы тысячи футов он поднимется, Теодор говорил".

Дул легкий, еще теплый ветер, шелестели осенние листья. Королева ахнула: "Смотрите, над парком!"

Шар мягко спланировал куда-то за верхушки деревьев. Собравшиеся во дворе зааплодировали, и вскоре на дорожке показались всадники с едущей вслед за ними телегой.

Федор обернулся и подмигнул Пилатру де Розье: "Вот сейчас, Жан-Франсуа, мы у него и

попросим разрешения на следующий полет".

Инженер хмуро посмотрел на телегу с животными: "Он велел посадить в корзину тех, кто приговорен к смертной казни, ты же сам слышал".

— А сядем — мы, — Федор спешился и потрепал овцу по голове. "Теперь тебя не зарежут, — усмехнулся он, и, увидел, как король, сопровождаемый свитой, идет к ним.

— Все животные в полном порядке, ваше величество, — весело сказал мужчина. "Восемь минут полета, расстояние — две мили. Надо готовить еще один".

Людовик внезапно, широко улыбнулся: "Хитрый вы человек, месье Корнель. У меня для вас есть кое-какие новости, поговорим перед ужином. А пока, — он поднял красивую голову, — король был много ниже, — конечно, занимайтесь своим делом. Надеюсь, вы меня пригласите на демонстрацию".

— Ваше величество, — они оба поклонились. Людовик, уже было, повернулся, но, усмехнувшись, добавил: "Не забудьте получить свои награды, господа. А те, кто первыми оторвался от земли — доживут свой век на ферме ее Величества, в Булонском лесу".

Теодор посмотрел вслед стройной, в синем, шитом серебром бархате, спине короля, и пробормотал: "Интересно, что там за новости?".

В кабинете приятно пахло лавандой. Король, подняв глаза от каких-то бумаг, ласково улыбнулся: "Я вас надолго не задержу, месье Корнель. Я и сам хочу послушать музыку. Мадемуазель Бенджаман и ее светлость герцогиня Экзетер отлично играют".

Федор прислушался к звукам фортепиано и вопросительно посмотрел на короля. Тот вытащил из папки испанской кожи какое-то письмо, и подвинул его Федору: "Вот, читайте".

Тот пробежал глазами бумагу: "Отлично. Дэниелу сказали, что моя кузина умерла. Вот сейчас съезжу и сам все проверю, на месте".

— Его величество султан Марокко, — Людовик сложил изящные пальцы и покачал ими туда-сюда, — большой друг нашей страны, и просвещенный человек. Он читал вашу книгу, и видите, — король кивнул на бумагу, — у него в пустыне нашли какие-то месторождения, драгоценных металлов. Он просит, — Людовик поискал слово, — у меня помощи. Но вы, конечно, можете не ехать, все, же это Африка…

— Ну и что? — удивился Федор, возвращая письмо. Он поправил масонскую булавку на лацкане сюртука, и рассмеялся: "Рудники есть рудники, ваше величество. Думаю, меня отпустят. Хотя, конечно, — он развел руками, — горная школа, которую мы открываем, с вашего одобрения — совсем новое предприятие, не хотелось бы его бросать в самом начале".

— Я напишу султану, — Людовик положил ладонь на папку, — что вы приедете через год, месье Корнель. Тем более, я слышал, у вас новая книга выходит.

— К Рождеству, мы с месье Лавуазье готовим сборник статей о газах, — кивнул Федор и велел себе: "Вот сейчас".

— Ваше величество, — он вскинул голубые глаза, — мы с месье де Розье и маркизом д’Арландом просим вашего разрешения подняться в воздух при следующем полете.

— Авантюризм, — холодно отозвался Людовик, — не красит ученого, месье Корнель. Я не могу позволить вам погибнуть.

— Никакого авантюризма, — твердо проговорил Федор. "Ваше величество, неужели первыми воздухоплавателями станет какая-то шваль из тюрьмы Сен-Лазар? Там, — он указал на лепной потолок комнаты, — должны быть ученые, инженеры…"

Людовик вздохнул и усмехнулся: "А если я вам откажу, вы не поедете в Марокко, так ведь?"

Федор почувствовал, что краснеет.

— Я, в общем, не собирался…, - пробормотал он. Людовик, поиграв пером, хмыкнул: "Собирались, собирались. Ну, летите, — король подпер подбородок кулаком и зачарованно спросил: "А дальше, месье Корнель? Что будет дальше?"

— А дальше, ваше величество, — улыбнулся Федор, — мы сможем перелететь из Парижа в Лондон за день, обещаю вам.

Людовик поднялся и взглянул на вечернее, прозрачное небо: "Мы больше не воюем с Британией, так что летайте, месье Корнель. Спасибо вам за сегодняшний день, он был, — король помолчал и покачал напудренной головой, — особенным".

В большой гостиной было людно, за карточными столами уже шла игра. Мария-Антуанетта, постучала веером по ручке кресла: "А вот и его величество! Господа, сейчас мадемуазель Бенджаман споет нам арию Орфея из оперы месье Глюка, а герцогиня Экзетер будет ей аккомпанировать".

Придворные захлопали. Федор поймал взгляд Марты. "Ну да, — обреченно подумал он, не в силах оторвать глаз от Тео — высокой, стройной, с гордо поднятой вверх головой, — конечно, меня только и пожалеть остается".

— J’ai perdu mon Eurydice, — зазвучал ее голос, — низкий, страстный. Федор, глубоко вздохнул: "Не говори ей ничего о полете. Мало ли, вдруг еще волноваться начнет, все же мы с ней друзья. Друзья, — повторил он, и почувствовал, как щемит у него сердце, — безнадежно, отчаянно.

Марта лежала в постели, рассматривая родословное древо. Элизабет спокойно сопела под боком, Она, подняв голову, услышала скрип двери.

— Мистер Вулф, — весело сказал герцог, наклоняясь, целуя ее в губы, сбрасывая сюртук, — торгуется, как на рынке. Я уж пожалел, что согласился участвовать в переговорах. Как воздушный шар?

— Все живы, — хихикнула Марта и серьезно добавила: "Шесть лет воевали. Конечно, нам хочется получить свое".

— Нам, — передразнил ее Джон. Подняв на руки дочь, нежно покачав ее, — Элизабет только зевнула, — герцог открыл дверь детской. Он опустил дочь в маленькую кроватку. Перекрестив ее, Джон подоткнул одеяло вокруг Тедди — мальчик спал, зажав в руке искусно выточенный, деревянный пистолет.

— Большой Теодор ему подарил, — вспомнил Джон. "В школу малышу еще не скоро, повожусь

с ним, еще года три, а то и четыре".

Он вернулся в спальню. Налив, себе вина, устроившись рядом с женой, он велел: "Покажи. Вот и капитан Стивен Кроу, мы его решили не отправлять под трибунал. Детей, сколько родилось, — Джон улыбнулся, и, обняв жену, поцеловал пахнущий жасмином висок: "Маленький Джон в Испании, Джо — в Амстердаме, одни вы у меня остались. Хорошо, что эта квартира теперь наша".

— Я к ней привыкла, — томно протянула Марта, сворачивая лист бумаги. "Кстати, герцогиня де Полиньяк на тебя положила глаз, будь осторожен. Она собирается в Лондон".

— Praemonitus praemunitus, — Джон стал расплетать ей косы. "Теодор мне рассказывал — она захотела брать у него уроки химии…"

— И все ограничилось одним уроком, — Марта откинула шелковое покрывало. Чувствуя его нежные пальцы, она тихо, сдерживаясь, застонала.

— Даже половиной, — тонко улыбнулся муж. Целуя маленькую грудь, спускаясь все ниже, он покачал головой: "Боюсь, мадам Габриэль ждет большое разочарование".

Марта едва слышно расхохоталась. Притянув мужа к себе, она шепнула: "Люблю тебя!".

Бронзовые часы на камине размеренно пробили десять раз. В комнате пахло кедром, хорошим табаком, большое окно выходило на площадь Сен-Сюльпис. Просторный, дубовый стол был завален книгами, над мраморным камином, в свете свечей, блестели сапфиры на эфесе сабли. Федор погрыз перо, и, закинув руки за голову, устало потянулся: "Не думал я, что арабский — такой сложный язык".

— За год ты научишься говорить, — ободрил его Дэниел, поднимаясь, забирая со спинки кресла сюртук. "У тебя отличные способности".

— Твоими бы устами да мед пить, как у нас в России говорят, — рассмеялся Федор. "Так что, этот Сиди Мохаммед — просвещенный человек?"

— Образованней многих особ королевской крови, тут, в Европе, — хмыкнул Дэниел, застегивая серебряные пуговицы. "Он тебе по душе придется". Мужчина помялся: "Только все равно, Теодор — где ты будешь искать свою кузину? — он указал на искусно гравированную карту мира, что висела над столом. "Африка — это огромный континент. Скорее всего, она и вправду умерла, эта Изабелла".

— Обо мне тоже все думали, что я умер, — угрюмо ответил Федор. "Как ваши переговоры? — он усмехнулся.

Дэниел закатил глаза. "Если бы я не знал, что он герцог — я бы подумал, что он креветками в Бостоне, на рыбном рынке торгует. Он бьется за каждую букву в договоре, въедливый, да еще и язвительный. Не был бы он мужем Марты…"

— Он о тебе — то же самое говорит, — Федор похлопал его по плечу, провожая в переднюю. "Ничего, завтра увидитесь уже за обеденным столом — сестра твоя оленину обещала, а я велел ей отличного бургундского доставить. Только там не ругайтесь, — смешливо сказал он, открывая дверь.

Он помахал рукой Дэниелу, что шел через площадь, мимо церкви. Вернувшись за стол, открыв потрепанную тетрадь, Федор пробормотал:

— Завтра. Что у нас завтра? Навестить отца Анри, — Федор зевнул, — это с утра, потом лекция, потом в Арсенал, а потом с де Розье и Антуаном — в Булонский лес, шар испытывать. Все-таки три человека — это не овца, петух и утка. Не хочется падать с двух тысяч футов, костей не соберешь. И рукопись, — он обреченно взглянул на пухлую стопу бумаг, — рукопись уже сдавать надо в типографию. Нет, нет, — Федор помотал рыжей головой и поднялся, — после этого арабского работать совершенно невозможно, сразу в сон клонит.

В спальне было прохладно, вокруг кровати были стопками разложены книги и брошюры. Федор, захлопнув окно, взглянул на икону, что стояла на столе орехового дерева. Бронзовые волосы Богородицы сверкали, искрились, переливались нездешним светом. Федор тоскливо подумал: "Господи, за что мне это? Марью ты забрал, а она, — мужчина тяжело вздохнул и устроился на подоконнике, — для нее — я просто друг".

Он прикурил от свечи и вспомнил, как нес ее на руках через огонь, прикрывая ладонью темноволосую голову. Федор посмотрел на свою руку: "Вот этот шрам. Ах, Тео, Тео, я бы за тобой хоть на край света пошел, знаешь же ты. Да не судьба, видно, — он взял фарфоровую пепельницу. Скинув на пол халат, устроившись в постели, Федор потянулся за свежим номером "Журналь де саван".

— Почитаем, — пробормотал Федор, — тут же статья Антуана о флогистоне. Вернее о том, что его не существует. Антуан гений, конечно, я так — практик, а вот он…, - Федор вздохнул и стал рассеянно просматривать оглавление.

— Достаточные условия для обнаружения экстремума при использовании уравнений Эйлера-Лагранжа, — прочел он и замер. Затушив окурок, он нагнулся. Порывшись в стопке старых, пожелтевших журналов, Федор вытащил наружу один из них. "Уравнения Эйлера-Лагранжа как метод для поиска экстремума функционалов, — прочел Федор. "Декабрь 1771 года, Джованни ди Амальфи".

Он зажег больше свечей. Взяв карандаш, разложив на кровати оба журнала, Федор начал работать.

В комнате было накурено. Часы отзвенели три часа ночи, когда Федор, потер уставшие глаза: "Вот же мерзавец! Интересно, что он мне врать будет, при встрече? Вот завтра и узнаю".

Он аккуратно сложил журналы и свои заметки. Задув свечи, закинув руки за голову, он посмотрел на высокий, лепной потолок. Федор и сам не заметил, как задремал. Ему снилась широкая, в низких берегах река, шпиль Петропавловского собора. Он видел женщину, что, сидя в лодке, держала на коленях детей — белокурого и рыженького. Она была темноволосая, смуглая, с глазами, глубокими, как ночь. Женщина засмеялась, и опустила в воду нежную руку. Хрустальные, сияющие брызги полетели вверх. Федор, не просыпаясь, перевернувшись, пробормотал: "Господи, не надо, прошу тебя".

Он зашел к "Прокопу" и, разогнав рукой табачный дым, сказал официанту: "Я ненадолго, Пьер. Перемолвлюсь парой слов с месье Жан-Полем, мне на лекцию пора".

— Все равно, месье Корнель, — запротестовал тот, — кофе свежий принесу, как же так?

Федор улыбнулся ему вслед. Помрачнев, он прошел к угловому столику. Некрасивый, смуглый

мужчина, что-то писал, опустив голову к листу бумаги.

— Экстремум ищете, месье Марат? — ядовито поинтересовался Федор, отодвигая стул, усаживаясь.

Марат взглянул на него и хмыкнул: "Вам какое дело, месье Корнель, вы же не математик".

— Вы тоже, — спокойно ответил Федор. Выложив на стол оба журнала, чиркнув кресалом, он добавил: "Что, думали — "Журналь де Саван", двенадцатилетней давности, весь на растопку пошел? Нет, месье Жан-Поль, ошибались".

— Это развитие мыслей покойного месье ди Амальфи, — высокомерно ответил Марат, — вот и все. Такое происходит сплошь и рядом. Не понимаю, что вы ко мне прицепились, месье Корнель? Или вы завидуете, потому что сами такое написать не можете, таланта не хватает? — он вскинул темные глаза и увидел дуло пистолета.

За соседними столиками зашевелились. Федор тихо сказал: "Теперь ты меня послушай, мерзавец. Или ты мне сейчас признаешься — откуда к тебе попала эта статья, или я не поленюсь — поеду в Берлин, к Лагранжу. Он мой учитель, я попрошу его быть третейским судьей в деле о плагиате. И такое дело возбужу, обещаю тебе. Ди Амальфи был моим другом. Я не потерплю, чтобы всякая шваль приписывала себе его мысли. Ну! — требовательно добавил Федор.

Марат сжал зубы: "Мне этот текст дал отец Анри, из церкви Сен-Сюльпис. Он сказал, что это статья какого-то монаха, без имени его не напечатают..."

— И заплатил тебе, чтобы ты поставил свою подпись, — гневно закончил Федор. Он убрал пистолет и коротко вздохнул: "Увижу еще что-нибудь подобное — можешь даже не появляться у входа в Академию Наук, понял?"

Марат молчал.

— Атеист, — презрительно сказал Федор и поднялся. "Одной рукой пишешь памфлеты против церкви, а другой — получаешь от них золото. Такие люди, как ты, позорят науку".

Он принял из рук официанта фарфоровую чашку. Залпом, выпив кофе, Федор усмехнулся: "Я же говорил, я ненадолго".

Марат посмотрел вслед широким, мощным плечам. Он тихо выругался себе под нос: "Ничего, месье Корнель, придет и наше время".

Дорожки парка Тюильри были усеяны осенними листьями. Маленькая, белокурая девочка, что возилась с ними, грустно посмотрела в сторону аллеи и выпятила губки: "Хочу рошадку, как у Тедди".

— Через год, — успокоила ее Марта и помахала рукой сыну — тот уверенно сидел на рыжем пони. Она покрутила на плече шелковый зонтик и тихо поинтересовалась: "А что отец Анри?"

Федор развел руками: "Не мог же я у него напрямую спрашивать — откуда он взял этот текст? Слишком подозрительно. На обратном пути из Марокко загляну в Рим. Постараюсь узнать что-нибудь у папского библиотекаря".

Марта вздохнула. Покрутив на пальце синий алмаз, подобрав какую-то палочку, женщина написала на песке формулу. "Вариационное исчисление, — она почесала нос. "Очень хорошая статья, та, под которой Марат, — женщина криво усмехнулась, — свою подпись поставил. Хотела бы я позаниматься с Лагранжем, — добавила Марта. "Я, конечно, шифры новые сочиняю для нашего общего знакомого, но ведь, и поучиться дальше не мешало бы. Жаль, что женщин в университеты не берут".

— Возьмут, — уверил ее Федор. Он достал из-за отворота сюртука конверт.

— Держи, — мужчина посмотрел куда-то вдаль, — послезавтра отправляемся от Шато де ла Мюэтт, в Булонском лесу. В полдень, — добавил он.

Марта прочитала напечатанное на атласной бумаге приглашение и побледнела: "Теодор, не смей! Ты с ума сошел, это же опасно!"

— Ничего опасного, — он посадил себе на колени Элизабет: "Со своим бы ребенком повозиться. Да что это я — племянников двое, Майкл в Лондоне, Марты дети — не хватает тебе, что ли?"

— Ты рыжий, — хихикнула девочка, устраиваясь удобнее, отряхивая испачканные в песке руки. "И мама тоже".

— А как же, — добродушно согласился Федор и повторил: "Это совершенно не опасно, волноваться незачем. Мадемуазель Бенджаман тоже будет, я ей занес конверт по дороге".

— Месье Лавуазье, — кисло сказала Марта, гладя по голове дремлющую дочь, — почему-то не поднимается в небеса, Теодор.

— Он химик, — отмахнулся Федор, — мы ведь не газом наполняем шар, а всего лишь воздухом. Антуану там нечего делать, он помог нам в испытаниях, а сам — останется на земле. И вообще, — он потянулся, — вот увидите, скоро такие шары будут курсировать между Парижем и Лондоном, например. Капитанам в Кале и Дувре это вряд ли понравится, — хохотнул Федор. Поднявшись, он замер.

Федор схватил с мраморной скамейки палочку и что-то начертил на песке. "Птица, — подумал он. "Я же видел эти чертежи синьора да Винчи. Летательная машина должна быть с крыльями, как же иначе?"

— Птичка! — радостно сказала проснувшаяся Элизабет. Федор отогнал от чертежа голубя. Марта с интересом всмотрелась в линии и встала: "Иди, поработай, по глазам видно — придумал что-то. И в Марокко, — она подхватила дочь, — не лезь на рожон, пожалуйста. Твой брат там руку потерял, а ты уж — убереги свою голову, — Марта коротко улыбнулась.

За ними раздался стук копыт. Тедд, ловко спрыгнул на землю: "Мама, а мне выпишут паспорт? Я ведь американец".

— Тебе шесть лет, — рассмеялась Марта, — ты пока в моем паспорте указан, и Элизабет — тоже. Будет тебе восемнадцать — получишь собственный.

— Когда мне будет восемнадцать, — серьезно сказал Теодор, подняв лазоревые глаза, — Дэниел отвезет меня в Виргинию. Мы с ним освободим всех рабов, да, мама?

— Конечно, — Марта улыбнулась и велела: "Пойди, отведи Белку на конюшню, мы тебя будем ждать у входа".

— Я, кстати, саблю с собой беру в Марокко, — небрежно сказал Федор, когда они уже подходили к кованой решетке парка.

— Это еще зачем? — Марта свернула зонтик и стянула его шелковым шнурком. "Хотя ты же говорил — эта девушка, Изабелла, видела ее, еще, когда твой брат моряком был. Может, и узнает, вдруг вы с ней встретитесь".

— Встретимся, — мрачно повторил Федор, беря за ладошку маленького Теодора. "Там же еще хуже, чем в Иерусалиме, там женщин и не увидишь вовсе. Этой Изабелле следующим годом двадцать семь будет. Она, наверное, если не умерла — в гареме у кого-нибудь, и пятеро детей у нее. Где мне ее там искать? Но все равно — надо, — он вскинул голову и весело сказал: "Пойдем, провожу вас до этого отеля Йорк. Там ведь и мирное соглашение подписывали?"

Марта усмехнулась: "Подписали, только все еще обсуждают дополнительные статьи. Но сегодня там англичан не будет, раз Франклин нам паспорта выдает".

Тедди поскакал на одной ноге. Когда они уже перешли Новый Мост, и свернули на рю Жакоб, сын спросил: "А что значит — поверенный в делах? Это Дэниел теперь так называется, он мне говорил, — объяснил мальчик.

— Это значит, что твой старший брат будет замещать мистера Франклина, или других опытных дипломатов, когда они в отъезде, — Марта погладила каштановую голову: "Беги, Дэниел нас встречает".

Мужчины пожали друг другу руки. Федор смешливо спросил: "Может, и мне паспорт выпишете, раз сегодня день такой? Французский у меня уже есть…"

— Переедешь в Америку, — Дэниел развел руками, — будем только рады.

Над портиком отеля Йорк развевался флаг. Дэниел вспомнил яркое солнце оттепели, ветер с моря, и то, как они с Мирьям вешали флажок в его каморке. "Хаима нет уже, — вздохнул он, — Меир, как и хотел, финансами занимается, а Мирьям…, ну что ж, пусть она будет счастлива со своим британцем. Уже и ребенок у них родился, и детей Кинтейла они приютили".

В большом зале были рядами расставлены золоченые стулья. "Много нас тут, — поняла Марта. Она пробралась к Тео и Жанне: "Робер и Франсуа, я видела, по улице прогуливаются, на всякий случай".

— Так красиво, — восторженно сказала Жанна, оглядывая убранный знаменами зал. "Не то, что у нас — получаешь паспорт в пыльной каморке, где пахнет чернилами".

Франклин взошел на трибуну, и, улыбнувшись, оправил тесный воротник сюртука: "Правительство Соединенных Штатов Америки, и я, как представитель нашей страны во Франции, сегодня выдаем паспорта нашим соотечественникам в Париже. Вот, — посол показал лист бумаги, — новая печать нашего государства, утвержденная Конгрессом осенью прошлого года. Поздравляю вас, и, — он пошарил по трибуне, ища очки, — подходите, пожалуйста, согласно списку".

Франклин внезапно рассмеялся и поднял глаза:

— Так получилось, что первый паспорт мы выдаем мисс Тео Бенджамин — гордости французского театра, которая, господа, на самом деле — родилась в Виргинии! — посол

подмигнул Тео. Та, поднявшись, услышала аплодисменты:

— Неужели это я? Я, деревенская девчонка, бывшая рабыня…, Господи, до сих пор не верю. Как мне их всех благодарить, — Марту, Мирьям, Дэниела, Меира?

Она почувствовала, как Жанна нежно пожимает ей руку. Высоко подняв голову, женщина пошла к трибуне.

Уже взяв свой паспорт, Тео повернулась к залу: "На следующей неделе мы с миссис Мартой Холланд устраиваем в ее салоне обед в честь Дня Благодарения, господа. Будет индейка и тыквенный пирог. После обеда мы приглашаем вас на концерт, весь сбор от которого пойдет в пользу вдов и сирот солдат Континентальной Армии!"

В зале отчаянно захлопали. Жанна, наклонившись, удивленно спросила: "А почему она тебя не назвала герцогиней?"

— В Америке нет титулов — тонкие, красивые губы улыбнулись. Марта, дождавшись своей очереди — поднялась.

— Покажи! — потребовал Теодор, когда она вернулась на место. "Миссис Марта Холланд, двадцати трех лет, волосы рыжие, глаза зеленые, рост — пять футов один дюйм, — прочел он. "Родилась 15 марта 1760 года, Квебек. Проживает: Париж, рю Мобийон, 5, второй этаж. Дети — Теодор Бенджамин-Вулф, шести лет, и Элизабет Холланд, двух лет. Замужем".

Теодор погладил красивую печать с орлом и по складам прошептал: "E pluribus unum".

— Из многих — получается одно, — вспомнил мальчик.

— Это из Цицерона, мне папа говорил. Как интересно, — он вернул матери паспорт и привалился к ее боку, — брат у меня дипломат, сестра — актриса. Был еще брат, но он умер, на кладбище Мадлен его могила, и еще одна сестра, — Теодор посмотрел на белокурый затылок спящей Элизабет, — хотя она еще маленькая. А я кем буду? Юристом, — твердо сказал себе он. "Мне же Констанца рассказывала, как Дэниел освободил человека из рабства. Это правильно, я тоже так хочу".

— О чем задумался, сладкий? — мать поцеловала его в лоб.

— Буду адвокатом, — твердо сказал Теодор. Глядя на американский флаг, мальчик добавил про себя: "Там, в моей стране".

Двор резиденции Марии-Антуанетты в Булонском лесу был запружен придворными.

— Боже, какая смелость, — томно сказала какая-то дама, глядя на плетеную корзину воздушного шара. Он колыхался на легком ветру — огромный, яркого, синего цвета, расписанный золотыми цветами лилии и солнцами с лицом короля Людовика. Она наклонилась к подруге и тихо заметила: "Мадам Габриэль желчью исходит, конечно. Месье Корнель смотрит только на одну женщину".

— Интересно, что ее светлость герцогиня Экзетер его не ревнует, — отозвалась ее подруга. "Они ведь были…"

— Очень близки, — усмехнулась женщина. Заправив за ухо выбившийся из прически локон,

она подошла к мужчине, что осматривал веревки шара: "Маркиз де Арланд, я преклоняюсь перед, вашим бесстрашием. Вот, — она порылась в бархатном мешочке на запястье и решительно протянула ему визитную карточку, — я и все мои подруги с нетерпением ждем вашего рассказа о полете".

Арланд только усмехнулся. Махнув рукой Федору, он крикнул: "Все в порядке!"

Мужчины зашли в плетеную корзину. Марта, незаметно перекрестив рыжую голову, вздохнула: "Только бы все обошлось".

— Маркиз де Арланд завтра проснется в моей постели, — уверенно шепнула женщина, вернувшись на свое место. "Если они выживут. А мадам Марта — сама бросила месье Корнеля. Он все-таки не герцог". Женщина улыбнулась и добавила: "Хотя вот он стоит, рядом с его величеством, этот герцог Экзетер. И посмотреть ведь не на что".

Марта сжала руку Тео и услышала крик: "Рубите канаты!"

Шар оторвался от земли и поплыл вверх.

— Вот сейчас, — смешливо велел себе Федор. Он перегнулся через борт корзины и позвал: "Мадемуазель Бенджаман!"

Тео подняла голову и ахнула — прямо в руки ей летела белая роза.

— Я, — Мария-Антуанетта сглотнула, — кажется, сейчас расплачусь. Боже, он даже там, — королева указала в синее, безоблачное небо, — думает о вас.

Тео ласково коснулась свежих, пышных лепестков и посмотрела вверх — шар медленно удалялся к Парижу.

— Так вот это как, — Федор вдыхал свежий, холодный ветер, рассматривая серые изгибы реки, черепичные крыши, золото деревьев парка Тюильри под ними. "Господи, и вправду — велики дела твои, спасибо тебе".

Он, на мгновение, закрыл глаза: "Я еще прихватил бутылку моэта, господа. Разопьем, когда опустимся на землю. А теперь, — он раскинул руки, — только вперед!"

Интерлюдия

Иерусалим, весна 1784 года

Гранатовое дерево было осыпано легкими, белыми цветами, дул теплый ветер. На зеленой траве сидела белокурая девочка, в простом, холщовом платьице.

Она возилась с деревянными игрушками — овцами, телятами, цыплятами. "Вот, — важно сказала маленькая Рахиль, выстроив их рядом. "Сейчас пойдем на пастбище!". Рыжая, короткошерстная собака, что нежилась на солнце, приоткрыла один глаз и лениво помахала хвостом.

Стукнула дверь. Маленькая, изящная женщина в темном платье и таком же платке высунулась в сад: "Как вы, мои хорошие?"

Ханеле, что сидела на резной, деревянной скамейке, подняла голову от книги: "Все в порядке, тетя Дина. Дядя Аарон не рассердится, что я его Талмуд взяла? Рахели играет, — она

посмотрела на девочку. Та, блеснув голубыми, материнскими глазами, согласилась: "Играю!"

— Не рассердится, — успокоила ее Дина. Она, как всегда подумала: "Ханеле красавицей вырастет. Девять лет, высокая девочка, и волосы эти — как вороново крыло, густые, уже ниже пояса".

— Сейчас булочки испеку, — улыбнулась Дина, — надо муку всю использовать. Я на следующей неделе уже и убираться начну, перед Песахом.

— Папа приедет! — звонко сказала Рахели. "Из Цфата, к празднику. Да, мама?".

— Да, моя хорошая, — Дина присела рядом и, поцеловала дочь: "Скорей бы. На Хануку туда отправился, с наставником своим заниматься, Пурим мы без него отпраздновали..., - она подавила вздох: "Ничего. Зато, когда Аарон вернется, он уже настоящим писцом станет, будет свитки Торы писать. Надо просто потерпеть, и все".

— Мы тоже будем убираться, — мрачно сказала Ханеле, не отрываясь от большого листа. Она вспомнила ведра с горячей водой, свои покрасневшие, грязные руки и поджатые губы мачехи: "Если бы ты меньше витала в облаках, Хана, ты бы чище мыла пол. При сватовстве семья жениха должна увидеть, что ты хорошая хозяйка".

— Моше почему-то ничего не делает, — ядовито сказала девочка и тут же пожалела об этом. Мачеха вздернула красивую бровь и отчеканила: "Моше учится, вместе с отцом. Хозяйство — не мужское занятие. Ты обязана будешь после свадьбы вести дом, и зарабатывать деньги, чтобы твой муж мог учиться. А ты до сих пор шьешь так, — Лея вздохнула, — что все переделывать приходится. Принеси воды, — велела мачеха. Пройдя к Ханеле, женщина бесцеремонно вынула у нее из рук книгу.

— Псалмы, — невинно проговорила Ханеле, подняв дымно-серые, большие глаза. "Я за больных читаю, мама Лея".

— Хорошо, — Лея вышла. Ханеле, оглянувшись, соскочив на пол, прошлась по половицам, наступив на одну из них, как следует покачавшись.

— Ничего не заметно, — удовлетворенно сказала она. Там был тайник — девочка сама его сделала. Ханеле положила туда ключ от кабинета отца — еще давно, убираясь в подвале, она нашла старую шкатулку. В ней, среди всякого хлама, лежала связка потускневших ключей.

Отец делал вид, что ничего не знает — просто, уходя, не запирал книжные шкафы. Ханеле садилась с ногами на стул — на нем сидел еще дедушка Исаак, и с головой уходила в книги. Каждый день, когда она приносила обед отцу в ешиву, он закрывал дверь и занимался с ней — час, не больше, но для Ханеле это было лучшее время дня. Они сидели друг напротив друга, как будто она и вправду — была учеником. Отец, слушая ее чтение, отвечая на ее вопросы, — иногда вздыхал. Его серые глаза ласково смотрели на дочь и Ханеле один раз спросила: "Что, папа?"

— Ты похожа на свою мать, — просто ответил он. Ханеле положила руку на золотой медальон, — она наотрез отказывалась его снимать. Один раз, вечером, она услышала из-за стенки гневный голос мачехи: "Ты просто не хочешь настоять на своем, Авраам! Если бы ты велел ей убрать этот медальон в шкатулку, она сразу бы это сделала. Меня она просто ни в грош не ставит, как ты сам знаешь".

Отец сказал что-то мягкое, успокаивающее, — Ханеле не расслышала, что. После этого, утром,

когда она варила отцу кофе, он спустился вниз, и, поцеловал ее в затылок: "Носи на здоровье, милая". Мачеха весь тот день особенно к ней придиралась.

Уже сидя в крохотной, чистенькой кухоньке Горовицей, вдыхая запах свежей выпечки, Ханеле подумала: "Еще бы братика, или сестричку. Моше хороший, мы с ним дружим, но ведь он теперь в ешиве целый день. Только на Шабат и можно поиграть. Мама Лея к гробнице праматери Рахили ездила, молилась там, чтобы дети у них с папой родились. Мне тоже надо к Стене сходить, попросить за них".

Она разломила булочку и услышала шаги Дины.

— Спит уже Рахели, — улыбнулась та, присаживаясь за стол. "Очень вкусно, — похвалила Ханеле и робко попросила: "Можно, тетя Дина, одну булочку для Моше взять, он за мной придет сейчас?"

— Конечно, — Дина улыбнулась и поднялась: "Вот и он, в дверь стучат".

Моше стоял на пороге — он тоже был высокий, крепкий, с рыжими, сколотыми под черной, бархатной кипой, пейсами. "Тетя Дина, — умоляюще попросил он, — можно мне собачку погладить? Я быстро. Ханеле, — он рассмеялся, — там папа стоит, ждет".

— Беги, — Дина распахнула дверь в сад. Моше, оглянувшись, прошмыгнул через кухню. Сестра услышала его довольный голос: "Что, соскучился? Это я пришел. А кто у нас хвостом так виляет?"

Дина уложила булочки в холщовую салфетку. Дети, помахав ей на прощанье, пошли к мужчине, что стоял на углу улицы.

— Не смотри, — велел себе Степан. "Это грех, нельзя, она чужая жена. Не смей".

Он ничего не мог с собой сделать, — уже взяв Моше и Ханеле за руки, он обернулся. Степан увидел ее большие, голубые глаза и белую, цвета сливок кожу под ухом, в котором покачивалась бирюзовая сережка. Он еще успел заметить золотой блеск у нее на виске — из-под платка было видно совсем немного волос. Потом госпожа Горовиц закрыла дверь, и он повел детей домой.

Дина поднялась наверх. Заглянув в детскую, — дочь спокойно спала, — она присела за круглый стол в гостиной, покрытый белоснежной, льняной скатертью.

Она потянула к себе шкатулку красного дерева. Улыбнувшись, Дина достала перевязанные шелковой лентой письма.

— Милая моя сестричка Дина! — начала читать женщина. "Вместе с этим письмом рав Азулай везет тебе письма от ваших кузенов в Америке, и от Марты, я тебе о ней рассказывала. Ее письмо я перевела, так что читай. У нас все хорошо, практика Иосифа процветает, наш Давид растет, и радует папу и маму. Он хочет стать врачом, как отец. Я преподаю девочкам, на дому. Приезжайте к нам, пожалуйста. Мы будем очень рады увидеть маленькую Рахиль. Посылаем вам свое благословение, и, конечно, рав Азулай доставит пожертвования от нашей общины. Целую тебя, и запомни — когда вы приедете, я вас обязательно покатаю на своем боте. Марта вышла замуж за моего отца, чему мы все очень рады. У нее тоже есть доченька, моя младшая сестра, назвали ее Элизабет. С любовью, Джо.

mir-knigi.org

Дина взяла другой листок, и приложила его к щеке. "Очень хорошая бумага, — полюбовалась она. "А как пишет — ни единой ошибки в святом языке, и почерк какой!"

— Дорогая кузина Дина! — начиналось письмо. "Мы очень рады, что, наконец-то, получили весточку от вас и Аарона. Меня зовут Эстер Горовиц, я сестра Иосифа Мендеса де Кардозо, вы его знаете. Мой муж, Меир Горовиц, — троюродный брат вашего мужа. Мы были бы счастливы, если бы приехали к нам погостить. У нас два мальчика — Хаим и Натан, и у моей золовки Мирьям — две приемные дочки и сын, Элияху, так что вашей дочке будет с кем поиграть. Вскоре мы переезжаем в Нью-Йорк, покупаем там дом. У нас еще есть дома в Филадельфии и Бостоне, — места для всех хватит. На лето мы сможем съездить к Мирьям и ее мужу, они живут в очень красивом месте, на берегу озера Эри, детям там понравится. Милая кузина, мы собрали кое-какие деньги для вашей общины, в Амстердаме их заберет ваш посланник. Ждем вас с нетерпением, семья Горовиц.

— Кое-какие деньги — восторженно пробормотала Дина. "Рав Азулай сказал, что никогда в жизни такого богатого пожертвования не видел".

Она взяла третье письмо — от бумаги пахло жасмином. Дина, вглядевшись в незнакомые буквы, вздохнула: "Английский. Если мы в Америку поедем, надо будет выучить. Кузина Эстер знает ладино, она написала, и муж ее — тоже, но все равно — на улице-то надо говорить".

Дина нашла приписку с переводом и улыбнулась: "Милая кузина Дина, меня зовут Марта Холланд, урожденная де Лу. Джо, вам должно быть, обо мне рассказывала. Посылаю вам копию родословного древа нашей семьи, ваша дочка там уже есть. Не забывайте мне писать, пожалуйста, с известиями от вас и от семьи Судаковых. С искренним уважением, Марта".

Дина закрыла шкатулку и посмотрела на родословное древо, что висело в раме орехового дерева на стене. "Как много, — зачарованно вздохнула она, — а вот и брат рава Судакова, что сюда приезжал. Теодор. Вот кузен Меир…, - она водила пальцем по бумаге и вдруг услышала сзади звонкий голос: "А где тут я, мама?"

Женщина рассмеялась и подхватила дочь на руки. "Вот, посмотри". Рахели внимательно разглядывала рисунок. Дина горько подумала: "Евы сын — так и пропал, бедный. Аарон мне сказал — крестили его, а потом священники мальчика забрали. Он же и не знает о том, что он еврей, несчастное дитя. Аарон — хоть и жил далеко, но мать ему все рассказала, и языку святому научила. А этот…, - Дина вздохнула. Дочь потребовала: "Покажи, кто, где живет, мама!"

— Только никому не рассказывай, — как всегда, предупредила Дина. Муж купил атлас у какого-то араба-старьевщика. Том держали в запертом ящике комода — не след кому-то было видеть, что в доме, есть светская книга.

— Вот Амстердам, там тетя Сара живет, — показывала Дина. "Вот Париж, вот Польша — я оттуда родом. А папа из Южной Америки. А вот здесь, в Северной Америке — тетя Эстер, дядя Меир и тетя Мирьям. Видишь, город — называется Нью-Йорк, они там будут жить".

— Нью-Йорк, — вздохнула Рахели. "Так красиво…., Поедем туда, мама?"

— Когда-нибудь, — уверенно ответила Дина, — обязательно. Пойдем, сходим к Стене, а потом — она пощекотала дочку — вернемся домой и я тебе почитаю из Торы.

— Про Яакова и Рахиль, — попросила девочка.

— Пожалуйста, — она вскинула голубые глаза и Дина рассмеялась: "Хорошо".

Уже когда они выходили из дома, женщина замедлила шаг. Она обернулась и успела увидеть мужчину, что спускался прочь, по каменным ступеням улицы. Золотисто-рыжие волосы были прикрыты черной кипой.

— Что это рав Судаков тут делал? — пожала плечами Дина. "Да еще и на восток пошел, к рынку арабскому. Странно, — она взяла Рахели за теплую ладошку, и девочка сказала: "Так хочу, чтобы папа быстрей приехал!"

— Я тоже, — отозвалась Дина и улыбнулась, почувствовав, как покраснели ее щеки.

Степан обернулся на арабскую деревню — солнце уже заходило. Серый, массивный дом был освещен багрово-красным цветом.

— Словно кровь, — подумал он и вспомнил усталый голос монаха: "У этой женщины родился ребенок, мальчик. Что с ним стало потом — я не знаю. Тот врач из вашей общины, что сюда ходил, господин Мендес де Кардозо, забрал младенца, сказал, что найдет ему кормилицу".

Францисканец развел руками, провожая его к двери. Степан, уже выходя, замер: "Это ведь мог быть мой сын, — сказал он себе.

— Господи, где же его искать теперь? Аарон должен знать, они с Иосифом дружили. Поговорю с ним, когда он из Цфата вернется. Только в синагоге, нельзя к ним домой ходить, там она, — Степан представил себе голубые, в темных ресницах глаза, сияние нежной кожи. Он, тяжело дыша, пробормотал:

— Я помню, у нее белокурые волосы. Нет, нет, — он помотал головой, — нельзя, оставь, сказано же: "Когда придешь ты в страну, которую Бог, Всесильный твой, дает тебе, не учись совершать мерзости, какие совершали народы те". А что такое мерзости, учит нас Рамбам — идолопоклонничество, убийство и прелюбодеяние".

— Прелюбодеяние, — повторил он, сжав зубы, пробираясь через уже разъезжающийся рынок. Звонили колокола церквей, птицы срывались с крыш домов, кружась в весеннем, прозрачном небе, где уже всходили первые, еще неяркие звезды.

— Иди в ешиву, — приказал себе Степан, — а потом домой. Оставь ее, это грех, страшный грех. Завтра пятница, вернись пораньше, помоги жене, побудь с детьми. Не думай о ней.

Он взглянул в сторону улицы, что вела к дому Горовицей. Вытирая пот со лба, Степан свернул в противоположную сторону.

Когда он пришел домой, жена сидела в гостиной, склонившись над шитьем. Степан увидел заколку на ее платке, и, раздеваясь, вздохнул: "Теперь еще две недели ждать". Он присел напротив и улыбнулся:

— Я тебе помогу перед Шабатом, милая. Возьму детей, схожу, погуляю с ними, пока ты готовишься. И с уборкой перед праздником — не делай все одна с Ханеле, пожалуйста. Мы же тут с Моше.

— Вам учиться надо, — запротестовала Лея. Она вколола иголку в ткань и подняла темные, красивые глаза.

— Авраам, — сказала она робко, — можно тебя попросить? Когда у кого-нибудь будет брит, — Лея покраснела, — надо под кресло, где обрезание делают, поставить бокал с водой. Потом я его выпью, и….

— Не надо ему все рассказывать, — холодно подумала женщина. "Раввины такое запрещают, я слышала. С моэлем я договорюсь, заплачу ему, он принесет мне все, что надо. Все говорят, что это помогает. Ну и вода — не помешает".

Степан ласково отозвался:

— Конечно, милая. Только ведь я тебе говорил — давай ты с врачом посоветуешься, пусть он тебя осмотрит. При мне, как и положено.

— Нет еврейских врачей, — покачала головой жена, — а к магометанину ходить нельзя.

— Отчего же нельзя? — Степан посмотрел на ее красивые, длинные пальцы и заставил себя не прикасаться к ним. "Сказано ведь, Лея: "Выбери жизнь". Значит, надо заботиться о своем здоровье. У нас будут дети, обязательно, — он увидел, как глаза жены наполнились слезами. Лея, всхлипнув, пробормотала: "Я сейчас".

Она умылась в кухне: "Шесть лет, как Моше родился. И ничего после этого. Господи, дай ты мне детей, или я умру".

Лея вернулась в гостиную. Дождавшись, пока муж закончит, есть, убирая со стола, она сказала:

— Прости. Надо читать Псалмы, и помогать беднякам — тогда все будет хорошо, Авраам. И после Песаха, пока будет траур, до Шавуота, надо воздерживаться, ну…

— Лея, — он вздохнул, — для того, чтобы родились дети, воздерживаться не надо — как раз наоборот. Так что этого не будет, — отрезал Степан. Он добавил: "Спасибо за обед. Я позанимаюсь".

В спальне было темно, он лежал, закинув руки за голову, видя перед собой белокурые, падающие на узкую спину волосы. "У нее короткие волосы, — подумал Степан, закрыв глаза. "И шея — стройная, я же видел немного. И грудь…, - он раздул ноздри, и представил себе ее шепот: "Еще, пожалуйста, еще, я так хочу…."

Он повернулся. Уткнувшись лицом в подушку, он долго лежал, ожидая, пока пройдет боль, наполнившая, казалось, все тело.

Дина, напевая, сняла с очага котелок с кофе, и оглянулась — Рахели еще спала, дверь в сад была открыта. Ратонеро, лежа на траве, устроив нос на лапах, следил за голубями, прыгавшими по траве.

Дина не удержалась, и, рассмеявшись, потянулась: "Хорошо-то как!". Она налила себе кофе. Присев к столу, отодвинув раскроенное для заказчицы платье, женщина еще раз прочла записку от мужа.

— Милая моя Динале, на следующей неделе уже еду домой. Даже не могу сказать — как я по тебе соскучился, девочка моя, но теперь я всегда буду с вами. Конечно, привезу вам подарки. Рахели скажи, что папа, как вернется, будет ее баловать так, как раньше и не баловал, — Дина

счастливо улыбнулась. Она посмотрела на изящный, тонкий рисунок внизу листа — город на холме, поднимающемся в небо, с узкими улицами, с черепичными крышами домов.

— Цфат, — подумала она и вздрогнула — в дверь постучали.

— Кто бы это, так рано? — пробормотала Дина. Быстро поправив платок, она ахнула: "Я же в светлом платье! Ладно, нет времени переодеваться".

Она распахнула дверь. Степан едва не зажмурился — она была в лазоревом, в цвет глаз, платье и таком же, вышитом серебром платке. Нежные мочки ушей, со скромными, маленькими серьгами, чуть заалели. Женщина, не смотря на него, сказала: "Доброе утро, рав Судаков. Что случилось, с детьми надо посидеть?".

— Позвольте войти, госпожа Горовиц, — уверенно ответил он и шагнул в дом, оставив дверь приоткрытой.

Рахели проснулась. Присев в своей кроватке, девочка потянулась за медной мисочкой и кувшином. Вымыв ручки, она зевнула и посмотрела на голубое, яркое небо в окне.

— Шабат сегодня, — радостно подумала девочка. "Мама даст мне свечу зажечь". Она поднялась и пробежала босыми ножками до маленького столика, что ей сделал папа. Рахели взяла молитвенник в красивой, шелковой обложке. Открыв его, девочка вздохнула — буквы никак не хотели складываться в слова. Она поводила пальчиком по строчкам и ахнула.

— Мама! — услышала Дина голосок сверху. "Мамочка!"

Дина отступила к лестнице и повторила: "Да что случилось, рав Судаков?"

— Он и на себя не похож, — подумала женщина. "Он обычно спокойный, глаза отводит от женщин, когда с ним на улице встречаешься, а сейчас как дышит тяжело, будто бежал".

Рахели спустилась вниз, с раскрытым молитвенником в руках: "Это же папа Ханеле и Моше, я его знаю".

— Я умею читать, — девочка встряхнула белокурой головой и нараспев прочла: "Шма". "Я все буквы в ней узнала, — гордо добавила Рахели и недоуменно посмотрела на взрослых.

— Уходи, — велел себе Степан. "Иосиф хотел согрешить с женой Потифара, но увидел лицо своего отца. Господь над тобой сжалился, не испытывай его терпение, уходи".

— Молодец, — смущенно проговорила Дина и откашлялась: "Рав Судаков, вы что-то хотели?"

— А, да, — он будто очнулся. "Ваш муж, госпожа Горовиц — скоро вернется? Мне с ним надо встретиться".

— На той неделе, перед праздником, — вежливо ответила Дина, взяв за руку дочь. "Дверь на улицу открыта, — увидела она, — так можно. И Рахели здесь, хотя ей нет еще трех, конечно. Ничего страшного. Да и рав Судаков такой благочестивый человек, он с женщинами вообще редко разговаривает".

— Спасибо, — он почему-то покраснел. "Счастливой субботы, госпожа Горовиц".

— И вам тоже, — отозвалась Дина, и проводила взглядом его широкие плечи: "Они же с

Аароном в синагоге увидятся, и в ешиве. Зачем рав Судаков сюда явился?". Она хмыкнула и весело сказала дочери: "Умываться и за стол! Потом сходим, приведем в порядок ту комнату, что папа снял для работы".

— Папа будет писать Тору, — заворожено проговорила девочка. "И мезузы. Мамочка, — она полистала страницы молитвенника, — ты еще послушаешь, как я читаю? Я только "Шма" могу…, - Рахели погрустнела. Дина, присев, прижав ее к себе, шепнула: "Ты наша умница".

Женщина взяла дочь на руки, и выглянула на узкую, каменную улицу — она была пуста, рав Судаков ушел.

Дина прикоснулась кончиками пальцев к мезузе и захлопнула дверь.

Степан завернул за угол какого-то дома. Прислонившись к стене, она закрыл лицо руками. "А я ведь шел, чтобы…, - он почувствовал, что краснеет и тяжело вздохнул: "Надо тщательней исполнять заповеди. Все дурные мысли, все грешные устремления — именно от этого. Сказано же: "Возводите ограду вокруг Торы". Нельзя смотреть на женщин, нельзя говорить с ними. И с Ханеле я занимаюсь…"

Он вспомнил большие, дымно-серые глаза дочки, то, как она сидела над томом Талмуда, подвернув под себя ногу, подперев щеку рукой, грызя карандаш. Степан помотал головой: "Нет, нет, я не могу ей отказать, не могу ее разочаровывать. Ничего страшного не случится, лет через шесть ее уже и сватать начнут, Ханеле забудет о книгах". Он быстро пошел к Стене.

В маленьком проходе было людно. Он, оказавшись на мужской половине, взяв молитвенник, стал шептать Псалмы. "Даже на Лею нельзя смотреть, пока она не очистится, — напомнил себе Степан. "Поэтому нас Господь наказывает, поэтому не рождаются дети — из-за моих грехов. Это я, я во всем виноват. Сказано же — с женой надо быть скромным, тогда родятся сыновья. Надо окунаться в микву, каждый день, надо поститься…, - он почувствовал слезы у себя на глазах. Мужчина разрыдался, опустив голову, все еще повторяя: "И не будете блуждать, следуя за сердцем вашим, и очами вашими, как блуждаете вы ныне".

Уже выходя на улицу, он услышал звонкий голос: "Папа!". Ханеле взяла его за руку: "Я молилась за тебя и маму Лею. Не плачь, папа, — она посмотрела на отца, и напомнила себе: "Только хорошее, только хорошее".

Она слышала крики чаек над морем, звук выстрела, чьи-то отчаянные, горькие рыдания, а потом все затянула серая, непроницаемая мгла. Ханеле подумала: "Нельзя про это говорить, папа расстроится. Моше будет счастлив, а остальное…, - она тихонько вздохнула и повторила: "Нельзя".

— Забудь о том ребенке, — велел себе Степан. "Его нет, и никогда не было. Не ходи к ней на могилу, она тебе никто. От этого тоже — дурные помыслы появляются. Нельзя думать о других женщинах, нельзя их вспоминать. Я раскаюсь, Господь меня простит, и у нас будут дети. Аарон вернется — попрошу его проверить мезузы в доме, вдруг там буква стерлась, за это тоже Господь может наказывать".

— Папа? — робко проговорила Ханеле. Степан заставил себя улыбнуться: "Пойдем, проводишь меня до ешивы".

Рахели сидела в плетеной корзине, с восхищением рассматривая серебряные, с бирюзой бусы.

Она приложила их к своей шейке и улыбнулась: "Красиво!"

— Это маме, — смешливо сказал Аарон. Отпив чаю, он откинулся на спинку кресла: "Никогда, никогда больше от них не уеду, я так скучал".

— А где мама? — Рахели оглянулась и зевнула. "А то я спать хочу".

— Пошла по делам, — улыбнулся мужчина, глядя на закат в окне. "Давай, я тебя уложу, доченька".

Рахели сгребла в кучку деревянные игрушки. Отец, наклонившись, подхватил ее на руки. "Я "Шма" читаю, — проговорила девочка. Она сладко зевнула. "Утром…, прочитаю тебе".

Дина осторожно приоткрыла дверь дома. Сняв с влажных волос темный платок, она услышала сверху голос мужа. Аарон пел — тихо, ласково:

— Durme, durme mi alma donzella,

Durme, durme sin ansia y dolor.

Дина оставила на сундуке шаль, и, как была — с непокрытой головой, — прошла в гостиную. Она убирала со стола, когда Аарон, обняв ее сзади, шепнул: "Оставь. Завтра, все завтра. Рахели уже заснула, крепко. Я так люблю тебя, так люблю…"

Она повернулась и ахнула — муж поднял ее на руки.

— Похудела, — озабоченно сказал Аарон.

— Ничего, я вернулся, теперь ты у меня как следует, будешь завтракать, — он почувствовал совсем рядом ее нежные губы. Вдыхая запах свежести, Аарон понес ее наверх.

Над городом вставала тонкая, молодая луна, внизу шелестело гранатовое дерево. Дина, томно, едва касаясь, целуя мужа, прошептала: "Так хорошо, милый…".

Аарон положил ее голову к себе на плечо и рассмеялся: "Я не собираюсь останавливаться, сейчас полюбуюсь тобой — и начну все сначала". Он медленно провел рукой по сияющей в лунном свете, белой коже. Дина приподнялась на локте: "Надо будет и вправду — до Нового Света добраться, все-таки это твои самые близкие родственники".

— Доберемся, — уверил ее муж. "Денег скопим и поедем. И в Амстердам, и в Новый Свет. Девочкам там понравится".

— Девочкам? — удивленно спросила Дина и тут же рассмеялась — муж что-то сказал ей на ухо.

— Может, мальчик получится, — она обняла его, прижимая к себе, гладя темноволосую голову.

— Нет, — Аарон тоже улыбнулся, — я хочу много дочек, мое счастье. Хочу вас всех баловать.

А потом они уже ничего не говорили. Только Ратонеро, что лежал в саду, подергал ушами. Услышав знакомые звуки, успокоившись, пес подумал: "Хозяин вернулся. Хорошо-то как!" Ратонеро заснул, и снилась ему синяя гладь воды, высокие, уходящие в небо, деревья и дети, что наперегонки бежали к берегу.

Часть семнадцатая

Марокко, январь 1785

Океан был холодным, течение — сильным. Федор смешливо подумал: "Возьмет меня, и унесет, а ведь я даже его с величеством Сиди Мохаммедом пока не встречался. Жду, пока он из Марракеша приедет".

Отсюда, за милю от берега, была видна вся Эс-Сувейра, — аккуратные дома торгового квартала, минареты мечетей, порт с маяком. Федор приставил ладонь к глазам и увидел два судна, что были пришвартованы в самой середине гавани.

— Углублять будут, — он взглянул на побережье, что уходило к югу, и присвистнул: "Вот это да!". Беломраморная вилла, окруженная неприступной, гранитной стеной, стояла на вершине небольшого холма. На склоне были разбиты сады с каскадом фонтанов. Федор усмехнулся: "Прямо как у короля Людовика, в Версале. Смотри-ка, и бассейн там есть, и порт свой, только маленький". У причала покачивался небольшой бот со свернутыми парусами.

Он подплыл поближе и увидел купальный павильон — серо-зеленого мрамора, стоявший фасадом к морю. Шелковые занавеси шевелились под ветром.

— Марта мне рассказывала, — вспомнил Федор, — у них в Англии сейчас появились купальные машины, для дам. Тут, — он увидел охранников, что прохаживались по белому песку, — сразу видно, какой-то важный человек живет. Надо у этого Малика спросить.

Он в последний раз полюбовался изящными арками виллы, и, повернув на север, поплыл вдоль берега: "Европеец строил. В местном стиле, а все равно — европеец, и торговые кварталы он же возводил. Хороший мастер, все на совесть сделано".

Малик ждал его на берегу. Когда Федор оделся, советник султана похлопал его по плечу: "У нас зимой никто не купается, вода ледяная".

— Как по мне, — Федор сладко потянулся, — так отличная вода, месье Малик. А вы хорошо по-французски стали говорить. Арабский-то у меня для рынка только сгодится, я все-таки не господин Даниял, как вы его называете.

— У нас очень, много торговли, — Малик повел рукой в сторону порта. "Много кораблей, месье Теодор, вы сами видели. Ну и вообще, — он блеснул белыми зубами и погладил черную, с проседью, ухоженную бороду, — мы рядом с Европой, не надо нам об этом забывать. Спасибо, что привезли подарки от господина Данияла, мы ему — тоже передадим".

Уже когда они поднялись с берега на широкую, мощеную дорогу, где ждали охранники с лошадьми, Малик небрежно спросил: "Раз вы с господином Даниялом друзья — не собирается ли он опять навестить наши края?"

— Нет, — Федор потрепал по холке огромного, рыжего жеребца и рассмеялся: "В масть мне подобрали, месье Малик. У господина Данияла сейчас много работы в Европе — его страну признали Генеральные Штаты, в Нидерландах. Другие европейские монархи тоже стали думать об установлении отношений с Америкой".

— Мы были первыми, — гордо сказал Малик. "Его величество султан всегда думает о будущем". Он скосил глаза на блистающий сапфирами эфес клинка: "Хоть этот не родственник, всего лишь друг этого Данияла. Аллах милосердный, хорошо, что он сюда не вернется. А вот сабля…"

Малик тронул своего коня, и повел рукой на юг, в сторону пустыни: "Его величество сам хочет

отправиться с вами на будущие рудники, он очень интересуется техникой".

Федор взглянул на корабли в порту: "Хотя гавань вы до сих пор — дедовским методом углубляете. Кстати, месье Малик, что это за вилла, там, к югу?"

Он, искоса, посмотрел на бесстрастное, смуглое лицо мужчины. "Очень изящное здание, как будто сошло со страниц этих ваших сказок, "Арабские ночи". Я их читал, в Париже еще".

— Это резиденция его величества султана в Эс-Сувейре, — коротко сказал Малик, и проехал к высоким, деревянным воротам: "Будем обедать у меня. У вас удивительной красоты сабля, месье Теодор. Семейная?"

Федор только кивнул, спешиваясь.

— Сабля, — хмыкнул про себя Малик. "Аль-Джафар, ходили слухи, из-за какой-то сабли погиб. Тогда, десять лет назад, в Рабате. Тот капитан Стефано — тоже из Рабата бежал. Не нравится мне все это, вот что".

Они шли по прохладным, устланным коврами комнатам, по стенам, падая в мраморные чаши, струилась вода. Малик исподволь оглядел мужчину: "И не спросишь такого прямо — откуда вы, месье Теодор, взяли эту саблю? Ладно, как-нибудь разузнаю. Еще не хватало, чтобы этот капитан Стефано тут появился, если он жив".

— Купальня, — напомнил себе Федор, когда они вышли в полукруглый зал, выложенный мозаикой, с низким, кованого серебра столом. "Там есть женщина, на вилле. Жена, что ли, этого Сиди Мохаммеда? Ладно, — он вдохнул запах специй, — это я выясню".

— Чай, — Малик взялся за красивый, с тонкой ручкой, выложенный самоцветами, чайник. "С мятой, месье Теодор, нет ничего лучше — ни в жару, ни в холод. А что касается дедовских методов… — он привстал и вгляделся в океанскую гладь. Советник султана внезапно рассмеялся. Щелкнув пальцами, он принял от охранника подзорную трубу.

— Мы пригласили сюда инженеров из Европы. Посмотрите, как раз их корабль, — Малик довольно улыбнулся.

Федор увидел белые, с красными крестами, флаги Генуэзской республики: "У его величества султана действительно — очень широкий взгляд на мир. Они ведь христиане, эти инженеры".

Малик разрезал ягненка, и, накладывая кускус на серебряные тарелки, усмехнулся: "Вы тоже — не магометанин, месье Теодор. А с инженерами — даже ваш папа римский любит деньги, платим же мы хорошо".

Порыв ветра заполоскал тонким шелком, что прикрывал окно. Федор увидел, как корабль поворачивает к гавани.

Высокий мальчик в коричневой рясе послушника перегнулся через борт корабля, раскрыв рот, глядя на приближающийся берег. Ветер трепал рыжие кудри, серо-зеленые, большие глаза оглядывали гавань.

— Верблюды, — восхищенно подумал Пьетро. "Папа рассказывал, он их видел, в Азии. И тигров видел. Жаль, слонов тут нет, они южнее живут. Как интересно!"

Крепкая рука легла ему на плечо. Джованни, наклонившись, шепнул: "Африка, милый.

Нравится?"

— Очень! — выдохнул ребенок. Джованни подумал: "Господи, как я раньше жил, без Пьетро?"

Он так и стоял, обнимая сына, рассматривая Эс-Сувейру. Джованни, наконец, сказал: "Ты помни, молиться мы можем только дома".

— Я бы в мечеть сходил, — пробормотал Пьетро и поинтересовался: "Можно ведь, папа?"

Джованни оглянулся, — других иезуитов на палубе не было, — и пожал плечами: "Ну отчего же нельзя, сходим вместе".

Якорная цепь загремела. Пьетро весело отозвался: "Здорово!"

Изабелла сбросила на мраморный пол купальни шелковую накидку. Спустившись по ступеням вниз, к морю, женщина ахнула — оно было холодным, свежим, на темно-зеленой, чуть волнующейся глади были видны белые барашки. Она закрутила волосы тяжелым узлом на затылке, и окунулась — дыхание сразу перехватило. Изабелла поплыла, перевернулась на спину, и, чихнула: "Хорошо!"

За бухтой был океан, освещенный вечерним, низким солнцем. Девушка подумала: "Туда бы добраться. Нет, течение сильное, я не справлюсь". Изабелла поболтала ногами в воде и улыбнулась: "Инженеры эти приехали, из Италии, Малик записку прислал. Десять лет я тут живу, а его ни разу не видела, Малика. Только папу и рабочих, да и то издали. И говорю только с папой. Ладно, пусть они сначала приведут в порядок гавань. Потом построим еще один мол, сейчас нет смысла этого делать".

В купальне уже пахло сандалом, на резной скамье лежали теплые, толстого шелка полотенца. Немая, чернокожая служанка ловко и сильно растерла Изабеллу. Опустившись на колени, надевая ей расшитые жемчугом, кожаные туфли с острыми носами, негритянка покачала головой.

Изабелла посмотрела вниз — на сером мраморе были видны капли крови. Она закатила глаза: "Хоть бы их вообще не было, одни неудобства. Зачем они только нужны?"

Пока служанка хлопотала над ней, Изабелла вспомнила их давний разговор с отцом, о замужестве.

— Дети, — хмыкнула она, уже одетая, присев на скамью, подставив длинные, густые, падающие ниже пояса волосы — гребню служанки. "Интересно, откуда они берутся? Надо, чтобы был муж, это понятно. А дальше что? — она вспомнила статуи, что рисовала, еще учась во Флоренции, и покраснела.

— Может, у врача спросить? — молчаливый, вежливый пожилой евнух осматривал ее несколько раз в год. За все это время она болела только один раз — когда у нее внезапно стал резаться зуб — тяжело, с жаром.

Отец только рассмеялся и потрепал ее по голове: "Видишь, Зейнаб, ты достигла возраста мудрости — двадцать пять лет". Врач дал ей какого-то темного, приятно пахнущего настоя. Когда она проснулась — вся ее комната была заставлена свежими цветами.

Отец сидел у изголовья: "Вот и все. Зуб он удалил, только пока тебе пока нельзя жевать.

Будешь пить шербеты, играть со мной в шахматы и читать".

— Но тебе, же надо в Марракеш, — нахмурилась Изабелла.

Сиди Мохаммед наклонился и поцеловал ее в лоб: "Пока я не удостоверюсь, что с тобой все хорошо, моя жемчужина, — никуда не уеду".

— Не стоит, — подумала она, чувствуя ласковые прикосновения гребня. "Все равно он мне ничего не скажет. Да и какая разница, я никогда не выйду замуж".

Изабелла подождала, пока служанка заплетет ей косы. Набросив кашемировую накидку, женщина пошла к дому. "Я поужинаю в спальне, — сказала она главному евнуху — низенькому, с кожей цвета каштана, человеку. Он говорил на пяти языках. Когда Изабелла как-то раз спросила его, откуда он, — евнух, только блеснул темными глазами и, поклонившись, промолчал.

Изабелла, скрестив ноги, устроилась у низкого столика, на котором стояла серебряная тарелка с финиками и сладостями, и налила себе чая: "Папа хочет пригласить сюда, в Эс-Сувейру евреев, где там этот проект…, - она порылась в бумагах, и вытянула один лист:

— Любая еврейская семья, переселившаяся в новый город, получит пособие на покупку дома, и освобождение от налогов на два года. Еврейской общине будет разрешено строить синагоги, и хоронить на отдельном кладбище, участок для которого они получат бесплатно.

— Молодец папа, — Изабелла взяла карандаш и написала на полях — легким, летящим почерком:

— Надо обязательно разрешить и европейским торговцам селиться в Эс-Сувейре, папа. Пусть они тоже получат освобождение от налога.

Женщина отложила бумаги. Взяв серебряный стакан, она вышла на мраморную террасу. Океан шумел, огромное, расплавленное солнце опускалось в необозримую гладь, ветер раздувал ее накидку. Изабелла вспомнила: "Я видела эти чертежи, синьора да Винчи. И папа мне рассказывал о том арабском инженере, ибн Фирмасе, который пытался летать, используя пару крыльев".

Она посмотрела на парящую над заливом чайку и услышала сзади мяуканье. Гато вышел наружу и потерся об ее ноги. Изабелла подхватила кота. Уткнувшись носом в мягкую, пахнущую розовой водой шерсть, она рассмеялась: "Ляжем в постель, я буду чертить, а ты мне — ноги согреешь".

Гато зевнул. Замурлыкав, вывернувшись, подняв хвост, кот пошел в спальню.

Изабелла обернулась в дверях — море темнело. Она увидела отблеск горящего костра — вдалеке, на севере, на маяке Эс-Сувейры.

В лавке пахло сандалом, в медных стаканчиках дымился чай. Федор, вздохнув, улыбнулся хозяину: "Уважаемый господин, сейчас мне это не надо. Будет надо, когда я поеду в Европу. Весной".

— Черт же меня дернул ступить одной ногой за порог, — смешливо подумал он. "Дэниел меня предупреждал, говорил — будут звать, будут за рукав хватать, будут клясться Аллахом, что

такая скидка — только сегодня и только для меня. Они тут еще навязчивей, чем в Иерусалиме. Еще хорошо, что братом не называет".

— Брат, — прервал его молчание хозяин лавки, — высокий, красивый, пожилой человек в зеленой чалме совершившего хадж, — ты был в нашем священном городе, Эль-Кудсе, я тоже там был. Мы с тобой как будто одна семья. Ты должен меня понять, — он перегнулся через столик и приложил ладонь к сердцу, — к весне этих ковров и шелков уже не будет. Ты сам видишь, как хорошо у нас с торговлей, благодаря его величеству султану, да дарует ему Аллах долгую жизнь.

— Пусть дарует, — согласился Федор. За пологом, что отделял лавку от входа, было шумно, горели факелы, пахло свежевыпеченными лепешками, жареным мясом, — на рынке, несмотря на вечер, народу только прибывало. "Надо будет еще записать, как эти лимоны местные солят, — велел себе Федор, — и рецепты собрать, для Жанны, пряностей ей привезти".

— Так вот, — торговец отпил чая, — если я сейчас получу задаток, я буду хранить твои товары на складе до весны — совершенно бесплатно.

— А если со мной что-нибудь случится там, на юге, — усмехнулся Федор, — тебе останется и мое золото и ковры. Брат, — ядовито добавил он.

Марокканец, было, поднял ладонь. Какой-то рыжий мальчишка всунул голову в лавку и сказал на ломаном, но бойком, арабском языке: "Мне бы ножик купить".

— Тут ковры и ткани, — холодно ответил торговец и добавил: "Никакого уважения к старшим. Я, в его возрасте, не смел так с взрослыми, разговаривать".

Федор успел увидеть зеленовато-серые, большие глаза мальчика. Тот, скорчив рожицу, исчез.

— Я еще приду, — пообещал мужчина. Не слушая торговца, Федор вышел в узкий, выложенный светлым камнем проход. Он увидел рыжую голову, — мальчишка стоял, открыв рот, рассматривая открытую, увешанную кинжалами и саблями, лавку.

Федор подошел поближе, и сказал, подбирая слова: "Ты ведь не араб".

— Нет, конечно, — не отрывая взгляда от оружия, отозвался мальчик, по-итальянски. "Мы с отцом сегодня приехали, на генуэзском корабле. Он у меня инженер, — мальчик, наконец, повернулся, — он был в шароварах и рубашке: "Тут так тепло! Мы с отцом в горах живем, в монастыре, у нас там снег всю зиму. Это мой приемный отец, он еще монах, — мальчик широко улыбнулся. Он был высокий, изящный. Федор тихо сказал, смотря на него: "Я тоже инженер. Месье Корнель меня зовут".

— Вы на воздушном шаре летали, — ахнул мальчик. "Папа мне читал, в Риме. Отец Анри из Парижа ему написал. Так я знаю французский, меня папа научил. А можно вас потрогать? — мальчишка, покраснев, протянул руку. Федор пожал ее, твердя про себя: "Нет, этого не может быть, я не верю". Он, осторожно, спросил: "А тебя как зовут?"

— Пьетро Корвино, — мальчик, наконец, все рассмотрел. Пьетро твердо сказал хозяину: "Вот этот".

— Папа мне дал денег, — Пьетро рассмеялся, — чтобы я себе купил что-нибудь на память.

Он взвесил на руке простой, с черненой, серебряной рукояткой, маленький ножик.

Пьетро восхищенно сказал: "Я так давно такой хотел! В Риме они дорого стоят, а больше я нигде и не бывал. Теперь мне домой надо, — он задрал голову и посмотрел на большую, бледную луну. "Мы тут рядом живем. Вообще я сирота, — Пьетро спрятал ножик и пожал плечами. "Папа только знает, что я в Иерусалиме родился. А вы что такой бледный, месье? — озабоченно спросил Пьетро. "Съели что-то не то?"

— Я тебя провожу домой, — еле выговорил Федор, — все-таки поздно.

— Тут безопасно, — отмахнулся Пьетро, но все, же протянул ему ладонь.

— А как зовут твоего отца? — спросил Федор, когда они прошли через рыночную площадь.

— Вот тут мы живем, — Пьетро показал на белого камня, рияд. "У нас фонтан во дворе, так красиво! Зовут его отец Джованни, — прибавил Пьетро. Стукнув медным кольцом в двери, мальчик крикнул: "Папа! Я вернулся!"

— Прекрати, — еще успел сказать себе Федор. "Это другой Джованни, одиннадцать лет прошло. Джованни ди Амальфи давно погиб и похоронен, там, в Магнитной крепости".

Он вспомнил мягкие, темные глаза и веселый голос: "А еще у меня доченька есть, Констанца. Как вернусь отсюда, съезжу в Амстердам, заберу ее и будем с ней в Санкт-Петербурге жить".

— Это просто какой-то монах, — вздохнул про себя Федор, — ты лучше подумай о том, как теперь своего двоюродного племянника отсюда увезти.

Дверь открылась. Высокий, красивый мужчина в темной рясе, выглянул на улицу, вытирая полотенцем руки. "Наконец-то, — он улыбнулся, — купил свой ножик? Сейчас ужинать будем".

— Вот, — гордо сказал Пьетро, — а еще, папа, я с инженером, месье Корнелем, встретился. Тем, что на воздушном шаре летал.

Монах протянул руку: "Отец Джованни, рад встрече. Мы с сыном читали отчет о вашем эксперименте, очень впечатляет. Поужинаете с нами? В Индии я привык к острой еде, так что местная кухня мне нравится".

— Ему тридцать три сейчас, — напомнил себе Федор, — он меня на два года младше, а голова уже в седине. Он меня не узнает, что ли?

Джованни внезапно поморщился — в затылке заболело, он увидел перед собой белесый, густой туман, пронизанный слабыми лучами света.

— Бронзовые волосы, — вспомнил он. "У кого-то были бронзовые волосы, и зеленые глаза. У женщины, я ее видел. А потом выстрелы, взрывы — и темнота. Какие голубые глаза у этого Корнеля — как небо".

— Пьетро, — спокойно велел Федор, — пойди, вымой руки.

Мальчик недоуменно пожал плечами и шмыгнул внутрь рияда. В свете факелов глаза Джованни блестели, переливались. Он поднес руку к седому виску: "Месье Корнель, не поймите меня превратно…, Я, наверное, ошибаюсь, я мало что помню, но мы с вами где-то встречались. В Риме? Он отшатнулся — на большой ладони лежала икона.

— Это она, — подумал Джованни. "Мадонна. Русские ее Богородицей называют. Русские…,

Правильно, я же был в России. На Урале, в крепости Магнитной. Там был инженер, Федор Петрович, мы с ним дружили. У него в избе как раз эта икона и висела".

Женщина в белой рубашке, что держала на руках младенца, смотрела на него — твердо, требовательно.

Джованни, помолчав, подняв глаза, неуверенно проговорил: "Я вспомнил. Меня зовут Джованни ди Амальфи. А вы…, ты…, русский, мы с тобой — как раз в России познакомились. Ты был горным инженером, был женат. Я тоже был женат, только моя жена умерла, и дочь — тоже".

— Слава Богу, — Федор облегченно перекрестился и сварливо добавил: "Жива твоя Констанца и здорова. Осенью ей одиннадцать лет исполнилось. Она в Лондоне, у кузена нашего, Питера Кроу. Я, кстати, тоже твой родственник, только дальний. Пошли, — он подтолкнул Джованни, — корми нас. Пусть Пьетро спать ляжет, а я тебе все расскажу".

— Светло, — вдруг сказал ему Джованни, когда они заходили во двор рияда. "В голове светло, понимаешь? Я все вижу, наконец-то".

Федор взглянул на икону и одними губами сказал: "Спасибо тебе".

Они сидели у низкого столика, вокруг подвешенной на цепочках масляной лампы вилась какая-то мошкара, с юга, из пустыни, дул теплый ветер. Джованни, разливая чай, вздохнул: "С Пьетро я поговорю, завтра. И ты тоже — побудь с ним, расскажи ему о родителях его. Мы же ничего не знали — сирота и сирота".

— Врать придется, — Федор вдохнул запах мяты. "Ты же слышал, и о кузене моем покойном, и о той девушке, что Пьетро родила. Не говорить же ребенку обо всем этом".

— Не говорить, — согласился Джованни. "Но знать он должен, Теодор. Ты же, наверное, — мужчина замялся, — захочешь, чтобы Пьетро с тобой жил, в Париже? Я-то в Лондон поеду…, - Джованни внезапно замер: "Орден меня не отпустит, никогда".

— Ты его отец, — просто сказал Федор, — ты его с младенчества вырастил. Езжайте в Англию, забери Констанцу, и живите спокойно. Тем более у Питера сын приемный, от жены моей покойной — ему десять сейчас, Пьетро — шесть, как раз подружатся. Джон теперь в Париже живет и семья его тоже — на континенте, — он широко улыбнулся и увидел глаза Джованни.

— Орден, — пробормотал Федор и выругался. "Как тебя вообще угораздило монахом стать? Хотя в Картахене ты вовремя оказался, — мужчина усмехнулся, — если бы не ты — Иосиф вряд ли бы сейчас сына растил".

— Я этого никогда никому не говорил, — угрюмо отозвался Джованни.

— А мне расскажешь, — Федор потянулся за сладостями: "Вкусные они здесь, пожалуй, еще вкуснее, чем в Иерусалиме. Вот вы уедете, — он хмыкнул, — а я с его величеством Сиди Мохаммедом на юг отправлюсь, на будущие рудники, там меня так не покормят, — добавил он, вытирая руки.

Джованни помолчал. Сомкнув длинные, красивые пальцы, он увидел перед собой на мгновение лицо Мэйгуй.

Федор слушал, изредка отпивая чай: "Это ты сглупил, конечно. Надо было тебе ее увозить оттуда, вот и все. Добрались бы как-нибудь до Кантона, спрятались бы — мне Питер о Китае рассказывал, там людей больше живет, чем во всей Европе. Ничего, отсюда я вас вытащу, обещаю, придумаю что-нибудь. Приедете в Лондон, встретишь хорошую девушку, женишься…"

— А ты? — внезапно спросил Джованни. "Так и не женился, после того, как узнал о смерти Марии, дай ей Господь вечный покой? — мужчина перекрестился.

Красивое лицо Федора помрачнело: "Нет. Давай, — велел он, — неси свои чертежи, пока я этого султана жду — помогу вам с гаванью. Мне еще эту свою кузину найти надо, Изабеллу, тетю Пьетро, так что, — он закинул руки за голову, — работы много"

— Мы ведь можем остаться, — осторожно сказал Джованни, поднимаясь.

— Еще чего не хватало, — отрезал Федор. "Одиннадцать лет по свету болтался. Живи уже тихо, пиши книги, преподавай, — хватит тебе неприятностей".

Он проводил взглядом мужчину: "Святые отцы знают, что он память потерял. Вот и отлично, незачем кому-то сообщать, что она вернулась. Как доберутся они с Пьетро до Лондона — там Джованни ее и обретет, память". Федор усмехнулся и развел руками: "Что поделать, такое случается".

Пьетро проснулся и посмотрел на низкую, большую луну за окном. В маленькой комнатке, где он спал, приятно пахло сандалом, слабо горела медная лампа. Он, подобрав под себя ноги, пошарил под подушкой.

— Мой ножик, — ласково сказал мальчик, прижимая его к щеке.

В монастыре не было ничего своего — даже рясу носил до него кто-то другой.

— Мой, — повторил Пьетро. До него донесся, — откуда-то издалека, — слабый, плачущий, женский голос: "Мой сыночек…, сыночек мой…, где он…, где…".

— Мама, — тихо сказал мальчик. "Я знаю, это мама моя. Мамочка, — он велел себе не плакать, — он уже был большим, — но слезы сами собой покатились из глаз. Он вдруг услышал мягкий, озабоченный голос отца: "Не спишь, милый? Месье Теодор ушел, мы с ним завтра в гавани встретимся".

Джованни присел на ковер, и привлек к себе ребенка, гладя его по рыжим кудрям. "Что случилось?"

— Я мамочку свою слышал, — всхлипнул Пьетро и уткнулся лицом ему в плечо. От отца пахло, как обычно — чем-то теплым, ласковым. Мальчик, успокаиваясь, спросил: "А о чем вы с месье Теодором так долго говорили?"

Джованни поцеловал мокрую щеку: "Это секрет, ну, ты никому не скажешь, милый. Я же тебе говорил — я потерял память, еще давно. Теперь она ко мне вернулась. Вот послушай".

Пьетро, затаив дыхание, вертел в руках ножик. Потом мальчик сглотнул: "Я понимаю, папа. Мне надо будет остаться в монастыре, раз у тебя дочка есть, родная".

— Дурак ты, дорогой мой сын, — Джованни нежно толкнул его в плечо. "Ты мой ребенок, и так

будет всегда. А месье Теодор — твой двоюродный дядя, кузен отца твоего. Он его знал, и маму твою — тоже. Он тебе завтра все расскажет".

— Я большой, — напомнил себе Пьетро, и вздохнул — отец был совсем рядом.

— Остаться с тобой? — спросил Джованни и вспомнил, как зимними ночами, в Фонте Авеллано, когда сын был еще совсем маленьким, — он укачивал его на руках, завернув в грубую, шерстяную рясу. В келье было так холодно, что пар вырывался изо рта. Джованни, устроив ребенка у себя на груди, согревал его своим дыханием, — пока мальчик не засыпал, блаженно, сладко похрапывая.

— Ага, — Пьетро покраснел. "Один только разочек, папа".

Он задремал, держа Джованни за руку. Тот, осторожно вынув из пальцев ребенка ножик, спрятав его под подушку, улыбнулся. Он перекрестил мальчика и долго лежал, смотря в беленый потолок комнаты, слушая жужжание цикад в саду, что был разбит за стеной.

Ветер с океана раскачивал корабли, что стояли на якоре в гавани. Пьетро, уцепившись за руку Федора, спросил: "Почему мои папа и мама не поженились, раз они так любили друг друга, дядя Теодор?"

— Ты кричи тише, — посоветовал Федор, работая веслом — на втором сидел Джованни. "Я же тебе сказал — пока вы с отцом из Марокко не выберетесь, надо быть осторожными. А не поженились потому, что твоя мама была еврейка, а твой отец — католический священник".

— А что, — поинтересовался мальчик, — всем священникам нельзя жениться?

— Ну почему, — хмыкнул Федор, — англиканским священникам — можно. Твой отец хотел снять с себя сан, но не успел, — в урагане погиб. Я его и хоронил. А потом твоя мама родила тебя и умерла".

Он коротко вздохнул, поймав взгляд Джованни: "Это ложь, конечно. Что же делать — их обоих в живых уже нет, дай им Господь покой. А мальчик-то в чем виноват? Ни в чем".

— Когда вырасту, — твердо сказал Пьетро, — поеду в Иерусалим, на их могилы. Можно будет, папа?

— Конечно, — Джованни замахал рукой и с корабля сбросили трап.

— Я тебе потом еще кое-что покажу, — тихо заметил он Федору, уже оказавшись на палубе, — я в Риме работал в папской библиотеке. Они же, — Джованни с плохо скрытым отвращением прикоснулся к своей грубой рясе, — там чертежи синьора да Винчи держат. Те, которые никто никогда не видел. И еще, — его губы чуть искривились, — много всего.

Он подозвал к себе десятника и, показав ему изящный, четкий рисунок, стал медленно выговаривать арабские слова: "Все очень просто. Грунт, собранный со дна, будет складываться на плот, укреплённый между двумя лодками. Трос привяжем к молу. При повороте вот этого колеса, — палец уперся в чертеж, — он будет наматываться на барабан, и установка будет двигаться".

— А как за глубиной следить? — уважительно спросил десятник.

— Ось вращения барабана регулируется вертикально, так что все будет в порядке, — успокоил его Джованни. "Сделаем три…, нет, четыре таких механизма, и через неделю тут будет самая лучшая гавань в Марокко".

— Я такие механизмы на золотых приисках ставил, — добавил Федор по-французски. "Драга Леонардо, только ты ее усовершенствовал. Барабан лучше стал".

— Если бы еще придумать, как сюда втиснуть машину Уатта, — усмехнулся Джованни, — мы бы за день со здешним портом закончили.

— Верблюды! — крикнул Пьетро, стоя у борта корабля. "Смотрите, какая процессия!"

Федор взглянул на мол — закрытые шелковыми покрывалами носилки окружала охрана.

— Это архитектор, — благоговейно сказал десятник, — тот, что город строил.

— Интересный архитектор, — ядовито шепнул Федор на ухо Джованни, — он так всегда от людского глаза и прячется? Калека, что ли, какой-то?

В носилках тонко, неуловимо пахло розами. Изабелла высунула наружу холеную руку и коротко велела: "Подзорную трубу".

Она приложила ее к глазу и долго изучала мужчин, что стояли на корабле. Эфес сабли блестел сапфирами. Изабелла едва слышно сказала себе: "Это не он. Его бы я сразу узнала. И папа сказал, что его убили. Но сабля…, Это его сабля, ошибки быть не может. Европейцы, — она взглянула на высокого, темноволосого, красивого монаха. Раздув ноздри, вернув подзорную трубу евнуху, женщина приказала: "Узнайте — кто они такие".

Малик остановился перед высокими, резными дверями, и оглядел своего спутника с головы до ног: "Опять эта сабля. Сказать, что ли, его величеству? Но ведь у меня никаких доказательств нет. Может, это и не тот клинок, из-за которого бедному Аль-Джафару глаза смолой выжгли и голову отрубили".

Федор посмотрел на мозаичные стены передней: "А почему мы встречаемся с его величеством у вас, а не в его загородной резиденции?"

— Так удобней, — Малик поджал губы и напомнил: "Надо поклониться, месье Теодор".

Они зашли в полукруглый, выходящий окнами на океан зал. Высокий, крепкий пожилой мужчина, почти седой, рассматривал в подзорную трубу гавань.

— Семьдесят пять ему, — присвистнул про себя Федор. "Хотел бы я так выглядеть в его годы. Впрочем, я не доживу — в шахте завалит или газ, какой-нибудь взорвется".

— Очень умный механизм, — одобрительно сказал султан Марокко, на хорошем, без акцента, французском языке. "Они уже довольно далеко продвинулись. Здравствуйте, — он повернулся и махнул рукой: "Обойдемся без церемоний. Я привез из Марракеша карты той местности, садитесь, — султан повел рукой в сторону шелковых подушек, что лежали на коврах, — будем говорить. Малик, — он щелкнул пальцами, — свежего чаю".

Султан посмотрел на рыжие, коротко стриженые волосы, на упрямые, голубые глаза: "Я читал вашу книгу, месье Корнель. "Reflections sur l’age de la Terre". Очень хорошая. Только скажите

мне, — Сиди Мохаммед погладил седую, пахнущую розовой водой бороду, — ведь нет никакого пути доказать настоящий возраст Земли? Даже принимая во внимание те окаменелости, о которых вы пишете".

Федор смешливо развел руками: "Пока таких методов не существует. Но, ваше величество, — он потянулся за бумагой и карандашом, — если вы, хоть раз побываете на открытом разрезе, например угольном, — такие есть во Франции, — вы увидите, что ископаемые лежат слоями. Понятно, что самый ранний слой образовался первым. И потом, — он порылся в своей суме, — смотрите, это я привез из Англии, из тамошних шахт".

Сиди Мохаммед зачарованно взглянул на два плоских камня — один с отпечатком завернутой спиралью раковины, а второй — с очертаниями тонких, перистых листьев. "Но ведь они могли образоваться совсем недавно, — хмыкнул султан.

— Это из Лайм-Реджиса, — нежно сказал Федор, — на западе Англии, в Дорсете, есть такой городок. Там рядом скалы, их называют Голубыми — известняк и глинистый сланец. Эти образцы из среднего слоя, где-то, — он задумался, — на сто футов вниз от вершины скалы. Пришлось висеть на веревке, чтобы их добыть. И потом, — добавил Федор, — вы видели, когда-нибудь, такое растение?

Султан покачал головой. "Оно, — сказал Федор, принимая от Малика стакан с чаем, — росло на Земле, когда не родились еще ни Ромул с Ремом, ни Иисус, ни пророк Мухаммед".

Малик закашлялся. Султан ворчливо заметил: "Ты послушай, послушай, что знающий человек говорит". Федор улыбнулся: "Возьмите их себе, ваше величество. Если мы найдем здесь, в Марокко, что-то подобное — не позволяйте уничтожать такие вещи, они очень важны для науки. Я вам привез подарок, — он протянул султану что-то и с удовольствием заметил восхищение в темных глазах.

— Это янтарь, — сказал Сиди Мохаммед. "Я слышал о таком чуде, — он все рассматривал небольшого, прекрасно сохранившегося паука, — но никогда их не видел. Сколько ему лет?"

Федор пожал плечами: "Это с берега моря, из Германии. Этот паук — он рассмеялся, — ползал по стволам тех самых деревьев, о которых я говорил. Потом на их месте зашумела вода океана, их смола стала янтарем, а прилепившийся к ней паук — сохранился таким, каким он был тогда. Миллионы лет назад, — сам от себя не ожидая такой смелости, добавил Федор.

— Аллах..., - начал Малик. Сиди Мохаммед вздохнул: "Ладно. Наши богословы вас бы камнями побили, а ваши, из Европы, — отправили на костер. Он полюбовался янтарем: "Надо Зейнаб показать. Потом велю вставить его в четки. Буду смотреть на него, и думать о величии Аллаха".

— Спасибо вам, — он разложил на столе карты. Федор, внимательно их, разглядывая, сказал: "Так это не в пустыне, я-то думал..."

— На южном склоне гор, — остановил его султан, — у истоков реки Дра. Пустыня оттуда видна, как на ладони, месье Теодор. У меня там касба, остановимся в ней. Берберы в тех краях давно усмирены, так что это путешествие совершенно не опасно.

— А хоть бы и опасно было, — пробормотал Федор, — все равно, — он поднял голубые глаза, — раз уж я взялся за дело, ваше величество, то надо идти до конца. Да и золото вам пригодится, — он усмехнулся.

Сиди Мохаммед помолчал: "Там, в горах, до сих пор есть львы. Устроим ночную охоту, с

факелами, месье Теодор. Ну, мы обо всем договорились, — султан поднялся и протянул ему сильную, совсем не старческую руку, — недели через две отправимся. Я должен побыть с семьей, — объяснил он, увидев недоуменный взгляд Федора, — тут, в Эс-Сувейре".

— Значит, все-таки жена у него здесь, — подумал Федор, оказавшись на зеленом, ухоженном дворе рияда. Журчал фонтан. Он, присев на мраморную скамейку, хмыкнул: "Ерунда, он моей кузины на полвека старше. Хотя, если вспомнить, что мне Джованни рассказывал об этом императоре Хунли…"

— Месье Теодор, — раздался сзади шелестящий голос Малика. "Его величеству очень понравилась ваша сабля, он спрашивает — давно ли она у вас в семье?"

— Семь веков, — спокойно ответил Федор. "Видите, — он снял клинок и указал на эфес, — это руны. Такими писали люди с севера, в давние времена. "Меч Сигмундра, сына Алфа, из рода Эйрика. И да поможет нам Бог"

— И больше она ни у кого в руках не бывала? — все не отставал Малик. Федор, убрав саблю, твердо ответил: "Нет". Малик увидел ледяной блеск его глаз и вздохнул: "Не пытать же его. Нет, так нет".

Легкие, тихие волны наползали на белый песок пляжа. Изабелла сидела, рассматривая кусочек янтаря, а потом восхищенно сказала: "Удивительно, папа. Подумать только, этот паук жил миллионы лет назад. В Библии об этом не говорится".

— В Коране тоже, — рассмеялся Сиди Мохаммед, и махнул рукой. Безмолвный евнух снял с медной решетки над огнем рыбу и стал раскладывать ее по тарелкам.

— Этот месье Корнель, — султан разрезал лимон и передал половину Изабелле, — очень толковый человек. И тот итальянский инженер, отец Джованни, что гавань углубляет — такой же.

— Я его видела, — небрежно проговорила девушка, выжимая лимон. "Я была в порту, мне надо было посмотреть — где закладывать новый мол. Он ведь монах, этот итальянец".

— Да, — пожал плечами султан. Изабелла велела себе: "Вот сейчас. Он разрешит, если я как следует, попрошу. Этот отец Джованни — приятель месье Корнеля. Они разговаривали, как друзья. И я узнаю — откуда у него сабля капитана Стефано".

— Папа, — Изабелла подняла большие, зеленовато-серые глаза, — раз уж тут монах — можно я исповедуюсь? Я ведь десять лет этого не делала.

— И в чем тебе, интересно, исповедоваться? — проворчал Сиди Мохаммед. "Каяться в своих грехах надо перед Всевышним, а не перед каким-то человеком, все равно вы оба создания Божьи, чем он тебя лучше?"

— У нас по-другому, — упрямо ответила Изабелла. "Он меня даже не увидит, я буду за ширмой, как положено".

— Еще бы ты не была, — заметил отец, и бросил Гато, что лежал рядом с затухающим костром, — кусочек рыбы. Кот довольно заурчал. Сиди Мохаммед вздохнул: "Они же все равно, что евнухи, эти монахи. Никакой опасности нет".

mir-knigi.org

— Ладно, — усмехнулся отец, — пусть приезжает сюда, выслушает тебя, я велю Малику это устроить.

— Спасибо, папа, — Изабелла отставила тарелку и взяла его руку. "Я должна знать, — твердо сказала она себе. "Если он выжил, он давно уже женат, и счастлив, и дети у него. Он все равно никогда меня не любил. Но я должна знать".

Сиди Мохаммед улыбнулся: "Что ты, девочка моя. Я сейчас уеду на юг, с этим Корнелем, до весны — как я могу отказать своей жемчужине, мы ведь так долго не увидимся".

— Вернешься с золотом, — поддразнила его Изабелла и вскочила: "Пошли, папа, я обещала тебе морскую прогулку. Охранники отправятся за нами. Я переоденусь".

Она побежала к вилле — невысокая, легкая, рыже-каштановые, распущенные волосы спускались из-под невесомой вуали на спину. Султан, глядя ей вслед, подумал: "Аллах, как мне тебя благодарить, за эти десять лет".

Сиди Мохаммед велел евнуху: "Пусть готовят лодки, мы идем в океан".

Пьетро повертел в руках пистолет и поднял на Федора глаза: "Какой красивый! А почему вы его сейчас папе не отдаете, дядя Теодор? А можно будет из него пострелять? А...". Федор приложил палец к губам мальчика и подмигнул ему:

— Отдам, когда уезжать будете, сейчас он твоему отцу ни к чему. Это его, — он забрал у племянника оружие и погладил рукоятку слоновой кости, — он у меня одиннадцать лет был. Пусть теперь к законному хозяину возвращается. Пострелять мы можем из моего, — Федор потрепал рыжие кудри мальчика, — сейчас папу твоего месье Малик заберет, а мы с тобой прогуляемся. Заодно научу тебя ножик кидать.

Пьетро открыл рот и помолчал: "А вы умеете, дядя?"

— Угу, — рассмеялся Федор. "У меня в Париже знакомые есть — Робер и Франсуа, они много что умеют, такого. Вот и научился. Для тебя, кстати, мула приведут".

— Я на лошади хочу, — Пьетро обиженно вздохнул.

— Тут берберские лошади, они не для детей, — объяснил ему Федор. "У них характер очень горячий. А на верблюде, как ты и просил, прокатимся. Беги, — он взглянул на рясу мальчика, — переоденься".

Джованни сидел, скрестив ноги, разложив вокруг себя чертежи и заметки Федора. "Силы мускулов недостаточно, — сказал он, подняв темные глаза. "Ты просто не сможешь махать этими крыльями. Здесь нужна сила горения, как в воздушном шаре".

Федор прошелся по комнате и развел руками: "Воздушным шаром совершенно невозможно управлять, единственное, что, получается — опустить его на землю. Он слишком зависит от потоков воздуха, ветров..., В общем, я погорячился, когда обещал королю Людовику регулярные полеты из Парижа в Лондон".

— Полеты будут, — спокойно сказал Джованни, собирая в стопку тетради. "Я же тебе показывал, эти чертежи, что я по памяти скопировал. Корабля, который двигается силой пара. Мне так и не сказали — чьей они руки. Но не синьора, да Винчи, более позднего времени. Там

и подводная лодка есть, в той папке, и крылатые ракеты".

Федор замер. "Ракеты, начиненные порохом, — пробормотал он, — с паровым двигателем. Как в Китае".

— В Китае нет парового двигателя, — рассмеялся Джованни, вставая, оправляя рясу, — если не считать ту копию машины Вербиста, что я построил. Но, — он прислушался, — я этого так просто не оставлю, Теодор. Не умру, пока не увижу такой механизм в действии. Вот и этот месье Малик приехал.

Провожая его к двери, Федор остановился: "Я понимаю, это исповедь, ты там почти не говоришь. Но все же — постарайся узнать, может, этот человек слышал о моей кузине. Кто это вообще такой?

— Член семьи султана, — Джованни пожал плечами, — а больше месье Малик ничего не сказал. А вообще, — он усмехнулся, — разные бывают исповеди. В Картахене мне просто велели облачение монахини достать, на этом все и закончилось. Не волнуйся, — он положил руку на плечо Федору, — я попробую задать тому человеку несколько вопросов.

Двери рияда открылись. Малик, на вороном жеребце, перегнувшись в седле, коротко спросил: "Вы готовы?".

Джованни помахал Федору. Тот взял Пьетро за руку: "Жена, что ли, у него христианка, у Сиди Мохаммеда? Вообще умный человек, многим монархам европейским у него бы поучиться стоило".

— А, — радостно сказал мальчик, — вот и мул, дядя Теодор, проводник его ведет.

Уже оказавшись на спине мула, пробираясь вслед за лошадьми по улицам города, Пьетро улыбнулся: "Как хорошо! Теперь мы с папой не одни, дядя мне все, рассказал — какая у нас семья большая. Я не сирота, — он закрыл глаза и шепнул: "Не сирота".

Он выехали на широкую, мощеную светлым камнем дорогу, что вела к северу. Мальчик, чувствуя на лице теплое, полуденное солнце, нагнав рыжего жеребца дяди, спросил: "А пообедаем мы где?"

— Уже проголодался, — усмехнулся Федор. "Полную тарелку кускуса с медом съел, чуть ли не кувшин молока козьего выпил — и уже проголодался".

— Я расту, — серо-зеленые глаза весело заблестели. Федор вздохнул: "Он на отца Корвино, конечно, похож. И на меня, и на Степу — мы же все кузены. На Степу…, - он вспомнил уклончивый взгляд брата там, на узкой иерусалимской улице. Федор сказал себе: "Ерунда. Он с Евой только на улице и виделся, им же нельзя наедине с женщинами оставаться. Ева…, - Федор тихо вздохнул: "Это я, конечно, во всем виноват, больше никто. Теперь ее сына надо в люди вывести, иначе нельзя".

— Пьетро, — спросил он, сворачивая вслед за проводником к узкой тропинке, что вилась в скалах, — а ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Священником, конечно, — недоуменно отозвался мальчик, — кем же еще. Смотрите, дядя Теодор, — восторженно закричал он, — голуби, и как много!

Птицы, напуганные стуком копыт, закружились в голубом, чистом небе. Федор заметил:

"Сейчас доберемся до плато, — он указал рукой на вершины скал, — я по цвету вижу, там охра. Нарисую мишени на камнях, и будем стрелять".

— Конечно, — Пьетро подогнал мула, — не по голубям же, они такие красивые. Дядя Теодор, — он помолчал, — а моя мама, Ева — красивая была?

— Очень, — коротко ответил Федор. Взглянув на мальчика, он улыбнулся: "Но ты больше на отца своего похож".

Серая голубка все вилась над их головами. Пьетро, протянув руку, рассмеялся — птица села ему на плечо. Что-то, прокурлыкав, вспорхнув крыльями, голубка взлетела в небо.

— Тут, — сказал Малик, впуская Джованни в разделенную шелковой завесой комнату. "Охранники будут за дверью".

Оставшись один, Джованни осмотрелся — мраморный пол был устлан искусно вытканными коврами, пахло розами и немного сандалом. Ни одного окна, — смешливо подумал он. "Я и не видел ничего, — ворота распахнулись, и мы сразу в закрытый двор въехали. Наверное, эта та вилла, о которой мне Теодор рассказывал".

— Именно так, — донесся до него нежный голос. Женщина говорила на итальянском языке. "Отец Джованни, вы знаете месье Корнеля?". Занавесь заколыхалась. Он услышал шуршание и легкий, мимолетный вздох.

— Везет мне на такие исповеди, — Джованни опустился на пол, устраиваясь удобнее. "Она венецианка, это точно. Та, кузина Теодора — тоже венецианка была. Ну-ну".

— Знаю, — согласился он. "Мы с ним родственники, только дальние".

На второй половине комнаты помолчали, подышали, а потом спросили: "А вот сабля месье Корнеля — откуда она у него, отец Джованни? Я знаю, — девушка замялась, — она раньше была у другого человека".

— У его брата младшего, — спокойно отозвался Джованни. "Он сейчас в Иерусалиме живет, женат, двое детей у него. Мальчик и девочка, — зачем-то прибавил он. "Саблю он месье Корнелю отдал".

— Слава Богу, — Изабелла выдохнула. "Слава Богу, как хорошо. Вот и все, пусть он теперь уходит".

Она подняла голову и вздрогнула, — завесу отдернули. "У меня лицо не закрыто, — в панике поняла Изабелла. "Господи, какой он красивый. Как та статуя, во Флоренции, "Давид", синьора Микеланджело".

Джованни застыл — она смотрела на него огромными, в темных ресницах, зеленовато-серыми глазами. На белый, высокий лоб спускалась прядь каштановых, с рыжими прядями, волос, изящная голова была прикрыта прозрачной вуалью. Маленькая грудь чуть приподнималась — девушка прерывисто, часто дышала. На шее виднелся простой, серебряный крестик.

— Я просто потрогаю, — сказала себе Изабелла, — чтобы знать — как это. Просто коснусь его руки, и все. Он же монах, так можно.

mir-knigi.org

Девушка протянула нежные пальцы, и еще успела подумать: "Какая теплая. Как солнце". Джованни, сам не понимая, что делает, даже не оглянувшись на полуоткрытую дверь, наклонил голову. Изабелла задрожала, и почувствовала его поцелуй — ласковый, медленный, нежный. Она, закрыв глаза, оказавшись в его объятьях, не зная, что будет дальше, едва слышно попросила: "Еще!"

Изабелла отстранилась. Испуганно глядя на него, она помотала головой: "Простите…, Вам, наверное, неприятно. Я хотела попробовать — как это…, - девушка покраснела: "Вам нельзя, отец Джованни".

Он вдохнул запах роз, и взял ее лицо в ладони: "Я сам знаю — что мне можно, а что нельзя. Вы ведь Изабелла Корвино, так? Вас взяли в плен берберские пираты, десять лет назад, вместе с капитаном, русским".

Изабелла только кивнула, прикусив губу: "Вот и все. Сейчас он уйдет, а я останусь тут доживать свою жизнь. Но как это было хорошо, я и не знала…"

Она только и успела, что тихо ахнуть — Джованни опять поцеловал ее, и, не выпуская из своих рук, сказал:

— Во-первых, мы с вами родственники, только очень дальние. А вот месье Корнель — он ваш кузен. Во-вторых, мне очень жаль, — он взглянул в зеленовато-серые глаза, — ваш брат, старший, он умер, в Иерусалиме, семь лет назад. У него остался сын, тоже Пьетро, ваш племянник — я его воспитывал все это время. Он сейчас тоже здесь, в Эс-Сувейре". Джованни помолчал: "Вы жена Сиди Мохаммеда?"

— Приемная дочь, — шепнула Изабелла. "Почему вы меня целуете?"

— Потому, что вы мне очень нравитесь, — усмехнулся Джованни и поцеловал ее еще раз. У нее были мягкие, сухие губы. Он услышал, как бьется ее сердце, — быстро, беспорядочно.

Изабелла задохнулась и еле слышно проговорила: "Сейчас за вами придут. Я буду вечером на берегу, в купальне. Одна. Отец сегодня ночует в городе".

Она прошмыгнула в закрытую шелком, низкую арку. Джованни, вернувшись на свою половину, едва успел задернуть завесу. Когда Малик приоткрыл дверь, он уже стоял, опустив голову, перебирая в руках четки.

— Большое вам спасибо, — сухо сказал советник, провожая его к выходу.

— Рад услужить, — коротко отозвался Джованни. Малик потянул носом: "Розами пахнет. Впрочем, ее высочество любит этот аромат, тут даже полы с розовой водой моют".

Они прошли в закрытый, огороженный со всех сторон, внутренний двор. Джованни, уже выехав на дорогу, обернулся — огромные, в три человеческих роста ворота медленно сомкнулись за ними. Он увидел неприступную, гранитную стену, что окружала холм и спуск к бухте.

— До самого края скал идет, — понял он, — а скалы там — сто футов высотой. Нет, только на лодке, иначе не получится. Господи, но какая она красавица, — он заставил себя не думать о ее губах, о том, как она, держа его за руку, вздохнула: "Еще!"

— Увезу ее отсюда, — решил Джованни, уже, когда они подъезжали к Эс-Сувейре. "Она ведь тетя Пьетро, самая близкая ему родственница. Увезу, и мы поженимся. Попрошу этого Сиди

Мохаммеда, он поймет, он ее отпустит. Теодор же говорил — он образованный человек…"

Они спешились у гавани. Малик, глядя на работу лодок, улыбнулся: "Его величество султан очень доволен вашими стараниями, месье Джованни. Когда закончите — вам передадут чертежи мола, от нашего архитектора, так что, — он обвел рукой гавань, — здесь будет лучший порт в Северной Африке".

— Изабелла, — понял Джованни. "Это она построила город. Теодор же мне говорил. В Италии она хотела стать архитектором, но в Европе это невозможно, она ведь женщина. Удивительное мракобесие, — Джованни поморщился. Вежливо попрощавшись с Маликом, он спустился на выложенную гранитными плитами набережную.

— Сразу, — смешливо подумал Джованни, — и жена, и детей двое, мальчик и девочка. И еще родятся, непременно, — он почувствовал, что краснеет. Мужчина услышал у себя над ухом сухой голос отца Джузеппе, главы миссии: "А кого вы исповедовали, отец Джованни?"

Джованни взглянул в черные, глубоко посаженные, подозрительные глаза и пожал плечами: "Откуда же я знаю, святой отец? Тайна исповеди, не мне ее вам объяснять. Прошу прощения, — он приставил ладонь к глазам, — мне надо поговорить с месье Корнелем об усовершенствовании этих механизмов".

Он пошел вверх по широкой лестнице. Отец Джузеппе, увидев рыжую голову мужчины, что ждал его, хмыкнул: "Этот тоже — верный слуга Ордена. Ничего, скоро мы вернемся в Европу. А пока — нам осталась вся Россия, Азия, Новый Свет, Африка…, - он вытащил из кармана сутаны какой-то потрепанный конверт. Развернув письмо, иезуит вчитался в ровные строки:

— Что же касается, месье Корнеля, а вернее — Федора Петровича Воронцова-Вельяминова, то ее величество императрица, как сообщают наши братья во Христе из Санкт-Петербурга, неоднократно интересовалась его судьбой, сожалея, как она говорила, о том, что: "такой талантливый человек пропал без следа.

Дело покойной Селинской давно забыто, и месье Корнель мог бы без опасений вернуться в Россию. Ее величество любит науку и была бы впечатлена его достижениями за эти годы. Разумеется, не надо ему об этом говорить, мой милый Джузеппе, не след нам лишаться такого источника информации в Париже. Пусть он как можно дольше проработает на славу ордена.

Не обмолвись при нем о том, кто такой на самом деле отец Джованни — как мы выяснили у покойного господина Леонарда Эйлера, — Джованни ди Амальфи знал месье Корнеля, еще, когда тот трудился на Урале. Sapienti sat.

Письмо было не подписано. Отец Джузеппе хмыкнул: "Умен все-таки наш новый генерал Ордена, даром что поляк".

Он порвал бумагу на мелкие кусочки, и, выйдя на мол — пустил их по ветру.

— Пьетро съел половину молочного ягненка и спит, — весело ухмыльнулся Федор, увидев Джованни. "Мы с ним стреляли, на верблюде катались, воздушного змея запускали — так что все в порядке. Узнал ты что-нибудь о моей кузине? — спросил Федор. Он искоса взглянул на Джованни: "Глаза у него заблестели. Интересно, с чего бы это?"

— Твоя кузина, — довольно сказал Джованни, — построила Эс-Сувейру. Она приемная дочь султана.

Они шли по набережной. Федор, после долгого молчания, выругавшись себе под нос, заметил: "Так вот почему Дэниелу сказали, что она умерла, пять лет назад. И что, — он поскреб в отрастающей бороде, — нам теперь делать, а, святой отец? Сиди Мохаммед ее отсюда не отпустит, это понятно".

Мимо прошел караван верблюдов, с рынка пахнуло пряностями. Джованни, подтолкнув Федора, велел: "Пошли, перекусим".

Повар принес таджин и большое блюдо с кускусом, и, поклонившись, — исчез. Снаружи, за маленьким окном, шумел базар, перекрикивались торговцы, тянуло жарким ветром с юга.

— Можно ее украсть, — небрежно заметил Джованни, заливая свежую мяту настоявшимся чаем. Федор посыпал мясо зернами граната, и завернул его в лепешку: "Тогда головы не сносить ни тебе, ни мне, ни Пьетро. Ты султана не видел, а я видел. Такие шутить не любят. И потом, судя по всему, он действительно относится к ней, как к дочери, любит ее".

— Изабелла для него просто игрушка, — жестко сказал Джованни. "Он же ей солгал, что брат твой погиб — вот она его и не искала".

Федор помолчал: "Разные люди бывают. Я тоже — как приехал в Лондон, услышал от Питера, что Мария умерла, и сына ему оставила — не хотел его видеть сначала. Бандитским отродьем назвал. А потом подумал — ребенок, в чем виноват? И Пьетро наш — так же. Ты не осуждай его величество, он, наверняка, просто дочь незадолго до этого потерял, вот и все".

— Купить себе дочь… — Джованни поморщился.

Федор отодвинул тарелку: "Наверное, лучше было бы, если бы ее в гарем продали, и она бы там состарилась, рожая детей. В Европе бы ей никто не дал целый город выстроить, сам знаешь. Надо идти к Сиди Мохаммеду, — вздохнул он. А сама-то Изабелла, — Федор отхлебнул чаю, — хочет отсюда уехать?"

Джованни вспомнил, как лихорадочно колотилось ее сердце, вспомнил ее шепот: "Вечером, в купальне. Я буду одна". Он твердо ответил: "Хочет. Я с ней сегодня вечером увижусь, поговорю еще об этом. Я лодку возьму, это совершенно безопасно".

— Я тебя отвезу, — предложил Федор, — Пьетро можно одного оставить, он уже большой. Отвезу и подожду там.

— Я сам справлюсь, — внезапно покраснел Джованни. Федор помолчал: "Ну, как знаешь. Не рискуй только там. Пошли, — он бросил на резной столик монеты и поднялся, — я обещал племянника своего в мечеть сводить. Он мне, кстати, сказал, что хочет священником стать, — добавил Федор.

— Это у него давно, — усмехнулся Джованни, когда они пробирались среди череды телег, мулов, разносчиков чая и сладостей, торговцев с лотками. "Он мне еще тем годом говорил — вырасту, приму сан, и буду призревать сирот".

— Вот оно как, — протянул Федор. Они, склонив головы — двери были низкими, — шагнули во двор рияда.

Солнце уже почти закатилось, когда Джованни, привстав в лодке, бросив весла — взглянул на берег. Белый песок был пуст, дом на холме поднимался вверх — темный, безлюдный, только чуть развевались под ветром шелковые занавеси, что закрывали арки. Он заметил неверный

свет в узких окнах купальни и улыбнулся: "Изабелла".

Джованни услышал плеск воды — она стояла на гранитных ступенях, одной рукой держа медную лампу, другой — подобрав край легкой, шелковой накидки.

— Здесь есть крюк, — шепнула ему девушка. "Привяжите лодку, из виллы не будет видно, где она".

Джованни взял у нее лампу с горящей внутри свечой, и, наклонившись, поцеловал ее в губы. "Я ждала, — подумала Изабелла, краснея. "Даже ванну приняла. Но ведь если он узнает, что я еще никогда..., И я ничего не умею, совсем. Я ведь уже не молода, тут в такие годы у женщин уже по шесть детей. Зачем я ему?"

Джованни потянул ее за руку. Поставив лампу на скамью, опустившись на пол, он устроил ее в своих объятьях. Джованни погладил мягкие, пахнущие розами волосы: "Я весь день думал о тебе, Изабелла. Ты послушай, я сейчас расскажу кое-что".

Он говорил, а девушка перебирала его пальцы: "Бедный. Жену потерял, таким молодым, и женщину любимую. Как это — жить без памяти? Я бы не смогла".

— Смогла ведь, — отозвался жесткий голос внутри нее. "Тебе ведь до сих пор — снится Венеция, ты просто не позволяешь себе об этом думать".

Изабелла вздохнула, и поднесла его руку к щеке: "Ты в монахи постригся из-за того, что та девушка умерла, Мэйгуй? Не потому, что сам хотел?"

Джованни поцеловал ее шею, не отрываясь от мягкой, белой кожи:

— Какой из меня монах, счастье мое? Я всегда мечтал, чтобы у меня был дом, семья, дети. Хотел со студентами заниматься, книги писать, а видишь, как вышло, — он усмехнулся, — Теодор мне говорил, что мои статьи Орден под чужими именами публикует. Хватит, — он почувствовал, как горят у него щеки, и приказал себе: "Потерпи. Она тут десять лет прожила, за этими стенами. Сначала увези ее отсюда, а потом — все остальное".

Он услышал шуршание моря за стенами купальни: "Изабелла...Ты уедешь со мной в Англию? Со мной, с Пьетро, мы заберем Констанцу и будем жить все вместе. Ты сможешь строить, обещаю, я все, что угодно сделаю, чтобы тебе это удалось. Ты очень хороший архитектор, — улыбнулся он.

— Я слышала, — зачарованно отозвалась девушка, — у вас там собор Святого Павла, и церкви Рена. А во Франции — Люксембургский дворец. Я ведь, кроме Италии, ничего не видела, Джованни.

Он поцеловал тонкие, в пятнах краски пальцы: "Мы поедем в Венецию, потом — в Амстердам, в Париж, навестим всех наших родственников, а после этого — будем жить спокойно, с детьми, в нашей семейной усадьбе, на Темзе".

— Надо будет еще отсюда выбраться так, чтобы не вызвать подозрений у Ордена, — вздохнул Джованни, — Теодор и я позаботимся об этом.

— Ты выйдешь за меня замуж? — он стал целовать маленькое, пылающее от смущения ухо.

— Щекотно, — хихикнула Изабелла и посерьезнела: "Джованни, я совсем ничего не знаю, тебе

не понравится..., Я даже не думала, что когда-нибудь со мной такое случится".

— Обними меня, — попросил он. Девушка, потянувшись, неловко положила руки ему на плечи. "Мне хочется быть рядом с тобой", — она покраснела, избегая его взгляда. Свеча в лампе трещала, догорая, дул прохладный ветер с моря. Джованни, одними губами, сказал: "Будь. Пожалуйста, любовь моя".

Она целовала его, — в темноте было слышно только ее слабое, взволнованное дыхание. Потом она грустно проговорила: "Тебе не нравится".

Джованни только сжал зубы. Подняв ее на руки, усадив на мраморную скамью, он опустился на колени. От нее пахло розами, зашелестел тонкий шелк накидки и Джованни услышал испуганный голос: "Что ты делаешь?"

— Люблю тебя, — отозвался он, и почувствовал, как ее руки осторожно снимают с него рубашку. "У тебя шрамы, — сказала она тихо. "Оттуда, из Китая? Я потом поцелую, каждый".

— Мэйгуй так же говорила, — вспомнил Джованни. Потом он провел губами по гладкому бедру, и услышал ее шепот: "Еще! Еще, пожалуйста!". Вокруг не осталось ничего — только ее руки, что легли ему на голову, только шум океана, только ее тело, что светилось сквозь невесомый шелк, и было совсем рядом, совсем близко.

— Ты вся — будто из лунного света отлита, — он услышал тихий, сдавленный стон и поднял голову — Изабелла в ужасе смотрела на него.

— Я не хотела..., я не знаю..., - пробормотала она. Джованни, потянув ее за руку, уложил на пол: "Слаще тебя никого нет, любовь моя. Все правильно, все — так, как надо".

— Вот так это бывает, — поняла Изабелла, привлекая его к себе, чувствуя его руку, тяжело дыша. "Как хорошо, как хорошо, — она закрыла глаза, и увидела голубей, что вились в ярком небе — белых, серых, трепещущих крыльями голубей.

— Человек, — сказал Джованни сквозь зубы, — поднимется в небо. Так оно и будет, Изабелла, как сейчас — свободно и счастливо.

Она почти не почувствовала боли, только выдохнула, прижимая его к себе. Джованни поцеловал ее закрытые, дрожащие веки: "Спасибо, спасибо тебе, любовь моя. Пока я жив — я буду тебя благодарить".

Для нее не осталось ничего, кроме его объятий, кроме жаркого, сладкого чувства, где-то внутри. Изабелла задрожав, сдерживая крик, пробормотала: "Я тебя люблю, так люблю". "Люблю! — повторила она, рассыпав густые, тяжелые волосы по мраморному полу.

Сид и Мохаммед спешился и сварливо сказал Малику: "Засиделись мы с тобой в Эс-Сувейре. Тут уже и спят все. Ее высочество тоже, наверное".

Он хлопнул в ладоши, заходя в переднюю, где на стенах серого гранита горели факелы из кедра.

— Принцесса Зейнаб? — спросил султан у появившегося из-за шелковой занавеси главного евнуха.

— Сказала, что будет читать, в своей опочивальне, — склонил тот голову. "Я пойду, пожелаю ей спокойной ночи, — султан зевнул, — принесите мне чаю в мои покои. Малик, иди ко мне, еще поработаем".

Сиди Мохаммед взял у евнуха медную лампу и шагнул в заботливо приоткрытые, резные двери женской половины.

Он прошел по высокому, гулкому коридору. Чернокожая служанка спала на скамье у входа в спальню. Султан, остановившись, недоуменно сказал: "Темно. Читала и заснула, наверное".

Сиди Мохаммед заглянул внутрь — широкое, низкое ложе было пусто, ветер с моря раздувал шелковые занавески. В свете факела он увидел, как блестят глаза кота — Гато потянулся, выгнул спину, и соскочил с кровати.

— Где Зейнаб? — тихо, сквозь зубы, спросил султан. Кот прошел на террасу и, легко спрыгнув на дорожку сада, — побежал вниз, к пляжу. Сиди Мохаммед поднял факел и последовал за ним.

В шуме ветра его шаги были не слышны. Он, воткнув факел в песок, заглянул в узкое окно купальни. "Нет, — подумал султан, — нет, этого не может быть. Это не моя девочка, она ничего не знает. Господи, он, наверняка, ее силой взял. Аллах, я клянусь — он жизнью мне за это заплатит".

Султан нащупал за поясом кривой кинжал. Он шагнул внутрь, отвернувшись, вдыхая запах мускуса и роз, прохладу ночного ветра.

— Да! — крикнула Изабелла, и услышала резкий голос отца: "Зейнаб!"

Джованни прижал ее к себе, не отпуская, защищая своими руками. Он почувствовал холод клинка у себя на шее.

— Встань и оденься, — велел султан.

— Папа! — Изабелла пошарила по полу, и, съежившись, натянула на себя покрывало. "Папа, мы с Джованни любим, друг друга. Ты же сам хотел, чтобы я вышла замуж. Пожалуйста, папа!". Она посмотрела на испачканный, мраморный пол и увидела, как отец, мимолетно, брезгливо раздул ноздри. Изабелла покраснела и замолчала.

— Возвращайся к себе в спальню, — коротко велел отец. Она еще успела крикнуть: "Нет, пожалуйста! Джованни!". Мужчина обернулся на пороге: "Не бойся, пожалуйста. Мы ничего дурного не сделали".

Сиди Мохаммед подтолкнул его кинжалом в спину, и они вышли. Изабелла уронила растрепанную голову в ладони, и горько, отчаянно зарыдала.

Султан поднял свободной рукой факел и приказал: "Не оглядывайтесь, идите вперед". Он снял с пояса кольцо с ключами. Оказавшись внутри виллы, Сиди Мохаммед отпер незаметную дверь в пустом, выложенном мрамором коридоре.

Джованни считал ступени — их оказалось тридцать шесть. Внизу была еще одна дверь, а за ней — крохотная, каменная каморка.

— Вы останетесь здесь, — велел Сиди Мохаммед, освещая ее факелом.

— Мы с вашей приемной дочерью любим, друг друга, — упрямо отозвался Джованни. "Ваше величество, как можно наказывать за любовь? Поймите… — он поднял глаза и столкнулся с ненавидящим, темным взглядом.

— Вы хороший инженер, — медленно, сдерживаясь, произнес султан. "Я бы мог лишить жизни вашего воспитанника, но это низко — ребенок, ни в чем не виноват. Поэтому завтра к вам придут мои врачи, — у меня они лучшие в Африке, — и сделают вам небольшую операцию. Будет больно, но пытки и смерть — больнее. Когда вы оправитесь, вы доделаете свое дело, и уедете отсюда — навсегда. Все, — он взял факел, и Джованни гневно сказал: "Вы не имеете права…"

— Это моя страна, — коротко отозвался Сиди Мохаммед, — у меня есть право на все. Я бы мог продать вас и вашего сына, я бы мог отрубить вам голову, и ему тоже. Я просто хочу быть уверен в том, что вы никогда больше не соблазните невинную девушку. Монах, — презрительно добавил султан.

— Такой же лицемер, как все остальные франки. Мы скажем, что ты заболел, гостя у меня в резиденции, и я велел за тобой ухаживать. Недели через две ты уже встанешь на ноги. Я не желаю тебя больше видеть, запомни это.

Султан захлопнул за собой дверь. Джованни услышал звук поворачивающегося в замке ключа.

Изабелла лежала, свернувшись в клубочек, подтянув колени к животу, уткнувшись лицом в мокрую от слез, шелковую подушку. Гато запрыгнул на ложе и потерся головой об ее ладонь. "Предатель, — сказала девушка, — ты зачем на берег побежал, спал бы себе спокойно".

Кот заурчал и устроился рядом, поерзав, привалившись к ее боку.

— Надо пойти к папе, — решила Изабелла. "Утром, сразу же. Он, конечно, очень рассердился, я его никогда таким не видела. Но ведь Джованни может остаться здесь, и Пьетро тоже. Даже Констанцу можно сюда привезти. Будем жить все вместе".

Изабелла вздохнула и вытерла мокрые щеки. Над морем висела низкая половинка луны. "Папа мне солгал, — горько сказала девушка, поднимаясь, морщась от легкой боли. "Солгал о том, что капитана Стефано убили".

Она прошла в умывальную. Ополоснув лицо водой, в которой плавали лепестки роз, женщина замерла.

— Так это и случается, — Изабелла взяла шелковое полотенце и повертела его в руках, — между мужем и женой. Мы теперь муж и жена, — она почувствовала, что краснеет. "Но я, же ничего не поняла. Сначала было неприятно, немного, а потом — очень хорошо. Только все равно — откуда берутся дети? — она вспомнила беременных женщин, которых видела в Италии. Скинув накидку, Изабелла оглядела свой плоский, белеющий в лунном свете живот.

— Непонятно, — хмыкнула женщина. "Мне даже анатомию не разрешили учить, во Флоренции. Сказали, что женщинам-художницам она все равно ни к чему, мне же нельзя было рисовать обнаженную натуру, только статуи". Девушка вздохнула и вытерла испачканные кровью бедра. "Опять, что ли, начались, — подумала она. Между ног саднило. Она, вернувшись на ложе, прижав к себе сердито мурлыкавшего Гато, пощекотала его между ушей.

— Я на тебя не в обиде, — сказала Изабелла, положив острый подбородок на его мягкую шерсть. "Завтра пойду к папе, — она положила руку на свой простой крестик: "Господи, упокой

брата моего. Дай ты мне сил, пожалуйста — чтобы все у меня получилось. Там же дети, Пьетро, Констанца — нельзя их сиротами оставлять".

Она вытянулась на спине, устроив рядом кота, глядя на высокий, выложенный мозаикой потолок. Изабелла и сама не заметила, как задремала — легким, лихорадочным сном. Она слышала шуршание моря. Погружаясь в кромешную тьму, девушка уловила какие- то голоса — мужчины и подростка.

— Венецианцы, — поняла она. "Странно, откуда они тут?"

До нее донесся скрип лодки по камням и ласковый, мальчишеский голос: "Сюда, батюшка. Осторожней только".

— Посмотри, Джованни, — велел мужчина, — факелов нет на холме?

Подросток, — высокий, крепкий, — обернулся, луна вышла из-за туч. Девушка увидела блеск его серых, больших глаз. Рыжие кудри шевелил ветер. "Они до утра не спохватятся, — ответил мальчик, — в арабской одежде. Мужчина уже сидел в лодке, подросток, прошлепав по воде — устроился на веслах.

— Все время на север, — велел отец. Он положил левую руку, — правой у него не было, — на плечо сыну. "Хватит, — пробормотал Джованни, ловко ставя парус, — почти семь лет тут просидели. Я справлюсь, батюшка, вы не волнуйтесь. Тут сто миль всего лишь. Нас рыбаки сицилийские подберут, или еще кто-нибудь".

— Справишься, конечно, — улыбнулся мужчина. Изабелла заметила месиво старых, побледневших шрамов на месте его глаз.

Она проснулась, вздрогнув. Девушка долго лежала, повернувшись на бок, гладя теплую шерсть кота, шепча: "Господи, помоги мне".

Над океаном медленно поднималось солнце. Изабелла, увидев в дверях спальни рабыню, велела: "Приготовь мне ванну — прямо сейчас, и завари кофе". Девушка посмотрела на Гато и улыбнулась: "Все будет хорошо".

Федор обернулся на племянника. Заставив свой голос звучать спокойно, он указал на поднимающуюся ввысь гранитную стену: "Приехали".

— Ого, — присвистнул Пьетро, спешиваясь. "Тут живет моя тетя Изабелла? Она принцесса? А почему султан хочет меня видеть?"

— Имел ли ты право? — повторил про себя Федор, взяв под уздцы своего жеребца. Он задавал себе этот вопрос всю ночь, — уложив Пьетро, раскурив кальян. Он вдыхал пахнущий розами дым:

— Нельзя везти туда ребенка. Лучше всего — прямо с утра отправить его куда-то в безопасное место. Черт, тут даже евреев пока нет. Были бы, — пошел бы к ним, попросил спрятать мальчика на первое время. Все же, по их законам — он тоже еврей. Ах, Джованни, Джованни…, - он покачал головой и вспомнил блестящие, счастливые глаза друга.

— Понятно, что он голову потерял — десять лет монахом был. Да и кузина моя — тут ни одного мужчины не видела, кроме этого Сиди Мохаммеда. Может, Джованни уже убили, хотя нет, —

Федор налил себе чаю, — султан не будет поступать опрометчиво. Не такой он человек. Я бы тоже — если бы столько лет монахом прожил, вряд ли бы устоял.

Он затянулся, и, выпустив дым, закинул руки за голову. "В общем, — смешливо сказал себе Федор, — ты святого отца скоро догонишь. А все почему? Потому что не надо тебе никого, кроме нее".

Федор вспомнил черные, с золотистыми искорками глаза, ее низкий, грудной голос, темные, уложенные в причудливую прическу локоны. Она, смеясь, опускала карты: "Нет, нет, месье Корнель, я не могу так притворяться".

— А вы попробуйте, мадемуазель Бенджаман — белая роза была приколота к темно-золотистым кружевам, что закрывали смуглую, большую, тяжелую грудь. "Вы же актриса, — усмехнулся Федор, — вы все время притворяетесь".

Тео покраснела и покачала головой: "Нет, месье Корнель, не все время. Только на сцене".

— Вот сейчас, — Федор перетасовал колоду, — и начнем учиться — как это делать в жизни.

Тео взглянула на свои карты. Федор, увидев довольную улыбку на гранатовых губах, строго велел: "Нет, нет, еще раз".

Дым кальяна уходил в маленькое окошко под потолком, на улице лаяли собаки, блестели низкие, крупные звезды:

— Женюсь, наверное. Лет через пять, на какой-нибудь хорошей девушке. Пусть дома сидит и детей воспитывает. Не по любви, конечно, но так, как Тео — я уже никого не полюблю, никогда. И в Россию не вернусь. Жаль, — он закрыл глаза и увидел перед собой темно-синий простор Невы, блеск кораблика на шпиле Адмиралтейства:

— Оставь, Федор Петрович, на чужбине умрешь. А Тео…, будешь ей на сцене любоваться. Ты ведь и этим счастлив. Возьму с собой Пьетро, — наконец, решил он, разжигая свежие угли в кальяне. "Сиди Мохаммед не тронет ребенка, он человек чести. Мальчик должен свою тетю увидеть, и она его тоже".

— Сиди Мохаммед, — наконец, ответил Федор, стуча медным молотком в огромную дверь, — выразил желание с тобой встретиться. Твоя тетя все-таки десять лет провела, в Марокко.

В двери открылась какая-то забранная решеткой щель. Федор, глядя в темные, бесстрастные глаза напротив, вежливо, медленно сказал по-арабски: "Передайте его величеству султану, что здесь — племянник ее высочества принцессы. Спасибо".

Щель захлопнулась, и они стали ждать.

Сиди Мохаммед выслушал наклонившегося к его уху Малика. Поднявшись, походив по огромному, затянутому шелками залу, султан коротко велел: "Подожди!"

Над зеленой, влажной, только что политой травой сада порхала красивая, серая голубка.

— Я ее в горах видел, — вдруг подумал султан, — тогда, пять лет назад, когда узнал, что этот Даниял — родственник моей девочке. Племянник…, - он поднес к губам серебряную чашку с кофе и поморщился. "Не хочу ее ни с кем делить, — холодно сказал себе султан. "Не хочу, не

могу. Но ты ведь сам говорил — у девочки должна быть семья, как ты смеешь? Аллах, устами пророка Мухаммеда, учит нас: "Не прерывайте родственных отношений". Кто ты такой, чтобы спорить с Аллахом?"

— А я зайду! — раздался с порога звонкий, страстный голос. Сиди Мохаммед обернулся — она стояла на пороге, маленькая, с ног до головы закутанная в серебристый шелк, с закрытым лицом. Он щелкнул пальцами. Малик мгновенно исчез, затворив за собой двери.

Дочь откинула вуаль и взглянула на него большими, покрасневшими, припухшими глазами. "Я виновата, папа, — сказала она твердо. "Мы виноваты. Нам надо было прийти к тебе и попросить твоего благословения, как сказано в Коране: "Преклоняй пред родителями крыло смирения по милосердию своему".

— А еще пророк Мухаммад, — сам того не ожидая, отозвался султан, — говорил Хансе бинт Хизам: "Я хочу, чтобы женщины знали — они не подневольны отцам своим, и могут выбирать себе мужа сами". Он тяжело вздохнул. Подойдя к дочери, султан поцеловал ее в лоб. "Расскажу тебе кое-что, — Сиди Мохаммед, усадил ее на подушки, и налил кофе.

Изабелла слушала, а потом сказала: "Прости меня, папа. Прости, пожалуйста. Если бы я знала…, Но, может быть, — робко добавила она, — принцесса Зейнаб, да упокоится она с Аллахом и тот человек — любили друг друга?"

— Как мы с Джованни, — чуть не добавила она.

Отец долго стоял, повернувшись к ней сильной, не старческой спиной, глядя на море. "Может быть, — его голос надломился. "Только я уже никогда об этом не узнаю, девочка моя. Та Зейнаб…ей было пятнадцать, она побоялась прийти ко мне и обо всем рассказать. Ты тоже, — вздохнул отец.

— Мы бы пришли, — твердо сказала Изабелла, подойдя к нему, взяв его за руку. "Вообще-то, — вдруг, смешливо подумал Сиди Мохаммед, — любой богослов мне скажет — ей надо носить при тебе хиджаб, нельзя ее трогать, нельзя целовать. Не родная же дочь. Но никто, кроме Аллаха, не видит, а Он меня простит — для меня Зейнаб все равно, что мое кровное дитя".

Он вздохнул, и привлек ее к себе: "Я велю выпустить твоего жениха, — сказал султан, — ты только расскажи мне — это как же он из монаха так быстро в мужчину превратился? Впрочем, не надо, — он заметил, как покраснела девушка, — я с ним сам поговорю. А тебя твой племянник ждет, месье Корнель его привез".

— Он мне кузен, месье Корнель — девушка все не выпускала пальцы отца. "Папа, — она замялась, — ты мне говорил, что капитана Стефано убили…"

— Дурак был, — сочно отозвался Сиди Мохаммед. "Боялся — вдруг ты искать его начнешь, вдруг ты его любила. Прости меня, пожалуйста. Жив он? — поинтересовался султан.

— Он женат, двое детей у него, в Эль-Кудсе живет, — Изабелла улыбнулась. "Пьетро, мой племянник, сын брата моего старшего, тоже там родился. Он круглый сирота".

— Как говорил Пророк, — задумчиво проговорил султан, — лучшим из домов мусульман является тот, в котором заботятся о сироте. Вы, впрочем, не правоверные, но мне кажется — у вас будет так же. Беги к себе, я тебе и мальчика пришлю и жениха твоего, — он улыбнулся, и девушка увидела его глаза.

— Папа…, - тихо сказала она. "Папа, милый…"

— Ты же уедешь, — он помолчал и, справившись с собой, продолжил, — ладно, Зейнаб, ладно, милая. Беги, — повторил он.

Он только и успел, что услышать легкий звук ее шагов. Потом, сцепив пальцы, Сиди Мохаммед попросил: "Аллах милосердный, дай ты мне пережить это".

Султан провел рукой по лицу и крикнул: "Малик!"

— Хороший мальчик, — смешливо заметил султан, передавая Федору, серебряный стакан с чаем. "Только вопросов очень, много задает".

— Ему шесть лет, — развел руками мужчина, — ему положено, ваше величество. А я думал, — улыбнулся Федор, — в заложники себя предлагать, на место месье ди Амальфи.

Султан все рассматривал быстро начерченное Федором родословное древо, а потом хмыкнул:

— Это хорошо, что месье ди Амальфи память обрел. Только как вот вы собираетесь их с ребенком украсть отсюда, из-под носа этого вашего Ордена? Ее высочество, — султан кивнул головой на сад, откуда доносился блаженный, детский смех, — я в любой момент могу на военный корабль посадить, она вернется в Венецию без труда… — султан поморщился, как от боли.

— Если бы он мог, он заплакал, — понял Федор. "Я тоже такой. Я и не плакал с тех пор, как узнал, что Марья умерла — в первый раз. Когда Питер мне все рассказал, я ее и похоронил уже давно, в душе своей. И больше не плакал".

— Я что-нибудь придумаю, — уверенно ответил Федор. "У вас есть карта Эс-Сувейры, и окрестностей, подробная?"

— У вашей кузины есть, — усмехнулся Сиди Мохаммед, поднимаясь. "Когда ее высочество еще только планировала город — она тут все вокруг объездил". Пьетро всунул голову в зал: "У вас тут так красиво, ваше величество! И это все — моя тетя построила?"

— Угу, — кивнул султан. Прищурившись, он увидел Изабеллу — девушка стояла рядом с Джованни — невысокая, легкая, с опущенным на лицо покрывалом. Указывая на стены, она что-то объясняла. "Начала, — улыбнулся про себя султан, — она об архитектуре может часами говорить. Хотя он инженер, он понимает. Вот и славно. Интересно, он в шахматы играть умеет?"

— Я умею, — весело отозвался Федор и тут же покраснел: "Простите, вы вслух говорили…"

— Это хорошо, что умеете, — султан поднялся, — будем с вами возвращаться с рудников в касбу и играть. Он вышел на террасу. Изабелла, увидев отца, наклонилась к Пьетро: "Беги ко мне, я тебе свои рисунки покажу. Я сейчас".

— Вот мы и свиделись, кузина, — Федор спустился по ступеням. "Я смотрю, лица не открываете?"

— Тут папа, — развела руками Изабелла, — сами понимаете…

Она оглянулась на Джованни — тот стоял, засунув руки в карманы сутаны, слушая, что ему

говорит Сиди Мохаммед. "Месье Теодор, я не знаю, как мне вас благодарить…"

— Поблагодарите, как с мужем и Пьетро сойдете на берег в Венеции, — сердито ответил Федор. "Я вам кузен, дорогая моя, так что никаких "месье".

— Пьетро брата моего напоминает, — Изабелла посмотрела вслед мальчику, что бежал к женскому крылу. "И вас,…тебя тоже. И брата твоего".

— У нас был один дед, — вздохнул Федор. "Твой брат мне об этом сказал, как умирал. Ты не волнуйся, там ухаживают за его могилой, в Иерусалиме".

— Пойдем, — велела Изабелла, — расскажешь мне о воздушном шаре. Я тут тоже — думала о летательных машинах, хоть я и не инженер, конечно.

Они шли по узкой, посыпанной мраморной крошкой, дорожке, вдыхая запах роз. Пьетро, что сидел на террасе, играя с котом, восторженно спросил: "Можно его с собой будет забрать, тетя? Я так рад, — мальчик покраснел, — что вы нашлись, и что вы замуж за папу выходите. Поедешь с нами? — Пьетро пощекотал Гато. Тот, покачав в воздухе хвостом, замурлыкал.

— Можно, конечно, — Изабелла поцеловала теплый лоб мальчика. Оглянувшись, девушка откинула покрывало с лица. "Ты у нас красавица, — восхищенно сказал Федор, — каких поискать. Я бы твой портрет написал, его величеству оставить. Да ведь он магометанин, у них не положено".

Изабелла покраснела и накрутила на палец мягкий локон: "Если ты ему предложишь — он не откажется, я думаю".

— Я голодный, — внезапно сказал Пьетро. "Тетя, у вас есть, что-нибудь? И можно я вас мамой буду называть, так удобнее?"

— Я буду только рада, — Изабелла погладила рыжие кудри. "Сейчас велю принести сладостей и фиников, перекусим, перед обедом".

— Ее высочество, — хмыкнул Федор, заходя вслед за кузиной и племянником в прохладную, светлую комнату. "Джованни с нее пылинки сдувать будет, конечно. Вот уж кому повезло — так это ему".

Он обернулся — султан, и Джованни все еще разговаривали.

Сиди Мохаммед бросил голубям зерен: "Я понял, что был неправ, месье ди Амальфи. Сказано же в Коране, что каждый должен выбирать ту, что ему по сердцу. Но вы тоже, — он посмотрел на мужчину, — могли бы ко мне прийти, и все объяснить. Так, как ваш месье Корнель это сделал".

Джованни покраснел: "Ваше величество, мы бы…мы просто не подумали, что…"

Голуби толкались на лужайке, журчал фонтан. Сиди Мохаммед, опустившись на мраморную скамейку, похлопал по ней рукой: "Садись. Расскажешь мне о Китае. О Новом Свете я уже много слышал, а вот туда, — султан указал рукой на восток, — редко кто добирается. Зять, — усмехаясь, добавил он.

Сиди Мохаммед помолчал и вздохнул: "Ты береги ее, мою жемчужину".

Джованни посмотрел в темные, пристальные, окруженные глубокими морщинами глаза: "Всегда, ваше величество, пока я жив. Спасибо вам".

Султан отмахнулся. Сцепив сильные пальцы, откинувшись на спинку скамьи, он велел: "Ну, говори".

В пещере было тихо, только где-то высоко, под уходящими вверх сводами, метались летучие мыши. Федор сверился с картой и поднял свечу: "Сюда".

Они с Джованни, согнувшись, прошли по узкой расселине и завернули за скалу. "Здесь, — Федор обвел рукой небольшую щель. "Карту я тебе дам, не заблудитесь. Там родник есть, он это озеро питает, что мы видели. Припасы я туда отнес, свечи тоже. Пару дней посидите, и я за вами приду. С той стороны, разумеется, — усмехнулся он и указал на непроницаемую черноту пещеры.

Джованни увидел веревку, что вилась по камням: "А это не опасно? Тут все-таки будут и другие люди. Не хотелось бы, чтобы кто-то еще пострадал".

— Вы с Пьетро, — ответил Федор, пробираясь среди леса диковинных, высоких сталагмитов, — отстанете от всех остальных священников, вот и все. Не волнуйся, — он зажег еще одну свечу, — я всю жизнь под землей работаю, знаю, что делаю. Порох уже спрятан в надежном месте, я все рассчитал. Жена твоя отличные карты чертит, — с одобрением сказал Федор. "Нам сюда, покажу тебе кое-что".

— Жена, — ласково подумал Джованни. "Теперь и не увижу ее, до корабля. Его величество сказал, что посадит нас на генуэзский парусник и даст военный конвой. Доплывем спокойно до Италии, поживем в Венеции, квартиру сдадим, — нечего ей пустовать, — и отправимся дальше".

Он вспомнил ее тихий шепот: "Я так люблю тебя, так люблю!", ее тело — нежное, отсвечивающее серебром в сиянии луны, и почувствовал, что краснеет.

— Вот, — сказал Федор, зажигая еще две свечи. "Жена твоя сказала, что ночевала здесь — хотела все зарисовать".

Джованни замер — на отвесной стене охрой и еще какими-то красками, — яркими, почти не потускневшими, — были нарисованы бегущие быки, человечки с копьями в руках, морская вода и пловцы в ней, еще человечки — сидящие вокруг костра.

— Откуда это? — только и смог спросить он. "Такая красота, Теодор, и так хорошо сохранилось…". Он прикоснулся пальцем к увенчанной рогами голове быка.

— Это рисовали те люди, которые жили тут, — Федор вскинул голову, всматриваясь в скалу, — в незапамятные времена, дорогой мой святой отец. Я увидел копии, в альбоме у Изабеллы, и не мог мимо пройти. Заодно уж и этот кусок завалим, — добавил он.

— Зачем? — запротестовал Джованни, пробираясь к выходу. "Пусть люди видят…"

Федор отвязал канат, привязанный к сталагмиту, и подтянул к себе легкую лодку. "Сиди Мохаммед велел, — сказал он коротко, берясь за весло, — у них же, магометан, нельзя человека изображать, животных — тоже. Султан боится, как бы все тут, — Федор вздохнул, — не посбивали, или не замазали. Пусть пока будет спрятано, ждет своего часа. Умный он

человек все же".

— Гавань уже закончили углублять, — подумал Джованни, сидя на корме, глядя на темную гладь воды подземного озера. "Господи, я Констанцу последний раз видел, — она младенцем была. Она рыженькая, — он ласково улыбнулся. Федор, заметив это, рассмеялся: "Не бойся ты, поладите вы все. У твоей Констанцы характер, конечно, — он покрутил головой, — не подходи, обрежешься".

— Мать ее такая была, — вздохнул Джованни. "Господи, бедное дитя — уже и в Новом Свете жила, и пираты на их корабль нападали, и на аукционе ее продавали…"

— А еще, — Федор прищурился от яркого, дневного света, и спрыгнул в мелкую воду: "Тут лодку привяжи. Так вот, еще твоя Констанца печаталась в газете, и знает месье Антуана Лавуазье. Была бы она в Париже, как мы шар воздушный запускали — непременно бы в корзину влезла. Она, — Федор усмехнулся, — журналистом хочет стать. Бойкая девчонка, но у них так и надо".

— Мы все поладим, — отозвался Джованни, когда они уже шли к выходу из пещеры. "С Пьетро нельзя не ужиться, а уж с Изабеллой — тем более, она же очень добрая. А почему твой брат евреем стал? — вдруг спросил Джованни.

Федор отбросил ногой какой-то камушек. Оскальзываясь на крутом склоне, он стал спускаться к лошадям. "Как дочка Джона старшая, я же тебе говорил, — он улыбнулся, — она в Иосифа влюбилась. Брат мой, как в Иерусалиме оказался, тоже — встретил эту Лею Судакову, нашу родственницу дальнюю. Так, — Федор развел руками, — бывает".

Над грядой пустынных, темно-красных, выжженных скал вились птицы. Он отвязал свою лошадь и неслышно вздохнул:

— И все равно — нет у них с Леей счастья, видно же. Ах, Степа, Степа…, Дети хорошие, славные дети, жалко их. Я бы поехал, конечно, туда, в Иерусалим, как тут все закончу, но ведь в Париж надо возвращаться. Виллем прислал мне доверенность, — на его землях уголь разрабатывать, да и вообще, дел столько…, - Федор стер пот со лба. Уже сидя в седле, он сказал:

— Смотри-ка, всего двадцать миль к югу, а такая жара. Поехали, — он взглянул на послеполуденное, уже низкое солнце, — племянника твоего из резиденции заберем, и помни — он оглянулся на вход в пещеру, — все будет хорошо.

— Я знаю, — Джованни приостановил лошадь. Темные, побитые сединой, уже отросшие волосы шевелил ветер. "Теодор, — вдруг сказал он, — если бы не ты…"

Мужчина только улыбнулся: "Мы же семья, Джованни. Ты сам родословное древо видел. И хорошо, что вы женитесь, ты же мне рассказывал — что там во время Гражданской войны случилось".

— Мой предок вырезал семью ее предка, графа Ноттингема, — мрачно отозвался Джованни, выезжая на северную дорогу. "Этот Пьетро ди Амальфи — был его дядей. Стой, — он резко натянул поводья лошади и та недовольно заржала.

— Я помню, на этой папке, в библиотеке Ватикана, я рассказывал тебе, — там было написано, на обороте, на латыни: "Sola Invicta Virtus", "Только дух непобедим". Это девиз Говардов и Ноттингемов. Так вот чьи это были чертежи…, - протянул Джованни.

— Графа Ноттингема? — недоуменно спросил Федор.

— К.Х., там стояли инициалы, — пробормотал Джованни, — К.Х. Господи, какой я дурак. Единственное оправдание мне, — он горько усмехнулся, — это то, что я тогда ничего не помнил. Я видел архив леди Констанцы Холланд, — тихо сказал он. "Тот, что якобы сгорел, когда круглоголовые разграбили усадьбу Кроу, в Мейденхеде. Той леди Констанцы Холланд, что ушла с капитаном Николасом Кроу искать Ледяной Континент, и не вернулась".

— Дочь Бруно, — хмыкнул Федор. Джованни увидел улыбку на его лице.

— Даже не смей думать об этом, — строго сказал мужчина. "Ты же занимался там, в Ватикане. Ты сам знаешь — оттуда невозможно что-то украсть".

— Impossible n’est pas Francais, — ухмыльнулся Федор. "Впрочем, — он посерьезнел, — тебе их показали только потому, что ты без памяти был. Мне-то вряд ли покажут. А жаль, — он пришпорил коня: "А в тебе тоже — кровь Ворона есть, от герцогини Беллы, а, святой отец?"

— Есть, — признал Джованни.

— А вот во мне — нет, — Федор рассмеялся и пустил коня быстрой рысью. "А, кажется, что есть, — пробормотал Джованни. Коснувшись своей сутаны, он сочно сказал: "Дайте мне только сойти на берег в Генуе — сразу Изабеллу к портным отправлю, и сам с Пьетро — тоже схожу. Хватит, — он потрогал грубую, коричневую шерсть, — десять лет в этом разгуливаю".

Он ехал медленной, неспешной рысью, и видел перед собой, большой, серого камня, выходящий фасадом к Темзе дом. На гранитных, нагретых солнцем ступенях, лежал черный, холеный кот, пахло розами, с реки был слышен детский смех. "Качели надо поставить, — улыбнулся Джованни. "Третий этаж перестроить, половину под студию Изабеллы отдать. Она сама этим займется, конечно. Счастье мое, — он закрыл глаза и представил себе ее лицо.

Федор остановился: "Вот, святые отцы, эти образования называются сталагмитами — от греческого "сталагмитос", что, как вы знаете, — значит "капля". Они бывают известковые, соляные, гипсовые…"

Федор ласково погладил ближайший конус: "Эти — известковые. Над нашими головами, — он указал вверх, — сталактиты. Оба этих термина ввел в научный оборот датский натуралист, господин Ворм, больше ста лет назад.

— Вот сейчас, — напомнил себе Джованни. Взяв за руку Пьетро, нащупав в кармане сутаны кремень с кресалом, мужчина неслышно отошел назад. Он свернул в узкий проход и шепнул мальчику: "Ничего не бойся, сыночек".

Пьетро помотал рыжей головой: "Я не боюсь, мне мама все рассказала. Она тут ночевала, в этой пещере, совсем одна. И карту она мне тоже показывала".

Джованни поджег вьющуюся по скалам веревку, и, подняв мальчика на руки — нырнул в темный проход. "Мама, — улыбнулся Пьетро, — от нее розами пахнет. Она мне тетя, конечно, но раз папина жена — значит, мама. Как она рисует хорошо, я даже не знал, что так можно. И так интересно мне рассказывала, и о Риме, и о Венеции. Город, весь на воде, — Пьетро положил голову на плечо отцу.

Огонь, шипя, бежал по веревке.

— Взрыва не будет слышно, — холодно подумал Федор, рассказывая о подземном озере. "Сто фунтов пороха, я их сам в такие места укладывал, что сюда ни один звук не донесется. Землетрясение и землетрясение".

— Фауна в таких местах, — повернулся он к священникам, — белого цвета, из-за отсутствия солнечных лучей.

— Да-да, — пробормотал отец Джузеппе, — у нас, в Кампании, в гроте Кастельчивита живут белые саламандры. Создания дьявола, — поморщился священник. "Синьор Корнель, а эти штуки, — он указал на сталактиты, — не упадут нам на голову?"

Наверху, в темноте, послышался какой-то шорох. Летучие мыши закружились над их головами, пламя свечей затрепетало. Кто-то испуганно крикнул: "Земля! Земля уходит из-под ног! Надо бежать!"

Сзади раздался грохот камней. Федор, прикрывая рукой свою свечу, велел: "Всем немедленно вернуться к озеру! Это землетрясение, сейчас тут будет обвал, и мы не сможем добраться до выхода!"

— Нет! — завизжал отец Джузеппе. Священник первым, расталкивая всех, ринулся к лодкам, вытащенным на берег. Остальные побежали за ним. "Очень хорошо, — спокойно подумал Федор, усаживая всех в лодки, — они от страха и забыли — сколько их сюда пришло".

Сзади грохотали камни. Только когда они оказались у входа в пещеру, отец Джузеппе, перекрестился трясущейся рукой: "Нет отца Джованни..., И маленького Пьетро, они, должно быть, отстали? Как их найти, месье Корнель?"

— Разгрести обрушившиеся своды пещеры, — Федор вышел на каменистый берег, — займет не меньше недели, святой отец. Я, конечно, попрошу рабочих у его величества, там все-таки ребенок..., - он взглянул на отца Джузеппе искренними, голубыми глазами.

— Мы будем вам очень благодарны, месье, — чуть не плача, сказал иезуит. "Господи, — пронеслось у него в голове, — в Риме мне не простят, если этот блаженный погибнет. Мальчишка-то ладно, а вот он..."

— Это мой долг, — спокойно отозвался Федор, взглянув в сырую темноту.

На мелкие камни берега с шуршанием набегало море. Дул легкий ветер с запада. Сиди Мохаммед, взглянул на шлюпку, что покачивалась на волне:

— Хорошо им идти будет. Парусник отличный, военный корабль с ними — доберутся до Сардинии, а там уже безопасно. Надо, конечно, заняться этими пиратами как следует. Нельзя одной рукой заключать торговые соглашения, а другой — потворствовать всякой швали. Хотя..., - он внезапно улыбнулся, — если бы не пираты, у меня бы не было Зейнаб.

Запахло розами, и он услышал тихий голос: "Папа...". В свете заката ее волосы, укрытые полупрозрачной вуалью, играли темным золотом.

— Пьетро спит уже, — Изабелла обернулась на шлюпку.

— И вы ложитесь, — велел Сиди Мохаммед. "Каюта отличная, на корме, отправляйте мальчика в постель и сами отдыхайте". Он взял маленькую руку и, прижал ее к губам: "Ты, как во

Францию приедешь, познакомишься там с еще одним родственником. Мы его господин Даниял звали. Дэниел, если по-французски. Он тут был, с миссией, пять лет назад, спрашивал о тебе.

— И ты ему сказал, что я умерла, — зеленовато-серые глаза девушки заискрились смехом. "От горячки. Мне кузен Теодор рассказал". Изабелла поднялась на цыпочки и, как в детстве, потерлась носом о нос султана. "Я, папа, не обижаюсь, — она поцеловала смуглую, сильную руку.

— Пиши, — Сиди Мохаммед привлек ее к себе и повторил: "Пиши. Из Франции дипломаты приезжают, из Англии..., И я буду писать. Архив свой весь сложила?"

— Конечно, — девушка кивнула. "Уже на корабле. Папа, — она помолчала, — папа, спасибо тебе, за все, за все спасибо..."

— Ну, ну, — отец погладил ее по голове. "Вы с ним будете счастливы, девочка моя. Вот, — султан улыбнулся, — идут они с месье Корнелем".

Изабелла оторвалась от отца и посмотрела на тропинку, что спускалась к берегу. "Какой он красивый, — подумала девушка, — Джованни. Мой Джованни. Господи, как я его люблю. И он сразу сказал, — раз я архитектор, а он инженер — будем работать вместе, всегда. Очень удобно, — Изабелла незаметно взяла его за руку и он шепнул: "Люблю тебя".

— Отец Джузеппе, — смешливо сказал Федор султану, — вырвал остатки волос у себя на голове. Особенно после того, как вы, ваше величество, разрешили отслужить заупокойную мессу по безвременно погибшим.

— Мог ли я отказать? — усмехнулся Сиди Мохаммед. "Все-таки больше недели их искали. Но, — султан поднял палец, — что касается мессы — она прошла частным образом, конечно. Они все-таки сюда не как священники приехали, а как инженеры".

— Ну, все, — он пожал руку Джованни и обнял Изабеллу, — пусть Аллах даст вам попутный ветер, дети мои.

Султан посмотрел на то, как они усаживаются в шлюпку, — генуэзский парусник и военный корабль стояли, развернув паруса, у выхода из бухты. Федор улыбнулся: "Ваше величество, я вам подарок принес. Держите, — он протянул Сиди Мохаммеду скромный, серебряный медальон. "Вот, — Федор нажал на крышку.

Она была написана на слоновой кости — тонкими, нежными красками. Изабелла стояла, откинув покрывало, рыже-каштановые волосы спускались на плечи, в руке у нее были зажаты кисти и палитра.

— Это вы? — Сиди Мохаммед поднял темные глаза. "Но как? — он указал на большие, покрытые шрамами руки мужчины. "Это ведь очень искусный рисунок, месье Корнель".

Федор довольно хмыкнул. "У нас под землей, ваше величество, тоже много тонкой работы. Например, — он поднял бровь, — порох прятать. Так что у меня пальцы ловкие. Тут двойная крышка, — показал он, — с секретом. Это месье ди Амальфи сделал.

Сиди Мохаммед посмотрел вслед уходящим кораблям. Вздохнув, он надел медальон на шею. "Хоть так, — подумал он. "Господи, только бы дожить до той поры, когда девочка мне напишет о внуке. А лучше внучке, — он почувствовал, что улыбается. "Чтобы на нее была похожа, на Зейнаб".

— Пойдемте, месье Корнель, — наконец, сказал он, глядя на то, как исчезают на горизонте паруса, — мы завтра отправляемся на юг, еще до рассвета. Жалко, конечно, что вы весной уезжаете.

— Я уеду тогда, ваше величество, — Федор пошел за ним наверх, туда, где ждала охрана с лошадьми, — когда досконально изучу ваши горы. А это, — он подмигнул султану, — может затянуться.

— Вот и славно, — усмехнулся, Сиди Мохаммед. Он легко, будто юноша, вскочил в седло. "Месье Корнель будет обедать со мной, — сказал он Малику и всадники исчезли в вихре пыли.

Они сидели на койке, держась за руки. Изабелла спросила: "Пьетро не боялся там, в пещере?"

Джованни снял с ее волос накидку и зарылся в них лицом. "Нет, — улыбнулся он, — у нас были свечи, я ему рассказывал о Новом Свете, о Китае…"

— И мне расскажешь, — Изабелла, улыбаясь, повернулась к нему. Джованни, все еще не веря, что может это сделать — нежно, едва касаясь, поцеловал ее в губы. "Расскажу, — пообещал он, и прислушался, — Пьетро спокойно дышал за дверью, что разделяла каюты.

— Он спит, — Изабелла рассмеялась. "Так поел хорошо, перед тем, как носилки за нами папа прислал. Только все жалел, что в Европе таких сладостей нет. Но я знаю, как их делать, буду вам готовить. Так расскажи, Джованни…"

— Потом, — пообещал он, целуя сквозь легкий шелк ее плечо. "Я просто не могу больше, я так скучал, любовь моя. Пожалуйста…"

Изабелла покраснела: "Я хотела тебя спросить, Джованни…, Откуда берутся дети, если женщина замужем?"

Джованни помолчал и улыбнулся: "Можно и без замужества. Вас же не учат анатомии, считается — девушкам, даже художницам, она не нужна. Дай-ка, — он потянулся за пером и бумагой.

Изабелла внимательно слушала. Потом, подперев щеку рукой, она удивленно протянула: "Как все умно. Отличный механизм. То есть, — она открыла рот и ахнула, посмотрев на свой живот, — у нас уже может быть ребенок? Джованни, но я совсем ничего не знаю…, - девушка прикусила губу.

— Зато я знаю, — он все обнимал ее, целуя куда-то в шею. "Помню, как Констанца была младенцем, а Пьетро мне отдали — ему полтора года было. Я очень хорошо укачиваю детей, счастье мое, так что ночью, — он положил ее голову себе на плечо, — вставать к ним буду я, и никто другой".

В дверь осторожно постучали. Джованни грустно сказал: "Ну вот. Что там еще такое?"

— Я совсем ненадолго, синьор, синьора, — генуэзский капитан, что держал в руках корабельный фонарь, наклонил голову. "Его величество приказал передать вам это, как только берега Марокко исчезнут из виду".

Изабелла приняла у него тяжелую шкатулку. Захлопнув дверь, прислонившись к ней спиной, девушка ахнула: "Джованни!"

Каюту осветил тусклый блеск золотых монет, сияние алмазов. Изабелла, подняла глаза: "Тут записка, Джованни. "Ты дала мне десять лет счастья, Зейнаб, — дрожащим голосом прочла она, — и никакие богатства этого мира не смогли бы выразить мою любовь и благодарность. Прими этот подарок от человека, который всегда будет восхищаться тобой. Сиди Мохаммед".

Она всхлипнула и, опустив шкатулку, обняла его. Ставни каюты были раскрыты, над тихим морем висела легкая, вечерняя дымка. Джованни стоял, укачивая ее, целуя теплые, пахнущие розами волосы. Изабелла прижалась лицом к его плечу, и он тихо сказал: "Счастье мое, я никогда, никогда тебя не покину. Обещаю".

Замерев, Изабелла взяла его руку: "И я, Джованни. Я тоже — всегда буду с тобой, любимый".

Эпилог

Венеция, весна 1785 года

Окна низкой, простой комнаты были растворены. Моше, на мгновение, подняв голову от книги, взглянул на чистый двор Скуоле Гранде Тедеска. Черный кот лежал на утреннем солнце, потягиваясь, следя за прыгающими по камням воробьями. Пахло солью, ветер с лагуны шевелил страницы Мишны. Моше, вздохнув, вспомнил волшебной красоты, бирюзовую воду и свой шепот: "Папа, а ты тут — бывал уже?".

— Несколько раз, — ответил отец, и мальчик увидел тоску в его серых глазах. Лодка свернула в какой-то канал. Моше еще успел заметить беломраморное, кружевное чудо, что стояло напротив высокой башни. "Что это, папа? — спросил он.

— Церковь, — коротко отозвался отец. Гондола пробиралась в путанице узких каналов, обшарпанные дома поднимались по обеим сторонам. Лодочник обернулся: "Каннареджо, синьор. На площади вас высадить?"

— Да, — Степан увидел ворота, что перегораживали канал: "Закрывают их еще?"

— От заката до рассвета, — лодочник взглянул на него и хмыкнул: "Интересно, где он руку потерял? Евреи же не воюют. Болел, наверное. Мальчишка на него похож, славный паренек".

— Сколько тебе лет? — спросил он у мальчика. Тот, покраснев, пробормотал по-итальянски: "Семь, синьор".

Моше увидел укоризненные глаза учителя. Вздрогнув, он услышал монотонный звук голосов — в комнату набилось несколько десятков мальчиков, от самых маленьких, трехлетних, повторявших алфавит, до подростков, что сидели друг напротив друга, обсуждая Талмуд.

— Ханеле читает Талмуд, — подумал Моше. "А ведь ей всего десять, и она девочка. Никто и не догадывается, конечно, но я ее выдавать не буду. Это как с языками. Папа ведь учит и меня, и ее — французскому языку, итальянскому. Не надо никому об этом знать".

Он встряхнул рыжей головой. Моше продолжил чтение, — нараспев, раскачиваясь. Он изредка поглядывал в окно — кот поднялся, и, с достоинством выгнув спину, потянулся.

— У рава Горовица Ратонеро умер, — с грустью подумал Моше. "Он старенький был уже. Теперь у них его сын живет, тоже Ратонеро. Мама никогда в жизни не разрешит нам собаку завести, или кошку, это скверна. Она и так — меня сюда еле отпустила".

Он услышал разгневанный, тихий голос: "Мой сын не покинет Святую Землю, Авраам. Там все нечисто. Я не допущу, чтобы душа ребенка окунулась в разврат, никогда!"

Моше тихо открыл дверь своей комнаты и присел на ступеньку лестницы. До него донесся тяжелый вздох отца: "Лея, мальчик когда-нибудь займет мое место. Ему придется ездить в Европу, собирать пожертвования. Он должен к этому привыкнуть. Не волнуйся, пожалуйста. Там тоже есть ешивы, и я с ним буду заниматься. Мы к осени и вернемся уже".

Мать что-то неразборчиво пробормотала. Отец мягко добавил: "Лея, я — не Исаак, да хранит Господь душу его. Как исполнится мне сорок лет, обещаю, никуда не буду ездить — буду учить Каббалу и сидеть дома, — Моше понял, что отец улыбается.

— А пока, — внизу что-то зашуршало, раздался скрип отодвигаемого стула, — ты же знаешь, милая, еда на нашем столе, одежда, книги — все это появляется, благодаря тем людям, что жертвуют на общину. Если мы не будем выступать в их синагогах — мы долго не протянем. Не надо плакать, милая, — тихо сказал отец. "Все будет хорошо. Берберские пираты сюда, на восток, не заглядывают — спокойно доплывем до Венеции". Моше услышал еще какой-то звук, и тихий голос матери: "Так тяжело будет без тебя, Авраам…"

Дверь гостиной открылась шире. Он, шмыгнув в свою постель, притворился, что спит.

— Моше! — раздался над ним резкий голос учителя. Мальчик поднял серые глаза. Увидев нацеленную линейку, он покраснел: "Простите, пожалуйста. Я задумался".

Он нашел то место, на котором остановился: "Все время, пока разрешено есть хамец, кормят им домашних животных, зверей и птиц…"

— Песах через две недели, — подумал Моше, следя глазами за ровными строчками. "Хорошо, что мы тут, конечно, но все равно — скучаю по маме. Они с Ханеле на Седер в гости пойдут, папы-то нет, Агаду некому прочитать".

Дверь комнаты отворилась, и учитель уважительно поздоровался: "Рав Судаков".

— Я ненадолго, — улыбнулся Степан, — только пару слов сыну скажу. Моше взял его большую, теплую руку, и они вышли в пыльный, узкий коридор.

Отец наклонился и поцеловал его в лоб: "Отсюда мы поедем в Падую, а к Песаху — вернемся. Побудем тут на праздник, а потом отправимся в Вену и Прагу. И домой".

Моше прижался щекой к его щеке, — от рыже-золотистой бороды отца пахло, как обычно — сандалом, и еще немного — свежим ветром. "А как деньги? — деловито спросил мальчик. "Много?"

Степан усмехнулся: "Достаточно. Я потом отведу тебя к банкиру, он тебе расскажет — как все это устроено. Он принимает золото и выдает нам вексель на своего контрагента в Яффо, турка".

— Чтобы не везти пожертвования морем, — кивнул Моше. Он вдруг, страстно попросил: "Папа, а можно под парусом походить? Ты же умеешь".

— Умел, — поправил его Степан, показав на искусно сделанный, деревянный протез. "Одной рукой я с парусом не управлюсь, милый мой, а тебя к нему ставить опасно, маленький ты еще. Беги, ты Мишну сейчас учишь?"

Моше кивнул. Отец, еще раз поцеловав его, пообещал: "Вечером с тобой позанимаюсь. Мне тоже за книги пора". Мальчик подергал полу капоты — черной шерсти: "Папа, почему мы тут все равно — как в Иерусалиме ходим? Тут же все евреи — в этих, как их…"

— В сюртуках, — улыбнулся отец. "Потому что сказано: "Не следуйте путями Египта". Мы должны отличаться от всех других народов. А мы, — он поднялся, — тем более, раз мы живем на Святой Земле, в месте, где раньше стоял Храм, да вернется Мессия и восстановит его еще при жизни нашей".

— Амен, — отозвался Моше и посмотрел вслед отцу. Он уходил, — высокий, широкоплечий, рыжие пейсы были сколоты под черной кипой. Мальчик вздохнул: "Жалко, что у меня братика, или сестрички нет. Ханеле хорошая, но ведь она лет через пять уже и замуж выйдет. Не будет с нами жить".

Он оглянулся на закрытую дверь ешивы, и пробормотал: "Была, не была". Моше быстро проскользнул в теплый, залитый солнцем двор синагоги. Кот, замурлыкав, подставил ему мягкие уши. "Вот, — ласково сказал Моше, — хорошо тебе, Мишну учить не надо. А мне надо".

Кот мяукнул и потерся об его ногу. "Я тебе завтра принесу что-нибудь, — пообещал Моше. Ополоснув руки в медном умывальнике, что висел на стене, мальчик еще раз посмотрел на прозрачное, голубое небо, где вились чайки.

Большое окно студии было распахнуто, вдалеке виднелся белый мрамор собора, снизу, с площади, доносились крики играющих в мяч детей.

Изабелла, — в простом, рабочем платье, с засученными по локоть рукавами, стояла у чертежной доски. Рыже-каштановые волосы были заплетены в толстые, падающие на спину косы. Она окунула перо в тушь:

— Как будто и не уезжала. Стоило прийти к синьору Макаруцци, он сразу мне работу дал. Интересно, — она погрызла перо, — я же помню, фасад церкви Сан-Рокко пятнадцать лет назад перестраивали, при мне еще. И уже ремонтировать надо. Хорошо, хоть квартиру я в порядок привела, — она взглянула на обтянутые свежими, шелковыми обоями стены и усмехнулась, вспомнив изумленный голос мужа: "Ты штукатурить умеешь?"

— Хорош был бы из меня архитектор, — отозвалась Изабелла, стоя на деревянном помосте, орудуя теркой, — если бы я не умела отделывать здания. Плитку на кухне я тоже переложу, я уже заказала новую. О, — она взглянула на холщовую сумку в руках мужа, — креветки. Я их с белой полентой сделаю. Жалко только, — она вытерла пот со лба, — что вы, инженеры, до сих пор не додумались — как провести трубы в дома. Летаем на воздушных шарах, а воду ведрами таскаем.

— Гидравлический затвор у нас уже есть, — Джованни опустил сумку и развел руками, — дело за малым — проложить трубы и поставить помпу. Я посижу, подумаю, — как это можно сделать. Все равно усадьбу в Мейденхеде перестраивать придется, раз теперь, — он подмигнул жене, — там трое детей будут расти. А это не опасно? — Джованни кивнул на помост.

— Обещаю, — протянула Изабелла, спускаясь, целуя его, забирая сумку, — сразу после венчания и палец и палец не ударю. Буду приезжать на стройку в носилках, и через тебя — разговаривать с десятником.

— Носилки еще завести надо, — нарочито озабоченно сказал Джованни. "И верблюдов, то-то в

Мейденхеде удивятся. А летом, — он посчитал на пальцах, — летом еще ничего видно не будет. Тебе же в октябре рожать, так, что обвенчают нас, не волнуйся. В той приходской церкви, я тебе о ней рассказывал. Там дуб стоит — еще со времен Вильгельма Завоевателя. И будет у нас, — он нежно положил ладонь на плоский живот, — маленькая Сидония.

— Или Франческо, — Изабелла поднялась на цыпочки и поцеловала его куда-то в ухо. "Папа порадуется, мы ему напишем. Пойдем, — она подтолкнула мужа к кухне, — я буду поленту варить, а ты мне расскажешь о паровом двигателе".

— Твоя семья тут двести лет живет, — одобрительно сказал Джованни, оглядывая высокие потолки. "Еще со времен этого синьора Теодора, того, что из плена бежал. Отличный вид отсюда, на Сан-Марко. Сразу понятно, что живописец выбирал. И свет хороший, — он закрыл глаза и шепнул жене: "Нет, это не от воды. Это ты светишься".

Изабелла посыпала чертеж песком, и, разогнувшись, выглянула в окно. "Пьетро! — крикнула она. "Ужинать! Отец сейчас приедет".

— Иду! — отозвался рыжеволосый мальчик. Понизив голос, сжав кулаки, он велел второму — повыше и покрепче: "Повтори, что ты сказал!".

Тот сплюнул на булыжники площади: "Сказал, что ты трус, раз не хочешь с нами идти в гетто и драться с жидами. Трус и жид, вот ты кто. Сам же говорил, что твоя мать — еврейка. Жид! — презрительно добавил мальчик.

— Я верю в Иисуса! — звенящим голосом сказал Пьетро. "В Иисуса и Мадонну! Меня крестили. Это низко — драться с теми, кто слабее. Их же меньше, чем вас. А ты, — он взглянул на второго мальчишку — тупая свинья, вот и все".

— Сейчас ты у меня получишь, — угрожающе сказал его противник. Пьетро еще успел подумать: "Черт, папа же меня учил — надо разговаривать с людьми, а не бить их. Что же делать, если он и вправду — тупая свинья".

Он сидел на ступеньках лестницы, задрав голову, зажимая окровавленный нос. За его спиной раздался озабоченный голос: "Сыночек, ты, что же не поднимаешься?"

Изабелла посмотрела на испачканную в крови и пыли холщовую рубашку мальчика и ахнула: "Что случилось?"

Пьетро вдохнул запах роз и велел себе не плакать. Мальчик шмыгнул разбитым носом: "Они хотели идти драться с евреями, в гетто. Я сказал их вожаку, что он — тупая свинья, и что они все — дураки. А он меня назвал трусом и, — Пьетро вздохнул, — жидом. Но я ему два зуба выбил, мама, правда, — мальчик пошаркал ногой по полу, — они у него и так — шатались. Это не считается, — он грустно посмотрел на свою покрытую ссадинами руку. "И что теперь папе говорить?"

— Во-первых, — Изабелла присела и прижала его к себе, — очень даже считаются эти самые зубы. Во-вторых, папе мы скажем правду. Он только порадуется, сыночек. Я тоже, — женщина улыбнулась, — дралась, вот на этой самой площади. Пошли, — она потормошила Пьетро, — умоемся и переоденемся. Папа сейчас вернется, он обещал не опаздывать к ужину.

— Папа в университетской библиотеке занимается, — восторженно сказал Пьетро, поднимаясь на второй этаж. Гато терся об закрытую дверь. Изабелла, погладив его, рассмеялась: "Гулял, гулял, а к тушеной печенке — вернулся".

— Вкусно, — облизнулся Пьетро и с надеждой спросил: "А десерт, мамочка?"

— Ванильный крем с печеньем, — Изабелла поцеловала ссадину на его щеке: "Ты у нас молодец, Пьетро".

Мужчина и мальчик медленно шли по узкой набережной канала. Наверху, над крышами Каннареджо играл нежный, золотисто-зеленый закат.

— Мама уже свечи зажгла, с Ханеле, — понял Моше и покрепче взял отца за руку. Тот приостановился и ласково спросил: "Скучаешь по Иерусалиму, сыночек?"

Моше помолчал и прижался головой к боку отца.

— Ничего, — сказал он, наконец, — ничего, папа. Ты же со мной. Раввин тут хороший, и жена его тоже. Жалко только, что у них дети взрослые, мне и поиграть не с кем завтра будет. Ладно, — бодро добавил мальчик, — после молитвы найду кого-нибудь из ребят, что в ешиву ходят. А ты завтра будешь выступать, папа?"

Степан посмотрел куда-то вдаль и улыбнулся: "Буду. Ты слушай, и запоминай, потом тебе сюда ездить придется. Хочешь, пойдем, посмотрим на главную площадь? На ту церковь, что ты видел?"

Моше кивнул. Так и не отпуская руку отца, он ухмыльнулся: "Наши хозяева уже спать легли, этот рав — я сам видел, за обедом носом клевал".

— Доживешь до его лет, — отец потрепал его по прикрытой кипой голове, — сам такой будешь.

Они уже подходили к площади Сан-Марко, как Моше спросил: "Папа, а почему мы, евреи, в Святой Земле, не можем сами зарабатывать? Ведь ты каменщиком был, ты говорил мне".

Степан вздохнул: "Милый мой, если бы турки разрешили нам покупать землю, я бы сам первый это сделал. Ты же знаешь, наши мудрецы, в Талмуде — все работали. Но пока это невозможно, — он пожал плечами: "Остается ждать Мессии, как сказал Рамбам, благословенной памяти: "Я верю полной верой в приход Машиаха, и, несмотря на то, что он задерживается, я всё же каждый день буду ждать, что он придёт".

— Ты ждешь, папа? — Моше вскинул голову. "Конечно, — серьезно ответил Степан. "Тогда все евреи соберутся в Земле Обетованной, сыночек, да будем мы удостоены увидеть это в наши дни".

На площади толкались, курлыкали голуби, и Степан услышал бой часов: "Посмотрим и пойдем, нам надо успеть вернуться в гетто до того, как закроют ворота".

— Очень красиво, — Моше отошел, рассматривая собор. Степан оглянулся: "Слава Богу, почти безлюдно, поздно уже. Никто не смотрит, а то ведь тут к таким евреям, как мы не привыкли".

Моше пошарил в карманах капоты: "Зерна-то у меня есть, а вот птиц кормить нельзя, уже Шабат. Были бы они мои, и жили бы в клетке — тогда можно было бы".

Он взглянул на голубей, и попросил: "Вы прилетайте, в Каннареджо, на площадь, где синагоги стоят. Я вас обязательно покормлю, обещаю".

— А что это за язык? — раздался голос сзади. Моше обернулся и открыл рот — стоящий

напротив мальчик мог бы быть его братом. Он был высокий, изящный, в бархатной курточке и бриджах. В руке мальчишка держал обруч с палочкой.

— Святой, — краснея, пробормотал Моше, поднимаясь. "Сейчас он драться будет, — испуганно подумал мальчик, — ребята в ешиве говорили, что местные не любят, когда мы из гетто выходим".

Мальчик встряхнул длинными, по плечи, рыжими кудрями. Он улыбнулся, протягивая руку: "Меня зовут Пьетро Корвино, — сказал он. "Ты из гетто?"

Моше поискал глазами отца, — тот стоял, заложив руки за спину, глядя на темно-синий, вечерний простор лагуны. Мальчик решительно ответил, пожимая сильную ладонь: "Моше Судаков. Сейчас да, но вообще я живу в Иерусалиме. У меня не очень хороший итальянский, меня папа учит…"

— Отличный, — отмахнулся Пьетро. Он взглянул в серые глаза мальчика — они были одного роста, только плечи у Моше были чуть шире, и хмыкнул: "Мы с ним будто близнецы, надо же".

Пьетро бросил голубям зерен и рассмеялся:

— Я тоже из Иерусалима. То есть я там родился, но я ничего не помню. Моя мама еврейка, она на вашем кладбище похоронена, на Масличной горе. Ева Горовиц ее звали, да упокоит Господь ее душу, — Пьетро перекрестился.

Заметив удивление в глазах мальчика, он фыркнул: "Я знаю, по вашим законам, я еврей. Я даже, — Пьетро зашептал что-то на ухо Моше. "Но все равно — закончил он, — я крещен, и отец у меня был католический священник. Он умер, как я еще не родился, — вздохнул Пьетро. "А у тебя — где родители?"

— Папа вот, — показал Моше, — он у меня раввин, книгу сейчас пишет, и выступает здесь, перед общиной. А мама в Иерусалиме осталась, и сестра моя сводная там. Ей десять лет.

— О, — обрадовался Пьетро, — у меня тоже старшая сестра есть. Дочь моего папы приемного, только ей двенадцать. Она в Лондоне живет, мы туда едем, только сначала — в Париж и Амстердам.

— А мы с папой, — гордо сказал Моше, — в Прагу и Вену.

— Везет, — завистливо сказал Пьетро. Обернувшись на украшенные арками здания, он помахал рукой: "Это мои родители, пошли, — он подтолкнул Моше, — познакомишься. Моя приемная мама на самом деле моя тетя, понял? Они у "Флориана" кофе пьют. Сейчас попросим, чтобы нам пирожных купили".

— Мне нельзя, — зардевшись, пробормотал Моше, — я же еврей. И вообще, — он посмотрел на закатное небо, — нам с папой надо в гетто успеть. Там ворота запирают, до утра.

Пьетро отозвался: "Дураки, кто это придумал. Все равно, — он потянул Моше за рукав капоты, — мы быстро. Можно мне к вам завтра прийти, поиграть с тобой? Тебе же тоже семь лет?"

— Уже было, — Моше улыбнулся. "Приходи после обеда. У нас Шабат сейчас, все спать лягут днем. Я тебя буду ждать, во дворе синагоги, Скуола Гранде Тедеска, мы там рядом живем. Мы завтра не учимся, так что времени много будет".

— Ты мне все расскажешь, — Пьетро крикнул: "Мама! Мы тут!"

Моше увидел невысокую, изящную женщину в шелковом, цвета лесного мха платье, что шла к ним через площадь. Из-под большого, украшенного перьями берета спускались на спину тяжелые, каштановые волосы.

— Это моя тетя, — шепнул ему Пьетро, — она вышла замуж за моего приемного отца, и стала моей мамой. Она художник и архитектор, а еще она жила в Марокко, была там, — Пьетро совсем понизил голос, — принцессой.

— Мой папа тоже был в Марокко, в плену у пиратов. Он бежал оттуда, — гордо сказал Моше и услышал сзади голос отца: "Что-то вы заговорились, нам уже и пора, милый".

— Это Пьетро, — успел сказать Моше. Мальчик, склонив рыжеволосую голову, добавил: "Пьетро Корвино. Рад встрече, синьор".

— Нет, — сказал себе Степан, — нет, я не верю. Он мог бы быть моим сыном. Господи, — он внезапно похолодел, — а если он и вправду мой сын? Брат Моше. Они же похожи, сразу видно. Мы, конечно, с этим отцом Корвино кузены были, но все равно…

— Авраам Судаков, — откашлявшись, проговорил он и замер — на него пахнуло запахом роз.

— Это мой новый друг, мама, — рассмеялся Пьетро. "Его Моше зовут, он в гетто живет. Мы завтра договорились поиграть. А это его отец, он раввин".

Степан взглянул в ее зеленовато-серые, большие глаза и услышал нежный голос: "Изабелла ди Амальфи. Рада встрече, милый Моше. Пьетро, покажи нашему гостю мост Риальто. Это рядом, вы успеете".

Ветер с лагуны пах солью, в темно-синем небе, над белым мрамором собора виднелась бледная, полупрозрачная тень луны. Она, наконец, сказала: "Здравствуйте, капитан Стефано".

Невысокая, худенькая женщина в мужской одежде, — камзоле и бриджах, — оглядела сложенные у ее ног седельные сумы и крикнула: "Фрэнсис, Генри — берите сестру, нам пора ехать!". В прихожей было пусто. Она, присев на ступени дубовой лестницы, опустила голову в руки. "В Дувр, — твердо сказала себе Маргарет Говард, графиня Ноттингем. "В Дувр, а оттуда в Кале. На континенте мы будем в безопасности. Александр вернется, он обещал. Не может не вернуться".

Старший сын спустился вниз, держа на руках белокурую, толстенькую девочку.

— Мама, мама, — залепетала она.

Фрэнсис, — высокий для двенадцати лет, смуглый, сероглазый, — хмуро сказал: "Джеймс Лестер, сын леди Вероники, воюет, мама, вместе с отцом. Он ведь мой ровесник. Почему ты меня не отпустила? Я должен быть там, с папой, с теми, кто верен его величеству".

— Потому что Генри шесть лет, а Полине, — графиня взяла дочь, — еще двух не было. Ты должен за ними присматривать, Фрэнсис. Отец тебе все объяснил, когда уезжал.

Мальчик угрюмо отвернулся. Увидев младшего брата, что стоял, прижав к груди связку книг, он простонал: "Генри, немедленно брось все это! Нам надо ехать налегке, я же тебе говорил!"

Ребенок тяжело вздохнул. Взяв один, маленький томик, он закусил губу: "Ладно". Графиня устроила дочь в перевязи: "По коням! Фрэнсис, посади Генри впереди себя. Пистолет проверил свой?"

Мальчик кивнул. Маргарет, нащупав оружие, перекрестилась.

— Господи, — подумала она, — убереги Александра, убереги его величество, дай нам спокойно до Франции добраться. Нас круглоголовые не тронут, наверное. Все-таки правая рука Кромвеля — дядя Александра. Родная же кровь, если даже остановят, сошлюсь на него. Пьетро ди Амальфи, — она вышла на пустынный двор усадьбы и вспомнила усталый голос мужа:

— Я пытался, Маргарет, пытался с ним говорить, несколько гонцов послал. Мы же с ним дружили, в Италию вместе ездили. Просто, — Александр помолчал и затянулся трубкой, — ты же знаешь, Анита, сестра его — умерла, а после того, как ему леди Вероника отказала — он вообще прекратил с нами всеми видеться. Майкл и Софи тоже письма ему писали, а он не отвечал. Что же делать, — муж развел руками.

— Даже на венчании у нас не был, — женщина вывела своего коня из стойла. "Ведь он ровесник Александра почти, на два года его младше, сорок ему сейчас".

— Мама, — тихо сказал Фрэнсис, что сидел в седле, придерживая за плечи младшего брата, — мама, там всадники. Может быть, это папа едет?

Графиня всмотрелась в дорогу, что вела к усадьбе: "Их там человек двадцать". Она обернулась на дом: "Ни одного слуги, я же всех отпустила. И у нас — два пистолета и шпага Фрэнсиса. А если это круглоголовые?".

— Мама! — растерянно проговорил Генри. Маргарет горько поняла: "Не успеть".

Они влетели во двор усадьбы, поднимая пыль, осаживая лошадей. Высокий, красивый мужчина с чуть раскосыми глазами, спешился. Он издевательски спросил: "В Дувр торопитесь, ваша светлость? Придется подождать". Он шутовски поклонился, и велел: "Закрыть ворота!"

— А теперь, — он подошел к ней. Маленькая Полина, проснувшись, заплакала. "Теперь вы мне расскажете — куда ваш муж спрятал ту часть сокровищ короны, которую ему доверил так называемый монарх. Ну! — угрожающе сказал мужчина. "Меня зовут Пьетро ди Амальфи. Вы, обо мне, наверняка, слышали".

— У него виски уже седые, — почему-то подумала Маргарет, — впрочем, у Александра тоже. Господи, помоги ты нам, брат на брата идет, и сын на отца.

— Я ничего не знаю, — ответила она, дрожащим голосом, — я с осени не видела мужа, мистер ди Амальфи. Пожалуйста, отпустите нас. У меня маленькие дети, старшему сыну всего двенадцать лет.

— С осени, — мимолетно вспомнила Маргарет, — да, с ноября. Деревья уже облетели. А сейчас апрель. Хорошая весна, теплая, сеять как раз надо. Да что это я — половина страны выжжена и в руинах лежит.

— Двенадцать лет, — протянул Пьетро. "Некоторые двенадцатилетние уже хорошо держат оружие. Вот, например, юный Джеймс Лестер, попал в плен на поле боя, раненым. А отец его погиб, — мужчина покачал головой, — какое несчастье. Обыскать дом! — приказал он.

Дитя все плакало. Пьетро, поморщившись, грубо достав девочку из перевязи, подбросил ее в воздух.

— Нет! — крикнула Маргарет, а потом она услышала звук выстрела и потеряла сознание.

Она очнулась от запаха гари и свежего, металлического аромата крови. Над двором висел тяжелый, серый дым. "Дети, — подумала Маргарет. "Он выстрелил в Полину, Господи, что с ней? Что с мальчиками?"

Женщина попыталась приподняться и поняла, что ее руки связаны за спиной.

— Вставайте, — раздался грубый голос. Она открыла глаза, и увидела то, что лежало на каменных плитах двора.

— Зачем? — только и смогла спросить Маргарет, отчаянно желая только одного — умереть прямо здесь, рядом с ними.

Пьетро задумчиво посмотрел в ту же сторону. "Я очень метко стреляю, — сказал он, усмехнувшись. "Попал вашей дочери прямо в сердце, а что у нее голова разбита — так это копытами. Лошади испугались выстрела. Она уже была мертва, дорогая мадам. Ваш старший сын пытался сражаться, — он взглянул на окровавленное тело, — пришлось его расстрелять, а младший — мы давно спорили, можно ли ребенка разрубить секирой на две половины. Видите, — он показал, — можно".

— Убейте меня, — Маргарет опустилась на колени и заплакала. "Я прошу вас, убейте и меня тоже".

Он усмехнулся. Женщина увидела пятна подсыхающей крови на закатанных рукавах рубашки, на сильных, смуглых руках. Пьетро толкнул ее вниз. Поставив женщину на колени, достав секиру — он отрубил ей голову одним чистым, красивым ударом.

Сзади захлопали и он улыбнулся: "Пику мне!". Когда они уже выезжали на дорогу, Пьетро, посмотрел на пылающий дом и мертвые тела: "Тут двадцать миль до замка Экзетеров. Я должен сам сообщить леди Веронике о том, что она стала вдовой. Она, наверняка, там прячется. Это, — он повертел в руках пику с насаженной на нее, окровавленной головой, — сделает ее сговорчивей".

— Поехали, ребята, — он пришпорил своего жеребца, и вспомнил прозрачные, светло-голубые глаза. "Я не люблю тебя, Пьетро, и никогда не полюблю, — свысока сказала темноволосая девушка. "Придется, — пробормотал Пьетро ди Амальфи, разглядывая разграбленную, пустынную деревню. "Придется, леди Вероника. Я тринадцать лет ждал, и, наконец, дождался".

Джованни проснулся и, открыв глаза, услышал рядом легкое дыхание Изабеллы. Она приподнялась на локте и стерла слезы с его лица. "Ты шептал, — сказала она тихо, — шептал: "Убейте меня, убейте!" Тебе Китай снился?"

Он помотал головой и устроил ее у себя на плече. "Англия, — вздохнул Джованни. "Гражданская война, я тебе рассказывал".

Изабелла поцеловала его, и, найдя сильную руку, сжала ее: "Теперь мы вместе, и это все забудется. Я тоже, — она помолчала, — не спала. Он очень изменился, Джованни".

Муж улыбнулся: "Евреи — они по-другому выглядят, особенно в Иерусалиме. Мне Теодор рассказывал. Так что ничего удивительного".

— Нет, — задумчиво проговорила Изабелла, — у него глаза…, Раньше, там, в Ливорно, они были счастливыми. Он смотрел на графиню Селинскую, и больше никого вокруг не видел, даже меня…

— Ну и дурак, — Джованни стал целовать маленькую, мягкую грудь, вдыхая запах роз. "Впрочем, оно и хорошо — иначе бы мне все это, — он погладил ее пониже спины, — не досталось. Иди ко мне, — попросил он.

— А теперь у него несчастные глаза, Джованни, — Изабелла замерла и твердо повторила: "Несчастные. Но хорошо, что мальчики подружились. Можно будет их взять и съездить на Мурано, всем вместе".

— Так и сделаем, — Джованни уложил ее на спину. Любуясь мерцающей в лунном свете, белоснежной кожей, он стал нежно, аккуратно расплетать ее косы. "Я тебя люблю, — сказал он тихо. "Тебя и маленького, — он поцеловал ее живот и шепнул: "Папа тебя очень любит, слышишь?"

Изабелла хихикнула: "Он сейчас размером с фасоль, как я помню".

— Все равно, — Джованни спускался все ниже, — пусть слушает. Я это каждую ночь буду говорить, тебе и ему.

— Каждую ночь, — подумала Изабелла, откинув шелковые простыни, раздвигая ноги, чувствуя его ласковые губы. "Господи, спасибо, спасибо тебе".

За низким окном чуть плескался канал. Степан лежал на спине, глядя в беленый потолок, вспоминая ее смеющийся голос: "Я очень рада, что вы живы, капитан Стефано. И сын у вас замечательный. Мы же кузены, я сестра Пьетро Корвино покойного. Мне ваш старший брат, Теодор, в Марокко все рассказал. А маленький Пьетро — мой племянник. Вы же были тогда, в Иерусалиме, во время того урагана?"

Степан увидел перед собой серые, большие глаза Евы, распущенные по белой спине каштановые волосы и услышал свой лихорадочный шепот: "Скажи, что тебе хорошо!". За окном лил дождь, грохотал гром. Она, выгнувшись, отдаваясь ему, целуя его руку, простонала: "Хорошо! Да, да, вот так, еще, пожалуйста, еще! Я хочу тебя!"

Он вздрогнул и сказал: "Да, был. Мне очень жаль, синьора Изабелла".

— Просто Изабелла, — поправила она. "Мы же родственники, рав Авраам". Она лукаво улыбнулась и взяла руку высокого, очень красивого мужчины, с побитой сединой, темноволосой головой. "Это мой муж, Джованни ди Амальфи, он тоже твоего брата знает. Он инженер и математик".

Джованни поздоровался с ним и сказал, по-русски: "Рад встрече. Мы с вашим братом на Урале вместе работали. Смотрите, — он обернулся на мальчиков, что шли к ним через площадь, — смеются. Они очень похожи, рав Авраам".

— Да, — застывшими губами отозвался Степан, — они ведь тоже родственники.

Он взглянул на темное небо: "Нам пора. К сожалению, я не могу вас пригласить к обеду, мы сами живем у местного раввина…"

От нее пахло розами. Она подняла нежную ладонь и улыбнулась: "Мы к вам придем завтра вечером. Погуляем, все вместе, кузен. А мальчики еще днем встретятся".

Степан смотрел, как они уходили, держась за руки, — Джованни обнимал сына. Моше, прижался к нему: "Так здорово, что мы их встретили, папа. Расскажешь мне потом о дяде Теодоре, я его помню, но плохо. Я же маленький был, как он приезжал".

— Обязательно, — пообещал Степан, и они пошли к гетто.

Он перевернулся, и прикусил зубами подушку: "Не смей. Не смей думать о ней. И о той — тоже не думай. Терпи, иначе, — он закрыл глаза, — это грех, великий грех. Сказано же: "Лучше отрубить себе руку, чем заниматься этим". В Шабат, в святой день, тебя завтра будут вызывать к Торе…, Как Моше после такого в глаза смотреть? Господи, но ведь мне это не вынести…"

Степан подождал, пока боль стихнет. Прерывисто, тяжело дыша, он шепнул: "Ты ведь знаешь — что нужно сделать. Так и сделай это. Сделай, и все станет хорошо".

Он заснул — коротким, тяжелым сном, только тогда, когда над каналом стала рассеиваться ночная мгла. Он ворочался, что-то бормоча, комкая рукой край грубого, шерстяного одеяла.

Пьетро бросил плоский камушек в тихую воду лагуны: "Три. Теперь ты давай. Наш Гато предатель, мы его печенкой кормим, а он к тебе в гетто за курицей ходит".

— Он у вас ласковый очень, — улыбнулся Моше и подпрыгнул: "Четыре! Меня папа учил, в Яффо, когда мы корабля ждали. У папы хоть и одна рука — все равно, он очень меткий. Он раньше моряком был, — Моше обернулся и посмотрел на костер, что горел на белом песке. Он почувствовал, что краснеет — родители Пьетро сидели на расстеленном ковре, держась за руки, и тихо о чем-то говорили.

— Мама папу никогда за руку не держит, — подумал Моше. "Ну, при нас. И волосы у тети Изабеллы видно, и платье у нее очень открытое, ниже положенного. Ханеле десять лет, а у нее все платья по щиколотку, и рукава по запястье, даже летом. И темные все, а тетя Изабелла — в яркой одежде ходит".

— У меня тоже четыре, — радостно заметил Пьетро. Моше возмутился: "Да ты и не кидал вовсе!"

Пьетро ухмыльнулся: "Ты ворон поменьше лови, кузен. И что, — он опустился на песок, — ты тоже, раввином станешь, как твой отец?"

— И дедушка, и прадедушка, — Моше махнул рукой. "Иначе не получится. Да я и сам хочу, мне нравится учиться".

Легкий ветер шевелил рыжие волосы мальчиков. "Целый день вы учитесь, — задумчиво протянул Пьетро, рисуя что-то палочкой на песке. "Я тоже так буду, когда мы в Лондон приедем. Папа мне уже латынь преподает, а еще надо будет знать греческий и святой язык — тоже".

— Зачем? — открыл рот Моше. "Ты же не еврей, то есть да, — он покраснел, — но…"

mir-knigi.org

— Потому что я хочу священником стать, как мой отец. Им надо очень хорошо знать Библию, — Пьетро обхватил колени руками и посмотрел куда-то вдаль. "Буду заботиться о сиротах. Я ведь и сам сиротой был".

Моше внезапно подумал: "А я ведь даже не знаю — как это. У меня всегда была мама, папа, Ханеле…, Бедный Пьетро, у него хорошие родители, но все равно…".

— Когда я был маленький, — Пьетро все еще глядел на море, — я слышал свою мамочку. Она меня звала. Моше, — он повернулся, — я хочу приехать в Иерусалим, потом, когда повзрослею. На могилы папы и мамы.

Моше помолчал, и протянул ему ладошку: "Ты мой лучший друг и так будет всегда. И родственник, конечно, тоже, — он рассмеялся. "Так что я для тебя все сделаю, Пьетро".

— И я тоже, — Пьетро пожал его руку: "Я очень рад, Моше, что мы встретились".

— Мальчики, — крикнула Изабелла от костра, — все готово!

— Я с тобой курицей поделюсь, — пообещал Моше, — мне жена раввина столько с собой дала, что за неделю не съесть. Он подхватил свои башмаки с чулками. Пьетро спросил: "А что твой отец в Падуе делает?"

— Тоже, — отмахнулся Моше, — перед общиной выступает. Меня он решил не брать с собой, потому что есть, кому за мной присмотреть. Побежали, — он толкнул Пьетро, — наперегонки!

Мальчики, тяжело дыша, остановились у костра. Джованни, снимая с железной решетки рыбу, раскладывая ее по тарелкам, улыбнулся: "Моше, тут для тебя в углу накрыто, все из твоей корзинки взяли, так, что не волнуйся".

— Мы очень голодные, — в один голос сказали мальчишки. Джованни с Изабеллой ласково рассмеялись: "Вот и ешьте вволю".

— Потом будем строить замки из песка, походим под парусом и поможем рыбакам вытащить улов, — добавила женщина. Моше вспомнил низкую, забитую учениками комнату, каменные стены Иерусалима: "Вырасту — непременно посажу у нас во дворе дерево, как у Рахели. И заведу кота, обязательно, как Гато — такого же ласкового".

Он улыбнулся и, вдохнув запах костра, соли, ветра с моря — начал есть.

Степан поднял голову и посмотрел на буквы, высеченные над входом в университет: "Свобода Падуи, одна и для всех". Он оглянулся — площадь была пуста, из раскрытых окон доносился шум голосов студентов — занятия были в самом разгаре. "Хоть не увидят, — он поправил свою черную шляпу и замер: "Все равно, тут много евреев, профессора, преподаватели…, Иосиф тут учился, он рассказывал. Опасно. Пойдут слухи. Община, хоть и маленькая тут, а богатая. Не след, чтобы обо мне шептались. А что? — он еще раз обвел глазами выложенный каменными плитами двор.

— Иду к врачу, — твердо сказал себе Степан. "Что в этом дурного? Но почему не к еврею? Любой из наших докторов счел бы за честь меня принять, и бесплатно. Да не увидит тебя никто — разозлился он. Потянув на себя тяжелую дверь, Степан вошел в прохладный, тихий зал.

В гулких коридорах было пусто. Он быстро, воровато постучал куда-то пониже искусно гравированной таблички: "Профессор Масканьи".

В кабинет приятно пахло травами и воском для паркета. Масканьи склонил седоволосую, изящную голову, и протянул руку: "Садитесь. Я вас видел в городе, синьор, да и мои ученики-евреи о вас говорили".

Степан, было, открыл рот. Врач тонко улыбнулся: "Без имен, синьор, без имен. Я знаю, что вы со Святой Земли приехали, вот и все. И больше ничего мне знать не надо".

Он встал и закрыл дверь кабинета на ключ: "Мой ученик, Иосиф Мендес де Кардозо тоже в Иерусалиме жил. Скоро приедет сюда, докторскую диссертацию защищать, в следующем году. Ну, — Масканьи присел на край стола и покачал ногой в красивой, с бронзовыми пряжками туфле, — что нас беспокоит, уважаемый синьор? Рассказывайте".

Степан опустил голову и начал говорить. Масканьи потянулся за шкатулкой розового дерева, и закурил. Он посмотрел на дрожащие пальцы мужчины и усмехнулся: "Я-то думал — сифилис. Когда мы научимся его лечить? Ртуть, конечно, хорошо помогает, но это, же яд".

Он прервал Степана и выпустил клуб ароматного дыма: "Вот что, милейший. Вы мне сейчас описываете поведение здорового мужчины в полном расцвете сил. Вам сколько лет, чуть за тридцать? — поинтересовался Масканьи.

— Тридцать три, — хмуро ответил Степан. "Я слышал, давно еще, в монастырях монахам давали какую-то траву…"

— Витекс священный, — отмахнулся Масканьи. "С тем же успехом можете пить чай — он подпер подбородок кулаком: "Вы поймите, синьор, не существует средств, которые могут убить природный инстинкт, которым обладает каждый мужчина. В большей или меньшей мере, — рассмеялся Масканьи. "У вас, синьор, судя по всему — в большей".

— Что касается вашей жены, — жаль, конечно, что она отказывается идти к врачу, — Масканьи поиграл пером. "Я не люблю прописывать препараты, не видя пациента, но, — врач повернулся и стал рыться в комоде китайского лака, — этот сбор как раз помогает, в таких случаях. Просто добавляйте к ее чаю. Она ничего не почувствует. На полгода вам хватит, а потом вам он больше не понадобится, — вы ее просто не узнаете.

Степан посмотрел на аккуратные, холщовые мешочки, на маленькие, медные весы: "А это не опасно?"

Масканьи поднял бровь и стал смешивать травы, осторожно касаясь их длинными пальцами. "Красный клевер лечит бесплодие, а эпимедиум — из Китая, и дамиана — из Нового Света, они, — профессор усмехнулся, — известны, как афродизиаки. Снадобье проверенное, не волнуйтесь, — Масканьи передал ему мешочек и погрыз перо. "Я вам дам записку, — наконец, сказал, профессор, — к одной даме, она живет в Местре. Она вам, — он помолчал, — поможет".

— Я не…, - было, начал Степан. Масканьи подул на чернила: "Я сам к ней хожу. Мы, медики, заботимся о своем здоровье. Вот цена за травы, а дама эта берет вот столько — он написал что-то на листке бумаги. Степан взглянул на цифры и вздохнул: "А ведь еще подарки покупать, Лее, Ханеле…, Книги я купить хотел, тут они дешевле. Ничего, это один раз. Один раз, и все. И мне станет легче, я знаю".

— Спасибо, — он забрал записку и выложил на стол золото.

Степан вышел из университета, и взглянул на часы, — было время послеполуденной молитвы. Он шел к гетто, не поднимая глаз, чувствуя, как покраснели его щеки. Только оказавшись напротив синагоги, на виа Сан-Мартино-и-Сольферино, Степан прислонился к стене какого-то здания за углом.

— Сказано же в Талмуде, — проговорил он тихо, — что делать, если над тобой взяло власть дурное начало. Тебе надо пойти туда, где люди не знают тебя. Надо одеться в черные одежды, и следовать желаниям твоего сердца. Так ты не осквернишь имя Господне. В Местре меня никто не знает, а что я задержусь там, на день, — тоже не страшно.

Он поправил кипу. Коснувшись кончиками пальцев мезузы, Степан зашел в синагогу.

В уютной комнате пахло лавандой, двери, выходящие на красивый, кованый балкон, были растворены. Девушка, — темноволосая, темноглазая, лет двадцати, с большой грудью, едва прикрытой низко вырезанным, шелковым платьем, внесла серебряный поднос. Она лукаво сказала, присев на ручку кресла: "Это сливовое, вам можно, я знаю. У меня есть друзья, — она весело рассмеялась, — евреи".

Степан почувствовал сладкий, обжигающий вкус: "Господи, у нее же вся посуда не кошерная, и стаканы эти — тоже. Надо встать и уйти, зачем я это затеял?"

Она была вся теплая, мягкая, близкая. Он, еле сдерживаясь, шепнул ей на ухо: "Иди-ка сюда". Под пышными юбками было уже влажно. Девушка застонала, и спустила с плеча корсет: "Еще! Еще, пожалуйста!"

— Кружева, — понял Степан. "Я их десять лет не видел. Какая у нее кожа нежная". Темные волосы хлынули ей на спину. Она откинулась назад, и, подставив ему губы, прошептала: "Я так хочу тебя, так хочу…"

— Я тоже, — выдохнул он. Уже поднимая ее на руки, унося в спальню, Степан чуть не добавил: "Я тоже, Лея".

Пролог

Амстердам, весна 1787 года

Свитки Торы убрали в Ковчег Завета, двое мужчин закрыли резные, деревянные двери, и задернули бархатный, расшитый золотом занавес. Эснога была забита до отказа, люди сидели на скамьях темного дерева, стояли в проходах. С женской галереи доносился взволнованный шум голосов. Из раскрытых на канал окон тянуло свежестью.

Рыжий мальчик наклонился ко второму, — помладше, — и гордо сказал: "Сейчас мой папа выступать будет. А твой папа — скоро приедет, Давид?"

Давид Мендес де Кардозо отложил молитвенник и взглянул на Моше серьезными, темными глазами. "Летом, — вздохнул он. "Я скучаю, Моше. Тебе везет, ты все время рядом с отцом".

— Я тоже — по маме скучаю, и по сестре своей, — Моше улыбнулся и посмотрел на галерею. "А у тебя — Элишева есть, она у вас забавная".

— Ей два года, — недовольно пробормотал Давид, — что она понимает? И не поиграешь вволю.

— А у нас с Ханеле так и нет младшего братика, или сестрички, — вздохнул Моше. "Папа с мамой молятся, бедным помогают, и все равно — нет. У Рахели Горовиц тоже два года сестренке, весело у них. И собачка есть. И здесь, у Давида, тоже собачка. Надо письмо Пьетро написать. Тетя Марта обещала, что отдаст ему.

— Папа начинает, — Моше устроился удобнее.

Марта посмотрела на скамью — Элизабет сидела, скрестив ноги, гладя по голове заснувшую Элишеву.

— Конечно, — подумала женщина, — надо ей еще брата, или сестру. Вернется Джон из Испании, — она почувствовала, что улыбается, — и подумаем об этом. А то все одна и одна. Даже в Англии — мальчики все в школе. И Майкл, и Теодор наш, и Пьетро. Констанца уже взрослая, хотела одна жить, в Лондоне комнату снять. Джованни, конечно, ей такого не разрешил.

— Франческо тоже два года, мамочка, — тихо сказала Элизабет. "Он на дядю Джованни похож?"

— Да, — улыбнулась женщина. Элишева открыла светло-голубые глаза и поворочалась: "Хочу к маме!"

Джо взяла ее на руки и Марта, искоса взглянув на бледную, немного зарумянившуюся щеку женщины, на темные, спускавшиеся из-под берета волосы, вздохнула: "Что с ней такое? Места себе не находит, видно же. Не след, конечно, было Иосифу так надолго уезжать, но что, же делать? Он диссертацию защищает. Тяжело ей, конечно. Двое детей, да еще и преподает".

— Завтра на боте покатаемся? — шепнула Марта. Джо, закусив губу, кивнула головой. "Господи, дай ты мне сил, — попросила она. "Только чтобы Марта ничего не заметила, пожалуйста. Бот..., - женщина поморщилась, как от боли, и вспомнила его веселый голос: "Госпожа Мендес де Кардозо, я руль одной рукой держать могу, так что не волнуйтесь. Моше, Давид — берите маленькую и усаживайтесь!"

Джо установила парус и внезапно поймала его взгляд. "В Иерусалиме так не ходят, — подумала она, чувствуя, как ветер играет прядями ее волос. "Там ничего из-под платка не видно, а у нас — береты, или шляпы. Чепцы теперь только старухи и носят. И платье у меня с вырезом ниже ключицы, хорошо еще, что синее, не яркое".

Она запахнула шаль и нарочито строго заметила: "Мальчики, посадите Элишеву между собой и держите ее как следует!"

— Я буду! — радостно отозвался Моше, и обнял девочку: "Сейчас море увидишь!"

— Не море, — выпятила губу Элишева, — а Эй.

Взрослые рассмеялись. Джо, размотав канат, встав у паруса, почувствовала, что краснеет — он все смотрел на нее — мягко, ласково.

Она вздрогнула и услышала чей-то шепот сзади: "Такой красавец этот рав Судаков. Все же, что ни говори — евреи на Святой Земле совсем по-другому выглядят. Он высокий какой, и плечи широкие. Он из плена бежал, представляете, от берберских пиратов, там же и руку потерял".

Джо зарделась и спрятала лицо в мягких волосах Элишевы, низко наклонив голову.

Степан откашлялся, и, огладив бороду, оглядел общину: "Никто столько денег не привозит, сколько я. Процент у меня отличный, сколько уже отложено. Вернусь — будем дом перестраивать, нечего тесниться".

Он вспомнил неуверенный голос жены: "Авраам, но ведь у нас всего двое детей…, Ханеле приданое надо собирать".

— Соберем, — он наклонился и поцеловал прикрытые платком волосы. "Может быть, у нас еще будут дети. Надо молиться, милая".

Степан мимолетно вспомнил рыжеволосого, высокого мальчика, кормившего голубей на площади. Он холодно сказал себе: "Это не твой сын. Это сын того идолопоклонника, да сотрется имя его из памяти людской. И ее имя, той шлюхи, Иезавели, соблазнившей тебя — тоже. Еще бы могила ее исчезла, но ведь рав Горовиц, упрямец — все равно за надгробием ухаживает".

Он провел губами по шее и жена задрожала: "Авраам…"

— Травы, — усмехнулся Степан. "Не солгал тот профессор, даром, что тоже идолопоклонник". Он увидел перед собой темную с задернутыми шторами, комнату. Он пришел из ешивы к обеду, но жены в столовой не было. Степан прислушался и, поднявшись наверх — открыл дверь спальни. Лея вскочила с кровати, оправляя платье. Тяжело дыша, жена пробормотала: "Прости…, У меня болит голова, я прилегла. Я сейчас накрою на стол".

Он ощутил запах мускуса и увидел, как жена покраснела. "Лея, — спросил он, сцепив руки за спиной, — Лея, чем ты занималась?". Степан поморщился и добавил, выходя: "Не следуйте путями Египта, ты же помнишь это, Лея? Мне стыдно, стыдно, что ты опустилась, — он повернулся и увидел, как жена тихо плачет, — до такого".

Вечером, вернувшись из синагоги, он увидел горящие свечи и ее, — в лучшем, шелковом платье, робко опустившую голову. Степан вдохнул запах свежевыпеченной халы и сел за стол. Он шутил с детьми, говорил о недельной главе Торы. Только когда Моше и Ханеле пошли спать, он окинул жену оценивающим, холодным взглядом.

— Я плохо поступила, Авраам, — ее голос задрожал. "Это разврат, низко, я не должна была этого делать, прости меня, пожалуйста…"

Он поднялся и забрал у нее грязные тарелки: "Мы не будем об этом вспоминать, Лея. Ты хорошая женщина, скромная, благочестивая. Но дурное начало есть в каждом из нас, и ты позволила ему овладеть собой, пусть на мгновение. Я буду молиться, чтобы такого больше не было".

Степан увидел ее наполненные слезами, большие, темные глаза: "Я уберу со стола, сегодня же Шабат, отдыхай, милая".

Потом, ночью, жена тихо всхлипывала, целовала ему руку и бормотала: "Я не знаю, не знаю, что со мной случилось…, - Лея едва слышно застонала. Он, раздвигая ей ноги, прижимая к постели, шепнул: "Все хорошо, все хорошо, милая".

Только потом, поднимаясь, ополаскивая руки, возвращаясь на свою кровать, Степан услышал тихий голос: "Авраам, ты меня любишь?"

— Конечно, — недоуменно сказал Степан, — конечно, милая. Спокойной ночи.

Он закрыл глаза и увидел перед собой кошачью, нежную улыбку жены венского банкира, госпожи Гольдберг. "Вы обязательно должны прийти к нам домой, рав Судаков, и рассказать о Святой Земле, — восхищенно сказала женщина, — маленькая, изящная, вся в шелках, блистающая драгоценностями.

— Вы так красиво говорите, мой муж даже плакал, да, дорогой? — она потормошила стоявшего рядом толстячка.

— Главное, что он пожертвовал денег и много, — улыбнулся про себя Степан, пожав руку банкиру. "Да, да, рав Судаков, — сказал он, задыхаясь, — мы устроим настоящий прием в вашу честь".

— Устрицы они будут, есть в другой день, — подумал Степан. Он поймал на себе заинтересованный взгляд госпожи Гольдберг.

Потом она пригласила его на завтрак, обещая, что позовет еще несколько человек. Он вспомнил ее взволнованный голос: "К сожалению, у моего брата с женой были неотложные дела…, Вам нельзя быть наедине с женщиной, я пойму, если вы уйдете…"

Госпожа Гольдберг поднялась и отошла к окну. Степан, неслышно оказавшись рядом, вдыхая запах цветов, тихо спросил: "А если я останусь? Тоже поймете?"

Женщина повернулась. Приподнявшись на цыпочках, она помотала головой: "Я не знаю, что со мной…, Это грех, грех, это наваждение какое-то…, Я даже слуг отпустила…"

— Отдалась мне прямо там, на полу, — хмыкнул Степан. "А потом в Праге, была эта, как ее, тоже жена торговца какого-то. Замужние безопасней — денег не тратишь, они здоровы, и сами заботятся о последствиях — никому не хочется родить мамзера".

— Например, госпоже Мендес де Кардозо — тоже не хочется, — он незаметно взглянул наверх. "А она почти не изменилась, с Иерусалима. Красавица, конечно, и высокая, какая. Иосиф в Падую уехал, очень удобно. Видно, что за год она по мужчине соскучилась. Когда я ей письма от Горовицей отдавал, когда на боте катались — краснела. Вот и славно".

Он оперся рукой на биму и обвел проникновенными глазами общину:

— Пророк говорил: "Так сказал Господь: вот, Я спасу народ Мой из страны востока и из страны, где заходит солнце; и приведу их, и будут они жить в Иерусалиме, и будут Моим народом, и Я буду их Богом, в истине и правде".

— Евреи уже живут в Иерусалиме, господа, — воскликнул он, — в Иерусалиме, и Святой Земле. Наши ешивы звенят голосами детей, наш народ возвращается в Землю Обетованную! Недалек тот час, когда мы, при нашей жизни, будем удостоены видеть явление Мессии. Он восстановит Храм и соберет наш народ под крыльями Божественного присутствия. В нашей стране, господа, в стране Израиля, — Степан прервался, и помолчал: "Но, чтобы жить дальше, исполнять заповеди, молиться, обучать детей — нам нужна ваша помощь, господа. Спасибо вам, — он склонил голову, и услышал растроганный шепот, что пронесся по залу.

Он выдохнул: "Ну, все прошло отлично". Какая-то незнакомая женщина пристально смотрела на него с галереи и Степан подумал: "Никогда ее раньше не видел. Подруга, что ли, госпожи Мендес де Кардозо, они рядом сидят. Она хорошенькая, только вот глаза эти…"

Глаза были зеленые, ледяные, спокойные. Степан повернулся, и, поклонившись Ковчегу

Завета, — он был за хазана, — начал: "Нам должно славить Владыку Вселенной, благодарить Творца за то, что он не уподобил нас другим народам…"

Община вставала. Марта, поднявшись, дернула Джо за рукав платья. "Спишь, что ли? — смешливо спросила женщина и замолчала, увидев ее тоскливый, устремленный на биму, взгляд.

На красивом столе орехового дерева лежало родословное древо. Марта склонилась над ним, с пером в руках, и потормошила Джо: "Смотри — это Изабелла и Джованни. Мы все так рады были, когда Джованни нашелся, еще и с женой, и с сыном. Теперь у них еще один сыночек, Франческо, ровесник Элишеве. Хорошо, что они в Мейденхеде живут — там, рядом Питера усадьба. Мальчики вместе в Итоне учатся, есть, кому на каникулах за ними присмотреть".

— А вы долго еще в Париже будете? — Джо сидела, подперев щеку рукой, отпивая холодный, вчерашний кофе из серебряной чашки. Из сада слышался какой-то шум. Марта усмехнулась, — до нее донесся твердый голос дочери:

— Элишева сидит тут, и вы, по очереди, за ней присматриваете.

— А ты? — возмутился Давид.

— А я буду играть с Ратонеро, — отрезала девочка. Второй мальчик примирительно заметил: "Ты тоже поиграй, Давид. Я с Элишевой побуду".

— Сын рава Судакова, — подумала Марта. "Хороший он, этот Моше. Рав Судаков на Теодора похож, и Пьетро тоже, — сразу видно, одна у них кровь. Этого Авраама я только в синагоге и видела, хотя Джо говорила, что он сюда приходил".

Марта погрызла перо и рассеянно ответила: "Года три, наверное. Может быть, и больше, отцу твоему только сорок семь, совсем молодой, ему еще работать и работать. И Теодору помощь нужна. Так, как ты говоришь, вторую девочку назвали, Аарон и его жена?"

— Милая моя сестричка! — Джо развернула письмо. "Во-первых, рада тебе сказать, что через три года мы увидимся — мы, всей семьей, едем навестить наших кузенов, Горовицей, в Нью-Йорк. Мы, конечно, отплывем из Амстердама…

— Вы тоже едете, — прервала ее Марта, — я помню, Иосиф писал.

— Это если он со мной не разведется, — горько подумала Джо. "Господи, что я делаю, нельзя, нельзя, я замужем, я люблю Иосифа…, Зачем все это, у нас дети…, Но ведь Авраам сказал, что даст жене развод, он ее давно не любит, у них и нет ничего…"

Она увидела пустынный, темный берег канала. Джо комкала кашемировую шаль на груди и услышала его тихий, дрожащий голос:

— Госпожа Мендес де Кардозо…, Сара…, Я не знаю, что со мной, я ничего не могу сделать…, Но я еще там, — он кивнул на восток, — там, в Иерусалиме, любовался вами. Я знаю, это грех…, - Степан оглянулся и холодно подумал: "Нельзя ее пока целовать, мало ли — вдруг кто-нибудь появится. Хорошо, что Моше и ее сын подружились, пусть мальчики играют вместе. Теперь совсем не подозрительно, если я буду к ним приходить — забираю сына, привожу сына".

— Сара, — повторил он. Джо, резко сказав: "Мне пора домой, рав Судаков", — повернувшись,

пошла прочь от него. Ветер с Эя раздувал подол ее платья, она шла, шмыгая носом, и видела перед собой грустные, темные глаза мужа.

— Не уезжай, — попросила Джо, прижавшись щекой к его руке. "Мы никогда еще не расставались, только, — она улыбнулась, — на Карибах, да и там я тебя нашла".

Муж присел. Обняв их с дочкой, — Элишева спала у нее на коленях, — Иосиф вздохнул: "Думаешь, мне легко, Черная Джо? Я бы никуда не отправился от вас, но для доктората надо год преподавать, в университете".

— Ты же преподаешь, в Лейдене, два раза в неделю лекции читаешь, — недоуменно сказала Джо.

Иосиф взял ее руку и стал целовать, — медленно, нежно. "Здесь мне докторат никогда не дадут, — он помолчал, — здесь для этого креститься надо. Только в Италии, милая". Он вдохнул запах соли: "У тебя мозоли на пальцах сошли, от пера".

— Скоро опять появятся, — Джо покачала Элишеву. "Девочки бегают, уже которую неделю: "Когда мы учиться начинаем, госпожа Мендес де Кардозо? Мы так соскучились!" После Суккота и начнем".

— Год без него, — внезапно, отчаянно поняла Джо. "Господи, все праздники, Ханука, Песах — все без него. Я не вынесу".

— Давид еще не скоро из хедера вернется, — Иосиф ласково забрал у нее дочь. Протянув руку, он поднял жену из кресла. "Пойдем, — лукаво сказал он, — я маленькую уложу, а потом..."

Потом Джо прижалась к нему, положив голову на плечо. Не стирая слез с глаз, она сказала: "Я все понимаю. Понимаю. Мы тут справимся, Иосиф, езжай спокойно".

— Я буду писать, — он все целовал мокрые щеки, закушенные губы, — много, обещаю. Вы мои письма и читать бросите, — Джо невольно рассмеялась, — так их будет много.

— Целая шкатулка уже набралась, — вздохнула Джо и продолжила: "А во-вторых, у нас новая маленькая доченька, сестричка для Рахели. Назвали мы ее Малкой. Ей скоро будет два годика, и они с Рахели очень дружат. Ваша Элишева — ей ровесница, так что поплывем в Новый Свет с одними девчонками. До скорой встречи, милая моя сестричка, любящая тебя Дина".

— Малка Горовиц, — аккуратно вписала Марта. Джо пошарила по столу: "Вот, Эстер тоже пишет... — она повертела в руках изящный, лиловый конверт, от которого тонко, неуловимо пахло лавандой.

— Милая моя Сара, посылаем пожелания счастья и благословения нашей маленькой племяннице Элишеве, пусть растет она для Торы, хупы, и добрых дел! У нас все хорошо. Мы теперь живем в Нью-Йорке, здесь пока столица наших штатов, но, Меир говорит, через несколько лет будет построен новый город, на реке Потомак. Мы, конечно, переедем туда. У Меира очень, много работы, в казначействе. Он занимается выплатой долгов по займам, выпуском новых денег, да еще и готовит, с мистером Гамильтоном, проект создания национального банка.

Мальчики растут и радуют нас. Я открыла благотворительный кабинет, где бесплатно осматриваю женщин и детей. Каждое лето мы ездим в усадьбу к Мирьям. Там уже возвели целую деревню, и новые поселенцы все прибывают. Мирьям и ее муж ожидают счастливого

события. Впрочем, когда это письмо дойдет до вас, оно уже и случится. На всякий случай, дорогая Сара — почитай за нее Псалмы. Отправляем вам, как обычно, пожертвование для наших братьев в Земле Израиля, да хранит их Господь. С любовью к вашей семье — семья Горовиц.

— Уже и родила, — хмыкнула Марта. "Жалко, что не знаем — кого. Еще один Кроу". Она улыбнулась: "Питер так и не женился. Майклу двенадцать, большой мальчик. Наверное, ему все перейдет, а Питер холостяком умрет. Любил он свою Марию, конечно".

Она забрала у Джо письмо — девушка сидела, глядя куда-то вдаль, и громко спросила: "Да что с тобой такое? Весь день после синагоги ходишь, сама не своя!"

— Ничего, — Джо вздрогнула. "Устала я без Иосифа, вот и все. Так, говоришь, папа из Испании прямо в Париж поедет, а Маленький Джон — еще там остается?"

— Года на два, — Марта присела и поиграла пером. "Он хорошо работает. А у нас, — она тоже налила себе кофе, — все тихо. Мы с Теодором занимаемся обычными вещами, — Марта усмехнулась, — Дэниел в посольстве, Тео в театре, Жанна нас всех снабжает вареньем".

Джо подтянула под себя ноги: "Дэниел, как сюда приезжал на переговоры со штатгальтером, обедал у нас. Сказал, что вы с Теодором у Лагранжа учитесь, частным образом, — девушка вздохнула и накрутила на палец темный локон.

Марта широко улыбнулась: "Когда Лагранж в Париж вернулся, из Берлина, я написала работу, маленькую, по вариационному исчислению. Джованни им занимается. Послала Лагранжу, анонимно, и добавила, — сочту за честь быть вашим учеником, жду вас у "Прокопа" в такой-то день. Оделась в сюртук и пошла. Теодор, конечно, кричал, что ничего у меня не выйдет, — женщина рассмеялась. "Лагранж пришел, заказал кофе, и взял у меня сигару: "Дорогая мадам, или мадемуазель, придется вам признаться — как вас зовут. "Журналь де Саван" статьи без подписи не печатает. Уже три публикации, — гордо заметила Марта. Взглянув на Джо, она тихо проговорила: "Что ты, милая…, Хочешь, пока я здесь — позанимаемся, у тебя же всегда хорошо с математикой было…"

Джо тяжело вздохнула: "Я девочкам ее преподаю, но там все — просто очень. Спасибо, — она положила длинные пальцы на маленькую ладонь Марты.

— Сестричка! — раздался сзади звонкий голос. Элизабет стояла, еле удерживая в руках дремлющую племянницу. "Элишева прямо на скамейке заснула, а мальчики есть хотят, и я тоже".

— Я их накормлю, — Марта передала девочку Джо, — а ты иди, ложись. На тебе и, правда, лица нет.

Джо поднялась в спальню. Устроив Элишеву в маленькой кроватке, женщина долго смотрела на дочь. "Иосиф мне не отдаст детей, — поняла она. "Меня отпустит, если я скажу, что не люблю его больше, а детей, не отдаст. Я не могу без них, совсем не могу. И я же люблю Иосифа, Господи, как мне быть…"

Она опустилась на персидский ковер, и, спрятав голову в руках, услышала его умоляющий голос: "Сара, пойми, — я не могу без тебя жить, совсем не могу. Жена меня не любит, я ее тоже. Я дам ей развод, уеду сюда, и мы всегда будем вместе…"

— У меня муж, — сказала она слабым голосом, озираясь вокруг, — дети играли поодаль, у

кромки прибоя. Его губы коснулись ее пальцев. Джо, вздрогнув, отняв руку, стиснула зубы: "Рав Судаков, так нельзя, это грех, я ведь замужем…"

От него пахло сандалом, серые, в темных ресницах глаза горько посмотрели на нее: "Сара…, Один только раз, я прошу, просто чтобы знать, как это — я ведь никогда еще так не любил". Он отвернулся и повторил: "Никогда".

Мальчики убежали куда-то вдаль, Элишева спала, укутавшись шалью. Джо, задохнувшись, почувствовала его поцелуй. Он был нежный, медленный, долгий, — подумала она, — как тихий, весенний день.

Она плакала, неслышно, чтобы не разбудить дочь. Потом, умывшись, постояв над фаянсовым тазом, посмотрев на бледное, взволнованное лицо в зеркале, Джо тихо сказала: "Я не знаю, не знаю…, Что мне делать, Господи?"

Марта разложила по тарелкам курицу: "Всем быстро мыть руки, мальчики, — вам особенно!".

Ратонеро устроился под столом. Моше, наклонившись, погладил собаку: "Мы тебе костей оставим".

Уже в умывальной, Элизабет, склонив голову набок, осмотрела Моше: "Почему у тебя два локона, как у девочки?"

Мальчик покраснел и, вытирая руки, ответил: "Это заповедь, из Торы, у моего папы тоже так. А что?"

— Да ничего, — пожала плечами Элизабет. Сверкнув зелеными глазами, девочка добавила: "Мне нравится, красиво. А у Давида, — она подтолкнула племянника, — их нет".

— У моего папы тоже нет, — гордо ответил Давид, и они вернулись в столовую. Уже когда мальчики пробормотали молитву после еды, в дверь постучали. "Это мой папа, — зевнул Моше, — пришел за мной. Тетя Марта, так все вкусно было, так вкусно — как у мамы".

— Папа, — холодно повторила Марта, открывая дверь.

Он отвел глаза, увидев блеск неприкрытых, бронзовых волос. "Не еврейка, — понял Степан. "Еще, не приведи Господь, Моше не кошерной едой тут кормили. С них станется, ничего не соблюдают".

— Здравствуйте, рав Судаков, — вежливо сказала женщина. "Я подруга Сары, меня Марта зовут".

— Марта, — он нахмурился: "Откуда-то я это имя знаю, или видел его уже…, Да какая разница".

— Я вас в синагоге слушала, — объяснила она, глядя на него прозрачными, зелеными глазами. "Вы очень, — женщина поискала слово, — проникновенно говорили, рав Судаков".

— Не надо ему говорить о Теодоре, Изабелле, Джованни, — усмехнулась Марта. "Хорошо, что я вблизи на него посмотрела, теперь все и понятно".

— Спасибо, — он покраснел. Уперев глаза в каменные ступени, Степан позвал: "Моше! Нам пора заниматься. А где, — он покашлял, — госпожа Мендес де Кардозо?"

— Прилегла отдохнуть после обеда, — спокойно отозвалась женщина, — как положено в Шабат. До свидания, Моше, — улыбнулась она.

— Вы не передадите ей записку? — Степан порылся в кармане капоты. "Это о книгах, которые я рекомендую для ее сына".

— Она отдаст, — подумал Степан, беря Моше за руку. "Можно не сомневаться, отдаст. Значит, завтра госпожа Мендес де Кардозо уже будет моей".

— Разумеется, — Марта протянула нежную, блистающую кольцами руку. Он опустил туда свернутый, запечатанный листок бумаги.

Уходя по набережной канала к синагоге, он оглянулся — над черепичной крышей дома реяли чайки. Женщина все стояла, прислонившись к двери, закинув голову вверх, следя за птицами.

— Папа, — прервал молчание Моше, — тетя Марта так интересно рассказывала о Новом Свете, она же там родилась! Она знает дядю Теодора, и дядю Джованни и Пьетро, всю нашу семью! Пьетро уже в школе учится, у него братик маленький родился, Франческо, — Моше посмотрел на отца, и увидел, что тот улыбается.

— Ну и славно, — искренне сказал Степан. "Та самая герцогиня Экзетер, — успокоено понял он. "Она просто отнесет записку Саре, вот и все. Такие люди не читают чужих писем".

Над каналом все кружили птицы. Он, почувствовав на лице свежий ветер с Эя, сказал сыну: "Хорошо!"

Марта закрыла дверь и огляделась — дети уже ушли наверх. Она присела к уставленному грязными тарелками столу. Рассеянно потрепав Ратонеро по рыжей голове, женщина спокойно взломала печать на записке.

Женщина внимательно прочитала ровные строки: "Вот оно, значит, как. Он, — Марта поднялась и начала составлять тарелки в стопку, — просит письмо сжечь. А мы, — она открыла дверь в сад, и, выпустив Ратонеро, прошла к колодцу, — мы не сожжем. Нет, рав Судаков, — издевательски повторила она, — не сожжем".

Помыв посуду, Марта поднялась по лестнице и постучала в спальню Джо.

— Открыто, — услышала она тихий голос, и нажала на бронзовую ручку.

Элишева спала. Джо лежала на кровати, свернувшись в клубочек, разметав по шелковой подушке темные волосы. Она все смотрела на голубое, весеннее небо. Потом, так и не поворачиваясь к Марте, Джо спросила: "Что там? Давид сказку хочет, перед сном? Я сейчас встану, сейчас..., - ее голос надломился. Марта, присев на постель, вздохнула: "Они сами улягутся с Элизабет, большие уже. Тебе это принесли, — угол рта женщины дернулся, — ты прости, я прочитала".

Марта увидела, как заалели щеки Джо. Та, едва шевеля губами, спросила: "Зачем?"

— Вставай, — велела Марта. Как маленькую, подняв Джо с постели, она вытолкала женщину из комнаты. Та не сопротивлялась.

— Садись, — Марта раздула очаг на кухне. Заметив взгляд Джо, она сварливо сказала: "Шабес гой вы это называете, я знаю".

Джо опустила голову: "Господи, хоть бы умереть. Стыд, какой стыд. Как я Иосифу в глаза посмотрю, и Марта — она это все видела, что он…, рав Судаков, там написал".

Марта разлила кофе по чашкам: "Иди в сад".

Присев на скамейку, она достала из бархатного мешочка тонкую сигару, и, чиркнув кресалом, раскурив ее — всунула в руку Джо.

— Шабат, — слабо запротестовала та.

Марта усмехнулась: "Соблюдай, только сначала при живом муже под чужого не ложись. Или ты только собиралась? — Марта склонила изящную голову. Джо, выронив дымящуюся сигару — разрыдалась.

Она плакала, глотая слезы. Потом, сцепив длинные пальцы, женщина мрачно сказала: "Я сама не знаю, что на меня нашло, Марта. Я ведь люблю Иосифа, больше жизни люблю…, И с этим…, с ним, — Джо глубоко вздохнула, — с ним ничего не было, — он только один раз меня поцеловал, и все…"

— Какой мерзавец, — угрюмо подумала Марта, — знает же, что Иосиф его дочери зрение спас, и все равно — это его не остановило. Раввин, — она раздула ноздри. Справившись с собой, затянувшись сигарой, Марта вздохнула: "Зачем тебе это, милая? У вас дети — любой позавидует, муж наглядеться на тебя не может…"

— Он уехал, — Джо все всхлипывала. "И потом тоже…Иосиф говорил, что, если бы тут евреев брали в армию, как в Америке — он бы тоже пошел".

— Уехал, потому что надо так, — спокойно ответила Марта. "Твой отец — тоже ездит, сама знаешь. Однако я под первого встречного, — она поморщилась, — не ложусь. Хотя, — Марта покачала носом атласной туфли, — предложений много, скрывать не буду. А если в армию твой муж пойдет, — хотя на это надежды мало, тут все-таки не Америка, — тоже потерпишь".

— Это мы говорим у алтаря: "в горе и радости". А у вас в ктубе, что на стене в гостиной висит, написано: ""Будь мне женой согласно вере и закону Моше и Израиля — а я буду работать, чтобы зарабатывать на нужды дома, и почитать тебя. Дам тебе пропитание и всяческую поддержку по обычаю мужей израильских, работающих и почитающих жен своих и дающих им пропитание и всяческую поддержку по правде". Иосиф, что, не делает этого? — Марта обвела рукой уютный, красивый особняк, расцветающие розы в саду, и взяла руку падчерицы: "Джо, милая, не надо. Не надо так, он же любит тебя, Иосиф, и ты его тоже. А этот…, - Марта поморщилась и вспомнила тихий голос Теодора.

Горел камин, между ними, на круглом, выложенном мозаикой столике, стояла бутылка бургундского вина.

— Ева Горовиц, — Теодор затянулся сигарой, — разум потеряла, Марта. После того урагана, где аббат Пьетро погиб. И мальчика рожала — уже не в себе была. А что маленький Пьетро на меня похож, так мы с аббатом кузены были, сама знаешь. Серые глаза — это в Еву у него, у аббата зеленые были, ты же помнишь.

— Да, — Марта выпила вина и повертела в руках бокал. "Судаков этот, Исаак, — тоже после того урагана умер. Странно все это. А твой брат, — поинтересовалась Марта, — тоже Еву Горовиц знал?

— На улице видел, — она заметила, как Теодор отвел взгляд. Марта, помолчав, поворошив дрова в камине, повторила: "Странно".

Джо достала из-за корсета платок, и вытерла лицо: "Мне Иосифу все надо рассказать, как он вернется. А потом пусть он сам решает. Только ведь… — она побледнела, — он все равно сюда придет, рав Судаков, он еще не скоро уезжает, он говорил…"

Марта прижала ее к себе и покачала: "Иосифу ничего говорить не надо, милая. Просто, — она улыбнулась, — как приедет он, сходи в эту вашу микву, забирайте детей и уезжайте в деревню. У вас же домик там есть. Побудьте вместе, — Марта нежно улыбнулась. Джо подумала: "Господи, как я рада за папу. Как хорошо, что у него теперь Марта есть, и Элизабет".

— Мы тоже как были в Англии, — женщина подмигнула падчерице, — с твоим отцом в Озерный край ездили. Она подняла бронзовую бровь: "Рыбу там ловили. А рав Судаков быстро отсюда уедет, это я тебе обещаю. И более не вернется".

Элизабет высунула белокурую, растрепанную голову из окна спальни: "Мама, сестричка, Элишева проснулась, к нам пришла. Вы посидите, мы с Давидом с ней поиграем".

— Спасибо, — улыбнулась Марта, и пожала сильную руку падчерицы: "Все будет хорошо".

Степан оглянулся, и, нащупав в кармане записку, сверился с ней.

— Правильно, — пробормотал он, — это здесь. Какие у нас женщины в Амстердаме, оказывается, страстные — он усмехнулся, — сами мне пишут. Вот и посмотрим, кто это, — он остановился перед выходящим на канал Принсенграхт постоялым двором, — развлечемся. А потом встретимся с госпожой Мендес де Кардозо, — он облизал губы. Обойдя здание, — во дворе никого не было, — он три раза постучал в неприметную дверь.

Он увидел ту, что стояла на пороге — в шелковом, низко вырезанном платье цвета старого золота, с распущенными по плечам бронзовыми волосами. Степан недоуменно спросил: "Вы…"

— Простите меня, — женщина, опустив зеленые глаза, комкала в руках платок. "Я сама не знаю, что со мной, рав Судаков…., Я и не думала, что вы придете….- она сглотнула и покраснела: "Вы должны меня презирать. Это грех, большой грех, но с тех пор, как я вас увидела, — она поднесла пальцы к виску и пошатнулась, — я только о вас и думаю. Уходите, пожалуйста, не мучайте меня, — взмолилась женщина. Он, наклонившись, вдыхая запах жасмина, покачал головой: "Я останусь, Марта".

Он легко поднял ее на руки и внес в какую-то дверь. Женщина обнимала его, мотая головой, шепча что-то. Потом он услышал, как рвется шелк ее юбок, почувствовал под пальцами что-то нежное, горячее. Она вдруг, попытавшись высвободиться из его объятий, громко крикнула: "Нет, нет, я не хочу, нет! Оставьте меня, пустите!"

— Поздно, — пробормотал Степан, прижимая ее к стене, раздвигая ноги. "Поздно, Марта!"

— Нет! — завизжала она. Быстро, неуловимо наклонившись, женщина достала что-то из-за чулка.

Прямо над его ухом прогремел выстрел, запахло порохом, раздался треск дерева. Он, обернувшись, услышал холодный голос: "Извольте объясниться, господин, — что вы намеревались сделать с этой бедной женщиной?"

Марта, стягивая разошедшийся корсет, рыдая, подобрала с пола пистолет. Она упала на грудь сухощавому мужчине в форме офицера городской охраны. За ним стояли еще двое.

— Вовремя мы мимо проходили, господа. Все ясно, — сказал мужчина, оглядывая комнату. "Ваши бумаги, пожалуйста, — обратился он к Марте.

Та, всхлипывая, сняла с запястья бархатный мешочек. Марта протянула его офицеру, вытирая крупные слезы, что катились по ее щекам: "Меня заманили в этот притон, ваша честь. Я получила записку, от него, — женщина протянула палец в сторону Степана, — я слышала его в синагоге, потом мы познакомились, и вот…, - она вытащила из-за корсета скомканный листок бумаги.

— Обещаете рассказать о Святой Земле, рав Судаков, — хмыкнул офицер. "Прямо с порога, я вижу, начали рассказывать, — он со значением взглянул на Степана. Тот, покраснев, отвернувшись — стал приводить в порядок свою одежду.

— Я ничего такого не писал, — сказал он, справившись с собой, раздув ноздри. "Сучка, какая сучка, — пронеслось у него в голове. "Господи, только бы до синагоги это не дошло". "Эта она, — Степан вскинул голову, — она меня сюда заманила. Вот ее письмо, — он порылся в кармане.

— Это не мой почерк, — Марта широко раскрыла заплаканные, зеленые глаза. "Не мой, господин офицер, — она присела к столу и быстро что-то написала. "Вот, сличите. И заставьте его, — нежный палец опять указал на Степана, — пусть он тоже даст вам образец своего почерка".

Охранник подтолкнул его к столу. Наклонившись над бумагами, он усмехнулся: "Госпожа Холланд говорит правду, рав Судаков. Не знаю, что за дама послала вам эту записку, но понятно, что не она. Не отпирайтесь, видно, что это, — он положил руку на стол, — писали вы". Офицер кивнул патрулю: "Налицо попытка изнасилования. В нашем городе такое с рук не спускают. Никому, — он посмотрел на Степана.

— Я прошу вас, — забормотал тот, — прошу вас…, Проявите снисхождение, я сам не знаю, что на меня нашло, со мной такого никогда не было…Ваша честь, пожалуйста….

Марта собрала бронзовые волосы в тяжелый узел и прикрылась шалью: "Я вижу, что рав Судаков искренне раскаивается, ваша честь. Каждый может совершить ошибку, потерять самообладание".

— Все равно, — угрюмо ответил офицер, — мы должны будем занести этот случай в реестр городских происшествий за день, и если, — он гневно взглянул на Степана, — если нам станет известно, что вы еще в чем-то таком, — его губы брезгливо искривились, — замечены, — вы сядете в тюрьму.

— Нет, нет, — он чуть не плакал. "Я клянусь…"

— Вам же нельзя клясться, — усмехнулся офицер. Незаметно подмигнув Марте, он велел патрулю: "Пошли, ребята".

Оказавшись во дворе, кто-то из охранников сказал: "Неплохие деньги за полчаса работы, Йоханн. И форму она где-то достала, бойкая дамочка".

— Форма, нам, конечно, больше ни к чему, — задумчиво ответил Йоханн, — переоденемся в том

сарае и выбросим ее в канал. А эта, — он ласково улыбнулся, — да, бойкая. Робер и Франсуа мне о ней еще тем годом рассказывали, как я в Париж на общий сбор, — он поднял бровь, — ездил. Там мы с ней и познакомились. Хорошая женщина, — искренне добавил Йоханн. Они, перейдя через мост, исчезли в путанице узких улиц Йордена.

Степан почувствовал, как к его виску приставили пистолет. Он все сидел у стола, уронив голову в ладони. Он скосил глаза — на золотой пластинке, что украшала оружие, было выгравировано "Semper Fidelis ad Semper Eadem". "Вечно верной, от вечно неизменной, — вспомнил он отчего-то.

— Я стреляю без промаха, — раздался над ним холодный голос женщины. "Я спасла вашу дочь, в Париже, рав Судаков. Вырвала ее из рук преступника, убийцы. Господин Мендес де Кардозо, которого вы знаете — вернул ей зрение. Ваш брат, — он мой лучший друг, — довез ее до Иерусалима. Если бы не они, — у вас бы сейчас не было Ханы. У вас очень хорошие дети, рав Судаков, вы их, — женщина помолчала, — недостойны. Берите перо и пишите".

— Что? — спросил он сухим, перехваченным горлом.

— Правду, — она все держала пистолет у его головы. "Зачем вы сюда шли, что намеревались сделать, и как вы преследовали госпожу Мендес де Кардозо, честную, порядочную женщину, которой не повезло привлечь ваше, — Марта издевательски усмехнулась, — внимание".

— Она сама…, - пробормотал Степан. Женщина ледяным голосом велела: "Заткнись, ублюдок, и бери перо. Ну! — она пошевелила пистолетом. Он обреченно стал писать.

Марта посыпала чернила песком, и прочитала бумагу: "Очень хорошо. Имейте в виду — если вы еще раз появитесь в Амстердаме, — а я об этом узнаю, непременно, — этот документ на следующий день ляжет на стол совета общины. После этого вам вряд ли, — Марта почесала нос, — будут тут рады. Или вообще — где-то рады. Вы поняли, рав Судаков? — зеленые, спокойные глаза взглянули на него.

Он только и мог, что кивнуть.

Женщина завязала шаль на груди. Уложив документ в мешочек, засунув пистолет за корсет, она обернулась на пороге: "Вашему брату я ничего не скажу, рав Судаков. Пока, — она помолчала. "Если мне станет известно, что вы еще чем-то таким занимаетесь — Теодор все узнает. Думаю, вам не надо объяснять — на что способен ваш брат".

— Спасибо, — выдавил он сухими губами.

Она все стояла в дверях. Потом Марта, внезапно, сказала: "Думаю, вы очень близко знали покойную Еву Горовиц. Я права, рав Судаков?"

— Да, — он все смотрел на оловянную, покосившуюся чернильницу.

Марта, молча, захлопнула за собой дверь. Он, положив голову на пыльный стол, заплакал.

Часть восемнадцатая

Лондон, лето 1788 года

Карандаш бойко бегал по листам красивого, переплетенного в телячью кожу, блокнота. Молодой человек, — высокий, тонкий, в отлично сшитом, синем сюртуке с жемчужными

пуговицами, — прервался. Покусав кончик карандаша, покачав ногой в замшевой, с бронзовыми пряжками, туфле, он поднял темные, большие глаза.

— Мистер Пристли, — улыбнулся юноша, — последний вопрос. Вы, как известно, выделили так называемый "бесфлогистонный воздух", который в последнее время стали называть кислородом…

Джозеф Пристли довольно улыбнулся и кивнул. В библиотеке Королевского Общества было тихо. В открытое окно веяло цветущим жасмином. На блестящем паркете лежали солнечные лучи.

— Так вот, — юноша пригладил густые, рыжие, коротко, по новой моде, стриженые волосы, — как известно, месье Лавуазье, ведущий химик наших дней…

— Я бы поспорил, мистер Констан, — прервал его Пристли, — есть много выдающихся ученых…

— Не сомневаюсь, — юноша обаятельно улыбнулся, показав мелкие, белые зубы, — так вот, месье Лавуазье отрицает существование флогистона. Вы же, мистер Пристли, как я слышал — приняли в этом споре позицию тех, кто считают флогистон новым элементом…

— Просто пока мы его не нашли, — вздохнул Пристли, — но, я уверен, Бехер и Шталь были правы. При горении веществ действительно выделяется некая "огненная субстанция". Мы еще увидим ее, мистер Констан.

— Буду ждать, — вежливо сказал юноша. Захлопнув блокнот, он поднялся: "Я вам пришлю интервью, мистер Пристли, чтобы вы его просмотрели, дня через два. Большое спасибо, что согласились со мной встретиться, — Пристли пожал нежную, с чуть заметными мозолями на пальцах, ладонь. Он скосил глаза на визитную карточку, атласной бумаги. "Мистер Констан, научный корреспондент, The Times.

Он проводил взглядом стройную спину: "Совсем молодой еще. Но в химии отлично разбирается и в физике тоже. Хорошо, что газеты стали интересоваться учеными трудами, — Пристли вздохнул и, потянулся за пером: "Может быть, Лавуазье и прав. Может быть, при горении как раз расходуется кислород, из воздуха. Этот элемент, который и я описывал, и Резерфорд — он ведь тоже присутствует в воздухе, что же с ним случается?"

Пристли начал быстро писать, а потом вздохнул: "Нет, в лабораторию, в лабораторию, так просто ты с этим не разберешься".

Он повел носом — к запаху пыли примешивался горький, волнующий аромат. "Цитрон, — понял Пристли. "Этот месье Констан им душится, не иначе".

Официант опустил на стол серебряный кофейник и тяжелую бутылку мальвернской воды. Юноша, не поднимая головы от своих записей, затянулся тонкой сигаркой, что дымилась в фарфоровой пепельнице. Он махнул рукой: "Поставьте мне в счет".

Когда дверь кабинки закрылась, Констанца отпила кофе. Усмехнувшись, посмотрев на расшифрованное интервью, девушка написала сверху: "Пристли: Лавуазье ошибается". "Нет, — пробормотала она. Победно улыбнувшись, перечеркнув заголовок, Констанца исправила его: "Флогистон существует, говорит ведущий химик Англии".

— Название я ему не покажу, — Констанца потушила окурок. Откинувшись на бархатную спинку скамьи, она блаженно закрыла глаза. Девушка порылась в своем кожаном портфельчике, и развернула письмо: "Дорогая мисс ди Амальфи! Конечно, я вас помню. Я очень рад, что вы переезжаете жить в Париж. Сочту за честь давать вам уроки химии. Мы можем начать в сентябре. С искренним уважением, Антуан Лавуазье".

Она вспомнила его лазоревые, веселые глаза и ласковый голос: "Я читал ваше описание научного вечера, мадемуазель Констанца. Поздравляю с пробой пера".

Констанца достала блокнот поменьше. Покусав карандаш, она быстро записала: "Комната, лучше у Сен-Жермен де-Пре. Уроки математики — у кого? Узнать у дяди Теодора или тети Марты. Воздушный шар — обязательно. Фландрия — шахты — условия работы в них. Арсенал. Девственность — потерять".

Она вдохнула и написала снизу еще одно слово, из четырех букв.

— Папа, — обреченно пробормотала Констанца. Сложив свои вещи, она пошла по Стрэнду на восток.

В редакции пахло чернилами, свежей, типографской краской. Констанца, едва переступив порог, почувствовала, как кружится у нее голова. "Я бы тут и жила, — подумала она. "Под конторкой спала бы".

Она постучала в дверь главного редактора. Просунув голову внутрь, девушка улыбнулась — Джон Уолтер стоял над испачканным чернилами столом, засучив рукава холщовой рубашки, дымя трубкой, просматривая гранки.

— Пристли за флогистон, — вместо приветствия сказала Констанца, садясь на угол стола, подсовывая Уолтеру свои записи. "Нас ждет драка, французы этого не пропустят". Уолтер просмотрел интервью и, сдвинул очки в стальной оправе на кончик длинного носа:

— Отлично, нет ничего лучше сочной свары между двумя светочами. Документы твои готовы, — он порылся в ящике стола, — вот контракт. Два года в Париже, будешь нашим французским корреспондентом. Наука, политика, военные дела. Будешь писать только серьезные вещи, как ты и хотела. Нам не нужны светские сплетни".

Констанца окунула перо в чернильницу и размашисто расписалась.

— Я отплыву в августе, — она подула на чернила. "Так что готовьте аванс".

Уолтер убрал документы в кожаную папку и помялся: "А твой отец?"

— Я все устрою, — отмахнулась Констанца. Какой-то мальчишка, не постучавшись, рывком распахнул дверь: "Пожар в Ковент-Гардене, из "Лондонской газеты" там нет никого пока, так что поторапливайтесь".

Констанца, подхватив блокнот и карандаш, вылетела из комнаты. Уолтер, бросив парнишке медную монету, задумчиво проговорил: "У нее все получится, конечно".

Черный, крупный, холеный кот лежал, лениво раскинувшись, на каменных ступенях дома. Пахло жасмином, теплый ветер едва шевелил листья деревьев, в томном, напоенном солнцем воздухе, жужжали пчелы.

mir-knigi.org

Маленький, темноволосый мальчик в бархатном платьице, что сидел на сочной, зеленой траве лужайки, всплеснул толстыми ручками: "Еще!"

Майкл Кроу вздохнул. Взяв игрушечную тележку, заведя ее ключом, подросток поставил ее на булыжники двора.

— Едет, — восхищенно сказал Франческо, — сама едет! Ты сам сделал? — он поднял на Майкла карие, в длинных ресницах глаза.

— Это ерунда, — польщено улыбнулся Майкл и прислушался — за коваными воротами раздался стук копыт. Он, подхватив Франческо, открыл створки.

— Конни, — улыбнулся мальчик, — Конни приехала.

Констанца спешилась. Поцеловав брата в лоб, пожав Майклу руку, девушка поинтересовалась: "А где Пьетро?"

Майкл усмехнулся. Отдав ей ребенка, подросток взял лошадь под уздцы. "Где обычно, с преподобным отцом занимается, с утра еще".

Констанца закатила глаза и пощекотала пухлую шею Франческо — тот широко улыбнулся. "В жизни бы не подумала, — сочно сказала она, — что обзаведусь братом, который хочет стать священником. Девять лет, и уже причетник в церкви. Надо сказать спасибо, что хоть не католическим. И ты еще, Майкл — она подхватила брата удобнее, — в Уэльс уезжаешь. Тедди в Париже, на каникулах, совсем тут никого не останется".

— Ты сама — в Париж собираешься, — ухмыльнулся Майкл, засучив рукава льняной рубашки, начиная чистить лошадь.

— Тихо! — Констанца оглянулась. "Папа еще не знает. Я хочу ему это как-то, осторожно сказать".

— Ты говори быстрее, — посоветовал Майкл, — твой отец тоже со мной в Уэльс отправляется. Будем там испытывать эту паровую тележку, что они с Уаттом строили. Или Изабелле скажи.

— Мама! — Франческо захлопал в ладоши. "Конни в Париж, мама со мной!"

— Ты тоже тише, — кисло велела Констанца младшему брату. Она прислонилась к деревянной калитке конюшни, и, укачивая Франческо, грустно заметила: "Папа и так — меня в Лондон отпускает, только если твой отец там. Сам знаешь, я же хотела комнату в том году снять, а папа не разрешил. А Изабелла, — девушка вздохнула, — она хорошая, конечно, но ей такого не понять. С нее десять лет в Марокко пылинки сдували, и она думает, что с меня — тоже надо".

— Твой отец тебя одиннадцать лет не видел, — Майкл вымыл руки в ведре, — так что не будь слишком строга. А вообще, — он широко улыбнулся, — ты напирай на то, что в Париже много наших родственников, с дядей Джоном во главе. Будет, кому за тобой присмотреть. Тем более будет, кому тебя туда отвезти, — он забрал у Констанцы дремлющего Франческо: "Пошли, ты же проголодалась. Изабелла с утра в студии, готовит чертежи какие-то важные, а папа твой еще из Кембриджа не вернулся. Я тут за домоправительницу, — подросток рассмеялся.

— А кто едет в Париж? — недоуменно спросила Констанца, когда они зашли в дом. Вместо ответа, Майкл указал на свернутую афишу, что лежала на сундуке кедрового дерева.

mir-knigi.org

— С утра из Лондона привезли, с почтой, — он присел на сундук. Констанца увидела жирные, черные буквы: "Мисс Сиддонс и мисс Бенджаман — две звезды на одной сцене. Весь июнь и июль в Королевском Театре Друри-Лейн. Шекспир, Шеридан, Расин, Мольер".

— Тетя Тео! — облегченно выдохнула Констанца. "Тетя Тео и тетя Жанна, прекрасно. С ними меня точно отпустят".

— Папа уже купил билеты, — Майкл открыл перед Констанцей дверь на кухню. "Он их встречает, в Дувре, тетя Марта попросила, — подросток остановился: "Тетя Изабелла, все в порядке?"

Женщина стояла у окна, глядя на ухоженный кухонный огород. Она осушила серебряную чашку с кофе. Повернувшись, — она была в простом, рабочем платье, руки были испачканы тушью, Изабелла вздохнула: "Да. Давайте мне Франческо, я его уложу. Констанца, — она слабо улыбнулась, — поешь что-нибудь".

— Конни в Париж! — сказал, зевая Франческо, едва оказавшись на руках у матери. Констанца, за спиной у Изабеллы, провела ладонью по своему горлу. Женщина, даже не обратив внимания на лепет сына — вышла из кухни.

— Что с ней такое? — недоуменно спросила девушка, присаживаясь за большой, чисто выскобленный, сосновый стол. "Всю неделю сама не своя ходит".

Майкл пожал плечами. Вынимая из буфета фаянсовые тарелки, он сказал: "Я уговорил папу — в Уэльсе спущусь в шахту. Если я хочу стать инженером, надо уже сейчас знать, что мне предстоит. Рыба на этот манер, как в Магрибе готовят, очень острая, — предупредил он.

— Я тоже, — сладко улыбнулась Констанца, — собираюсь в шахте оказаться, во Фландрии.

— Как? — поинтересовался Майкл. Девушка, вынося из кладовой бутылки с водой, отрезала: "На то есть свои пути".

Франческо спокойно спал, разметавшись на спине, зажав в руке кисть. Его кроватка стояла в алькове студии — большой, светлой, занимающей почти весь последний этаж дома. Изабелла растворила створки окна и посмотрела на блестящую под солнцем, зеленоватую Темзу. Старые ивы купали в ней длинные листья, в заводи плавали два лебедя.

— Вот такой пейзаж — хмуро сказала Изабелла, — точно в Академии Художеств понравится. Мисс Мозер рисует цветы, мисс Кауфман — мифологических героев, а я, — она повернулась и посмотрела на аккуратно упакованную коробку, — я проектирую здания мануфактур и мосты. Ну, — она наклонилась над кроваткой и нежно забрала кисть у сына, — была, не была, дорогой мой.

Изабелла засучила рукава платья. Качнув косами, уложенными вокруг головы, женщина села за стол. Она взяла чистый лист бумаги и решительно начала: "Президенту Королевской Академии Художеств, сэру Джошуа Рейнольдсу, Сомерсет-хаус, Стрэнд, Лондон. Дорогой сэр Джошуа, прошу рассмотреть приложенные материалы для участия в ежегодной летней выставке Академии, — перо, на мгновение, замерло. Изабелла, выдохнув, дописала: "По секции архитектуры".

Окна таверны выходили прямо на Дуврскую гавань, легкий ветер с моря шевелил разложенные по столу бумаги. Хозяин умильно сказал: "Говядина, как ее в Бургундии делают, мистер Кроу, и

то вино, что я для джентльменов держу. "Майская королева" через час подойдет, а то и меньше, не волнуйтесь. Погода в проливе хорошая".

Питер отложил перо, и вдохнул ароматный пар, что поднимался от глиняного горшка.

Он посмотрел, как хозяин открывает бутылку бордо и усмехнулся: "Сколько лет уже ваша семья эту таверну держит, мистер Фошон?"

Кабатчик приосанился: "Со времен ее величества королевы Елизаветы, мистер Кроу. Мой предок был гугенотом, бежал сюда из Нанта. В Плимуте, мистер Берри — они постоялый двор тогда же открыли. Дочка моя туда замуж вышла, за Берри, тем годом — он улыбнулся.

Дверь закрылась. Питер, посмотрев на бумагу, что лежала сверху, прочитал надпись, что вилась вокруг ворона: "Клюге и Кроу. A.D. 1230". Он вздохнул: "А ты, Питер Кроу? Один Майкл у тебя, и то — инженером хочет стать. Это, конечно, хорошо, для мануфактур, для шахт. Но торговать, кто будет? Жениться надо, все-таки тридцать шесть, не мальчик уже".

Он выпил вина. Питер вспомнил бронзовые, светящиеся в лучах солнца волосы, большие, зеленые глаза и ее ласковый голос: "Майкла мы заберем в Озерный Край, не спорь. Там Тедди, Пьетро, Элизабет наша — им весело будет. А ты, — Марта, на мгновение, коснулась его руки, — ты поезжай в Бат, на воды. Отдохни, как раз сезон начинается".

— Я уж лучше тогда на мануфактуры, — отозвался Питер. Марта, посмотрев на его седые виски, на чуть заметную сеть морщинок у лазоревых глаз, только покачала головой.

— Очки, — спохватился Питер и, сняв их, повертел в руках. "Уже два года ношу, — подумал он. "Только когда читаю, конечно, или с бумагами вожусь, но все равно — рановато. Отец только в сорок начал. Как раз мистрис Джонсон умерла тем годом, и мне их врач прописал. Надо бы новую домоправительницу взять, но зачем, — он потянулся за серебряной ложкой. "Майкл учится, я в разъездах, а, когда в Лондоне — обедаю в конторе, или в гостях у кого-нибудь. У Джованни с Изабеллой, — он усмехнулся.

В дверь особняка на Ганновер-сквер постучали. Питер, прислушавшись, — он сидел в кабинете, дети возились в саду, — крикнул: "Откройте кто-нибудь. Это, наверное, из лавки с провизией пришли".

— Конни, открой, — донесся до него голос Майкла.

— Почему это я? — возмутилась девочка. "Я занята, я пишу, а ты всего лишь читаешь. Отложи свою математику и открой. Тем более ты меня младше".

Питер едва не рассмеялся вслух. Поднимаясь, потягиваясь, — спина немного ныла, мужчина успокоил их: "Я сам открою". Окна кабинета были открыты в цветущий, летний сад, пахло жимолостью, где-то наверху, в кронах деревьев, щебетали птицы.

Он распахнул тяжелую, дубовую дверь особняка и замер.

— Двенадцать лет, — понял Питер. "Правильно, крестили Констанцу, оставили ее в Амстердаме, я с Джоном сюда уехал, а он — в Санкт-Петербург. Господи, Мария же мне говорила о нем — Иван Петрович. И Теодор меня уверял, что погиб он. И этот отец Джованни, в Картахене, когда Джо Иосифа спасла. Не может быть".

— Может, — весело сказал высокий, красивый мужчина с побитой сединой, темноволосой головой, в отлично сшитом сюртуке.

— Ткань итальянская, — отчего-то подумал Питер и спохватился: "Господи, о чем это я! Джованни, я не верю, Джованни…"

Они обнялись. Джованни, усмехнувшись, обернулся на карету: "Я не один, дорогой мой. Констанца, — он помолчал, — Констанца здесь?"

Питер кивнул. Джованни попросил, немного побледнев: "Позови ее".

Но было уже поздно — высокая, рыжеволосая девочка, с темными, отцовскими глазами, стояла, уцепившись, за гранитные перила. Джованни, взглянув на нее, протянув руки, шепнул: "Доченька…"

— Папа! — Констанца влетела в его объятья и повисла на нем. "Папа, милый, ты жив! Пойдем, пойдем, — она потянула отца за ладонь, — я тебе все покажу, комнату свою, мои заметки, я ведь уже печатаюсь, папа…"

— Сейчас, — он все обнимал дочь, — сейчас, милая…, Тебе еще надо познакомиться…

— Меня зовут Изабелла, — раздался сзади нежный, красивый голос. Невысокая женщина, в шелковом платье цвета осенних листьев, стояла у экипажа. Она взглянула на них серо-зелеными глазами. "Я жена Джованни, а это — она подтолкнула вперед рыжеволосого, в бархатной курточке мальчика, — это Пьетро, мой племянник, сын аббата Корвино. Наш приемный сын, — добавила Изабелла, беря мужа за руку.

Констанца, внезапно, широко улыбнулась: "Я очень рада, что у меня есть младший брат. Пойдем, — она потянула Пьетро, — сейчас увидишь Майкла, это наш кузен, ему десять лет. А тебе сколько?"

— Семь, — рассмеялся Пьетро. "Ты Констанца, я знаю, мне папа рассказывал".

Они ушли. Питер прислонился к перилам: "Пойду что ли, кофе заварю. Не каждый день такое бывает. И родословное древо достану".

— Не надо, — прервал его Джованни, принимая от жены связку писем. "Мы и в Париже были, и в Амстердаме, всех видели. Марта уже все записала. Так что читай, — он передал конверты. Питер тряхнул каштановой головой: "Обязательно".

— А потом я у него шафером был, и Франческо крестил, — усмехнулся Питер. "Надо жениться. Сейчас откроем новую мануфактуру, следующим летом поеду в Бат и познакомлюсь там с кем-нибудь. Хватит вздыхать по жене друга".

Он отодвинул пустой горшок. Вытерев губы салфеткой, налив себе еще вина — потянулся за бумагами.

— Так, — пробормотал Питер, — в июле надо закладывать завод в Лидсе. Изабелла закончила проект и обещала после выставки в Академии, сразу туда отправиться". Он открыл маленький блокно. Надев очки, Питер нахмурился: "Отдать ключи от дома Холландов мадемуазель Бенджаман, ответить на письмо Теодора об угольных разработках во Фландрии, — Питер погрыз перо и решительно написал рядом: "Пусть Виллем будет единоличным владельцем компании, мне и в Англии забот хватает. Тем более что…, - он вспомнил усталый голос Джона.

Герцог протянул ноги к огню, и вздохнул: "Помяни мое слово, Франция вспыхнет, как свеча, и уже очень скоро. У нас парламент, у нас власть короля ограничена. Если Людовик не согласится на созыв Генеральных Штатов на тех условиях, что ему навязывают — парижане выйдут на улицы.

— Месье Марат уже открыто призывает к насилию. Там еще один молодой бунтарь появился — Максимилиан Робеспьер, тот написал статью, — Джон пощелкал пальцами, — *Addresse a la nation artesienne*. Он призывает избирать в Генеральные Штаты новым путем. Чтобы самому стать депутатом, — усмехнулся Джон. "Он очень честолюбивый человек, я таких опасаюсь. Так что я бы не стал сейчас вкладывать деньги во французский уголь, Питер, это неразумно".

Питер поскреб гладко выбритый подбородок: "Это под Льежем, Джон, там независимый епископат. Ни король Людовик, ни штатгальтер туда руки не протянут".

— Это пока, — мрачно отозвался герцог, глядя на огонь. "Ладно, — он махнул рукой, — завтра берем мальчишек, девчонку, — он усмехнулся, — и уезжаем в Озерный Край. Буду с ними рыбу ловить, и жарить на костре".

— Джон, — Питер помолчал, — если все так, может быть, ты семью сюда отправишь, Марту и Элизабет? Тедди ведь уже здесь. На всякий случай.

Герцог долго молчал: "Придется. Я-то сам там останусь, конечно. Просто лягу на дно".

— Зачем? — только и спросил Питер.

Светло-голубые глаза блеснули сталью. "Затем, что там дети, Питер. Там женщина, королева. Там король, в конце концов. Я тут виделся с его величеством, это между нами, — Джон вздохнул, — и получил распоряжение — если Франция и вправду, сползет в бунт, я должен обеспечить безопасность монарха и его семьи. Чтобы не случилось так, как у нас, — он осушил стакан с женевером, — больше ста лет назад".

Питер вздрогнул и выглянул в окно — "Майская королева" уже швартовалась у причала. Он быстро натянул сюртук. Проведя ладонью по волосам, забыв снять очки, Питер выбежал из таверны.

Он посмотрел на трап — высокая, выше его на голову, величественная женщина спускалась вниз, осторожно поддерживаемая капитаном.

— Добро пожаловать на землю Англии, кузина Тео, — ласково сказал Питер. От ее темных, заплетенных в косы, уложенных по-дорожному волос, пахло розами. Смуглые щеки зарумянились. Он, склонившись над ее рукой, услышал низкий, грудной голос: "Я очень, очень рада встрече, кузен Питер. Марта, ее муж, и Теодор мне много о вас рассказывали".

Темно-красный шелк ее накидки зашуршал. Она, повернувшись, улыбнулась: "Это моя верная компаньонка и секретарь, мадемуазель Жанна де Лу, тоже наша родственница".

На ней было платье цвета голубиного крыла, отделанное серебристыми, алансонскими кружевами. Белокурые волосы спускались на плечи в бархатной, темно-серой накидке. Они вскинула глаза цвета лаванды. Питер понял: "Черт, на мне очки. Какой я дурак, Господи. Надо снять, немедленно. Я и так ей, наверное, стариком кажусь".

Он неловко сунул очки куда-то в карман сюртука, и покраснел: "Мадемуазель де Лу…"

— Кузина Жанна, — розовые, красивые губы улыбнулись. "Я тоже очень, много о вас слышала, кузен Питер".

Он заставил себя не смотреть на ее белые, белее снега, щеки и откашлялся: "Я снял весь второй этаж в таверне мистера Фошона, она прямо на набережной. Нам подадут чай, а потом приедет карета, и мы отправимся в Лондон. О багаже я позабочусь, не беспокойтесь".

— Мы вам привезли сыров, вина, и еще, — Жанна стала загибать пальцы, — варенье, я его сама варю, трюфели в оливковом масле, гусиную печень, конфит из утки — я его тоже сама делаю..., Я сейчас провожу Тео до гостиницы и вернусь, — надо присмотреть за тем, как будут выгружать ее костюмы, кузен Питер. Ждите меня тут.

— Буду, — сказал он вслед ее узкой спине. Ветер с моря играл светлыми, золотящимися на солнце локонами. "Непременно буду ждать, кузина Жанна".

На большом, овальном столе орехового дерева стояли тяжелые, серебряные подсвечники. Дверь из столовой в сад была распахнута, веяло жимолостью, огоньки свечей чуть колебались в теплом, вечернем воздухе.

Тео отложила вилку, и выпила вина: "У вас замечательный дом, кузен Питер, очень красивый. И галерея прекрасная, мне тоже очень нравятся восточные диковинки".

— Тогда вы должны приехать к нам в Мейденхед, кузина Тео, — Изабелла улыбнулась, — Джованни долго прожил в Индии и Китае. Мы тоже стали собирать редкости. Кроме того, — она подперла подбородок кулаком и внимательно посмотрела на Тео, — не буду скрывать, я хочу написать ваш портрет. В Париже я не успела, а тут — через две недели открывается ежегодная летняя выставка, в Академии Художеств. Я как раз смогу его туда послать.

Жанна внесла фарфоровое блюдо. Поставив его на стол, женщина торжественно сказала: "Мильфей, по рецепту Франсуа де ла Варенна. Он описывает его в *Le Cuisinier Francois*. Я немного изменила рецепт, тесто стало легче".

Мильфей, — подумал Питер, — был похож на дыхание ангелов. Он таял во рту и пах счастьем — миндалем и ванилью. "У вас такая богатая кладовая, кузен Питер, — Жанна стала разливать кофе, — столько пряностей. О некоторых я даже и не слышала".

— Я вам все расскажу, — лазоревые глаза взглянули на нее, — наш торговый дом уже пять веков как раз пряностями и занимается, кузина Жанна.

— А еще тканями и углем, — лукаво добавила Изабелла.

— Сахар, кузина Тео? — предложила она.

— Нет, нет, — женщина коротко вздохнула, — мне нельзя ни сахара, ни тех прекрасных тортов, что печет моя Жанна, ни даже просто хлеба, кузина Изабелла. Сцена, — черные, огромные глаза усмехнулись, — вещь безжалостная. Вы же помните, зеленый салат, и вареное яйцо, — вот и все, что я могу себе позволить, — Тео накрутила на палец темный локон:

— Кузина Изабелла приглашает нас в Мейденхед, Жанна. У меня все равно есть три дня отдыха. Я сегодня была у мисс Сиддонс. Она не хочет перенапрягать голос перед спектаклями, так что до прогона "Макбета" я совершенно свободна.

mir-knigi.org

— Поезжай, конечно, — Жанна ласково положила маленькую, белую руку на ее ладонь, — а я пока приведу в порядок костюмы, познакомлюсь с гардеробной на Друри-Лейн.

— Только вот Франческо, — неуверенно добавила Изабелла, глядя на сына, — ребенок взбирался по каменным ступеням, что вели из сада в столовую, — не помешает ли он вам, кузина Тео. Он же еще маленький…

Тео подхватила мальчика и усадила себе на колени, вдохнув детский, нежный запах его волос: "А у тебя никого не будет. У Марты двое, у Джо — тоже, у Аарона в Иерусалиме — вторая дочка родилась, у Мирьям тоже девочка, в том году, Деборой назвали, а у тебя — никого".

Франческо приник головой к ее груди. Тео ласково сказала: "Как может помешать такой сладкий мальчик? Мы с ним будем гулять, на лодке кататься…, Твоя мама будет писать мой портрет, — она поцеловала темные кудри.

— Мама художник, — гордо сказал ребенок. "У нас котик есть, его Гато зовут".

— И с котиком поиграем, — пообещала Тео. "А вы успеете за три дня, кузина Изабелла? — спросила она.

— Я быстро пишу, — отозвалась та. "Сделаю наброски, а потом закончу уже в красках". Изабелла приняла ребенка и посмотрела на мраморную скамью, что стояла в саду, под кустом жимолости. Муж сидел, внимательно слушая Констанцу, повернувшись к ней.

Девушка была в сюртуке. Изабелла, как всегда, подумала: "Отличная у нее фигура все-таки. Как у той римской Дианы, что мы в Версале видели, когда нас Марта туда возила. Констанце бы хитон и гиматий пошли. И она высокая, пять футов восемь дюймов, и еще растет. Джованни мне говорил, что ее мать тоже высокая была".

Констанца незаметно стукнула кулаком по ручке скамьи: "Закурить бы. Нет, папа этого не любит, не надо его сейчас раздражать".

— Папа, — вместо этого сказала она, — право, тебе совершенно не о чем беспокоиться. В Париже живет больше наших родственников, чем здесь. Дядя Теодор, в конце концов, твой лучший друг. Дядя Джон, тетя Марта…, - Констанца искоса взглянула на отца. Тот сидел, опустив веки. Джованни, наконец, вздохнул: "Девочка моя, я все понимаю…Просто, — он взял руку дочери, — мы же так недолго побыли вместе, всего три года, и вот — ты уже хочешь уехать. Это же не из-за того, что… — он нерешительно посмотрел на Констанцу.

Та только улыбнулась: "Папа, как ты можешь? Изабелла замечательная, и братья у меня самые лучшие, хоть один из них и причетник, — Констанца помолчала. Помотав рыжей головой, девушка вздохнула: "Папа, милый, сейчас другое время. Сейчас женщины, наконец-то, могут писать книги, заниматься наукой, строить здания, выставляться в Королевской Академии…, Как Изабелла, — лукаво добавила девушка.

— Она мне не говорила, — удивился Джованни.

— Она, наверное, послала свои работы на отборочную комиссию, — горячо зашептала Констанца, — я была дома, когда пришла лондонская почта. Там было ответное письмо для нее, от сэра Джошуа Рейнольдса. Я ей отдала конверт, только она ничего мне не сказала — что в нем.

— Мне тоже, — понял Джованни и посмотрел в сторону столовой — жена устроилась напротив

Тео, быстро набрасывая что-то в альбоме. "Надеюсь, она рисунки им отправила. Они не станут рассматривать ее заявку по разделу архитектуры, такого еще не случалось".

— Изабелла едет в Лидс, на строительство мануфактуры, — отчаянно добавила Констанца, — и тоже одна, только Франческо с собой берет. Папа…, - она все держала его руку.

— Тео и Жанна тебя отвезут в Париж, а я приеду, следующим летом, — сварливо отозвался Джованни, — проверю, как ты там устроилась. Я попрошу тетю Марту снять тебе комнату рядом с рю Мобийон, чтобы ты была под присмотром. Я бы и зимой приехал, — он развел руками, — но мне надо экзамены принимать, в Кембридже. И я тебе, конечно, выделю содержание.

Констанца, было, хотела что-то сказать, но Джованни поднял ладонь: "Знаю, газета тебе будет платить. Уж позволь мне тебя побаловать, — он поцеловал густые, пахнущие цитроном волосы, и смешливо добавил: "Мистер Констан. Пошли, там без нас весь десерт съедят".

Окно второго этажа растворилось. Пьетро высунулся наружу: "А что на десерт, папа?"

— Пирог с ревенем, — усмехнулся Джованни.

— Папа! — Пьетро укоризненно закатил серые глаза. "Тетя Жанна не будет печь пирог с ревенем, она из Парижа. Наверняка крем-карамель".

— Мильфей, — подмигнула Констанца брату.

— Спускаемся, — велел Пьетро Майклу, чья каштановая голова появилась рядом. Мальчики захлопнули окно.

Жанна передала спящего мальчика Изабелле и тоскливо, подумала: "Родить бы. Мы бы с Тео его вырастили. Или ее. Но ведь это надо…, - она закрыла глаза и услышала обеспокоенный голос Питера: "Что такое, кузина Жанна?"

— Все в порядке, голова немного закружилась, — она улыбнулась: "Значит, вы меня завтра забираете с Друри-Лейн, и везете на свои склады. Имейте в виду, кузен Питер, я не уеду из Лондона без ваших пряностей в багаже!"

— Не уезжать бы вам вообще, — грустно подумал Питер и велел себе: "Не смей, что ты можешь ей предложить? Вдовец с ребенком на руках, старше ее, а она красавица, каких поискать, и хозяйка отменная. Там, в Париже, наверняка, ее кто-то ждет".

Мальчики уселись за стол. Майкл просительно сказал: "Можно два куска, тетя Жанна?"

— Мне тоже, — велел Пьетро, и взрослые расхохотались.

— Чуть выше голову, кузина Тео, — попросила Изабелла. Быстро набрасывая фигуру женщины, — та сидела в бархатном кресле, установленном на подиуме посреди студии, — она добавила: "Сэр Джошуа Рейнольдс, когда писал портрет мисс Сиддонс, оставил свое имя на кайме ее платья. Знаете, что он сказал? — Изабелла весело взглянула на модель.

Тео улыбнулась: "Нет, откуда же мне?"

— Я решил войти в историю, цепляясь за подол вашей одежды, — Изабелла отложила уголь и отряхнула руки. "Он, конечно, преуменьшает свои заслуги, сэр Джошуа".

— Я видела у мисс Сиддонс еще один ее портрет, кисти Гейнсборо, — Тео нерешительно потянулась. Изабелла рассмеялась: "Встаньте, кузина, походите. Я сейчас попрошу сварить нам кофе. Та картина прекрасна, мистер Гейнсборо- великий художник. Он, к сожалению, с тех пор, как тяжело заболел — пишет только пейзажи, он ведь почти не поднимается с постели".

Изабелла высунулась из окна студии — Пьетро сидел рядом с отцом за мраморным столом, в маленьком розарии. Майкл растянулся на траве, болтая ногами в воздухе, углубившись в какую-то книгу. Франческо спал, раскинувшись на кашемировой шали, прижавшись к черной спине кота.

Джованни, поднял голову от раскрытой Библии: "Отдохнуть решили? Давайте, принесу вам что-нибудь перекусить. Констанцы нет пока, только к ужину обещала вернуться. У нее сегодня интервью с Пристли выходит. Я сейчас, — он ласково погладил Пьетро по голове и зашел в дом.

— У вас очень хороший муж, кузина Изабелла, — улыбнулась Тео. "Я еще в Париже вам об этом говорила".

— Спасибо, — Изабелла, — она была в холщовом, рабочем, прикрытом передником платье, каштаново-рыжие косы были уложены вокруг изящной головы, — присела на большой, деревянный стол и, покачала ногой:

— Теодор, мой кузен…, Он тоже очень хороший человек, кузина Тео — смелый, умный, добрый. Вы бы видели, как он с Пьетро возился там, в Марокко. Он ведь не побоялся пойти к моему отцу, когда я с Джованни познакомилась. Это Теодор спас их, и мужа моего, и Пьетро, иначе орден бы Джованни никогда не отпустил. Кузина Тео, — женщина посмотрела на нее и неслышно вздохнула, — вы же знаете, ну…, - она покраснела. Не закончив, отвернувшись, Изабелла стала менять местами маленькие, искусно выточенные здания на макете мануфактуры.

Тео подошла к ней, — она была почти на две головы выше. Обняв ее, женщина сказала: "Я все знаю, кузина Изабелла. Не будем больше об этом, ладно? Это новый завод, в Лидсе? — спросила она.

— Да, — женщина оживилась, — посмотрите. На фабрики "Клюге и Кроу" не нанимают детей младше девяти лет, а дети с девяти до шестнадцати — работают всего восемь часов, с обеденным перерывом. Питер единственный из хозяев мануфактур, кто установил такие правила. Кормящие женщины тоже имеют право на время для отдыха, каждый час.

— Вот что мы сделали — Изабелла гордо показала на несколько аккуратных домиков. "Тут будут младенцы, с двумя нянями, а тут — классы для детей младше девяти лет, и игровая комната. Теперь матери будут спокойны, а то сейчас, — Изабелла поморщилась, — они оставляют детей на попечение кого попало, в грязных подвалах. Я была там, на севере, в Лидсе, в Брадфорде, видела эти трущобы…, Рабочие кварталы должны быть совсем другими, — Изабелла потянулась за альбомом, — когда-нибудь, я надеюсь, владельцы заводов будут строить и дома для своего персонала.

Тео все смотрела на маленькие дома, на высокие, в мелких переплетах рам, окна мануфактуры:

— Я до двух лет росла в бараке, кузина Изабелла, на деревянных нарах, с другими неграми. Потом умерла жена, — она помолчала, — моего отца. Мою маму продали, а меня взяли в дом — чтобы моим братьям было веселее, и чтобы было, кого наказывать, если они провинятся. Я тогда еще не знала, что они мои братья, — черные, огромные глаза заблестели. "А рабыни на

плантациях — они привязывают младенцев на спину, и так работают — под солнцем и ветром, по двенадцать часов в день. И дети тоже — с трех лет, — она вернулась на подиум, и села, сцепив длинные, красивые пальцы.

Изабелла опустилась на ручку кресла и прижала к своему теплому боку красивую, темноволосую голову. Тео всхлипнула: "Дэниел осенью возвращается домой, в Америку. Президент Вашингтон подписывает указ о создании министерства иностранных дел. Мистер Джефферсон, наш посол в Париже, принял этот пост. Теперь Дэниелу надо все подготовить, для его приезда. Ну и заодно, — Тео лукаво улыбнулась, — он разберется с документами Тедди. Сделает его на два года старше".

— Ах, вот как, — протянула Изабелла. "Правильно, зачем тянуть, чем быстрее Тедди освободит рабов, тем лучше".

Джованни внес в студию серебряный кофейник. Тео, поднеся к губам чашку с кофе, откинулась на спинку кресла: "Дэниел..., Нет, нет, даже и вспоминать не стоит. Ты урод, и всегда такой останешься. Один раз мне было хорошо, и то — с единокровным братом, — она раздула ноздри: "Жанна никогда, ни о чем, не узнает. Ей будет больно, не надо этого".

Она вспомнила утро в Булонском лесу, легкий туман, что стелился над травой и веселый, мужской голос: "Клянусь честью, мадемуазель Бенджаман, это совершенно не опасно. Я даже его величество Сиди Мохаммеда уговорил подняться в небо. И я сам — уже два десятка раз летал".

Его голубые глаза искрились смехом. Он был в простой, рабочей холщовой куртке. Тео, осторожно заходя в корзину, подумала: "А ведь ему скоро сорок, через два года. Так и не женился".

А потом не было ничего, кроме ощущения безграничной, бескрайней свободы, кроме синего, просторного неба, кроме крыш Парижа, где-то там, внизу, под ее ногами. Она, задохнувшись, раскинув руки, растрепав темные, тяжелые волосы, еле выговорила: "Месье Корнель, я и не знала, не знала, что так бывает..."

Он ласково посмотрел на нее: "Что вы, мадемуазель Бенджаман. Вы же помните, — я сделаю все для того, чтобы вы были счастливы".

— Десять лет, — Тео отставила пустую чашку. "Десять лет, каждую неделю он мне присылает цветы. Белые розы, пять десятков. Господи, но я не могу, не могу..., Не могу оставить Жанну. И я его не люблю, он мне друг, самый лучший друг, но так нельзя — не по любви".

— Не двигайтесь, — внезапно велела Изабелла. "Так и сидите, кузина".

Длинные, темные ресницы трепетали, она смотрела вперед — прямо, не опуская головы. Губы, — гранатовые, сладкие губы, — были чуть разомкнуты. Тяжелая, большая грудь взволнованно поднималась.

— Можно, я почитаю? — спросила Тео. "Он мне читал, — вспомнила женщина, — еще весной, в Париже. Сумерки, тогда были сумерки, фонарщики еще не вышли на улицы. Мы на балконе стояли. Он посмотрел на меня:

— Мадемуазель Бенджаман, я знаю, вам стихов на сцене достает, но разрешите, я вам что-то прочту? Не свое, конечно, — он усмехнулся, — я так не умею.

— Читайте, кузина, — тихо разрешила Изабелла.

— Она же светится вся, — поняла женщина, — как графиня Селинская, тогда, в Ливорно. Только та была будто из лунного света сделана, а Тео — как солнце. Господи, какая кожа у нее, вот, сейчас, — Изабелла стала быстро смешивать краски, — сейчас я его поймаю, этот цвет".

Ты можешь от меня уйти! Но знаю я,

Что все ж владеть тобой я буду до могилы.

Ведь от твоей любви зависит жизнь моя,

И пережить ее мне не достало б силы.

Меня не устрашит страданий тяжких ряд,

Ведь с первым же из них — навеки жизнь порвется;

Итак, мне никогда зависеть не придется

От прихоти твоей — и этому я рад.

Не огорчит меня любви твоей утрата,

А просто жизнь моя погаснет вместе с ней,

И как в твоей любви я находил когда-то,

Так счастие найду и в смерти я своей.

Студия наполнилась ее низким, страстным голосом. Изабелла незаметно улыбнулась:

— Этого я и хотела. Она сейчас — как сама любовь, сама жизнь. Та Арлезианская Венера, что мы в Версале видели, в Зале Зеркал — вот на кого она похожа. И, правда, богиня.

Питер опустил поднос на круглый, выложенный мозаикой столик: "Видите, кузина Жанна, я заварил отличный чай, я ведь все-таки англичанин!"

Каменная терраса выходила прямо на Темзу. Жанна, усевшись в кресло, покраснела: "Неудобно, кузен Питер, вы ради меня так хлопочете…"

— Вы же моя гостья, — просто сказал он, наклоняя над ее чашкой серебряный чайник.

— Вот, кузина Жанна, вы все и посмотрели. Тут мой бот стоит, — он повел рукой в сторону маленького причала, — раньше, давно еще, усадьба наша была в Сити, — Питер указал на купол собора Святого Павла, — было удобно через реку переправляться. Сейчас мосты построили, так что я на лодке только вверх по реке хожу. У меня тоже в Мейденхеде дом загородный, пять миль от мистера ди Амальфи.

— Очень вкусный чай, — Жанна взглянула на него.

mir-knigi.org

У нее были большие, голубовато-серые, в темных ресницах глаза, подол летнего, цвета незабудок платья был отделан кружевом. Питер мельком увидел тонкую щиколотку, в шелковом, полупрозрачном чулке с вышитыми на нем цветами. Она скрестила ноги, — в остроносых, темно-голубой замши, туфлях, на высоком каблуке. Помешав изящной ложечкой в чашке, женщина улыбнулась: "А почему вы его с молоком пьете?"

— Привычка, — Питер развел руками. От нее пахло фиалками, — неуловимо, нежно.

— Контора у вас очень красивая, — задумчиво сказала Жанна, — даже в рабочих помещениях, и то чисто. Я тоже, — она рассмеялась, — пришла в театр сегодня, нашла уборную, что Тео предоставили, и сразу, с порога, велела: "Горячей воды и тряпок, будем все мыть". Дома я, — она наколола на украшенную перламутром маленькую вилочку ломтик лимона, и опустила его в чашку, — все время — тру что-нибудь, или ковры выбиваю. Я ведь в трущобах выросла, кузен Питер, — добавила девушка.

— Когда у моего отца деньги появлялись, он хорошие комнаты снимал. Он ведь не только вор был, и убийца, он еще в карты играл, так что, — Жанна вздохнула, — золото у него в карманах не задерживалось. Когда казнили его — мама моя пить стала. Приятели отца нас заботой не оставили, содержали, да и я — сначала по карманам шарила, потом цветы делать научилась. Так и жили в подвале. Мама спьяну в реке утонула, как мне десять исполнилось, и с тех пор я одна все время, — Жанна помолчала. "Если бы не Тео, я бы тоже на улице пропала, кузен Питер".

Ему больше всего на свете хотелось подняться, обнять стройные плечи, поцеловать белокурые завитки, что спускались на открытую низким воротом платья шею. "Господи, нельзя же так мучиться, — горько подумал мужчина. "Сказать бы ей все, прямо сейчас…"

— Кузина Жанна, если я вам не надоел еще, — он почувствовал, что краснеет, — приходите ко мне на обед завтра. У меня нет домоправительницы. Раньше была та, что еще у нашего отца работала, пожилая женщина, она умерла тем годом, а так, — Питер пожал плечами, — Майкл в Итоне, а я тут обедаю.

— Месье Корнель, — задумчиво сказала Жанна, — рассказывал нам, кузен Питер. О его первой жене, Марии, о мальчике. Мне очень, очень жаль. Вы, должно быть, ее любили, сильно.

— Да, — тихо ответил мужчина. "Но мне Бога благодарить надо, что у меня Майкл есть. Впрочем, я так и делаю, кузина".

— Он у вас замечательный, — Жанна нежно рассмеялась, — такой серьезный, спокойный. И Тедди у Марты — такой же. И Пьетро. Очень хорошие мальчики, все они. А Элиза, дочка Марты и Джона, она, наоборот — настоящий сорванец. Констанца очень выросла, вы ведь тоже ее воспитывали, пока Джованни не было, да?

— Пытался, — широко улыбнулся Питер. "Она замечательная девушка, просто бойкая очень. Хотя в газетном деле так и надо".

— Давайте, — Жанна подумала, — так сделаем. Я с утра в театр отправлюсь, а потом встретимся на этом вашем рынке, в Ковент-Гардене. Купим, все что надо, и я сама приготовлю обед.

— Да я бы в своем клубе заказал, — запротестовал Питер, — они отлично готовят.

Красивая бровь взлетела вверх: "Месье Вольтер говорил: "В Англии шестьдесят разных сект и

всего один соус". Так что, кузен Питер, — она подняла лимон из чашки и коснулась его розовыми губами, — не спорьте с француженкой, когда дело касается кухни".

— Не буду, — довольно отозвался он. "Буду носить за вами корзинку с провизией, кузина Жанна, сбивать яйца, чистить овощи, и вообще — слова не скажу вам поперек".

Она все молчала, поигрывая ложечкой. Потом, повернувшись к нему, чуть зарумянившись, женщина попросила: "Вы говорили, что можно будет поехать еще на склад в Ламбет, посмотреть ткани. Мне было бы интересно, кузен Питер, можно это устроить?"

— Кузина Жанна, — лазоревые глаза заблестели, — я в этой стране могу устроить все, так и знайте.

— Это хорошо, — Жанна потрогала чайник: "Давайте заварим свежего чаю, и вы мне расскажете об этой новой мануфактуре в Лидсе, а я вам — как дело устроено в Лионе. Я туда каждый год на оптовые ярмарки езжу, это выгодней, чем покупать товары в Париже".

Оказавшись на своей маленькой, пристроенной сбоку от кабинета, кухне, Питер поставил чайник на медную треногу в очаге и велел себе: "Завтра. Завтра ты ей все и скажешь".

Свежие, с капельками воды на листьях, пучки салата громоздились на деревянных прилавках.

— Картошка, картошка, молодая картошка, — нараспев предлагал зеленщик. "Грибы, грибы, — перебивал его сосед, — лучшие грибы в Лондоне".

— Будет настоящий летний обед, — улыбнулась Жанна, глядя на серебристый бок рыбы, выглядывавший из корзинки. "Холодный суп из водяного кресса, и лосось на пару, со спаржей и голландским соусом. А на десерт…, - она улыбнулась: "Пойдемте".

Жанна опустила в корзину несколько лимонов: "Месье Мессьяло, заведующий кухней герцога Орлеанского впервые упоминал крем-брюле в своей кулинарной книге, еще в прошлом веке. Я его делаю со свежей цедрой, так вкуснее. Только к лососю нам нужно будет белое вино, — Жанна озабоченно сдвинула брови.

— У меня, — успокоил ее Питер, подхватывая корзинку, — лучший винный погреб в Вест-Энде, кузина Жанна.

Она шла впереди, чуть покачивая станом, на плече у нее был зонтик кремового кружева. Питер, вдохнув запах фиалок, незаметно вытащил из кармана сюртука бархатный мешочек.

— Как ее глаза, — подумал он, любуясь большой, окруженной бриллиантами, голубовато-серой жемчужиной. "Господи, хоть бы она согласилась. Я ведь, кажется, ей нравлюсь. Майкл уже через четыре года в университете будет, совсем большой мальчик. А Жанна…, - он ласково взглянул на белокурые, украшенные серебряным гребнем с бирюзой, волосы, — у нас обязательно будут дети. Мальчики и девочки…"

Он вспомнил пустой, гулкий особняк на Ганновер-сквер, наполнявшийся мальчишескими голосами только на каникулах. Питер улыбнулся: "Майкл только порадуется, он с маленьким Франческо любит возиться".

— Кузен Питер! — очнулся он от нежного голоса девушки. "Кузен Питер, мы у вашего дома стоим".

Он покраснел: "Благодарение Богу, хоть кольцо я убрал. Да что же это я веду себя, как юнец какой-то".

— Вы устали, — озабоченно сказала Жанна. "Не стоило мне вас заставлять нести корзинку по жаре".

Серое, шелковое платье облегало небольшую, высокую грудь, под кружевом виднелась белая кожа. Питер, велев себе смотреть в другую сторону, смешливо ответил: "Я, кузина Жанна, был в Китае, Индии и Африке. Та шкура белого тигра, что в моем кабинете лежит — это я его убил. Так что с корзинкой я справлюсь".

— Ну, хорошо, — она, прикусив губу, достала из бархатного мешочка на запястье связку ключей. "Мне надо кое-что принести из наших комнат, кузен Питер, я сейчас. А вы пока, — она, на мгновение, коснулась его руки, и Питер вздрогнул, — вы пока можете начинать мыть овощи".

Жанна быстро, не оборачиваясь, прошла к дому Холландов. Открыв дверь, захлопнув ее за собой, женщина устроилась на сундуке в прихожей. Внизу было прохладно и тихо, на дубовых перилах лестницы висела темно-красная, дорожная накидка Тео. Жанна, потянувшись, уткнув в нее лицо — вдохнула запах роз.

— У меня щеки горят, — поняла она. "Господи, что же я делаю, за ее спиной. Она там, в Мейденхеде, ничего не знает..., Так нельзя, нельзя. Но ведь он мне нравится, очень нравится. Он добрый, заботливый, и с ним так интересно разговаривать..., А остальное? — Жанна подняла голову, и, передернув плечами, вспомнила себя, шестнадцатилетнюю, свой отчаянный плач: "Оставьте меня, оставьте!", кровь, испачкавшую подол платья, и презрительный голос: "Ничего, ты у меня быстро научишься мужчин ублажать!"

Жанна отбросила накидку, и, зажав рот ладонью, побежала в умывальную. "Я не смогу, — подумала она мрачно, прополаскивая рот. "У меня с той поры и не было ничего. Даже думать об этом не хочу. Если бы можно было просто сидеть рядом и за руки держаться..., - она вздохнула и вспомнила сладкую тяжесть ребенка у себя на коленях.

— Я ему нравлюсь, — Жанна забрала из гостиной шестиструнную, легкую гитару итальянской работы. "Нравлюсь кузену Питеру. Господи, я же никому, никогда еще не нравилась, только Тео, и все. Я, наверное, тоже краснею, когда на него смотрю. Господи, — она прислонилась к стене, — что же мне делать?".

Жанна тряхнула белокурой головой и провела пальцами по струнам: "Не загадывай. Что будет, то и будет".

Она прикоснулась серебряной пробкой флакона к нежной шее, и вышла в теплый лондонский вечер.

Золотистое вино играло, искрилось в бокалах уотерфордского хрусталя.

— Очень хорошее бордо, — похвалила Жанна. "Но, знаете, кузен Питер, я тут зашла в пару лавок — у вас, конечно, высокие цены на французские товары. Я вообще, — она вытерла губы шелковой салфеткой, — предпочитаю покупать вино в провинции, оптом. Так дешевле".

Питер выпил и усмехнулся: "Я, кузина Жанна, в общем, могу себе позволить эти расходы. В конце концов, мы с Майклом живем вдвоем, и не так много тратим. А что вы делаете в Париже,

целый день? — спросил он.

Жанна помолчала и улыбнулась.

— Закупаю провизию, привожу в порядок наши платья, переписываю роли для Тео, разговариваю с журналистами, с просителями, слежу за нашими пансионерками, — Тео учредила стипендию, по ней каждый год отбирают двух девочек для учебы. Вечером я в театре, помогаю Тео, а если нет спектакля — то у нас прием, или игра в карты, или благотворительный концерт. Иногда мы с ней просто сидим, читаем, я вяжу или вышиваю, а Тео — на клавесине играет. Или я, — она указала глазами на диван, — на гитаре.

— Он очки не снял, — подумала Жанна. "Правильно, мы же с ним до обеда в кабинете сидели, он мне каталоги тканей показывал. Ему идут очки, очень".

Питер все молчал, а потом тихо спросил: "И вы, кузина Жанна, и дальше — так хотите жить?"

Она вздохнула, нежный голос задрожал: "Мы с Тео двенадцать лет вместе, кузен Питер. Я ведь уже не молода, мне двадцать восемь этим годом. Я, — она замялась, — привыкла. Хотя, конечно…, - она не закончила и поднялась. Питер тут же встал.

— Давайте, я вам поиграю. Меня Марта английским песням научила, — Жанна взяла гитару.

— Are you going to Scarborough Fair?

Parsley, sage, rosemary, and thyme;

Remember me to one who lives there,

For once she was a true love of mine, — пела она нежным, высоким голосом, закрыв глаза.

— Что это? — подумала Жанна. "Как странно, я пою, и слышу кого-то еще".

Рыжеволосая, изящная девушка с лазоревыми глазами отложила лютню: "Я не буду выходить замуж не по любви, мама, тем более за того, кто младше меня на пять лет. Он ребенок, пусть у него и два титула".

— Юджиния, — невысокая женщина повернулась к дочери, — она стояла у окна, глядя в сад, — Джон не ребенок. С тех пор, как его отца казнили, — он глава семьи, и ты сама знаешь, — Рэйчел подошла и поцеловала теплый, высокий лоб дочери, — все эти пять лет он только и делал, что заботился о матери и сестре.

— Так заботился, — ядовито сказала Юджиния, поднявшись, зашуршав юбками, — что до сих пор никто не знает — куда делась Джо.

Рэйчел развела руками: "Милая, она сбежала, когда покойный герцог уже сидел в Тауэре. Не будь слишком строга к Джону, ему тогда было всего пятнадцать".

— А сейчас ему двадцать, а мне двадцать пять, — Юджиния дрогнула ноздрями. "И потом, ты же знаешь, мама…, - она покраснела и не закончила.

— Питер тебе отказал, — холодно заметила Рэйчел. "Он в Акадии, он женат, он никогда не вернется в Старый Свет. Забудь о нем".

— Не забуду, — отрезала Юджиния. "Кроме него, мне никто не нужен". Она вышла, хлопнув дверью. Рэйчел, убрав седоватую прядь волос под чепец, поднялась наверх. Невестка полусидела в постели, пристроив на коленях книгу.

— Одно лицо с матерью, — как всегда, смешливо, подумала Рэчел. "Как наследник "Клюге и Кроу? — спросила она, присаживаясь на край кровати, беря смуглую, тонкую руку Софи.

— Хорошо, — та скосила глаза на свой большой живот. "Вот, тетя Рэйчел, послушайте. Джордан пишет о месторождениях свинца в горах Гарца, очень интересно…"

Софи начала читать. Рэйчел, с привычной болью в сердце, подумала: "Бедная девочка. Один брат — в Акадии, второй — в Германии, родители — уже год, как о них ничего не слышно. Ушли искать Ледяной Континент, и не вернулись".

Она вспомнила два гроба, что опускали в сырую, осеннюю землю кладбища, желтые, облетающие листья дуба и свой шепот: "Мальчики, бедные мои, мальчики. Мартин, Мэтью…"

Ей почудился запах гари, она увидела высокий, догорающий костер. Сжав пальцы, женщина велела себе не плакать.

Софи закончила читать. Рэйчел, не помня ни единого слова, бодро сказала: "И, правда, интересно". Она привстала и ахнула: "Питер с Майклом приехали, спешиваются. Сейчас пришлю тебе твоего мужа, и поднос велю отнести, а ты не вставай, — она поцеловала невестку в щеку, — не надо, все же тебе рожать со дня на день".

— Спасибо, тетя Рэйчел, — неожиданно нежно, сказала Софи. Женщина, потянувшись, обняв ее, просто посидела, прижавшись головой к ее плечу, слушая, как сонно, медленно ворочается в животе ребенок.

Жанна опустила голову. Питер вздохнул: "Как будто музыка до сих пор — тут звучит. У нее глаза были закрыты, все это время. И сейчас тоже. Господи, какая она красивая".

— Это моя любимая песня, — сказал он тихо. "Спасибо, большое спасибо, кузина Жанна".

Он был совсем рядом. Женщина, положив руку на гитару, вскинула глаза. "Кузина Жанна, — он опустился на колени, — вы, наверное, думаете, что я сошел с ума, но, — Питер взглянул на нее. Женщина, легко прикоснувшись пальцем к его губам, шепнула: "Не надо. Не надо ничего говорить, Питер. Идите сюда, — она положила руки ему на плечи, гитара соскользнула на ковер. Жанна еще успела повторить: "Один раз, один только раз. Может быть, я сумею. Просто, чтобы знать — как это".

Она неумело, робко ответила на его поцелуй и вдруг отстранилась: "У меня…, никогда еще так не было, Питер. Прости. Я, — Жанна помолчала, — боюсь".

— Я тоже, — просто ответил он, укрывая ее в своих руках. "Потому что я тебя люблю, Жанна. Наконец-то я это сказал. Боюсь, — Питер, едва касаясь, целовал ее, — что тебе не понравится".

От нее пахло фиалками и немного — ванилью, на губах был вкус вина и карамели. "Как нежно, — поняла Жанна, — и совсем не страшно".

— Вот, — сказал Питер, доставая кольцо. "Я сегодня целый день его в кармане носил, любовь моя. Пожалуйста, — он провел губами по белокурому виску, — пожалуйста, окажи мне честь,

стань моей женой.

Жанна помолчала. Дрогнув ресницами, женщина положила свою маленькую руку поверх его. "Мне надо, — она сглотнула, — подумать, Питер. Надеюсь, ты поймешь".

— Конечно, — он все не отрывался от ее белой, прикрытой кружевами шеи. "Конечно, милая. Я подожду, столько, сколько надо".

— Я хочу его потрогать, — сказала себе Жанна. "Хочу поцеловать. Господи, да что это со мной". А потом не осталось ничего, кроме его рук, его шепота, кроме ее лихорадочного, прерывистого дыхания. Она, откинув голову, оказавшись в его объятьях, прижалась к его губам — сильно, отчаянно.

В спальне было еще полутемно, за большим, выходящим в сад окном только начали распеваться птицы. Она лежала, уткнувшись лицом в его плечо, чуть посапывая, белокурые волосы были рассыпаны по шелковой подушке. Питер попросил: "Господи, пожалуйста, пусть она согласится. Подумает и согласится. Я так ее люблю, так люблю".

Он вспомнил ее тихий шепот: "Только я совсем ничего не умею, Питер. Это все было очень, давно, и, — Жанна поморщилась, — я не хочу об этом вспоминать".

— Не надо, — он легко поднял ее на руки, и, целуя, понес наверх. "Не надо, любимая. Все, что было, — то было, а теперь нет никого, кроме нас двоих".

— Питер, — она пошевелилась и приподняла голову. Он увидел тени под большими глазами и поцеловал их: "Спи. Еще совсем, рано. Иди ко мне", — он обнял ее, улыбаясь. Жанна подумала: "Какой он красивый. И как хорошо было, — она почувствовала, что краснеет, — я думала, так только с Тео..., Надо ей сказать. Нет, я не могу, не могу ее сейчас бросить — у нее гастроли, незнакомая публика, она не должна расстраиваться. Что же делать?"

Он, будто услышав ее мысли, наклонился, и прикоснулся губами к ее щеке: "Ты же мне велела вчера подождать, любовь моя. Так оно и будет, я не хочу тебя торопить. А кольцо я тебе надену перед алтарем, — он смешливо вскинул бровь, — если ты меня удостоишь такой чести".

— В Париже, — Жанна почувствовала, как он ласково, долго целует ее шею, и, ощутив его тепло, — совсем рядом, — повторила про себя: "В Париже. Начнется сезон, и я все скажу Тео. Господи, но как, же мне ее оставить, бедную? Двенадцать лет, я думала — мы и состаримся вместе, возьмем ребенка на воспитание..."

— Питер, — простонала она, — пожалуйста, еще, еще!

У него были нежные, умелые пальцы и Жанна закрыла глаза: "Дети..., У нас будут дети, обязательно, свои дети..., А Тео? Но ведь она меня так любит, и я ее тоже. А Питера? Я ведь его не люблю, пока не люблю..., Но ведь нельзя так — не по любви". Она уже ничего не могла сделать, — она задрожала. Обняв его, — жарко, долго, не отрываясь от него, Жанна шепотом попросила: "Так..., как ночью..., пожалуйста..."

Жанна нашла пальцами подушку. Сжимая ее, плача, раздвинув ноги, она кричала, ощущая тепло слез на лице, забыв обо всем. Она потянулась к нему и, тяжело дыша, шепнула: "Хочу тебя!"

— Господи, спасибо, спасибо тебе, — еще успел подумать Питер, наклоняясь, целуя ее лопатки,

купаясь в мягких, пахнущих фиалками волосах.

— Не могу, — он поставил ее на колени, и повторил: "Не могу, Жанна, не могу жить без тебя".

— Да! — она вцепилась пальцами в простыню, и, закусив губу, мотая головой, застонала: "Да!".

— А говорил, чтобы я спала, — отдышавшись, устроившись на его груди, лукаво сказала Жанна. Она протянула ладонь и погладила его по щеке: "Ты без очков".

— Что мне надо, — Питер привлек ее к себе поближе, — я и так рассмотрю. И хочу этим всю жизнь любоваться, запомни. Так, — он, удерживая ее одной рукой, второй — порылся в сброшенной одежде, что лежала на ковре рядом с кроватью, — так, — он поднес к глазам золотой хронометр:

— Сначала спим. Потом я кормлю тебя завтраком, ты убегаешь в театр, я тоже — работаю. А вечером тебя ждет настоящий английский бифштекс, с молодой картошкой, и бургундское вино из запасов моего отца.

— А потом? — Жанна сладко зевнула и натянула на них шелковое одеяло. "А потом, — он погладил ее волосы и усмехнулся: "Потом я намерен всю ночь не вставать с этой кровати, любовь моя".

В саду уже поднималось солнце. Она, поворочавшись, поерзав — устроилась у него под боком. Питер, держа ее руку, задремал — спокойно, глубоко дыша.

В театральной уборной пахло розами, нагаром от свечей, пудрой и хорошим табаком. Констанца, устроившись на бархатном диване, у раскрытого окна, что выходило на Друри-Лейн, затянулась сигаркой. Девушка заинтересованно спросила: "Разве женщины могут играть мужские роли, как Гамлета, сегодня?"

Тео, — с распущенными по плечам темными волосами, украшенными венком из лилий, в полупрозрачном, белом платье, подвернула под себя босую ногу. Она ласково прижалась щекой к руке Жанны, что осторожно закалывала венок шпильками.

— Да что с ней такое? — озабоченно подумала Тео, глядя на немного осунувшееся, бледное лицо Жанны. "Как я из Мейденхеда вернулась — стала сама не своя. Вчера ночью ворочалась, всхлипывала, а потом сказала, что дурной сон привиделся. Бедная девочка. Увезу ее на август к морю, снимем там хорошие комнаты, будем купаться..."

— У мисс Сиддонс подходящая фигура для панталон, — усмехнулась Тео, глядя на стройные, длинные, скрещенные ноги Констанцы. Девушка была в бежевом, с агатовыми пуговицами сюртуке. Констанца поправила коричневый, шелковый галстук и Тео добавила:

— У тебя тоже, кстати. Была бы ты на сцене — из мужского костюма не вылезала бы. Впрочем, — она поправила венок и ласково сказала Жанне: "Спасибо, милая, вот именно так, как надо. Впрочем, ты и так не вылезаешь". Тео поднялась, и, оглядев себя в зеркало, вздохнула: "Посмотрим, как Лондон примет мою Офелию. Спасибо за статью, Констанца, — женщина указала на свернутую газету, что лежала на туалетном столике.

Та потушила окурок. Помахав туда-сюда рукой, девушка пробормотала: "Сейчас папа тут будет. А статья, — Констанца обаятельно улыбнулась, — что вы, тетя Тео, это ерунда. Я обычно не пишу о театре, но ради такого случая..."

В дверь постучали. Жанна, мысленно перекрестившись, попросила: "Господи, только бы Тео по моему лицу ничего не поняла. Он же сейчас придет, вместе с Майклом. Джованни там будет, Изабелла. Не смотри на него, — велела себе девушка и решительно повернула бронзовую ручку.

— Тетя Жанна! — захлопал в ладони маленький Франческо. Изабелла, что держала его на руках, ласково сказала: "Мы пришли забрать Констанцу и пожелать вам успеха, кузина Тео. Кузина Жанна, а вы тут будете?"

— Да, — она покраснела. Питер стоял, улыбаясь, держа за руки мальчиков, глядя на нее. Жанна, собравшись с силами, проговорила: "Да, вдруг костюм порвется, или прическа…"

— Ваш портрет, кузина Тео, — Джованни обнял дочь за плечи, — она была лишь немного ниже, — уже в Королевской Академии Художеств. Еще третьего дня отправили, так, что надеемся увидеть его на выставке. Ну, — он склонил голову, — вот и гонг.

— Мы вам цветы принесли, тетя Тео! — в один голос сказали мальчики. "Только мы их потом подарим, после представления".

— Вы же мои хорошие, — Тео наклонилась и поцеловала каштановую и рыжую голову. "Спасибо вам большое".

Они ушли по узкому коридору, что вел к зрительному залу. Тео, обернувшись, увидев, как блестят глаза Жанны, обеспокоенно спросила: "Что такое, милая?"

— Гонг, — слабо сказала та и Тео отмахнулась:

— Это только первый. Иди сюда, — она присела на бархатный диван. Удерживая Жанну в объятьях, покачав ее, Тео шепотом спросила: "Это из-за детей, да? Я сама — когда в Мейденхеде была, с Франческо возилась, и думала — какая счастливая кузина Изабелла, она ведь тоже — долго ребенка ждала. Ей ведь, как и нам — к тридцати уже". Тео тяжело вздохнула. Жанна, сжав губы, сказала себе: "Нет, нет, я не могу. Не могу ее оставить. Она будет совсем одна. Месье Корнель — он просто друг. Тео никогда за него не выйдет замуж".

Жанна поцеловала смуглую, пахнущую розами щеку: "Иногда так бывает. Дома тоже, когда Марта с Элизой к нам в гости приходят. Ну, с Богом, — она перекрестила Тео. Та замерла, припав губами к маленькой, нежной руке.

Майкл сидел, положив подбородок на бархатный, мягкий барьер ложи. Где-то сзади, на коленях у матери, сопел заснувший Франческо, отец и дядя Джованни тихо о чем-то шептались. Констанца сидела рядом с Пьетро, рассматривая сцену в маленький, перламутровый бинокль.

Майкл видел только ее — это была она, та, что стояла тем летом, на берегу озера Уиндермир, ранним, еще прохладным утром. Над тихой водой стелился туман, она была в простом, холщовом платье, на белокурых, распущенных волосах он заметил венок из ромашек. В руках у нее была плетеная корзинка.

— Она же все время в бриджах и рубашке ходит, — подумал Майкл, что проснулся первым и, распахнув окно — высунул голову из комнаты мальчиков.

Элизабет обернулась, блеснув изумрудными глазами. Медленно ступая по воде, девочка зашла

по щиколотку в озеро, казалось, плывя по туману. Майкл, не отводя глаз от сцены, поежившись, услышал растерянный, жалобный голос:

Госпожа, он умер, умер,

Умер он и спит,

А над ним зеленый дерн,

Камень там лежит.

Офелия пела, а Майкл увидел, как Элизабет поворачивается и достает что-то из корзинки. Девочка показала ему отрубленную голову. Вздохнув, сняв с волос венок, Элизабет пустила его по воде.

Она исчезла в легкой дымке. Майкл, глядя на то, как Офелия, опустившись на колени, разбрасывает цветы, как клонится набок ее темноволосая голова, слыша восторженный рев зала, сжав кулаки, сказал себе: "Этого не будет. Не будет такого с Элизабет. Я не позволю".

Карета остановилась во дворе Сомерсет-хауса. Изабелла, перекрестившись, на мгновение прикоснулась к корсету. Письмо лежало за ним. Она, опустив веки, вспомнила, как, поднявшись в свою студию, заперев дверь — распечатывала конверт.

— Как много людей, мама, — сказал Пьетро, выглядывая из окна. "Дядя Питер с Майклом, и тетя Жанна с тетей Тео, ждут нас".

Джованни посмотрел на взволнованное, с легким румянцем на щеках лицо жены. Она была в роскошном, серо-зеленом платье, на тулье шелковой шляпы покачивались перья страуса. Изабелла вздохнула и прикусила нежную губу.

Он покачал на коленях Франческо. Тот, поерзав, высвобождаясь из рук отца, попросил: "Пошли! Пошли быстрее! Посмотрим на картины!"

— Ты, наверное, тоже архитектором будешь, сыночек, — ласково проговорил Джованни: "Пьетро, присмотри за ним, мы с мамой сейчас придем".

Оставшись наедине с женой, он потянулся и взял ее руку. "Ты же знаешь, — тихо сказал Джованни, — милая, какой у тебя талант. Не волнуйся, пожалуйста".

Изабелла улыбнулась и, наклонившись, потерлась холодным носом об его ладонь. "Это не как у вас, — она помолчала, — твои статьи едва три десятка человек в Европе понимает, дорогой мой муж, а тут — она повела рукой в сторону Сомерсет-хауса, — тут совсем другое".

Джованни пересел к жене и обнял ее: "Знаешь, что самое главное? Что рабочие на тех мануфактурах, что ты построила — видят солнечный свет и дышат воздухом, что твои мосты — крепкие и надежные, и так, — он поцеловал еле заметные пятна туши на руке, — так будет всегда".

— Рейнольдс мне прислал письмо, — неожиданно для самой себя сказала Изабелла. "Я тебе не говорила…"

— Я знаю, — Джованни поцеловал ее в ухо. "Констанца проболталась. У нее, как и всех газетчиков — очень длинный язык. Я понимаю, почему ты мне его не показывала — что-то

плохое?"

Изабелла помолчала, и, наконец, вздернула подбородок: "Пошли. Нечего тянуть".

Джованни подал ей руку. Глядя вслед жене — на упрямую, жесткую спину, на прямой разворот стройных плеч, он угрюмо подумал: "Сколько девушек могли бы стать учеными, преподавателями, инженерами..., Сейчас они вынуждены всю жизнь прозябать в гувернантках. Мы ведь даже не пускаем их в университеты. Как это мне Лагранж сказал, в Париже. "Если бы мадам Холланд начала заниматься математикой в юности, из нее бы вышел серьезный исследователь". Хоть Констанца добилась того, чего хотела, — он внезапно улыбнулся: "Замуж она, наверное, в Америке выйдет. Она же не хочет венчаться, не верит в Бога. Это если вообще — кто-то ей по душе придется".

— Папа! — поторопил его Пьетро. "Сейчас двери открывают". Он пробился через летнюю, оживленную, пахнущую духами, лондонскую толпу и взял жену под руку: "А что портрет — будет на выставке?"

— Не знаю, — Изабелла сжала изящные пальцы. "Я его всего за неделю до начала послала, не знаю, Джованни". Она быстро приложила маленькую ладонь к корсету. Джованни чуть не рассмеялся вслух.

— Она всю дорогу от Мейденхеда там руку держала, — сказал он себе, поднимаясь по каменным, широким ступеням. "Письмо Рейнольдса туда положила, не иначе. Как в тот раз, когда я ее раздевал, в спальне, и на пол какой-то чертеж выпал. Оказалось — опоры для моста. Она всегда так — важные вещи за корсет засовывает".

В большие окна зала вливался солнечный свет. Изабелла застыла, едва сделав несколько шагов, и, сглотнула: "Джованни..."

Портрет висел на правой стене. Тео, в темно-красном шелке, с убранными в высокую прическу волосами, сидела, выпрямив спину, опираясь подбородком о красивую, играющую кольцами руку. "Богиня, — подумал Джованни, и, наклонившись, проговорил: "Смотри, она — рядом встала. Сейчас ее цветами завалят, как в театре".

По толпе пробежал шепоток. Изабелла почти испуганно шепнула: "Сэр Джошуа!"

Он вышел на середину зала, — высокий, седоволосый, чуть сгорбившийся, в безукоризненном сюртуке цвета лаванды.

— Дамы и господа, — откашлявшись, все еще сильным голосом, начал Рейнольдс. "Ежегодная летняя выставка Королевской Академии Художеств объявляется открытой. Для меня стало большой честью увидеть здесь звезду французской сцены, осенившую своим присутствием Лондон. Мадемуазель Бенджаман, дамы и господа, — Рейнольдс склонился над ее рукой, — модель для еще одного таланта, как мы видим, — он указал на портрет, — миссис ди Амальфи".

— Он тебе подмигнул, — сказал Джованни жене. "Я совершенно точно видел, Рейнольдс тебе подмигнул. Пошли, — он увлек ее за собой, — Питер тут обо всех позаботится. Я хочу посмотреть архитектурный зал".

— Не надо, — чуть не плача, сказала Изабелла. "Меня там все равно не будет. Он мне написал, что женщины еще никогда не выставлялись в этом разделе...".

— А я все равно хочу, — упрямо повторил Джованни. Он шагнул в боковую комнату, увешанную

чертежами. Там было тихо. Он сразу увидел тонкий, искусный, обрамленный простой рамой рисунок.

— Проект текстильной мануфактуры компании "Клюге и Кроу" в Лидсе, 1788 год, И. де А., - прочел он и обернулся на жену. Изабелла стояла на пороге, прерывисто дыша, вертя в руках бархатный, отделанный бисером мешочек.

— Я не верю, — подумала женщина. "Пусть под инициалами, но я все равно — здесь. Господи, да возможно ли такое?"

— Ты все это уже знаешь, — краснея, сказала Изабелла. "Я же тебе показывала, Джованни..."

Он оглянулся — в комнате еще никого не было, — и поцеловал ее, — долго, глубоко. "А я, — усмехнулся Джованни, оторвавшись от ее губ, — я хочу посмотреть на это еще раз, дорогой мой участник летней выставки Академии Художеств".

Изабелла кивнула и быстро коснулась губами его щеки.

Жанна ходила вдоль увешанных картинами стен, держа мальчиков за руки, слушая и не слыша их болтовню. Она обернулась и посмотрела на Питера — тот стоял, разговаривая о чем-то с Констанцей и Тео. Мужчина заметил ее взгляд и ласково, нежно улыбнулся.

— Я не могу, — горько подумала Жанна. "Не могу так больше. Не могу лгать Тео, она ведь спрашивает — что со мной. Уже неделя, как ничего нет. Господи, какая я дура, потеряла голову, забыла обо всем. Надо сказать. Сказать Питеру, он должен знать. Сказать Тео, — она вздохнула.

Жанна увидела темноволосую голову маленького Франческо, что спал на руках у Констанцы и покраснела: "Весной. Весной у нас такой же будет. Мальчик, или девочка. Бедная моя, Тео, она так хочет ребенка, я же вижу...Ладно, — она качнула сложной, украшенной цветами прической, — раз так, надо выйти замуж за Питера. Я его полюблю, непременно. Он добрый, хороший человек. Надо полюбить, — велела себе девушка. "Дитя должно расти с отцом".

— Тетя Жанна, — Майкл подергал ее за руку, — Пьетро вот эта картина не нравится, а вам?

Жанна очнулась и посмотрела на пышную, в шелках даму, что восседала на мраморном троне, прижимая к просторной груди маленькую змейку. У дамы был большой нос и двойной, пухлый подбородок.

— Это Клеопатра, — ехидно сказал Пьетро. "Мне кажется, у змеи просто яда, не достанет — ее убить".

Жанна рассмеялась и поцеловала рыжие кудри: "И, правда, дорогой мой".

— Двенадцать лет мы уже вместе, — вздохнула она про себя, идя дальше, рассеянно смотря на картины. "Вернемся в Париж, и поговорю с Тео. Она меня поймет, она добрая, очень добрая. Господи, — она взглянула на высокую, красивую прическу женщины, — как же она, без меня..., Поговорю и напишу Питеру. Обвенчаться и в Париже можно, — она почувствовала тяжесть кольца на пальце, и решительно сжала губы: "Так тому и быть".

— О, — заметил Пьетро, — вот папа, только мамы с ним рядом нет. Интересно, где она?

Джованни подошел к ним: "Президент Королевской Академии Художеств забрал нашу маму, дорогой Пьетро. А я всего лишь математик, скромный преподаватель в университете, — так что я уж не стал спрашивать у сэра Джошуа, — Джованни развел руками, — что понадобилось великому живописцу".

— Портрет все очень хвалят, — сказал Питер, когда они вернулись к картине. "Кузина Тео, вы его непременно должны забрать в Париж..., - он осекся и озабоченно спросил: "Кузина Изабелла, что такое?"

Она стояла перед ними — маленькая, бледная, только на щеках играли пятна лихорадочного румянца.

— Портрет покупает Академия Художеств, — серо-зеленые глаза блестели. Джованни заметил след от слезы на ее щеке. "Я вам напишу копию, кузина Тео, — Изабелла сглотнула, — до моего отъезда в Лидс".

— Да что случилось? — наклонился к ней Джованни. Жена замерла и сунула ему в руку теплое, скомканное письмо.

— Я буду во дворе, — сказала она коротко. Повернувшись, зашуршав юбками, Изабелла исчезла в толпе.

— Папа, что с мамой? — недоуменно спросил Пьетро. Джованни разгладил бумагу: "Дорогая миссис ди Амальфи, по совокупности представленных работ совет Королевской Академии Художеств решил принять вас в состав ассоциированных членов Академии, по секции архитектуры. С искренними поздравлениями, сэр Джошуа Рейнольдс, президент".

Они долго молчали. Потом, Питер, улыбнувшись, заметил: "У меня дома есть отличный моэт, так что жду вас всех, — он незаметно взглянул на Жанну, и та почувствовала, что краснеет, — жду вас всех к столу".

— Мама! — Франческо проснулся и заворочался на руках у сестры. "Где мама? Тетя Тео! — радостно указал он на портрет.

Джованни взял сына и шепнул в маленькое ухо: "Пойдем, милый, скажем маме — как мы ей гордимся".

На тихой глади воды лежала лунная дорожка, корабли, что стояли со свернутыми парусами у причала — покачивались под легким ветром. Констанца пошарила на комоде, и, взяв из пачки еще одну свечу — зажгла ее от огарка.

Она окунула перо в серебряную, дорожную чернильницу. Внезапно остановившись, подперев подбородок кулаком, девушка вспомнила слова дяди.

— Шахты, — сказал Питер, разливая вино, — это всегда тяжелый труд, Констанца. Я, хоть и владелец, все равно в них спускался. Надо же знать, в каких условиях работают люди. Будешь в Париже — спроси хотя бы у дяди Теодора, он полжизни под землей провел.

Питер выпил и поправил очки: "Так что это не заговор, дорогая племянница. Мы, заводчики, не хотим добиться того, чтобы люди умирали — как раз наоборот. Просто, — он развел руками, — такая уж это работа, милая".

mir-knigi.org

— Все равно, — яростно пробормотала Констанца, грызя перо, — все равно я там окажусь, во Фландрии, рано или поздно. Напишу статью о том, как живут эти люди. Я уверена, что дядя Виллем — тоже хороший хозяин, но все равно — публика должна знать об этом.

Она порылась в книгах на столе и открыла "Civitas Solis" Кампанеллы. Констанца нашла отмеченное ей место: "Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день".

— А не двенадцать, — вздохнула она и, захлопнув книгу, прислушалась.

— Нет, нет, — Констанца зевнула, — тетя Тео, и тетя Жанна спят давно. Мы утром отплываем, да и тетя Тео устала после гастролей. Ей пришлось еще десять дополнительных спектаклей давать.

Констанца присела на подоконник, и, закурив, пуская дым в окно, вдохнула запах моря.

— Папа тоже, — нежно, подумала она, — на море будет, там, в Уэльсе. Изабелла — с Питером в Лидс уехала, и мальчиков с собой забрала. И я, — она стряхнула пепел, — я теперь одна буду жить.

— Ничего, — бодро сказала себе Констанца, — справлюсь. Яйца я варить умею, кофе — тоже, а в остальном — буду обедать у тети Марты или тети Тео. Или в трактирах. Жалко, что Дэниел уезжает, — она вспомнила его зеленовато-голубые глаза и веселый голос: "Ну вот, Констанца, передавай привет Лондону и обязательно возвращайся во Францию!"

— Я и возвращаюсь, — Констанца потушила сигарку. Потянувшись всем длинным, стройным телом, девушка взяла со стола зеркальце в серебряной оправе. Она оскалила белые, мелкие зубы, и, полюбовавшись собой, — стала раздеваться.

В умывальной было прохладно. Жанна, пробежав по коридору, тихо закрыв за собой дверь — зажгла свечу. Она увидела пятна крови на подоле белой, шелковой рубашки:

— Значит, ничего и не было. Или было, но все — она сцепила нежные пальцы, — закончилось. Три недели, всего три недели..., - она помотала белокурой головой, и стала приводить себя в порядок.

— Вот и все, — Жанна переоделась и, выжав рубашку, повесила ее сушиться. "Я просто в датах ошиблась, или это из-за волнения, из-за переездов. И, слава Богу, — она вздохнула и вспомнила его ласковый взгляд, его тихий голос: "Тогда я буду ждать письма, Жанна, хорошо?"

— А я тогда кивнула, — девушка вылила грязную воду из фаянсового таза, — кивнула и перекрестила его. Он сейчас в Лидсе, на этой стройке, до конца лета там будет. Оставлю письмо тут, у мистера Фошона. Он его перешлет в Лондон. Извинюсь, напишу, что..., - она наклонилась над тазом и заплакала, — быстрыми, тихими, крупными слезами.

Жанна помахала рукой, успокаиваясь: "Напишу, что не люблю его. Что мы оба — сделали ошибку, и нельзя так — не по любви. Питер, Питер..., - она постояла еще немного, чувствуя на лице ветер, что играл холщовыми занавесками на окне. Вымыв лицо, Жанна вернулась в спальню.

Тео лежала на боку, свернувшись в клубочек, спокойно, размеренно дыша. Жанна едва присела на кровать, как она дрогнула ресницами и спросила: "Что, крови?"

— Двенадцать лет мы с ней рядом, — улыбнулась Жанна. "Господи, да что мне еще надо? Куда мне идти, кого еще искать?"

Она кивнула. Тео, взяв ее руку, прижавшись к ней щекой, улыбнулась: "У меня тоже позже пришли. Это все из-за гастролей, да и лето жаркое. Ложись ко мне".

Жанна устроилась рядом. Тео, гладя ее по голове, шепнула: "Я люблю тебя. В августе поедем в Довиль, будем там купаться, каждый день, и гулять по берегу".

Девушка вдохнула такой знакомый запах роз. Поцеловав гранатовые губы, Жанна тихо сказала: "Непременно. Будем счастливы, Тео".

Пролог

Фландрия, сентябрь 1788 года

Федор остановил лошадь и посмотрел на величественные, серого камня развалины на высоком холме. Вокруг были леса — густые, играющие золотом, рыжие листья лежали на сухой траве. Он вдохнул терпкий, осенний запах:

— На Урале так же было. Мы с Марьей по грибы ходили, собрали что-то, а потом, — он мимолетно улыбнулся, — устроились под сосной. Господи, — рассердился он, — да о чем это ты, Федор Петрович? Забудь, Дэниел тебя в Америку зовет, уголь там у них, в Виргинии искать. Ты Россию и не увидишь больше.

— Вот это и есть Мон-Сен-Мартен, — вздохнул сзади месье Лануа, главный инженер компании.

— Месье Корнель, а что, — он помялся, — месье де ла Марк не собирается в Европу возвращаться?" Он повел рукой в сторону равнины: "Раз мы одну шахту уже эксплуатируем и вторую — закладываем? Все же, — Лануа снял фуражку и почесал светловолосую голову, — нехорошо, когда замок без сеньора стоит, все запущено.

— Сеньора, — хмыкнул Федор. Мягко развернув лошадь, он стал спускаться с холма. "Сейчас другое время, месье Лануа. Во Франции все бурлит, третье сословие в Генеральные Штаты будет избираться, а вы все за своего сеньора держитесь".

Лануа обернулся на замок и покраснел: "Так издавна было, месье Корнель, со времен Арденнского Вепря, и еще раньше. Мы свободные люди, крестьяне землю арендуют, а все равно, — упрямо повторил Лануа, — месье Виллем — наш сеньор".

— Может и вернется, — Федор проехал по каменному, горбатому мосту над быстрой рекой. "Питер мне писал, — он вспомнил, — тот самый синьор Теодор, архитектор, этот замок восстанавливал". Они миновали маленькую деревню — пять домов, постоялый двор, и церквушка, — и выехали на дорогу, что вела к Льежу.

Холмы остались позади, вокруг них лежала равнина. Федор, прищурившись, увидел на горизонте террикон шахты "Луиза".

— Я смотрю, — повернулся он к Лануа, — у вас тут сахарной свеклы много стало. Пшеницу не сеют больше?

— Выгодней, — молодое лицо инженера расплылось в улыбке. "Мой старик на свекле столько зарабатывает, что всем моим сестрам грозится приданое дать. У меня же еще четверо

младших, месье Корнель, — Лануа смущенно рассмеялся, — и все девочки".

— Я помню, — ласково сказал Федор.

— И хватит меня благодарить за то, что я вас на эту должность рекомендовал — вы у меня были одним из лучших студентов, месье Лануа, вы мое доверие давно оправдали. А что, — он взглянул на аккуратные, черепичные крыши ферм, — рабочих вы откуда нанимаете, из Льежа?

— Оттуда, из Франции, — ответил инженер. "Как положено — мужчины в забой идут, а женщины и подростки — на вагонетки. Младше двенадцати лет никого не берем, следуем распоряжению хозяина".

Уже подъезжая к шахте, Федор посмотрел на груды угля вокруг сортировочной:

— Пока мы отсюда на телегах все будем вывозить, потом на баржи перегружать, мы только время потеряем. А что делать? Паровая тележка, что Джованни сейчас в Уэльсе испытывает — это прототип. До того времени, как она на рельсы встанет — мы оба умереть успеем. Уголь тут отличный, — он спешился и взял кусок, — лучшего качества.

Лануа отдал лошадей старику сторожу и подошел к Федору: "Попомните мое слово, месье Корнель, — на этом пласте мы не две, а двадцать шахт заложим. Уголь будет всю эту равнину кормить. Де ла Марки теперь до конца дней своих обеспечены".

Они зашли в аккуратную, деревянную раздевалку. Федор довольно хмыкнул:

— Умывальную сделали, молодцы. Сейчас первая смена под землей, та, что в пять утра спустилась? Уже и выходить они должны, — он взглянул на свой хронометр, — через час примерно. Сколько там людей? — он кивнул на шахту.

— Семьдесят человек в забое, пять бригад, — Лануа быстро переоделся в холщовые штаны и куртку: "Месье Корнель, правда, что вас султан Марокко золотой саблей наградил, за особые заслуги перед его страной?"

Федор хохотнул и положил в карман своей куртки пачку свечей и кремень с кресалом.

— У меня одна уже есть, сабля, — он всунул ноги в огромные, растоптанные башмаки, — так что я отказался, месье Лануа. Вторая мне как-то ни к чему. Семейный клинок и то — над камином висит. Ну, — он перекрестил себя и ученика, — с Богом

Подъемник заскрипел. Федор, стоя на деревянной платформе, вскинув голову, проследил глазами за лоскутом голубого, яркого неба.

— Птицы, — он увидел чаек. "Они сюда с Мааса прилетают. Надо будет на обратном пути в Брюссель заехать, кружев купить — для мадемуазель Бенджаман, для Жанны, для Марты. А Элиза, — он усмехнулся, — отбойный молоток просила, только маленький".

— Почти тысяча футов, — сказал Лануа, когда они сходили с платформы. "Холодно тут".

Федор поднял голову и внимательно осмотрел крепления на стенах высокого зала. "Вроде все в порядке, — пробормотал он, поежившись. "А что холодно, — он похлопал Лануа по плечу, — к этому привыкаешь. Канареек везде держите?"

— А как же, — инженер показал рукой в темноту, — у каждой бригады по клетке, на средства

компании покупаем.

— Пойдем, — велел Федор, — покажете мне этот новый пласт, а потом поднимемся и на стройку заглянем.

Они согнувшись, пробирались по низкой штольне, с проложенными по ней деревянными рельсами. Откуда-то из непроницаемой черноты загрохотала вагонетка. Федор, прижавшись к стене, закрыв рукой, пламя свечи, увидел груженую тележку.

Грубые колеса сошли с рельс. Откатчица, ругнувшись, не обращая на них внимания, — подлезла спиной под днище, и одним быстрым, ловким движением поставила вагонетку на место. "В ней же триста фунтов угля, — вспомнил Федор. Он обернулся и еще успел увидеть высокую, тонкую фигуру девушки. Волосы ее были спрятаны под ветхим чепцом.

Она толкнула вагонетку за угол. Федор, сжав зубы, заметив стройные плечи, длинные ноги работницы, одернул себя: "Да что это ты, совсем с ума сошел!". Он повел носом: "Странно, цитроном пахнет. Нет, почудилось".

Откатчица на мгновение остановилась. Стерев пот с высокого лба, посмотрев вслед мужчинам, — она дрогнула ресницами. Темные, большие глаза улыбнулись. Девушка, прошептав что-то — заспешила дальше.

Федор распахнул окно своей комнаты и посмотрел на закат, что играл над равниной.

— Лануа к своим старикам поехал, — хмыкнул он, — приглашал пообедать вместе, да ладно, — он взглянул на заваленный бумагами стол, — еще отчет для Виллема надо закончить, Питеру написать, — он повертел в руках искусно вычерченную карту:

— В Уэльсе пусть они и делают канатную дорогу. Рельсы надо проложить по склону холма. Раз шахта наверху стоит, вагонетки сами будут спускаться. А обратно их будут лошади тянуть. Сейчас зайду в трактир, перекушу, и посижу, подумаю — как это лучше сделать.

Он натянул куртку и прислушался — снаружи, со двора, доносились чьи-то возбужденные голоса.

— Парламент города Парижа и нотабли других провинций, — раздался знакомый, парижский говор, — рекомендовали Бурбону созвать Генеральные Штаты, впервые за сто семьдесят пять лет, граждане! Но это только начало революции. Мы, третье сословие, обещаем — Франция освободится от гнета монархии и станет свободной!

Федор сочно выругался и захлопнул ставни: "И что ему дома не сидится? Тут епископат Льежа, независимая область, какое им дело до Франции?"

Когда он зашел в трактир, Марат уже собрал вокруг стола рудокопов и оживленно рассказывал им что-то. Федор, облокотившись на стойку, прислушался.

— Это все хорошо, — хмыкнул здоровый детина, прикусив зубами трубку, — однако же, платят нам, месье Марат, достойно. Компания еще и на жилье субсидию дает, для тех, у кого семья, уголь выделяет — нет нам, никакого толка бастовать. Да и потом, — он оглядел своих товарищей, — мы не французы. Что вы там, в Париже у себя делаете — это ваше решение, а мы, как жили, так и будем жить.

Федор незаметно усмехнулся. Приняв от хозяина горшок с рагу из кролика и бутылку вина, он присел за опустевший стол.

Марат, склонив голову, быстро перечеркнул что-то в своем блокноте, и выругался сквозь зубы. "Что, — лениво спросил Федор, — и тут не удалось людей на забастовку подбить, месье Марат? Слышал я, что ткачи в Амьене — тоже за вами не пошли".

Марат поднял глаза и ненавидяще сказал: "Это пока, месье Корнель, это пока. Санкюлоты еще поймут, что, только встав в наши ряды — они станут полноправными гражданами".

Федор рассмеялся и похлопал рукой по своим рабочим штанам. "Я тоже, месье Марат, санкюлот. Я в рабочей одежде больше времени провожу, чем в бриджах и сюртуке. Да и руки у меня — он положил на стол большие, покрытые шрамами и ссадинами ладони, — руки у меня — рабочего человека. В отличие от ваших рук, — не смог удержаться он.

— Революции нужны трибуны, — высокомерно ответил Марат, — нужны вожди, месье Корнель, а вы — всего лишь наемный пес местного хозяйчика. Я слышал, он в Бомбее живет, припеваючи, а его рабочие — ползают по двенадцать часов в сырости и грязи.

Федор долго, молча, ел. Потом, отставив горшок, выпив вина, он мрачно сказал:

— Вот что, дорогой мой трибун. Сами знаете, — если я попрошу, отец Анри, наш с вами общий знакомый — вытащит из своего архива расписку, которую он от вас получил. За ту математическую статью, вы должны ее помнить. Поэтому отправляйтесь отсюда восвояси, и чтобы я больше не видел вас на шахтах компании, понятно?

— Шантажом не брезгуете, месье Корнель, — некрасивое, смуглое лицо Марта презрительно исказилось. Он закурил сигару, и выпустил дым в лицо Федору. Подхватив свои бумаги и кружку с пивом, мужчина поднялся.

— Уеду, когда захочу, — свысока заметил Марат. "Тут не шахты, тут поселок. Вы тут приказывать, не властны".

Он пересел за другой стол. Откинувшись к стене, Марат потребовал еще кувшин пива. "Вот же мерзавец, — угрюмо подумал Федор, — и не сделаешь с ним ничего. Так, — он посмотрел на свое вино, — надо бы делом заняться, нечего тут больше сидеть".

Трактир наполнялся шахтерами, что пришли выпить кружку после ужина, где-то у стойки уже звучала скрипка. Федор усмехнулся, глядя на то, как сдвигают столы, освобождая пол для танцев.

— Нет, — он нашел глазами хозяина и щелкнул по пустой бутылке, — надо отдохнуть. Чертежи до завтра подождут, ничего страшного. Опять же, месье Марат тут. Мало ли что еще ему в голову придет. И сейчас девушки, наверняка, появятся. Хоть посмотрю на молодежь. Ту, высокую, может быть, увижу, — он понял, что краснеет.

— Вы не волнуйтесь, месье Корнель, — раздался сзади голос кого-то из шахтеров. "Этот, — мужчина указал на Марата, — ни с чем отсюда уедет. Компания нам работу дала, разве мы против нее пойдем? Раньше тут — у кого земли не было, тот с голоду подыхал. В Льеже, сами знаете, мануфактур нет, а в Амьене — ткачи нужны. Это работа тонкая, то ли дело забой".

Федор посмотрел на компанию рудокопов, что присела за его стол, и показал хозяину пять пальцев.

— И пива тоже — закажем, — он достал из кармана куртки плоскую шкатулку. Один из рудокопов, передав ему свою трубку, — затянулся сигарой. "Хороший табак, — одобрительно заметил шахтер. "Месье Корнель, а вы вправду — в небо поднимались? Месье Лануа рассказывал, однако же, его дело молодое, может, преувеличивает…"

— Поднимался, — Федор вдохнул запах табака. Приняв от кабатчика бутылки, он улыбнулся: "И не один раз".

Дверь трактира заскрипела, и он увидел девушек, — в простых, бедных платьях. Они, переговариваясь, щебеча — зашли в зал. К первой скрипке присоединилось еще две. Федор, приподнявшись, заметил высокую, тонкую девушку в потрепанном чепце и синем, истасканном платье, что, стоя к нему спиной — шутила с какими-то парнями.

— Да брось, — хмуро сказал себе Федор. Подхватив вино, он рассмеялся: "Пошли, ребята, тут сейчас такой шум будет, что ничего не услышишь. Пусть себе молодежь танцует, а мы в боковой комнате посидим, поговорим".

Он еще успел увидеть, как давешняя девушка в синем платье, изящно склонив голову — становится напротив молодого рудокопа. Грянули скрипки. Федор, пропустив шахтеров вперед, закрыл за собой дощатую дверь комнаты.

Танцы были в самом разгаре, когда он, пробившись через разгоряченную, пахнущую потом толпу, — вышел на задний двор. Над поселком висели крупные, яркие звезды. Он, помочившись у стенки сарая, потянулся:

— Давно я так не напивался. С Джоном, летом еще — было дело. Джон в Амстердам поехал, Джо с Иосифом в Америку отплывают, следующим годом. Хоть повидается с ними, перед отъездом. Сын его — так в Мадриде и остался, он мне говорил. Хотя там спокойно, безопасно. Надо еще десяток бутылок заказать, — он обернулся на вход в трактир и замер — из сарая доносился приглушенный, отчаянный женский крик: "Нет, нет, я не хочу, оставьте меня!"

Федор выругался сквозь зубы и рванул на себя хлипкую дверь. "Оставьте! — услышал он злобный голос. Мужчина, что прижимал девушку к сену, тряхнул ее за плечи: "Не ломайся, я тебе серебром заплачу". Федор увидел, как его рука шарит под сбившимися юбками девушки.

— Вставай, подонок! — велел Федор, рванув на себя мужчину. "Я же тебе сказал, чтобы духу твоего тут не было! И бить я тебя не буду, — он вышвырнул Марата из сарая, — слишком много чести. Пошел вон отсюда, — он толкнул его к воротам, — иначе я сейчас вернусь в трактир и скажу рудокопам, чем занимается народный трибун, когда его никто не видит. У них с тобой, мразь, разговор будет короткий".

Марат поднялся, отряхивая свой сюртук от грязи и навоза, и процедил: "Мы еще встретимся, месье Корнель, не сомневайтесь".

Федор прошагал к нему. Засучив рукав куртки, он от души хлестнул Марата по лицу. "Вон. Отсюда, — громко, раздельно сказал он. Марат, зажимая рукой разбитый нос, что-то бормоча — вышел.

В сарае было темно. Федор увидел, что девушка уже стоит, оправляя свое платье. "Все в порядке, мадемуазель? — озабоченно спросил Федор, чиркнув кресалом.

В свете искр он увидел темные, большие глаза, чуть заметную ссадину на белой щеке и знакомый, нежный голос ответил: "Да. Спасибо вам, дядя Теодор".

Она подошла поближе, и повторила: "Спасибо". От девушки едва заметно пахло цитроном, густые, коротко, стриженые, рыжие волосы были растрепаны. Констанца оглянулась. Подобрав с земляного пола сарая свой чепец, девушка водрузила его на голову, крепко завязав потертые ленты.

— Я же тебе сказал, — с Федора мгновенно слетел весь хмель, — в Париже еще сказал — нечего тебе тут делать!

— Совершенно незачем кричать, дядя Теодор, — обиженно заметила девушка, — я следующей неделей и увольняюсь уже. Материалов на статью у меня достаточно. Я еще в Амьене была, на ткацкой мануфактуре чесальщицей работала. Там условия — Констанца вздохнула, — хуже, чем здесь. Так что не волнуйтесь, — она быстро прикоснулась рукой к плечу Федора, — о компании я ничего плохого писать не буду. Только о том, что надо новые шахтерские лампы придумать. Со свечами все-таки опасно под землю спускаться.

— А то я не знаю, — угрюмо сказал Федор. "Ты зачем с этим..., - он сдержался, чтобы не выругаться, — во двор пошла?

— Я по своим делам выходила, — оскорблено вздернула подбородок Констанца, — я его и не видела. Только потом..., - она поморщилась. Девушка вдруг, лукаво спросила: "Дядя Теодор, а вы, почему не танцуете?"

— Я уже старый, — усмехнулся он. Констанца, потянув его за руку, велела: "Пойдемте! Только не проболтайтесь, кто я такая. Девчонки думают — я из Амьена. Они тут хорошие, — Констанца рассмеялась, — только жалко, что даже читать никто не умеет. Если бы школы для детей открывали, хоть начальные..., - она, улыбнувшись, втолкнула Федора в зал: "Сейчас я вас буду учить танцевать, месье Корнель", — девушка вскинула тонкую, изогнутую бровь.

Она была высокая, гибкая, быстрая, розовые губы смеялись. Он чувствовал, как бьется ее сердце — совсем рядом, под его руками. Констанца, потянувшись к его уху, шепнула: "А говорите — старый. Отлично танцуете. Давайте еще, — велела она. Федор подумал: "Тут же не как в Париже. Там только за кончики пальцев партнершу держишь, а тут за талию обнимать надо". Скрипки гремели. Констанца, перегнувшись, схватив со стола оловянный стакан с вином, выпив, хихикнула: "Не бордо, конечно, но очень неплохое. Попробуйте, — приказала она, и Федор подчинился.

Потом он сидел, смотря за тем, как кружились ее потрепанные, синие юбки — она танцевала с молодыми шахтерами. Кто-то из рудокопов, разливая вино, хмыкнул: "Она в бригаде у меня. Хорошая девушка, добросовестная, работает отлично. А что веселиться любит, так, месье Корнель, — мужчина подмигнул, — на то и молодость, чтобы погулять. Сами такими были".

— Да, — вспомнив костры на берегу Исети, ответил Федор, — были. Пойду, — он, сам того от себя не ожидая, поднялся и одним глотком осушил бокал вина, — еще потанцую.

— Мне надо, — наконец, сказала Констанца, прижавшись к нему, тяжело дыша, — надо во двор выйти, дядя Теодор. Проводите меня, — ее темные глаза блестели в свете догорающих свечей.

— Нельзя, — велел он себе, открывая перед ней дверь, — не смей, это дочь твоего друга. Ей пятнадцать лет, она ребенок еще, ты ее девочкой знал..., Нельзя!

Но ее свежие, теплые губы были совсем рядом, она приникла к нему — тонким, длинным телом, почти незаметной грудью. Помотав головой, обняв его, Констанца простонала: "Как хорошо! Еще, еще, пожалуйста!". Федор легко поднял ее и, усадив на перила крыльца, стал

целовать, — жадно, едва сдерживаясь. Он почувствовал под рукой край грубого, шерстяного чулка, нежную, горячую кожу бедра и услышал ее шепот: "Пойдемте..., к вам...".

На узкой, темной лестнице он подхватил ее на руки, — голова кружилась от горьковатого, томного запаха, что шел от нее, — и, расстегивая на ходу платье, — внес в комнату.

Федор проснулся от яркого солнца, что било сквозь холщовые занавески. Приподнявшись, — затылок ломило похмельной болью, — он увидел чистую, прибранную комнату. Ставни были открыты, откуда-то доносился звон колокола.

— Воскресенье, — вспомнил Федор. "Выходной же сегодня". На стуле, рядом с кроватью, стоял деревянный поднос. Он посмотрел на маленькую, зеленого стекла бутылку, на миску с квашеной капустой, и услышал из бокового чулана плеск воды. Синее платье висело на спинке кресла, что стояло у стола. Рядом были брошены чулки и старые, потрепанные туфли.

Он зубами вытащил пробку из бутылки. Выпив водки, захрустев капустой, Федор обессилено уронил голову на подушку.

Когда он открыл глаза, в комнате пахло цитроном. Констанца, обнаженная, сидела, подвернув под себя ногу, в кресле, и быстро что-то писала.

Она повернулась и ласково сказала:

— Вот, послушайте, дядя Теодор. "Ребенок мадам Верра, прядильщицы из Амьена, был изуродован крысами. Мадам Верра вынуждена была оставлять двухлетнюю дочь одну, в грязном подвале, чтобы заработать на пропитание себе и маленькой Одетт. Муж мадам Верра умер от чахотки — бича текстильных предприятий, — год назад.

Французские предприниматели обязаны последовать примеру английских хозяев мануфактур, например, "Клюге и Кроу", — и выплачивать пенсии вдовам и сиротам умерших рабочих, а также обеспечивать уход за детьми тех, кто трудится на их фабриках.

Томмазо Кампанелла, в своем "Городе Солнца", писал о четырехчасовом рабочем дне. К сожалению, это пока остается утопией, но обязанность каждого владельца производства — предоставить рабочим безопасные условия труда и организовать их быт.

Необходимо, как можно быстрее, построить школы, — голос Констанцы зазвенел, — игровые комнаты для детей, умывальные, как на шахте "Луиза" "Угольной компании де ла Марков", под Льежем. Профессиональные союзы, которые уже организовываются рабочими Англии, — вот, что повлияет на хозяев предприятий".

— Написано недурно, только они противозаконны, — хмыкнул Федор, допив водку, закинув руки за голову. "Профессиональные союзы. Такого не напечатают".

— У нас свобода прессы, — рассеянно отозвалась Констанца. Она что-то перечеркнула. "Потом тут будет о шахтерских лампах и технике безопасности на ткацких мануфактурах. Я же ездила на север, на предприятия дяди Питера. Сравню их с теми, что в Амьене".

Он взглянул на стройные, белые плечи, на выступающие, острые лопатки, на изгиб ее шеи, и хмуро сказал: "Нам надо пожениться".

Констанца отложила перо и рассмеялась:

— Не надо, дядя Теодор. Я завтра пойду на свою смену, вы — поедете в Брюссель. Потом мы увидимся в Париже, и, — она подняла бровь, — я могу иногда с вами встречаться, если хотите. Я все равно, — он заметил пятнышки чернил у нее на губах, — не верю в Бога, и никогда не буду венчаться. Тем более, — Констанца подперла острый подбородок кулачком, — мы с вами оба — любим других людей. Я слышала, ночью.

Он покраснел. Отведя от нее взгляд, Федор пробормотал: "Прости. Я был…"

— Выпили, — улыбнулась девушка. "Я вам не зря водки и шукрута принесла. Рудокопы все так лечатся после того, как зарплату получат".

Она раздвинула длинные, стройные ноги. Федор вдруг спросил: "А кого это ты любишь?"

— Это мое дело, — независимо ответила Констанца. Он заметил, как золотятся в свете утреннего солнца ее волосы. Встав, опустившись на колени перед ее креслом, Федор развернул ее к себе. На вкус она была — как чистая, родниковая вода. "Ее дело, — смешливо пробормотал Федор, окуная губы в эту влагу, — хорошо, пусть будет так".

— Вот именно, — сквозь зубы сказала Констанца, откидывая коротко стриженую голову, царапая его плечи. "Я вас… — простонала она, схватившись рукой за край стола, — прошу…, еще, еще…".

Уже обнимая ее, прижимая к сбитой постели, Федор спросил: "Я сейчас вспомнил что-то, это же первый раз твой был — тебе не было больно?"

Констанца дрогнула ресницами, и прижалась к его губам: "Вы же думали, что это она — с вами. Нет, — она покачала головой, — вы были…, такой нежный, я и не представляла, — что так можно…"

— Можно по-разному, — сказал он, уже не сдерживаясь, чувствуя ее жар, слыша ее прерывистое дыхание, вцепившись зубами в ее плечо. Потом он велел: "Вот сейчас". Констанца, скользнув вниз — разомкнула нежные губы.

Федор отдышался. Устроив ее на боку, целуя в шею, он рассмеялся: "Научилась же где-то".

— Вы же сами и учили, ночью, — лукаво сказала Констанца.

— Я помню, — она повернулась и уложила его на спину, — вам нравится, когда медленно. Так и будет. Лежите, — велела она. Федор, закрыв глаза, гладя ее по голове, неожиданно горько подумал: "Хоть так. Ах, Тео, Тео, Господи, видишь же ты — все время я о ней думаю. Да что там, — он поморщился, — никогда она моей не станет. И эта, — он глубоко вздохнул, — тоже, не нужен я ей. Никому я не нужен".

— Иди сюда, — он усадил девушку на себя, и погладил стройные плечи: "Не будем мы в Париже видеться, Констанца. Так — он покраснел. "Не надо этого больше".

Она закрыла глаза. Помолчав, девушка кивнула: "Да. Вы правы".

Потом она уронила голову ему на грудь. Полежав немного, поднявшись, Констанца оделась и собрала свои бумаги. Она постояла на пороге и, улыбнулась: "Спасибо вам, дядя Теодор". Федор еще нашел силы усмехнуться. Дверь закрылась. Федор, перевернувшись, подтянув к себе подушку, прошептал: "Господи, дай ты мне сил разлюбить ее, пожалуйста. Нельзя же так мучиться".

Он заснул, — тяжелым, быстрым сном. Ему опять снилась разоренная, горящая равнина. Высокая, с побитыми сединой, темными волосами, смуглая женщина, шла, медленно ступая, среди пожарища. Она повернулась. Федор увидел белокурого, голубоглазого ребенка у нее на руках. На телеге, запряженной исхудавшей лошадью, сидели еще двое — девочка и мальчик. "Это Элиза, — понял Федор, — Элиза, я ее узнаю". Девочка порылась в куче отрубленных голов, что лежали рядом с ней, и показала ему одну.

— Нет! — хотел, было, крикнуть Федор. Дитя, что держала Тео, протянуло к нему ручки и залепетало: "Папа!".

— Не успеешь, — безразлично сказала Тео. Подстегнув лошадь, укачивая ребенка, женщина пошла дальше — исчезая в сером, беспросветном дыме, что стелился над равниной.

Часть девятнадцатая

Париж, осень 1788 года

Жанна поправила букет белых роз, что стоял в причудливой вазе китайского фарфора, и отступила: "Очень красиво. А что месье Корнель, будет сегодня?"

Тео, что сидела за бюро розового дерева, надписывая своим четким почерком карточки для обеденного стола, отложила перо:

— Нет, меня ведь Джон попросил этот обед устроить — он хочет познакомиться с Маратом и этим молодым политиком, Робеспьером. Ты же знаешь — месье Корнель и Марат терпеть друг друга не могут. Я тоже, — Тео сморщила нос, — его не жалую. А этого месье Максимилиана я и не видела никогда, — она взглянула на карточку у себя в руках. "Джон говорил, что даже Иосиф с Маратом разругался. Уж слишком, радикальные взгляды он высказывает".

Жанна подошла. Обняв Тео, она потерлась носом об украшенную рубинами шею. "Питер мне одну только строчку прислал, — вспомнила женщина. "Так тому и быть". И все, — она вздохнула и посчитала на пальцах:

— Мы с тобой, Марта с Джоном, Марат, Робеспьер и Констанца с месье Лавуазье. Восемь человек, отлично. Устрицы совсем свежие, я проверяла. Куропатка с каштанами, и крем-карамель.

Тео поцеловала белую, украшенную жемчужным браслетом руку и хихикнула: "Констанца в парике будет, интересно, в каком? Она же их с десяток уже накупила. Наверное, в том, светлом. С ее темными глазами — он ей к лицу".

Жанна нахмурилась. Тео, притянув ее к себе, посадила на колени: "Обожаю, когда ты ревнуешь. Нет, — она погладила стройное, в кружевном чулке колено, что виднелось из-под шелковых юбок, — не так. Я не могу жить, если ты меня не ревнуешь". Жанна почувствовала ее пальцы, и слабым голосом проговорила: "Дверь…"

— А мы, — Тео подняла ее на руки, — мы сейчас пойдем в спальню, дорогая моя. И тогда за столом ты у меня будешь с тем румянцем, который тебе так идет.

— День на дворе, — Жанна рассмеялась, обнимая ее за шею, вдыхая запах роз. "Но у тебя — тоже будет румянец, обещаю".

Высокая дверь спальни закрылась. Прохладный ветер с реки, гуляя по гостиной, разбросал

изящные, с золоченым обрезом карточки по натертому паркету. Несколько лепестков белых роз взвились в воздух, и, покружившись — упали рядом с бумагой. Из спальни донесся нежный, задыхающийся лепет, скрип кровати, шелковые занавески на окне гостиной заколыхались и все стихло.

Марта обернулась от кабинетного, черного дерева, украшенного бронзовыми накладками, фортепиано:

— После такого изысканного обеда, господа, мы вам сыграем не менее изысканную музыку. Месье Моцарт, друг мадемуазель Бенджаман, прислал нам партитуру "Дона Жуана". Мадемуазель Бенджаман сейчас споет нам арии донны Анны.

Констанца, — она была в роскошном платье цвета слоновой кости, отделанном алансонским кружевом, в белокуром, пышном парике, приняла у лакея чашку кофе. Незаметно посмотрев на Марата, девушка повертела острым носком туфли. "Он меня не узнает, — усмехнулась Констанца, — вот и славно. Да и как узнать — он видел откатчицу в бедном платье, да еще и в темноте. А тут — красавица из лучшего салона Парижа".

Она обернулась и посмотрела на балкон — двое невысоких мужчин, дымя сигарами, о чем-то разговаривали. "Дядя Джон уже четверть часа там стоит, — озабоченно подумала Констанца, — что ему надо от Антуана?"

Жанна присела рядом, и неслышно усмехнулась: "Месье Марат тебя прямо глазами пожирает, Констанца".

Девушка взглянула на некрасивого, сухощавого, смуглого мужчину в хорошо сшитом сюртуке. Он выбил табак из трубки и покраснел: "Вам нравится Париж, мисс ди Амальфи? Я жил в Лондоне, эти два города совсем не похожи".

— Я много времени провела в Париже, месье Марат, — спокойно ответила Констанца, — еще ребенком. Да, нравится. А где же ваш верный спутник, месье Робеспьер — он как после обеда ушел в библиотеку, так и не появился? Сейчас, — она посмотрела на гардеробную, — мадемуазель Бенджаман переоденется в концертное платье и нас ждет наслаждение ее голосом.

— Я уже тут, — смешливо отозвался невысокий, легкий человек, с красиво уложенными, белокурыми волосами, что прислонился к двери. "Я прошу прощения, дамы, что я вас оставил, но, — он похлопал по блокноту, что был у него в руках, — никогда не знаешь, когда тебя посетят гениальные мысли. Вот, — он оглядел гостиную, — послушайте:

— Разум человека сходен еще с земным шаром, на котором он живет: половина его погружена во тьму, в то время, когда другая половина освещена. Народы Европы сделали удивительные успехи в том, что называют искусствами и науками, и, кажется, они остаются невежественными в отношении элементарных понятий общественной морали; они всё знают, кроме своих прав и своих обязанностей, — начал Робеспьер звенящим голосом.

— Откуда происходит это смешение гения и глупости? Оно происходит от того, что в стремлении добиться мастерства в искусствах, надо следовать своим страстям, тогда как для защиты своих прав и почитания прав другого надо победить свои страсти. Есть в этом и другая причина. Короли, от которых зависит судьба земли, не боятся ни великих геометров, ни великих художников, ни великих поэтов, а страшатся непреклонных философов и защитников человечества.

— Таких людей, как вы, месье Робеспьер, — сказала Жанна, когда он закончил. "Вы прекрасно пишете, очень вдохновенно".

— Говорит он еще лучше, — добродушно заметил Марат. "Все-таки делегат третьего сословия Артуа в Генеральных Штатах. Следующим летом мы его там и услышим".

— Благодарю вас, мадемуазель де Лу, — Робеспьер склонился над ее рукой и девушка зарделась. "Мне очень ценна ваша похвала".

Марта помолчала, и положила руки на клавиши

— Для того, чтобы люди получили представление о своих правах и обязанностях, месье Робеспьер, — недостаточно страстных выступлений с трибуны. Вы, — она внезапно повернулась и посмотрела на мужчину зелеными, холодными глазами, — избраны от сословия буржуазии. Вы сами — получили отменное образование, и выступали перед его величеством королем Людовиком с приветственной речью, когда он посетил ваш лицей.

— Он даже не вышел из кареты, — хмыкнул Робеспьер, устраиваясь в кресле, зажигая сигару. "Шел проливной дождь, семь сотен детей и подростков ждали его, а он даже не вышел из кареты, с этой своей, — губы мужчины презрительно искривились, — австриячкой".

Марта вздохнула: "Месье Робеспьер, кучки юристов в Генеральных Штатах недостаточно для того, чтобы изменить страну, поверьте мне. Необходимы дороги, промышленность, всеобщее начальное образование..., - она стала загибать пальцы.

— Необходимо, прежде всего, избавиться от церкви, этого паразита..., - гневно раздул ноздри Робеспьер и осекся. Мужчины поднялись — она стояла в дверях, высокая, величественная, с распущенными по плечам, темными, тяжелыми волосами. "Музыка, — сказала Тео, улыбаясь гранатовыми губами, — объединяет всех, господа. Великая музыка — особенно. Сейчас мы позовем его светлость и нашего великого химика, — она хлопнула в ладоши.

Джон затушил сигару в фарфоровой пепельнице: "Месье Лавуазье, просто подумайте. Я уполномочен его величеством королем Георгом. Мы согласны на любые ваши условия — лаборатория, особняк, пособие от нашего короля..., Я просто, — герцог помолчал, — питаю слабость к гениям, месье Лавуазье, и считаю своим долгом, как бы это выразиться..."

— Переманивать их под покровительство своего монарха, — лазоревые глаза Лавуазье заблестели смехом. "Я польщен, ваша светлость, но я француз и буду работать во Франции".

— Лагранж работал в Берлине, — вздохнул Джон.

— Лагранж вернулся в Париж, — отрезал Лавуазье. Спохватившись, он развел руками: "Я очень благодарен вашему предложению, но, ваша светлость — нет. Пойдемте, нас зовут".

Вернувшись в гостиную, Джон мельком посмотрел на жену. Он чуть покачал головой, опускаясь в кресло. Та прикусила губу и углубилась в ноты.

Констанца незаметно протянула руку. Лавуазье, коснувшись ее ладони, одними губами сказал: "Потом".

Девушка кивнула и покачала ногой: "Надо будет взять интервью у Марата для The Times. Он будет ниспровергать основы, звать к бунту, читателям такое понравится. Завтра же ему напишу".

Гостиную наполнил низкий, страстный голос Тео. Марат, взглянув на лицо друга, удивился: "Да что это с ним?". Робеспьер сидел, обхватив колено руками, не отводя глаз от смуглых, раскрасневшихся щек. Она была в платье темно-красного шелка, волосы были перевиты кораллами, к плечу была приколота бархатистая, распустившаяся роза — цвета крови.

Тео закончила арию, закрыв глаза, глубоко, прерывисто дыша. Робеспьер поднялся: "Теперь я вижу, что во Франции может быть только одна королева — мадемуазель Бенджаман".

В подъезде было темно. Констанца, остановившись на нижней ступеньке лестницы, — она была выше Лавуазье, спросила: "Что он хотел от тебя, дядя Джон?"

Лавуазье усмехнулся. Нежно сняв с ее головы парик, поцеловав стриженые, рыжие волосы, мужчина добродушно ответил: "Звал меня переехать в Англию, дорогой месье Констан".

— Очень надеюсь, что ты не согласился, — выдохнула девушка. Почувствовав его медленный, нежный поцелуй, она простонала: "Когда уже, Антуан?"

— Скоро, — он все целовал ее. "Только ты знаешь, Констанца, я говорил тебе — я никогда не оставлю Мари-Анн, не поступлю с ней бесчестно".

— И не надо, — удивилась Констанца. "Я, — она взяла руку Лавуазье и прижалась к ней щекой, — просто хочу быть с тобой, вот и все. С тех пор, как я тебя увидела, — девушка рассмеялась.

— Тебе было семь лет, — Лавуазье вспомнил высокую, рыжеволосую девочку и ее серьезные, темные глаза. Он привлек ее к себе: "Констанца, к тебе приходить опасно — парижане меня все-таки знают в лицо, начнут трепать языками. Подожди, я придумаю что-нибудь..., - он обнял ее, и, подняв на руки, усадив на мраморный подоконник, услышал, как шуршат ее юбки.

Констанца прижала к себе его голову. Раздвинув ноги, она застонала: "Я люблю тебя, люблю!"

— Я тоже, — в свете луны, что пробивался сквозь ставни, его глаза играли серебром. "Я тоже, Констанца, — повторил Лавуазье, обнимая ее, шепча что-то ласковое, неразборчивое, чувствуя под рукой раскаленное, покорное тело.

Они медленно шли по набережной Августинок. Робеспьер остановился под тусклым фонарем: "А ты мне, Жан-Поль, говорил, что эта герцогиня Экзетер — пустоголовая дура, вроде ее подружки, жены Бурбона. Вовсе нет, — он стряхнул пепел: "А этот, герцог — представляет здесь интересы короля Георга?"

— Неофициальным образом, — поднял бровь Марат. "Он много путешествует".

— Ну-ну, — хмыкнул Робеспьер. Достав из кармана сюртука маленький блокнот, он записал туда что-то серебряным карандашом.

— Настанет день, мой друг, — он похлопал Марата по плечу, — когда Франция поднимется с колен и сбросит со своего тела этих иностранных пиявок — всяких там австрийцев, англичан, вроде этого Экзетера...

— Или вообще, — тонкие губы Марата искривились, — людей без рода и племени, выдающих себя за французов.

— Месье Корнель, — Робеспьер поднял бровь. "Не волнуйся, он уже отмечен в моей книжечке. Тем более, — Робеспьер оглянулся и посмотрел на балкон квартиры Тео, где виднелись две фигуры, — он мой соперник, а я такого не терплю. Все, что я захочу, — Робеспьер вскинул голову, — то я и беру себе, будь то власть или женщина.

— Твой соперник, — Марат тонко улыбнулся, — скорее мадемуазель де Лу. Они двенадцать лет вместе живут, эти поклонницы Сафо. В Париже все об этом знают. Но, как ты сам понимаешь, мадемуазель Бенджаман — любимица народа. Она из бедняков, откуда-то из колоний, так что парижане за нее грудью встанут. Вот на нее и не печатают карикатур, как на других.

— Ах, вот как, — протянул Робеспьер, — тогда, Жан-Поль, мне будет еще проще.

— Как? — поинтересовался Марат, но Робеспьер промолчал. Взглянув на башни собора Парижской Богоматери, он добавил: "Там я и обвенчаюсь с мадемуазель Бенджаман, попомни мое слово, Жан-Поль".

— Ты же атеист, — ухмыльнулся Марат и вдруг побледнел — Робеспьер приблизил губы к его уху и шепнул: "К тому времени он уже не будет собором, друг мой".

Медленно, размеренно забил колокол, с черепичных крыш, каркая, сорвалось воронье. Марат, увидев мертвенный блеск голубых глаз — подавил в себе желание перекреститься.

Марта погладила дочь по голове. Поцеловав белокурый затылок, — они лежали рядом, на кровати в детской Элизабет, женщина ласково спросила: "А что тебе дядя Теодор рассказывал?"

— Ой, — девочка зевнула, и притянула к себе поближе маленький, изящной работы, отбойный молоток, — очень интересно, мама. Легенды рудокопов — из Гарца, из Уэльса, из Арденн. Мама, — Элизабет приподнялась на локте, — почему мне нельзя в Итон, как мальчикам? Как Тедди, Майклу и Пьетро. Я бы хотела с ними, вместе быть, как на каникулах…, Почему девочек не берут в школы? — зеленые глаза Элизабет заблестели.

— Когда-нибудь возьмут, — пообещала Марта. "А пока — у тебя ведь есть учителя, — она пощекотала дочь. Та, обняв ее, приникнув головой к плечу, быстро шепнула: "Люблю тебя, мамочка! Папа придет, пожелает мне спокойной ночи?"

— Обязательно, — Марта перекрестила дочь. Элиза зевнула: "Дядя Дэниел вернется еще во Францию? А то я скучаю".

— Посмотрим, — улыбнулась Марта, вспомнив веселый голос мужчины: "Тедди, когда тебе исполнится шестнадцать — жду тебя в Бостонском порту, а оттуда сразу отправимся в Виргинию".

Марта потрепала сына по каштановой голове и подмигнула ему: "Ты только запомни — твой новый американский паспорт должен увидеть нотариус в Вильямсбурге и больше никто".

Тедди ухмыльнулся: "Жаль, а то я, мама, уже собрался всю жизнь на два года старше быть. Ладно, — он вскочил со скамейки парка Тюильри и потянул Дэниела за руку: "Пошли, дядя Теодор нас ждет в Булонском лесу, обещал напоследок на воздушном шаре прокатить!"

Дэниел посмотрел вслед брату. Он тихо сказал Марте: "Одиннадцать лет, а уже — тебя выше. Он на твоего отца похож, очень. Глаза такие же".

— И на своего отца тоже, — вздохнула женщина. "Ничего, Дэниел, ничего, — она улыбнулась и развернула кружевной зонтик, — я же вижу, как он мистера Дэвида напоминает. Землю вы тогда в аренду сдайте, — попросила Марта, — Тедди этот доход пригодится, когда он вырастет. Он же в Америке собирается жить. И ты сам…, - женщина внезапно замялась.

— Нет, — Дэниел помотал русой головой, — это деньги Тедди, я и цента из них не возьму, Марта.

— За могилой я буду ухаживать, — пообещала Марта, когда они уже шли к выходу из парка, — так что не волнуйся. Все же брат ваш, и Тео, — она коротко вздохнула. "Ты письма Горовицам передай, и Мирьям с мужем — тоже. Очень удобно, что ты из Амстердама отплываешь, — Марта улыбнулась, — а то Джону одному было бы скучно туда ехать.

— Мы, как договор мирный подписали, — смешливо заметил Дэниел, помогая ей сесть в карету, — так и сами с его светлостью подружились. Хотя попробуй не подружись, когда по десять часов над одной строчкой споришь. А через Амстердам я еду, потому, что надо открывать наше посольство в Гааге, — Дэниел довольно улыбнулся. Марта радостно сказала: "Поздравляю! Третье уже, в Европе. Чтобы так и дальше было, — велела она.

Тедди высунул нос из-за "Истории падения Римской Империи". Мальчик заинтересованно спросил: "Дэниел, а когда ты будешь послом?"

— Годам к сорока, — развел руками Дэниел. "Через семь лет".

— Жениться бы ему, — подумала Марта, глядя на тонкие морщины у зеленовато-голубых глаз. "Хоть седины нет, как у Питера, и то хорошо. Может, в Америке кого-нибудь встретит, кто по душе ему придется".

Она вышла из детской, и легонько постучала в дверь кабинета. Герцог что-то писал при свете бронзового канделябра.

Марта подошла и ласково положила руки ему на плечи: "Она уже дремлет, наверное. Из Теодора вышла отличная няня. Впрочем, я в этом никогда и не сомневалась".

— Сейчас схожу, пожелаю ей спокойной ночи, — Джон посыпал чернила песком и поцеловал нежную, украшенную синим алмазом руку: "Хорошо, что я с этим месье Робеспьером познакомился. Теперь хоть буду знать, кого опасаться. Лавуазье мне отказал, как я тебе и говорил".

Марта усмехнулась и присела на край стола. "Дорогой мой, если бы императрица Екатерина простила Теодора — его бы завтра уже в Париже не было. Да вот пока об этом ничего не слышно, а рисковать он не хочет. И Лавуазье такой же — никогда не бросит свою страну. Тем более, он обласкан королем, руководит Арсеналом…, А в Лондоне — Пристли и Кавендиш. Они, знаешь ли, тоже — не потерпят, если француз начнет заправлять английской наукой".

— Ну и дураки, — неожиданно зло ответил герцог. "Дураки, они не видят ничего, дальше собственного носа". Он поморщился и, потер виски: "Голова болит. Еще хорошо, что очки не ношу, как Питер".

— Ты иди, — Марта погладила мужа по голове. "Иди, посиди с Элизой, а потом…, - она улыбнулась, и, легко соскочила на пол. "Потом приходи ко мне, — закончила она.

В спальне было прохладно, нежно, неуловимо пахло жасмином. Он лежал, закрыв глаза,

чувствуя, как ее маленькие, сильные руки растирают его спину. "Хорошо, — Джон почувствовал, что улыбается. "Завтра с утра возьмем лошадей, поедем, прогуляемся, все вместе. А то я засиделся над бумагами".

Марта внезапно прервалась: "Ты прав, Джон — о месье Робеспьере. Марат, — она махнула рукой, — это так, словоблуд. А этот, — Марта потянулась и отпила вина из серебряного бокала, — этот месье Максимилиан далеко пойдет, если его не остановят".

Герцог поймал ее за руку и уложил рядом с собой.

— Ничего тут страшного не случится, — ворчливо сказал он, развязывая пояс ее кружевного халата. "Соберутся Генеральные Штаты следующим летом, пошумят, Людовик согласится на парламентскую монархию…Мы с тобой в это время, — он усмехнулся, поворачивая жену к себе, — будем другим делом заняты, дорогая моя. Будем стараться, чтобы получился мальчишка".

— Или девчонка, — Марта одним ловким движением оказалась сверху, и распустила бронзовые, густые волосы. Она наклонилась и Джон, удерживая ее в своих объятьях, рассмеялся: "Девчонка — тоже хорошо. Хотя, я уже дважды дед, не забывай".

— Как тут забыть, — стиснув зубы, уронив ему голову на плечо, ответила Марта, и улыбнулась.

Констанца проснулась от звона колоколов аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Она сладко потянулась, и, откинув шелковую простыню, вскочив, распахнула окно своей комнаты. Золотые кроны деревьев чуть колыхались, синее, чистое осеннее небо простиралось над Парижем.

Она подбросила угля в камин. Поставив на медную треногу кофейник, девушка, как была, обнаженная — устроилась в кресле.

Констанца открыла шкатулку орехового дерева. Взяв письмо, увидев его ровный, изящный почерк, она улыбнулась: "Сочту за честь давать вам уроки химии, — томно сказала Констанца, почесывая коротко стриженый затылок.

— Антуан, — она, на мгновение, прижала бумагу к щеке, вспомнив едкий, щекочущий нос запах кислот, и его веселый голос: "Все правильно, мадемуазель ди Амальфи, поджигайте, не бойтесь. Сейчас она задымится".

Эпсомская соль, насыпанная горкой на металлическую сетку с длинной ручкой, загорелась. Лавуазье легким, точным движением погрузил ее в чан с водой. Констанца увидела яркую вспышку и ахнула.

— Тут есть металл, несомненно, — заметил химик. "Месье Корнель привез мне образцы магнезита из Штирии и Силезии — это, — он указал на мокрые, обгоревшие остатки соли, — и магнезит — близкие родственники. Надо подумать, как его выделить, — он вздохнул. Констанца посмотрела на сильную, покрытую шрамами руку: "Месье Лавуазье, я даже не знаю, как вас благодарить, за то, что вы согласились со мной заниматься. Для меня это очень, очень важно".

— Ну, — Антуан все смотрел на нее. Констанца подумала: "У него шрам на лбу, под волосами. Почти не заметно, конечно. Это после какого-то взрыва в лаборатории, дядя Теодор мне рассказывал".

— Ну, — повторил Лавуазье, улыбаясь, — мне тоже, мадемуазель ди Амальфи, приятно, когда о производстве, о химии — пишет человек, который в этом разбирается.

Констанца захлопнула свою тетрадь, и, смело взглянула в его синие глаза: "Мне это важно, месье Лавуазье, потому, что я вас люблю, и хочу быть рядом с вами — всегда".

Он не поцеловал ее сразу, — он подпер кулаком подбородок, и уселся на краю большого, заваленного бумагами, заставленного ретортами стола: "Я ведь женат, Констанца. Мари-Анн со мной уже семнадцать лет, она мой ассистент, мой помощник…, я никогда не уйду от нее. Ты должна это знать, — Констанца заметила на его лице какую-то горькую, мимолетную тень. Тряхнув головой, оправив сюртук, девушка взяла его за руку.

— Я все понимаю, Антуан, — она поцеловала следы от ожогов, каждый, медленно проведя губами по его руке, — все понимаю, и никогда не попрошу у тебя больше того, что ты решишь мне дать. Констанца подняла голову. Он, притянув ее к себе, усмехнулся: "Я тебя почти на голову ниже, между прочим".

— Это, — ответила девушка, обнимая его, — вовсе не препятствие, мой любимый гений.

Констанца выругалась — бурая жидкость вырвалась из-под крышки кофейника и потекла в камин. Она схватила из корзины ношеную льняную рубашку. Сняв кофейник с огня, налив полную чашку, девушка блаженно задрала ноги на стол.

— Яйца, — хмыкнула Констанца, глядя на оловянную кастрюльку, что стояла на каменном полу комнаты, у камина. "Яйца у меня неплохо стали получаться, всего три кастрюли пришлось выбросить".

Она подтянула к себе поближе шкатулку для сигар. Закурив, отхлебывая горький, густой кофе, Констанца взяла свой блокнот. "Дорогой месье Констан, — читала она письмо, — я с удовольствием изложу свои мысли для читателей The Times. Прилагаю свой перевод "Оптики" Ньютона на французский язык. Уверен, что он вас заинтересует. Жду вас в четверг, 12 октября, у себя в комнатах, рю д’Анжу Дофин,6, третий этаж. Приходите после завтрака. С искренним уважением, Жан-Поль Марат".

Констанца полистала "Оптику". Зевнув, она записала в своем блокноте: "Спросить у него об опытах с преломлением света в мыльных пузырях".

— А вообще, — она потянулась и прошла в чулан, пристроенный сбоку от комнаты, — вообще надо, чтобы он звал к бунту, обещал пролить кровь монархов…, Читатели от такого придут в восторг. Констанца вылила воду в медный таз. Взяв кусок миндального мыла, поежившись, она опрокинула на себя еще одно ведро.

— Рю д’Анжу Дофин, — пробормотала она, выходя из подъезда, посылая воздушный поцелуй какой-то девчонке, что мела мостовую перед только открывшимися дверями лавки. "Тут совсем недалеко. У тети Марты отлично кормят по утрам. Дядя Джон не может жить без бекона, и кровяной колбасы. У них и позавтракаю".

Констанца, насвистывая, свернула к рю Мобийон. Девчонка, так и стоя с метлой в руках, с тоской посмотрела вслед красивому, высокому, стройному юноше, в безукоризненном, темно-синем сюртуке.

Дверь квартиры на набережной Августинок приоткрылась. Невысокий, крепкий, коротко

стриженый человек, неприветливо сказал, оглядывая Робеспьера с головы до ног: "Просители принимаются по расписанию, вывешенному у подъезда. Извольте спуститься и ознакомиться, месье".

В передней было тихо, пахло розами. Робеспьер увидел, как второй охранник, — близнец первого, — опустив газету, внимательно его рассматривает.

— Я к мадемуазель де Лу, — обаятельно улыбнулся Робеспьер, — я был тут в гостях, на прошлой неделе, и обещал ей принести почитать свою рукопись. Меня зовут Максимилиан Робеспьер, депутат Генеральных Штатов, из Арраса. Вот моя визитная карточка, — он протянул квадратик атласной бумаги. Дверь захлопнулась с обещанием: "Ждите".

— Из Арраса, — вздохнул Робер. Франсуа сварливо сказал: "Следующим летом они все сюда, понаедут, провинциалы. Хотя этот, — он кивнул на дверь, — видно, что в Париже пожил. В его Аррасе ему бы сюртук так не сшили. Обыскать его надо будет, не нравится мне его лицо, — Франсуа поднялся и вразвалочку пошел в гостиную.

Жанна сидела на бархатной кушетке у окна, с вышиванием в руках. Легкий ветер шевелил белокурый локон на виске. Она подобрала под себя маленькие, в домашних, сафьяновых, цвета лаванды туфлях, и шепотом считала стежки.

— Оставь, — как всегда, сказал себе Франсуа. "Брось, даже и не думай о ней. Ты кто такой? Бывший вор, убийца, а теперь — охранник. Хорошо еще, что читать и писать умеешь, а к мадемуазель Жанне депутаты ходят. Не для тебя она".

— Мадемуазель Жанна, — он откашлялся, — там к вам месье Робеспьер пришел, принес рукопись почитать, как он говорит. Звать его? — Франсуа протянул ей визитную карточку. Жанна, отложив вышивание, кивнула.

— У него глаза красивые, — подумала Жанна, когда Робеспьер склонился над ее рукой. "Как у Питера, только светлее. Как небо. Одевается он очень изысканно, сразу видно, отличный портной на него шьет".

— Мадемуазель Бенджаман отдыхает, она после спектаклей только к обеду встает, — улыбнулась Жанна. "Спасибо, месье Робеспьер, что нашли время зайти".

— Что вы, — он устроился на стуле и протянул ей несколько перевязанных бечевкой тетрадей. "Вот моя статья, о будущем государственном устройстве Франции. Я был бы очень рад, если бы вы прочли ее и высказали свое мнение, мадемуазель де Лу".

Жанна покраснела: "Но я в этом совсем не разбираюсь, месье Робеспьер".

— Мне важно знать, что вы думаете, мадемуазель де Лу, — упрямо сказал он, не отводя от нее глаз. "Важно, потому что..., - Робеспьер махнул рукой и пробормотал: "Впрочем, вам это неинтересно. Я могу надеяться? — он все смотрел на нее — просительно, умоляюще. "Что вы прочитаете?"

— Конечно, — Жанна, потянувшись, взяла с кушетки красивый, в вышитой обложке, блокнот. "Приходите в пятницу к завтраку, месье Робеспьер, — попросила она, — но, к сожалению, мадемуазель Бенджаман на три дня уезжает в Версаль, по приглашению их величеств. Вы не сможете с ней увидеться".

— Я смогу увидеться с вами, — коротко ответил Робеспьер. Поцеловав ее руку, мужчина

вышел. Жанна прижала ладонь к горящей щеке: "Да что же это? Неужели я ему нравлюсь? Господи, да не может быть такого, он депутат, писатель, а я кто?". Она вздохнула. Повертев в руках вышивание, женщина ласково проговорила: "Месье Максимилиан. Красивое имя".

— Отлично, — похвалил себя Робеспьер, спускаясь по лестнице. "Пара завтраков, пара встреч в саду Тюильри — и можно приглашать мадемуазель Жанну на чашку кофе. Только с Жан-Полем надо договориться, и в комнатах прибрать, — он поморщился, вспомнив холостяцкое, пропахшее табаком запустение. "Уложить ее в постель, пусть она забеременеет, тогда мадемуазель Бенджаман выгонит ее на улицу, как блудливую кошку. Туда ей и дорога, — Робеспьер вышел на набережную Августинок и обернулся — женщина, стоя на балконе, махала ему рукой.

— Можно не улыбаться, — холодно решил он, — все равно далеко, не увидит.

Он помахал в ответ, и усмехнулся: "Выгонит, конечно. И будет лечить разбитое этой дрянью сердце. Я как раз и предложу мадемуазель Тео лучшее лекарство".

Он посмотрел на громаду дворца Тюильри на той стороне реки и твердо сказал: "Так и будет".

— Месье Марат, — юноша закрыл свой блокнот, — спасибо вам за интервью, дня через два я его пришлю на утверждение.

Констанца оглядела неуютную, с высокими, белеными потолками комнату и улыбнулась: "Я был бы вам очень благодарен, если бы вы дали мне почитать гранки той статьи, о которой вы говорили — преломление солнечного света. Читатели всегда заинтересованы в оптике, — она посмотрела на мужчину искренними, большими, темными глазами.

— Красивые у него глаза, как у той, — Марат почувствовал, что краснеет, — мадемуазель ди Амальфи.

— Они у него, наверняка, в библиотеке, — холодно подумала Констанца, дымя сигаркой. "Вот и славно, пока он будет за ними ходить, я посмотрю — что там за письма у него лежат. Он осторожен, ничего опасного не говорит. Наверняка, там, — она незаметно взглянула на стол, — все это есть.

Едва Марат вышел, девушка легко, неслышно вскочила и открыла папку испанской кожи. Наверху лежал листок бумаги. Она, бросив на него один взгляд — расплылась в улыбке. "Просит мадемуазель ди Амальфи о встрече, — хмыкнула Констанца, вернувшись в свое кресло.

— Отлично. Поводим за нос месье Марата, вотремся к нему в доверие, можно даже позволить пару поцелуев, — и мне удастся узнать о планах радикалов по свержению монархии. Газета за такой материал меня озолотит.

Марат проводил журналиста. Вернувшись в кабинет, он повертел в руках письмо. "Мадемуазель Констанца из богатой семьи, — он вспомнил роскошное платье девушки. "Родственница герцога все-таки. И она молода, не знает жизни. Ее соблазнить — легче легкого. Еще лучше — если она забеременеет. Жениться, получить приданое..., - Марат, на мгновение, закрыл глаза:

— Тогда я смогу издавать свою газету. "Друг народа", — вот как я ее назову. Наконец-то я получу свою трибуну, и революция — тоже.

mir-knigi.org

Он огладил перед мутным зеркалом темные, побитые сединой, волосы и улыбнулся: "А все мои враги — станут врагами народа. В первую очередь, — он подмигнул себе, — месье Корнель".

Констанца облокотилась на деревянный прилавок тира, и вскинула пистолет: "Я отлично стреляю, месье Жан-Поль, сейчас вы в этом убедитесь".

В Булонском лесу было людно, по усыпанной мелким гравием дорожке ехали роскошные экипажи. Констанца прицелилась: "Еще не хватало, чтобы тетя Марта с Элизой меня увидели, с этим..., - она смахнула со лба прядь белокурых волос, что выбилась из высокого парика, — и выстрелила.

— У мадемуазель очень верный глаз, — одобрительно сказал хозяин тира. "Пожалуй, даже вернее, чем у месье, — ухмыльнулся он.

— Тут мы с Иосифом и стреляли, — вспомнил Марат. "Как это он мне написал: "Я не считаю революцию панацеей от всех бед, и не собираюсь в ней участвовать. Я врач, и давал клятву лечить людей, а революций без крови не бывает. Слабак, — Марат поморщился. "Тем более он в Америку уезжает, на год, а то и больше. Да и вообще, жена, дети — все это отвлекает от исполнения долга перед народом".

Он посмотрел на стройную, в синем шелке, спину Констанцы и поправил себя: "Конечно, если муж действительно глава семьи, то он заставит своих домочадцев ему подчиняться. Это как государство — его лидеры должны действовать сильной рукой, и не бояться жестких мер. Народ не знает своего блага, его нужно привести к процветанию, — Марат усмехнулся и достал блокнот. "Надо это записать, пригодится".

Констанца обернулась и капризно велела: "Теперь ваша очередь, месье Марат, докажите, что вы мужчина".

— Я тебе докажу, — усмехнулся он, принимая пистолет. "Докажу так, что ты и опомниться не успеешь, как окажешься с кольцом на пальце. А я — с твоими деньгами в кармане. Венчаться придется в провинции, в Париже как-то неудобно, у меня репутация атеиста. Ничего, — он тремя точными выстрелами сбил мишени. Констанца восторженно захлопала в ладоши.

Они вышли из тира, в яркий, свежий осенний день. Констанца покрутила на плече зонтик из темно-синих, в тон платью, кружев. Парик украшали серебряные, с бирюзой гребни. Марат подумал: "Странно, она следует моде, а до сих пор носит парики. Мы уже вторую неделю встречаемся, я же вижу — это не ее волосы. Должно быть, болела, и остригла их".

— Месье Марат, — небрежно сказала Констанца, — а почему вы враждуете с месье Корнелем? Мы позавчера играли в карты, у ее светлости герцогини Экзетер. Там был месье Лавуазье, он об этом упоминал.

— Вру, конечно, напропалую, и не краснею, — хмыкнула про себя Констанца. "Просто интересно — упомянет ли он о том, что ездил в Амьен и Льеж — подбивать рабочих на забастовку, или уклонится, не станет об этом говорить".

Марат хмыкнул и взял ее под руку: "Видите ли, мадемуазель ди Амальфи, — загадочно начал мужчина, — я не люблю, когда люди, называющие себя учеными — лицемерят. Месье Корнель одной рукой выпускает статьи, в которых отрицает то, чему учит Библия..."

— Вы и сами — это отрицаете, — дерзко заявила Констанца. "Я читала ваши заметки, месье

Марат, вы же настаиваете на отделении церкви от государства".

Мартат усмехнулся. "Но я не получаю золота от иезуитов, мадемуазель ди Амальфи. А месье Корнель — это между нами, разумеется, — он оглянулся, — лучший друг отца Анри, из церкви Сен-Сюльпис, представителя ордена в Париже. Месье Корнель ездил в Рим. Говорят, он работал в библиотеке Ватикана!"

— Ну, — Констанца сморщила нос, и, нагнувшись, подобрала с дорожки золотой, сухой лист дуба, — мало ли кто чей друг, месье Марат. А уж работать в библиотеке — так вообще все ученые поступают.

— Вы просто очень молоды, тем более — приехали из Англии, — покровительственно улыбнулся мужчина, — у вас там не знают, что это за хитрая и коварная змея — иезуиты. У меня дома, — он откашлялся, — есть кое-какие документы. Там черным по белому написано, что месье Корнель у них на содержании.

— Никаких бумаг у него, конечно, нет, — холодно подумала девушка. Она вспомнила, как, проходя мимо кофейни Прокопа, под руку с Мартой, увидела знакомую, рыжую голову. Дядя Теодор сидел, привольно раскинувшись, дымя сигарой, подставив загорелое лицо сентябрьскому солнцу. Констанца увидела его соседа — кругленького, толстенького аббата в сутане. Улыбнувшись, она тихо спросила женщину: "Это и есть тот самый отец Анри, что торговал папиной статьей о вариационном исчислении? Папа мне рассказывал".

Марта едва заметно кивнула. Не разжимая губ, женщина ответила: "Отец тебе говорил, кто поставил свое имя под его текстом?"

— Угу, — хмыкнула Констанца.

— Дядя Теодор, — Марта свернула за угол, и заговорила громче, — этого Марата под пистолетом заставил признаться в плагиате. Ты будешь среди ученых вращаться, среди газетчиков — будь с ним осторожнее. А дядя Теодор, — женщина улыбнулась тонкими губами и вскинула бровь, — давний друг ордена. Ты меня понимаешь?"

Констанца только ближе прижалась к теплому боку Марты: "Конечно. Можете на меня полагаться, тетя Марта, я никому ничего не скажу".

Она вспомнила осенний лес в Венсенне, маленькую, хрупкую женщину в мужской одежде и ее спокойный голос: "Руки за голову, мерзавец, я стреляю без промаха".

— Тетя Марта, — ласково сказала Констанца, — а ведь вы меня спасли тогда, от маркиза. Меня и тетю Тео. И племянницу дяди Теодора спасли, мне тетя Тео говорила".

— Просто сделала то, что должен был сделать любой порядочный человек. А тетю Тео — месье Корнель спас, — Марта нежно рассмеялась, — он бы не позволил кому-то другому это сделать, дорогая моя. Вот мы и пришли — она остановилась перед светло-зеленой дверью с изящной табличкой: "Мадам Варенн, моды и платья".

— Лучшая портниха города, — заметила Марта и постучала медным молотком.

— Я бы мог показать вам эти бумаги, — темные глаза Марата блеснули. Констанца, нарочито смущаясь, опустила ресницы: "Не знаю, месье Марат, все-таки неприлично, когда девушка навещает холостого мужчину, в одиночестве. Лучше отвезите меня к ее светлости герцогине Экзетер, она меня ждет".

— Это по дороге, — уверил ее Марат, подсаживая девушку в карету. "Я живу на Рю д’Анжу Дофин, совсем рядом с рю Мобийон".

— Я знаю, — чуть не сказала вслух Констанца.

— Я вам покажу документы, в передней, — Марат устроился на бархатном сиденье кареты, — и сразу же поедем к вашей тетушке.

Он вдохнул горьковатый, кружащий голову запах цитрона. Констанца заметила, как он исподтишка разглядывает вырез на ее платье, белую, украшенную бирюзовым ожерельем, кожу: "Начнет приставать. Ничего страшного. Пусть пару раз поцелует. Я смогу у него, потом попросить действительно секретные документы. Он, конечно, неприятный человек, но чего не сделаешь ради хорошей статьи".

Она повертела острым носком туфли и надула губы: "Хорошо, только ненадолго, месье Марат, тетя будет волноваться".

— На пять минут, мадемуазель, на пять минут, — он откинулся на сиденье и сцепил смуглые, узловатые пальцы.

В передней было полутемно. Констанца, вдохнув запах табака, и пыли, усмехнулась: "Как видно, тут давно не убирали, когда я сюда месье Констаном приходила — такое же запустение царило вокруг".

— Они у меня в кабинете, — вежливо сказал Марат. "Бумаги. Там светло. Проходите, мадемуазель, — он пропустил ее вперед. Констанца невинно спросила: "Сюда?", указав на полуоткрытую дверь. "Именно так, — согласился Марат, нащупав в кармане сюртука связку ключей.

Девушка, высоко вскинув голову, оглядела кабинет и зачарованно проговорила: "У вас так много книг!"

Он неслышно запер замок, и обнял ее за талию: "Много, мадемуазель, много".

— Оставьте меня! — возмутилась Констанца и вскрикнула — он заломил ей руку за спину, в плече что-то хрустнуло, и она почувствовала быстрые слезы у себя на глазах.

Констанца вспомнила низкий сарай, сено, что кололо ей ноги, и горячие капельки слюны у себя на лице. "Не ломайся! — услышала она требовательный голос и похолодела: "Парик. Нельзя, чтобы он видел мои волосы, он меня узнает".

Марат повернул ее к себе и, целуя, стал подталкивать к дивану. "Не трогайте меня! — крикнула Констанца и ахнула, схватившись за щеку. "Да как вы смеете!"

— Приходит к мужчине, — Марат прижал ее своим телом к подушкам, — одна, дразнит его…,

Констанца почувствовала его руку у себя между ног, и, застыв, велела себе не двигаться. Она так и лежала, — с задранными до пояса юбками, отвернув голову, глядя на паутину, что висела над пыльным шкафом.

— Уже не девственница, — удивился Марат. "Ничего, когда получится ребенок — сама ко мне прибежит, на коленях будет умолять жениться на ней. А я еще поломаюсь, — он рассмеялся. Констанца измученно закрыла глаза.

Это было долго, очень долго, — она потеряла счет времени. Потом, встав, оправив платье, сомкнув испачканные ноги, чувствуя в себе горячее, липкое, чужое, она холодно сказала: "Я убью вас". Девушка вышла, хлопнув дверью.

Марат устроился на спине. Закурив, блаженно улыбаясь, он хмыкнул: "Все так говорят".

Констанца сидела, зажав руки между коленей, глядя на потухший камин. На столе колебалось пламя свечи, в окне, над крышами Парижа играл яркий, золотой закат. Она и не помнила, как добралась до своей комнаты — помнила только яростно сорванное платье, что лежало сейчас в углу, и, то, как она, согнувшись, стоя в тазу, скребла себя грубой щеткой.

— Я все правильно сделала, — сказала себе девушка, подняв голову, затянувшись сигаркой. "Если бы он меня узнал, он бы стал меня шантажировать, наверняка. Это Антуан, — она поморщилась и вздохнула, — Антуан считает, что женщины могут заниматься наукой, писать в газетах…Антуан и Лагранж, он тете Марте преподает, а остальные — остальные, узнав, что я женщина, и на порог своих лабораторий бы меня не пустили. Тем более не стали бы мне давать интервью".

— Какая косность, — горько подумала Констанца. "Женщина может по двенадцать часов в день толкать под землей вагонетки, и не может напечататься в газете. Даже Изабелла под инициалами выставлялась".

Она поднялась, и, выпустив дым, присела на подоконник.

— Месье Марат пожалеет, что на свет родился, — спокойно подумала Констанца. "Только никому, ничего нельзя говорить — ни дяде Теодору, ни дяде Джону, ни уж, тем более, Антуану. Незачем из-за этой мрази рисковать жизнями хороших людей. Они же, наверняка, узнав о таком, вызовут его на дуэль. А если…, - она замерла, и, помотала головой: "Не обманывай себя. Ты же все знаешь. Ты не зря с тетей Эстер и ее книгами росла, не зря дядя Питер разрешал тебе брать любые тома из библиотеки. Ты все знаешь, Констанца. У тебя может быть ребенок. Это же было не так, как с дядей Теодором…, - она всем телом, вспомнила темную комнату, и его нежный, тихий шепот: "Тео, любовь моя, счастье мое, наконец-то, я не верю, не верю…"

Констанца вытерла слезы с глаз и неожиданно для себя самой улыбнулась: "Хорошо, что я у Изабеллы не стала спрашивать — что в таком случае делать".

В спальне пахло розами. Изабелла сидела, подвернув под себя ноги, на шелковых подушках, разбросанных по полу. Она затянулась кальяном, и, передав наконечник слоновой кости Констанце, — разлила по бокалам остатки вина.

— И ты до двадцати семи лет не знала — откуда дети берутся? — зачарованно спросила Констанца, раскуривая кальян.

Изабелла выпила, и хихикнула: "Откуда мне было, дорогая? Отец умер, как мне еще пятнадцати не исполнилось. Пьетро священником был, и в любом случае — мы не встречались, как он обеты принял, а на статуях не нарисовано — что там у них внутри. В Марокко, как ты знаешь, я, кроме папы — десять лет вблизи никого не видела".

— Ну, — протянула Констанца, — ты же могла, например, в библиотеку сходить, взять книгу, почитать…

Изабелла горько усмехнулась: "Это дядя Питер тебе разрешал читать, все, что ты хотела.

Пойди, попробуй, в библиотеку Британского музея, в платье. До сих пор женщинам не все книги выдают. А ты у тети Эстер даже анатомический атлас видела, и названия мышц на латыни выучила".

Констанца положила руку в маленькую ладонь мачехи: "Так тебе папа рассказал, о детях?"

Изабелла кивнула и, подвинувшись, обняла ее. "А тебе и рассказывать ничего не надо, видишь, — шепнула женщина, — ты все сама знаешь".

Констанца все сидела, глядя на медленно затухающий закат, вдыхая ветер с реки. Вокруг шпилей аббатства кружились птицы, забили колокола, и она услышала, как откликается им звонница церкви Сен-Сюльпис.

— Все да не все, — девушка сплела пальцы. "Может случиться так, что понадобится, — она поискала про себя слово, — избавиться от этого. Через пару недель станет понятно. А куда идти? — Констанца посмотрела на пустынную улицу внизу. "Тетя Тео и тетя Жанна о таком и не слышали, наверное. Они и замужем никогда не были, и детей у них нет. Остается тетя Марта, — девушка тяжело вздохнула. "Она добрая, она поймет".

— Все, — приказала себе Констанца, вставая, усаживаясь за стол. Она взяла тетрадь и тут же, брезгливо, выпустила ее из рук.

— Надо закончить статью, — сквозь зубы сказала Констанца. "Расшифруешь, напишешь и пошлешь ему на согласование. Было бы хорошо еще раз к нему прийти, месье Констаном, но я не могу, не могу, — она уронила голову на стол и коротко, по-звериному, взвыла.

Успокоившись, она очинила перо. Окуная его в серебряную чернильницу, Констанца стала быстро писать: "Народный трибун, глашатай нужд рабочих масс, месье Жан-Поль Марат встретил вашего корреспондента в своей скромной, заполненной книгами квартире. "Стыдно окунаться в роскошь, когда бедняки Франции голодают, — сказал мне месье Марат…."

Констанца закинула голову назад, стараясь не закапать слезами бумагу. Подышав, сглотнув, она продолжила работать.

Двери лаборатории были заперты. Лавуазье, усевшись на стол, прижав к себе Констанцу, озабоченно спросил: "Что случилось? Ты сегодня сама не своя. Дома что-то, в Англии?"

— Сказать ему, — подумала Констанца, уткнувшись лицом в его крепкое плечо. "Не смей, ты видела, как тот подонок стреляет. Антуан посчитает своим долгом вызвать его на дуэль, нельзя рисковать жизнью великого человека".

— Устала, — она почувствовала его руку, что поглаживала ее рыжие волосы, и обняла его: "Устала, много работы. Только интервью с Маратом доделала, как пришло письмо от Уолтера, моего редактора — читатели хотят видеть серию статей о достижениях промышленности. Так что я еду на фарфоровые мануфактуры — в Севр и Лимож".

— Я тебе дам рекомендательные письма, я знаю тамошних директоров, — Лавуазье нежно поцеловал ее. Констанца, потрепав его по белокурой, коротко остриженной голове, развязывая пояс своего холщового передника, улыбнулась: "Я через две недели и вернусь уже, Антуан".

— Я буду скучать, — Лавуазье посмотрел в темные, большие глаза: "Господи, а я ведь и вправду люблю ее, эту девочку. Констанцу. И Мари-Анн — тоже люблю. Вот же угораздило, на старости

лет".

— Иди сюда, — велел он, и, поднес ее руку к губам: "Потом мы сможем уехать, Констанца. Дня на три, в деревню, на Сене. Там совсем глухое место, нас там никто не узнает. И тогда..., - он ощутил прикосновение ее нежных губ и шепнул: "Ты даже на вкус, как чернила. Опять перья грызла".

— И тогда все будет хорошо, — твердо сказала себя Констанца, целуя его. Она посмотрела на сланцевую доску, — названия химических элементов были написаны в столбик, таблицей, и спросила: "Что это?"

Лавуазье покраснел и махнул рукой: "Так, бесплодные попытки как-то их классифицировать, выстроить..., Пока ничего не получается".

— Получится, — уверенно сказала Констанца, отгоняя от себя то, что вставало перед глазами, — смуглое, искаженное лицо, и его шепот: "Не ломайся, ну!"

— Непременно получится, Антуан, — повторила она, замерев в его руках, не двигаясь, слыша, как бьется его сердце.

Жанна сняла шелковую, с большими полями, украшенную цветами шляпу. Встряхнув белокурыми локонами, оглядевшись, женщина улыбнулась: "У вас очень мило, месье Робеспьер. Только табаком пахнет, — она сморщила нос.

В гостиной, — с натертым, блестящим паркетом, — было чисто, ветер из раскрытого окна чуть шевелил вышитое покрывало на кушетке.

Мужчина развел руками: "Я стараюсь курить поменьше, но, сами понимаете, за работой не всегда получается. От вас фиалками пахнет, мадемуазель де Лу, — он все смотрел на нее, — это мой любимый запах. Моя матушка их выращивала, фиалки. Она умерла, когда мне шесть лет исполнилось, — он погрустнел и добавил: "У нас в Аррасе был домик, прямо на реке, и очень красивый сад. Я до сих пор помню, как матушка срезала цветы, у нас они всегда в гостиной стояли".

— Как тут, — тихо сказала Жанна, указав на фарфоровую вазу на камине. "Тоже фиалки, месье Робеспьер. Спасибо вам".

— Питер мне не дарил цветов, — вспомнила она. "Месье Корнель каждую неделю Тео белые розы присылает, а мне — никто никогда не дарил цветов. Только Максимилиан".

Они встречались почти каждый день — ненадолго, в саду Тюильри, Робеспьер приносил ей книги. Они сидели на скамейке, ветер играл его волосами, голубые глаза смотрели на нее — тоскливо, отчаянно. Потом он спохватывался и краснел: "Не обращайте внимания, я просто..., Не обращайте внимания, мадемуазель де Лу"

— Просто Жанна, — как-то попросила она, положив маленькие пальцы на рукав его сюртука. "Мы же с вами друзья, месье Робеспьер".

— Друзья, — неожиданно горько ответил мужчина и тут же тряхнул головой: "Простите. Я счастлив хотя бы этим, мадемуазель де Лу, и не жду большего".

— Давайте, я сварю кофе, — предложила Жанна. "Вы только покажите мне, где кухня".

— Что вы, — рассмеялся Робеспьер. "Я всю жизнь провел в одиночестве. Умею и кофе варить, и готовлю неплохо. Если бы вы приехали ко мне в Аррас, я бы угостил вас нашей едой, у нас кухня отличается от той, что в Париже".

— Я знаю, — оживленно сказала Жанна. "Я делаю фламиш, это ваш пирог, с луком-пореем и сыром. Мадемуазель Бенджаман такого не ест, из-за фигуры, а мне он нравится. Еще у вас отличная баранина, от тех овец, что у моря пасутся, цветная капуста и артишоки".

— И не заткнешь ведь ее, — устало подумал Робеспьер. "Господи, как мадемуазель Бенджаман такое терпит, я уже на третий день был готов ее задушить. Ничего, скоро моя королева избавится от этой простушки, такой действительно — только пирогами на улице торговать. Хорошенькая, но дура дурой. Скорей бы уже уложить ее на спину. Надеюсь, в постели она не такая болтливая. Там я ей просто не дам рта раскрыть, — он подавил усмешку и ласково сказал: "Моя матушка готовила фламиш, мне он тоже очень нравится".

— Я вам испеку, — радостно пообещала Жанна.

Когда они уже сидели за столом, и девушка разливала кофе в серебряные чашки, Робеспьер вдруг сказал, глядя на ее нежные, молочной белизны пальцы:

— Знаете, мадемуазель де Лу, как моя матушка умерла, отец нас бросил, я его и не видел после этого. Я ведь незаконнорожденным был. Мои родители поженились уже после того, как я родился. Потом меня и брата — бабушка растила, — он чему-то рассмеялся. "Я всегда хотел, чтобы у меня была семья, — любимая женщина, много детей — мальчиков и девочек. И сад с фиалками, и дом на реке, — добавил он, и обвел рукой гостиную. "А вместо этого живу один".

— Три дня квартиру убирал, — смешливо подумал Робеспьер. "Жан-Поль такую грязь развел, даже шлюху сюда стыдно было бы привести. А он приводил, и не шлюху — не зря я в кабинете серебряную шпильку нашел. Светская дама. Есть такие, любят пощекотать себе чувства, отдаться революционеру. Ничего, когда мы придем к власти — отправим всех этих аристократок, во главе с австриячкой, в тюрьму. Там им достанет посетителей".

Он вспомнил зеленые глаза, бронзовые, пышные волосы: "Герцогиня Экзетер — там же закончит. Надо будет издать указ о лишении иностранцев гражданских прав во Франции и конфискации их имущества. После того, как головы Бурбонов покатятся с эшафота".

— Один, — грустно повторила Жанна. Робеспьер, ласково поглядел на чуть заметный румянец на белых щеках женщины: "Иногда хочется возвращаться не в пустые комнаты, а домой, к теплому очагу, к той, которую любишь, которая рада тебя видеть, к детским улыбкам…, Да что там говорить, никогда такого не будет".

Жанна повертела чашку. Женщина робко спросила, опустив темные, длинные ресницы: "Почему?"

— Пора, — велел себе Робеспьер. "Зарделась, и дышит часто. Заодно и развлекусь — бесплатно и безопасно. У нее, если и был мужчина, то, наверняка, очень, давно".

Он поднялся. Пройдя к окну, глядя на дом, напротив, на Рю д’Анжу Дофин, Робеспьер вздохнул: "Например, вы, мадемуазель де Лу. Подождите, — попросил он, — не прерывайте меня. Я, казалось бы, смелый человек, на дуэлях дрался, а, глядя на вас — сразу все бесстрашие теряется. Я, чтобы это сказать, — он помолчал, — недели две с духом собирался".

— Мадемуазель де Лу, — страстно продолжил Робеспьер, — что я вам могу предложить?

Юрист, депутат Генеральных Штатов, даже деньги у меня кое-какие есть, семейные. Вы привыкли к театру, к блеску. Вокруг вас, — я же видел, — актеры, художники, ученые, дворяне, в конце концов. Вы и сама дворянка.

Жанна махнула рукой: "Что вы, месье Робеспьер, одно имя, больше ничего. Денег у нас в роду никогда не было".

— А я — третье сословие, буржуа, — он стоял, засунув руки в карманы сюртука. Жанна вздохнула: "Как жалко его. У Питера хотя бы сын есть, приемный, и вообще — мы все родственники, а у Максимилиана никого нет".

— Так вот, — упрямые, голубые глаза твердо посмотрели на нее, — как я могу посметь объясниться вам в любви, Жанна? Закончат заседать Генеральные Штаты, я вернусь к себе в Аррас, к жизни провинциального судьи. По вечерам буду играть сам с собой в шахматы, читать, а в воскресенье, после церкви — ловить рыбу в нашей Скарпе.

— Отлично я о церкви ввернул, — похвалил себя Робеспьер. "И молодец, что удерживался от атеизма в разговорах с ней — она крестик носит. Наверняка, уже спит и видит, как мы стоим на коленях у алтаря, держась за руки. Имена детям тоже придумала, гусыня, глаза как заблестели".

— И, кроме рынка, — с горькой усмешкой закончил Робеспьер, — мне там некуда будет вас пригласить, Жанна.

Она тоже встала. Подойдя к нему, потянувшись — Робеспьер был чуть выше, — Жанна прикоснулась губами к его виску: "Пригласите меня, Максимилиан, — тихо попросила женщина. "Пригласите на рынок".

Он опустился на колени. Прижавшись лицом к ее рукам, Робеспьер почти неслышно спросил: "Так я могу..., могу надеяться, Жанна?"

— Да, — выдохнула женщина, и оказалась вся в его объятьях. "Надо Тео сказать, — решила Жанна, улыбаясь, нежась под его поцелуями. "Она поймет, не может не понять. Мы уедем в Аррас, у нас будет дом, детки..., Господи, как хорошо. Мне ведь уже двадцать восемь, так хочется, — она застонала, и попросила: "Еще!", — так хочется семью..."

— Нельзя ее отпускать без постели, — подумал Робеспьер. "Еще, чего доброго, начнет разыгрывать из себя скромницу. Окажется из тех, кто без кольца на пальце ног не раздвигает. А мне надо — чтобы раздвинула, и не один раз. Об этом я позабочусь".

— Жанна, — прошептал он, вдыхая запах фиалок. "Жанна, любовь моя, пожалуйста, не мучай, не мучай меня, я даже дня не могу без тебя прожить".

— Питер так же говорил, — вспомнила женщина. Отогнав от себя эти мысли, обнимая его, чувствуя, как лихорадочно бьется ее сердце, Жанна кивнула. Голубовато-серый шелк юбок зашуршал, Робеспьер подхватил ее на руки и незаметно улыбнулся: "Не зря я новые простыни купил, вот сейчас они и пригодятся".

Потом она лежала, целуя его плечо, прижимаясь щекой к его щеке. "Ты кричала, — нежно сказал Робеспьер, прижимая ее к себе, прикасаясь губами к большим глазам. "Спасибо, спасибо тебе, любовь моя".

— Было так хорошо, — выдохнула Жанна. "Как в раю, Максимилиан". "И правда, — поняла она,

отвечая на его поцелуи, — сейчас все по-другому. По любви. Я же чувствую, я вижу. С Питером — это просто от одиночества случилось, вот и все. Не вспоминай о нем, у тебя будет муж, будут дети…"

Он что-то шепнул ей на ухо. Жанна покраснела: "Что ты, рано об этом думать".

— А я хочу, — улыбнулся Робеспьер, положив руку на плоский, нежный живот. "Хочу много детей, счастье мое. Мою маму звали Жаклин, а твою — Аннет, я помню, ты говорила. Анна-Жаклин Робеспьер, будет очень красиво".

— А если мальчик? — смеясь, обнимая его, спросила Жанна.

— Мишель-Максимилиан, — уверенно ответил Робеспьер. "В честь твоего отца, а Максимилианами у нас в семье всех старших сыновей называют. А следующим месяцем, — он поцеловал маленькую грудь, и Жанна, потягиваясь, перевернулась на бок, — следующим месяцем и обвенчаемся, счастье мое. У нас, в Аррасе, в той церкви, где меня крестили".

— Да! — она скомкала шелковую простыню, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. "Да, я люблю тебя, люблю!".

Потом она задремала, уютно посапывая, держась за его сильную руку, и видела дитя — голубоглазое, белокурое, что, сидя на зеленой траве сада, играло с цветами. "Река, — сквозь сон поняла Жанна. "Это мы, там, в Аррасе, на лодке катаемся".

Робеспьер лежал, открыв глаза, глядя на ее спокойное, умиротворенное лицо. "Еще недели две надо повстречаться, для верности, — решил он. "Здоровая, молодая женщина. Нет никаких причин, чтобы она не забеременела. Хороших французских кровей, хоть мать ее и шотландка была. Надо будет потом ее найти, забрать ребенка, он мне пригодится. Надеюсь, умом он в меня пойдет, а не в нее".

Он поцеловал розовые губы: "Спи, любимая. Я тут, я с тобой".

Белокурая девочка расправила на коленях темно-зеленое, бархатное платье. Очинив перышко, она спросила: "А за кого выйдет замуж принцесса Мария-Тереза?"

Марта погладила дочь по голове: "Ей десять лет, милая моя, ее папа с мамой пока не решили".

— Я, — сказала Элиза, вздернув нос, двигая к себе чернильницу севрского фарфора, — выйду замуж за того, кого полюблю, мама. И чтобы он тоже меня любил. Но не сейчас, попозже.

— Я очень рада, — рассмеялась Марта. Элиза облокотилась о маленькую парту красного дерева и вздохнула: "Жалко, что его высочество дофин болеет, теперь и не увидеть его, а мы так дружили".

Марта вспомнила слабый голос королевы: "Врачи говорят, у Луи чахотка, она развилась после того, как у него были те приступы жара, в младенчестве. Господи, бедный мой сыночек…"

Женщина перекрестилась: "Надо молиться о здоровье его высочества. Сейчас позанимаемся с тобой, а потом прогуляемся, и в церковь тоже зайдем".

— Дома мы ходим в англиканскую церковь, а тут — в католическую, — подумала Элиза. "Папа говорит, что все равно — Бог один. Он прав, конечно".

— Луи-Шарлю всего три года, — задумчиво сказала Элиза, покачивая ногой. "Он маленький, с ним не поиграешь. И сестричка его умерла, принцесса Софи. Жалко, — девочка подперла щеку кулачком, — когда детки умирают. Они ангелами становятся, мамочка?"

Марта кивнула. Поцеловав кудри на затылке дочери, она услышала тихий голос: "Я бы тоже хотела — братика, или сестричку, мамочка. Тедди взрослый, и уже в школе…, - Элиза замолчала. Марта, наклонилась над ней: "Будет, конечно. Давай-ка не отлынивать, а писать, дорогая моя".

Она диктовала дочери басню Лафонтена, изредка поглядывая в окно. "Констанца должна была уже вернуться из своего Лиможа, — обеспокоенно подумала женщина. "Наверное, сначала решила в Арсенал заглянуть. И не скажешь же ей ничего — а ведь нехорошо, конечно. Месье Лавуазье женатый человек, старше ее. Совсем взрослая девочка. Хоть Изабелла из Лондона написала, что говорила с ней, и она все знает. Да и голова у нее на плечах есть, ничего безрассудного делать не будет".

— А почему Констанца не верит в Бога? — звонко спросила Элиза, посыпая чернила песком. "А дядя Теодор верит, он мне говорил, хотя он — ученый".

Марта взяла тетрадь. Проверяя диктант, она рассеянно ответила: "Это личное дело каждого человека — верить, или не верить в Бога. Твоя старшая сестра вообще, — женщина улыбнулась, — еврейкой стала".

— Джо в Америку едет, — восторженно отозвалась Элиза. "Мамочка, а когда папа вернется, можно нам, всем вместе, тоже в Америку поплыть?"

— Молодец, всего три ошибки, я тут исправила, — Марта отложила перо: "В Вену уехал. Маленький Джон теперь туда перебирается, будет при австрийском дворе работать. Хоть поближе к нам, сестру увидит, с прошлого лета и не встречались, и то — неделю он в Озерном Крае пробыл, не смог больше".

— Посмотрим, — она оглядела уютную классную комнату, с большим глобусом в углу, с развешанными по стенам картами и ботаническими таблицами, с книгами на полках, и велела: "Беги, одевайся, после прогулки, — обед, отдых и потом займемся музыкой".

Элизабет ласково провела рукой по крышке клавесина: "Те ноты разберем, что месье Моцарт прислал, мама?"

— Конечно, — кивнула Марта. Проводив взглядом дочь, она вышла на балкон. "Наконец-то, — облегченно вздохнула она. Констанца — в синем сюртуке и бриджах, с плетеной корзинкой в руках, — шла по рю Мобийон.

Марта услышала стук из передней и радостный голос Элизабет: "Кукла! Какая красивая! Спасибо, спасибо тебе! А это маме — шкатулка, а папе — пепельница, я вижу! Мама, мама, Констанца подарки привезла".

Девушка стояла, прислонившись к стене. "Там все дешевле, тетя Марта, на мануфактурах, — пряча глаза, сказала Констанца. "Я для папы и Изабеллы сервиз заказала. У них отлично налажена перевозка, всего пять процентов убытков, бракованные товары заменяются за счет фабрики. Если хотите…"

Марта забрала у нее корзинку. Посмотрев на бледное, с искусанными губами лицо Констанцы, она улыбнулась: "Спасибо".

— Мари, — обернулась она к горничной, — отведите мадемуазель Элизу к месье Корнелю. Он сегодня дома работает, передайте мои извинения и просьбу с ней погулять.

— К дяде Теодору! — Элиза, взметнув юбками, ринулась в классную комнату и прокричала оттуда: "Я ему обещала принести свой гербарий, мама, с листьями и травами, он мне расскажет, как они на латыни называются. Где же он? — простонала девочка. Наконец, победно, улыбаясь, она вышла в переднюю — с альбомом под мышкой.

Элиза помахала им рукой, дверь передней захлопнулась. Марта, подтолкнув Констанцу к своему кабинету, повернув ключ в замке, спросила: "Что случилось?"

Констанца стояла, кусая губы, барабаня длинными пальцами по краю изящного бюро. Потом она резко выдохнула: "Я беременна, тетя Марта. Мне надо..., - она повела рукой в воздухе. Женщина, присев, на подоконник, закурив, спокойно проговорила, оглядывая стройную фигуру девушки: "Кто отец ты, конечно, не скажешь".

Констанца поморщилась: "Я даже о нем вспоминать не хочу, тетя Марта. Я просто неосторожно поступила, вот и все. Больше такого не случится, никогда. Я заплачу за все, конечно, — девушка опустилась в кресло. Помолчав, она добавила: "Я была бы очень обязана вам, тетя, если бы папа об этом не узнал".

Марта соскочила с подоконника и поцеловала рыжие волосы. "Все еще будет, — тихо сказала она. "А это — пройдет и больше не вернется, Констанца, обещаю тебе".

— Вернется, — мрачно подумала девушка. "Я обещала его убить, и я это сделаю". Марта потушила окурок: "Милая, может быть, ты все-таки подумаешь..., Твой отец поймет, обещаю, он хороший человек. И они смогут присмотреть..., - она осеклась, заметив яростный блеск в темных глазах.

— Этого..., - Констанца указала на свой живот, — этого..., нет, тетя Марта. Даже не говорите ничего больше, пожалуйста..., - девушка стиснула зубы. Марта спокойно сказала: "Хорошо. Ты отправляйся к себе, я попозже приду. И не бойся, — она, на мгновение, коснулась руки Констанцы, — не бойся, я с тобой".

Проводив девушку, она позвонила в колокольчик и сказала появившемуся лакею: "Меня не будет, до вечера. Сбегайте потом к месье Корнелю, попросите его поужинать тут, с Элизой".

Марта надела уличный, тонкой шерсти, вышитый бронзовой нитью редингот. Повесив на руку бархатный мешочек, выйдя на рю Мобийон, женщина повернула к реке.

Констанца лежала на узкой кровати, закинув руки за голову. Дверь стукнула. Марта, снимая редингот, велела: "Разжигай очаг, и принеси воды из колодца, надо будет ее вскипятить". Она прошла в чулан, и порылась в корзине с бельем: "Все эти рубашки на тряпки пойдут, потом новые купишь".

— Тетя Марта, — Констанца стояла у двери с ведром в руке, — тетя Марта, а это больно?

Марта взглянула в темные, большие глаза — Констанца сейчас казалась той высокой, серьезной девочкой, что она помнила. Она тихо ответила: "Да, милая. Но я никуда не уйду, буду здесь. Давай, — она кивнула, — чем быстрее ты этот отвар выпьешь, тем лучше. Может, и нет ничего, — она вдруг усмехнулась, — от волнения — тоже такое бывает".

— Пять дней, как нет, — угрюмо отозвалась Констанца, выходя на лестницу. Марта вздохнула. Присев за стол, она высыпала в фаянсовую кружку сухие травы.

В комнате было жарко. Констанца, устроившись на кровати, держа ноги в медном тазу с горячей водой, стерла пот со лба. "Очень горько, — пожаловалась она, медленно допивая черную жидкость. "Тетя Марта, а что там? — девушка указала на кружку.

— Болотная мята, рута и мускатный орех, — Марта рвала рубашки. Она обернулась. Констанца тихо сказала: "Тетя, а ведь за такое — смертная казнь полагается".

— Тогда всех, кто в трущобах там, — Марта махнула рукой, — у Бастилии живет, — надо на эшафот вести, дорогая моя. Другое дело, — она присела на кровать и взяла руку Констанцы, — что не след себя до такого доводить. Я тебе и других трав принесла, потом, — женщина помолчала, — как все закончится, — начнешь их пить.

Констанца подышала и согнулась: "Живот болит, тетя Марта…, Очень сильно".

— Господи, — подумала женщина, прикоснувшись к своему крестику, — помоги ты нам, прошу тебя. Акушерку бы позвать, конечно, но тут дорогой квартал. Местные рисковать не захотят, мало ли, еще соседи в префектуру донесут. Был бы Иосиф рядом, — она вздохнула, — помог бы, ему доверять можно.

— Давай, — нежно сказала Марта, вынимая ноги девушки из таза, вытирая их, — давай, погуляем немножко. Так легче будет, милая.

— Хорошо, — прошептала Констанца, с трудом поднимаясь, не стирая слез, что текли по лицу.

Марта шла к рю Мобийон, вспоминая слабый, тихий голос девушки: "Тетя, раз все началось…, я и сама теперь справлюсь".

Женщина натянула перчатки. Наклонившись, она поцеловала Констанцу, — та дрожала, свернувшись в клубочек, на кровати. "Уложу Элизу и вернусь, — Марта провела рукой по белому, покрытому холодной испариной лбу. "Буду с тобой столько, сколько надо".

Констанца только мимолетно улыбнулась, и тут же закусила губу: "Спасибо вам, тетя".

Небо над шпилями аббатства Сен-Жермен-де Пре стало уже розоветь, когда Марта, разогнувшись, поворошив кочергой в камине, бодро сказала:

— Тряпки я сожгла, тазы вымыла. Сейчас проветрим комнату, я еще ароматическое курение принесла, — и все будет хорошо. Кофе уже закипает, сейчас выпьешь. Полежишь пару дней, а потом я тебя к профессору Бойеру свожу. Он придворный врач австрийского императора Иосифа, сейчас тут лекции читает, в Сорбонне. Он меня осматривал уже, человек хороший, — Марта улыбнулась, — мне его дядя Джон рекомендовал. Так что не волнуйся.

Она присела на кровать, и, поцеловав Констанцу, отдала ей чашку с горячим кофе: "Все закончилось, милая. Сейчас просто набирайся сил, я велю тебе корзину с едой прислать, и вина несколько бутылок".

Констанца посмотрела на шелковые обои комнаты, и, вдохнув запах сандала, — Марта зажгла курение, — вдруг, тоскливо подумала:

— Антуана бы увидеть, я так соскучилась. Нельзя, он сюда не придет, вдруг его узнают. Да и

зачем ему меня такой видеть — я бледная, губы потрескались, глаза запали. Как больно было, как больно…, - она опустила веки и твердо сказала себе: "Он за это поплатится. А у тебя еще будут дети, обязательно. От человека, которого ты любишь".

— Спи, — велела ей Марта, накрывая девушку меховой полостью. "Все будет хорошо".

Выйдя на утреннюю, еще пустынную улицу, она, было, повернула к дому. Помедлив, развернувшись на высоком каблуке, Марта пробормотала: "А, была, не была". Женщина вскинула голову. Оправив своей редингот, быстро дойдя до Нового Моста, миновав реку, Марта пошла к Арсеналу.

Он стоял в дверях чистой, прибранной лаборатории. Он всегда приходил сюда, в Арсенал, первым — сторож, зевая, открывал ворота. Он оглядывал вымощенный булыжником двор, и вдыхал запах пороха. Он любил ранее утро — вокруг никого не было. Сейчас, сняв сюртук, засучив рукава рубашки, надевая холщовый передник, он посмотрел на магнезит, что лежал на рабочем столе.

— Тобой и займусь, — пообещал ему Лавуазье. Бросив взгляд на сланцевую доску, мужчина нахмурился. "Констанца, — он присел на край стола, и повертел мел в сильных, коротких, со следами от ожогов пальцах: "Должна ведь была уже вернуться, девочка моя. Не дай Господь, случилось что-то. Я ведь совсем не могу без нее, совсем".

Он понял это только недавно, ночью, ворочаясь без сна. Лавуазье думал о названиях элементов, что он каждый день писал, и потом, измученно стирал со своей доски.

— В природе все гармонично, — вспомнил он тогда, — Господь не мог бы создать ее иначе. Все дополняет друг друга, и элементы — тоже. Каждое их соединение рождает на свет что-то новое, необходимое для существования мира. Как будто ребенок появляется на свет — несущий в себе качества матери и отца. Однако дитя — самостоятельное, отличное от них существо. Ребенок…, - он тяжело вздохнул. Поднявшись, накинув халат, Лавуазье присел к столу.

Он услышал тихий, виноватый голос жены: "Наверное, это моя вина, Антуан. Если семнадцать лет ничего не было….".

Лавуазье окунул перо в чернильницу и начертил на листе бумаги таблицу. Клетки зияли пустотой: "Природа не терпит такого. Надо просто увидеть, — он закрыл глаза, — увидеть — как все устроено. Заглянуть в суть вещей".

Перед ним были ласковые, темные глаза, рыжие, коротко стриженые волосы и вся она — высокая, выше его, тонкая, изящная, ее длинные пальцы, ее восхищенный голос. Лавуазье сказал себе:

— Если уж Господь дал тебе Констанцу, то и остальное тоже подарит. Надо просто довериться ему, довериться и работать дальше. Не останавливаться, не отступать ни на шаг. Ты все поймешь, когда придет время".

Он соскочил со стола и рукавом рубашки стер с доски названия элементов.

— Не так, — хмыкнул он себе под нос.

— Мужчины и женщины — тоже встречаются по-разному. Господи, — рассердился он на себя, — хватит об этом, вот что значит — две недели ее не видел, даже больше. Между

частицами веществ есть связи. Однако каждое вещество, в свою очередь, обладает силой, позволяющей ему соединяться с другими веществами…, Вот эту силу и надо найти. Тогда мы объединим элементы в группы, основываясь на ней… — он начал быстро писать и не услышал осторожного покашливания сзади.

— Месье Лавуазье, — сказал знакомый женский голос. "Простите, месье Лавуазье…"

Он зажал мелок в зубах. Повернувшись, он даже не сразу понял, — кто перед ним. "Ваша светлость, — удивился Лавуазье. "Что случилось?"

— Нет, — внезапно подумал он. "Нет, нет, прошу тебя, Господи, не забирай у меня Констанцу. Пожалуйста, пожалуйста".

— Мадемуазель ди Амальфи заболела, — мягко проговорила Марта, — и просила передать, что не придет на урок.

— А ведь он ее любит, — поняла Марта, глядя в лазоревые глаза. "Побледнел-то как".

— Надо врача, — Лавуазье стянул передник.

— Я сбегаю в Сорбонну, ваша светлость, у меня много знакомых профессоров…Спасибо, что сказали, — он растерянно опустил руки. Марта ласково коснулась его ладони:

— Я с ней сидела, всю ночь. Это просто усталость, переутомление. Ей надо отдохнуть, месье Лавуазье, и мне кажется, — Марта помедлила, — мне кажется, она была бы рада вас видеть. Хотя бы ненадолго. Она только вернулась из Лиможа, не успела сходить в лавки. Я ей пришлю что-нибудь поесть, вина…

— Не надо, — он быстро надел сюртук. "Я сам обо всем позабочусь, ваша светлость. Спасибо! — крикнул Лавуазье, уже сбегая вниз по лестнице.

Марта посмотрела на сланцевую доску. Взяв мелок, повертев его в руках, женщина чему-то улыбнулась.

Констанца проснулась от поцелуя. Она дрогнула ресницами. Ахнув, уткнув лицо в подушку, девушка пробормотала: "Не смотри на меня, я…"

— Ты все равно — самая красивая на свете, — уверенно сказал Лавуазье, обнимая ее.

— Видела бы ты меня, когда я болею — глаза слезятся, нос заложен, или, того хуже — из него льется, как из ведра. Тебе надо поменьше ездить по всяким дырам и портить себе желудок на постоялых дворах, вот что. И больше — быть со мной.

Констанца потерлась щекой о его руку: "Тебе же нельзя тут быть, Антуан. Вдруг узнают…"

— А и пусть узнают, — он открывал бутылку бургундского вина. "Так, — Лавуазье оглядел комнату, — сейчас я покормлю тебя устрицами, выпьем, потом ты будешь спать, а я — варить бульон из фазана — он указал на битую птицу, что лежала в корзине. "Проснешься и поедим".

— Антуан, — шепнула Констанца. Шмыгнув носом, девушка велела себе не плакать. Слезы сами покатились из глаз. Она, вытирая их рукавом рубашки, нырнула к нему, куда-то под бок.

— А еще, — Лавуазье выжал на устрицы лимон, и велел: "Открывай рот", — еще я тебе

расскажу о той деревне, куда мы поедем, как только ты выздоровеешь. Я тебя люблю, — добавил он. Констанца, проглотив устрицу, улыбнулась: "Я тоже".

Потом она спала, положив голову ему на колени, а Лавуазье сидел, откинувшись к стене, быстро что-то записывая в тетрадь. Он держал блокнот на весу, рука затекла, однако мужчина боялся пошевелиться, чтобы не разбудить ту, что дремала рядом, — спокойно, размеренно дыша.

Письмо было написано на тонкой, сиреневой бумаге, от конверта пахло фиалками. "Милый мой Максимилиан! — читал Робеспьер. "Пока ты ездил в Аррас, я окончательно убедилась — следующим летом нас ждет радостное событие, мы станем родителями сына, или дочки. Я тебя очень, очень люблю, и надеюсь вскоре увидеть, мое счастье, мой дорогой. Приду к тебе, как только ты вернешься, целую тысячу раз, твоя будущая мадам Робеспьер, а пока — Жанна де Лу".

Внизу было нарисовано сердце со стрелой. Робеспьер посмотрел на окружающие его буквы: "L'amour fait les plus grandes douceurs", и криво усмехнулся:

— Ты забыла закончить фразу мадемуазель де Скюдери, дорогая моя Жанна: "Любовь порождает самое большое счастье и самое большое несчастье в жизни", вот так-то. Оно тебя и ждет, несчастье. Правильно, — он повертел в руках конверт, — что ты мне написала. Непредусмотрительно, конечно, с твоей стороны, но ты и не юрист. А я — он застегнул сюртук и, поднявшись, осмотрел себя в зеркале, — я, дорогая Жанна, именно он и есть.

— Хорош, — подумал Робеспьер. "На трибуне Генеральных Штатов я буду смотреться лучше всех этих задыхающихся толстяков. Народ пойдет за мной, а если не пойдет — мы его заставим. Правильно говорил Жан-Поль — люди развращены монархией, и не видят собственного блага. Мы им объясним, в чем нуждается Франция". Он полюбовался игрой бриллиантов на своем перстне: "В твердой и сильной руке".

Он, улыбаясь, поправил фиалки в петлице сюртука. Сбежав вниз по лестнице, Робеспьер легким шагом пошел к Сен-Жермен-де-Пре.

В конторе нотариуса пахло чернилами, пылью. Робеспьер, глядя на яркий луч солнца, что лежал на дубовых половицах, решил: "Поеду отсюда в Булонский лес. Постреляю, возьму лошадь..., А то моя невеста, — он чуть не рассмеялся вслух, — только к вечеру должна на квартиру явиться. Она же думает, что я сегодня приезжаю".

— Месье Робеспьер, — нотариус отдал ему папку с письмами, и сложил пальцы, — дело ясное, затруднений я не предвижу. Я бы вам советовал, как только мадемуазель де Лу разрешится от бремени, официально признать ее дитя. Вы должны прийти в префектуру с заявлением о том, что хотите воспитывать его сами. Отцы в таком случае имеют приоритет перед матерями. Тем более, что вы судья, обеспеченный человек..., Мать будет обязана отдать вам ребенка. Я, разумеется, — нотариус подвинул к себе печати, — удостоверю, что эти письма — ее руки.

Он приложил печать. Расписываясь, нотариус заметил: "Бывали случаи, когда дама, оказавшаяся в таком положении — не отдавала ребенка, так сказать, его истинному родителю. Сами понимаете, — нотариус погладил бледные щеки, — у нас нет никаких методов, чтобы доказать отцовство. Только ваше слово против ее заявлений. Но в данном случае, — он подул на чернила, — все просто, мадемуазель сама признает ваше, так сказать, участие".

— Это произведет впечатление, — улыбнулся Робеспьер, идя по набережной, следя за

уличными мальчишками, что удили рыбу в Сене.

— Лидер нации, в одиночку воспитывающий сына. Дочь не буду забирать. Мне она ни к чему. Заботливый отец, — он прошел мимо дворца Тюильри, — совсем, как этот Бурбон. Его дети тоже — на эшафот пойдут, и вообще — вся эта семья паразитов. Незачем кого-то оставлять в живых. Франция не должна знать жалости к отродью дворян. А священников, — он остановился перед собором Парижской Богоматери, — священников мы повесим прямо на дверях церквей.

Он облокотился на парапет и взглянул на набережную Августинок.

— Мадемуазель Бенджаман будет рада ребенку, — подумал Робеспьер. "Женщины, даже самые талантливые, — все равно слабые, ограниченные создания. Они не способны усмирять свои страсти, а что такое природный инстинкт материнства — та же страсть. Она вырастит моего сына, и у нас, конечно, будут свои дети".

Робеспьер прищурился — на знакомом балконе появилась невысокая, стройная женская фигура. "Вечером увидимся, — усмехнулся он. Развернувшись, мужчина пошел к мосту, что вел на правый берег реки.

Жанна поправила корзинку, что висела на руке, и нежно, легко рассмеялась. "Пирог совсем теплый, — подумала она. "Сейчас кофе выпьем, Максимилиан мне об Аррасе расскажет. Он же ездил о венчании, договариваться. Приду домой и объяснюсь с Тео".

Она вспомнила веселый голос женщины: "Ты такая счастливая, любовь моя, эти недели. Прямо порхаешь".

— Тео поймет, — твердо сказала себе Жанна, стуча в дверь. "Она добрая. Она будет рада тому, что у меня появится муж, дети..., Все будет хорошо".

Она быстро положила руку на живот: "Сейчас папу увидишь, милый мой". Теперь у нее не было ни сомнений, ни раздумий.

— Максимилиан меня любит, — говорила себе Жанна каждое утро, открывая глаза. "Любит, по-настоящему. Он ведь за мной ухаживал, как положено, и как интересно говорил — об истории, о политике, о философии. Я всегда думала, что только Тео и Марта могут о таком рассуждать, и Констанца — они умные, образованные женщины, а я только и умею, что готовить, вышивать и выращивать цветы. Даже Питер..., - она вспомнила лазоревые глаза, и помотала головой, — даже Питер — только слушал меня, и все. А что я могу сказать? — вздохнула Жанна и еще раз постучала: "Ничего. Но Максимилиан умный, он будет заниматься с детьми. А я буду ходить на рынок, и кормить всех обедами".

Дверь открылась. Жанна, приникнув головой к его плечу, всхлипнула:

— Я так скучала, так скучала, любовь моя..., Ты получил мое письмо? Смотри, — она взяла его руку и приложила к своему платью, — наше дитя тут. Я посчитала, — розовые губы улыбнулись, — как раз в июле он должен появиться на свет. Или она. В Аррасе, наверное, так хорошо летом, — Жанна приподнялась и обняла его, — я буду сидеть в саду и кормить маленького...

— Хватит, — поморщился Робеспьер, — она мне весь сюртук уже слезами закапала, корова. Прямо здесь, и нечего тянуть, даже в квартиру ее не пускай.

Он снял ее руки с шеи и холодно сказал: "Видишь ли, Жанна, я совершенно не уверен в том, что это мой ребенок. Раз ты так легко отдалась мне, то же самое ты могла сделать и с другим мужчиной. И вообще, — Робеспьер пожал плечами, — не след жениться на женщине сомнительного происхождения, с моралью, которая, — он посмотрел в ее бледное, непонимающее лицо, — моралью, которая оставляет желать лучшего. Я депутат, судья — я не могу себе такого позволить".

— Но, — Жанна отступила на шаг, — но, Максимилиан, ты, же говорил, что ты меня любишь… Как же так? — она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Жанна вспомнила мужской смех и ленивый голос: "Когда выпустят тебя из тюрьмы — я лично проверю, чему ты там научилась".

— Я не плакала тогда, — сказала себе Жанна, — при них, не буду плакать и теперь. Не буду, ни за что.

В подъезде было тихо, в открытые окна был слышен шум карет на улице, крики разносчиков, снизу, из булочной, поднимался запах свежего хлеба.

— Пирог, — подумала Жанна. "Я же пекла ему пирог. Господи, что теперь делать, куда мне идти…".

— Я ошибался, — Робеспьер помолчал и добавил, почти вежливо: "Всего хорошего, мадемуазель де Лу".

Жанна, трясущимися пальцами, достала что-то из корзинки и, не успел Робеспьер захлопнуть дверь — швырнула это ему в лицо.

— Сучка, — выругался он, опуская засов, стирая с лица сыр. "Ничего, мадемуазель Бенджаман ее сейчас выгонит вон. Такие, как она, не прощают предательства. И в газетах ей никто не поверит — мало ли сумасшедших осаждают известных людей. Если даже если эта дрянь решит в Сену броситься — ничего, не страшно".

Он с отвращением вытащил из волос кусок лука и пошел в умывальную.

Жанна выбежала на улицу, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг себя. "Господи, — подумала она, — Господи, Тео меня не простит, за ее спиной…" Она ступила на мостовую и еще успела услышать испуганный крик кучера, ржание лошадей, треск дерева, а потом перед ее глазами не осталось ничего, кроме темноты.

Невысокий мужчина в потрепанной рубашке, сидел на причале, свесив ноги в Сену — тихую, золотящуюся под вечерним солнцем. Высокие, мощные ивы купали в реке длинные листья, где-то на середине лениво плескала рыба. Отсюда, с маленького острова, не было видно даже крыш деревни Сен-Мамме, что стояла за холмом.

Из-за излучины показалась лодка, что шла вниз по течению. Оттуда, смешливо, крикнули: "Как улов?"

— Отличный, — так же весело ответил мужчина, вытаскивая карпа. Рядом, в корзинке, лежало еще несколько рыбин.

— Зажарю на ужин, — решил Лавуазье, насаживая на крючок червяка. "Господи, как тут хорошо, — ни Академии Наук, ни Главного откупа, с его налогами, ни этих бесконечных

mir-knigi.org

заседаний..., Построить бы тут лабораторию и работать. Нет, — он закрыл глаза и вдохнул прохладный ветер, — не получится. Был бы я философом, литератором — тогда, пожалуйста. А так — без помощи мне не обойтись.

Констанца, — в холщовых, подвернутых штанах и старой рубашке, поджав под себя ноги, сидела на старой, покосившейся скамейке у входа в низкий, совсем простой, — в одну комнату, — дом.

Она с хрустом грызла яблоко и читала газету.

Лавуазье присел рядом и поцеловал ее куда-то за ухо.

— Письма читателей, — она передала ему яблоко и велела: "Поешь". "Это отклики на мою статью о шахтах и текстильных фабриках, послушай".

— Мистер Констан, вероятно, ни разу в жизни не был ни на мануфактуре, ни в шахте, — начала читать девушка. "Все его знания об условиях труда на них высосаны из пальца. Он преувеличивает как опасности, подстерегающие рудокопов и рабочих, так и бедность, что их окружает. Даже если среди них и встречаются нищие люди — это исключительно из-за нежелания работать, и пристрастия к горячительным напиткам. Джентльмен из Рединга, — закончила Констанца. Девушка задумчиво протянула:

— Его бы в шахту, хотя бы на одну смену, этого джентльмена. Мой редактор в восторге, и серия о мануфактурах — тоже очень популярна. Следующим будет репортаж о производстве пороха, — она прижалась головой к плечу Лавуазье и тот вздохнул:

— Что с тобой делать? Придется пустить тебя не только в лабораторию, но и в цеха. А это что? — он отогнул угол газеты и прочел: "Такие люди, как мистер Марат — должны быть расстреляны на месте, они призывают к бунту. Откуда в твоей газете интервью с Маратом? — спросил Лавуазье.

Констанца поерзала и нехотя ответила: "Я к нему ходила. Читателям такое нравится, сам понимаешь".

Лавуазье погладил ее по голове. "Понимаю, просто он нечистоплотный человек, дорогая. Хотя ученый, в общем, неплохой. Твой дядя, месье Корнель, давно с ним враждует, да и я тоже, — Лавуазье развел руками, — не слишком его жалую. В Академию не принял, — он усмехнулся: "Я вообще считаю, что не надо смешивать науку с политикой, Констанца. Однако месье Марат, с тех пор, как его величество согласился собрать Генеральные Штаты — покой и сон потерял, уже видит себя издателем газеты, глашатаем народных масс. Хотя ты мне рассказывала, как его в Льеже приняли, — Лавуазье обнял ее. Констанца, вдыхая запах, свежей, речной воды, хихикнула: "Ты опять купался, что ли? Ноябрь на дворе".

— Осень хорошая, — улыбнулся Лавуазье, — днем вода теплая еще. А ты, — он пощекотал белую шею, — трусиха. Работала откатчицей, а сама — даже по пояс в воду не зашла, визжала.

— Тут так тихо, — Констанца устроилась у него на коленях, — так спокойно, Антуан. "Даже уезжать не хочется, — вздохнула девушка.

— Да, — он провел губами по нежной щеке, — вернемся в Париж и опять урывками будем видеться. Ты поедешь куда-нибудь, будешь по своим интервью бегать, тем более, что весной все депутаты начнут в город собираться.

— С Маратом я больше встречаться не буду, — Констанца повернулась к нему. Лавуазье увидел, как похолодели ее темные глаза.

— Вот и хорошо, — он улыбнулся и шлепнул ее: "Пошли, я, как химик — умею обращаться с кислотами и солями, салат заправить смогу, да и рыбу тоже — приготовлю. А ты на стол накрой, Конни, — нежно попросил он. Констанца попросила: "Ничего мне больше не надо — только бы с ним быть, всегда. А ведь он меня на три десятка лет старше…, Не загадывай, — велела она себе. Подхватив корзинку, девушка прошла в дом.

Но все время, пока она ставила на стол грубые, фаянсовые тарелки, она видела перед собой конверт, надписанный резким, мужским почерком. "Дорогая мадемуазель ди Амальфи, — читала она. "Со времени нашей последней встречи прошло больше месяца, и я беспокоюсь — все ли у вас в порядке. Пожалуйста, сообщите мне, где и когда мы сможем увидеться. С искренним уважением к вам, Жан-Поль Марат".

— Нигде и никогда, — яростно, брызгая чернилами, порвав бумагу, написала Констанца. Скомкав его записку, она швырнула бумагу в камин. "Надо было добавить: "Горите в аду", — хмыкнула девушка, открывая бутылку бордо, — впрочем, он атеист. Или просто: "Иди к черту, мерзавец".

— Стоит, — Лавуазье обнял ее и забрал вино, — шепчет что-то…, Статью, что ли, придумываешь очередную?

Констанца поцеловала его "Эту статью я писать не буду, и хорошо, что так. Ой, — она посмотрела на стол, — очень хочется есть".

На дощатом полу рядом с кроватью горела свеча, Констанца лежала головой на его плече и Лавуазье подумал:

— Гармония. Все правильно, все так и должно быть. Как будто Господь ее только для меня сотворил, и мне же одному и отдал. Не одному, — он улыбнулся, — но все, что было раньше — то было, а теперь — мы вместе. Девочка моя, любимая, — он пошевелился: "Ты ведь уйдешь от меня, Конни. Встретишь кого-нибудь моложе, выйдешь замуж…"

Констанца потянулась. Приникнув к нему, девушка отбросила простыню: "Венчаться я не буду, а по-другому тут, в Старом Свете, замуж не выйти. И вообще, — она стала медленно, нежно целовать его, — я всегда буду с тобой, Антуан. Больше мне ничего не надо. Только ты и газета".

— Иди сюда, — он устроил ее на себе. Наклонив рыжую, стриженую голову, он шепнул: "Я тоже — всегда буду с тобой, обещаю, Конни. Пока я жив"

— Вот так и надо, — задыхаясь, сказала себе Констанца. "С дядей Теодором — он обнимал меня и думал о другой женщине, называл меня ее именем…"

— Конни, — он оторвался от ее губ, на одно мгновение, — Конни, радость моя, мое счастье…

— Да! — крикнула она, забыв обо всем, видя только его глаза — лазоревые, ласковые, слыша его шепот, чувствуя его руки, что обнимали ее. "Люблю, люблю тебя…"

В открытое окно дул ветер с реки. Пламя свечи колебалось, и, наконец, зашипев, потухло.

Марат пробрался между столиками кофейни. Щелкнув пальцами, он велел официанту:

"Заварите свежего". Робеспьер сидел, развернув газету, дымя сигарой, и не сразу его заметил. "Что пишут? — усмехаясь, поинтересовался Марат. "Как здоровье его высочества дофина?"

— Пока не сдох, — коротко ответил Робеспьер и сложил Mercure de France: "Надо будет сходить через пару дней к мадемуазель Бенджаман. Она, наверняка, уже выгнала эту дуру. Утешить ее, так сказать".

— Ты не забывай, Жан-Поль, — тихо сказал Робеспьер, — даже если дофин умрет, у Бурбона есть еще один сын. Впрочем, вся эта семейка обречена. Нам нужна будет своя газета — уже следующим летом. Все эти официальные листки годятся только на то, чтобы задницу подтирать, — он брезгливо поморщился.

— Деньги, — коротко отозвался Марат. "Будет золото, — я тебе хоть десять газет издам, Максимилиан. И вот еще что, — смуглое лицо, на мгновение, исказилось, — ты все еще ведешь этот список иностранцев и аристократов?"

— А как же, — лениво ответил Робеспьер, щурясь от полуденного солнца. Колокола Сен-Жермен де-Пре забили к обедне, стайка воробьев на мостовой вспорхнула. Марат сказал: "Занеси туда еще одного человека".

— Гордячка, — подумал он, закуривая. "Ничего, как только мы придем к власти — я ее навещу в тюрьме. Она все, что угодно сделает, чтобы оттуда выйти, на коленях за мной поползет".

— Отказала тебе, — Робеспьер захлопнул блокнот и стал серебряным ножичком вычищать грязь из-под ногтей. "А что ты хотел, мой друг? Она богата, родственница этого Экзетера, молода, а ты не можешь похвастаться ни юностью, ни красотой, ни, — он со значением посмотрел на обтрепанный сюртук соседа, — хотя бы деньгами. Ничего, — Робеспьер поднял бровь, — придет и наше время, Жан-Поль, надо просто подождать".

Марат увидел на тротуаре напротив знакомую, рыжую голову, мощный разворот прямой спины, и хмыкнул: "Торопится месье Корнель. И священник с ним, этот отец Анри. Интересно, куда это они собрались?".

Робеспьер выдохнул клуб дыма. Закрыв глаза, он повторил: "Надо просто подождать".

Темнота медленно рассеивалась. Жанна дрогнула ресницами: "Болит. Господи, где я? Я помню, как он меня выгнал, как я выбежала на улицу, потом лошади…, И все. А дитя? Господи, только бы с ним ничего не случилось…"

Она застонала и вдохнула запах роз.

— Слава Богу! — услышала Жанна голос Тео. Женщина пошевелилась и с трудом открыла глаза. Она лежала на большой, под кружевным балдахином, кровати, вокруг были знакомые, шелковые, с вышитыми цветами обои. Жанна почувствовала ласковую, мягкую руку на своем лбу и увидела, совсем рядом, черные, огромные, заплаканные глаза.

— Девочка моя, — всхлипнула Тео, — слава Богу, все хорошо. Милая моя…, - гранатовые губы задрожали. Жанна сглотнула: "Тео…, Что со мной?"

— Ты попала под карету, — Тео вытерла слезы.

— Тебя отвезли в госпиталь Сорбонны. Слава Богу, что там сегодня дежурил профессор Бойер,

он у нас бывал в гостях, и сразу тебя узнал. У тебя просто ушибы, ссадины, и все. Надо полежать, и ты выздоровеешь. Но я так боялась, так боялась, милая. Даже месье Корнеля за священником послала. Он тут, и Марта тоже, и профессор Бойер…, - Тео встала, чтобы открыть дверь. Жанна подумала: "А дитя? Она ничего не говорит. Если бы я его потеряла — она бы сказала, наверное. Господи, помоги мне".

Отец Анри присел у изголовья, и благословил Жанну: "Слава Богу. Мадемуазель Бенджаман очень за вас беспокоилась, милая. Я помолюсь, чтобы вы быстрее выздоравливали".

— Спасибо, святой отец, — Жанна слабо улыбнулась. Священник, перекрестив ее, добавил: "Надеюсь вскоре увидеть вас на мессе, прямо в следующее воскресенье и жду, мадемуазель де Лу. Месье Бойер обещал, что через неделю вы уже подниметесь".

— А как же, — раздался с порога бодрый голос. Высокий, с чуть заметной сединой, длинноносый мужчина вошел в комнату, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Я отправил месье Корнеля за снадобьями, — сказал он Тео, — вам надо будет менять примочки, и, — он наклонился над Жанной, — мадемуазель скоро оправится.

— Я провожу святого отца и вернусь, — пообещала Тео.

Жанна посмотрела в добрые, в едва заметных морщинках, глаза врача. Дождавшись, пока дверь спальни закроется, женщина тихо спросила: "Профессор Бойер…Я была…, я ждала дитя…, Что с ним?".

Бойер хмыкнул и присел на постель.

— Ну, — он поднял шелковую простыню, и пощупал живот, скрытый кружевной рубашкой, — судя по всему, мадемуазель де Лу, все с вашим ребенком в порядке. Они вообще, — врач улыбнулся, — крепкие создания, эти будущие дети. Срок, как я вижу, — он взглянул на плоский живот, — небольшой еще?

Жанна покраснела: "Две недели, как ничего не было".

— Вот и хорошо, что вы лежите, — Бойер поднес к ее губам фарфоровую чашку с водой, — так спокойнее, мадемуазель. Потом подниметесь на ноги и благополучно доносите беременность, я вам обещаю.

— Спасибо, — еще успела шепнуть Жанна. Дверь скрипнула, и Тео весело сказала: "Месье Корнель вернулся от аптекаря, а Марта просила передать, что обед уже готов. Профессор Бойер, я вас не отпущу без того, чтобы не покормить, а сама, — Тео поднесла к губам руку Жанны, — поем тут, с тобой".

Жанна полусидела на кружевных подушках, глотая бульон. "Я отменила все спектакли до конца недели, — Тео вытерла ей губы, — буду за тобой ухаживать, а Марта присмотрит за слугами. Элизу ее величество пригласила во дворец — составить компанию принцессе Марии-Терезе, так что Марта свободна".

— Вот сейчас, — велела себе Жанна, глядя на смуглые щеки, на заплетенные в косы, темные волосы. Тео была в домашнем платье, цвета слоновой кости, отделанном волной брюссельских кружев. "Те, что месье Корнель в сентябре привез, когда во Фландрию ездил, — поняла женщина. "Господи, как же ей это сказать, как?"

— Тео, — она вздохнула и пошевелила аккуратно перевязанной рукой. "Тео, милая, ты меня будешь ругать..."

— Да за что? — ласково спросила та. "Каждый может неосторожно ступить на мостовую. Эти кучера носятся по городу так же быстро, как и в деревне, давно пора ограничить скорость карет".

Жанна увидела ее обеспокоенные глаза и велела себе не плакать. "Это плохо для маленького, — напомнила себе Жанна. "Господи, дитя мое, сирота будет. Ничего, выращу его, пусть и одна".

— Тео, — ее голос задрожал, — Тео, я очень виновата перед тобой..., У меня будет ребенок, летом. Прости меня, прости! — Жанна все-таки разрыдалась. Тео, потянувшись, обняв ее, вдыхая запах фиалок, просто покачивала ее, шепча что-то нежное, гладя белокурые волосы, целуя ссадины на щеке.

— Что ты, — наконец, сказала женщина. "Что ты, любовь моя. Я все понимаю, милая". Она глубоко вздохнула и поцеловала руку Жанны: "Надо же ему, отцу, сказать..., Что с тобой все в порядке. Я сейчас пошлю Робера или Франсуа, с запиской, — Тео все не отрывала губ от ее руки, — ты только скажи — кому".

— Не надо, — Жанна, охнув, сползла ниже. Тео нежно подоткнула вокруг нее простыню. "Он меня бросил, Тео, — женщина открыла рот и, помолчав, справилась со слезами, — обещал на мне жениться и бросил".

Тео скинула домашние туфли. Устроившись рядом, она осторожно обняла Жанну: "Забудь, — шепнула она, — забудь, любовь моя..., Сами вырастим — и сына, и дочку, и даже двоих сразу, — она улыбнулась и потерлась носом о ее шею. "Все будет хорошо".

— Он ведь может сюда прийти, — похолодев, поняла Жанна. "Я не хочу его видеть, никогда, никогда..., Надо сказать Тео, чтобы больше его не приглашала".

— Тео, — она попыталась приподняться и та ахнула: "Не надо, лежи, лежи, пожалуйста!". "Тео, — повторила Жанна, — ты должна знать, кто это был". Она помолчала и глубоко выдохнула: "Месье Робеспьер".

Марта сидела у бюро, покачивая ногой, глядя на башни собора Парижской Богоматери. Тео ходила по кабинету, сжав руки, шурша подолом платья.

— Я откажу ему от дома, — наконец, раздув ноздри, проговорила Тео. "Робер и Франсуа и на порог его не пустят, этого мерзавца. Ноги его здесь не будет".

Марта все молчала. Потом, повернувшись, женщина вздохнула: "Этого мало, дорогая моя. Он знает, что Жанна ждет ребенка. Ты не сможешь этого скрыть, не сможешь сказать, что она выкинула — у нее скоро живот вырастет. Ты же не запрешь ее тут, до лета. Пойдут слухи, сама знаешь, — Марта сжала губы, — что такое Париж".

— Я могу отправить ее в деревню, — неуверенно сказала Тео, — до родов..., Да и потом, он выгнал Жанну, сказал — что это не его ребенок, так что бояться нечего.

Тео присела на кушетку у окна. Марта, глядя на смуглое, взволнованное лицо женщины, горько хмыкнула: "Месье Робеспьеру нельзя доверять, ни в чем. Нельзя рисковать".

Тео потянулась и вынула из фарфоровой вазы белую, как снег розу.

— Марта…, - она помолчала. Та увидела, как блестят глаза женщины.

— Я ведь больше всего на свете хочу, чтобы Жанна была счастлива. Она мне подарила двенадцать лет радости, но ведь я вижу, она страдает от того, что у нее нет своего дома. Нет мужа, нет детей…, Это еще летом началось, когда мы в Лондоне были. Я ведь не могу ей дать ни того, ни другого, — Тео поднялась. Марта, глядя на ее прямую спину, на гордо, высоко поднятую голову, задумчиво сказала:

— Если Жанна сейчас обвенчается, так будет лучше и для нее, и для ребенка, Тео. Тогда Робеспьер уже ничего не сделает, она будет защищена и маленький — тоже.

В кабинете повисло молчание. Тео, глядя на бронзовые часы на камине, вспомнила пахнущую розами и пудрой уборную театра на Друри-Лейн и прерывистый, смущенный голос Жанны: "Это ничего…, Так бывает, когда я с детьми вожусь. Это пройдет".

— Могу ли я? — спросила у себя Тео, выходя на балкон, присаживаясь в обитое бархатом кресло. Она посмотрела на медленно текущую мимо, вечернюю Сену, и тряхнула головой:

— Нет. Нельзя удерживать Жанну, Марта права. Нельзя так. Пусть будет счастлива. А я? У меня есть месье Корнель, есть Марта, Дэниел…, У меня есть друзья. Буду жить дальше.

Она почувствовала сзади запах хорошего табака. Марта стояла, прислонившись к двери, затягиваясь сигаркой. "Я поговорю с Жанной, — улыбаясь, сказала Тео. "Ты права".

Марта наклонилась, и обняла ее: "Тео, милая моя…Ты же знаешь, — я все для тебя сделаю, и месье Корнель…преданнее человека тебе не найти. Ты не одна, милая моя, не одна. Мы с тобой, и так будет всегда".

Тео кивнула. Женщины замолчали, прижавшись, друг к другу, глядя на солнце, что медленно опускалось на крыши Парижа.

В комнате пахло кедром, настенные часы красного дерева медленно пробили девять раз. Площадь Сен-Сюльпис была погружена во тьму, кое-где горели редкие, масляные фонари. На большом, дубовом столе лежала стопка тетрадей. Федор перевязал их бечевкой. Подсунув сверху записку, мужчина перечитал ее: "Передать месье Антуану Лавуазье, Академия Наук. Дорогой Антуан, это рукопись моей книги о разведке угольных месторождений. Я был бы очень тебе обязан, если бы она увидела свет. Моя коллекция минералов пусть отойдет Горной Школе. С остальными заметками разберись сам, они сложены в трех ящиках, в моем кабинете".

Федор бросил взгляд на стоящие вдоль стены ящики. Тяжело вздохнув, он окунул перо в чернильницу.

— Моя дорогая мадемуазель Бенджаман, — писал Федор. "Может случиться так, что мы больше не увидимся. Надеюсь, вы поймете, что я был обязан потребовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное нашей общей родственнице, и вашей подруге. Дорогая мадемуазель Бенджаман, знайте, пожалуйста, что я был счастлив все эти годы, тем, что вы дарили меня своей привязанностью, и, что не было у вас более преданного товарища и слуги. Вы всегда останетесь для меня тем единственным, что оправдывает мое существование в этом мире. С искренней любовью и почтением, ваш, месье Корнель".

Он посыпал бумагу песком: "Питер, помню, говорил, где-то у них, в Норфолке, придумали особую бумагу — чернила промокать. Прототип, конечно, в массовое производство ее не запустили, а зря. Изобретатель бы обогатился".

— Так, — он закурил и долго смотрел на чистый лист. "Теперь последнее".

Федор стряхнул пепел и быстро написал: "Дорогой месье Робеспьер, жду вас завтра, на рассвете, в Булонском лесу, на лужайке за тиром. На ваш выбор — шпаги или пистолеты. Теодор Корнель".

Он подул на чернила: "Я дворянин, а он буржуа. Я имею право первым его вызвать. Так что все в порядке. Дуэли запрещены, конечно, но ведь все дерутся. Ничего страшного — он взглянул на саблю, что висела над камином. Сапфиры играли, переливались в свете свечей.

— Ее, я, конечно, туда не возьму, — смешливо сказал Федор, затягиваясь, — надо написать Марте, чтобы о ней позаботилась. А икону, — он вздохнул и, протянув руку, коснулся волос Богородицы, — как раз заберу, она там очень кстати придется.

— Ничего там, кстати, не придется, — раздался с порога жесткий голос. Марта решительным шагом прошла к столу, — она была в уличном, темно-зеленом, отделанном бронзовой тесьмой, рединготе, такие же кружева украшали низко вырезанное, цвета древесной коры, платье. Волосы были прикрыты бархатной, с большими полями, шляпой.

Федор едва успел открыть рот, как Марта, перегнувшись через его плечо, схватила со стола записку для Робеспьера. Пробежав ее глазами, женщина выбросила конверт в камин.

— У тебя такое лицо было, — сказала она, садясь на ручку кресла, — там, на набережной Августинок, когда мы разговаривали, что я сразу все поняла. Ты что это, Теодор, с ума сошел? — требовательно спросила Марта.

— Иначе нельзя, — угрюмо сказал он. "Такое только кровью смывают. Он не откажется драться — сама знаешь, как тут относятся к трусам, — Федор криво усмехнулся, — это похоронит его политические амбиции".

— И тебя, — Марта вздохнула, — тоже похоронят.

— Я стреляю лучше него, — Федор почувствовал запах жасмина. Она сняла шляпу, и, положив ее на стол — встряхнула распущенными волосами.

— Разумеется, — согласилась Марта. "Однако ты не забывай, что он — депутат, судья, и гражданин Франции. Ты, по-моему, уже не помнишь, как ты свой паспорт здешний получил, Теодор".

— Законным путем, — мрачно отозвался Федор.

— То есть…, - он покраснел. Марта усмехнулась: "Месье Лавуазье попросил за тебя его величество. Людовик, конечно, согласился, но вряд ли королю понравится, если ты будешь убивать его подданных. Был бы Джон тут — он бы, конечно, вызвал его на дуэль…,- глаза Марты заблестели. Федор предостерегающе сказал:

— Даже и не думай об этом, у тебя дети, двое. Не будешь ты с ним драться, и Джон не будет. Я холостой, бездетный, — он поморщился, как от боли — мне надо идти туда.

Марта потрепала его по рыжей голове. "Не надо. Правда, Теодор — она улыбнулась, — тебе же сорока нет. Ты еще книг всех не написал, что хотел, в Виргинии уголь не нашел, не узнал возраста Земли…"

— Нельзя так, Марта, — упрямо сказал мужчина. "Надо его наказать, этого мерзавца, чтобы ему неповадно было. Человек чести никогда бы так не поступил с женщиной…, - он покраснел: "А я? Господи, обещал ведь себе — жить по правде, после того, что с Евой случилось. И вот, с Констанцей…, Нельзя так — не по любви".

— Нельзя, — согласилась Марта. Он буркнул: "Прости. Я не хотел, вслух…, А то, что я предлагал жениться на Жанне — так я это сделаю, если надо. Ради мадемуазель Бенджаман я все сделаю, ты же знаешь".

Марта наклонилась и поцеловала его в лоб.

— "Знаю, — согласилась она. "А еще весь Париж знает — как ты любишь Тео. Робеспьер никогда в жизни не поверит, что ты, за ее спиной, соблазнил Жанну…, - она замерла и ударив кулачком по колену, выругалась: "Черт, черт!".

— Что такое? — озабоченно спросил Федор.

Выслушав ее, он только рассмеялся: "Месье Робеспьер письмо Жанны давно выбросил, уверяю тебя. Зачем оно ему?"

— Может понадобиться, — коротко ответила Марта, и надела шляпу: "Ничего, с этим мы разберемся. А вот Жанна…, - она завязала атласные ленты под острым подбородком, — Жанна…, - Марта повернулась на каблуке. Уже от двери, женщина крикнула: "Не сиди за полночь, у тебя лекция завтра".

Федор услышал, как она сбегает с лестницы, дверь хлопнула. Он выскочил на балкон: "Подожди, тебя же надо проводить!"

Но Марта уже уходила к реке — под руку с невысоким, плечистым, коротко стриженым мужчиной. "Робер или Франсуа, — успокоено подумал Федор. Вернувшись к столу, он повертел в руках записку для Тео.

Федор вспомнил ее взволнованный голос: "Месье Корнель, не надо, пожалуйста…, Это же венчание, это серьезно…, Вы же не любите мадемуазель де Лу".

— Она моя родственница и она в отчаянном положении, — спокойно сказал Федор. "Любой порядочный человек на моем месте сделал бы то же самое, учитывая, — он замялся, — учитывая, стремления месье Робеспьера к власти. Он очень опасный человек, мадемуазель Бенджаман. Я, конечно, не имею права вам что-то советовать…"

— Месье Робеспьер тут больше не появится, — спокойно сказала Тео. Федор посмотрел на ее припухшие глаза: "Плакала. Господи, бедная, как мне ей помочь, как? Только так, — твердо ответил он сам себе. "Тогда она больше не будет волноваться за Жанну, если я с ней обвенчаюсь".

— Как только мадемуазель де Лу оправится, я подам прошение о браке, — Тео все глядела на него, будто собираясь что-то сказать. Потом, комкая тонкие кружева на груди, она кивнула: "Спасибо вам, месье Корнель".

mir-knigi.org

— Но я подумал, что надо все-таки его наказать, — хмыкнул Федор, посмотрев на ровные строки своей записки.

— Ладно, — он стал развязывать бечевку, — раз я завтра на рассвете не еду в Булонский лес — посижу, сделаю последнюю правку рукописи. Только кофе сварю сначала, — он поворошил угли в камине и внезапно прошептал: "Тео..., Господи, дай ты мне сил — видеть ее. Это ведь до конца дней моих, я знаю. Сладко, — он закрыл глаза и вспомнил свой шепот, там, в темной комнате, на узкой, старой кровати: "Тео, Тео, любовь моя, счастье мое, наконец-то, я не верю, не верю...".

— Сладко и горько, — тихо сказал Федор, потянувшись за сигарой, раскуривая ее. Он поставил кофейник на треногу и долго сидел, глядя на пламя камина.

— Сладко и горько, — повторил он. "Господь так решил, — так оно и будет".

Спальню заливал яркий свет утреннего солнца, пахло фиалками. Тео поставила на постель поднос орехового дерева: "Приходила Констанца, пока ты еще спала, она вернулась из деревни. Передает тебе, чтобы ты быстрее выздоравливала, и вот это, — женщина наклонилась и поцеловала белый, высокий лоб, с уже сходящими, желтоватыми синяками.

— Еще она принесла пачку новых книг, ей отец и Питер из Лондона прислали, — Тео стала загибать пальцы, — мисс Мэри Уолстонкрафт, это молодая английская писательница, Констанца ее очень рекомендует. "Историю Гвинеи" Бензенета, это американский аболиционист, он основал школу для девочек, в Филадельфии, и первым стал учить негров...

— Из Лондона, — болезненно, вздохнув, подумала Жанна. Она незаметно положила руку на свой живот: "Господи, месье Корнель предложил на мне жениться. Нельзя так, он же любит Тео, ее одну..., Но Марта и Тео сказали, что мне надо обвенчаться, тогда тот..., он..., ничего не сможет сделать с ребенком. Зачем я писала то письмо, зачем? — слезы сами закапали на шелковое покрывало. Тео, обняв ее, тихо спросила: "Что случилось, милая?"

— Письмо..., - всхлипнула Жанна. "Я была такая дура, Тео, но я думала — он меня и вправду любит, он будет рад ребенку..."

— О письме позаботятся, — Тео вскинула бровь. "Не волнуйся, пожалуйста, ты же слышала — профессор Бойер велел тебе лежать, и думать о хорошем. Констанца будет приходить, читать тебе, — Тео улыбнулась. Сжав пальцы, Тео вздохнула: "Господи, как тяжело. Она выйдет замуж, будет растить ребенка..., Но ты, же сама так решила — отпустить ее. Так надо".

Она вытерла слезы со щек Жанны и увидела, как дрожат ее губы. "Надо сказать, — велела себе женщина, — нельзя ничего скрывать от Тео. Она поймет, она ведь уже поняла".

Жанна подергала кружевную оборку на рубашке и слабым голосом сказала: "Тео..., я тебе еще кое-что не говорила..."

Закончив, она увидела, что Тео улыбается. Та, надбив верхушку яйца, налила в серебряную чашку кофе с молоком: "Ешь и пей. Булочки еще теплые, а молоко — козье. Марта договорилась, его теперь каждый день будут приносить. И яйца свежие, только из-под курицы".

— Тео, — Жанна полусидела, опираясь на подушки, с ложкой в руке, — Тео, мне так стыдно, прости, прости меня...

— Совершенно не за что, — черные глаза ласково улыбнулись. "Тео — робко продолжила Жанна, — но ведь я сама ему написала, сама, оттолкнула его. Не надо, чтобы он знал, об этом, — женщина показала на свой живот.

Прижавшись щекой к ее щеке, Тео велела: "Ешь".

Марта сидела за кованым столиком на балконе, качая ногой, быстро занося что-то в тетрадь. Тео посмотрела на вязь математических символов, на ряды цифр и зажмурилась. Марта рассеянно сказала: "Лагранж выздоровел, прислал записку, так что мы с Теодором сегодня к нему идем. Спохватилась, что задания не сделаны, со всей этой кутерьмой".

Тео опустилась в кресло, и помолчала: "Жанна мне тут, — она улыбнулась, — призналась кое в чем. Кажется, месье Корнелю не придется жертвовать своей свободой ради ее чести".

Марта слушала. Потом, откинувшись назад, она вспомнила лазоревые глаза, его улыбку, его твердый, уверенный голос.

— Так будет правильно, — наконец, сказала она. Вырвав из тетради чистый лист, Марта написала: "Дорогой Питер!".

Франсуа, что стоял, прислонившись к стене дома, прислушался, — за углом мяукала кошка, и сказал брату: "Он уже близко. Я пойду к ребятам. Ты поднимайся, и как следует, все там проверь. Этот Марат уехал. Я сегодня сам проследил, как он в почтовую карету садился. Так что там чисто".

Робер вытащил из кармана отмычки и полюбовался их блеском в свете луны: "Тебе, зачем туда ходить? Ребята сами справятся. Их там пять человек, и кулаки у них немаленькие".

Франсуа засучил рукава холщовой куртки и холодно ответил: "Месье Робеспьер пожалеет, что на свет родился. Ты, как закончишь, — поводи свечой в окне, мы его отпустим. Убивать я его не собираюсь, не бойся".

Кошка опять, пронзительно замяукала, луна скрылась за тучами, подул резкий ветер. Франсуа, коснувшись руки брата, велел: "Иди".

— Мерзавец, — подумал он, — сворачивая за угол. "Подонок, так поступить с мадемуазель Жанной…, Был бы Барон жив — он бы за свою дочь отомстил, конечно. А раз нет его — так мы должны это сделать. Папаша наш покойный и Барон — подельники были. Все равно, что семья. Месье Корнель, он дворянин, на дуэль хотел его вызвать, а мы по-нашему с этой мразью разберемся".

Он заглянул в темную подворотню, и кивнул: "Пошли, навстречу ему. Кошелек тоже возьмем, цацки, я у него перстень золотой видел".

Франсуа провел рукой по коротко остриженной голове. Он вразвалочку, медленно, направился навстречу невысокому, легкому человеку, что как раз появился на улице.

— Ну и грязь, — поморщился Робеспьер, обходя лужу. "Стоит дождям пройти — весь Париж в дерьме тонет. Ладно бы трущобы, но тут дорогой квартал, хороший. Жан-Поль эту квартиру купил, когда был придворным врачом у графа д’Артуа. У него тогда еще деньги водились. Правильно, — мужчина усмехнулся, — на политике много не заработаешь. Это пока, конечно. Как только Бурбоны сядут в тюрьму — нация получит их казну. Хоть дороги замостим".

Он остановился. Устроив удобнее бумаги под мышкой, Робеспьер посмотрел в сторону реки: "Мадемуазель Бенджаман спектакли отменила. Наверняка лежит сейчас, плачет. Скоро я там появлюсь, утешу мое сокровище. Отличный будет брак — лидер революции и звезда сцены. Народ ее любит, будет рад такому выбору".

Он представил себе ее — высокую, величественную, с распущенными по плечам волосами, идущую под руку с ним к алтарю.

— Не алтарь, конечно — поправил себя Робеспьер. "Мы уничтожим алтари и будем поклоняться Разуму, или Верховному Существу. Надо будет и старый календарь отменить, от него так и несет религией. Все будет новым, — он поднял голову к беззвездному, затянутому тучами небу, — новая власть, новая Франция. Я буду ее правителем".

Робеспьер улыбнулся, подходя к своему подъезду: "Жан-Поль объезжает провинциальных депутатов. Надо, чтобы большинство их появилось в Париже еще до весны. Тогда мы сможем разработать план действий. Знал бы Бурбон, что мы встречаемся у него под самым носом, в Версале. Далеко, конечно, долго добираться, но тут, в городе — все доносчиками кишит, или вообще — иностранными шпионами, вроде этих Экзетеров".

— Месье, — услышал он сзади ленивый голос, — месье, вы что-то обронили.

Мужчина — ростом вровень ему, в простой, холщовой куртке, которую распирали мощные плечи, — протягивал ему ключи. Фонарь был далеко, человек стоял к нему спиной. Робеспьер только и смог увидеть, как блеснули в улыбке его зубы.

— Спасибо, месье, — искренне ответил он. Тут же, охнув, выронив ключи и бумаги в лужу, Робеспьер согнулся от резкого удара в бок.

— Помогите! — крикнул Робеспьер, но тут на него со всех сторон, обрушилось еще несколько ударов. Он почувствовал, как трещит его сюртук. Тот же голос, — смутно знакомый, — велел: "Отдавай деньги, мерзавец! И кольца свои снимай, а то сейчас пальцев лишишься".

— Только не убивайте, — забормотал Робеспьер, стоя на коленях, сглатывая кровь, что капала из разбитых губ. "Не убивайте, я все отдам".

— То-то же, — усмехнулся кто-то из банды. Главарь, приглядевшись, коротко свистнул: "Уходим!"

— Я бы ему, конечно, сказал на ухо, — подумал Франсуа, оказавшись в подворотне, — за что его били. Но ведь эта гнида в префектуру побежит, а я мадемуазель Бенджаман обещал молчать. Неприятности нам не нужны. Ладно, синяки у него не скоро сойдут".

Робер шмыгнул во двор: "Нет ничего, я все обсмотрел. Вряд ли он письмо под половицами спрятал. Да и вообще — там даже шкап с замком и то, не стоит. Все на виду, на столе валяется. Бумаги его, всякая политика, — брат усмехнулся и сплюнул в лужу.

Франсуа пожал руки мужчинам: "Расходимся по одному, по лестнице наверх, и потом — по крышам".

Он потрепал брата по плечу: "Пошли, мадам Марта обещала нам утку оставить, а то я что-то проголодался. Вот и славно, что там нет ничего, — добавил он, уже открывая дверь черного хода, — меньше хлопот для всех".

Тучи рассеялись. Робеспьер, злобно выругавшись, прихрамывая, пошел к своему подъезду. "Голос знакомый, — все думал он. "Где же я его слышал? Потом вспомню".

Он отпер замок. Шагнув в темную переднюю, вдохнув запах табака, он обессилено сполз на дубовые половицы, тяжело, с присвистом дыша.

— Вспомню, — пообещал себе Робеспьер.

Лакей поставил на круглый стол орехового дерева серебряный кофейник и неслышно вышел. Марта разлила кофе: "Спасибо тебе, что так быстро приехал. Прямо как на воздушном шаре, — она улыбнулась.

— В проливе не штормило, за три часа прошли от Дувра до Кале, — Питер поднес к губам чашку и тут же опустил ее. "Он бледный такой, — подумала Марта. "Это не усталость, он просто волнуется".

— Вот, — Питер, непонятно зачем, поправил и так безукоризненно завязанный, темно-синий, шелковый галстук.

— До Дувра, с подставами, тоже за три часа доехали, и тут — сто восемьдесят миль, это шесть часов всего лишь. У меня все рассчитано, давно уже. Меньше суток, с тех пор, как твое письмо привезли. К мальчикам я ездил…, - Питер сбил с рукава синего сюртука несуществующую пылинку, — с ними все хорошо, Тедди выиграл приз за латинское сочинение, он тебе сам напишет…, - мужчина внезапно осекся и поднял лазоревые глаза: "Марта…"

Женщина потянулась и положила свою маленькую руку на его ладонь — смуглую, сильную, с изящными пальцами.

— Что она тебе тогда написала, — вздохнула Марта, закинув ногу на ногу, — летом, так, то от страха было, дорогой мой. Ты прости ее, Питер. Девочка запуталась, не знала, куда ей кинуться. Прости, — повторила она. Питер, поднявшись, походил по изящной, обтянутой серебристым шелком, столовой.

За окном была полуденная рю Мобийон. Он прислонился лбом к стеклу: "Как похолодало, все в шарфах уже. Зима скоро, и листья все облетели. Господи, неужели…, неужели можно все вернуть? Она будет сидеть напротив меня, в кресле у камина, с вязанием, и вокруг будут дети, наши дети…"

Марта откашлялась и потянулась за шкатулкой с сигарами: "Вот только везти ее никуда нельзя. Бойер ее осматривал, и, учитывая, то, что уже случилось, один раз…"

Питер похолодел: "Так вот почему она мне написала. Девочка, бедная моя, как ей было больно, как одиноко. Господи, если бы я знал, я бы не дал ей уехать, я бы поговорил с Тео…"

— Так вот, — Марта прикурила от свечи, — непонятно, что в тот раз было, но сейчас Бойер велел ей лежать, как только об этом услышал. Он, — женщина вздохнула, — наверное, разрешит ее перевезти в деревню, но не дальше. Родит, в июле, и забирай ее в Лондон, на здоровье. Ее и малыша.

Питер все стоял. Марта увидела, как сжимается его рука. "Этот…, человек, — наконец, спросил Питер, — он не будет мешать нашим планам?"

— Не будет, — Марта выдохнула дым. "Он вообще больше не появится на набережной Августинок. Лучше бы, конечно, Жанну и, правда — в деревню отправить, вот только как ты…"

— Я все устрою, — уверенно сказал Питер. Он улыбнулся — как всегда, когда все в его голове становилось ясным и понятным, и не оставалось больше сомнений.

— И что сомневаться, — хмыкнул. "Я люблю Жанну. Она сделала ошибку, это с каждым может случиться. Ничего страшного, теперь она со мной, и все будет хорошо. И она тоже меня любит, мы просто недолго друг друга знали. А сейчас все будет как надо".

— Я сниму дом, — Питер решительно прошел к столу и допил свой кофе. "Где-нибудь, за городом. Буду ездить в Лондон, если понадобится, а так, — он усмехнулся, — ты же слышала — все бумаги мне меньше, чем за сутки доставят. Я на рю Жакоб, в посольство, — Питер подхватил со стула папку испанской кожи, — в посольство, а потом, — он обернулся на пороге, и счастливо рассмеялся — к Жанне.

Марта услышала, как он напевает что-то, спускаясь по лестнице. Она выглянула на балкон — Питер шел, высоко подняв каштановую голову. Солнце ненадолго вышло из-за туч. Марта, подняв руку — перекрестила его прямую спину.

Элиза поправила на белокурой голове венок из роз. Девочка ахнула, заглянув в гостиную: "Тетя Жанна, вы такая красивая!"

Она сидела в кресле у окна — в изящном, кремового шелка платье, с букетом в руках. Жанна обернулась. Завидев Марту, что стояла за дочерью, она улыбнулась: "Уже сейчас, да?"

— Элиза, — велела Марта девочке, — сходи к тете Тео. Может быть, ей помощь нужна.

Та, подпрыгивая, убежала. Марта, наклонившись, поцеловала теплый лоб. "Все будет хорошо, — уверенно сказала женщина. "Дом Питер в Венсенне снял, отличный, с мебелью. Тео с вами слугами поделится. Езжайте туда и живите спокойно, а рожать тут будешь, Бойер только следующей осенью в Вену собирается. А если Питеру в Лондон понадобится — я тебе помогу, или Констанца. Не волнуйся".

Жанна положила букет на колени и обняла Марту. "Спасибо, — шепнула она. "Спасибо, спасибо вам".

Она вспомнила скрип двери и его тихий голос: "Жанна…"

Питер стоял, глядя на нее. Женщина подумала: "Синяки…, Они же не сошли еще, и ссадина эта, на щеке. Как он на меня смотрит — так же, как тогда, в Лондоне, будто никого другого на свете нет. Господи, неужели — все можно вернуть, и мы будем вместе, навсегда? Не верю, нет, не бывает такого…"

Он опустился на колени перед ее креслом и взял ее руки: "Поверь, любовь моя. Не надо, не надо ни о чем вспоминать — мы теперь одно целое, ты и я. И наши дети — Майкл и маленький, — Питер ласково улыбнулся, подняв глаза. Жанна потянулась и поцеловала его — сильно, отчаянно, как тогда, летним вечером, в Лондоне, казалось, жизнь назад.

От нее пахло фиалками. Питер, обняв ее, шепнул: "Не вставай. Ты у меня теперь будешь лежать, сидеть, и все. И ни о чем не беспокойся, пожалуйста, — он улыбнулся, целуя ее ладонь, каждый палец, каждую заживающую царапину.

В дверь легонько постучали. Тео, вместе с Элизой заходя в гостиную, весело сказала: "Вот и подружки невесты!". Она была в роскошном, темного золота, отделанном светлым кружевом платье. Марта, смешливо подумала: "Бедный Теодор. Она же, и правда, как солнце — ослепляет, если долго смотреть".

Элиза расправила свои пышные юбки. Покачав на руке корзинку, девочка лукаво улыбнулась: "У меня тут розы, тетя Жанна, и пакетик с рисом. После венчания я вас обсыплю, так и знайте. А где дядя Питер нашел англиканского священника? — поинтересовалась девочка.

— В посольстве, — отозвалась Марта. "Тетя Жанна получила особое разрешение на венчание от парижского епископа — она же католичка. Это все дядя Питер устроил".

Дверь открылась. Констанца — в светлом парике и платье голубого шелка, улыбнулась: "Жанна, мужчины уже в передней".

Питер оправил изящный, темно-серый сюртук. Проведя ладонью по волосам, он внезапно положил руку на галстук. Крестик был там. Он, прошептав что-то, повернувшись к священнику, сказал: "Я готов". Федор посмотрел на кольцо, что лежало у него на ладони — с большой, голубовато-серой жемчужиной, окруженной бриллиантами, и вспомнил:

— К слезам. Ерунда, все у них хорошо будет. Питер на нее надышаться не может. Поживут тут до лета, уедут в Англию и не вспомнят больше об этом Робеспьере. Хоть бы он себе голову сломал, вместе с Маратом, дружком своим. Меня тоже в этот клуб приглашали, что в Версале собирается, но я им сразу сказал — я ученый, а не политик, оставьте меня в покое.

Питер увидел ее глаза — большие, устремленные на него, в темных, длинных ресницах. Пройдя в гостиную, он встал рядом с ее креслом: "Мы готовы, святой отец".

И все время, пока священник говорил знакомые слова, пока он помогал Жанне опуститься на колени, и потом осторожно устраивал ее в кресле, когда он надевал кольцо на тонкий палец, пока Элиза разбрасывала рис и все, смеясь, поздравляли их — Питер не видел ничего, кроме ее взгляда. Он слышал только нежный голос Жанны, и не чувствовал ничего, кроме прикосновения ее розовых, сладких губ.

Обед был накрыт в столовой. Питер, набрав полный поднос еды, сказал Марте: "Мы с Жанной в спальне перекусим, скоро уже и карета приедет. Я потом вернусь, помогу Тео вещи складывать". Она только кивнула. Отпив шампанского из хрустального бокала, Марта шепнула Питеру: "Насчет письма, что Жанна ему написала — Робеспьер его выбросил, мы проверили. Да и не нужен ему этот ребенок, так что забудьте о месье Максимилиане, он вам не препятствие".

— Уже забыли, — рассмеялся Питер. Выходя из столовой, придерживая одной рукой поднос, он услышал тихий голос: "Давайте, я вам помогу, месье Кроу. Я Франсуа, — в серых глазах мужчины заиграла усмешка. "Вы меня с братом перепутали, как первый раз сюда пришли".

— И немудрено, — усмехнулся Питер.

Охранник помолчал и, держа в руках поднос, прислонился к стене: "Мы десять лет у мадемуазель Бенджаман работаем, месье Кроу. Наш отец знавал батюшку мадемуазель Жанны. Я вижу, вам можно доверять, — он улыбнулся. "Так что я за нее спокоен, за мадам Кроу".

— Спасибо, — кивнул Питер. Франсуа, добавил: "Я там попросил ребят за вашим венсенским

особняком присматривать, так, что все будет в порядке".

— Я и не сомневался, — подмигнул ему Питер. Забрав поднос, он закрыл за собой дверь спальни.

— Паштет, — сказал он, садясь на кровать, — устрицы, лосось, и еще много всего. Сейчас поедим, а потом за нами приедет карета. Тебя в кресле вниз отнесут, любовь моя.

Жанна полусидела, опираясь на кружевные подушки. Она ласково улыбнулась. Питер, взяв украшенную кольцом руку, поднес ее к губам: "И вправду, благ ко мне Господь, и нечего мне больше желать".

— Бойер, когда меня осматривал вчера, — Жанна покраснела, — сказал, что к Рождеству мне разрешит и вставать, и гулять. Дитя уже окрепнет, можно будет не бояться…, - она вздохнула и Питер уверенно сказал:

— Все будет хорошо. Устроим деревенское Рождество — я привезу Майкла. Тедди приедет, на каникулы, Изабелла и Джованни, с детьми, — они Констанцу хотят навестить, Тео, Теодор, Марта с Джоном и Элизой — все у нас соберутся. Будет весело, — рассмеялся он.

Жанна посчитала на пальцах.

— Четырнадцать человек, — улыбнулась женщина. "Вся семья, как хорошо. И пятнадцатый, — она положила ладонь на свой живот.

— Питер, — Жанна замялась и шепнула что-то ему на ухо.

— О, — он поднял бровь и проглотил устрицу, — вот это как раз мне очень по душе, дорогая жена. Каждый день, если можно. А лучше, — он потянулся еще за одной, — по несколько раз в день. Я очень рад, что врач тебе это рекомендовал, — добавил Питер. Жанна, обняв его, целуя седой висок — счастливо улыбнулась.

Робеспьер зашел в подъезд на набережной Августинок, и отряхнул шелковый зонтик — на улице шел снег с дождем. Он пригладил белокурые волосы. Поднявшись наверх, увидев знакомую дверь, он чуть слышно шепнул: "Тео…, Сейчас она станет моей, я уверен. Она одна. Нам теперь никто и ничто не помешает. Я брошу к ее ногам всю Францию, у нее будет свой театр, ей будут поклоняться, как богине. Как олицетворению Высшего Существа…, - он, внезапно, замер:

— Правильно. Республике понадобится символ, та, что будет представлять наши ценности — свободу и равенство. Она будет нашим гербом, ее изображения появятся на медалях, ее скульптуры поставят на площадях Парижа. Тео, Тео…Кто из женщин откажется от такого?

Он постучал и вежливо сказал в приоткрытую дверь: "Месье Робеспьер к мадемуазель де Лу".

— Мадемуазель де Лу тут больше не живет, — ответил ему грубый голос. Робеспьер победно улыбнулся: "Так я и знал, что Тео выгнала эту дуру. Сейчас я ее увижу, сейчас объяснюсь ей в любви. Она мне не откажет, не может отказать".

— Тогда я бы хотел видеть мадемуазель Бенджаман, — попросил он.

— Мадемуазель Бенджаман не принимает, — Робеспьер вслушался: "Голос знакомый. Это один

из тех охранников, они близнецы".

— Она болеет? — обеспокоенно спросил Робеспьер. "Передайте ей, пожалуйста, что я бы хотел засвидетельствовать свое почтение".

— Мадемуазель Бенджаман не принимает, — процедил мужчина. Дверь захлопнулась. Робеспьер, стоя на площадке, глядя на еле заметный силуэт собора в залитом дождем окне, помолчал. Пробормотав: "Я еще вернусь", он спустился вниз. Робеспьер вышел на набережную. Ежась от холода, подняв зонтик, он взглянул на окна квартиры — тяжелая, бархатная штора на мгновение заколыхалась.

Робеспьер стоял, вскинув голову, не отводя глаз от ее окон. Потом, шепнув что-то, он пошел прочь, вдоль реки, подставив лицо пронзительному ветру, чувствуя, как закипают в глазах злые, упрямые слезы.

Эпилог

Париж, июль 1789 года

На правом берегу реки поднимался сизый, тяжелый дым. Звонили колокола, в синем летнем небе метались растревоженные птицы. Марта, что стояла на балконе, прислушалась — от Бастилии все еще доносились выстрелы. Остров Ситэ был пуст. Она вцепилась пальцами в кованую решетку: "Все туда ушли. Господи, где же Джон? Второй день его нет, сказал, что уезжает в Версаль и до сих пор не вернулся".

Кто-то прижался к ее боку. Она погладила светлые локоны дочери. "Мама, — Элиза подняла зеленые глаза, — а где папа?"

— Скоро будет, — попыталась улыбнуться Марта, ощущая ногой холод пистолета, засунутого за кружевной чулок. "Как это Джон сказал, — вспомнила она, — его величество сейчас должен принять решение о будущем Франции, иначе он опоздает. Депутаты от третьего сословия еще в июне дали клятву — не разъезжаться, пока в стране не будет конституции. Бедный Людовик, он же совсем недавно старшего сына потерял, он еще в трауре".

— Скоро, — твердо повторила Марта и вздрогнула — до нее донеслись отдаленные раскаты пушек.

— А дядя Теодор? — все не отставала Элиза.

— Дядя Теодор в Арсенале, с месье Лавуазье, — хмуро ответила Марта. "Увозят оружие, которое вчера не успели разграбить, — вздохнула она про себя. "И так — толпа в Бастилию отправилась только потому, что там порох хранится. В ней всего семь заключенных сидит, кого там освобождать? Де Сада? Хотя его же перевели оттуда, в Шарантон, Джон говорил, — она горько усмехнулась. Вдохнув запах гари, Марта заставила себя сказать: "Надо присмотреть за тем, как накрывают обед. Дядя Питер сейчас привезет профессора Бойера".

— А с тетей Жанной все будет в порядке? — озабоченно спросила Элиза. "Это больно — когда ребеночек рождается?"

— Больно, — согласилась Марта, оглядывая убранную белыми розами столовую. На крахмальной скатерти стояли тарелки севрского фарфора, блестело серебро. Она, подойдя к Франсуа, едва слышно велела: "Надо шторы опустить, на всякий случай".

Он только улыбнулся: "Там шваль всякая, ваша светлость, у Бастилии — пошумят и разойдутся. Весь Париж знает, что тут мадемуазель Бенджаман живет — кто сюда попробует камень швырнуть, быстро в Сене окажется".

Марта дернула углом рта. Наклонившись к Элизе, она добавила: "Больно, но скоро у тети Жанны будет сыночек, или доченька, — просто надо потерпеть".

— Жалко, что они с дядей Питером в Англию уедут, — вздохнула Элиза. "Так весело было, на Рождество, мама, когда все тут собрались. А мы в Париже останемся?"

— Конечно, — Марта пощекотала ее: "Правильно Франсуа говорит — пошумят и разойдутся. Национальная Ассамблея подаст королю проект конституции, Людовик его примет, и все успокоится".

Она прошла в спальню. Жанна полусидела, опираясь на подушки — свежая, цветущая, с заколотыми на затылке белокурыми волосами. Тео, что держала ее за руку, повернулась: "Встать хочет. Скажи ты ей, что не надо этого, пока врач не приехал".

Марта вспомнила Рождество в Венсенне. Зима была снежной, дети катались с холма на санках. Жанна, которой только разрешили подняться — осторожно ходила по аллеям парка, держась за руку Питера. Она была закутана в соболью шубку, волосы прикрыты меховой шапочкой, Питер что-то нежно шептал ей на ухо. Марта попросила: "Господи, только бы у них все хорошо было. Любят же друг друга, сразу видно".

Майкл — весь в снегу, со сбитым набок шарфом, оказался рядом с ней. Подросток улыбнулся: "Я так рад за папу. Жанна очень добрая, и готовит она так, — мальчик облизнулся, — что я теперь до лета, тетя Марта, этого гуся вспоминать буду, с каштанами и яблоками. И хорошо, что маленький родится, — Майкл едва успел закончить. Услышав крик с горки: "Будем состязаться — кто быстрее!", — он побежал к младшим.

— Странно, — подумала Марта, глядя вслед мальчику, — он ведь не по крови Питеру сын, а все равно похож. Только глаза чуть раскосые, это в отца у него. А так — тоже легкий, изящный, невысокий. Тедди его на два года младше, а выше чуть ли не на голову. И Пьетро тоже — вверх тянется, в родителей.

Марта смотрела на сына и видела его отца. Тот же упрямый очерк подбородка, высокий лоб, та же привычка раздувать ноздри, — когда Тедди был чем-то недоволен. "Дэниел и Мэтью покойный на мистера Дэвида — меньше похожи, — иногда говорила себе Марта. "Хоть характером Тедди в меня и папу, тут беспокоиться не о чем".

Изабелла подошла к ней, держа за руку маленького Франческо, и стряхнула снег с перчаток: "Фундамент мы с моим десятником, — она рассмеялась, взяв на руки сына, целуя его, — заложили. Завтра приедет Теодор, и сделаем настоящую крепость, как он рассказывал. В России так играют, детям понравится".

— Конечно, — усмехнулась Марта, глядя на дочь. Элиза сидела на санках, которыми правил Майкл. Обернувшись, она швырялась снежками в Тедди и Пьетро, что гнались за ними по склону холма. Шерстяной капор упал ей на спину, белокурые, растрепанные волосы девочки развевались по ветру, санки въехали в сугроб. Марта крикнула: "Всем обедать!".

— У меня и не болит ничего уже, — обиженно сказала Жанна. "Тянет иногда, редко. А что воды отошли, ты же сама говорила — нужно ходить после этого".

— Подождешь врача и ходи, — велела Марта. "Не бойся, все хорошо будет, Бойер же говорил — ребенок небольшой и лежит правильно".

Тео обняла Жанну: "Не волнуйся, милая. Мы все тут, мы с тобой". Она поцеловала белый лоб. Марта, прислушалась: "Не стреляют больше. Как Франсуа и говорил — пошумели и разошлись".

Она обвела взглядом изящную опочивальню, с уже приготовленной, тонущей в кружевах, колыбелью, и повертела на пальце, кольцо с синим алмазом: "Господи, только бы с Джоном ничего не случилось. Хотя он человек разумный, ни во что опасное ввязываться не будет".

Пуля чиркнула по углу дома, брызнули осколки камня. Невысокий, светловолосый мужчина в рабочих, холщовых штанах, деревянных сабо и обтрепанной куртке, сочно выругался.

— Тридцать тысяч фунтов пороха там лежит, — вспомнил Джон, опустив руку в карман, чувствуя тяжесть пистолета. "Мушкеты у этих оборванцев уже есть, они их в Доме Инвалидов взяли. Правильно Теодор говорил — надо было оружие в одном месте хранить, а не развозить по городу".

Раздался пушечный залп, ядра, просвистев над головами орущей толпы, — на площади были тысячи, — вонзились в стены крепости. "Цепи подъемного моста уже перерезали — Джон посмотрел на вход в Бастилию. "И солдаты здесь, те, что дезертировали. Они-то пушки и притащили. Надо уходить, сейчас штурм начнется, судя по всему".

Он вспомнил растерянное, бледное лицо короля. Тот вытер слезы с глаз: "Его высочество дофин только месяц, как умер. Почему я даже не могу оплакать своего сына, как полагается? Почему, вместо того, чтобы молиться о душе Луи, я должен выслушивать, — Людовик поморщился, — какие-то требования, угрозы? Я отправлю в отставку министра финансов. Это под его нажимом третье сословие подает мне бесконечные жалобы. Я созвал Генеральные Штаты, что им еще нужно?"

— Ваше величество, — вздохнул Джон, — им нужна конституция. Не надо смещать месье Неккера, это только раздразнит депутатов…

Людовик поднялся, — Джон тут же встал, — и холодно сказал: "Позвольте мне самому решать — что делать с моими министрами. И передайте королю Георгу, моему царственному брату — пусть поменьше вмешивается в дела Франции. Он потерял свои колонии — я же этого делать, не намерен".

Золоченая дверь хлопнула. Джон, стиснув зубы, буркнул: "Колонии…, Как бы он жизнь не потерял. Впрочем, я тут и сижу для того, чтобы такого не случилось. "Передайте королю Георгу", — передразнил он Людовика. "С весны половина Франции бунтует — до Кале еще доехать надо".

Со стен крепости свесилось белое полотнище. Джон облегченно вздохнул: "Слава Богу!". Толпа взвыла, потрясая оружием, ворота внутреннего двора медленно распахнулись, люди ринулись туда. Джон увидел знакомую, рыжую голову.

Он поймал за рукав высокого, тонкого парня. Толкнув его за угол, Джон прошипел: "Констанца! Ты что тут делаешь?"

— Даже как-то странно слышать такой вопрос, — ядовито ответила девушка, вытащив из

кармана старой куртки блокнот. Она была в подвернутых, холщовых штанах, руки — испачканы порохом. "Оружие помогала грузить, в Арсенале, — отмахнулась она. "А теперь тут — за репортажем пришла".

Со двора крепости раздались выстрелы и чей-то отчаянный крик: "Пощадите!". "Все, мне надо туда, — Констанца вывернулась из-под его руки, и побежала к крепости. Джон догнал ее: "Хочешь попасть на заседание Национальной Ассамблеи, в Версале?"

В темных глазах девушки отразилась мука. "У меня лошади есть поблизости, — вкрадчиво добавил Джон. "Нас даже в таком, — он похлопал по своим штанам, — туда пустят. Перед рабочими они дверей не закрывают".

Констанца, недолго думая, тряхнула рыжей головой: "Спасибо, дядя Джон".

— Там хоть безопасней, — подумал герцог, выводя лошадей из старого, покосившегося сарая на задворках рынка. Мощный, высокий мужчина высунулся из окошка. Держа в руках нож, он крикнул: "Вернешься?"

— Постараюсь, — пообещал Джон хозяину трактира. Перегнувшись в седле, он спросил Констанцу: "У тебя оружие есть?"

— Я же в Арсенале была, — удивилась девушка, доставая из-за пояса штанов пистолет. Джон только покрутил головой. Пришпорив свою лошадь, герцог вздохнул: "Поехали".

Марта вышла в переднюю и вдохнула запах пороха. Он стоял у двери — высокий, в старом, прожженном сюртуке и о чем-то тихо разговаривал с охранниками.

— Не волнуйтесь, месье Корнель, — услышала она спокойный голос Робера, — мы с братом никуда отсюда не уйдем. Да и не тронут они мадемуазель Бенджаман.

— И я тут останусь, — хмуро сказал Федор, взвешивая на руке пистолет. "Я твоего мужа видел, — повернулся он к Марте, — они в Версале, с Констанцей. Мы туда с месье Лавуазье оружие привезли".

У него были запавшие, усталые глаза. Марта заметила на костяшках пальцев свежие ссадины. "Так, — отмахнулся Федор, — пока сюда ехал, пришлось пару раз спешиться, и объяснить этой швали — что к чему".

Он отвел ее в сторону: "Коменданту Бастилии отрубили голову. Сейчас носят ее там, на пике- Федор повел рукой, — по правому берегу. Конечно, все это успокоится…, - он тяжело вздохнул, — рано или поздно. Джон просил передать, что он во дворце, а Констанца с месье Лавуазье, его не тронут".

— Не тронут, — кисло повторила Марта и подтолкнула его: "Иди, поешь. У Жанны еще не скоро все случится. Я бы Элизу, конечно, домой отправила…, - она посмотрела на угрюмое лицо мужчины, и едва слышно спросила: "Все так плохо?"

— Лавки грабят, — Федор прислонился к стене. Он вспомнил грохот пушечных залпов, и дым, поднимавшийся от стен Магнитной крепости. "Нет, — разозлился Федор, — никуда я отсюда не уеду. Тут мадемуазель Бенджаман, она женщина, ей нужна защита. Пока она не будет в безопасности, — пока все не будут в безопасности, — с места не сдвинусь".

— Ничего, скоро все закончится — попытался улыбнуться он. Марта вздрогнула — из-за двери опочивальни раздался отчаянный крик Тео: "Марта! Сюда!"

— Побудь с Элизой, она в библиотеке, — успела попросить женщина и рванула на себя бронзовую ручку. Бойер рылся в своем саквояже, Питер и Тео придерживали Жанну за плечи. Та стояла, согнувшись, смотря расширившимся глазами на лужу крови, что расплывалась по персидскому ковру.

— Все же было хорошо, — подумала Марта. "Я уходила, у нее схватки едва начались. Все было хорошо".

— Детское место отслаивается, — зло сказал Бойер, доставая пузырек с темной эссенцией и слуховую трубку. Он опустился на колени, и, застыв, помолчал: "Если сейчас промедлить, то у ребенка скоро откажет сердце".

— Нет! — откинув растрепанную голову назад, хватая воздух губами, завыла Жанна. "Нет, Господи, больно, как больно, я умру сейчас!"

Марта посмотрела на ее искаженное, залитое слезами лицо. Бойер, ощупав живот женщины, велел: "Сажайте ее на постель. Схватки хорошие, может быть, и удастся спасти дитя".

— Все же было в порядке, — растерянно пробормотал Питер, осторожно ведя жену к кровати. "Все было в порядке, профессор".

— Так случается, — устало сказал Бойер. "Вы, месье Кроу, держите ее сзади. Дамы мне помогут". Жанна стонала — высоко, жалобно, по-звериному. Марта, поманив к себе Тео, взглянув на ее бледные губы, тихо предложила: "Может быть, тебе лучше..."

— Я буду с ней, — твердо ответила Тео. Обняв Жанну, женщина шепнула: "Все будет хорошо, милая. Просто надо потерпеть, и все. Все будет хорошо".

Жанна упала спиной на кровать, запахло свежей кровью. Бойер, выругавшись сквозь зубы, стал раскладывать на серебряном подносе стальные инструменты. "Ждать больше нечего, — сказал он, вымыв руки в тазу. "Если ребенок не родится в течение получаса, то он умрет. У нее опять кровотечение, и очень сильное. Ваша светлость, — он передал Марте пузырек, — нанесите это на ее живот".

Марта вдохнула острый, горький аромат и тихо сказала Питеру: "Болотная мята. Чтобы ускорить схватки".

Он стоял на коленях, нежно стирая пот с побледневшего лица жены. Жанна уже не могла говорить, — она только кричала, мотая головой, вцепившись рукой в сильные пальцы Тео.

Питер вспомнил зиму в Венсенне, когда они сидели у камина. Жанна вязала, клубок шерсти лежал на бархатной скамеечке у ее ног. Он, отложив документы, сняв очки — любовался ее белокурыми волосами, ее опущенными, сосредоточенными глазами. Жанна краснела: "Опять ты на меня смотришь".

— Я тебя люблю, — он обнимал ее за плечи, целуя нежную шею, маленькое, с жемчужной сережкой, ухо. Вдыхая нежный, сладкий аромат, что шел от нее, Питер думал: "Она вся — как цветок".

Жанна внезапно взметнулась с кровати, схватившись за грудь. "Дышать... — она упала на руки

Питеру, — дышать…, не могу! Нет!". Голубовато-серые глаза закатились. Боейр, потянувшись за ножом, покачал головой: "Надо доставать плод".

Питер взглянул на безжизненное, мертвенно-бледное лицо Жанны. Он поднял голову: "А она? Что с моей женой, профессор Бойер?"

Вместо ответа врач показал на темную, быструю кровь, что лилась в подставленный Мартой таз. "Матка разорвалась, — сказал он, делая надрез. Жанна даже не пошевелилась.

— Но ведь можно, же зашить…, - застывшими губами сказал Питер. "Как же так… — он все не верил. "Жанна, — он наклонился над безжизненным лицом. "Жанна, любовь моя, — Питер увидел, как на ее щеку упала его слеза. Темные ресницы женщины дрогнули, она чуть пошевелила губами. Питер, прижавшись к ним — еще успел почувствовать ее последний, легкий вздох.

— Плод мертв, — Бойер перерезал пуповину и завернул ребенка в салфетку. "Жаль, здоровый мальчик, небольшой — но здоровый".

Марта посмотрела на Тео, что, с застывшими глазами все держала руку трупа. Питер обнимал жену за плечи, тихо плача, раскачиваясь из стороны в сторону. Тео внезапно вздрогнула. Поднявшись с кровати, она велела Бойеру: "Дайте!"

— Мадемуазель Бенджаман, — тот развел руками, — мне очень жаль….

— Я не позволю, — подумала Тео, выхватывая у него салфетку, — не позволю. "Легкий, какой он легкий, — поняла женщина, и, нажав плечом на дверь гардеробной — скрылась за ней. В маленькой комнате было почти жарко, и Тео успела подумать: "Тут с утра камин горит, Бойер инструменты кипятил".

Она положила салфетку на комод орехового дерева, и, перекрестившись, развернула ее. Мальчик лежал, — маленький, изящный, с испачканной подсыхающей кровью белокурой головой. Тельце было синеватым. Тео, потянувшись, сорвав с решетки перед камином нагретый холст, опустила его на младенца. Она наклонилась и, прижавшись губами к его губам, дышала, — настойчиво, не останавливаясь, растирая его ручки и ножки. Она, наконец, услышала слабый, жалобный крик. Мальчик повертел головой. Тео, тихо плача, осторожно прижала его к себе: "Ты не бойся, мой хороший, сыночек наш. Я тут, я с тобой".

— Дай, — раздался голос с порога. Марта прошла к ней. Присев в кресло, взяв дитя, женщина спустила с плеча корсет и рубашку.

— Соси, — велела она ребенку, — мы от тебя не отстанем, Мишель де Лу. А ты, — она вздохнула, и, найдя руку Тео, пожала ее, — пошли Франсуа за кормилицей. Бойер ему скажет — кто тут есть в округе. Хотя бы на первое время, а потом у себя ее поселишь". Марта отогнула холст: "Беленький. Глаза голубые, наверное, будут. Питер там, — она махнула рукой, — с Жанной".

Тео внезапно сползла на ковер и, уронила голову в руки: "Жанна. Господи, моя Жанна, не верю, поверить не могу…, Потом, все потом, — твердо велела себе она. Плеснув в лицо водой из фарфорового таза, Тео спросила: "Как он там?"

— Уже не ленится, — Марта вздохнула. "У меня там нет ничего, конечно. Но я кормила, два раза, а ты — нет. Иди, я тут с ним посижу".

Тео прошла в опочивальню, — все было прибрано. Жанна, укрытая простыней до подбородка, лежала на постели. "Дым все еще, там, на правом берегу, — отчего-то подумала она. "Бастилию взяли, Марта говорила. Господи, только бы с мальчиком все хорошо было".

Питер стоял на коленях, прижавшись лицом к руке жены. Тео тихо тронула его за плечо. Он глухо спросил: "Что там?".

— Живет, — Тео помолчала. "И будет жить, Питер. Ты..., - она прервалась. Мужчина, сдерживая слезы, шепнул: "Не надо, Тео..., Пусть останется с тобой, — он, наконец, оторвался от ладони Жанны. "Ты ведь ее любила, и она тебя..., Она мне рассказала, осенью еще..., Жанна, — он уткнулся в плечо Тео. Та, поглаживая его волосы, вздохнула: "Ты поплачь. Мы все устроим, Питер. Просто поплачь".

Уходя, Тео оглянулась, — он опять стоял на коленях, положив голову на кровать, касаясь губами руки жены.

Она вышла в переднюю и, заставив свой голос не дрожать, попросила: "Профессор Бойер, вы, пожалуйста, езжайте с Франсуа, привезите сюда кормилицу. Робер тут останется, присмотрит за дверью".

Тео увидела, как помрачнели серые глаза охранника. Он коротко сказал: "Мадемуазель Бенджаман, мне очень жаль..., Мы все сделаем для вас и маленького, обещаем".

Женщина кивнула. Франсуа осторожно добавил: "Месье Корнель..., Он в библиотеке, с мадемуазель Элизой. Она, впрочем, кажется, заснула".

Тео шла по обтянутому шелком коридору, пошатываясь, — пока не почувствовала рядом с собой знакомый запах кедра, пока не услышала знакомый, ласковый голос, не ощутила его крепкие руки, что, подхватив ее — распахнули двери гостевой спальни.

Потом она выла, уткнувшись лицом в подушку, рыдая: "Нет, нет, я не верю, она не может, не может умереть!". Федор сидел рядом, укачивая ее, шепча что-то неразборчивое, ласковое, приносил ей воду, вытирал слезы с ее лица. Тео, наконец, подняв голову, сказала перехваченным горлом: "Месье Корнель, надо отца Анри позвать, похоронить...". Она прервалась, сунув пальцы в рот, прикусив их, чувствуя только одну, огромную, боль, комком вставшую в груди: "Похоронить. вместе с моим братом..., Питер согласен...".

Она опять упала на кровать. Федор тихо сказал: "Я все сделаю, мадемуазель Бенджаман. Все сделаю. Пожалуйста, — он помолчал, — пожалуйста, не беспокойтесь. Я тут, с вами, и маленьким. Я всегда, — он прервался, — всегда буду рядом — что бы ни случилось".

Федор еще долго сидел, держа ее за руку. Только, когда она задремала, измученно вздрагивая, перекрестив ее, мужчина поднялся.

В опочивальне пахло молоком и горячей водой. "Элиза заснула, — сказал он, заходя, — и мадемуазель Бенджаман тоже. А где? — он сглотнул и показал на прибранную кровать. "Во второй спальне, он хочет..., хочет, чтобы им не мешали пока, — вздохнула Марта. Женщина стояла, засучив рукава платья, над серебряным тазом. Попробовав локтем воду, она крикнула: "Несите!".

Приняв из рук кормилицы маленький сверток, Марта обернулась: "Помоги мне, пожалуйста".

— Я не умею, — растерянно сказал Федор, посмотрев на свои грубые, в шрамах ладони. "Это

просто, — Марта улыбнулась.

Он услышал писк, — будто плакал котенок. Встав рядом с женщиной, Федор подумал: "Маленький, какой он маленький". Марта нежно, аккуратно поддерживая головку, стала опускать дитя в воду. "Совсем недолго, — тихо сказала она, — он слабенький еще. Но ест хорошо, бойко".

Ребенок пошевелился, и, открыв залипшие глазки, поводил ими из стороны в сторону. Федор, сам не зная почему — протянул ему палец. Мальчик выпростал из пеленок костлявую, крохотную ручку и уцепился за него — крепко. Глаза у него были голубые, сонные, еще затуманенные. "Всегда буду рядом, — вспомнил Федор свои слова. Внезапно улыбнувшись, он кивнул головой: "Всегда".

Лавочник в холщовом переднике вынес на улицу деревянную лестницу, и, ругаясь — полез приколачивать полусорванную вывеску. У "Прокопа" было шумно, над столиками висел табачный дым. Робеспьер оглядел толпу посетителей — в летних, светлых сюртуках. Девчонки с плетеными корзинками слонялись по мостовой, предлагая цветы. Было жарко, с реки дул томный ветер середины лета. "Гарью уже не пахнет, — понял он. Купив у паренька Mercure de France, Робеспьер присел за столик к Марату. Тот что-то писал в блокноте.

— Все прошло отлично, — весело сказал Робеспьер, наливая себе кофе. "Национальная Ассамблея, это сборище слабаков, конечно, блеяло о человеческих жертвах, но революций без жертв не бывает. Бурбон пошел на то, чтобы вернуть Неккера на его пост. Он уступил, а это значит, что он будет уступать и дальше".

Марат затянулся трубкой: "Пока Бурбон сидит в Версале, мы его не можем контролировать. Надо перевезти его, и семью сюда, в Тюильри, чтобы он был под присмотром. Вот только как?"

Робеспьер зевнул и рассеянно ответил, глядя на подмастерье, из пекарни, что бежал куда-то с корзиной, полной свежевыпеченных булок:

— К осени в Париже будет гораздо меньше продовольствия, мой друг. Крестьяне, вместо того, чтобы сеять — бунтовали, урожай, — он усмехнулся, — пострадает. Устроим марш голодных на Версаль, соберем женщин, детей — в них стрелять не будут. После этого Национальная Ассамблея покорнейше попросит его величество переехать в столицу, опасаясь за безопасность монарха. Вот и все, — он откусил кончик сигары. Выплюнув его на булыжники тротуара, Робеспьер чиркнул кресалом.

— Конституция, — пробормотал Марат, захлопывая блокнот. "Боюсь, что когда Бурбон подпишет ее статьи — вся Национальная Ассамблея разъедется по домам. Кроме нашего маленького клуба, — он поднял бровь.

Робеспьер затянулся сигарой. Разглядывая высокого, тонкого, рыжеволосого юношу в трауре, что шел к церкви Сен-Сюльпис, он мимолетно подумал: "Я его видел. Вот же память у меня, как с тем голосом, что я слышал, с теми бандитами — помню, что знакомый, но не помню — откуда. И этого тоже, — он проводил взглядом коротко стриженую голову, — видел. Вспомню, — успокоил он себя, и допил кофе:

— Моя цель, как ты знаешь — свержение монархии и установление республиканского правления. Пока голова Бурбона не будет красоваться на пике, — мужчина тонко улыбнулся, — я не успокоюсь, Жан-Поль. А что газеты? — он развернул большой лист. "Молчат о случившемся?"

Марат расхохотался. "Ни единого слова. Подожди, — он похлопал по блокноту, — скоро Национальная Ассамблея получит мою статью: "Рассуждение о недостатках английской конституции". А в сентябре я начну издавать наш листок, пусть он будет небольшой — но наш"

— Очень хорошо, — Робеспьер откинулся на спинку плетеного стула. "Национальная Ассамблея считает, что ничего лучше английской формы правления еще не придумали. Знаю я, — он внезапно, сдавленно выругался, — откуда у них эти настроения. Герцог Экзетер, наверняка, не скупится на золото для наших депутатов".

Марат посмотрел на упрямый подбородок соседа — он внимательно читал газету, и лениво ответил: "Ничего, как только мы издадим указ о врагах народа — Экзетер отсюда сбежит. Поверь мне, Максимилиан".

Робеспьер поднял холодные, голубые глаза: "Не сбежит, Жан-Поль. Не такой он человек. Ладно, — он поднялся, и, оставив серебро на столике, потрепал Марата по плечу, — громи англичан, не буду тебе мешать. Я по делам".

Он шел к нотариальной конторе, вспоминая обведенное траурной рамкой объявление: "Месье Питер Кроу с глубоким прискорбием сообщает о смерти своей возлюбленной жены, Жанны, урожденной де Лу, 14 июля сего года, на тридцатом году жизни. Поминальная месса в церкви Сен-Сюльпис, 19 июля. Семейные похороны на кладбище Мадлен, в тот же день".

— Родами умерла, — понял Робеспьер. "Замуж успела выйти, кто же ее подобрал? Англичанин какой-то. Нет, своего сына я ему не отдам". Внизу, под объявлением о смерти, было еще одно: "14 июля сего года, у месье Питера Кроу и его жены Жанны, урожденной де Лу — сын".

Он позвонил в дверь нотариуса: "А отсюда — в префектуру. Этот Кроу, как иностранец — должен был зарегистрироваться в округе. Навещу его дома, и заберу ребенка. Надо будет, чтобы об этом в газетах написали. Можно придумать слезливую историю — гусыня меня обманула, а на смертном одре раскаялась и перепоручила мне дитя. Даже траур поношу, не жалко. Черный цвет мне идет".

Робеспьер поправил красиво завязанный, шелковый галстук. Дождавшись, пока ему откроют, он ступил в пахнущую пылью переднюю.

Столовая на набережной Августинок была затянута черным крепом. Марта передала Констанце поднос: "Постарайся, чтобы они поели что-нибудь. Тетя Тео шестой день на ногах, и дядя Теодор тоже. Скажи ему, тихо, — пусть домой идет, отоспится. Мы же все здесь".

— Он не пойдет, сами знаете, — мрачно сказала Констанца, выходя в коридор.

— Да, — Марта вздохнула, посмотрев ей вслед, — не пойдет. Сидит, за руку Тео держит. Она, бедная, в церкви и на кладбище — еле стояла. Она Жанну любила, конечно.

Дверь неслышно открылась, и она почувствовала на плечах крепкие руки мужа. "Заснул Питер, — шепнул он. "Я ему сказал — пусть отлежится, и Теодор его до Кале проводит. Не надо сейчас одному по стране ездить". Марта ощутила, как герцог замялся и твердо сказала: "Мы останемся здесь, даже и не спорь. Ты же сам говорил — тебе нужна моя помощь".

Джон потерся лицом о ее шею. "Помощь нужна, — согласился он. "Кто-то должен шифровать, передавать информацию — тем более, сейчас. Король, наконец, согласился с моими доводами — отправляет графа д'Артуа и еще кое-какое высшее дворянство за границу. Герцогиню де

Полиньяк тоже, — он внезапно рассмеялся. "Она все еще на меня косо смотрит, после того, как я не пришел на назначенное ей свидание. Я тебе рассказывал".

— Помню, — Марта вдохнула запах ветивера и погрустнела. "С ребенком тогда придется подождать, — сказала она тихо, взяв его руку, целуя ее. "А жаль".

— Года два, не больше, — уверил ее Джон. "Людовик подпишет Конституцию, устроят выборы в Национальную Ассамблею, и все тут успокоится. А Бастилия, — он показал на правый берег и пожал плечами, — что делать, всегда находятся какие-то смутьяны. У нас в Англии тоже так было".

— У вас в Англии отрубили голову королю, — вздохнула Марта. Джон обнял ее: "Тут такого не случится"

— Мишель такой хорошенький, — раздался с порога восторженный голос Элизы. "Я помогала кормилице его купать, мама, он уже не худенький. Мадам Ланю сказала, что он все время только и делает, что ест и спит".

— Так и надо, — улыбнулась Марта. Увидев вернувшуюся Констанцу, женщина подогнала семью: "За стол, вам же потом опять — в Версаль ехать".

Едва лакеи разлили летний, легкий суп из спаржи, как Франсуа постучался в дверь столовой: "Простите, ваша светлость, там из префектуры пришли". Марта увидела холодок в его серых глазах и подумала: "Не может быть. Мы же проверили, — письма у Робеспьера не было. Что ему тут делать? Питер скажет, что Мишель — его сын, вот и все".

— Я позову мадемуазель Бенджаман — коротко ответила Марта и поднялась.

Робеспьер посмотрел на траурные венки, что висели на стенах прихожей. Повернув голову, он натолкнулся на холодный, уверенный взгляд охранника. Тот стоял, закрывая собой дверь, что вела во внутренние комнаты.

— А у нас солдаты, — смешливо хмыкнул Робеспьер. "Целый наряд внизу ждет. Во Франции хорошо защищают права законного отца. Впрочем, если ребенок здесь, по месту регистрации этого Кроу, то я его забирать не буду. Пусть остается под опекой мадемуазель Бенджаман, мне это только на руку. Ей придется меня видеть, говорить со мной…"

Дверь распахнулась и в переднюю вышла высокая, величественная женщина в глубоком трауре. На темные волосы была накинута черная мантилья из брюссельского кружева. Запахло розами, и низкий голос требовательно спросил: "В чем дело, месье префект?"

— Мадемуазель Бенджаман, — низенький человек откашлялся и обреченно подумал: "Господи, нашел же время этот месье Робеспьер. Только что бунт подавили. Тут, в квартире, в трауре все, а он лезет со своими отцовскими правами. Какая она красавица все-таки, мадемуазель Бенджаман. Надеюсь, к осени все успокоится и театры откроют сезон. Надо будет кресло в партере взять, на первый же ее спектакль".

— Мадемуазель Бенджаман, — префект вытер лоб шелковым платком, — депутат Национальной Ассамблеи, месье Максимилиан Робеспьер утверждает, что в вашей квартире находится его новорожденный сын. Дитя безвременно ушедшей, — префект опять покашлял, — мадам Жанны де Лу.

— Мадам Жанны Кроу, — спокойно поправила его женщина. "Мишель, действительно, здесь, однако он сын месье Питера Кроу, так что, — она указала пальцем на дверь, — прошу вас уйти".

Тео едва сдерживалась, чтобы не подойти к Робеспьеру и не отвесить ему пощечину — он стоял, опираясь на стол, разглядывая ее.

— Я, собственно, — тонкие губы мужчины улыбнулись, — совершенно не возражаю, чтобы мой ребенок находился в добрых руках мадемуазель Бенджаман. Весь город знает, какая нежная дружба связывала ее и мою бедную, покойную Жанну, — Робеспьер смахнул слезу с глаз. "Я просто, месье префект, настаиваю на родительских посещениях, вот и все. Отец должен видеть своего сына. Разумеется, я буду оплачивать кормилицу, нянь и так далее, — добавил он, наслаждаясь гневным румянцем на ее смуглых щеках.

Тео подышала и дернула гранатовым ртом: "Мишель — не ваш сын, месье Робеспьер, потрудитесь покинуть мой дом".

— Столько шума из-за младенца, которому едва неделя исполнилась, — незаметно вздохнул префект. "Настойчивый этот месье Робеспьер, ничего не скажешь. Надо почитать его речи. Франции сейчас нужны такие люди — упорные и умеющие добиваться своей цели. И отец хороший, таким и должен быть лидер нации".

Из-за двери раздался шорох, какая-то женщина приглушенно вскрикнула: "Теодор, не смей!", бронзовая ручка задергалась. Робеспьер услышал знакомый, холодный голос: "Я его с лестницы спущу, а Франсуа и Робер — с удовольствием мне помогут".

Огромный, рыжеволосый мужчина шагнул в переднюю. Посмотрев сверху вниз на Робеспьера, засунув руки в карманы сюртука, он велел: "Немедленно вон отсюда!"

Робеспьер со значением посмотрел на префекта. Тот развел руками и помахал какими-то бумажками: — Вот свидетельство, что месье Робеспьер признает себя законным отцом ребенка мадам Кроу, а вот и письмо мадам Кроу, тогда еще, — префект покраснел, — де Лу, в котором она называет месье Робеспьера…

— Отцом своего будущего младенца, — спокойно помог ему Максимилиан. Он увидел, как Тео и месье Корнель обменялись взглядами и сладко сказал: "Письмо лежало у моего нотариуса, разумеется. Я не храню важные документы в квартире. И это копия, — он заметил, как сжалась большая рука Корнеля, — даже если вы ее порвете — ничего страшного".

Префект решительно взял треуголку, что была зажата у него под мышкой, и насадил ее на голову. "В случае неповиновения, — заявил он, — мы уполномочены изъять дитя, мадемуазель Бенджаман, и установить над ним единоличную отцовскую опеку".

— Одно мгновение, месье префект, — улыбнулась она. Схватив Теодора за рукав сюртука, женщина втащила его обратно в коридор. Марта и Джон ждали, прислонившись к стене.

— Письмо было у нотариуса, — зло сказала Тео и заметила глаза охранников. "Это не ваша вина, Робер, Франсуа, дорогие, — спохватилась она. "Никто не мог такого предусмотреть".

— Могли, — мрачно отозвалась Марта и увидела, как муж пожимает плечами: "И что бы мы стали делать? Взламывать конторы всех нотариусов Франции? Надо его пустить к ребенку, — твердо добавил Джон, — иначе он тут никого в покое не оставит. Пусть Робер и Франсуа за ним присматривают, пока он тут, вот и все".

— Я не могу его видеть, — горько сказала Тео, махнув рукой. "Пусть приходит, но меня при этом не будет, никогда, — она помотала головой. Марта, потянувшись, коснувшись ее плеча, что-то шепнула.

— Вот, — обрадовалась Тео, — правильно. Месье Корнель, — она повернулась к Федору и поняла: "Я его все еще за руку держу. Так привыкла, за эти дни. И о памятнике он тоже позаботится, он обещал. Питер так Жанну с кольцом и похоронил, не хотел снимать. Бедный, тоже — так плакал".

— Месье Корнель, — повторила женщина, — вы же можете побыть с Мишелем, когда…

— Я же вам сказал, мадемуазель Бенджаман, — удивился Федор, — я всегда буду рядом. Я сделаю все, о чем вы меня попросите, конечно.

Дверь в конце коридора заскрипела, и они услышали голос Питера: "Что случилось?"

— Ты только не волнуйся…, - начал Джон. Питер, подойдя к ним, надел очки. "Это кто? — процедил он, указывая на мужчин в передней.

— Префект нашего округа и месье Максимилиан Робеспьер, — устало ответила Тео. "Они пришли за Мишелем".

— Питер, — предостерегающе сказал Джон. "Питер, не надо!"

Но было поздно — его губы побледнели и он распахнул дверь. "Меня зовут месье Питер Кроу, — медленно, сквозь зубы, сказал Питер, поправляя очки. "Вы, как я понимаю, месье Робеспьер?"

Тот изящно поклонился и окинул взглядом невысокого, хорошо сложенного, мужчину: "Ему еще сорока нет. Виски уже все седые, надо же. Глаза, какие синие. Богач, сразу видно, рубашка шелковая, запонки с бриллиантами. Зачем ему эта корова понадобилась, да еще и с чужим приплодом?"

А больше он ничего не успел подумать — хлесткая пощечина обожгла ему щеку. Англичанин вежливо сказал: "Я вам пришлю письмо, месье Робеспьер, о нашей следующей встрече. Всего хорошего, — золоченая дверь закрылась, и они с префектом остались одни, в пустой, пахнущей розами, прихожей.

Над лужайкой в Булонском лесу еще висел легкий, невесомый туман. Распевались птицы, пахло влажной землей — ночью шел дождь. Питер привязал лошадь к дереву. Потрепав ее по холке, нагнувшись, мужчина сорвал какой-то цветок.

— А ведь я так хотел, чтобы осенью Жанна и маленький были уже дома, — горько подумал он. "В Мейденхеде, там бы еще розы не отцвели. Сидели бы в саду…, - он вспомнил жаркую, майскую ночь в Венсенне, распахнутые окна и свой тихий, ласковый шепот: "Сделаем детскую, сразу же. Найму слуг, а ты будешь только отдыхать, и кормить, любовь моя".

Жанна приподнялась на локте, и положила ладонь на свой высокий, аккуратный живот: "И готовить буду, к твоему приезду".

— Утку, — он поцеловал нежную щиколотку и стал подниматься выше. "Гуся. Луковый суп. Форель в миндальном соусе. Мильфей, — он улыбнулся: "Я все, думал — какая, ты на вкус.

Такая же сладкая".

Тонкие пальцы гладили его по голове, он слышал ее приглушенные стоны, а потом Жанна велела: "Иди сюда". Устроив его рядом, она рассмеялась, прикусив губу. Разметав по сторонам распущенные, белокурые волосы, Жанна наклонилась над ним. "Я люблю тебя, — выдохнул Питер, закрывая глаза, вдыхая запах фиалок, окутывавший ее, чувствуя под руками ее теплые, гладкие плечи.

Он повертел в руках цветок и услышал голос Теодора: "Правильно оделся, я же тебе говорил — никаких открытых жилетов, никаких белых рубашек".

Мужчина оглядел его строгий, темный сюртук, и, держа в руках футляр с пистолетами, хмыкнул: "Может, он и не приедет еще. Я ведь тоже — хотел его на дуэль вызвать, той осенью. Марта отговорила. Может, испугается".

— Очень надеюсь, что нет, — холодно ответил Питер, протирая очки кусочком замши. "Стрелять буду без них, — решил он. "Тут десять шагов. Я и так все увижу, что мне надо".

— Если первый выстрел не станет смертельным, и не будет ранений, — Теодор помолчал, — то у вас останется еще два. Больше трех не принято, я тебе говорил, в тире еще.

— А ты дрался? — вдруг спросил Питер.

— Раз пять, — улыбнулся его секундант. "Сам понимаешь, за мадемуазель Бенджаман больше постоять некому, как Дэниел уехал. Только я остаюсь, а среди ее поклонников разные люди попадаются, — он поморщился. "Но никого не убивал, — добавил Федор, — до первой крови. С этим, — он прищурился и посмотрел на дорожку парка, — у вас все серьезнее будет".

Питер вспомнил голос Джона: "Если ты его убьешь — ты окажешь Франции большую услугу, поверь мне. В секунданты он, наверняка этого Марата возьмет. В случае смертельного исхода тот сразу побежит в префектуру — ты все-таки иностранец, а Робеспьер депутат, политик. Поэтому оттуда езжай домой, в Париже и не появляйся. Теодор тебя проводит до Кале. Потом, как все уляжется — можешь вернуться".

— Вот они, — тихо сказал Федор.

— Завещание я изменил, — Питер снял очки и отдал их секунданту. "Как Жанну похоронили, сразу в посольство сходил. Все Майклу остается. Джона и Джованни — в опекуны. Мальчику четырнадцать лет всего лишь, пока он еще в Кембридж поступит, пока закончит..., Инженером будет. Тоже хорошо".

— Врач тут, — профессор Бойер сошел на лужайку. Пожав мужчинам руки, он усмехнулся: "Вы с ним одного роста, месье Кроу, так что будете на равных".

Они услышали стук копыт. Марат, спешившись, не поздоровавшись, сухо сказал: "Пистолеты выбираются по жребию, месье Корнель, извольте проверить наши. Давайте, — Марат принял их футляр.

— Все в порядке, — наконец, сказал Федор. "Действительно, — подумал он, глядя на то, как Бойер подбрасывает вверх золотой луидор с профилем короля Людовика, — ничего с пистолетами они не делали. Да и не стали бы — Робеспьер знает, что я в оружии разбираюсь, меня не обмануть".

Монета засверкала в лучах рассвета. Федор велел: "Берите пистолеты и расходитесь, господа. Десять шагов, потом оборачиваетесь и стреляете по сигналу — как только видите, что я выбросил платок".

Питер почувствовал в нагрудном кармане сюртука что-то твердое: "Как это Теодор сказал? Если икона тебе не поможет, то хотя бы, не помешает. Пусть лежит. Прямо у сердца. И крестик со мной, — он быстро положил руку на свой галстук.

Питер заметил ненавидящий взгляд Робеспьера — тот был в неприметном, темном сюртуке. Подняв пистолет, Питер отвернулся.

Расстояние было отмечено двумя шпагами. Дойдя до своего клинка, Питер остановился. "Отлично, — подумал он, — правильно я решил — очки не надевать. Да и сейчас бы их потом залило, — он почувствовал капли у себя на лбу.

Робеспьер стоял совсем близко — невысокий, легкий, его волосы шевелил ветер. "Белый тигр, — вспомнил Питер. "У того такие же глаза были — как лед. Голубые, холодные".

Он увидел, как на зеленую траву опускается что-то светлое. Шагнув навстречу противнику, он выстрелил. Питер услышал крик боли. Потом что-то быстрое толкнуло его в грудь. Питер пошатнувшись, выронив пистолет, поднес руку к сюртуку. "Какая она горячая, — подумал мужчина, падая на землю. Испачканная кровью рука скребла по лужайке. Он еще успел увидеть черную, большую птицу, что парила над ними.

— Ворон, — пронеслось у него в голове. Он выдохнул, и, опустив веки, погрузился во тьму.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

mir-knigi.org